

А. Е. Пръеняковъ.

ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Очерки по исторіи XIII-XV столѣтій.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Я. Башмаковъ и К°. (Надеждинская, 43).

1918.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1
Введеніе	1
1. Исторіографическія замѣтки	1
2. Ростовско-Суздальская земля въ XII—XIII вѣкахъ	26
Г л а в а I. Владимірское великое княженіе и вотчинныя княжества въ XIII вѣкѣ	48
Г л а в а II. Борьба Твери и Москвы за великое княженіе „всѣя Руси“	102
Г л а в а III. Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты	186
Г л а в а IV. Московская вотчина потомковъ Калиты	190
Г л а в а V. Тверская вотчина потомковъ в. к. Михаила Ярославича	191
Г л а в а VI. Рязанское великое княжество	223
Г л а в а VII. Нижегородское великое княжество	259
Г л а в а VIII. Великокняжеская политика потомковъ Калиты	283
Г л а в а IX. Крушеніе удѣльно-вотчиннаго строя	325
Г л а в а X. Собираніе власти	408
Выводы	457
Поправки	459

Немного въ этой книгѣ «новаго». Она трактуеть тему, достаточно избитую, на основаніи матерьяла, давно изданнаго, общеизвѣстнаго. Ея задача возстановить, по возможности, права источника и факта въ представленіи объ одномъ изъ важнѣйшихъ явленій русской исторіи—образованіи Великорусскаго государства. Ранняя исторія сѣверовосточной Руси стала въ нашей историографіи жертвой теоретическаго подхода къ матерьялу, который обратилъ данныя первоисточниковъ въ рядъ иллюстрацій готовой, не изъ нихъ выведенной схемы. Поэтому, съ одной стороны, не мало этихъ данныхъ, не подходившихъ къ принятымъ схемой положеніямъ, осталось внѣ вниманія историковъ, внѣ ихъ обобщеній, а, съ другой, широкія обобщенія схемы не считались съ хронологической послѣдовательностью основныхъ явленій. изучаемой эволюціи и разрывали подлинную связь ихъ между собой. Попытка полюбѣе использовать фактическій матерьялъ при иѣкоторомъ вниманіи къ хронологическому моменту измѣнила всю историческую перспективу эпохи и представленіе о характерныхъ ея чертахъ. На первый планъ выдвинулась сила «великокняжеской» традиціи, иными представились понятія «удѣла», «вотчиннаго княжества», иной и вся эволюція междукняжескихъ отношеній. Иначе пришлось подойти и къ источникамъ. Княжія духовныя и договорныя грамоты раскрываютъ подлинный свой смыслъ только при условіи изученія каждой въ связи съ создавшими ее отношеніями, а взятыя внѣ исторической обстановки, использованныя, притомъ, для отвѣта на вопросы, какихъ онѣ въ виду не имѣли—онѣ ведутъ къ ложнымъ выводамъ, какія имъ навязаны традиціонной историографической схемой. Лѣтописные своды, при безразличномъ пользованіи разными ихъ типами и редакціями, безъ учета создавшихъ эти типы и редакціи тен-

денцій и книжническихъ точекъ зрѣнія, не даютъ всего, что могутъ дать, и что существеннѣе, позволяютъ предпочесть позднюю и нарочитую передѣлку текста подлинному, первоначальному историческому свидѣтельству; такъ часто и бывало, потому что Никоновская лѣтопись и зависящій отъ нея текстъ Татищевской «Исторіи» лучше иллюстрировали принятую схему.

Предлагаемые «очерки» касаются только внѣшней исторіи образованія Великорусскаго государства—ея междукняжескихъ отношеній и развитія великокняжеской политики. Внутренняя, организаціонная работа великокняжеской власти осталась внѣ ихъ задачи, какъ особая сложная тема, разработка которой и по существу и по состоянію матерьяла едва ли отдѣлима отъ углубленнаго изученія внутренняго строя Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, въ эпоху, на порогѣ которой остановилось изложеніе «очерковъ». Поэтому, они примыкаютъ только къ первой половинѣ книги того же автора: «Княжое право въ древней Руси».

Появленіемъ въ свѣтъ эта книга обязана Археографической Комиссіи, принявшей ее въ составъ своей «Лѣтописи занятій». Съ глубокой признательностью помню цѣнное личное содѣйствіе С. Ѳ. Платонова и правителя дѣлъ Комиссіи В. Г. Дружинина.

Въ заключеніе прошу читателей извинить меня за плохую корректуру и предварительно исправить указанныя важнѣйшія опяски и печатки.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Исторіографическія замѣтки.

Въ 1904 г. М. С. Грушевскій выступилъ, по повелу предпринятаго Императорской Академіей Наукъ изданія «Славянской Энциклопедіи», съ рѣшительнымъ отрицаніемъ обычной схемы русской исторіи и сдѣлалъ попытку поставить по новому вопросу о рациональномъ построеніи исторіи Восточнаго Славянства ¹⁾. Подъ «обычной схемой русской исторіи» М. С. Грушевскій разумѣетъ порядокъ изложенія, принятый въ «общихъ курсахъ» и учебникахъ русской исторіи отъ доисторическихъ судебъ восточной Европы и ея неславянскаго населенія, черезъ расселеніе славянъ, образованіе Кіевского государства и его исторію до второй половины XII вѣка, къ великому княжеству Владимірскому и къ исторіи Московскаго государства, и, далѣе, къ Россійской Имперіи XVIII и XIX вѣковъ. Въ такомъ изложеніи исторія русскаго юга и запада, земель украинско-русскихъ и бѣлорусскихъ, остается внѣ кругозора, и лишь дозволено внѣшне и случайно вовлекаются въ него отдѣльные ея моменты, какъ Галицкое государство Данила, образованіе великаго княжества Литовскаго и его унія съ Польшой, перковная унія, казацкія войны, дѣянія Хмельницкаго.

Съ точки зрѣнія своихъ этнографическихъ воззрѣній, М. С. Грушевскій полагаетъ, что задача «обычной» схемы — построить «обще-русскую» исторію невозможна по существу, такъ какъ нѣтъ никакой «общерусской» вѣрности, а на очереди — иная научная задача — построение, съ одной стороны, исторіи украинскаго народа ²⁾, а, съ другой, исторіи великорусской. Крайне нераціональнымъ представляется ему соединеніе въ одной схемѣ древней исторіи южно-русскихъ племенъ, т. е. Кіевскаго государства съ исторіей Владиміро-Московской Руси XIII—XIV вв. Оно отрываетъ отъ южно-

¹⁾ «Звичайна схема русскої исторії в справахъ раціонального укладу исторії Східного Словянства», въ сборникъ «Статті по Славяновѣднню», изд. Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, вып. I, подъ ред. В. И. Ламанскаго. Сиб. 1904.

²⁾ Это М. С. Грушевскій блестяще выложилъ въ своей обширной «Исторії України-Руси» и въ «Очеркѣ исторії Украинскаго народа».

русской истории ее начало, чтобы пристегнуть его к северному продолжению. А, между тем, «киевский период» перешел не во владимиро-московский, а в галицко-волинский XIII в., потом литовско-польский XIV—XVI в.

Северо-восточная Русь не была, по мнению М. С. Грушевского, «на наследницей, на преемницей» Руси Киевской, а «выросла на своем корню». Их взаимоотношение М. С. Грушевский готов уподобить отношениям между римской империей и галльскими провинциями: «киевское правительство пересадило в великорусские земли формы социально-политического строя, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева» — и только. Отсюда вывод: «история великорусской народности остается, собственно, без начала; история образования великорусской народности остается до сих пор не выясненной, потому что за ее историей начинают следить с середины XII века»; не поставленной остается и проблема изучения «рецепции и модификации на великорусской почве киевских социально-политических форм, права, культуры».

Многим из читателей великороссов точка зрения М. С. Грушевского может показаться парадоксальной, так как разрушает она привычное представление о «единой» истории «единого» русского народа. Однако она вовсе не так исключительна, как может на первый взгляд показаться. Напротив, не будет преувеличением назвать ее, во многом, характерной и для нашей «великорусской» историографии. Обусловленная у М. С. Грушевского потребностью ограничения украинской истории, в ее цѣломъ, отъ истории Великороссии, она может опереться на ряд выводов и суждений, принятых и разработанных в трудах «общерусской» исторической литературы.

Почетными историографическими судьбами критикуемой М. С. Грушевским «обычной схемы» русской истории. В вопросе о ее генезисе М. С. Грушевский примыкает к выводам П. Н. Милюкова: «схема эта стара, говорит он, она получила свое начало в историографической схеме московских книжников, и в основу ее лежит генеалогическая идея—генеалогия московской династии».

П. Н. Милюкову принадлежит весьма ценное указание на эту «историографическую схему московских книжников» и ее определяющее влияние на развитие русской истории у наших историков XVIII и XIX столетий¹⁾ Влияние это усмелено одним условием, понятием парадоксальным, которое П. Н. Милюков мягко охарактеризовал в таких словах: «когда в прошлом столетии русская историография начала постепенно осмысливать свои источники,—источники эти встретили исследователя со своими, готовыми взглядами, сложившимися вѣками; не мудро, что эта готовая нить, представлявшаяся самим источником, вела исследователя по проторенным путем»

¹⁾ «Главные течения русской исторической мысли», М. 1897 (3-е изд. 1913 г.).

и складывав для него историческіе факты въ тѣ же ряды, въ какіе эти факты уложались въ свое время въ умы современниковъ; такимъ образомъ, исследователь воображалъ дѣлать открытія, осмысливать исторію,— а, въ сущности, онъ шелъ на плечахъ нашихъ философовъ XV и XVI столѣтія¹⁾. Два обстоятельства ослабили плодотворность этого наблюденія, П. Н. Милюковъ связалъ свое изученіе московской исторической теоріи только съ вопросомъ о «происхожденіи исторической схемы Карамзина и его предшественниковъ» и отбросилъ далеко не всѣ ея элементы, оказавшіе глубокое воздѣйствіе на представленія ученыхъ историковъ XIX вѣка о древне-русскомъ прошломъ. Трудъ П. Н. Милюкова остался, къ сожалѣнію, не законченнымъ, иначе мы получили бы отъ него, безъ сомнѣнія, болѣе полную оцѣнку воздѣйствія московской книжнической историографіи на труды не только историковъ XVIII в. и Карамзина, но и на построенія С. М. Соловьева съ его продолжателями.

Изъ элементовъ этого воздѣйствія, указанныхъ П. Н. Милюковымъ, наиболѣе существеннымъ и устойчивымъ оказалось установленіе «идеи тождества и наследственной связи московской и кievской государственной власти», какъ «исторической аксіомы». «Аксіома» эта была использована московской властью во времена Ивана III и Василія Ивановича для обоснованія притязаній Москвы на все наследіе князей Рюрикова рода: въ спорѣ съ литовскими великими князьями московская дипломатія ссылается отъ имени своихъ государей на то, что «вся русская земля, Божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей ваша вотчина»—и Киевъ, и Смоленскъ, и Полоцкъ, и Витебскъ, и «иные городы». Выступая съ такими притязаніями, «московскіе дипломаты поставили русской политикѣ цѣль, которая удалось осуществить только черезъ два съ половиною столѣтія. Вотъ въ этихъ то «политическихъ идеалахъ московскихъ дипломатовъ XV вѣка», въ нихъ стремленіи такъ широко опредѣлять «задачи будущаго», что подобная программа представляется—для ихъ времени—выходящей далеко за предѣлы достижимаго,—П. Н. Милюковъ видитъ самый источникъ возрѣнія на «наследственную связь» московской и кievской государственной власти. Не буду сейчасъ останавливаться на выясненіи, насколько корни этой «исторической аксіомы» московскихъ книжниковъ XV—XVI вв. глубже и старше, а самое ея «генеалогическое» освѣщеніе въ духѣ московскихъ вотчинно-династическихъ притязаній и ея приѣніеніе въ дипломатической перепискѣ—лишь дальнѣйшее развитіе весьма старой традиціи.

Пока отбѣчу лишь тѣ историографическія построенія, которыя были вызваны въ нашей научной литературѣ потребностью наполнить «схему» реальнымъ историческимъ содержаніемъ, а посвящены были истолкованію періода,

¹⁾ Указ. соч., стр. 158 (3-е изд., стр. 177).

«прожекуточного» между временами Киевской державы Владимира Мономаха и Мономахича Мстислава—и Московским государством Ивана III.

Историография XVIII в., завершенная трудом Карамзина, удовлетворялась, въ этомъ отношеніи, осужденіемъ практическихъ послѣдствій дробленія власти, сѣдѹя и тутъ, какъ указано П. Н. Милюковымъ, разсуденія грамоты Ивана III о вредѣ многовластія.

Первая наукообразная гипотеза, которая пыталась выяснить органическую связь сѣверо-русской исторіи съ кievскимъ прошлымъ—предложена М. П. Погодинымъ. Эта гипотеза отличалась большимъ формальнымъ достоинствомъ: она строила свое объясненіе соотношенія двухъ историческихъ моментовъ на глубокой основѣ этнографическаго единства преживавшей эти моменты среды—народной массы. Эта знаменитая погодинская гипотеза родилась подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ отъ наблюденія лингвистовъ, что въ языкъ письменныхъ памятниковъ Киевской Руси «не было ничего малороссійскаго вышшняго». Присоединивъ къ этому наблюденію соображенія о томъ, что бывшны кievскаго цикла «поются у насъ вездѣ—въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири», но не въ Малороссіи, Погодинъ пришелъ къ выводу, что въ Киевѣ надремле жило «великороссійское племя», по крайней мѣрѣ, что «великороссіанцы» были Поляне—населеніе «Кіева съ окрестностями», а затѣмъ эти «великороссіанцы»—«съ Юрьемъ Долгорукомъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую»: сюда «ушло» и здѣсь «размножилось собственно великороссійское племя»¹⁾.

¹⁾ Погодинъ набросалъ свои мысли и впечатлѣнія въ формѣ письма къ И. И. Срезневскому, которое появилось въ V т. «Извѣстій» Академіи Наукъ (1836 г.) и въ VII т. «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи» (стр. 410—442). Дальнѣйшая разработка исторіи русскаго языка и народной поэзіи вынесла неуловимость гипотезы о массовомъ переселеніи кievскихъ великороссовъ для объясненія тѣхъ явленій, которыя натолкнули на нее Погодина. Но гипотеза направлена на установленіе крупнѣйшаго историческаго факта, которое, однако, не опиралось ни на какія собственно историческія данныя. Погодинъ оперировалъ назвеной филологіей отождествляя церковно-славянскій языкъ съ древне-русскимъ, и настаивалъ на запускѣ кievскаго юга. Вокругъ послѣдняго вопроса и завязалась продолжительная полемика. Вибіографію всего вопроса см. у М. С. Грушевскаго въ I т. «Исторіи Украин-Руси», примѣтка 6, и у А. Н. Пыпина въ «Исторіи Русской Этнографіи» т. III. А. А. Спичинъ посвятилъ «теоріи массоваго переселенія придѣпровской Руси на сѣверъ» часть своихъ «Историко-филологическихъ разысканій» («Журналъ М-ства Народнаго Просвѣщенія», 1909 г., кн. I), гдѣ высказываетъ рядомъ краткихъ и мѣткихъ замѣчаній поразительную слабость обоснованія этой теоріи, которая продолжаетъ сильно вліять на ходъ представленія нашей исторической литературы. А. А. Спичинъ отвергаетъ всѣ основныя предпосылки этой теоріи: мнѣніе о томъ, что «въ X—XI столѣтіяхъ русское населеніе придѣпровья было значительнымъ», что «къ половинѣ XII вѣка придѣпровье сильно запустѣло», что переселеніе изъ кievской области направлялось, главнымъ образомъ, на сѣверъ и лишь отчасти на западъ», замѣчая,

Погодинская гипотеза, разъ принятая, была чревата глубокими послѣдствіями для всего хода историческихъ изученій. Она давала возможность широко пользоваться данными, которые извлечены изъ наблюдений надъ исторической жизнью русскаго сѣверо-востока въ позднѣйшія времена, въ XV и XVI вв., для объясненія явленій древне-русской, кievской жизни. Такова, напримѣръ, «попытка Погодина уяснить родовые княжескіе счеты счетами мѣстническими» ¹⁾, которая получила столь крупное значеніе въ построеніяхъ С. М. Соловьева, Н. Е. Забѣзна, В. О. Ключевскаго.

Погодинскому домыслу о массовомъ переселенческомъ движеніи населенія съ кievскаго юга на сѣверо-востокъ, какъ основной причинѣ усиленія Ростовско-Суздальской земли при Юрій Долгорукомъ и Андрей Боголюбскомъ, чрезвычайно повсѣстивилось въ нашей историографіи. Домыселъ этотъ остался въ ней прочной предположкой въ изложенія сѣверо-русской исторіи, даная вѣдше-удобный переходъ отъ «кievскаго» періода къ «владимірскому».

Однако, дальнѣйшая разработка исторіи сѣверо-восточной Руси направилась на выясненіе не связи ея съ прежней, кievской, а противоположности между ними. Съ «переходомъ» на новую территорію, въ новыхъ географическихъ и этнографическихъ условіяхъ русская исторія начинается какъ бы снзнова. Такая особенность нашихъ историческихъ представленій объясняется общепринятымъ сужденіемъ о сѣверо-восточной Руси XII в., какъ о странѣ «суровой и почти дикой», ²⁾ гдѣ на «почвѣ новой, дѣвственной» возникъ новый строй отношеній съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Боголюбскій оборвалъ традицію связи старѣйшинства въ землѣ русской («великаго княженія») съ золотымъ столбомъ кievскимъ; «сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей» ³⁾. Соловьевъ представлялъ себѣ сѣверо-восточную Русь обширной областью, гдѣ «возвышался

по поводу послѣдняго мнѣнія, что „возможность передвиженія придѣпровскаго населенія на далекій сѣверъ совершенно недопустима“. А. А. Спицынъ указываетъ противъ осмысли на „жворусскія“ названія населенныхъ мѣстъ, какъ на слѣды жворусской колонизаціи сѣвера, что „это названія правительственные, княжескія, а не народныя“, а противъ „весма князю построенаго“ В. О. Ключевскимъ предствленія о томъ, какъ прокладывалась „прямолиній“ путь съ юго-запада на сѣверо-востокъ, что „хронологія и исторія прямого пути изъ Чернигова на сѣверъ крайне не ясны и опираться на нихъ, какъ на доказательство чего бы то ни было, совершенно невозможно“. Вся эта теорія переселенія съ юга на сѣверо-востокъ, дѣйствиительно, никѣмъ не обосновывалась исторически, конечно, потому, что наши источники не даютъ никакихъ данныхъ для ея обоснованія. А ея исходныя положенія, взятые изъ исторіи русскаго языка и былинной поэзіи, должны считаться упрямленными послѣ трудовъ А. А. Шахматова и В. Г. Миллера.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 28.

²⁾ С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ М. 1846, стр. 17.

³⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, столб. 494 (изд. „Общ. Пользм“).

только одинъ городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ», — Ростовъ Великій, по которому и вся область получала названіе земли Ростовской. При Ярославі Владиміровичѣ Ростовъ причисленъ къ области южнаго Переяславля, какъ владѣніе Всеволода Ярославича. А дагѣ: «скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый; такимъ образомъ Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ». «Младшіе» города — построены и населены князьями; получить отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностию ¹⁾. Въ этомъ характерѣ сѣвернорусскихъ «младшихъ» городовъ Соловьевъ видѣлъ основное условіе развитія «новаго порядка», который онъ не считалъ возможнымъ называть «удѣльнымъ», по той причинѣ, что видѣлъ Русь, раздѣленную не на «удѣлы», а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей ²⁾; онъ и считалъ нужнымъ «исключить названія: удѣльный періодъ, удѣльная система изъ исторіи княжескихъ отношеній». Замѣчанія эти не получили, однако, признанія, такъ какъ и самъ Соловьевъ существенной чертой «новаго порядка», возникшаго на сѣверѣ, считалъ именно развитіе той формы княжескаго владѣнія, которое называлъ «удѣльнымъ». «Новые» города «по своему происхожденію, смотрѣли на князя, какъ на господина позволительнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую»; здѣсь утвердилось понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца; здѣсь «собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями, каждый князь смотритъ на себя какъ на отдѣльнаго владѣльца известной области, а не какъ уже на члена известнаго рода, известной линіи» ³⁾. Это владѣніе, уже не стѣсненное ограниченіями родового или семейнаго права, развившееся «когда понятія собственности, наследственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными» ⁴⁾, Соловьевъ называетъ удѣльнымъ, отождествляя удѣлъ съ «опричной»: «опричина употребляется иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную отдѣльную собственность» ⁵⁾. Удѣлъ — собственность князя,

¹⁾ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», стр. 17.

²⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. VI: «Отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; слѣд. названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также (какъ и по отношенію къ Кіевской Руси) не вѣрно, потому что не обънимаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній».

³⁾ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», стр. 19—20.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁵⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 331, пр. 3. Говорю «отождествляетъ», такъ какъ, по Соловьеву, всякій удѣлъ есть полная, отдѣльная собственность.

которую она может «располагать произвольно», в частности—по завещанию. Несмотря на такой «удильный» характер княжого владения, Соловьев не признает особого «удильного периода», так как видит в падении родовых отношений процесс постепенного торжества «отношений государственных». Как «отдельный владлец известной области», князь стоит во главе своего особого государства. Так по поводу съезда князей во Владимир в 1296 году Соловьев замечает: «этих съездов княжеских нельзя смешивать с прежними съездами родственников: теперь князья являлись не как братья, но как отдельные независимые владельцы»¹⁾. Когда Русь распалась на две части—юго-западную и северо-восточную, а вятичи, в северной Руси, «Тверь и Москва стали великими княжествами, Рязань и Нижний-Новгород поспешивали их пригнать, явились несколько особые родовые княжества, особые государства, независимые и враждебные друг другу»; при этом «родовые отношения князей между собою замкнулись отношениями их, как правителей к своим подданным, когда земля, область, город, привязаны к себе князя тесными узами собственности, сделаны его осидыми»²⁾. Идет упорная борьба между этими независимыми владельцами: «каждое движение князя было опасно для itself, ибо каждое движение было посягательством на чужую собственность». Но теперь на великорусском севере, эта борьба более содержательна исторически, чем прежние усобицы: «дело идет о том—быть государем всей Русской земли или слугой этого государя»³⁾.

Соловьевская схема русской истории, с одной стороны, узаконила, по своему, представление о традиционной магистрали русской истории, идущей из Киева через Владимир в Москву. «Первоначальная сцена русской истории, знаменитая водная дорога из Варяг в Греки, в конце XII века оказалась неспособною развить из себя крепкие основы государственного быта. Жизненные силы, следуя назначенному направлению, отклоняются от юго-запада к северо-востоку; народонаселение движется в этом направлении—и вместе с ним идет история». Конечно, от Соловьева не скрылось, что «история» не просто ушла с юга, а и там, по своему, продолжалась: «несправедливо, говорить о ней, в научном отношении неверно и односторонне, упускать из виду юго-западную Русь поспешив отклонения ее от северо-восточной, поверхностно только касаться событий ее история, ее быта», но полагают, что «также несправедливо, также неверно историю юго-западной Руси ставить на ряду с историей северо-

¹⁾ «История отношений между русскими князьями», стр. 280. В. И. Сергеевич перенес именно это представление на съезды Киевской Руси. «Древности Русского Права», т. II, стр. 242.

²⁾ «Объ отношениях Новгорода к вел. князьям», стр. 21.

³⁾ «История отношений», стр. 287 и 291.

восточной»¹⁾. Однако, благодаря именно Соловьеву, в нашей историографии укоренилось представление, что тотъ процессъ, который имъ осмыслился какъ переходъ родовыхъ отношеній въ отношенія владѣльческія и государственныя, начавшись на кievскомъ югѣ, разыгрался собственно въ Руси сѣверо-восточной. Выясненіе этого процесса получало одностороннее направленіе, такъ какъ оны оказался въ зависимости отъ мѣстныхъ сѣвернорусскихъ условий—по существу, какъ особенность сѣвернорусской исторіи. Соловьевъ видѣлъ, что «тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія» развились и въ южной Руси въ эпоху разложенія стараго кievскаго государства, но не использовалъ этихъ наблюденій для своихъ историко-соціологическихъ обобщеній, потому что призналъ эти явленія южно-русской исторіи какимя-то налетомъ иноземнаго вліянія, хотя и сознавалъ значеніе «обстоятельствъ историческихъ» для ихъ «необходимаго утвержденія»²⁾.

Такъ, съ другой стороны, Соловьевская схема скорѣе разрушала, чѣмъ углубляла представленіе объ органической исторической связи сѣвернорусской исторіи съ южно-кievской. Южно-русскія «родовыя» начала, перенесенныя на сѣверъ, попали въ условія, гдѣ имъ оставалось только болѣе или менѣе быстро погнотъ и разлагаться, по полному ихъ несоотвѣтствію отношеніямъ жизни на новинѣ завоваго колонизуемаго полудикаго края.

Схема эта обусловила особую постановку вопроса объ «образованіи Московскаго государства». Мысль историка, выясняющаго, какъ «родовыя отношенія смѣнялись государственными, спѣшить отъ Кіева къ Москвѣ. Для исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» важно одно: смѣна принциповъ, на которыхъ строилось ея единство. Тамъ, въ кievскую эпоху—«связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ». Тутъ, на сѣверѣ, образуется Московское государство на развалинахъ стараго «родового» строя»³⁾. Весь смыслъ періода, промежуточнаго между исторіей Кievской державы и государства Ивана III, въ разложеніи родовыхъ связей и усиленіи Москвы.

Моментъ перелома—въ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, который «пренебрегъ югомъ» и «началъ новый порядокъ вещей». Младшіе князья «ясно понимаютъ, что оны хотятъ пережить пренія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хотятъ обращаться съ ними не какъ съ равно-

¹⁾ «Исторія Россіи», кн. I, столб. 1343, 1116.

²⁾ «Тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились къ сѣверо-восточной Руси изнутри, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ были занесены извнѣ, но привились и утвердились необходимо, въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ» («Исторія отн. между русскими князьями», стр. 309).

³⁾ «Исторія Россіи», кн. I, столб. 1341—1346.

правными родственниками, но какъ съ подручными, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало по малу младшіе должны признать новыя отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные—государю». Задача историка выяснитъ, какъ образовались характеръ и взгляды Андрея—онъ потомецъ чуждаго южнымъ традиціямъ сѣвера,—а затѣмъ слѣдить за борьбой родовыхъ отношеній съ государственными, вплоть до ея завершения въ XVI в. полнымъ торжествомъ этихъ послѣднихъ. Къ государственному властвованію стремился Андрей и по отношенію къ боярамъ: онъ, по Соловьеву, ясно поставилъ задачу стремленія не только къ единодержавію, но и къ самовластію, въ духѣ самодержавія XVI вѣка ¹⁾, и погибъ въ столкновеніи съ враждебными силами. Но «переходъ отъ значенія великаго князя, какъ старшаго въ родѣ, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя»—осуществился, какъ скоро онъ получилъ «независимость отъ родичей» и «материальную силу». Первая создана развитіемъ тѣхъ самыхъ отношеній, которыя воспитали на сѣверѣ Андрея Боголюбскаго,—«господства владѣльческихъ отношеній съ презрѣніемъ родовыхъ счетовъ»; вторая—благоприятными условіями возвышенія Москвы. Положительной стороной историческаго процесса, пережитаго Сѣверной Русью въ XIV—XV вѣкахъ и осталось одно это «возвышеніе Москвы»; важнѣйшей задачей историка будетъ, поэтому, выясненіе его «причинъ».

Такъ Соловьевъ утвердилъ характерную для всей нашей историографіи подѣлку вопроса объ образованіи великорусскаго государства частными вопросомъ о «причинахъ возвышенія Москвы», съ перечня которыхъ обычно и начинается у насъ исторія московскаго государства. Впрочемъ, самъ Соловьевъ не сдѣлалъ этого роковаго шага, вѣрнѣе, ограничилъ его значеніе рядомъ широкихъ общихъ соображеній по поводу образованія русскаго государства. Онъ признаетъ это явленіе—органическимъ, т. е. такимъ, гдѣ «государства, при самомъ рожденіи своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать впоследствии; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются, обыкновенно, въ видѣмъ раздѣленія; потомъ это раздѣленіе мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется». При возникновеніи русскаго государства «страна была громадна, но пустыня; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро охватило племена, быстро намѣтило громад-

¹⁾ «Исторія Россіи», кн. I, столб. 664—635 и 666 (полемика съ Кавелинымъ и Сергѣевичемъ).

ную для себя область; но эта область попрежнему оставалась пустынною даннаго, кромѣ почвы, большею частію не было ничего,—нужно было все населить, все устроить, все создать». Насталъ «догдй, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго встаранія, окрѣпленія». Этотъ періодъ «началъ проходить для Руси», когда «образовалось крѣпкое государственное средоточіе»: сѣверо-восточная Русь собирается около Москвы. Такъ намѣчены въ отмеченной формулѣ широкія задачи изслѣдованія, которыя могли бы наполнить ее конкретнымъ историческимъ содержаніемъ: на тему о «внутреннемъ встараніи и укрѣпленіи», его факторахъ и условіяхъ, о ходѣ процесса, который привелъ къ образованію обширнаго и внутренне сплоченнаго русскаго государства. Важно, кажется, отмѣтить, что Соловьевъ ставилъ эту задачу, хотя, на дѣлѣ, выдвинулъ на первый планъ, при научеаніи собранія сѣверо-восточной Руси въ одно цѣлое, вопросъ о «причинахъ, почему оно собирается вокругъ Москвы», о «препятствіяхъ» и «пособіяхъ», какія встрѣтились московскимъ князьямъ въ ихъ стремленіи усилиться, подчинить себѣ остальныхъ князей, отбить Татаръ и Литву, увеличить свою власть надъ населеніемъ ¹⁾.

То, что Соловьевъ далъ въ конкретномъ историческомъ изложеніи, было уже его замысловъ. Въ этомъ можно усмотрѣть одну изъ основныхъ причинъ, почему и у критиковъ его и у его продолжателей образованіе московскаго государства оказалось явленіемъ, подлежащимъ не подѣ тотъ «видъ» образованія государства, подѣ который овъ самъ его подводилъ, а подѣ одну изъ намѣченныхъ имъ разновидности «образованія неорганическаго», когда государства «составляются наростаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей».

Еще въ 1834 году появилась въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета» ²⁾ статья Н. В. Станкевича: «О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III»; студенческая работа Станкевича разсматривалась позднѣе (Вешняковъ, Полежаевъ) какъ изложеніе мнѣнія проф. Каченовскаго. Ссылаясь на Герцена и Гизо, Станкевичъ беретъ исходнымъ положеніемъ изслѣдованія значеніе централизаціи, т. е. «совокупленія въ одно неразрывное цѣлое», какъ «перваго момента политической значительности народа», и «преобладанія одного города, одной области, одного владѣтеля надъ другими», какъ «перваго условія внутренняго соединенія, централизаціи». Отсюда важность «постепеннаго возвышенія Москвы», съ которымъ «тѣсно и неразрывно соединены ходъ Россіи къ политическому существованію». Работа Станкевича намѣтила остоу обычныхъ черезней причинъ возвышенія Москвы. Москва, «по всей фронтности, существованіемъ своимъ одолжена югу, какъ и всѣ города, ее окружающіе»; это послѣднее уже Станкевичъ

¹⁾ «Исторія Россіи», кн. I, столб. 1341—1346.

²⁾ Часть пятая.

доказываетъ тѣмъ, что «множество городовъ и урочищъ сѣверной Россіи носятъ одинаковыя названія съ южными». Затѣмъ выдвигается положеніе, что «Москва не одной личности князей своихъ одолжена своимъ возвышеніемъ», что «она не есть произведеніе одной изъ силъ, механически совокупившей разрозненныя дотогѣ области»; прочное господство Москва приобрѣла потому, что между нею и русскими областями была связь «болѣе естественная, органическая», которая сдѣлала Москву не только властелиницей, но и сердцемъ Россіи». Но далѣе идетъ вмѣсто анализа этой «органической связи», перечень «главныхъ условій» успѣха Москвы: географическое положеніе (центральное положеніе среди системы сѣверныхъ княженій, пригокъ переселенцевъ, большая безопасность отъ враговъ); нашествіе и господство монголовъ (отдѣленіе отъ южной Руси, опустошеніе Владимірскаго княжества, вкрадательство хановъ, обогащеніе данью); пребываніе митрополита въ Москвѣ (духовный центръ и поддержка московской политики духовной властью); характеръ князей, ихъ политика и внѣшнія отношенія ¹⁾. Такая постановка вопроса стала традиціонной, тѣмъ болѣе, что переработка Соловьевской схемы въ трудахъ К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина лишь укрѣпила и углубила основанія для представленія о полномъ разрушеніи въ сѣверо-восточной Руси въ XIII—XIV вв. традиціи политическаго единства и о возникновеніи его заново путемъ разростанія силы и владѣній московскихъ князей.

С. М. Соловьевъ потому отрицалъ научную пользу выдѣленія въ исторіи древней Руси особаго «судьбнаго» періода, что существенной призналъ для нея лишь смѣну двухъ системъ политическаго объединенія: родового троя междукняжескихъ отношеній въ Киевской Руси, которая не знала «отдѣльныхъ» владѣній, и—государственныхъ отношеній, которыми власть московскихъ государей сковала Русь сѣверную въ единое политическое цѣлое: распадъ Руси на двѣ части—сѣверную и юго-западную, раздѣленіе первой на рядъ независимыхъ возникшихъ княженій, дробленіе земель ея на «судьбы»—владѣльческія опричнины, все это оказалось только внѣшними моментами, не пригодными для построенія содержательной схемы русскаго историческаго процесса.

¹⁾ Въ 1850 г. историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета предложилъ для соисканія медалей такую тему: «на основаніи зѣлоисей и другихъ историческихъ источниковъ изложить причины постепеннаго возвышенія Государства Московскаго отъ начала его до установленія единодержавія, съ объясненіемъ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ перевѣсу его надъ окрестными княжествами и съ критическимъ разборомъ мнѣнія Карамзина и другихъ писателей по этому предмету». Удостоенная награды работа студ. Вл. Вешнякова («О причинахъ возвышенія Московскаго Княжества», Спб. 1851) и посвящена рѣшенію вопроса, «о причинахъ возвышенія и перевѣса надъ другими княжествами княжества Московскаго», выдвигая на первый планъ дѣятельность московскихъ князей.

Иначе взглянули на этот вопрос—историк юристы. К. Д. Кавелинъ придавъ моменту «отдѣльнаго владѣнія» особое значеніе, признавъ господство «вотчиннаго начала» въ устройствѣ и управленіи княжествъ существенной чертой строя русской политической и правовой жизни XII—XV вв., притомъ достаточно яркой и широкой для того, чтобы сыграть опредѣляющую роль въ периодизаціи русскаго историческаго процесса. Призывая, подобно Соловьеву, что «государственнымъ, политическимъ элементомъ однихъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси», Кавелинъ находитъ, что «исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій». Раздоженіе родового строя междукняжескихъ отношеній—древнѣйшей формы русскаго политическаго быта—ведетъ къ торжеству «вотчиннаго, семейнаго начала», при которомъ возникаетъ мысль, что «княжеская вотчина—наслѣдственная собственность, которую владѣлецъ можетъ распорядиться безусловно», а когда эта мысль окрѣпла,—то «территориальныя, владѣльческія интересы» вѣдуть вверхъ надъ кровными и родственными. Ихъ окончательная побѣда осуществляется съ уничтоженіемъ «удѣловъ» и объединеніемъ сѣверной Руси въ Московское государство. Соловьевскому домыслу о значеніи колонизаціи и «новыхъ городовъ» для разрушенія родового строя, Кавелинъ противопоставилъ утвержденіе, что «никакихъ сильныхъ переломовъ въ составѣ нашего отечества не происходило», а «всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родового быта». Въ знаменитыхъ статьяхъ своихъ, Кавелинъ далъ стройную схему этого органическаго развитія, логичная «органичность» которой, однако, прорѣзана признаніемъ за Андреемъ Боголюбскимъ исключительнаго значенія: благодаря особенностямъ воспитанія князя Андрея на сѣверѣ, въ «этомъ замѣчательномъ историческомъ явлѣніи впервые воплощается въ государственномъ бытѣ древней Россіи новый типъ—типъ вотчиннаго, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ нѣмѣй, типъ, который еще опредѣленнѣе высказывается потомъ въ его братѣ и преемникѣ, Всеволодѣ Георгиевичѣ, и развивается окончательно въ Москвѣ». Воплощеніе этого типа въ его окончательномъ развитіи Кавелинъ усматриваетъ въ Иванѣ Калитѣ и его преемникахъ, главная задача которыхъ «умножить число своихъ нѣмѣй», а великокняжеское достоинство—«лучшее средство для этой цѣли»; къ ней идутъ столь успѣшно, что «быстро обращалась Россія въ нѣхъ наследственную вотчину». На этомъ пути разрушаются кровныя связи—родовыя въ пользу семейныхъ, семейныя—въ пользу личныя—властнаго владѣльца земли, который отрицаетъ нѣхъ во имя идеи, «и эта идея—государство»¹⁾.

Б. Н. Чичеринъ, опять таки съ точки зрѣнія, что «существенное

¹⁾ К. Д. Кавелинъ, Собраніе сочиненій, т. I.

значение нашей истории состоитъ въ развитіи государства», на вопросъ «когда возникло русское государство?» дать отвѣтъ, исходящій изъ общаго положенія, что «нераздѣльность общества, территорія и верховной власти, однимъ словомъ единодержавіе составляетъ первое и главное условие государственнаго быта». Понятно, что мы можемъ, въ такомъ случаѣ, говорить о государствѣ лишь съ той поры, когда «устанавливается единодержавіе въ московской землѣ». Что касается «юридической формы» Руси до XV вѣка—то ее надо принять за «гражданское общество», а не за государство. Всѣ отношенія въ ней построены на началахъ не государственнаго, а частнаго права: на собственности и свободномъ договорѣ. Родовой бытъ, какъ основа всего общественнаго организма, господствовалъ у насъ до пришествія Варяговъ; господство это и самое «общественное» значеніе родовыхъ отношеній разрушены водвореніемъ на Русь власти варяжскихъ князей, и въ Киевской Руси всѣ отношенія определяются существованіемъ двухъ началъ, двухъ формъ частнаго права—собственности и свободного договора, которые «существовали рядомъ, не исключая другъ друга, но приходя въ постоянныя столкновенія, ибо въ сущности оны другъ другу противорѣчны». Ходъ древне-русской истории представлялся Чичерину въ такихъ существенныхъ чертахъ: «Южная Россія не сумѣла разрѣшить этого внутреннего противорѣчія жизни, вслѣдствіе чего она осуждена была на беснiе. Оно разрѣшилось на сѣверѣ, гдѣ оба начала раздѣлились и стали основой каждое для отдѣльной формы гражданскаго быта. Въ Новгородѣ и Псковѣ развилась вольная община; въ остальныхъ же областяхъ образовалось чисто вотчинное управленіе. Но вольная община исчезла у насъ, не оставивъ по себѣ слѣда; русское государство такъ же, какъ всѣ другія европейскія державы, образовалось изъ вотчиннаго элемента, ибо вотчинное право имѣло въ себѣ гораздо болѣе крѣпости, нежели свободный договоръ». Эпоха родового быта, господства кровныхъ связей, какъ единственной организующей общество силы, отнесена Чичеринымъ ко времени до-княжескому, до-историческому. «Средняя эпоха» между той, первобытной, и образованіемъ Московскаго государства—«имѣетъ свои жизненные начала», свою «систему общегитія, основанную на частномъ правѣ». Отличія Киевской и сѣверо-восточной Руси, строя жизни IX—XI и XII—XV вв. не имѣютъ принципиальнаго значенія: вотчинное начало водворилось въ русской жизни съ варяжскимъ завоеваніемъ, въ которомъ источникъ возрѣвѣла, что княженіе—вотчинная собственность князя, и вся земля—принадлежитъ князю. «Все различіе между первыми временемъ и послѣдующими состояло въ томъ, что пока сохранялось понятіе о единствѣ княжескаго рода, земля считалась принадлежностью цѣлаго рода, въ послѣдствіи же жизнь распалась, и каждый князь сталъ считать себя полнымъ хозяиномъ и владѣльцемъ своего участка»; «по мѣрѣ того, какъ затемнялась мысль объ общемъ родствѣ, уничтожалось и поня-

тіе о единствѣ владѣній, о повиновеніи одного князя другому». Страна распадается на рядъ обособленныхъ владѣній. «Князья московскіе, рязанскіе, тверскіе договариваются между собою, какъ совершенно самостоятельныя владѣльцы. Каждый князь стремится увеличить свой удѣлъ на счетъ другихъ, и это онъ дѣлаетъ не съ государственною цѣлью, а въ виду увеличенія собственности, умноженія доходовъ». Успѣхъ Москвы, союродившей на владѣльческой основѣ зданіе единоедержавнаго господства надъ сѣвѣрною Русью, создало русское государство. А разъ существенное значеніе нашей исторіи «состоитъ въ развитіи государства», то эта исторія, въ настоящемъ смыслѣ слова, и начинается съ возвышенія Москвы. Опираясь на историко-соціологическія размышленія Гизо, Чичеринъ полагаєтъ, что «всѣ народныя элементы въ средніе вѣка мы должны признать за выраженіе слабости или дикой силы». Напротивъ «первое возникновеніе разумной силы является въ князьяхъ-вотчинникахъ, которыхъ раздробленныя стремленія впослѣдствіи покорались единому центру, постепенно собравшему вокругъ себя всѣ разнообразныя элементы, изъ которыхъ сложилось Русское государство»¹⁾.

Нѣкоторое, и притомъ весьма существенное расширеніе задачъ и данныхъ для изученія историческаго процесса, приведшаго къ образованію Московскаго государства, находимъ въ трудахъ В. И. Сергѣевича. Изучая вопросъ, «какъ и въ чемъ образовалась территорія Московскаго государства?», Сергѣевичъ обрабатываетъ въ блестящемъ историческомъ очеркѣ «исторію Ростовской волости»; очеркъ этотъ, нѣсколько сжатый, вошелъ въ отдѣлъ «Древностей русскаго права», посвященный «государственной территоріи». Здѣсь этотъ выдвигаетъ политическую роль и особыя политическія тенденціи сѣверо-русскаго боярства, подготавливая развитіе мысли, высказанной В. И. Сергѣевичемъ еще въ 1867 году въ «тезисахъ» для магистерскаго диспута: «Московское государство есть созданіе вольныхъ бояръ и слугъ». Наблюденія Сергѣевича надъ ролью бояръ въ политическяхъ судьбахъ Великороссіи выводятъ вопросъ объ условіяхъ образованія Московскаго государства за рамки традиціонной схемы, которая по существу сводила изученіе этого процесса къ описанію работы московскихъ князей надъ «возвышеніемъ» Москвы и оцѣнкѣ условій, содѣйствовавшихъ ей успѣхамъ.

В. И. Сергѣевичъ останавливается съ особымъ удареніемъ на «первостепенной дѣятельности ростовскихъ бояръ» въ борьбѣ, которая разыгралась по убіеніи Андрея Боголюбскаго; усилія боярства двухъ старыхъ городовъ—Ростова и Суздаля—направлены на поддержку «единства Рос-

¹⁾ В. Н. Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858 (статья «Еще о сельской общинѣ», и «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей»).

товской волости», которое разбивалось «личными интересами князей». Острожно оговаривая, что вовсе не желает «навязывать Добрымъ Долгому съ товарищами дальновидныхъ политическихъ шаговъ», Сергѣевичъ признаетъ, что «будетъ, однако, односторонне объяснять стремленія лучшихъ людей Ростовской волости къ единству одними изъ эгоистическими побужденіями: невыгоды многокняжія съ неизбежнымъ его послѣдствіемъ— борьбою князей—были такъ очевидны, что лучшие люди могли желать единства волости и для блага земли». Ихъ тенденціями проникся князь Константинъ Всеволодовичъ, посаженный отцомъ въ Ростовъ: «Константинъ не смотритъ на владѣнія отца, какъ на частную собственность, которую хозяинъ можетъ дробить по усмотрѣнію; ему присуща мысль о недѣлимомъ политическомъ цѣломъ». Такъ «выгоды единвластїи, сознаваясь чуть не за сто лѣтъ до Ивана (Калиты) ростовскими боярами и настоятельно проводились ими въ жизнь». Отъ нихъ пошла традиція, сохранившаяся среди московскаго боярства, въ которомъ «большинство должно было состоять изъ бояръ великаго княженія Владимірскаго». Бояре «естественные сторонники объединительной политики»: «очевидно, среди нихъ живетъ еще старая идея о цѣлости Ростовско-владимірскаго волости, и вотъ они начинаютъ возстановлять старыя границы этой волости, то прогоняя наследственныхъ князей, то приводя ихъ въ зависимость отъ великаго князя»¹⁾.

В. И. Сергѣевичъ не поставилъ этихъ цѣнныхъ наблюденій ни въ какую связь съ традиціями кievскаго старѣйшинства. Установленіе такой связи противорѣчило бы его общему ученію о древне-русскомъ политическомъ бытѣ, котораго правовой формой былъ «волостной порядокъ государственнаго устройства»—сосуществованіе множества «небольшихъ государствъ», волостей-княженій. Въ отлчїе отъ Чичерина, междукняжескія отношенія, для Сергѣевича, явленіе не частнаго, гражданскаго, а, скорѣе, международнаго права: княжескіе сѣзды—сѣзды независимыхъ государей, договоры князей—договоры суверенныхъ владѣтелей²⁾. Этого «волостной порядокъ»—древнѣе той эпохи, о какой свидѣлствуютъ древнѣйшіе изъ историческихъ источниковъ. Разсматривая дѣятельность русскихъ князей отъ Рюрика до Дмитрія Довского, Сергѣевичъ настаиваетъ на полномъ господствѣ «политической самостоятельности волостей», при которой «до второй половины XIV вѣка у князей вовсе не замѣчается стремленія къ образованію большого нераздѣльнаго государства, которое выходило бы за предѣлы волостнаго устройства»³⁾. «Первое, но чисто внѣшнее объединеніе» получили сѣверо-восточныя княженія въ подчиненіи

¹⁾ «Древности русскаго права», т. I (изд. 3-е), стр. 20—70.

²⁾ Тамъ же, т. II. (Изд. 3-е), стр. 242.

³⁾ «Древности», т. I, стр. 40—41.

них власти татарского хана. И татары «въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, явились проводниками начала объединения Русской земли подъ гегемонствомъ великаго князя Владимірскаго»¹⁾. «Первая ясная мысль объ образованіи изъ нѣсколькихъ волостей недѣлимаго дѣлаго помыслится только у московскихъ князей. Но и у нихъ не очень рано: первый проблескъ этой мысли Сергѣевичъ видитъ въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго.

На такомъ общемъ фонѣ русской политической исторіи, ростовскіе бояре и ихъ преемники великокняжескіе бояре Владиміра и Москвы выступаютъ какъ то неожиданно и непонятно. Въ поясненіе, что же сдѣлало ихъ не только «естественными сторонниками объединительной политики», но и ея носителями, вопреки тенденціямъ политики князей, Сергѣевичъ, допустивъ, впрочемъ, и то лишь по отношенію къ ростовскимъ боярамъ, возможность иныхъ мотивовъ, опредѣленно подчеркиваетъ только «личные интересы» бояръ, ихъ стремленіе къ «богатымъ коризеніямъ», которыхъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше князей²⁾. Намекъ на болѣе существенное и содержательное объясненіе данъ только въ двукратномъ упоминаніи о «единствѣ» и «цѣлости» Ростовской земли. Въ разборѣ «Древностей» Сергѣевича Ф. В. Тарановскій справедливо отмѣтилъ, что «являясь не давая намъ достаточныхъ объясненій по поводу того, какими образомъ традиція единства старой Ростово-Владимірской волости превратилась у бояръ въ стремленіе объединить эту и другія земли подъ властью новообразовавшагося Московскаго княжества», не выясняетъ причинъ, которыя «повернули интересы бояръ отъ цѣлости волостной старины въ сторону образованія болѣе крупнаго политическаго объединенія», и вызвали то «превращеніе выдвинутой боярами политики государственнаго единства въ потребность народа», которое констатируетъ В. И. Сергѣевичъ³⁾.

¹⁾ *Ib.*, т. II, стр. 252.

²⁾ «Древности», т. I, стр. 29 и 69. Тотъ же мотивъ еще въ тезисахъ 1867 года. «Вліяніе высшихъ классовъ населенія на общественныя дѣла продолжаетъ обнаруживаться при посредствѣ права свободнаго отъѣзда, благодаря которому вольные бояре, дѣти боярскія и слуги группировались около того князя, который наиболѣе удовлетворялъ ихъ желанія. Московское государство есть созданіе вольныхъ бояръ и слугъ».

³⁾ Ф. В. Тарановскій, Отмѣтъ о сочиненіи В. И. Сергѣевича «Древности Русскаго Права», Юрьевъ, 1191 г., стр. 21. Проф. Тарановскій указываетъ, что Сергѣевичъ не выяснилъ, какъ согласить уходъ князей изъ старыхъ городовъ, гдѣ ихъ стѣсняло участіе бояръ во власти, въ новые города, явленіе, которому Сергѣевичъ, вслѣдъ за Соловьевымъ, придаетъ большое значеніе, съ тѣмъ, что «въ столицѣ новымъ центръ, какъ Москва, князьямъ пришлось опять почувствовать боярскую руку, которая обуздывала ихъ семейно-патримональныя стремленія и указывала имъ путь често государственной политики». Самъ Ф. В. Тарановскій полагаетъ, что «эти причины могутъ быть выяснены и выясняются въ порядкѣ наученія хозяйственнаго развитія и объединенія волостей, вошедшихъ затѣмъ въ единую державу московскихъ государей».

Но Сергѣвичъ не даетъ и объясненія, откуда взялись «объединительныя» тенденціи сѣверно-русскаго боярства, а безъ того невозможно выясненіе историческаго смысла и значенія «столѣтняго опыта и столѣтнихъ преданій», которые, по Сергѣвичу, воспѣтали Иванъ III. Организаторъ Московскаго государства опирался на «вѣковую практику великокняжескихъ бояръ и собственныхъ предковъ, которая должна была стать въ старшей линіи Дмитрія Донскаго семейнымъ преданіемъ»¹⁾; нельзя не пожалѣть, что самъ В. И. Сергѣвичъ не разработалъ въ высшей степени цѣнныхъ замѣчаній своихъ о боярской политикѣ, такъ какъ въ нихъ—указаніе на плодотворный путь выясненія условій, приведшихъ къ созданію Московскаго государства.

Съ точки зрѣнія «древностей права» Сергѣвичъ возвращается къ различію въ исторіи Россіи до Петра Великаго тѣхъ же двухъ періодовъ, какіе намѣтилъ С. М. Соловьевъ. Согласно Чичерину, отвѣчаетъ, что «отличительная черта перваго періода состоитъ въ преобладаніи частной, личной воли и, соответственно этому, въ относительной слабости начала общаго, государственнаго»; этотъ періодъ «имѣетъ свое наиболѣе полное выраженіе въ княжеской Россіи».—«Второй періодъ, въ противоположность первому, отличается преобладаніемъ цѣлаго, естественнаго требованія котораго не были, да и не могли быть достаточно оцѣнены и признаны въ первомъ»; этотъ періодъ «ясно обозначился въ московской Россіи».—«Столѣтія XIV и XV составляютъ широкую границу этихъ двухъ періодовъ», это «время, когда характеристическія черты втораго періода получали уже такую силу, что окончательное торжество новыхъ началъ можетъ уже бы предсматриваемо»²⁾. Соответственно тому, въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Лекцій и изслѣдованій» отдѣлъ о «верховой власти» состоитъ изъ характеристики власти князя въ «удѣльное» время и статьи о «власти Московскихъ государей»³⁾, причемъ первая выступаетъ лишь въ эпоху ея сосуществованія съ вѣщью, а характеристика строя между княжескихъ отношеній въ XIV и XV в.в. выдѣлена въ составъ «Древностей» русскаго права, безъ признанія за княжеской властью этого времени слойства, принципиально существенныхъ для науки исторіи русскаго права⁴⁾. Разумѣя подъ «удѣломъ» княжеское владѣніе самостоятельной волостью (небольшимъ, но сувереннымъ государствомъ), В. И. Сергѣвичъ признаетъ первыми «удѣльными» князьями сыновей Святослава Игоревича, и въ отличіе отъ Соловьева, не видитъ существеннаго различія между «удѣльными» владѣніями и «великими княженіями» сѣверной Руси⁵⁾. Въ отличіе

¹⁾ «Древности», т. I, стр. 77.

²⁾ «Лекція и изслѣдованія по исторіи русскаго права», Спб., 1883, стр. 43—60 («Давленіе исторіи русскаго права на периоды»).

³⁾ Изд. 3-е. Спб., 1903, стр. 130 и 144.

⁴⁾ «Древности», т. II, книга четвертая.

⁵⁾ «Древности», т. I, стр. 15; «Лекція и Изслѣдованія» (3-е изд.), стр. 102.

отъ Чичерина, Сергѣевичъ не подводитъ отношеній древней Руси подъ понятіе «частноправовыхъ», усматривая лишь «порядокъ частнаго наследованія» и вообще «взглядъ на княженіе, какъ на частную собственность князя»—въ княжеской средѣ; въ завѣщаніи Симеона Гордаго—моментъ, когда «въ Московскомъ княженіи исчезла всякая государственная идея», а съ Дмитрія Донского начинается наростаніе новаго, государственнаго начала ¹⁾.

Историко-догматическія обобщенія Чичерина и Сергѣевича, лишь по видимости и способу наложенія упразднили различіе южно-русскаго, кіевскаго и сѣверно-русскаго, владиміро-московскаго періодовъ русскаго историческаго процесса. Ихъ историко-правовыя разсужденія оперируютъ надъ той же схемой, ведущей отъ Кіева черезъ Суздальщину къ Москвѣ, причемъ отношенія, господствовавшія въ сѣверо-восточной Руси въ XIV и XV в.в., перенесены на Кіевскую Русь и рассматриваются, особенно въ трудахъ Сергѣевича, какъ принципиально тождественныя тѣмъ, какими опредѣлялся политическій бытъ южной Руси въ предыдущую эпоху. За этими вѣками остается въ общей схемѣ русской исторіи мѣсто переходной эпохи, лишеной сколько-нибудь характерной фізіономіи съ точки зрѣнія смѣны правовыхъ формъ властвованія князей и общественнаго строя. Построенія В. И. Сергѣевича и не могли, поэтому, внести много новаго въ общее представленіе объ условіяхъ образованія Московскаго государства, если не считать указанныхъ выше его замѣчаній о роли боярства, которыя, однако, не повліяли на общую концепцію правовыхъ основъ политическаго быта этой эпохи.

Историки пошли, естественно, по слѣдамъ Соловьева и Кавелина, сглаживая въ эклектическихъ концепціяхъ различія воззрѣній этихъ ученыхъ. Характерна, въ этомъ отношеніи, небольшая работа П. В. Полежаева: «Московское княжество въ I половинѣ XIV вѣка», появившаяся въ 1878 г. Въ общемъ пониманіи древне-русской политической исторіи Полежаевъ—подъ вліяніемъ Чичерина и Сергѣевича: «До XIV столѣтія, говорятъ о нѣ, общественная жизнь славянскихъ, варяго-русскихъ княжествъ проявлялась лишь только преслѣдованіемъ сохраненія тѣхъ началъ, которыя легли при самомъ образованіи княжествъ какъ самостоятельныхъ единицъ, а между тѣмъ эти начала, по самой природѣ своей, не могли, да и не способны были выработать силы, достаточной для органическаго развитія государственныхъ элементовъ. Необходимъ былъ поворотъ къ болѣе жизненному началу, и этотъ поворотъ совершился развитіемъ Москвы». Для XIV—XV в. Полежаевъ держится представленія объ особомъ «вотчинномъ» періодѣ, характерно сводя его содержаніе къ «развитію Москвы»: Москва—вотчинный городъ, выросшій изъ вотчиннаго села; съ образо-

¹⁾ «Древности», т. I, стр. 57—70.

вание Московского княжества «вечевого» периоду сближается «вотчинным» или «московско-вотчинным» (до Ивана III); первая половина XIV в., когда «все сохранившиеся исторические памятники не представляют ни малейших следов государственного начала», это время, когда «совершалось развитие вотчинной власти князя». Признавая в Владимире—городом вичевым, Полежаев в происхождении Москвы из поселения на «вотчинной земле» видит «исключительное обстоятельство», благодаря которому, «в Москве впервые явилась идея самодержавия в виде: вотчинной власти князя». История Москвы до смерти Симеона Ивановича—выясняет, как создавалось княжество, «выработавшее в себя те жизненные силы, которые, в дальнейшем развитии своем привели к государственному строю». Для Полежаева с первой половины XIV в. «история этого княжества становится историей России». Основной задачей историка является, поэтому, выяснение причин возвышения Москвы, отвѣтъ на вопрос: «почему именно Москва, а не другому какому либо княжеству выпала счастливая доля сдѣлаться фокусомъ всехъ русскихъ интересовъ?»

Такая постановка вопроса об условиях, опредѣливших образование великорусского государства, окрѣпла в прочную историографическую традицию, стала своего рода «аксиомой» в построении русской истории. В. О. Ключевскій явился и в «Боярской Думе» и в «Курсѣ русской истории» «как бы вторымъ творцомъ научныхъ теорій, высказанных до него»: в истолковании политического строя Киевской Руси «принимъ установленную Соловьевымъ схему и только позаботился о томъ, чтобы дать ей иное обоснованіе». Ученіе об «очередномъ порядкѣ княжескаго владѣнія в Киевской Руси»; «ученіе о колонизации сѣверной верхневолжской Руси, какъ основѣ новаго политическаго порядка, установившагося в этой Руси и подготовившаго Московское государство»; теорія «удѣльнаго» владѣнія и объясненіе возвышенія Москвы, ставшей зерномъ русскаго государства—у Ключевскаго—дальнѣйшее развитіе и видоизмѣненіе выводовъ Соловьева и Чичерина. Конечно, Ключевскій «сумѣлъ вложить въ реципированныя схемы столько новаго пониманія и содержанія, что въ его интерпретации знакомыя построенія и факты приобрѣтали совершенно новый смыслъ и какъ бы перерождались». Отвлеченными и сухія очертанія этихъ «схемъ» наполнились живымъ бытовымъ содержаніемъ, обросли деталями социальныхъ отношеній, топографической обстановки, экономическаго уклада, психическаго строя, приобрѣли достоинство и конкретную силу художественнаго воспроизведенія звуковой эпохи въ наглядныхъ образахъ»³⁾. Однако, новое содержаніе уложи-

³⁾ Ср. „В. О. Ключевскій; характеристики и воспоминанія“, М., 1912, изд. „Научнаго Слова“,—статья М. М. Богословскаго („В. О. Ключевскій какъ ученый“), М. К. Любавскаго („Соловьевъ и Ключевскій“), В. И. Сыроматникова („В. О. Ключевскій и В. Н. Чичеринъ“), П. И. Микрюкова („В. О. Ключевскій“).

лось въ тѣхъ же основныхъ очертахъ, къ нимъ приварованное, хотя они не изъ него сложились. При этомъ, особенности традиціонной схемы и ея внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, утверждение преемственной связи исторической жизни сѣвера съ киевскимъ югомъ, съ другой, выясненіе ихъ рѣзкой противоположности и самостоятельныхъ корней сѣвернорусскаго историческаго процесса—выступили тѣмъ болѣе отчетливо и рѣшительно.

Въ представленіи Ключевскаго, Ростовская земля это «край, который лежалъ въ старой коренной Руси, и въ XII в. былъ болѣе инородческимъ чѣмъ русскимъ краемъ»: «здѣсь въ XI и XII вв. жили три финскихъ племена—шурома, меря и весь». Смѣшеніе съ ними русскихъ переселенцевъ создаетъ великорусское племя. Когда «населеніе центральной средне-дѣлвпроевской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось въ противоположныя стороны», произошелъ «разрывъ» этой, первоначальной, народности, причемъ «широкое, медленное и разбѣгающее движеніе» перенесло втеченіи XII—XIV вв. массы населенія изъ юго-западной полосы Руси на сѣверо-востокъ. Эти «массы» переселенцевъ съ юга выступаютъ у Ключевскаго основными колонизаціонными матеріалами, которыми питается ростъ сѣверо-восточной Руси; ихъ типъ, характеръ, строй быта перерабатываются, путемъ смѣшенія съ мѣстными инородцами и подъ вліяніемъ новыхъ географическихъ и экономическихъ условий, до рѣшительной противоположности прежнему, южному. Первый крупный моментъ этой колонизаціи—тотъ, когда «переселенцы скучивались въ треугольникъ между Окой и верхней Волгой»: это «время образованія и возвышенія владимирскаго края, возникновенія въ немъ первыхъ удѣловъ, время возрастанія и ея первыхъ политическихъ успѣховъ». Тутъ складывается новая народность, возникаетъ иной укладъ социально-политическихъ отношеній, начинается новая историческая жизнь. Ея первая политическая форма—княжескій «удѣлъ», отождествляемый и Ключевскимъ съ «опричинной», какъ «удѣльнымъ гнѣздомъ» княжеской семьи. Удѣлъ выступаетъ передъ нами только въ XIV—XV вв., но на образованіи удѣловъ этого, позднѣйшаго, времени «можно наблюдать продолженіе или даже конецъ того процесса, начало котораго, менѣе для насъ открытое, создадо первыя удѣлы въ сѣверной Руси»¹⁾. Характерны для «такъ называемаго удѣльнаго порядка» новый владѣтельный типъ—князя вотчинника и новый общественный типъ—боярина, служилаго землевладѣльца. Само это княжеское удѣльное владѣніе приняло черты «простаго частнаго землевладѣнія», боярскаго; а въ частности «теперь удѣлы вообще наслѣдуются по завѣщанію, передаются по личному усмотрѣнію завѣщателя, а не по какой-либо установленной очереди»; удѣльное управленіе «довольно точная копія устройства древне-русской боярскаго вотчины». При томъ какъ и сама великорусская

¹⁾ «Боярская Дума», стр. 87 (курсивы мои—А. Пр.).

народность создана не «продолжавшимся развитием старых областных особенностей», а выросла новообразованием из дѣйственной почвы верхневолжской Руси, такъ и «удѣльный» порядокъ сложился въ зависимости отъ мѣстныхъ географическихъ и этнографическихъ условий и въ прямомъ разрывѣ со всякой прежней традиціей.

Наука разнообразна послѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья, «мы изучаемъ самую раннюю и глубокія основы государственнаго порядка, который предстанетъ передъ нами въ слѣдующемъ періодѣ», т. е. въ Московскомъ государствѣ. Правда, В. О. Ключевскій называетъ «удѣльный» порядокъ—«переходной политической формой», но мы едва ли вѣрно поймемъ его мысль, если придадимъ этому термину смыслъ эволюціоннаго момента. «Государство, по мысли Ключевского, національное русское государство вышло изъ этого удѣльнаго порядка XIV в., а не изъ прежняго, но не потому, что прежній порядокъ былъ болѣе далекъ отъ національно-государственнаго, чѣмъ удѣльный XIV в.: сами по себѣ оба ихъ мало того, изъ чего складывается народное государство, и послѣдній даже меньше имѣлъ этого, чѣмъ первый. Оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаться такое государство; но послѣдній гораздо легче было разрушить, чѣмъ первый,—и только поэтому ¹⁾ одно изъ удѣльныхъ княжествъ, вотчина Даниловичей, стало зерномъ народнаго русскаго государства» ²⁾.

Въ переработкѣ В. О. Ключевского традиціонная схема русской исторіи распадается на части. Историческіе періоды какъ бы теряютъ свою методологическую условность. Каждый изъ нихъ приобретаетъ такую внутреннюю законченность и такъ рѣшительно отграничивается отъ послѣдующаго, что связать съ нимъ лишь весьма слабой эволюціонной связью. Рѣшительный переломъ между Киевской и удѣльной Русью. И. Е. Забѣлинъ могъ бы найти у Ключевского оправданіе своей формулы, по которой въ Суздальщинѣ и Москвѣ—«корень развитія сѣверной исторіи», а въ Киевѣ—«корень, изъ котораго развилась южная исторія». В. О. Ключевскій говоритъ даже не о «модификаціи на великорусской почвѣ киевскихъ социально-политическихъ формъ, права, культуры», какъ М. С. Грушевскій, а только объ упадкѣ «политическихъ, экономическихъ и церковныхъ связей прежняго времени» и выясняетъ, съ необычайной конкретностью, какъ выросли изъ мѣстныхъ условий верхневолжской почвы новыя общественно-историческія формы жизни, типы, отношенія ³⁾.

¹⁾ Курсивъ мой. А. Пр.

²⁾ «Курсъ русской исторіи» т. I, лекція XX; «Воярская Дума», главы III—IV.

³⁾ Четкія и яркія характеристики цѣлыхъ историческихъ періодовъ, построенныя на сильно-подчеркнутыхъ антитезахъ—одно изъ свойствъ художественнаго изложенія въ курсѣ В. О. Ключевского; оно привело къ тому, что П. Н. Малаховъ назвалъ «драматизаціей» хода русской исторической эволюціи. Но въ нашей историографіи эти характеристики—литературно-художественныя—завоевали себѣ

Почти столь же рѣшительна въ возложеніи В. О. Ключевского антитеза удѣльнаго періода—московскому.

Его общая схема ранней исторіи сѣверной Руси складается изъ двухъ противоположныхъ процессовъ: одна—«дробить эту Русь на княжескія вѣтви въ потомствѣ Всеволода III»; другой—создать усміяніи «одной вѣтви этого потомства», которой «пришлось начать обратное дѣло, собирать эти дробившіяся части въ нѣчто цѣлое: Москва стала центромъ образовавшагося этакъ путемъ государства».

Такъ и у Ключевского, анализъ условий, вызвавшихъ образование Московскаго государства сводится къ изученію «политическихъ и національных успѣховъ московскихъ князей». Быстрое усиленіе Москвы остановило процессъ дробленія сѣверо-восточной Руси и собрало «дробившіяся части въ нѣчто цѣлое». Первый вопросъ въ изученіи этого процесса—объ источникахъ той московской силы, которая его создала, разбирается указаніемъ на два «первоначальныхъ условия быстрого роста Московскаго княжества», на географическое положеніе Москвы и генеалогическое положеніе ея князя. Историческая схема веда къ необходимости найти въ самомъ городѣ Москвѣ и его краѣ—средоточіе и источникъ силъ и средствъ, развернутыхъ затѣмъ въ дѣлѣ расширенія территоріи и подчиненія другихъ князей. Разсмотрѣніе выгодъ ея географическаго положенія освобождаетъ историка отъ «загадочности первыхъ успѣховъ города Москвы», такъ какъ вскрываетъ «таинственный историческія силы, работавшія надъ подготовкой успѣховъ Московскаго княжества съ первыхъ минутъ его существованія». Тутъ на первомъ планѣ «экономическія условия, цѣлѣнаго роста города»: Москва пунктъ пересѣченія двухъ скрещивавшихся движеній: переселенческаго на С.-В. и торгово-транзитнаго на Ю.-В.». Судя по повдѣйшимъ родословнымъ преданіямъ боярскихъ фамилій, съ конца XIII в. въ Москву «со всѣхъ сторонъ собираются знатные служилые люди—изъ Мурома, изъ Нижняго, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже изъ Кіева и изъ Волыни». Эти преданія, по Ключевскому, лишь отражали въ себѣ общее движеніе населенія: «знатные люди шли по теченію народной массы» и «въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ Русской земли, угрожаемыхъ вѣнскими врагами, стекались народныя силы благодаря ея географическому положенію». Анализъ вѣнскихъ условий положенія Великороссіи въ XIV в. и утверженіе, что мощный приливъ населенія съ юга сдѣлалъ изъ Москвы ея «этнографической центр»—освѣщаетъ одну изъ основныхъ причинъ «сравнительно болѣе ранней и густой населенности московскаго края», которой Москва обязана однимъ изъ важнѣйшихъ условий своихъ загадочныхъ первыхъ успѣховъ: первыми водами этого прилива народныхъ силъ къ Москвѣ—въ

значеніе научныхъ концепцій, сильно влияя на пониманіе русской исторіи вообще и ряда отдѣльных ея явленій.

переселенческомъ движеніи изъ Днѣпровской Руси; колонисты съ Ю.-З. переналивъ за Угру, попадали, прежде всего, въ московскій край, и «здѣсь, слѣдовательно, они осаживались наибольшими массами». Скопление населенія доставляло московскому князю существенныя экономическія выгоды, такъ какъ «увеличивало количество плательщановъ принять податей». Съ другой стороны, то же географическое положеніе благоприятствовало развитію промышленнымъ усиліямъ Москвы: «развитіе торговаго транспортнаго движенія по рѣкѣ Москвѣ оживляло промышленность края, втягивало его въ это торговое движеніе и обогащало казну мѣстнаго князя торговыми пошлинами». Экономическія послѣдствія тяжелаго положенія Москвы давали великому князю обильныя матеріальныя средства, а его генеалогическое положеніе въ ряду потомковъ Всеволода III—«указывало» ему, какъ всего выгоднѣе пустить ихъ въ оборотъ. Представитель одной изъ младшихъ линій Всеволодова потомства, онъ «не могъ питать надежды дойти до старшинства и по очереди занять старшій великокняжескій столъ», оказывался «наиболѣе безправнымъ княземъ среди родичей». Обедавленный князь, «не имѣя опоры въ обычаяхъ и преданіяхъ старины», вырабатываетъ «своеобразную политику»: московскіе князья «раньше и рѣшительнѣе другихъ сходятъ съ привычной колеи княжескихъ отношеній, ищутъ новыхъ путей, не задумываясь надъ старинными счетами, надъ политическими преданіями и приличіями».

Такъ выясняются у В. О. Ключевского основныя причины, которыя сдѣлали Москву и ея князей—великой исторической силой: разрушая старыя традиціи, эта сила пошла противъ преобладавшаго движенія сѣверной жизни къ дробленію и начала «обратное дѣло» собиранія частей верхневолжской Руси въ новое цѣлое.

Это «новое дѣло» не опиралось, по представленію Ключевского, ни на какую историческую традицію, а потому могло идти очень постепенно и поздно получить общае національно-политическое значеніе. Первая его стадія—расширеніе территоріи московскихъ владѣній—скупкой чужихъ земель, ихъ насильственнымъ захватомъ, иногда «дипломатическимъ захватомъ съ помощью Орды», служебнымъ договоромъ съ удѣльнымъ княземъ, наконецъ, захватомъ колонизационнымъ—разселеніемъ изъ московскихъ владѣній за Волгу. Образцовый правитель-хозяинъ—московскій князь умѣетъ не только приобретать, но и сохранять свои приобретения и налаживать въ нихъ порядокъ. Второй моментъ—приобрѣтеніе великокняжескаго вліянія: сила Москвы и ея ловкая политика даютъ Великороссіи отдыхъ отъ внѣшнихъ тревогъ, и ко времена Донского сообщаютъ московскому князю значеніе «національнаго вождя сѣверной Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами». Это значеніе поддержано перенесеніемъ въ Москву митрополическаго епархіальнаго управления: многозначительный фактъ этотъ произошелъ, по Ключевскому, довольно случайно, въ связи опять-таки съ географическимъ положеніемъ Москвы:

через нее лежалъ путь митрополита изъ Владиміра въ юго-западные епархія; митрополитъ Петръ часто бывалъ тутъ, подружился съ Иваномъ Калитой, тутъ и умеръ: эта «случайность» стала зачаткомъ для дальнѣйшихъ митрополитовъ. Все это обуславливало «территориальный и національный ростъ Московскаго княжества», которое «вбирало въ себя разьединенныя части Русской земли», и, поглощая другія русскія княжества, превратилось въ национальное русское государство.

Параллельно этому процессу нарасталъ и другой — «политическій подъемъ» одного изъ московскихъ князей, которому, какъ старшему въ московской княжеской семьѣ и, въ то же время, великому князю, наибольшей долей доставались выгоды внѣшнихъ успѣховъ, достигнутыхъ московскимъ княжествомъ. Главный факторъ того «политическаго возвышенія», которое, въ концѣ концовъ, превратило московскаго великаго князя въ единодержавнаго русскаго государя, — постепенное увеличеніе доли вотчиннаго наслѣдства, кака «на старѣйшій путь» выпадала по духовнымъ грамотамъ старшему сыну. «Посредствомъ такого вотчиннаго фактическаго преобладанія, безъ политическихъ преимуществъ, этотъ великій князь и превратился въ государя не только для простыхъ смертныхъ, но и для самихъ удѣльныхъ князей». Случилось такъ потому, что «фамиліи усилія московскихъ великихъ князей встрѣтились съ народными нуждами и стремленіями». Собственнымъ мотивомъ дѣятельности этихъ князей былъ «династическій интересъ, во имя котораго шла и внѣшнее усиліе ихъ княжества и внутреннее сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ». Но ихъ успѣхи создали, въ концѣ концовъ, когда «къ половинѣ XV в. среди политическаго раздробленія сложилась новая національная формація» — великорусская народность, готовую форму для осуществленія назрѣвшей новой потребности народной массы «въ политическомъ сосредоточеніи своихъ неустроенныхъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ, чтобы выйти изъ удѣльной неурядицы и татарскаго порабожденія». Тогда — во времена Василія Темнаго и Ивана III — «затѣяныя и долго дремавшія національныя и политическія ожиданія и сочувствія великорусскаго племени, долго и безуспѣшно искавшія себѣ надежнаго пункта прикрѣпленія, сошлись съ династическими усиліями московскаго великаго князя и повесли его на высоту національнаго государя Великороссіи». Таковы — «главные моменты политическаго роста Московскаго княжества»¹⁾.

Въ лекціяхъ В. О. Ключевскаго — эти «главные моменты» рѣзко расчленены и ярко охарактеризованы. Ихъ четкія очертанія доведены до рѣшительнаго противопоставленія противоположныхъ другъ другу явленій и процессовъ въ исторической жизни Великороссіи. Для достиженія сильной конкретности изложенія, столь привлекательной въ трудахъ В. О. Ключ-

¹⁾ „Курсъ русской исторіи“, т. II, лекціи XXI и XXII.

чевскаго, пришлось удѣльный распадъ Великороссіи представлять первичнымъ историческимъ явленіемъ ея судьбы, которое выросло непосредственно изъ условій колонизаціи русскаго сѣверо-востока; представлять саму эту колонизацію сравнительно позднимъ явленіемъ, а образование «великорусской народности» датировать серединой XV вѣка, отнести его къ моменту «встрѣчи» фамильныхъ усавій московскихъ князей съ народными нуждами и стремленіями. Отдѣльно строилась «форма» будущей великорусской государственности въ вотчинномъ московскомъ мірѣ; отдѣльно слагалось ея будущее содержаніе въ нарастающихъ потребностяхъ «новой національной формации». Яркая драматизація исторической схемы находитъ затѣмъ свое разрѣшеніе въ появленіи на исторической сценѣ «національнаго государя Великороссіи», который указываетъ выходы изъ удѣльной неурядицы и татарскаго пораженія въ созданіи твердаго государственнаго порядка.

Въ одной изъ давнихъ статей своихъ П. Н. Миллюковъ охарактеризовалъ труды корифеевъ русской исторической науки терминномъ «юридическая школа въ русской историографіи»¹⁾. Дѣйствительно, къ нимъ въ значительной мѣрѣ приложима та характеристика, какую А. Д. Градовскій далъ—по поводу труда В. И. Сергѣевича «Вѣче и князь»—«сочвѣніямъ по исторіи русскаго права»: ихъ задача—раскрытіе «началъ», проявленіе которыхъ въ историческомъ процессѣ указывается на примѣрахъ, взятыхъ изъ русской исторіи; историческій матеріалъ не играетъ тутъ самостоятельной роли; онъ важенъ лишь настолько, насколько въ немъ можно выучить проявленіе юридическихъ началъ»²⁾, притомъ, надо замѣтить, началъ, установленныхъ—въ самомъ содержаніи своемъ—вѣ прямой зависимости отъ анализа даннаго историческаго матеріала.

Такимъ преобладаніемъ соціологическаго догматизма въ самомъ методѣ «юридической школы» объясняется то обстоятельство, на первый взглядъ странное, что фактическія данныя, какими оперируетъ наша историографія въ изученіи вопроса о возникновеніи Великорусскаго государства, освѣщаемыя съ различныхъ точекъ зрѣнія, остались, по существу, безъ пересмотра, а самые источники, откуда эти данныя почерпнуты—безъ достаточнаго анализа. Весь этотъ вопросъ, одинъ изъ важнейшихъ для русской исторической науки, можно сказать—ни разу не подвергався монографической обработкѣ, такъ какъ работы Станкевича, Вешнякова, Полежаева—только отражали, по своему, общія построенія профессорскихъ курсовъ. Поэтому попытка болѣе конкретно пересмотрѣть данныя историческаго матеріала, какими мы располагаемъ для выясненія условій образо-

¹⁾ П. Н. Миллюковъ, Юридическая школа въ русской историографіи («Русская Мысль», 1886 г., кн. 6).

²⁾ «Собраніе сочвѣній А. Д. Градовскаго», т. I (статья: «Государственный строй древней Русь»).

ванія Великоорусскаго государства, виѣ зависимости отъ традиціонныхъ историко-соціологическихъ схемъ и концепцій, представляется автору этихъ строкъ задачей, въ полной мѣрѣ—насущной. Дѣло въ томъ, что простой обзоръ — возможно внимательный и полный — подлиннаго фактическаго матеріала, какой намъ даютъ источники, приводитъ къ любопытному и научно-цѣнному выводу: господство теоретическихъ построений въ нашей историографіи привело къ такому одностороннему подбору данныхъ, при которомъ отпадало изъ ихъ комплекса все, что не годилось для иллюстраціи установленной схемы, не подтверждало ея предпосылокъ; пострадало при этомъ и критическое отношеніе къ источникамъ. Важнѣйшіе изъ нихъ— духовныя и договорныя грамоты и лѣтописныя своды еще ждутъ тщательнаго исследованія. Для грамотъ мы не имѣемъ полного и научно-точного изданія; ихъ анализъ—сводится къ статьѣ Чичерина, во многомъ не удовлетворяющей требованіе историка. Изученіе лѣтописныхъ сводовъ лишь недавно поставлено съ надлежащей широтой и глубиной въ трудахъ А. А. Шахматова, а выводы этого изученія еще не использованы для пересмотра исторіи XIV—XVI столѣтій.

2. Сѣверо-восточная Русь до татарскаго нашествія.

Ростовско-Суздальская земля въ XII—XIII вѣкахъ.

Ростовская земля занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто въ представленіяхъ русской историографіи. Она выступаетъ въ историографической традиціи—новообразованиемъ XII—XIII в. Продолжая построеніе, данное еще С. М. Соловьевымъ, В. О. Ключевскій говоритъ о ней, какъ о краѣ, который «лежалъ виѣ старой коренной Руси и въ XII вѣкѣ былъ болѣе инородческимъ, чѣмъ русскимъ краемъ», а подлинную русскую колонизацію ея связываетъ съ тѣмъ моментомъ, когда «главная масса русскаго народа» отступила «передъ непосильными внѣшними опасностями съ днѣпровскаго Югозапада къ Окѣ и верхней Волгѣ». Поэтому изученіе послѣдствій русской колонизаціи верхняго Поволжья даетъ Ключевскому возможность изучать «самыя раннія и глубокія основы государственнаго порядка, который предстанетъ передъ нами въ слѣдующемъ періодѣ». Увлечательная задача—прослѣдить образованіе на дѣятельной почвѣ новаго уклада политической и общественной жизни дала В. О. Ключевскому лучшія, быть можетъ, странцы его неподражаемаго «Курса русской исторіи». На фонѣ первобытной природы съ полудняимъ физическимъ населеніемъ яркой фигурой выступаетъ князь-вогичиннакъ, колонизаторъ и организаторъ, подымающій личными усиліями культурную повнну. Этотъ образъ созданъ С. М. Соловьевымъ и художественно разработанъ В. О. Ключевскимъ въ яркой

антигетъ: «военный сторожъ и подвижной вотчичъ всей Русской земли, князь съ XIII в. становится на сѣверѣ сельскимъ хозяиномъ-вотчинникомъ своего удѣла»¹⁾. Колумбомъ Поволжья выступаетъ Юрій Долгорукій. «Здѣсь, на сѣверѣ, въ обширной области, читаемъ у Соловьева... въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находились только одинъ древній городъ... Ростовъ Великій, во «скоро начали возникать около него города новые; сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый». И Ключевскій сохраняетъ то же представление о князѣ Юріи: «Начиная съ Юрія Долгорукаго, оставившаго своимъ дѣтямъ столько городовъ и селеній въ Суздальской землѣ, каждый князь, правившій этой землей или ея частью, покидалъ свое владѣніе далеко не такимъ, каковыя заставлялъ его; край оживалъ на его глазахъ: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на новыя, возникали промыслы, новые доходы прибывали въ княжескую казну, новые классы завязывались въ общества»²⁾.

Откуда это представление о Юрии-градостроителѣ? Нашимъ источниками засвидѣтельствовано построение имъ четырехъ «градовъ»—Ксятина на усть Нерли, Юрьева Польскаго, Дмитрова и Москвы³⁾. Но Татищевъ приписалъ Юрію широкое градостроительство, а Соловьевъ и Ключевскій ссылаются на него, какъ на источникъ. Ключевскій поясняетъ это обстоятельство утверженіемъ, что Татищевъ, согласно его собственному заявленію, «началъ встрѣчать цѣлый рядъ другихъ новыхъ городовъ въ сѣверной Руси, которые не были извѣстны до того времени»,—«въ своихъ источникахъ, теперь исчезнувшихъ». Однако, мы у Татищева не встрѣчаемъ такой ссылки на источники. Онъ только указываетъ въ поясненіи

¹⁾ «Курсъ русской исторіи», землѣи XVII и XVIII; «Боярская Дума», гл. III и IV.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, ст. 494—495; Ключевскій, Боярская Дума, 4-е изд., стр. 91.

³⁾ О построеніи города Константина (Ксятина, Косятина) сообщаетъ только Никонская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. IX, стр. 158) подъ 6641 (1133) г.: «Того же лѣта князь Юрій Володимеричъ Манамашъ заложилъ градъ на усть Нерли на Волкѣ и нарече имя ему Константинъ и церковь въ немъ созда». О Юрьевѣ Польскомъ подъ 6660 въ общемъ перечнѣ церковнаго строительства Юрія поминано, что онъ и «градъ Юрьевъ заложилъ и церковь святого Георгія каменну» (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 153; ср. т. V, стр. 180); о Дмитровѣ подъ 6664 (1167) г.: «родился князь Юрій сынъ Дмитрей; бѣ бо тогда на рѣцѣ на Яхромѣ и со князюкомъ, и заложилъ градъ во имя сына своего и нарече и Дмитровъ, а сына нарече Всеволодомъ» (П. С. Р. Л., т. V, стр. 181; ср. т. VIII, стр. 80). О Москвѣ—въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 225) изъ 6664 г.: «заложилъ градъ Москву на устьиже Негаинны, выше рѣки Лузы». Само по себѣ сооруженіе укрѣпленія мало даетъ основаній для представленія о колонизаціонной дѣятельности князя. О Переяславлѣ читаемъ прямое указаніе, что Юрій его «перевелъ отъ Клячнина [озера], заложилъ величкы, и церковь поставилъ святого Спаса въ Переяславѣ» (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 153).

своего упоминанія о построеніи Юріемъ многихъ городовъ «въ Бѣлой Русѣ», что «которые точно, о томъ историкъ (т. е. лѣтописецъ) не равно написали, и хотя точно имѣяť всѣхъ не упомянуто, но по обстоятельствамъ и случаямъ отъ сего времени *иновъ* построенныя еднѣ по другому упоминаемы». Татищевъ счелъ «иновъ построенными» города, которые раѣе не поминались въ лѣтописяхъ, а тутъ, въ разсказѣ о Юріи и его предшникѣхъ, стали упоминаться «по обстоятельствамъ и случаямъ»; для тѣхъ же городовъ Суздальской Русѣ, которые названы по стариннымъ южнорусскимъ, Татищевъ намелъ основаніе приписать ихъ построеніе Юрію въ словахъ своей «Новгородской» лѣтописи, которая онъ такъ передаетъ: «Юрій, вспоминая города прости Русскіе, иже быша владѣнія его и отъяты Ияславоиъ, построилъ Юрьемъ въ поля и другіе грады тѣми же имями, съ повсвѣніемъ: «по сему можно имѣть, что имянами бывшихъ тогда около Кіева»¹⁾. Такъ опора Ключевскаго не въ показаніяхъ источниковъ Татищева, и въ его предположеніяхъ. Еще характернѣе другія ссылки Соловьева и Ключевскаго на текстъ Татищева. Соловьевъ указываетъ на 76 стр. III тома; Ключевскій ссылается на то, какъ «самъ Андрей Боголюбскій хвалился своею колонизаторскою дѣятельностью», а имено говорилъ боярамъ, по поводу замысла учредить во Владимірѣ особую митрополию: «я всю Бѣлую Русь городами и селами великими населялъ и многолюдной учпалъ»²⁾. Но имено эти мѣста Татищевскаго текста ить основанія отослать къ его «исчезнувшимъ источникамъ». Текстъ, соблазвившій Соловьева, есть вставка Татищева въ его «лѣтописный сводъ», въ началѣ главы: «Раздѣленіе государства на два великія княженія», что и видно изъ относящихся къ нему примѣчаній (457 и 458); такой же плодъ обработки лѣтописнаго текста и строки, использованныя Ключевскимъ³⁾.

¹⁾ Татищевъ, Исторія Россійская, кн. III, прим. 458.

²⁾ См. Татищева, т. III, стр. 130.

³⁾ См. Татищева, т. III, стр. 76: «По многихъ такъ несчастныхъ предпріятіяхъ великій князь Юрій Владимировичъ Дозгурюкѣ, пришедъ въ Суздаль и видя себя Руской земли совѣстью лишена, отъ великаго княженія отщется, основалъ престолъ въ Бѣлой Русѣ; Рязанскихъ же и Муромскихъ князей ко оному приобщилъ и крестнымъ цѣлованіемъ утвердилъ. Потомъ началъ строить въ области своей ииоріе грады Юрьемъ въ поля, Перяславль у Кляшнина озера, Владиміръ на Клязьмѣ, Коострому, Ярославль и другія многія грады, тѣми же именемъ, какъ въ Русѣ суть, хотя тѣмъ уголитъ печаль свою, что лишился великаго княженія Рускаго, и началъ тѣ грады населять, созывая людей отсюда, которымъ не малую оуду давалъ, и въ строеніяхъ и другимъ подаяніими помогалъ, въ которые приходи множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ кромѣ Русскихъ селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполнилъ». Эта вставка, обличающая самымъ содержаніемъ свою независимость отъ лѣтописныхъ источниковъ, отразилось и той—на стр. 130, которую прилагъ Ключевскій ср. еще на стр. 124 того же III тома слова „гдѣ тогда Андрей градъ ва Камѣ строилъ“. Всего этого (какъ и многого ииого изъ тѣхъ „извѣстій“ Татищева. ко-

Представление о крайней элементарности культурного состояния Ростовской земли в XII в. основано не на каких-либо положительных данных, а, главным образом, на скудости сведений о ее внутренней жизни и состоянии в наших источниках. Исторiku часто бывает трудно выдержать на дѣлѣ старую истину, что нельзя отсутствие новостей принимать за отсутствие исторической жизни». Впрочем, при сколько-нибудь пристальном и свободном от предвзятости вниманіи къ тѣмъ скуднымъ чертамъ, какими отразилось въ нашихъ источникахъ состояніе Ростовскаго Повозжья до Юрія Долгорукаго, при Юріи и при Андрѣи Боголюбскомъ, придется сказать, что онѣ противорѣчатъ обычному представленію о ней. Къ тому же черты эти отмѣчены съ достаточной опредѣленностью, въ трудахъ В. И. Сергѣевича и Н. П. Кондакова.

Развѣ не наталкиваетъ на сомнѣніе уже то соображеніе, что само утвержденіе въ данной области прочной и преемственной княжеской власти должно служить для историка признакомъ крупныхъ успѣховъ предыдущей

торыи использованы С. М. Соловьевымъ) изъ въ той редакціи „второй части“ *Исторіи Россійской* (соответствуютъ II и III т. печатнаго изданія), которую В. Н. Татищевъ было приготовилъ къ печати, думая выпустить въ свѣтъ раньше I-я части. Въ этой первоначальной редакціи Татищевской исторіи имѣемъ „лѣтописный сводъ“, составленный на основаніи всѣхъ главныхъ его источниковъ (манускрипты: Кабинетной, Раскольничьей, Радзивилловскія, Говиндской, Кирилловской, Новгородской Иоанновъ, Псковской, Новгородской Крешнина, Николовской и Нижегородской); для давнѣйшей переработки послужила, кромѣ Иоанна Новгородскаго только Іоасафовскія списки (ср. стр. 63—64, томъ I) и такіе то источники, сообщенные Татищеву „отъ нѣкоторыхъ любителей“, о чемъ упоминаютъ въ концѣ гл. VII тома I-го. Помянутый списокъ первоначальной редакціи второй части „*Исторіи*“ хранится въ Имп. Академіи Наукъ подъ шифромъ: 17. 17. 11. Погодины приписывалъ Юрію Долгорукому „основаніе многихъ городовъ“, но упоминалъ только Юрьевъ, Переяславль, Дмитровъ и, предположительно, Москву („Наслѣдованіи“, т. V, стр. 309). Д. А. Корсаковъ указываетъ, что лѣтопись называетъ только три города, построенныхъ Юріемъ—Киевину, или Константинову, Юрьевъ Польскій и Дмитровъ, но признаетъ „справедливыми соображеніи Татищева“ о томъ, что такихъ городовъ было, по всей вѣроятности, больше („*Мѣра и Ростовское княжество*“, стр. 77); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ выражается еще осторожнѣе: „Говорятъ, что онъ строилъ здѣсь города и, действительно, города несомнѣнно княжескаго построенія (Дмитровъ въ честь Всеволода-Дмитрія, здѣсь родившагося; Юрьевъ, въ честь его самого, несомнѣнно имъ построенъ; но другіе могли быть только украшены имъ“ („*Русская Исторія*“, т. I, стр. 188). Действительно, трудно критически опредѣлить двѣ этихъ извѣстія: напр. сравненіе текстовъ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 153 и т. I, стр. 160 можетъ вызвать на предположеніи, что извѣстіе о переносѣ на новое мѣсто и расширеніи Переяславльскаго града—заставка позднѣйшей редакціи; а сравненіе текстовъ т. V, стр. 161 (о Дмитровѣ) и т. XV, ст. 225 (о Москвѣ)—подъ однимъ и тѣмъ же годомъ можетъ усилить тѣ сомнѣнія въ извѣстіи о закладкѣ Юріемъ московскаго города, о которыхъ см. у С. Ф. Платова, „*Статья по русской исторіи*“, 2-е изданіе, стр. 78—79, такъ какъ подрываютъ увѣренность, что эти извѣстія „позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ“ происходятъ къ старымъ источникамъ, а не составлены по устнымъ преданіямъ и датированы произвольно.

колониализм и организацию мѣстнаго быта, что общество—не только въ Киевской Руси, но всегда и всюду «старше своего князя»? Съ другой стороны, если бы В. О. Ключевскій захотѣлъ прикѣпить къ сѣверной Руси свою теорію о значеніи внѣшней торговли для развитія быстро усложненнаго быта и социально-политическаго строя среди восточныхъ славянъ, развѣ пришлось бы ему терпѣть отъ недостатка данныхъ? Обиліе монетъ и вещей, шедшихъ къ славянамъ съ Востока—въ VIII—XI вв., арабскія извѣстія о значительной русской торговлѣ въ болгарахъ, въ Хозарскомъ царствѣ, на Каспіи и за Каспіемъ, богатая находка западныхъ монетъ X—XI вв.; извѣстіе о сборѣ Хаварами съ Вятичей дани «щягами», т. е. западными шиллингами, столь трудное для конкретнаго осмысленія; раннее знакомство Скандинавовъ съ далекимъ сѣверо-востокомъ Европы,—все это даетъ представление о значительности Волжскаго торговаго пути—и болѣе раннее, и болѣе опредѣленное, чѣмъ то, что имѣетъ для пути изъ Варягъ въ Греки по Днѣпру. Не говорить о чуждомъ защиточности и доходовъ закоулствъ и ранній интересъ князей къ далекой Ростовской землѣ. Политическія отношенія этого края при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава не совѣмъ ясны ¹⁾. По сказаніямъ Киевской лѣтописи при Владимірѣ Святѣмъ въ Ростовѣ княжилъ Борисъ, въ Муромѣ Глѣбъ; не вижу убѣдительныхъ основаній для отрицательнаго отношенія къ этой записи стараго свода, какое высказалъ А. А. Шахматовъ ²⁾; держать крайніе боевые пункты своихъ владѣній сыновьями—устойчивая черта политики киевскихъ князей. При сыновьяхъ Ярослава—на ряду съ придѣловскими владѣніями—правобережными Изяслава Ярославича и лѣвобережными Святослава, видимъ Ростовъ, Суздаль, Поволжье въ рукахъ Всеволода вмѣстѣ съ южными Переяславемъ. Это географическа-искусственное сочетаніе волостей создаетъ особую традицію Всеволодовой отчины и притязанія сѣверныхъ князей на южный («русскій») Переяславъ, поддержанныя въ стремленіемъ держать «часть» въ Русской (Киевской) землѣ, чтобы не терять вліянія на центръ всей системы традиціонныхъ междукняжескихъ отношеній. Владиміръ Мономахъ, поглощенный борьбою съ Половцами и южной политикой, не упускаетъ, однако, изъ виду Ростова. Онъ ѣздитъ туда, по временамъ, для своего княжескаго дѣла, упорно защищаетъ съ сыновьями эту «волость отца своего» отъ захвата черниговскимъ Олегомъ Святославичемъ, строить тутъ «въ свое имя» городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Повидимому, до Мономаха и первое время при немъ Ростовъ былъ подъ управленіемъ княжескихъ посадниковъ. Мономахъ посылаетъ туда своего тысяцкого, варяга Георгія, давъ ему «на рукахъ» сына своего Юрія. Юрій Владиміровичъ сталъ княземъ Ростовскимъ и лѣтъ со-

¹⁾ См. «Княжеское право въ древней Руси», стр. 41—42.

²⁾ А. А. Шахматовъ, Разсужденія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, стр. 69—91.

рокъ непрерывно владѣлъ сѣверной волостью. При немъ уже яснѣе выступаютъ основныя особенности этого края. И тѣ черты внутренняго строя, какія выступаютъ передъ нами какъ только можемъ вычитать въ лѣтописныхъ текстахъ болѣе четкія указанія на складъ отношеній въ Ростовской землѣ, свидѣтельствуютъ о значительной сложности историческихъ судебъ, пережитыхъ ею въ предыдущее время.

Въ этой области, по дошедшимъ до насъ позднѣйшимъ лѣтописнымъ сводамъ, два крупныхъ городскихъ центра—Ростовъ и Суздаль. Не знаемъ времени основанія Суздаля, но политически онъ ближе Ростова, а между тѣмъ, со времени Юрія—онъ стоитъ рядомъ съ Ростовомъ, и земля чаще именуется въ нашихъ лѣтописяхъ Суздальской, чѣмъ Ростовской. Трудно сомнѣваться, что тотъ процессъ, какой мы наблюдаемъ позднѣе, при Андрѣе Боголюбскомъ, какъ «возвышеніе Владиміра», былъ уже пережитъ Ростовской землей при Юрѣ, какъ «возвышеніе Суздаля». Насколько знаю, описалъ только В. И. Сергѣевичъ оцѣнилъ значительность этого явленія для разумнѣнія раннихъ судебъ сѣверо-восточной Руси ¹⁾. Для Юрьевича Андрея «отень столь» въ Ростовѣ ²⁾, но, какъ отиѣтилъ В. И. Сергѣевичъ, «живетъ Юрій чаще въ Суздаль, чѣмъ въ Ростовѣ», изъ Суздаля выступаетъ въ походы и въ Суздаль возвращается, а въ Кіевѣ окруженъ не Ростовцами, а Суздальцами, и имъ раздастъ дома и села Ияславовой дружины ³⁾. Однако, Суздаль, о «возникающемъ преобладаніи» котораго говоритъ В. И. Сергѣевичъ, не отиѣсилъ Ростова на второй планъ. Терминологія Лаврентьевской лѣтописи въ разсказѣ о временахъ Андрея Боголюбскаго и событіяхъ, послѣдовавшихъ за его кончиной, неизмѣнно выдвигаетъ на первый планъ Ростовъ и ростовцевъ передъ Суздальемъ и суздальцами. Мало того. Ея текстъ носить явные слѣды переработки иного наложениа, гдѣ въ роли центра сѣверо-восточной Руси выступалъ одинъ Ростовъ; а Суздаль—добавленъ составителемъ новой редакціи свода ⁴⁾: такъ, напримѣръ, въ зна-

¹⁾ „Древности Русскаго права“, т. I², стр. 16—20.

²⁾ Лаврент. лѣтопись, 3-е изд., стр. 330 (1157 г.).

³⁾ Весьма вѣроятно, что еще при Юрѣ Суздаль сталъ резиденціей не только князя, но и ростовскаго епископа; на значеніе Суздаля какъ епископской резиденціи имѣемъ определенное указаніе отъ лѣтъ, ближайшихъ къ кончинѣ кн. Юрія: въ 1162 г. кн. Андрей Боголюбскій послѣ разрыва съ еп. Леономъ—возвратилъ его „по въ Ростовъ, а въ Суздаль не да ему съѣзди“ (П. С. Р. Л., т. II, ст. 520).

⁴⁾ Въ лѣтописи Лаврентьевской—оплетеніе ростовскихъ и владимірскихъ записей, причемъ первая—вѣроятно приключившія къ „Лѣтописцу старому Ростовскому“, на которой смысляетъ еп. Симонъ въ посланіи къ Поликарпу (Кіевско-Печерскій Патерикъ), проредактированы лѣтописцемъ владимірцемъ. См. А. А. Шахматовъ, о Лаврентьевской лѣтописи (въ „Разборъ труда Н. А. Тихомирова“: „Обзорніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной“, Отчетъ о XII приужденіи награды гр. Уварова, 1899) и его же „Исслѣдованіе Радзивилловской или Кенигсбергской лѣтописи“, при фотомеханическомъ изданіи этой лѣтописи Общ. Люб. Др. Письменности).

ментомъ разсужденіи лѣтописца о взаимномъ отношеніи старшихъ городовъ и пригородовъ читаемъ: «а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль и вси бояре хотице свою правду поставити, не хотяху сотворити правды Божьѣ¹⁾», строкъ, вызвавшія такое замѣчаніе В. И. Сергѣевича: «выходитъ, что Ростовъ и Суздаль составляютъ какъ бы одинъ старшій городъ». Сергѣевичъ объясняетъ возвышеніе Суздаля—по аналогіи съ позднѣйшимъ возвышеніемъ Владиміра: «въ старомъ Ростовѣ было не мало сильныхъ людей—бояръ, которые, естественно, стремились заправлять всѣми дѣлами волости; отъ нихъ-то, надо думать, ушелъ Юрій въ Суздаль; ко, по всей вѣроятности, бояре успѣли развестись и въ Суздали, и вотъ сынъ Юрія, Андрей, уходитъ во Владиміръ, къ мезиніамъ людямъ, владиміръцамъ».

Такъ выступаетъ уже при Юріи Долгорукомъ значеніе сильного боярства въ Ростовской землѣ; едва ли признаніе этого значенія можно считать предположеніемъ: оно подтверждается всѣми лѣтописными повѣствованіемъ о временахъ Юрія и Андрея и ихъ преемниковъ.

Руководящей мыслью политики Юрія Долгорукаго было—сохранить за своей семьей Ростовскую вотчину, утвердивъ, въ то же время, ея преобладаніе во всей Руси. Старшихъ сыновей—отъ перваго брака съ половчанкой, дочерью хана Аепц, Юрій предназначалъ для Кіевскаго юга и сажалъ ихъ при себѣ въ Переяславѣ («русскомъ»), Туровѣ, Пересопницѣ, Вышгородѣ, Каменѣ. Дѣтей отъ втораго брака, съ валантійской принцессой, Юрій держитъ на сѣверѣ—Мстислава и Новгородскомъ княженіи, Василька, Михалка и Всеволода въ Ростовѣ и Суздали. По свидѣтельству владимірскаго лѣтописца, «Ростовци и Суждальци и Переяславци и вся дружина» цѣловали Юрію крестъ «на меньшихъ дѣтяхъ, на Михалцѣ и на братѣ его». Когда ему далось утвердиться въ Кіевѣ, онъ младшихъ (Михалка и Всеволода) оставилъ въ Суздали, подъ опекой ихъ матери и своего кормильца—тысяцкаго варяга Георгія Шимоловича. Такъ былъ поставленъ вопросъ о закрѣпленіи за Ростовско-Суздальской землей значенія семейной вотчины Юрьевичей, притомъ младшихъ, сыновей Юрія отъ втораго брака, по соглашенію съ вліятельными силами земли. Старшій во всѣхъ Юрьевичахъ, Андрей разбилъ отцовскіе планы, уйдя отъ него на сѣверъ въ Вышгорода «въ свою волость Володиміерю». Быть можетъ, не лишнее цѣнности намекъ, сохраненный въ цитатѣ Карамзина, на связь Андрея съ определенной боярской партіей: на самовольный уходъ въ Суздальщину его «подъяша Кучковичи», тѣ самые, съ которыми ему потомъ пришлось такъ кроваво столкнуться²⁾. Намекъ этотъ на вліятельное участіе бояръ въ Суздальскихъ событіяхъ временъ Юрія и Андрея подтверждается дальнѣйшимъ ходомъ событій. Лѣтъ двадцать владѣлъ Андрей Суздальщиной, во

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 868 (1176 г.).

²⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., т. IV, стр. 383.

достигъ онъ этого только разгромомъ противниковъ и опораясь на своихъ сторонниковъ.

По смерти Юрія, «Ростовци и Суздальци, адувавшие вси, поша Андрейа, сына его старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на огни стоѣтъ и Суздали»¹⁾. А на третій годъ Андрей изгналъ изъ Суздальщины соперниковъ-мачешницъ съ ихъ сторонниками-болярами, «муля отца своего передними»²⁾.

Въ этихъ событіяхъ очевидно взаимодействие княжескихъ притязаній и раздоровъ съ борьбой и политикой боярскихъ партій. Въ книгѣ «Княжое право въ древней Руси» подробный разборъ лѣтописнаго текста, повѣствующаго о событіяхъ въ Суздальщинѣ по убіеніи Андрея Боголюбскаго, привелъ меня къ выводу, что упоминаніе о дѣйствіяхъ «Ростовцевъ и Суздальцевъ» должны быть отнесены не къ выступленіямъ «рѣвельмъ общинъ» Ростова и Суздаля, а къ дѣятельности ростовскаго и суздальскаго боярства, какъ дѣломъ боярскаго заговора было и самое убіеніе Андрея (Петръ, Кучковъ зять; Яковъ Кучковичъ). В. И. Сергѣевичъ правильно пояснилъ силу Ростова рядомъ съ княжамъ Суздалямъ значеніемъ ростовскаго боярства. Свообразное двойное «старѣйшинство» Ростова и Суздаля въ верхнемъ Поволжьи не объяснимо иначе, какъ солидарностью дѣйствій «бояръ и всей дружины», несмотря на то, что организація этого класса имѣла тутъ два центра. «Ростовъ, Суздаль и всѣ бояре», «Ростовци и Суздальци и Переяславци и вса дружина» — таковы формулы

¹⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 330 (1157 г.); Ипатьевская, ст. 490 (1158 г.: «сдувавшие Ростовци и Суздальци и Володимирци вси... и посадиша и на огни стоѣтъ Ростовѣ и Суздали и Володимирѣ»).

²⁾ Ипатьевская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. II, изд. 2, ст. 520—521): «выгна Андрейа епископа Леона ис Суздаля и братью свою погна Мстислава и Василка и два Ротиславича сыновца своя, мужи отца своего передни; се же створи хотя самовластецъ быти всѣй Суздальской земли»; и ниже: «пдоста Гиргевича Царюгороду Мстиславъ и Василко съ матерью и Всеволода молодого поша съ собою третьяго брата». Ср. Воскр. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 76—77). Ипатьевская лѣтопись ставитъ изгнаніе еп. Леона въ связь съ изгнаніемъ братьевъ-князей и ихъ сторонниковъ — бояръ; столкновение кн. Андрея съ епископомъ разыгралось на церковно-религиозныхъ мотивахъ (Ипат. лѣт., ст. 520; ср. Лаврент., стр. 331, подъ 1159 г.), что, конечно, не исключаетъ политической подкладки конфликта. Моментъ былъ исключительной важности для Андрея Боголюбскаго. Закончивъ постройку во Владимірѣ Успенскаго собора, кн. Андрей стремится къ церковно-политическому возвышенію своего столярнаго города — учрежденіемъ въ немъ митрополіи, и къ церковно-религиозному прославленію своей земли калонизаціей первыхъ ростовскихъ епископовъ Леонтія и Исая, мощи коихъ были найдены при закладкѣ новой соборной церкви въ Ростовѣ вмѣсто сгорѣвшей въ 1164 г. Неудача, постигшая эти начинанія кн. Андрея, не умаляетъ ихъ характернаго значенія для всей его дѣятельности. См. Никоновскую лѣтопись (П. С. Р. Л., т. IX, стр. 220—231); Голубинскаго, Ист. русской церкви, т. I, ч. I, стр. 330—331; М. Д. Приселкова, Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси, стр. 135—188.

дѣтиснаго текста; если даже настаивать на обычномъ предположеніи, что онѣ указываютъ на активную роль «старыхъ вѣчевыхъ общинъ», то в такое представленіе мало что измѣнить въ выводѣ о руководящей политической роли сильного боярства, которое стоитъ во главѣ «всей дружины» и вершитъ судьбами всей земли. Это боярство въ Суздальщинѣ то же, что и вездѣ въ древней Руси, — «старѣйшая дружина», сильная административнымъ вліяніемъ, общественнымъ положеніемъ и земельнымъ богатствомъ. Нѣтъ ни основаній, ни возможности считать этотъ классъ — новообразованіемъ, только что возникшимъ, при Андрѣ Боголюбскомъ или Юріи Долгорукомъ. А наличность сильного земскаго класса — заставляетъ признать, что первые князья Ростово-Суздальской земли, Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій, строили свое политическое и владѣльческое зданіе не на зыбкой только-что колонизирующей почвѣ, а на основѣ окрѣпшаго общественного быта, сложнаго по внутреннему строю, въ средѣ того же уклада, какой въ ту же пору наблюдаемъ въ Кіевщинѣ или на Волынѣ, въ Галицкой землѣ или въ Черниговщинѣ. XII вѣкъ — всюду на Руси время успѣхія боярскаго землевладѣнія, боярскаго вліянія и роста боярскихъ привилегій¹⁾.

Времена Юрія и Андрея для Суздальщины эпоха усилеиной организаціи княжого правленія и властвованія въ связи съ утвержденіемъ вотчиннаго обладанія ею за одной изъ лнній княжого рода. Эта дѣятельность княжой власти сказалась, между прочимъ, и въ строительствѣ, и въ колонизаціи, и въ мѣстной политической дѣятельности, въ такой же работѣ князей-вотчичей своей земли, какую — нѣсколько позже — наблюдаемъ и въ юго-западной Руси на дѣятельности старшей лннии Мономаховыхъ потомковъ въ земляхъ Волынской и Галицкой.

Конечно, приходилось князьямъ и города строить, на новыхъ ли мѣстахъ, стратегически важныхъ, или для укрѣпленія «городожъ» старинныхъ поселеній. Но что особенно ярко и характерно въ строительной дѣятельности сѣверныхъ князей — это созданіе храмовъ. Еще Владиміръ Мономахъ построилъ церковь св. Спаса во Владимірѣ. Юрію Долгорукому принадлежитъ сооруженіе св. Спаса въ Переяславѣ Загѣтскомъ, соборъ Юрьева Польскаго, св. Спаса Ефимьевскаго монастыря въ Суздали, церковь св. Бориса и Глѣба на Неран, св. Богородицы въ Ростовѣ (росписана въ 1187 г.); Андрѣю Боголюбскому — Владимірскаго Успенскаго собора, церкви св. Іоанна и Анны и Золотыхъ воротъ во Владимірѣ. Братъ его Всеволодъ продолжалъ это строительство, соорудилъ во Владимірѣ Дмитровскій соборъ и церковь Рождества Богородицы, обновилъ соборы Владиміра и Суздали. Константинъ Всеволодовичъ построилъ въ Ростовѣ новый Успенскій соборъ, когда храмъ, созданный Юріемъ, погибъ въ пожарѣ 1211 г., а въ Ярославѣ — храмы Успенскій и Преображенскій. Все это церковное строитель-

¹⁾ Ср. «Княжое право», стр. 273 и 296—303.

ство—составляет важную и весьма содержательную страницу из истории русского (и не только русского) искусства. Излюбленный материал для строения—блѣтый камень, который по Волгѣ привозили изъ Камской Болгарии. Среди этихъ храмовъ есть памятники высокаго художества, крупнаго и своеобразнаго художественнаго стиля. Передъ нами тѣ монументальныя даяныя, которые позволили Н. П. Кондакову говорить, что «русское искусство есть оригинальный художественный типъ, крупное историческое явление, сложившееся работою великорусскаго племени при содѣйствіи цѣлаго ряда иноплеменныхъ и восточныхъ народностей»¹⁾.

Значительное развитіе каменнаго церковнаго строительства, а тѣмъ болѣе, выработка оригинальнаго и художественно-содержательнаго стиля—возможны только въ странѣ съ развитой городской жизнью, богатою материальными средствами, развитіемъ мѣстнаго ремесла и вообще своей мѣстной культурой. Н. П. Кондаковъ справедливо указываетъ на украшеніе наружныхъ стѣнъ суздальскихъ храмовъ назидательной скульптурной символической, какъ на признакъ развитой городской жизни, такъ какъ эта символическая скульптура рассчитана на вниманіе и пониманіе населенія, толпящагося на храмовой площади. Однихъ этихъ храмовъ достаточно, чтобы отказаться отъ представленій о сѣверо-восточной Руси XII вѣка, какъ о темномъ заолустьѣ, гдѣ и культура, и благосостояніе, и городская жизнь стояли несравненно ниже, чѣмъ на Киевскомъ югѣ.

Своеобразный художественный типъ Суздальскаго искусства XII-го вѣка—одно изъ наглядныхъ проявленій особенности этой русской области. Но не слѣдуетъ преувеличивать ея обособленія, игнорируя значительность ея связей съ югомъ и западомъ. Въ нашихъ лѣтописныхъ источникахъ достаточно указаній на то, какъ дорожили этими связями князья сѣверо-восточной Руси. Увлеченіе «теоріей родового быта» оставило глубокий слѣдъ въ нашей историографіи, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что политика Юрія Долгорукаго осмыслилась, какъ борьба за отлаченный принципъ старшинства въ русской землѣ, связаннаго съ «золотымъ столомъ» Киева, безъ достаточнаго вниманія къ реальнымъ ея мотивамъ. Юрій—это видно изъ фактическихъ данныхъ о его дѣятельности въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ²⁾—стремился къ сохраненію и усиленію своего вліянія въ южной Руси не безъ отношенія къ своимъ «суздальскимъ» интересамъ. Его борьбу за Киевъ нельзя отдѣлять отъ характерныхъ усній закрѣпить за собою вотчину Всеволода Ярославича и Владиміра Мономаха—Переяславъ южный, а также Городецъ русскій, Посемье и Курскъ, линію связи Суздальскими

¹⁾ Н. П. Кондаковъ, О научныхъ задачахъ истории древне-русскаго искусства (Памятники древней письменности», вып. 132. 1899 г.); Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, «Русскія древности», вып. VI.

²⁾ См. «Княжое право», стр. 94—105.

съ югожъ. Съ такой точки зрѣнія не столь глубоко разрывъ съ его политической дѣятельности Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича. Они отрѣшились отъ представленія о Киевѣ, какъ неизбѣжномъ центрѣ общерусскаго вліянія, но не отъ стремленія сохранять это властное вліяніе на судьбы русскаго юга. Помимо политическихъ мотивовъ—держать подъ своей рукой традиціонный центръ всей системы междукняжескихъ отношеній, чтобы не дать окрѣпнуть силѣ соперниковъ—старшихъ Мономашичей, опасной для Суздальщины по ихъ вліянію на Новгородъ, на Смоленскъ, на Черниговщину, это стремленіе объясняется опредѣленными торговыми и культурными интересами. Торговые и культурныя отношенія Суздальщины съ Черниговымъ и Галицкой Русью, Смоленскомъ и Новгородомъ были широки и значительны. Они недостаточно изучены, но выѣ: представленія о нихъ необъяснимы исторически ни суздальское искусство, ни развитіе книжнаго творчества сѣверо-восточной Руси. Съ юга шли цѣнные товары, какъ и съ запада; въ Суздальщинѣ знамя нѣмецкихъ купцовъ и западныхъ ремесленниковъ; черезъ нее шла торговля Востока и Запада, шелъ, напр., болгарскій воскъ, съ одной, и нѣмецкія сукна, съ другой стороны ¹⁾. Великій Волжскій путь, насажденный съ VIII—IX вв., не замаралъ и въ слѣдующія столѣтія. Ростовско-Суздальская земля раскинулась на пути исконныхъ транзитныхъ отношеній, которыя объясняютъ, въ связи съ другими условіями, возникновеніе на русскомъ сѣверо-востокѣ крупной исторической жизни.

Еще при Юріи Долгорукомъ опредѣлился особый кругъ интересовъ Суздальской политики, который, въ значительной степени, остается основнымъ и характернымъ на рядъ столѣтій въ исторіи Великороссіи. Пресловутая борьба за Киевъ далеко не наполняетъ всей жизненной дѣятельности Юрія. При жизни отца и старшаго брата Мстислава, и позднѣе въ восьмилѣтнее киевское княженіе Всеволода Ольговича—онъ замкнутъ въ мѣстныхъ, суздальскихъ интересахъ. Ихъ основная черта—стремленіе обезпечить за собой господство на путяхъ изъ Новгорода въ Поволжье. Первое завѣстіе о Юріи на сѣверѣ—его походъ на Камскихъ Болгаръ въ 1120 году. Наступленіе на Новгородъ—характерная черта его дѣйствій. Не разъ сажаетъ онъ сыновей на новгородскомъ княженіи, дважды захватываетъ Новый Торъ, запирая артерію восточной торговли Новгорода. Стремленія Юрія идутъ и дальше: онъ началъ наступленіе на Заволжскія владѣнія Новгорода, отнимаетъ у него сѣверныя даны и пути торговые. Тутъ, на новгородской почвѣ, завязалась борьба Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ, и началась—наступленіемъ Изяслава за то, что «Гюргій изъ Ростова обидѣтъ его Новгородъ, и даны отъ нигъ отониматъ и на путѣхъ нигъ пакости дѣбеть». Это столкновеніе втянуло Юрія въ борьбу съ Изяславомъ за Киевъ, и его

¹⁾ Ср. обзоръ завѣстій о внѣшнихъ отношеніяхъ Суздальщины у В. С. Иконникова, «Опытъ русской исторіографіи», т. II, кн. I, гл. десятая.

побѣда разбила въ самомъ центрѣ враждебныя силы южныхъ князей ¹⁾. Черты «суздальской ориентировки» въ политикѣ Юрія Долгорукаго подготовили дѣятельность Андрея Боголюбскаго. Главная энергія Андрея направлена на Новгородъ: Андрей силой водворяетъ въ Новгородѣ послушныхъ князей—смысловъ и племянниковъ или подручнаго смоленскаго Ростиславича, смиряетъ новгородцевъ прекращеніемъ подвоза хлѣба изъ Поволжья въ Новгородъ; и знаменитый походъ на Кіевъ 1169 года, приведшій къ разгрому «матери городовъ русскихъ», былъ вызванъ столкновеніемъ Андрея съ Мстиславомъ Изяславичемъ изъ-за господства въ Новгородѣ. Другая забота Андрея—болгарскія отношенія, которыя вызвали два его похода внизъ по Волгѣ (1164 и 1172 гг.). И та же политика—на два фронта—характерна для дѣятельности Всеволода Юрьевича. Кромѣ большого похода на Болгарь въ 1184 г., когда онъ 10 дней стоялъ подъ ихъ столицей Великимъ городомъ, Всеволодъ въ 1186 г. послалъ рать свою воевать болгарскую землю. Но в его главная забота—новгородскія отношенія, которыя все больше осложнились попытками новгородцевъ найти опору противъ суздальскаго засилья въ князьяхъ-соперникахъ новой сѣверной силы. Кіевъ палъ, и новое Мономахово племя замкнулось въ дѣлахъ волынскихъ и галицкихъ. Новгородцы пытаются теперь противопоставить напору князей Владиміра Суздальскаго то смоленскихъ, то даже черниговскихъ князей. Но безъ сильной княжеской власти имъ не обойтись. Изъ славывали съ княжеской властью далеко не одни торговые пути и дѣла въ окрестныхъ земляхъ—вотчинахъ осѣвшихъ тамъ на владѣльческомъ корню княжескихъ фамилій. XII вѣкъ и начало XIII-го боевое время въ жизни Великаго Новгорода; крѣпнеть западная ориентировка новгородской торговли, а, съ другой стороны, разрастается новгородское наступленіе на западныхъ и восточныхъ финновъ, ради ясака и господства въ промысловыхъ волостяхъ, завязывается и упорная борьба со шведами, литвой и нѣмцами за прибалтійскіе торговые пути и господство надъ тѣми же финнами. Торговый городъ не можетъ обойтись безъ испытанной боевой княжеской силы, которая не только организуетъ его наступленіе и самооборону, но и поддерживаетъ ихъ своими войсками. Суздальскіе князья сильнѣе другихъ, и ближе ихъ интересы къ новгородскимъ задачамъ; въ нихъ Новгородъ находитъ больше дѣйствительной поддержки въ борьбѣ и съ финнами и съ западными врагами. Но они, именно потому, и опаснѣе для новгородской вольности, еще не окрѣпшей: защищая и поддерживая новгородцевъ, князья Владиміра Суздальскаго стремятся, со временемъ Юрія и Андрея, крѣпко и постоянно держать его подъ своей рукой.

Въ дѣятельности Всеволода Юрьевича видимъ закладку прочныхъ основъ «великаго княженія Владимірскаго и Великаго Новгорода», какъ

¹⁾ См. „Княжеское право“, стр. 100.

характерно называют поздние летописцы Суздальской земли эту политическую формацию. После нескольких решительных столкновений, Всеволод привел новгородцев к тому, что они у него просили себя князей, и владимирский князь, первый, кого летописные тексты определенно титулуют «великим князем», посылает на новгородское княжение племянников и сыновей своих. Боевое положение Владимирского великого князя требует распоряжения возможно значительными военными силами. Вопреки реальным потребностям суздальской политики проникнуто стремление северно-русских князей к подчинению себя другим русским князьям, чтобы парализовать их противодействие расширению своей власти и пользоваться их силами для своих предприятий. Последнее особенно ясно в отношении Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича к князьям муромо-рязанским и смоленским. Владимирские князья посылают их со своими войсками в походы, низводят их до положения своих подручников. Оправдания своему засилью они ищут в традиционной идее старшинства, которое Андрей «отдѣлилъ» отъ Киева, а Всеволод определенно привязал къ «великому князю Владимірскому». Однако, при этом подлинный смысл «старшинства во всей братии, князьях русских» претерпѣлъ существенное искажение. Прежнее, киевское старшинство и оправдывалось и питалось общерусскими интересами Киевской Руси, прежде всего — насущной задачей борьбы съ половцами, а суздальское старшинство стало своим, повуждавшей «братью» служить политикѣ, задачей которой либо были имъ чужды, либо даже противорѣчили ихъ собственнымъ интересамъ. Лишь по принужденію служатъ смоленскіе Ростиславичи Андрей и Всеволоду противъ Новгорода и князей черниговскихъ. А въ землѣ Муромо-рязанской, особенно послѣ ея распада на двѣ княжескія вотчины — муромскую Святославичей и рязанскую Ростиславичей, внутреннія смуты даютъ суздальскимъ князьямъ поводъ утвердить на основѣ своего признаннаго «старшинства» настоящее господство. Начавъ властному вмѣшательству въ дѣла Муромо-рязанской земли положилъ еще Юрій Долгорукій, а Всеволодъ, послѣ попытки «порядъ сотворити всей братѣ» муромской и рязанской (1180 г.), повелѣлъ «изымать» неугодныхъ князей, послалъ на Рязань княжить сына Ярослава, попытку сопротивления сурово усмирилъ разореніемъ Рязани и большимъ выводомъ людей въ Суздальщину, а Муромъ отдалъ проскому князю. Подчиняя себя рязанскимъ и муромскимъ князьямъ, великій князь Всеволодъ бралъ на себя оборону муромо-рязанскихъ предѣловъ. Въ 1183 г. видимъ его въ походѣ на волжскихъ болгаръ съ князьями рязанскими и муромскими; въ 1199 г. онъ идетъ съ сыномъ Константиномъ на подовцевъ, доходить до ихъ зимовищъ возлѣ Дона ¹⁾. Борьба со степными кочевниками и съ сѣвѣдной мордвой держали въ постоянномъ напряженіи

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 96; Лаврентьевская лѣт. стр. 394.

рязанскія и муромскія силы, и опора въ силахъ остальной Великороссіи была имъ неизбѣжной необходимостью. По существу, проявленія владимирскаго старѣйшинства обслуживали мѣстную судальскую политику, и южный поэтъ былъ правъ въ укоризнѣ Всеволоду: «Ни мыслию ти прилетѣти издалежа, отъяна стола полюбости». Судьбы южной Руси не привлекали организующей энергіи Всеволода; проявленія его властнаго вмѣшательства въ южныя дѣла лишь ускоряли и обостряли политическое разложенеіе Кіевской Руси и связи, прежде всего, съ его смоленскими и черниговскими отношеніями.

* * *

И смуты-усобицы, потрясшія Ростовско-Суздальскую землю по смерти Всеволода (1212 г.), не разбили ея единства, не сломали «великаго княженія Владимірскаго». Соперничество двухъ Всеволодовичей, Константина и Юрія, закончилось, послѣ непрочныхъ договоровъ 1212 и 1218 г.г., компромиссомъ 1217 г.: «я съде Костянтинъ въ Володимирѣ на столѣ, а Юрги Суждали, и бысть радость велика въ земли Суждаальстей, а дьяволю единъ плакашеся свои погыбели»¹⁾. Въ Суздальщинѣ создалось положеніе, напоминающее соправительство старшихъ Ярославичей въ Кіевской Руси²⁾. Какъ при первомъ соглашеніи (1212—13 г.г.), когда «старѣйшинство» осталось за Юріемъ, такъ и послѣ 1217 г., когда оно перешло къ Константину, положеніе младшихъ князей опредѣляется «порядкомъ» двухъ старшихъ. Такъ Юрій вывелъ въ 1213 г. Владиміра Всеволодовича изъ Москвы и послалъ его въ «Русскій Переяславъ, на отчину свою», а когда онъ вернулся изъ половецкаго плѣна въ Суздальщину къ братьямъ, они «даша ему Стародубъ и ину властью»³⁾. Юрій, утвердившись на великомъ княженіи по смерти Константина, крѣпко держитъ старѣйшинство надъ младшими князьками, посылаетъ въ походы братьевъ, сыновей и племянниковъ. Въ 1229 г. «Ярославъ усумишася брата своего Юрга, слушая лѣкмыихъ лести, и отлучи отъ Юрга Константиновичи три, Василья, Всеволода, Володимира, и мыслашеть противитися Юрью, брату своему, но Богъ не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрга призна ихъ на снѣгъ въ Суздаль, и исправивше все нелюбие межю собою, и поклонившася Юрью вси, ииуще его отцемъ себѣ и господиномъ»⁴⁾.

Сильны еще общіе интересы Ростовско-Суздальской земли; круговоръ суздальской политики еще слишкомъ широкъ, и ея напряженность слишкомъ значительна, чтобы во внутреннемъ строѣ земли могли получить перевѣсъ тенденціи къ вотчинному дробленію княжого владѣнія. Крѣпнеть связь Вла-

¹⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 415 (1212 г.) 416 (1213 г.) и 418 (1217 г.).

²⁾ Ср. «Княжое право», стр. 43—45. Юрій и Константинъ дѣйствовали по соглашенію съ Ярославомъ Всеволодовичемъ.

³⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 416 (1213 г.) и 420 (1218 г.).

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 429 (1229 г.).

днѣрскаго великаго княженія съ Новгородомъ въ энергичной дѣятельности князя Ярослава Всеволодовича. Ярославъ еще при отцѣ былъ опорой суздальскаго влiянiя въ ея предѣлахъ—въ южномъ Переяславѣ, въ Рязани. Съ 1215 г. онъ появляется на новгородскомъ горизонтѣ въ двойственной, съ точки зрѣнiя новгородцевъ, роли: крутого борца за силу княжеской власти противъ роста новгородской вольности и крупнаго дѣятеля въ борьбѣ съ западными врагами и въ покоренiи финскихъ племенъ. Для суздальскаго князя тутъ, очевидно, никакой двойственности не было: онъ велъ свою, не новгородскую политику. Эту новгородскую дѣятельность Ярослава нѣтъ основанiя рассматривать, какъ его личное, «опричное» дѣло. За нимъ стоятъ великiй князь Юрiй и вся братья, суздальскiе князья. По временамъ, хотъ и неудачно, его смѣняетъ на новгородскомъ столѣ Всеволодъ Юрьевичъ (1221, 1224 г.г.); великiй князь Юрiй посылаетъ въ Новгородъ то сына, то, по просьбѣ новгородцевъ—Ярослава ¹⁾, то даетъ имъ шурвина своего Михаила черниговскаго, взявъ съ нихъ окупъ въ 1224 г. Суздальскiе поля ходятъ на вырубку новгородцевъ и исковичей противъ ямцевъ и литвы, на чуда, емъ и корезу. Новгородцы и исковичи дорожили этой помощью, но тяготились самостоятельностью княжеской политики на западной границѣ, такъ какъ Ярославъ не всегда считался съ ихъ мѣстными условiями и интересами ²⁾.

А на востокѣ Юрiй съ братьями и племянниками ведетъ борьбу противъ мордвы, которая въ эту пору проявила значительную не только оборонительную, но и наступательную энергiю, и съ камскими болгарами ³⁾; для этой борьбы созданы имъ новый опорный пунктъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Не забыты и другiя традиции суздальской политики: Юрiй поддерживаетъ зависимость отъ Суздальщины южнаго Переяславля ⁴⁾, усиливаетъ свое влiянiе въ Черниговщинѣ, пользуясь свойствомъ своимъ съ княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ ⁵⁾. Рязанскихъ князей, плѣненныхъ Всеволодомъ

¹⁾ Новгородцы „послаша къ великому князю Юрью, глаголюще: „аще не хочещи у насъ держати сынъ свой, то вдай намъ брата своего“, и вдасть имъ брата своего князя Ярослава“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 129, подл. 1222 г.).

²⁾ Характерны упреки исковичей Ярославу въ 1228 г.: „Придоша полки къ Ярославу изъ Переяславя въ Новгородъ, хотяче ити на Ригу. Исковичи же, то свидаше, послаша къ Ярославу глаголюще: тебѣ, княже кланяемся, не ходи къ намъ, мы съ рязань миръ взяли, а на путь съ вами не идемъ; ходиши есте къ Кольваню и сребро влаете, а правды не учиваете, также и въ Кесю, а сами отидоша въ Новгородъ, толке раздраживше, и зато нашу братью ямцы набиша, а нимъ въ подонъ свели, аще тако судамши есте, то и мы противу васъ со святою Богородицею“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 178, Псковск. I, лѣт., подл. 6736 г.).

³⁾ 1226, 1228, 1232 года (Лаврентьевская лѣтопись, стр. 428, 428—9, 437).

⁴⁾ Юрiй посылаетъ туда княжить племянника Всеволода Константиновича (1227), брата Святослава (1228).

⁵⁾ Въ 1226 г. Юрiй вмѣшался въ усобицу шурвина своего съ княземъ Олегомъ Курскимъ, ходялъ ему въ помощь съ племянниками—Константиновичами и „створи миръ межи ими“ при содѣйствiи митр. Кирила. Лаврентьевская лѣт., стр. 436.

Юрьевичемъ, Юрій отпустилъ въ ихъ отчину, а послѣ злодѣйскаго избиенія шести князей Глѣбомъ и Константиномъ Владиміровичами помогъ Ингварю Игоревичу одолѣть братоубійцъ и утвердиться на рязанскомъ княженіи.

Суздальская политика и при Юріи идетъ по слѣдамъ Всеволода Юрьевича. Внутреннія смуты и многокняжіе расшатываютъ единство Суздальщины, но оно далеко еще не разрушено. Съ другой стороны, по даннымъ нашихъ источниковъ нельзя установить—для времени до татарскаго нашествія—какіе-либо примѣры выдѣленія частей Ростовско-Суздальской земли въ вотчинное, опричное владѣніе отдѣльныхъ князей. Въ смѣнѣ княжескихъ поколѣній, конечно, намѣчаются, какъ бывало и въ Кіевской Руси, вотчинныя связи и притязанія отдѣльныхъ княжескихъ линий на опредѣленные города и волости, но нѣтъ еще фактовъ вотчиннаго распада обширной Ростовско-Суздальской земли. История междукняжескихъ отношеній на русскомъ сѣверо-востокѣ представляетъ принципиальный интересъ только съ кочины Юрьевича (1212 г.). До этого момента нѣтъ и повода ставить вопросъ объ образованіи какихъ либо «вотчинныхъ княженій» въ Суздальщинѣ.

Планы и распоряженія Всеволода о будущей судьбѣ его владѣній извѣстны намъ только по такимъ рассказамъ современниковъ—лѣтописцевъ, которые носятъ явные слѣды пережитыхъ по смерти Всеволода смутъ и проникнуты опредѣленными княжическими тенденціями.

Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ правилъ столь же «самовластно», какъ Андрей Боголюбскій, младшихъ князей онъ держалъ подкручниками, исполнителями своей воли. Въ рассказахъ о немъ лѣтописи устанавливается новая политическая терминологія: титулъ «великаго князя» послѣдовательно означаетъ «старѣйшину» среди русскихъ князей¹⁾; впервые встрѣчаемъ въ нихъ и обращеніе князей къ великому князю: «господине». Какъ же представлялъ себѣ Всеволодъ постановку преемства власти—послѣ себя? Повѣствованіе, которое даетъ нѣкоторый отвѣтъ на подобный вопросъ, находимъ въ лѣтописномъ сводѣ по списку «мяха Лаврентія»; оно вошло въ этотъ сводъ, видимо, изъ ростовскаго источника, такъ какъ явно составлено сторонникомъ князя Константина Всеволодовича. Усердное стремленіе его обосновать право Константина на старѣйшинство по кончинѣ отца облачаетъ, при томъ, полемическое настроеніе, наглядное борьбой за это право между братьями Константиномъ и Юріемъ. Сообщая, какъ въ 1206 (6714 г.) Всеволодъ послыалъ сына своего Константина на княженіе въ Великій Новгородъ, этотъ повѣствователь вложилъ великому князю въ уста такую рѣчь: «сыну мой Константинъ, въ тебе Богъ положилъ переже старѣйшинство во всей братіи твоей, а Новгородъ Великій старѣйшинство имать

¹⁾ Ср. L. K. Goetz, „Der Titel Großfürst in den ältesten russischen Chroniken“ (въ „Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte“, т. I, кн. 1 и 2).

князю во всей Русской землѣ; по имени твоемъ тако и хвала твоя: не токмо Богъ положивъ на тебѣ старѣйшинство въ братѣ твоей, но и въ всей Русской землѣ, и язъ ти даю старѣйшинство, пойдѣ въ свой городъ». Тутъ же—изображеніе въ приподнятомъ, риторическомъ тонѣ обстановки поставленія Константина на новгородское княженіе отъ руки отца, великаго князя: Всеволодъ вручаетъ сыну «крестъ честный и мечъ»—инвеституру на «пасенье людей своихъ отъ противныхъ»; провожаютъ его «вся братья его» всѣ бояре отца его и всѣ купцы (или: всѣ мужи отца его и «вся людье») и «вси послы братья его». Сбитость нѣкоторыхъ чертъ въ этомъ изображеніи, напримѣръ—несогласованность личнаго присутствія братьевъ Константина и роли ихъ «пословъ», мѣшаетъ признать весь рассказъ позднѣйшимъ риторическимъ сочиненіемъ, а склоняетъ къ мысли, что въ немъ нѣсколько искаженно отразилась запись, болѣе отчетливая и, вѣроятно, воспроизводившая нѣчто, дѣйствительно бывшее ¹⁾. Торжественно, по этому рассказу, встрѣчаютъ Константина новгородцы «отъ мала и до велика» съ епископомъ Митрофаномъ, крестнымъ ходомъ, ведутъ его въ храмъ св. Софій, гдѣ и совершенъ обрядъ посаженія его на столъ княженія ²⁾. Весьма вѣроятно, что книжникъ—сторонникъ Константина использовалъ простой рассказъ объ отъѣздѣ Константина въ Новгородъ и его проходахъ, и внесъ въ него рядъ многозначительныхъ чертъ, чтобы создать сцену, которая могла бы соперничать въ политической значительности съ обстановкой, въ какой Всеволодъ передавалъ старѣйшинство Юрію. Существенно не фактическое содержаніе этой сценки, а выложенная изъ нее тенденція. Передъ нами вѣчто новое, чуждое Киевской Руси, чуждое и новгородскому лѣтописанію: попытка связать право Константина на великое княженіе (на старѣйшинство не только во всей братѣй-князьихъ, но и во всей Русской землѣ) съ его княженіемъ въ Великомъ Новгородѣ, съ тѣмъ, что «Новгородъ Великій старѣйшинство имать князю во всей русской землѣ». Зарождается новая историческая концепція великокняжеской власти, которая, съ одной стороны, будетъ жить въ наименованіи сѣверно-русскимъ лѣтописаніемъ великаго княженія «Владимирскимъ и Великаго Новгорода», а, съ другой, придастъ особую многозначительность новгородскому преданію о Рюрикѣ, первомъ князѣ русскомъ. Концепція эта, какъ еще увидимъ, получала твердую опору въ реальномъ значеніи, какое имѣло для великихъ князей обладаніе Великимъ Новгородомъ.

Но и въ данномъ частномъ случаѣ, въ вопросѣ о Константиинѣ и его притязаніяхъ на старѣйшинство, нашъ книжникъ не такъ далеко ушелъ, по существу, отъ исторической правды, освѣщая по своему отношенію къ сю-

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 400—401. Вѣроятно братья провожали Константина часть пути (до рѣки Шедвиши?), а ихъ „послы“ и далѣе?

²⁾ Тамъ же, стр. 402.

ему князю—его отца Всеволода Юрьевича. Положение Константина при отцѣ было, дѣйствительно, исключительнымъ. Въ то время, какъ Всеволодъ держитъ остальныхъ взрослыхъ сыновей на княженіяхъ внѣ Суздальщины (въ Новгородѣ, Рязани, Переяславѣ южнѣ), онъ Константинъ отозвалъ въ 1207 г. изъ Новгорода и «остави у себѣ», давъ ему «Ростовъ и нѣтъ пять городовъ ¹⁾ да ему къ Ростову» ²⁾. Дальнѣйшій ходъ событій показываетъ, что тутъ не было выдѣла Константину «вотчины» или «удѣла».

Характерно, что Лаврентьевскій сводъ не сохранилъ разсказа о столкновеніи Всеволода съ сыномъ Константиномъ по вопросу о дальнѣйшихъ судьбахъ великаго княженія. Свѣдѣнія объ этомъ (столкновенія дошли до насъ только въ болѣе позднихъ сводахъ, всего полнѣе въ Воскресенской лѣтописи, которая сообщаетъ подъ 1211 г.: «посла князь великій Всеволодъ по сына своего Константина въ Ростовъ, дая ему по своему животѣ Володимеръ, а Ростовъ Юрью дая; онъ же не ѣха ко отцю въ Володимеръ, хотя звати Володимеръ къ Ростову; онъ же посла по него, вторичею зва къ себѣ, и тако пакы не иде ко отцю своему, но хоташе Володимера къ Ростову» ³⁾. Текстъ этотъ уже въ Никоновской лѣтописи подвергся такому толкованію, которое выдвигало вопросъ о соперничествѣ Ростова и Владиміра; тутъ онъ передѣланъ въ рѣчь князя Константина, который говоритъ отцу: «понеже много волюбилъ мя еси и старѣйшаго ми сына имаши и старѣйшину мя хочещи устроить, то даждь ми старый и начальный градъ Ростовъ и къ нему Володимеръ; аще не хочеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимеръ и къ нему Ростовъ» ⁴⁾. Весьма вѣроятно, что къ этому

¹⁾ По предположительному мнѣнію А. В. Экземплярскаго, это были: Князевъ, Угличъ, Молога, Ярославъ и Бѣлоозеро («Великіе удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 66, пр. 215).

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 412.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 117; и кратко въ Типографской, изд. 1784 г., стр. 3.

⁴⁾ Этотъ текстъ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 63) осторожно ставитъ альтернативу: либо Владиміръ къ Ростову, либо Ростовъ къ Владиміру; такъ же осторожно выражается С. М. Соловьевъ («Ист. Росс.», кн. I, ст. 580): Константину «непрѣменно хотѣлось получить и Ростовъ и Владиміръ». В. И. Сергѣевичъ ловитъ книжника-лѣтописца на словѣ «къ Ростову» и видитъ мотивъ Константина въ стремленіи вернуть Ростову его прежнее преобладаніе надъ Владиміромъ; тоже понимавше этого выраженія и въ Никоновской лѣтописи. Однако, оно можетъ и не имѣть такого глубокаго смысла, а могло быть подказано просто тѣмъ, что въ Ростовѣ Константинъ и до того княжилъ, а также стилистическимъ вліяніемъ фразы: «и нѣтъ 5 городовъ да ему къ Ростову». Вопросъ о томъ, какому изъ двухъ городовъ быть резиденціей князя могъ, однако, и даже долженъ былъ, казалось бы, возникнуть въ связи «если не съ политическимъ „старѣйшинствомъ“ Ростова (Сергѣевичъ) или „стариннымъ притязаніемъ ростовцевъ“ (Соловьевъ), то—съ церковно-административнымъ значеніемъ Ростова. Соединитъ стольное значеніе Владиміра съ утвержденіемъ въ немъ центра церковнаго управленія было мыслію кн. Андрея Боголюбскаго. Весьма вѣроятно, что фактически митрополиты Ростовско-Суздальскіе часто пребывали во Владимірѣ, гдѣ жилъ великій князь. Что эти вопросы подыались съ новою силой

же моменту относится и назначение Ярославу Всеволодовичу—Переяславу, а Владимиру—Юрьеву Польского¹⁾.

Старшинство во всей братьи Всеволодь определенно связывает со столом Владимирского княжения, а разногласие съ нимъ Константина въ стремленіи этого князя сохранить въ своихъ рукахъ и Ростовъ и Владимиръ. И Всеволодь не отнялъ у него Ростова, но передалъ Владимиръ—Юрюю, а съ Владимирскимъ княженіемъ связанное съ нимъ «великокняжеское» старшинство.

«Князь великій Всеволодь созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Иоанна и игумены, и попы, и купцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрю Володимеръ по себѣ и води всѣхъ ко кресту, и пѣловаша вси люди на Юрия; приказа же ему к братю свою»²⁾. Въ остальномъ рядъ Всеволода остался, надо полагать, тотъ же. «Лѣтописецъ Переяслава Суздальскаго» приводитъ и наставленіе Всеволода сыновьямъ о сохраненіи или единичества: «и не мѡзѣта ратитиси сами между собою, но аще на васъ встанеть кто иныхъ князій, то вы вси совокупившися на нихъ будите, и буди вамъ Господь помощникъ и святая Богородица, и молитва дѣда вашего Георгія и прадѣда Володимера и потому и азъ благословяю вы». Характерно тутъ представленіе о завѣтахъ Владимира Мономаха Юрія Долгорукаго и Всеволода Юрьевича, которыми должны руководиться потомки; представленіе это долго будетъ жить и въ книжной традиціи и въ общественной великорусской мысли: въ свое время княжичъ-лѣтописецъ, отмѣчая закрѣпленіе великаго княженія за Иваномъ Калитой, вспомнить о немъ и запишетъ, что Иванъ Даниловичъ получилъ «княженіе великое надо всею русскою землею, яко же и праотець его великій князь Всеволодь-Дмитрій Юрьевичъ»³⁾.

во время раздоровъ между Всеволодовичами, видно изъ того, что въ 1214 г. Юаць, епископъ Суздальскій, отписася епископѣи всея земля Ростовскимъ, и тогда кн. Константинъ провелъ поставленіе за ростовскую епископю своего духовника игумена Пахомія, а кн. Юрія—поставленіе игумена Симона—«епископомъ Суждалю и Володимеру» (Лаврент. лѣт., стр. 416). Однако, въ 1217 г., когда Константинъ добился старшинства надъ Юриемъ, овъ садится „въ Володимеръ на столъ“, сохраняя за собой и Ростовъ; Юрій перешелъ въ Суздаль.

¹⁾ „Лѣтописецъ Переяслава Суздальскаго“ (изд. кн. М. А. Оболенскимъ во Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. IX, и отд. М. 1851, стр. 110) сообщаетъ о „рядѣ“ Всеволода дѣтямъ: „тогда же въ живѡтѣ своемъ розда волости дѣтемъ своимъ—большему Константину Ростовъ, а потому Гюргю Володимеръ, а Ярославу Переяславу, Володимеру Гюргевъ, а меньшему, Салтослава и Иоанна, вла Гюргю на рудѣ река: ты имъ буди въ отца мѣсто, а имѣя я, яко же и азъ имѣя я“. Съ перестановкой въ этомъ текстѣ Ростова и Владимира (Константину Владимиръ, Юрю—Ростовъ) запись, повидемому, точно передавала бы первоначальный рядъ Всеволода, но текстъ измѣненъ примыслительно къ позднѣйшимъ отношеніямъ—въ моментъ смерти Всеволода. На это указываютъ подчеркнутое старшинство Константина и порученіе Юрю только младшихъ, еще малолѣтнихъ, Святослава и Ивана Всеволодовичей.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 117.

³⁾ „Новгородская лѣтопись по харатейному списку“, изд. 1888 г., стр. 437.

Многое изменилось въ строѣ Ростовско-Суздальской земли ко времени князю Всеволоду Юрьевича. Суздаль явно отступает на второй планъ осгѣ недогага соперничества въ земскомъ значеніи съ Ростовомъ. Рядомъ съ великокняжескимъ Владиміромъ стоитъ Ростовъ, въ которомъ Константинъ Всеволодовичъ видитъ столь же необходимую опору своего старѣйшинства, какъ и въ стольномъ Владимірѣ. Его сторонникъ-лѣтописецъ, чье изложеніе опредѣлило составъ данной части Лаврентьевскаго свода, во все опустылъ сообщеніе о передачѣ старѣйшинства Юрію и о надѣленіи княземъ Ярослава и Владиміра, словно въ «рядѣ» Всеволода и рѣчь то шла только о великокняжескомъ преемствѣ. Этотъ лѣтописецъ выражалъ, очевидно, ростовскія тенденціи, стремленія ростовскаго боярства. Но общественныя силы, съ которыми приходилось считаться княжеской власти въ Ростовско-Суздальской землѣ, не укладываются въ предстаненіе о боярствѣ одного города. Вспомнимъ еще разъ, какъ по смерти Андрея Боголюбскаго судьба земли рѣшалась на сѣздѣ въ Владимірѣ «Ростовцевъ и Суздальцевъ и Переяславцевъ и всей дружины—отъ мала и до велика»; переговоры этого сѣзда съ князьями лѣтописецъ называетъ «рѣчью дружиной»¹⁾. Тутъ не одинъ бояре дѣйствуютъ, а «вся дружина», т. е. «бояре и грядьба и пасыжнѣ»²⁾. Но бояре нершатъ судьбами земли. Они призвали на княженіе старшихъ племянниковъ Всеволода—Ростиславичей, ихъ внявъ лѣтописецъ-владимірецъ за «многу тяготу» землѣ отъ управления этихъ князей³⁾; и въ нихъ вся опора князей⁴⁾. Лишь въ борьбѣ съ ними утвердилъ Всеволодъ свою власть въ Ростовско-Суздальской землѣ, опираясь на свою личную дружину, на владимірецъ и на то «что баше бояре оставася у него». Среди старшихъ боярь-противниковъ Всеволода выступаютъ поименно, какъ крупныя фигуры, Добрыня Долгий, Матвѣй Шибутовичъ, Иванко Степановичъ. Побѣда Всеволода на Юрьевскомъ погѣ ознаменована разгромомъ этого боярства: иные погваби въ бою, другіе плѣнены, а села боярскія, кони и скотъ разграблены побѣдителями⁵⁾. И Всеволодъ правилъ, «не обвиняя лица сильныхъ своихъ боярь, обидящихъ меншихъ и работящихъ слроты и насилье творящихъ»⁶⁾. Однако и онъ окруженъ «сильными боярами». Тѣ самые бояре, которые разстроили въ разгаръ княжеской усобицы попытку князей помириться путемъ раздѣла владѣній Ростовско-Суздальской землей⁷⁾, смѣ-

¹⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 353.

²⁾ Тамъ же, стр. 360.

³⁾ «А сама князя молодца баша, слушая бояря, а бояре учакуть я на многое шивъе»—тамъ же, стр. 355.

⁴⁾ «А бояре князю тою держакуся крѣпко», тамъ же, стр. 356.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 361—362.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 415.

⁷⁾ Всеволодъ предлагалъ Мстиславу Ростиславичу помириться на томъ, что уступалъ ему Ростовъ, куда того привезла «старѣйшая дружина», а себѣ (съ братомъ) сохраняя Владиміръ; «а Суздаль—буди намъ обще, да кого восхотятъ, тотъ имъ буди князь» (тамъ же, стр. 361).

рился передъ силой Всеволода, когда онъ сталъ однимъ великимъ княземъ всей земли. Что тутъ дѣло шло не только о соперничествѣ городовъ, но и о болѣе глубокихъ особенностяхъ строя Ростовско-Суздальской земли, показываютъ событія 1211 г., когда Всеволодъ Юрьевичъ—въ новомъ раздорѣ между ростовскимъ княземъ Константиномъ и владимірскимъ Юріемъ—закрѣпляетъ свой «рядъ» на многолюдномъ съѣздѣ, который И. Е. Забѣяну представился «первымъ земскимъ соборомъ». Перечень общественныхъ группъ на этомъ съѣздѣ вызываетъ сомнѣнія потому, что текстъ ¹⁾ дошелъ до насъ въ поздней редакціи ²⁾. Но общій смыслъ извѣстія едва-ли долженъ терпѣть отъ такихъ сомнѣній: передъ нами явленіе, сходное съ тѣмъ съѣздомъ, какой былъ во Владиміръ послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго или при проходахъ Константина Всеволодовича на новгородское княженіе въ 1206 г. ³⁾. Такой съѣздъ нуженъ Всеволоду, чтобы провести то «укрѣпленіе съ людьми», которое обезпечило бы осуществленіе его «ряда». Но въ Ростовско-Суздальской землѣ это «укрѣпленіе» не съ вѣщамъ стольнаго города, а со всей землей на съѣздѣ «всѣхъ бояръ съ городовъ и волостей, духовенства съ епископомъ во главѣ, и всей дружины при собраніи горожанъ—купцовъ и «всѣхъ людей» ⁴⁾.

Назначеніе особыхъ княженій отдѣльнымъ сыновьямъ не противорѣчало, по прежнему, представленію о единствѣ земли, во главѣ которой стоитъ старѣйшина во всей братіи. За этимъ старѣйшиной утвердился въ Ростовско-Суздальской землѣ титулъ «великаго князя», и его политическое значеніе укрѣплено крестоцѣлованіемъ «всѣхъ бояръ» и всей дружины—не одного лишь стольнаго города. Мы видѣли, что Юрій Всеволодовичъ, укрѣпившись

¹⁾ См. выше, на стр. 107.

²⁾ Словомъ «дворяне» книжникъ XVI вѣка, вѣроятно, передалъ слова: «и всю дружину», или: «гридубу и пасынки». Слово «купци» имѣетъ часто въ старыхъ лѣтописныхъ текстахъ широкое значеніе—горожане (ср. формулу новгородскихъ договорныхъ грамотъ: «кто купецъ тотъ въ сто, а кто смердъ а тотъ потягаетъ въ свой погостъ»; «и смердъ, и купциамъ» значитъ—никого изъ населенія земли).

³⁾ Такъ поваяло это извѣстіе и составитель Никоновской лѣтописи, пересказавъ его по своему: «князь великии Всеволодъ Юрьевичъ созва вся бояре свои и нача смышляти о смьлѣ своемъ Константина, и много о семъ словесъ быша, и не може како уставити о немъ; таже посла по отца своего Ивана епископа и много совѣтоваша о семъ, но убо князь великии Всеволодъ восхотѣ дати Володимирю другому сыну своему князю Юрю. И тако посла по сына своего по князя Юрья и даде ему градъ Владимиръ со всѣми бояры и со всѣми людьми и всѣмъ укрѣни къ нему крестнымъ цѣлованіемъ и даде ему и вси дѣти своя, а его братью» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 64). Ср. «Княже право», стр. 149—152.

⁴⁾ Ср. для Киевской Руси: приглашеніе Святославомъ Изяславичемъ и Владиміромъ Мономахомъ Олега Святославича прїѣхать въ Киевъ: «да порядъ положимъ о Русьскѣй землѣ предъ епископы и предъ ягумевы и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими» (Лаврентьевская лѣт., стр. 222) или разсказъ о передачѣ Всеволодомъ Ольговичемъ Киевскаго стола брату Игорю (Ипатьевская лѣт., П. С. Р. Л., т. III, ст. 320).

на великомъ княженіи по смерти старшаго брата, недеть подлинную «великокняжескую» полноту, руководи всіми силами Ростовско-Суздальской земли. Лишь одно извѣстіе о вазрѣшеніи было въ 1229 г. столкновеніи его съ братомъ Ярославомъ и племянниками Константиновичами указываетъ на непрочность этого «единства», поскольку его основа въ «одиначествѣ» князей. Намѣтившіеся при немъ зачатки вотчиннаго раздѣла Ростовско-Суздальской земли—лишь подвѣе, чѣмъ на югѣ, выросли въ господствующее явленіе мѣстной политической жизни. И ни эти зачатки, ни сохраненіе политическаго единства при многокняжии, ни столкновенія князей съ боярствомъ—ничто не даетъ достаточнаго основанія строить рѣзкую антитезу между югомъ и сѣверомъ для XII и начала XIII в.в., особенно въ объясненіе, какъ возникло «удѣльное» или «вотчинное» дробленіе политическаго властвованія. Единство обширной земли—прочіе и устойчивѣе на русскомъ сѣверо-востокѣ, чѣмъ въ какой-либо иной русской области; и яснѣе тутъ, чѣмъ гдѣ-либо, выступаетъ опора земскаго единства въ боярствѣ и сплоченныхъ имъ общественныхъ силахъ. «Сильная земля Суздальская» живетъ своими мѣстными интересами, политическими и торговыми, чѣмъ дальше. тѣмъ больше отрывая своихъ князей отъ болѣе широкаго «обще-русскаго» кругозора. Но южный вѣтъ—авторъ «Слова о полку Игоревѣ» былъ правъ, когда обратилъ укоризну въ забвеніи прежнихъ традицій «Русской земли» не только къ Всеволоду Юрьевичу, но и къ Ярославу Осмомыслу галицкому, къ Волынскимъ Мономаховичамъ, смоленскимъ и полюдскимъ князьямъ. Разъединеніе политическихъ интересовъ отдѣльныхъ областей—общая черта русской исторической жизни XII вѣка. Суздальщина становится особымъ семейнымъ владѣніемъ одной линіи княжескаго рода вслѣдъ за землями Полоцкой, Галицкой, Черниговской, одновременно со Смоленской и Волынской. Повсюду это обособленіе областей связаво съ упадкомъ политическаго значенія «вѣчеваго гражданства» и съ усиленіемъ княжеской власти. Повсюду наблюдаемъ усиденіе вліянія бояръ на внутреннія и вѣшнія судьбы земель-княженій, и борьбу съ ними князей «самовластцевъ». Борьба эта усидѣннѣе на сѣверѣ и даетъ болѣе прочные результаты, но и тутъ не приходится говорить о паденіи политическаго преобладанія «руководящихъ классовъ мѣстнаго общества». Наконецъ, въ стремленіи къ «подчиненію младшихъ родичей, какъ подручниковъ, старшему князю государю-самовласту» Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Юрьевичъ идутъ по сдѣламъ Владиміра Мономаха и Мстислава Владиміровича, осуществляя скопонуу тенденцію старѣйшинства «въ отпа мѣсто». Князья русскаго сѣверо-востока сохранили единство своего «великаго княженія», построеннаго на традиціонной основѣ, до грозной години татарскаго нашествія¹⁾; пережило оно и эту грозу.

¹⁾ Слова въ кавычкахъ—В. О. Кавчскаго, Курь руссокой исторіи, т. I, стр. 410.

ГЛАВА I.

Владимірское великое княженіе и вотчинныя княжества въ XIII в.

I.

Въ изученіи «владѣльческихъ отношеній потомковъ Всеволода» В. О. Ключевскій, слѣдую точкѣ зрѣнія, установленной С. М. Соловьевымъ, считаетъ возможнымъ «забыть на нѣкоторое время, что прежде тѣмъ сошю со сныи первое поколѣніе Всеволодовичей Русь была завоевана татарами». По его мнѣнію «явленія, которыя мы наблюдаемъ въ Суздальской землѣ послѣ этого разгрома, послѣдовательно, безъ перерыва, развиваются изъ условій, начавшихъ дѣйствовать еще до разгрома въ XII в.»¹⁾

Въ этомъ сужденіи сказалось примолвнейное пониманіе идеи «органическаго» развитія, характерное—не для В. О. Ключевскаго, а для «юридической школы»; ея своеобразный соціологическій догматизмъ ведетъ къ изученію эволюціи формъ и началъ политическаго строя внѣ связи съ общими условіями политической жизни. А, между тѣмъ, общія условія такъ глубоко измѣнились для всего русскаго сѣвера послѣ татарскаго разгрома и утвержденія владычества Золотой Орды, что не могло это измѣненіе не повліять весьма сильно на укладъ внутреннѣхъ и внѣшнѣхъ отношеній Великороссіи, а, стало быть, на дѣятельность ея правящихъ слоевъ и, тѣмъ самымъ, на нѣгъ строй и положеніе въ великорусской средѣ. Припомнимъ общезвѣстные факты.

Образованіе Золотоордынскаго царства подорвало болгарскія отношенія Суздальщины и если не совсѣмъ парализовало, то измѣнило рѣзко къ худшему условія поволжской торговли²⁾. Боевое наступленіе и колониза-

¹⁾ „Курсъ русской исторіи“, т. I, стр. 414.

²⁾ При суммарной характеристикѣ внутренняго состоянія русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины в. к. Василія Васильевича Темнаго („Ист. Росс.“, т. IV, гл. 3), С. М. Соловьевъ пришелъ къ якому заключенію о судьбахъ поволжской торговли въ татарскую эпоху: „послѣ утвержденія татарскаго господства, ханы и баскаки нѣхъ для собственной выгоды должны были благопріятствовать торговлѣ русскою...; при томъ же, по прошествіи перваго двадцати пятилѣтія, тяжесть ея начинаетъ уменьшаться, и послѣ видны значительное развитіе

ціонное расширение Великороссія на восток надолго остановлены. Наглядным признакомъ значительнаго об'ядненія Суздальщины въ XIII в. является судьба ея церковнаго строительства: оно настолько заглохло, что «строительныя традиціи Владиміро-Суздальской архитектуры были уже прочно забыты» къ тому времени, когда въ Москвѣ возникли опыты нѣхъ возрожденія ¹⁾. Связи съ Подіпрольемъ почти вовсе оборваны, хотъ и поддерживаются сношенія съ юго-западной Русью. Южный Переславль исчезъ съ исторической сцены; Черниговщина, погруженная въ процессъ быстрого распада, стоять—до поры, до времени—внѣ суздальскихъ интересовъ. Общее суженіе кругозора и стѣсненіе активной дѣятельности—необходимая предпосылка для наученія политическаго распада и измѣлчанія внутренней жизни русскаго сѣверо-востока. Въ стѣсненныхъ условіяхъ, подрывавшихъ постановку болѣе широкихъ задачъ дѣятельности, падаетъ значеніе Владимірскаго великаго княженія, слабѣетъ централизующая политическую жизнь Суздальщины власть великихъ князей. На западѣ крѣпнеть независимость Новгорода, несмотря на всѣ усилія «низовскихъ» князей поддержать свою власть въ Новгородѣ; зампраетъ на время нѣхъ наступленіе къ сѣверу и сѣверо-востоку, и Новгородъ не испытываетъ, какъ прежде, постояннаго утѣсненія своихъ путей и даней. Время великихъ князей Ярослава Всеволодовича, его сыновей и внуковъ сложный періодъ заката силъ великаго княженія Владимірскаго. Постепенно назрѣваетъ агонія великокняжеской власти стараго типа; агонія эта вызвана упадкомъ интересовъ, которые питали потребность об'ядненія, давленіемъ татарской власти, усиленіемъ самостоятельности Великаго Новгорода. Эти явленія вырвали у Владимірскаго великихъ князей почву для усиленія своей власти надъ младшими

восточной торговли и волжскаго судоходства; даже съ достовѣрностью можно положить, что утвержденіе татарскаго владѣнства въ Средней Азии, также въ низовьяхъ Дона и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній—очень много способствовало развитію восточной торговли» (Ист. Росс., кн. I, ст. 1234). Однако, временемъ „самымъ благоприятнымъ для восточной торговли“ С. М. Соловьевъ признаетъ „время отъ Калкы до Дмитрія Донскаго“ и приводитъ примѣры, указывающія на торговую значительность Нижняго Новгорода. Нѣкоторый подъемъ русской восточной торговли (какъ и начало возрожденія колонизаціоннаго движенія на востокъ и русской боевой оямы на восточной окраинѣ Великороссіи) связавъ—во второй четверти XIV вѣка—съ образованіемъ Нижегородскаго великаго княжества (тогъ же примѣръ—характеренъ для недалекой отъ него самостоятельности). Но подъемъ этотъ—въ связи съ татарскимъ покровительствомъ торговцѣмъ, и едва ли есть у насъ основаніе говорить о столь послѣдовательной экономической политикѣ ординскихъ властей.

¹⁾ Ф. Ф. Горюновъ («Очеркъ древняго зодчества Москвы»—въ „Путеводителѣ по Москвѣ“, изд. Моск. Архитект. Обществомъ) отмѣчаетъ, что „за это время перерыва“ извѣстны лишь постройки—св. Спаса въ Давыдовомъ монастырѣ подъ Москвою (въ 1272 г.) и св. Спаса въ Твери (въ 1280—90-ты г.г.).

князьями и ее оправданія широкой политикой, которая была бы дѣломъ всей сѣверной Руси и питалась бы общими интересами Великороссіи.

Мы почти лишены возможности учесть реальныя послѣдствія Батыева погрома. Его удары были направлены, преимущественно, на города; но и сельское населеніе, поскольку не успѣвало укрыться въ дѣсахъ, шло въ погоню, гибло отъ избиеній, теряло скотъ и имущество, теряло кровь и пожаралъ. «Нѣсть ни мѣста, ни вси, ни селъ тапѣхъ рѣдко, идеже не воеваша въ Суздальской земли» татарскіе загоны, твердятъ лѣтописцы. Раззореніе было огромно. Но, какъ обычно бываетъ, одновременный, хотя и весьма тяжкій ударъ загладили бы, самъ по себѣ, сравнительно скоро. Тяжело легла на Великороссію съ 40-хъ годовъ XIII в. ордынская власть. Тяжкую память о ней наши источники усердно затушевываютъ. Однако, надо признать, что въ первое время, она была много ближе и тягостнѣе для великорусской жизни, чѣмъ мы ее себѣ обычно представляемъ. По столькимъ городамъ водворились татарскіе баскаки съ воинской силой, чтобы держать въ повиновеніи князей и народъ и обезпечить сборъ дани ¹⁾. Въ ордѣ русскія княжества нѣдались даругами, чьи наѣзды на Русь, какъ и другіихъ «пословъ» ханскихъ, были и раззорительны и унизительны. Тяжкій произволъ чужой и чуждой власти навѣсь надъ сѣверо-восточной Русью. Попытки сопротивленія насильникамъ, вспыхивавшія въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ XIII вѣка вызывали новые наѣзды и суровыя репрессіи. Русь пришлось смирится передъ властью хана и приспособляться къ новымъ отношеніямъ. Давленіе новыхъ условій сказывается на судьбѣ Ярослава Всеволодовича и на дѣятельности Александра Ярославича.

Только что слынула къ югу татарская сила. Ярославъ занялъ великое княженіе послѣ брата, погибшаго на р. Свѣ, и тотчасъ вступаетъ на прежніе пути великокняжеской политики. Въ 1239 г. Ярославъ защищаетъ Смоленскъ отъ Литвы и водворяетъ на смоленскомъ княженіи мѣстнаго вотчича — Всеволода Мстиславича. Защита западныхъ предѣловъ лежитъ на Ярославичѣ Александрѣ. Въ 1239 г. овъ съ новгородцами ставитъ городъ на р. Шелони, побѣдосно отражаетъ въ 1240 г. нападеніе Шведовъ, въ 1242 г. набѣгъ на Псковъ нѣмецкихъ рыцарей. Подобно прежней дѣятельности Ярослава — новгородскаго князя, эта западная борьба Александра проявленіе политики владимѣрскихъ великихъ князей. Дорога «ивновской» обороной, новгородцы тяготѣлись нешобѣжннхъ, при такихъ условіяхъ, усиленіемъ своей зависимости отъ княжеской власти. Но въ трудную годину выхода не было. Когда Александръ, «расирѣлся съ новгородца», ушелъ въ 1241 г. «со всѣмъ

¹⁾ Особнякомъ стоятъ нѣвѣстїе: „прїѣзаша численници, исчетоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую, и ставиша десятники и сотники и тысященики и темники“. Объ этой организаціи больше нѣтъ свѣдѣній (Лаврент. лѣт. стр. 451; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 161—сокр.).

дворожъ своихъ» изъ Новгорода въ Переяславъ, новгородцы тотчасъ послали къ Ярославу просить у него сына на княженіе; великій князь «дасть имъ сына своего князя Андрея», но они новымъ челобитьемъ просили прислать Александра, устрешенные набѣгомъ Литвы, иѣмцевъ и Чудя; «великій же князь Ярославъ дасть имъ сына своего Александра опять». На оборону Пскова Александръ идетъ, «понимъ съ собою брата своего и вся волъ своя». Такъ и въ 1245 г., когда Литва совершила набѣгъ на окрестности Торжка и Бѣжицы, противъ нихъ спѣшать не только новоторжская и новгородская рати, но и «нѣзавскіе» воеводы съ тверичами и дмитровцами, а довершаетъ побѣду Александръ Ярославичъ, отпустивъ новгородскую рать, «своимъ дворожъ»¹⁾.

Осенью 1242 г. (въ концѣ 6750—начатѣ 6751 г.) вѣзывается въ судьбы Великороссіи новая сила — татарская власть. Ханскій посолъ потребовалъ пріѣзда Ярослава Всеволодовича на поклонъ хану Батюмъ въ Золотую Орду; «и приде пожалованъ»: ханъ призналъ за нимъ, по сообщенію нашихъ лѣтописцевъ, старѣйшинство надъ всеми князьями русской земли. Ярославъ ѣдидъ въ Орду съ сыномъ Константиномъ, которому пришлось, по ханскому приказу, ѣхать въ далекую Монголію на поклонъ великому хану. По возвращеніи Константина въ 1245 г. Ярославу пришлось опять ѣхать къ Батюмъ, а изъ Орды—въ Монголію, гдѣ онъ «многое истомлеліе подыти» и на обратномъ пути умеръ «нужною смертію».

Новое основаніе княжескаго права—ханское пожалованіе коснулось не одного Владимірскаго княженія. По возвращеніи изъ Орды великаго князя Ярослава в, вѣроятно, въ силу привезенныхъ имъ ханскихъ распоряженій, поѣхалъ въ Орду «про свою отчину» князь—потомки Константина Всеволодовича—Владиміръ Константиновичъ, два Васильевича Борисъ и Глѣбъ, и Всеволодовичъ Василій; Батюмъ утвердилъ ихъ отчинныя права: отпустить ихъ «разсудивъ имъ кождо въ свою отчину»²⁾. Во вторую ордынскую побѣдку в. к. Ярославъ отправился «съ своею братьею и съ сыновци», а вернувшись «изъ Татаръ въ свою отчину» его братья, Святославъ и Иванъ, съ племянниками; Ярославъ же былъ посланъ Батюмъ въ Монголію, въ путешествіе, стоившее ему жизни³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 149 и 152.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 447. Быть можетъ, лучше чтеніе: «разсудивъ имъ комуждо свою отчину», какъ напр. въ Рогожскомъ лѣтописцѣ (П. С. Р. Л. т. XV, изд. 2-ое, стр. 31).

³⁾ Конецъ Ярослава связанъ съ глухимъ извѣстіемъ о какомъ-то доносѣ на него: «Обажеть бо бысть царю Федоромъ Яруновичемъ» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 156). С. М. Соловьевъ (кн. I, стр. 832—833) приводитъ разсказъ Пяно-Карпини о томъ, что Ярославъ былъ отравленъ ханшей, и ставитъ его въ связь съ доносомъ Федора Яруновича, объясняя смерть Ярослава «наговоромъ родичей, сѣдствіемъ родовыхъ княжескихъ усобицъ». Въ «Исторіи отношенія между русскими князьями Рюрикова

Батый утвердилъ внутренній распорядокъ княжого владѣнія среди русскихъ князей. Для Константиновичей нѣтъ вотчины были владѣнія отца, который передъ кончиной (1218 г.) далъ сыну Васильку Ростовъ, а Всеволоду—Ярославъ¹⁾; о какомъ-либо надѣленіи младшаго—Владимира нѣтъ упоминанія въ нашихъ источникахъ²⁾; позднѣе видимъ его княземъ на Угличѣ. При в. к. Юріи эти ростовскіе отчины выступаютъ «за одиеть, втроемъ»³⁾. Василько и Всеволодъ погибли въ татарское игохъ, оставивъ малолѣтнихъ сыновей: Василько княжичей Бориса и Глѣба, Всеволодъ Василія. Юные князья ѣздили въ 1244 г. съ дядей Владиміромъ Константиновичемъ въ Орду «про свою отчину», и Батый, по характерному выраженію глгописи «разсудилъ», чтобы каждый изъ нихъ ѣхалъ въ свою отчину. Осторожнѣе не придавать рѣшительнаго значенія этому отдѣльному выраженію⁴⁾, и усмотрѣть въ рѣшеніи хана лишь утверженіе statu quo, согласно глгописному тексту, который сообщаетъ, что въ «Ростовѣ съдоста Васильковичи Борису да Глѣбъ на княженіе» еще до первой поѣздки в. к. Ярослава въ Орду; у насъ нѣтъ свѣдѣній о спорности правъ Васильковичей на Ростовъ⁵⁾; за ними признано нѣтъ вотчинное право, какъ признавалось оно въ старину за «Рюговолжскими внуками» на Полоцкѣ или за Ольговичами на Черниговѣ.

дома» (стр. 262—263) Соловьевъ заподазривалъ интригу ростовскихъ Константиновичей. Но мы ничего не знаемъ о какой-либо враждѣ съ ними Ярослава. Больше было бы поводомъ (хотя тоже недостаточно для опредѣленнаго заключенія) сопоставить эту темную исторію съ враждой Ярославичей противъ дяди Святослава и съ тѣмъ, что, судя по нашимъ глгописямъ, допосъ Яруновича совпалъ съ первымъ прѣздомъ въ Орду Святослава, когда князья всѣ вмѣстѣ предстали предъ ханомъ. Ср. ниже—о неопредѣленности извѣстій относительно владѣній Святослава.

¹⁾ Лаврентьевская глгопись, стр. 420. При великомъ князѣ Юріи Всеволодовичѣ Василько и Всеволодъ сидятъ на своихъ вотчинныхъ столахъ послушными подручниками. дяди—великаго князя, участниками его походовъ; о временномъ раздорѣ въ 1229 г. упоминалось выше.

²⁾ Судя по извѣстію, какъ въ 1239 г. Ярославъ Всеволодовичъ «отлучи отъ Гюрга Константиновича три—Василька, Всеволода, Володимера», Владиміръ Константиновичъ (15 лѣтній), считается участникомъ политическнхъ выступленій; вѣроятно, что онъ тогда же аваялъ Угличскій столъ по ряду съ братьями; можетъ быть, согласно предугазанію отца, о которомъ говорятъ нѣкоторыя родословныя. Ср. Экземплярскій, «Великіе и удалыіе князья сѣверной Руси», т. II, стр. 125 и 15.

³⁾ Такъ въ 1229 г. (см. выше); такъ въ 1230 г. «благотворнн князи Василько и Всеволодъ и Володимерь послаша къ отцу своему Гюргю и къ епископу Митрофану по Кирила, игумена и архимандрита монастыря святыа Вогородаца Рожества, дабы и пустилъ на епископство къ Ростову» (Лаврентьевская глгопись, стр. 431).

⁴⁾ Книжничъ-составитель «Никоновской глгописи» такъ истолковалъ это выраженіе: Батый, «розслушавъ ихъ о семь и разсудивъ, даде имъ вотчину ихъ» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 129).

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 34. Текеть такъ наз. «Лѣтописи по Академическому списку» (изд. при Лаврентьевской глгописи, стр. 495): «отда Ростовъ, Суздаль брату Святославу» явно испорченъ изъ: отда Ярославъ Суздаль брату Святославу».

Василь Всеволодович остался при своемъ Ярославѣ; своеобразной судьбы этого княжества по его смерти (ум. въ 1249 г.) придется коснуться ниже. Дядя этихъ князей, Владимиръ Константиновичъ, который могъ бы претендовать на старѣйшинство среди нихъ, повидимому, мирится со скромнѣею положеніемъ углицкаго князя ¹⁾; эта вѣтъ ростовскаго княжя сошла со сцены съ Владимировыми сыновьями, и связь Углича съ ростовской отчиной оказалась непорванной; эта отчина распадется, если не считать утраты Ярослава, только подъ московскимъ давленіемъ.

Младшихъ сыновей—Святослава и Ивана—п. к. Всеволодъ Юрьевичъ поручилъ передъ кончиной своей ихъ брату Юрію. Юрій далъ въ 1212 г. Святославу Юрьевъ Польскій ²⁾, но о княженіи Ивана Всеволодовича знаемъ лишь указаніе подъ 1238 г., что ему в. к. Ярославъ далъ Стародубъ ³⁾. Эти княженія и стали вотчинами для потомства обохъ князей.

Всѣ остальные волости Владимірскаго великаго княженія—въ рукѣ в. к. Ярослава. Не въ его власти и всѣ княжія силы великаго княженія; владѣльческій раздѣлъ въ эту пору еще не знаменуетъ политическаго распада. Смена этого послѣдняго въ видѣрахъ Владимірскаго великаго княжества—тѣ же, что въ Кіевской Руси время сыновей и внуковъ стараго Ярослава, а первѣе великокняжеской силы надъ младшими князьями не меньше (скорѣе—больше), чѣмъ во времена Мономаха и Мстислава Великаго; и передъ ханомъ Батыемъ в. к. Ярославъ выступаетъ какъ старѣйшина «всѣмъ княземъ въ русскомъ языкѣ» ⁴⁾, окруженный «братьями и сыновцами». Гарантія отдѣльныхъ княжескихъ вотчинъ ханскимъ пожалованіемъ лишь утверждала права, признанныя обычаями княжескаго рода, и только въ будущемъ грозила стать факторомъ политическаго упадка Владимірскаго великаго княжества и поводомъ къ усиленному внимательству ханской власти въ русскія отношенія ⁵⁾.

Столь Владимірскаго княженія, съ которымъ—со времени Всеволода Юрьевича—связано великокняжеское старѣйшинство, занялъ исключительное

¹⁾ О немъ крайне скудно упоминаютъ. Владимиръ умеръ въ 1249 г. во Владимірѣ, «взошла его въ его отчину на Угличе поле и положиша и въ церкви святого Спаса» (П. С. Р. Д., т. VII, стр. 159). «На Углича» умеръ сынъ его Андрей въ 1261 г. (тамъ же; стр. 162), а въ 1285 умеръ «Романъ Володимирчъ Углицкій» (стр. 178). Объ этихъ князьяхъ ничего, кромѣ датъ ихъ смерти, не знаемъ.

²⁾ П. С. Р. Д., т. VII, стр. 118.

³⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 444; П. С. Р. Д., т. VII, стр. 144; возможно, что Иванъ и раньше княжилъ въ Стародубѣ, что такъ представлялъ себя дѣло авторъ длиной записи въ Лаврентьевской лѣтописи: «ода Ярославъ Ивану Стародубъ» вмѣсто обычнаго «дасть», какъ выражаются (поправляютъ?) позднѣйшіе тексты (напр. Воскр.).

⁴⁾ Столь необычное выраженіе Лаврентьевской лѣтописи (стр. 447) какъ бы передаетъ по своему татарскую фразеологию?

⁵⁾ Быть можетъ, въ глухихъ указаніяхъ лѣтописной традиціи о причинахъ гибели Ярослава Всеволодовича можно усмотрѣть влѣкъ на эту опасность. Но въ

положеніе въ ряду княженій сѣверной Руси, подобное тому, какое въ старину занималъ «золотой столъ» кievскій. Въ притязаніяхъ на него сталкивались права на старшйшинство въ князьяхъ русскихъ съ вочинными воззрѣніями. Эта двойственность княжескихъ традицій и стремленій опредѣлила въ значительной мѣрѣ между княжескія отношенія по смерти Ярослава Всеволодовича. Безспорной вочиной его сыновей было только Переяславское княжество. Онь получалъ его отъ отца еще при его жизни ¹⁾, затѣмъ по его предсмертному ряду. «Лѣтописецъ Переяслава Суздальскаго» ²⁾ помѣтилъ подъ 1213 г. рассказъ о прибытіи Ярослава въ Переяславль съ тѣмъ, что отецъ «удалъ» ему переяславцевъ, а его имъ «вдалъ на рудѣ», и о томъ, какъ переяславцы ему крестъ дѣловали. Приходилось затѣмъ Ярославу княжить и въ Новгородѣ и въ Рязани, но Переяславль неизмѣнно ему «свой» городъ. Та же близкая связь сохраняется и во время великаго княженія Ярослава: въ Переяславлѣ княжить старшіи Ярославичи Александръ, и городъ остался вочиннымъ владѣніемъ его потомковъ, именно старшей линии, перейдя къ сыну его Дмитрію и внуку Ивану. Однако, какъ еще увидимъ, тѣсная и дѣтельная связь переяславскаго стола съ великимъ княженіемъ наложила особую печать на отношенія князей къ Переяславу и прдала ему нѣсколько исключительное значеніе ³⁾. По выдѣленіи Ростова къ отчиму Константиничей, особую связь съ великокняжескимъ столомъ сохранилъ изъ болѣе значительныхъ городовъ—и Суздаль. Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ его брату Святославу, но Суздаль не сталъ вочиной для Святославичей, подобно Юрьеву Польскому; повидному, Святославъ его утратилъ вѣстѣ съ великимъ княженіемъ ⁴⁾, а сама передача Святославу Суздаля могла быть связана съ рядомъ между братьями о будущей судьбѣ великокняжескаго стола.

исторія Александра Невскаго увидимъ и другую сторону тѣхъ же русско-татарскихъ отношеній: политика хановъ съ раннихъ временъ иступала на путь попытокъ утвердить орднское владѣтельство надъ русскими улусомъ усиленіемъ великокняжеской власти въ рукахъ единаго представителя Руси передъ ханомъ Золотой Орды.

¹⁾ Въ 1206 г., когда Ярославу пришлось уйти изъ Переяслава въ южную, Всеволодъ «посадилъ» его въ Переяславль Залѣскомъ (Лаврент. лѣт., стр. 406); онь участвуетъ въ отпискахъ походахъ во главѣ переяславцевъ (тамъ же, стр. 410).

²⁾ Стр. 110.

³⁾ А. В. Экземплярскій отмѣчаетъ ту же особенность и для XII в.: «вѣдая по замѣткѣ, что Переяславль, по образованіи великаго княжества Владимірскаго, былъ какъ бы необходимою принадлежностью послѣдняго: великіе князья сажали въ немъ или сыновей своихъ или самыхъ близкихъ родичей», а, по временамъ, Переяславль прямикалъ «къ личнымъ владѣніямъ великаго князя» (указ. соч., т. II, стр. 4).

⁴⁾ А. В. Экземплярскій полагаетъ, что Святославъ владѣлъ Суздалемъ до самой смерти, т. е. до 1252 г.; считаетъ, что Суздаль, по смерти Святослава присоединенъ къ великому княженію, какъ «внѣшнній удѣлъ», хотя тутъ же сообщаетъ о переходѣ Юрьева Польскаго къ Святославичу Дмитрію (т. II, стр. 257—258); говоритъ и о какой-то «принадлежности» Юрьева къ Суздалю (стр. 23, пр. 52).

По смерти Ярослава «Святославъ князь, сынъ Всеволожъ, сѣде въ Володимери на столѣ отца своего, а сыновци своя посади по городомъ, якоже бѣ имъ отецъ урядилъ Ярославъ». Однако, Ярославичи не примыслили съ переходомъ Владиміра и всего великаго княженія къ дядѣ Ярославу. Андрей Ярославичъ и, послѣдъ за нимъ, Александръ побѣжали въ томъ же 1247 году къ хану Батыю, а ханъ послалъ ихъ въ Монголію «къ Каловичамъ», на слѣдѣнникамъ великаго хана. Святославъ не дождался ихъ возвращенія на великомъ княженіи; «сѣде гѣто едино» и согналъ его съ Владимірскаго стола третій Ярославичъ, Михаилъ Хоробритъ.

По отрывочности дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этой порѣ, вопросъ о ближайшихъ мотивахъ смуты, о томъ, напряміръ, стоитъ ли она въ связи съ темной исторіей гибели Ярослава Всеволодовича—не разрѣшивъ, но, предположительно, какъ выше было указано, такая связь представляется вѣроятной. Впрочемъ, даже признаніе этой вѣроятности мало чему помогаетъ, разъ мы не знаемъ существа разыгравшейся въ Ордѣ интриги и содержанія двукратныхъ переговоровъ Ярослава Всеволодовича съ ханомъ Батыемъ. Одно лишь поведение сыновей Ярослава можетъ навести на предположеніе, что, быть можетъ, уже ихъ отецъ, утвердивъ свое положеніе относительно Золотой Орды, сдѣлалъ попытку установить преемство на Владимірскомъ столѣ, въ обходъ притязаній боковыхъ звѣнъ, за прикмытъ своимъ потомствомъ. Такія попытки—не новость въ междукняжескихъ отношеніяхъ: если не вспоминать о старомъ Ярославі, прикмыты тому даютъ дѣяствія Владиміра Мономаха, старшаго Мономашича Мстислава, да и всей старшей звѣни Мономахова рода ¹⁾.

Какъ бы то ни было, таковы притязанія самихъ Ярославичей. И они имѣли успѣхъ, въ нѣсколько неожиданной (быть можетъ, богѣ неожиданной для насъ, чѣмъ для нихъ) ²⁾ формѣ. Дѣло, если судить буквально по гѣтописной записи, каковую даетъ намъ Лаврентьевская гѣтопись, рѣшалось не въ Золотой Ордѣ, а при великоханскомъ дворѣ. Хановичи «приказаша Олександрови Кыевъ и всю Русскую землю, а Андрей сѣде въ Володимерѣ на столѣ» ³⁾. Какъ представлялся этотъ раздѣлъ на дѣлѣ, трудно угадывать; видно только, что Новгородъ—подъ властью Александра, а Переяславъ перешелъ отъ него къ Андрею ⁴⁾. Побѣдка Святослава Всеволодовича въ

¹⁾ Ср. «Кляное право», стр. 80—81; ср. о Всеволодѣ Ольговичѣ—тамъ же, стр. 89—91.

²⁾ Представляется вѣроятнымъ видѣть тутъ черту ханской политики, искавшей способа утвердить за собой господство и надъ южной и западной Русью; однако форма могла быть подсказана только русскими людьми, но, конечно, не Александромъ Ярославичемъ.

³⁾ Лаврентьевская гѣт., стр. 448.

⁴⁾ Александръ при дальѣйшихъ событіяхъ—въ Новгородѣ, а татарское нападеніе въ 1252 г. постигаетъ Андрея у Переяславя, и тутъ, въ Переяславѣ, захватъ

Орду, если она имѣла цѣлью добываніе великокняжескаго стола, не привела ни къ чему; ему пришлось доживать свой вѣкъ на Юрьевѣ Польскожъ. Такъ сложилось положеніе на Руси въ 1249 году. На слѣдующій годъ прибылъ въ Суздальскую землю въ Кіева митрополитъ Кириллъ, и состоялась свадьба Андрея Ярославича съ дочерью князя галицкаго Данила Романовича; совершилось вѣнчаніе, митрополитъ ѣздилъ и къ Александру въ Новгородъ. А то были годы, когда Данилъ Галицкій «ратъ держаше съ Куремсою»: въ началѣ 1250-хъ г.г. наблюдаемъ сближеніе между южной и сѣвѣрной Русью, которое нельзя не связать съ планами борьбы Данила противъ татаръ. Князь Андрей «здумал со своими боярами бѣгати, нежели цесаремъ (т. е. ханамъ) служить», сообщаетъ лѣтописецъ годъ 1252 г., когда ханъ послалъ на Андрея рать свою съ парсичемъ Неврюемъ. А въ то же время «иде Александръ, князь Новгородскій, въ татары, и отпустиша и съ честью, давши ему старѣйшинство во всей братьи его»¹⁾. Александръ не прикнулъ къ замысламъ брата, а посѣдивши въ Орду, чтобы отклонить крушеніе своей власти и большую бѣду для Руси. Андрей, преслѣдуемый татарами²⁾, бѣжалъ въ Новгородъ, а затѣмъ на время скрылся за моремъ, въ Швецію. Александръ Ярославичъ сталъ владимирскимъ великимъ княземъ.

Волею не утихли послѣ бѣгства князя Андрея. Сквозь отрывочныя записи, какія сохранили дошедшіе до насъ лѣтописные своды, выступаютъ черты напряженной тревоги и жадныя противодѣйствія, съ какими Русь встрѣтила первые моменты организаціи татарскаго владычества. Съ этими настроеніями, а не съ какими либо междукняжескими счетами, правильнѣе связывать извѣстіе о томъ, что въ началѣ 1254 г. тверской князь Ярославъ, «остави свою отчину» ушелъ «съ боярами своими» въ Ладугу и во Псковъ³⁾. Отсюда его призвали къ себѣ Новгородцы, выгнавъ изъ города Александра сына Василія. Василій удержался въ Торжкѣ до прибытія великаго князя Александра, — и новгородцы смирились, приняли его снова на княже-

твен и убави жену князя Ярослава Ярославича и его воеводу Жидислава, а дѣтей его захватили въ плѣнъ; повидимому, князь Ярославъ прикнулъ къ планамъ брата Андрея (Лаврентьевская лѣт., стр. 449—450; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 60). Ср. замѣчанія С. М. Соловьева, кн. I, ст. 839.

¹⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 449. Наконцовская лѣтопись, а за ней историка XVIII и XIX в. приняли сопоставленіе этихъ извѣстій за основаніе приписать самое нападеніе татаръ на Андрея — проискавъ Александра. Однако, походъ Неврюя лишь часть предпринятыхъ татарами операцій: въ 1253 г. Куремса начинаетъ наступленіе на Данила Галицкаго, законченное, затѣмъ, Вурундаемъ. Татары въ этотъ моментъ опасности для ихъ владычества на Руси отнюдь не орудіе княжескаго соперничества.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись не говоритъ о битвѣ, позднѣйшіе своды смнчаютъ впечатлѣніе обидной безпомощности, «водя въ разсказъ „сѣчу велику“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 169).

³⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 450. Сама терминологія этого извѣстія вымываетъ на сопоставленіе отъѣзда Ярослава съ бѣгствомъ Андрея.

ние ¹⁾. Та черта этих волнений, что за Василия Александровича стояли бояре новгородские, а против него — черные люди, связывает их с дальнейшими событиями, когда на Русь явились татарские «численники». В татарское «число» были ими сперва положены Суздальская, Рязанская и Муромская земля, причем татары «ставяша десятники и сотники, и тысячники, и темники». Затемъ пришелье чередъ исчисленію Новгородской земли. По первымъ же вѣстимъ объ этомъ «мятошася людие черезъ все гдѣто въ Новгородѣ», а когда въ Новгородъ прибылъ в. к. Александръ съ татарскими послами, изъ Новгорода бѣжали во Псковъ сызъ его Василий. Александръ вынелъ сына изъ Пскова, сослалъ его «на Нивъ» и сурово покаралъ его совѣтникомъ, «кон князя Василья на ало повези» ²⁾. Однако, новгородцы не допустили сбора «десятины и тамги»: «не яшася по то», хотя дали дары царю и посолье отпустил съ миромъ. Только черезъ годъ страхъ новаго татарскаго нашествія на Русь привелъ новгородцевъ къ горькой покорности; и то «бысть мятежъ великъ въ Новгородѣ», когда «раздвошася людие и створиша супоръ: большіе велашу меньшимъ ятися по число, а они не хотяху» ³⁾. В. к. Александру пришлось дать стражу для охраны орднскихъ посолье, но дѣло, въ концѣ концовъ, уладилось: «окаянные» уѣхали «вземше число», а в. к. Александръ посадилъ въ Новгородѣ на княжение сына Дмитрія. Вскорѣ поднялось волненіе противъ «наспія поганыхъ» по городамъ «низовской» земли: народное возстаніе выгнало изъ Владимира и Суздаля, Ярославля и Переяславля «бесериевъ» — откупщиковъ татарской дани и ихъ сборщиковъ. В. к. Александръ послѣдшилъ въ Орду къ хану, «дабы отмолилъ люди отъ бѣды». Энергія и власть великаго князя удержали русскіе людие отъ безнадежной траты силъ въ разрозненныхъ вспышкахъ противодѣйствія иновемному игу. Для этого пришлось преодолѣть не только броженіе народнаго негодованія, но и глубокія разногласія въ княжеской и боярской средѣ ⁴⁾. Александръ провелъ свою орднскую политику; и въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 450—451. Повѣе П. С. Р. Л., т. VII, стр. 180—181.

²⁾ Несомно, что эти совѣтники ив. Василія Новгородскаго I дають такой текстъ: «князь Александръ выгна сына своего изъ Пскова и посла въ Нивъ, а Александра и дружию его казни: оному носа урѣзаша, а иному очи вымаша, кто Василья на ало повелъ» (стр. 278; тоже Воскр. — П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181); Никоновская (т. X, стр. 142) выпускаетъ иповѣятаго «Александра», и потому «дружина» стала въ ея текстѣ дружиной князя Василія. Не новгородцы ли этотъ Александръ и его дружина? Указатель «Новг. глѣ. по синодальному харатейному списку» приватилъ этого Александра въ «начальника дружины кн. Василія Александровича»!

³⁾ Полный горечи «меньшихъ», разсказъ съ жалобой на бояръ, что при установленіи дали они «творяку себѣ легко, а меньшимъ бѣ ало» — П. С. Р. Л., т. VII, стр. 182. Хронологія этихъ вѣстій сильно спутана и несогласована въ разныхъ лѣтописныхъ компиляцияхъ.

⁴⁾ Разногласія эти глубоко захватили вліятельныя общественныя группы: князь Андрей Ярославичъ «здумал со своими бояры», что лучше повиноватъ князевіи и родну,

отношеніяхъ Руси къ власти хана—онъ подлинный великій князь всей сѣверной Руси ¹⁾).

Такимъ же посылемъ великокняжеской власти видомъ Александра Ярославича и по внутреннихъ дѣлахъ сѣверной Руси и въ ея вышнихъ отношеніяхъ. Его сынъ Василій отражаетъ въ 1263 г. набѣлъ Литвы на новгородскія владѣнія; въ 1266 г. Александръ, по вѣстямъ изъ Новгорода, что шведы ставятъ укрѣпленія на р. Наровѣ, ходилъ «со всею силою, съ новгородца и суждальца» и «повоева Поморіе все»; въ тяжелую годину возстанія противъ татаръ Александръ, уѣзжая въ Орду къ хану, отправилъ брата Ярослава и сына Дмитрія и «всѣ полки съ ними» воевать вмѣстѣ съ новгородцами и союзной Литвой на Юрьевъ противъ нѣмцев ²⁾. Невѣроятная тягота борьбы съ вышнимъ врагомъ и невозможность вести ее на два фронта должны были сильно повліять на политику Александра по отношенію къ татарамъ.

чѣмъ служить ханамъ; Ярославъ бѣжалъ изъ „отчины“—„съ болами своими“; въ Новгородѣ борется двѣ партіи: одна склоняетъ новгородцевъ къ покорности требованіямъ хана и в. к. Александра, другая—наводитъ кн. Василія Александровича на „ало“ сопротивленія полкити великаго князя-отца.

¹⁾ Крайняя скудость нашихъ свѣдѣній о русско-татарскихъ отношеніяхъ XIII и начала XIV в. (одна-ли случайная, такъ какъ замалчиваніе вли, по крайней мѣрѣ, смягченіе фактовъ, тягостныхъ или противорѣчащихъ воззрѣніямъ и тенденціямъ книжника-лѣтописателя,—характерная особенность нашихъ лѣтописныхъ сводовъ) не даетъ возможности учесть результаты татарской политики Александра Невского. Быть можетъ мнѣ объясняется отсутствіе выхъ, кромѣ одного—приведеннаго выше, свѣдѣній о татарскихъ десятникахъ, сотникахъ, тысяцкихъ и темниковъ? Вопросъ о времени, когда сборъ дани и выплата татарскаго „выхода“ ордынскими властями перешли въ руки князей—неразрѣшимъ съ достаточной опредѣленностью. Не знаемъ, въ чемъ состояла „ослаба отъ насилья татарскаго“ по смерти хана Берке (ум. 1266 г.), отмѣченная въ лѣтописныхъ записяхъ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 145). С. М. Соловьевъ отмѣтилъ, что послѣ 1269 г. (когда упоминаютъ Амираганъ, великій баскакъ владимірскій) вѣтъ больше поминъ о баскакахъ; что послѣ переноса въ 1275 г.—„не упоминается больше о перечисленіи—ясный знакъ, что ханы, по разнымъ причинамъ, начали оказывать довѣренность князьямъ и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду“, что кн. Андрей Александровичъ обвинялъ передъ ханомъ брата, в. к. Дмитрія въ уклоненія отъ уплаты дани. И Соловьевъ говоритъ объ „удаленіи баскаковъ, численниковъ и сборщиковъ дани“ безъ возможности датировать и рѣшительный моментъ этого освобожденія Руси отъ постоянного и непосредственнаго владычтва ордынскихъ властей. Однако, terminus post quem для этого процесса—время Александра Невского. Надо признать, что активная роль княжеской власти въ удовлетвореніи татарскихъ требованій и постепенное вытѣсненіе прямыхъ агентовъ власти хана съ Руси начались съ его времени. См. С. М. Соловьевъ „Ист. Росс.“, кн. I, стр. 1158. Русская письменность сохранила память объ Александрѣ Невскомъ, какъ о „хранителѣ и заступникѣ“ Русской земли (Мансика, Житіе Александра Невского, стр. 101).

²⁾ Новг. I, стр. 274, 277 и 281; П. С. Р. Л., т. V, стр. 160; т. VII, стр. 163.

И внутри Владимірскаго великаго княженія еще не видно чертъ политическаго распада. Ростовскіе князья, братья Васильковичи Константиновича, по смерти отца «сѣдоста въ Ростовѣ на княженіи»; съ 1251 г. издѣшій, Глѣбъ, князятъ на Вѣлозерѣ, но этиѣ не разбито единство ростовской отчины¹⁾. Князь Глѣбъ участвуетъ во всѣхъ ростовскихъ дѣлахъ нераздѣльно съ братомъ, и только послѣ его смерти (на Ростовскомъ княженіи) настанетъ выдѣленіе Вѣлозерскаго княжества изъ Ростовскаго въ особую отчину Глѣбовичей, не безъ борьбы, однако, съ Борисовичами, стоявшими за единство владѣнія ея. Ростовскіе Васильковичи при в. к. Александрѣ Ярославичѣ всоцѣло его подручники. Они, видимо, сразу примкнули къ его политикѣ. Князь Борисъ былъ въ Ордѣ, когда тамъ разыгралось трагическое дѣло Михаила Всеволодовича Черниговскаго, и вмѣстѣ со своими боярами уговаривалъ Михаила «сотворить полю цареву». Глѣбъ Васильковичъ былъ первымъ изъ русскихъ князей, который «оженися въ Ордѣ»²⁾. Есть указанія на особо близкія отношенія Александра Невскаго къ Васильковичамъ: съ княземъ Борисомъ онъ посылаетъ дары Улавчю, ордынскому временщику при ханѣ Берке³⁾; въ Ростовъ ѣдетъ изъ Новгорода, уладитъ.

¹⁾ Никоновская лѣтопись раздѣляетъ Ростовское и Вѣлозерское княженіе съ 1238 г., передавая запись своего источника: «а въ Ростовѣ сѣдоста Васильковичи Борись да Глѣбъ на княженіе» (см. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 34) въ такую формулу: «а князь Борись Васильковичъ сѣде въ Ростовѣ, влукъ Константинъ, правнукъ Всеволожъ, праправнукъ Юрья Долгорукаго, прапраправнукъ Владимира Маномаха, пращуръ Всеволожъ, пращуръ Ярославъ, прапраправуръ великаго Владимира, а братъ его князь Глѣбъ Васильковичъ сѣде на Бѣлѣ езерѣ». (П. С. Р. Л., т. X, стр. 113). Книжникъ, въ составитель, не согласовалъ этого съ сохранными и въ его трудѣ извѣстіемъ 1251 года: «князь Глѣбъ Васильковичъ [влукъ Константинъ, правнукъ Всеволожъ, праправнукъ Юрья Долгорукаго] иде на Вѣлозеро, въ свою отчину» (тамъ же стр. 138; ср. Лаврент. лѣт., стр. 449; т. VII, стр. 156). А. В. Экземпирскій предполагаетъ, что Вѣлозерскій «удѣлъ могъ существовать даже ранѣе 1251 г., хотя Глѣбъ и жилъ пока въ Ростовѣ» (указ. соч., т. II, стр. 155, прим. 455); почитать это надо такъ, что возможно предположеніе ии Глѣбу Вѣлозерскаго княженія— по «ряду» отца, если онъ успѣлъ его сдѣлать, или по «урядженю» князей—родичей съ великимъ княземъ относительно малолѣтнихъ ростовскихъ князей, когда они «посажены» на ростовское княженіе.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 451. Передъ тѣмъ Глѣбъ задѣлъ въ Новгородѣ къ великому хану. Въ 1276 г. братья ходили въ Орду съ другими князьями по зову хана Менгу-Тимура въ походъ противъ Ясая. Борись умеръ въ Ордѣ передъ походомъ, а Глѣбъ вернулся на Ростовское княженіе.

³⁾ Лаврент. лѣт., стр. 451: въ 1256 г. «князь Борись поѣха въ Татары, а Александръ князь посылалъ дары; Борись же былъ у Улавчю, дары давъ и прѣѣа въ свою отчину съ чествомъ». Никоновская пошла по своему: «Князь же Борись Васильковичъ Ростовскій иде въ Татары со многими дары; также и Александръ Ярославичъ посла послы своя въ Татары со многими дары» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 140—141).

гамашнюю смуту, поддѣлиться успѣхомъ съ епископомъ Кирилломъ и ростовскими князьями ¹⁾).

Великій князь играетъ первую роль въ дѣлахъ ростовской епископш ²⁾. Ростовское княжество—лишь особый элементъ въ составѣ Владимірскаго великаго княженія.

Судьба Ярославля, который также входилъ въ составъ ростовской отчины Константиновичей и выпалъ на долю Всеволода Константиновича, а послѣ его гибели въ татарское игохѣтье перешелъ къ Всеволодичу Василію,—сложилась весьма своеобразно въ моментъ кончины этого князя, при владимірскомъ княженіи Андрея Ярославича ³⁾. Василій Всеволодовичъ

¹⁾ Лаврент. лѣт., стр. 452. Возможно, что в. к. Александръ нашелъ опору своей политикѣ въ духовенствѣ. Митр. Кириллъ, ставленникъ Давида Галицкаго, былъ, по-видимому, посредникомъ въ сношеніяхъ своего князя съ Андреемъ Ярославичемъ, но затѣмъ остается вѣченіе рада лѣтъ на сѣверѣ. Въ рѣшительный моментъ—1251 г.—объ Кириллѣ, митрополитѣ и епископѣ ростовскій, ѣздили къ Александру въ Новгородъ, а затѣмъ митрополитъ встрѣчаетъ Александра „со кресты у Золотыхъ воротъ“ во Владимірѣ, когда тотъ вернулся изъ Орды ханскимъ ставленникомъ на великое княженіе, и участвовать въ обрядѣ посаженія. Упомянуется онъ во Владимірѣ и въ 1255 г., а въ 1256 сопровождаетъ Александра въ Новгородъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 161; впрочемъ извѣстіе это весьма сомнительно и не подтверждается другими лѣтописями). Предположеніе Голубинскаго, что митр. Кириллъ, быть можетъ „послѣ 1252-го и 1256-го годовъ не уходилъ изъ сѣверной Руси и проваля въ ней сподрядъ все время съ 1250-го по 1263-й годъ“ („Ист. Русск. церкви“, т. II, стр. 57)—вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ 1261 г. по его благословленію рѣшено дѣло объ управленіи ростовской епархіей, въ 1262 состоялось поставленіе новаго ростовскаго епископа Игнатія, а въ 1263 г. митр. Кириллъ совершаетъ обрядъ погребенія тѣла в. к. Александра. Е. Е. Голубинскій указываетъ и на то, что митр. Кириллъ только въ 1274 г. поставилъ новаго епископа во Владимірѣ на мѣсто убитаго татарамъ въ 1278 г. Митрофана и склоняетъ приписать Кириллу мысль если не о перенесеніи во Владимір митрополіи, то объ оставленіи Владимірской епархіи за митрополитами. На сѣверѣ должно было состояться поставленіе еп. Митрофана на новую Сарайскую епархію въ 1261 г.—быть можетъ, также моментъ въ татарской политикѣ в. к. Александра.

²⁾ Такъ, напримеръ, въ дѣлѣ назначенія архимандрита Игнатія въ помощь престарѣлому епископу Кириллу (Лаврент. лѣт., стр. 452); по кончавъ епископа Игнатія ставъ его преемникомъ.

³⁾ А. В. Эскимирскій, указ. соч., т. II, стр. 73—75. Въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 153—154) находимъ любопытную справку по поводу неожиданнаго появленія подъ 1277 г. ярославскаго князя Федора Ярославича: „Подобаетъ же о семъ вѣдати како оей глаголется князь Федоръ Ростиславичъ Ярославскій“. Передъ нами, очевидно, не воспроизведеніе какаго либо источника, а сводка свѣдѣній и соображеній книжника-лѣтописца, источникъ коихъ намъ неизвѣстенъ и не поддаются проверкѣ. Приемлемыми ихъ можно считать только потому, что ничто въ другихъ источникахъ имъ не противорѣчитъ, а они попоказаютъ пробѣлъ въ исторіи Ярославскаго княженія. Предположительно можно источникомъ этой „справки“ считать данные о родословіи ярославскихъ князей, собранныя въ пору

умеръ въ 1249 г., оставивъ послѣ себя вдову и дочь. Умеръ онъ во Владимірі, гдѣ тогда же находилась у князя Андрея—в. к. Александръ и ростовскіе князья. На этомъ съѣздѣ князей и было, повидному, рѣшено оставить Ярославъ съ вѣлостями за вдовой-княгиней Ксией и ея дочкой Маріей Васильвной. Быть можетъ, тогда же намѣчено было обрученіе ярославской княжны съ Ростиславичемъ Ѳеодоромъ, который княжилъ на Можайскі¹⁾, а благодаря этому браку «достала ему Ярославъ». Это событіе навсегда вырвало Ярославъ изъ состава ростовской отчины. При в. к. Александрѣ Ярославичѣ в долго позже—въ Ярославѣ нѣтъ мѣстной княжеской власти, которая играла бы болѣе или менѣе замѣтную и самостоятельную роль, но нѣтъ и основанія говорить о выходѣ Ярослава изъ прямой связи съ великокняжеской властью²⁾.

составленія Никоновской лѣтописи для Государева Родословца. Эта «справка» была, впрочемъ, известна и составителямъ Воскресенской лѣтописи, которая даетъ краткую выписку (т. VII, стр. 173) изъ ея редакціи, еще не стигавшей въ маеръ Никоновской лѣтописи.

¹⁾ Этотъ бракъ, видимо, связанъ съ западнорусскими отношеніями ростовскихъ князей. Василько Константиновичъ былъ женатъ на дочери черниговскаго князя Михаила Всеволодовича; Всеволодъ Константиновичъ женился въ 1227 г. на дочери Олега Святославоча, повидному князя Курскаго (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 134, т. X, стр. 94; на стр. 157 Никоновская сообщаетъ ея имя—Марина); Всеволодова княгиня имѣла перешаго мужа (сжовчалась, по Никоновской, 1279 г.) и могла играть роль въ этомъ дѣлѣ. Обрученіе малолѣтней четы (Марія было, по весьма вѣроятному расчету Экземплярскаго, года 4, такъ какъ ея отецъ умеръ 20 лѣтъ, едва-ли болѣе, отъ роду; Ѳеодоръ Ростиславичъ до 1276 г. не выступаетъ въ лѣтописныхъ повѣстаніяхъ, что даетъ нѣкоторое основаніе считать его весьма юнымъ; умеръ онъ въ 1299 г.) фактически имѣло, а могло имѣть и въ намѣреніяхъ старшихъ князей, политическое значеніе, быть можетъ, въ связи съ замыслами князя Андрея Ярославича, который имѣлъ въ виду объединенія русскихъ силъ противъ татаръ. Воклаженіе въ Ярославѣ можайскаго отчича—приводило Можайскъ въ связь съ великими князьями Владиміроками, а съ 1276 или 80 года Ѳеодоръ, хоть не на долго, владѣлъ в Смоленскомъ, оставаясь, однако, дѣятельнымъ участникомъ Владиміро-Суздальской политической жизни. Связи Ѳеодора Ростиславича съ обоими половинами Руси закрѣплены и замужествомъ его дочерей: одну онъ выдалъ за галицкаго князя (Давида Константиновича), а другую—за бѣлозерскаго (Михаила Глѣбовича).

²⁾ Долгая пассивность кн. Ѳеодора Ярославича объясняется не только его юностью, но и для дальнѣйшихъ лѣтъ—тягостнымъ семейнымъ положеніемъ. Его жатіе, каковъ составлялъ нрокъ Антоній по порученію в. к. Ивана III и митр. Филиппа, использовало, по всей видимости, семейныя преданія ярославскихъ князей; по его рассказу кн. Ѳеодоръ былъ надолго задержанъ въ Ордѣ, а по смерти жены не могъ вернуться въ Ярославъ, отвергнутый тещей и боярами, которые стали править именемъ его сына Михаила. Кн. Ѳеодоръ вернулся въ Орду, гдѣ пробывъ нѣсколько лѣтъ; тутъ онъ женился на ханской дочери (во крещеніи Аннѣ), тутъ родились два его сына (Давидъ и Константинъ); только по смерти сына Михаила (попытка Экземплярскаго установить дату этой смерти даетъ 1289 или 1290 г.—т. П,

Въ Угличѣ сидятъ третьестепенными князьями сыновья Владиміра Константиновича, на которыхъ и угасла эта линия ростовскихъ князей ¹⁾.

Владѣльческое положеніе самого Александра Ярославича и его братьевъ было опредѣлено предсмертнымъ рядомъ ихъ отца: Святославъ Всеволодовичъ, занявъ великое княженіе, «сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отецъ урядялъ Ярославъ» ²⁾. Мы не знаемъ содержавшаго этого Ярослава уряженья, но предполагаемъ, что съ нимъ совпадаетъ распредѣленіе владѣній между Ярославичами при в. к. Ярославѣ, и позднѣе Александръ на великомъ княженіи сохраняетъ свое вотчинное отношеніе къ Переяславу, которое переходитъ и на его старшаго сына, а на Переяславѣ оный княжилъ еще при жизни отца. Есть основаніе признать, что Андрею Ярославичу назначены по «ряду» его отца—Городецъ Половжскій и Нижній Новгородъ ³⁾; въ 1256 году сюда оный вернулся, какъ «въ свою

стр. 79—80) Федоръ занялъ столъ Ярославскаго княженія съ татарскою помощію. См. житіе въ „Великихъ Минеяхъ Четкихъ“ подъ 19 сент. и въ „Степенной Книгѣ“ (П. С. Р. Л. т. XXI, ч. 1-я, стр. 307).

¹⁾ Лѣтописи отмѣчаютъ только даты кончины Андрея (1261) и Романа (1283 или 1285) Владиміровичей (Лаврент., стр. 452 и 458; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 162 и 178).

²⁾ Лаврент., глѣт., стр. 448.

³⁾ Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 160) замѣчаетъ при сообщеніи о бѣгствѣ Андрея въ 1252 г. изъ Русской земли, что оный, пробывъ нѣсколько времени въ Швеціи, „приде въ свою отчину“; подъ 1256 г. находимъ въ Лаврентьевской (стр. 451) странную запись: „поѣхаша князи на Городецъ да въ Новгородъ“, и тогда же в. к. Александръ послалъ Бориса ростовскаго убогаторять ордынца Улашча дарамъ; и тоже повторяетъ Никоновская, безъ комментарія, во два ея списка давътеніе „князь“ (сохраняя, однако—„поѣхаша“, т. X, стр. 140). Съ 1257 князь Андрей появляется въ ряду русскихъ князей, ѣдетъ въ Орду съ в. к. Александромъ и другими. Никоновская лѣт. впродъ зоветь его Суздальскимъ и, позидмому, права въ своемъ заключеніи, хотя сама же спутала генеалогію суздальскихъ князей (быть можетъ, слѣдуя родословной передержкѣ князей Шуйскихъ; весь споръ объ ихъ происхожденіи отъ Андрея Ярославича или отъ Андрея Александровича, сына Невскаго—считаю разрѣшеннымъ возраженіями А. В. Экземплярскаго противъ С. М. Соловьева; см. „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси“, т. II, стр. 388); поводомъ къ этой путаницѣ послужили судьбы Суздаля, Городца и Нижняго послѣ смерти Андрея Ярославича. Позидмому, запись подъ 1256 г. надо, дѣйствительно, понять, какъ извѣстіе о прѣздѣ Андрея на Городецъ и Нижній, что Воскресенская и называетъ его возвращеніемъ „въ свою отчину“ (такъ понялъ и В. Н. Татащевъ: т. IV, стр. 27). О кончинѣ его и погребеніи Воскресенская сообщаетъ: „преставися князь Андрей Ярославичъ суждальскій, положенъ бысть въ Сужданѣ“ (1263; т. VII, стр. 164). Родословные матеріалы Никоновской лѣтописи опредѣленно указывали на происхожденіи суздальскихъ князей отъ Андрея Ярославича (см. П. С. Р. Л., т. X, стр. 144), но подъ 1865 она даетъ нѣкую, протаворѣчащую этимъ матеріаламъ, генеалогическую справку (т. XI, стр. 4), руководясь ею и въ другихъ „поправкахъ“ (напр., т. X, стр. 176). Предположеніе А. В. Экземплярскаго (указ. соч., т. II, стр. 387), что князь Андрей Ярославичъ получалъ Суздаль вмѣстѣ съ Городцомъ и Нижнимъ въ 1247

отчину», а въ слѣдующемъ получилъ ханское пожалованіе, стонвшее в. к. Александру не малыхъ даровъ ордынцу Узавчию и самому хану. Притомъ—соглашеніе съ братомъ урдало къ его владѣніямъ еще Суздаль. Князь Андрей не игралъ при братѣ сколько-нибудь самостоятельной роли, ѣздилъ съ нимъ въ Орду и въ Новгородъ, исчезая въ средѣ окружающихъ в. к. Александра князей; онъ пережылъ брата лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Тоже самое можно сказать и о третьемъ Ярославичѣ—Ярославѣ. Послѣ бурныхъ событій начала пятидесятихъ годовъ XIII вѣка, Ярославъ княжить спокойно въ Твери, ѣдетъ въ 1258 г. съ Александромъ въ Орду, идетъ въ 1262 г. отъ него въ походъ на нѣмцевъ ¹⁾. На Костромѣ сидѣлъ Василій Ярославичъ, которому въ годъ кончины в. к. Александра лишь исполнилось 22 года; на княженіе въ Галичѣ меряномъ умеръ въ 1255 г. Константинъ Ярославичъ, ѣздившій отъ в. к. Ярослава Всеволодовича къ великому хану въ Монголію, а послѣ него—его сынъ Давыдъ, о которомъ только и знаемъ, что скончался онъ въ 1280 г., причемъ лѣтопись называетъ его княземъ галицкимъ и динтровскимъ ²⁾.

Существованіе всѣхъ этихъ княжескихъ владѣній, по прежнему, не говорить еще о подлинномъ политическомъ распадѣ Владимірскаго великаго княжества. Великій князь Владимірскій въ эпоху Александра Ярославича Невскаго единый и безусловный представитель всей сѣверной Руси передъ ордынской властью, защитникъ всѣхъ ея областей передъ напоромъ западныхъ враговъ, распорядитель всѣхъ ея боевыхъ силъ. Но на отдѣльныхъ «воюдствѣхъ» великаго княжества «княжить и владѣють» мѣстные князья, которые имѣютъ на то право, не зависящее отъ воли великаго князя, то «семеино-вотчинное» право, которое издревле составило основной элементъ «княжого права въ древней Руси». Это право вотчинное, наследственное, приобрѣтено, въ принципѣ, самимъ рожденіемъ, в семейное, такъ какъ его существо въ правѣ всѣхъ сыновей владѣтельнаго князя на отцовское наследіе—общую этимъ сыновьямъ «отчину». Реализуется оно либо согласно «ряду» отцу, который опредѣляетъ какую именно долю получить каждый

году отъ дяди Святослава Всеволодовича (стало быть, по «ряду» отца, см. выше, стр. 146) не возмется съ подлѣйшими судьбами этихъ владѣній, какъ ихъ самъ Экземплярскій налагаетъ; не согласованъ и указаніе о томъ, что произошло по смерти Андрея Ярославича (на стр. 390 и 393). Причина всей этой путаницы, кромѣ редакціонной работы книжника—составителя Никонской лѣтописи, не сумѣвшего преодолѣть противорѣчія своихъ генеалогическихъ матеріаловъ, также въ необоснованномъ представленіи, будто исконна связь Городца в Нижняго съ Суздаlemъ, какъ «пригородомъ» съ главнымъ, старѣйшимъ городомъ.

У Татищева находимъ (т. IV, стр. 27) любопытное замѣчаніе, что Александръ Невскій, по возвращеніи Андрея Ярославича «изъ Нѣмцевъ», хотѣше ему Суздаль дати, но не смѣяше Царя».

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 163.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 174.

изъ сыновей, либо—особенно для сыновей, малолѣтнихъ въ моментъ отцовской кончины, ихъ надѣленіемъ по волѣ дяди или старшаго брата, которому они отпochtъ «приказаны» или даны «на руки». Доли князей наследниковъ въ общей ихъ отчизнѣ будутъ поодѣ называться «удѣлами» (XIII вѣкъ этого термина еще не знаетъ), князья станутъ говорить о доляхъ своихъ, какъ объ «удѣлахъ вотчины своей», но для данного времени ни въ терминологіи, ни въ существѣ владѣльческихъ отношеній князей не видно ничего принципиально новаго сравнительно съ основами «княжого права» въ Киевской Руси. Вотчинныя тенденціи княжого владѣнія еще слишкомъ подчинены силѣ политическаго единства Великороссіи, которое имѣло опору во власти Владимірскаго великаго князя, чтобы могла развернуться на ихъ основѣ опредѣленно иная система отношеній. Время в. к. Александра Ярославича напоминаетъ, однако, тотъ моментъ въ исторіи Киевской Руси, когда во главѣ ея стояли Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ. При значительной силѣ объединяющей великокняжеской власти, во внутреннемъ строѣ земли уже закрѣплены основы владѣльческаго обособленія сложившихся мѣстныхъ вотчинныхъ княженій. Ростовскія владѣнія Константиновичей признаны особой наследственной владѣльческой единицей; опредѣлялись вотчинныя владѣнія для всѣхъ князей—Ярославичей и ихъ потомства. И самъ великій князь Александръ вотчинъ на Переяславѣ Запѣсскомъ, который одинъ только и составлялъ отчину, въ строгомъ смыслѣ слова, его сыновей. Великокняжеская власть еще лишена надлежащей территориальной базы, ея главенство—чисто политическое, и въ этомъ залогъ ея слабости и упадка. Внутренніе силы страны организованы внѣ ея прямого воздѣйствія по помѣстнымъ княжествамъ и легко могутъ стать въ опоры общей политики великорусскихъ князей подѣ главенствомъ Владимірскаго великаго князя—факторомъ разрушенія этого главенства и всего объединенія, въ условіяхъ внутренней борьбы. По этому разрушительному пути и пойдетъ исторія Владимірскаго великаго княжества послѣ кончины в. к. Александра Ярославича. Давленіе татарскаго владычества, установившееся при его правленіи съ таинимъ направленіемъ внутреннихъ отношеній Руси, несомнѣнно, сыграло крупную роль въ развитіи упадка великокняжеской власти.

II.

При великихъ князьяхъ Ярославѣ Всеволодовичѣ и Александрѣ Ярославичѣ лишь устанавливается татарское владычество надѣ сѣверной Русью; утвержденіе опредѣленныхъ формъ зависимости вызвало глубокой разладъ въ политическихъ настроеніяхъ и княжеской и общественной среды. Наши источники сохраняли лишь нѣсколько указаній на этотъ разладъ, отрывочныхъ и часто глухихъ намековъ, но и по нимъ видно, какой онъ былъ острый и напряженный. Александру Ярославичу удалось его преодолѣть

и найти для того опору в части князей, духовенства и боярства. Но едва ли будет преувеличением сказать, что авторитет великокняжеской власти вышел из эпохи Александра Невского сильно расшатанным; Александр поддерживал его не только личной энергией и личным влиянием, но и страхом татарской кары и прямой опорой в татарской силе¹⁾. Надь великокняжеской властью стала новая власть, чуждая и чуждая, но формально признанная и обладавшая грозной реальной силой. Она стала постоянным фактором внутренних политических отношений Великодержавия, настолько самостоятельным и обособленным от коренных элементов русского традиционного политического строя, что ее влияние могло быть использовано

¹⁾ Своего рода психологический парадокс в оценках великого князя Александра Невского отразился весьма характерно на литературной истории его огромной посмертной популярности, которая являлась плодом глубоко волнующих переживаний его эпохи и дальнейших судеб Великодержавия. Его татарская политика шла вразрез с наиболее популярными течениями общественного чувства; оппозицию приходилось подавлять сурово, даже жестоко. Сильное недовольство ей не затихло, — свидетельства об этом недовольстве сохранились даже в письменности, полной прославления его памяти, темъ болѣе, что оно явилось даже в укоризнахъ потомкамъ Невского за то, что „любилъ татаръ паче мѣры“. Съ другой стороны, политически влиятельная группа раздражена въдвѣствіемъ в. к. Александра; новгородцы долго помнили, какъ Александръ „дѣлалъ насиліе на Новгородѣ“. Но все эти черты исторической традиціи только отглаголюютъ огромную популярность Александра, быстро разросшуюся въ культъ его памяти. Вскорѣ послѣ кончины князя и подъ сильнѣйш. ея впечатлѣніемъ явился „самовѣдецъ“, которому кн. Александръ „своей господиш“, составила „слово“ въ его память, въ формѣ „плача“ — сказанія о его кончинѣ; оно разрослось въ цѣлую, свѣтскую біографію князя, а вступившемъ къ ней послѣдователи склонны признать известное „Слово о погнѣблѣ русской земли“. Весьма дѣланный анализъ памятниковъ письменности, связанныхъ съ прославленіемъ Александра Невского — у Н. И. Серебрянскаго: „Древне-русскія княжескія житія“ („Чтенія въ Моск. Об. Ист. и Др.“ 1915 в отд.). Н. И. Серебрянскій справедливо указываетъ, что содержаніе „слова о погнѣблѣ“ нѣтъ необходимости относить непременно и только къ событіямъ 1237—1238 г.г. „Страхъ погнѣблѣ страны испытывался и послѣдѣ ужасовъ Нестява шестствія и иногда оны принималъ особенно обостренную форму“ (стр. 207). Для характеристики настроенія XIII в. Серебрянскій приводитъ, съ одной стороны, указанія на всплывшія народная „яроста“ противъ насильствъ Богатыми, съ другой — на моменты паники („тогда же бѣ пополахъ зель по всей землѣ и самъ не въздыху и гдѣ кто бѣжитъ“ — Лавр., стр. 446) и угнетенности („и бѣше вѣдѣти дѣло стыдно и велии страшно, и глѣбѣ во уста не имѣшеть отъ страха“ — Лавр., стр. 458). Эти настроенія, — усугубленнымъ сопоставленіемъ, что бусурманскія нашествія посягаютъ Русь не только „за неправду вашу“, но и по вѣвѣ князей, „заде живякуху въ которахъ межѣ собой“ (Лавр., стр. 458) — были существеннымъ факторомъ нарастающей идеализаціи в. к. Александра и высокой и сторической его оцѣнки; „Слово о погнѣблѣ русской земли“ ставитъ его въ опредѣленную историческую перспективу „отъ великаго Ярослава и до Володимера, и до внявшаго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерскаго“.

въ борьбѣ политическихъ силъ какъ въ пользу, такъ и противъ усвоенія великокняжеской власти.

Тоже можно сказать и о другой опорѣ Владимірскихъ великихъ князей — обладаніи Великимъ Новгородомъ. Обладаніе это необходимымъ моментъ въ ихъ политикѣ: великое княженіе и строилось, со времени Юрія Долгорукаго, въ непрерывной связи съ борьбой за Новгородъ Великій. И князьяки-лѣтописцы, сохранившіе запись: «саде по братѣ своемъ великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ на великомъ княженіи въ Володимери братъ его князь велики Ярославъ Ярославичъ и бысть князь велики Володимерскый и Новгородскій»¹⁾, были правы въ своемъ пониманіи дѣла. Александръ Ярославичъ укрѣпляетъ, казалось, на прочѣйшемъ основаніи эту связь Великаго Новгорода съ Владимірскимъ великимъ княженіемъ, добился постоянного признанія своей власти надъ Новгородомъ, держалъ его черезъ сыновей, оборонялъ новгородскія и псковскія волости силами «низовской» земли, слыша мѣстную ихъ политику въ области внѣшнихъ отношеній съ общими задачами великокняжеской власти. Его господство надъ Новгородомъ положило прочныя основанія традиціи, что столь новгородскаго княженія «отчина» для князей «низовской» земли, но открыло, съ другой стороны, возможность двойкаго пониманія этой традиціи: отчинами стола новгородскаго могли выступать его сыновья, Александровичи Невскаго; права на это княженіе могъ предъявить, а по существу реальныхъ своихъ интересовъ не могъ не предъявлять каждый обладатель великокняжескаго стола. Обладаніе княжой властью въ Великомъ Новгородѣ стало самостоятельнымъ факторомъ въ борьбѣ за и противъ великокняжеской власти, открывая господину Великому Новгороду широкія перспективы какъ влияния на эту борьбу, такъ и развитія въ ея условіяхъ своего «народоправства» путемъ закрѣпленія за новгородцами вынужденныхъ уступокъ со стороны княжеской власти.

Само основное значеніе великокняжеской власти—общее руководство политическими судьбами Вѣлкороссіи и, прежде всего, ея самообороной отъ внѣшнихъ враговъ—стало падать подъ давленіемъ новой политической обстановки, когда татарское владычество почти парализовало проявленіе великорусской энергіи въ наступленіи къ югу и востоку, а самооборону Вѣлкороссіи поставило, на этигъ предѣлахъ, въ новыя, крайне тягостныя условія мелкой пограничной борьбы. Настаетъ періодъ иѣкотораго разобщенія задачъ этой великорусской политики, что ведетъ къ разстройству общаго участія великорусскихъ силъ въ ихъ разрѣшеніи и организующаго руководства ими. Функціи великокняжеской власти дробятся и переходятъ по

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 144; XV (изд. 2-е), стр. 33. Фактически эта «запись», конечно, не соответствуетъ дѣйствительному ходу событій, по крайней мѣрѣ хронологически. Впрочемъ, она, быть можетъ, передаетъ формулу, ханскаго ярлыка?

частіяхъ въ руки тѣхъ или нѣмъ мѣстимъ князей, а разрѣшеніе какихъ-либо вопросовъ, въ которыхъ заинтересованы всѣ представители княжеской власти, достижимо только общими ихъ соглашеніями, при коихъ носитель великокняжеской власти не всегда даже первую роль играетъ (тѣмъ болѣе, что сплосъ и рядомъ оказывается неустрашимымъ вѣшателемъ ордннской власти), или же путемъ вооруженной борьбы, прямыхъ усобицъ.

Всѣ эти моменты политическаго упадка Владимірскаго великаго княженія развернулись съ большою силой въ послѣднія десятилѣтія XIII вѣка.

При разсмотрѣніи этихъ событій вниманія требуетъ, прежде всего, само положеніе княжескаго рода по отношенію къ преемству на великокняжескомъ столѣ. Это уже не родъ потомковъ Всеволода Юрьевича Большаго и нѣвада, отчичей всей Ростовско-Суздальской земли. Это—только Ярославичи, сыновья и внуки в. к. Ярослава Всеволодовича. Споръ о старшинствѣ и власти идетъ только между ними, словно только имъ однимъ великое княженіе отчина и дѣдна. Такое суженіе круга возможныхъ претендентовъ на старѣйшій столъ не новость въ древне-русскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ; и ранѣе—на кievскомъ югѣ стремленіе ограничить этотъ кругъ предѣлами одной семьи возникало каждый разъ, какъ на старшемъ столѣ появлялся сильный и дѣятельный князь. Но въ данномъ случаѣ, дѣло представляется болѣе сложнымъ: крупная и яркая сила Александра Ярославича грозитъ преломить въ сознаніи слѣдующихъ поколѣній представленіе о преемствѣ по Ярославѣ Всеволодовичѣ и выдвинуть новую тенденцію, новыя притязанія на исключительное преемство по Александрѣ его потомковъ, помимо боковыхъ линій Ярослава дома.

Впрочемъ такія притязанія Александровичей Невскаго не могли проявиться съ достаточной силой и опредѣленностью сразу послѣ его кончины. Старшій изъ сыновей Александра, овалный Василій исчезаетъ съ исторической сцены послѣ злополучной для него катастрофы 1257 года; дальнѣйшей судьбы его не знаемъ ¹⁾. Второй, Дмитрій былъ еще отрокомъ и не могъ, по смерти отца, удержаться въ Новгородѣ, гдѣ жила номинальнымъ представителемъ великокняжеской власти: Новгородцы по первымъ же вѣстиямъ о кончинѣ в. к. Александра выслали его сына изъ города ²⁾.

Обстоятельства перехода великокняжеской власти къ кн. Ярославу Ярославичу сильно запутаны въ изложеніи нашихъ лѣтописныхъ сводовъ. Но вниманіе къ немногимъ точнымъ датамъ ³⁾, какія можно установить, позво-

¹⁾ Кроме его кончины въ 1270/71 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 170.

²⁾ „Выгнаша новгородцы князя Дмитрія Александровича, сдумавше съ посадникомъ Михаиломъ, зате князь еще малъ баше“ Новг. I, стр. 283; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 164.

³⁾ Ни одинъ изъ нашихъ лѣтописныхъ текстовъ не упоминаетъ о новомъ выступленіи Андрея Ярославича съ притязаніями на великое княженіе по смерти Александра; у Татищева (т. IV, стр. 32)—звѣстіе о такомъ выступленіи (принятое

заять признать, что немедленно по смерти в. к. Александра «выгнаша новгородци князя Дмитрія Александровича изъ Новгорода, сдумаше съ по-

Словеснымъ, кн. I, стр. 844 и Эземплиарскимъ, т. II, стр. 450, но не Карамзинскимъ, т. IV, начало гл. III и прим. 114) въ весьма сомнительномъ контекстѣ. Сильно затрудить въ нашихъ сводахъ порядокъ изложенія событій, последовавшихъ за смертью Александра Невского. Одни своды упоминають о смерти кн. Андрея раньше мѣстнаго о вокняженіи кн. Ярослава, другіе наоборотъ. Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 163—164) ставитъ передъ сообщеніемъ о смерти в. к. Александра заглавіе: „Преставленіе великаго князя Александра Ярославича Невского и по кемъ сѣде на великомъ княженіи братъ его князь Ярославъ Ярославичъ Тверскій“, но въ текстѣ—послѣ статьи о смерти Александра (подъ 6771 г.) говорить только объ изгнаніи кн. Дмитрія изъ Новгорода, о призваніи и посаженіи (27 янв.) кн. Ярослава на новгородское княженіе, о его женитбѣ и о кончинѣ кн. Андрея, а посаженіе Ярослава на столъ великаго княженія во Владимирѣ вовсе не отмѣчаетъ. Такъ, согласно Воскресенской, по смерти Александра (ум. въ ночь съ 14 на 15 ноября 6771—1262 г.)—въ январѣ (27) того же 6771 (т. е. 1263 г.) состоялось посаженіе кн. Ярослава въ Новгородъ. Тверская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 408) относитъ смерть Андрея и посаженіе Ярослава къ 6771, но это послѣднее связываетъ съ Владимирскимъ восточновѣдомъ („сидѣ на столѣ въ Новгородѣ Ярославъ Ярославичъ и бысть князѣмъ великѣмъ Володимирскій и Новгородскій“; формула явно неточная); Софійская I (т. V, стр. 102) и Новгородская I (стр. 283) вовсе опускаютъ моментъ вокняженія Ярослава во Владимирѣ, а посаженіе его на новгородскомъ столѣ отнесли къ 27 января 6773 г. (1265 г.), тутъ же полагая событія въ Литвѣ, которыя разыгрались въ 1263 г., причѣмъ Соф. I (списокъ Царск.) сохранила запись о смерти кн. Андрея послѣ водворенія Ярослава въ Новгородъ, такъ что и смерть эта попала на 1266 г. Никоновская (т. X, стр. 140) подъ 6771 даетъ только сообщеніе о кончинѣ Александра Невского, а вокняженіе Ярослава во Владимирѣ отнесла къ началу 6772 г., затѣмъ идуть: нагнаніе кн. Дмитрія изъ Новгорода, прибытіе в. к. Ярослава (посылка за нимъ изъ Новгорода опущена) въ Новгородъ, его женитба, а затѣмъ—смерть кн. Андрея Татищевъ (т. IV, стр. 32) даетъ подъ 6671—1263 г. сообщеніе о кончинѣ Александра Невского, а затѣмъ такой разсказъ: „О великомъ же княженіи бысть при братѣи его Андрѣи, иже преше бѣ на великомъ княженіи, и Ярославу Тверскому, брату его мещому, а не хотяще межъ собой сваркати, послаша послы своя въ Орду къ хану Беркаю; ханъ же повелѣтъ Ярославу къ себѣ быти. Егда приде Ярославъ во Орду и ханъ пригъ его съ честію, даде ему доспѣхъ, и повелѣтъ обвести его по чину на великое княженіе, коня же его повелѣтъ вести Володимеру Рязанскому да Ивану Стародубскому, бывшимъ тогда во Ордѣ, и Августа мѣсяца отпусти съ посломъ своимъ Жаибекомъ и съ ярлыкомъ на великое княженіе“, а дальѣ: „6772—1264. Въ сентябрь пришедъ изъ Орды князь великій Ярославъ Ярославичъ сѣде по братѣи своемъ великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ на великомъ княженіи въ Володимерѣ“. Трудно опредѣлить, что у Татищева опирается на данныя его источниковъ; въ порядкѣ событій оизъ слѣдуетъ Никоновской лѣтописи, которая вообще лежитъ въ основѣ всего изложенія, и всего правильнѣе признать строки о спорѣ князей Андрея и Ярослава татищевскимъ выводомъ изъ того порядка событій, какой огуло даетъ Никоновской лѣтописью; весьма сомнительно упоминаніе о „чинѣ“ ордынскаго „обещенія“ на великомъ княженіи, а имена дѣйствующихъ тутъ князей вызываютъ неравнѣрное недоумѣніе: въ данное время не знаемъ никакого Владимира разя-

садинокъ съ Михаиломъ», и «послаша по князя Ярослава Ярославича», а 27 января 1263 г. «посадиша его на столѣ»¹⁾. Къ этому моменту есте-

скаго (яв Рязани княземъ Федоръ Романовичъ; составъ рязанской княжеской семьи см. у Иловайскаго, *Ист. Ряз. княж.*, стр. 91); не ясно какого тутъ можно разумѣть Ивана Стародубскаго: дядя Ярослава Иванъ Всеволодовичъ едва ли былъ въ живыхъ (о немъ не слышно съ 1238 г.), а его внукъ Иванъ-Калистратъ Михайловичъ, умершій, по Никоновской лѣт., въ 1315 г. (т. X, стр. 179), если былъ на свѣтѣ, то малолѣтникомъ, а, по той же лѣтописи, въ Стародубѣ княжилъ его отецъ кн. Михаилъ Ивановичъ (т. X, стр. 158, подл. 1276 г.); впрочемъ, весьма возможно, что свѣдѣнія Никоновской лѣтописи о стародубскихъ князьяхъ ошибочны, такъ какъ Воскресенская упоминаетъ подл. 1315 г. о кончинѣ же Ивана (какъ Никоновская), а Михаилъ Ивановичъ стародубскаго, который ею же упоминаетъ подл. 1281 г. въ числѣ князей—участниковъ похода на Переяславль (т. VII, стр. 187 и 175), съ чѣмъ согласно и указаніе нѣкоторыхъ родословцевъ, считающихъ Ивана-Калистрата сыномъ Ивана Всеволодовича и отцемъ Михаила (Экземплярскій, *указ. соч.*, т. II, стр. 179 и 180).

Важнѣе то обстоятельство, что Татищевъ долженъ былъ имѣть опору въ источникахъ для датировки признанія за Ярославомъ великаго княженія и его посаженія на великокняжескомъ столѣ—августомъ 6771-го и сентябрѣмъ 6772-го года (сама датировка мѣсяцемъ безъ числа обычна въ лѣтописныхъ сводахъ). Основная схема событій у Татищева: 14 ноября 1262 г. умеръ Александръ Невскій; затѣмъ—соединеніе съ Ордой и похода кн. Ярослава къ хану; въ сентябрѣ 1263 г. его возвращеніе во Владиміръ и посаженіе на столѣ великаго княженія—весьма вѣроятно и сходится со схемой Воскресенской лѣтописи.

Въ итогѣ—для года событій основными датами надо признать: 14 ноября 1262 г. кончина Александра Невскаго, 27 января 1263 г.—посаженіе кн. Ярослава Ярославича на новгородскомъ столѣ; въ сентябрѣ 1263 г.—на великокняжескомъ столѣ.

Причина спутанности изложенія (и хронологіи) этихъ событій—въ использованіи нашими сводами (общимъ нѣмъ источникомъ митрополитич. сводомъ) двухъ повѣствованій, которыя не укладывались въ лѣтописную хронологическую сѣтъ: «Сказаніе о мужествахъ и житіи в. к. Александра Ярославича», которое волею датъ не давало, и сказаніе о князѣ Довмонѣ, гдѣ изложены были и литовскія событія со времемъ Миндовга и которое вращалось въ изложеніи свода, спутавъ и порядкомъ его и хронологическія приуроченія. Кроме того, Никоновская лѣтопись внесла особые редакціонныя приемы (въ духъ общихъ своихъ тенденцій): приѣздъ в. к. Ярослава въ Новгородъ перевесенъ на время послѣ занятія имъ великокняжескаго стола, съ устраненіемъ упоминавшіа о томъ, что новгородцы «послаша по князя» и «посадиша его на столѣ», вмѣсто чего читаемъ: «иде князь великій Ярославъ Ярославичъ въ Новгородъ и прииша его новгородци съ радостью и съ честию великою» (т. X, стр. 144).

С. М. Соловьевъ («Ист. Росс., т. I, ст. 844) отвѣтъ смерти кн. Андрея къ веснѣ 1264 г. (вѣроятно, подл. мнѣніемъ Карамзина, т. IV, начало III-й гл.; иначе не понимаю откуда эта «весна»), и не обратилъ вниманія на то, что сентябръ 6772 г. относится къ 1263, а не 1264 г.

¹⁾ Съ этимъ «посаженіемъ» совпала женитьба князя Ярослава на Юрьевой дщери Михайловича; если эта Юрьевна ввучна посадника Михаила Федоровича, котораго Александръ Невскій водворилъ на посадничество въ 1257 г., то можно видѣть въ немъ сторонника сближенія Великаго Новгорода съ великокняжеской

ственно приурочить и заключение первого из договоров Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославичем¹⁾. Новгородцы использовали

властью, а самому браку Ярослава придать политический характер; Ярослав ищет поддержки новгородского боярства, а руководящая сфера Новгорода — князю на великого князя, с которым и заключили первый, до нас дошедший договор.

¹⁾ Сопоставление двух старших договорных грамот Великого Новгорода с князем Ярославом определить, по крайнему моему разумению, довольно трудно. Едва ли этот вопрос вполне разрешен замечаниями А. А. Шахматова в „Исследованиях о языке новгородских грамот XIII и XIV века“ (в „Исслед. по русскому языку“, изд. Имп. Акад. Наук, т. I, стр. 229—280).

Не вижу, почему договорная № 1 (по изд. „С. Г. Г. и Д.“ и в „приложении“ у А. А. Шахматова) „несомненно древнейшая в ряду всех прочит.“. Коллебаева текста в договорных грамотах таковы, что едва ли возможно свести их к одному основному „формуляру“, несмотря на буквальное иногда повторение отдельных формул. В грамоте № 1 есть особенности, которые склоняют скорее к мысли, что это вторая редакция договорной Новгорода с Ярославом. Имено, в № 1 читаем: „а что, княже, мыть по твоей земли и по иной волости и по всей суздальской земли“ и т. д.; отсутствие этих слов во втором договоре, хотя они имеются в позднейшем договоре Новгорода с Ярославом (№ 3) непонятно. В № 1 они стоят на особом месте: после строки, заключающей, по существу, текст княжеской крестоцеловальной иорядной: „а на томъ ти, княже, на всемъ хрестъ цѣловати бес перевода при нашихъ послѣхъ“, и равнозначныхъ послѣднимъ и мѣ отрокамъ № 2-го: „на томъ ти на всемъ хрестъ цѣловати по любвѣ безъ всякаго язку въ правду при нашихъ послѣхъ“. За такими заключительными словами идет в № 1 добавление: „а мы ти ся, господине княже, княземъ: а что, княже, мыть по твоей земли и по иной волости и по всей суздальской земли, а то, княже, имати по 2 векши отъ лоды и отъ воза и отъ луы и отъ тмелна короба, а дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратвой востя; тако, господине княже, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ и отъ твоихъ и отъ нашихъ и отъ твоего отця Ярослава“. В № 2 есть только не развитой подробней намеком на это домогательство мытныхъ вориц: „а отъ Новгорода и отъ Новоторжа у мыта имати отъ воза по 2 векши и отъ тмелна короба“, а о льготѣ въ повозной повинности (очевидно—для торгующихъ въ новгородской земли) нетъ упоминания. Позднейшая договорная, № 3, цѣлкомъ использовала № 1, причемъ знала его ключичейное „покаяние“—статьей договора, на ряду съ другими, и дополнила его рядомъ пунктовъ, вытекавшихъ изъ такихъ дѣйствій Ярослава во время его новгородскаго княжения, которыми нарушались права новгородцевъ (отняли грамоту отъ своего, опредѣляющую право князя посылать осетерника и медовара въ Ладогу; „посудали“ некоторыя грамоты отца и брата; устанавливала слободы и мыта на новгородской волости и т. д.) или изъ новыхъ, приобретенныхъ новгородцами привилегій („а гости нашему гостити по суздальской земли безъ рубжа по царевъ грамотѣ“). Съ № 2 сближаютъ эту грамоту (№ 3) только 3 пункта: „ни грамотъ даяти“ безъ посаджика (что естественно связано въ № 3 съ ее добавлением: „суда не судити“); въ Русу ѣздити „на третью зиму“ (им. „ѣздити осевъ-первой грамоты) и въ Ладогу „ѣздити на третю лѣто“. Едва ли эти три пункта какъ и сопоставление такихъ пунктовъ грамоты № 2, какъ: „ни слободъ ставити по новгородской волости“ и „а изъ суздальской ти земли Новгорода не рядити, ни волостей ти не роздавати“ съ соответственными установлениями третьяго договора.

благоприятный момент для закрепления в форме письменного договора той «старины и пошрины», которая во многом терпела, по утверждению договорной грамоты, отъ «насилыа на Новгородъ», какое «дѣлягъ» Александръ Ярославичъ, отъ чего Ярославъ долженъ впредь «отступиться»¹⁾.

(«а свободѣ ти, ни мѣтъ на Новгородской волости не ставити» и «а на Низу, княже, новгородца не судити, ни даиѣ ти раздавати») свидетельствуют о текстуальной зависимости № 3 от второй грамоты.

Грамота № 2 дает текст, менѣе выработанный и формально, и по содержанию, чѣмъ первая, а писана такъ, что мѣстами форма буквъ и чернила совершенно иные, нежели во всемъ текстѣ, причемъ второе изъ этихъ мѣстъ даетъ впечатлѣніе пробѣла основного текста, но безъ труда заполняемаго другой рукой («оставленные буквы очень близки другъ къ другу и съ трудомъ помѣшены между словами короба и на томъ, принадлежащими 1-му писцу» — см. описание грамоты въ изслѣдованіи А. А. Шахматова, стр. 240). Только то обстоятельство, что въ этой грамотѣ была приложена печать («печати не сохранилось, но есть знакъ, что она была» — А. А. Шахматова) мѣшаетъ признать ее «проекто́мъ» договора, который состоялся въ формѣ грамоты № 1. Во всякомъ случаѣ, не вижу никакой возможности признать ее «вторымъ» договоромъ, заключеннымъ между Великимъ Новгородомъ и кн. Ярославомъ послѣ «перваго», котораго документъ въ первой грамотѣ нашего собранія договорныхъ. Если это самостоятельный актъ, то такова могла, скорѣе, быть редакция договора, заключеннаго въ 1263 г. при посажени Ярослава на столъ Новгородскаго князевія, а договоръ грамоты № 1—его «обновленіе» по утвержденіи Ярослава Ярославича на великомъ княженіи (осенью 1263 г.), и. б., въ первый прѣздъ его въ Новгородъ великимъ княземъ (въ началѣ 6772 г.).

¹⁾ Не вижу основаній для увѣренности А. А. Шахматова, что договорныя грамоты такого же типа, какъ дошедшія до насъ, т. е. опредѣляющія или стремившіяся опредѣлить возможно полнѣе ограниченія, какія налагала новгородская «старина и пошрина» на власть князя въ Новгородской землѣ, существовали и ранѣе даже со временъ Всеволода Мстиславича (1125—1130; см. указал. изслѣдованіе А. А. Шахматова, стр. 229). Въ первомъ договорѣ князя Ярослава съ Новгородомъ упоминается грамота его отца, Ярослава Всеволодовича, касавшаяся княжескихъ правъ на рыбную ловлю и боротинаго угодыя въ Ладогѣ. Такими грамотами по отдѣльнымъ вопросамъ новгородской «старины и пошрины» могъ накопляться матеріалъ ея формулированныхъ нормъ, на которомъ выросли болѣе систематическія договорныя грамоты общаго характера, которыхъ—для насъ—первая представительница и есть новгородская грамота князю Ярославу Ярославичу отъ 1263 г. Въ пользу такого представленія о значеніи этой грамоты, что она не случайно и не только «для насъ» первый документъ этого типа, говорятъ: неустойчивость договорнаго «формуляра»; характерныя тогдѣ «поклоныянія» относительно привилегій въ Суздальской землѣ для новгородскихъ купцовъ, съ аргументаціей, что «такое пошло отъ дѣды и отъ отецъ» какъ князя, такъ и ихъ, новгородцевъ, по безъ увѣренности, что таково ихъ приобретенное право; наконецъ, стремленіе утвердить представленіе, что налагаемая въ договорѣ нормы действительныя «старина и пошрина», та самая, на которой (предполагаю, что безъ формулировки въ письменной формѣ) цѣловали крестъ дѣды и отцы князя и отецъ его Ярославъ. Въ грамотѣ № 2 «дѣдовъ и отцовъ» еще нѣтъ, а сказано, по чтенію А. А. Шахматова—«на цѣмъ то цѣловалъ крестъ отецъ твой Ярославъ», какъ и «пошрина» новгородская опредѣляется только гѣмъ, «како держалъ отецъ твой»; такого, слишкомъ узкаго, опредѣ-

Новгородцы добиваются возможно прочных гарантий своей политической свободы, построенной на все расширяющемся «народопривастьи» и все крепнущей связности действий княжеской власти общеправовой «старинной и пошлиной» Великого Новгорода. Сь другой стороны, договорная грамота вскрывает (въ своей заключительной части) значение тѣхъ торговыхъ нитересовъ, какіе склоняли новгородцевъ искать не ослабевія, а укрѣпленія связи Великаго Новгорода съ великимъ княземъ.

Моментъ, благоприятный для этой новгородской политики, былъ созданъ вокняженіемъ въ Новгородѣ князя Ярослава ранѣе, чѣмъ онъ сталъ великимъ княземъ; все его поведение показываетъ, что онъ нуждался въ новгородской помощи и спѣшилъ утвердить за собой новгородское княженіе въ связи съ стремленіемъ къ великокняжескому столу. Было ли причиною тому возможное соперничество старшаго брата Андрея, которое Татищевъ построилъ, какъ фактъ, или опасеніе притязаній Александровичей Невскаго, на что указываетъ связь призванія Ярослава съ изгнаніемъ изъ Новгорода князя Дмитрія Александровича, надо допустить, что новгородская помощь обезпечила успѣхъ Ярослава въ Ордѣ, какъ это не разъ бывало и позднѣе съ претендентами на великое княженіе ¹⁾.

Двойственное отношеніе Великаго Новгорода къ великокняжеской власти весьма сильно отразилось на дѣятельности великаго князя Ярослава Александровича. Крѣпнеть, въ эту пору, обособленіе Новгорода и Пскова, какъ самостоятельныхъ политическихъ связей. У нихъ своя политика по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ, и великимъ князьямъ приходится все болѣе считаться съ нею, даже—волей-неволей—ей подчинять свои дѣйствія.

Бурныя событія 1263 и слѣдующихъ годовъ въ литовско-русскихъ областяхъ выдвинули самостоятельное значеніе Пскова и усилили его особое значеніе въ западныхъ отношеніяхъ Руси. Въ 1265 г. явился въ Псковъ бѣглецомъ литовскій князь Довмонтъ «со всѣмъ родомъ своимъ», ставъ организаторомъ псковскихъ боевыхъ силъ, вождемъ ихъ борьбы съ Литвою, руководителемъ мѣстной псковской политики. Водвореніе въ Псковѣ литовскаго князя поразило в. к. Ярослава; онъ спѣшилъ «со многою силою Нязовскою» въ Новгородъ, «хотя ити на Псковъ, на князя Доманта», но новгородцы «возбраниша ему, глаголюще: оми, княже, тебѣ съ нами увѣдася тоже поѣхати на Псковъ». Успѣшныя боевыя дѣйствія Довмонта увлекли новгородцевъ; помимо великаго князя они рвутся къ активнымъ, наступа-

ленія «старинны и пошлины» итѣ въ договорной № 1, итѣ и въ поддѣвншихъ. Изученіе новгородскихъ договоровъ съ князьями крайне затруднено! тѣмъ, что для большинства ихъ не дошли до насъ отвѣтныя княжескія грамоты того типа какъ № 4.

¹⁾ Въ источникахъ нашихъ итѣ свидѣній о поѣздкѣ Ярослава къ хану; но поѣхалъ онъ — новгородскимъ княземъ, и участіе въ этой поѣздкѣ новгородскихъ пословъ болѣе, чѣмъ вѣроятно.

тальнымъ дѣйствіемъ и, видимо, находятъ сочувствіе въ младшихъ князьяхъ прежде всего въ Дмитріи Александровичѣ Невскаго ¹⁾, на котораго и выпала роль продолжателя отцовскихъ подвиговъ. Послѣ цѣлаго года смуты, новгородцы добились, помню великаго князя, организациі большого похода русскихъ князей на Раковоръ подъ руководствомъ переславскаго князя Дмитрія Александровича ²⁾. Битва подъ Раковоромъ была удачна, но стоила большаго потерь, а, главное, не дала никакихъ результатовъ, кромѣ озлобленія сосѣдей. Нѣмцы не замедлили отъѣхать набѣгомъ на Псковъ, а съ русской стороны боевая энергія угасла, князья разѣхались, не учинивъ, подобно тому какъ въ 1228 г. ³⁾, мира и «никакаго добра». Создалось положеніе, изъ котораго не было выхода безъ обращенія къ великому князю. И послѣ долгихъ раздоровъ и ссоръ съ в. к. Ярославомъ новгородцы вынуждены передать свое дѣло въ его руки. Ярославъ добился смѣны нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, избравъ тысяцкимъ своего кандидата, и тогда только призвать «низовскіе» полки и татарскую помощь, чѣмъ при-

¹⁾ Въ 1286 г. Дмитрій Александровичъ выдалъ за Довмонта свою дочь Марію (П. С. Р. Л., т. V, стр. 7).

²⁾ Извѣстія лѣтописныхъ сведеній о новгородскихъ событіяхъ этихъ лѣтъ весьма странными и многими не договариваются. Въ 1285 г. Ярославу пришлось уступить новгородцамъ, и онъ выстутилъ изъ рукъ руководство западными отношеніями. При этой его неудачѣ выдвинулся Дмитрій Александровичъ: его в. к. Ярославъ, уходя со своими полками во свояси, «въ Новгородѣ остави» (т. VII, стр. 167); но кн. Дмитрій, очевидно, покинулъ Новгородъ черезъ годъ — во время смуты въ Новгородѣ, о которыхъ, впрочемъ, прямо упоминаніе находимъ только въ Никонской лѣтописи («мятежъ бысть усобной», — т. X, стр. 145; новгородскія — молчать о «мятежѣ», отмѣчая только пожаръ Неревского конца, однако, съ намекомъ: «мнози отъ того разбогатѣша» — Новг. I, стр. 286); новгородцы въ томъ же году участвуютъ въ походѣ кн. Довмонта на Литву безъ князя со своимъ воеводою Елеазферіемъ Сбыславичемъ (тамъ-же). Въ началѣ 8776 г. (осень 1267 г.) въ Новгородъ княземъ кн. Юрій Андреевичъ (суздальскій), котораго С. М. Соловьевъ («Ист. Росс.», кн. I, ст. 845) считаетъ «наимѣстникомъ Ярославовымъ»: съ этимъ княземъ новгородцы затѣли походъ подъ Раковоръ (Везенбергъ), и это походъ не княжескій, а воинское предпріятіе новгородцевъ, какъ видно изъ той его «вѣчевой» черты, что цѣль похода вызвала большія разногласія («хотѣша ити на Литву, а нѣи на Полтескъ, а нѣи за Нарову», тамъ-же) и была названа по выступленіи рати послѣ большаго раздора въ самомъ войскѣ. Неудача похода заставила новгородцевъ съ посадникомъ Михаиломъ призвать кн. Дмитрія Александровича, а по соглашенію съ нимъ (Соф. I и Воскр.; т. V, стр. 193 и т. VII, стр. 167) призвать на помощь в. к. Ярослава, который и прислалъ свои полки съ сыновьями Святославомъ и Михаиломъ. Въ новомъ походѣ подъ Раковоръ участвовали подъ общимъ воеводствомъ кн. Дмитрія, кромѣ двухъ Ярославичей, кн. Юрій Андреевичъ, Константинъ Ростиславичъ смоленскій («зять Александровъ»), Довмонтъ съ псковичами и какой-то князь Ярополкъ. Присылка рати отъ в. к. Ярослава была явно вынужденной уступкой: дальнѣйшій ходъ событій показываетъ, что онъ былъ противъ войны съ нѣмцами.

³⁾ См. выше, стр. 40.

нудить вѣнцевъ вернуть весь половецъ и отступиться всей Неровы¹⁾. Возстановленіе руководящей роли великаго князя во вѣнцѣйшей политикѣ Великаго Новгорода соединено съ попыткой Ярослава заново усилить свою власть и въ дѣлахъ внутренняго управленія; онъ сталъ поступать въ Новгородѣ, какъ вотчинный владѣлецъ, не считаясь ни съ новгородскою «личью», ни съ торговыми отношеніями Великаго Новгорода²⁾. Ярославъ лично долго пробылъ въ Новгородѣ, на Городецѣ, но въ 1269/70 г. поднялся «мятежь» въ Новгородѣ, «хотище князя Ярослава изгнати изъ града»; его сторонники били и грабили, а ко князю послали, «исписавъ на грамоту всю обиду его», съ требованіемъ, чтобы онъ пошелъ прочь изъ Новгорода, «а мы себѣ добудемъ князя», и настояли на отъѣздѣ в. к. Ярослава съ Городца, хотя, по лѣтописнымъ сообщеніямъ, онъ заявилъ новгородскому вѣчу черезъ сына Святослава и боярина Андрея Воротиславича готовность «лишиться» всѣхъ незаконныхъ захватовъ и дѣловатъ крестъ «на всей волѣ новгородской». У новгородцевъ былъ готовъ кандидат на столъ ихъ княженія: князь Дмитрій Александровичъ, но онъ уклонился отъ соперничества съ дядей, а когда Ярославъ «начя полки копяти на Великій Новгородъ», призывая и татаръ въ помощь, князь Дмитрій повелъ своихъ переяславцевъ противъ Новгорода по зову великаго князя. Однако, за Новгородъ вступился второй Ярославичъ—Василій³⁾; Василій поѣхалъ въ Орду съ новгородскими посланцами

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 169; Новг. I, стр. 290—292; т. X, стр. 174.

Тотчасъ возникло и разногласіе в. князя съ новгородцами: послѣ заключенія мира съ вѣнцами, в. к. Ярославъ собрался было «итти на Корѣзу, и баша чюмъ новгородци князю Ярославу и едва умолиша его не итти на Корѣзу, князь же отсла полки назадъ» (т. VII, стр. 169; Новг. I, стр. 292).

²⁾ Новгородцы такъ «исписали на грамоту всю вину (обиду) его»: «чему еси отъялъ Волговъ гоголины ловци, а поле отъялъ еси зачяны ловци? чему взялъ еси Алексия дворъ Морткиничя? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничѣ и на Романѣ Болдыженичи и на Варфоломѣи? а иное: чему выводилъ отъ насъ иноземца, которми у насъ живутъ? а того много вины его» (Новг. I, стр. 292; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 169). Въ договорной грамотѣ 1269/70 г. указаны еще обиды князя Ярослава: отъялъ грамоту отца своего о пользованіи рыбными ловлями и бортивыми угодьями въ Ладогѣ; «посудилъ» грамоты отца своего и брата и подавалъ «на тѣ грамоты» свои, новыя; отъялъ у Кирила Хотуевича дань съ новгородскаго погоста и отдалъ изъ пошу св. Михаила (а это городскимъ поламъ «не пошло»); держалъ закладниковъ на Торжку, какъ и Юрій Андреевичъ; таже грамота пояснить объявленіе въ «выводѣ» иноземцевъ: Ярославъ «затворилъ» вѣнцѣйскій дворъ, представлявъ къ нему своихъ приставовъ, а это столкновение съ вѣнцами, повидимому, связано съ недоразумѣніями по поводу возврата вѣнцами полова и пограничныхъ земель.

³⁾ Мотивъ Василія Ярославича, по лѣтописи: «жалъ ми своя отчины»; возможно, что наводка татаръ на русскія области Ярославомъ дала популярный поводъ для его выступленія. Василій послалъ своихъ людей въ Новгородъ; дальнѣйшія отношенія показываютъ, что имъ использованъ случай приобрести расположеніе Великаго Новгорода и противопоставить пошатнувшейся популярности Дмитрія

и «возврати рать татарскую», убѣдивъ хана, что «новгородия предъ Ярославомъ правы»¹⁾. В. к. Ярославъ не смогъ смирить новгородцевъ силою, вынужденъ былъ искать мира на всей волѣ новгородской пождь поручительствомъ всѣхъ русскихъ князей: новгородцы подняли на защиту всѣя пражороды и волости свои²⁾. Потребовалась уѣздательная грамота митрополита Кирилла къ новгородцамъ и его поручительство за великаго князя, чтобы привести ихъ къ примиренію съ в. к. Ярославомъ³⁾.

Александровича свои связи съ влиятельными силами Новгорода. Въ посольствѣ къ хану виднѣя Михаила Пищанича, который игралъ видную роль и въ отношеніяхъ Александра Невского къ Новгороду (Новг. I, стр. 279 и 293). Для этихъ событий см. Соф. I (П. С. Р. Л., т. V, стр. 196—197), Воскр. (т. VII, стр. 169—170), Новг. I (стр. 292—294):

С. М. Соловьевъ такъ объясняетъ поведеніе князя Василія Ярославича: „этотъ князь вступился за старый городъ не по сочувствію съ его бытомъ, но изъ соперничества съ братомъ; какъ князь Костромской, Василій боялся усиленія князя Тверскаго, ибо такое усиленіе грозило не только правамъ его на княжество Владимірское, но даже независимости его княжества — Костромского“ („Ист. Россіи“ кн. I, ст. 846). Конечно, нѣтъ даже повода ставить вопросъ о какомъ-либо особомъ сочувствіи къ Василію особенностямъ новгородскаго строя и быта, но нѣтъ въ источникахъ указаній на то, чтобы Ярославъ Ярославичъ готовилъ передачу великаго княжества сыну (старшему Михаилу, который умеръ вскорѣ по кончинѣ Ярослава, въ 1271 г.—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 42; т. V, стр. 198) мѣсто брата Василія. Нѣтъ и намека на его покушенія противъ „независимости“ Костромскаго княжества, кромѣ захвата новгородскихъ купцовъ „въ Костромѣ и по инымъ городомъ“ (договорная 1269/70 г.) что могло обвязать князя Василія съ новгородцами, но не даетъ еще повода говорить о противорѣчии интересамъ Тверскаго и Костромскаго княжествъ. Такимъ „насиліемъ“ ставился развѣй вопросъ объ отношеніи мѣстнаго князя къ великокняжеской власти.

¹⁾ Новгородскіе послы, поддержанные кн. Василіемъ Ярославичемъ, не только опровергали передъ ханомъ обвиненія в. к. Ярослава (в. к. и преданный ему тысящій Ратиборъ объяснили возстаніе новгородцевъ — сопротивленіемъ ихъ сбору татарской дани, П. С. Р. Л., т. VII, стр. 170; т. X, стр. 148), но представляли ему свои торговые обиды. Обвиненію новгородцами в. князя, что онъ отъ нихъ „выводитъ илюмичель“ соответствуетъ ярлыкъ: „Между Тамирево слово къ Ярославу князю“, который гласитъ: „дай путь иѣмецкому гостю на свою волость“ (см. „Русско-Ливонскіе акты“, № 28). На казенній ярлыкъ, о которомъ сообщаетъ документъ „Русско-Ливонскихъ актовъ“ новгородцы сомкаются въ договорной грамотѣ 1269/70 г.: „а гостю нашему гостити по суздальской земли безъ рубежа по царевѣ грамотѣ“; дальѣ текстъ этого документа таковъ: „отъ князя Ярослава ко Римширмъ и къ большымъ и къ молодымъ и кто гоститъ и ко всѣмъ: путь вашъ чиста есть по моей волости; а кто мѣя ратный съ тѣмъ ся самъ вѣдавъ; а гостю чистъ путь по моей волости“.

²⁾ „И совокупся въ Новгородъ вся волость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожаане“ (Новг. I, стр. 294; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 170). Никоновская сообщаетъ (т. X, стр. 149), что новгородцы „и иѣмце много приводеша въ помощь къ себѣ“, что само по себѣ исполнѣ возможно и въ духѣ полпикни ордеа.

³⁾ Договорная грамота № 3 (по С. Г. Г. и Д., т. I и по вѣд. Шахматова); па

Эти новгородскія дѣла за время великаго княженія Ярослава Ярославича заслуживали подробнаго озора по ихъ показательности для угадка великокняжескаго авторитета. Опора, каковую великій князь искалъ во власти ордынскаго хана оказалась «палкой о двухъ концахъ»; такъ въ положеніи верховнаго судьи русскихъ отношеній признавъ новгородцевъ правыми передъ великимъ княземъ, по предстательству ихъ пословъ и князя Василія Ярославича. Необходимость для «великаго княженія Владимирскаго и Новгородскаго» обладанія Великимъ Новгородомъ—возвышала значеніе Новгорода въ общерусскихъ дѣлахъ ¹⁾. Въ ту пору—широкое развитіе новгородской торговли давало руководящимъ сферамъ господина Великаго Новгорода значительныя матеріальныя средства; эти сферы приобрѣтали особый вѣсъ въ Орду и у князей, а, съ другой стороны, усилилось самостоятельное, даже рѣшительное значеніе новгородскихъ и псковскихъ интересовъ въ вопросахъ западной великорусской политики. Зависимость великаго князя отъ ордынской власти и новгородской силы ослабляла его авторитетъ по отношению къ другимъ князьямъ, которые могли искать и искали самостоятельныхъ связей и съ той и съ другой ради собственной выгоды и честолюбивыхъ стремленій.

Эти общія черты политическаго положенія Великороссіи въ послѣдніе десятилѣтія XIII вѣка создавали весьма благоприятную почву для развитія княжескаго владѣльческаго сепаратизма въ ущербъ объединенію всей Великороссіи подъ общей властью Владимирскаго великаго князя. Строго говоря, у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы сказать про самого в. к. Ярослава Ярославича, что его главная опора не столько великое княженіе, сколько его вотчинныя тверскія владѣнія; въ роли его «подручникомъ» видимъ князя Юрія Андреевича суздальскаго, Глѣба смоленскаго, вѣроятно и другихъ младшихъ—ростовскихъ, ярославскаго, въ составѣ «низовской» его рати. Однако, брать его Василія Ярославича и племянникъ Дмитрій Александровичъ—ведутъ свою политику, подрывая великокняжескій авторитетъ и въ Орду, и въ Новгородѣ Великомъ, и въ своей княжеской средѣ ²⁾.

ей надпись (за об.): „се прѣйша послы отъ Мстагу Темеря царя сажать Ярослава съ грамотою Чевгу и Вашни“.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, согласно общей своей теоріи, видѣлъ въ борьбѣ князей за власть надъ Великимъ Новгородомъ (съ новгородцами и между собой)—„стремленіе каждого великаго князя усилить свое собственное княжество“ („Ист. Россіи“, кн. I, стр. 848). Все развитіе новгородско-низовскихъ отношеній какъ при Ярославіи Ярославичѣ, такъ и поздѣе—до самыхъ временъ паденія новгородской вольности при Иванѣ III Васильевичѣ—неразрывно связано съ исторіей великокняжеской власти, съ борьбой за усиленіе ея общаго значенія для всей Великороссіи. Такъ и рѣзко—со временъ Юрія Долгорукаго, Авдрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича стремленію „низовскихъ“ князей усилить подчиненіе Новгорода—черта, основанная въ соціальн. и полит. жизни великаго княженія Владимирскаго.

²⁾ Показательно стремленіе в. к. Ярослава имѣть на своей сторонѣ въ столк-

Князь Василий Ярославич остановил наступление Ярослава на Новгород—представительством за новгородцев передъ ханомъ и свидѣтельствомъ въ ихъ пользу. Осторожное поведение князя Дмитрія Александровича объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что у в. к. Ярослава было отъ хана разрѣшеніе смѣнить Новгородъ. Но возможно, кромя того, и иной мотивъ; есть указанія на то, что в. к. Ярославъ стремился припрятать съ собой Александровичей и иттиъ ихъ на своей сторонѣ. Выше мы видѣли, что онъ въ 1265 году въ «Новгородѣ остави князя Дмитрія Александровича», княжившаго тамъ при отцѣ; в ради призванія Ярослава на новгородское княженіе оттуда изгнаннаго; а затѣмъ послалъ ему въ помощь свои полки для новгородскаго похода, затѣяннаго противъ его воли. Съ другой стороны, младшій Александровичъ Нелскаго, Андрей княжилъ на Городцѣ Поволжскомъ и Нижнемъ Новгородѣ ¹⁾, что могло произойти только по соглашенію съ великимъ княземъ ²⁾.

Вся дѣятельность Ярослава Ярославича—борьба за сохраненіе подлинной силы великокняжеской власти; не видно въ этой дѣятельности «отчиннаго владѣльца» Тверской земли, хотя Ярославъ—тверской князь, сохраняетъ Тверь, какъ личное княжое владѣніе, и по занятіи великокняжескаго стола, а послѣ его кончины (въ 1271 году) тверской отчиной владѣють его сыновья Святославъ и Михаилъ. Единственная подлинно «тверская» черта въ биографіи в. к. Ярослава Ярославича—его погребеніе въ Тверскомъ храмѣ свв. Ковымы и Даміана; Ярославъ скончался на пути изъ Орды, и его тѣло

повезлихъ съ Новгородомъ рѣшеніе хана и татарскую силу. Едва-ли тутъ дѣло только въ этой военной силѣ и въ страхѣ «татарскаго ижеия»; ханъ распоряжался всей военной русской силой; русскіе князья хаживали съ полками въ ордынскіе походы прикаспійскаго и кавказскаго края; въ такихъ условіяхъ приказъ хана долженъ былъ обезпечивать великому князю мобилизацію всѣхъ полковъ «низовской земли», что—безъ такого приказа—становилось на зыбкую почву междукняжескихъ отношеній и соглашеній.

¹⁾ Въ 1304 г. князь Андрей Александровичъ преставился и «положенъ бысть на Городцѣ»; мѣсто погребенія князя всегда характерно для его владѣческаго положенія; а затѣмъ «вѣчники» возила его бояръ въ Нижнемъ Новгородѣ. См. П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184; т. X, стр. 178. О достоверности сообщенія Никоновкой, что въ Нижнемъ избіенію подверглась именно бояре князя Андрея Александровича и о томъ, какъ она подъ влияніемъ размогослосици своихъ источниковъ (родословцевъ—ср. выше, стр. 62, пр. 3) превратила истиннаго за этихъ бояръ Михаила Ярославича тверскаго въ Михаила Андреевича, и тѣмъ запутала рядъ историческихъ и генеалогическихъ вопросовъ, см. ниже.

²⁾ Послѣ кончины князя Андрея Ярославича въ 1263 г. Суздаль остался отчуждой его сыновьямъ (Юрію, Михаилу и Василию), а Городецъ и Нижній—перешли въ княженіе къ Андрею Александровичу. Суздальскіе князья сохраняли претензіи на Городецъ и Нижний и добились поддѣле ихъ осуществленія; но въ данный моментъ имъ должно было быть особо важнымъ закрѣпленіе права на Суздаль. «отчинное» положеніе коего могло оказаться весьма еще спорнымъ (ср. судьбу Суздаля при Святославѣ Всеволодовичѣ и въ моментъ его кончины,—выше, стр. 132).

шовеали хоронити не во Владимиръ, а въ Тверь ¹⁾. Сообщивъ о кончинѣ в. к. Ярослава, летописные своды пишутъ, по старому шаблону: «того же дѣтя съде въ Володимери на столѣ князь Василей Ярославичъ Костромскіе и бысть князь великій Володимирскій и Новгородскій» ²⁾. На дѣтяхъ произошло нѣчто иное ³⁾. Василій Ярославичъ, повидному, обезпечилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе тотчасъ послѣ смерти брата ⁴⁾ и послѣднимъ заняты великокняжескій столъ и столичный Владимиръ, но тутъ узналъ о сношеніяхъ князя Дмитрія Александровича съ Великимъ Новгородомъ и отправилъ туда

¹⁾ У насъ нѣтъ основаній утверждать, что князь Ярославъ управлялъ Владиміромъ великимъ княжествомъ изъ Твери. По летописямъ видно, что въ Новгородѣ, то во Владимирѣ, то въ Ордѣ, но нѣтъ указаній на Тверь, какъ на резиденцію великаго князя. Нѣтъ основаній повторить за В. С. Воронковскимъ: «Ярославъ Ярославичъ руководствовался только узкими интересами, интересами своего княжества, а не общерусскими» («Исторія Тверскаго княжества» — стр. 83; Воронковскій въ цѣлѣхъ дѣйствій Ярослава всецѣло зависить отъ С. М. Соловьева); вѣрнѣе было бы сказать, что Ярославъ руководствовался интересами своей великокняжеской власти, внося, повидному, много личнаго въ нѣхъ пониманіе; антитеза «общерусскихъ» интересовъ мѣстнымъ интересамъ «своего княжества» — произвольна, ибо этихъ послѣднихъ не видно въ великокняжеской дѣятельности Ярослава. Его заботливость о Тверскомъ княжествѣ проявилась въ учрежденіи особой Тверской епархіи, но въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ событіи, такъ что трудно судить о мотивахъ кн. Ярослава и о значеніи этого факта для характеристики его дѣятельности. Звѣмъ только имя перваго епископа—Симеона; упоминается онъ впервые по поводу погребенія князя Ярослава и то только въ Никоновской летописи (т. X, стр. 150; другіе своды поминать его только по поводу закладки храма св. Спаса въ Тверь, въ 1275 г.).

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 171.

³⁾ Воскресенская летопись сообщаетъ подъ 6790 (1271/2 г.): 1) о смерти в. к. Ярослава Ярославича; 2) о воклаженіи в. к. Василія и 3) о призваніи въ Новгородъ Дмитрія Александровича; подъ 6781 (1272/3) г.: 1) о воклаженіи кн. Дмитрія въ Новгородѣ; 2) о нападеніи кн. Василія на Торжокъ и походѣ кн. Дмитрія на Тверь и смутѣ въ новгородскомъ войскѣ, которая заставила Дмитрія уступить дядѣ новгородскій столъ; и 3) о воклаженіи кн. Василія въ Новгородѣ.

Никоновская сообщаетъ о смерти в. к. Ярослава подъ 6779 (1270/1) г. и тутъ же о воклаженіи в. к. Василія; подъ 6780 г.: 1) о призваніи новгородцами Дмитрія; 2) о погонѣ за нимъ костромскаго воеводы Семена, о походѣ кн. Василія на Переяславъ и Торжокъ, и возвращеніи обонга во Владимиръ; подъ 6781 г.: 1) о нападеніи в. к. Василія на новгородскія волости съ татарскою помощію, 2) о набѣгѣ на нихъ тверскаго князя Святослава Ярославича тоже съ татарскою помощію, 3) о дороговизнѣ въ Новгородѣ и захватѣ новгородскихъ купцовъ и торговцевъ во Владимирѣ, Твери и Костромѣ, 4) о походѣ кн. Дмитрія къ Твери, переговоровъ съ кн. Василіемъ, смутѣ въ Торжкѣ (гдѣ были тогда воеводы в. к. Василія), отреченіи Дмитрія и воклаженіи въ Новгородѣ в. к. Василія (П. С. Р. Л., т. X, стр. 151—152).

⁴⁾ Ярославъ умеръ на обратномъ пути изъ Орды, куда одновременно съ нимъ ѣздили и Василій Ярославичъ и Дмитрія Александровичъ; быть можетъ, князь Василій былъ еще въ Ордѣ, когда пришла вѣсть о смерти брата?

своихъ пословъ ¹⁾, а когда новгородцы «яшася за князя Дмитрія», сдѣлавъ, по вѣдому, попытку перехватить его по дорогѣ къ Новгороду ²⁾, но не успѣвъ, и князь Дмитрій «сѣде на столѣ» въ Новгородѣ. Тогда Василій захватилъ Торжокъ, посадилъ тамъ своихъ наместниковъ, вернулся во Владиміръ и подготовилъ новый походъ на Новгородъ, одновременно изъ Владиміра, откуда выступилъ самъ великій князь съ Владимірскаго «великаго баскакомъ» и «многими татарами царевыми», и изъ Твери, откуда пошелъ на новгородскія волости Святославъ Ярославичъ (тоже съ «татарами царевыми») ³⁾. Однако, и на этотъ разъ дѣло свелось къ разоренію новгородскихъ волостей. В. к. Василій вернулся во Владиміръ и распорядился захватомъ всѣхъ новгородскихъ купцовъ съ ихъ товарами во Владиміръ, Тверь и Костромѣ; началась обычная при разрывѣ съ великими князьями дороговизна хлѣба въ Новгородѣ. Князь Дмитрій Александровичъ сдѣлалъ попытку организовать отпоръ «всею областью новгородскою», но рать дошла только до Торжка, гдѣ засѣли наместники великаго князя, и стала тутъ вѣчать, которое рѣшило «отметатися» отъ князя Дмитрія, а звать на княженіе великаго князя. Князь Дмитрій ушелъ отъ нихъ въ свой Переяславъ, а въ Новгородѣ «посадила на столѣ» в. к. Василія ⁴⁾.

Кратковременное великое княженіе Василія Ярославича (ум. 1276 г.) — блѣдная страница въ лѣтописной традиціи, ничѣмъ характернымъ не отличенная, кромѣ новгородскихъ дѣлъ ⁵⁾.

III.

Съ в. к. Василіемъ Ярославичемъ сошло съ исторической сцены старшее поколѣніе князей. Это знаменательный моментъ въ схемѣ С. М. Соловьева. «Мы достигли, пишетъ онъ, того времени, когда прежнія понятія о правѣ старшинства исчезаютъ; великіе князья показываютъ ясно, что

¹⁾ «Присла князь Дмитрій Александровичъ въ Новгородъ, хотя сѣсти въ немъ княжить; также и князь Василей Ярославичъ присла свои послы, хотя сѣсти на столѣ; ставшимъ же обомъ посломъ на Ярославии дворѣ, Новгородци же съ посадникомъ Павшемъ яшася за князя Дмитрія, и послаша по него послы своя» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 172). Николовская, въ духъ всего своего изложенія, передаетъ почти прамыя Дмитрія на княженіе — новгородцамъ, а про пословъ в. к. Василія вовсе умалчиваетъ (т. X, стр. 151).

²⁾ В. к. Василій, узнавъ о новгородскомъ посольствѣ по князя Дмитрія, «посла по немъ воеводу своего Семена, а самъ иде къ Переяславу» т. X, 151).

³⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 151.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 172; т. X, стр. 151—152; Николовская хѣтопись тщательно избегаетъ упоминать о «посаженіи» великихъ князей на «столѣ» новгородскаго княженія, а вмѣсто того пишетъ: «пріаша его съ честію». Посадникъ Павша, сторонникъ кн. Дмитрія, бѣжалъ въ Переяславъ.

⁵⁾ Не знаю, почему А. В. Экземплярскій полагаютъ, что Василій Ярославичъ «почти постоянно» жилъ въ Костромѣ (указ. соч., т. I, стр. 44); но «положено бысть тѣло его на Костромѣ въ церкви святого Феодора» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 173).

они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область Владимірскую, старается увеличить свою собственность насчетъ другихъ княжествъ. Но когда преобладаніе понятія о собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждого великаго князя заботиться только о самомъ себѣ,—то всѣ остальные князья не могутъ уже болѣе довѣрять родственной связи, должны также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны стараться приобрести силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстаніе князей на великаго, съ поправкою всѣхъ старинныхъ правъ, родовыхъ отношеній»¹⁾.

Основной мотивъ княжескихъ усобицъ «недовѣрчивость князей къ великому князю Владимірскому, достойное нерасположеніе ихъ къ каждому князю, присоединившему къ своему удѣлу Владимірскую область»²⁾.

Вдумчивая наблюдательность С. М. Соловьева мѣтко выдвинула характернѣйшую черту событій, разыгравшихся въ послѣдніи десятилѣтія XIII и первыя XIV вѣка: союзы младшихъ князей между собою и съ Новгородомъ Великимъ противъ носителей великокняжескаго титула и великокняжескихъ притязаній. Но предвзятая теорія между княжескихъ отношеній внесла въ объясненіе этого наблюденія черты, не оправдываемыя данными нашихъ источниковъ и не соответствующія изучаемой исторической дѣятельности³⁾.

Необходимо продолжить обзоръ хода событій, потрясшихъ, въ эту пору, всю политическую жизнь Великороссіи. По смерти в. к. Василія, прежній соперникъ обоихъ дядей—Ярослава и Василія—переславскій князь Дмитрій Александровичъ могъ безпрепятственно занять оба стола великаго княженія «Владимірскаго и Новгородскаго» и «сѣде на столѣ» сперва во Владиміръ, затѣмъ и въ Великую Новгородъ⁴⁾. Въ духѣ прежнихъ своихъ выступленій онъ энергично дѣйствуетъ въ сѣверо-западныхъ предѣлахъ. Въ первую же зиму своего княженія—совершаетъ «съ новгородцами и со всею визовскою землею» походъ на корелу⁵⁾, а въ слѣдующемъ году ставитъ новое укрѣпленіе—городъ Копорье, который онъ еще черезъ годъ «обложи камемъ»⁶⁾. Какъ бывало и при Александрѣ Ярославичѣ, усмыс-

¹⁾ «Исторія Россіи», кн. I, ст. 875—877.

²⁾ Тамъ же, ст. 878.

³⁾ Стремленіе cadaго князя, получившаго Владимірское великое княженіе («область Владимірскую») — «увеличить свою собственность за счетъ другихъ княжествъ» и присоединеніе «къ своему удѣлу Владимірской области».

⁴⁾ Последнее — въ Недѣлю Всѣхъ Святыхъ, т. е. 5 іюня 1275/1277 г. (Новг. I, стр. 297; И. С. Р. Л., т. VII, стр. 173).

⁵⁾ «и вся земля ихъ на щить» (Нов. I, тамъ же).

⁶⁾ Карамзинъ высказалъ («И. Г. Р.», т. IV, гл. V, стр. 79), а Соловьевъ призналъ («Ист. Росс.», кн. I, ст. 878) предположеніе, что Копорье стало поводомъ раз-

ная военная дѣятельность великаго князя въ новгородскихъ предѣлахъ не замедлила вызвать столкновение между нимъ и новгородцами изъ-за нарушенія новгородской «старины и пошанны» и противодѣйствія новгородцевъ властному князю. Въ 1280 г. новгородскій архіепископъ Кнзментъ ѣдетъ къ великому князю во Владиміръ посломъ отъ Великаго Новгорода «о миру» но Дмитрій, все-таки, пошелъ на Новгородъ ратью «съ братьемъ своєю» и только «повоевавъ многи волости Новгородскіе» — заключилъ миръ съ новгородцами¹⁾.

Скута началась съ того, что братъ Дмитрія Андрей Александровичъ «испроси себѣ княженіе великое подѣ братомъ своимъ старѣйшимъ» у хана и «приведе съ собой рать татарскую»²⁾. Лѣтописные своды сохранили лишь одинъ мотивъ, поясняющій поступокъ кн. Андрея: происка боляръ — «болярна его Семена Тонгаіевича и иныхъ коромольниковъ». С. М. Соловьевъ отождествилъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, этого Семена Тонгаіевича съ костромскимъ бояриномъ Семеломъ, воеводой в. к. Василія Ярославича, который сыгралъ такую видную роль во враждебныхъ дѣйствіяхъ своего князя противъ Дмитрія Александровича; этимъ отождествленіемъ, которое надо признать весьма вѣроятнымъ³⁾, устанавливается связь между борьбой противъ Дмитрія его дяди

дѣла между кн. Дмитріемъ и Новгородцами, потому что, поясняя Карамзинъ, князь хотѣлъ присвоить эту крѣпость «лично себѣ и завѣять своею дружиною, а граждане не позволили князю владѣть чѣмъ нибудь въ области новгородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ»; тоже у Соловьева: князь на Копорьѣ хотѣлъ «хотѣлъ смотрѣть какъ на свою собственность, что не нравилось новгородцамъ». На эту мысль навела историковъ не только роль Копорья въ дальнѣйшихъ событіяхъ (Кар., т. IV, прим. 159), но и прямая выраженія лѣтописныхъ текстовъ: «испроси князь Дмитрій у Новгорода поставити себѣ городъ Копорье и вѣзати салз сруби и» (Новг. I, стр. 298); однако, возведевіе въ Копорья каменнаго укрѣпленія кн. Дмитріемъ выпадаетъ «съ посадникомъ Михаиломъ и съ большими мужи шедше». О какомъ либо протестѣ Новгородцевъ — ничего не знаемъ, хотя в. к. Дмитрій, дѣйствительно, держалъ въ Копорья наемниковъ и дружины. Первый разрывъ Дмитрія съ новгородцами вызванъ его гнѣвомъ на нихъ, и Новгородцы тщетно пытались отомстить этотъ гнѣвъ князю (Новг. I, стр. 298); ссора началась со сѣмъ посадника, причѣмъ кн. Дмитрій дѣйствуетъ въ союзъ съ одной изъ новгородскихъ партій («отыаща посадничество князь Дмитрій съ новгородци у Михаила у Мишинца», тамъ же). Не видно, чтобы тутъ игралъ роль вопросъ о Копорьи. За Дмитріемъ новгородцы числили нима «насиа»: въ договорѣхъ Великаго Новгорода съ в. к. Михаиломъ Ярославичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 6 и 7) есть указаніе на поставку нимъ въ новгородскихъ волостяхъ «свободъ» съ тинувшими къ нимъ селами. Укрѣпленіе Копорья и ограна его каждаю дружиною лишь одинъ изъ признаковъ обычнаго усиленія власти князя при усиленіи военной дѣятельности на новгородскихъ границахъ.

¹⁾ Новг. I, стр. 298; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 174—175. — Вернувшись съ новгородскаго похода во Владиміръ, Дмитрій ѣдетъ въ Ростовъ на другое «великокняжеское» дѣло: миритъ раздоры ростовскихъ князей.

²⁾ Тамъ же, стр. 175.

³⁾ Указаніе на то, что Семель Тонгаіевичъ былъ костромскимъ бояриномъ,

Василія Ярославича и востаніемъ на него же брата Андрея. Не личные мотивы князей, а настроенія и тенденціи окружающаго ихъ боярства дали бы намъ полное разуміе событій. Но лѣтописи заняты только князьими и даютъ лишь случайныя (и тѣмъ болѣе цѣбныя) намеки на значеніе боярскихъ вліяній въ междукняжескихъ отношеніяхъ и политикѣ носителей княжой власти.

Приходъ князя Андрея съ ханскими ярыкомъ и татарскимъ войскомъ сплотилъ вокругъ него русскихъ князей. Дмитрій Александровичъ бѣжалъ изъ Переяславля «въ малѣ дружинѣ» къ Великому Новгороду, однако тутъ его не только не приняли, но встрѣтили «свѣжъ полкомъ», чтобы помѣшать ему засѣсть въ Копоры, гдѣ были его намѣстники съ гарнизономъ¹⁾.

даеть вѣстие о его смерти: „тогда (послѣ примиренія братьевъ—князей Дмитрія и Андрея) убаша на Костромѣ Семена Тонгліевича, коромольника хлѣбнаго, бояре княже Дмитріевы Онтоу да Фоанъ повесѣишемъ княземъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 176). С. М. Соловьевъ естественно предполагаетъ „отъѣздъ“ боярина Семена къ князю Андрею послѣ смерти в. к. Василія Ярославича, изъ боязни мести за прежнюю вражду со стороны в. к. Дмитрія; но его замѣчаніе, будто „Кострома по смерти бездѣтнаго Василія, перешла къ Андрею“, повиднмому, навѣяно только изложеніемъ Никоновской лѣтописи, которая даетъ цѣлымъ, литературно обработаннымъ рассказъ о смерти Семена Тонгліевича, а начинаетъ его такъ: „Того же лѣта князь великій Дмитрій Александровичъ, иукуъ Ярославль, послаа дву бояриновъ своихъ Автона и Фоана вызнати Семена Тонильевича и измытати его потокую о всемъ и убити“ (т. X, стр. 181). Если это не простая обработка той же записи, какую даетъ Воскресевская лѣтопись (т. VII, стр. 176), то все таки „посылка“ бояръ не свидѣтельствуетъ, чтобы Кострома не была во власти в. к. Дмитрія. Карамзинъ проше поясняетъ пребываніе боярина Семена въ Костромѣ: Семенъ Тонгліевичъ „князь спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ“ („И. Г. Р.“, т. IV, стр. 84). Правильнымъ надо признать мнѣніе А. В. Эвклиндарскаго, что Кострома, по смерти в. к. Василія Ярославича, въ рукахъ Владимірскаго великаго князя (указ. соч., т. II, стр. 264 и 267), вопреки его же первоначальному утвержденію, что по смерти в. к. Василія Ярославича „Андрей, въ придачу къ Городцу, получилъ еще и Кострому“ (т. I, стр. 53).

¹⁾ Изложеніе этихъ событій въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ сильно спутано. Воскресевская (т. VII, стр. 175—176), явно сокращая свой первоисточникъ, предтываетъ дѣло такъ: послѣ разоренія татарами всей низинской земли („по самий Торжець“) и изъ ухода („татарове много зла сотвориша (sic) отъѣдоша“),— „князь же Дмитрій поиде къ Новгороду къ Великому и съ дворянъ своимъ, и иде мимо Новгорода, хотя къ Копорію; Новгородци же измдоша всѣмъ плкомъ протяву его на озеро великое Иамеръ; великій же князь Дмитрій Александровичъ Копорію отпустиа, а Новгородци великому князю путь показаша“, но вѣдла „въ закладъ“ двухъ его дочерей и бояръ его съ семьями, требуя ухода изъ Копоры его мужей; 1 января 1282 г. „размыдоша разно“ и въ тотъ же день князь Довмонтъ, зять кн. Дмитрія Александровича, „итогни Ладогу“ и изъ Копоры „понма“ всю казну в. к. Дмитрія; тогда Новгородци послали звать къ себѣ на княженіе Андрея Александровича, а сами пошли на Копоры, заставили выхъати оттуда намѣстниковъ Дмитрія, а укрѣпленія разорали. (Тоже, нѣсколько сокращенно—Ногр. I, стр. 298—299; Соф. I, т. V, стр. 199—200; Ногр. IV, т. IV², стр. 244). Никоновская (т. X, стр. 159) сокра-

Ки. Дмитрію пришлось отказаться от этой мысли и идти, куда ему новгородцы «путь показаша»—по всему вѣроятію во Псковъ ¹⁾). Въ ту же

целью болѣе правильное соотношеніе событій въ началѣ того же разсказа и, повидному, нѣкоторыя черты болѣе подробнаго и точнаго разсказа о нихъ, но и ихъ источникъ (тогъ же, что и Воскресенской) давалъ о нихъ въ излодъ ленивъ отчетъ, такъ что его литературно-книжническая обработка въ обычной манерѣ этого свода осложнилась, какъ это, впрочемъ также обычно для Никоновскаго свода, тождественіями, подчасъ искажающими и смыслъ и фактическую точность. По разсказу Никоновской лѣтописи, в. к. Дмитрій—по вѣстамъ о приближеніи кн. Андрея съ татарами, «побѣже къ Новгороду и зъ женою и зъ дѣтми и зъ бояры и со вѣсмъ дноромъ своимъ и нивде во градѣ Копорья. Новгородцы же вышедше на озеро на Ильмеръ съ цюклономъ, лукавствующе, не хотяще бо пустати его отгуду, повеже оу отгуду хотяще за море ѡбжати. И многимъ речемъ бывшимъ межи нѣмъ и глаголаша Новгородци в. к. Дмитрію Александровичу: «книже, не хожемъ тебѣ, нди отъ насъ добромъ; аще ли не идиши отсюду, имутъ тя азѣ татарове и отведутъ ко царю въ Орду, а мы тебѣ не помогаемъ». Онъ же отступися Копорья и иде за море. Новгородцы же не яша его, во даша ему путь*, а дочерей и бояръ съ семьями забрала въ закладъ, чтобы добитися очищенья Копорья; затѣмъ: описаніе разгрома татарами русскихъ областей («до Торжку и далѣ и близъ Новгорода») въ погонѣ за кн. Дмитріемъ, нѣ возвращеніе и отпускъ изъ Владимира въ Орду; далье— «иде князь Дмитрей Александровичъ изъ заморія къ Переславлѣ», а въ Копорья все еще были бояре и слуги князя Дмитрія, но пришлеи изъ Пскова кн. Довмонгъ, вывелъ ихъ изъ Копорья и казну кн. Дмитрія съ ними отослалъ въ Переславлѣ; затѣмъ «шесть воя въ Лядогу»—вывелъ и оттуда людей в. к. Дмитрія и также отослалъ къ тестю. Тогда новгородцы разрушиа Копорье и послали звать къ себѣ п. к. Андрея. Въ этомъ разсказѣ Никоновской—неудачными «поправками» и «дополненіями» книжника надо признать: 1) слова «ниде во градѣ Копорья», такъ какъ при этомъ теряется смыслъ выступленія новгородцевъ къ Ильмень-озеру; 2) пововеніе, что новгородцы не хотѣли пустить Дмитрія изъ Копорья за море (и для этого выступили... къ Ильменю!) и 3) уходъ Дмитрія «за море» (не вѣрнѣе ли это «сообщеніе» тѣмъ, что въ источникѣ Никоновской было такое же чтеніе, какъ въ одновъ изъ списковъ Воскресенской: вмѣсто «хота къ Копорю»—«хота къ Поморію»? см. т. VII, стр. 176, варьянтъ с, что и дало мотивъ Никоновской фразы: «хотяще за море ѡбжати», тѣмъ болѣе приемлею для книжника-редактора, что этимъ разражалось недоумѣніе: куда же двѣялся кн. Дмитрій, когда ему Новгородцы «показаша путь* і января). Цѣннымъ въ Никоновской редакціи представляется указаніе, плохо согласованное съ общимъ построеніемъ разсказа, на то, что Дмитрій сдѣлалъ попытку занять Великій Новгородъ (отвѣтъ новгородцевъ: «книже, не хожемъ тебѣ», ср. свидѣтельство обоихъ текстовъ, что кн. Дмитрій ѡбжалъ изъ Переславлѣ «къ Новгороду») и на то, что новгородцами руководилъ страхъ передъ татарами (татары дошли до Торжка; въ Никоновской и тутъ, можетъ быть, риторическая амплификація). Въ остальномъ надо предпочесть текстъ Воскресенской лѣтописи и признать, что кн. Дмитрій не попалъ въ Копорье, хотя тамъ еще держался его заместаникъ.

¹⁾ Сообщеніе Никоновской лѣтописи, что кн. Дмитрій ушелъ за море и аскортъ вернулся «изъ заморія» основано, повидному, на редакціонномъ недоразумѣніи (см. предмудшее примѣчаніе). А, между тѣмъ, уходъ его во Псковъ, подобно тому, какъ туда онъ уходилъ отъ тѣхъ же невгодъ въ 1293 году, подсказывается

звизу прибылъ въ Новгородъ князь Андрей Александровичъ и «сѣде на стоги»¹⁾; онъ былъ еще въ Новгородѣ, когда кн. Дмитрій пробрался въ Переяславль²⁾, подготовляя новую борьбу. Съ опаской отъ брата вернулся в. к. Андрей во Владимиръ, сопровождаемый новгородцами, и посѣтивши на Городецъ въ Орду. Посадникъ Семень Михайловичъ, обезпечивъ Андрею безопасное возвращеніе изъ Новгорода, занявъ «засадою» Торжокъ и не допустивъ его захвата намѣстниками кн. Дмитрія, а Новгородъ обезпечилъ продовольствіемъ на случай неудачи въ оборонѣ Торжка. Однако, поворотъ отношеній въ пользу кн. Дмитрія уже намѣченъ. Ему удалось собрать достаточныя силы, чтобы встрѣтить подъ Дмитровымъ тверскую рать князя Святослава Ярославича, московскую князя Давида Александровича и войска Великаго Новгорода и склонить противниковъ къ миру. Новая татарскія силы, какія привелъ на него братъ Андрей, прислаивая только раззоренныя земли, но не укрѣпши великаго княженія за Андреемъ. Кн. Дмитрій ушелъ въ Орду къ царю Ногаю и, вѣроятно, заручился помощью ногайскихъ татаръ противъ золотоордынскихъ союзниковъ Андрея. Его возвращеніе сопровождается примиреніемъ братьевъ, несмотря на противодействие новгородцевъ: князья русскіе перешли на сторону Дмитрія³⁾, который отразилъ союзныхъ

участіемъ въ его дѣлахъ кн. Довмонта. Въ тотъ же день, какъ кн. Дмитрія в новгородцы „размдошася разо“, Довмонтъ „загна Ладугу“, чтобы выручить оттуда казну тестя („весь князь товаръ Дмитріевъ“, при чемъ „задроша и задозкого“, по выраженію Новг. I лѣт., стр. 299), „и изъ Копорія взыма всю казну в. к. Дмитрія Александровича“ (т. VII, стр. 175). С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“ кн. I, ст. 878) полагаетъ, что Довмонтъ начальствовалъ дружиной в. к. Дмитрія въ Копорьи, но Воскресенская лѣтопись различаетъ его и „намѣстниковъ князь Дмитріевыхъ“ въ Копорьи, да едва ли новгородскій князь могъ сидѣть начальникомъ дружины въ сѣверной крѣпости.

¹⁾ Въ Недѣлю Сыропустную 6790 г., т. е. 9 февраля 1282 г. (См. „Супрасльскую рукопись, содержащую Новгородскую и Киевскую сокращенныя лѣтописи“, изд. кн. Оболенскаго, М. 1836; стр. 38); при датировкѣ событія „зимой“ того же года легко понять, какъ это извѣстіе попало въ Воскр. подъ 6799 г.—Ея же дату конца переговоровъ кн. Дмитрія съ новгородцами 1 января, надо также отнести къ 6790 г.; ср. замѣчанія А. В. Эземплярскаго (т. I, стр. 49, пр. 131) о лѣтописномъ изложеніи этихъ событія.

²⁾ Вѣроятно, съ помощью кн. Довмонта (если допустить, что сообщеніе Никонской, т. X, стр. 159, объ отправкѣ Довмонтомъ ко князю Дмитрію его бояръ и слугъ, что она связала съ его нагономъ на Ладугу и Копорье, основано на данныхъ ея первоисточника).

³⁾ И эти событія сильно спутаны въ нашихъ сводахъ. Воскресенская лѣтопись даетъ такія записи: 1) подъ 6790—о событіяхъ, кончая уходомъ кн. Дмитрія къ Ногаю; 2) подъ 6791—о возвращеніи Дмитрія, примиреніи братьевъ и убіеніи Семена Тонглевича; затѣмъ идетъ особая повѣсть о происшествіяхъ въ Курской области, которыя разигрываются въ 6781 и 6792 гг., а по Никонской 6792 и 6793 гг., что спутало дальнейшую хронологию свода: подъ 6792 г. попала запись 3) о томъ, какъ князь Андрей прибылъ въ Торжокъ къ посаднику Семену Михайловичу (оче-

Андрею татарь¹⁾, принудилъ его уступить себѣ и великое княженіе и столю Великаго Новгорода, а затѣмъ расправился съ его боярами: Семена Тонглевича велѣлъ убить, другихъ «изымать».

Однако ему не удалось закрѣпить свой успѣхъ на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ и восстановить авторитетъ великокняжеской власти, расша-

видно, по возвращеніи изъ Орды и до примиренія съ братомъ) и „докопалъ“ съ нимъ и со всеми новгородскими „старѣйшими“ съ крестоцѣлованіемъ на томъ, что ему не уступать Новгорода брату Дмитрію, а имъ не искать иного князя; а самъ повѣдалъ въ Суздальскую землю и „оступился брату своему в. к. Дмитрію столю Великаго Новгорода“; затѣмъ идетъ 4) сообщеніе о томъ, что в. к. Дмитрій и кн. Андрей пошли вмѣстѣ на Новгородъ съ татарами и со всей Низовской землей, принудили новгородцевъ къ миру, „и сяде к. в. Дмитрій Александровичъ въ Новгородъ на столю“; а затѣмъ, что „кн. Андрей Александровичъ привеле царевича изъ Орды и много зла сотвори христіаномъ; брать же его в. к. Дмитрій, собрався съ братьемъ, царевича прогна, а бояръ княжихъ Андреевыхъ шанима“, явно повторяющія для извѣстіе о тѣхъ же событіяхъ и о репрессіи со стороны кн. Дмитрія противъ бояръ (Семена Тонглевича и другихъ „жоромольниковъ“) попали подлѣ 8793 г., тѣмъ создана иллюзія повторнаго разрыва братьевъ, ихъ новаго примиренія и вторичной расправы съ Андреевыми боярами. Причина такой путаницы въ томъ, что у составители даннаго свода (или его протографа) были разные записки объ этихъ событіяхъ—однѣ явно новгородскія, другія, вѣроятно, перелазскія (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 176—179), и неудачной оказалась ихъ сводка съ другими данными, особенно съ повѣстью о Курскихъ событіяхъ. Никон о в с к а л — въ зависимости отъ того же матеріала, уже спутаннаго неудачной сводкой, осмысливаетъ эту путаницу, вставляя (т. X, стр. 161) переходное къ извѣстіямъ о „вторичномъ“ разрывѣ братьевъ замѣчаніе: „того же лѣта князь Андрей Александровичъ Городецкій нача разметная творити со старѣйшими своими братомъ в. к. Дмитріемъ Александровичемъ Володимирскимъ: извѣстоваше бо ся ему отъ шкиль помалу, яко его повѣщеніемъ убиенъ бысть бояривъ его Семевъ Тонглевичъ, и тужаше зѣло о немъ князь Андрей Александровичъ Городецкій и того ради мнози брани и расколы подвизахуся и великаа мези ихъ наипаче начинашеси“ (самая фактическая бессодержательность этой „записки“ обвиняетъ ее задачу—сгладить несогласованность фактическихъ данныхъ); но этия исчерпались редакціонныя усилія составителя Никоновскаго свода: онъ передаетъ извѣстіе объ уступкѣ Новгорода Андреемъ Дмитрію ранѣе извѣстія о походѣ Андреемъ ордискаго царевича на в. к. Дмитрія, причѣмъ не рѣшился, однако, мотивировать создавшееся, такимъ образомъ, представленіе о третей и усобицѣ князей-братьевъ, но только нѣсколько сгладилъ его, вышустивъ (довольно неудачно: князь Дмитрій идетъ на Андрея, „онъ же убоился и Новогорода ему съступися, и иде [кто?] ратью и съ Татари къ Новгороду“) сообщеніе о совместномъ участіи князей Дмитрія и Андрея въ смиреніи Новгорода (П. С. Р. Л., т. X, стр. 165—166). С. М. Словень (Ист. Росс., кн. I, ст. 879) слѣдуетъ Никоновской, возобновивъ участіе кн. Андрея въ походѣ на Новгородъ; А. В. Эземиларскій (т. I стр. 40)—Словеньу.

¹⁾ „Царевича прогна“ (т. VII, стр. 179); Никоновская приводитъ имена начальниковъ татарскаго отряда—Турай-Темиръ и Алмыъ (т. X, стр. 160). Первое же рѣдкленіе Орды (выдѣленіе ногайской орды) даетъ возможность безаказаннаго сопротивленія татарамъ. Такъ и въ 1289 г., когда, при новыхъ смутахъ въ Ордѣ, „умножися татарь къ Ростовѣ“, „вѣче“, цагнавшее ихъ, осталось неподвижн. безъ ханской кары (тамъ же).

танный усобицей, развортительной для страны, злобной и суетливой, и еще болѣе—поруганной татарскими засильемъ при постоянномъ (книжонъ искательствѣ въ Ордѣ передъ ханомъ, его вельможами, баскаками и послани. Юный тверской князь «ве высотѣ, Михаилъ Тверскій, поклонитися великому князю Дмитрію и нача нарицати полки»¹⁾, и встрѣтилъ у Кашина рать в. к. Давида, который шелъ на него съ братьями, съ ростовскими княземъ и съ новгородскимъ полкомъ; но миръ былъ заключенъ безъ боя²⁾. Однако, напряженность междукняжескихъ отношеній и вражда къ в. к. Дмитрію не улеглись и на этомъ мирѣ, а смуты въ Ордѣ, гдѣ шла своя борьба за ханскую власть, создавали удобную почву для княжескихъ интригъ и происковъ. Въ 1293 г. кн. Андрей Александровичъ поѣхалъ въ Орду съ жалобами на старшаго брата, и его поддержали другіе князья³⁾. Ханъ Тохта далъ Андрею

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 406. Конечно, весьма возможно, что этотъ мотивъ столкновенья—просто редакціонное украшеніе Тверской лѣтописи; другіе своды не даютъ никакого объясненія, и реальныя его причины намъ неизвѣстны. Характерно это первое самостоятельное выступленіе Твери при молодомъ—17-лѣтнемъ—князѣ, и твердый томъ ея дальнѣйшей политики. Ниже будутъ собраны данныя о томъ, что за тверскимъ княземъ стояла дѣятельная руководящая боярская группа, а ея значеніе при первыхъ шагахъ кн. Михаила Ярославича, который на княженіи впервые упоминается въ 1286 г. (15-ти лѣтъ), тѣмъ болѣе вѣроуно.

²⁾ Такъ т. VII, стр. 179 (1287 г.). Ивановская (т. X, стр. 160—168) даетъ свѣдѣнія этого (8795 г.) еще похода на Тверь тѣхъ же князей (подъ Кашиемъ съ раззореніемъ земли и вѣтнемъ Ксвятана), кончившійся также миромъ безъ боя (8796 г.) и особымъ походомъ на Тверь же князя Дмитрія Ростовскаго съ новгородцами (посадникъ Андрей), причемъ новгородцы съ тверичами помирись, и кн. Дмитрій ходилъ еще одинъ разъ подъ Кашиемъ и тамъ миръ взялъ (8798 г.). О томъ, что все это одинъ походъ см. замѣчанія А. В. Экземплярскаго (т. I, стр. 50, прим. 193). Причѣмъ путаница все также: составитель свода принялъ разные записи источниковъ за разные факты. Это, въ данномъ случаѣ, поясняется тѣмъ, что находимъ въ другихъ сводахъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201—подъ 1288 г.): «ходи в. к. Дмитрій Александровичъ ко Твери ратью, поза съ собою новгородцевъ, и влоша новгородцы съ посадникомъ Андреемъ, ратни же пожгоша волости ихъ, и миръ взя князь великий и отиде. А князь Дмитрій Ростовскій нача вѣдати всю свою отчину и ходи къ Кашию ратью». Первая запись—новгородская; вторая—ростовская; въ первой отмѣчено особо участіе новгородцевъ; вторая, сообщая о томъ, какъ кн. Дмитрій объединялъ въ своихъ рукахъ ростовскую отчину, отмѣтила его участіе въ великокняжескомъ походѣ подъ Кашиемъ. Одинъ походъ на тверского князя и у С. М. Соловьева (кн. I, стр. 880). Ср. А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 28, прим. 109.

³⁾ Ко князю Андрею примкнули ростовскіе князья—Дмитрій Борисовичъ и братья его Ковстантинъ, ихъ племянникъ Михаилъ Глѣбовичъ, блговскій князь, и тестъ Михаилъ—Федоръ Ростиславичъ, князь ярославскій, а съ 1280 г. и смолевскій. Князья добывали не только великое княженіе для кн. Андрея, но и Переяславль для Федора Ростиславича подл кн. Дмитріемъ, какъ явлено въ дальнѣйшаго хода событій. Возможно предположеніе, что въ планашъ князей, поднявшихся на в. к. Дмитрія, игралъ свою роль вопросъ о Ярославлѣ, который Федоръ Ростиславичъ промѣнялъ на Переяславль (вынужденный затѣмъ вернуть его кн. Дмитрію овъ въ

свою рать на в. к. Дмитрія съ братомъ своимъ Дюденомъ. И снова «звмается вся земля Суздадская». В. к. Дмитрій бѣжалъ во Псковъ, татары, водворяя полого великаго князя, пограбили Владимиръ и еще 14 городовъ, а Великій Новгородъ отклонялъ ихъ дарами отъ разоренія своихъ волостей и похода на Псковъ. Князь Андрей занялъ новгородское княженіе, а кн. Ѳеодоръ Ростиславичъ — переяславское. Но изгнанный Дмитрій наметъ опору на Тверь. Туда онъ переехалъ изъ Пскова и отсюда велъ переговоры съ братомъ. Переговоры кончались миромъ, условій котораго мы въ точности не знаемъ, но княжичъ Иванъ Дмитріевичъ получалъ Кострому, а Ѳеодоръ Ростиславичъ покинулъ Переяславль, разоривъ его пожаромъ: въ Переяславль бѣжалъ съ Твери кн. Дмитрій, да по дорогѣ разбогѣлся и умеръ ¹⁾ въ 1294 г.

Столь великаго княженія занялъ Андрей Александровичъ. Его великое княженіе полно раздоровъ; основной ихъ мотивъ споръ о владѣніи Переяславлемъ, а дѣйствующія силы — Тверь и Москва. Выступление этихъ «младшихъ» городовъ, какъ самостоятельныхъ политическихъ силъ, вскрываетъ значительность внутреннихъ измѣненій, которыя нагрѣли въ жизни Велико-россій подъ оболочкой старой организации Владимірскаго великаго княжества, разлагавшейся въ смутахъ.

Кажутся бесспорными вотчинныя притязанія на Переяславль именно старшей линіи Александровичей Невскаго. Однако въ его судьбахъ опредѣлительно и ярко выступаютъ двѣ нѣвыя черты тѣхъ же традицій «княжого права», которыми создавались и эти притязанія. Переяславль — отчужденный городъ для всѣхъ Александровичей — и возможенъ споръ о томъ, принадлежалъ ли онъ в. к. Дмитрію «въ вотчину» или какъ старѣйшинъ во всей братья — Александровичахъ Невскаго. А это создавало связь Переяславля съ

1294 г. снова „въ Ярославля на княженіи сѣдо“ — т. VII, стр. 181). По старинѣ, Ярославль — часть „ростовской отчины“ см. выше, стр. 52 (и 61). Извѣстнъ объ этихъ событіяхъ въ гѣтописныхъ сводахъ сильно спутаны, см. А. В. Энциклопедическаго, т. II, стр. 79—80 и 29, прим. III (у Дмитрія Ворисовича не было сына Ивана, а въ числѣ князей, побѣдившихъ съ кн. Андреемъ въ Орду: „Иванъ Дмитріевичъ Ростовскій“ можетъ означать зятя ростовскаго князя, великокняжескаго сына Ивана, если принять тутъ пору текста, но какъ понять онъ въ число враговъ отца очевидно, только по редакціонному недоразумѣнію, можетъ быть связанному съ указаніемъ первоисточника, что юный князь тоже ѣздилъ въ ту пору въ Орду).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181; т. X, стр. 169—170. Воскресенская гѣтопись сильно сократила источникъ. Посланы отъ кн. Дмитрія были тверской владѣкн Андрей и какой то князь Святославъ, который впрочемъ въ Новгородской I гѣтописи (стр. 303) не названъ княземъ, а въ другихъ, быть можетъ, получилъ этотъ титулъ механически, по „княжому“ имени. Если же онъ князь, то развѣ изъ Западной Руси, какъ и владѣкн Андрей былъ изъ полодннихъ князей. Кн. Михаилъ Ярославичъ былъ въ Орлѣ во время этихъ событій, но не примкнулъ къ кн. Андрею, а поспѣшилъ въ Тверь, гдѣ и безъ него организовалось сопротивление татарскому нахожденію, о которое оно и разбилось такъ же, какъ в планы кн. Андрея.

великимъ княженіемъ, поддержанную другимъ, еще болѣе важнымъ стремленіемъ отстоять за Александровичами Невскаго преимущественное отчужное притязаніе на само Владимірское великое княженіе.

Князь Андрей Александровичъ отнимаетъ—ханской милостью и вооруженной силой—у брата Дмитрія и столь великаго княженія и Великій Новгородъ, отнимаетъ и Переяславль, который пытался передать, по своей волѣ, союзнику Федору Ярославичу. Все въ его дѣйствіяхъ, съ традиціонной точкой зрѣнія, иронаволь, насиліе, интрига, такъ какъ онъ «выбиваетъ изъ землѣ» старшаго брата, но совокупность его цѣлей и домогательствъ не выходитъ, повидяному, за кругъ обычныхъ представлений о великокняжеской власти.

Вторично князь Андрей «сѣлъ» на великомъ княженіи уже по смерти брата; эта смерть дѣлала только что заключенное съ нимъ соглашеніе—политически вынужденнѣе, и новый великій князь, сѣдидитъ въ Орду, снова подымаетъ вопросъ о Переяславлѣ, и снова «бысть нелюбіе межн князей русснхъ». На этотъ разъ виднмъ попытку разрѣшить «нелюбіе» на княжескомъ сѣздѣ, который въ одномъ летописномъ текстѣ характерно названъ «розѣздомъ въ Володимери». По одну сторону стали в. к. Андрей съ князьями Федоромъ Ростиславичемъ и Константиномъ Борисовичемъ, а по другую переяславскій отчичъ Иванъ Дмитріевичъ съ московскимъ княземъ Давидомъ Александровичемъ и тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ, а съ ними и «Переяславци съ единого»¹⁾. Бурный «розѣздъ»²⁾ въ присутствіи ханскихъ пословъ кончился соглашеніемъ, при посредничествѣ епископовъ владимірскаго Симеона и сарскаго Измаила, и князья разѣшались «каждо во свояси». Но в. к. Андрей не примирился съ такимъ соглашеніемъ, а сталъ собирать полки, чтобы итти на Переяславль; князь же Иванъ Дмитріевичъ послѣдовалъ въ Орду—закрѣпить рѣшеніемъ ханской власти свое отчужное право, а защиту своей отчужности поручилъ Михаилу тверскому и Давиду московскому; они стали съ войскомъ у Юрьева, не дали в. к. Андрею подступитъ къ Переяславу и принудили его «смириться» съ ними³⁾. Несмотря на совмѣстныя дѣйствія тверского и московскаго кня-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181. Существенно отнѣтитъ активную роль «переяславцевъ», какъ городской общины, во всемъ этомъ дѣлѣ; одной этой черты должно бы быть достаточно для устранения «частноправоваго», «удѣльнаго», «владѣльческаго» пониманія судьбы Переяславля.

²⁾ «И малымъ не бысть межн нма кровопролитіа» (тамъ же).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181. Къ этому моменту, по всей вѣроятности, относится и договоръ Михаила Ярославича съ новгородцами (С. Г. Г. и Д. т. I, № 4 и 5): Михаилъ, упоминая о союзѣ съ «братомъ своимъ старѣйшимъ съ Давидомъ» и съ Иваномъ («переяславскимъ»), вписываетъ въ грамоту крестоцѣлованіе Великаго Новгорода на томъ, что новгородцамъ «показути» съ княземъ Михаиломъ, а не «отступиться» его, если «будеть тигота ему отъ Андрея или отъ татарина»; а затѣмъ—окончаніе о взаимныхъ недоразумѣніяхъ по частнымъ вопросамъ. Въ новгородской

зей для обороны Переяслава отъ великокняжескихъ покушеній Андрей Александровича, весьма вѣроятно, что уже намѣчались поводы ихъ близкаго соперничества, искорѣ разразившагося упорной борьбой за господство надъ всею Великороссіей. На съѣздѣ князей ¹⁾ въ 1301 году у Дмитрова князья «взяша миръ межъ собою», но «Михайло съ Иваномъ не докончили межъ собою» ²⁾; повидному, вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ Переяслава былъ тутъ уже поставленъ и вызвалъ разногласіе прежнихъ союзниковъ. Весной 1302 г. умеръ переяславскій князь Иванъ Дмитріевичъ; в. к. Андрей посѣдшигъ занять Переяславъ своими нахѣстниками, но князь Данилъ Александровичъ «посла нахѣстники свои въ Переяславъ, а князю Андрѣевы нахѣстници збѣжаша». Занятіе Переяслава кн. Даниломъ Александровичемъ было подготовлено и обусловлено предсмертными дѣйствіями кн. Ивана, то ест. иное пониманіе которыхъ весьма существенно для опредѣленія основъ «княжого права» данной эпохи.

Старѣйшей формулой лѣтописной записи надо признать ту, что сохранилась въ харатейной Троицкой лѣтописи: кн. Иванъ Дмитріевичъ «благослови въ свое мѣсто князя Данила» ³⁾. Въ смыу такого благословія «сѣде

грамотѣ (тверской докончальной)»—вписано крестоцѣлованіе князя Михаила на томъ, чтобы ему «потанути за Новгородъ съ братомъ его съ Давидомъ и съ мужи съ новгородинъ», если «гдѣ будетъ облада Новгороду»; а затѣмъ—докончаніе о новгородско-тверскихъ спорныхъ вопросахъ. Этотъ оборонительный союзъ, единственный въ своемъ родѣ, скорѣе всего подходитъ къ обстоятельствамъ 1296 г., какъ малагаль и С. М. Соколовъ въ диссертации «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (прим. 246), причеиъ назвалъ этотъ договоръ «оборонительнымъ и наступательнымъ». А. А. Шахматовъ въ «Наслѣдованіи о ямѣхъ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка» указываетъ, что эти грамоты писаны «до 1301-го года», т. е. до съѣзда въ Дмитровъ, и датируетъ ихъ «между 1294—1301 г.» Вераковскій. Ист. Тверского княжества, стр. 90, относитъ договоръ также къ моменту защиты Переяслава въ 1295/6 г.

¹⁾ Этому съѣзду предшествовало какое-то столкновение Ивана Дмитріевича съ Константиномъ ростовскимъ: «Заратиса Иванъ князь да Константинъ и смири мхъ владыка Семеновъ» (Лѣт. по Академ. списку» въ над. Лаврент. лѣтописи, стр. 501).

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 462. Никонская (т. X, стр. 179) поясняетъ, что съѣздъ былъ «о княженіяхъ» и что князья помирились «подѣлившись вотчиною межъ собою». Съѣздъ 1301 г. закрѣплялъ соглашеніе 1296 г., послѣ котораго было новое «розмиріе»; переяславскій вопросъ долженъ былъ занять первое мѣсто въ той «моливѣ велией», которая по выраженію Никонской лѣтописи, происходила на съѣздѣ. Бездѣтную кончину Ивана переяславскаго, быть можетъ, уже предвидѣли; оиъ умеръ черезъ годъ нежданно, а «урядить» свои дѣла и отношенія. Намъ не съ чѣмъ связать размовку его съ Михаиломъ Тверскимъ, кромѣ вопроса о переяславскомъ наслѣдствѣ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 85; Симеоновская лѣтопись: «благослова въ свое мѣсто Данила Московскаго въ Переяслави княжити» (тамъ же); Никонская сохранила формулу: «благослови же въ себѣ мѣсто», но добавляетъ: «вотчиною своею Переяславлемъ» (т. X, стр. 174).

Данило на Переяславлі»¹⁾ и водворилъ въ Переяславѣ своихъ намѣстниковъ. Данилъ сталъ княземъ переяславскимъ. Въ упоминаемъ о томъ, какъ на Дмитровскомъ съѣздѣ 1301 г. выступали «Переяславци съ единого» и какъ послѣ кончины кн. Данила (въ мартѣ 1303 г.) «Переяславци ятася за сына его за князя за Юрья и не пустиша его и на погребеніи отче»²⁾, видныя указанія на участіе переяславцевъ не только въ обрядѣ его погребенія на стогъ переяславскаго княженія, но и въ самомъ укрѣпленіи его притязаній на это княженіе.

Однако, созданы эти притязанія кн. Данила на Переяславъ благословеніемъ его «въ свое мѣсто» княземъ Иваномъ: примѣръ такъ наз. номинаціи предшественникомъ преемника (аналогичной и благословенію, какое давали митрополиты, по соглашенію съ великими князьями, желательнымъ кандидатамъ на митрополію), какія бывали и въ Киевской Русі³⁾.

Этимъ еще не были исчерпаны правовые моменты, необходимые для утвержденія Данила на переяславскомъ княженіи: нужны были признаніе со стороны великаго князя и остальныхъ князей и санкція хана. Кн. Данилъ этого не успѣлъ добиться. Но въ 1303 г., когда князь Андрей Александровичъ вернулся изъ Орды съ ханскими посланн, въ Переяславѣ былъ съѣздъ, на которомъ присутствовали «царевы послы», в. к. Андрей съ митрополитомъ Малкимомъ, князья Юрій и Иванъ Даниловичи и «всеи князю». «И ту чюи грамоты, царевы ярлыны, а закончися съѣздъ на томъ, что «князь Юрій прія любовь и взя себѣ Переяславъ»⁴⁾. Вся обстановка этого

¹⁾ Троицкая (тамъ же); и съде Данило княжити на Переяславлі» (Симеоновская, тамъ же); то же въ Лаврентьевской, стр. 462; Повг. IV, П. С. Р. I, т. IV³, стр. 232; Никоновская, т. X, стр. 174; Воскресенская упоминаетъ только о попыткѣ намѣстниковъ (т. VII, стр. 183); Соф. I стоитъ особнякомъ: «а Переяславъ взя за себе великій князь Данило Александровичъ Московскій и намѣстники свои посла на Переяславъ» (т. V, стр. 204).

²⁾ П. С. Р. I, т. VII, стр. 183.

³⁾ Ср. «Княжое право въ древней Русі», стр. 90, 142, 154—155.

⁴⁾ Даже, въ угоду теоріи, отходить отъ исторической действительности и подлинныхъ свидѣтельствъ источниковъ характеристика даннаго факта у С. М. Соловьева: «по старинѣ, великій князь долженъ былъ распорядиться этою родовою собственностью по общему совѣту со всеми родичами... Но теперь на сценѣ смотрѣли на волости, удѣлы, какъ на частную собственность, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, считалъ себя вправѣ замышлять свою собственность, кому хотѣлъ, и вотъ Иванъ Дмитриевичъ замышляетъ Переяславъ, мимо старшаго ляди Андрея, младшему—Данилу Московскому. Легко понять—продолжаетъ Соловьевъ,—какое значеніе это событіе имѣло въ то время, когда каждый князь стремился къ усиленію своего удѣла на счетъ другихъ: область княжества Московскаго увеличивалась цѣлою областью другого княжества». При томъ, С. М. Соловьевъ ясно видѣлъ въ источникахъ, что не произошло ни «присоединенія» Переяславля къ Москвѣ, ни увеличенія «области княжества московскаго», и выразилъ это въ недоумянномъ примѣчаніи: «страшно, впрочемъ, что послѣ Переяславля»

дѣла была бы, по существу, вполне понятна южно-русскому князю XII вѣка и протекала оно въ обычныхъ, традиціонныхъ формахъ междукняжескихъ отношеній ¹⁾).

Лишь по смерти в. к. Андрея Александровича (лѣтомъ 1304 г.) разграниченіе событий, которыя знаменательны, какъ своего рода переломъ въ политическій исторіи Великоороссіи. А время борьбы братьевъ Александра Невского за власть можно назвать весьма скуднымъ по историческому содержанію пережитыхъ Великоороссіей событий. Личная борьба князей-братьевъ и скрытая за ней борьба боярскихъ группъ—только симптомы разложенія и упадка старой великокняжеской власти Владимірскихъ князей. Дмитрій и Андрей Александровичи борются за обладаніе этой старой великокняжеской властью, построенной на обладаніи стольнымъ княженіемъ во Владимірѣ и въ Великомъ Новгородѣ и на первенствѣ великаго князя среди князей сѣверной Руси. Поскольку ихъ дѣятельность не поглощена усобицами, проясками въ Ордѣ, междукняжескими переговорами и спорами, она носитъ характеръ прямого продолженія, хотя скуднаго силами и бѣднаго результатами, великокняжеской дѣятельности Александра Невского и старшихъ Ярославичей. Мы видѣли в. к. Дмитрія Александровича, который и при жизни дяди Ярослава пытался идти по слѣдамъ отца,—въ походѣ на корѣлу «съ яновцами и съ новгородни», стронтежемъ крѣпости Копорыи, столь важнаго для боевой обороны новгородскихъ предѣловъ, что дорожить имъ будутъ и московскіе государи; его воеводы и позже приходили въ помощь новгородцамъ ²⁾). Ослабленіе великокняжеской защиты новгородскихъ предѣловъ, неизбежное въ эпоху внутреннихъ смутъ и татарскаго засилья, открывало все болѣе широкія возможности шведскому наступленію на спор-

считался не въ числѣ городовъ московскихъ, но владимірскихъ» («Ист. Росс.» кн. I, ст. 882). В. О. Ключевскій полагалъ, что кн. Иванъ «отказалъ» Переяславъ Давиду, и тотъ «принялъ наслѣдство», но и Ключевскій не вводитъ Переяславъ въ составъ «удѣла Калиты» безъ объясненія, почему «Переяславъ не упомянуть въ грамотѣ». т. е. въ духовной этого князя («Курсъ русской исторіи» ч. II, стр. 12 и 15).

¹⁾ С. М. Соловьевъ и здѣсь, какъ всюду въ изученіи «удѣльнаго» княжого владѣнія, пользуется съ полнымъ довѣріемъ лѣтописными свѣдами XVI вѣка, которые, однако, уже по своему освѣтили факты прошлаго. Для переяславскаго дѣла: Во скреовенская лѣтопись: кн. Иванъ «бѣ чадѣ не имѣя и дасть отчину свою Переяславъ князю Давиду Александровичу Московскому, того бо паче всѣхъ любяше» (т. VII, стр. 183); Никоновская (т. X, стр. 174), сохраняя, въ общемъ, текстъ первоисточника полнѣе и точнѣе, однако, пишетъ: «благослови же въ себе мѣсто вотчинноу своею Переяславемъ в. к. Давида Александровича Московскаго»; оставалось лишь пренебречь выраженіемъ «въ себе мѣсто», которое сохраняло слѣды иного политическаго порядка, чтобы получить представленіе о «завѣщаніи» вотчинной собственности («удѣла»)..

²⁾ Тамъ же, напр., въ 1292 г. «молодцы новгородскіе» ходили съ князьями военными воевать земли Бни, Новг. I, стр. 202.

ния земли¹⁾. Новгородцы все болѣе чувствуютъ себя поквитными на собственныя силы²⁾. Но это только вопросъ факта; на новгородцы, на великаго князя не теряютъ изъ виду «общерусскаго» характера этой западной борьбы, и в. к. Андрей, по мѣрѣ силъ и возможности, принимаетъ въ ней участие, то организуя походъ съ новгородскимъ полкомъ помочь подъярисянскыи княземъ Романомъ Глѣбовичемъ³⁾, то отпоръ шведскому укрѣпленію на берегахъ Невы⁴⁾. Ни въ чемъ не видно на всей борьбѣ и дѣятельности князей Дмитрія и Андрея, чтобы они, «получивъ Владимірскую область, старались увеличить свою собственность на счетъ другихъ княжествъ». На великомъ княженіи Дмитрій не болѣе «переславскій», а Андрей не болѣе «городецкій» князь, чѣмъ Ярославъ былъ «тверскимъ» или Василій «костромскій»; и лѣтописные тексты не подтверждаютъ утвержденія, что князь Андрей Александровичъ «жилъ въ Городцѣ и будучи великимъ княземъ Владимірскимъ, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василій въ Костромѣ, Дмитрій въ Переславлѣ»⁵⁾.

Однако, при всей живучести «великокняжескихъ традицій» власть великихъ князей Владимірскихъ находилась въ эпоху братьевъ и сыновей Александра Невскаго въ состояніи все нарастающаго упадка. Великокняжескіи притязанія старшихъ Александровичей не соответствовали ни реальныи ихъ силы, ни подлинное значеніе въ общей политической жизни Велико-росіи. Иллюстрировать помянутую «живучесть великокняжескихъ традицій» приходится фактами мелкими, немногочисленными попытками носителей велико-

¹⁾ Въ 1293 г. и 1295 г. шведы ставятъ городъ на карельской землѣ; въ 1300 г. ставятъ укрѣпленіе (призвать «шарочитыхъ» мастеровъ своей земли и изъ Рима) надъ Невой при Охтенскомъ устьѣ («Вѣнецъ земли»—Ландскрона)—Новг. I, стр. 302 и 307.

²⁾ Ладожане бьются съ швѣдами (шведами) на Невѣ въ 1283 г.; посадникъ съ новгородцами и ладожанами отражаетъ попытку шведовъ захватить Карелію въ 1284 г.; въ 1285—литовскій набѣгъ на новгородскую волость; въ 1294 г. новгородцы разрушаютъ нѣмецкій городокъ на р. Наровѣ, а въ слѣд. году—шведскій городокъ въ Карелѣ; въ 1297 г. сами строятъ крѣпость Копорье; приходилось усилять укрѣпленія Великаго Новгорода («городъ камень» 1302 г.)—Новг. I, стр. 300—308.

³⁾ Въ 1293 г.—Новг. I, стр. 303.

⁴⁾ Походъ в. к. Андрея «съ полки яновскими» и новгородцами, окончившіяся разрушеніемъ Ландскроны въ 1301 г.—Новг. I, стр. 307—308.

⁵⁾ С. М. Соловьевъ, «Ист. Росс.», кн. I, ст. 881 (примѣчаніе). Можно не сомнѣваться, что у этихъ князей въ ихъ «отчинныхъ» городкахъ были свои дворы и «вся жизнь», по старому нѣмецкому выраженію. Но тогда надо бы добавить къ притязанію С. М. Соловьева: какъ Александръ Невскій «жилъ» въ Переславлѣ, Андрей Юрьевичъ въ Боголюбовѣ, Владимір Мовномахъ—на Верестовѣ и т. д., и т. д.—Представленіе о князяхъ XIII в., хотя бы и «великихъ», какъ объ «удѣльныхъ», въ значительной мѣрѣ навѣрно терминологіей лѣтописныхъ сводовъ XVI в., особенно Никоновской лѣтописи съ ея выдержанными, генеалогическимъ интересомъ эпохи составленія «Государева Родословца».

княжеской власти дѣйствовать по старому, въ духѣ Александра Невскаго притомъ попытками, которыя не только не стоятъ на первомъ планѣ въ суетливой и тревожной дѣятельности этихъ мелкихъ князей, но теряютъ смыслъ послѣдовательной и выдержанной политики. И это не только потому, что сузился кругъ задачъ этой политики, что измѣлялись ея цѣли, что сведена она къ поддержкѣ слабѣющей самозащиты на окраинахъ Великороссіи, преимущественно (почти исключительно) западныхъ; болѣе роковой для историческихъ судебъ великокняжеской власти, связанной со столомъ Владимірскаго княженія—была потеря ею руководящаго значенія даже въ тѣхъ дѣйствіяхъ, какія были необходимы для этой самообороны сѣверной Руса отъ внѣшнихъ опасностей. Новгородъ и Псковъ, нѣкогда рапавшіе на чрезвѣчную зависимость своихъ отношеній къ сосѣдямъ отъ произвольнаго военно-политическаго хозяйничанья Владимірскаго великаго князя на западныхъ границахъ Великороссіи, берутъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, эту западную политику въ свои руки, все повышая подьявно-государственный характеръ своего мѣстнаго «народоправства»; Псковъ почти вовсе ушелъ изъ-подъ вліянія великокняжеской власти, вхомя все глубже въ кругъ обособленныхъ отъ великорусской жизни западно-русскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ отношеній. Великій Новгородъ тѣснѣе соединяетъ съ Великороссіей рядомъ экономическихъ и политическихъ связей; но и у него своя политика со шведами, датчанами и прибалтійскими нѣмцами, съ Литвой и Псковомъ, съ Ордой и русскими князьями, которые въ немъ ищутъ вліятельнаго и богатаго союзника не меньше, если не болѣе, чѣмъ самъ онъ нуждается въ нихъ вонискомъ уиѣмъ и «язвовскихъ полкахъ»¹⁾; растетъ, соотвѣтственно этому, и политическая рольность господина Великаго Новгорода и его вліятельная роль въ разрѣшеніи внутреннихъ столкновеній во Владимірскомъ великомъ княженіи изъ-за великокняжеской власти и ея отношеній къ мѣстнымъ владѣтельнымъ князьямъ. Само развитіе этихъ внутреннихъ столкновеній великорусскаго князья свидѣтельствуетъ о глубокомъ упадкѣ великокняжеской власти, о потерѣ ею значенія существеннаго и необходимаго политическаго центра какихъ-либо общаго интересовъ сѣверной Руса. Эти столкновенія быстро разрастаются въ борьбу за Владимірское наследствіе, въ которой главными дѣйствующими силами будутъ Тверь и Москва. Но въ

¹⁾ Настаетъ время въ исторіи Великаго Новгорода, когда князья по отношенію къ нему попадаютъ все чаще въ положеніе «взимныхъ защитниковъ земанъ, даже «великіе», а тѣмъ болѣе малые князья—великорусские и литовско-русские, какіхъ Новгородъ, по временамъ, держитъ у себя, давая имъ «въ кормленіе» часть «волоостей новгородскихъ»; однако, формально это «кормленіе» еще въ началѣ XIV в. завязать отъ княжеской власти: см. грамоту Великаго Новгорода в. к. Митанзу Ярославичу 130 г.: «князь великій Андрей и весь Новгородъ дали Федору Михайловичу городъ стольнымъ Пльсковъ и онъ ѣдъ хлѣбъ... тобѣ, княже, не крѣмти его новгородскимъ хлѣбомъ» (С. Г. Г. и Д., № 11).

чемъ же состояло это «владимірское наследіе» и за что борятся новыя историческія силы?

Ослабленное и внутренне-расшатанное Владимірское великое княжество сохранило до кончины в. к. Андрея Александровича старую политическую форму и основы стараго внутреннего строя, какъ онъ опредѣлился со временемъ кончины Всеволода Юрьевича Большого Гбѣда, а болѣе устойчиво— съ тѣхъ поръ, какъ Святославъ Всеволодовичъ «сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ нѣкъ отецъ урядилъ Ярославъ»¹⁾.

Святославъ, пишетъ С. М. Соловьевъ, «утвердилъ племянниковъ своихъ сыновей Ярослава, на удѣлахъ, данныхъ нѣмъ покойнымъ великимъ княземъ», и поясняетъ: «здѣсь впервые считаемъ себя въ правѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія волости княжескія не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова»²⁾. Но слова этого не знаютъ ни лѣтописные тексты, относящіеся къ XIII вѣку, ни какія-либо нѣмыя памятники письменности этого времени. А подъ понятіе «отдѣльнаго, выдѣленнаго владѣнія, остающагося постоянно при одной княжеской линіи» подойдетъ пѣлый рядъ явленій княжого владѣнія въ Кіевской Руси, начиная съ Полоцкаго княжества, выдѣленнаго Владиміромъ Святымы для сына Янслава и оставшагося отчиной «Рогволожихъ князювъ», но не подходящее именно тотъ видъ княжого владѣнія, какой въ XIV в. и лѣтописи и княжескія грамоты называютъ—удѣлами³⁾. Обратимся къ фактамъ.

На ростовскомъ княженіи сядѣли осиротѣвшіе въ татарское иголѣтъ

¹⁾ Ср. выше стр. 82. Текстъ въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 8755/1247 г. стр. 448.

²⁾ «Исторія Россіи», кн. I, ст. 837.

³⁾ С. М. Соловьевъ для сѣверной Руси призналъ признакомъ этого «отдѣльнаго, выдѣленнаго владѣнія»—«понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца», отождествилъ его съ «опричной» («опричина употребляется иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную собственность») и полагалъ, что «удѣльное» владѣніе возникаетъ, когда «понятіи собственности, наследственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными». На самомъ дѣлѣ—терминъ «удѣлъ» означаетъ одно изъ характерныхъ проявленій господства «понятій семейныхъ» надъ признаніемъ личнаго владѣнія «опричной», съ ними живеть и исчезаетъ, а «опричное» владѣніе, въ которомъ преобладающей чертой было «понятіе собственности, переходящей по волѣ владѣльца» (изъ рода въ родъ— непонятная для меня формула Соловьева)—никогда не играло роли въ политическомъ быту сѣверной Руси. А причина того историографическаго явленія, на первый взглядъ—непонятнаго, что глубокій знатокъ источнику и вздумчавый нѣкъ изслѣдователь могъ допустить въ своихъ построеніяхъ и опредѣленіяхъ такое смѣшеніе разнородныхъ понятій и терминовъ, въ томъ, что для него авторитетъ «первоисточника» при изученіи «удѣльной» Руси принадлежалъ лѣтописнымъ сводамъ XVI вѣка, особенно Никоновской лѣтописи (и даже, юта и съ оговорками, ея переработкѣ въ трудѣ В. Н. Татищева), а въ нѣкъ ноложеніи уже утрачено пониманіе отношеній и нормъ «княжого права» XIII и XIV вѣковъ.

Василькович, Борисъ и Глѣбъ, какъ до того—старшее поколѣние ростовскихъ отчичей—Константиновичи. Въ порядкахъ ростовскаго княжого владѣнія—первый наглядный примѣръ владѣнія отчиной по удѣламъ. Константиновичамъ—Васильку и Всеволоду—отецъ назначилъ первому Ростовъ, второму Ярославъ, а Владиміръ, быть можетъ тоже по «ряду» отца—князь углицкій; однако, такое опредѣленіе княжачамъ удѣловъ въ общей ихъ отчинѣ не дѣлаетъ ихъ обособленными другъ отъ друга «князьями—собственниками»: три Константиновича—ростовскіе князья и втроемъ выступаютъ вмѣстѣ представителями княжеской власти Ростовскаго княженія ¹⁾. Но удѣлы—потомственны, а переходъ ихъ къ слѣдующимъ поколѣніямъ неизбежно грозитъ—по мѣрѣ ослабленія семейныхъ связей—разрушеніемъ единства общей отчины; владѣніе ею по удѣламъ легко можетъ перейти въ обособленіе ея частей, какъ вотчинъ отдѣльныхъ княжескихъ лѣній. Такъ, по смерти Всеволода Константиновича — оторванъ отъ ростовской отчины Ярославъ, правда—совсѣмъ не обычнымъ путемъ, ибо, по рѣшенію князей родичей, не только оставленъ за вдовой княгиней и ее дочерью ²⁾, но перешелъ затѣмъ къ зятю, мужу этой Всеволодовны, князю Феодору Ростиславичу и остался (1299 г.) особой вотчиной его сыновьямъ ³⁾. Углицкій удѣлъ остался послѣ кончины старшихъ братьевъ за кн. Владиміромъ Константиновичемъ, такъ какъ Ростовъ укрѣпленъ за Васильковичами, его племянниками; и тѣмъ не менѣе, связь Углича съ ростовской отчиной не утрачена: когда угасло потомство кн. Владиміра на второмъ его сынѣ Романѣ (ум. 1285), Угличъ вернулся во владѣніе ростовскихъ князей.

Собственно Ростовское княжество осталось за братьями Васильковичами, а внутри его намістился удѣлъ князя Глѣба. Возможно, что лѣтописная запись подъ 1251 г.: «поѣха Глѣбъ на Бѣлоозеро въ свою отчину» дѣйствительно означаетъ переѣздъ Глѣба Васильковича изъ Ростова на княженіе въ Бѣлоозеро. Однако, онъ изъ за этого не перестаетъ быть ростовскимъ княземъ, какими былъ, вмѣстѣ съ братомъ, и до того, хотя, быть можетъ, Бѣлоозеро и ранѣе считалось его удѣломъ; кн. Глѣбъ и впродъ принимаетъ вмѣстѣ съ братомъ, участіе во всѣхъ ростовскихъ дѣлахъ. Въ 1277 г., когда всѣ русскіе князья были вызваны въ Орду съ военными дружинами для участія въ ордынскомъ походѣ на Ясовъ, князь Борисъ Васильевичъ умеръ, а Глѣбъ вернулся на ростовское княженіе одинъ ⁴⁾. Онъ умеръ въ слѣдую-

¹⁾ См. выше, стр. 52.

²⁾ Ср. такое же пониманіе наследственности удѣловъ въ духовной грамотѣ московскаго князя Симеона Ивановича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 24)—на основаніи его договора съ братьями (тамъ-же, № 23).

³⁾ См. выше, стр. 61. Сыновья Феодора—отъ второго брака съ татарской царицею, во крещеніи Анной, Давидъ и Константинъ.

⁴⁾ Къ этому времени относится женитьба его сына Михаила на дочери князя Феодора Ростиславича, княжившаго въ Ярославѣ, на столѣ, который былъ равнѣ удѣломъ ростовской отчины Константиновичей.

щемъ году, и тогда «по немъ сѣдosti два князя въ Ростовѣ Дмитрей да Константинъ, Борисовы дѣти Васильковача»¹⁾. Для ростовскаго княжества настала критическій моментъ: Вѣлозерскій удѣлъ грозилъ выдѣлиться въ особое вотчинное княжение Михаила Глѣбовича и его потомковъ. Одна только Никоновская лѣтопись сообщаетъ, что князь Михайло по смерти отца «сѣде нъ вотчинъ его на Вѣлозерѣ»²⁾; другіе своды прямо переходятъ къ сообщенію о ростовской смутѣ. Началась она съ того, что «князь Дмитрей Борисовичъ отымалъ волости у князя Михаила Глѣбовича со грѣхомъ и неправдою великою»³⁾. Черезъ годъ похлылась «вражда и крамола» между братьями Борисовичами. Константинъ уѣхалъ во Владиміръ къ в. к. Дмитрію Александровичу, а Дмитрій Борисовичъ «нача рать совокушати въ Ростовѣ блудяся братья»⁴⁾. Великій князь, на этотъ разъ, примирилъ Борисовичей,

¹⁾ Кн. Борисъ умеръ въ сентябрѣ 1277. Глѣбъ въ декабрѣ 1278 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 173—174).

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 156. Весьма вѣроятно, что Никоновская не почерпнула этого свидѣнія изъ своихъ источниковъ, а приняла его по соображенію, что такъ должно было быть. Сама редакція этихъ строкъ лѣтописнаго свода искусственна: за записью о кончинѣ князя Глѣба Ростовскаго и похвалой ему слѣдуетъ: „его смяоше: Михайло. и сѣде по немъ нъ вотчинъ его на Вѣлозерѣ; а въ Ростовѣ по Глѣбѣ Васильковичу сѣдоста братавичи его, князь Дмитрей Борисовичъ, внукъ Васильковъ, да братья его Константинъ Борисовичъ“; тогда какъ напр., въ Воскресенской: „Тое же зими въ Филиппово говѣніе преставися князь Глѣбъ Васильковичъ декабря 13, и положиша его въ соборной церкви святыя Богородицы въ Ростовѣ; и по немъ сѣдоста два князя въ Ростовѣ Дмитрій и Константинъ, Борисовы дѣти Васильковича“.

³⁾ Стоитъ ли въ связи съ этимъ столкновеніемъ князей двоюродныхъ братьевъ страшная исторія поруганія памяти кн. Глѣба ростовскимъ епископомъ Игнатіемъ—не знаемъ. Игнатій осудилъ князя Глѣба—на 9 день по его кончинѣ, ночью „заринулъ“ его тѣло изъ соборнаго храма и велѣлъ погresti въ Княгининъ монастырь. Такое дѣло не могло совершиться безъ вѣдома владѣтельнаго князя, т. е. Дмитрія Борисовича, а смыслъ „осужденія“, состоявшаго не въ лишеніи погребенія, а въ удаленіи гроба изъ соборной церкви, скорѣе политическій, чѣмъ церковный: естественно предположить, что епископъ Игнатій былъ только орудіемъ ростовскаго отчиза, князя Дмитрія; если такое предположеніе допустимо, то мотивъ Дмитрія могъ состоять въ отрицаніи правъ дяди на Ростовское княжество и попыткѣ пресѣчь возможность „отчизиннъ“ притязаній на долю (удѣлъ) въ Ростовскомъ княженіи Михаила Глѣбовича; см. П. С. Р. Л. т. VII, стр. 174. Митрополитъ Кириллъ отлучилъ еп. Игнатія за его дѣянія, такъ какъ призналъ его „не право творящимъ, не по правиламъ“; но князь Дмитрій „доби за него челоуѣк митрополиту“, и тотъ простилъ Игнатія. Этимъ, очевидно, подчеркивается солидарность князя съ епископомъ, оскорбившимъ прахъ его дяди. Никоновская лѣтопись пытается придать посылку еп. Игнатія характеръ церковной кары, измѣняя слова: „повеле его погresti у Спаса въ Княгининъ монастырь“, которые явно означаютъ погребеніе церковное (у Спаса), на: „повелъ просто законати его въ землѣ въ Княгининъ монастырь святого Спаса“ (т. X, стр. 157).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 175. „Братья“, которой опасался кн. Дмитрій, очевидно, Константинъ Борисовичъ и Михайло Глѣбовичъ. Къ сожалѣнію, не знаемъ, гдѣ пребывалъ этотъ послѣдній; дальнѣйшее показываетъ, что не на Вѣлозерѣ.

но не на долго. 1285 годъ принесъ новый компромиссъ между ними: выдѣлось Углицкое княжество, когда угасла линия ибѣстныхъ углицкихъ князей, и Константиновичъ «раздѣлиста отчину свою» въ ея новомъ, расширенномъ объемѣ¹⁾, притомъ такъ, что Дмитрій Борисовичъ занялъ углицкое княжество, а Константины ростовское²⁾. Такая комбинація не могла удовлетворить князя Дмитрія; онъ сблизается съ в. к. Дмитріемъ Александровичемъ, выдаетъ дочь за его сына Ивана, входитъ въ его планы, участвовать въ его походѣ на Тверь, а съ этимъ связано извѣстіе, что онъ снова занялъ Ростовъ и «нача вѣдати всю свою отчину», очевидно—съ поддержкой в. к. Дмитрія и татаръ³⁾. Константину Борисовичу пришлось смириться и, видимо, остаться безъ самостоятельнаго владѣнія, вторымъ ростовскимъ княземъ при братѣ, послѣ кончины котораго въ 1294 году Константинъ занялъ стога Ростовскаго княженія, посадить въ Угличѣ сына Александра.

¹⁾ На Угличѣ ростовскіе князья могли предъявить претензіи, какъ на часть старой «ростовской отчины», но получить ея могли, конечно, лишь по соглашенію съ великимъ княземъ. А для этого вышалъ удачный моментъ. В. к. Дмитрій Александровичъ только что одсѣлѣ брата Андрія и нуждался въ закрѣпленіи своей силы. Дмитрій Борисовичъ закрѣпляетъ союзъ свой съ великимъ княземъ, выдаетъ дочь за его сына Ивана.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179; тоже въ «Лѣтописи по Академическому описку» (Лаврентьевская лѣтопись, стр. 498—499) и въ Софійской (П. С. Р. Л., т. V, стр. 201). Никоновская, съ своей общей точки зрѣнія на междукняжескія отношенія, не могла помириться съ такимъ порядкомъ и внесла въ текстъ «ложимыинованную» поправку: «старшій братъ князь Дмитрій Борисовичъ сяде въ Ростовъ, а меншой его братъ князь Константинъ Борисовичъ сяде на Угличѣ полѣ» и добавила: «а братъ ихъ изъ двуродныхъ князь Михайло Гавриловичъ, внукъ Васильковъ, сяде на Вязьозерѣ» (т. X, стр. 166). Архангелогородскій лѣтописецъ (изд. 1810 г., стр. 72—73): «Въ лѣто 6794 князи Ростовскіи, князи Дмитрои да князи Константинъ Борисовичи раздѣлиша себѣ отчину свою и наде жребія большому князю Дмитроу Угличе поле да Вязьозеро, а меншому брату князю Константину Ростовъ да Устугъ».

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179 («Князь Дмитрій Борисовичъ сяде въ Ростовъ; удвожи же ся тогда татаръ въ Ростовѣ, и гражане створше вѣче и нагваша ихъ, а имѣніе ихъ разграбиха; князь Костентинъ Борисовичъ аде въ Орду»—подъ 6797—1288/9 г.); т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201 («а князь Дмитрій ростовскій нача вѣдати всю свою отчину»—подъ тѣмъ же годомъ). О спутанности назоменія и хронологіи событій отнокъ лѣтъ въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ см. выше, стр. 66. Ростовскій источникъ послѣдней изъ упомянутыхъ записей связалъ, по существу правильно, возстановленіе власти кн. Дмитрія въ Ростовской отчинѣ съ его участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ великаго князя, но сблъдъ и хронологію и порядокъ событій, отнесъ походъ подъ Камшиъ не только къ 6797 г., но и ко времени послѣ занятія имъ Ростова.

⁴⁾ Въ 1288/9 г. кн. Константинъ ѣздилъ въ Орду, вѣротгаже—по поводу избиенія въ Ростовѣ татаръ, чѣмъ искать управы на брата; по Никоновской ѣздали въ Орду оба ростовскіе князья (ср. П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179 и т. X, стр. 168). Кн. Константинъ упомянутъ въ числѣ князей, дѣйствовавшихъ съ Андреемъ Александровичемъ противъ в. к. Дмитрія въ 1281 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 175), тогда какъ нѣтъ указаній на такое же участіе его брата Дмитрія; быть можетъ, это объясняетъ поддержку Дмитрія Борисовича в. к. Дмитріемъ и ихъ сближеніе послѣ временной уступки Ростова Константину.

Столъ Суздальскаго княженія занималъ послѣ отпа. кн. Андрея Ярославича, кн. Юрій Андреевичъ, но вся дѣятельность его, вскозько ова намъ извѣстна, принадлежала Великому Новгороду, подъ рукою великаго князя; только послѣдніе годы жизни (ум. 1279 г.) провелъ оя, видимо, въ Суздали, такъ какъ объ участіи его въ какихъ-либо дѣлахъ этихъ лѣтъ не слышно; въ суздальскомъ соборѣ и погребенъ князь Юрій, а столъ княженія перешелъ къ его братьямъ, Михаилу, затѣмъ Василию, отъ котораго и пошла позднѣйшія суздальскіе князья ¹⁾.

Кромѣ этихъ вотчинныхъ княженій остается упомянуть о Галицкомъ, Стародубскомъ, Юрьевскомъ. Галичемъ владѣли, по смерти кн. Константина Ярославича (ум. 1255 г.), его сыновья Давидъ (ум. 1280 г.) и Василий (упом. подъ 1310 г.), о которыхъ до насъ дошли только случайныя упоминанія ²⁾. Стародубомъ—князья, потомки Ивана Всеволодовича, о которыхъ свѣдѣній столь скудно, что оставляють спорной даже ихъ генеалогію ³⁾. Юрьевомъ Польскимъ владѣлъ, по смерти кн. Святослава Всеволодовича (ум. 1253), сынъ его Дмитрій, по смерти котораго (въ 1269 г.) упоминается лишь подъ 1340 г. юрьевскій князь Иванъ Ярославичъ ⁴⁾.

Таковъ составъ вотчинныхъ княженій на территоріи Владимірскаго великаго княжества, кромѣ Москвы и Твери—наканувъ ихъ многозначительной борьбы за великокняжескую власть.

Бурная исторія Ростовскаго княжества весьма характерна. Она показываетъ, какъ мало было во внутренней жизни Владимірскаго великаго княжества XIII-го вѣка условій, благоприятныхъ для установленія сколько-нибудь прочныхъ и устойчивыхъ княжескихъ владѣній—вотчинныхъ княженій, замкнутыхъ въ себѣ и обособленныхъ отъ болѣе широкой политической жизни. Во внутреннихъ отношеніяхъ Ростовскаго княжества тяга къ вотчинному распаду встрѣчаетъ рѣзкое противодѣйствіе князя Дмитрія Борисовича, который выступаетъ противъ братьевъ—родного и двоюроднаго—съ попыткой одному «вѣдати всю свою отчаву»—съ Бѣлоозеромъ и Угличемъ;

¹⁾ Спорные вопросы генеалогіи этихъ князей удачно выяснены А. В. Экземплярскимъ (т. II, стр. 394—398). Судьбы Городца и Нижнего-Новгорода опредѣлены позднѣе—въ связи съ исторіей Владимірскаго великаго княженія.

²⁾ „Лѣтопис. по списку монаха Лаврентія“, стр. 450; П. С. Р. Л., т. X, стр. 155 (кн. Давидъ Константиновичъ Галичскій и Дмитровскій), т. VII, стр. 174 и т. X, стр. 157 (тоже); т. X, стр. 158; кн. Давидъ названъ зятемъ ярославскаго князя Федора Ростиславича; о рожденіи въ 1310 г. у галицкаго князя Василія Константиновича сына Федора—въ Новг. IV², стр. 253; Соф. I—т. V, стр. 205; Воскр.—т. VII, стр. 185; Ник.—т. X, стр. 178. Ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 209—210.

³⁾ О нихъ см. выше—стр. 89, примѣчаніе, и Экземплярскаго, т. II, стр. 170—180.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 168 и 206. Ивана Ярославича, кн. юрьевскаго, Экземплярскій (т. II, стр. 269—280) считаетъ внукомъ кн. Дмитрія Святославича, возстающая между ними—впоявъ предположительно—юрьевскаго князя Ярослава Дмитріевича.

его приобретения—не «примыслы», его дѣятельность скорѣе попытка добиться болѣе крупнаго княжескаго значенія, и можно его, пожалуй, назвать своего рода Андреемъ Боголюбскимъ малаго калибра. Честолюбивыя цѣли князя Дмитрія недостижимы безъ участія въ общихъ дѣлахъ великаго княженія, въ которыхъ ростовскіе князья, какъ и ярославскій Федоръ и суздальскій Юрій, выступаютъ активными дѣятелями. Общая жизнь великаго княжества еще преобладаетъ надъ разобщенностью княжескихъ интересовъ; отъ нея они сильно зависятъ, ея условіями—опредѣляются. Князья всей Владиміро-Суздальской земли группируются вокругъ великаго князя, участвуютъ въ его походахъ, подъ его военнымъ предводительствомъ или по его посылкамъ, ѣздятъ съ нимъ въ Орду, имъ созываются на съѣзды для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Лѣтописные своды отгнѣтали и бытовую сторону этого общенія князей «лизовской» земли, перечисляя ихъ, какъ присутствующихъ на каждой свадьбѣ, на каждомъ погребеніи членовъ своей среды. Въ смутные годы Александровичей Невскаго—нѣтъ еще «частыихъ» войнъ между отдѣльными вотчинными княженіями; первые примѣры такихъ войнъ дадутъ московскіе захваты Можайска и Коломны ¹⁾. Усобицы XIII вѣка—подлинныя междоусобія внутри политически-единаго Владимірскаго великаго княжества; нѣстные споры еще неразрѣшены помимо великаго князя, блюстителя общаго мира и княжого права. Содержание усобицъ XIII вѣка—борьба за великокняжескую власть, и ихъ участники объединены вокругъ того или другаго претендента на него. Отъ такихъ усобицъ «замытается вся земля Суздальская» ²⁾.

¹⁾ И столкновеію кн. Невна перелаславскаго съ кн. Константиномъ ростовскимъ, о которомъ нѣмемъ лишь глухое упоминаніе въ „Лѣт. по Академ. списку“ подъ 1301 г.

²⁾ В. О. Ключевскій говоритъ о „мелкихъ верхне-вожскихъ удѣлахъ XIII и XIV вв.“; а „историческое происхожденіе удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія, установившагося на верхне-вожскомъ Ствѣрѣ съ XIII вѣка“—объясняетъ тѣмъ, что 1) „при содѣйствіи физическихъ особенностей верхне-вожской Руси колонизація вывозила здѣсь малкіе рѣчные округа, уединенные другъ отъ друга, которые и служили основаніемъ политическаго дѣленія страны, т.-е. удѣльнаго ея дробленія“ и 2) что „подъ вліяніемъ колонизаціи страны первый князь удѣла привыкъ вѣдѣть въ своемъ владѣніи не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую онъ заселяетъ и устроилъ въ общество“. Тщательна для „удѣльнаго періода“ фигура князя—собственника и колонизатора: „понятіе о князѣ, какъ личномъ собственникѣ удѣла, было юридическимъ слѣдствіемъ значенія князя, какъ заселителя и устроителя своего удѣла“ („Курсъ русской исторіи“, т. I, стр. 431, заключеніе XIX-й лекціи). Исторія верхне-вожской Руси XIII в. не знаетъ такихъ князей. Мелкими „удѣльными“ князьями, которые замыкались въ управленіи своими „удѣльными“ вотчинами можно назвать разнѣ суздальскихъ—послѣ Юрія Андреевича, да галицкихъ; но и тѣ не были не „собственниками“ своихъ вотчинъ, а князьями на столпыхъ княженіяхъ, не „заселителями и устроителями своихъ удѣловъ“ изъ „пустыни“—„въ общество“. Даже князьями—колонизаторами и действительными устрои-

С. М. Соловьевъ отмѣтилъ характерную черту этой «замытки» — восстание младшихъ князей на великаго. Однако, борьба идетъ то за обладаніе великокняжеской властью, то за Переяславль, съ которымъ связаны далеко захватывающія предсталенія о наслѣдіи Александра Невскаго ¹⁾; ведутъ ее двѣ группы князей — часть ихъ стоитъ на сторонѣ даннаго носителя великокняжескаго титула и власти, а главные противники великихъ князей Дмитрія, затѣмъ Андрея — князь тверской и московскій ищутъ союза съ Великимъ Новгородомъ: для нихъ эта борьба путь къ великокняжеской власти и политикѣ ²⁾.

«Владимірское наслѣдство» есть, прежде всего, великокняжеская власть, первенство во всей Великороссіи, притязаніе на распоряженіе ея боевыми силами и на руководство ея отношеніями къ Ордѣ и къ сосѣднимъ странамъ. Со столѣтьемъ Владимірскаго великаго княженія связаны вѣковой традиціей притязаніе на княжескую власть въ Великомъ Новгородѣ, въ которомъ для великихъ князей опора болѣе широкаго политическаго значенія и возможный источникъ матеріальныхъ средствъ, а — по связи Пскова съ Новгородомъ — и во Псковѣ, хоть онъ и обособлялся все больше въ отношеніи западныхъ отношеній и связей. До конца XIII в. Владимірскіе великіе князья сохранили нѣкоторое вліяніе и на Смоленскъ и на княженія распавшейся Чернигово-Сѣверской земли. Въ дѣлахъ западной великокняжеской политики участвуютъ при Дмитріи и Андрѣе Александровичахъ, по ихъ зову и ихъ «посылкамъ» князья смоленскій и брянскій. Тѣсно примкнули къ Владимірскому великому княженію княжества Муромское и Рязанское. До Батыева нашествія муромскіе и рязанскіе князья, какъ и послѣ, въ теченіе всего XIII в. «не могутъ», — по выраженію А. В. Экземплярскаго, — считаться совершенно самостоятельными, такъ какъ ями свободно распоряжаются великіе князья Владимірскіе ³⁾. Въ борьбѣ съ мордвой и половцами Рязань и Муромъ ищутъ естественной опоры у Владимірскаго великаго князя и участвуютъ наравнѣ съ дру-

теями своихъ владѣній можемъ ихъ считать развѣ потому, что ровно ничего не знаемъ объ ихъ дѣятельности. «Малкіе рѣчные округа» колонизованы и «устроены» не князьями, а боярами и монастырями, къ дѣятельности которыхъ, притомъ не только землевладѣтельской, постепенно примкнуло позднѣйшее княжье, размо- жившееся и измѣльчавшее.

¹⁾ Напомню, что переходъ Переяславля во власть московскаго князя отнюдь не «примыслилъ» московскій, а приобрѣтене имъ стола переяславскаго княженія.

²⁾ Преобладающее понятіе о собственности, отдѣльности владѣнія не только не объясняетъ всей этой борьбы князей, — но сдѣлало бы ее невозможной въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она протекала.

³⁾ «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси», т. II, стр. 567. Объясненіе А. В. Экземплярскаго, почему онъ называетъ Муромъ «удѣломъ рязанскимъ» (тамъ же, стр. 609) примѣръ того, насколько не выяснено понятіе «удѣла». Авторъ говоритъ объ «удѣлахъ» Муромо-Рязанской земли, разбитой съ 60-хъ г. г. XII в. на двѣ обособленныхъ вотчины, между которыми органической связи уже нѣтъ.

гнии подручными младшими князьями въ его походахъ. Татарскій погромъ и ордынское владичество на время ослабили эту связь самозащиты. Татарское господство легло особенно тяжело на муромскую и рязанскую землю. Лѣтописные своды почти вовсе молчатъ о нихъ, и наиболее крупное явленіе въ судьбахъ этихъ земель за весь XIII и начало XIV в.—«пахожденіе» татаръ и разореніе отъ нихъ ¹⁾). Великіе князья не въ силахъ дать оборону этимъ окраинамъ Великороссіи, подавленнымъ безысходной трудностью своего положенія, пограничнато съ опасной стеною. Мѣстнымъ силамъ великорусскихъ окраинъ придется самимъ организовывать свою самооборону, пока въ центрѣ не окрѣпнетъ обновленная власть и не возьметъ на себя опять этого дѣла; но оглядка на этотъ центръ съ попыткой найти въ немъ опору будетъ непрерывно поддерживать ослабѣвшія связи съ вѣмь, вопреки назрѣвшимъ и разросшимся антагонизмамъ.

¹⁾ Разоряютъ муромскую землю татары—союзники кн. Андрея Александровича, разоряютъ рязанскую и муромскую землю ордынскіе князьки. П. С. Р. Л., т. VII, стр. 175 («Муромъ пусть сотвориша»); т. X, стр. 167 (Рязань, Муромъ, Мордва повоены татарами).

ГЛАВА II.

Борьба Твери и Москвы за великое княжение «всея Руси».

I.

Традиции великокняжеской политики, ослабившись, но живя, нашли на рубежѣ XIII и XIV вѣковъ—въ моментъ наибольшаго упадка великокняжеской власти, опоры въ трепожныхъ вскакихъ общественныхъ силъ, вслѣдствіе опасности полнаго распада Великоороссіи въ княжескихъ усобицахъ и земской «замятѣ». Эти силы—боярство и церковь ¹⁾.

В. к. Андрей Александровичъ скончался во Владимірѣ (лѣтоу 1304 г.) ²⁾. Сказаніе о ючической кончинѣ кн. Михаила Ярославича ³⁾ утверждаетъ,

¹⁾ Подобно В. И. Сергѣевичу (см. выше, стр. 14—15), не думаю навязывать боярамъ XIV в. „дальновидные политическіе планы“ вродѣ сознательнаго стремленія къ образованію „большаго нераздѣльнаго государства“, но столь же методологически—наивнымъ считаю сводить ихъ предполагаемые мотивы къ погонѣ за „богатыми кормленіями“. Правильное замѣчаніе Сергѣевича объ очевидныхъ „выгодахъ многокняжія“ съ постоянной „борьбой князей“ подтверждается широкимъ значеніемъ этой темы по всей русской письменности съ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и „Слова о полку Игоревѣ“, что, однако, не ведетъ еще къ мысли о коренной перестройкѣ политическаго строя, но питаетъ тенденцію къ усилению великокняжеской власти (идеализація такихъ князей, какъ Владимиръ Мономахъ, Александръ Невскій). И боярствомъ, и церковной іерархіей руководили какъ реальные интересы, завлече имъ близкіе, такъ и „блага земли“, т.-е. такой укладъ быта и строя, который обезпечивалъ бы всѣ реальные интересы, считавшіеся законными въ данной средѣ.

²⁾ По Воскресенской 27 іюля, по Нахичевской 23 іюня (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 164 и т. X, стр. 175). „И везше цоложиша его на Городѣцъ въ церкви св. Михаила Архангела“ (Ник.); „и положенъ бистъ на Городѣцъ, а бояре его отъѣхаша въ Тверь“ (Воскр.). Рѣчь идетъ явно не о „городецкихъ“ боярахъ, а о боярахъ великокняжескихъ, и въ этомъ смыслѣ—владимірскихъ. У насъ нѣтъ основанія строить какое-либо представленіе объ „удѣльномъ“ городецкомъ боярствѣ кн. Андрея Александровича.

³⁾ „Убіеніе великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго отъ безбожнаго царя Азбика“, Великія Минеи Четвіи, конябрь, тетрадь III-я (по изд. Археогр. Комиссіи), подъ 22 ноября (ст. 3092); о редакціяхъ этого сказанія см. у Ключевскаго, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 71, и у Н. Сербрянскаго, Древне-русскія княжескія житія, стр. 250—257.

что кн. Андрей передъ смертью «благослови его на свой столъ, на великое княженіе»¹⁾. Во всякомъ случаѣ, митрополитъ Максимъ, который съ весны 1300 г. перенесъ свою резиденцію во Владиміръ изъ разореннаго Кіева, и великокняжескіе бояре признали Михаила великимъ княземъ. Бояре поѣхали въ Тверь; Михаилъ Ярославичъ посѣдѣлъ въ Орду заручиться ханскимъ ярмыкомъ, а въ его отсутствіе бояре, руководимые—по всей видности—вліятельнымъ и дѣятельнымъ Акиншоомъ, предприняли рядъ шаговъ для закрѣпленія великокняжеской власти за своимъ княземъ.

Въ Орду поѣхалъ и московскій князь Юрій Даниловичъ искать великаго княженія для себя. Попытка митр. Максима предупредить назрѣвшее столкновение князей—не удалась²⁾, какъ неудачной была и попытка бояръ, сторонниковъ кн. Михаила, перехватить Юрія на путѣ³⁾. Передъ отъѣздомъ Юрій Даниловичъ успѣлъ занять Кострому, послать туда брата Бориса, но князь Борисъ захваченъ тутъ и вывезенъ плѣнникомъ въ Тверь. Кострома занята тверскими боярами; однако, костромичи поднялись «вѣдчежъ» на нихъ и джюшъ убили⁴⁾. Неудачна была и попытка захватить Великій Новгородъ:

¹⁾ Летописные своды (П. С. Р. Л., т. V, стр. 207 и т. VII, стр. 188; или использовавши или редакція сказанія объ убійствѣ в. к. Михаила) даютъ двѣ мотивировки притязанія Михаила Ярославича на столъ великаго княженія: благословеніе его на этотъ столъ в. к. Андреемъ и старѣйшинство Михаила, соединяя ихъ въ одну формулу: «и благословенъ его на свой столъ на великое княженіе, сего христовоблаго князя Михаила, ему же по старѣйшинству дошелъ баше степенъ княженія великаго». Тутъ вѣдчежъ соединеніе двухъ текстовъ, двухъ мотивовъ. Въ Великихъ Мшениахъ—текстъ сказанія не упоминаетъ о благословеніи, а говоритъ лишь о томъ, какъ по смерти в. к. Андрея «доиде степеню по старѣйшинству великаго княжества Володимирскаго сечу блаженному великому князю Михаилу Ярославичу». Эти строки, по вѣрному наблюденію Н. И. Серебрянскаго, «слабо объединены» съ дальнѣйшимъ рассказомъ и едва-ли входили въ составъ «первоначальной повѣсти о святомъ» (указ. соч., стр. 250); ими, надо полагать, замѣнено начало первичной редакціи, гдѣ по было мотива «старѣйшинства», а былъ мотивъ «благословенія».

²⁾ Сказаніе объ убійствѣ в. к. Михаила Ярославича передаетъ, что митр. Максимъ удерживалъ Юрія отъ соперничества съ Михаиломъ («со мвогю молбою браваше ему ити во орду») и предлагалъ ему какое-то соглашеніе, ручался отъ своего имени и отъ имени Михайловой матери, кн. Косели, что Михаилъ дастъ ему «во отчиму ватеша» (Александровичей Невскаго), что онъ «восощеть» (Великія Мшени, ст. 3093); и будто Юрій обязался не искать у дана великаго княженія: тому противорѣчитъ боярская попытка захватить Юрія, чѣмъ соглашеніе было бы нарушено.

³⁾ Соф. I (П. С. Р. Л., т. V, стр. 204) отмѣчаетъ только «многого заманія въ Суздальской земли и во всѣхъ градѣхъ». Воскресенская (т. VII, стр. 184) сообщаетъ о попыткѣ перехватить кн. Юрія въ Суздали, «хотяще ити его»; но онъ «со своимъ братьемъ прииде въ орду пѣвѣмъ путемъ». Никонская (т. X, стр. 175) замѣнила Суздали Костромой, что плохо согласовано въ ея текстѣ съ послышкой на Кострому кн. Бориса и его поминаніемъ (выходитъ, что захватить кн. Бориса бояре тутъ же, на Костромѣ, подстерегали и Юрія).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184: «бысть вѣче на Костромѣ на бояръ на Давыда Явдовича да на Жеребца и на иныхъ, тогда же Зерна убиша и Александра».

Новгородцы не приняли присланныхъ къ нимъ наместниковъ князя Михаила и заключили съ его боярами перемирие до прїѣзда князей ¹⁾.

Въ прямую связь съ этими же дѣйствіями бояръ кн. Михаила Ярославича слѣдуетъ поставить событія, разыгравшіяся въ Нижнемъ Новогородѣ, гдѣ «черные люди» поднялись на бояръ, а кн. Михаилъ Ярославичъ, возвращаясь изъ Орды «изъ вѣчниковъ» ²⁾.

Наконецъ, сдѣлана была попытка захватить и Переяславль, но братья Юрія, Иванъ Давидовичъ, успѣли прибыть сюда и подготовить его защиту. Нападеніе боярина Акинея съ тверской ратью было отбито съ большимъ урономъ; палъ въ бою и самъ Акинея ³⁾.

¹⁾ Тамъ же: „а въ Новгородъ Великій тверичи сплюво послаша наместниковъ княжить Михайловыхъ, новгородци же нѣхъ не прїама, но идоша на Торжокъ новгородци города бѣствя; и совокупиша всю землю, и смылаша послы мажи соборъ, и мира dokonчаша до прїѣзда князей“. Безъ „ряда“ съ княземъ новгородцы не могли принять его наместниковъ: это было бы пѣхъ водвореніе „силюю“, а заключеніе такого ряда было для пѣхъ невозможно, пока не разрѣшенъ споръ о великомъ княженіи.

²⁾ Такъ въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184). Часть текстовъ (т. IV, стр. 253; т. V, стр. 204; т. X, стр. 176) называетъ тутъ кн. Михаила Андреевича, по сп. Церскаго Соф. I замѣтилъ эту ошибку и исправилъ ее (т. V, стр. 204). Въ Нижнемъ произошло тоже, что въ Костромѣ: бояре в. к. Андрея, владѣвшаго Городцомъ и Нижнимъ Новгородомъ, сдѣлали попытку удержать ихъ за Михаиломъ Ярославичемъ, какъ великимъ княземъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ в. к. Михаилъ повторилъ попытку овладѣть Нижнимъ Новгородомъ. Въ Никоновской лѣтописи (т. X, стр. 176) сохранилось указаніе, что въ Нижнемъ взбиты бояре „Андреевы Александровича“. Какъ тутъ, такъ и въ Воскресенской сама редакція повѣсти показывала, что „взбїеніе вѣчниковъ“ княземъ произошло на обратномъ пути его изъ Орды: „прїде изъ Орды въ Нижній Новгородъ и заба всѣхъ вѣчниковъ“ и „прїшедь же... изъ Орды“... Оба свода приводятъ это событіе подъ 6813 г.: Михаилъ Ярославичъ вохалъ въ Орду по смерти в. к. Андрея (ум. лѣтомъ 6812/1304 г.), а вернулся и посажень на великомъ княженіи до кончины мнтр. Максима (ум. въ декабрѣ 6813/1304 г.).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184: „князь Иванъ Давидовичъ прїшедь въ Переяславль сѣде на княженіе“. Этотъ текстъ, смутнаій В. И. Сергѣевича („Др. Русс. Права“, т. I, стр. 54—55) несомнѣнный плодъ редакціоннаго недоразумѣнія. Воскресенская лѣтопись сильно сократила тотъ же источникъ, изъ котораго Никоновская (т. X, стр. 175) взяла заглавіе „Повѣсти объ убїеніи Акинея, боярина тверскаго“ и строки: „а князь Иванъ Давидовичъ послѣ брата своего Юрія сѣдаше на Москвѣ, тажи съ Москвы иде въ Переяславль и сѣде въ немъ на великомъ княженіи“. Этотъ источникъ, отпеситъ все переяславское дѣло ко времени по смерти Юрія — та повѣсть объ Акинеѣ, которую нѣсколько позвѣ сохранили такъ наз. „Ростовская лѣтопись“ (ср. у Карамзина, „Ист. Гос. Росс.“, т. IV, стр. 324; рукопись Моск. Арх. Мав. Ив. Дѣлъ, Вибліотеки Архива № 20/25, листъ 310) и Рогозинскій лѣтописецъ (рукопись Вибліотеки того же Архива № 351/800, листъ 183: „О выѣзжѣ боярина Иродіонъ“). Эта повѣсть, составленная въ эпоху мѣстническихъ счетовъ, сообщаетъ, что Акинея, бывшій прежде бояриномъ в. к. Андрея Александровича, пережеле съ другими великокняжескими боярами въ Москву, но затѣмъ отъѣхалъ къ кн. Михаилу Яросла-

Передь нами значительный моментъ въ исторіи Владимірскаго великаго княжества, и нельзя не помалить, что лѣтописные своды сохраняли лишь отрывочныя и слишкомъ гаукія извѣстія. Но и по этимъ весьма недостаточнымъ даннымъ ясно, что борьба между Михаиломъ и Юріемъ пошла за широкую задачу—за власть надъ всею Великою Россіею, стало быть, за восстановление единства ея политическихъ связей и политическаго главенства надъ ними. Попытка Михаила Ярославича и его сторонниковъ брать захватить такіе пункты какъ Великій Новгородъ, Переяславъ, Кострому и Нижній Новгородъ не можетъ быть сведена къ «уславлению Твери» или «увеличенію тверскаго удѣла». Явственно проявилась болѣе широкія политическія притязанія; завязалась борьба за наслѣдіе великихъ князей Александра и Ярослава Ярославичей.

Михаилъ Ярославичъ вернулся изъ Орды съ ханскимъ ярлыкомъ на великое княженіе¹⁾; въ обрядѣ «посаженія на столъ» во Владиміріи принялъ участіе митрополитъ Максимъ²⁾. Первымъ дѣломъ в. к. Михаила былъ походъ къ Москвѣ «на князя Юрія Даниловича и на его братью», закон-

вичу изъ за «заѣзда», какой исмыталъ, когда изъ Кіева прибылъ бояринъ Родіонъ Нестеровичъ. Это сказаніе, вѣроятно, было извѣстно составителямъ Никоновской лѣтописи, который сохранили изъ него заглавіе (мало подходящее къ краткому тексту), и указание на то, что Акиевъ былъ раньше бояриномъ в. к. Андрея (чего нѣтъ напр. въ Воскресенской), но остальное—отбросили. Переходъ Акиева съ другими боярами въ Москву явно противорѣчитъ определеннымъ сообщеніямъ лѣтописей; источникомъ тутъ могла быть родословная запись о потомствѣ Акиева, которое служило, начиная съ его сына Федора, московскимъ князьямъ. На всемъ разсказѣ лежитъ печать мѣстническаго спора потомковъ Родіона Нестеровича (Квашинныхъ) и Акиевоничей (Челядншихъ): «Квашинны, потомки Родіоновыхъ, описываютъ бное (пронешествіе) въ своей челоубитой, подавннй нмъ въ 1576 г. царю Іоанну Васильевичу, говоря, что Акиевъ бѣжалъ отъ Калиты къ кн. Михаилу Ярославичу Тверскому», сообщаетъ Карамзинъ (т. IV, прим. 324), полагая, что поэтому, несмотря на анахронизмы «главное пронешестіе вѣроатно».

¹⁾ Лѣтописное сказаніе объ убѣженіи кн. Михаила Ярославича содержитъ указаніе, что споръ князей о великомъ княженіи велся на повышеніи татарскаго «выхода» (князья татарскіе говорили кн. Юрію: «оже ты даси выходъ больше князя Михаила тверскаго, мы тебѣ великое княженіе дадимъ».—П. С. Р. Л., т. V, стр. 207; т. VII, стр. 189), такъ что слѣдствіемъ княжеской «при великой» была «тагота велика въ Русской землі». Въ судѣ надъ кн. Михаиломъ играло роль обвиненіе, что онъ не выполнилъ обязательствъ («царевы дани не давалъ еси»), причемъ характеромъ его сылка—въ оправданіе—на то, сколько онъ далъ «сокрывиць» хану и ордынскимъ князьямъ и слена его униженія Кавгадмемъ передъ его ордынскими заимодавцами (т. V, стр. 211—212; т. VII, стр. 192—194).

²⁾ «Приде благосѣрный князь Михайло на Русь и посаженъ бысть на столѣ великаго княженія въ Володимеріи блаженнымъ и присвопоматнымъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси Максимомъ» (П. С. Р. Л., т. V, стр. 208; т. VII, стр. 189). Воскресенская лѣтопись относитъ возвращеніе кн. Михаила на Русь къ концу 6812 г., Соф. I и Никоновская къ началу 6813 г.—осень 1304 г.

чнейшей примирением князей. Московским князьям пришлось признать Михаила великим князем, и тѣмъ закончилась первая вспышка московско-тверской борьбы.

Этотъ историческій моментъ характеризуется не только дѣятельнымъ участіемъ, но даже починомъ великокняжескаго боярства въ порывѣ князя Михаила къ захвату великокняжеской власти и восстановленію ея силы; порывъ окончился, по существу, неудачей, несмотря на формальное утвержденіе Михаила на столѣ великаго княженія; предстояла еще долгая и упорная борьба, чтобы наполнить эту форму желаннымъ подлиннымъ содержаніемъ¹⁾. Но само это содержаніе было бы не правильно оцѣнивать внѣ связи съ крупнымъ княжическимъ предпріятіемъ, какое около того же времени возникаетъ во Владимірѣ при митрополитичьихъ дворѣхъ. Это предпріятіе — первый «общерусскій» лѣтописный сводъ, составленный, какъ съ достаточной убѣдительною выказалъ А. А. Шахматовъ, въ началѣ XIV вѣка²⁾.

Тщательное сравненіе состава дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ привело А. А. Шахматова, между прочимъ, къ выводу, что нѣтъ составителя опирались въ трудахъ своихъ на обширный лѣтописный сводъ «общерусскій» по содержанію, первая редакція котораго была доведена до 1305 г.³⁾

¹⁾ Фактическіе итоги первого періода борьбы Твери и Москвы во многомъ не ясны. Въ ближайшіе годы Михаилу пришлось съ большимъ трудомъ устанавливать свой отъомствѣ къ Великому Новгороду; Переяславль остался въ московскихъ рукахъ. Но не знаемъ ни того, что собственно произошло въ Костромѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ, каковы были причины и дѣйствующія силы возникшихъ тамъ смутъ, ни того, какова была ближайшая судьба этихъ городовъ. Связь костромского движенія съ московской борьбой противъ кн. Михаила устанавливается посылкой на Кострому князя Бориса Давыдовича; нижегородскаго — походомъ Михаила Ярославича въ 1311 году «на Нижній Новгородъ и на князя Юрья», какъ читаемъ въ однихъ лѣтописяхъ, «на Нижній Новгородъ на князя Юрья», какъ выражаются другія. «Извѣщеніе вѣшникомъ» Михаиломъ Ярославичемъ не утвердило его власти въ Нижнемъ Новгородѣ; въ чьихъ рукахъ была Кострома послѣ упомянутыхъ событій — не знаемъ, но утвержденіе власти Михаила въ этомъ городѣ — сомнительно.

²⁾ А. А. Шахматовъ, *Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ*. Глава III («Журналъ М.—ва Народнаго Просвѣщенія», 1900 г., кн. 11).

³⁾ «Всего вѣроятнѣе, что онъ оканчивался тѣмъ самымъ извѣстіемъ 1305 г., которымъ замыкалась Лаврентьевская лѣтопись, ибо какъ понять иначе то обстоятельство, что Лаврентій, писавшій въ 1377 г., довелъ свой трудъ только до 1305 г.» (тамъ же, стр. 150); на 1305 г. обрывается основной источникъ составителя «Лаврентьевскаго» свода, который онъ дополнялъ по другимъ матеріаламъ. Къ этому основному источнику А. А. Шахматовъ относитъ все то общее, что есть въ Лаврентьевской лѣтописи съ такъ наз. Новгородской I, составитель которой использовалъ его, дополняя и редактируя свой сводъ также и по инымъ матеріаламъ. Понятнее извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи: «въ лѣто 6813, индикта 2, мѣсяца іюня въ 28, на память св. мученицы Агренныи, въ день въ вторникъ». А. Ф. Бычковъ въ примѣчаніи къ изданію Лавр. лѣт. указалъ: 1) что въ 6813 году индиктъ былъ 3-й, а 2-й — въ 6812 г.; 2) что 28 іюня приходилось на среду въ 6813 г., а на вторникъ

и обличала обиди нѣвѣстїи о событіяхъ сѣверовосточной Руси свое владимірское происхожденіе. Богатый сводъ нѣвѣстїи о событіяхъ, часто мѣстнаго только значенія, во всѣхъ областяхъ Владимиро-суздальской земли въ рязанскихъ и черниговскихъ, новгородскихъ и псковскихъ, южно-русскихъ и литовско-русскихъ—свидѣтельствуесть о такой широтѣ кругозора и интересовъ и о такомъ обилии свѣдѣній и источниковъ, какіе мыслемы только при дворѣ русскаго митрополита. Само положеніе главы русской церкви давало митрополиту и его клирикамъ болѣе широкій кругозоръ; при митрополитчьемъ дворѣ слѣдили за судьбами не одной какой либо земли, а всей Восточной Руси, какъ и западной Руси. Съ другой стороны митрополитчья каведра одна только и могла располагать средствами для выполненія подобнаго дѣла: сюда возможно было собрать изъ всѣхъ епархій и крупныхъ монастырей нѣстныя лѣтописныя записи и своды; тутъ можно было выйтѣ свѣдѣнія о сколько-нибудь выдающихся событіяхъ во всѣхъ углахъ Русской земли. Важнѣе всего—съ общенсторической точки зрѣнія—самый замыселъ использовать эти возможности для составленія «общерусскаго» лѣтописнаго свода. Замыселъ этотъ, подготовленный старой южнорусской традиціей «Кіево-печерскаго Временника» и «Повѣсти временныхъ лѣтъ», сложился естественно въ великокняжескомъ столичномъ Владимірѣ при дворѣ митрополита въ связи съ опредѣленной политической тенденціей. Митрополиты, водворившись во Владимірѣ, становятся вліятельнымъ факторомъ сѣвернорусской политической жизни: интересы церкви—въ широкомъ смыслѣ слова—дѣлають ихъ сторонниками прекращенія всяческихъ смутъ и усобицъ и поборниками болѣе устойчиваго строя отношеній съ реальною, а не только титулярною — великокняжескою властью. Общерусскіе лѣтописные своды даютъ тѣмъ самымъ, дѣйное освященіе и поясненіе политической дѣятельности русскыхъ митрополитовъ XIV и XV вѣковъ ¹⁾.

Не случайно совпало появленіе перваго опыта общерусскаго лѣтописнаго свода съ моментомъ выступленія великокняжескаго боярства на путь энергичной борьбы за возрожденіе великокняжеской власти изъ постигшаго ее глубокаго упадка. Это боярство не могло не тяготиться все нарастающимъ ослабленіемъ и униженіемъ стараго политическаго центра, съ которымъ связаны была всѣ его интересы, а водвореніе во Владимірѣ митрополитчьеи каведры съ ея общерусскими интересами и старой традиціей поддержки внутренняго мира подъ охраною единаго главы свѣтскихъ властей должно было сильно оживить потребность въ выходѣ изъ создававшагося тягостнаго положенія.

въ 6812 г. Пожаръ церкви св. Федора во Владимірѣ, о которомъ сообщаетъ подл этой послѣдней своей датой Лаврентьевская лѣтопись, отмѣченъ въ Воскресенской лѣтописи подъ 23 іюля 6812 (1304) года - П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184.

¹⁾ Ср. моя статья: „Древне-русское лѣтописаніе“ и „Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI в.в.“ въ „Исторіи русской литературы до XIX в.“, надъ полъ ред. А. Е. Грушицкаго, т. I, гл. VIII и XII.

Другое хронологическое совпадение: года кончины митрополита Максима съ годомъ, на которомъ, по всей вѣроятности, остановилось изложение перваго общерусскаго лѣтописнаго свода—приводить А. А. Шахматова къ мысли, что составителемъ этого свода былъ митрополитъ, «и всего вѣроятнѣе митр. Пётръ»¹⁾. Однако, то обстоятельство, что въ Лаврентьевской лѣтописи нѣтъ записи о кончинѣ митр. Максима (ум. въ декабрѣ 6813) свидѣтельствуеъ, повидимому, о завершеніи работы надъ сводомъ ранѣе этого событія, стало быть при митр. Максимѣ²⁾. Замыселъ составленія «общерусскаго» лѣтописнаго свода и его осуществленіе при митрополитчьемъ дворѣ—естественно поставитъ въ связь съ другими чертами дѣятельности митр. Максима. Это первый въ ряду управителей русской церкви, который носитъ титулъ «митрополита всея Руси»³⁾, а появленіе такого титула надо признать симптомомъ возникновенія въ церковной средѣ тевдесціи противоположать все нарастающему упадку еднпой свѣтской власти единство русской церковной власти. Если—поддѣйе—Константинопольская патриархія будетъ отстаивать единство русской митрополіи противъ попытокъ ея раздѣленія политическимъ аргументомъ, что «великая Русская земля раздѣлена на многія и различныя мірскія княжества», живущія въ раздорахъ и усобицахъ, а догмъ церкви «васталать всѣхъ не только словомъ, но и дѣломъ въ любви, мирѣ, взаимномъ единеніи и согласіи» выполнишь на Русь, «за невозможностью привести къ единству власть мірскую», только при сохраненіи единства митрополіи всея Руси, чтобы «единый для всѣхъ митрополитъ» былъ «какъ бы связью, соединяющею съ нимъ и между собою» разрозненные политическія силы Руси⁴⁾,—то эта мысль, связующая церковное единство съ мечтой о приведеніи къ единству власть мірскую, уже видна—и въ новомъ титулѣ митр. Максима и въ проявленіяхъ его дѣятельности на Русь. Митрополитъ Максимъ поддерживаетъ боярскую попытку не только увердить за княземъ Михаиломъ Ярославичемъ столь незначительнаго княженія, но и усилить великокняжескую власть захватомъ важнѣйшихъ городскихъ центровъ Великороссіи.

Конечно, нѣтъ повода считать митрополита причастнымъ къ той так-

¹⁾ Въ статьѣ „Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI в.в.“ я приваалъ это предположеніе А. А. Шахматова. Тутъ предлагаю нѣкоторую поправку къ толкованію наблюденія А. А. Шахматова.

²⁾ О концѣ Лаврентьевской лѣтописи (т. е. ея „общерусскаго“ источника)—23 іюня 1304 г., т. е. ранѣе кончины митр. Максима (ум. въ декабрѣ 1304 г.) см. выше—стр. 106, примѣчаніе.

³⁾ Начало „правла митр. Максима“: „Благословеніе Максима, митрополита всея Руси“ („Р. И. В.“, т. VI¹, № 13); ср. „Правило Киріла, митрополита русьскаго“—тамъ же, № 6.

⁴⁾ Соборное сурдѣленіе патриарха Антонія о изложении митр. Пимена и возстановленіи Киріана—1389 г. („Р. И. В.“, т. VI¹, приложеніе, № 33).

гнѣ торопливыхъ наснѣй, какими бояре снѣшили осуществить свои планы, но, по свидѣтельству сказанія объ убіеніи кн. Михаила, митр. Максимъ пыгался своимъ вліаніемъ и посредничествомъ устроить соперничество съ нимъ кн. Юрія Дмитріевича. Сопоставленіе этихъ наблюденій даетъ основаніе полагать, что митр. Максимъ усмотрѣлъ въ тверскомъ князѣ ту силу, которая способна «привести къ единству власть мірскую», согласно съ тягой къ Михаилу Ярославичу великокняжескаго боярства. Этотъ союзъ метрополіи съ великокняжескими стремленіями Михаила нашего себѣ знаменательное выраженіе въ томъ, что Михаилъ Ярославичъ—первый изъ русскихъ князей—титулуется въ патриаршихъ грамотахъ къ нему «великимъ княземъ всея Русы» ¹⁾.

Если такова среда, въ которой Михаилъ Ярославичъ нашелъ опору своимъ честолюбивымъ стремленіямъ, то естественно поставить вопросъ: почему именно тверской князь сталъ центромъ ея политическихъ плановъ и стремленій? Къ такому результату вели общее состояніе Великороссіи и особое положеніе Тверскаго княжества.

Состояніе упадка, въ какомъ мы находимъ великокняжескую власть Снверной Руси на рубежѣ XIII и XIV столѣтій было лишь однимъ изъ симптомовъ глубокаго разстройтва великорусской жизни. Лишь постепенно сказывались въ теченіе второй половины XIII вѣка тяжкія послѣдствія ордннскаго господства. Организованная эксплуатація русскаго удуса наложена татарской властью въ концѣ 50-хъ г.г. XIII в., но вызвала въ началѣ 60-хъ г.г. рядъ всплшекъ народнаго возстанія, которыми, конечно, не проходили даромъ Русскія землѣ, несмотря на дѣятельное посредничество княжеской власти въ ея отношеніяхъ къ Орду; однако, въ концѣ 60-хъ г.г., при ханѣ Менгу-Темурѣ «бысть ослаба Руси отъ насилія татарскаго»; между Русью и ханской властью установился извѣстный *modus vivendi*, котораго существенными проявленіемъ были весьма частыя поѣздки князей въ Орду, какъ великихъ, такъ и остальныхъ—для полученія ханскаго «пожалованія» великимъ княженіемъ или «своими отччанами» и для улаженія въ Орду другихъ русско-татарскихъ дѣлъ и вопросовъ. Къ 1273 г. наши источники относятъ вторую татарскую перепись русскаго удуса, но мы не знаемъ, въ чемъ состояло ея отлічіе отъ первой и не была ли она простымъ «обновленіемъ» перваго «числа» ²⁾. Въ 70-хъ и 80-хъ г.г. XIII в. русскія обла-

¹⁾ М. А. Дьяконовъ, Кто былъ первый великій князь «всея Русы»? — «Библиографъ», 1889 г., № 1; «Посланіе Нифонта, патриарха Константинограда, къ великому князю Михаилу всея Русы» («Р. И. В.», т. VI, № 16). Тутъ же посланіе тверскаго нвока Акиндина «великому князю Михаилу и честному самодержцу русскаго наполованія».

²⁾ Ср. Н. Д. Чечулина, Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI в. («Библиографъ», 1889, № 2). 1273 (6781)—Новг. IV (П. С. Р. Л., т. IV⁷, стр. 243); Никоновская (т. X, стр. 152) подъ 6783 (1275).

сти снова не мало потерпѣли отъ татарскаго «нахожденія», когда князья наводили на Русь «паревыхъ татаръ» ради своихъ усобицъ. Эпическія выраженія летописей при описаніи этихъ татарскихъ «нахожденій»: «всю землю пугу сотвориша», ушли, надѣлавъ «много зла» и съ большимъ «положомъ», только скрываютъ отъ насъ возможность нагляднаго, хотя бы приблизительнаго, представленія о размѣрахъ разоренія, говорятъ, однако, о томъ, что оно было весьма значительно. Столь же мало конкретнаго въ нашихъ свѣдѣніяхъ о тягости татарской дани; знаемъ только, что она увеличивалась вымогательствами ханскихъ пословъ и баскаковъ, экстренными «запросами» ордынской власти и «проторями» шлошей съ Орды, гдѣ приходилось откупаться отъ ханскаго гнѣва и вкупаться въ ханскую милость. При преемникахъ Менгу-Темира Золотоордынское царство переживаетъ періодъ внутренней дезорганизациі, смуть и прямого распада. Не ослабляя тяготы ордынскаго господства для Руси, внутреннее броженіе татарскаго міра и ослабленіе ханской власти усугубили опасность татарскаго сосѣдства. Последнія десятилѣтія XIII в. отмѣчены татарскими набѣгами на рязанскіе и муромскіе предѣлы. Рязанское княжество, представленное собственнымъ княземъ, все болѣе обособлялось, подавленное татарскимъ засильемъ; отношенія рязанскихъ князей къ Ордѣ естественно опредѣлялись помимо великокняжескихъ. Южная украинна Великороссіи не была сколько-нибудь опредѣленно отграничена отъ татарской степи, и русская колонизація постепенно пошла къ югу, за р. Воронежъ, на Хоперь и Великую Ворону, хотя и подъ постояннымъ давленіемъ татарской опасности. Слагались и крѣпли свои мѣстные рязанскіе интересы, нарастала своя организація мѣстной политической силы «великаго княжества» Рязанскаго, виѣ воздействия великорусскаго центра, нарастала и естественный антагонизмъ къ нему.

Восточныя отношенія Великороссіи приняли иной характеръ, сравнительно съ прежними временами. Не слышно болѣе о походахъ русскихъ князей на мордву и въ Прикамье. Восточно-финскія племена подъ непосредственной властью татаръ; и тутъ, въ значительной мѣрѣ, отрѣзаны пути колонизаціи и завоеванія. Политическое измелчаніе восточныхъ областей Великороссіи естественный результатъ упадка какой либо активной политики на восточныхъ ея предѣлахъ. Упадокъ великокняжеской власти лишилъ эти области опредѣленнаго политическаго центра; XIV в. лишь постепенно вырабатываетъ тутъ организацію мѣстной силы вокругъ нижегородскаго княжескаго стола. Иное положеніе дѣлъ видимъ въ западной Великороссіи.

Двойственный характеръ дѣятельности Александра Невскаго—боевая оборона на западѣ и безсильная покорность на востокѣ,—надолго опредѣлилъ политическую жизнь Великороссіи, такъ какъ явился неизбежнымъ слѣдствіемъ непреодолимыхъ внѣшнихъ условій. Разстройство и упадокъ велико-

княжеской власти и тут сказались децентрализацией боярских усадеб и руководства ими. Мы видим, как росла самостоятельность княжеской новгородской политики, как Псковъ обособился въ своихъ княжескихъ интересахъ и отношеніяхъ. Однако, Тверское княжество не могло оторваться отъ дѣятельнаго участія въ этой западной борьбѣ, такъ какъ она близко и непосредственно его касалась. Усиленіе западныхъ враговъ сказывалось нападѣніями на тверскія волости, а экономическіе интересы издавна связывали Тверь съ Новгородомъ. Весьма вѣроятно, что Тверь и первымъ заселеніемъ обязана была новгородской торговлѣ по связи городка на устьѣ Тверцы съ Торжкомъ на ея верховьяхъ ¹⁾. Со времени Всеволода Юрьевича Тверь въ рукахъ Владимірскаго князя, вплоть къ Торжку в Новгородской области ²⁾. Литовскіе набѣги 1245 и 1248 г.г. близко коснулись тверской области; послѣдній изъ этихъ набѣговъ былъ отраженъ, послѣ гибели въ бою съ литовцами Михана Хоробрита, только подъ Зубцовомъ соединенными силами ивовской земли. При такихъ связяхъ съ западомъ—въ торговыхъ выгодахъ и боевыхъ опасностяхъ—естественна западная ориентировка тверскихъ интересовъ и отношеній, столь характерная для всей исторіи Тверскаго княжества ³⁾. Тверской князь въ концѣ XIII в. оказался тѣмъ представителемъ княжеской власти, которому неизбежно было принять на себя руководящую роль въ политическихъ отношеніяхъ западной Великороссіи, какъ наследіе разлагавшейся великокняжеской силы. Тверское княжество оказалось достаточно окрѣпшимъ, чтобы стать опорой для болѣе широкихъ политическихъ стремленій своего князя-отчича. Этотъ князь выступаетъ крупной и самостоятельной политической величиной въ эпоху борьбы старшихъ Александровичей за великое княженіе. Тверской князь Святославъ Ярославичъ поддерживалъ, на первыхъ порахъ, вѣстѣ съ новгородцами и московскимиъ Даниломъ, княземъ Андреемъ противъ в. к. Дмитрія Александро-

¹⁾ См. замѣчаніе В. С. Борзаконскаго (Ист. Тверскаго княжества, ст. 18—19) и ить отъѣку у А. В. Эвменцларскаго (Указ. соч., т. II, стр. 445). Грамота кн. Всеволода Мстиславича опредѣляетъ пошланы „съ тверскаго гостя и съ новгородскаго и съ бѣжскаго“ (Д. къ А. И., т. I, № 3); слова „съ тверскаго гостя“ вызвали много сомнѣній: во они могли бы быть скорѣе выпущены въ позднѣйшихъ спискахъ—редакціяхъ, какъ не соответствующія памятной дѣятельности, чѣмъ добавлены. Въ 1181 г. новгородская и черниговская рати сошлись для похода на Всеволода Юрьевича „усть Тѣери“ (П. С. Р. Л., т. III, стр. 17: „устье Тѣверя“; т. IV¹, стр. 170 и т. V, стр. 167: „усть Тѣери“).

²⁾ Подъ 1216 г.: кн. Ярославъ Всеволодовичъ занялъ Торжокъ и заключилъ сообщеніе новгородцевъ съ ивовской землей, мужи его „учиниша твердь, пути отъ Новгорода засѣкоша и рѣку Тѣерцу“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 120) или: „собравше Тѣеричъ и пути отъ Новгорода засѣкоша и рѣку Тѣерцу“ (т. X, стр. 169).

³⁾ Подобно Пскову, Тверь рано завязала связи съ Литвой. Второю тверской епископъ Андрей былъ сыномъ литовскаго князя Гердева, соучастника (съ Довмонтомъ) въ убійствѣ Миндовга (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 165).

ныча, но князя примирились съ Дмитріємъ передъ вторичной наводкой Андреемъ татаръ на русскія области. Переходъ власти въ Твери къ Михаилу Ярославичу ¹⁾—отбѣченъ столкновеніемъ его съ в. к. Дмитріемъ ²⁾, но Михаилъ не примкнулъ къ его врагамъ; тверскіе бояре организовали сопротивление татарской силѣ, которую князь Андрей привелъ на брата Дмитрія. Тверь стала убійницею для уходящихъ изъ другихъ областей отъ татарскаго нашествія ³⁾, и объ это тверское сопротивление разбилось и татарское «нахождение» и планы кн. Андрея: въ Твери нашелъ Дмитрій Александровичъ опору и поддержку, и Андрей занялъ великое княженіе только по смерти брата. Важную роль играетъ тверской князь и въ спорахъ за Переяславль, хотя эти споры и разрешились, повидимому, не согласно съ его стремленіями. Союзный договоръ 1296 г. съ Новгородомъ, участіе въ Переяславскомъ и Дмитровскомъ съѣздахъ—характеризуютъ тверского князя какъ самостоятельную и важную политическую силу въ обществѣ дѣлахъ Владимірскаго великаго княжества. Такъ вся предыдущая дѣятельность князя Михаила могла создать почву для его сближенія съ митр. Максимомъ и съ великокняжескимъ боярствомъ. А положеніе Тверскаго княжества на западныхъ предѣлахъ Великороссіи воспитало въ немъ наибольшую широту политическаго кругозора, какая была еще доступна русскому князю XIII вѣка. На первыхъ же порахъ самостоятельнаго княженія Михаилу Ярославичу пришлось пережить событіе, которое наглядно вскрывало необходимую связь вѣстныхъ тверскихъ интересовъ съ единственно Владимірскаго великаго княжества. Въ 1285 г. «воеваша Литва Олешу и прочіи волосты владыки тверскаго; и совокупшася на нихъ тверичи, москвичи, волочане, новоторжцы, зубчане, ржевичи—и угоняша ихъ на глѣбъ, какунъ Спасону дни, и быша ихъ, а князя ихъ Доманта яша и Литву многу изнимаша, а пные язбиша, а друзіи убѣжаша, а половъ весь отъяша, и возвратишася во свояси». Одними силами тверскаго княжества такой успѣхъ былъ бы недостижимъ. Все болѣе опасныя столкновенія съ Литвою, торговыми и по-

¹⁾ Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о смерти старшаго Ярославича—Святослава и вокняженіи Михаила: послѣднее упоминаніе о Святославѣ подъ 1282 г., первое о Михаилѣ подъ 1285 г.

²⁾ Причины его не указаны въ нашихъ источникахъ, только Тверская лѣтопись поясняетъ общо и риторично,—что Михаилъ „не восхотѣ поклонитися“ великому князю.

³⁾ „Татарове же поимааше премерченныи грады [14 городовъ] и восхотѣша ити на Тверь; бысть же печаль велика Тверичемъ, не быше бо у нихъ князя, тогда бо князь Михаилъ въ Ордѣ бысть; оны же цѣловаша межъ собой крестъ и съдоша ю осадѣ, укравшися на томъ, яко битися съ Татарами, а не предатися; бѣ бо множество людей збѣглося во Твери изъ иныхъ княженій передъ ратью. Въ то же время и князь ихъ приде изъ Орды, и срътоша его со кресты и бысть радость велика Тверичемъ. Татарове же, слышавше пришедша князя Михаила, и не поидоша во Тверь.“ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 180.

литическія связи съ Великимъ Новгородомъ, Псковомъ и Смоленскою, которыхъ западные отношенія сильно осложнялись напряженной борьбой съ враждебными сосѣдями, все это выдвигало Тверь, какъ опорный пунктъ великорусской западной политики, а ея князя выводило за грани чисто «мѣстныхъ» интересовъ на болѣе широкую историческую арену. Съ другой стороны, разрѣшеніе задачъ этой политики—одновременно тверской и великорусской—требовало объединенія значительныхъ силъ въ такую пору, когда все очевиднѣе выступало безспіе Владимірскаго центра. Для недовольныхъ уладкомъ великокняжеской власти, для мечтавшихъ о такомъ великомъ княженіи, какое было при Всеволодѣ Юрьевичѣ и при Александрѣ Невскомъ, тверской князь—дѣятельный, энергичный и честолюбивый—могъ показаться естественнымъ наследникомъ этихъ сильно расшатанныхъ традицій и будущимъ ихъ восстановителемъ. Михаилъ Ярославичъ и добивается великокняжеской власти, опираясь на свое тверское княжество, на содѣйствіе великокняжескаго боярства и митрополитичьей кааедры. Въ первомъ же столкновеніи его съ Москвою—дѣло идетъ не только о столѣ Владимірскаго великаго княженія. Вопросъ поставленъ сразу широко и круто: великій князь долженъ обладать подлинной политической силой и владѣть всѣми главными пунктами великорусской политико-географической области отъ Нижняго Новгорода до Новгорода Великаго. Круто и насильственно проведена была первая попытка осуществить эти притязанія, и разбилась о сопротивленіе мѣстныхъ общественныхъ силъ—въ Великомъ Новгородѣ, въ Костромѣ, въ Новгородѣ Нижнемъ—и опаснаго соперника, московскаго князя.

II.

Пристально всматриваясь въ это выступленіе Твери в Москву, какъ двухъ наиболѣе сильныхъ центровъ тогдашней великорусской жизни, М. К. Любавскій почувялъ за такимъ подъемомъ «младшихъ» по исторической роли и политическому значенію городовъ Великороссіи народную опору къ силы въ притягнѣ населенія къ болѣе западнымъ областямъ старой Ростовско-Суздальской области, и высказалъ предположеніе, что такой сдвигъ ея населенія къ западу былъ вызванъ «замѣтнымъ заирѣженіемъ» средней и восточной полосы «низовской» земли подъ тяжкими ударами татарскихъ нападений послѣ Батыева погрома и утвержденія ордынскаго господства. «Если вникнуть въ рассказъ гѣтованъ о Батывомъ погромѣ и послѣдовавшихъ за нимъ, говорить М. К. Любавскій, то окажется, что эти погромы постигали преимущественно наиболѣе населенныя мѣстности Суздальской земли», и считается вѣрными, что уже послѣ перваго погрома часть населенія не вернула на старыя пепелища, а ушла къ западу и сѣверу. «Повторныя татар-

скія находженія сбывали население Суздальской земли въ этомъ направленіи втеченіи всей второй половины XIII вѣка»¹⁾).

Событія 1298 г., когда «царевы татары», союзники князя Андрея Александровича разорили восточныя и среднія области сѣверной Руси, но не рѣшились идти на Тверь, потому что только тутъ встрѣтили «урѣзленіе» на самозащиту, «бѣ бо множество людей сбѣглося во Твери изъ иныхъ княжествъ», въ значительной мѣрѣ подсказала М. К. Любавскому его мысль и дала ему — не обоснованіе, а подходящую иллюстрацію ея. Мысль эту можно признать плодотворной гипотезой, которая даетъ нѣкоторое освѣщеніе развитію внутренней колонизаціи, боярскаго и монастырскаго землевладѣнія, словомъ тѣмъ явленіямъ внутренней жизни Великорусскаго центра — земли московской и тверской области, изученіе которыхъ доступно намъ, къ сожалѣнію, только по болѣе позднимъ грамотамъ (второй половины XIV и XV вѣка). Гипотеза М. К. Любавскаго — остроумная попытка заглянуть поглубже въ тотъ историческій процессъ, какой выясняется по даннымъ иного рода, касающимся политической исторіи Великороссіи. Политическая сажа Великороссіи отступаетъ въ началѣ XIV в. къ западу, ища себѣ болѣе устойчиваго и крѣпкаго центра, чѣмъ ослабѣвшій Владимірь. Время борьбы Твери съ Москвой — знаменательный моментъ (колебанія въ этихъ повсѣхъ новой концентраціи великорусской силы, когда опредѣлилось усѣбное соперничество Москвы съ блестящимъ и притязательнымъ, но кратковременнымъ подъемомъ Тверскаго княжества.

Для моего изложенія, построеннаго на возможно тщательномъ разиченіи историческихъ моментовъ, не представляеть интереса суммарный разбор пресловутыхъ «причинъ возвышенія Москвы». Остановлюсь въ немногихъ строкахъ лишь на одной изъ нихъ, чтобы принять за исходный пунктъ всего изученія исторіи Москвы ту оцѣнку ея географическаго положенія, какую даетъ С. Θ. Платоновъ въ статьѣ: «О началѣ Москвы»²⁾.

Вдумываясь въ гѣтописныя извѣстія о Москвѣ³⁾, С. Θ. Платоновъ отмѣчаетъ, что Москва лежитъ на перекресткѣ нѣсколькихъ путей — на сѣверѣ, къ Ростову; на сѣверо-востокъ, къ Владиміру; на югъ въ Черниговскую землю; на Коломну, къ Рязани; на Можайскъ, къ Смоленску⁴⁾. Это

¹⁾ М. К. Любавскій, Возвышеніе Москвы, — статья въ I г. изданія: «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ». М. К. Любавскій устанавливаетъ, что «въ XII и болшей части XIII вѣка население Суздальской земли группировалось преимущественно въ средней ея части и восточной, а западная окраина ея, территория позднѣйшихъ княжествъ Московскаго и Тверскаго, была слабо заселена», и собираеть данныя, указывающія на замѣтный ростъ населенности этихъ территорій къ исходу XIII и въ началѣ XIV вв.

²⁾ «Библиографъ», 1890 г., кн. 5—6. Перепечатана въ «Статьяхъ по русской исторіи».

³⁾ «до половины XIII в. (даже и позже)».

⁴⁾ Пути на Новгородъ, откуда в. к. Всеволодъ Юрьевичъ вызвалъ въ 1207 г.

значение московского перекрестка—прежде всего, стратегическое, «погранично-военное». Оно выяснилось на самомъ ходѣ военно-политическихъ событийъ еще въ дотатарскую эпоху, когда Москва «погранично-военный» пунктъ Владимирскаго великаго княжества ¹⁾.

Именно поэтому, надо полагать, Москва долго не имѣла значенія самостоятельнаго центра мѣстной княжеской власти, осталась великокняжескимъ «городкомъ». И то-же боевое значение Москвы, но уже не «погранично-военное», а политико-стратегическое, опредѣлило въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ отношеній ея роль, какъ центра новой организаціи боевыхъ силъ Великороссіи, которая объединить ихъ разрозненные элементы и возстановитъ утраченное единство великорусской борьбы на три фронта—на востокъ, югъ и западъ. Не Тверь, слишкомъ поглощенной западными отношеніями, было сыграть эту историческую роль объединительницы не только власти надъ всей Великороссіей, но и всѣхъ основныхъ интересовъ великорусской жизни. Москвѣ одинаково близки эти интересы какъ на западъ—отношенія къ Великому Новгороду и Твери съ ихъ неустанной борьбой, экономическими и культурными связями въ Прибалтійскомъ краю и въ литовской Руси, такъ на востокъ и югъ—отношенія къ татарскому міру, задачи торговаго, колонизаціоннаго и земледѣльческаго движенія въ Поволжье и на югъ отъ Оки. Конечно, для характеристика первыхъ шаговъ Москвы—все это весьма отдаленныя перспективы, своего рода «предсказанія post factum»; однако, они указываютъ на прямую связь съ некоторыми моментами, характерными для ранней исторіи московскаго княжества, съ дальнѣйшимъ развитіемъ ея исторической роли и плодотворно настораживаютъ вниманіе исследователя.

Иныя соображенія помогутъ, быть можетъ, освѣтить самое выступле-

сыва Ковстантина съ войскомъ въ Москву, какъ сборный пунктъ его рати для похода на Черниговъ, С. Ф. Платоновъ не поминаетъ особо, изучая „начало Москвы“; но для выясненія подлившей ея роли существенно сопоставить его наблюденія съ легкимъ доступомъ изъ Москвы путей къ Новгороду и Твери.

¹⁾ Что бы ни говорили тѣ же историко-географическія наблюденія о выгодахъ положенія Москвы для развитія ея торговаго значенія, они не могутъ, сами по себѣ, вести къ заключенію объ возможности, даже удобства—къ дѣйствительности въ дѣло (въ данномъ случаѣ—древнѣйшую) пору. „Если вдуматься въ извѣстія летописей о Москвѣ до половины XIII вѣка (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы“, замѣчаетъ С. Ф. Платоновъ, и заключаетъ свой выводъ такъ: „Слѣдуя по летописямъ за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встрѣчаемъ ея имя въ разсказахъ о военныхъ событіяхъ эпохи. Москва—пунктъ, въ которомъ встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ, идущихъ съ юга. Москва—пунктъ, на который прежде всего западаютъ враги Суздальско-Владимирскихъ князей. Москва, наконецъ,—исходный пунктъ военныхъ операцій Суздальско-Владимирскаго князя, сборное мѣсто его войскъ въ дѣйствіяхъ противъ юга... цѣлыя обороны съ юга преслѣдовалась, вѣроятно, и построеніемъ города Москвы“.

ніе московских князей съ настойчивыми притязаніями на столь великаго княженія и на руководящую роль въ политических судьбахъ Великороссіи. Притязанія эти едва ли были до такой степени лишены основанія въ княжой традиціи, какъ это представлялось, вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ, В. О. Ключевскому ¹⁾. По смерти братьевъ Данилъ Александровичъ остался единственнымъ представителемъ потомства Александра Невского. Еще при великомъ княженіи брата Андрея и противъ него, онъ сумѣлъ укрѣпить свое положеніе, утвердившись на Переяславскомъ княженіи. Столь этого княженія—основалъ отчана Александровичей Невского, а тѣсная его связь съ великимъ княженіемъ «Владимирскимъ и Новгородскимъ» подсказывала притязанія на преимущественное въ преемство по отцу во всемъ объемѣ его власти и княженія ²⁾. Съ московской точки зрѣнія борьба съ Тверью имѣла цѣлью замкнуть Ярославича и его потомковъ въ нѣхъ тверской отчнѣи, сохранявъ руководящее значеніе и потомственное старѣйшинство во Владимирскомъ великомъ княженіи за потомствомъ Александра Невского, какъ и тверские

¹⁾ Для С. М. Соловьева соперничество Москвы съ Тверью объяснимо тѣмъ, что мѣсто родовыхъ счетовъ между князьями заступило теперь соперничество до праву силы: Юрій Московскій былъ также сызень, если еще не сызенью Михаила Тверского, и потому считалъ себя въ правѣ быть ему соперникомъ* („Ист. Росс.", кн. I, ст. 901); даже съ точки зрѣнія Юрія родового быта, быть можетъ, не следовало бы столь индивидуалистически понимать „родовые счета“, игнорируя вопросъ о старшинствѣ цѣлыхъ „днѣи“. В. О. Ключевскій развиваетъ Соловьевское объясненіе въ томъ смыслѣ, „что московскій князь не могъ питать надежды дойти до старшинства и по очереди занять старшій взаимокняжескій „столь“ и потому „чувствовать себя безправнымъ, точнѣе обездоленнымъ среди родичей“ и выработать себѣ „своеобразную политику“, не стѣснявшуюся „политическими предаваніями и притязаніями“ („Курсъ русской исторіи“, ч. II, стр. 11).

²⁾ Ср. выше на стр. 55, о борьбѣ за отцовское наслѣдіе сызней в. к. Ярослава Всеволодовича; объ отношеніи „отчнннн“ традиціи къ Новгороду и Владимірскому великому княженію на стр. 66—67; о томъ же говорить вся біографія кн. Дмитрія Александровича, напр. его новгородская дѣятельность при великомъ княженіи дяди Ярослава. Усобицы между братьями Александровичами не ураздняютъ притязаній каждаго изъ нихъ на слѣдованіе по отчннн стопамъ съ устраниемъ братьевъ, хотя бы и старшихъ. Сказаніе о убійствѣ в. к. Михаила Ярославича (Великій Янень, ноябрь, ст. 3093 и П. С. Р. Л., т. VII, стр. 189) сохранило любопытный намекъ на неудовлетворенныя „отчнннн“ притязанія московскихъ князей. Тутъ повѣствуется о переговорахъ, какіе велъ митр. Максимъ съ кн. Юріемъ, чтобы отклонить его отъ соперничества съ Михаиломъ Ярославичемъ изъ за великаго княженія: „азъ имаюся тебѣ, говорятъ ему митрополитъ, съ великою княгиней Оксиньей, матерію великаго князя Михаила, чего воскощешь изю отчннн вашихъ, то ти дасть“. Это—литературно обработанное—звѣстіе содержитъ цѣнное реальное указаніе, что Даниловичи выдвигали притязанія на свою „отчннн“, но что это могло быть, какъ не „дѣвнн“ по Александрѣ Невскомъ, разъ отчннн по Данилѣ и такъ была въ ихъ рукахъ? Захватъ Юріемъ Костромю можно признавать нѣкоторымъ конкретнымъ указаніемъ на притязанія Даниловичей.

князья боролись за свои «отчужденные» права на стог великого княжения — силой оружия и ханского ярлыка.

Утверждение московских князей на Переяславском княжении, само по себе, ставило их в положение неизбежных претендентов на великокняжескую власть, прежде всего потому, что того требовало стремление обезпечить за собой обладание Переяславьем. Носители великокняжеского титула и власти — Андрей Александрович, Михаил Ярославич — сами придают Переяславу значение составной части непосредственной территории великого княжества и не мирятся с его уходом в московские руки. Не даром Переяславль никогда не входил в состав московской вотчины, конечно — до той поры, пока само великое княжество не слилось с этой вотчиной в одно целое «московского государства». Так и в силу своего ближайшего отношения к великому княжеству, и в силу своего значения, как отчины по Александру Невскому, стог Переяславского княжения выводит своих князей на арену борьбы за великокняжескую власть ¹⁾. И первый

¹⁾ О первоначальной истории Москвы знаем чрезвычайно мало. И. Е. Забелин находит в кратких старейших упоминавших о ней исходный пункт для наброска широких и сочными мазками кисти археолога-художника ее облик, как типичной княжеской вотчины. Первое из них говорит о том, как в 1347 г. кн. Юрий Долгорукий звал к себе на «Московь» (так в Ипатьевской летописи, изд. 2-е, стр. 330) Черниговских князей, чествовал их тут «обдомъ салымъ» и «дарами мвоглим». Известия 1170 и 1177 г. г. (та же летопись) сохраняли название Москвы Куцковомъ или Кучковомъ (съ тѣмъ связано преданіе о селѣ Борина Кучка, отягощъ у него кн. Юриемъ) и рассказ о том, как Глебъ рязанскій, прѣидя на Москву, сжегъ «городъ весь и села». Эти намеки слагаются у Забелина в яркое представление о «княжескомъ хозяйственномъ салѣ» съ угодьями для хлебопашества, огородничества и садоводства, исполняемомъ «всѣми надобными запасами», а затѣмъ — о вотчинномъ городѣ, который окруженъ рядомъ деревень и слободъ, обслуживавшихъ хозяйство князя-вотчинника. Известіе Тверской летописи подъ 1156 г. (весьма ненадежное — см. о немъ въ упомянутой статьѣ С. Ф. Платонова; что до Даты, то С. Ф. Платоновъ не обратилъ вниманія на общее свойство этой летописи: она вообще слѣдуетъ въ своей хронологіи) приписываетъ закладку «города» Москвы Юрию Долгорукому; во всякомъ случаѣ съ 70-хъ г. г. XII в. имѣемъ опредѣленнымъ извѣстія о московскомъ «городѣ». Когда же стала Москва «стольнымъ» городомъ? Владиміръ Всеволодичъ въ 1212 г., затворился въ Москвѣ во время усобицы, а по заключеніи мира былъ «имадень» изъ нея в к. Юриемъ и посланъ на княженіе въ южныя Переяславы: это отнюдь не свидѣтельство о томъ, чтобы Владиміръ княжилъ въ Москвѣ. Михаилъ Хоробритъ связавъ съ Москвою только тѣмъ, что два летописнымъ овода — Новгородская IV и Тверская летописи, сообщая о его смерти называютъ его «московскимъ», что другими летописями не подтверждается. А въ 1282/3 г. выступаетъ въ усобицѣ старшихъ Александровичей ихъ братъ Даниилъ «съ Москвичи». Когда и какъ сталъ онъ владѣть Москвою — не знаемъ. В. О. Ключевскій правъ, изображая Даниила «обездоленнымъ среди родичей», но не потому, чтобы московскій князь «не могъ платить надежды» на великое княженіе «по очереди», а потому, что владѣлъ онъ только Москвою, которая не была «стольнымъ» городомъ, но лишь «волостью» великаго княженія безъ политическаго прошлаго. Если

же владѣтельный князь московскій добивается сверхъ «вотчинной» волости Москвы — «стольнаго» Переяславля. Сыну его Юрiю съ трудомъ удалось отстоять и закрѣпить за собой Переяславское княженiе. Быть можетъ въ иѣкоторой связи съ борьбой за Переяславль стоитъ нападенiе кн. Юрiя на Можайскъ: онъ взялъ тутъ князя Святослава Глѣбовича, племянника Федора Ростиславича, котораго мы видѣли въ ряду противниковъ московскаго князя, на сторонѣ в. к. Андрея. Московское плѣненiе — послѣднее извѣстiе о Святославѣ, а Можайскъ остался за Москвою, слитымъ съ московской вотчиной. По наслѣдству отъ кн. Данила осталось на рукахъ у Юрiя Даниловича другое дѣло, поведшее къ немнѣе существенному расширенiю и усилению этой вотчины; кн. Данилъ ходилъ въ 1301 г. ратью на Рязань и, несмотря на то, что съ рязанскимъ княземъ Константиномъ Романовичемъ выступила противъ него татарская помощь, разбилъ его подъ рязанскимъ Переяславцемъ и увелъ плѣнникомъ въ Москву. Первымъ дѣломъ Юрiя Даниловича послѣ примиренiя съ в. к. Михаиломъ было убiенiе отцовскаго плѣнника ¹⁾. Результатомъ этихъ дѣяній было присоединенiе къ московскимъ владѣнiямъ Коломны ²⁾. Роль, какая выпала — въ дальнѣйшемъ — Можайску и Коломнѣ,

принять весьма вѣроятное предположенiе А. В. Экземлярскаго, т. II, стр. 273, что Данилъ, оставшiйся послѣ отца малымъ ребенкомъ (род. 1261 г.) — получилъ Москву отъ брата Дмитрiя, то понятна его упорная вражда къ старшимъ братьямъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о захватѣ князя Константина „нѣкакю хитростю“ (стр. 462). Никоновская (т. X, стр. 178) повторилъ тотъ же текстъ, давъ поясненiе этого намека: „кромолу ихъ же бояръ Рязанскихъ“ и приписываетъ кн. Данилу самыя благія намеренiя: „приведе его съ собою въ Москву и держа его у себя въ нѣтъ, но въ бѣраженiи и въ чести всяцей, хоташе бо ся съ нимъ укрѣпннть крестнымъ цѣлованiемъ и отпустить его въ его отчизну на великое княженiе Рязанское“. Книжничъ-редакторъ не достаточно согласовалъ это освѣщенiе дѣла со своею же редакцiей новiстiа объ убiенiи кн. Константина, гдѣ о его плѣненiи сказано: „его же поймавъ хитростю нѣкою на бою“ кн. Данилъ (т. X, стр. 176). Все это — черты редакцiонной работы, а не показавше источники, какъ и устраненiе татаръ изъ Переяславскаго боя: „одолиъ и много бояръ и людей князя“ (въ Никон.) вм.: „одолиъ князь Данило и много татаръ князя“ (Воскр.).

²⁾ Лѣтописные тексты не упоминаютъ о захватѣ Коломны, но затѣмъ — ея владѣть Иванъ Калита. Д. П. Иловайскiй („Ист. Рязанскаго княжества“, стр. 91) предполагаетъ, что захватъ Коломны былъ цѣлью похода кн. Данила на Рязань. С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 884 и 903), не приписывая захвата Коломны кн. Данилу, говоритъ, что Юрiй ее „удержалъ“. Карамзинъ поставилъ присоединенiе Коломны въ связь съ дѣястiями Юрiя (Ист. Гос. Росс., т. IV, ст. 107 и прим. 211) Троицкая лѣтопись (Карамзинъ, т. IV, прим. 211 и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 86), сообщаетъ подъ 6815 1307, т. е. по убiенiи Константина, о возвращенiи кн. Юрiя „на Московъ съ Рязань“; возможно, что все рязанское дѣло связано съ внимательствомъ Москвы въ рязанскiи смуты, о которыхъ, впрочемъ, ясныхъ и точныхъ свѣдѣнiй лѣтописъ намъ не даютъ: ср. предположенiя А. В. Экземлярскаго, т. II, стр. 577. Коломна ключъ къ Рязанской землѣ съ сѣвера: ея крупное стратегическое значенiе являлось опредѣленно выступающъ еще въ исторiи сѣверной Руси временъ в. к. Все-

исходнымъ пунктамъ московскихъ походовъ къ Смоленску, съ одной, къ Ожѣ и въ Поволжье, съ другой стороны, свидѣтельствуеть о крупной цѣнности этихъ пріобрѣтеній: ими укрѣплялось и углублялось значеніе Москвы, какъ политико-стратегическаго центра Великороссіи.

На такъ укрѣпленной позиціи Юрій Даниловичъ могъ выступать сильнѣе соперникомъ Михаилу Ярославичу, несмотря на внутреннюю смуту, ссору съ братьями ¹⁾, тѣмъ болѣе, что ему помогали промахи и неудачи в. к. Михаила.

III.

Первые годы великаго княженія Михаила Ярославича заняты новгородскими дѣлами и отношеніями къ митрополитичьей кафедрѣ. И оба вопроса—новгородскій и церковный—получали такой оборотъ, что московскій князь пріобрѣталъ новыхъ и мощныхъ союзниковъ, обезпечившихъ ему перевѣсъ надъ Тверью.

Боярская попытка занять Великій Новгородъ намѣстивками князя Михаила разбита сопротивленіемъ новгородцевъ и свелась къ докончанію «до пріѣзда князей»: и политическіе, и торговые интересы новгородцевъ вели ихъ къ признанію своимъ княземъ того, кто имъ обезпечивать поддержку «яновской» рати и торговлю «безъ рубежа» по всей суздальской землѣ. Возвращеніе в. к. Михаила Ярославича изъ Орды и посаженіе его на столъ Владимірскаго великаго княженія—terminus post quem для переговоровъ его съ Великимъ Новгородомъ—осень 1304 г., а закончились эти переговоры его прібытіемъ въ Великій Новгородъ и посаженіемъ на столъ новгородскаго княженія 16 іюня 1307 г. ²⁾ Новгородцы приняли великокняжескигъ

волода Юрьевича (см. „Лѣтоп. по Лаврентьевск. описку“, стр. 368—4, 367—8, 881—2, 385, 411, 436; ср. Изювайскаго, указ. соч., стр. 64—65).

¹⁾ „Князь Александръ и Борисъ Даниловичи отъѣхаша съ Москвы въ Тверь“—6814/1306 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184. Въ Никоновской (т. X, стр. 176) событія этихъ лѣтъ наложены въ сильномъ стѣсненіи порядкѣ и съ сомнительной хронологіей.

²⁾ О посаженіи в. к. Михаила во Владиміръ см. выше, стр. 105; его первый пріѣздъ въ Новгородъ—въ Новг. I лѣт. подъ 6816 г. (точнѣе: послѣ проставки 8-хъ годовъ: 6814, 6315, 6816), въ Новг. III подъ 6815; послѣднюю дату приняли Воскресенская (т. VII, стр. 185) и Никоновская (т. X, стр. 176); посаженіе на Новгородское княженіе произошло „въ недѣлю, на соборъ святыхъ отецъ 680 имя въ Халхидонѣ“, т. е. 16 іюня (Новг. I, стр. 310), которое приходилось на воскресенье въ 1307 г., а не въ 1308 г. Къ этому времени относятся новгородскія договорныя грамоты №№ 6, 7, 9, 10 и 11 (С. Г. Г. и Д., т. I); ихъ научное изданіе и замѣчанія объ ихъ датировкѣ—у А. А. Шахматова въ „Исслѣдованіи о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.“ А. А. Шахматовъ напрасно предположилъ, что грамоты 9—11 писаны „до полученія Михаиломъ великаго княженія“: различіе формулъ—„господину князю“ и „господину великому князю“ такого значенія не имѣетъ; напр. въ грамотѣ № 3, которая несомнѣнно обращена къ в. к. Ярославу, читаемъ—„господину князю“. До

наместниковъ, подчинились управленію «мужей» и суду судей Михаила Ярославича, но упорно настаивали на подчиненіи всего суда и управленія новгородской «пошани», которую по мѣрѣ возникновенія спорить вѣпросовъ

возвращенія Михаила Ярославича изъ Орды на великое княженіе новгородим не могли писать ему грамоты, адресаты которыхъ определялись ханскимъ ярлыкомъ на великое княженіе.

Первой изъ ряду этихъ грамотъ А. А. Шахматовъ признавалъ, съ достаточнымъ основаніемъ, названную подъ № 9: новгородимъ представили великому князю—за печатью архіепископа Θεоктиста—крестоцѣловальную грамоту, повтореніе той, на которой они въ 1269/70 г. докончили съ его отцомъ (№ 3), съ необходимыми редакціонными измѣненіями и небольшимъ дополненіемъ въ концѣ. Трудно угадать моментъ, когда на смѣну первому договору явился второй, формулированный въ основной договорной (№ 10) съ дополнительной грамоткой (№ 11); оба соединены бичевой, на которой подвѣшена одна печать—того же владыки. А. А. Шахматовъ отицаетъ, что въ этихъ грамотахъ «гораздо болѣе фактическаго», чѣмъ въ общемъ наброскѣ первой договорной; «очевидно, замѣчаетъ А. А. Шахматовъ, что Михаилъ былъ уже признавать княземъ». Понимать это надо такъ, что первое «докончаніе» состоялось, и новгородцы приняли къ себѣ великокняжескихъ наместниковъ: они упомянуты въ дополнительной грамотѣ (№ 11: «како будешь ты Новгородъ и отца своего и владыцъ и у своихъ мужей»), такъ что, дѣйствительно, «администрація края... была уже въ рукахъ Михаила»; А. А. Шахматовъ указываетъ на то, что вниманіе вѣзачего упомянуто уже какъ злоупотребленіе Михайловыхъ судей («а вѣзачего не пошло по новгородской волости, то судиямъ твоимъ отложить»), что статья объ отказѣ великаго князя отъ «селя и свободъ Дмитреевыхъ», которыми были лишь пожизненно даны в. к. Андрею, предполагаетъ проявленіе Михайломъ притязанія на нихъ; можно же въ такомъ же смыслѣ понять статью: «а что селя, княже, на новгородской земли твоихъ или княгининихъ или бояръ твоихъ, тѣхъ селя тобѣ съступитися...»—въ дополненіе къ общему требованію селя и свободъ не ставить, не принимать и не покупать. Дополнительная грамота (№ 11) требуетъ, чтобы великій князь «не кормилъ новгородскимъ хлѣбомъ» вѣдара Михайловича (вѣроятно близнецъ великаго князя, о которомъ см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 161) и Бориса Константиновича (?) и вывелъ ихъ изъ Новгородской области съ ликвидацией заведеннаго ими землевладѣнія. Впрочемъ, сомнительно, чтобы первое «докончаніе» новгородцевъ съ в. к. Михайломъ было закрытлво его крестоцѣлованіемъ и отвѣтной грамотой, хотя фактически и осуществленіемъ; практика владѣншагося новымъ управленія уже успѣла вызвать нареканія, отразившіяся въ новыхъ грамотахъ (10 и 11), о которыхъ онѣ такъ не можемъ утверждать, что онѣ были приняты и скрѣплены в. к. Михаиломъ. Окончательный договоръ былъ заключенъ въ 1307 г., передъ тѣмъ, какъ в. кн. Михаилъ прибылъ въ Новгородъ и «сѣде на столѣ»: документы этого договора—дѣя тождественны по тексту грамоты (№№ 6 и 7)—одна за печатью владыки Θεоктиста, другая за печатью в. к. Михаила (съ помѣтой на оборотѣ: тѣрская михайлова); это и есть «фактисова грамота, что докончашъ (князь великій Михайло) со владыкою и съ послы новгородскимъ на Тѣрри», которая вновь подтверждена мирнымъ докончаніемъ 1316 года (№ 12). Какъ ни близка—по всему составу договорныхъ пунктовъ—эта «Θεоктистова грамота» къ новгородскимъ проектамъ договора, она сохранила слѣды того, что проредактирована была согласно встрѣчимъ требованіямъ в. к. Михаила: таковы ея необычное начало—«на семъ господине, Новгородъ весь хрѣсть цѣлуеть, княженіе твое честно держати, по

формулировали въ пунктахъ договорныхъ грамотъ, и на устраненіи таковыхъ дѣйствіи княжеской власти и ея агентовъ, которые нарушали ихъ «старину».

Отношенія оставались напряженными, и весьма вѣроятна ограда новгородцевъ на Москву—сопернику Твери, хотя у насъ и нѣтъ извѣстій о сношеніяхъ между ними и московскими князьями за эти годы. Только случайная записка въ одной богослужебной книгѣ намекаетъ на связь между новгородскими дѣлами и нападеніемъ в. к. Михаила на Москву въ августѣ 1307 года ¹⁾. Назрѣвали событія, которые вызовутъ новую борьбу между Тверью и Москвой при дѣятельномъ участіи Великаго Новгорода. Этими событіями отмѣченъ моментъ перелома въ политической исторіи сѣверной Руси, а связаны они съ судьбами митрополитчьеи каедры по смерти митрополита Максима.

IV.

Митрополитъ Максимъ умеръ въ декабрѣ 1304 года. В. к. Михаилъ Ярославичъ терпѣлъ въ немъ авторитетную опору своихъ политическихъ стремленій. Естественно допустить попытку великаго князя повліять на заміненіе митрополитчьеи каедры. Въ такомъ смыслѣ истолковали В. С. Борзаковскій и Е. Е. Голубинскій исторію игумена Геронтія, о которомъ повѣствуется въ обихъ житіяхъ св. Петра митрополита, что онъ побѣхалъ въ

пошливъ, безъ обиды" и оборотъ рѣчи отъ лица князя, наперекоръ всему ея строю—отъ имени новгородцевъ—, а что пошливъ князю въ новгородской волости, того вы мене не тавти въ всѣхъ волостяхъ". С. М. Соловьевъ («Ист. Росс.», т. I, ст. 903) отвѣтъ всѣ три грамоты (9—11) ко времени «тогдашя послѣ перваго вступленія Михайлова на столъ новгородскій», потому что не представлялъ себѣ возможнымъ подчиненіе Новгорода великокняжеской власти до этого «вступленія»; однако, А. А. Шахматовымъ указана записка въ Новгородской лѣтописи подъ 1305-мъ годомъ, что Феоктистъ поставилъ церковь Борвоа и Глѣба «въ державу христолюбиваго князя Михаила».

¹⁾ «Апостолъ», законченный 22 августа 6815 г., а на немъ записки: «сего же лѣта бысть бой на руськой земли Михайлъ съ Юрьемъ о княженіе новгородское, при сикъ князехъ съветиха и росташе усобицами, гниюще живнъ наша, въ князехъ моторы, и вѣци скоротихася человѣкомъ» (Горскій и Невоструевъ, Описание славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библиотеки, отд. I, № 46).

²⁾ Въ Тверской лѣтописи: «Въ лѣто 6816 змиъ князь великій Михайло приходилъ ратью къ Москвѣ и ваялъ миръ» (Ш. С. Р. Л., т. XV, стр. 407); въ Воскресенской тоже подъ 6816 г.: «князь Михайлъ Ярославичъ ходи адругіе къ Москвѣ ратью со многомъ силою, и бысть бой у Москвы, на память святаго апостола Тита, а града не взя и не успѣвъ ничтоже возвратися» (т. VII, стр. 185, тоже т. X, стр. 177). Вой подъ Москвой произошелъ 25 августа 1307, а не 1308 г., такъ какъ тѣ же лѣтописные своды сообщаютъ о немъ непосредственно послѣ извѣстія о поставленіи на митрополию св. Петра (лѣтомъ 1307, а не 1308 г.—см. ниже), и эта дата подтверждается записью въ «Апостолѣ» 1307, которая связана со вкладной записью («сми же апостолъ княгы вѣа святому чинтелейному вѣоснмъ игуменъ сего же монастыря»). а ее слѣдуетъ отнести къ моменту завершения писцомъ работы заказа игуменскаго.

Константинополь искать поставленія на русскую митрополию, причѣмъ захватилъ съ собою митрополичьихъ сановниковъ, ризницу митрополичью и много иконъ изъ Владимірскаго Успенскаго собора ¹⁾. Житія не ставитъ дѣяній Геронтія на счетъ в. к. Михаилу, но указаніе Кипріяновскаго житія на поустительство свѣтской власти («никому же возбраняющю ему») и на своевременную осѣдоженность о побѣдкѣ Геронтія галицкаго князя Юрія Львовича, женатаго на сестрѣ в. к. Михаила Ярославича, позволяютъ, помимо общихъ соображеній Е. Е. Голубинскаго, видѣть въ Геронтіи великокняжескаго кандидата на митрополичью кафедру. Кн. Юрій Львовичъ, «не хотя высокоумія Геронтіева», стаѣ хлопотать о поставленіи особаго митрополита для южной Руси и послалъ въ Константинополь одного изъ своихъ нигуменовъ—Петра—кандидатомъ на Галицкую митрополию. Патриархъ Аѳанасій рѣшилъ дѣло по своему: поставилъ Петра на митрополию всѣя Руси (въ іюні 1307 г.) ²⁾. Только черезъ годъ ³⁾ смогъ Петръ пріѣхать изъ Кіева во Владиміръ: врагъ рода чезовѣческаго, риторически посвящаетъ митрополию Кипріяну въ Житіи св. Петра, «нѣкакъ подгасти не хотѣти того прашества», но затѣмъ эти противники митрополита «себе зазрѣша и святителя пріаша». Е. Е. Голубинскій угадываетъ за этой «прикровенностью рѣчей Кипріяна» указаніе на противодѣйствіе митрополиту со стороны в. к. Михаила ⁴⁾; принять поставленнаго патриархомъ митрополита пришлось, но близкое великому князю духовенство, съ тверскимъ епископомъ Андреемъ во главѣ, тотчасъ подняло дѣло о его низложеніи. Къ патриарху посланы «слова тажжа» противъ митр. Петра; обвиненія ⁵⁾ были настолько серьезны,

¹⁾ В. С. Борзаконскій, Ист. Тверскаго княжества, приложение 2-е; В. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, первая половина тома, стр. 99—100. Житія св. Петра: такъ наз. Прохорово—въ приложеніяхъ къ IV т. «Исторія русской церкви» митр. Макарія, Кипріяновское—въ «Великихъ Минеяхъ», подъ 21 декабря (ст. 1620), въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 190—194) и въ «Степовой книгѣ» (П. С. Р. Л., т. XXI, стр. 321).

²⁾ А вѣ 1308, какъ пишетъ Голубинскій (тамъ же, стр. 105); Голубинскій не признаетъ въ расчетъ, что митр. Петръ умеръ 21 декабря 6834, т. е. 1325 (а не 1326 г.); «Пастъ церковь Божію» митр. Петръ—18 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 190).

³⁾ Относя поставленіе Петра на митрополию къ 6816 г., лѣтописные своды упоминають о его прибытіи во Владиміръ подъ слѣдующимъ годомъ (Воскр., Нак.); однако, Соф. I (т. V, стр. 204) правильно отвесла къ 6816 г. (1308 г., 5 іюня) поставленіе во Владиміръ митр. Петромъ новгородскаго архіепископа Давыда, такъ какъ Давыдъ умеръ 5 февраля 6832 г. («Новгородскія лѣтописи», изд. 1879 г., стр. 27), а пробылъ на архіепископствѣ 17 лѣтъ (круглыми счетомъ—тамъ же, стр. 214)—12 апрѣля 1308 г. былъ датированъ ярлыкъ митр. Петру отъ хана Тохты, какъ установлено М. Д. Приселюкомъ («Ханскія ярлыки русскимъ митрополитамъ», стр. 68).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 405.

⁵⁾ Впрочемъ тѣ же, какія и потомъ возводились на митр. Петра: «мзды емлетъ отъ ставленія» и разрѣшаетъ браки близкихъ родственниковъ (въ 4-й и 5-й степояхъ родства)—грамоты патр. Никифора в. к. Михаилу («Р. Ист. Биб.» т. VI. № 16).

что патриарх прислалъ на Русь одного изъ своихъ клириковъ для ихъ разсмотрѣнія на мѣстѣ. Дѣло разбиралось не въ митрополичьей Владимірѣ, не въ великокняжеской Твери, а въ Переяславѣ на соборѣ, гдѣ присутствовали, подъ предсѣдательствомъ патриаршаго клирика, епископы—ростовскій Симеонъ и тверской Андрей и «лучшіе» изъ бѣлаго и чернаго духовенства; великаго князя не было, но прибыли его сыновья «п нивгы князей довольно» съ боярами ¹⁾. Бурныя пререканія ²⁾ закончились оправданіемъ митр. Петра. Противникъ, однако, не сразу сложили руки. Тверской епископъ послалъ къ патриарху монаха Акиндина—свидѣтеля неправыхъ дѣяній митрополита ³⁾; в. к. Михаилъ обратился къ патриарху съ посланіемъ о томъ же ⁴⁾; патриархъ отвѣтилъ призывомъ митр. Петра на судъ въ Константинополь, поручая великому князю прислать его «нужно», если возей не захочетъ ѣхать, а съ нимъ обвинителей и свидѣтелей его провинностей ⁵⁾. Наши документы не даютъ свѣдѣній о томъ, состоялся ли такой судъ и чѣмъ все дѣло формально закончилось, но фактически митр. Петръ остался побѣдителемъ во всей этой борьбѣ. Оба епископа—участники Переяслав-

¹⁾ Свѣдѣнія о Переяславскомъ соборѣ даютъ только житія св. Петра митрополита. Соборъ могъ состояться въ 1310 (или въ началѣ 1311 г.)—см. Борзакоскаго („Ист. Тверск. княжества“, приложение 2-е „О Геровтин игуменѣ и Переяславскомъ соборѣ въ началѣ XIV в.“) и Голубинскаго („Ист. Русс. церкви“, т. II, стр. 107). Отсутствіе на соборѣ в. к. Михаила житія объясняютъ тѣмъ, что онъ тогда въ Орду былъ, но въ лѣтописки поѣздка Михаила къ хану упоминается (по полученіи великаго княженія) только подъ 1313 г.; мотивировка, можетъ быть, и неудачна, но это не мѣняетъ датировки собора (ср. Борзакоскаго, стр. 249—251). Борзакоскій полагаетъ, что на соборѣ не было Юрія Давидовича, но дѣятельную роль игралъ Иванъ Давидовичъ (стр. 97); вѣроятно, оба были на соборѣ, но то, что Борзакоскій говоритъ о кн. Иванѣ, основано на недоразумѣніи съ Татищевскимъ текстомъ. У Татищева (т. IV, стр. 92—93) подъ 1313 г. (годъ поѣздки в. к. Михаила въ Орду)—статья о „новгородскомъ еретикѣ“, дѣло котораго связано Татищевымъ съ Переяславскимъ соборомъ потому, что о „ереси“ въ житіи св. Петра говорится точнѣе послѣ сообщеніи о соборѣ; а вмѣстѣ съ еретикомъ попалъ сюда и кн. Иванъ Давидовичъ. Въ Татищевскихъ рукописяхъ сохранился листокъ—автографъ съ этой статейкой о „новгородскомъ еретикѣ“, подклеенный къ соответствующему мѣсту основнаго текста для вставки въ него при перепискѣ на бѣло. См. у Голубинскаго, стр. 112 (прим.). В. Е. Голубинскій (стр. 108) отмѣчаетъ, что тверскіе князичи были еще малолѣтками, такъ что великокняжескую власть представляли сопровождавшіе ихъ бояре.

²⁾ „взвѣли млова бысть, яко въ малѣ не безмѣство что бысть“.

³⁾ „Написаніе Акиндина, мнха хавры Святаго Вогородица, къ в. к. Михаилу“ („Русс. Ист. Вѣд.“, т. VI, № 18); „зажеже самовидецъ есмь и о тѣхъ вѣсехъ посмававъ своимъ епископомъ къ вселенскому патриарху Константинограда“.

⁴⁾ „Посланіе Нифонта, патриарха Константинограда, къ в. к. Михаилу всея Руса“ (тамъ же); „донесла къ намъ посланіи отъ твоея власти грамоты княженія твоего“.

⁵⁾ То же посланіе патр. Нифонта.

скаго собора покинули свои кафедры—Симеонъ ростовскій въ 1311 г., Андрей тверской въ 1316 г., уступивъ мѣсто ставленникамъ митр. Петра.

Разрывъ съ митрополіей дорого обошелся в. к. Михаилу. Скандальныя извѣстія о Переяславскомъ соборѣ не содержатъ указанія на участіе въ немъ московскія Даниловичей. Однако, соборъ происходилъ въ Переяславѣ—они его принимали въ своемъ городѣ, и касался онъ существенныхъ отношеній въ великомъ княжествѣ—не могли они не использовать такихъ обстоятельствъ¹⁾. Ближайшія событія—оправдываютъ эти предположенія: митр. Петръ выступаетъ настоятельнымъ союзникомъ Москвы.

Въ Твери не были покинуты недавніе широкіе замыслы, а изъ году въ годъ накапливался рядъ обстоятельствъ, предвѣщавшихъ имъ полное крушеніе: за первой неудачей властнаго захвата—непрерывный рядъ трудностей въ установленіи новгородскякъ отношеній, полное пораженіе въ борьбѣ съ митрополіей. И, видимо, во всѣхъ затрудненіяхъ и неудачахъ чувствовалось опасное соперничество Москвы. В. к. Михаилъ и его свѣтлыя отважились—вскорѣ послѣ Переяславскаго собора—на попытку новаго рѣшительнаго удара. Въ 1311 г. в. к. Михаилъ послалъ рать свою съ сыномъ Дмитріемъ «на Новгородъ Нижній и на князя Юрія». Князь прибылъ во Владимиръ, куда должны были сойтись ратныя силы великаго княжества, но «не благослови его Петръ митрополитъ»²⁾. Это митрополитче

¹⁾ В. Е. Голубинскій рѣшительно заключаетъ изъ Киприановскаго описанія собора, что митр. Петръ имѣлъ „многочисленную партію своихъ сторонниковъ“ среди свѣтскихъ участниковъ собора, и что „представителемъ этой партіи былъ князь московскій“, а бурная столкновение на соборѣ понимаетъ, какъ столкновение этой партіи „съ партіей сторонниковъ великаго князя“ (тамъ-же, стр. 113).

²⁾ Такъ въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 186); въ другихъ сводкахъ „не благослови его митрополитъ столпомъ въ Володимирѣ“ (т. IV, стр. 255; т. V, стр. 205; т. X, стр. 178); повидимому, таковъ текстъ общаго издъ источника, а Воскр. выпустила слова „столпомъ во Володимирѣ“, м. б. потому, что она ея редактору были столь же мало понятны, какъ и намъ. Принявъ эту редакцію извѣстія (а она хорошо представляла въ нашихъ текстахъ), пришлось бы предположить одно изъ двухъ: либо, что поставленъ былъ вопросъ о преемствѣ на великомъ княженіи по Михаилѣ (что мало вѣроятно), либо, что митр. Петръ своимъ неблагословіемъ воспрепятствовалъ кн. Дмитрію осуществлять отъ имени отца—функции великокняжескаго влзства. Повидимому, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ повелѣ названіе составитель Никоновскаго текста; онъ пишетъ про кн. Дмитрія: „онъ же отставъ три недѣли въ Володимера, собравъ съ силою многою, бѣ челоуѣкъ Петру митрополиту, да его разрѣшить, и тако разпусти воя своя“. Это извѣстіе о первомъ на Руси привленіи церковнаго запрещенія, какъ политическаго оружія—вызывало большое недоумѣніе историковъ. С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, стр. 903) называетъ его „труднымъ для объясненія“; А. В. Экземплярскій („Вел. и уд. князья“, т. I, стр. 62)—„нѣсколько темноватымъ“. Карамзинъ пытался повернуть походъ на Великій Новгородъ, отодвигая дату ко времени, когда въ Великомъ Новгородѣ „властвовалъ“ Юрій („И. Г. Р.“, т. IV, прим. 144). В. Е. Голубинскій („Ист. Русск. церкв.“, т. II, стр. 137) толкуетъ походъ кн. Дмитрія необходимою „охранять великокня-

неблагословеніе разрушило все предприятие. Кн. Дмитрій простоял во Владимірі три недѣли, а затѣмъ распустилъ войско и вернулся къ отцу ¹⁾.

Неудача, подрывавшая не только авторитетъ, но и реальную силу великокняжеской власти, не замедлила отразиться усиленіемъ новгородской оппозиціи. Ближе не знаетъ поводовъ разрыва, но въ 1312 г. в. к. Михаилъ вывелъ изъ Новгорода своихъ намѣстниковъ, захватилъ Торжокъ и Бѣжецкую волость и прекратилъ подвозъ «обшинъ» къ Новгороду; новгородцы смирились—послали въ Тверь владыку Давыда и обязались уплатить князю полторы тысячи гривенъ ²⁾. «Докончаніе» 1312 г. оказалось только перемиріемъ; князь Михаилъ нанесъ новгородцамъ ударъ раньше, чѣмъ они смогли подготовитъ борьбу; теперь—новгородцы ищутъ союзниковъ противъ великаго князя-притѣснителя. Въ 1313 г. в. к. Михаилъ и митр. Петръ поѣхали въ Орду къ новому хану Узбекѣ. Митрополитъ былъ «вбороть» отпущенъ на Русь, но великій князь пробылъ тамъ больше года. Въ его отсутствіе поднялись новгородцы на великокняжескихъ намѣстниковъ и призвали къ себѣ московскую помощь. Кн. Юрій Даниловичъ прислалъ къ нимъ кн. Федора Ржевскаго, который захватилъ намѣстниковъ в. к. Михаила и съ новгородскою ратью пошелъ противъ тверского войска, наступавшаго съ кн. Дмитріемъ Михайловичемъ. Противники встрѣтились на Волгѣ, у Городна (тверского), стояли по сторонамъ рѣки 6 недѣль, до заморозковъ, а разошлись безъ боя, заключивъ миръ «на всей волѣ новгородской» ³⁾.

жескія права его отца», который, по мнѣнію Голубинскаго, все еще былъ въ Ордѣ; но не объяснить, что же угрожало этимъ великокняжескимъ правамъ: едва ли допустимо предположеніе, что слова «не благослови столы въ Володимери» означаютъ попытку митрополита передать великое княженіе Юрію...

¹⁾ М. А. Дьяковъ (въ «Визблѣграфѣ», 1889 г., № 1, стр. 16) придаетъ особый смыслъ словамъ житія св. Петра митрополита: «паче прехода грады, обрѣте градъ честевъ кротостью, зовомый Москва»... (Макаріи, Ист. русс. церкви, т. IV, стр. 314), какъ указаніе на то, что митр. Петръ «какъ-бы не выдѣлъ погоняной резиденціи», набѣгалъ столяного города Владимира и «притягивался къ Москвѣ». Такое предположеніе о причинахъ частаго пребыванія митр. Петра въ Москвѣ можно бы приурочить ко времени послѣ исторіи съ походомъ княжича Дмитрія въ періодъ послѣдней борьбы Юрія съ Михаиломъ.

²⁾ Этотъ договоръ до насъ не дошелъ. См. П. С. Р. Л., т. V, стр. 205; т. VII, стр. 186.

³⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 206; т. VII, стр. 186. С. М. Сосновъ (Ист. Росс. т. I, ст. 905) отождествилъ это докончаніе (грамота до насъ не дошла) съ моментомъ утвержденія договорной грамоты, которая упоминается въ договорной № 12: «завелому князю грамота нарѣзати, что докончати на Городѣ на Волгѣ»; и отождествленіе это вполне убѣдительно, а упомянутая ссылка даетъ указаніе на одинъ пунктъ договора на Волгѣ: новгородцы обязались уплатить великому князю какую-то сумму, но обязательство—погашалось уплатой болѣе крупной контрбудиці, наложенной на нихъ Михаиломъ по договорной № 12 (потому пражская грамота подлежала уничтоженію по уплатѣ Новгородомъ вновь условленнаго «серебра»). Зато княжичъ Дмитрій—очевидно согласился воздержаться отъ военныхъ дѣйствій и,

Договор этот, видимо, освобождает Новгородъ отъ великокняжескихъ наместниковъ, такъ какъ новгородцы «оттуда же» (т. е. съ Волги) послали въ Москву по князя Юрія Даниловича, а онъ той же зимой прѣѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ Аванасіемъ и «сѣде на стоѣхъ». Тутъ, въ Новгородѣ, застаѣ ки. Юрія ханскій зовъ, вѣроятно, къ отвѣту по жалобѣ я. к. Михаила; онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ новгородскими посланми, но и на этотъ разъ Михаилъ Ярославичъ вынужденъ дѣло у хана. Онъ явился на Русь съ татарскими войскомъ¹⁾, разбилъ новгородцевъ у Торжка и потребовалъ выдачи князей Аванасія Даниловича и Фёдора Ржевскаго. Новгородцы Фёдора выдали, обязались выплатить крупную контрибуцію²⁾, и пошли на полную сдачу. Пришлось подчиниться великокняжескимъ наместникамъ, выдать досѣли, оружіе и коней³⁾. В. к. Михаилъ словилъ сопротивление и, занявъ

вѣроятно, формально отозвать наместниковъ, которыхъ ки. Фёдоръ Ржевскій «взнималъ и держалъ „во владичѣхъ дворѣхъ“. Иначе не понятны два указанія на характеръ этого договора: что онъ заключенъ „на всей волѣ новгородской“ и что грамота подлежала уничтоженію по уплатѣ новгородцами поздѣйшей контрибуціи; ихъ надо согласовать съ фактомъ—не изгнанія, но ареста великокняжескихъ наместниковъ и призыва Юрія Даниловича на новгородское княженіе только послѣ заключенія договора на Волгѣ. Договоръ, изложенный въ грамотѣ № 12—не былъ исполненъ, и требованіе объ уничтоженіи городецкой договорной повторено въ договорной грамотѣ 1317 г. (№ 14).

¹⁾ Ханские послы Тайтемиръ, Махрожа и Нидый „быша въ Ростовѣ и много зла сотвориша“ („Лѣтопись по Акад. списку“ въ изд. „Лѣт. по Лаврент. списку“ стр. 501); выѣзжая въ Орду по ханскому зову, ки. Юрія „приѣде въ Ростовъ, а отуду поиде въ Орду“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 186; „марта 15 въ субботу Лазореву“—15 марта 1315 г.). Въ Ростовѣ—одинъ изъ опорныхъ пунктовъ ки. Юрія, который былъ женатъ на ростовской княжнѣ (Константиновнѣ? такъ предполагаетъ и А. В. Экземплярскій, т. II, стр. 34), а княжить въ ту пору въ Ростовѣ Василій Константиновичъ, котораго, поведенію, также вымывали въ Орду: онъ вернулся въ 1316 г. съ ханскими посланми, отъ которыхъ Ростовъ опять потерялъ „много зла“ (тамъ же, стр. 187). В. к. Михаилъ былъ также женатъ на ростовской княжнѣ—Аннѣ Дмитріевнѣ; по жеманъ враждующіе князья связаны съ враждебными другъ другу семьями ростовскихъ Ворусовичей.

²⁾ „Пять темъ гривенъ серебра“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187); Никоновская лѣтопись поправляетъ эту вѣроятную цифру на пять тысящъ гривенныхъ серебра (т. X, стр. 179).—„Грамота новоторская, что въ Торжку докончала“ до насъ не дошла, но упомянута (какъ подлежащая уничтоженію по выполненію новгородцами новыхъ обязательствъ) въ договорной № 12, а затѣмъ въ договорной 1317 г. (№ 14 „что въ Торжку писана при Тайтемерѣ“).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187.—Никоновская лѣтопись, изложивъ эти новгородскія дѣла подъ 6823 г., повторяетъ ту же исторію подъ 6824 по другому источнику съ интересными подробностями о расправѣ новгородцевъ съ измѣнниками, „советѣ держачими“ съ в. к. Михаиломъ; эти подробности объясняютъ пунктъ договорной грамоты № 12: „что мом недруги мѣи выдалъ въ Торжку, тѣмъ ся имъ не мѣцати“ (т. X, стр. 179—180). То же повтореніе въ Никоновской замѣтилъ В. С. Ворзаконскій (указ. соч., прим. 448), но отдѣляя отъ него расправу съ „измѣнниками“ (стр. 102). О ней ср. Новг. I, стр. 317—318; Соф. I (П. С. Р. Л., т. V, стр. 206).

Новгородъ, учинилъ суровую репрессию, не признавъ избраннаго посадника, а отдалъ посадничество «изъ своей руки»¹⁾, и опредѣлилъ положеніе своей власти въ Новгородѣ и свои требованія—новымъ договоромъ²⁾, которымъ устанавливаетъ порядокъ уплаты 12.000 гривенъ; а князь Аеанасія Давидовича и новгородскихъ бояръ в. к. Михаилъ отослалъ въ Тверь въ «закладъ»³⁾ ⁴⁾выплаты всей суммы.

Суровое усмиреніе Новгорода грозило подавить его независимость, несмотря на подтвержденіе новгородской «старшины и пошлинъ» по прежнему договору 1307 г. Глухое раздраженіе искало выхода. Попытка новгородцевъ искать управы на в. к. Михаила въ Орду не удалась: ихъ послы переизвечены тверичами⁴⁾. Но въ слѣдующемъ (1316) году новгородцы воз-

¹⁾ Михаилу Клементьевичу и Ивану Дмитриевичу (П. С. Р. Л., т. X, стр. 179), вторично—посадникъ в тысяцкій?

²⁾ «Бысть же се ало мѣсяца февраля 10* (6823 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187; въ Никои.—т. X стр. 179: февраля 4), т. е. въ 1315 г. Къ этому моменту С. М. Соловьевъ («Ист. Россіи», кн. I, ст. 905) отнесъ договорную грамоту № 12, и лучшаго ея приуроченія не найтн. У А. А. Шахматова договоръ отнесенъ къ 1314 г., но, по существу, къ тому же моменту, какъ у Соловьева (принято его опредѣленіе). Это грамота за печатами в. к. Михаила и владыки Давида; по содержанію—миръный договоръ, «скаждирующій „розаръте“ съ его послѣдствіями (правонарушеніями, учиненными во время „заматив“); условлены сроки уплаты Новгородомъ великому князю 12000 серебра, съ зачетомъ въ эту сумму равне взятаго у „талъщиковъ“ („а останокъ людей въ городѣ нача продавати, сколько кого становѣ“ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187). Къ увеличеніемъ прежнихъ грамотъ—городецкой и новоторожской—по уплатѣ всей суммы. В. к. Михаилъ снова вступаетъ на стожь новгородскаго княженія («а опять съязъ князь великій Михайло на фектистовѣ грамотѣ»), подтверждаетъ условія этой «Фектистовой грамоты» (№№ 6—7; о ней выше, стр. 120) со взаимнымъ обязательствомъ—«Новгороду князь мое чество держати безъ обиды, а князю великому держати Новгородъ безъ обиды въ пошлинѣ». Михаилъ Ярославичъ удостоверяетъ уничтоженіе этой «владычней серебряной» грамоты въ договорѣ 1317 г. (№ 14).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187. Никоновская лѣтопись вкратчѣ освѣщаетъ высылку въ Тверь кн. Аеанасія и бояръ: в. к. Михаилъ «привязъ къ себѣ князя Аеанасія Давидовича и бояръ новгородскихъ и начитъ съ ними укрѣплитися чрезъ обычай ихъ встаринный; сямъ же не хотящимъ тако крѣпость на себя дати, овъ же о семъ въ ярость приде и замыа вѣхъ и посла въ Тверь» (т. X, стр. 179); строки эти, вѣроятно, напѣяны рассказомъ о томъ, какъ въ 1478 г. происходило освобожденіе Великаго Новгорода (и также по заключенію общаго доковчанія) «укрѣпленіе» новгородскихъ бояръ (кредитованіемъ послѣ того какъ они «приказались» въ великокняжескую службу), но примѣненіе этой сцены къ событіямъ 1315 г. невозможно — потому, что заключено и князя Аеанасія. Князь—составитель Никоновской лѣтописи управляетъ за то понятіе «заклада», которое, однако, подтверждается позднѣйшими извѣстіями («въ лѣто 6825 послаша Новгородца владыку Давида ко князю Михаилу на Тверь съ молбю, просище на окугъ брати своей, которой у него въ закладѣ», т. VII, стр. 187) и договоромъ 1315 г. (№ 12): «а како князь серебро поемлетъ, тако ему аса талъ пуститя».

⁴⁾ «Того же лѣта поведоша новгородци сами о себѣ въ Орду, и переизвече ихъ тверичи изымаша» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187). Допущеніе В. С. Воронковскаго,

стали съ новой и лучше подготовленной силой ¹⁾, выехали изъ Новгородъ великокняжескихъ вѣстниковъ и отсидѣлись отъ в. к. Михаила, т. къ и его походъ на нихъ былъ крайне неудаченъ ²⁾.

Новгородъ вырвался изъ рукъ в. к. Михаила и потянулъ къ К. московскому; однако, Михаилъ Ярославичъ успѣлъ вырвать у нихъ договоръ о нейтралитетѣ въ предстоявшей борьбѣ ³⁾.

Князь Юрій Даниловичъ былъ въ Ордѣ, пока на Руси происходившія эти событія. Онъ пробылъ тамъ почти два года и достигъ многи вошелъ въ милость къ хану, женился на его сестрѣ, получилъ ярлыкъ

что новгородцы ходили въ Орду „по какимъ то своимъ дѣламъ“ (такъ они не вилью переводить слова: „сами о себѣ“). м. б. торговымъ—невозможно: пер нами первая попытка новгородцевъ самимъ „знати Орду“; слова „сами о се означаютъ—помимо князей, самостоятельно. Борзаконскій, Ист. Тверск. княжес. стр. 101—102.

¹⁾ Новгородцы заново укрѣпили городъ острогомъ и создали „всю вл новгородскую“—Исконичей и Ладожанъ, Рушанъ, Корѣлу, Изжору и Водь (тамъ : Въ предмудрой походъ противъ великаго князя новгородцы выступали „безъ ныхъ людей“ (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 256; т. X, стр. 170).

²⁾ „Князь же Михайло, не дождевъ города, что на Устѣнахъ, и мзра не в поиде прочь, не успѣвъ ничтоже“, а на обратномъ пути въ осеннюю распути войско много натерпѣлось, заблудившись въ озерлахъ и болотахъ (тамъ же).

³⁾ Свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при какихъ новгородцы „доказали княземъ Михаиломъ тверскимъ, яко не вступатися имъ ни по комъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 188), разсортчивы. Тверская лѣтопись (т. XV, стр. 409) изображаетъ дѣя такъ, что новгородцы выступили въ Торжокъ „въ помощь Юрію князю“, а тутъ стояла дѣлалъ 6 недѣль, стоваривался съ Юріемъ о срокъ, когда онъ ударитъ на Тверь отъ Волока Ламскаго, а новгородцы отъ Торжка; новгородцы же, по этомъ разсказу, начали военныя дѣйствія, выступили изъ Торжка и стали воевать „п рубежу“, когда кн. Михаилъ Ярославичъ „не дождався срока ихъ, поиде противу имъ“, нанесъ имъ поражение и привудилъ къ миру (его содержанія—обязательства нейтралитета—Тверская не приводитъ). Другія лѣтописи (Новг. II. стр. 318; Соф. I. Воскр.—П. С. Р. Л., т. V, стр. 207; т. VII, стр. 168) мотивируютъ договоръ тѣмъ что новгородцы „не вѣдали князя Юрія Даниловича гдѣ естъ“. Протирорчїе, быти можетъ, мнимое: новгородцы ожидали наступленія Юрія Даниловича изъ Москвы черезъ Волокъ и не узнали во время о его походѣ къ Костромѣ, что дало Михаилу Ярославичу возможность предупредить соединеніе противниковъ и ударить на новгородцевъ, „не дождавшись срока ихъ“. Въ Никоновской (т. X, стр. 181) этотъ эли зодъ неудачнаго выступленія новгородцевъ слитъ въ разсказъ о наступленіи Юрія Даниловича на Тверь съ поздѣйшими моментами, для чего редактору пришло отбросить диверсію кн. Михаила подъ Торжокъ и его договоръ съ новгородцами Воскресенская (т. VII, стр. 188) сохранила указаніе, что эти факты предшествовали движенію кн. Юрія на Тверь и послыжъ его за новгородцами: „а новгородци при ходили напередъ того въ Торжокъ и докончили со княземъ Михаиломъ Тверскимъ, яко не вступатися имъ ни по комъ“; Юрій же, хотъ и съ запозданіемъ выполнялъ прежній планъ, переданнувшись изъ Костромы ко Кляву, а затѣмъ къ Бортеву (у р. Шоши).

великое княжение и ханских послов, ордынских вельмож, съ боевыми отрядами для водворения на столъ русскаго улуса ¹⁾).

Силы великаго княжества были еще въ рукахъ Михаила; онъ выступилъ на встрѣчу Юрію съ подручными князьями ²⁾, и Юрій пошелъ съ ханскими послами не во Владимиръ и не въ Москву, а Волгой къ Костромѣ. Тутъ и встрѣтились соперники. Ханскій ярлыкъ Юрію Даниловичу—разрушать великокняжескую силу Михаила ³⁾. Не найдя поддержки въ младшихъ князьяхъ и угрожаемый съ тылу ненадежными новгородцами ⁴⁾, Михаилъ Ярославичъ ушелъ въ Тверь и сталъ укрѣплять свою отчину ⁵⁾. Врагъ наступалъ съ Кавгадьемъ и «многую силою», но былъ разбитъ у села Бортева. Татары притворно смирились передъ Михаиломъ, а кн. Юрій бѣжалъ въ Новгородъ собирать новгородскую и псковскую рать. Встрѣтившись на Волгѣ, противники безъ боя порѣшили бѣжать въ Орду—на ханскій судъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ этихъ ордынскихъ успѣхахъ кн. Юрію могли помочь его ростовскія родственныя связи; его тесть, Константинъ Ворсиновичъ былъ женатъ на ордынкѣ („Лѣт. по Акад. списку“ изд. при Лаврентьевской, стр. 501), какъ на ордынцахъ были женаты блуждерскіе князья Гдѣбъ Васильевичъ (тамъ же, стр. 496) и Федоръ Михайловичъ (тамъ же, стр. 501). Тѣло Юрьевой княгини Кончакъ-Агаеинъ было погребено въ Ростовѣ. Ср. Бораковскаго, указ. соч., прим. 473.

²⁾ Упомянуты судальскіе князья—П. С. Р. Л., т. XV, стр. 409.

³⁾ Наши лѣтописные своды были въ передачѣ всей этой исторіи связаны Житіемъ св. кн. Михаила Ярославича (сказаніемъ о его муженеческой кончинѣ), которое ввело сюда мотивъ подвига смиренія (ср. напр., т. VII, стр. 189—190), чѣмъ лишено смысла дальнейшее наступленіе Юрія на Тверь. Однако, Владимиръ до конца въ рукахъ Михаила (тамъ же, стр. 191), да и въ самомъ житіиномъ изложеніи не согласованы черты поведения Михаила: великаго княженія отступился, а „выходъ“ царю далъ (ранѣе или тутъ въ Костромѣ во время „сомлокъ“ съ Кавгадьемъ?). Никоновская лѣтопись дѣлаетъ попытку взглянуть полученную, такимъ образомъ, безсвязность событій, измѣняя содержаніе костромскихъ переговоровъ въ отказъ Юрія Даниловича отъ великаго княженія въ пользу кн. Михаила. Князь Михаилъ потерпѣлъ у Костромы политическое пораженіе и „распусти вся воля своя“, потому что отпала поддержка его силами великаго княженія; эти силы переходятъ къ Юрію, какъ читаемъ въ Никоновской лѣтописи: „тоже же осени князь судальскій совокупилъся съ в. к. Юрьемъ... и ядоша къ нему князи на Кострому, также и нѣки князи ядоша къ нему на Кострому и мнози силы ядоша къ нему на Кострому“ (т. X, стр. 180). Дальнѣйшій рассказъ той же Никоновской (стр. 181) о шестомъ посредничествѣ Кавгадыя между князьями похвалываетъ, какъ и весь ходъ событій, что и на Костромѣ „не бысть мира“.

⁴⁾ Юрій Даниловичъ послалъ татарина Талебугу звать новгородское ополченіе на Тверь (т. VII, стр. 188); Троицкая лѣтопись (Карамзинъ, т. IV, пр. 227 и П. С. Р. Л., т. X^{III}, стр. 68) называетъ тутъ вмѣсто Талебуга князя Ивана Даниловича.

⁵⁾ „Понде въ свою отчину во Тверь и заложи большій градъ Кремль“. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 409.

⁶⁾ Къ этому моменту долженъ быть приуроченъ договоръ в. к. Юрія, кн. Михаила и Новгородцевъ (грамота № 14). См. С. М. Соловьевъ, „Ист. Россіи“, т. I, ст. 906; В. С. Бораковскій, „Ист. Тверск. княжества“, стр. 107 и прим. 472; А. А.

Князь Юрій поѣхалъ великимъ княземъ, окруженный всѣми князьями Владимірска-Суздальской земли, съ боярами отъ Великаго Новгорода и цѣлой святой бояръ «съ городовъ» ¹⁾. Князь Михайлъ—послалъ впередъ сына Константина съ тверскими боярами, въ виду поспѣшности отъѣзда Юрія Даниловича ²⁾, а самъ задержался со старшими сыновьями во Владиміръ, откуда вызванъ въ Орду ханскимъ посломъ ³⁾. Это и стубило кн. Михаила Ярославича: Кавгадья обвинилъ его въ неповиновеніи ханской власти и нежеланіи ѣхать въ Орду, несмотря на уговоръ отдать споръ съ Юріемъ на судъ хана ⁴⁾. Въ Ордѣ кн. Михайлъ осужденъ судомъ Ордынскихъ князей и погибъ мученической смертью ⁵⁾. Такъ закончился второй актъ упорной борьбы.

Шахматовъ, «Исцѣлованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ». Дата—зима 1317 г. Цѣль договора—обезпечить Великій Новгородъ отъ враждебныхъ дѣйствій тверского князя и покончить въ пользу Новгорода нѣсколько спорныхъ вопросовъ между ними; въ этой договорной кн. Михайлъ вынужденъ удостовѣрить уничтоженіе трехъ прежнихъ грамотъ: «а что грамота на Городѣхъ писана и что въ Торжку писана при Талтемери п владычтя серебряная, а тѣ грамотъ Михайло князь порѣзалъ». Прекращеніе этихъ обязательствъ Великаго Новгорода связано было съ освобожденіемъ «талей», которые были у кн. Михаила «въ закладѣ»: «а брата князя Юрьана Аванасія и новгородцевъ отпусти князь Михайло съ Тѣри, что сплѣхъ въ тали». Отзвукъ на недавнюю задержку тверичами пословъ, которыхъ новгородцы «сами о собѣ» послали въ Орду, въ статьѣ договора: «а посломъ новгородскимъ и новгородцемъ ѣдяти сквозъ Михайлову волость бес пакости». Тогда же отпущены были и въ тверское плѣно кн. Борисъ Давыдовичъ, взятый въ бѣгу у Вортенева.—См. подборъ текстовъ у Воряковскаго, указ. соч., прим. 473.

¹⁾ Терминъ «съ городовъ» подѣ перомъ книжника позднѣйшаго времени (ада-ли этотъ терминъ мыслимъ для XIV вѣка) подчеркиваетъ, что при Юріи не было великокняжескихъ бояръ—изъ Владиміра. Указаніе текста, что эта поѣздка Юрія обусловлена «повеленіемъ» или «совѣтомъ» Кавгадья—относится скорѣе къ ея поспѣшности («поидоша напередъ въ Орду»), чѣмъ къ составу «похода», какъ полагаютъ Воряковскій (указ. соч., стр. 108).

²⁾ «Поидоша напередъ въ Орду» (т. VII, стр. 191): Юрій Даниловичъ не занялъ стона великаго княженія до окончательнаго рѣшенія хана (ср. тамъ же, стр. 197); въ этомъ и была подлинно коварный совѣтъ Кавгадья.

³⁾ «Онъ же поиде къ Вокодимерю, а съ нимъ сына его князь Дмитрій да князь Александръ»: показателемъ самъ выборъ младшаго княжича для первой посылки въ Орду. Судя по житію, кн. Михайлъ, уѣзжая въ Орду, очистилъ Владиміръ: сыновей «отпусти въ свое отчство, давъ имъ радъ, написавъ грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою» (тамъ же, стр. 192).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 191.

⁵⁾ Сказаніе о обвиненіи в. к. Михаила приводитъ три обвиненія: «царевъ даны не давалъ еси, противу посла бияло еси, а княгину великаго князя Юрія уморалъ еси». Обвинителями въ доказательство перваго обвиненія «покладоу многи грамоты» и утверждали, что кн. Михайлъ «многи даны поималъ на городѣхъ нашихъ», а царю этой даны не отдалъ. Кн. Михайлъ защищался также документами («все бо испсано мѣсте»), но формулировалъ свою защиту неудачно: «колько сокровищъ издавалъ есмь царевъ и княземъ», что, конечно, не было бы

Князь Юрій Даниловичъ добился полной побѣды надъ тверскими князьями. Въ его рукахъ оказались сыны князя Михаила Константиновича, бояре и слуги, сопровождавшіе Михаила Ярославича въ Орду, и его замученное тѣло. Князь Александръ Михайловичъ пріѣхалъ, за поручительствомъ ростовскаго епископа Прохора ¹⁾, во Владиміръ въ дѣловъ «доковчальнъ» съ в. к. Юріемъ вырывать тѣло отца для погребенія въ Твери и освободить тверскихъ бояръ изъ плѣна. Утвердившись на великомъ княженіи, Юрій въ Новгородѣ послалъ «въ себѣ мѣсто» брата Аванасія ²⁾.

Положеніе в. к. Юрія было весьма затруднительнымъ и сложнымъ. Много силъ и времени требовали новгородскія дѣла 1322—1324 года, послѣ кончины кн. Аванасія Давыдовича, отнѣченъ рядомъ военныхъ предпріятій, которые вызваны именно новгородскими дѣлами, при личномъ участіи великаго князя. Юрій по доугу садитъ въ Великомъ Новгородѣ, оставивъ московское управленіе и сношенія съ Ордою на брата Ивана. Въ 1322 г. в. к. Юрій совершаетъ съ новгородцами походъ подъ Выборгъ; въ слѣдующемъ— ставитъ городъ въ устьяхъ Невы, на Орѣховомъ островѣ, и тутъ заключаетъ «вѣчный миръ» съ послами шведскаго короля; въ 1324—идетъ съ новгородцами на Устюгъ и на Сѣв. Двинну, принуждаетъ къ «доковчальнъ мира по старой пошлннѣ» устюжскихъ князей ³⁾.

Эта усвоенная новгородская дѣятельность в. к. Юрія могла имѣть для

отвѣтомъ на обвиненіе. Не опровергало-бы передъ ордынскимъ судомъ второго обвиненія то, что кн. Михаилъ „посла пачи изблнн на брани и со многою честию отпусти его“, такъ дѣло шло не о судьбѣ посла, а о сопротивленіи тавской власти. Утвержденіе, что смерть Кошчакъ-Агаинъ въ тверскомъ плѣну была—убійствомъ было злоустой прѣбавкой къ тяжкимъ политическимъ обвиненіямъ, отъ которыхъ защита была затруднительна. Перенесеніе тѣла в. к. Михаила въ Тверь и его погребеніе состоялось безъ участія митр. Петра (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 197—198; т. XV, ст. 411—413). Е. Е. Голубинскій („Исторія канонизаціи святихъ въ русской церкви“, стр. 41) полагаетъ, что „мѣстное почитаніе мученика-князя началось въ Твери непосредственно послѣдъ за тѣмъ, какъ привезено было сюда его тѣло“ и устанавливаетъ (тамъ же, стр. 76) его канонизацію соборомъ 1349 года.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 412. Ростовскій епископъ Прохоръ еще игуменомъ участвовалъ въ Переяславскомъ соборѣ, повидимому, въ раду сторонниковъ митр. Петра; вмѣстѣ съ нимъ, по Тверской хѣтонисѣ, въ переговорахъ съ тверскими князьями выступаетъ „Ярославъ Стародубскій“, о которомъ больше ничего не знаемъ (если это только не одно лицо съ кн. Феодоромъ Ивановичемъ, княземъ стародубскимъ, который погибъ въ Ордѣ въ 1330 г., и тутъ, м. б., названъ по княжому имени, какъ по крестному въ записи о мученической кончинѣ). Только „по дѣлованію ннѣ“ рѣшикомъ кн. Александръ ѣхалъ во Владиміръ.

²⁾ Новгородъ, стр. 319; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198. Лѣтописные своды сохранили крайне скудные свѣдѣнія о великомъ княженіи Юрія Даниловича; не отнѣтали даже его „посаманнн“ на великокняжескомъ столѣ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198—199; „устюжане“ со своими князьями (мѣстные финскіе племена) грабили новгородскихъ промышленниковъ, закидывшихъ въ Орду—Новг. I, стр. 320—321.

него свой особый политический смыслъ, какъ необходимое условіе сохраненія власти въ Великомъ Новгородѣ и опоры въ немъ ¹⁾ при напряженныхъ и полныхъ опасности отношеніяхъ къ Орді и къ Твери.

Борьба Москвы съ Тверью создала «тяготу велику въ Русской землѣ». Князьямъ приходилось извлекать изъ Русской земли средства на повышкеныя суммы «выхода» татарскаго и на дѣнные дары ордынскимъ властямъ. Дипломатическія отношенія русскаго улуса, окладъ которыхъ ордынцы пытались въ XIII в. установить на основаніи переписи, въ корень искажены и приняли характеръ торга и вымогательства, притаемыхъ княжеской конкуренціей. Кн. Михаилу Ярославичу сильно повредила въ Орді невозможность выполнить тяжкія обязательства, въ какія пришлось войти къ ордынскимъ капиталистамъ-закладчикамъ ²⁾. Несомнѣнно, что велики должны были быть и платежи въ Орду князя Юрія и его обязательства передъ нею. Средствомъ ихъ выполнить для обладателя великокняжеской власти былъ, прежде всего, сборъ дани на «выходъ» татарскій, тѣмъ болѣе, что посулъ «большаго выхода» былъ, по всей видимости, однимъ изъ главныхъ, и — надо полагать —наиболѣе дѣйствительнымъ аргументомъ въ княжескихъ спорахъ изъ за ханскаго ярлыка на великое княженіе. Столкновеніе изъ за сборовъ на уплату татарскаго выхода вызвало новый кровавый эпизодъ въ борьбѣ между московскими и тверскими князьями.

Преемникъ Михаилу Ярославичу на старшемъ столѣ тверскаго княженія, кн. Дмитрій Михайловичъ не на долго смирался передъ московскими побѣдителями. Мы не знаемъ ихъ договора, но извѣстія объ ихъ разрывѣ указываютъ на стремленіе в. к. Юрія прервать непосредственныя сношенія тверскихъ князей съ Ордой. Упомянутый пріѣздъ въ Кашинъ ордынскаго посла съ жидовникомъ-кредиторомъ («должникомъ») свидѣтельствуетъ о прямыхъ расчетахъ тверскаго княжества съ ордынцами, оставшихся послѣ в. к. Михаила. Тогда же собрался итти на Кашинъ «со всею силою низов-

¹⁾ Псковъ, тѣснымъ нѣмцами, не находить помощи ни у великаго князя, ни у Новгорода. Когда ж. к. Юрія бѣжалъ во Псковъ отъ нападенія на него Александра Михайловича тверскаго, псковичи «пріема его честно», но еще при немъ («князь Юрія еще бѣше во Псковѣ») призвали литовскаго князя Давыда, съ которымъ и ходили походомъ на нѣмцевъ. Въ моментъ, когда стало «притужно вельми Пскову», псковичи тщетно посылали «многихъ гонцовъ со многю печалью и тугою» въ Новгородъ ко князю Юрью и къ новгородцамъ: «себѣ помогаи—и не помогиша» (Псковская вторая летопись подъ 6831 г.—П. С. Р. Л., т. III, стр. 11). Политическое обособленіе Пскова отъ Новгорода и великаго княженія въ XIV в. обусловлено изъ беснѣліемъ удержать въ своихъ рукахъ оборону Пскова.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 104; въ 1321 г. «пріезжалъ въ Кашинъ Гачна татаринъ съ жидовникомъ должникомъ, много тягости учинилъ Кашину» (т. XV, ст. 414); весьма вѣроятна догадка А. В. Эземпярскаго, что это была тягость—«за долги Михаила» (указ. соч., т. II, стр. 469).

скою» в. к. Юрій; Михайловичи тверские выступили на встрѣчу со своими полками, но дѣло не дошло до битвы: состоялось «докончаніе», о содержаніи котораго знаемъ, что в. к. Юрій по этому докончанію «позымагъ сребро у Михайловичей выходное»¹⁾, а кн. Дмитрій обязался не искать себѣ великаго княжевія подъ в. к. Юріемъ²⁾. Сопоставленіе этихъ двухъ условій позволяетъ признать, что позднѣйшее стремленіе великаго князя устранить путемъ договорныхъ обязательствъ право младшихъ князей самимъ «знати орду» было только подтвержденіемъ давно сложившейся нормы и вытекало изъ признанія за великокняжеской властью ея основного значенія—политическаго представительства за «всю Русь». И дальнѣйшій ходъ событій показатъ, что для кн. Дмитрія сопротивленіе сосредоточенію «выхода» въ рукахъ великаго князя было проявленіемъ не тверскаго сепаратизма, а средство борьбы за великое княженіе. Ему удалось использовать то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ в. к. Юрій пошелъ наперекоръ не только самостоятельнымъ отношеніямъ Твери къ Ордѣ, но и властному выступленію ордынскаго посла. В. к. Юрій уклонился отъ встрѣчи съ «царевымъ послонгъ», блюдя свое право непосредственно выплачивать «выходъ» въ Ордѣ, а ухвативъ въ Новгородѣ, гдѣ, вѣроятно, надлежало посолить сумну «выходного серебра»³⁾. Задержаннымъ въ новгородскихъ предѣлахъ походомъ подъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; другіе своды указываютъ и сумму—2000 рублей; сребра, П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198: «а княженія великаго князя Дмитрея не подымати»; то же—т. IV, стр. 258; т. V, стр. 216.

³⁾ Въ этосписныхъ сводахъ сохранилось указаніе на размолаку в. к. Юрія съ новгородцами, которая вызвала, очевидно, какими то его требованіями: «того же лѣта князю Юрю суму въ Новгородѣ, Новгородци же ималъ съ нимъ размолаку; въ лѣто 6830 князь велики Юрь Даниловичъ... смирился съ Новгородци» (Никоновская; П. С. Р. Л., т. X, стр. 188). Сохранять новгородскую поддержку при новой опасности отъ Твери было крайне важно, и Юрій выполняеть для нихъ походы на Выборгъ, какъ въсколько поздые на Устюгъ, хотя ему не до того было, какъ отъѣхала Никол. лѣт.: «а князю Юрю Даниловичю тогда бысть самому печаль ото князя Дмитрія Михайловича Тверскаго, яко во Ордѣ у царя Азбѣя испроси великое княженіе на Руси Володимерское; послѣ выборгскаго похода в. к. Юрій, «поиде на Низъ, много моляеть Новгородци, дабы и проводилъ» (Новг. I, стр. 320, прим. 6; ср. П. С. Р. Л., т. V, стр. 216; т. X, стр. 188: «да быша его проводили въ Орду»). Подвергшись нападенію тверичей, в. к. Юрія бѣжить не въ Новгородъ, а въ Псковъ, но отсюда ведетъ переговоры съ Новгородомъ—, и оттогъ призваша и новгородци по крестному цѣлованію» («и поставиша въ Загороды въ Офоновъ дворъ въ діалковъ» — черта, сохраненная въ двухъ спискахъ Новг. I, стр. 320). Затруднительное положеніе Юрія отдаеть его на волю новгородцевъ; онъ идетъ съ ними на устюжанъ, и только послѣ похода спѣшить изъ Заволочья въ Орду (Новг. I, стр. 321, т. V, стр. 216; т. VII, стр. 199). Эти новгородскія отношенія кн. Юрія показательны для огромнаго значенія Великаго Новгородца въ борьбѣ князей за стогъ великаго княженія.

Выборгъ, кн. Юрій далъ сопернику время и поводъ нанести въ Орду опасный ударъ. Кн. Дмитрій Михайловичъ поѣхалъ въ Орду съ извѣтомъ, который нашелъ поддержку въ «царевомъ послѣ»¹⁾, и получалъ ярлыкъ на великое княженіе. Юрій, наладивъ новгородскія дѣла, собрался было въ Орду съ «выходнымъ серебромъ», но по дорогѣ на него напалъ кн. Александръ Михайловичъ и отнялъ «казну». Кн. Дмитрій занялъ столъ великаго княженія, а Юрій бѣжалъ во Псковъ, завязавъ отсюда переговоры съ Новгородомъ, достигъ того, что новгородцы признали его по новому крестному цѣлованію, и выполнивъ для нихъ походъ на «устожскія князья», отправился въ Орду—окольными путями, изъ Заволочья по р. Камѣ. Здѣсь соперники встрѣтились, и кн. Дмитрій отомстилъ кровь отца своего—убилъ (21 ноября 1324 г.) Юрія Даниловича, а самъ за такую расправу²⁾ «безъ

¹⁾ Указаніе, что уклоненіе отъ встрѣчи съ «царевымъ послѣмъ» и передачи ему тверского «выхода» было главнымъ обвиненіемъ противъ в. к. Юрія дають лѣтописные своды: «не шелья противу царева посла, но ступи съ серебромъ въ Новгороду Великій» (Тверск. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; т. X, стр. 188). Татищевъ по существу вѣрно изложилъ суть дѣла, свѣди указаніе лѣтописей въ обвиненіе в. к. Юрія Дмитрія Михайловичемъ, «какъ князь Юрій вземъ серебро тверское выходное и отъ иныхъ князей и не владѣ послу кавскому, но иде въ Новѣградъ и тамо побра на хана многого серебра, и показа хану ертыки Юрьевы на серебро». Подчеркнутое, можетъ быть, и не имѣло опоры въ источникахъ Татищева, а является заключеніемъ историка изъ отрывочныхъ данныхъ лѣтописныхъ текстовъ; для «ярлыковъ на серебро» сравн. «многи грамоты», какими обвинятели в. к. Михаила Ярославича доказывали, что онъ «многи дни поималъ на городѣхъ нашихъ» (въ «Сказаніи объ убіеніи в. к. Михаила»). — Упоминаемый тутъ царскій посолъ, вѣроятно, тотъ, что прибылъ въ Кашину (по Тверской — Гачна; по Новгородской — Таянчаръ, П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; т. X, стр. 187).

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 199; т. XV, стр. 414—415; т. X, стр. 189; т. XVIII, стр. 89. Учтеть кн. Дмитрія (уб. 15 сент. 1325—8934 г.) раздѣлялъ новосильскій князь Александръ Семеновичъ, внукъ св. кн. Михаила черниговскаго (Зотовъ, О черниговскихъ князьяхъ по любецкому своднику, стр. 108—111). Быть можетъ, и это черта западно-русскихъ отношеній Твери. Кн. Дмитрій Михайловичъ женился въ 1320 г. на дочери литовскаго в. к. Гедимина—Маріи, договоръ между ними в в. к. Юріемъ заключенъ при посредничествѣ владыкъ Андрея, который покинулъ киевскую кафедру въ 1315 г. и жилъ на покой въ своемъ монастырѣ св. Богородицы на р. Шошѣ (т. XV, стр. 414); при кн. Дмитрія играетъ политическую роль этотъ епископъ въ должностяхъ князей, а не ставленникъ митр. Петра Варсонофія, занимавшій епископскую кафедру. Позднѣйшія редакціи этого извѣстія (въ митрополичьихъ свѣдѣхъ, отрадившихся въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ) замѣняютъ имя Андрея—именемъ Варсонофія (П. С. Р. Л., т. V, стр. 218; т. VII, стр. 198; Ник. сохраняетъ имя «владыки бышаго Андрея»—т. X, стр. 188). Варсонофія видимо заимъ въ Москвѣ въ сослуженіи съ митр. Петромъ на погребеніи в. к. Юрія; возможно, что онъ даже выѣхалъ изъ Твери при новомъ разрывѣ ея съ Москвою.

царева слова» казнить по ханскому приказу. Но столь великаго княженія достался тверскому князю Александру Михайловичу ¹⁾.

¹⁾ „Того же хѣта князю Александру Михайловичу дано княженіе великое и приде изъ Орды и сѣде на великое княженіе“ (т. XV, стр. 415); „приде изъ Орды князь Александръ Михайловичъ, а съ нимъ Татарове дожилицы, и много тятоты мсть земли Тверской отъ Татаръ“ (т. VII, стр. 100). Къ этому моменту (1825 г.) относится договоръ Великаго Новгорода съ в. к. Александромъ Михайловичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 15); она дошла до насъ за печатью в. к. Александра и въ редакціи, соединившей текстъ Новгородской грамоты съ встрѣчными требованіями великаго князя („на семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новотороду“ и т. д.; съ другой стороны, статья о судьбѣ княжикъ сельъ на землѣ новгородской — въ велико-княжеской редакціи: „а что Александровыхъ княжикъ сельъ купленыхъ или его мужъ, а то поидеть къ Александру князю по исправѣ, по крестовому цѣлованью, по заводу, а ис тыхъ сельъ суда имъ не судити, ни дворянамъ ѣздити, ни людіи новгородскихъ примати, ни земля...., а кто будетъ купалъ села въ всей волости въ новгородской при дѣдѣ моемъ Ярославѣ и при Васильи, при Дмитріи, при Андрѣи и при отцѣ моемъ при Михаилѣ и при князе при Юрьѣ, при Дмитріи.... или не окупать, сѣдѣти ему доколѣ не окупать“); въ концѣ записи о взаимномъ крестоцѣлованіи: „на семь на всемъ князь великій цѣловалъ крестъ къ всему Новотороду, также посадевикъ и тысяцкый и весь Новгородъ цѣловали къ великому князю по любви въ правду безъ всякаго извѣта“.

ГЛАВА III.

Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты.

I.

Сравнительно небольшой промежуток времени — 1326-1332 года — очень сложный и существенный момент в политической истории Велико-россии. Его можно характеризовать, как напряженнейший момент борьбы, предмет которой С. М. Соловьев определял словами: «дѣло идетъ о томъ, быть государемъ всей Русской земли или слугою этого государя»¹⁾. При томъ борьба эта осложнена острыми кризисомъ русско-ордынскихъ отношеній и всего строя внутреннихъ политическихъ отношеній Велико-россии.

Утрата московскими княземъ великаго княженія совпала съ другою потерей. Въ декабрѣ 1326 г. скончался митр. Петръ. Владѣтельный князь Москвы Иванъ Даниловичъ встрѣтилъ это событіе подготовленнымъ. Еще въ августѣ состоялась закладка Успенскаго собора, а въ декабрѣ заранѣе приготовленная гробница приняла прахъ святителя. Митр. Петръ и послѣ кончины остался союзникомъ и покровителемъ Москвы. Прославленіе его памяти, канонизованное при его преемникѣ въ 1339 г.²⁾, сдѣлало его святымъ патрономъ Москвы. Передъ кончиною митр. Петръ, по свидѣтельству старшаго его житія, «воименова на митрополию» себѣ въ преемники³⁾ — архимандрита Теодора, но провести на кафедру московскаго кандидата не удалось; едва-ли возможна была и попытка отправить его къ патриарху, при обстановкѣ, сложившейся послѣ гибели кн. Юрія въ Ордѣ и перехода

¹⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 281.

²⁾ Грамота патриарха Іоанна XIV митр. Теофиласту отъ іюля 1339 г. — въ «Русс. Ист. Биб.», т. VI, приложения, № 2.

³⁾ Макарія, «Ист. Русс. Церквн», т. IV, стр. 315. Попытка Па. Соколова («Русскій архіерей изъ Византии», Киевъ, 1913 г.) установить тожество этого Теодора съ позднѣйшимъ галицкимъ епископомъ, затѣмъ митрополитомъ галицкимъ, и въ его «воименованіи» видѣть «согласіе митр. Петра на отдѣленіе Галича» крайне искусственна и мало обоснована (см. указ. соч., стр. 262—263 и далѣе).

великаго княженія къ кн. Александру. На митрополию вся Русь поставленъ грекъ Теогиость. Ко времени прибытія новаго митрополита въ юго-западной Русь на великорусскій сѣверъ въ 1328 г.—тутъ завершился рядъ крупныхъ событій, и положеніе достаточно опредѣлилось, чтобы Теогиость могъ сразу войти въ окрѣпшія политическія традиціи митрополичьяго двора.

Событія 1326—1328 годовъ возстановимъ по нашимъ лѣтописнымъ сводамъ лишь въ общихъ чертахъ и далеко не съ полной достовѣрностью. Повидимому, борьба русскихъ князей за великокняжескую власть, и, особенно, за выходъ татарскій, т. е. за полное устраненіе ордынскаго вѣшатательства въ сборъ дани съ отдѣльныхъ областей русскаго улуса, встревожила правителей Золотой Орды. Дѣло Юрія Даниловича и Дмитрія Грозныя Оча подорвало прежнюю увѣренность ханской власти. Только такъимъ предположеніемъ можно объяснить дальнѣйшія дѣйствія этой власти. Московскій князь не получалъ ярлыка на великое княженіе; кн. Дмитрій задержанъ въ Ордѣ, гдѣ и погибъ отъ татарской руки—черезъ годъ, а не сразу послѣ учиненнаго имъ кроваваго самоуправства. Великое княженіе передано его брату, но гнѣвное недоувѣріе Золотой Орды сказалося въ попыткѣ на Русь царевича Щелкана Дюденевича ¹⁾, двоюроднаго брата хану Узбеку. Отправка на Русь такого лица съ большой вооруженной силой едва-ли можетъ быть сведена къ тому, чтобы «получить ордынскій выходъ, а можетъ быть, затѣмъ, чтобы позвать Александра въ Орду по камишъ либо дѣламъ» ²⁾; вѣрнѣе допустить, что Щелкановъ праходъ имѣлъ цѣлью терроризировать русскій улусъ и возстановить на мѣстѣ грозу ханской власти. Въ лѣтописныхъ сводахъ отразились народные толки, знакомые намъ и по народной пѣснѣ, о фантастическихъ замыслахъ татаръ—разворить христіанство, избить князей, утвердить непосредственное владычество татаръ надъ Русью. Но сообщеніе, что Щелканъ, прибывъ въ Тверь, «прогна князя великаго со двора его, а самъ ста на князя великаго дворѣ со многомъ гордостію и воадвже гоненіе велико надъ христіаны насильствомъ и грабленіемъ, и биченіемъ, и поруганіемъ»—даетъ, вѣроятно, черту дѣйствительности, поводъ для народныхъ толковъ и народнаго возненія. Тверичи не стерпѣли татарскаго насилья, поднялись на нихъ боемъ, убили Щелкана и многихъ татаръ; остатки Щелкановой дружины бѣжали въ Москву, оттуда—въ Орду ³⁾. Не знаемъ, отразились ли тверскія событія камиш-

¹⁾ Чоль-ханъ (Щелканъ, Шолканъ, Шевкалъ), смѣль Тудана (Дюдена), внукъ хана Менгу-Темира; о немъ см. у Н. Я. Веселовскаго, «Замѣтки по исторіи Золотой Орды»,—въ «Извѣстіяхъ Отд. Русск. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ», т. XXI, кн. 1.

²⁾ Бораковскій, Ист. Тверскаго княжества, стр. 120.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XV, ст. 415—416. Едва-ли заслуживаетъ довѣрія московская редакція этой исторіи, по которой в. к. Александръ не только руководилъ избіеніемъ

нибудь дангениями против татаръ въ другихъ областяхъ; но скорѣе послѣ нихъ былъ убитъ въ Ордѣ рязанскій князь Иванъ Ярославичъ ¹⁾.

Московскій князь Иванъ Даниловичъ посѣщилъ въ Орду ²⁾. Ему удалось отворотить ханскій гнѣвъ отъ Русской земли, гдѣ, видимо, ждали общаго погрома, и локализовать бѣду на Тверской землѣ ³⁾. Иванъ Даниловичъ и суждальскій князь Александръ Васильевичъ получили ханскій приказъ идти съ татарскими воеводами (Федорчуковой и Турамыковой ратью) на Тверь; эта карательная экспедиція разорала тверскую землю, а князь Александръ съ братомъ Константиномъ бѣжали во Псковъ. Новгородцы ублажали татарскія пословъ «множествомъ даровъ» и вылатили татарамъ 2000 р. серебра; Иванъ Даниловичъ примирилъ съ ордынской властью своего зятя Константина Михайловича ⁴⁾,—и тѣмъ закончилась налетѣвшая буря.

Однако, недовѣріе хана къ русскимъ князьямъ сказалось въ нежеланіи восстановить великое княженіе Владимірское и Великаго Новгорода во всеяго объѣмѣ. «И по Турамыковѣ рати, читаемъ въ одномъ изъ приложений къ Новгородской I-й лѣтописи, помодша князю въ Орду, и Оубыкъ подѣяны княженіе нѣтъ: князю Ивану Даниловичю Новгородъ и Кострому, половина княженія; а суждальскому князю Александру Васильевичю дагъ

татаръ, но началъ прямая военныя дѣянія — т. V, стр. 217; т. VII, стр. 200; т. X, стр. 194.

¹⁾ Новг. I, стр. 323; П. С. Р. Л., т. IV³, стр. 261; V, стр. 218; VII, стр. 201.

²⁾ Никитовская (т. X, стр. 199) добавляетъ замѣтку о ярости и скорби хана Узбека, который «рыкаше аки левъ на тверскихъ князей, хотя вслѣдъ потребити и прочее всю землю русскую пльвати», и о томъ, что ханъ «посла на Русь по князю Ивану Даниловичю Московскаго»: но это скорѣе черта ея редакціонной манеры, чѣмъ «извѣстіе».

³⁾ «Великій же Спасъ, милостивый челоуколюбивый богъ своею милостію заступилъ благовѣрнаго великаго князя Іоанна Даниловича, его градъ Москву и все его отчину отъ иноплемениыхъ поганиыхъ Татаръ» (т. XV, ст. 417). Положение было сходно съ тѣмъ, какое пережила Русь въ годъ Неврюевой рати, когда Александръ Невскій похалъ въ Орду и вернулся Владимірскимъ великимъ княземъ. Этими впечатлѣніями поясняется похвала Ивану Даниловичу за «тишину велику на 40 лѣтъ», когда «престаша погании воевати Рускую землю и закалати христіанъ, и отдохнуша и упочинуша христіане отъ великіа истомы и многіа тугости и отъ насилиа татарскаго, и бысть оттогъ тишина велика по всей землѣ» (т. XV, ст. 417).

⁴⁾ Кн. Константинъ Михайловичъ, бѣжавшій было во Псковъ съ братомъ Александромъ, «по рати» татарской вернулся съ братомъ Василиемъ, матерью и боярами, «укрѣпилъ» перепуганное и разбѣжавшееся населеніе тверской земли («кто забылъ отъ безбожныхъ татаръ»), затѣмъ явился въ Орду вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Даниловичемъ, вернулся оттуда на тверское княженіе, «и нача княжити тогда тихо и мирно» (т. XV, ст. 417). Кн. Константинъ Михайловичъ былъ женовъ на племянницѣ Ивана Даниловича, Софѣѣ Юрьевнѣ (съ 1320 г.—П. С. Р. Л., т. XV, ст. 413—414).

Володимерь и Поволжье»¹⁾. Наши летописные своды умалчивают о подобном раздѣлѣ великаго княженія²⁾, отбѣчая лишь то, что кн. Иванъ Давыловичъ «сѣде на великомъ княженіи»³⁾. Но и принявъ известіе приведеннаго текста, можемъ не сомнѣваться, что Иванъ Давыловичъ получалъ въ 1328 г. ярлыкъ на великое княженіе и старѣйшинство во всѣхъ князьяхъ русской земли⁴⁾. Та же летописная статья повѣствуетъ даже, что князь Александръ княжилъ «по третья году», а «по смерти сего Александра поиде въ Орду князь великій Иванъ Давыловичъ и царь его помаговалъ и далъ ему княженіе великое на всю Русскую землю, якоже и праотець его великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ; а правилъ ему княженіе Албуга; и оттолъ пошли Русскимъ княземъ». Только по смерти кн. Александра Васильевича въ 1332 г., по представленію этого источника, возстановлено единство великаго княженія надъ «всею Русскою землею», что заставило книжника-летописца вспомнить о великомъ княженіи Всеволода Юрьевича Большаго Гнѣзда и отбѣтитъ значительность момента словами: «и оттолъ пошли русскіе князи». Самая отчетливость его представленія говорить въ пользу его осведомленности и достовѣрности его сообщеній. Къ тому-же онъ даетъ цѣнное сообщеніе объ Александрѣ суждальскомъ, которое проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на образованіе великаго княжества Нижегородскаго. Князь Александръ получалъ городъ Владимерь (съ его областью) и Поволжье. Онъ стремится закрѣпить за собою эти владѣнія; по рассказу нашего источника, кн. Александръ перевезъ въ Владиміра «вѣчный» колоколъ⁵⁾. Но по смерти Александра Васильевича г. Владиміру

¹⁾ Новг. I, стр. 487 (Приложеніе IV, статья: «А се князи русьстѣи»).

²⁾ Сходный раздѣлъ произошелъ уже однажды, когда кн. Андрей Ярославичъ Киевъ и Новгородъ—см. выше, стр. 65.

³⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 218; т. VII, стр. 201.—Новг. I (стр. 323) умалчиваетъ о княженіи Ивана Давыловича, но ввмечуетъ его подъ 1328 г. «великій князь» (ярлыкъ—, князь»), упоминаетъ подъ 1327 г. о присылкѣ имъ наместниковъ въ Великій Новгородъ, а подъ 1329 о прибытіи въ Новгородъ «на столъ князя великаго Ивана Давыловича» въ сопровожденіи тверскихъ князей Ковстава и Василія, Александра Суждальскаго и другихъ князей (тамъ-же, съ точной датой: 26 марта на сборъ архангела Гавріила—день «посаженія»?); Никоновская (т. X, стр. 198) говоритъ, конечно, о «великомъ княженіи Володимерскомъ», которое ханъ Узбекъ далъ Ивану Давыловичу «въ Москвѣ», но сохраняетъ, быть можетъ, реальную черту въ указаніи, что кн. Иванъ «сѣде на великомъ княженіи на Москвѣ».

⁴⁾ Другое приложеніе въ Новг. I лѣт. (III, статья: «Кто колико лѣтъ княжилъ») даетъ списокъ только Владиміроскихъ князей и ставитъ въ ихъ ряду: «Александръ Суждальскій 3 лѣта», во время княженія Ивана Давыловича считаетъ въ 14 лѣтъ, стало быть съ 6836 г. (Александръ умеръ въ 6840 г.).

⁵⁾ «Сія князь Александръ изъ Володиміра вѣчный колоколъ святѣй Богородици возялъ въ Суждаль, и колоколъ не почалъ звонити, якоже былъ въ Володимерь; и помысли въ себѣ князь Александръ, яко съгуби святѣй Богородици и повелъ его паки везти въ Володимерь; и привезъше колоколъ поставиша и въ свое мѣсто,

возвращено его стольное значение; судьбы Повозжья по смерти этого князя не ясны, но при его братѣ Константиѣ оно слагается въ крупное владѣніе—Нижегородское великое княженіе. Во всякомъ случаѣ этотъ своеобразный раздѣлъ великаго княженія не повліялъ на великокняжеское положеніе Ивана Даниловича. Передъ Ордой и передъ Русью—онъ во главѣ политическаго быта Великороссіи. Великимъ княземъ всея Руси выступаетъ онъ въ Псковскихъ дѣлахъ и въ отношеніи къ Великому Новгороду, а стремленіе по давнино осуществить великое княженіе «якоже и праотець его великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ» оставило по себѣ память, что въ ту пору «наста наслоуванье много, сирѣчь княженіе великое досталось князю великому Ивану Даниловичу»¹⁾.

II.

Ростъ политической самостоятельности и обособленности Пскова отъ великаго княжества Владимірскаго и Новгородскаго въ предыдущія десятилѣтія сдѣлалъ его убѣжищемъ князей, уходившихъ отъ личной опасности въ годныя неудачи на арестъ борьбы за великое княженіе.

Сюда сбѣжалъ Михайловичъ, а искончикъ его принялъ; итъ сбѣжали съ тверскими князьями литовско-русскія связи и стремленіе отбѣгнуться отъ московской и новгородской силы. Личное дѣло князя Александра

и пачи бысть глашь богоугоденъ" (Новг. I, стр. 437). Карамзинъ приводитъ все это известіе статьи „А се князи русьскія" въ другой и нѣсколько искаженной редакціи (т. IV, прим. 302), гдѣ Албуга, который „правилъ княженіе" Ивану Калитѣ по смерти Александра, превратился въ царя Албугу, будто давшаго Калитѣ великое княженіе. „Правилъ княженіе"—относится къ ханскому послу, который вводилъ новаго великаго князя въ обладаніе великимъ княженіемъ по ханскому ярлыку. Это искаженіе текста и легендарныя черты разсказа о владимірскомъ колоколѣ лишили нашъ источникъ всякаго значенія для С. М. Соловьева: „это извѣстіе—отозвался онъ— съ царемъ Албугою и съ поэтическимъ разсказомъ о колоколѣ—не заслуживаетъ большаго вниманія" („Ист. Русс.", кн. I, ст. 961, прим. 1). Можно усумниться въ возвращеніи колокола при жизни Александра или предположить иные мотивы для такого возвращенія или, наконецъ, заподозрѣть владимірскаго звонаря въ умѣи послѣдствовать чуду, но все это еще не обосновываетъ отвода, предъявленнаго источнику, который расходится лишь съ умочаніями (и притомъ вполне понятными) другихъ сведовъ, а поддержанъ умолчаніемъ Новгородской і летописи о вокняженіи Ивана Калиты, свидѣтельствомъ статьи „Кто колико лѣтъ княжилъ" и дальнѣйшими судьбами Повозжья. Рукопись, которую цитируетъ Карамзинъ: „Синодальн. бібліот. лѣтописъ XV вѣка въ листъ подъ № 349" или: „Синодальныя лѣтописецъ времѣнъ Василия Темнаго" (т. II, прим. 236), та самая, изъ которой онъ привелъ и любопытное известіе, что Андрей Боголюбскаго на самовольный уходъ изъ Кіева въ Суздальскую землю „подыша Кучковичи" (т. IV, прим. 368)—повидимому, не вернулась въ Московскую Синодальную бібліотеку и находится невѣдомо гдѣ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 128 (Житіе св. Сергія Радонежскаго).

стало псковскимъ дѣломъ; его прїѣздъ во Псковъ—значительнымъ моментъ самостоятельной исторіи Пскова.

Ханъ Узбекъ примирился съ русскими князьями, повергъ въ «князя Александра искати». В. к. Иванъ Даниловичъ прибылъ въ Новгородъ съ Александромъ суждальскимъ и съ братьями Александра Михайловича и «многими князьими русскими», и отсюда его послы и послы новгородскіе убѣждали бѣглеца идти въ Орду, «а не погубить христіанъ отъ поганыхъ». Митр. Феогностъ, прибывшій въ Новгородъ, наложилъ отлученіе на Псковъ и на кн. Александра Михайловича и тѣмъ вынудилъ его уѣхать въ Литву ¹⁾. Вынужденный отъѣздъ этотъ былъ только способомъ отвести нависшую бѣду. Княгню и дворъ свой кн. Александръ оставилъ во Псковѣ и вернулся къ нимъ черезъ полтора года. «И прїаха его псковичи съ честию и посадиша его во Псковѣ на княженіа». Около десяти лѣтъ, по счету псковской лѣтописи, княжилъ Александръ во Псковѣ, внѣ связи съ Владимірскимъ великимъ княженіемъ, но въ тѣсномъ отношеніи къ великому княжеству Литовскому ²⁾. Съ его времени возникло свое псковское законодательство, старѣйшій памятникъ котораго, легшій въ основу «Псковской Судной Грамоты»—«великаго князя Александра грамота» ³⁾. Тогда же была сдѣлана попытка вывести Псковъ изъ церковной зависимости отъ Великаго Новгорода учрежденіемъ особой псковской епископіи: къ митр. Феогносту на Волынѣ явилось посольство изъ Пскова отъ князя Александра Михайловича и отъ великаго князя литовскаго Гедимина и всѣхъ литовскихъ князей съ требованіемъ поставить на владычество во Псковѣ

¹⁾ Отъѣздъ кн. Александра примирилъ псковичей съ Калитой и избавилъ ихъ отъ митрополитскаго запрещенія: «и кончаша миръ вѣчный со псковичи по старинѣ, по отчинѣ и по дѣднѣ; и благослови митрополитъ Феогностъ и владыка Моисей Сологу посадника и весь Псковъ» (Псков. I к., П. С. Р. Л., т. IV, стр. 186).

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 185—186; т. V, стр. 12; псковичи «посадили себѣ князя Александра на княженіа изъ Литовскіе руки» (П. С. Р. Л., т. V, стр. 219; т. VII, стр. 203).

³⁾ Смысла на эту «Александрову» грамоту «Псковской Судной Грамоты» относятся одни ученые къ Александру Невскому (Калачовъ, Вагальманъ, Сергѣевичъ, Владимірскій-Вудаловъ), другими (Муромецъ, Никитскій, Дьяконовъ)—къ Александру Михайловичу. Въ пользу перваго мнѣнія приводится лишь указаніе на титулъ «великій князь», особенно при упоминаніи о Псковской грамотѣ въ грамотѣ митрополитовъ Кипріяна и Іоны («Русс. Ист. Вѣст.», т. VI, №№ 28 и 30), но сила этого указанія мѣтло упреждена замѣчаніями А. Н. Никитскаго («Очеркъ внутренней исторіи Пскова», стр. 105—109) и М. А. Дьяконова («Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси», т. I, стр. 55—56). Соображенія Никитскаго и Дьяконова рѣшаютъ вопросъ въ пользу кн. Александра Михайловича съ достаточной опредѣленностью, и живучесть самаго вопроса въ научной литературѣ (ср. А. Н. Физилова, Учебникъ исторіи русскаго права, Отдѣлъ I, гл. VI) можно признать исторіографическимъ недоразумѣніемъ.

нх кандидата—Арсенія, но митрополитъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ¹⁾.

Образованіе великаго княжества Литовскаго, завершаемое в. к. Гедиминомъ, оказываетъ значительное давленіе на Псковъ, Новгородъ и Тверское княжество, не говоря уже о Смоленскѣ и Чернигово-сѣверскихъ княжествахъ. Одновременно съ дѣломъ о псковской епископіи разбиралось другое, столь же характерное: в. к. Гедиминъ захватилъ «на миру» новгородскихъ бояръ и ихъ нареченнаго владыку Василія по дорогѣ къ митрополиту Феогносту на Вошьль, а отпустилъ ихъ, вынудивъ договоръ объ отдачѣ сыну его Наримонту «въ вотчину и дѣдину и его дѣтемъ» новгородскихъ пригородовъ—Лядоги, Орѣхона городка и городка Карельскаго со всей Карельской землей, да полонныи Копорья. Запись объ этомъ договорѣ, сохранныя въ нашихъ летописныхъ сводахъ, подчеркиваетъ, что это «слово право» новгородцы дали Наримонту, лишь будучи «въ таковой тяготѣ»²⁾. Однако, дальѣйшія свѣдѣнія объ отношеніи Великаго Новгорода къ Наримонту позволяютъ говорить о зарожденіи въ Новгородѣ «литовской» партіи, тянувшей къ западно-русскому, литовскому политическому центру, который сузилъ освобожденіе отъ татарской власти и постылага «выхода»³⁾.

Великокняжеское положеніе Ивана Даниловича сильно осложнилось этими литовскими отношеніями: тяготеніе западныхъ областей Великороссіи къ новой политической силѣ великаго княжества Литовскаго шло въ значительной степени рожью великаго князя, какъ представлялся ордынской власти и ея требованій.

А такая роль была для в. к. Ивана Даниловича неэкзотичной политической необходимостью. Съ трудомъ отвелъ онъ отъ Руси грозу золотоордынскаго гайда и на покорности власти хана построилъ свое значеніе главы великорусскаго политическаго міра. Нараставшій напоръ литовской силы лишь укрупнялъ связи Великороссіи съ ханской властью, заинтересованной въ сохраненіи своего «русскаго улуса».

¹⁾ Псковское и литовское посольство застало у митрополита новгородскаго кандидата на архіепископію, котораго Феогностъ выманилъ на Вошьль «статится на владчество», и вопросъ былъ разрѣшенъ канонически правильно въ пользу сохраненія единства епаріи. Новостоявшему владыкѣ Василію пришлось, «бояся Литвы», ѣхать окольными путями и убѣгать отъ погоня (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 203). Повидимому, на князѣ Александрѣ еще тяготѣло митрополитичье запрещеніе: только въ 1336 г. онъ принялъ «отъ Феогноста митрополита и отъ всѣхъ святителей русскихъ благословеніе и молитвы». (И. С. Р. Л., т. X, стр. 207).

²⁾ П. С. Р. Л., т. V стр. 219; т. VII, стр. 202—203.

³⁾ Въ нашихъ источникахъ нѣтъ, кстати сказать, данныхъ для установленія причастности Пскова къ упадкѣ этого выхода; кн. Довмонъ въ Орду не ѣздилъ и, очевидно, не признавалъ надъ собою власти хана, какъ и Александръ Михайловичъ пока княжилъ во Псковѣ.

Тяжкое давленіе ордынской зависимости на всю политику в. к. Ивана сказывается особенно ярко на его новгородских отношеніяхъ. Въ 1328 г. прислалъ онъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, въ мартѣ 1329 г. сѣлъ на столъ Новгородскаго княженія; съ 1332-го, когда вся сила великокняжеской власти сосредоточилась въ его рукахъ, а, съ другой стороны, легла на него крупная обязательность передъ Ордой, растетъ его требовательность по отношенію къ Великому Новгороду и усиливается его наступленіе на новгородскія вольности. Вернувшись изъ Орды въ 1332 г. великимъ княземъ всея Руси, Иванъ Даниловичъ «возверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра Закамскаго»; отказъ новгородцевъ возобновилъ стародавнюю ихъ борьбу съ «низовскими» князьями за «дани новгородскія». Великій князь собралъ ратную силу всей «низовской» земли съ ея князьями и съ рязанской помощью, засѣлъ въ Торжкѣ, захватилъ и Бѣжецкій Верхъ, «теряя волость новгородскую», и отвергъ попытку новгородцевъ заключить миръ¹⁾. Это «розмирье» усилило стремленіе новгородцевъ найти опору въ Литвѣ. Новгородцы выполнили договоръ съ Гедиминомъ и приняли его сына Наримонта Глѣба на новгородскіе пригороды, обязавъ его крестоцѣлованіемъ стоять съ ними «за одинъ человекъ»²⁾; ищутъ новгородцы и сблизенія съ Псковомъ и съ княземъ Александромъ Михайловичемъ³⁾. Однако, всѣ эти комбинаціи оказались весьма непрочными. Надо полагать,

¹⁾ Въ нашихъ сводахъ (Новг. I, стр. 328; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 203) какъ бы два захвата Торжка; подъ 6840 г.: «великій князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамскаго, и въ томъ жеи Торжекъ и Бѣжецкскій верхъ черезъ крестное цѣлованіе», и подъ 6841 г.: «приде князь Иванъ въ Торжекъ съ всеми князи низовскими и съ рязанскими, и приска въ Новгородъ и сведе намѣстника» (Новг. I). Но въ первой записи—о столкновеніи изъ за «серебра» князь указаны его послѣдствія и, быть можетъ, послышка передового отряда.

²⁾ «Вложи Богъ въ сердце князю литовскому Наримонту, нареченному въ крещеніи Глѣбу, сыну великаго князя литовскаго Гедимина, и присла въ Новгородъ, хотя покловитися святой Софьи; и послаша Новгородци по него Григорія и Олександра и позваша его къ собѣ» (Новг. I, стр. 331). Новг. IV (т. IV³, стр. 265) и Воскр. (т. VII, стр. 203) указываютъ на прежній договоръ: «князь Наримонтъ Гедимоновичъ.... приѣха на пригороды, что ему рече въ Литвѣ»; та же ссылка позвѣ въ Никоновской, т. X, стр. 206): «пригороды, что ему рече въ Литвѣ идуще къ Феогнасту митрополиту въ Волимянскую землю и слово право дали». Крестоцѣлованіе о «единствѣ» въ Новг. I (стр. 331): «и цѣлова крестъ въ Великому Новуграду за одинъ человекъ»; варяжить «цѣловаша» указываетъ, повидимому, на взаимное крестоцѣлованіе, какъ только и могло быть. Прибылъ кн. Наримонтъ въ октябрь 1333 г.

³⁾ Послѣ неудачнаго посольства къ в. к. Ивану Даниловичу, который «челобиты не прія и миру не да» (т. VII, стр. 204), хотя новгородцы предлагали ему «шля согъ рублевъ» за миръ «по старинѣ» («свободѣ бы оя отступилъ по крестному цѣлованію»), новгородскій владѣка Васкскій поѣхалъ въ Псковъ, гдѣ псковичи приняли его съ честью, и владѣка крестилъ у кн. Александра сына Михаила. А до того владѣка 7 лѣтъ не бывалъ во Псковѣ (Новг. I, стр. 330).

что недовольство дорогой оплатой сомнительной помощи князя Наримонта ¹⁾ и опасение передь великокняжеской силой и ея ордынской опорой ²⁾ заставили новгородцев слова искать и добиться примирения съ Иваномъ Даниловичемъ. Въ февралѣ 1335 г. великій князь прѣіхалъ въ Новгородъ ³⁾. Возвращеніе Новгорода подъ его власть означало разрывъ съ Псковомъ и съ Литвою. Иванъ Даниловичъ рѣшилъ было предпринять походы на Псковъ «съ новгородцами и со всей нязовскою землей»; однако новгородцамъ удалось отклонить его отъ этого похода, хотя они признали, что мира съ псковичами у нихъ нѣтъ ⁴⁾. При возвращеніи в. к. Ивана изъ Новгорода черезъ Торжежъ, Новоторжская волость подверглась набѣгу Литвы, но ему удалось отплатить за нападеніе—разрушеніемъ литовскихъ городковъ ⁵⁾.

Очевидно, положеніе, создавшееся въ 1335 г. на западной окраинѣ Великороссіи, было лишь компромиссомъ, на разрѣшеніе котораго въ божеѣ определенномъ смыслѣ не хватило силъ ни у в. к. Ивана, ни у новгородцевъ. Великаго князя связывали литовскія и ордынскія отношенія, новго-

¹⁾ Наримонтъ получилъ „въ отчину и дѣдну—и его дѣтямъ“ Ладогу, Орховъ, Карельскій городокъ съ Карельскою землей и половину Копорья; часть этихъ городковъ получилъ въ 1383—1384 г. кн. Патрикій Наримонтовичъ, но изъ за него были въ Новгородѣ большія смуты и усобицы (Новг. I, стр. 371; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 190—191). Такія же смуты вызваны въ Новгородѣ и событіями 1334—1335 года, Новг. I, стр. 332. Не выходя достаточной обороны отъ великихъ князей, новгородцы несли въ литовскихъ князьяхъ организаторовъ защиты своихъ границъ. Послѣ отъѣзда Наримонта въ Литву явдимъ въ 1337 г. возстаніе карель съ помощью кѣмпцевъ (шведовъ); въ 1338 г. шведы съ карелюю воюютъ новгородскія волости сжигаютъ Ладожскій посадъ, нападаютъ на Водскую землю. Тщетно звали новгородцы изъ Литвы кн. Наримонта; онъ и самъ убѣжалъ и сына „вызвалъ“, оставивъ только намѣстника (Новг. I, стр. 333—334). Характерна осторожность в. к. Ивана, который отказывается, по настоянію новгородцевъ, отъ похода на Псковъ, лишь отвѣчаетъ на литовскій набѣгъ, мирится съ пребываніемъ Наримонтова намѣстника на новгородскихъ пригородахъ; у него нѣтъ достаточной силы, чтобы подкинуть въ свои руки западныхъ дѣла. Вѣроятно, съ этимъ же общимъ положеніемъ связана его попытка сдѣлать въ с. к. Литовскимъ путемъ брака Симеона Ивановича съ Гедемановною Айтустою-Анастасіей, о которомъ кѣмпсовъ сообщаютъ подъ тѣмъ же годомъ, подъ которымъ читаемъ о прибытіи Наримонта на новгородскіе пригороды (6841)—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 204.

²⁾ Посольство отъ Великаго Новгорода послано—когда великій князь вернулся изъ новой поѣздки въ Орду (Новг. I, стр. 331).

³⁾ Четвергъ, февраля 16-го (на память св. Памфіла)—указываетъ на 1335 г. но недѣля была не масопустная, а о Влудномъ снѣгѣ; вѣдѣствіе пошло подъ 6842 голь—1334, однако къ этому году не подходитъ ни день, ни недѣля (см. Археологическій календарь Горбачевскаго).

⁴⁾ „Выстъ ему рѣчь по любви съ новгородци, и отложивша ѣздъ, а Псковичемъ миру не даша“—Новг. I, стр. 332; послѣднія слова можно понять и какъ разрывъ прежняго договора съ псковичами.

⁵⁾ „И пославъ князъ великій поже городки литовскими Осѣченъ и Расву и нмгъ-городковъ много“ (Новг. I, стр. 332).

родцев—колебания между двумя великими княжениями, осложнившим внутреннюю партийную рознь Великого Новгорода ¹⁾. Не знаем договоров в. к. Ивана с Новгородом, но летописные указания утверждают, что новгородцы настояли на «рядѣ» выработанного типа, и великий князь «цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошнѣи новгородской и по Ярославльскѣ грамотѣ» ²⁾. Но на ближайшей поѣздке в. к. Ивана въ Орду (1336 г. ³⁾) послѣдовало новое покушение его на новгородскія доходныя волости—неудачная посылка рати на Двину, за Волокъ ⁴⁾. Иванъ Даниловичъ «не поминялъ крестнаго цѣлованія» и упорно добивался расширения своихъ великокняжескихъ правъ въ Великомъ Новгородѣ ⁵⁾, побуждаемый къ тому, въ значительной степени, необходимостью удовлетворять тяжкія требованія ордынской власти; показательно, что его столкновения съ Новгородомъ возникаютъ каждый разъ по возвращеніи его изъ Орды. То же видимъ и позднѣе, въ 1339 г., когда ордынская требовательность получила новую пищу въ княжескихъ спорахъ и антагонизмахъ: в. к. Иванъ, получивъ съ Новгорода обычный «выходъ», потребовалъ «другого выхода», т. е. «запроса царева, чего у него царь запрошашъ», и на отказъ новгородцевъ, которые сослались на «старую пошлву» и договорное крестцѣлованье, отвѣтилъ—отозваніемъ наѣстниковъ изъ Новгорода и разрывомъ мара.

Новгородскія отношенія Ивана Калиты — наглядный примѣръ того «многого наслованія», которое такъ раздражало противниковъ его великокняжеской дѣятельности. Великій Новгородъ по прежнему необходимая

¹⁾ Князю Наримонту «прирекли» дать пригороды «въ отчину и въ двину» бояре, сопровождавшіе владыку Василія; въ раздорахъ 1390-хъ годовъ немъ за Патрикия Наримоновича за него стоялъ боярскій Славенскій конецъ, противъ него демократическія лѣвоберекные копцы, при нерѣшительной поддержкѣ Плотницкаго конца (И. С. Р. Л., т. IV, стр. 90—91). Въ смутѣ 1335 года та же группировка: «оташа съ сторона и она сторона, dospѣваше въ оружьи противу себе, оба полъ Волхова»—Новг. I, стр. 332.

²⁾ Новг. I, стр. 330 и 336.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 204.

⁴⁾ Новг. I, стр. 333. Иаѣстие отрывочно, поводъ не указанъ, но естественно предположить—все тотъ же споръ о денежкахъ требованіяхъ великаго князя.

⁵⁾ Когда в. к. Василій Темный требовалъ отъ Великаго Новгорода: «а печати быти князей великихъ» и «вѣчнымъ грамотамъ не быти» (договоръ 1456 г., А. А. Э., т. I, № 58), онъ могъ опираться на «старшну», дѣйствовавшую при Иванѣ Калитѣ: до вѣст дошла грамота, данная какому то Михайлу на промыслы въ Печерской сторонѣ и на «Кегролскій Волокъ»—«отъ великаго князя отъ Ивана, отъ послѣдника Давида, отъ тмояцкаго Аврама и отъ всего Новгорода» (А. А. Э., т. I, № 2); тысящій Аврамъ упоминается подъ 1328—1348 годами, по посадникъ Давидъ не поддается опредѣленію. Грамота средохтирована отъ имени в. к. Ивана: «приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу... а погостъ Кегролскій Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошнѣи, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣишемъ».

опора и главная забота великокняжеской власти. Владѣніе столицѣ Новгородскаго княженія неотдѣлимо отъ великаго княженія—по стародавней традиціи о томъ, что это великое княженіе Владимірское и Великаго Новгорода. Образование и растущая сила великаго княжества Литовскаго создали новую и грозную опасность для этого владѣнія. Псковъ на время вымѣлъ изъ политической связи съ Великороссіей; въ Новгородѣ, какъ и въ Твери усилялось западное, литовское вліяніе. Смоленскъ былъ почти потерянъ для восточно-русскаго политическаго міра. Ханъ Узбекъ—едва ли по собственному почину—послалъ рать свою съ воеводою Толгубіемъ и рязанскимъ княземъ Иваномъ Коротополомъ подѣ Смоленскъ въ 1340 г., и я. к. Иванъ Даниловичъ отправилъ въ этотъ походъ, по цареву повелѣнію, свою рать съ воеводами и князьями великаго Владимірскаго княженія; но все это предпріятіе не дало никакихъ результатовъ ¹⁾.

Борьба за единство великаго княженія при недостаткѣ силъ для его сохраненія—характерная черта великорусской политической жизни первой половины XIV вѣка. Эта борьба требовала усиленія великокняжеской власти, чтобы сосредоточить въ рукахъ великаго князя распоряженіе силами и средствами «взвовой» земли. В. я. Иванъ Даниловичъ и въ новгородскихъ дѣлахъ и въ походахъ выступаетъ, окруженный «свѣими князьими»: суждальскими, ростовскими, ярославскими и тверскими, но выработать подлинный укладъ изъ взаимоотношеній почти невозможно, по скудности и отрывочности лѣтописныхъ извѣстій.

Обычны и недостаточны были уже тѣ данныя по исторіи ростовскихъ князей, какими располагали составители лѣтописныхъ сводовъ XVI-го вѣка ²⁾.

¹⁾ Съ Толгубіемъ „посла рать свою и князь Иванъ великій Даниловичъ, по цареву повелѣнію, князя Константина Васильевича суждальскаго, князя Константина Борисовича ростовскаго, князя Ивана Ярославича ярвскаго, князя Ивана друцкого, князя Феодора ромньскаго, а съ ними великаго князя воеводу Александръ Ивановичъ и Феодоръ Акиевичъ, и стояша у города немного дѣлъ и подоша прочь, граду не успѣше ничтоже“. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 206). Лѣтописца редакція, какую этому извѣстію придалъ составитель Никоновской лѣтописи, согласно своимъ предположеніямъ о междукняжескихъ отношеніяхъ „удѣльнаго періода“: „после князь Иванъ Коротополъ съ Тавгубіемъ и съ прочими татари, а князь велика Иванъ Даниловичъ послалъ же рать свою съ ними къ Смоленску по цареву повелѣнію, а воеводу его Александро Ивановичъ, Феодоръ Окниновичъ; также и нѣмъ князи идоша по цареву повелѣнію къ Смоленску съ татари ратью: князь Константинъ Васильевичъ суждальскій, князь Константинъ Борисовичъ ростовскій, князь Иванъ Ярославичъ ярвскій, князь Иванъ друцкскій, Феодоръ ромньскій, и баюкая, и мордовскія князи съ мордавичи“ (т. X, стр. 211).

²⁾ Такъ они поминуютъ среди участниковъ похода подѣ Смоленскъ въ 1340 г. Константина Борисовича ростовскаго (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 206; т. X, стр. 211), хотя о смерти его въ 1307 г. сообщено въ Воскресенской (т. VII, стр. 185; такъ и т. IV³, стр. 253; т. V, стр. 204; Лѣт. по академич. списку, въ изд. Лаврент. лѣт., стр. 501), а Никоновская сообщаетъ объ этой смерти дважды: подѣ 1304 г. (т. X,

Это понятно. «Общерусские» митрополичьи летописные своды—главный источник летописных трудов, какими мы пользуемся—почти не упоминали о мелких князьях, отбывая лишь случайно и мимоходом участие того или иного из них в походе или ордынской поѣздкѣ, или какое-нибудь событие в княжеской семьѣ—женильбу, кончину. А ростовские князья сильно вывелись во времена Ивана Калиты. Та важнѣйшая роль, какую семья ростовских князей играла при Александрѣ Невскомъ, дѣло прошлое. Изъ ростовская отчина дробится все больше. Обособился ея бѣлозерскій удѣлъ въ вочину потомковъ кн. Михаила Глѣбовича; при Калитѣ на Бѣлоозерѣ сидятъ кн. Романъ Михайловичъ, котораго летописи лишь разъ поминули по тому поводу, что князь «Романчюкъ» бѣлозерскій ѣздилъ въ Орду¹⁾ порываются послѣднія связи Углича съ Ростовской отчиной²⁾. Само ядро

стр. 175—свѣда это известіе позало, повидимому, вмѣстѣ съ «повѣстью объ убійствѣ Акинеевъ», которое отнесено ко времени княженія Ивана Калиты) и подъ 1309 г. т. X, стр. 177—здесь выписаны изъ какого-то источника подъ раздѣ известіе о кончинѣ кн. Александра Даниловича, смерть котораго въ Воскр.—т. VII, стр. 185—отнесена къ 1308 г., а въ другикъ—т. IV, стр. 47 и т. V, стр. 204—къ 1305 г.; о кончинѣ Константина Борисовича съ доб.: «и сяде по немъ сынъ его Василей»; о кончинѣ князя Василія Михайловича суздальскаго, лица весьма сомнительнаго и едва ли существоваващаго (см. у Экземпларскаго, т. II, стр. 397). Участникомъ похода былъ ростовскій князь Константинъ Васильевичъ, упомянутый безъ отчества въ извѣстіи объ этомъ походѣ Новгородъ IV (т. IV, стр. 270), какъ, вѣроятно, было и въ источникѣ Воскр. и Ник.—Запись о преставленіи «Константина ростовскаго» находимъ еще подъ 1328 г. въ Новгородъ IV и Соф. I (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 282 и т. V стр. 218), но Константинъ Васильевичъ въ этомъ году не умеръ, а женился на дочери Ивана Калиты, Маріи (Летописи по академическому списку—въ изд. Лаврент. хѣт., стр. 503 и 505); умеръ онъ отъ моровой язвы въ 1365 г. (т. XI, стр. 4); въ спискѣ Новгородской летописи при извѣстіи о его кончинѣ—за именемъ оставлено пустое мѣсто для отчества, но составитель такъ и не разобрался въ князьяхъ Константиновѣхъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 309 (1339 г.); т. XV, ст. 422 (Романъ бѣлозерскій).

²⁾ Кн. Константинъ Борисовичъ ростовскій въ 1297 г. посадилъ въ Угличѣ сына Александра; послѣднее извѣстіе о немъ—его женильба въ 1302 г. (Летописи по академич. списку въ изд. Лаврент. хѣт., стр. 501), годъ его смерти не отмѣченъ въ летописяхъ. Его сыномъ А. В. Экземпларскій (т. II, стр. 36 и 182) признаетъ того «Юрия Александровича ростовскаго», который умеръ въ 1320 г. (та же летописи, стр. 502, и др. своды). Поэтому Экземпларскій полагаетъ, что кн. Юрій заималъ стоить ростовскаго княженія послѣ дяди Василія (у Экземпларскаго обозначено—«послѣ двоюроднаго брата»), объясняя это тѣмъ, что «Угличъ не составлялъ уже совершенно обособленнаго княжества, какъ Ярославское и Бѣлозерское, а входилъ въ составъ ростовской волости, какъ часть ея, хотя и представлялъ изъ себя отдѣльное удѣльное княжество», и тѣмъ, что Юрій былъ сыномъ старшаго изъ Константиновичей. Къ тому же—его двоюродные братья Васильевичи Константиновича были, надо полагать, весьма юны даже въ годъ смерти кн. Юрія, такъ какъ первое летописное извѣстіе о старшемъ изъ нихъ—Федорѣ—сообщаетъ о его женильбѣ въ 1328 г. («Лѣт. по акад. списку», стр. 502). Угличъ Экземпларскій признаетъ «собственно отчиной» кн. Юрія и вымороченнымъ по его бездѣтной смерти, но оставляетъ открытымъ вопросъ о дальнейшей судьбѣ этого владѣнія: «мы ни откуда не являемъ, чтобы онъ

старых ростовских владѣній переживаетъ моментъ умаженія и распада. Родословное преданіе ростовскихъ князей связало раздѣлъ Ростова: на двѣ половины съ женой младшаго Васильевича, Константина, на княжѣ Маріи, дочери в. к. Ивана Давидовича, и съ утвержденіемъ его тестя на столѣ великаго княженія ¹⁾. Быть можетъ, этотъ раздѣлъ имѣлъ цѣлью обезпечить владѣльческое положеніе младшаго брата, великокняжескаго зятя, по отношенію къ старшему, князю Федору. Весьма вѣроятно, что произошло онъ при вмѣшательствѣ и подъ давленіемъ в. к. Ивана. Ростовъ при немъ въ полной зависимости отъ великокняжеской власти. Ученикъ и биографъ св. Сергія Радонѣжскаго, Елифаній рисуетъ положеніе Ростова такими чертами: «Егда бысть великая разъ татарская, глаголемая Федорчикова Туралыкова, егда же по семь за годъ едины, и наста наслованье много, сарѣчь княженіе великое Московское досталоса князю великому Ивану Давидовичу, купно же достася и княженіе Ростовское къ Москвѣ, увы, увы тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и вѣнчаніе, и честь, и слава и вся прочая и потягну къ Москвѣ. Егда нмѣде повежаніе великаго князя Ивана Давидовича, и посласть бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки вѣнкій воевода, еданъ отъ вельможъ, нмевемъ Василей прозвищемъ Кочева, и съ нмѣмъ Мина, и егда нмѣдоста во градъ Ростовъ, тогда возможста велику вужу на градъ да и на вся живущая въ немъ, в гоненіе много уможися». Елифаній говоритъ далѣе о томъ, какъ ростовцамъ пришлось отдавать москвичамъ «нмѣнія своя съ нужею» и терпѣть «противу того»—робои и укоривны ²⁾. Подъ княжной риторикой Елифанія—ничто большее, чѣмъ простое обличеніе воеводскихъ злоупотребленій. Рѣчь идетъ объ умаженіи княжеской власти ростовскихъ отчичей, о ховяничаньи въ Ростовѣ московскихъ бояръ, словно они—правители ростовские, о суровыхъ мѣрахъ для высканія съ ростовцевъ какихъ-то платежей. Аналогія новгородскихъ отношеній в. к. Ивана вызываетъ предположеніе, что дѣло идетъ о тѣхъ же «запросахъ царевыхъ», о крутыхъ мѣрахъ для сбора «серебра»

былъ послѣ 1820 г. за князьями ростовскими», замѣчаетъ Экземплярскій объ Угличѣ, и воздерживается отъ какихъ-либо предположеній по поводу «купли» Ивана Калиты. Все это возможно, но отсутствіе въ нашихъ источникахъ хотя бы такихъ основныхъ датъ, какъ годъ смерти Александра и Василія Константиновичей, не позволяетъ сколько-нибудь твердо установить схему судьбы Ростова и Углича.

¹⁾ Въ „Родословной книгѣ“ XVI вѣка („Временникъ“, т. X, стр. 37—38) читаемъ: „...а у великаго князя Василья дѣти князь Федоръ да князь великій Константинъ, а женился князь великій Константинъ у великаго князя Ивана Давидовича московскаго. А оттогда ростовскихъ князей родъ пошелъ на двое: большому брату Федору досталася Стрѣтвенская сторона, а другому брату великому князю Костянтину Борисоглѣбская сторона“; одинъ изъ списковъ этой родословной книги ставитъ и дату: въ лѣто 6836 (1828).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 128.

на ордынские платяжи ¹⁾). Рассказ Епифанія отразил острую обиду ростовцев, которая наша, повидному, выходит въ попыткѣ сопротивленія; Епифаній сообщаетъ о мученіи московскими боярами старѣйшаго боярина ростовскаго Аверкія и объ ужасѣ, какой они этимъ нагнали на все населеніе ростовской области ²⁾).

Придавленные московскія засильемъ, ростовскіе князья вступаютъ въ тотъ періодъ своей исторіи, когда падаетъ изъ «власть и княженіе», и сходять они на положеніе мелкихъ подручниковъ великаго князя, служебныхъ, какъ станутъ говорить позднѣе, князей вотчинниковъ. Потеря послѣднихъ чертъ сколько-нибудь самостоятельнаго, княжескаго, политическаго значенія необходимая предпосылка для распада стараго ростовскаго княжества на многія мелкія вотчины и вырожденія пладѣтельныхъ князей — въ князья-землеадѣльцевъ. Постепенно нарастаетъ это вырожденіе въ XIV и XV столѣтіяхъ, но поворотный пунктъ въ исторіи ростовскихъ князей агіографъ Епифаній правильно отмѣтилъ въ дни в. д. Ивана Даниловича. Тамъ судьба уготована князьямъ Вязоверскимъ, стародубскимъ, юрьевскимъ, галицкимъ и дмитровскимъ ³⁾; оидаеть она и князей яро-

¹⁾ Самый фактъ—непосредственнаго и крутого вышатаательства великокняжеской власти въ сборъ «серебра» съ жителей младшаго княжества можно сопоставить съ тѣмъ, что ѣсколкою позднее произошло въ Тверскомъ княжествѣ, гдѣ в. к. Константинъ Михайловичъ ирешелъ въ столкновение съ княземъ холмскимъ Всеволодомъ Александровичемъ и его матерью, княгиней Анастасіей: «и нача имати борю ихъ и слуги въ серебрѣ за волости, чрезъ людскую силу, и быти надъ ними скорбѣ велика» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 217, 1346 г.).

²⁾ «Бларха градокого, старѣйшаго боярина ростовскаго, именемъ Аверкія стронглавъ обѣснша и возложиша на ня руцѣ свои и оставиша поругана, точию жива; и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышашихъ и видящихъ сіа, не токмо въ градѣ Ростовѣ, но и въ всѣхъ предѣлахъ его и во властехъ и въ селехъ» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 129). «Блархъ градской», вѣроятно, тысящій.

³⁾ На Вязоверѣ—современникъ Калиты кн. Романъ Михайловичъ (Романчикъ), о которомъ, какъ упоминаютъ, только и знаемъ, что оиъ въ 1384 г. ѣздилъ въ Орду съ в. к. Иваномъ Даниловичемъ. Стародубскіе князья XIV в. извѣстимъ намъ только по упоминаемымъ лѣтописнымъ сводомъ объ ихъ кончинѣ: Ивана Михайловича (П. С. Р. Л., т. X, стр. 179) или Михаила Ивановича (т. VII, стр. 187) въ 1315 г. (объ этомъ развогласіе лѣтописныхъ сводовъ см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 179—180 и выше стр. 69, примѣчаніе); Федора Ивановича, убитаго въ Ордѣ въ 1330 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 203); Дмитрія Федоровича, умершаго въ 1354 г. (т. VIII, стр. 9; т. XI, стр. 237, годъ 6883 г.—, и положенъ бысть въ своей отчавѣ въ Стародубѣ); братъ его Иванъ—шостадій стародубскій князь—, съде на княженіи въ Стародубѣ зимой 1356 г. по возвращеніи изъ Орды съ ханскимъ «пожалованіемъ» (т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 228) и въ 1362/3 г. в. к. Дмитрій Ивановичъ согналъ его со Стародуба. Княженіе Юрьева Польскаго кончилось на князѣ Иванѣ Ярославичѣ, который лишь упоминаетъ подъ 1340 г. (т. VII, стр. 206). Въ Галичѣ—сыновья Давида Константиновича (ум. 1280 г.) Борисъ и Федоръ, повидному, подѣляли свою отчину, если Никоновская лѣтопись (т. X, стр. 206 и 207) была хорошо освѣдомлена, сообщая о смерти кн. Бориса дмитровскаго (подъ 1334 г.) и Федора галицкаго (подъ 1333 г.)—ср. Экземплярскаго, т. II,

сарскихъ¹⁾. Центр Великороссіи сплывается подъ великокняжеской властью, усиливается эта власть въ рукахъ московскаго князя. Происходитъ закладка крѣпкаго фундамента подъ здание Владимірскаго-Московскаго великаго княженія, будущаго «Московскаго государства», въ томъ тѣсномъ значеніи, какое этотъ терминъ имѣлъ для политической терминологіи XVI вѣка.

IV.

Для выясненія этого момента историческихъ судебъ Великороссіи имѣеть существенное значеніе вопросъ о пресловутыхъ «купляхъ» Ивана Калиты. Дмитрій Донской называетъ въ своей духовной Галичъ, Білоозеро и Угличъ— «купленыя дѣда своего». Это свидѣтельство источника, весьма авторитетнаго, вымывало у историковъ большое недоумѣніе, доходившее до попытокъ отдѣлаться отъ него простымъ отриваніемъ. Недоумѣніе обусловлено съ одной стороны тѣмъ, что Калита в его сынахъ не упомянулъ объ этихъ «купляхъ» въ духовныхъ грамотахъ, а, съ другой, тѣмъ, что сохранились извѣстія о князьяхъ на Галичѣ и Білоозерѣ во времена Дмитрія Донскаго. На разъясненія этихъ двухъ обстоятельствъ въ сосредоточились толкованія историковъ. Карамзинъ пояснилъ, что «сін удѣлы до временъ Донскаго считались великокняжескими, а не московскими: поэтому не упоминается объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ»²⁾. Соловьевъ отвергъ это толкованіе, считая невозможнымъ, чтобы Калита «прикупалъ» къ великому княженію, которое «вовсе не принадлежало въ собственность его роду», а могло перейти послѣ его смерти къ тверскому или нижегородскому князю; «дѣло, по его мнѣнію, объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ нѣкоторыя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ, однако, в. к. московскому, а при Дмитріи Донскомъ они были лишены этихъ правъ»³⁾. В. П. Сергіевъ призналъ, что «земельныя приобрѣтенія

стр. 214—218; послѣдній галицкій князь—Дмитрій, котораго Никонская лѣт. (т. X, стр. 292—подъ 1360 г. о ханскомъ пожалованіи его на Галичъ) называетъ Ворисвичемъ, а родословныя (см. Эвемплярскаго, т. II, стр. 218)—Ивановичемъ (по Эвемплярскому—сыномъ Ивана Федоровича), согнанъ съ княженія в. к. Дмитріемъ Донскимъ. Судьбы Дмитрова послѣ кн. Вориса—не ясны; возможно, что возстановилась его связь съ Галичемъ, но и сама генеалогія князей и судьбы галицко-дмитровскихъ владѣній крайне запутаны въ нашихъ источникахъ.

¹⁾ Послѣ кн. Федора Ростиславича княжилъ въ Ярославѣ сынъ его Давидъ, умершій въ 1321 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198), затѣмъ—Давидовичъ Василій, ум. въ 1345 г. (тамъ же, стр. 210), зять в. к. Ивана Давидовича (Новг. I, стр. 336: «Иванъ князь, тесть его»; П. О. Р. Л., т. X, стр. 215—подъ 1342 г.—о преставленіи княгини Овдоги князя Василія Давидовича Ярославскаго).

²⁾ «Ист. Гос. Росс.», изд. Эверзинга, т. IV, ст. 152.

³⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 346, прим. (тоже въ «Ист. Росс.», кн. I, ст. 930, прим. 5); мнѣніе Соловьева принялъ Чернинъ («Очерки изъ исторіи русскаго права», стр. 241).

«приписываемы Ивану Калитѣ, подлежатъ сомнѣнію», а его «купли» — «иждутся въ дальнѣйшихъ размѣнахъ; противъ Карамзина Сергѣевичъ принялъ возраженія Соловьева ¹⁾, но находилъ, что и послѣ разъясненій Соловьева «молчаніе завѣщаній Калиты и его дѣтей остается необъяснимымъ, и возбуждаетъ нѣкъ сомнѣнія неустраненныя» ²⁾. Эти сомнѣнія и неустранимы при сохраненіи традиціоннаго представленія, что дѣятельность Ивана Калиты направлена на «иозаческое собираніе земель», что территория московскаго государства — «плодъ полуторавѣковыхъ скопидомныхъ усилій московскихъ князей по собиранію чужихъ земель» (В. О. Ключевскій). Не землю собирали московскіе князья, а власть; не территорию своей московской вотчины расширяли, а строили великое княженіе, постепенно и упорно превращая его въ свое «государство». Если не вадѣтъ за Калитой — вочичемъ московскихъ владѣній — великаго князя вся Русь,

¹⁾ «Древности русскаго права», т. II, стр. 58—59. Для Сергѣевича, какъ повидному и для Соловьева, рѣчь идетъ о купляхъ, какъ «земельныхъ приобрѣтеніяхъ»; поэтому — затрудненіе въ томъ, почему Калита въ своихъ завѣщаніяхъ не говоритъ объ этихъ «купляхъ», хотя тамъ упоминаются купленные люди (рабы), купленные бортики и даже добытое золото не забыто; «если Калита купилъ Галичь и пр., спрашиваетъ Сергѣевичъ, то почему же ни онъ, ни дѣти его не распориваются новыми приобрѣтеніями?» и, ссылаясь на Соловьева, замѣчаетъ противъ Карамзина: «трудно допустить, чтобы Калита на свои деньги увеличивалъ великое княженіе, а не свои наследственные области». Объясненіе Соловьева Сергѣевичъ считаетъ допустимымъ, понимая даю такъ, что Калита могъ оставить свои купли за князьями продавцами, обязавъ ихъ службой себя и дѣтямъ, — подобно тому, какъ онъ далъ свои купли, село Богородское въ Ростовѣ, Борискѣ Ворковъ на условіи службы», однако заключаетъ такъ: «во все такъ то, что онъ купилъ, приобрѣтено имъ, и въ завѣщаніи, въ которомъ не забытъ даже прикупленный кусокъ золота, надо было упомянуть о Галичѣ съ Вѣлоозеромъ и Угличемъ; упомянуто же тамъ село Богородское, хотя оно и не находилось во владѣніи сиповой, а было отдано Борису Воркову». Только предпосыла, что составители княжескихъ духовныхъ знали, что «надо», а чего не надо тамъ упомянуть, и понимали различіе между «куплей» Галича, Вѣлоозера, Устига и покупки села Богородскаго — могла бы вѣскольکو ослабить ученія недоумѣнія. Нельзя, впродъ того, не показать, что недоцѣвными остались соображенія Карамзина: отъ его кратковъ ускользнула связь этихъ соображеній отъ замѣчаніемъ, что «въ семь завѣщаній не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переяславѣ и другихъ городахъ, бышихъ достояніемъ великокняжескаго сана». Казалось бы, что «молчаніе» духовныхъ Калиты и его сыновей о Переяславѣ, который считается примысломъ кн. Данила, заслуживало не меньшаго вниманія, чѣмъ вопросъ о Галичѣ, Вѣлоозерѣ, Угличѣ. М. К. Любавскій («Лекціи по древней русской исторіи», стр. 212) полагаетъ, что Переяславъ «былъ включенъ въ составъ великаго княженія Владимірскаго» — «очевидно, но распоряженію тана»; такой фактъ былъ бы весьма важнымъ показателемъ сознательнаго политическаго вышательства ханской власти въ строй русскихъ владѣльческихъ княжествъ распорядковъ, но предположеніе М. К. Любавскаго не на чѣмъ обосновать, такъ какъ нѣтъ никакихъ аналогій въ иныхъ дѣяствіяхъ ханской власти на Руси.

нельзя понять не только многих фактов его деятельности, но и многих текстов наших источников. В частности—нельзя понять при этом и вопроса о его «куплях». А между тем, их связь с великим княжением, указанная в трудѣ Карамзина, поясняет, почему в духовной Ивана Калиты нѣтъ упоминанія о Галичѣ, Устюгѣ, Бѣлоозерѣ, какъ не упомянуты ни Переяславль, ни Кострома, никакая великокняжеская волость, ни само великое княжѣнне ¹⁾. В духовной Дмитрія—существенно для вопроса о «куплях» его дѣда само построение текста грамоты; за первой ея частью, гдѣ исчерпано опредѣленіе удѣловъ четырехъ князей Дмитріенчей въ ихъ московской отчинѣ и опричинны младшаго князя Ивана, слѣдуетъ особая часть грамоты, гдѣ находимъ благословеніе старшаго, князя Василія—великаго княжѣнне («своею отчиною»), а трехъ младшихъ—купляны ихъ дядѣ—Галичезъ, Бѣлоозеромъ и Угличезъ; то же различіе московскихъ и великокняжескихъ владѣній проведено и въ слѣдующемъ пунктѣ духовной—при опредѣленіи пожизненныхъ владѣній вдовствующей княгини: изъ великаго княжѣнне ей назначены двѣ волости—одна переяславская, другая костромская; затѣмъ села изъ галичскихъ владѣній князя Юрія и бѣлоозерскихъ князя Андрея, и еще два села изъ великаго княжѣнне: одно владимірское, другое переяславское; а далѣе идетъ указаніе тѣхъ волостей, какія даются княгинѣ изъ «судьбовъ» всѣмъ четырехъ князей (кн. Иванъ со своей опричинной въ счетъ не идетъ ²⁾).

Однако, остаются невыясненными и трудно выяснимы, по недостатку данныхъ, два вопроса: о содержаніи тѣхъ судѣловъ, которыя въ духовной Дмитрія Донского названы «купляны», а также о судьбахъ Галича, Бѣлоозера и Углича до той поры, какъ они слились съ вотчинными владѣніями московскихъ князей. Для этихъ вопросовъ—исходный пунктъ въ поясненіи Соловьева, что Калита «купилъ города (рѣчь идетъ, конечно, не о городахъ, но о княжѣнне ³⁾ у князей», но оставилъ имъ нѣкоторыя владѣтельные права, которыхъ они лишены при Дмитріи Донскомъ. Уступка княжескихъ владѣній

¹⁾ Сохраненіе «владѣтельныхъ правъ» за мѣстными князьями само по себѣ не объясняетъ умолчанія о «купляхъ» въ духовной, такъ какъ возможно было упоминаніе о пожизненномъ, напримѣръ, владѣніи ихъ съ указаніемъ, къ кому должна затѣмъ перейти та или иная изъ этихъ «купель».

²⁾ Указаніе, что Галичъ, Бѣлоозеро, Угличъ дядовскія «купляны», звучать тутъ мотивомъ, посвящающимъ выдѣленіе ихъ изъ комплекса великокняжескихъ волостей и ни надѣленія ими—въ прибавку къ удѣламъ—младшихъ сыновей, какъ в указаніи, что великое княжѣнне в. к. Дмитрію «отчина», мотивируетъ его внесеніе въ духовную грамоту. Объ этомъ характерномъ колебаніи воззрѣній на право великаго князя приложить вотчинныя права къ великокняжескимъ волостямъ—см. ниже, при анализѣ духовной Донского во всемъ ея содержаніи.

³⁾ Въ духовной Дмитрія Донского: «Галичъ со всѣми волостями и съ селы и со всѣми пошлинама», Бѣлоозеро «со всѣми волостями», Угличе поле со всѣмъ «что къ нему потягло».

великому князю съ сохраненіемъ права владѣльца «вѣдать» ихъ пожизненно встрѣчается и поодиѣ въ московской практикѣ¹⁾. Но представленіе о купцяхъ Калиты по аналогіи съ такими сдѣлками нѣсколько затруднено двумя обстоятельствами: мы не знаемъ, когда и съ какими князьями могъ заключить Калита «рядъ» о купцѣ Галича, Бѣлоозера и Углича, а, съ другой стороны, нарушение этого дѣдовскаго «ряда» в. к. Дмитріемъ засвидѣтельствовано, если такъ понимать извѣстіе о «сгонѣ» нѣз владѣтельнаго князя, только относительно князя галицкаго, да притомъ рядомъ съ извѣстіемъ о такомъ же «сгонѣ» съ княземъ и князя стародубскаго, чья вотчина не упомянута въ числѣ купей Ивана Калиты; бѣлозерскіе князья упоминаются и поодиѣ—въ 80-хъ г.г. XIV в. Возможно, что дѣло сложнѣе, и самый рядъ о «купцѣ», какъ черта сугубаго подчиненія мелкихъ князей-вотчиней великокняжеской власти, явился слѣдствіемъ той новой борьбы, какую пришлось выдержать Ивану Калитѣ по возвращеніи кн. Александра Михайловича на тверское княженіе, а дальнѣйшія судьбы Галича и Бѣлоозера осложнены соперничествомъ Москвы и Нижняго-Новгорода²⁾.

¹⁾ Въ духовной Дмитрія Донскаго: —, «а что ми дала княгиня Федосья Суду на Бѣлѣ озерѣ да Коляшину и Слободку а что благословила княгиня моя Городкомъ да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княгиня Федосья до своего живота». Княгиня Федосья—жена родоначальника Кемскихъ князей, князя Давида Семеновича (Экономическій, т. II, стр. 166; Павловъ-Сильванскій, Сочиненія, т. III, стр. 5—6), и указанная ея волость, повидимому, ея «опричнина», а переходятъ въ составъ «примисловъ» великаго князя, который благословилъ «тѣми своими примислами» свою княгиню, «ей въ опричнину: а въ тѣхъ примислѣхъ воляна моя княгини, симу ли которому дастъ, по души ли дастъ». Тутъ наглядный примѣръ перехода части княжескихъ волостей въ разрядъ земельныхъ владѣній «частновладѣльческаго» характера. «Купцы» Калиты—владѣнія иного типа, и судьба ихъ иная.

²⁾ Сгонъ мѣстныхъ князей-отчиней съ Галича и Стародуба одинъ изъ результатовъ побѣды в. к. Дмитрія Донскаго надъ кн. Дмитріемъ Константиновичемъ суздальскимъ: «въ лѣто 6871* Дмитрій Донской „согна“ суздальскаго князя съ Владимірскаго великаго княженія, пошелъ на него ратью къ Суздалью и прикудилъ его къ миру, „вземъ волю свою надъ нимъ“; и тогда же в. к. Дмитрій Ивановичъ „также и надъ ростовскимъ княземъ Коныстантиномъ вая волю свою“, „согна съ Галичскаго княженія князя Дмитрея галичскаго“, „согна съ Стародубскаго княженія князя Ивана Федоровича Стародубскаго“; какъ князь Дмитрій Константиновичъ тогда „поиде изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ“, такъ и остальные „еси князе вѣхаша въ Новгородъ Нижній къ князю Дмитрею Константиновичу, скорбаше о княженіяхъ своихъ“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2). Можно согласиться съ мнѣніемъ В. И. Сергѣевича («Древности русс. права», т. I*, стр. 69, прим.), что эти сдѣлки представляютъ переходъ Галича къ Дмитрію Ивановичу «совоимъ въ помощь свѣтѣ»: онъ «силою приобрѣлъ Галичъ». Однако, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы можно было устранить свидѣтельство о «купцѣ» Калитой Галича разсужденіемъ, что «несоответствіе языка официальныхъ актовъ съ действительными способами приобретенія можетъ объясняться желаніемъ замаскировать такіа дѣянія, которыя князья и сами не могли считать вполнѣ правыми»; поводъ для мотивировки заглавительнаго распоряженія Галичемъ тѣмъ, что это дѣдовская купля, долженъ

V.

Выше было упомянуто, что в. к. Иванъ Даниловичъ замыслилъ въ началѣ 1336 года походъ на Псковъ, но отказался отъ него, уступивъ настояніямъ новгородцевъ. Эпизодъ этотъ—одинъ изъ признаковъ того затруднительнаго и напряженнаго положенія, въ какомъ находилась великокняжеская власть передъ напоромъ литовской силы и литовскаго вліянія на западныхъ области Великороссіи. Литовское вліяніе было опасно для великаго князя по связи его съ нарастающимъ раздраженіемъ мѣстныхъ княжескихъ силъ противъ московскаго «насилованья» и съ популярными въ княжеско-боярской средѣ, какъ и въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ, настроеніями, враждебными Москвѣ и ордынской власти. Возвращеніе въ Тверь кн. Александра Михайловича за ново всколыхнуто всѣ сильно затянутыя внутреннія отношенія Великороссіи.

Пока кн. Александръ княжилъ во Псковѣ, Тверскимъ княжествомъ «тѣло и мирно» правилъ братъ его Константинъ, «наставникъ отличный своей, о немъ же утвердшася люди»¹⁾. Зять в. к. Ивана, онъ держится въ послушаніи тестю, въ ряду другихъ младшихъ князей²⁾. Но вскорѣ послѣ

былъ быть на лицо, тѣмъ болѣе, что эта мотивировка отнюдь не „маскируетъ“ захвата (въ зѣтовисе ея нѣтъ), а относится къ выдѣленію изъ великокняжескихъ владѣній тѣхъ, что были „куплями“, для надѣленія ими младшихъ сыновей при благословеніи старшаго всѣмъ великимъ княженіемъ. В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что приобрѣтеніе Влазовера и Углича можно приурочить къ тому же моменту, когда в. к. Дмитрій „князь волю свою“ надъ ростовскимъ княземъ Константиномъ, такъ какъ эти города входили „въ составъ Ростовской волости“. Это еще допустимо для Углича, но Влазоверо—и при Довскомъ имѣло особыхъ князей. Присоединяя къ этому предположенію ошибочное указаніе, что Ярославъ, упоминаемый въ духовной кн. Владиміра Андреевича, „городъ Ростовской волости“ (рѣчь идетъ о Ярославѣ на р. Лужѣ, т. е. о Малоярославцѣ), В. И. Сергѣевичъ допускаетъ, что Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ „подѣляли между собой наследіе потомковъ Константина Всеволодовича, низведя ихъ въ положеніе служилыхъ князей“. Основанія такого построенія самномъ шатки для важнаго вывода о раздѣлѣ в. к. Дмитріемъ ростовскихъ волостей съ двоюроднымъ братомъ. Свое право отрицать „точность“ сообщенія духовной Довского о купляхъ Калиты В. И. Сергѣевичъ подтверждаетъ указаніемъ на другую „неточность языка официальныхъ грамотъ“: въ послѣднемъ изъ договоровъ Довского съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ сказано, что отецъ благословилъ его двумя жребіями въ Москвѣ, тогда какъ второй жребій достался великому князю по смерти брата Ивана; но это „неточность языка“ часто вышшая и по существу мнимая, такъ какъ первый договоръ тѣхъ же князей установилъ обособленность двухъ вотчинъ („тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина“), а въ духовной в. к. Ивана Ивановича читаемъ: „приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ князю Дмитрію и князю Ивану“, при выдѣленіи князю Владиміру трети доходовъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 417 и 419.

²⁾ Весьма вѣроятно предположеніе В. С. Борзаконскаго („Ист. Тверск. княжества“, стр. 127): „вѣроятно Тверской князь даже не самъ доставлялъ выходъ въ Орду, а отдавалъ его Калитѣ, т. е. согласно договору 1321 г. Юрія съ Дмитріемъ Михайловичемъ, по которому Михайловичъ Тверскіе отдалъ серебро выходное Юрію“.

попытка в. к. Ивана организовать поход на Псковъ, кн. Александръ послалъ сына Феодора въ Орду, и тотъ вернулся въ Тверь съ ханскимъ посломъ Авдуломъ¹⁾. Сношенія съ Ордой завязаны явно помимо в. к. Ивана, но кн. Александръ отправился въ Орду, смесясь съ митр. Феогностомъ: послалъ къ нему бояръ своихъ просить благословенія²⁾. Кн. Александръ съѣздитъ въ Пскова въ Тверь къ брату Константину и, видимо, урядился съ нимъ о своемъ возвращеніи и съ ханскимъ посломъ о поѣздѣ въ Орду³⁾, а въ слѣдующемъ году отправился къ хану съ повинной и вернулся «пожаловать отчнюю своею Тверью» съ ханскими послами. Возвращеніе Александра Михайловича на столъ тверского княженія было несомнѣннымъ политическимъ пораженіемъ для в. к. Ивана. Кн. Александръ не могъ стать въ то же отношеніе къ великокняжеской власти, съ какими мѣрлся кн. Константинъ Михайловичъ. Никоновская лѣтопись подчеркиваетъ сношенія кн. Александра съ Ордой—при отсутствіи докончанія и мира между нимъ и в. к. Ивановомъ⁴⁾. Съ в. к. Александромъ вступала на великорусскую почву саза, непокорная московскому князю и готовая къ новой борьбѣ за власть. Литовскія связи Александра и напряженіе новгородскихъ отношеній грозилъ в. к. Ивану серьезными осложненіями, тѣмъ болѣе, что у тверскихъ князей, судя по «пожалованію» Александра ханомъ Узбекомъ и участію въ его ордынскихъ сношеніяхъ ханскаго посла Авдула, была своя связь въ Золотой Ордѣ. Есть указаніе и на то, что «розмирье» кн. Александра съ Ивановомъ Калитой нашло откликъ у младшихъ князей,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 204 (подъ 6844 г.); т. X, стр. 207 (подъ 6843 г.).

²⁾ Слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ сношеніяхъ кн. Александра съ митрополитомъ—свидѣтельство о его соглашеніи съ в. к. Ивановомъ Давидовичемъ относительно поѣздки въ Орду и возвращенія въ Тверь? Новгородскія осложненія должны были сдѣлать в. к. Ивана особо осторожнымъ и—на время—уступчивымъ, а предварительныя сношенія кн. Александра съ Ордой дѣлали рѣзкое противодѣйствіе его намѣренію сугубо опаснымъ. Къ тому же, разъ кн. Александръ, начавъ вѣряться въ Орду, митр. Феогностъ не могъ отказать ему въ «благословеніи», такъ какъ давнее отлученіе, повидимому все еще лежавшее на кн. Александрѣ, было вызвано его отказомъ отъ такой поѣздки къ хану. Пл. Соколовъ («Русскій архіерей изъ Византии», стр. 281) и полагаетъ, что «отлученіе было снято съ него подъ условіемъ явки къ хану». Для кн. Александра, въ данный моментъ, «явка къ хану»—не взаимное ему «условіе»: сношенія съ Ордой и съ митр. Феогностомъ должны были обезпечить его отъ прямого противодѣйствія Калиты такой поѣздки.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 418 («въ лѣто 6844 приаидитъ князь Александръ изъ Пскова въ Тверь; помъ сына своего князя Феодора опять поѣха въ Псковъ»).

⁴⁾ «Тотъ же зимы (6846 г.) князь Александръ Михайловичъ тверскій посла сына своего князя Феодора со Авдуломъ посломъ во Орду, а съ великимъ княземъ Ивановомъ Давидовичемъ не докончаша и мира не вѣяша» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 208); эту записку надо отнести на счетъ источниковъ Никоновской лѣтописи, а не комбинаціи книжника—онъ составителя, по характеру «краткой записки» въ ряду другихъ такихъ-же, безъ слѣдовъ книжной обработки ихъ въ связанный разсказъ.

недовольных московских князей; ярославский князь Василий Давыдович и владимирский Романчикъ на сторонѣ Александра ¹⁾. Естественно предположить, что и ростовские и суздальские князья должны были вызывать въ Москвѣ недовѣріе и безпокойство. Связь событий и отрывочныя извѣстія летописныхъ сводовъ чутее подѣемъ накопившагося недовольства московскихъ «наследниковъ». Исходъ княжескаго столкновения зависѣлъ отъ хана и разыгрался въ Ордѣ. Но в. к. Иванъ, ведя свое дѣло въ Ордѣ, считаетъ необходимымъ возможно меньше упускать изъ виду дѣла на Русь; уѣзжая въ Орду вслѣдъ за тверскимъ княжичемъ Ѳеодоромъ, онъ посылаетъ въ Новгородъ сына Андрея, а въ послѣдній моментъ, когда рѣшалось при ханскомъ дворѣ дѣло кн. Александра, посылаетъ въ Орду сыновей, а самъ остается на Русь ²⁾.

В. к. Ивану удалось отвести грозу и одержать побѣду. Летописные своды даютъ больше намековъ, чѣмъ прямыхъ указаній на то, что произошло въ Ордѣ, но смыслъ этихъ намековъ едва ли вызываетъ сомнѣніе. Шошевія кн. Александра съ Ордой—посылка къ хану сына Ѳеодора съ посломъ Авдуломъ—вызвали поѣздку въ Орду Ивана Калиты. Во время пребыванія ихъ при дворѣ хана «царю Азбеку много клеветаша и бѣди на

¹⁾ Когда въ Орду позвать былъ кн. Александръ на послѣднюю расправу, „посде же князь Александръ и князь Василий Давыдовичъ Ярославскій съ князь“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 205); „тогда же съ нимъ поидоша въ Орду ко царю Азбеку князь Василий Давыдовичъ Ярославскій... и князь Романчикъ Владимірскій“ (т. X, стр. 209; ср. т. XV, ст. 422—гдѣ извѣстіе о поѣздкѣ этихъ князей не на мѣстѣ). В. к. Иванъ пытался перехватить князя Василия по дорогѣ въ Орду: „самъ же посла великій князь Иванъ Давыдовичъ, тестя его, въ чята соуть челоукии переимати, по отбиса ихъ“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 221; Новг. I, стр. 336).

²⁾ Извѣстіе о поѣздкѣ Ивана Калиты въ Орду явно спутаны въ Никоновской летописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 208). Она сообщаетъ подъ 6846 г. о возвращеніи кн. Александра въ Тверь, о посылкѣ имъ сына Ѳеодора къ хану и поѣздкѣ въ Орду в. к. Ивана, о „клеветанъ“ на тверского князя и посылкѣ за нимъ хана съ „покрытыми словесами“, и подъ 6847 г. о поѣздкѣ въ Орду в. к. Ивана съ сыновьями и вторичной посылкѣ („посла пакы выхъ татаръ“) за кн. Александромъ и другими князьями; Тверской князь посылаетъ на развѣдку въ Орду сына, Калита возвращается на Русь, кн. Александръ идетъ къ хану на свою погубель. Тутъ явно удвоены и поѣздка въ Орду в. к. Ивана, и поѣздка княжича Ѳеодора и ханская посылка въ Тверь. Ср. изложеніе Воскресенской летописи: подъ 6846 возвращеніе въ Тверь кн. Александра, подъ 6847 поѣздка въ Орду в. к. Ивана съ сыновьями, „го же думю“ посланію ханскаго зова татарскому князю (тутъ упоминаніе, что Александръ „посла напередъ себя“ сына Ѳеодора, и что „присла царь по самому по него“; это упоминаніе о прежней поѣздкѣ Ѳеодора съ посломъ Авдуломъ, которая развѣ въ Воскресенской не упоминается, и вызвало удвоеніе извѣстій въ Никоновской, соединившей два источника); затѣмъ—поѣздка Александра (съ упоминаемъ, что „князь великій Иванъ Давыдовичъ выиде тогда изъ Орды и сынове его“, т. е. раньше приѣзда тверского князя къ хану, какъ яснѣе изъ чтенія Соф. I: „уже бо баше в. к. Иванъ Давыдовичъ вышель изъ Орды“—т. V, стр. 221); посланка въ Орду великимъ княземъ сыновей и гибель кн. Александра Михайловича (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 205).

князя Александра Михайловича тверского и уши царевы напозннша многѣ горести»: осторожное выражение московскаго свода плохо прикрывает шаг московской политики. «По думѣ» в. к. Ивана ханъ вызвалъ кн. Александра, но звалъ его «съ тихостью и кротостью», какъ бы не на судъ и расправу, а суля ему «великое княженіе и честь велию»¹⁾. О содержаніи обвиненій, возведенныхъ на тверскаго князя наши источники ничего опредѣленнаго не сообщаютъ, и мы не знаемъ, какой матеріалъ дали для этихъ обвиненій вопросъ о «выходѣ» или литовскія связи Александра Михайловича. Эти послѣднія должны были сыграть свою роль во всемъ ордынскомъ дѣлѣ. Въ лѣтописномъ преданіи подчеркнуто, съ какими уловками заманили въ Орду князя Александра, словно ордынскія власти боялись выпустить его изъ рукъ. Кн. Александръ могъ найти убѣжище въ Литвѣ, могъ отвѣститься на попытку сопротивленія въ Твери, подобно тому, какое удалось при кн. Дмитріи Михайловичѣ, а въ данномъ случаѣ, еще съ расчетомъ на литовскую помощь; ко времени этихъ событій относится глухое лѣтописное указаніе, что «татары воеваша Литву»,²⁾ а немногимъ позднѣе татарская рать воеводы Товлубія ходила съ русскими полками подъ Смоленскъ. Г'завѣ «русскаго улуса» не трудно было представить кн. Александра—опаснымъ для татарской власти надъ Русью. Ни дары ордынскимъ вельможамъ, ни покровительство нѣкоторыхъ властныхъ въ Ордѣ лицъ³⁾ не спасли тверскаго князя. Онъ убитъ вмѣстѣ съ сыномъ Федоромъ, по ханскому приказу, 28 октября 1338 г.⁴⁾

¹⁾ Въ изложеніи этихъ событій нашими лѣтописными сводами использованы какъ старыя записи, такъ и особое сказаніе объ убійствѣ кн. Александра Михайловича, однако, въ сокращеніи и съ недомолвками. Тверская лѣтопись (т. XV, стр. 418) сохранилась въ спискахъ съ рукописи, дефективной какъ разъ въ данномъ мѣстѣ: дефектъ заданнаго въ XV т. Погодинскаго списка не восполняется ни спискомъ Забѣлинскимъ (Рукопись Московскаго Историческаго Музея 288—6, л. 153), ни Толстовскимъ (рукопись Имп. Публичной Вибліотеки, собранія гр. Ф. А. Толстого, отд. I № 145, л. 330—об.). См. П. С. Р. Л., т. V, стр. 221; т. VII, стр. 205; т. X, стр. 208.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 208.

³⁾ «Царя г'завѣше, по обычаю своему, и рядецѣ» (т. XV, стр. 419); сказаніе упоминаетъ о спосеніяхъ кн. Александра съ «царицей» и ордынцами, которые давали ему вѣсти о рѣшеніи царя (тамъ же, стр. 419—420); въ Никонской (т. X, стр. 209—210) болѣе распространенная редакція г'завѣ же указаній, видимо—плодъ редакціонной переработки стариннаго текста.

⁴⁾ Въ лѣтописныхъ сводахъ—подъ 6847 г., во день убійства не въ составѣ разсказа объ убійствѣ кн. Александра (см. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 420, гдѣ даны вѣсть), а особой записью (см. т. X, стр. 211), гдѣ 28 октября «на память святыхъ мученикъ Терентія и Неонилы, и преподобнаго Стефана, творца хановагъ, и Саванта и святыхъ мученикъ Параскевы, нареченнаго Платицы»,—вмѣсто 29 октября, какъ т. VII, стр. 205, и Новг. I, стр. 236; ту же дату, что Никонская, даетъ Рогожскій лѣтописецъ, т. XV, изд. 2-е, ст. 61), которая, какъ церковно-доминантная, едва-ли могла быть сдѣлана не по церковному—сентябрюскому, а по мартовскому лѣтосчисленію.

Побѣда в. к. Ивана Даниловича была полной, и онъ спѣшилъ съ дѣйствіями, которыхъ смыслъ—придать ей значеніе побѣды великокняжеской власти надъ самостоятельностью Твери: в. к. Иванъ «въ Твери отъ святаго Спаса возгъ колокозъ на Москву»¹⁾. Родословныя преданія, использованныя составителемъ Никоновской лѣтописи, относили ко времени этой борьбы Московы съ Тверью при Иванѣ Калитѣ отъѣздъ многихъ тверскихъ бояръ въ Москву къ в. к. Ивану; сводчики помѣстили извѣстіе объ этомъ отъѣздѣ въ началѣ изложенія хода послѣдней борьбы князей Ивана и Александра, но едва ли можно въ такомъ порядкѣ изложенія видѣть основаніе для датировки самаго явленія. Составители лѣтописныхъ сводовъ руководились, вѣроятно, тѣмъ, что въ ихъ родословныхъ источникахъ отъѣздъ тверскихъ бояръ мотивированъ былъ не пораженіемъ Твери въ борьбѣ съ Москвою, а недовольствомъ бояръ противъ князя Александра на почвѣ мѣстныхъ счетовъ—«заѣзда» ихъ новыми любимцами Александра—пришлыми княземцами²⁾. Такая мотивировка можетъ скорѣе подрывать всякое довѣріе къ самому извѣстію, чѣмъ помочь его осмысленію. Если же его принять, то представляется болѣе вѣроятнымъ связывать боярскій отъѣздъ съ Твери на Москву съ униженіемъ Твери послѣ гибели кн. Александра Михайловича и демонстративнымъ увозомъ въ Москву Спасо-Преображенскаго колокола. Стогъ тверскаго княженія занялъ по смерти кн. Александра его братъ Константинъ Михайловичъ, но зависимость Твери отъ Москвы надо, повидяному, признать значительно увеличившейся въ эту пору.

¹⁾ Рогожскій лѣтописецъ (тамъ же, ст. 52) и Никоновская (т. X, стр. 211).

²⁾ Въ Никоновской—въ концѣ текста, заимствованнаго изъ сказанія объ убѣженіи кн. Александра, послѣ упоминанія о скробѣ „всего града“ на погребеніи князя,—неожиданная фраза: „и тако Тверское княженіе до конца опустѣша“, которая можетъ навести на предположеніе о пропускѣ какихъ то извѣстій о послѣдствіяхъ для Твери московскаго одолѣнія; въ Тверской лѣтописи (т. XV, ст. 421), такъ же какъ въ Заблужанской и Толстовской рукописяхъ, въ этомъ мѣстѣ текста слова дефекты, восходящій къ ихъ общему источнику.—Мотивировка отъѣзда тверскихъ бояръ—„заѣздомъ“ ихъ пришельцами принадлежитъ кн. М. М. Щербатову, который предполагалъ пріѣздъ ко князю Александру Михайловичу псковскихъ бояръ и ссылался на пріѣздъ къ нему „вѣмца Дога“ („Ист. Росс.“, т. III, стр. 355); эту догадку, отбросивъ исконной; использовалъ Карамзинъ (т. IV, ст. 142 и прим. 304); принялъ ее и Соловьевъ („Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“, стр. 342; „Ист. Росс.“, кн. I, ст. 920). Но тенденція родословныхъ тверскаго боярства относить пріѣздъ ихъ предковъ—знатныхъ иностранцевъ (вѣмчина Дога или Дога, родоначальника Левашовыхъ; Дуга Величка изъ „паталинской“ земли, родоначальника Нащокинскихъ, см. „Временникъ“, т. X, стр. 118 и 119) ко времени кн. Александра и притомъ къ моменту его возвращенія въ Тверь изъ Пскова въ связи съ указаніемъ Никоновской, что тогда же произошла отъѣздъ тверскихъ бояръ въ Москву—подсказала историкамъ ихъ догадку—не случайную, а, вѣроятно, обусловленную уже содержаніемъ родословныхъ источниковъ лѣтописанія XVI вѣка.

Въ Орді одержавъ в. к. Иванъ Даниловичъ свою побѣду надъ тверскими соперниками и заплатилъ за нее тяжкими обязательствами: разыгрывается—послѣ этихъ событій—его столкновение съ Великимъ Новгородомъ изъ за «запросовъ царевыхъ»; въ ту же пору, всего вѣроятнѣе, разыгрывается и утѣсненіе Ростова, ярко описанное Епифаніемъ Премудрымъ. Иванъ Даниловичъ заканчиваетъ дѣла своей жизни и княженія подлиннымъ носителемъ великокняжеской власти «якоже и праотець его великій князь Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ». Въ Смоленскій походъ онъ посылаетъ, по ханскому приказу, «ратъ свою» князей суздальскаго, ростовскаго, юрьевскаго, друдскаго, еомннскаго съ московскими воеводами, но и рязанскій и тверской князья вѣдъ моменты столкновеній Калиты съ Александромъ—идутъ въ походы по зову великаго князя. Идудъ Калита положить прочное основаніе возрожденію распатанной великокняжеской власти, но общее политическое положеніе Великороссіи оставалось, въ годину его смерти, весьма сложнымъ и напряженнымъ—подъ давленіемъ вѣдшихъ отношеній и еще неокрѣпшаго въ опредѣленныхъ формахъ великокняжескаго властвованія внутренняго ея уклада ¹⁾.

¹⁾ Обзоръ фактическихъ свидѣній о дѣятельности в. к. Ивана Даниловича во двѣ основанія для его характеристики, какъ князя „скопидома“. представляется „удѣльной“ узости и замкнутости вотчинныхъ интересовъ. Эта его характеристика, столь обычная въ нашей исторической литературѣ, построена на впечатлѣніи отъ его духовныхъ грамотъ, которыя, однако, касаются только московской отчины и ея семейно-вотчинныхъ распорядковъ.

ГЛАВА IV.

Московская вочтина потомковъ Калиты.

I.

Иванъ Калита умеръ въ послѣдній день марта 1341 г. Годъ знаменательный въ исторіи Восточной Европы. Въ томъ же году умеръ и Гедиминъ, подлинный создатель Литовскаго великаго княженія. При немъ опредѣлился и округъ Валенскій центръ новаго государства—литовско-русскаго, и его влияние сильно отразилось во Псковѣ, Великомъ Новгородѣ, Твери. Намѣчается въ ходѣ событій вѣковая роль Смоленска, какъ центра московско-литовскихъ столкновеній¹⁾. Литва была тѣмъ сильна въ подчиненіи себѣ русскихъ зе-

¹⁾ Напомнимъ важнѣйшіе моменты исторіи Смоленска до этой поры. Смоленская земля испытывала литовскіе набѣги съ начала XIII в. (1206, 1223, 1225 г. г.); смоленскіе князья пытаются идти на встрѣчу опасности, защищая Полоцкую землю отъ Литвы и вѣдцевъ (1222 смоленскій князь Святославъ Мстиславичъ въ Полоцкѣ; договоръ съ Ригой въ 1229 г. кн. Федора Давыдовича за Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ и т. п.); еще въ 1232 г. Святославъ Мстиславичъ пытается отстоять соединеніе Смоленска и Полоцка подъ одной властью, но намѣчавшееся объединеніе краиничскихъ земель не по силамъ смоленскимъ князьямъ безъ опоры во Владимірскомъ великомъ княженіи. Въ 1239 г. в. к. Ярославъ Всеволодовичъ отнимаетъ Смоленскъ изъ литовскихъ рукъ и закрѣпляетъ свои отношенія къ западно-русской окраинѣ женитьбой сына Александра на Брячеславѣ; князь Полоцкой. Въ среднѣй XIII в. нарастаетъ дробленіе Смоленской земли, напр. выдѣляется Можайское княжество кн. Федора Ростиславича, а князья смоленскіе подъ рукою Владимірскаго великаго князя, участники его походовъ на Великій Новгородъ и Литву. Кн. Федоръ— съ 1260-хъ г. г. ярославскій князь, а въ 1280-хъ пытается соединить въ своихъ рукахъ смоленское и ярославское княженія. Но Смоленской землѣ не суждено еще втѣнуться въ великорусскую политическую систему. Смоленскъ ускользнулъ изъ подъ власти Федора Ростиславича—тамъ княжить его племянникъ Александръ Глѣбовичъ, а по смерти кн. Федора на можайское княженіе стѣлъ младшій Глѣбовичъ—Святославъ. Княженіе Александра Глѣбовича (ум. 1313 г.) время усиленаго распада: Можайскъ завлаченъ московскимъ княземъ, Вязьма съ волостями выдѣлилась въ особое княженіе, часть смоленскихъ волостей отошла къ князюству Брянскому, в столкновеніи кн. Александра съ вяземскими и брянскими князьями не вернули Смоленску ни волостей, ни подорванной силы. Долгое княженіе Ивана Александро-

мель, что вырвала их из под татарской зависимости. При Ольгердѣ подчинение русских земель идетъ параллельно столкновению съ Золотой Ордой, которая и ранѣе, при Гедиминѣ, воевала Литву и посылала русскихъ князей и свою рать подъ Смоленскъ. Въ 1341 г. Ольгердъ началъ на Можайскъ, смегъ посадъ, во города не взял¹⁾. Все нараставшій напоръ Литвы связанъ для московскаго отчича съ защитой личныхъ владѣній, помимо даже его великокняжеской полнотики. А шире, чѣмъ прямая сила Литвы, разрастается ея вліяніе, съ которымъ все чаще и глубже приходится считаться великорусской великокняжеской власти во внутреннихъ отношеніяхъ Велкороссій.

Вопросъ о преемствѣ на столѣ великаго княженія по смерти Калиты разрѣшенъ въ Золотой Ордѣ, насколько можемъ судить по весьма отрывочнымъ сообщеніямъ нашихъ летописныхъ сводовъ, безъ особыхъ треній— на основѣ созданнаго Калитой, послѣ окончательной побѣды надъ Тверью, преобладанія Москвы. Ханъ призналъ великое княженіе за Симономъ Ивановичемъ на общемъ съѣздѣ всѣхъ русскихъ князей въ Ордѣ, «и вси князи рускіи даны ему въ рудъ»²⁾. 1 октября совершѣнъ во Владимірѣ обрядъ посаженія его на столѣ великаго княженія, а вскорѣ затѣмъ былъ

вѣча (1313—1358) время, когда положеніе смоленскаго княжества характеризуется его угнѣсненіемъ съ востока и запада—Москвой и Литвой. Великое княжество Литовское омадало белорусскими областями и правобережнымъ Подляпровіемъ: всѣ торговые пути Смоленска были въ литовской рукѣ. А на востокъ—хрипящіе объединеніе великорусской силы, къ которой тягнетъ и въ старой чернигово-сѣверской землѣ и въ смоленскихъ все, что недоважно литовскимъ засильемъ. Въ русско-татарскомъ походѣ 1340 г. съ великокняжеской и ханской ратью идутъ на Смоленскъ—дружнѣ и емнискій (изъ мѣшнихъ смоленскихъ) князья. Въ 1341 г. брянскій князь Дмитрій Романовичъ выдалъ дочь за московскаго князя Иама Ивановича; вяземскій князь Федоръ Святославичъ, служившій ранѣе Гедимину (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 199), оказывается затѣмъ на московской сторонѣ, посаженъ на Воложѣ, а въ 1345 г. выдалъ было дочь за в. к. Симеона (бракъ былъ разорванъ черезъ годъ). Напротивъ, кн. Иванъ смоленскій держался Литвѣ; еще при Гедиминѣ онъ заключилъ съ Рогой договоръ „по тому докончанью, какъ то братъ мой старшійшій Кедиминъ докончалъ и его дѣти Гайбъ и Алдредъ“ (С. Г. Т. и Д. т. II, № 8); походъ Ольгерда въ 1341 г. подъ Можайскъ имѣлъ, вѣроятно задачей вернуть эту волость къ Смоленску: въ 1340-хъ г. г. видимъ смоленскіе войска въ войнахъ Ольгерда противъ Ливонскаго Ордена; но еднводушія нѣтъ въ смоленскихъ отношеніяхъ къ Литвѣ: въ крайне осторожной, умолчливой полнотики Ольгерда много недоверія къ Смоленской землѣ, какъ и вообще къ западно-русскимъ землямъ, неважелейшій споръ литовской власти въ столкновеніяхъ съ восточнымъ сосѣдемъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 93; т. IV², вып. I, стр. 271; т. VII, стр. 206.

²⁾ „И поидоша вси князи рускіи въ Орду“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 222; т. VII, стр. 206); „и вси князи тогда въ Ордѣ были“ (т. XVIII, стр. 93). „И вси князи рускіи даны ему въ рудъ“ (т. V, стр. 222; т. IV², стр. 271); „и воѣ князи рускіи подъ рудъ его даны“ (т. VII, стр. 206).

съѣздъ всѣхъ русскихъ князей въ Москвѣ¹⁾. Никакихъ извѣстій объ этомъ съѣздѣ, кромѣ глухого глгописнаго упоминанія, не сохранилось. А моментъ былъ крайне важный: предстояло опредѣлить отношенія между великими княземъ и остальными князьями, какъ Симеонъ, въ ту же пору, опредѣлялъ особымъ договоромъ «у отня гроба» свои отношенія къ роднымъ братьямъ. Будетъ ли слѣшкомъ сильнымъ предположеніе, что на московскомъ съѣздѣ должны были сложиться договорныя соглашенія в. к. Симеона съ князьями тверскимъ и рязанскимъ, суздальскимъ, ростовскимъ, ярославскимъ, а, вѣроятно, и другими? Впрочемъ, существеннѣе, чѣмъ защищать такое предположеніе, которое нѣтъ возможности подтвердить документально, было бы выяснить, насколько и въ чемъ между княжескія отношенія Великоросси во времена в. к. Симеона вступаютъ въ новую фазу развитія. Это тотъ моментъ исторіи Великоросси, когда Московское княжество, вотчинная опора великокняжеской полтики московскихъ Даниловичей, стоитъ лицомъ къ лицу съ мѣстными великими княженіями—Тверскимъ, Рязанскимъ и Нижегородскимъ. Взаимныя отношенія этихъ четырехъ территориально-политическихъ единицъ опредѣляли дальнѣйшій ходъ исторической жизни Великоросси, и его изученію необходимо предпослать характеристику ихъ внутренняго строя, который лишь къ серединѣ XIV вѣка выступаетъ передъ нами съ болѣе или менѣе достаточной опредѣленностью.

II.

Московская вотчина князей Даниловичей опредѣлилась въ основномъ своемъ составѣ съ захватомъ Можайска и Коломны. Братья Даниловичи—по глгописамъ пятеро—держались, повидному, въ общемъ московскомъ гвѣздѣ безъ выдѣленія особыхъ удѣловъ каждому. По крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ о какомъ-либо нѣтъ раздѣльномъ владѣніи, хотя извѣстіе объ отъѣздѣ въ Тверь князей Александра и Бориса Даниловичей²⁾ можетъ навести на предположеніе, что эти князья «волостанисъ» со старшимъ братомъ. Во всякомъ случаѣ, для насъ исходный пунктъ исторіи княжого владѣнія въ Московской отчинѣ—духовныя грамоты Ивана Даниловича Калиты, который пережилъ всѣхъ братьевъ и могъ свободно и заново «дать рядъ сыномъ своимъ».

Обѣ, до насъ дошедшія духовныя грамоты Ивана Калиты³⁾ обычно

¹⁾ «Тое же зими бысть великъ съѣздъ на Москвѣ всѣмъ княземъ русскимъ». т. XVIII, стр. 93; т. X, стр. 212; Никоновская легкими измѣненіемъ текста связываетъ это извѣстіе съ послѣдовавшимъ походомъ къ Торжку: «бысть съѣздъ... и поидоша»..., но въ Симеоновской это два отдѣльных извѣстія—первое о «великомъ съѣздѣ», а второе—и поиде ратью къ Торжку князь великій Семень».

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184 (подъ 6814 г.); т. X, стр. 176 (подъ 6813 г.)

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I №4 21 и 22.

относят, следуя «Собранию Государственных Грамотъ и Договоровъ», къ 1328 году, хотя невозможность такой датировки давно указана А. В. Экземплярским¹⁾. Формула обихъ духовныхъ: «а приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтми, по Божѣ ты нитъ будешь печальникъ»—явно невозможна по отношенію къ родной матери-вдовѣ. Рѣчь идетъ о мачехѣ князей Семена съ братьемъ, о второй жемѣ в. к. Ивана, которую Экземплярскій правильно отождествилъ съ княгиней Ульяной, упомянутой въ духовной в. к. Ивана Ивановича. Первая супруга в. к. Ивана Давыдовича, Елена—скончалась въ мартѣ 1332 года, и его первая духовная могла быть написана только послѣ этой кончины, второго брака и рожденія отъ княгини Ульяны «меньшихъ дѣтей»²⁾.

¹⁾ А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья», т. I, стр. 79, прим. 208.

²⁾ В. к. Елена скончалась въ мартѣ 6840 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 203; въ Тел. по академическому списку, изд. при Лаврент. лѣтописи—подъ 6839 г., стр. 503); запись о второмъ бракѣ Ивана Калиты въ Никифоровскомъ спискѣ западно-русской лѣтописи (т. XVII, ст. 30, прим. 56) подъ 6840 г.: «того же лѣта оженися въ другия Юлиѣ Давыдовичѣ». Въ духовной Калиты в. к. Елена упоминается, какъ умершая: «а что золото княгини моей Оленни, а то есмь далъ дщери своей Фетиньи 14 обручи и ожерелье матери еѣ; старшія дочери отъ первого брака были замужемъ—Марія (съ 1328 г.) за княземъ ростовскимъ Константиномъ Васильевичемъ, Валодія, о смерти которой упоминаетъ Никоновская лѣтопись подъ 1842 г. (т. X, стр. 215),—за ярославскимъ княземъ Василемъ Давыдовичемъ; онѣ не упоминаются въ духовной, а княжна Фетинья опредѣленно противопоставлена второй жемѣ: «а что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ», читаемъ вслѣдъ за строками о надѣленіи княжымъ Фетиньи, «а коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меньшими дѣтми». Эти «меньшія дѣти» названы: это княжны Марія и Феодосія; Экземплярскій считаетъ ихъ дочерми в. к. Елены, вѣроятно, потому, что въ Маріи духовной грамоты видѣть ростовскую княгиню, что едва-ли возможно: та была съ 1328 г. замужемъ и никакъ не подходитъ ни подъ терминъ «меньшія дѣти», ни подъ надѣленіе московскими селами, какія даны «княгинѣ съ меньшими дѣтми», ни подъ опеку мачехи. Если же видѣть въ «меньшихъ дѣтяхъ»—двухъ дочерей кн. Ульяны, то дату первой духовной надо отодвинуть еще года на два или нѣсколько болѣе: повѣдн въ Орду в. к. Ивана въ годну возобновленія борьбы между нимъ и кн. Александромъ Михайловичемъ, быть можетъ, даетъ навѣщій поводъ для пріуроченія его первой духовной. Въ этой грамотѣ княгинѣ-вдовѣ назначено, кромѣ волостей и селъ (въ томъ числѣ «Раменья, что было за княгиней», вѣроятно Еленой),—«изъ городскихъ волостей»—осмиичье, а упоминаніе о княгинѣ Ульянѣ въ духовной в. к. Ивана Ивановича таково: «а княгиня Ульяна, но отца моего князя великаго по душевной, владѣетъ волости и осмиичье и села до своего живота»: тожество явное; ниже въ числѣ ея волостей упоминается Суружикъ, а селъ—Лучинское, тѣмъ благословилъ свою вдову Иванъ Калита. Эти владѣнія по духовной в. к. Ивана Ивановича назначены, по смерти кн. Ульяны, ея дочермъ: видно, что только одна и осталась въ живыхъ (предположеніе Экземплярскаго о дочери, родившейся по смерти отца, вѣроятно).

Сомнительна одновременность обихъ грамотъ Калиты. Вторая повторяетъ первую, но добавляетъ распоряженія о селгахъ, прикупленныхъ великимъ княземъ и замѣненныхъ имъ, между прочимъ въ новгородскихъ, владимірскихъ, костром-

Цѣль княжеской духовной наложить тотъ «рядъ», какой отецъ дастъ сыновьямъ в своей княгинѣ на случай, если «Богъ что розгадаетъ о его животѣ». Едва ли правильно означать «рядъ» новѣйшимъ терминомъ «завѣщаніе», который въ нашемъ словоупотребленіи передаетъ понятіе «тестамента»: въ задачу духовной Калиты не входитъ опредѣленіе личности наследниковъ, а ея цѣль только наложить отцовское уряженье о внутреннемъ распорядкѣ, какимъ должно для его семьи опредѣляться владѣніе вотчиной, доставшейся этой семьѣ послѣ кончины ея главы, составителя духовной грамоты. Калита осуществляетъ въ своей духовной исконную функцію отцовской власти, которая еще въ «Русской Правдѣ» была отиѣчена такой статьей: «аже кто умрѣа раздѣлитъ домъ свой дѣтиамъ, ва томъ же столти». Но въ данномъ случаѣ очень сложная составъ «дома»: дѣло идетъ о московскомъ княжествѣ-вотчинѣ Калитиной семьи. Сложны и приемы его уряженья. Вся семья—младшіе братья, князья Иванъ и Андрей Ивановичи, княгиня Ульяна съ дочерьми—приказана князю Семену Ивановичу: онъ итъ «печальникъ», большакъ семьи въ замѣнъ отца. Сыновьямъ—вѣмъ троникъ—Калита приказалъ «отчину свою Москву», предоставивъ имъ самимъ похѣлиться городскими доходами («тамгою и иныи волостыи городскими»), за выхѣломъ осничаго въ пользу княгини Ульяны. Сама Москва поставлена вѣт раздѣла («приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву, а се есмь итъ роздѣтъ учинилъ»), какъ и численные люди всего Московскаго княжества, о которыхъ въ духовной сказано: «а числыми люди, а тѣ вѣдають сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одного». Этихъ «численныхъ» людей считаютъ, обычно, тожественными съ людьми письменными, данными ¹⁾; дѣйствительно, это все термины, вытѣсненные вѣтѣмъ терминомъ—тяглые люди ²⁾. Разрядъ этотъ опредѣляется, съ точнѣ зрѣніи княжескаго управленія, какъ обложенный данью, основное назначеніе которой уплата татарскаго «выхода». Общее «вѣданіе» итъ в итъ блюданіе «съ одного» всѣми тремя князьями-братьями, конечно подъ старѣйшинствомъ в. к. Симеона, обеспечивавало единство московской финансовой снѣи, столь важное въ эпоху борьбы за объединеніе въ рукахъ великаго князя всего «выхода» съ русскаго «улуса». Повиданому и положеніе, созданное для города Москвы духовной Калиты, надо понимать,

снѣи и ростовскихъ предѣлахъ: это, надо полагать, возмѣ примыслим, сдѣланные послѣ написанія первой грамоты и весьма возможно, что итъ, какъ и самую грамоту, надо отнести къ послѣднимъ годамъ жизни и княженія Ивана Калиты, когда онъ исполковалъ свою побѣду надъ Тверью не только для усиленія своей великокняжеской власти, но и для «примысловъ» къ своей московской вотчинѣ.

¹⁾ Владимірскай Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 190 (7-е изд.); М. А. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, т. I, стр. 315.

²⁾ Ср., напр., сопоставленіе этихъ терминовъ въ уставной грамотѣ 1530 г.: «человѣкъ неглагоу и неписменой». Д. въ А. И., т. I, № 28.

как поручение вѣдана ея «собча» и «съ одного» всёжь тремъ братьямъ при раздѣлѣ между ними «городскихъ волостей»—доходовъ, что должно было внести въ управленіе ея нѣкоторую неопредѣленность и вызвало, повидимому, крупныя недоразумѣнія между князьями-братьями.

Всѣ эти черты «ряда» в. к. Ивана Даниловича опредѣляютъ единство Московскаго княжества и его владѣтельной княжой семьи. Не разбито оно и тѣмъ раздѣломъ, какой учинилъ Иванъ Калита, опредѣливъ особыя владѣнія внутри московской вотчины для каждаго сына и для вдовы-княгини съ ея дочерьми. По этому раздѣлу старшій отчичъ Сямеонъ получалъ Можайскъ и Коломну—два боевыхъ пункта московской полтики, верховья и устья рѣки Москвы, а также рядъ крупныхъ волостей внизъ по теченію Москвы рѣки отъ московскаго уѣзда и Горетовъ станъ, расположенный выше московскаго уѣзда по теченію рѣки и къ сѣверу отъ нее до верхняго теченія Клязьмы. Второй Ивановичъ—Иванъ получилъ Звенигородъ и волости по р. Рузѣ до ея впаденія въ Москву рѣку и южнѣе, за Москвой рѣкой, а третій—Андрей южныя волости Московскаго княжества отъ Перемышля до Серпухова (включительно), такъ что волости его примыкали къ р. Окѣ; княгиня Ульяна съ дочерьми—волости въ сѣверной части московской отчины, по р. Клязьмѣ ¹⁾. За долей каждаго князя въ общей отчинѣ установилось нѣсколько повдѣе названіе удѣла; Иванъ Калита еще не употребляетъ этого термина, а говоритъ о «волостяхъ», назначенныхъ сыновьямъ, объ «уѣздѣ» каждаго изъ нихъ ²⁾, какъ и сыновья Калиты означаютъ эти доли—на ряду со словомъ «удѣлъ»—выраженіями: «участокъ, чимъ мя благословилъ отецъ мой» и «уѣздъ отца его» ³⁾. Раздѣлъ общей вотчины на такіе уѣзды-участки не предполагался окончательнымъ и безповоротнымъ; это не такой раздѣлъ «въ прокъ», которымъ бы разрушалось представленіе о единой вотчинѣ князей-отчичей. Духовная Калиты предусматриваетъ возможность нажѣненій въ общемъ составѣ московскихъ владѣній и, въ связи съ этимъ, частичнаго семейнаго передѣла: «а по мовнѣ грѣхомъ ци имуть искати татарове которыхъ волостей, а отомутъся, вагъ, сыномъ мовнѣ, и княгини моеи похѣлти вы ся опять тѣми волостми на то жѣсто». «Рядъ», данный в. к. Иваномъ сыновьямъ и вдовѣ-княгинѣ, исходить изъ представленія о семейномъ владѣніи общей отчинной частью во долямъ-удѣламъ, частью совѣстно; онъ не дробитъ этой вотчины на нѣсколько «опричныхъ», которыя принадлежали бы ихъ владѣльцамъ на

¹⁾ В. Н. Дебольскій, Духовная и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ,—въ «Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго общества», т. XII.

²⁾ «также и мыты, которыя въ которомъ (вторая духовная: въ которого) уѣздѣ, по тому».

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 24 и 26. Терминъ «удѣлъ» впервые въ договорной грамотѣ в. к. Симеона съ братьями (тамъ же, № 23).

правъ «собственности»; тѣтъ и повода возбуждать вопросъ о правѣ отчужденія долей-удѣловъ въ завѣщательномъ или иномъ порядкѣ, которое принадлежало бы итъ князьямъ-владѣльцамъ ¹⁾).

III.

Рядъ я. к. Ивана Даниловича оставилъ недоговореннымъ многое въ опредѣляемыхъ имъ отношеніяхъ. Братья-Ивановичи дополнили этотъ рядъ

¹⁾ Одновременно съ раздѣломъ волостей между сыновьями и вдовой княгиней, я. к. Иванъ надѣляетъ итъ селами, драгоценностями ками своею, статьями дворцоваго хозяйства, предоставляя имъ самимъ подѣляться своими холопами, зарегистрированными въ особомъ „великомъ сверткѣ“. Тѣ итъ сель этого надѣленія, какія поддаются топографическому опредѣленію, либо подмосковныя, либо лежать въ тѣтъ волостяхъ, какія вошли въ составъ „уѣзда“ каждаго даннаго князя: напр., кн. Симеону дано село на Свверѣцѣ въ Покровскомъ уѣздѣ, село Астафьевское, Копотенское, Островское, Орнинское, Константиново, Малаховское—внизъ по Москвѣ рѣкѣ отъ города и подмосковное Напрудское; кн. Иванъ получалъ, кромѣ подмосковныхъ (Семчиновское), села въ волостяхъ, Звенигородскихъ и Рузскихъ; князь Андрей—въ Перемышльскихъ и Серпуховскихъ (см. В. Н. Дебозьскаго, указ. соч.). Это само по себѣ достаточно разъясняетъ пресловутый вопросъ о торжествѣ или различіи основаній княжого владѣнія волостями и селами. Волость—единица княжого владѣнія, на территоріи которой могутъ и быть, и не быть дворцовыя села. Вопросъ о частнопровомомъ или государственноправовомъ характерѣ княжого владѣнія тѣми и другими—есть вопросъ о томъ, какія явленія стариннаго правового быта подводить подъ тѣ или нныя примвчмыя нашему времени категоріи правовыхъ понятій. Поскольку постановка такого вопроса исходитъ изъ представленія объ этихъ категоріяхъ, какъ о какихъ-то чуть не апріорныхъ и въковѣчныхъ формахъ правосознанія, она ведетъ къ безполезной схоластикѣ въ толкованіи историческихъ явленій. Средневѣковое право и у насъ и на Западѣ тѣми и отличалось, что отношенія, для насъ рѣзко и принципиально различныя, какъ земельное владѣніе и юрисдикція, право на хозяйственные доходы и на доходы судебно-административныя или финансовыя—могли трактоваться съ одной и той же правовой точки зрѣнія, которая не подходитъ подъ наше предствленіе ни о гражданскомъ, ни о государственномъ правѣ. Въ дѣствительности различіе между владѣніемъ волостями и селами было весьма значительно. Терминъ „волость“—весьма широкъ; онъ означаетъ и финансовыя доходы („городскія волости“ духовной Ивана Килаты) и единицу территориальнаго владѣнія и управленія съ правами на судебно-административныя доходы и на повинности населенія. Села—единицы княжескаго землевладѣнія и дворцоваго хозяйства, но владѣніе ими, несомнѣнно, связано и съ правами такъ наз. „государотвеннаго“ характера; при возникновеніи владѣнія дворцовымъ селомъ на территоріи чужой княжеской волости получалось особое дробленіе судебно-административной власти: „а которымъ есмь дѣтемъ своимъ села подавать, въ чьемъ удѣлѣ ни буди, читаемъ въ духовной грамотѣ я. к. Василія Василевича, ино того и судъ надъ тѣми селы, кому дано“. Что это не конововеденіе, а утвержденіе обычной практики, изъ за которой возникало много столкновеній, показываютъ борьба Великаго Новгорода противъ развитія княжескаго землевладѣнія на его территоріи и аналогичныя мѣры князей противъ вторженія инокняжескаго землевладѣнія въ область итъ княженія.

условиями договора, скрѣпленнаго крестоцѣлованіемъ «у отця гроба» ¹⁾. Возможно, что этому крестоцѣлованію предшествовали какія-то недоразумѣнія между князьими-братьями. По крайней мѣрѣ на такое предположеніе наводитъ упоминаніе договорной грамоты о боярахъ, которые станутъ князей «сваживати» ²⁾, о томъ, что князьимъ изъ за такой свадьбы «нелюбья не держати», а учинить «исправу» и «виноватаго казнити по ясправѣ». А въ концѣ договорной грамоты упоминается крамола боярина Алексѣя Петровича противъ в. к. Симеона, при чемъ братья Симеона обязуются отступить отъ боярина и ничѣмъ не помогать ни ему, ни его семьѣ ³⁾. Съ этими данными можно сопоставить увѣщаніе братьямъ, какое в. к. Симеонъ внесъ въ свою духовную, «жити за однимъ», не слушать «ликихъ людей, кто иметь ихъ сваживати», а слушать митр. Алексѣя и старыхъ бояръ, кто хотѣтъ добра в. к. Ивану Даниловичу и князьимъ его сыновьямъ ⁴⁾; а также — тотъ фактъ, что боярина Алексѣя Петровича виднѣтъ при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ въ должности московскаго тысяцкаго, а затѣмъ убитымъ на московской площади, жертвой таинственной смуты, вызвавшей отъѣздъ московскихъ «большихъ бояръ» въ Рязань ⁵⁾.

¹⁾ Договоръ в. к. Симеона Ивановича съ братьями (С. Г. Г. и Д. т. I, № 23); грамота сохранилась сильно поврежденной, но не настолько, чтобы не служить цѣннымъ источникомъ.

²⁾ «а кто имѣтъ насъ сваживати наш...» (и бояреѣ).

³⁾ «а что Алексѣя Петровичъ звалъ въ коромолу къ великому князю, намъ князю Ивану и князю Андрѣю къ собѣ не приимати, ни его дѣтен, и не надѣятельны его къ собѣ до Олексѣева живота; воленъ въ немъ князь великій и въ его женѣ и въ его дѣтяхъ»; эта формула выдачи боярина головой великому князю мало смягчается оговоркой, что и великому князю не принимать Алексѣя къ собѣ въ боаре, такъ какъ дагѣе опять условіе, указывающее на бывшую близость боярина ко князю Ивану: «а мѣтъ князю Ивану, что дакъ князь великій изъ Олексѣева живота, того ми Олексѣю не давати, ни его женѣ, ни его дѣтямъ, ни ничѣмъ чѣмъ не подмагати изъ».

⁴⁾ С. Г. Г. и Д. т. I № 24: «а по отца нашего благосковенью. что намъ приказалъ жити за однимъ, такоже и якъ вамъ приказываю, своей братьи, жити за однимъ; а ликихъ бы есте людей не слушали и кто иметь насъ сваживати, слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ».

⁵⁾ Въ Симеоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 99), подъ 6844 г.: «тоже же зими Феврала въ 3 день... убить бысть Алексѣя Петровичъ тысяцскій, убьеніе же его дивно нѣвако и незнаемо, аки ни отъ кого же никимъ же, токмо обрѣтесе лѣжай на площади; нѣщія же рекоша яко въ таю съвѣтъ сотвориша и конь коваша навъ, и тако всѣхъ (бояръ—Воскресенская) общюе думлю... пострада»; тоже въ Троицкой лѣт. (тамъ же, и Карамзинъ, т. IV, прим. 381) и въ Воскресенской (т. VIII, стр. 10). Никоновская лѣт. (т. X, стр. 229) сохранила дополнительное извѣстіе: «и бысть мятежъ великій на Москвѣ ради того убійства; и тако тоѣ же зими, по послѣднему пути, большіи бояре московскія отъѣхаша на Рязань з женами и з дѣтьми», а черезъ годъ «князь велики Иванъ Ивановичъ... перезавъ къ собѣ пакы

Тенденція духовной Івана Казиты къ сохраненію единства княжой семьи и силъ княжества подъ старѣйшинствомъ в. к. Симеона получила въ договорѣ его сыновей дальнѣйшее развитіе. Тутъ находимъ опредѣленіе «одиначества» князей и отношеній старѣйшинства. «Быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшого вѣсти ны и чтити во отцево мѣсто; а брату нашему насъ вѣсти [въ братствѣ, безъ обиды во всемъ]; а кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ; а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ»: эта формула вполнѣ опредѣленно устанавливаетъ руководящую роль старшаго. «А гдѣ мы, говорятъ въ договорѣ старшіи младшимъ, будетъ всѣсти на конь, всѣсти мы со мною; а гдѣ мы будетъ самому не всѣсти, а будетъ мы насъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья». Въ старѣйшинствѣ Симеона есть элементъ власти: вѣсти и чтя его «во отцево мѣсто», князья братья повинны ему послушаніемъ. Но они—не подручники, не князья служебные: старѣйшинство комбинировано съ одиначествомъ на началахъ «братства» князей. Это отразилось въ договорѣ нѣсколькими чертами. Великій князь обязуется дѣйствовать въ согласіи съ младшими: «а тобѣ, господине князь великій, говорятъ они ему, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ; а братѣ твоей молодшей безъ тебе не доканчивати ни съ кимъ». Далѣе, тщательно устраняется мысль объ отвѣтственности передъ великимъ княземъ за промахи въ военной оградѣ: «а что ся учинитъ просторожа отъ мене или отъ васъ, или отъ моего тысяцкого и отъ нашихъ намѣстниковъ, исправа ны учинити, а нелюба ны не держати»; наконецъ, устанавливается полная взаимность въ правѣ боярскаго отъѣзда: «а бояромъ и слугамъ вольнымъ воля; кто пойдеть отъ насъ къ тобѣ, къ великому князю, или отъ тебе къ намъ, нелюба ны не держати», причемъ это право широко распространяется и на тѣхъ вольныхъ слугъ, «кто въ кормленн бывалъ и въ доводѣ при нашихъ отцѣ и при насъ».

Договоръ в. к. Симеона съ братьями обезпечивалъ единство въ распоряженіи московскими военными силами; повидному (это мѣсто въ грамотѣ

дву бояряновъ своихъ, иже отъѣзжали были отъ него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевичъ" (тамъ же, стр. 230). Возможно, что рѣчь идетъ о В. В. Вельяминовѣ, знаменитомъ «последнемъ тысяцкомъ» и что его же имя встрѣчаемъ подъ договорной грамотой в. к. Симеона съ братьями: «Василей... тысяцскій». Такое отождествленіе дало бы поясненіе мотива всей смуты, какъ борьбы за должность тысяцкого и связанное съ ней значительное вліяніе. При вѣданіи Москвы всеми князьями-братьями «съ одного» тысяцкій долженъ былъ занимать особое положеніе—представителя княжеской власти, но не уполномоченнаго агента того или иного князя; отсюда долженъ былъ естественно возникать и попытка тысяцкаго играть болѣе независимую роль и причастность его ко всякому столкновенію между князьями-сомадѣльцами; отсюда и трагическая судьба ряда тысяцкихъ, какъ московскихъ (Алексій Петровичъ, В. В. Вельяминовъ), такъ и рязанскихъ (Илюваскій, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 120).

сильно попорчено), отъ развалъ и дополнитъ мѣры, указанныя въ духовной Калиты, для охраны единства и цѣлости финансовыхъ средствъ московскаго княжества, устанавливая запретъ покупать земли у численыхъ людей и забирать ихъ самихъ на княжескую службу ¹⁾.

И старѣйшинство в. к. Симеона и братское равенство князей отразились на томъ развитіи, какое получили въ договорной грамотѣ условия «раздѣла», учиненнаго Иваномъ Калитой. Князья-братья не только «соступилися» в. к. Симеону «на старѣйшинство» большей долей московской «тамги», именно я половинной, подѣливъ между собой другую половину, но признали такой дѣлежъ нормой и на будущее время: «и потому на старѣйшій путь, кто будетъ старѣйшій, тому полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги; а опрочъ того все на трою». На старѣйшій путь уступали они старшему брату, великому князю, и рядъ дворцовыхъ доходныхъ статей: пути сокольничій, конюшій и ловчій, садовниковъ, повинность «кони ставити» и др. За то договорная грамота устанавливаетъ и основы «удѣльнаго» владѣнія: 1, его неприкосновенность—«какъ вы отецъ нашъ раздѣлъ даде, того ти подѣ нами блюсти, а не обидѣти», съ распространеніемъ той же гарантіи на будущія пріобрѣтенія—«или кто изъ насъ, брате... что примыслилъ или прикупилъ, или кто по семь что кто прикупитъ или примыслитъ чужое... своимъ волюстемъ, и того блюсти, а не обидѣти»; 2, его наследственность—«ского изъ насъ Богъ отвѣдетъ, печаловати княгнею его и дѣтиа какъ при животѣ, такъ и по животѣ, а не обидѣти тебе, ни имати ничего ото княгини и отъ дѣтиа, чимъ вы кого благословитъ отецъ нашъ по раздѣлу», и 3, его самостоятельность въ сферѣ княжого управленія—установлено право бояръ и вольныхъ слугъ служить, кому похотятъ изъ князей, и, по смерти кого-либо изъ нихъ, у его княгини и дѣтей, притомъ съ обѣщаніемъ великаго князя за то «великоба не держати, ни посягати безъ исправы, но блюсти какъ и своимъ»; установлены свѣдѣтельный судъ въ искахъ между великокняжескими и удѣльными боярами и слугами и обязательство князей не посылать агентовъ своей власти въ чужой удѣлъ; установлено и запрещеніе великому князю, его боярамъ и слугамъ покупать села въ удѣлахъ князей-братьевъ, а имъ— въ его удѣлѣ ²⁾.

Договоръ между Семеновъ, Иваномъ и Андреемъ Ивановичами затъ весьма сложнаго значенія. Въ немъ скрещиваются двѣ различныхъ системы

¹⁾ Впрочемъ, къ численнымъ людямъ относятся и слѣдующее дефектное мѣсто грамоты: «а которые люди по нашимъ волюстемъ вынманы кня... войемъ... намъ къ собѣ не примати; а которыхъ людїа отецъ нашъ, князь великій, вынмалъ изъ... въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряметъ, а намъ ихъ къ собѣ не примати».

²⁾ Запретъ, повидимому, не безусловный, если правильно дополнение словъ: «нашихъ удѣлъхъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ безъ»...—словами: «нашего вѣдома».

отношеній, такъ какъ этотъ актъ, съ одной стороны, есть рядъ великаго князя съ младшими владѣтельными князьями, а, съ другой, рядъ князей-братьевъ, опредѣляющій условия удѣльнаго владѣнія общей отчиной.

Остановившись на дальнѣйшей судьбѣ этого послѣдняго. Цѣнный комментарий къ установленіямъ перваго договора даетъ духовная грамота в. к. Симеона. Въ страшномъ моровомъ повѣтріи 1358 года Симеонъ Ивановичъ потерялъ сыновей, а черезъ мѣсяць послѣ нихъ и самъ скончался, составивъ духовную грамоту—рядъ книгинъ своей Маріи Александровнѣ. Содержание этого ряда построено на опредѣленіяхъ бывшаго между братьями договора: «положишъ есмь на Бозѣ и на васъ на своей братьи, пишеть въ грамотѣ в. к. Симеонъ, тако имете блюсти по нашему докончанью, како тогда мы цѣловали крестъ у отца гроба». Симеонъ передаетъ женѣ своей все, чѣмъ его благословилъ отецъ, в. к. Иванъ Даниловичъ: Коломну со всѣми волостями и Можайскъ съ тянувшими къ нему волостями, т. е. весь свой удѣлъ, съ нимъ и свой «жеребій» московской тамти ¹⁾, а также села, доставшіяся ему по ряду отца и по дополнительному раздѣлу съ братьями, и свои примыслы и прикупы, и всѣ свои драгоценности. Такое прямолинейное осуществленіе наслѣдственности удѣла явно грозило серьезною опасностью силѣ Московскаго княжества. Переходъ въ женскія руки, да еще въ руки бездѣтной вдовы, уроженки тверскаго княжого дома, такихъ важнѣйшихъ московскихъ владѣній, какъ Можайскъ и Коломна, былъ недопустимъ политически. Онъ и не осуществился. Къ сожалѣнію, наши источники не даютъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ это произошло. Знаемъ только—по духовной грамотѣ в. к. Ивана Ивановича ²⁾, что оба города въ рукѣ в. к. Ивана, притомъ съ волостями, хотя значительная часть этихъ послѣднихъ—въ пожизненномъ владѣніи книгини Марьи; но и волостями этими она владѣла далеко не до смерти, можетъ быть потому, что удалась въ монастырь ³⁾. Коломенскій удѣлъ—въ виду его исключительнаго политико-

¹⁾ Конечно, не половиною, назначенную „на старѣйшій путь“ в. к. Симеону и тому, „кто будетъ старѣйшимъ“ послѣ него, какъ не передаетъ в. к. Симеонъ женѣ и путей дворцоваго хозяйства, а только „изъ коней своихъ 40 коней“, а изъ стада „стадо коломенское, другое стадо Дѣтяно Ивашково“.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 26.

³⁾ Текстъ духовной грамоты в. к. Ивана Ивановича содержитъ два, противорѣчащихъ другъ другу, указанія на судьбу этихъ волостей: три изъ нихъ—Похраве, Песочна и Середокоротна указаны въ перечнѣ пожизненнымъ владѣніемъ книгини Марьи, о которыхъ сказано: „а по ее животи, тѣ волости сыну моему князю Дмитрію“; а далѣе читаемъ: „а се даю есмь книгини своей Олександрѣ изъ Коломенскихъ волостей: Похраве, Песочну, Середокоротну“, при чемъ волости эти должны перейти къ в. к. Дмитрію по смерти кв. Александры. Книгиня Марья умерла въ 1399 г. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 72), переживъ и в. к. Ивана (ум. въ ноябрѣ 1358 г.) и его вдову книгиню Александру (ум. въ декабрѣ 1363 г.; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 13), но предоставленная ей волости не остались въ ея рукахъ: часть

географическаго значенія остается, съ тѣхъ поръ—неизмѣнно, удѣломъ великокняжескимъ, какъ и опредѣлить въ своей духовной грамотѣ в. к. Дмитрій Ивановичъ: «а по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Васнляя, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему князь Васнльень удѣлъ». Такъ на первыхъ же порахъ исторіи московской княжеской семьи, во иторомъ и въ третьемъ поколѣнн, великокняжеское положеніе ея главы наложило свою печать на судьбы владѣнія по удѣламъ, подчиняя его неизбежнымъ политическимъ условіямъ.

IV.

Однако, въ другихъ отношеніяхъ—удѣльное владѣніе продолжало развиваться наперекоръ существеннымъ политическимъ интересамъ Московскаго княжества, постепенно расшатывая тѣ основы его единства, какія пытались обезпечить Иванъ Калита въ духовной и Симеонъ Ивановичъ въ договорѣ съ братьями.

Вскорѣ послѣ в. к. Симеона, глѣтомъ 1353 г., умеръ князь Андрей Ивановичъ. Его княжее наслѣдіе перешло къ сыновьямъ—кн. Ивану, который всего на пять лѣтъ пережилъ отца и умеръ отрокомъ, в Владиміру

ихъ, именно волости коломенскія, переданы в. к. Александръ въ пожизненное владѣніе. Редакція текста духовной грамоты в. к. Ивана Ивановича вообще сохранила слѣды перепишки на блѣдо съ правленой черновой: такъ слово «Мещерка у Коломны» попало явно на не надлежащее мѣсто съ приписки на черновой. Вставкой при новой редакціи грамоты представляется и статья: «А се далъ есмь княгани своей Олександръ изъ коломенскихъ волостей»..., причѣмъ не проредактированными заново остались статьи о пожизненномъ владѣніи коломенскими волостями кн. Марья. Конечно, возможно было бы и другое предположеніе: что къ статьѣ о надѣленіи кн. Александръ коломенскими волостями надо примышлять оговорку о переходѣ ихъ къ этой княгинѣ по смерти кн. Марья, но тогда непонятно отдѣленіе этой статьи отъ статьи о Залчковѣ и Заберегѣ, которая читается ниже въ духовной грамотѣ: «а что за княгинею за Марью Залчкову, Заберегъ съ мѣстн, то до ее живота, а по ее животъ—моей княгинѣ». Эти двѣ волости—не коломенскія и не часть удѣла кн. Симеона Ивановича, а его примысли: Залчковъ по «благословенью» его тетки кн. Анны (договорная грамота в. к. Симеона съ братьями, С. Г. Г. и Д., т. I № 23), Заберегъ (Забереги, Заберега)—по куплѣ у Семена Новосильскаго (духовная в. к. Симеона, тамъ же, № 24) Заберега—упоминаются въ ряду верейскихъ волостей въ духовной в. к. Дмитрія Довскаго (тамъ же, № 34) и въ мѣшовой грамотѣ 1666 г. (тамъ же, № 187). О Залчковѣ встрѣчаемъ указаніе во второмъ договорѣ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ (тамъ же, № 29) какъ о пожизненномъ владѣніи княгини (очевидно—Марья), но въ духовной Довскаго и Залчковъ и Заберега въ его владѣніи (вѣроятно потому, что кн. Марья къ тому времени уже приняла постриженіе? записъ о ея кончинѣ называется ея: «великая княгини Марія Семенова Ивановича, нареченная во мншескомъ чаву Фетинія», а не говорить, какъ обычно при постриженіи на смертномъ одрѣ: «преставися въ чернцахъ и въ скнѣ»).

Андреевичу, родившемуся въ сороковой день отцовской кончины. Духовная в. к. Ивана Ивановича и договоры в. к. Дмитрія Ивановича съ кн. Владимиромъ показываютъ, какъ новое развѣтленіе княжеской семьи, усладо раздѣльность владѣнія московской отчиной по удѣламъ. В. к. Иванъ сохраняетъ за племянникомъ долю его отца: «на Москвѣ въ наѣстничествѣ треть, въ тамгѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть и треть меду оброчнаго»; великій князь даже отступился отъ ряда преимуществъ «старѣйшаго пути», установленныхъ при Симеонѣ: нѣтъ рѣчи о выдѣлѣ на долю «старѣйшаго» цѣлой половинны тамги, на трое дѣлятся конюшіи путь и «кони ставити по станомъ и по варямъ». Но Москву онъ приказываетъ только двумъ сыновьямъ своимъ, князю Дмитрію и князю Ивану. Старшему назначенъ можаиско-коломенскій удѣлъ; младшему — авсегородскій; а князь Владиміръ «вѣдаетъ убадь отца своего». «Убадь» этогъ потерянаго нѣкоторое умаленіе: Лопастна отошла къ Рязани, но князь Владиміръ получалъ взаменъ Новый Городокъ на усть-Поротки; остальные же отошедшія къ Москвѣ «рязанскія мѣста» идутъ въ раздѣлъ «на поля» между сыновьями великаго князя.

Численныхъ людей «все три князя блюдутъ сопча, съ одного». По смерти княгини Ульяны ея волости и села и доходъ съ «осминного» пойдутъ въ раздѣлъ, по выдѣлѣ волости Сурожина и села Лучинскаго ея дочери, «на четверо, безъ обиды» между двумя сыновьями великаго князя, его вдовой-княгиней и кн. Владиміромъ; «а ця по грѣхомъ имутъ изъ Орды искати Коложны или лопастеньскія мѣста или отѣбныхъ мѣста равальскихъ, а ця по грѣхомъ отоймется которое мѣсто, дѣти мои, князь Дмитрій и князь Иванъ, и князь Володимеръ въ то мѣсто и княгиня подѣлятся безъпешными мѣстами».

Семейно-вотчинная группа еще стоитъ на сложившихся основаніяхъ ея строя. Владиміръ Андреевичъ—еще въ полной мѣрѣ удѣльный князь московской вотчины. Черты нѣкотораго обособленія этого двоюроднаго въ княжествѣ братствѣ еще незначительны. Но они будутъ крѣпнуть и выступить опредѣленнѣе въ дальнѣйшемъ развитіи междукняжескихъ отношеній.

По смерти в. к. Ивана Ивановича (въ ноябрѣ 1358 г.) на московскомъ княженіи остались три молодшихъ князя—два Ивановича Дмитрій и Иванъ, и Владиміръ Андреевичъ. Первый же договоръ, опредѣлявшій взаимныя отношенія старшаго Дмитрія съ «молодшими» Владиміромъ¹⁾, устанавливаетъ

¹⁾ Этотъ договоръ заключенъ „по благословенью“ митр. Алексія; болѣе опредѣленная его датировка дѣлается въ литературѣ крайне сбивчиво. Въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (т. I, № 27) договоръ отнесенъ къ 1362 году; Карамзинъ отнесъ его къ 1364 г., какъ договоръ, заключенный послѣ кончины князя Ивана Ивановича (ум. 23 окт. 1363—6372 г., по Карамзину 1364 г.) и в. к. Алек. (ум. 27 дек. того же года; ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12—13; т. X, стр. 3 и

понятіе двухъ отчинъ въ составѣ московскаго княженія: «тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина». Владѣнія князя Владимира Андреевича—уже не удѣлъ общей вотчины, а особая отчина; хотя та же грамота сохраняетъ слово «удѣлъ» для обозначенія владѣній князя Владимира, многозначительность формулы о двухъ отчинахъ вскрывается дальнѣйшимъ развитіемъ отношеній.

Братъ Донского, князь Иванъ Ивановичъ—умеръ въ октябрѣ 1368 года. Его удѣлъ перешелъ въ обладаніе в. к. Дмитрія Ивановича. Произошло это въ годину послѣдней, рѣшительной борьбы за великое княженіе и окончательной побѣды в. к. Дмитрія надъ суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ и тѣми князьями, которые его поддерживали. Тогда же в. к. Дмитрій привелъ въ свою волю ростовскаго князя, а князей гагичнаго и стародубскаго согналъ съ нихъ княженій. Черезъ годъ князь Дмитрій Константиновичъ вовсе скривился: когда его сынъ Василій съ танкскимъ посломъ «вынесъ изъ Орды великое княженіе отцу своему», князь Дмитрій «отступися великаго княженія князю великому Дмитрію Ивановичу», а въ январѣ 1366 года выдалъ за него дочь свою Евдокію.

Ко времени послѣ всѣхъ этихъ событій относится второй договоръ в. к. Дмитрія Ивановича съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ ¹⁾. Какъ

4, кончина в. к. Александры подл. 6873 г.), вѣроятно потому, что въ договорѣ не упоминаютъ князь Иванъ С. М. Соловьевъ повторилъ дату С. Г. Г. и Д. Сужденіе А. В. Экземплярскаго колеблется: во II т., на стр. 295 онъ утверждаетъ, что этотъ договоръ состоялся послѣ октября 1364 г., такъ какъ иначе былъ бы упомянутъ кн. Иванъ, во II т., на стр. 94, онъ отнесъ договоръ къ 1362 г.—къ моменту, когда московскіе бояре организовали походъ противъ кн. Дмитрія суздальскаго, «идеи съ собой троить вникъ князей, т. е. Дмитрія, Ивана и Владимира», вытѣснивъ Дмитрія Константиновича изъ Переяслава и Владимира и вернулись въ Москву, посадивъ Дмитрія Ивановича на великомъ княженіи; къ этому, кажется, времени, замѣчаетъ А. В. Экземплярскій, надобно отнести его договорную грамоту съ двоюроднымъ братомъ его, Владимиромъ: конечно, бояре позаботились для устранения въ будущемъ какихъ либо недоразумѣній, опредѣлить взаимныя отношенія братьевъ*. Только эта послѣдняя датировка вмѣстѣ за себя опредѣленнаго основанія. Если въ договорѣ не упоминаютъ кн. Иванъ, то это еще можно объяснить тѣмъ, что у него, за малолѣтствомъ, не было своего двора и что состоялъ онъ въ той же опеке митр. Алексія и московскихъ бояръ, какъ и в. к. Дмитрій; напротивъ, трудно допустить, чтобы по смерти кн. Ивана заключенъ былъ договоръ, гдѣ не было бы упоминанія о его звенигородскомъ удѣлѣ: в. к. Дмитрій выступаетъ тутъ владѣльцемъ только того удѣла дяди своего князя великаго Семеновымъ*, т. е. можайско-коломневскимъ, какнй его благословлялъ отецъ его в. к. Иванъ. У князя Владимира—былъ свой дворъ—бояре его отца, и договорное опредѣленіе его отношеній къ в. к. Дмитрію было естественно и даже необходимо.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 29. Договоръ этотъ дошелъ до насъ въ сильно пороченномъ видѣ; мѣстами его содержаніе не поддается сколько-нибудь надежному восстановленію. Въ С. Г. Г. и Д. онъ датированъ 1371 г., очевидно—какъ годомъ рожденія князя Василія Дмитріевича, ввиду упоминанія въ грамотѣ о великокняжескомъ сынѣ. А. В. Экземплярскій отнесъ грамоту ко времени суда 1359 и 1363 г. г.

ни трудно приурочить этот договор к определенному хронологическому моменту, как ни отрывочен разрушенный временем текст этой грамоты, она все таки дает ряд ценных указаний, важных для истории московских княжеских отношений.

Заключение договора было связано с «пожалованием» князю Владимиру Андреевичу в. к. Дмитрием Галича и Дмитрова «съ волостями и съ селы», и съ установлением новых условий о раздѣлахъ и взаимоотношенияхъ княжого владѣнія. Измѣненія въ составѣ владѣній кн. Владимира ставили его владѣльческое положеніе на новые основанія. В. к. Дмитрій ему «даде въ удѣлѣ» Галичъ, Дмитровъ и волости; эти новоприобрѣтенныя владѣнія кн. Владимиръ называетъ въ грамотѣ: «мой удѣлъ, чѣмъ я есмь, господине, пожаловалъ», противопоставляя ихъ своимъ наследственнымъ владѣніямъ: для обозначенія всей совокупности своихъ владѣній кн. Владимиръ употребляетъ выраженія: «въ моей вотчинѣ и въ удѣлѣ», «а въ вотчину ти, господине, въ мою и въ удѣлѣ данщиковъ ти своихъ и приставовъ не всылати». Крѣпнетъ и опредѣляется представленіе о двухъ вотчинахъ въ составѣ Москов-

на основаніи словъ: «...пожалуетъ насъ Богъ, найдемъ тебѣ, князю великому, великое...», такъ какъ въ 1368 г. закончилась борьба за великое княженіе, а «чего-нибудь другого великаго, кромѣ великаго княженія, договаривающіеся не могли искать» (указ. соч., т. II, стр. 221). Однако, такая датировка грамоты неприемлема, какъ потому, что весь ея текстъ, насколько онъ сохранился, трактуетъ Дмитрія Ивановича, обладателя великаго княженія (кромѣ титула, обязательство кн. Владимира «не искати» великаго княженія подъ в. к. Дмитриемъ и его дѣтми, упоминаніе о сборѣ дани съ вотчинами великаго князя и съ великаго княженія), такъ и потому, что въ ней упомянуто о пожалованіи в. к. Дмитриемъ «въ удѣлѣ» князю Владимиру Галича и Дмитрова, устанавливается в рубжѣ этихъ владѣній, что возможно только для времени послѣ 1368 г., т.-е. послѣ изгнанія изъ Галича послѣдняго мѣстнаго князя; наконецъ упоминаніе о «двухъ жеребьяхъ» изъ удѣла княгини Ульяны, доставшихся в. к. Дмитрію, указываетъ на время послѣ кончины кн. Ивана (1368 г.), а упоминаніе о смыслѣ в. к. Дмитрія («тебе, брата своего старѣйшаго, князя великаго себе отцемъ а сына твоего...» и «а ци Богъ размыслитъ а смыку твоимъ...») отодвигаетъ дату грамоты ко времени не ранее конца 1366—начала 1367 г., если допустить, что рѣчь идетъ о первенцѣ в. к. Дмитрія Даниилѣ, который умеръ, поведенію въ младенчествѣ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 237—«Данало малой»; т. VIII, стр. 56; т. IX, стр. XV; т. XI, стр. 121), такъ какъ в. к. Дмитрій женился въ январѣ 1366 г. Мало существенно для приуроченія этой грамоты указаніе надписи на ея оборотѣ, что онъ заключенъ «при Олексѣ митрополитѣ всея Руси», т.-е. ранее 1376 г. Однако, всего вѣроятнѣе относитъ ее, согласно С. Г. Г. и Д., къ 1371 г. Три ея мѣста — три дефектныхъ отрывка даютъ неустрашимое впечатлѣніе тревоги за великое княженіе и за владѣнія, пожалованныя кн. Владимиру в. к. Дмитриемъ: 1) [велико]...е княжесѣе, а отъ мене мой удѣлъ, чѣмъ я есмь, господине, по... [жаловалъ]; 2) «аца от... [оимутся?]; и 3) «...пожалуетъ насъ Богъ, найдемъ тебѣ, князю великому, великое...» [княженіе?]. Въ ряду событій послѣднѣе 1366 г. можно указать лишь одинъ моментъ, которымъ поясняется бы подобная тревога: въ 1371 г. тверской князь Михаилъ Александровичъ вывелъ изъ Орды ярыгъ на великое княженіе и началъ борьбу съ Дмитриемъ Ивановичемъ при помощи ятвойской рати.

скаго княжества: потомковъ в. к. Ивана Ивановича и его брата Андрея. Владѣя своей вотчиной, кн. Владиміръ получилъ долю—«удѣлъ» въ новыѣхъ приобретеніяхъ великаго князя, прецедентъ, котораго догдо не забывали младшіе князья московскаго княжескаго дома. А в. к. Дмитрій владѣетъ, кромѣ великаго княженія, своей московской вотчиной и удѣломъ¹⁾, причеъ послѣдній терминъ означаетъ въ этой грамотѣ, повидимому, ту долю новыѣхъ приобретеній, которая осталась въ рукѣ великаго князя за выдѣломъ кн. Владиміру пожалованнаго ему удѣла. Владѣя каждыи своею вотчиной, князья подѣлились по удѣламъ²⁾ новыми приобретениями, или, точнѣе, в. к. Дмитрій произвелъ этотъ раздѣлъ своею властью, «по сгадѣ» съ кн. Владиміромъ, закрѣпивъ его въ договорной грамотѣ, какъ свое «пожалованіе». Договоръ опредѣляетъ отношенія не только двухъ князей, но и двухъ линій княжескаго дома, такъ какъ содержитъ взаимную потомственную гарантію владѣній³⁾.

Такъ во второмъ поколѣніи потомковъ Калиты получила дальнѣйшее развитіе раздѣльность владѣнія по удѣламъ, установленная въ договорѣ в. к. Симеона Ивановича съ братьями. Обособленіе вотчины Владиміра Андреевича получило наглядное выраженіе и въ быту княжескомъ. Городскіе центры удѣловъ старшаго поколѣнія—Можайскъ, Коломна, Звенигородъ, Серпуховъ—не были столыными городами. А кн. Владиміръ Андреевичъ подлинно серпуховской князь. Договоръ его съ в. к. Дмитріемъ, только что разсмотрѣнный, запечатлѣлъ, очевидно, лишь переходящій моментъ ихъ отношеній, подлинная фактическая обстановка котораго намъ точнѣе неизвѣстна. Нѣтъ основаній полагать, что владѣніе Галичемъ и Дмитровымъ закрѣмилось за Владиміромъ Андреевичемъ хотя бы на нѣкоторое время: нельзя даже утверждать, что оно вообще осуществилось. По свидѣтельству третьяго договора между в. к. Дмитріемъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ⁴⁾, еще при жизни митр. Алексѣя и при его посредничествѣ кн. Владиміръ получилъ отъ в. к. Дмитрія Лужу и Боровскъ⁵⁾, сверхъ того превращенія его

¹⁾ «А коли ти, господине, будетъ взята дань на своей вотчинѣ и на великомъ княженіи...» и ниже: «также и мнѣ, брату твоему молодшему, въ вотчину въ твою и въ удѣлъ данщиковъ ми своихъ не всмлати».

²⁾ Слово удѣлъ и въ этой грамотѣ означаетъ долю, полученную путемъ раздѣла (или надѣла), но по существу относится къ владѣнію иного типа, чѣмъ удѣлы—участки снмовой Калиты, такъ какъ въ данномъ случаѣ отсутствуютъ представленіе о единой вотчинѣ, которой вотчичи владѣютъ по удѣламъ, а, стало быть, терять свою твердую основу характерныя особенности такого владѣнія—возможность частичнаго передѣла и право остальныхъ вотчичей на выморочный удѣлъ князя—собрата.

³⁾ «Вотчини ми, господине, твоее и великаго княженія... ми подѣ тобою не мслати и подѣ твоими дѣтми, ни моимъ... (дѣтми), ...и твоимъ дѣтемъ подѣ моими дѣтми»; «блжста, а не обидѣти, и твоимъ дѣтемъ».

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 33.

⁵⁾ «и ты мнѣ потомъ челоуѣмъ добилъ отцомъ моимъ Алексѣемъ митрополитомъ всемъ Руси, и язъ тебе пожаловалъ, дать ти есмь Лужу и Боровескъ».

владѣній, какое вызвано было кончиной княгини Ульяны ¹⁾, а не Галичь и Дмитровъ ²⁾.

Этотъ третій договоръ, заключенный уже въ 1380-хъ г.г., по благословенію митр. Пимена ³⁾, даетъ, благодаря лучшей сохранности текста, болѣе точное опредѣленіе «вотчинны» великаго князя, на которуя не дожидеть кн. Владиміръ имѣть какія-либо притязанія. Эта вотчина—то, чѣмъ в. к. Дмитрій благословилъ отецъ его в. к. Иванъ Ивановичъ: два жребія въ городѣ Москвѣ, въ городскыхъ ставлахъ и доходахъ, Коломна, Можайскъ и Звенигородъ со всѣмъ, что къ нимъ тянуло. Владѣнія князи Владиміра состоятъ изъ отцовскаго наслѣдія—трети въ городѣ Москвѣ, городскыхъ ставлахъ и доходахъ и отцовскаго удѣла, а также новыхъ приобретений—Городца (полученнаго кн. Владиміромъ взаимѣнь Лопастны, которая отошла къ Рязани), Лужи, Боровска и волостей изъ бывшаго удѣла кн. Ульяны.

Въ 70-хъ г.г. XIV в. кн. Владиміръ Андреевичъ выступаетъ серпуховскимъ княземъ-вотчинцемъ, устройтеземъ своего стольнаго города и княженія. Въ 1371 г. онъ женился на дочери в. к. литовскаго Ольгерда, а въ 1374 г. «князь Володимиръ Андреевичъ заложя градъ Серпуховъ въ своей отчинѣ и повелѣ въ единомъ дубу срубити его; живущихъ же ту человекомъ и

¹⁾ «и что ти ся достало удѣла княгинина Ульянина». Дата кончины вдовы Ивана Калиты неизвестна, но сводилась она ранѣе заключенія второго договора в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ. По духовной в. к. Ивана Ивановича волосы, сада и осмичее, назначенныя ей въ удѣлъ духовной Ивана Калиты, признаны ей пожизненнымъ владѣніемъ, съ тѣмъ, чтобы по ея смерти всѣмъ этимъ подѣлились «на четверь безъ обиды» князи Дмитрій и Иванъ Ивановичъ, кн. Владиміръ Андреевичъ и княгиня Александра, вдова в. к. Ивана Ивановича. Кн. Иванъ и кн. Александра скончались въ 1363 г. Второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ указываетъ на то, что великому князю досталось «два жеребья» изъ удѣла княгини Ульяны (причитавшіеся ему и брату его Ивану).

²⁾ Второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ упоминаетъ также объ уступкѣ великимъ княземъ князю Владиміру даны въ Перемышлѣ, Ростовѣ и Кокавомѣ Вродѣ: великій князь обязуется не посылать въ эти мѣста своихъ данщиковъ; третій (1389 г.) упоминаетъ объ отмигѣ этого пожалованія: «а что ти ся есмь быль отступилъ даны въ Ростовѣ и въ Перемышлѣ, а на то имъ слати свои данщики вмѣстѣ, какъ было при нашемъ дѣдѣ, при великомъ князѣ и при нашихъ отцѣхъ».

³⁾ Договоръ этотъ содержитъ указаніе, что заключенъ онъ послѣ размирья между князьями: «принѣ есмь въ любовь брата своего младшаго и своего сына князя Володимера Авдрѣевича и докончали есмь и цѣловали есмь крестъ у своего отца у митрополита». «Размирье бысть великому князю Дмитрію Ивановичю съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ» читаемъ въ лѣтописи подъ 1388 г., а затѣмъ: «въ лѣто 6897 марта 25, въ Благовѣщеніе князь великій Дмитрей Ивановичъ всея мѣрѣ и прощеніе и любовь съ княземъ Володимеромъ Авдрѣевичемъ» (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52). Дата договорной грамоты—1389 г. (въ С. Г. Г. и Д.—1388, вѣроятво, по мартовскому лѣтоисчисленію).

приходящимъ отъиуды, ту жити хотящимъ, подаетъ многу вою и льготы; наместничество же приказа въ градѣ томъ Якову Юрьевичу Новосильцу, окольничему своему; затѣмъ князь заложилъ, при участіи св. Сергія Радонежскаго, храмъ во имя Зачатія св. Богородицы, а при немъ учредилъ общежительный монастырь; въ 1370-хъ же годахъ сооруженъ былъ и соборный храмъ св. Троицы, обѣ освященіи котораго читаемъ подъ 1380 г. ¹⁾ Серпуховъ становится стольнымъ городомъ особаго вотчиннаго княжества.

V.

Удѣльное владѣніе, какъ долевое владѣніе общей вотчиной нѣсколькихъ князей-отчичей, было весьма непрочной и неустойчивой основой для сохранения единства семейно-владѣльческой группы и ея вотчиннаго княженія. Тенденція къ распаду такого княженія на отдѣльные обособленные вотчины, съ ослабленіемъ и полнымъ разрывомъ владѣльческихъ связей между прежними частями единого цѣлаго, должна быть признана существенной его чертой. Она и сказывается въ третьемъ поколѣніи московскихъ Даниловичей. Полному ея осуществленію противодействуютъ, конечно, иные мотивы междукняжескихъ отношеній, которые—въ противоположность владѣльческимъ, можно назвать политическими: выше были подчеркнуты опредѣленія духовной Казны и договора в. к. Симеона съ братьями, направленныя на сохраненіе единства боевой и финансовой силы Московскаго княжества. Однако, и въ этой области отразилось усиленіе раздѣльности княжого владѣнія, которая грозила перейти отъ владѣнія по удѣламъ къ обособленію отдѣльныхъ вотчинъ. Договоры в. к. Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ наводятъ на любопытныя наблюденія надъ борьбой за сохраненіе единства Московскаго княженія подъ старѣйшинствомъ Дмитрія Ивановича противъ нарастающаго удѣльно-вотчиннаго распада, проявленіямъ котораго въ сферѣ междукняжескихъ политическихъ отношеній тѣ же договоры даютъ, однако, нѣкоторую санкцію.

Договоры эти стоятъ—въ принципѣ—на почвѣ договора в. к. Симеона съ братьями. «А жити имъ по тому», уговариваются князья въ первомъ изъ нихъ, «какъ то отцы наши жили съ братомъ своимъ старѣйшимъ, зъ дядею нашимъ со княземъ съ великимъ съ Симеономъ»; та же формула и въ третьемъ договорѣ; читалась бы она, конечно, и во второмъ, если бы сохранялось его начало. Однако, братское равенство и владѣльческая самостоятельность младшаго князя выражены—въ рядѣ пунктовъ—опредѣленнѣе въ рѣше. Формула договора в. к. Симеона съ братьями: «а гдѣ имъ будетъ всѣсти на конь, всѣсти вы на конь безъ ослушанья, а гдѣ имъ будетъ самому не

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19, 21 и 34.

вѣсти, а будетъ ми вась послати, вѣсти вы на конь безъ ослушанья— поколебана въ первомъ изъ договоровъ кн. Владиміра. Сохраняя обязательство (младшаго князя посылать «безъ ослушанья» воеводу, бояръ и слугъ въ походъ съ великокняжескими войсками, договоръ говорить о службѣ «безъ ослушанья» младшаго князя старѣйшему «по згадѣ», како будетъ миѣ случило и тобѣ, брату моему молодшему», но предвидѣть личное участіе его въ походѣ только при личномъ же выступленіи великаго князя: «коли ти будетъ вѣсти со мною на конь». На дѣлѣ кн. Владиміръ Андреевичъ не разъ ходилъ въ походы по посылкамъ великаго князя, и договоръ 1389 г. вернулся къ формулѣ перваго договора московскихъ князей, сыновей Калиты ¹⁾).

Подробно развита въ договорахъ гарантія самостоятельной территориальной власти ²⁾ и власти надъ зависимыми отъ князя людьми ³⁾. Однако, въ послѣднемъ отношеніи полное разграниченіе двухъ княжескихъ властей встрѣчало неодолимые препятствія въ размещеніи бояръ и слугъ одного князя во владѣніяхъ другого, что поддерживалось и свободой отъѣзда. Договоры в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ устанавливають подчиненіе бояръ и слугъ по данн и военной службѣ мѣстной княжеской власти, по мѣсту жительства и землевладѣнію, на началахъ полной взаимности ⁴⁾,

¹⁾ «А коли ми будемъ самому вѣсти на конь, а тобѣ со мною; или ты куды пошлѣ, а твои бояре съ тобою». Возможно, что уже во второмъ договорѣ отпала мысль, что двоюродный братъ лично выступаетъ только при личномъ же выступленіи великаго князя, но навѣрное сказать нельзя, что въ немъ было пропущено: отъ разрушеннаго временемъ строкъ остались только слова: «безъ ослушанья». Сама мысль эта, повидимому, не чужда укладу междукняжескихъ отношеній еще въ старой Кіевщинѣ, ср. «Княжое право», стр. 75.

²⁾ Гарантія взаимная: во владѣніи другъ друга не всылатъ на даншниковъ, ни приставокъ, не давать жалованныхъ грамотъ, не покупать въ чужихъ предѣлахъ сель, не держать ни закладней, ни оброчниковъ, ни князю, ни его бояремъ.

³⁾ Въ договорѣ 1389 г.: «а ударить ми теломъ мой на твоего, хто живеть въ твоёмъ удѣлѣ, и миѣ послати къ тобѣ, и тобѣ ему исправа учинити; а ударить ти теломъ твой на моего, хто живеть въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ князьствѣ, и тобѣ послати ко миѣ, и миѣ ему исправа учинити, а за ними слати намъ своихъ бояръ». Претензіи князей къ боярамъ другъ друга разрѣшаются съѣснымъ судомъ, который можетъ свои разногласія перенести на третейское рѣшеніе: «а чего ми будетъ искати на твоихъ боярахъ или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ себе по боярину, тѣ тому дѣлу учинити исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межн себе спорутся—ѡхати имъ на третій, кого себе изберутъ, тамо ѡхати промовятся» (первый договоръ). Такимъ же порядкомъ разрѣшаются и пререканія самихъ князей; договоръ 1389 г. добавляетъ лишь указаніе, что роль третейскаго судьи исполняетъ, въ такомъ случаѣ, митрополиту, а въслѣдствіе вакантности митрополіи—возможенъ выборъ «кого себѣ изберутъ».

⁴⁾ Первый договоръ (текстъ дефектный): «а коли миѣ будетъ, брате молодшіи, и дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ князьствѣ, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ князьствѣ..... ми дань взяти, какъ и на своихъ»..... Договоръ

тѣмъ самымъ укрѣпая самостоятельность власти территориальной. Осложнились эти отношенія и особымъ значеніемъ Москвы, гдѣ у князей удѣльныхъ были свои дворы, свои бояре и слуги, свои доходныя права. Договоръ в. к. Симеона съ братьями обезпечивалъ права удѣльныхъ князей отъ поновластія старшаго брата и его намістниковъ, и тотъ же порядокъ нѣсколько отчетливѣе опредѣленъ въ договорѣ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ¹⁾: московскіе суды судить великій князь или его намістникъ, но своихъ приставовъ за чужимъ бояриномъ не посылаетъ, вызовъ боярина на судъ—дѣло власти князя, кому этотъ бояринъ служитъ, а намістникъ удѣльнаго князя присутствуетъ на судѣ, блюди интересы праваго суда и княжого судебного прибытка.

Еще сложнѣе были отношенія по сбору дани. Въ своей вотчинѣ кн. Владиміръ Андреевичъ имѣетъ самостоятельную финансовую власть, а «ордынскую тягость и проторь» выплачиваетъ великому князю «съ своего удѣла, по давнымъ сверткомъ». Такъ—по первому его договору съ в. к. Дмитріемъ. А договоръ 1389 г. устанавливаетъ долю въ «ордынской тягости» и «проторѣ»—съ его удѣла и доставшейся ему трети владѣній кн. Ульяны въ 5320 рублей, «а прибудеть ли, убудеть ли, нию по разочту», притомъ съ обязательствомъ принять на себя «по тому же по разочту» долю въ долгахъ золотоордынскимъ купцамъ и византійскимъ купцамъ²⁾.

1389 г.: «а хто иметь жити моятъ бояръ и моего сына княжихъ Васильовичъ и моятъ дѣтей въ твоємъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ, и дань взяти маетъ на своихъ; а хто иметь жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженствѣ, а тѣхъ намъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ». О военной службѣ: «а коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводу, а твоихъ бояръ хто иметь жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженствѣ, тѣмъ побхати съ моимъ воеводоу, а моимъ потому же съ твоимъ воеводоу».

¹⁾ Дефектный текстъ: «.... московскіе плути бити челомъ тобѣ, князю великому на нашихъ бояръ и слугъ московскихъ,—аже будешь на Москвѣ, тобѣ судити, а мы съ тобою въ судъ шлѣи, господине; опроче Москвы—слати къ твоему намістнику и къ нашимъ чиняти исправу московскимъ бояромъ и слугамъ, а приставовъ ти не слати». Въ договорѣ 1389 г.: «а судовъ ти [князю Владиміру] московскихъ безъ моятъ намістниковъ не судити, а язъ ему московскимъ суды судити; тѣмъ ми ся съ тобою дѣяти; а буду опроче Москвы, а ударитъ ми челомъ москвитинъ на москвитина, пристава ми дати, а послати ми къ своимъ намістникомъ, п ли исправу учиняти, а твои намістники съ нами; а ударитъ ми челомъ хто изъ великаго княженствѣ на москвитина, на твоего боярина, и миѣ пристава послати ко него, а тобѣ послати за своимъ своего боярина». Великій князь—согласно обоимъ договорамъ—не посылаетъ пристава для зова на судъ бояръ и слугъ кн. Владиміра, который самъ ставитъ на судъ своихъ людей, но судъ не смѣсный, а великаго князя или его намістника, а намістникъ удѣльнаго князя «съ нимъ»—ради доли въ судебномъ доходѣ («тѣмъ ми съ тобою дѣяти»).

²⁾ «Весерменскій долгъ и проторь»—задолженность великаго князя въ Орду. «Русскій долгъ», очевидно, тотъ долгъ, что сдѣлалъ въ Константинополѣ на имя

Договоры предвидят случаи, когда потребуется чрезвычайный сборъ дань—той, что въ жалованных грамотахъ именуется «давню немнучей»; когда великий князь вымщеть эту дань на своихъ боярахъ, то и удѣльный обязуется взять ее на своихъ боярахъ и внести въ казну великаго князя ¹⁾.

Хотя въ договорахъ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ нѣтъ оговорки, какую встрѣчаемъ позднѣе, когда удѣльный князь заявляетъ великому въ договорной грамотѣ: «а переменить Богъ Орду, не вемъш давати татарамъ, а коли учнешь имати дань съ своей отчины съ великаго княженя себѣ, и мнѣ тогда съ своего удѣла имати дань собѣ», но представляется, что только «ордынская тягость» связываетъ удѣльнаго князя по сбору и выплатѣ дани въ великокняжескую казну, несомнѣнно лежащая на осовѣ ихъ фискаловыхъ отношеній. Это сказывается въ договорныхъ опредѣленіяхъ о тѣхъ доходахъ, которые князья «блудутъ» еще «съ одного». Сборъ московскихъ городскихъ даней—въ городѣ и по станамъ и по перепарамъ (варямъ)—производить данщники обонъ князей, хотя все что они соберутъ идетъ въ казну великаго князя, потому что онъ выплачиваетъ татарскій «выходъ» ²⁾. Если же отпадетъ уплата «выхода», предположительно раздѣль дань: «а оже ны Богъ забавитъ, ослободитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребля, а тобѣ третья», говорить въ договорѣ 1389 г. великій князь удѣльному.

Традиционный укладъ возрѣвнн и отношеній утверждаетъ, какъ норму, полную раздѣльность вотчинной власти при владѣніи общей отчиной по удѣламъ, тѣмъ болѣе по превращеніи удѣловъ-долей въ обособленные вотчинныя княженія.

в. к. Дмитрія въ 1377 г. Псковъ, добываясь поставленія на митрополию вмѣсто умершаго Митая: „Писанъ же кабаломъ ономъ великаго князя съ своими советники поазимоваша въ ростъ на имя великаго князя у фрязъ и у бесерменъ, ростеть же сребро то и доселѣ“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32).

¹⁾ Дефектный текстъ перваго договора даетъ слѣд. указаніе: „а коли ми будетъ брате молодшии, я дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженъ... ми дань взяти какъ и на своихъ“; второй договоръ содержитъ тоже постановленіе на случай, когда великому князю „будеть взяти дань на своей вотчинѣ и на великомъ княженъ“, причемъ сохранилъ и вторую половину уговора: и удѣльному князю въ своей „вотчинѣ и въ удѣлѣ“ брать дань съ великокняжескихъ бояръ, чьи села лежатъ въ предѣлахъ его княженія. Договоръ 1389 г., кромѣ этого соглашенія (бояръ, служащихъ одному князю, а живущихъ во владѣніяхъ другого, „блудити какъ и на своихъ данти—какъ и на своихъ“), содержитъ и другое: „а коли ми взяти дань на своихъ боярехъ на большихъ и на путныхъ, тогда ти взяти такъ же по кормленью и по путемъ, да дати ти мнѣ, а то опроче того урока трагъ сотъ рублевъ и дватцати“ (разумеется, очевидно, упомянутый выше „урокъ“ въ 5820 р., т. е. въ грамотѣ описки на пять тысячъ р.).

²⁾ Первый договоръ: „а коли ми будетъ слати свои данщники въ городъ и на перовары..., а тобѣ свои данщникъ слати съ своими данщники вмѣстѣ“; договоръ 1389 г.: „а что наши данщники оберутъ въ городѣ и въ станѣхъ и въ варяхъ тому или въ мою казну, а мнѣ давати выхедъ“.

Однако, еще Казита противопоставилъ въ своемъ предсмертномъ рядѣ этой тенденціи къ вотчинному распаду ограниченіе самостоятельной власти удѣльныхъ князей, основанное на столь же традиціонныхъ началахъ княжого единичества подъ старѣйшинствомъ старшаго въ данной, московской группѣ князей. Сила и смыслъ старѣйшинства видоизмѣнялись и осложнялись на Москвіи соединеніемъ его въ одноѣ лицѣ съ великокняжеской властью. Договорныя грамоты великихъ князей-старѣйшинъ во всей братѣ, князьяхъ Московскаго княжества, съ младшими, удѣльными—отразили исканіе компромисса между двумя противоположными тенденціями между княжескихъ отношеній.

Въ договорѣхъ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ повторяется запретъ князьямъ и ихъ боярамъ покупать села и держать зависимыхъ людей въ чужихъ предѣлахъ, но практика вольной службы неизбежно создавала земельныя отношенія этого запретнаго тѣна и привела къ компромиссу «блюденья», подчиненія военному командованію и сбору дани—не по личной подданности, а по мѣсту землевладѣнія. А, вѣстѣ съ тѣмъ, само право отъѣзда потеряло въ первомъ договорѣ названныхъ князей нѣкоторое ограниченіе, сравнительно съ договоромъ п. к. Симеона съ его братьями: «а который бояринъ поидеть искормленъ отъ тебе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ,—такъ уговариваются в. к. Дмитрій и кн. Владиміръ,—а службы не отслуживъ, тому дати кормленъ по исправѣ, а любю служба отслужити ему»; отъѣздъ кормленщиковъ осложняется требованіемъ предварительнаго отказа и расчета. Этими усиленно подчеркивалась раздѣльность служебныхъ и административныхъ отношеній. Но въ области управленія военными силами провести ее было трудно. Удѣльный князь обязуется посылать въ походы своихъ бояръ и слугъ «безъ ослушанья»; поэтому не оставлено на его усмотрѣніе освобождать тѣхъ или иныхъ изъ нихъ отъ выступленія въ походъ: это дѣлается лишь съ докладу великому князю, «по гадцѣ» обоимъ князьямъ¹⁾; а нѣтчиковъ-ослушниковъ караетъ великій князь при участіи удѣльнаго²⁾. Таковы условія перваго изъ договоровъ в. к. Дмитрія и Владиміра Андреевича; договоръ 1389 г. ихъ не повторяетъ, что, быть можетъ, надо признать указаніемъ на уладокъ этихъ формъ великокняжескаго контроля надъ удѣльной боевой силой.

Въ сферѣ финансовыхъ отношеній наблюдаемъ тѣ же колебанія и компромиссы. Раздѣльность сбора дани по территориальному владѣнію стоитъ рядомъ съ повтореніемъ соглашенія: «а численнихъ людей блюсти мы съ одного»³⁾ и съ совмѣстной дѣятельностью обоимъ князьямъ по сбору

¹⁾ «а кого коли оставити у тебе бояръ, про то ти мене доложити, то ны учинити по гадцѣ: кому будетъ слично ся остати, тому остатися; кому ѣхати, тому ѣхати» (первый договоръ)

²⁾ «а кто ся ослушаетъ, того ми казати, а тобѣ брату моему со мною» (тоже).

³⁾ Первый договоръ: «а которые слуги потягли къ дворскому, а черныи люди

цѣлаго ряда доходовъ. Но первое изъ этихъ соглашеній стоитъ теперь въ связи, судя по договору 1389 г., съ мѣрами для охраны земельного обеспечения и личнаго состава черныхъ людей отъ ихъ расхищенія не только въ пользу дворцоваго хозяйства князей, но и въ пользу боярскаго и монастырскаго земледѣлїя; эти мѣры, какъ и охрана состава слугъ, которые тянутъ къ дворскому, и служнижъ земель, носятъ уже характеръ не столько опредѣленія междукняжескихъ отношеній и разграниченія вотчинной власти между князьями, сколько общихъ мѣропрїятій князей по управленію силами и средствами княжества. Наряду съ устанавливаемыми въ договорѣ порядками по управленію полевой сажой и сбору дани въ великокняжескую казну, эти мѣры—яркое свидѣтельство живой потребности единства въ наиболѣе существенныхъ сторавахъ управленія Московскимъ княжествомъ.

На поддержку и укрѣпленіе этого единства направлены усилія в. к. Дмитрія, притомъ едва-ли слѣдуетъ ихъ разсматривать внѣ связи съ его борьбой за усиленіе въ великокняжеской власти. Борьба московскихъ князей за власть въ Московскомъ княжествѣ—не самостоятельное явленіе, а одинъ изъ моментовъ ихъ борьбы за великокняжескую власть надъ всею Велико-россіей: вѣдь они не «московскіе» великіе князья, а владимірскіе и всея Руси. Сопоставленіе договорныхъ отношеній в. к. Дмитрія съ его тверскими и рязанскими договорами—даетъ ясное тому свидѣтельство.

Но и самые договоры в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ даютъ это свидѣтельство о стремленіи къ усиленію великокняжеской власти, которое преобразуетъ—на московской почвѣ—смыслъ стариннаго старшїиштва и самое понятіе о немъ. Усиливается элементъ властнаго подчиненія въ отношеніяхъ между старшимъ и младшимъ князьями. Сказывался онъ, конечно, и въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями, но тутъ находимъ дальнѣйшее его развитіе. Первый же договоръ между князьями Дмитріемъ и Владиміромъ содержитъ формулу: «а тобѣ, брату моему молодшему, князю Володимеру держати ти подо мною княженъе мое великое честно и грозно, а добра ти мнѣ хотѣти во всея»—формулу, которая опредѣляетъ отношеніе младшаго князя не къ старшїишїи во всея князьятъ Московскаго княжества, а къ великому князю всея Руси. Формула

къ сотникумъ, тыхъ ны въ службу не прїимати, но блясти ны ихъ съ одного, такоже и численыхъ людей". Во второмъ—не яснымъ отрывкомъ: „а въ численыхъ людѣхъ тобѣ, князю великому“..., какъ бы намекающїи на раздѣлъ (на двѣ трети и третью). Въ договорѣ 1389 г.: „а численыхъ людїи блясти ны съ одного, а земля ихъ не купити; а которые слуги къ дворскому, а черные люди къ ставовщнику, тыхъ въ службу не прїимати, а блясти ны ихъ съ одного, а земля ихъ не купити“; и ниже: „а хто будетъ покупать земли давыми служани или черныхъ людїи, по отпа моего животѣ, по князя великого по Ивановѣ, а тѣ хто возможетъ выкупити, п ихъ выкупать, а не возмогутъ выкупити, п въ потянутъ къ чернымъ людямъ; а хто не въсчочетъ тягунт, п ихъ ся земля съступать, а земли чернымъ людямъ даромъ“.

подчиненного единичества (кто старшійшему другъ или недругъ, тотъ и молодшему другъ или недругъ) дополнена такимъ опредѣленіемъ вѣрности этому единичеству, которое обычно и въ опредѣленіяхъ вѣрной боярской службы: «а что ти слышавъ о мнѣ отъ крестьянина ли, отъ поганяна ли о моемъ добрѣ или о злѣхѣ, или о нашей отчнѣи и о всѣхъ крестьянахъ, то то мнѣ повѣдати въ правду безъ примышленья, по цѣлованью»¹⁾. Правда, договорная грамота тщательно сохраняетъ при каждой изъ такихъ формулъ оговорки, охраняющія грань между простой службой великому князю и братскимъ, хотя и подчиненнымъ, единичествомъ съ нимъ: кромя общаго положенія—«а мнѣ, князю великому, тебе, брата своего, держати въ братствѣ безъ обиды во всемъ», великій князь признаетъ свою обязанность ни съ кѣмъ не заключать договоровъ и не вести переговоровъ безъ младшаго князя²⁾, сообщать ему, съ своей стороны, что узнаетъ «о добрѣ или о злѣхѣ». Но оговорки эти не умаляютъ руководящаго положенія великаго князя и подчиненности младшаго; ихъ взаимными отношеніями мало разнятся отъ отношеній боярской вольной службы, равъ и она сочеталась съ обязанностью добраго совѣта, сознаваемой не только какъ реальная необходимость, но и какъ боярское право. Служба младшаго князя великому «безъ ослушанья» лишь условно и не безъ натяжки сочетается съ такой характеристикой, какую даетъ ей договорная грамота, обязуя младшаго служить великому «безъ ослушанья во згядѣхъ, како будетъ мнѣ слыхо и тобѣ, брату моему молодшему», да еще при обѣщаніи великаго князя «кормити» младшаго «по его службѣ». Второй договоръ, заключенный великимъ княземъ въ моментъ тревоги и затрудненій, казавшихся опасными,

¹⁾ Ср. напримѣръ, П. С. Р. Л., т. VI, стр. 219: «били челомъ великому князю въ службу бояре новгородскіи и всѣ дѣти боярскіе и жаты да приказався вышли отъ него; и князь велики выслалъ за ними Илана Товаркова... а велѣлъ имъ князь велики говорити: на которой грамотѣ великимъ княземъ крестъ цѣловали есте, по той бы грамотѣ государемъ своимъ и правди есте по тому же крестному цѣлованью; а что услышиши кто у брата своего у новгородца о великихъ князехъ о добрѣ и о злѣхѣ, и вамъ то сказати своимъ государемъ великимъ княземъ».

²⁾ Въ первомъ договорѣ: «а тобѣ брату моему молодшему безъ мене не докачивать, ни съсылатися ни съ кѣмъ же, также и мнѣ безъ тебе»; въ договорѣ 1389 г.: «а тобѣ брату моему молодшему и моему сыну безъ мене и безъ моихъ дѣтей не качивати ни съ кѣмъ же, и мнѣ бесъ тебе». Ки. Владиміръ Андреевичъ и ва дѣтя постійной участникъ договоровъ в. к. Дмитрія съ ки. Махаломъ Тверскимъ (тутъ вмѣстѣ съ Великимъ Новгородомъ: «а на семь ва всемъ, брате молодшій князь великій Михайло Олександровичъ целуй ко мнѣ крестъ къ брату къ старшійшему князю великому къ Дмитрію Изавовичю, къ моему брату князю Володимеру Овдрѣвичю и къ нашей отчнѣи къ Великому Новгороду».—С. Г. Г. и Д., т. I, № 28) и съ в. к. Ольгердомъ, причѣмъ, устанавливають договоръ и скрѣпляютъ его крестоцѣлованіемъ послы «отъ великаго князя отъ Дмитрія Ивановича и отъ князя Володимера Апьдрѣвича».—С. Г. Г. и Д., т. I, № 31; съ ки. Олегомъ Рязанскимъ—тамъ же, № 32; съ Великимъ Новгородомъ—А. А. Э., т. I, № 8.

давалъ кн. Владиміру рядъ уступокъ, которыя были, однако, тотчасъ взяты назадъ, и договоръ 1389 г. еще рѣшительнѣе опредѣляетъ его зависимость отъ великокняжеской власти. Въѣсто прежней формулы, обязующей его «никѣти брата своего старѣйшаго князя великаго Дмитрія въ отца мѣсто», находимъ тутъ его обязательство имѣть великаго князя отцомъ, его старшаго сына—братомъ старѣйшимъ, второго—братомъ (равнымъ), а меньшихъ—братъею младшею; «честно и грозно» держать великое княженіе не только подъ своимъ великимъ княземъ и подъ его старшимъ сыномъ, но и подъ остальнымъ его потомствомъ; блюсти подъ ними не только въ московскую вотчину, но и великое княженіе; служить великому князю безъ еслушанья; ходитъ въ походы со своимъ боярами, куда онъ пошлетъ. Изъ оговорокъ, гарантировавшихъ братское одиначество князей (въ противоположность подчиненію служебныхъ подручниковъ) уцѣлѣла только упоминаніе о взаимной солидарности при заключеніи договоровъ и обѣщаніе сообщать другъ другу вѣсти, какія кто услышитъ отъ христіанина или отъ поганна.

Взятая въ цѣломъ, договорныя отношенія в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ проникнуты глубокой двойственностью. Естественное разнѣе удѣльнаго владѣнія вело къ распаду Московскаго княжества, единой вотчины потомковъ Калиты, на отдѣльныя вотчины княжескихъ линий его потомства. Но процессъ этотъ встрѣтилъ, на первыхъ же порахъ, энергичное противодѣйствіе въ пользу успленія великокняжеской власти. Разложеніе прежней основы московскихъ междукняжескихъ отношеній—семейно-вотчиннаго одиначества—создало условія, благоприятныя для перестройки этихъ отношеній на новомъ основаніи, усиливая, въ то же время, самую потребность въ такой перестройкѣ.

Соединеніе великаго княжества и двухъ московскихъ удѣловъ въ рукахъ в. к. Дмитрія давало ему огромный перевѣсъ силы надъ кн. Владиміромъ; къ тому же рядъ княжескихъ правъ и доходовъ Владиміра Андреевича былъ неотдѣлимъ отъ великокняжескаго управленія в. к. Дмитрія Московскимъ княжествомъ. И великому князю удалось не только положить предѣлы вотчинному обособленію Серпуховскаго княжества изъ состава московскихъ владѣній, но и усилить элементы власти въ своихъ отношеніяхъ къ младшему князю. Форма традиціоннаго старѣйшинства начинаетъ заполняться новымъ—великокняжескимъ содержаніемъ. А тѣмъ самымъ постепенно стирается грань между московскимъ вотчиннымъ старѣйшинствомъ и великимъ княженіемъ вся Русь. Въ договорахъ съ кн. Владиміромъ в. к. Дмитрій утверждаетъ связь своихъ вотчинныхъ правъ на московскую отчину и на великое княжество Владимірское, требуя ихъ укрѣпленія за собой и своимъ потомствомъ¹⁾. Его духовная грамота, со-

¹⁾ Второй договоръ: вотчины мн, господине, твоєе и великаго княженія ... мн подъ тобою не искати, ни подъ твоими дѣтymi, ни мнѣмъ* (дѣтymi). Договоръ

ставленная въ то же почти время какъ и послѣдній изъ договоровъ съ кн. Владиміромъ, проводить ту же тенденцію къ слиянію московской вотчины съ великокняжескими владѣніями, московскаго старѣйшинства съ великокняжеской властью: унаследовать отъ владимірскихъ великихъ князей задачи великокняжескаго старѣйшинства надъ всѣми князьями Великороссіи, власть московскихъ государей куеть изъ вотчинныхъ началъ новое орудіе для ихъ разрѣшенія.

Духовная грамота в. к. Дмитрія Ивановича (вторая) ¹⁾ документъ столь же сложнаго содержанія, какъ и его договоры съ кн. Владиміромъ. Въ основѣ своей эта «душевная грамота»—семейный рядъ отца-вотчинника дѣтиямъ и вдовѣ-княгинѣ. У великаго князя пять сыновей; эта семейная группа «приказана» княгинѣ-вдовѣ: «а вы, дѣти мои, живите за одинъ, а матери своее слушайте во всемъ», читаемъ въ началѣ грамоты; и снова въ ея заключительной части: «а приказалъ есмь своимъ дѣти своей княгинѣ, а вы, дѣти мои, слушайте своее матери во всемъ, изъ ее воли не выступайте ни въ чемъ; а который сынъ мой не имѣеть слушати своее матери, а будетъ не въ ее воли, на томъ не будетъ моего благословенья». Сверхъ волостей и селъ, назначенныхъ княгинѣ въ пожизненное владѣніе изъ удѣловъ всѣхъ сыновей, она имѣеть и своей опричниной, которая состоитъ изъ ея собственнхъ «пракуповъ» ²⁾ и великокняжескихъ «примисловъ» ³⁾, перечисленныхъ въ грамотѣ: «а тѣми своими примислы всѣми

1389 г.: „тебѣ, брату моему молодшему и моему сыну, князю Володимеру Андрѣвичу держати ти подо мною и подъ моимъ сыномъ подъ княземъ подъ Васильемъ и подъ моими дѣтии княженье мое чество и грозно“;—„а чимъ мя благословить отецъ мой князь великий Иванъ въ городъ въ Москвѣ и въ станѣхъ два жеребья и пошлыви всѣхъ два жеребья, также и Коломна съ волостми и Звенигородъ съ волостми и Можаяскъ съ волостми и отъѣздными мѣсты и великимъ княженьемъ, того ти подо мною бласти и подъ моимъ сыномъ подо княземъ подъ Васильемъ и подъ моими дѣтии“.

¹⁾ Сохранились двѣ духовныя Дмитрія Довского, но отъ первой, составленной еще при митр. Алексѣѣ, удѣлялъ только малозначащій конецъ. Вторая грамота упоминаетъ княжича Петра (род. 1385 г.), но не упоминаетъ о Константиинѣ (род. въ маѣ 1389 г.). Не упоминаетъ духовная грамота и о митр. Пименѣ; можетъ быть потому, что писана послѣ его отъѣзда въ Константинополь (уѣхалъ 13 апрѣля 1389 г.). Тѣмъ же даннымъ соответствуетъ и датировка грамоты временемъ между 1385 и 1388 г. г. (послѣ рожденія княжича Петра и до водворенія въ Москвѣ митр. Пимена, вторичнаго). Однако, слова духовной грамоты: „а которые деревни отнималъ былъ князь Володимеръ отъ Лыткинскаго села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни полагають къ Лыткинскому селу моеа княгини“ указываютъ скорѣе на время послѣ розмѣрья князей и ихъ примиренія. Рѣшаетъ вопросъ.—въ пользу конца 1388—нач. 1389 г. ожиданіе рожденія сына (Константина): „а дасть ми Богъ сына, и княгини моя подѣлять его, вомя по части у большіе его братья“.

²⁾ Эти „прикупы“ княгини утверждаются за ней словами: „то ее и есть“, такъ какъ не духовная создаетъ ея право на эти владѣнія.

³⁾ Великій князь даетъ своей княгинѣ нѣсколько своихъ „примисловъ“ и

благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслѣхъ поляна моя княгини, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ, а дѣти мои въ то не вступаются». По смерти мужа, княгиня-вдова остается главою семьи. Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей княгиня дѣлитъ его удѣлъ между остальными: «комуому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вынутъ (ся)». Ей же предстоитъ надѣлать ожидаемаго сына, «своима по части у большіе его братья»; она, своею матеріею властью, произведетъ частичный передѣлъ, если «у котораго сына убудеть отчины».

Не изъяты изъ подъ этой матеріею власти и старшій сынъ, князь великій. Но его удѣлъ, коломенскій—на особомъ положеніи: этотъ удѣлъ не идетъ въ раздѣлъ въ случаѣ безнаследной кончины великаго князя, а переходитъ цѣлкомъ къ слѣдующему брату по старшинству, «а того удѣломъ подѣлится въ княгиня». При сохраненіи авторитета матеря, какъ главы семьи, и ея власти въ вопросахъ удѣльнаго владѣнія, старшій братъ, князь великій, замѣняетъ отца по отношенію къ младшимъ: «а дѣти мои, молодшая братья князю Васильевы, внушаютъ имъ в. к. Дмитрій, «читите и слушайте своего брата старшійшего, князя Василья, въ мое мѣсто, своего отца». Но она ему—не подручники; онъ долженъ держать въ «въ братствѣ, безъ обиды».

Князь Владиміръ Андреевичъ, отчичъ серпуховской, стоитъ въ сторонѣ отъ этой семейной группы. Духовная в. к. Дмитрія не опредѣляетъ и не укрѣпляетъ за нимъ его владѣльческихъ правъ: вѣдь это его собственныя вотчинныя права, а рядъ в. к. Дмитрія касается только личной семьи великаго князя. О князѣ Владиміръ духовная только упоминаетъ по поводу его права на третъ въ городѣ Москвѣ, «чѣмъ его благословилъ отецъ его князь Андрей», да въ случайныхъ ссылкахъ при распоряженіи селомъ съ починкомъ и деревнями, которые «отомли» отъ него къ великому князю. Раздѣлъ московскаго княжества на двѣ вотчины выступаетъ въ духовной в. к. Дмитрія съ полной опредѣленностью.

А своей вотчиной князья Дмитріевичи будутъ владѣть по удѣламъ. Старшему—Василію назначенъ удѣлъ Коломенскій со всѣми Коломенскими волостями; второму—Юрью Звенигородскій, Андрею—Можайскій съ волостями, Можайскими и «отъзданными», Петру—Дмитровскій. Князь Иванъ Дмитріевичъ оставленъ безъ удѣла, хотя «удѣломъ» названа въ грамотѣ его опричинна въ двухъ волостей и одного села съ починкомъ; это его опричинна въ томъ смыслѣ, что великій князь опредѣляетъ: «въ томъ

„купель“; въ томъ числѣ: „а что ми дала княгиня Федосья Суду на Бѣлѣзерѣ да Колашу и Слободу и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волокомъ, та мѣста вѣдаетъ княгиня Федосья до своего живота, а по ее животѣ то княгини мой“. О княгинѣ Федосьѣ, вдовѣ по князѣ кемскомъ Давидѣ Семеновичѣ, см. у Павлова-Сильванскаго „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (Сочиненія, т. III), стр. 5—6.

удѣль волею сыну мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ», а «удѣль» лишь въ общемъ значеніи—доли¹⁾. Четыре удѣльными князя надѣлены и селами, московскими и юрьевскими, а городъ Москва имъ четвертымъ приказанъ, съ сохраненіемъ за княземъ Владиміромъ его потчиной трети. Но при этомъ снова возникаетъ, какъ въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями, представленіе о «нѣкоторомъ лишкѣ «на старѣйшій путь»: Василію Дмитріевичу отецъ назначилъ «на старѣйшій путь» дѣлу половину своихъ «двухъ жеребьевъ» — «въ городѣ и въ ставѣхъ» и въ городскихъ помянахъ, съ раздѣломъ другой половины между остальными тремя сыновьями; ему же «на старѣйшій путь» большая часть въ медовыхъ доходахъ («Васильцево сто и Добрытнская борть съ селомъ з Добрытнскимъ»); все-же остальное—«бортищи въ ставѣхъ въ городскихъ и конюшій путь и сокольничій и ловчій» — пойдутъ всѣмъ четвертымъ поронну, какъ и половина тамги, другая половина которой назначена двоступающей княгинѣ вмѣстѣ съ «восмишчимъ»²⁾.

¹⁾ Сказаніе „О житіи и о преставленіи царя Рускаго, великаго князя Дмитрія Ивановича“ называетъ князя Ивана пятымъ сыномъ в. к. Дмитрія, но этотъ перечень расположенъ не по старшинству князей, такъ какъ седьмымъ названъ „старѣйшій“ Данило; въ такомъ порядкѣ перечня можно видѣть отраженіе духовной грамоты, такъ какъ выше въ сказаніи находимъ сообщеніе о четырехъ удѣлахъ князей Дмитріевичей, а упоминаніе о „пятомъ“ Иванѣ, шестомъ Константианѣ, который былъ „мешій всѣхъ дѣтей его“ и остался по отцѣ „четверодневъ“ и „седьмомъ“ — „старѣйшемъ“ Даниилѣ, который „прежде престависа“—носитъ характеръ приписки въ концѣ сказанія о погребеніи в. к. Дмитрія. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 58). Родословные перечни князей (напр., т. V, стр. 90; т. VII, стр. 237; т. IX, стр. XV) то пропускаютъ кн. Ивана, то вставляютъ его имя послѣ кн. Петра, руководствуясь, вѣроятно, сказаніемъ. Что Иванъ былъ старше Петра видно изъ его упоминанія въ летописномъ сказаніи о бою на Кулиновомъ полѣ (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 315), какъ третьяго, послѣ Василия и Юрія. Исключительное молодое князя Ивана, надѣленного по обычаю надѣленія дочерей, а не сыновей, но княземъ, а небольшою опричной объясняется, вѣроятно, его болѣзненностью. Онъ скончался въ 8901/1393 г. (т. VIII, стр. 63).

²⁾ Особое благословеніе „на старѣйшій путь“ прамѣнено въ грамотахъ только къ доходнымъ статьямъ въ городѣ Москвѣ, городскихъ ставѣхъ и путяхъ дворцоваго хозяйства. В. О. Ключевскій расширилъ смыслъ этого понятія, подвѣля подъ него весь прервѣсь силъ старшаго изъ московскихъ князей надъ младшими, какой созданъ тѣмъ, что этотъ князь былъ, въ то же время, великимъ княземъ (Курсъ русской исторіи, т. II, лекція XXII, отдѣлъ: „Усиленіе старшаго васадника“). Но великое княженіе никогда не жаловалось отцомъ старшему сыну „на старѣйшій путь“; замѣчаніе В. О. Ключевского, что названіе „на старѣйшій путь“ является до временъ Дмитрія Донского „очень малоозначительнымъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ лишней городоу или селъ, изъ нѣсколькихъ лишней доходовъ, по съ завѣщанія Дмитрія Донского этотъ названіе на старѣйшій путь получаетъ все большіе размѣры“—ошибочно. Во-первыхъ, названіе „на старѣйшій путь“ появляется впервые въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями и состоитъ только изъ крупной доли въ тамгѣ и дворцовыхъ путяхъ, и въ томъ же видѣ, лишь болѣе ограниченнымъ,

Книгою врѣзывается въ эту удѣльно-вотчинную духовную грамоту особая статья о великокняжескихъ владѣнiяхъ. Она утверждаетъ вотчинное право в. к. Дмитрія на великое княженіе: «а се благословлю сына своего князя Василья своею отчиною великииъ княженемъ»; недавній договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ закрѣпляетъ это право за московской великокняжеской семьей обязательствомъ князя Владиміра держать великое княженіе «честно и грозно» подъ в. к. Дмитріемъ, его сыномъ Василіемъ и подъ всѣми дѣтьми великаго князя. Но подчиненіе великаго княженія вотчинному праву привело къ попыткѣ, правда нерѣшительной и осторожной, использовать великокняжескія владѣнiя для дополнительнаго надѣленія удѣльными князьями. Къ статьѣ о благословеніи старшаго сына великимъ княженіемъ приныкаютъ, внѣ связи съ опредѣленіемъ состава удѣловъ младшимъ сыновемъ, нѣкн надѣленіе «нушлями» Ивана Калиты—Галичемъ, Белоозеромъ и Угличемъ¹⁾, а также назначеніе вдовствующей княгини въ пожизненное владѣніе волостей изъ великаго княженія, а именно изъ переславскаго и костромскаго уѣздовъ, изъ волостей галицкихъ и

возникаетъ вновь въ духовной Довскаго. Во-вторыхъ, постепенное превращеніе великаго княжества Владимірскаго въ вотчину московскихъ государей—не можетъ быть сведено къ эффектной, но исторически-неправильной схемѣ постепеннаго нарастанія „вазиска на старѣйшiй путь“. Поэтому ошибоченъ и весь расчетъ Ключевскаго о соотношеніи реальной силы великаго и удѣльныхъ московскихъ князей (тамъ же, стр. 46—47). Онъ ошибоченъ арифметически, какъ незаконная операція съ разнородными, качественно-различными единицами, а исторически, такъ какъ игнорируетъ то несомнѣнное обстоятельство, что перевѣсъ въ „массѣ владѣльческихъ средствъ“ и у Семеона и у Довскаго надъ младшими князьями не сводился къ тому, что значилось за ними въ духовныхъ ихъ отцовъ: вѣдь были же они великими князьями, владѣли средствами великаго княженія, а въ этомъ отношеніи упоминаніе о немъ въ духовной Довскаго ничего измѣнить не могло; даже напротивъ—выдѣлъ младшимъ князьямъ долей изъ великокняжескихъ владѣній грозилъ дробленіемъ великокняжеской силы. В. О. Ключевскій довелъ до крайности наблюденія С. М. Соловьева надъ духовными Ивана Калиты и Дмитрія Довскаго. Ср. замѣчаніе Соловьева, что „величина удѣловъ слѣдуетъ (въ духовной Калиты) старшинству“ (Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 346) и его же слова по поводу духовной Довскаго объ усиленіи „старшаго сына не въ примѣръ прочимъ областямъ В. Княженія, областямъ уже теперь вѣрною, переходившемъ, какъ отчина“ (тамъ же, стр. 406); но Соловьевъ не использовалъ этихъ наблюденій для построенія на нихъ цѣлой схемы, подобно Ключевскому, конечно потому, что правильно относилъ „смѣшеніе“ всѣхъ московскихъ удѣловъ (московской вотчины) съ великокняжескою областью Владимірскою ко времени, когда Василій Темный одождѣлъ смуту, потрясшую при немъ остатки старыхъ традицій („Исторія Россіи“, кн. I, стр. 1137); ср. тоже у Чичерина „Обыты по исторіи русскаго права“, стр. 253.

¹⁾ Ср. замѣчаніе С. М. Соловьева: „Благословеніе старшаго князя цѣлою областію В. Княженія Владимірскаго, Дмитрія, какъ бы для вознагражденія, отдаетъ остальнымъ 3 сыновьямъ города, купленные еще Калитомъ и окончательно присоединенные только имъ: Юрію Галичъ, Андрею Белоозеро, Петру Угличъ“ (Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 106).

бѣлозерскихъ, и доли въ владимѣрскихъ и переяславскихъ селлахъ; при томъ — отдѣльно отъ назначенія ей же волостей и селъ изъ удѣловъ всѣхъ четырехъ сыновей. Квалификація Галича, Бѣлозера и Углича, какъ «купель» дѣдовскихъ, не привела къ ихъ сліянію съ московской вотчиной, которой князья владѣли по удѣламъ, и не разорвала ихъ связи съ великимъ княженіемъ. Выше уже было замѣчено, что эта квалификація звучитъ мотивировкой завѣщательнаго распоряженія ими и означаетъ, тѣмъ самымъ, характерное колебаніе въ попыткѣ примѣнить вотчинное право къ великокняжескимъ волостямъ. Мотивы этого колебанія могли быть различны: проводя въ жизнь представленіе о великомъ княженіи, какъ своей отчинѣ, и включая его въ составъ объектов завѣщательнаго распоряженія, в. к. Дмитрій тѣмъ самымъ ставилъ на очередь вопросъ, захватить ли вотчинное владѣніе по удѣламъ в область великаго княженія. Сопоставляя съ этой чертой духовной грамоты в. к. Дмитрія содержаніе второго изъ договоровъ его съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ, когда великій князь пожаловалъ двоюродному брату Галичу и Дмитрову «въ удѣлъ», можно заключить о коренномъ перерожденіи, какое переживаютъ понятіе «удѣльнаго» владѣнія и связаннаго съ нимъ отношенія уже во времена в. к. Дмитрія. Передача князю Владиміру Галича и Дмитрова «въ удѣлъ» — не осуществленіе его права на долю въ общей вотчинѣ, а великокняжеское «пожалованіе», закрѣпленное договоромъ («надѣлокъ») въ духѣ старыхъ кievскихъ отношеній, властью старѣйшаго во всѣхъ князьяхъ русскихъ); благословеніе Галичемъ, Бѣлозеромъ и Угличемъ трехъ Дмитріевичей — свергъ названныхъ ихъ удѣловъ въ московской вотчинѣ — носятъ тотъ же характеръ не вотчиннаго раздѣла, а произвольнаго надѣленія властью великаго князя. При этомъ особаго вниманія заслуживаетъ судьба Дмитрова, который оказался, по духовной в. к. Дмитрія, включеннымъ въ составъ удѣловъ московской вотчины: оторванный отъ комплекса галицкихъ владѣній Дмитровъ инкорпорированъ въ составъ московскихъ владѣній в стовѣть особо отъ Галича ¹⁾.

¹⁾ Судьбы Дмитрова тѣсно связаны съ исторіей Галича (см. Экземплярскаго, т. II, стр. 340—341), но слабо отразились въ нашихъ источникахъ; лѣтописные своды даютъ о Дмитровѣ лишь случайныя упоминанія. Никоновской лѣтописи пришлось дополнять ихъ по родословнымъ источникамъ. „Галицкимъ и дмитровскимъ“ называетъ ова князя Давида Константиновича, сообщая о его кончавѣ подъ 1280 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 155); повидному, Дмитровъ только однажды имѣлъ особаго князя — Бориса Давыдовича, который въ Никоновской лѣтописи названъ — въ извѣстіи о его кончавѣ подъ 1334 г. (тамъ же, стр. 206) княземъ дмитровскимъ, въ отличіе отъ его галицкаго брата Федора, умершаго въ 1335 г. (тамъ же, стр. 207); ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 215. Если это и такъ, то все-таки, у насъ нѣтъ основаній представлять себѣ Дмитровъ стохвымъ городомъ особаго княжества; такое значеніе за нимъ не закрѣпилось и онъ остается галицкой волостью. Въ московскія руки онъ долженъ былъ попасть послѣ того, какъ Дмитрій Довской согналъ съ Галича послѣдняго галицкаго князя; второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андре-

Все развитіе княжого владѣнія и между княжескихъ отношеній въ Московскомъ княжествѣ происходило подъ давленіемъ особыхъ условий, создаваемыхъ закрѣпленіемъ великокняжеской власти въ рукахъ московскаго старѣйшины. Значеніе великокняжеской власти и ея особой политики неизбежно видоизмѣняло укладъ княжого единчества и подлинный смыслъ старѣйшинства. Усиленіе великокняжеской власти углубляло противорѣчіе между ея стремленіями и потребностями и семейно-вотчиннымъ укладомъ московскихъ княжескихъ отношеній. Сыновья и внуки Дмитрія Донскаго пережили затяжной и тяжкій кризисъ этихъ отношеній, который зародился еще при в. к. Дмитріи, а разрѣшеніе получилъ только при Иванѣ III Васильевичѣ.

внѣшнѣ еще указываетъ на связь Дмитрова съ Галичемъ, но затѣмъ в. к. Дмитрій включаетъ Дмитрова въ составъ удѣловъ московской охчины, назначая его сыну Петру. Галицкій владѣлецъ кн. Юрій Дмитріевичъ сохранилъ и позднѣе притязаніе на Дмитровъ.

ГЛАВА V.

Тверская отчина потомков в. к. Михаила Ярославича.

I.

Неудача тверских князей в борьбе за руководящее положение в великорусском политическом мире: замкнула Тверское княжество в местной жизни и местной политике. Правда, традиция о былом, более широком значении Твери и ее князей долго еще живет в тверской письменности, возмущает тверскую правящую и книжную среду, вызывая, по временам, порывы на новую борьбу и тягу к повышению политической роли тверской княжеской власти. Но великорусская большая политика все крепче сосредоточивалась в московских руках, в Тверь, по выражению ее историка—В. С. Борзаковского, «должна была позволю ограничиваться интересами более узкими, только своими собственными».

Новые условия тверской жизни вошли в полную силу послѣ гибели в Орду князя Александра Михайловича. Съ трудом отстаивая свою независимость от Москвы—или, точнее, от великорусской великокняжеской власти, Тверское княжество переживает внутренней процесс дробления и борьбы съ ней местной великокняжеской власти. Аналогичный московскому, этот уклад внутренних отношений Тверского княжества отличается некоторыми особенностями, весьма интересными для изучения удѣльно-вотчиннаго строя княжого владѣнія и княжого права.

То же значение, какое имѣетъ духовная Ивана Калиты для исторіи московскихъ междукняжескихъ отношеній, принадлежало бы въ исторіи Тверского княжества духовной грамотѣ князя Михаила Ярославича, если бы она дошла до насъ. Однако, единственный слѣдъ ея находимъ въ сообщеніи сказанія о мученической кончинѣ князя Михаила, что Михаилъ, собравшись въ Орду, отпустилъ сыновей домой изъ Владимира «давъ имъ рядъ, написавъ грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою» ¹⁾. Михаилъ оставилъ свою тверскую вотчину четыремъ сыновьямъ—Дмитрію, Александру, Константину

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 192.

и Василию. Вотчинами его внуков были: Александровичей—Холмъ и Микулинъ; Константиновичей—Дорогобужъ; Васильевичей—Кашинъ. Возможно, но далеко не удостоверено, что такое распределение удѣловъ предусмотрено рядомъ князя Михаила Ярославича. Но это владѣніе тверской отчины по удѣламъ, если оно и зародилось, никакъ еще не отразилось на единствѣ Тверского княжества при сыновьяхъ в. князя Михаила. Лишь послѣ гибели князя Александра въ Ордѣ, когда столъ Тверского княженія снова достался Константину Михайловичу, опредѣлялась вотчинная обособленность холмско-микулинскихъ владѣній князей Александровичей ¹⁾. О предсмертномъ «рядѣ» князя Александра лишь мимоходомъ упоминаетъ лѣтописное сказаніе о его кончинѣ, повѣствуя о томъ, какъ онъ прощался со своими братьями «и о вотчинѣ своей глаголаше» ²⁾. Если принять это указаніе литературной повѣсти за точное воспроизведеніе факта, надо признать, что духовной грамоты князь не успѣлъ составить; нѣтъ и основаній для догадокъ, какъ онъ распредѣлялъ между сыновьями свою отчину на доли-удѣлы. Слудныя лѣтописныя свѣдѣнія о его сыновьяхъ—не даютъ свѣдѣтельствъ о такомъ раздѣлѣ. Передъ нами не отдѣльные владѣтельные князья, а семейная группа отчичей на холмско-микулинскомъ княженіи съ вдовствующей княгиней

¹⁾ Вопросъ объ этихъ князьяхъ и ихъ владѣльческомъ положеніи весьма темненъ, по недостаточной полнотѣ свѣдѣній о нихъ въ нашихъ источникахъ. Кроме старшаго Льва, о которомъ лѣтописи сообщаютъ только то, что онъ родился въ 1821 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 188; т. XV, стр. 414), и который, очевидно, умеръ въ въ дѣтствѣ, и Федора, погибшаго съ отцомъ въ 1339 г., в. к. Александръ имѣлъ сыновей: Всеволода, Михаила, Владимира и Андрея. Такой ихъ порядокъ по старшинству устанавливается тою ролью, какую играетъ Всеволодъ вмѣстѣ съ вдовствующей княгиней-матерью при великомъ княженіи на Твери для Константина, и перечнемъ Александровичей въ жалованной грамотѣ другого вѣтви ляди Василия Михайловича Отрочу монастырю (А. А. Э., т. № 5). О Владимирѣ и Андрѣ Александровичахъ знаемъ, сверхъ того, лишь дату ихъ смерти отъ моровой язвы въ 1365 г. (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4). См. Экземплярскаго, т. II, стр. 331 и 640—641. А. В. Экземплярскій, однако и въ вопросѣ о тверскихъ удѣльно-вотчинныхъ княжествахъ сбитъ, какъ у него обычно, съ утвержденіемъ ихъ раздѣльности и обособленности, полагая, напримѣръ, что кн. Александръ Михайловичъ „передъ смертью подыналъ свою отчину между сыновьями, но какъ видно, не всѣми: Всеволодъ получалъ Холмъ, Михаилъ—Микулинъ, а младшіе Владимиръ и Андрей, остались, кажется, безъ удѣловъ“. Положеніе этихъ младшихъ Александровичей, при такомъ предположеніи, непонятно, тѣмъ болѣе, что по упомянутой грамотѣ Отрочу монастырю—они участники въ дѣйствіяхъ княжеской власти. А. В. Экземплярскій упустилъ, повидемому изъ виду, что семья в. к. Александра осталась послѣ его кончины единой владѣтельной семьей подъ рукою вдовы-матери, княгини Анастасіи и что мы вообще не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о раздѣлѣ между ними отцовской отчины до 1360 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 231). Искусственность стараній Экземплярскаго установить такой раздѣлъ съ кончины кн. Александра завянуть отъ смѣшанія понятий удѣльнаго владѣнія и вотчиннаго княжества.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 210.

матерью во главѣ, и судя по даннымъ лѣтописныхъ сводовъ, въ жизни Тверского княжества стала на очередь не вопросъ о внутреннихъ отношеніяхъ и распределеніи владѣній-удѣловъ въ этой группѣ князей, а другой—объ ихъ положеніи въ Тверскомъ княжествѣ.

Отъ болѣе поздняго времени дошли до насъ грамоты тверскихъ князей, въ которыхъ «одначество» всей тверской княжеской группы проявилось съ такой яркой определенностью, какой не находимъ ни въ московскихъ междукняжескихъ договорахъ, ни въ какомъ иномъ источникѣ для исторіи княжого права XIV вѣка. Въ этихъ грамотахъ тверскіе князья выступаютъ всѣ вмѣстѣ носителями единой княжеской власти въ Тверской землѣ, подъ старѣйшинствомъ своего «князя великаго». Разумѣю грамоту тверскому Отрочу монастырю, которая сама себя именуетъ: «се милостыня князя великаго Васильева Михайловича и его братаничевъ—князя Всеволожа, князя Михайлова, князя Володимирова, князя Андрея Александровичевъ, князя Еремеева, князя Семенова Костянтиновичевъ, князя Михайлоа Васильевича»¹⁾, и ея позднѣйшее повтореніе отъ имени «рабовъ святыхъ Троица»—в. к. Бориса Александровича и его «братин молодчей» князей Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Дмитриевича и Федора Александровича²⁾.

¹⁾ А. А. З., т. I, № 6. Въ этой грамотѣ «се ми раби святыхъ Троица, князь великій Василій Михайловичъ и его братаничи (идеть ихъ перечень) по отца моего и вашего дѣда князя великаго Михайловымъ грамотамъ, Бога дѣла и своего дѣла спасенія, пожаловали есмь отца своего архимандрита, кто ни будетъ у Святое Богородици, дали есмь сю милостыню церкви Святое Богородици Отрочью монастырю на память преставльшимся отъ сего жьтѣя роду нашему, а намъ, пребывающимъ въ жьтѣи семъ, за въздоровіе»; льготы жалуются «въ нашей отчинѣ, въ тѣрскихъ волостахъ и въ кашинскихъ»; въ числѣ льготъ—освобожденіе отъ вѣзда въ монастырскія земли и суда должностныхъ лицъ, которые названы: «намѣстники наши и волостела» и «данища наши и ямщица и вьсци и пошльничьки, кто ни буди»; Тверская земля для князей «отчина наша земля Святой Богородици». Отъ имени всѣхъ князей происходитъ общій сборъ дани въ Тверской землѣ: «а хотя коли доведнѣтъ нмѣти на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши пожалованы, на монастырскихъ людехъ ни тогда никто не смѣи ничего, по сей нашей грамотѣ».

²⁾ А. А. З., т. I, № 34. Возобновляя пожалованіе Отроча монастыря «по родителей нашихъ грамотамъ», князья добавили утвержденіе его «неподвижно» на будущія времена: «не порушити намъ сея милостыни, ни нашимъ дѣтемъ, ни нашимъ внучатамъ», оговорку объ обязанности архимандрита «пособить въ ту тяготу», если придетъ «изъ Орды посолоъ силезъ, а немочно будетъ его опровадити», усиленную санкцію противъ нарушителей грамоты, причемъ называя ихъ торговю казнью великаго князя («азъ князь великій велю»), во вину и незаконно взятое съ монастырскихъ людей замскиваніе всѣхъ князей («себѣ возьмемъ на немъ вину протлау дани съ архимандритомъ на пошы, а взятое великимъ взяти вторе и оъ проторы»); а также запретъ архимандриту принимать людей волостныхъ «изъ нашего вотчимъ». По числу князей—грамота была укрѣплена шестью вселыми печатами. Но времена в. к. Бориса—принесли коренную ломку тверского «одначества», такъ что данная грамота лишь формально сохраняетъ черты уже перажитого прошлаго.

Другую черту того же единичества тверских князей, столь же существенную, вскрывает летописный рассказ о начале раздоров между тверскими великими князьями Иваном Михайловичем и его братьями ¹⁾. При в. к. Михаиле Александровиче тверские великокняжеские бояре цѣловали крестъ всѣмъ Михайловичамъ (Ивану, Василию и Федору) и внуку великого князя (Ивану Борисовичу) на томъ, что «хотѣли имъ добра»; но старший князь—Иванъ Михайловичъ, занявъ столь великаго княженія тверского, повелѣлъ «боярамъ своимъ цѣлованіе сложити къ своей братьи», несмотря на протестъ княгини-матери и младшихъ князей ²⁾.

Въ семьѣ тверскихъ князей владѣніе общей отчиной по удѣламъ едва-ли сложилось сколько-нибудь рѣшительно ранѣе кончины князя Александра Михайловича (1339 г.). Опасное напряженіе отношеній къ Орді и Москвѣ, видимо, парализовало обычную тягу къ удѣльному и вотчинному раздѣлу, поддерживая, на первыхъ порахъ, полное единичество не только княжеское—союзное, но и владѣльческое. Только съ переходомъ старшаго стола тверского княженія къ Константану Михайловичу по смерти второго изъ старшихъ братьевъ, намѣчается удѣльное владѣніе Кашнимъ для князя Василия Михайловича и холмско-никуллинскими волостями для семьи Александра Михайловича. Тогда же должно было опредѣлиться и значеніе Дорогобужа, какъ будущей отчины Константиновичей. Не знаемъ, когда и какъ сложился этотъ «рядъ» для князей Михайловичей. Конечно, возможно, что онъ предопредѣлялся духовной грамотой в. к. Михаила Ярославича, но реально его послѣдствія начинаютъ сказываться въ жизни Тверского княжества только послѣ мученической кончины в. к. Александра ³⁾.

¹⁾ Изъ тверского источника—въ Симеоновской летописи (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 148), въ Рогожскомъ летописцѣ (т. XV, 2-е изд., ст. 176) и въ Николовской (т. XI, 183).

²⁾ Протестъ этотъ подкрѣпленъ ссылкой на грамоту в. к. Михаила Александровича: «не по грамотѣ отца нашего, говорятъ князья-братья, твои бояре къ намъ сложиши цѣлованіе, и ты бы, господине князь великій, пожаловалъ, велѣлъ бы еси своимъ бояромъ цѣлованіе держати по нашего отца грамотамъ». Это сложеніе боярскаго крестоцѣлованія не актъ разрыва в. к. Ивана съ братьями; его бояре не за него, а за себя слагаютъ «по его слову» цѣлованіе къ младшимъ князьямъ. Въ Москвѣ такого крестоцѣлованія, насколько знаемъ, не бывало, но звать братьямъ в. к. Симеона: «слушали бы есте отца нашего владыки Оленскаго, также старшихъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ», а не слушали бы «ликихъ людей, „кто имѣть вѣсть саживати“, также подчеркиваетъ обязанность бояръ—отцовскихъ, великокняжескихъ—поддерживать единичество семейной княжеской группы. Братья тверского великаго князя отстаиваютъ единичество только своей братской семьей. достигшей властнаго положенія въ Тверскомъ великомъ княжествѣ: вѣдь этого единичества стоятъ не только кашнинскіе и дорогобужскіе князья, но и холмскій двоюродный братъ.

³⁾ А. В. Эземплярскій (т. II, стр. 480) отсылаетъ, вслѣдъ за А. Д. Носемпемъ («Удѣльные князья Кашинскіе»—въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.»

Предстояло определять степень самостоятельности удельных князей и гарантии единства тверской связи, подобно тому как та же задача стала перед московскими князьями по смерти в. к. Ивана Даниловича и разрешена была договором между в. к. Симеоном и его братьями. Не знаем договорных грамот между тверскими князьями, хотя на них указывают смысл их на спон «докончания» при раздорах изъ за взаимных прав и обязанностей. Съ большой остротой поднять этот вопрос въ послѣдній годъ жизни и княженія Константина Михайловича: «того же лѣта князю Константину Михайловичу тверскому бысть нелюбие съ княгинею съ Настасьєю и со княземъ со Всеволодомъ Александровичемъ, и вачи имати бояре ихъ и слуги ихъ серебръ за полости, чрезъ людскую силу, и бысть надъ ними скорбь велика»¹⁾. Дѣло шло о сборѣ дани²⁾; это видно изъ дальнѣйшаго: князь Всеволодъ, «того не могій терпѣти», ушелъ изъ Твери на Москву къ в. к. Симеону, а затѣмъ оба—и Константинъ Михайловичъ и его племянникъ—отправились въ Орду; по здѣсь князь Константинъ внезапно скончался, а братъ его Василій вступилъ вѣведилъ въ правленіе Тверскихъ княжествомъ и, прежде всего, прислалъ сполнхъ данниковъ въ удѣлъ князя Всеволода Александровича и высказалъ дань на его людяхъ³⁾.

Дѣйствія Константина и Василія Михайловичей напоминаютъ то утѣшеніе ростовскихъ князей и ихъ княжества московской силой, о которомъ повѣствуетъ Епифаній Премудрый въ «Житіи св. Сергія Радонежскаго». Потерпѣвъ неудачу въ борьбѣ за Владимірское великое княженіе, тверской князь сохраняетъ въ предѣлахъ тверскихъ владѣній титулъ великаго князя и пріемы великокняжескаго вѣствованія, пытается свести положеніе племянниковъ, отичей холмскихъ, до служиваго подручничества, подчиняя населеніе ихъ владѣній непосредственно своей великокняжеской власти, ихъ бояръ и слугъ—отвѣтственности передъ собой.

1873 г. кн. IV), что Василій Михайловичъ обозначается въ лѣтописныхъ текстахъ какъ кашинскій только съ 1389 г., но замѣчаетъ при этомъ, что обозначеніе кн. Василія «тверскимъ» при жизни брата Александра не исключаетъ его владѣнія кашинскимъ удѣломъ: «онъ, и владѣя Кашиномъ, могъ жить въ Твери и называться потому тверскимъ». Впрочемъ «тверскими» наши лѣтописные своды называютъ всѣхъ князей Тверской земли, конечно не по мѣсту жительства, а по представленію объ княжествѣ ихъ «одиначество».

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 217.

²⁾ Вѣроятно, судя по выраженію: «въ серебръ за волости» о сборѣ дани съ бояръ и слугъ «по кормленью и по путемъ».

³⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 218. Никоновская лѣтопись называетъ удѣломъ князя Всеволода—Холмъ («и, удѣлъ князя Всеволода Александровича въ Холмъ», «на вотчинѣ его на Холму»), но это еще не свидѣтельствуетъ о раздѣлѣ отчины Александровичей на Холмское и Микулинское княжество, какое, повидимому, осуществилось нѣсколько позднее. Вѣроятно, кн. Всеволодъ и князь то въ Твери, а не въ какомъ либо городѣ удѣла (иде изю Твери къ в. к. Семену Ивановичу), но Холмъ считался центромъ удѣла сыновей в. к. Александра.

Такъ, на первыхъ же порахъ замкнутой въ себѣ политической жизни Тверской земли, семейное и владѣльческое единичество тверскихъ князей глубоко потрясено первымъ же переходомъ братняго удѣла въ вотчину его потомковъ. Великокняжеское отрицаніе независимости мѣстнаго вотчиннаго княжества вызвало упорную борьбу двухъ лнній тверскаго княжескаго дома холмской и кашинской, осложненную воедѣвствіемъ на Тверь Москвы и Литвы. Въ этой борьбѣ постепенно и неуклонно рухнула семейно-вотчинный строй Тверскаго княжества съ обособленіемъ Кашина, который все больше подчиняется московскому вліянію, съ нивелированіемъ остальнаго княжя до уровня служебныхъ княжатъ—при настойчивомъ и послѣдовательномъ стремленіи обладателей старшаго стола Тверскаго княженія къ усиленію своей великокняжеской власти надъ всею Тверскою землей.

II.

Князь Всеволодъ Александровичъ нашелъ при столкновеніи съ дядей Константиномъ нѣкоторую поддержку въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ въ Москву къ в. к. Симеону Ивановичу ушелъ онъ изъ Твери и уже отсюда побѣгалъ въ Орду къ хану Чалябуку. Естественно, поэтому, предположить поддержку его домогательства въ Ордѣ передъ ханомъ московскаго вліяніемъ¹⁾. Поводомъ для немилости ханской ко князю Василию послужили, повидному, жалобы на его самоуправство въ сборѣ дани съ отчужд. племянника: узнавъ въ Ордѣ объ этомъ сборѣ, князь Всеволодъ «оскорбися» и пошелъ навстрѣчу къ дядѣ, который свѣшилъ въ Орду съ набранными серебромъ, перехватилъ его на Беадежѣ и «сграби его»; но сдѣлалъ онъ это не самовольно, а пошелъ на дядю Василия «отъ царя изю Орды съ посылкомъ»²⁾. Оба князя долго прожили въ Ордѣ—больше года, а вернулись—князь Всеволодъ Александровичъ на Тверское княженіе, князь Василий Михайловичъ на свой Кашинъ³⁾. Этими, конечно, не разрѣшалось «нелюбіе»

¹⁾ Вскорѣ затѣмъ, еще до возвращенія тверскихъ князей изъ Орды, состоялся бракъ в. к. Симеона съ сестрой кн. Всеволода—Маріей Александровной (П. С. Р. Л., т. X, стр. 218).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Никоновская лѣтопись передаетъ рассказъ объ этихъ событіяхъ по своему тверскому источнику, но, видя, что его отрывки въ сводѣ иного матеріала, построила изложеніе, которое вызываетъ большія сомнѣнія. Если слѣдовать этому изложенію, то можно представить дѣло такъ, что Всеволодъ получилъ Тверское княженіе тотчасъ послѣ кончины кн. Константина и до прибытія въ Орду кн. Василия Михайловича; однако, лѣтописецъ самъ даетъ понять, что порядкомъ событій слѣдетъ въ его изложеніи; онъ сообщаетъ о посылкѣ въ Орду князя Василия съ замѣчаніемъ: «и тогда въ Ордѣ бысть преже его (вар.: сего) братаничь его князь Всеволодъ Александровичъ Холмскій, и даде ему царь Тверское княженіе»; а черезъ нѣсколько строкъ, рассказавъ о нападении Всеволода на Василия у Беадежа, упоминаетъ печаль

между князьями; ихъ раздоры создавали «людемъ тверскимъ тягость», такъ что «мнози люди тверскіе того ради нестроения размыдошася, а между князьими «мало кровопролитіа не бысть»¹⁾. Помимо соперничества дяди съ племянникомъ изъ за старшаго стола, отношенія должны были еще болѣе обостриться на томъ же вопросѣ—о степени самостоятельности удѣльнаго князя отъ великокняжеской власти, разъ эта власть попала въ руки племянника, а дядя вынужденъ ограничиться Кашанскимъ удѣломъ. Но Всеволодъ и года не удержался на Тверскомъ великомъ княженіи. Тверская смута закончилась полюбовнымъ соглашеніемъ князей при посредничествѣ тверскаго епископа Теодора, и «Всеволодъ Александровичъ съступился великаго княженія Тверскаго дядѣ своему князю Василию Михайловичю»²⁾. Въ такомъ исходѣ ихъ раздора можно видѣть результатъ измѣненія московской политики: епископъ Теодоръ былъ тѣсно связанъ съ митрополіей—участницей этой политики³⁾, а вскорѣ за приниреніемъ тверскихъ князей произошло семейныя событія, которыя закрѣпили сближеніе Василия Михайловича съ Москвою, а Всеволода—съ Литвою. Литовскій великій князь Ольгердъ женился на сестрѣ Всеволода—княжнѣ Ульянѣ, а в. к. Симеонъ выдалъ дочь за Васильевича Михаила⁴⁾. Съ этой поры

князя Василия на Всеволода, «даде бо ему Чинѣицькѣ все княженіе Тверское». Дѣло было явно предѣшено въ Ордѣ прогнѣзъ кн. Василия Михайловича, разъ онъ былъ ограбленъ Всеволодомъ при участіи ханскаго посла, но формальное рѣшеніе этого дѣла оттянулось на годъ съ лишкомъ, когда князь Всеволодъ «приде изъ Орды отъ царя съ пожалованіемъ и съ великою честию и съ нимъ посомъ», а князь Василій «приде изъ Орды въ Кашань» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 220).

¹⁾ Вся эта тверская смута извѣстна намъ только по отрывочному пересказу Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 218—220), но пересказъ этотъ, несомнѣнно, восходитъ къ ея тверскому источнику, до насъ недошедшему. Остальные своды—о ней вовсе умалчиваютъ.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 221: «и тако сяде на великомъ княженіи князь Василей Михайловичъ... и укрѣпихася межи собою крестнымъ цѣлованіемъ въ единомыслии и въ советѣ и въ единствѣ жити; и пріѣхавъ въ Тверь князь великій Василей Михайловичъ на великое княженіе и нача жити съ братанцемъ своимъ со княземъ Всеволодомъ Александровичемъ холмскимъ тихо и кротко и мирно и въ любви мнзюгъ; и повдоша къ нимъ людие отовсюду во грады ихъ и во власти и во всю землю Тверскую и умножихася людие, и возрадовашася радостію великою». Это риторическое заключеніе разсказа о смутѣ—мало отъдало дѣйствительности, такъ какъ миръ и любовь князей продолжались весьма недолго: можно видѣть въ немъ черту современной тверской записки.

³⁾ Владыка Теодоръ поодѣе—надежный сторонникъ митр. Алексія (П. С. Р. Л., т. X, стр. 230—231); вѣроятно этимъ объясняется ошибочное полаганіе его имени въ перечнѣ епископовъ поставленія митр. Алексія, какой даетъ житіе святаго митрополита: П. С. Р. Л., т. VII, стр. 27; т. XVIII, стр. 120 и 121 (прим.: изъ Троицкой лѣтописи).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 221—222. Бракъ княжымъ Ульяны Александровны съ в. к. Ольгердомъ состоялся съ разрѣшенія в. к. Симеона, но едва ли правильно

кашвинская линия тверских князей постоянно тянется к Москве, как холмская—к Литве.

Вышние влияния и трудное положение между двумя сильными соседями неизбежно осложнили внутренние отношения Тверского княжества. Стремление обеспечить самостоятельность требовало сохранения единства его сил. Эта острая потребность поддерживала формальное «одиначество» тверских князей, какое виднётся в формуле тверских грамот, но непримиримый раздор двух линий княжого дома подрывал основы этого единчества и только укрѣплял тенденцию к иной форме объединения тверской силы—к усилению великокняжеской власти.

Василій Михайлович вернулся на столъ Тверского великого княжения, получая и ханский ярлык ¹⁾; и тотчас возвращается отъ къ приемать великокняжеского управления брата Константина: «и нача братамича своего князя Всеволода Александровича холмского обидѣти чрезъ докончаніе в бояръ его и слугъ его тягостью данною оскорбляти» ²⁾. При явной поддержке Москвы и покровительствѣ хана в. к. Василія смирилъ племянника и привелъ его въ свою юзю. Попытка Всеволода воззвать къ суду митрополита Алексія «о своихъ обидахъ, что ся ему учинило чрезъ докончаніе» привела только къ болѣе тѣсному соглашенію великихъ князей московскаго и тверскаго «по митрополичу слову» ³⁾. Пытался князь Всеволодъ съѣздить въ Орду съ жалобой хану, но тверскіе пути были въ рукахъ враждебнаго дяди, а на Переяславлѣ не пустили его вѣзистинки в. к. Ивана Ивановича; пришлось пробираться окольными путями черезъ Литву. В. к. Василій предупреждалъ хана встречными жалобами на племянника, и ордынской власти «безъ суда выдали» ему князя Всеволода. «И бысть князю Всеволоду Александровичю отъ дяди его князя Василія Михайловича том-

видѣть въ этомъ проявленіе великокняжеской власти: рѣчь шла о замужествѣ его сводчанцы, какъ при женитьбѣ кн. Любарта Гедиминовича на ростовской княжѣ—о замужествѣ его племянницы. Характерно въ этомъ извѣстін другое: нѣтъ упоминанія о согласіи родного дяди, тверскаго великаго князя Василія Михайловича.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 228. Николовокая летопись сообщаетъ подлѣ 6860/1351—2 г., что «ко князю Василью Михайловичю Тверскому приде изъ Орды отъ царя посолье Акинетъ и привезе ему ярлыкъ на его имя». А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 481) замѣчаетъ, что это «любезность со стороны хана, трудно объяснимая»: но эта «любезность» можетъ быть понята въ связи съ зачатой русскаго улуса противъ наступленія татарской силы.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X стр. 228. Николовокая летопись объясняетъ поступки в. к. Василія Михайловича «негодолоавіемъ» его на племянника за «Белжедскій грабѣжъ»; но и грабѣжъ этотъ былъ вызванъ раздоромъ изъ-за сбора даннъ и притѣсненія удѣльными бояръ и слугъ великихъ княземъ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 229: въ 1357 г. князь Всеволодъ и в. к. Василій съ епископомъ Федоромъ ѣздили къ митрополиту во Владимиръ, «и много быша межъ нихъ глаголанія, но коветный миръ и любовь не сотворися».

леніе везіе, такоже и боярамъ его и слугамъ, и продажа и грабленіе везіе на нихъ, такоже и чернымъ людемъ данная продажа везіа¹⁾).

III.

Положеніе дѣлъ въ Тверскомъ княжествѣ измѣнилось со смертію в. к. Ивана Ивановича въ 1368 г. Въ малолѣтство в. к. Дмитрія ослабѣла сила Москвы, опора в. к. тверского Василія, и усилѣлся литовскій напоръ на восточную Русь. Князь Всеволодъ ѣдетъ въ Латву къ зятю своему Ольгерду.

Больше, чѣмъ когда либо приходилось тверскому великому князю считаться—въ этотъ моментъ—съ силой литовскаго ваянія въ Тверской землѣ. Князь Всеволодъ вернулся въ Тверь одновременно съ прїѣздомъ туда Романа, поставленнаго, по требованію в. к. Ольгерда, константинопольскимъ патриархомъ на западно-русскую митрополию. Неудачный прїѣздъ Романа на Тверь имѣлъ цѣлью перетянуть тверское духовенство на литовскую сторону²⁾, но покушеніе это разбито противодѣйствіемъ в. к. Василія и епископа Федора; однако, Романъ гостилъ «во властехъ тверскихъ, потребное приемля отъ князей и отъ бояръ тверскихъ и отъ другихъ князѣвъ», а князь Всеволодъ ему «яногу сотвори честь и дары даде» и «пакы повелѣи его проводити въ Литву съ честію»³⁾; есть извѣстіе, что митр. Романъ былъ родственникомъ князя Всеволода⁴⁾. Въ тотъ же прїѣздъ князь Всеволодъ «взя миръ и любовь съ братьею своею, причемъ они «раздѣлишася волостями», а князь великій Василій Михайловичъ, дядя ихъ, «треть (третя?) ихъ отчины отступилася»⁴⁾. Извѣстіе это даетъ только глухой намекъ на

¹⁾ Па. Соколовъ („Русскій архіерей изъ Византіи“, стр. 387—388) полагаетъ, что в. Романъ прїѣзжалъ по зову кн. Всеволода „третейскимъ судьей“ между нимъ и в. к. Василіемъ и удачно примирилъ ихъ; но это вовсе не вѣрится ни съ тѣмъ, что не в. к. Василій принималъ его, а только Всеволодъ, ни съ поведеніемъ еп. Федора.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 231. Ср. Голубинскаго, Исторія Русской Церкви, т. II, первая половина, стр. 182—185.

³⁾ Ср. Голубинскаго, указ. соч., стр. 185: цитата изъ „Византійской Исторіи“ Никифора Григора—Романъ „родственникъ по жевѣ свояка королева“.—

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 231: „того же лѣта (1368—1369) князь Всеволодъ Александровичъ холмской принде изъ Литвы и взя миръ и любовь зъ братьею своею, и князь Василей Михайловичъ, дядя ихъ, треть ихъ отчины отступилася, и раздѣлишася волостями“. Текстъ этотъ вызываетъ не малыя затрудненія. Съ наибольшимъ вниманіемъ отвѣсился къ нему В. С. Воряковскій и А. В. Экземплярскій. Воряковскій (Исторія Тверского княжества, стр. 137) пишетъ: „Выходитъ, какъ будто и другіе племянники Василіевы были въ споръ со Всеволодомъ. Однако едва ли братья Всеволода держали сторону дяди: имъ не было выгоды поддерживать и уславлять кашинскаго князя. Изъ такого случая, значитъ, что оны и его двоюродные братья, всѣ вмѣстѣ, помирившись съ Василіемъ, тѣмъ болѣе что даяго говорится, что дядя уступилъ треть ихъ отчимъ. Василій Михайловичъ уступилъ племянникамъ треть ихъ отчимъ, т. е. треть самой Твери, а себя удержалъ двѣ трети, должно быть, на ста-

прошедшее и съ трудомъ поддается комментарию, такъ какъ фактически данныхъ для него мы не имѣемъ. Но, кажется, слѣдуетъ признать, что заключенія Всеволода подрывали его одиначество съ братьями, что в. к. тверской Василій захватилъ и затѣмъ вернулъ часть ихъ вотчинныхъ владѣній («трети» ихъ отца), и что при новомъ полюбовномъ докончаніи князя Всеволода съ братьями произошло между ними «раздѣлъ волостями»¹⁾.

рѣшій путь. Теперь всѣ тверскіе князья помирились и раздѣлялись волостями²⁾, и добавляетъ въ скобкахъ: «если сказано, что раздѣлялись волостями, то это намекаетъ какъ будто на то, что у племянниковъ были отняты удѣлы, чего однако не видно». Въ примѣчаніи 623 Ворзакowski ссылается въ подтвержденіе, что рѣчь идетъ о «трети Твери» (города) на извѣстіе Троицкой лѣтописи (Карамзинъ, т. V, примѣч. 213 и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 282) о томъ, какъ въ 1408 г. ки. Юрій Всеволодовичъ, сынъ Всеволода Александровича, добывалъ «Кашня да третью часть Твери»; однако въ приложениі № 4 (стр. 286), сопоставляя это извѣстіе съ текстомъ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 480), гдѣ нѣтъ рѣчи о «трети Твери», а сказано, что ханъ далъ Юрію «Кашниъ и десять волостей тверскихихъ», Ворзакowski признаетъ оба извѣстія о притязаніяхъ ки. Юрія столь темными, «что никакого определеннаго вывода кажется сдѣлать нельзя, кромѣ одного, что Юрій Всеволодовичъ требовалъ какой то доля, какой то части изъ Тверского княжества». Эземпларскій принимаетъ толкованіе «трети» извѣстія 1360 г. какъ трети города Твери, и поясняетъ, что «Всеволодъ тѣсно сплотившись съ родичами, другими удѣльными князьями, могъ внушить Василію даже нѣкоторый страхъ, вотъ почему послѣдній и третью Твери отдалъ племянникамъ и между волостями сдѣлалъ болѣе строгія разграниченія» (указ. соч., т. II, стр. 544). Оба исследователя считаютъ нецѣлымъ усматривать въ «трети» нашего текста — «третью часть всего княжества тверского» (Ворзакowski — примѣч. 623; Эземпларскій — стр. 544, примѣч. 1742). А, между тѣмъ, слѣдуетъ предпочесть такое чтеніе: «трети, ихъ отчины, отступился» (въ рукояси П, основного списка Никоновской лѣтописи, на л. 338: трет, съ т во заметъ, что въ наданіи передаю какъ третъ, но могло быть прочтено и какъ «трети») и такое пониманіе текста: рѣчь идетъ о докончаніи ки. Всеволода съ родными братьями, причемъ указано, что в. к. Василій отступился въ пользу князей Александровичей «трети» — доли ихъ отца въ общей тверской отчинѣ, какъ ихъ отчины. При такомъ пониманіи текста — передъ нами примѣръ частичнаго «удѣльнаго передѣла», каковъ, по другимъ поводамъ, знаютъ и московскіе духовныя грамоты; но и тутъ — дѣлъ передѣла возстановить первоначальное соотношеніе единицъ владѣній общей отчины по удѣламъ. Послѣ такого передѣла, князья «раздѣлившая волостями»; полагаю, что это особый актъ, а не тотъ же передѣлъ между в. к. Василіемъ и его племянниками: строеніе текста заставляетъ связать раздѣлъ съ полюбовнымъ докончаніемъ братьевъ Александровичей, а не съ выдѣломъ въ ихъ общую пользу уступки великаго князя; это сямъ между собой «раздѣлилась волостями». Не къ чему предполагать съ Ворзакowski, что в. к. Василій лишилъ племянниковъ ихъ владѣній, но текстъ этотъ, дѣйствительно, содержитъ явный намекъ на какіе-то его захваты за счетъ отчины племянниковъ.

¹⁾ Только съ 60-хъ г.г. XIV вѣка выступаютъ въ исторіи Тверского княжества холможіи и михайловскія князья, какъ отдѣльныя политическія единицы. Бурная событія борьбы князя Всеволода Александровича съ в. к. тверскимъ Василіемъ Михайловичемъ извѣстны намъ только по пересказу въ Никоновской лѣтописи ея тверского источника. Дошедшіе до насъ списки особой редакціи тверскаго лѣтопис-

III.

Разрушительное влияние наследственности удельцев, т. е. их превращения в отчужденных князей особыми линиями княжеского дома, на княжеское единство, сказались в Тверской земле много сильнее и ярче, чѣмъ въ Московской. Единство братьевъ Михайловичей Ярославича сдвигается по смерти в. к. Александра оместоченной борьбой двухъ линий княжеского дома, а въ этой борьбѣ сочетаются два мотива: столкновение тверской великокняжеской власти съ мѣстной удельно-княжеской независимостью и соперничество линий княжеской династии въ отчужденныхъ правахъ на Тверь. Первый изъ этихъ мотивовъ далъ поводъ къ раздорамъ, но холмско-микулинские князья сразу переходятъ отъ самообороны къ наступлению и разрушаютъ всякую возможность компромисса въ пользу договорного единства тверскихъ князей съ рѣшительнымъ домогательствомъ великаго князья тверского съ поддержкой сперва въ московскихъ, затѣмъ въ литовскихъ связяхъ и отношеніяхъ. Ихъ вызвала на то прямолинейная великокняжеская властность дядей Константина и Василія—исходный пунктъ внутреннего разложения тверской силы, но сыновья в. к. Александра Михайловича выдвигаютъ противъ нарушения своихъ княжескихъ правъ—не только защиту

наго свода — Тверская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. XV) и Рогожскій лѣтописецъ (отпечатанный для второго изданія XV-го тома, но въ свѣтъ еще не вышедшій) не сохранили ихъ изложенія. А Никоновская лѣтопись переработала свой источникъ въ духѣ стохъ для нея характернаго генеалогическаго интереса. Для нея тверскіе князья — предки удельныхъ князей-княжатъ, и она подчеркиваетъ на каждомъ шагу, что Василій—кашнискій, Всеволодъ—холмскій. Такъ при сообщеніи о первомъ же ихъ столкновеніи — П. С. Р. Л., т. X, стр. 218; такъ, особенно показательно для этой черты ея редакціонной работы—при сообщеніи объ ихъ примиреніи, гдѣ находимъ особое посвященіе этого „удельнаго“ комментарія къ княжескимъ именамъ: „того же лѣта Теодоръ, владыка Тверскій, введе въ миръ и въ любовь князя Василія Михайловича кашинскаго съ великимъ княземъ Всеволодомъ Александровичемъ тверскимъ... И тако Всеволодъ Александровичъ съступися великаго князевя Тверскаго дядѣ своему князю Василію Михайловичю кашинскому, се бо быша ихъ удѣлы: князя Василія Михайловича Кашаня, а князя Всеволода Александровича Холма. И тако сяде на великомъ князевини во Тверь князь Василій Михайловичъ кашинскій, знухъ Ярославовъ, правнухъ Ярославовъ, праправнухъ Всеволодъ, прапраправнухъ Юрья Долгорукаго“ (т. X, стр. 221). До 1360 г. никто изъ братьевъ Всеволода не выступаетъ въ самостоятельной роли рядомъ съ нимъ. Первое извѣстіе о владѣтельномъ князѣ микулинскомъ Михаилѣ Александровичѣ—подъ 1362 г.— П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2. Не знаемъ, какими „волостями“ владѣли младшіе Александровичи — Владиміръ и Андрей; ихъ равняя кончина въ морскую язу 1364—1365 годовъ лишила этотъ вопросъ интереса для составителей лѣтописныхъ сводовъ, тѣмъ болѣе, что оба князя не оставили потомства. Тогда же умеръ в Всеволодъ Александровичъ, о которомъ послѣ изложенныхъ перепетій его жизни болѣе нѣтъ упоминаній. На первый планъ выступаетъ вмѣсто него—еще при его жизни—даровитый братъ его, микулинскій князь Михаилъ.

обычного «доковчанія» младшихъ князей со старшини, но и свое вотчинное притязаніе на столъ Тверскаго княженія. Это ихъ притязаніе получило сильную и глубокую опору въ популярности среди тверскаго общества мечты объ освобожденіи отъ татарскаго ига съ помощью великаго княжества Литовскаго. Перемъ этихъ тверскихъ мечтаній сталъ братъ Всеволода Александровича, никулинскій князь Михаилъ, который сталъ опасенъ для дяди Василія, повидимому, еще при жизни брата Всеволода, а послѣ его кончины становится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ тверской исторической драмы ¹⁾. Шла въ Твери борьба за свою мѣстную великокняжескую власть и за ея усиленіе, а пыталась она неумирающимъ стремленіемъ вырвать изъ московскихъ рукъ великорусское великое княженіе и отбиться зарать отъ московскаго засилья и татарскаго владычества.

Въ этой борьбѣ за большія задачи гибло владѣніе общей отчиной по удѣламъ, гибло княжеско-семейно-вотчинное единичество. По смерти Всеволода Александровича и двухъ младшихъ Александровичей, ихъ отчина распалась на двѣ вотчины— холмскую и никулинскую, между которыми не видно какой либо связи. Холмское княжество осталось за сыновьями Всеволода—Иваномъ и Юріемъ ²⁾. О князѣ Иванѣ Всеволодовичѣ знаетъ только, что онъ въ 1397 г. «сложилъ крестное цѣлованіе» къ дядѣ, тверскому великому князю Михаилу Александровичу и отъѣхалъ въ Москву къ в. к. Василію Дмитріевичу, который принялъ его съ честью, далъ ему городъ

¹⁾ Книжникъ, сторонникъ и почитатель князя Михаила Александровича, составилъ его біографію-панегирикъ, которая дошла до насъ въ составѣ Тверской лѣтописи. Тутъ ясно высказаны оба мотива, какіе обосновывали для сторонниковъ этого князя его права противъ дяди. Михаилъ Александровичъ, какъ сынъ старшаго брата въ семьѣ в. к. Михаила Ярославича, «восприя» столъ великаго княженія тверскаго, какъ «отечество свое» и сълъ «по столѣ дѣдѣ и отца» (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 469—470; супруга в. к. Василія Михайловича предвидитъ исходъ борьбы враждующихъ лшій княжого дома: «яко сынове наши князиви будутъ». Такъ въ представленіи книжника-современника борьба идетъ не за старшинство дяди надъ племянникомъ по какимъ либо родовымъ счетамъ: в. к. Василій и княгиня Елена видятъ въ возможной побѣдѣ князя Михаила нагваліе изъ Твери, съ великаго княженія, своихъ сыновей— борьба идетъ между княжескими лшнями за отчинное право на столъ тверскаго великаго княженія. На сторонѣ Михаила, по словамъ книжника-біографа, тверское общество: «вси сынове тверстѣи прилагахуся къ нему и храбри служяху ему» въ устремленіи «яко симъ хочеть Богъ свободити люди свои отъ великихъ вужа иноплеменики» (тамъ же, ст. 468).

²⁾ А. В. Энциклопедіка прізнаетъ Юрія—старшимъ (т. II, стр. 545), сѣдуя, очевидно, генеалогическимъ перечнемъ XVI в. («Временникъ», т. X, стр. 50; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 245), что, однако не согласуется съ лѣтописными извѣстіями объ этихъ князьяхъ: Иванъ Всеволодовичъ выступаетъ дѣятельнымъ княземъ съ 1397 г., а Юрій—только по смерти брата (Иванъ умеръ въ 1402 г.). Переставовка ихъ именъ въ родословцахъ XVI в., можетъ быть, понятна: Иванъ умеръ бездѣтнымъ, отъ Юрія пошли князья Холмскіе.

Торжокъ и выдалъ за него сестру свою Анастасію; вскорѣ великій князь послалъ его княземъ-намістникомъ въ Псковъ; а по смерти тверского великаго князя Михаила, Иванъ Всеволодовичъ «сослазася» съ его сыномъ, в. к. Иваномъ Михайловичемъ и вернулся по «докопчанію» съ нимъ въ Тверь «со книжицею своею и бояры»¹⁾. Характерно, что Иванъ Всеволодовичъ не причастенъ къ спору в. к. Ивана Михайловича съ братьями и племянниками изъ за сложенія крестнаго къ нимъ цѣлованія великокняжескими боярами: оно касалось только семьи в. к. Михаила Александровича, а Всеволодовичи холмскіе и такъ виѣ того одначества, которое скрѣплялось этимъ крестоцѣлованіемъ; видно, что и цѣль его была закрѣпить вѣрность великокняжескаго тверского боярства за потомствомъ в. к. Михаила мимо боковыхъ линій тверского княжескаго рода. Годъ черезъ два князь Иванъ Всеволодовичъ скончался (1402 г.) на своемъ холмскомъ княженіи бездѣтвымъ, «а отчину свою приказалъ великаго князя сыну князю Александру Ивановичу», что однако не помѣшало его брату Юрію быть, послѣ его смерти, владѣтельнымъ княземъ: только зимою 1404-1405 г. онъ «отѣхалъ со Твери на Москву» и сложилъ крестное цѣлованіе къ в. к. Ивану Михайловичу, который пытался затѣмъ помириться съ нимъ и призвалъ его вернуться къ «дому святого Спаса» и жить «на предѣлѣ отца своего». Обычное толкованіе «приказанія» отчима Ивана Всеволодовича великокняжескому сыну Александру, какъ завѣщательнаго распоряженія его въ пользу этого князя и въ обходъ вотчинныхъ правъ брата Юрія, — не соотвѣтствуетъ подлинному смыслу нашихъ источниковъ²⁾. Нѣтъ у насъ и данныхъ для разъя-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 167; первая жена князя Ивана—вишегородская княжна, дочь князя Бориса Ковстантиновича, умерла въ 1395 г. (т. XI, стр. 162).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 171 и 183.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 131; т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 187. Кромѣ этого извѣстія, нѣтъ никакихъ указаній на какое-либо ближайшее отношеніе кн. Александра Ивановича къ холмскому князю, которымъ и сыпываю его на владыку. Послѣ брата Ивана—на холмскомъ княженіи князь Юрій Всеволодовичъ, затѣмъ его сынъ Дмитрій, упоминаемый въ числѣ владѣтельныхъ тверскихъ князей въ договорныхъ грамотахъ тверского в. к. Бориса Александровича съ в. к. всея Руса Василиемъ Васильевичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 76 и 77); отъ этого Дмитрія и пошелъ князю Холмскіе—московскіе (великокняжескіе) князата. Однако, С. М. Соловьевъ полагалъ дѣло такъ, что «Иванъ Всеволодовичъ Холмскій... имѣя родного брата Юрія отказалъ свой удѣлъ сыну великаго князя Александру» («Ист. Россіи», кн. I, ст. 1026); В. С. Борзакоскій полагаетъ, что Иванъ Всеволодовичъ «не могъ распоряжаться своимъ удѣломъ какъ хотѣлъ; по крайней мѣрѣ, умирая онъ отказалъ свой удѣлъ не брату своему Юрію, а сыну в. князя, Александру Ивановичу»; хотя Борзакоскій приводитъ мнѣніе Арцыбашева («Повѣствованіе о Россіи», т. II, стр. 156 и примѣчаніе 1119), что кн. Иванъ Всеволодовичъ поручилъ свой удѣлъ опежѣ князя Александра, какъ «душеприказчика», а также рядъ текстовъ, указывающихъ на именно такое значеніе термина «приказа», по полагаетъ, что, если и такъ, то кн. Александръ «ковечью удержалъ эту отчину за собой» («Ист. Тверского княже-

сненія, почему холмскія князь приказалъ свою отчину не великому князю, а его сыну. Но общій смыслъ свершеннаго—свидѣтельствуеть о значительномъ усиленіи тверской великокняжеской власти. В. к. Михаилъ Александровичъ закрѣпилъ эту власть за своей семьей: великокняжескіе бояре цѣловали, по его грамотѣ, крестъ его сыновьямъ и внуку. Бокковыя лѣтніи тверского княжого дома вѣдъ этого великокняжескаго одначества членовъ ивукланской лѣтніи, добившейся старѣйшинства на Тверя. Холмскій князь не выдержалъ властной политики дѣди, великаго князя, отъѣзжалъ въ Москву, гдѣ былъ въ положеніи служебнаго князя при великомъ князѣ всея Руси, а по смерти тверского великаго князя Михаила вернулся на свое холмское княжество по «докончанію» съ его сыномъ, в. к. Ивановъ, очевидно—смирившись передъ тверскими великокняжескими засильемъ надъ младшемъ братомъ, князьями Тверской земли. Актомъ этого смиренья былъ и предсмертій «рядъ» князя Ивана Всеволодовича. Низведенный до положенія князя подручника, онъ долженъ былъ признать великое княженіе на Тверя за Ивановъ Михайловичемъ и за его сыномъ Александромъ и отдать свою отчину подъ властную опеку послѣдняго. Такимъ надо представить себѣ положеніе Холмскаго княжества, когда оно перешло къ князю Юрію Всеволодовичу. Юрій не смогъ примириться съ этимъ положеніемъ и въ 1404—1406 г., опасаясь захвата великимъ княземъ Ивановъ, бѣжалъ въ Москву, а черезъ два года поднялъ споръ съ в. к. Ивановъ въ Орду, добиваясь крупной доли въ тверской отчинѣ, а не только холмскаго княженія, и сошелъ съ исторической сцены невѣдомо какъ: наши лѣтописи не сохранили свѣдѣній о его конечной судьбѣ ¹⁾. Съ нимъ угасло стремленіе холмскихъ отчичей къ само-

ства», стр. 177 и примѣч. 840). Ворзакоскій пытается разрѣшить затрудненіе заявленіемъ, что «козечко Иванъ не могъ отказать всего Холма, а только часть его» (стр. 177), и тоже предположеніе принялъ А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 547). Однако, гдѣ основаніе для признанія такого раздѣла между братьями Всеволодовичами холмскими? Еще очевиднѣе невозможность обычнаго толкованія такого «приказанія», какъ передачи по завѣщательному распоряженію вотчины мимо наследника, относительно текста, гдѣ говорится о томъ, какъ князь Семень Константиновичъ доробоужскій «отчины своей удѣлъ и княгиню свою приказалъ князю Михаилу Александровичу» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4), такъ какъ, при такомъ толкованіи, приходится одному и тому же сказуемому придавать два рѣзко различныхъ значенія по отношенію къ подлежащимъ—«удѣлъ» и «княгиня». Распоряженія князей—Ивана холмскаго и Семена доробоужскаго аналогичны, наприимѣръ, тому, какъ князь Владиміръ Андреевичъ, благословая своихъ сыновей серпуховской вотчиной, приказалъ ихъ в. к. Василию Дмитріевичу (С. Г. Г. и Д., т. I, Ж 40); вѣроятно, что краткое упоминаніе послѣдняго лѣтописнаго свода слѣдовало бы дополнить, но аналогія съ извѣстіемъ о «рядѣ» Семена доробоужскаго, такъ, что кн. Иванъ Всеволодовичъ «брата своего я отчину свою приказалъ великаго князя сыну князю Александру Ивановичу».

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 132, и т. VIII, стр. 77—краткое извѣстіе объ отъѣздѣ князя Юрія съ Твери на Москву («отъѣздъ» Воскр.: «бѣжа» Соф. II); дальѣйшіи хъ

стоятельному княжому значению. Юрьевичъ Дмитрій только упомянутъ въ числѣ «молодшей братья» тверского великаго князя—въ договорныхъ грамотахъ в. к. Василія Васильевича съ тверскими в. к. Борисомъ Александровичемъ. А его сыновья—и вовсе сошли на положеніе служилыхъ князятъ: Данилъ на службѣ у в. к. Ивана III, а Михайлъ, при тверскомъ в. к. Михайлѣ Борисовичѣ покорный «братъ молодой», склонился передъ Москвою послѣ бѣгства своего «брата старѣйшаго» въ Литву¹⁾.

Извѣстій о князѣ Юріи эти своды не даютъ. Тверская лѣтопись сохранила два сообщенія (изъ двухъ разныхъ источниковъ) о судьбахъ Юрія, подъ 8915 г.: «того же лѣта поведе со Тѣри князь Юрій Всеволодичъ на Москву и съ Москвою поведе въ Орду, подмоливи его Романъ Скудинъ»; похалъ въ Орду и в. к. Иванъ Михайловичъ, и власти ордыскія «судавъ Ивана съ Юріемъ, обвинива Юрія, и Юрій бѣжа Асторокаю, а князь великій Иванъ ирине съ великою честию въ Тѣрь, въ свое отечествіе» (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 478); а ниже (ст. 478) болѣе обстоятельно, въ книжнически-литературной обработкѣ, повѣствуется, какъ князь Юрій «уже третіе лѣто» былъ въ Москвѣ, и князь Иванъ тщетно звалъ его вернуться къ «дому св. Спаса», предлагая въ обидѣ третейскій судъ еп. Арсенія и отцовскія боярѣ обоихъ князей; но кн. Юрій похалъ въ Орду; а за нимъ и в. к. Иванъ, который пробывъ въ Ордѣ «немного же дни», совершивъ всю похадку въ 6 (въ лѣтописи: 5) мѣсяцевъ—выхалъ изъ Твери 21 июля, а вернулся 24 января; дажѣ (ст. 480) чествуемъ, безъ сообщенія о новой похадкѣ в. к. Ивана, что онъ зимовалъ въ Ордѣ, а затѣмъ прибылъ въ Тверь (въ виду возвращенія его къ концу января, можетъ быть, выѣмъ въ этомъ текстѣ отраженіе того же самого источника), а весной прибылъ въ Москву князь Юрій съ ханскимъ посломъ Мамаитъ Дербышемъ; этотъ посолъ отправился въ Тверь съ требованіемъ для кн. Юрія, по ханскому пожалованію, Кашина и десяти волостей тверскихъ; однако, в. к. Иванъ потребовалъ новыхъ спешей съ ханомъ, осылая на то, что ему «ярлыкъ царевъ данъ на всю землю тверскую и самъ Юрій въ ярлыкѣ царевъ данъ (ему) естъ», а для выполненія царева ярлыка и съ нимъ приехалъ царевъ посолъ; возложеніе не доведено до конца, прерываясь на упоминаніи о новой похадкѣ Юрія въ Орду, но дальнѣйшее было въ Тверской сообщено ранѣе (ст. 473). Орывокъ Троицкой лѣтописи (въ цитатѣ Карамзина—«Ист. Гос. Росс.», т. V, прим. 213, и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 282) иначе опредѣляетъ домогательство князя Юрія: «Кашина да третьей части Тѣри». Въроятно, что это домогательство какъ либо да обосновывалось, но его основанія нигдѣ не упомянуто въ нашихъ источникахъ. По содержанию, кажется, правильнѣе призвать параллелизмъ терминовъ: «десять волостей тверскихъ» и «третья часть Твери» не случайнымъ и отказать отъ попытки (см. Воряковскаго «Ист. Тверскаго княжества», стр. 284—286) усмотрѣть въ этой «третьей части»—треть города Твери. Скорѣе можно представить себѣ дѣло такъ, что кн. Юрій, оправясь на Москву, добываясь Кашинскаго княженія, усиленнаго рядомъ волостей, по аналогіи съ третью первыхъ удѣльныхъ князей на тверской вотчинѣ—смысловъ в. к. Михаила Ярославича. Николовская лѣтопись вовсе иначе освѣтила все дѣло; по ея изложенію, кн. Юрій пошелъ въ Орду «ища великаго княженія тверскаго подѣ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ тверскимъ» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 198), о чемъ и былъ имъ судъ передъ ханомъ, который, по рѣшенію «всѣхъ князей ордынскихъ» «оправиль» в. к. Ивана и отпустилъ его съ честью, «а князь Юрій Всеволодичъ тамо въ Ордѣ остаеа» (стр. 202).

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 76—77 и 119—120.

XI.

Младшая линия потомков тверского великого князя Александра Михайловича укрепила за собой великокняжескую власть и быстро разрушила привилегии старшей, холмской линии на самостоятельное княжеское значение. Еще раньше определялось такое же захудалое дорогобужских потомков в. к. Константина Михайловича. Не имела определенных свидетельств о «ряде» в. к. Михаила Ярославича, историки полагают, что значение Дорогобужа как отчины Константиновичей основано на установлении этого «ряда»¹⁾.

История Дорогобужского княжества открывается известием о смерти второго из сыновей в. к. Константина: князь Семенъ Константиновичъ погубил отъ моровой язвы 1364—1365 года, «а отчины своея удѣль и княгню свою приказа князю Михаилу Александровичу». Изъ за этого удѣла князя Семена началось «розмирье» между княземъ Михаиломъ и старшимъ Константиновичемъ, дорогобужскимъ княземъ Еремѣемъ, котораго поддержалъ и великій князь, ихъ дядя Василій Михайловичъ, опасавшійся усиленія кн. Михаила Александровича. Князь обратился къ третейскому суду митрополита Алексѣя, а судилъ ихъ «по митрополичью блѣ гословенію и повелѣнію» тверской епископъ Василій—«и оправилъ князя Михаила Александровича»²⁾. Надо полагать, что в. к. Константинъ подѣлялъ Дорогобужскій удѣлъ между сыновьями, но точнѣе этотъ раздѣлъ намъ неизвѣстенъ; имѣемъ только одно указаніе, что Градокъ, отнятый въ 1368 г. в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ у тверского великого князя Михаила, былъ частью удѣла князя Семена³⁾. Свой удѣлъ дорогобужской отчины князь Семенъ оставилъ женѣ⁴⁾, «приказавъ» ее и ея владѣніе в. к. Михаилу⁵⁾. Можно усматривать въ этомъ актѣ фактической захватъ Города

¹⁾ В. С. Ворзакowski, История Тверскаго княжества, стр. 57; А. Д. Экземплярскій, т. II, стр. 516.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4 и 6.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10, 11—12. Никопольскій хотѣлъ дать на стр. 4 правильную формулу: «отчины своея удѣль», но затѣмъ пользуется такими искаженными выраженіями, какъ: Градокъ — «часть отчины удѣла княже Семенова» (стр. 10) или «отступился Градокъ и всей части удѣла княже Семенова» (стр. 11); въ первомъ выраженіи измѣненъ слогъ «отчины», во второмъ надлежало бы либо поставить слово «отчины» вмѣсто «удѣла», либо писать — «всего удѣла». Но въ текстахъ XVI в., какъ и у историковъ XIX в.; удѣль = отчина, а, по С. М. Соловьеву, и — опрѣччаніе.

⁴⁾ Ср. духовную грамоту в. к. Самеона Ивановича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 24).

⁵⁾ Ср. выше — о «приказаніи» холмскимъ княземъ Иваномъ Всеволодовичемъ своей отчине князю Александру Ивановичу (стр. 204); ср. также П. С. Р. Л., т. XII, стр. 112, о томъ, какъ рязанскій в. к. Иванъ Федоровичъ «княженіе свое рязанское и сына своего Василія приказавъ великому князю Василію Васильевичу на соблюденіе».

и другихъ пунктовъ князь Семеновъ удѣла княземъ Михаиломъ; можно утверждать, что онъ не упустилъ послать въ Городокъ своего вѣнчаника¹⁾; но нѣтъ основаній видѣть тутъ передачу ему чужого удѣла въ вотчину путемъ владѣльческаго духовнаго завѣщанія. Можно указать предположительно и мотивъ распоряженія князя, умиравшаго бездѣтныиъ: переходъ его отчичнаго удѣла къ вдовѣ-княгинѣ не могъ не вызвать возраженій со стороны брата Еремѣя и не внушать опасеній за прочность ея владѣннхъ²⁾. Безсиліе великокняжеской власти Василя Михайловича передъ восходящей звѣздой популярнаго митрополитскаго князя могло побудить князя Семена обратиться къ нему, а не къ тверскому великому князю. Усиленіе митрополитскаго князя тревожило не только великаго князя тверскаго, но и великокняжеское правительство въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ споръ изъ за «ряда» князя Семена былъ разрѣшенъ въ пользу митрополитскаго князя, измѣнилось общее политическое положеніе. Митрополитъ Алексѣй и в. к. Дмитрій Ивановичъ успѣшно закончили борьбу съ Дмитріемъ суздальскимъ. В. к. Дмитрій «заложи градъ Москву камень» — «и збѣгъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуса воли его, а на тѣхъ нача посегати». Тверской в. к. Василій искалъ опоры въ обновленной великокняжеской власти московскаго князя, и митрополитскій князь испыталъ на себѣ одно изъ первыхъ проявленій московскаго «посяганья». Снова поднято дѣло объ удѣлѣ князя Семена. В. к. Василій, сынъ его Михаилъ и дорогобужскій князь Еремѣй Константиновичъ возбудили передъ митрополитомъ жалобу на тверскаго епископа Василя, «что ихъ судилъ о удѣлѣ княже Семеновѣ не по правдѣ». Князь Михаилъ Александровичъ ушелъ въ Лату, надѣясь тутъ найти помощь противъ московской силы, ставшей на сторону его враговъ. По краткихъ сообщеніяхъ Николовскаго свода³⁾ трудно рѣшить, былъ ли этотъ его отъѣздъ въ Литу связанъ съ дѣломъ объ удѣлѣ князя Семена или поводъ былъ иной, напримѣръ — построеніе Михаиломъ на Волгѣ Цоваго городка, которое и въ Твери, и въ Москвѣ должны были понять, какъ приготовленіе въ борьбѣ, а потому — принять какія-либо мѣры, угрожающія для князя Михаила. Во всякомъ случаѣ, разрѣшъ оказался познвымъ, а

¹⁾ Какъ сдѣлалъ относительно Рязани в. к. Василій Васильевичъ: «на Рязань посла вѣнчаника своя на соблюденіе и на проча грады его и на власта» (тамъ же).

²⁾ С. М. Соловьевъ («Ист. Россіи», кн. I, ст. 960) опредѣляетъ поводъ къ тверской борьбѣ тѣмъ, что «Семенъ отказалъ удѣлъ свой двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дяди Василя и родного брата Еремѣя Константиновича»; В. С. Борзакоскій («Ист. Тверск. княжества», стр. 143) также въ «приказаніи» Семена видать «отказъ» удѣла Михаилу помимо родного старшаго брата Еремѣя Константиновича, такъ что Михаилъ Александровичъ присоединилъ къ своему удѣлу еще новый удѣлъ; тоже у А. В. Экземплярскаго (т. II, стр. 483, 490: «владыка Василій... оправдалъ Михаила, какъ получившаго удѣлъ Семена по завѣщанію»).

³⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 8.

тверичи проявили достаточно определенно свое сочувствие миклулинскому князю, чтобы навлечь суровую репрессию великих князей¹⁾. Весьма даже вероятно, что борьба между князьями Василием и Михаилом сразу развернулась в борьбу за Тверское великое княжение. Тверичи заперлись на осаду против великих князей, пока Михаил Александрович не вернулся «с своей ратью» и с литовской помощью²⁾, и пошел къ Кашину. До битвы дѣло не дошло. Князья помирились; условия докончания Михаила Александровича съ Василием кашинскимъ, съ дорогобужскимъ Еремѣемъ и в. к. Дмитриемъ ямъ неизвѣстны. Но изъ дальнѣйшихъ новѣстей ясно, что Михаилъ остался (съ осени 1366 г.) великимъ княземъ

¹⁾ Московскій лѣтописный сводъ передаетъ ходъ этихъ событій очень глухо и какъ бы нехота, многое опуская. Въ его изложеніи явны отраженія тверского источника, проникнутаго тверскими настроеніями, но они отрывочны и смѣты. Владыка Василій вызванъ въ Москву „проставомъ митрополчимъ“, какъ обвиняемый, и этотъ московскій судъ стоялъ ему великаго протора, какъ и „житейскимъ людямъ“ во Твери „нужно бысть“ изъ за этого дѣла. В. к. Василій, котораго Никоновская лѣтопись татуруетъ тутъ просто „князь“ и не называетъ „тверскимъ“ (а Михаилъ Александровичъ всегда „Тверской“), какъ будто не сохранилъ Твери въ своихъ рукахъ. Впрочемъ, текстъ очень неясенъ: съ одной стороны, князья Василій и Еремѣй „прѣѣхаша во Тверь“—со всей кашинкой (не тверской) силой и „многимъ людемъ съториша досады безчестіемъ и муками и разграбленіемъ имѣнія и продажою безъ поминованія“; съ другой, они „къ городу ратью ходиша, привези съ собою и московскую рать князя великаго Дмитрія Ивановича“, но ушли „грамотъ (какхъ) не „града“ ая, т. е. Твери; ср. выше „къ городу“ не веземъ“, а только („точіи“) повоевали волости и села, и увезли большой полонъ. Не слѣдуетъ ли предположить два послѣдовательныхъ момента: прибытіе въ Тверь князя Василія съ кашинской силой для кары тверичей за то, что они призвали своимъ великимъ княземъ Михаила (ушедшаго въ Литву за помощью), а затѣмъ походъ подъ Тверь московской и кашинской рати (по изгнаніи князя Василія возставшими тверичами), причемъ, на этотъ разъ, Тверь занять не удалось. Ср. недоумѣнные вопросы А. В. Эземплярскаго, т. II, стр. 487, примѣч. 1453. Повидимому, слѣдуетъ полагать, что тверской источникъ Никоновской лѣтописи говорилъ о в. к. тверскомъ Михаилѣ Александровичѣ и борьбѣ тверичей за него противъ кашинскаго дяди и его московскаго союзника. См. П. С. Р. Л., т. XI, стр. 8—9. Ср. замѣчаніе С. М. Соловьева („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 960—961): „изъ этихъ словъ лѣтописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала брату Василію, но Михаилу; когда произошла эта перемѣна, мы не знаемъ; быть можетъ, она-то и повела къ враждебнымъ столкновеніямъ Михаила съ Москвою“.

²⁾ „Тое же осени, мѣсяца Октября 27 (6875 г.), князь Михайло Александровичъ Тверскій приде изъ Литвы со своею ратью, и княгиню Времѣву, и Василіеу, и бояръ ихъ всѣхъ, также и бояръ всѣхъ дяди своего Василія Михайловича поималъ“; княгиня и двory князей Василія и Времѣя явно находились въ Твери; сопоставляя это указаніе съ предыдущимъ новѣстіемъ о томъ, какъ князья, придя съ московскою помощью, только разорили волости и села, а города Твери не взяли,—заключаю, что княгиня, бояре и слуги, „поиманные“ въ Твери Михаиломъ и до того были въ рукахъ тверичей, отбившихся отъ московской и кашинской рати.

на Тверь, а дядя его Василий вынужденъ удовольствоваться своимъ вочиннымъ Кашиномъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1368 г. ¹⁾.

Вступивъ на путь борьбы за тверскую великокняжескую власть, вслѣдъ за старшимъ братомъ Всеволодомъ, Михаиломъ Александровичемъ достигъ цѣли — утвердилъ ее за собой и своимъ потомствомъ. Этимъ предопредѣлилась полвая его побѣда надъ дорогобужскимъ Константиновичемъ Еремѣемъ. Отъѣздъ князя Еремѣя въ Москву означалъ призывъ великокняжеской власти Дмитрія Ивановича къ новому виѣшателству въ тверскія дѣла; возможно, хотя наши поздніе лѣтописные источники о томъ не помнятъ, что дѣло шло не только о притязаніяхъ дорогобужскаго князя, но и о захватѣ Михаиломъ тверскаго великаго княженія ²⁾. В. к. Дмитрій и митр. Алексѣй «заваша на Москву любовію» князя Михаила, и «бысть ему судъ», а кончилось дѣло «поманіемъ» его и бывшихъ съ нимъ бояръ. Но прибывшіе въ Москву ханскіе послы «усумнились» о такомъ дѣлѣ, какъ расправа съ княземъ мимо ханской воли, и в. к. Дмитрій отпустилъ Михаила Александровича, «укрѣпивъ его крестнымъ цѣлованіемъ» ³⁾. Не знаемъ, въ чемъ состояло это крестоцѣловальное докончаніе, кромѣ одного пункта, о которомъ сообщаетъ Никоновская лѣтопись: у князя Михаила отнята часть княже Семенова удѣла—Градокъ, и в. к. Дмитрій послалъ туда своего намѣстника съ княземъ Еремѣемъ ⁴⁾. Однако, покровительство Москвы не на долго помогло дорогобужскому князю. Въ тяжелой борьбѣ съ Тверью и Литвой в. к. Дмитрій отступился отъ князя Еремѣя; в. к. Михаилу вернули Градокъ, признали за нимъ весь удѣлъ князя Семена Константиновича, а князь Ере-

¹⁾ Тотчасъ за извѣстіемъ о заключеніи мира, читаемъ, что „того же лѣта князь Еремѣй сложилъ цѣлованіе крестное ко князю Михаилу Александровичу Тверскому и поѣхалъ къ великому князю Дмитрію Ивановичу къ Москву“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 9), а въ слѣдующемъ году „преставился князь Василей Михайловичъ Тверскій въ Кашинѣ“ (тамъ же стр. 10). С. М. Соловьевъ послѣ замѣчанія, приведеннаго выше, продолжаетъ разсужденіе о борьбѣ Михаила тверскаго съ Москвою, даже не отмѣчая смерти Василія Михайловича. Напрасно предположимъ Борзакоскій (указ. соч., стр. 146—147), что Михаилъ сталъ тверскимъ великимъ княземъ только по смерти дяди. А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 186) полагаетъ, что Михаилъ „de jure“ сталъ великимъ княземъ по смерти дяди Василія, но „de facto“ былъ имъ и ранѣе, впрочемъ, на томъ основаніи, что Никоновская лѣтопись титудуетъ Михаила „великимъ княземъ“ только послѣ извѣстія о смерти Василія; но, въ такомъ случаѣ, оцѣдвало быдать значеніе и тому, что она ранѣе перестала давать этотъ титулъ князю Василію. Впрочемъ, это скорѣе черты наноженія въ сводѣ XVI в., чѣмъ въ его тверскомъ источникѣ.

²⁾ О томъ, что у кашинскихъ князей были свои счеты съ еп. Василіемъ можно, кажется, заключать изъ новой жалобы кн. Михаила Васильевича на него митр. Алексѣю въ 1369 г. — П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 15; т. XI, стр. 10.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10.

нѣй вернулся въ Тверь и умеръ на своемъ удѣлѣ въ 1373 г.¹⁾, смѣрившись передъ засильемъ тверской великокняжеской власти. Его сыновья—Дмитрій и Иванъ Ерефѣевичи, его внуки—Дмитріевичи, Андрей и Иванъ еще владѣтельные князья тверскіе, участники того единичества князей Тверской земли во власти надъ нею, выраженіе котораго находимъ въ формулахъ тверскихъ жалованныхъ грамотъ. На дѣлѣ это единичество связано съ полнымъ подчиненіемъ младшихъ князей тверской великокняжеской власти, съ фактическимъ ихъ подручничествомъ, переходнымъ состояніемъ молодшаго князя къ положенію служебныхъ князей и бояръ-княжатъ²⁾.

V.

Кашинское княженіе обособилось въ составѣ тверскихъ владѣній, какъ удѣлъ князя Василія, младшаго изъ князей Михайловичей Ярославича. Когда же Василій Михайловичъ достигъ великаго княженія на Твери, Кашинъ остался въ его рукѣ, какъ вотчинное владѣніе, гдѣ, повидимому, и при немъ княжили его сыновья—Василій, а по смерти Василія Михаилъ Васильевичъ³⁾. Въ Кашинѣ Василій Михайловичъ закончилъ дни свои, согнанный мяукинскимъ племянникомъ съ тверскаго великаго княженія.

По смерти князя Василія Михайловича въ Кашинѣ княжить сынъ его

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19.

²⁾ О потомкахъ князя Еремѣя Константиновича см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 520—522 и стр. 557—559. Князь Дмитрій Ерефѣевичъ (ум. 1407 — П. С. Р. Л., т. XI, стр. 197; т. XV, ст. 473) еще при жизни отца во главѣ тверскихъ воеводъ при нападеніи на московскія владѣнія (1372 г., П. С. Р. Л., т. XI, стр. 17). Иванъ Ерефѣевичъ — участникъ похода тверскихъ князей, по посылкѣ в. к. Ивана Михайловича въ помощь в. к. Василію Дмитріевичу противъ Витовта (т. XI, стр. 194, 1407 г.). Андрей Дмитріевичъ упоминаетъ въ грамотѣ Отрочу монастырю въ числѣ владѣтельныхъ князей Тверской земли (А. А. Э., т. I, № 34), а князь Иванъ Дмитріевичъ только въ родословныхъ (напр. „Временникъ“, т. X, стр. 51) считается первымъ „червятиноземнымъ“ княземъ; ср. Борзакоевскаго, Исторія Тверскаго княжества, стр. 227—228.

³⁾ Ср. А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 525—526. Что Николовская гѣтоища называется „кашинскимъ“ княземъ Василія Васильевича изъ сообщенія о его кончинѣ, подъ 1363 г. (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2), а князя Михаила Васильевича — еще при жизни его отца, въ извѣстіи о столкновеніи и примиреніи его отца съ Михаиломъ Александровичемъ, подъ 1367 г. (стр. 9) — не показательно, такъ какъ такова обычная „удѣльно-родословная“ манера этой гѣтоищи; особенно второй примѣръ терять силу, такъ какъ въ томъ же извѣстіи и Василій Михайловичъ названъ кашинскимъ (на стр. 8). Но что в. к. Василій держалъ свой вотчинный Кашинъ сыновьями, вѣроятіе само по себѣ, а косвенно подтверждается жалованной грамотой тверскихъ князей Отрочу монастырю (А. А. Э., т. I, № 5), гдѣ подчеркнута особность Кашина (формулами: „въ нашей отчинѣ, въ тѣрскихъ волостехъ и въ кашинскихъ“, и: „или кого (архимадритъ) въ городѣ посадитъ во Тѣри и въ Кашинѣ“), и названъ сынъ великаго князя Михаилъ въ ряду владѣтельныхъ тверскихъ князей.

Михаилъ Жеватый на московской княжѣ¹⁾, кн. Михаилъ Васильевичъ въ Москвѣ шестъ, подобно отцу, защиты отъ тверского великокняжескаго засилья. Вскорѣ послѣ кончины отца онъ ѣздилъ къ митр. Алексѣю съ жалобой на тверского епископа Василия²⁾; въ 1372 г.—въ разгаръ борьбы Москвы съ Тверью и ея литовскими союзниками, кашинскій Михаилъ перешелъ на московскую сторону³⁾, но заплатилъ за то разворованіемъ княжества и «купономъ» съ Кашина и вынужденъ свириться: в. к. Михаилъ Александровичъ его «приневолилъ» и «звелъ во всю свою волю»⁴⁾. Однако, кн. Михаилъ и года не выдержалъ въ такой неволѣ, вновь «сложилъ крестное цѣлованіе» къ тверскому великому князю и ушелъ съ Кашина въ Москву, а оттуда поѣхалъ въ Орду⁵⁾, но вернулся ни съ чѣмъ въ свой Кашинъ, гдѣ и умеръ внезапно; а сынъ его Василий понесъ въ Тверь повинную голову, отдавшись съ челобитиемъ въ волю великаго князя Михаила Александровича⁶⁾. Москва миралась съ тверскимъ великимъ княземъ, и кашинскому отчичу него выхода не было. Когда же въ 1375 г. новая вспышка борьбы разразилась надъ Тверью цѣлой грозой, кн. Василий Михайловичъ со своими кашинцами въ ряду ея враговъ⁷⁾. Униженіе Твери принесло кашинскому князю независимость отъ тверского великаго князя, обеспеченную договоромъ в. к. Дмитрія Ивановича съ Михаиломъ Александровичемъ: «а въ Кашинѣ ти ся не вѣстуютъ, и что погину Кашину, вѣдаетъ то вотчичъ, князь Василей; ни выхождо не надобѣ тобѣ ко Тферн Кашину ткнути, а его ти не обидѣти; а имѣшь его обидѣти, мнѣ его отъ тобѣ боронити»⁸⁾.

Этотъ договоръ разрушалъ зависимость кашинскаго князя отъ тверской

¹⁾ Дочь в. к. Симеона Ивановича, Василиса (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12—ум. 1368 г.; т. VII, стр. 215—дата женитьбы 1351 г.).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12. Едва ли эта жалоба могла касаться стараго спора о дорогобужскомъ удѣлѣ, какъ полагаетъ Экземплярскій (т. II, стр. 527).

³⁾ „посла на Москву, взя миръ съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ, а къ в. к. Михаилу Александровичю тверскому крестное цѣлованіе сложи“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 17).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19; т. XI, стр. 17.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 16.

⁶⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 20: „а сынъ его князь Василей, по единому слову а бабю свою съ княгиней Еленю (Ивановою, вдовой в. к. Василия Михайловича, ур. княжной брянской) и з бояры съ кашинскими прѣхалъ въ Тверь къ великому князю Михаилу Александровичю тверскому съ челобитиемъ и вдатася въ волю его“.

⁷⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22; то же въ т. IV², стр. 301—302; V, стр. 233; XVIII, стр. 115; XI, стр. 22. Тверская лѣтопись (т. XV, ст. 434—435) не упоминаетъ о кн. Василии Михайловичѣ и кашинцахъ.

⁸⁾ С. Г. Г. в Д., т. I, № 28. Тутъ она датирована 1368 годомъ, но зѣрная датировка указала еще въ „Древней Россійской Вѣствованкѣ“, т. I, стр. 78; такъ и у Карамзина („Ист. Гос. Рос.“, изд. Эйверинга, т. V, ст. 22). Ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 28: в. к. Дмитрій Ивановичъ „взя миръ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ на всей своей волѣ, и грамоты пописавъ, отъяде прочь отъ града“.

великокняжеской власти и ставилъ его въ непосредственную связь съ великимъ княземъ всея Руса¹⁾. Но актъ этотъ не имѣлъ какихъ-либо прочныхъ политическихъ послѣдствій. Кашанскій князь Василій Михайловичъ умеръ въ маѣ 1382 г. бездѣтнымъ, угасла кашанская лѣнія тверскихъ князей, и выморочный кашанскій удѣлъ, ея отчая, перешелъ во владѣніе тверского великаго князя²⁾.

VI.

Продолжительное княженіе Михаила Александровича на старшемъ столбѣ Тверской земли (1366—1399 г.)³⁾ значительно подняло тверскую великокняжескую власть.

Борьба противъ удѣльно-вотчиннаго распада силъ и средствъ Тверской земли, начатая сыновьями в. к. Михаила Ярославича, завершена его внукомъ со значительнымъ успѣхомъ. Усиленіе великокняжеской власти было настолько острымъ и насущнымъ вопросомъ въ жизни Тверского княжества, что столкновения изъ за независимости внутреннего управленія мѣстныхъ вотчинныхъ княженій отъ этой власти неизбежно переходили къ борьбѣ за великое княженіе: можно и къ тверскимъ дѣламъ приимѣнить слова С. М. Соловьева, что въ борьбѣ князей «дѣло идетъ о томъ, быть государемъ земли или слугою этого государя»; князья, самою собою слабые для такой борьбы, перекидывались на сторону Москвы противъ родной Твери или смирялись передъ мѣстной великокняжеской властью и становились ея подручниками, при формальномъ сохраненіи княжого братства и одиначества. В. кн. Михаилъ Александровичъ свегъ къ такому положенію холмскаго племянника Иваца Всеволодовича, который только за два года до кончины дяди ушелъ отъ него въ Москву, а затѣмъ смирился передъ

¹⁾ Трудно допустить, чтобы отмена обязанности Кашанскаго княжества тянуть съ Твери ордынскимъ выходомъ создавала для кашанскаго князя право самостоятельно и непосредственно „звать Орду“, тѣмъ болѣе, что тотъ же договоръ устанавливаетъ полную солидарность Москвы и Твери въ отношеніи къ Ордѣ: „а жита намъ, брате, по сей грамотѣ съ татари, оже будетъ намъ миръ, по думѣ, а будетъ намъ дати выходы, по думѣ же, а будетъ не дати, по думѣ же“. А. В. Экземплярскій считаетъ правдоподобнымъ извѣстіе нѣкоторыхъ сказаній о Куликовской битвѣ, что Василій кашанскій былъ въ засадномъ полку вмѣстѣ съ Дмитріемъ Воброкомъ (т. II, стр. 529); князь Василій могъ участвовать въ Куликовской битвѣ, какъ великокняжескій подручникъ, а князьятъ использовать это обстоятельство при обработкѣ сказанія о ней, которая имѣла цѣлью придать Мамаеву побойшу характеръ общерусскаго дѣла.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XI, стр. 71.

³⁾ В. кн. Михаилъ Александровичъ скончался въ ночь съ 26-го на 27-е августа (со вторника на среду) 8907 г., т. е. 1399 г.; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 360, т. VIII, стр. 73; т. XI, стр. 175; т. XV, стр. 461; т. XVIII, стр. 148.

его сыновъ в. к. Ивановъ Михайловичъ; привелъ в. к. Михаилъ въ свою волю дорогобужскихъ и кашинскихъ князей, несмотря на московскую помощь этимъ противникамъ тверского великаго князя. И послѣдняя всмышка борьбы съ Кашиномъ, которая чуть не вырвала этого удѣла изъ состава Тверского великаго княжества, была лишь ничтожнымъ эпизодомъ, такъ какъ кашинская княжая линия вскорѣ утѣхла, и само Кашинское княжество перешло въ руки в. к. Михаила Александровича ¹⁾.

Сказаніе «О преставленіи князя Михаила Тверского» ²⁾ повѣствуетъ, какъ в. к. Михаилъ, готовясь къ смерти, призывалъ дѣтей «братолюбие честно держати», «брату брата любити и чтити, а не обидѣти, а старѣйшаго брата имъ всѣмъ (вар.: во всемъ) слушати», а боярѣмъ заповѣдалъ: «вспоминайте мнѣ дѣтемъ, чтобы въ любви были, якоже указалъ имъ и раздѣлилъ имъ коемуждо часть отчины: сыну князю Ивану и его дѣтемъ, Александру и Ивану, Тферь, Новый Городокъ ³⁾, Зубцовъ, Радизовъ, Вбърынъ, Опоки, Вертязинъ; а князю Василію и Борису и сыну его Ивану Кашинъ, Косиатинъ, а сыну Федору два городка Микулины съ волостми, якоже написать въ грамоту душевную, почему имъ княжити и жити, не преступати моего слова и грамоты душевныя». Эта «душевная грамота» до насъ не дошла; утрата—невознаградима, такъ какъ постановленія предсмертнаго рѣда в. к. Михаила Александровича, судя по лѣтописнымъ указаніямъ на его содержаніе, были чрезвычайно важны. В. к. Михаилъ, утверждая сыновей въ братскомъ единичествѣ, которое закрѣпилъ крестнымъ цѣлованіемъ тверскихъ боярѣ на вѣи всѣхъ членовъ семьи своей ⁴⁾, выдѣлялъ «коемуждо часть отчины»: старшему Ивану великое княженіе Тверское, Василію—Кашинское княжество, Федору—Микулинское. Но это владѣніе общей отчиной по удѣламъ получило особый характеръ, ввиду предоставленія Твери (а, стало быть, и связаннаго съ тверскими столомъ великокняжескаго старѣйшинства) князю Ивану Михайловичу съ сыновьями: этимъ предопредѣлилось закрѣпленіе тверской великокняжеской власти за одной старшей линіей потомковъ в. к. Михаила. Кашинское княжество—назначено двумъ Михайловичамъ Василію и Борису съ сыномъ послѣдняго, Ивановъ; такое сообщеніе нашихъ текстовъ не можетъ быть точной передачей соотвѣтственнаго мѣста духовной грамоты в. к. Михаила: его сынъ

¹⁾ Судя по лѣтописнымъ записямъ о смерти его сыновей: „въ лѣто 6897 (1389) преставися въ Кашинѣ князь Александръ Михайловичъ Ординець“ (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 444) и „въ лѣто 6903 (1395)... преставися князь Борисъ Михайловичъ въ Кашинѣ“ (т. XI, стр. 157; т. VIII, стр. 65), они княжили въ Кашинѣ подъ рукой отца, великаго князя.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 359—360; т. VIII, стр. 74; т. XI, стр. 180.

³⁾ Софійская I-я (т. V, стр. 252) упоминаетъ еще „Ржеву“.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 183; т. XV (2-я изд.), стр. 176; т. XVIII, стр. 140. См. выше, стр. 194.

Борисъ умеръ за четыре года до смерти отца. Кн. Борисъ умеръ въ Кашииѣ, оставивъ малолѣтняго сына на рукахъ вдовы—княгини, и опредѣленіе духовной в. к. Михаила поставило его семью въ своеобразное и сложное соотношеніе къ дядѣ Ивану Борисовичу князю Василію, съ одной стороны, и къ в. к. Ивану Михайловичу, съ другой. Феодоръ Михайловичъ получилъ «два городка Микулины съ волостями», т. е. прежній отцовскій Микулинскій удѣлъ.

Нельзя, конечно, поручиться за то, что «Сказаніе о преставленіи князя Михаила Тверскаго» точно передало содержаніе его духовной грамоты и въ томъ пунктѣ, который говоритъ о передачѣ Твери, какъ «части отчины» в. к. Ивану съ сыновьями, Александромъ и Иваномъ. Но фактически в. к. Иванъ, сѣвъ на великое княженіе по ханскому ярлыку ¹⁾, весьма рѣшительно приступаетъ къ закрѣпленію великокняжеской власти (и владѣнія Тверью) за своей семьей, выдѣляя ее изъ общаго единичества князей—потомковъ в. к. Михаила Александровича. Выше уже пришлось упомянуть о распоряженіи в. к. Ивана Михайловича, чтобы его бояре—тверскіе великокняжескіе бояре—сложили крестное цѣлованіе къ его братьямъ и къ племяннику, нарушая тѣмъ отцовскій завѣтъ. Князья братья обратились съ жалобой къ вдовствующей княгинѣ—матери, в. к. Аздотѣ, и ее бояре вмѣстѣ съ боярами сыновей и внука заявили протестъ передъ в. к. Иваномъ противъ такого небреженія грамотой изъ отца. Въ семьѣ настали раздоры: «и оттодѣ нача великій князь вражду въздымати на свою мать и на свою братью и на своего братанича, нача на нихъ нелюбіе держати» ²⁾. В. к. Иванъ высвободилъ этимъ актомъ свою великокняжескую власть изъ путъ семейно-вотчиннаго строя междукняжескихъ отношеній и противопоставилъ ее, какъ личную власть, традиціонной опекающей вдовствующей княгини—матери, семейнаго главы, изъ чьей воли не должны выходить сыновья, не исключая и того, кто былъ великимъ княземъ,—а также стѣснительному единичеству съ братьями, которымъ «добра хотѣтъ» обязаны были бояре—всѣмъ вмѣстѣ, какъ членамъ единаго владѣльческаго княжого дома, отчи-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 461: «Въ лѣто 6908 вывесомъ князь великому отъ царя Шанебѣка ярлыкъ, Темиръ Кутлукъ умре, а приде Гурленъ, а съ нимъ по-солъ царевъ Софря съ ярлыкомъ на Тверское княженіе»; т. XI, стр. 183: кн. Иванъ послалъ въ Орду къ царю Темиръ-Кутлукъ своихъ килічезъ Феодора Гусленя да Константина, но они застали на ханствѣ уже Шадибека, и этотъ ханъ «даде удулъ свой, великое княженіе Тверское, князю Ивану Михайловичу, по отчавъ и по дѣднѣи его».—Посланіе кн. Ивана на столъ великаго княженія состоялось 7 марта 1400 г. (т. IV, стр. 104).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 146—149 (тоже въ т. XI, стр. 183 и т. XV, стр. 76). А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 498) не поваль текста, передавъ его такъ, будто в. к. Иванъ «черезъ бояръ сложилъ крестное цѣлованіе» къ братьямъ: рѣчь идетъ о боярскомъ крестномъ цѣлованіи, къ которому привелъ бояръ изъ отца, в. к. Михаилъ Александровичъ.

чать на Тверскомъ великомъ княженіи. Насколько властными стали распоряженія в. к. Ивана показываетъ такой примѣръ. Мать князя Ивана Борисовича использовала раздоръ между в. к. Иваномъ и его братьями и отрекалась отъ солидарности съ ними; ея занесиваніе дало плодъ: великій князь отнялъ у брата Василия Лукое озеро и Иерусалимскую слободку и отдалъ племяннику, а на попытку князя Василия Михайловича потребовать, по обычаю, «суда общаго» передъ тверскимъ владыкой Арсеніемъ, «отпочмъ нтъ всѣхъ»,—отбѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ¹⁾. На ряду съ этими фактами, находимъ косвенное указаніе на требованіе великаго князя, чтобы и за его сыномъ Александромъ было признано право на великое княженіе,— въ извѣстіи, что холмскій князь Иванъ Всеволодовичъ «приказать» свою

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 149; т. XI, стр. 184; т. XV², ст. 177. «Езеро Лукое и Входъ Ерусалимъ»; первое не поддается опредѣленію, а Входъ Ерусалимъ — слобода въ Кашинѣ на посадѣ — см. у В. С. Ворааковского, примѣч. 842. Ворааковскій (въ примѣч. 836) пытается установить раздѣлъ владѣній между князьями Василиемъ Михайловичемъ и Иваномъ Борисовичемъ, а подтвержденіе тому, что «Кашинъ и Косиатинъ не были въ общемъ владѣніи Василия Михайловича и Ивана Борисовича» видеть въ томъ, что в. к. Иванъ отнялъ Лукое озеро и Ерусалимскую слободку у Василия и отдалъ Ивану. Но владѣніе селами и угодьями не имѣетъ прямого отношенія къ владѣнію княжествомъ по удѣламъ. Попытка Ворааковского представить кн. Василия — кашинскимъ, а кн. Ивана Борисовича — косиатинскимъ княземъ не подтверждается никакими данными. Напротивъ видимое противорѣчіе извѣстій, что протестъ противъ дѣйствій в. к. Ивана былъ заглавленъ боярами в. к. Ладоты, а дѣтей князей Василия и Федора и внука Ивана, а, затѣмъ, что мать князя Иванавнука утверждала отъ имени своего и своего сына: «мы, господине, не посылываша своихъ бояръ къ тобѣ», показываетъ, что у Борисовой княгини съ сыномъ былъ свой дворъ (я, конечно, свое дворцовое землевладѣніе), но не было своей княжой власти — въ смыслѣ управленія особымъ удѣломъ — княженіемъ. Княжить Иванъ Борисовичъ былъ, повидному, подъ княжой опекой дяди Василия: по крайней мѣрѣ, выступленію его матери предшествовало ея дѣйствіе, которое указано въ лѣтописи въ расказѣ словами: «възя своего сына» (отъ князя Василия Михайловича? или просто въ поядку въ Тверь?). Приходится вообще признать, что соотношеніе княжить правъ кашинскихъ дяди и племянника не поддается опредѣленію по нашимъ даннымъ, слишкомъ отрывочнымъ. Одна изъ лѣтописей (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 471) передаетъ примрненіе кн. Василия Михайловича съ братомъ, княземъ великимъ, послѣ перваго его бѣгства въ Москву, словами: «пожаловать князь великій Юанъ Михайловичъ брата своего князя Василия его удѣломъ» — кн. Василій владѣтельный князь кашинскаго удѣла. А извѣстіе, которое читаемъ подлѣ 6917 г. (октябрь 1408 г.): «князь Иванъ Михайловичъ тверскій поиде ратью къ Кашину на братаиича своего, князя Ивана Борисовича; онъ же убѣже на Москву; а князь Иванъ, пришедъ къ Кашину, помирися зъ братомъ своимъ, съ княземъ Василиемъ съ кашинскимъ, а княгиню Борисову изнимать прииде на Тверь, а на Кашинѣ посадѣ намѣстники своя, и давъ на нихъ вая» (т. XVIII, стр. 155; т. XI, стр. 205) — представляетъ кашинскимъ владѣтельнымъ княземъ Ивана Борисовича, чье изгнаніе привело къ водворенію въ Кашинѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, несмотря на присутствіе въ Кашинѣ князя Василия и примрненіе съ нимъ в. к. Ивана.

отчину князю Александру ¹⁾. Великокняжеская политика Ивана Михайловича встретила лишь слабое сопротивление въ младшихъ князьяхъ Тверской земли. Вспышка такого сопротивления со стороны хозмского князя Юрія Всеволодовича (1404—5 г.) не привела ни къ чему; и князь Юрій пропадаетъ безъ вѣсти въ нашихъ лѣтописяхъ послѣ неудачи спора его съ в. к. Иваномъ въ Орді, а его сынъ—смирный подручникъ, о которомъ въ лѣтописяхъ и не слышать ничего; на ту же ступеньку сведены дорогобужскіе князья еще в. к. Михаиломъ Александровичемъ. Младшій братъ в. к. Ивана, миклушскій князь Федоръ упоминается только въ походахъ по посылкѣ старшаго брата. Но много тревогъ въ жизни Тверской земли было связано съ кашинскими дѣлами и отношениями.

Князь Василій Михайловичъ пытался отстоять свою княжью независимость «и не почалъ слушати брата своего старшаго, великаго князя Ивана» ²⁾, чѣмъ навлекъ на себя походъ тверской рати. Князь Василій бѣжалъ въ Москву, а Кашинъ занятъ великокняжескимъ сыномъ Александромъ Ивановичемъ ³⁾. На этотъ разъ дѣло кончилось миромъ; при посредничествѣ в. к. Василія Дмитріевича кн. Василій получилъ Кашинъ обратно ⁴⁾. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ возникло новое столкновение: в. к. Иванъ захватилъ брата и бояръ его, держалъ «въ нятъ» нѣсколько мѣсяцевъ, но затѣмъ отпустилъ, заключивъ съ братомъ крестоцѣловальное докончаніе; но князь Василій не выдержалъ условій этого докончанія и бѣжалъ въ Москву, а Кашинъ занятъ великокняжескими наместниками ⁵⁾. Однако, черезъ годъ князья братья опять помирились ⁶⁾, и Василій Михайловичъ вернулся въ Тверь и въ Кашинъ. Эти перепетія братскихъ раздоровъ тѣсно связаны съ московско-тверскими отношениями: разрывъ Твери, примыкавшей къ ятовскому в. к. Витовту, съ Москвою, позволялъ кашинскому князю искать поддержки у великаго князя всея Руси; примиреніе великихъ князей, тверского и московскаго, вело къ примиренію и тверской братья: князя Василія

¹⁾ См. выше на стр. 203—204.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XV, ст. 470.

³⁾ „а князь Александръ Кашинъ засяде“; тамъ-же; видимо, ожидалось нападеніе московской помощи кн. Василію.

⁴⁾ „смирнъ ихъ князь великій Василій Дмитріевичъ“, т. VIII, стр. 76; „позаповалъ князь велика Іоанъ Михайловичъ брата своего князя Василія его удѣломъ“ (т. XV, ст. 470).

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 77: „и по трехъ мѣсяцехъ (весна 1405 г.) пакы межъ ими бысть нелюбіе и бже князь Василій ис Кашина на Москву“, а наместники в. к. Ивана „многу напасть створиша христіаномъ продажами и грабежемъ“; въ томъ же году прѣбавали въ Кашинъ князь Александръ Ивановичъ, а затѣмъ и в. к. Иванъ (т. XI, стр. 182).

⁶⁾ Т. VIII, стр. 78; т. XI, стр. 193; крестоцѣлованіе состоялось въ Троицкій день 1406 г.

видимъ искорѣ послѣ новаго докончанія съ в. к. Иваномъ въ тверской рати, помогавшей в. к. Василию Дмитриевичу противъ Витовта ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ извѣстiяхъ рѣчь идетъ о князѣ кашинскомъ Василии Михайловичѣ, а про его племянника Ивана Борисовича нѣтъ и помину. Этотъ князь выступаетъ жертвой великокняжескаго гнѣва въ 1408 году, когда в. к. Иванъ «поводе ратью къ Кашину на братапча своего князя Ивана Борисовича; онъ же бѣжа въ Москву», а великій князь помирался съ братомъ Василиемъ, но мать Ивана Борисовича, «княгиню Борису, извѣя и приведе на Тверь», а въ Кашинѣ посадилъ своихъ наместниковъ, «и данъ на нихъ (т. е. на кашинцахъ) вѣи» ²⁾. Возможно, что вопросъ объ уплатѣ дани былъ и въ этомъ случаѣ, какъ бывало при великихъ князьяхъ Константиѣ и Василии Михайловичахъ, главной причиной конфликта между великокняжеской властью и мѣстнымъ княземъ - отчичемъ, но свѣдѣнiя наши слишкомъ недостаточны для яснаго представленiя о томъ, почему гнѣвъ в. к. Ивана обрушился на племянника съ его матерью, и какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ игралъ князь Василий Михайловичъ. Возможно, что попытку возродить самостоятельность Кашинскаго княжества началъ Иванъ Борисовичъ, возмужавшiй къ 1408 году кашинскiй отчичъ ³⁾. Но это должно было поставить его въ противорѣчiе съ кашинскимъ дядей Василиемъ, что, быть можетъ, и обусловило примиренiе кн. Василия Михайловича съ братомъ—великимъ княземъ; Ивану Борисовичу осталось только искать прiблiженца и возможной поддержки въ Москвѣ у великаго князя всея Руса.

Однако, князь Василий удержался на Кашинскомъ княженiи лишь дорогой цѣной познанаго подчиненiя тверской великокняжеской власти. Новый раздоръ былъ неизбеженъ, тѣмъ болѣе, что в. к. Иванъ помирался съ Иваномъ Борисовичемъ ⁴⁾. Въ 1412 г. снова настало «нелюбіе велие» между братьями, и в. к. Иванъ велѣлъ захватить князя Василия, его княгиню, бояръ и слугъ, а въ Кашинъ послалъ своего наместника. Василию Михайловичу, котораго повезли «за сторожи» на заключенiе въ Новый Городокъ, удалось по дорогѣ бѣжать и спастись отъ погони въ московскіе предѣлы ⁵⁾. Изъ Москвы князь Василий бѣжалъ въ Орду, куда прибылъ и в. к. Василий

¹⁾ Т. XV, ст. 475.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 82; т. XI, стр. 205.

³⁾ Отецъ его, князь Борисъ Михайловичъ, женился въ 1384 г. на дочери смоленскаго князя Святослава Ивановича; годъ рожденiя Ивана Борисовича неизвѣстенъ, но въ событiяхъ осени 1399 г. онъ играетъ только пассивную роль, какъ малолѣтнiй.

⁴⁾ «Въ зѣто 6919 пожаловалъ к. в. Иванъ Михайловичъ своего братапча князя Ивана Борисовича благословенiемъ игумена московскаго Никона» (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 159).

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 218—219.

Дмитріевичъ; съ московской поддержкой ханская власть склонилась, видимо, на сторону князя Василия. По крайней мѣрѣ, татарское войско помогло ему въ нападеніи на Кашинъ. Однако, нападеніе это отбито княземъ Иваномъ Борисовичемъ, которому в. к. Иванъ Михайловичъ поручилъ оборону Кашина съ «тверской заставой». Князь Василий снова ушелъ въ Орду.

Послѣ этого эпизода—защиты Кашина—наши лѣтописные своды болѣе не упоминаютъ о князѣ Иванѣ Борисовичѣ, а по смерти в. к. Ивана, погибшаго въ 1425 въ моровое повѣтріе, великимъ княземъ на Твери сталъ сынъ его Александръ, но черезъ пять мѣсяцевъ погибъ жертвой того же повѣтрія, какъ и свѣдѣній его на великокняжескомъ столѣ сынъ—Юрій Александровичъ, который пережилъ отца всего на четыре недѣли¹⁾. Послѣ всѣхъ этихъ катастрофъ на тверскомъ столѣ утвердился второй вѣтокъ в. к. Ивана—Борисъ Александровичъ, а въ Кашинѣ вернулся было Василий Михайловичъ²⁾, но вскорѣ, «понмалъ» в. к. Борисомъ; на этомъ и кончается

¹⁾ Т. XI, стр. 219—220.

²⁾ В. к. Иванъ Михайловичъ умеръ въ маѣ 1425 г. (по Тверской—22 мая, П. С. Р. Л., т. XV, ст. 488; Воскресенская—т. VIII, стр. 98, и Симеоновская—т. XVIII, стр. 168 относятся къ 21 мая вокняженіе Александра, какъ и Соф. I—т. V, стр. 263; то же, очевидно, и въ источникѣ Никоновской, гдѣ, по опискѣ, мая 1,—т. XII, стр. 8; и въ Соф.—т. VI, стр. 143, при этомъ, имя Александра замѣнено именемъ Бориса Александровича, какъ и въ Новг. IV—т. IV, стр. 121, гдѣ даты нѣтъ). В. к. Александръ Ивановичъ умеръ въ октябрѣ: «бысть княженіа его 5 мѣсца, и преставися предъ Дмитріемъ дземъ» (26 октября)—т. XV, ст. 488; в. к. Юрій Александровичъ умеръ «на Юрьевъ день», т. XV, стр. 489, «а на великомъ княженіи бысть же 4 недѣля»—т. VII, стр. 345 и Карамзинъ, т. V, прим. 258. А. В. Экземплярскій (т. II, стр. прим. 152) отвѣтъ кончину в. к. Юрія въ 23 апрѣля, очевидно потому, что забылъ про Юрьевъ день осенній (26 ноября).

³⁾ Какъ произошло возвращеніе кн. Василия въ Кашинъ, объ этомъ наши источники не сообщаютъ; не даютъ и свѣдѣній о конечной судьбѣ князя Ивана Борисовича. Весьма вѣроятно, что этотъ послѣдній также погибъ въ моровомъ повѣтріи, а забыли о немъ лѣтописные своды потому, что «отъ того родъ не пошалъ» (т. VIII, стр. 245). Извѣстіе Новгородской IV, что «усле князь Иванъ Михайловичъ Тферскій, а приказе княженіа свое своему Борису Александровичу, а Кашинъ брату своему Василью» (т. IV, стр. 120—121), едва ли заслуживаетъ вниманія; упомянувъ о Кашинѣ и Василии повало сюда вмѣстѣ съ замѣной «сма» (такъ во всѣхъ спискахъ—слѣдъ первоначальнаго текста—«сыну своему Александру»)—вижукомъ; ср. т. XII, стр. 8, гдѣ при имени князя Александра нѣтъ слова «приказа», а сказано: «сле... на великомъ княженіи тверскомъ сынъ его князь Александръ мѣсца мая въ 1 (sic, см. 21) день, а въ Кашинѣ дядя его князь Василий Михайловичъ». Нѣтъ основанія связывать возвращеніе кн. Василия въ Кашинъ съ предсмертнымъ «рядомъ» в. к. Ивана (какъ у Экземплярскаго, т. II, стр. 535), ни настаивать на немедленномъ—по кончинѣ в. к. Ивана—водвореніи кн. Василия въ Кашинъ. Последнее, вѣроятно, обусловлено было бездѣтной кончиной Ивана Борисовича, и оказалось неудачнымъ: в. к. Борисъ Александровичъ «того же дѣта понмалъ князя Василия кашинскаго» (т. VI, стр. 143), чѣмъ и законченъ раздоръ за Кашинъ.

его исторія въ нашихъ источникахъ. На томъ кончилися и существованіе особаго Кашинскаго княжества, а вмѣстѣ и «удѣльное» владѣніе частіями Тверской земли.

VII

Сохраненію видности княжого единчества въ договорныхъ и жалованныхъ грамотахъ тверскаго великаго князя Бориса Александровича (1425—1461) едва ли можно придавать значеніе, кромя формально-дипломатическаго ¹⁾. Младшіе князья тверской земли—отчичи на своихъ княженіяхъ ²⁾, сходять на положеніе зависящихъ подручниковъ, причемъ фразеоло-

и самое существованіе особаго Кашинскаго княжества. Ср. В. С. Ворзавковскаго, Исторія Тверскаго княжества, стр. 192.

¹⁾ Въ жалованной грамотѣ Тверскому Отрочу монастырю (А. А. Э., т. I, № 34) в. к. Борисъ повторяетъ формулу грамоты в. к. Василія Михайловича (тамъ же, № 5) съ замѣной именъ тогдашнихъ князей Тверской земли именами своей молодой братъ; но, напримѣръ, грамоту Срѣтскому монастырю (тамъ же, № 33) онъ даетъ единолично „въ своей вотчинѣ великомъ княженіи“. Договоръ съ великимъ княземъ всея Руси в. к. Борисъ заключаетъ отъ имени своего и своей „братъ молодой“ и „меньшей братъ“ (А. А. Э., т. I, № 33), но договоры съ Витовтомъ и Казимиромъ—единолично; тутъ младшіе князья только пассивный объектъ соглашенія между великими князьями, а „меньшей братъ“ соотвѣтствуютъ „князья служебные“; эти послѣдніе упоминаются только въ позднѣйшемъ договорѣ Бориса съ в. кн. Василіемъ Васильевичемъ (1433—1434 г.); С. Г. Г. и Д., т. I № 76—77), наряду, однако, съ „братъ молодой“ и съ „меньшой братъ“.

²⁾ Составъ этого младшаго князья во времена в. к. Бориса не вполне ясенъ. Въ его грамотахъ упоминаются князья Федоръ Федоровичъ, Иванъ Юрьевичъ, Андрей Ивановичъ (А. А. Э., т. I, № 33); Ф. Ф., И. Ю., Андрей Дмитріевичъ, Федоръ Александровичъ (А. А. Э., т. I, № 34); Дмитрій и Иванъ Юрьевича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77). Федоръ Федоровичъ, известный только по двумъ грамотамъ, вѣроятно, мюслинскій князь, сынъ Федора Михайловича; въ грамотѣ 1458—1454 г. его уже нѣтъ. Иванъ Юрьевичъ—сынъ в. к. Юрія Александровича: „а удѣлъ его былъ Зубцовъ, и [отъ] того родъ не пошелъ“, сообщаетъ родословіе тверскихъ князей (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 245). Андрея Ивановича Экземплярскій признаетъ внукомъ в. к. Ивана Михайловича, такъ какъ больше нигде пристроить это имя (т. II, стр. 643). Андрей Дмитріевичъ—дорогобужскій князь, сынъ Дмитрія Еремѣевича (см. Экземплярскаго, т. II, стр. 521). Федоръ Александровичъ упоминаетъ въ родословіи тверскихъ князей (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 246) какъ князь талатевскій, младшій сынъ мюслинскаго князя Александра Федоровича и братъ Бориса Александровича мюслинскаго. Дмитрій Юрьевичъ—хозмскій князь, сынъ Юрія Всеволодовича. Иванъ Юрьевичъ договора 1453—1454 г., вѣроятно, тотъ же упомянутый раньше зубцовскій князь. Но какъ объяснить сочетаніе этихъ именъ въ разныхъ грамотахъ? По первой изъ нихъ въ договорѣ в. к. Бориса съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ участвуютъ съ в. к. Борисомъ—его племянникъ Иванъ Юрьевичъ и двоюродный братъ Андрей Ивановичъ; но почему Иванъ прописанъ раньше Андрея? Отсутствіе другихъ именъ можно понять, какъ признакъ суженія тверскаго единчества до предѣловъ ливин в. к. Михаила Александровича. Но почему въ грамотѣ Отрочу монастырю рядомъ

гическому различію между «братъей молодой» и «князьими служебными» (въ договорныхъ грамотахъ в. к. Бориса) не соответствуетъ какое-либо различіе въ ихъ положеніи передъ великокняжескою властью.

Борисъ Александровичъ строилъ свое великокняжеское владѣніе въ Тверской землѣ, опираясь на тѣсный союзъ съ литовскимъ великимъ княземъ ¹⁾. Отдавшись подъ властную оборону Витовту, «своему господину дѣду», в. к. Борисъ выговорилъ себѣ полную независимость по управленію Тверскимъ великимъ княженіемъ и по господству надъ младшими князьими Тверской земли: «а дядемъ моимъ, читаемъ въ договорѣ 1427 года, и братьи моеи, и племени моему, княземъ, быти въ моемъ послуш; я, князь великій Борисъ Александровичъ, воленъ, кого жалую, кого казюю, а моему господину дѣду, великому князю Витовту, не вступатися; а который вьсочетъ къ моему господину дѣду, къ великому князю Витовту со отчнюю, и моему господину дѣду, великому князю Витовту, со отчнюю не приняти; пойдеть ли который къ моему господину дѣду, къ великому князю Витовту, и отвъ отчныи лишонъ, а у отчнѣи его воленъ я, великій князь Борисъ Александровичъ, а моему господину дѣду, великому князю Витовту, не вступатися» ²⁾.

Договоръ в. к. Бориса съ королею польскимъ и в. к. литовскимъ Казимиромъ, заключенный въ 1449 году, еще рѣчею приближаетъ младшихъ князей Тверской земли съ боярами и вольными слугами: «а хто отъѣдетъ отъ мене къ тобѣ, къ королю польскому и великому князю литовскому, братьи моеи молодой и князей служебныхъ, ино тотъ отчныи своеи лишонъ, а мнѣ, великому князю, не вступатися; а хто отъѣдетъ отъ тебе, королю польского и великаго князя литовского, князей служебныхъ ко мнѣ, къ великому князю Борису, ино тотъ отчныи своеи лишонъ, а тобѣ, королю и великому князю, не вступатися; а бояромъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля

съ Федоромъ микулинскимъ и Иваномъ зубцовскимъ появился дорогобужскій Андрей? и что еще труднѣе объяснять—это Федора Александровича, если онъ подлинно тверятевскій князь, при имени—въ той же грамотѣ—его дяди Федора микулинскаго и отсутствіи имени его старшаго брата Бориса; прѣхлось бы дѣло такъ представить, что князь Федору выдѣленъ былъ тверятевскій удѣлъ, а братъ его Борисъ жилъ при дядѣ, какъ будущій преемникъ во владѣніи Микулиномъ. Наконецъ, въ договорѣ 1453—1454 г. названы только Дмитрій холмскій и Иванъ зубцовскій; почему нѣтъ имени микулинскаго князя? О князьяхъ-князатахъ Тверской земли ср. Ворзавовскаго, Ист. Тверскаго княжества, стр. 227 и слѣд.; Экземплярскаго, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси, т. II стр. 554 и слѣд., и Родословіе тверскихъ князей въ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 246—246 (къ нему таблица у Ворзавовскаго: Родословіе № 2).

¹⁾ А. З. Р., т. I № 33. Въ 1427 г. в. к. Борисъ «валяъ любовь такую» съ в. к. Витовтомъ: быть в. к. Борису съ в. к. Витовтомъ «за одинъ, при его сторонѣ и пособляти ему на всякого, не вынималъ», а в. к. Витовту «в. к. Бориса Александровича, своего внука, боронити отъ всякого, думую и помощю», но не вступатися «въ земляи и въ воды и во все его великое княженъ тверское».

²⁾ А. З. Р., т. I № 33.

межи насъ»¹⁾. Такъ при в. к. Борисѣ Александровичѣ закончилась полная побѣдой борьба за усиленіе тверской великокняжеской власти. Преодолена опасность удѣльно-вотчиннаго дробленія власти и распада самой территоріи на рядъ слабо связанныхъ другъ съ другомъ вотчинныхъ княжествъ. Тверская земля не поддавалась этой опасности—подъ давленіемъ вѣдшей борьбы за свою самостоятельность, которая сплачивала тверскія слои вокругъ одного центра. Еще въ XIII вѣкѣ Тверь была центромъ наиболѣе упорныхъ попытокъ сопротивленія татарской власти, и попытки эти оставили въ настроеніяхъ тверского общества традицію, на которой и выросла необычайная популярность в. к. Михаила Александровича, возродившаго силу великокняжеской власти. Тверь, съ другой стороны, передовой пунктъ великорусской борьбы съ литовскимъ наступленіемъ къ востоку, и переживаетъ, во времена в. к. Михаила Ярославича, моментъ порыва къ захвату въ руки своихъ князей руководства всей политической жизнью Великороссіи; не даромъ именно тверской князь впервые титулуется великимъ княземъ всея Руси. Традиціями великокняжеской полноты проникнута вся исторія тверскихъ князей; поневогѣ замкнутые въ болѣе узкую сферу дѣятельности московскихъ соперничествомъ, они строятъ свое Тверское великое княженіе, какъ основу болѣе крупной роли въ историческихъ событіяхъ Восточной Европы. Однако, ростъ Москвы, съ одной стороны, и Литовскаго великаго княжества, съ другой, приводятъ эту тверскую силу къ колебанію между сосѣдями, съ постепеннымъ, все болѣе сильнымъ уклономъ на литовскую сторону. По договору съ Витовтомъ в. к. Борисъ Александровичъ можетъ быть признанъ вассаломъ-подручникомъ литовскаго великаго князя, а въ договорѣ съ королемъ Казимиромъ (1449 года) в. к. Василий Васильевичъ призналъ тверского великаго князя и всѣхъ тверскихъ князей «въ его сторонѣ»—великаго князя литовскаго и короля польскаго²⁾. Эти отношенія ставили тверскую великокняжескую власть въ противорѣчіе съ основными стародавними тверскими традиціями и вносили несомнѣнный разладъ въ тверскія настроенія. Окрѣпшая Москва вала въ свои руки то національное знамя, которое было дорого тверскимъ традиціямъ, въ борьбѣ съ татарами, о какой издавна мечтали въ Твери, и съ Литовско-польскимъ государствомъ, гдѣ все усиливались иноземныя и иновѣрные тенденціи.

¹⁾ Надо читать въ первой части этой статьи договора: «а тебѣ, королю и великому князю, не вступатися», а во второй: «а мнѣ, великому князю, не вступатися»; такіа ошибки возможны (и встрѣчаются) при писаніи противней. — Относительно великаго князя всея Руси это соглашеніе о неотъѣздѣ князей съ вотчинами введено только въ договоръ в. к. Бориса съ в. к. Василиемъ Васильевичемъ 1453—1464 года, и то съ упоминаніемъ объ однихъ только служебныхъ князьяхъ: «а кто мовѣхъ князей служебныхъ къ тебѣ отъѣдетъ, въ тѣхъ ти отчину не вступатися, кого ми Богъ поручалъ, на твоимъ дѣтемъ, на твоей братьѣ молодшей». (С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77).

²⁾ А. З. Р., т. I, №№ 33 и 50.

Тверская великокняжеская власть закончила свою внутреннюю строительную работу в такой исторический момент, когда оказались разрушенными основными условия ее значения и самостоятельного существования.

Въ 50-хъ г.г. XV вѣка Москва одолевъ тяжкую смуту въ московско-владимирскомъ великомъ княженіи всея Руси и вышла на новыя пути великорусскаго государственнаго строительства. Великому князю тверскому пришлось заключить съ в. к. всея Руси союзный договоръ о томъ, чтобы имъ другъ другу «добра хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Руси безъ интрости» и помогать всею силою противъ Литвы, Ляховъ и Нѣмцевъ¹⁾. Втянутая въ общія великорусскія международныя отношенія, Тверь теряла всякую опору противъ Москвы. Тверь втянута въ кругъ великорусской полетики, руководимой великимъ княземъ всея Руси, московскимъ государемъ, со всѣми своими княжескими, боярскими и боевыми силами; непосредственная служба великому князю всея Руси мико мѣстнаго, тверского, естественно влечетъ служебныхъ князей и бояръ Тверской земли къ отъѣзду отъ Твери къ Москвѣ. Исходъ великаго княженія Бориса Александровича и княженіе его сына Михаила—только прологъ къ конечному паденію тверской независимости.

Волею историческихъ судебъ, политическіе успѣхи тверской великокняжеской власти пошли на пользу московской объединительной работѣ. Показателемъ для этихъ успѣховъ спокойный переходъ власти въ Тверскомъ великомъ княженіи, по смерти в. к. Бориса Александровича (1461 г.), къ его малолѣтнему сыну Михаилу (р. 1453 г.). Въ его договорахъ съ в. к. Иваномъ Васильевичемъ рядомъ съ тверскимъ великимъ княземъ упоминаются только незначительный зубцовскій князекъ—Иванъ Юрьевичъ и холмскій князь Михаилъ Дмитриевичъ, братъ московскаго воеводы князя Данила Холмскаго, которыхъ только формально устойчивая традиція выдѣляла, какъ великокняжескую «братью молодшую» изъ среды—безымянной въ договорахъ—«мешей братья», князей служебныхъ²⁾. Цѣльнымъ «тверскимъ государствомъ» вошла Тверская земля въ составъ «всѣхъ государствъ русскаго царства».

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 76 и 77. Договоръ надателями отнесенъ къ 1451 году. Правильная датировка — 1453—1454 г. (не ранѣе) у. С. М. Соловьева („Ист. Росс.“ кн. I, ст. 1085: „послѣ 1454 г.“) и Ворааковскаго („Ист. Тверск. кн.“, прим. 939).

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 88—89 и 119—120.

ГЛАВА VI.

Рязанское великое княжество.

I.

Въ южныхъ предѣлахъ Великороссіи сложилась особая, безпокойная жизнь Рязанской Украины. Еще въ 20-хъ годахъ XII-го вѣка Муромо-рязанская область выдѣлилась изъ состава Черниговскихъ волостей ¹⁾ въ вотчину младшей линіи черниговскихъ Святославичей, линіи потомковъ князя Ярослава Святославича; въ 60-хъ годахъ того же вѣка распалась на два обособленныхъ княжества Ярославовыхъ внуковъ: Муромское Юрія Владиміровича и Рязанское Гдѣба Ростиславича ²⁾. Связь между ними порвана въ ихъ подчиненіи власти Владимірскихъ великихъ князей. Муромское княжество вполнѣ подавлено этой властью, и его князья, видимо, вошли безъ возможности сопротивленія въ положеніе Владимірскихъ подручниковъ. Рязанское княжье, суетливое и безпокойное, довело себя — въ исходѣ перваго десятилѣтія XIII вѣка — до полной утраты владѣній: по городамъ Рязанской земли водворились посадники и тиуны в. к. Всеволода Юрьевича. Но эта прямая великокняжеская власть держалась на Рязани только самою, подавляя волненія и недовольство населенія. Сыновья Всеволода Юрьевича примирились съ возвращеніемъ рязанскихъ князей въ ихъ отчину, а въ 1219 году рязанскіе Владиміровичи выбиты изъ земли княземъ Ингваремъ Игоревичемъ, который закончилъ смуту утвержденіемъ рязанской отчины за семьей князей Игоревичей ³⁾.

¹⁾ „Княжое право въ древней Руси“, стр. 131—138.

²⁾ Только при сыновьяхъ Ярослава Святославича еще можно, и то съ большими оговорками, называть, по позднѣйшему, Муромъ „удѣломъ“ Рязанской земли; распространеніе этого термина на позднѣйшія времена у Экземплярскаго (т. II, стр. 609) неправильно по отсутствію какой либо ближайшей связи между муромскимъ и рязанскимъ княжествами.

³⁾ Князь Ингварь отбился отъ Владиміровичей и ихъ союзниковъ половцевъ съ помощью в. к. Юрія Всеволодовича: П. С. Р. Л., т. VII, стр. 126; т. X, стр. 82. — Въ послѣдніи десятилѣтія XII в. и въ началѣ XIII-го между рязанскими князьями идетъ упорная борьба за волости и за общій строй междукняжескихъ отношеній, смыслъ которой трудно уловить по отрывочнымъ сообщеніямъ нашихъ лѣтописныхъ сведовъ. Повидному, среди рязанскихъ князей были живы, въ эту пору, характер-

Князь Ингварь прожил недолго; Батыево нашествие застало на старшемъ столбѣ Рязанской земли его брата Юрія Игоревича. Племянники князя

внѣ черниговскія традиции княжого единства (о нихъ см. „Княжое право“, стр. 120—128), которыя противодействовали утвержденію вотчиннаго раздѣла Рязанской земли (вѣроятно, подъ вліяніемъ людскаго состава княжой семьи). Но мы не знаемъ, какъ подѣлились Глѣбовичи удѣлами (или, по черниговски, надѣлами)—по ряду ихъ отца или по рѣшенію старшаго брата. Этотъ братъ, Романъ Глѣбовичъ, возстановлялъ противъ себя братьевъ (Всеволода и Владиміра) тѣмъ, что „узналъ“ у нихъ волости, по вину тестя, князя Святослава Всеволодовича (изъ семьи владѣвшихъ в. к. Всеволоду черниговскихъ Ольговичей). По ихъ жалобѣ в. к. Всеволодъ Юрьевичъ принудилъ старшихъ Глѣбовичей—Романа и Игоря отдать споры о волостяхъ съ ихъ младшею братьей на свое рѣшеніе („на всей воли Всеволоди цѣловаша крестъ“) и учинилъ рязанскимъ князьямъ „порядкъ“, раздавъ имъ волости „комуждо по старѣйшинству“, т. е. установилъ, какъ имъ владѣть общей отчиной по удѣламъ подъ старѣйшинствомъ Романа (1180 г.). Но въ 1188 г. началась война „крамова зна вельми“ между старшими Глѣбовичами (Романомъ, Игоремъ, Владиміромъ) и ихъ младшею братьей (Всеволодомъ и Святославомъ); эти младшіе князья сѣдѣли въ Пронскѣ. Старшіе братья объясняли свое нападеніе на брата Всеволода тѣмъ, что онъ ихъ „не слушаетъ“. В. к. Всеволодъ снова смирилъ рязанскихъ князей; пользовался отъ нихъ раздорами, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, такъ какъ рязанскіе князья то и дѣло воровани опереться на черниговскую силу противъ великокняжескаго суздальскаго господства. Повидимому, смерть Всеволода Глѣбовича „на Пронскѣ“ дала поводъ къ новому взрыву рязанской смуты въ 1207 году, притчею в. к. Всеволоду была вѣсть, „оже рязанстѣи князи смѣшались суть со Ольговичи на нь“. На этотъ разъ особо скомпрометировалъ передъ в. к. Всеволодомъ пронскій отчичъ Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ (зять Всеволода Ольговича Чернигаго) вмѣстѣ съ дядями (Романомъ и Святославомъ; Игоря и Владиміра уже вѣтъ въ живыхъ — на сѣдѣхъ по зову в. к. Всеволода ихъ сыновья), а обличаютъ ихъ въ сношеніяхъ съ черниговскими Ольговичами — Глѣбъ и Олегъ Владиміровичи. В. к. Всеволодъ велѣлъ схватить обонѣхъ старшихъ князей (Романа и Святослава) съ ихъ дружинами и двухъ Игоревичей (Ингваря и Юрія; а не шестерыхъ, какъ у Изювайскаго, Ист. Рязанскаго княжества, стр. 61), и сослать ихъ во Владиміръ, гдѣ они и пробыли лѣтъ 6 въ заключеніи; Романъ Глѣбовичъ тутъ и умеръ; вѣроятно и Святославъ, такъ какъ о немъ позже вѣтъ упоминаній. Киръ Михаилъ, узнавъ „оже ему стрѣвей князани, а отецъ ему мертвъ, а се на нь рать идетъ“, бѣжалъ изъ Пронска въ Черниговъ. Владиміровичи, видно, добывались Пронска (проявлять пытались защищаться отъ в. к. Всеволода съ Изяславомъ Владиміровичемъ, а затѣмъ, по Лаврентьевской, Всеволодъ посадилъ было въ Пронскѣ его брата Олега), но кончилось дѣло тѣмъ, что в. к. Всеволодъ заставилъ Рязанцевъ выдать себѣ всѣхъ князей („риязанци вѣк адуваше послаша остатокъ князей и со князьими къ в. к. Всеволоду въ Володимерь“), а затѣмъ выгналъ изъ Пронска Владиміровичей (Изяслава), посадилъ тамъ своего подручника Давида муромскаго съ посадникомъ своимъ Ослидюкомъ, а въ Рязани сына Ярославя и посадниковъ по городамъ Рязанской земли. Протестъ рязанцевъ подавленъ сожженіемъ городовъ рязанскаго и бѣлгородскаго. (Ср. Лаврентьевскую лѣтопись, 3-е изд., стр. 367—368; 382—383; 400—412, и „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго“, стр. 108). Сынъ Всеволода, Юрія, по смерти отца (1212 г.) отступилъ изъ заточенія рязанскихъ князей и дружины ихъ, укрѣпивъ ихъ крестнымъ цѣлованіемъ („Л. П. С.“, стр. 111); а Владиміровичи (Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ) еще въ 1209 г. соединились съ Киръ-Михаиломъ и, при помощи позов-

Юрія, Нигваревича, сядьзи, повидиному на Пронскѣ¹⁾. Татарскій погромъ стугилъ большую часть рязанскаго княжого гнѣзда. Уцѣлѣли только два

цети, привудили муромскаго князя вернуть Пронскъ Кирь-Михаилу (тамъ-же, стр. 109). — Среди рязанскихъ князей, вернувшихся въ свою отчину, старѣйшимъ сталъ Глѣбъ Владиміровичъ (Олегъ умеръ въ 1209 г.), который вступилъ на путь Святополка Оканинаго: ради объединенія власти надъ всею Рязанскою землей въ своихъ рукахъ онъ въ 1217 году измѣнителески загубилъ на пиру (при соучастіи младшаго брата Константина) — родного брата Изяслава и пятерыхъ двоюродныхъ (Кирь Михаила Всеволодовича, двухъ Игоревичей — Романа и Глѣба, двухъ Святославичей — Ростислава и Святослава), по плоды его злодѣянія достались случайно спасшемуся Нигварю Игоревичу, который выбралъ Владиміровичей изъ Рязанской земли съ поддержкой в. к. Юрія Всеволодовича (1219 г.).

¹⁾ Нѣкоторые списки сказанія о „Ватмевой рати“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 139; т. X, стр. 103; Летопись по Акад. списку, въ 8 изд. Лаврентьевской, стр. 467) спутали Игоревичей съ Нигваревичами и тамъ создали мнимаго Олега, брата Юрія Игоревича (по этимъ спискамъ — Нигваревича): „Юрья Нигваровичъ, братъ его Олегъ Нигворовичъ“, или: „Юрья Нигваровичъ и братъ его Олегъ“, что явно лишь искажаетъ правильное чтеніе: „Юрья, Нигваровичъ братъ, Олегъ Нигваровичъ“ (Новг. IV; П. С. Р. Л., т. IV¹, стр. 213) или: „Юргя, Нигваровичъ братъ, Олегъ, Романъ Нигворовичъ“ (Новг. I, стр. 247); осторожность А. В. Экземплярскаго (т. II, стр. 371 и родословную таблицу VII) малюшка. Родословныя XVI в. („Временникъ М. О. И. и Др.“, кн. 10, стр. 30; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 248) поддались той же путаницѣ, такъ какъ сымовляны Нигваря Игоревича называютъ: Романа, Юрія, Олега, т. е. выдумаютъ Нигвара Нигваревича, а его братьевъ (Олега и Романа) дѣлаютъ братьями Юрія Игоревича (который у нихъ Нигваревичъ); близость именъ Игорь и Нигваръ привела къ смѣшенію отца съ сымовъ и двухъ Романовъ—Игоревича и Нигваревича. Другое сказаніе о зашествіи Ватма („О нашествіи злочестиваго царя Ватма на Русскую землю повѣсть умилная“) — въ составѣ сказанія „О пришествіи чудотворнаго Николаина образа Зарайскаго, иже ѣзъ изъ Корсуя града, въ предѣлы Рязанскіе“, — которое дошло и въ отдѣльныхъ спискахъ („Временникъ М. О. И. и Др.“, кн. 15) и въ „Русскомъ Временникѣ“ (изд. 1820 г., т. I, стр. 92 и слѣд.), называетъ еще двухъ Нигваревичей — Глѣба и Давида, причѣмъ Глѣба именуется „коломенскимъ“, а Давидъ Нигваревичъ оказался тутъ муромскимъ княземъ; оба они — братья Юрія „Нигваревича“ (Р. Вр., I, стр. 114 и 124—125). — Пронскій князь, упоминаемый въ сказаніи о „Ватмевой рати“, могутъ быть только Нигваревичи: Всеволодъ пронскій, упоминаемый въ „умилной повѣсти“ (Р. Вр., т. I, стр. 110; Временникъ М. О. И. и Др., кн. 15, стр. 14) — по родословной Временника (кн. 10, стр. 30) Глѣбовичъ, а по другимъ (см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 823) Михайловичъ (сынъ Кирь-Михаила), созданіе генеалогическихъ комбинацій, ничѣмъ не подтверждаемыхъ. Судя по перечнямъ князей, составленнымъ Юріемъ Игоревичемъ для отпора татарской сядь, въ упомянутыхъ текстахъ, — ихъ основной текотъ, подтвержденъ затѣмъ раду искаженій, называетъ за Юріемъ старѣйшаго изъ Нигваревичей (Романа, а въ другой редакціи Олега), затѣмъ муромскихъ и пронскихъ князей. Косвенное подтвержденіе тому, что подъ „пронскими князьями“ слѣдуетъ разумѣть Нигваревичей даетъ текстъ родословной книги, изданной въ 10 книгъ „Временника“, гдѣ послѣ Юрія и Романа названы сперва муромскіе князья, затѣмъ князья Олегъ, Давидъ и Глѣбъ Нигваревичи. „Повѣсть умилная“ развиваетъ дагдѣ путаницу отъ Олегами, повѣствуя, какъ Нигваръ Нигваревичъ собиралъ „раадробленные уди“ брата, Олега Краснаго, и хоронилъ его („Рус. Вр.“, т. I, стр. 125); зная, что Олегъ остался живъ,

Ингваревича: Игварь, который был посланъ дядей за помощьюъ въ Черниговъ и вернулся оттуда на Рязанское княженіе, когда слынула татарская напасть, и Олегъ, томившійся въ ордынскомъ плѣну. О князѣ Ингварѣ Ингваревичѣ только и знаемъ, что онъ «обнови землю Рязанскую»; даже время его кончины не отмѣчено гѣтовскими сводами; обычно полагаютъ, что его не было въ живыхъ, когда въ 1252 г. «пустили татарове рязанскаго князя Ольга Ингваровича, внука Игорева, на свою землю»¹⁾. При Олегѣ Ингваровичѣ оформилось владычество Орды надъ Рязанской землей, ордынскіе численники «ивочли» землю Рязанскую, и установлена татарская власть въ русскомъ улусѣ золотоордынскихъ хановъ.

Олегъ оставилъ единственнаго сына—Романа, но в двѣнадцатилѣтнее княженіе этого князя на Рязани (1258—1270) ничѣмъ не отмѣчено въ нашихъ источникахъ, кромѣ сказанія о его мученической кончинѣ въ Ордѣ. Отъ князя Романа Ольговича пошли рязанскіе князья. Такъ исторія Рязанской земли начинается какъ бы заново въ эпоху татарскаго владычества надъ Русью. Подъ татарской властью Рязанская земля слагается въ сильное княжество, одно изъ мѣстныхъ великихъ княженій сѣверо-восточной Руси. Его значеніе опредѣлилось въ XIV вѣкѣ: въ зависимости отъ его географическаго положенія, какъ Рязанской Украины—жизнаго форпоста Вѣлкороссіи. На югѣ оно владѣло важнымъ водораздѣломъ между бассейнами Оки и верхняго Дона. Поселенія, тянувшія къ Рязани, спускались и южнѣе этого водораздѣла, пока гѣсь давалъ имъ прикрытіе отъ степной опасности, по Дону и Воронежу до рѣчекъ—притоковъ Дона—Тахой Сосны, Червленаго Яра и Битюга, а восточнѣе—по Великую Ворову, притокъ Хопра. Здѣсь проходила въ концѣ XIII-го и въ XIV вѣкахъ граница между Рязанской и Сарайской епархіями²⁾. Конечно, такъ далеко къ югу и юго-

историкъ считаютъ Олега Красваго—братомъ Юрія Игоревича (Ивановскій, Ист. Рязанскаго княжества, стр. 90) или отдѣляютъ прозвище въ пользу племянника, оставая мѣнимаго дядю просто Олегомъ (Экземплярскій, т. II, стр. 570 и 572).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 160. Олега обычно считаютъ младшимъ потому, что онъ позже княжилъ. Однако, возможно, что онъ былъ вторымъ сыномъ Игваря Игоревича (послѣ Романа); возвращеніе въ Орду могло и не стоять въ связи со смертью его брата Игваря. Отсутствие извѣстій не даетъ возможности возстановить даже элементарные факты рязанской исторіи XIII вѣка. Жалованная грамота в. к. Олега Ивановича Ольгову монастырю (А. И., т. I, № 2) вызываетъ большое сомнѣніе перечнемъ „прадѣдовъ“ в. к. Олега: Игварь, Олегъ, Юрій. Первые двое—Игваревича? Но какъ попалъ на третье мѣсто Юрій, нѣтъ дядя?

²⁾ Историкъ Рязанскаго княжества, Д. И. Ивановскій отмѣчаетъ возрожденіе русской колонизаціи въ юго-восточномъ направленіи послѣ Батыева погрома (Указ. соч., стр. 93—96); граница княжества „перешагнула за рѣку Воронежъ и углубилась въ степь“; окрѣпли русскія поселенія въ степномъ пространствѣ между р. р. Вѣрбичомъ, Довомъ, Хопромъ и Великою Воровой, известномъ подъ названіемъ Червленаго Яра. Этотъ предѣлъ рязанской украины, обращенный къ татарской степи, область малой пограничной борьбы и постоянной воинской тревоги, былъ предме-

востоку забѣгали только отдѣльные поселки, выдвинутые въ степную сторону далеко отъ главной массы поселеній. Ядро земли было много сѣвернѣе. Старая Рязань была естественнымъ центромъ этого ядра, но съ нею конкурируетъ въ значеніи центра княжой рязанской силы Переяславъ рязанскій, выше къ сѣверо-западу по Окѣ. Возвышеніе Переяславля и его коначная побѣда надъ Рязавью показательны, по своему, для боевого положенія Рязанской земли. Передъ наволаивой и изурительной южной опасностью эта земля жметъ къ сѣверу, къ центральнымъ областямъ великорусской силы. Южные предѣлы Рязанской земли сводили ее со степью, гдѣ господствовали татары, не ханская только сила, но и беспокойныя разбойничьи мелкія орды, которыя со своими ордынскими царевичами и князьями ваѣзжали на Русь на свой рискъ и на свою добычу. Боевая тревога стала за обычай жителей Рязанской Украины и выработала въ нихъ тотъ смѣлый, буйный и «дерзкій» нравъ, о которомъ твердятъ съ укоризной московскіе князья.

Опорнымъ пунктомъ рязанскихъ силъ въ южномъ направленіи служилъ Пронскъ, который рано получилъ значеніе особаго княжого стола. А укрѣплять свои южныя позиціи и развивать ихъ оборонительное и наступательное значеніе Рязанское княжество могло только захватывая, по мѣрѣ силъ и возможности, прилежащія Чернягово-сѣверскія волости и выходя въ сферу своего властнаго вліянія ихъ мелкія сосѣднія княжества¹⁾. Западные отношенія—съ Черняговщиной, затѣмъ съ Лятовой нѣмьей постоянное и крупное значеніе для Рязани.

Не спокойнѣе была и восточная граница Рязанской земли—по рѣкѣ Цаѣ, примыкавшая къ мещерскимъ и мордовскимъ мѣстамъ. Затяжная борьба съ сосѣдними восточно-финскими племенами и съ кочевой силой южной степи еще въ XII столѣтіи связала Рязанскую землю съ Суздальщиной. Въ великихъ князьяхъ Владимірскихъ рязанскіе князья находили

тотъ спора о разграниченіи рязанской и сарайской епархій. Грамота митр. Феогноста (А. И. т. I, № 1), подтверждающая рѣшенія митр. Максима и Петра въ пользу рязанской епархій, обращена „ко всемъ христіаномъ Чералевому Яру“; грамота митр. Алексѣя (о томъ же, А. И., т. I, № 3)—„ко всемъ христіаномъ, обрѣтающимся въ предѣлѣ Чералевому Яру и по карауломъ воатъ Хопра до Дону“. Рязанскіе князья держатъ тутъ степную сторожу для предупрежденія нежданыхъ татарскихъ набѣговъ, равной зародышъ поддѣвшейся ставичной и сторожевой службѣ (ср. Влалова въ „Чтеціяхъ О. И. и Др.“, 1848 г.). Д. И. Иловайскій придаетъ значеніе тому, что „караулы“ упомянуты только въ грамотѣ митр. Алексѣя, а не Феогноста, и заключилъ, что въ 1360-хъ годахъ они были еще вновь. Но различіе въ формулѣ обращенія обѣихъ грамотъ едва ли имѣетъ столь опредѣленно показательный смыслъ для датировки появленія украинскихъ карауловъ, а по существу это явленіе старинное, надо полагать еще изъ временъ половцевъ.

¹⁾ Иловайскій; *Исторія Рязанскаго княжества*, стр. 67 и 104; о князьяхъ Влоцкихъ и Коцельскихъ при Олегѣ Ивановичѣ см. тамъ же, стр. 127.

опору своимъ недостаточнымъ силами, но и платили за то подчиненіемъ, которое естественно обуславливалось значеніемъ Рязанской Украины, какъ великорусскаго форпоста противъ шнородческаго юга и юго-востока.

Эти надвигавшіяся отношенія существенно опредѣляли и дальнѣйшія судьбы Рязанской земли. Ея боевое положеніе органически требовало опоры въ связяхъ съ великорусскимъ центромъ. Живой артеріей этихъ связей было теченіе Оки и ея протоковъ. Укрѣпить этотъ свой тылъ и расширить его базу было существенной потребностью Рязанской земли. Но возможность усилена въ сѣверномъ и сѣверо-западномъ направленіяхъ была рано оборвана окрѣпшею мощью Москвы. Между Москвою и Рязанью—соперничество за волости ослабѣвшей и распадавшейся Черниговщины. Спорными мѣстами были для нихъ Лопатина, Верея, Боровскъ, Луза, которые въ договорныхъ грамотахъ опредѣляются, какъ «мѣста рязанскія», хотя все—это бывшія чернигово-сѣверскія волости ¹⁾. Захватъ ихъ Москвою связать, вѣроятно, съ захватомъ Коломны—ключа къ путямъ на Рязань съ сѣвера. А, съ другой стороны, устье Оки замкнуто Нижнимъ-Новгородомъ; къ тому же развитіе рязанской территоріи внизъ по Окѣ преграждено муромскими владѣніями, которыя давно ускользнули изъ подъ рязанскихъ вліяній и потянули къ великокняжескому Владимиру.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, положеніе Рязанской земли, которое обусловило тяжелую ея исторію. Рязанское княжество въ крайне трудныхъ условіяхъ приняло на себя, по историко-географической необходимости, боевыя и коопизаціонныя задачи русскаго сѣверо-востока, поддержку и развитіе традицій старой Суздальщины въ южныхъ отношеніяхъ Великороссіи, пока новая, московская сила не объединитъ заново въ одномъ центръ разрозненныхъ теченій великорусской народной жизни.

Исходъ XIII вѣка и начало XIV-го—время, когда Рязань вовсе предоставлена своимъ собственнымъ, мѣстнымъ силамъ, а великорусскій центръ наносилъ ей только ослабляющіе тяжкіе удары.

Наша гѣтописные своды крайне невнимательны къ судьбамъ Рязанскаго княжества. По нимъ (а другого матеріала нѣтъ) слишкомъ часто нельзя точно установить даже элементарные факты рязанской исторіи—хотя бы генеалогію рязанскихъ князей и хронологическую канву ихъ преемства.

Князь-изученикъ ордунскій, Романъ Ольговичъ умеръ въ 1270 году, оставивъ трехъ сыновей—Федора, Ярослава и Константина. Федоръ Романовичъ съѣлъ, вѣроятно, на старшемъ рязанскомъ столбѣ; подъ княженіемъ его брата Ярослава возродилось особое пронское княженіе. Однако, даже этотъ

¹⁾ Ср. замѣчанія С. М. Соловьева, *Ист. Россіи*, кн. I, ст. 1142, и договоръ 1361 г. между в. к. Дмитриемъ Ивановичемъ и рязанскимъ в. к. Олегомъ Ивановичемъ (С. Г. Г. и Д. т. I, № 32): тутъ „рязанскими мѣстами“ названы Новый городокъ, Луза, Верея, Боровскъ.

фактъ устанавливается съ трудомъ, по даннымъ спорнымъ и противорѣчивымъ; а какиихъ-либо детальныя свѣдѣнія о рязанскихъ событіяхъ и объ отношеніяхъ между князьями наши источники и вовсе не даютъ¹⁾.

¹⁾ О князѣ Федорѣ Романовичѣ находимъ только упоминавіе его кончимъ въ 6901 (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 83) или 6802 (Лаврентьевская, стр. 460; П. С. Р. Л., т. X, стр. 169); онъ названъ княземъ Федоромъ Романовичемъ Рязанскимъ (только въ нѣкоторыхъ спискахъ Никоновской лѣтописи „княземъ великимъ“— П. С. Р. Л., т. X, стр. 169, вар. е). Умеръ онъ бездѣтнымъ, судя по тому, что нѣтъ упоминаній о его потомствѣ, и по пренебреженію списковъ князей въ родословцахъ къ его памяти: они объ немъ вовсе не упоминаютъ (см. у Экземпларскаго, т. II, стр. 574, прим. 1850). Старшимъ Романовичемъ и преемникомъ отца историки (С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. I, ст. 883; Иловайскій, Ист. Рязанск. княжества, стр. 91; Экземпларскій, т. II, стр. 573) признаютъ Федора, очевидно, только потому, что онъ первый умеръ, да еще слѣдуя такому же соображенію тѣхъ списковъ Никоновской лѣтописи, которые придали ему великокняжескій титулъ. Однако, этому противорѣчатъ два текста, указанные Д. И. Иловайскимъ (указ. соч., стр. 206 и 207): приписка къ Рязанской Коричей (писана въ 1284 г.), составитель которой епископъ Іосифъ датировалъ свой трудъ словами— „во дни же благоутраго христорождѣна князя Ярослава и брата его Феодора, рязаньскихъ князь и великыи княгини, матере ихъ, Анастасіа“, и правая грамота XV вѣка, гдѣ читается ссылка на „грамоти старинные великихъ князей жалованная Ярослава и брата его Феодора и сына его Михаила Ярославича“. Но, съ другой стороны, Ярослава Романовича лѣтописи въ сообщеніи подъ 1299 (6807) г. о его смерти называютъ только княземъ проскимъ (Лаврентьевская, стр. 461; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 182; т. XVIII, стр. 84). Никоновская (т. X, стр. 172) даетъ ему титулъ „князя великаго“, но сохраняетъ названіе „проскія“. Поэтому С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 883) считаетъ Ярослава „третьимъ Романовичемъ“, а Константина—вторымъ и преемникомъ на Рязани послѣ Федора. Но Иловайскій (стр. 91) и Экземпларскій (стр. 575) признаютъ его (согласно съ родословными, кромѣ тѣхъ, которыя Ярослава дѣлаютъ Константиновичемъ, звукомъ Романа) вторымъ Романовичемъ и преемникомъ брата Федора. Ихъ выводъ подтверждается другимъ предположеніемъ: что глухое извѣстіе въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1300 г.: „того же лѣта рязанские князь Ярославичи... [одного слова недостаетъ] у Переяславѣ“ означаетъ общину Ярославичей съ дядей Константиномъ. Эти отрывочные намекы получаютъ бы нѣкоторую ясность, если предположить, что „уздѣкомъ“ Константинъ былъ Переяславъ, что Ярославъ, пріобрѣтѣ старѣйшинство въ Рязанской землѣ, остался вочичинымъ княземъ на Проскѣ, что бились Ярославичи подъ Переяславлемъ съ дядей противъ перехода къ нему отцовскаго старѣйшинства. Но все это слишкомъ гадательно для сколько-нибудь надежныхъ заключеній. Оставляю въ текстѣ построеніе Иловайскаго и Экземпларскаго, полагая, что приписка на Рязанской Коричей, можетъ быть, выдвинута впередъ Ярослава по какому-либо мѣстнымъ отношеніямъ (проскимъ) или по личному отношенію князя Ярослава къ труду епископа Іосифа. Эта приписка еще тѣмъ интересна, что титулуетъ мать великой княгиней²⁾, не давая такого званія символически: передъ нами семья съ матерью-вдовой во главѣ. Однако, правая грамота „второй половины XV вѣка“, на которую ссылается Иловайскій (указ. соч., стр. 207), дала бы сильную поддержку этой припискѣ на коричей книгѣ въ пользу признанія старшимъ Ярославомъ, если бы ея формула не выставляла сомнѣній при сопоставленіи (тамъ же) съ грамотой 1340 г. проскаго князя Александра Михайловича, гдѣ его дѣдъ названъ „Ярославомъ проскимъ“.

Не лучше обстоятъ дѣло съ нашими свѣдѣніями о дальнейшей судьбѣ Рязанскаго княжества. По смерти Федора (въ 1293-4 г.) и Ярослава (въ 1299 г.) въ Рязанской землѣ разыгралась какая-то смута¹⁾, помогшая московскому князю Даниилу захватить рязанскій городъ Колозну и князя Константина, который и убитъ на Москвѣ Юріемъ Даниловичемъ въ 1306 г. Вовсе не знаемъ, что творилось на Рязани въ годы плѣненія Константина и послѣ его смерти, какъ сложились отношенія между его сыномъ Василіемъ и проискими вочичами Ярославичами, Иваномъ и Михаиломъ²⁾. По убіеніи кн. Василія въ Ордѣ въ 1308 году упростило внутреннія отношенія рязанскаго князя: на исторической сценѣ только проискія ихъ знія, потомство Ярослава Романовича. На старшемъ столѣ княженія—Иванъ Ярославичъ, а Проискъ остался за его племянникомъ Александромъ Михайловичемъ³⁾. Когда Иванъ Ярославичъ погибъ отъ татаръ—не то въ Шеняловой рати, не то въ Ордѣ (въ 1327 году), рязанскимъ княземъ сталъ сынъ его Иванъ Коротополь.

Самая скудость свѣдѣній о дѣлахъ Рязанской земли и ея князей можетъ быть принята за свѣдѣтельство объ ея значительномъ обособленіи отъ общахъ судьбъ тогдашней Великороссіи. Рязанскіе князья не играютъ роли въ борьбѣ между Тверью и Москвою, стоятъ въ сторонѣ отъ очередныхъ, острыхъ вопросовъ великорусской жизни. Рязанская земля вынесла первые, наиболѣе тяжкіе удары татарскаго нашествія⁴⁾, и татарская сила нависла надъ нею болѣе тѣсно, чѣмъ надъ какой либо иной русской областью. Князь Олегъ Ингваровичъ пятнадцать лѣтъ томился въ ордынскомъ плѣну; Ольговичъ Романъ погибъ въ Ордѣ мученикомъ за вѣру; татарами убиты его внуки Василій Константиновичъ и Иванъ Ярославичъ;

¹⁾ Экземпларскій (возлѣдъ за Иловайскимъ) пытается установить связь между гѣмъ, что произошло съ Ярославичами у Переяслава въ 1300 г. и тою измѣной рязанскихъ бояръ, которая помогла кн. Даниилу „измѣною“ захватить кн. Константина въ битвѣ подъ Переяславцемъ въ 1301 г. Ему за этими намеками довольно естественно рисуется княжая и боярская смута на Рязани, которой воспользовался Даниилъ.

²⁾ О кн. Василіи Константиновичѣ знаемъ только, что онъ „убіенъ бысть въ Ордѣ“ въ 1308 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 176). Изъ Ярославичей лѣтописи знаютъ только Ивана; имя Михаила Ярославича въ упомянутой выше правѣ грамоты XV в. Василій признаетъ, вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ (кн. I, ст. 913), рязанскимъ княземъ послѣ Константина, а его гибель въ Ордѣ Иловайскій склоняетъ отнести на счетъ „происковъ его двоюродныхъ братьевъ, проискскихъ князей“ (указ. соч., стр. 92).

³⁾ Вопросы генеалогіи рязанскихъ князей этой „происковъ“ днви потомковъ Ярослава Романовича удачно выяснили, насколько это возможно, Д. И. Иловайскій и А. В. Экземпларскій.

⁴⁾ Кромѣ нашествія 1237—1238 г. Рязанской земли коснулось раззорительное нападеніе 1239 г., когда „аяша татарове Мордовскую землю и Муромъ погрома и по Клязьмѣ воеваша и градъ святаго Вогородица Гороховецъ погрома“ (Лаврентьевская, стр. 446).

послѣ нашествій 1237 и 1239 годовъ, Рязанская земля испытала разорительные татарскіе наѣды въ 1278, 1288, 1308 годахъ ¹⁾. Какъ ни отрывочны и случайны наши свѣдѣнія о рязанско-татарскихъ отношеніяхъ за данное время, они все же даютъ нѣкоторое представление о тягости татарской руки для Рязанской земли. Ни силы центральной Великороссіи, ни великокняжеская власть, подавленная внутренней борьбой, не были въ состояніи дать какую-либо опору Рязанской украинѣ. Въ ея тылу стояла враждебная Москва, которая захватомъ Коломны, плѣномъ и убіеніемъ князя Константина лишь успѣла оторванность Рязани отъ великорусскаго центра и разстройство мѣстной организаціи рязанскихъ силъ.

Усиленіе великокняжеской власти въ рукахъ московскихъ Даниловичей Юрія и Ивана поставило въ болѣе тѣсную зависимость отъ нея и рязанскихъ князей. В. к. Юрій Даниловичъ ходилъ на Рязань ратью въ 1320 г. и привелъ князя Ивана Ярославича къ «докопчанію», послѣ котораго видимъ рязанскихъ князей въ составѣ великокняжеской «низовской рати» ²⁾. Однако, въ княженіи Ивана Коротопоза видны черты значительной и крѣпнущей самостоятельности Рязанскаго княжества по отношенію къ великорусскому великокняжескому центру. У Коротопоза свои особые сношенія съ Ордой, и на Рязани своя борьба за сборъ и вышлату татарскаго выхода.

Въ 1340 г. князь Иванъ Коротопозъ ядетъ къ своему столыбному Переславлю съ татарскою ратью воеводы Толубія въ походѣ на Смоленскъ. По пути Коротопозъ перехватываетъ своего просвѣтлаго двоюроднаго брата Александра Михайловича, который ѣхалъ къ хану въ Орду съ выходомъ, «вызывать его пограби, и приведе его въ Переславль рязанскій, повеги его убити» ³⁾. Изъ Переславля рать Толубія и Коротопоза пошла къ Смоленску, а къ ней присоединились великокняжескія войска Ивана Калиты съ князьями суздальскимъ, ростовскимъ, юрьевскимъ, друцкимъ и бѣлгородскимъ и великокняжескими воеводами. Расправа съ княземъ проскимъ въ присутствіи ордынскаго воеводы, представителя ханской власти, не простое самоуправство, а рѣзкое проявленіе великокняжескихъ притязаній по отношенію къ «удѣльному» князю Рязанской земли ⁴⁾.

¹⁾ Въ 1278 г. «приходима татарове на Рязань и много зла сътвориша и отидоша въ своеса»; въ 1288 «князь Влоргай ордынскій, Темпревъ сынъ, приидоу ратью на Рязань и воева Рязань, Муромъ, Морду и много зла сътвориша, идоша воевося»; въ 1308 г., послѣ убіенія въ Ордѣ князя Василія Константиновича, «татарове Рязань воеваша» — П. С. Р. Л., т. X, стр. 156, 167, 176.

²⁾ «Ходи князь Юръ ратью съ братомъ Ивановомъ на Рязань на князя Ивана Рязанскаго и докопчаша миръ» (Нолг. I, стр. 319); «въ лѣто 6841 (1333) приде князь Иванъ въ Торжокъ съ всеми князи низовскими и съ рязанскими» (тамъ же, стр. 328).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 206; т. IV³, ч. 1, стр. 270; т. XVIII, стр. 93. Въ Тверской лѣтописи (т. XV, ст. 421) и Никоновской (т. X, стр. 211) подлѣ 6847 (1339) г.

⁴⁾ Возможно, что именно Иванъ Коротопозъ началъ титуловать себя «вели-

Пронское княжество перешло къ сыновьямъ убитаго Александра—Ярославу-Дмитрію и Ивану. Ярославъ Александровичъ поднялъ въ Орду дѣло объ убійствѣ отца и достигъ въ 1342 г. того, что ханъ отпустилъ его изъ Орды «на Рязанское княженіе» съ посломъ Княдикомъ и татарскою ратью. Коротополь пытался оказать сопротивление, но ослажденъ изъ Переяславля, бѣжалъ изъ осады и вскорѣ убитъ, попавъ во вражескія руки¹⁾. Съ нимъ оборвана еще одна звѣзъ рязанскаго княжескаго дома²⁾. Вся Рязанская земля во власти пронскіихъ Александровичей³⁾. Ярославъ пережилъ Коротоп-

кимъ княземъ рязанскимъ*, по аналогіи съ тверскими князьями. Щедрое примѣненіе этого титула позднѣйшими грамотами къ предшественникамъ Коротополя нельзя считать показательнымъ. Въ грамотахъ Дмитрія Донскаго рязанскіе князья титулуются «великими» (Олегъ Ивановичъ, Федоръ Ольговичъ).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 209; т. XVIII, стр. 94 (Троицкая и Симеоновская), т. X, стр. 215.

²⁾ Быть можетъ, вражда къ памяти Олега Ивановича дала поводъ къ призыванію его сыномъ братоубійцы Коротополя (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 243: «а князь Ивановъ сынъ Коротополь Олегъ, име бысть совѣтннхъ безбожному Мамаю»; ср. отамъ Никоновской объ убійствѣ Коротополя, т. X, стр. 215). Грамоты (С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 36, 48, 65, 115 и 116) устанавливають опредѣленно, что Олегъ сынъ князя Ивана Александровича (см. у Иловайскаго, Ист. Рязанск. кн., стр. 208—210). И въ грамотѣ Олега Ивановича Ольгову монастырю (А. И., т. I, № 2) князь Олегъ называетъ отцомъ своимъ Ивана Александровича. О какомъ-либо потомствѣ Коротополя нѣтъ свѣдѣній.

³⁾ Лѣтописные своды сообщаютъ, что кн. Ярославъ «сѣлъ въ Ростиславль» (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 94,—Троицкая и Симеоновская; тоже въ Воскр., т. VII, стр. 209, въ Никои., т. X, стр. 215); но тутъ можно предположить съ Иловайскимъ, указ. соч., стр. 93 (ср. Экземплярскаго, т. II, прим. 1869) простую опіску первоисточника нашихъ сводовъ. Однако, наши лѣтописные своды называютъ князя Ярослава въ известіи о его кончинѣ—княземъ пронскимъ, а не в. к. рязанскимъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 209; т. X, стр. 216; т. XVIII, стр. 94). Сынъ Ярослава Владимиръ—пронскій отчичъ, а братъ Ярослава—Иванъ Александровичъ извѣстенъ какъ великій князь рязанскій по договорнымъ грамотамъ его внука и правнука (С. Г. Г. и Д., т. I, № 36, 48, 65; также № 115—116 и упоминаемая грамота Олега Ивановича, А. И., т. I, № 2); лѣтописные своды упоминаютъ только его кончину въ 1350 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 222; т. XVIII, стр. 97; т. VII, стр. 215—подъ 1351 г.), и то называютъ его не Иваномъ, а Василемъ. Потомки Ярослава остались пронскими отчичами, а не великимъ княземъ видимъ Олега Ивановича и его потомковъ; поэтому А. В. Экземплярскій предполагаетъ, что старшимъ Александровичемъ былъ Иванъ, а младшій Ярославъ мимо него получилъ ханскій ярлыкъ («отлушнхъ») на Рязанское княженіе, такъ что Иванъ Александровичъ занялъ старшій столъ только по смерти младшаго брата въ 1344 г. (указ. соч., т. II, стр. 561—582). Однако, у насъ нѣтъ основанія утверждать, что Ярославъ утвердился на в. к. рязанскомъ и рѣшительно отвергнуть указаніе лѣтописей, что онъ умеръ княземъ на Пронскѣ; нѣтъ и утвержденности, что его вокняженіе «въ Ростиславль»—создано простой ошибкой, что князь Иванъ не занялъ старшаго рязанскаго стола (въ Переяславѣ) еще при жизни брата. Мудрено заполнять отсутствіе фактическихъ данныхъ—догадками.

пола не больше, какъ на годъ, а князь Иванъ Александровичъ умеръ въ 1360 г. Великое княженіе на Рязани перешло къ его сыну, весьма еще юному князю Олегу, а на Пронскомъ княженіи—двоюродный братъ Олега Владиміръ Ярославичъ, который, повидимому, тоже остался послѣ отца малолѣткомъ. Хозяевами положенія въ Рязанской землѣ оказались рязанскіе бояре.

II.

Середина XIV вѣка отмѣчена значительнымъ подъемомъ рязанской энергіи. Прискорбная скудость свидѣній о жизни Рязанской земли, какія находятъ въ нашихъ источникахъ, не позволяютъ присмотрѣться ближе и глубже къ этому существенному явленію.

Внѣшнія обстоятельства благоприятствовали рязанскимъ стремленіямъ къ усиленію и самостоятельности. Московское и великое княженіе Ивана Ивановича отмѣчено ослабленіемъ великокняжеской власти и смутой въ московской боярской средѣ; затѣмъ настали годы малолѣтства Дмитрія Донского и борьбы его за великое княженіе. Эти московскія дѣла умалили на первыхъ порахъ московское вліяніе въ Ордѣ; открылась возможность успѣшныхъ происковъ въ средѣ ордынскихъ властей, попытокъ перетянуть на свою сторону татарскую силу.

Въ апрѣлѣ 1363 г. умеръ в. к. Симеонъ Ивановичъ, а въ іюлѣ рязанцы взяли Лопастну, увели московскаго намѣстника плѣнникомъ въ Рязань и едва отпустили его за выкупъ. Князь Иванъ Ивановичъ былъ тогда въ Ордѣ, куда съѣхались всѣ русскіе князья; здѣсь шелъ у него споръ о великомъ княженіи съ суздальскимъ княземъ, а вернулся онъ на великое княженіе во Владиміръ зимой 1364 г., въ мартѣ мѣсяцѣ. Юный князь Олегъ едва ли игралъ въ этомъ дѣлѣ руководящую роль; вѣрнѣе, что и онъ былъ въ Ордѣ, да глгопнса и подчеркиваютъ, при сообщеніи о захватѣ Лопастны, что «князь Олегъ тогда еще младъ былъ», а самое дѣло приписываютъ не ему, а «рязанцамъ»¹⁾. Видно, что рязанскіе бояре использовали удобный моментъ для энергичнаго выступленія, и сумѣли удержать Лопастну, м. б. въ связи съ затрудненіями, какіе были созданы для московской власти внутренней смутой, которая проявилась въ убіеніи тысяцкаго Алексѣя Петровича и въ отъѣздѣ съ Москвы на Рязань «большихъ бояръ московскихъ».

Захватъ Лопастны былъ съ рязанской стороны только первымъ шагомъ къ требованію исправленія рязанско-московской границы. Въ 1368 г. прибылъ на Рязань царевичъ Махметъ-Хожа и послыалъ отсюда къ в. к.

¹⁾ И. С. Р. Л., т. XVIII (Троицкая и Симеоновская), стр. 23; т. X, стр. 226—227 (годъ 6861 г.).

Ивану Ивановичу требованіе о «раздѣлѣ земли Рязанской». Но на этотъ разъ рязанскія требованія не получили удовлетворенія. Митр. Алексій, руководитель московской полѣтки, успѣлъ приобрести значительное вліяніе въ Ордѣ, а «заматія» ордынская, связанная съ убіеніемъ хана Джанибека и переходомъ власти къ Бердабеку, сгубила царевича Махметъ-Хожу: в. к. Иванъ не пустилъ его на Москву, онъ отозванъ въ Орду и убитъ тамъ «повелѣніемъ царевымъ». Только въ 80-хъ годахъ, уже при митр. Кипріянь, добились рязанцы новаго разграниченія своей земли съ московскими владѣніями ¹⁾.

На рядѣ лѣтъ между Москвою и Рязанью нависла непорѣшенная «каторга». Эта напряженность московско-рязанскихъ отношеній создавала крайне двойственное положеніе Рязанскаго княжества между Москвою и татарами, подготавливая и предохранявая поддѣльную полѣтку в. к. Олега. Рязань и ранѣе искала въ Ордѣ опоры противъ московскаго засилья. Татарская помощь была на сторонѣ рязанскаго князя Константина Романовича въ битвѣ, которая кончалась для этого князя плѣномъ и гибелью отъ московской руки; въ ордынскія связи ищутъ рязанцы опоры для возстановленія своихъ владѣній по Окѣ. Но татарская сила ненадежна; быстро нарастающее разложеніе ордынской власти, ея частыя «замятни» исключала возможность опредѣленныхъ и устойчивыхъ отношеній ея къ дѣламъ русскаго улуса. Отдѣльными малыми орды чинили самовольные набѣги, и ханская власть была безъ силъ передъ татарской анархіей. Въ 1365 г. Рязанская земля испытала набѣгъ ордынскаго князя Тагая; татары пожгли Переяславъ, но

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 280; т. XVIII, стр. 100; С. Г. Г. и Д., т. I, № 32.—Впрочемъ, нѣкоторое соглашеніе о новомъ разграниченіи земель рязанскихъ и московскихъ состоялось еще при Иванѣ Ивановичѣ: Лопастия осталась за Рязанью, а в. к. Иванъ получалъ Новый городокъ на устьѣ Поротли и «иная мѣста рязанская отъиная», о чемъ упомянуто въ его духовной грамотѣ (С. Г. Г. и Д., № 26); но сама эта грамота свидѣтельствуетъ о тревогѣ за прочность такого обмѣна и вообще владѣнія спорными землями («а ци по грѣшомъ умрутъ изъ Орды исскати Коломыи или Лопастевскія мѣста или отъиныхъ мѣстъ рязанскихъ»). С. М. Соловьевъ полагалъ, что съ Лопастію Москва потеряла въ пользу Рязани «шестъ другихъ мѣстъ», т. е., очевидно, тѣ, что въ договорѣ 1381 г. упомянуты «на рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ»: кромѣ Лопастыи еще Мсти-слава уездъ, Жадѣе городище, Жадамль, Дубокъ и Вродичъ («Ист. Россіи», кн. I, ст. 951 и 1141); это весьма вѣроятно, но, въ такомъ случаѣ, текстъ договора 1381 г. съ его выраженіемъ «что доселѣ потягло» и безъ сомнѣнія на прежній договоръ свидѣтельствуетъ, что формальнаго договора не было заключено при в. к. Иванѣ и митр. Алексѣѣ, и весь «обмѣнъ» какъ-будто и не былъ оформленъ? Татищевскія передача эпизода о Махметъ-Хожѣ (т. IV, стр. 185) примѣръ произвольнаго конкретизированія, какое Татищевъ внесалъ въ редакцію текста: отсюда и цѣлая исторія о спорѣ за Лопасту у него-же (стр. 223). Лопастия по отношенію къ Москвѣ, очевидно, за Окою; лопастевскія мѣста по р. Лопастѣ, лѣвому притоку Оки, остались за Москвою.

князь Олегъ и Владиміръ съ козельскимъ княземъ Титомъ, Олеговымъ своимъ, напали и разбили его у Шившевскаго лѣса на р. Вонѣ¹⁾. Тягость татарской опасности тормозила разрывъ зависимости Рязани отъ великорусскаго великаго княженія и подрывала значеніе ордынскаго покровительства, слишкомъ неустойчиваго и внутренно обезсмысленнаго. При всей напряженности московско-рязанскихъ отношеній—сохраняется связь Рязани съ великимъ княженіемъ, и мы видимъ рязанскую рать «князя Олега рязанскаго» подъ воеводствомъ пронскаго князя Владиміра въ борьбѣ противъ Ольгерда, при его нападеніи на Москву въ 1370 году²⁾.

Однако, 1350-е—1370-е годы были временемъ, когда великокняжеское положеніе московскихъ князей пережило тяжкій кризисъ подъ давленіемъ борьбы съ подымавшеяся новой силой великаго княженія нижегородскаго и съ Новгородомъ Великимъ, съ порывами Твери къ независимости и преобладанію въ Велюкороссіи, съ судорожными движеніями татарской саамы, съ наступленіемъ къ востоку Литовскаго великаго княжества. Исходъ этой многосложной борьбы былъ долгое время неясенъ для современниковъ, а Рязанское княжество, не имѣя твердой опоры въ великорусскомъ центръ, должно само себя оборонить и само устанавливать свои отношенія къ татарскому и литовскому сосѣду³⁾. Эта туга къ обособленному политическому самоопредѣленію Рязанскаго княжества осложнена и обострена порубежными спорами съ Москвою, потребностью Рязани укрѣпить свою пронскую базу «нерушимыми и непретворными предѣлами и рубежами»⁴⁾. Двойственное положеніе Рязанскаго княжества между великорусскимъ великимъ княженіемъ всей Руси и его южными и западными врагами опредѣлило къ семидесятигъ годамъ XIV вѣка внутреннее разногласіе рязанскихъ тенденцій. Младшее—пронское—княженіе становится центромъ тяготѣнія къ Москвѣ; и ея великокняжеской силѣ, тогда какъ великое рязанское княженіе ищетъ выхода изъ подъ московской власти и пытается самостоятельно опредѣлять свои сосѣдскія отношенія на три фронта.

Намъ ближе неизвѣстны мотивы разрыва между Рязанью и Москвою въ 1371 году⁵⁾; суть вопроса въ отношеніи этого разрыва къ договору,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 13; т. XI, стр. 5; т. XVIII, стр. 104.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17; т. XI, стр. 14 (годъ 6879 г.); т. XVIII, стр. 110.

³⁾ Назрѣваетъ та «эмансипація Твери и Рязани отъ подчиненія в. к. московскому» въ концѣ XIV и первой четверти XV вѣка, которую выдвигаетъ М. К. Любавскій въ своихъ «Лекціяхъ по древней русской исторіи», стр. 167.

⁴⁾ По выраженію Никонской летописи—П. С. Р. Л., т. X, стр. 230.

⁵⁾ С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 964—965) ограничился указаніемъ, вполнѣ точнымъ, что произошло это «незавѣстно по какимъ причинамъ», а подчеркнуть только, какъ въ ходъ конфликта сказались «вражда между двумя княжескими линиями, рязанскою и пронскою»; Иловайскій (стр. 109) прямо предполагаетъ «участіе, которое пронскій князь принималъ въ войнѣ Дмитрія съ Олегомъ»; Энциклопедіи (т. II,

какой в эту пору заключен между великими князьями Ольгердомъ и Дмитриемъ. А въ договорѣ этомъ читаемъ упоминаніе о включеніи въ мирный трактатъ съ Ольгердомъ тѣхъ князей, «кто будутъ со княземъ съ великимъ и Дмитриемъ Ивановичемъ и съ его братомъ со княземъ съ Владимиромъ Андрѣевичемъ въ любви и въ докончанья, князь великій Олегъ, князь великій Романъ, князь великій Володимиръ Пронскій и нѣгдѣ князи, хто будутъ въ нашемъ имени»¹⁾. Текстъ показываетъ, что предстало

стр. 584) болѣе осторожно допускать, что пронскій князь былъ въ это время „во враждебныхъ отношеніяхъ къ рязанскому князю и если въ действительности противъ него вмѣстѣ съ московскимъ княземъ, то и не помогалъ ему“. Все это впрочемъ не отрицаетъ мотива рѣшительныхъ дѣяній Дмитрія Донского, да и не можетъ быть обосновано данными нашихъ источниковъ; и замѣчаніе Соловьева только освѣщаетъ четкую роль князя Владиміра послѣ московской побѣды. Татищевъ взглянуть шире, предположивъ возникше пограничныхъ споровъ, поднятыхъ съ захвата рязанцами Лопастымъ, и еще—нѣкоторую двойственность въ отношеніи Олега къ русско-литовско само фактическое положеніе при редактированіи текста источника для своей „Исторіи“. Карамзинъ (т. V, ст. 15) принялъ Татищевское указаніе на пограничные споры, какъ мотивъ разрыва.

¹⁾ Въ С. Г. Г. и Д. (т. I, № 31) этотъ договоръ отнесенъ къ 1371 году. Заключенъ онъ былъ послами в. к. Ольгерда, какъ предварительный при заключеніи перемирія (отъ Осповина заговѣдал до Дмитріева дня, т. е. отъ 31 іюля по 29 октября) и открытіи переговоровъ („а межъ насъ посламъ ѣздити, путь имъ честь“), причемъ: „а си грамота аже будетъ князю великому Олгерду нелюба, нѣ отшлетъ, а хота и отшлетъ, а на семь перемирія и докончанья межъ насъ съ Олгердомъ войны нѣтъ до Дмитріева дня“. По литовскимъ сводамъ набѣгъ Ольгерда подъ Москву относится къ декабрю 6878 г. (Воскр. и Симеоновск.; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17, т. XVIII, стр. 110) или 6879 (Низов., т. XI, стр. 14), во вѣрная дата, декабрь 1370 года, устанавливается тѣмъ, что послѣ заключенія перемирія съ Ольгердомъ в. к. Дмитрій повѣстъ въ Орду 15 іюля „въ недѣлю“, что соответствуетъ только 1871 г. (т. XVIII, стр. 110), а походъ на Рязань и бой на Скорвищевѣ произошли въ декабрь того же года. Ольгердъ стоялъ подъ Москвою 8 или 10 дней съ 6 го декабря 1370 г., но узнавъ о приходѣ рязанской рати, заключилъ перемиріе „до Петрова дня“ и началъ переговоры о „вѣчномъ мирѣ“ и замужествѣ своей дочери съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, а самъ отступилъ съ войскомъ во свояси. Послы Ольгерда прибывъ въ Москву послѣ отъѣзда в. к. Дмитрія въ Орду (т. VIII, стр. 13: „послѣ великаго князя“), такъ что переговоры съ ними вели, очевидно, митр. Алексѣй и бояре. Дата договора—іюль 1371 года, ранѣе разрыва в. к. Дмитрія съ Олегомъ. Также и порядкомъ изложенія всѣхъ литовскихъ сводовъ; ср. Лѣт. по акад. списку (въ изд. Лаврентьевской лѣтописи), стр. 505—506; П. С. Р. Л., т. XV, ст. 430. Но Соловьевъ (б. м. подъ извѣстнѣмъ положеніи Карамзина, т. V, ст. 187) принялъ для этого договора дату 1372 г. и отнесъ его къ вѣному моменту, когда Ольгердъ, послѣ неудачной встрѣчи съ московскимъ войскомъ у Любутска „взявъ миръ“ съ в. к. Дмитриемъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 20 и т. XVIII, стр. 113, также въ Троицкой и Ростовской лѣтописяхъ—подъ 6881 г.; т. XI, стр. 19—подъ 6880 г.), во этотъ „миръ“ заключаемъ самъ Ольгердъ, а предварительный договоръ его пословъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ, надо полагать, „отосланъ“ имъ, такъ какъ оказался въ московскомъ архивѣ въ подлинникѣ (съ печатями, въ которыхъ одна митрополичья,

особое «докончанье» съ князьями рязанскимъ и пронскимъ, причѣмъ даѣтъ намекъ на то, что вопросъ, быть ли нѣтъ «въ имени» в. к. Дмитрія оставался еще открытымъ. Въ возраженіяхъ Олега противъ его зачисленія въ число «иныхъ князей», кто будетъ «въ имени» великаго князя Дмитрія съ отказомъ отъ самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній, всего естественнѣе надѣтъ мотивъ послѣдовавшаго разрыва между Москвою и Рязанью. Какъ бы то ни было, въ декабрѣ 1371 г. великокняжеская рать идетъ на Рязань, рязанцы разбиты близъ Переяславля на Скоринцевѣ, князь «Олегу едва утече въ малѣ дружавѣ», а столъ Рязанскаго княженія занялъ пронскій князь Владиміръ Ярославичъ ¹⁾. Однако, не на долго; Олегъ, по уходѣ московской рати, «нагомъ» согналъ Владиміра и вернулъ себѣ великое княженіе на Рязани ²⁾.

Къ сожалѣнію, наши источники молчатъ о томъ, какъ опредѣлились московско-рязанскія отношенія послѣ этихъ событій. Впрочемъ, самое это умолчаніе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ слѣдуетъ, быть можетъ, признать чертой показательной: трудно допустить, чтобы въ нихъ не нашло упоминанія докончаніе в. к. Дмитрія съ рязанскимъ Олегомъ «на всей волѣ» великаго князя, если бы такое состоялось. Олегъ силой, быть можетъ, съ татарскою помощью ³⁾, вернулъ себѣ великое княженіе, согнавъ съ Рязани московскаго ставленника. И онъ не только удержался на великомъ княженіи, но фактически увеличилъ свою независимость отъ великокняжеской власти. Въ ближайшіе годы—не слышно объ его участіи въ борьбѣ Москвы съ Литвою и Тверью, и этотъ его нейтралитетъ подчеркиваютъ тою ролью третейскаго судьи въ московско-тверскихъ разногласіяхъ, какою ему предначтена въ договорѣ 1375 г. в. к. Дмитрія съ тверскимъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ ⁴⁾. Собственные интересы Рязанской земли, какъ въгъ, повидяному, понималъ в. к. Олегъ, побуждали его держать себя уклончиво и осторожно. Правда, разладъ съ пронскимъ княженіемъ вскорѣ

другая, повидяному, литовскихъ пословъ). Дату 1372 г. принялъ Иловайскій (стр. 110) и Энциклопедіи (т. II, стр. 585), хотя послѣдній весьма сбивчиво отнесъ договоръ къ обомъ моментамъ заразъ—ср. т. I, стр. 100—101 и 104—105, замѣтивъ, притомъ что столкновеніе подъ Любутскомъ точнѣ отнеси къ 1373 г.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 18—19 («князь великій Дмитрей Ивановичъ посаде на Рязанскомъ княженіи князя Володимера пронскаго»); т. XVIII, стр. 112 («и слѣде тогда на княженіи великомъ рязанскомъ князь Володимеръ пронскій»; то же т. XI, стр. 17).

²⁾ Никоновская (т. XI, стр. 17) добавляетъ, что Олегъ «зъима» князя Владиміра и «приведе его въ свою волю».

³⁾ Подословное преданіе Вердеревскихъ, на которое ссылается Иловайскій (стр. 109), о «мурзѣ Салахмірѣ» само по себѣ не имѣетъ исторической дѣяности, но фактъ татарской помощи—возможенъ; см. текстъ этого преданія въ «Сборникѣ Моск. Арх. Мин. Юстиціи», т. I, ч. 1.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 28; о его датировкѣ см. выше, на стр. 211, примѣчаніе 8-е.

потерял тревожный характер. Князь Владимир Ярославич умеръ зимой 1372—3 года ¹⁾, а сына его Ивана встрѣчаемъ дѣйтельнымъ княземъ въ раздорѣ съ великимъ княземъ рязанскимъ только по смерти князя Олега. Но семидесятые годы времени крайняго напряженія русско-татарскихъ отношеній, и Рязанская украиня должна была ихъ провести въ состоянн непрерывной тревоги. Въ 1378 г. Рязанская земля испытала раззорительный набѣгъ Мамаевыхъ татаръ ²⁾. А в. к. Дмитрій съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ стояли, «собрався со всею силою своею» на берегу Оки— «все лѣто», и цѣль ихъ была достигнута, разъ удалось не допустить татаръ до переправы за Оку ³⁾.

Рязанская земля горько испытала участь украини, лежащей впереди основной лини великорусской обороны—теченія Оки. Великорусскія силы, объединившіяся вокругъ Москвы, упорно и все болѣе успѣшно защищали отъ татарскихъ нападеній Нижній Новгородъ, нижегородскій край и ливію Оки. Такъ и осевью 1377—8-го года царевичъ Арапша послѣ впаденія на Нижній Новгородъ и разоренія Засурья безпреставно грабитъ «изгономъ» Рязанскую землю. Много терпѣлъ в Нижней, но и значительны были усилія на его оборову; а для положенія Рязанской земли особенно характерны дѣянія 1378 и 1379 годовъ. На этотъ разъ немалымъ изгономъ татары захватили Нижній въ располхъ и сожгли его. В. к. Дмитрій встрѣтилъ новую татарскую рать воеводы Бегича за Окой, въ Рязанской землѣ и разбилъ ее на берегахъ рѣки Вожи. Но на Рязанскую землю незамедлленно обрушится татарская отплата. Передъ новымъ «изгономъ» сильной татарской рати, в. к. Олегу пришлось, по словамъ лѣтописца-москвича, «перербѣжать на сю страну Оки», покинувъ города свои на произволъ врага. Татары сожгли Переяславъ и рядъ иныхъ городонъ и «Рязанскую землю пусту сотвориша» ⁴⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19; тутъ же, на стр. 185—поль 6909 (1401 г.) упоминаніе о провскихъ князьяхъ въ походѣ в. к. Олега подъ Смоленскъ; лѣтописи упоминаютъ кромѣ Ивана Владиміровича только кн. Давида Провскаго, участника битвы на р. Вожѣ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32—33; т. XVIII, стр. 127; т. XI, стр. 42), но безъ отчества, и его генеалогическое положеніе неопредѣлнмо. Откуда выль Д. И. Ивановскій (стр. 126) второго Владиміровича Федора—неизвѣстно (ср. Эвемплярскаго, т. II, стр. 630).

²⁾ «Придоша татарове ратью изо Орды отъ Мамал на Рязань, на великаго князя Олга Ивановича рязанскаго, и грады его пожгоша, и людей многое множество побиша и плѣннша и со многими половомъ отъидоша во свояси» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19).

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ «Олегу же рязанскій по отшествіи татарскомъ видѣ землю свою всю пусу и огнемъ сожешу, и богатство его все и нѣмнѣе татарове взяша, и оскорбися, и опечалася злмо», пишетъ Никоновская лѣтопись, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 43.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32—33; т. XVIII, стр. 127; т. XI, стр. 42—43.

Упомянутыя событія семидесятиль годовъ XIV-го вѣка подготовили пресловутое поведеніе Олега рязанскаго въ эпоху Куликовской битвы. Долгое время рязанская и нижегородская украинны Великороссіи спасали своими нескондыми бѣдами ея центральныя области отъ татарской напастн. Но къ концу семидесятиль годовъ XV вѣка это ихъ значеніе какъ вѣшняго ошота Великороссіи оказывается искитымъ, а сильныя враги—Москва и Орда—стоятъ черезъ нихъ лицомъ къ лицу. Бой на Вождь рѣзко указалъ татарамъ, гдѣ подлинный центръ великорусской силы, окрѣпшей для опытовъ единой національной обороны по всей ланн западныхъ и южныхъ предѣловъ Великороссіи. Готовилось осуществленіе грознаго союза Орды и Литвы, намѣченнаго еще Ольгердомъ. Рязанскому князю предстояло опредѣлить свое положеніе въ назрѣвавшемъ рѣшительномъ конфликтѣ восточно-европейскихъ силъ. Ланн его поведенія опредѣлились еще въ отношеніи къ западной борьбѣ в. к. Дмитрія въ направленіи уклончиваго нейтралитета. Москва дерзнула на борьбу съ Ордою, а наиболѣе тяжкая расплата въ случаѣ неудачи или неполной даже удачи надеть на Рязанскую землю: такъ, повидному, можно опредѣлить тревожныя рязанскія размышленія этой поры; но едва ли меньшія опасенія должна была вызывать на Рязани мысль о рѣшительномъ успѣхѣ Москвы (если только оны считался сколько-нибудь вѣроятнымъ): вѣдь современникамъ было уже ясно, особенно послѣ московско-тверского договора 1376 года, чѣмъ подобный успѣхъ грозилъ независимости Рязанскаго княжества. Какъ бы то ни было, в. к. Олегъ занялъ въ рѣшительную минуту положеніе, которое навлекло на него рѣзкія нареканія за измѣну русскому дѣлу и двуличную политическую игру: сполсился съ Мамаемъ и съ Ягаиломъ, отстраняя отъ себя вражду противниковъ в. к. Дмитрія, а, въ то же время, предупреждалъ Дмитрія объ ихъ движеніи; уклонился отъ участія ратной силой въ великокняжескомъ походѣ противъ татаръ и не сумѣлъ избѣжать столкновенія между рязанцами и московскими войсками при ихъ возвращеніи съ Куликова поля¹⁾. Побѣда

¹⁾ Ср. С. М. Соловьева, „Ист. Россіи“, кн. I, ст. 977; Д. И. Иловайскаго, Ист. Рязанскаго княжества стр. 112—117; А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 586—587. Литовская повѣсть о побѣдѣ в. к. Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ—П. С. Р. Л., т. IV², стр. 311 и сл. (I изд., стр. 75—83); т. VI, стр. 90—98; т. VIII, стр. 34—41. О ней см. А. А. Шахматова „Отзывъ о сочиненіи С. Шамбинаго—Повѣсть о Мамаевомъ побѣдѣ“ (въ 12-мъ присужденіи преміи мтр. Макарія, 1910 г.) в Шамбинаго (въ „Сборникѣ Отд. Русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ“, т. 81).—Въ договорной грамотѣ 1381 года в. к. Олегъ обязуется „къ Литвѣ цѣлованіе сложити“ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 32); въ томъ же договорѣ: „а что князь великій Дмитрій и брать князь Володимѣръ билися на Дону съ татари, отъ того времени что грабежъ или что поимавше у князя у великого людин и у его брата князя Володимѣра, тому мѣжи насъ судъ вопчіи, отдати то по исправн“.

Подъ влияніемъ словъ Литовской повѣсти, какъ в. к. Дмитрію, по возвращеніи въ Москву „повѣдаша...“, что князь Олегъ рязанскій посмалъ Мамаю на

в. к. Дмитрія поставила Олега рязанскаго въ безпомощное положеніе передъ великимъ княземъ всей Руси, Олегъ потерялъ опору въ ордынской власти и въ сближеніи съ Литвою. В. к. Дмитрій воспользовалъ благоприятный моментъ, чтобы покончить съ международной самостоятельностью Рязани и вернуть ёе къ завасности отъ своей великокняжеской власти. Однако, великокняжескому войску, собранному для похода на Рязань, не пришлось выступать: въ Москву прибыло рязанское посольство съ извѣстіемъ, что князь Олегъ покинулъ свою землю и бѣжалъ съ княгиней, дѣтьми и со всѣмъ своимъ дворомъ. В. к. Дмитрій принялъ челобитіе рязанцевъ, заключилъ съ ними «рядъ», отменилъ походъ и послалъ на Рязанскую землю своихъ наместниковъ¹⁾. Гибель Мамай и водвореніе въ Золотой Орды новаго владыки Тохтамыша круто измѣнили все положеніе дѣлъ. Русскіе князья

помочь свою силу, а самъ по рѣкамъ мосты перемѣталъ, а кто поѣхалъ съ доновскаго побойца домовъ къ Москвѣ сквозь его отчину рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣмъ велѣлъ имати и грабити и пагыхъ пущати», Иловайскій (стр. 118) и Экземплярскій (т. II, стр. 587) поняли дѣло такъ, что рѣчь идетъ и въ договорѣ о грабежѣ и поиманіи москвичей рязанцами; но текстъ упоминаетъ только о поиманыхъ людяхъ, которые у в. к. Дмитрія и его брата, т. е. рязанцы, такъ что тутъ въ рязанцахъ надо видѣть также не виновниковъ, а жертву «грабежа». С. М. Соловьевъ, косвенно подсказавшій Иловайскому и Экземплярскому ихъ пониманіе договора (ср. «Ист. Россіи», кн. I, ст. 985), поддержалъ его смысломъ на договорѣ в. к. Василія Дмитріевича съ рязанскимъ великимъ княземъ Федоромъ Ольговичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 36), гдѣ читаемъ: «а будетъ въ твоей отчинѣ тѣхъ людей, а Дону которые шли, и тѣхъ ти всѣхъ отпустити»; по контексту возможно, что тутъ рѣчь о возвращавшихся съ Куликова поля, хотя этого прямо и не сказано. Прямое противодействие по приказу Олега возвращавшимся съ Дона войскамъ, о чемъ говорилъ, по повѣсти, в. к. Дмитрію его бояре, весьма сомнительно, но несомнѣнно столкновѣніе этихъ войскъ съ мѣстнымъ рязанскимъ населеніемъ, скорѣе всего, какъ полагаетъ Иловайскій (стр. 117), изъ-за пассивной московской рати. Заботливое указаніе подавшихъ редакціи сказанія о Куликовской битвѣ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 67), что в. к. Дмитрій «заповѣдалъ всему своему войску, аще кто идетъ по Рязанской землѣ, то нижеже ли одному власу да не коснется», не столько опровергаетъ, сколько подтверждаетъ такое предположеніе.

¹⁾ У насъ нѣтъ основаній отвергать это извѣстіе хитонскихъ сводовъ, восходящее, вѣроятно, къ той же повѣсти о Куликовской битвѣ, какую читаемъ въ нѣхъ составѣ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 82; т. VI, стр. 97; т. VIII, стр. 41), хотя оно вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, какъ потому, что не депозитно указаніемъ, куда бѣжалъ Олегъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ вернулся, такъ и потому, что, при такой неполнотѣ фактическихъ свѣдѣній оно представляется несогласнымъ съ договорной грамотой 1381 года (см. у Иловайскаго, указ. соч., стр. 118; Соловьевъ, кн. I, ст. 984 и Экземплярскій, т. II, стр. 587—обходитъ это затрудненіе). Вѣзати овъ могъ только въ Литву (Иловайскій: «на литовскую границу»), а вновь появляется въ хитонскихъ сводахъ уже при встрѣчѣ хана Тохтамыша. Никонская хитонь вовсе опустела упоминаніе о бѣгствѣ Олега и посматриваетъ на Рязань, а редакторъ лицевого свода внесъ вставку объ этомъ изъ Воскресенской на крайнее неподходящее мѣсто своего изложенія (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 67).

сь в. к. Дмитрієм во главѣ спѣшили признать новаго хана, приняли съ честью его посла, а къ хану отправили своихъ пословъ съ дарами и поминами ¹⁾. Опаска передъ новою грозной силой сплотила «всѣхъ князей русскіхъ» подъ старѣйшинствомъ в. к. Дмитрія ²⁾. Къ этому моменту надо отнести возвращеніе князю Олегу Рязанскаго великаго княженія. Однако, насколько можемъ судить по сохранившимся неполнымъ и недостаточнымъ даннымъ, между великими князьями Дмитріемъ и Олегомъ не состоялось формальнаго уруженія и докончанья, по крайней мѣрѣ до осени 1381 г. ³⁾, а вѣрнѣе, что и до конца 1385 года.

Новая татарская гроза поднялась на Русь осенью 1382 года ⁴⁾. Князь

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, 42; т. XI, стр. 60.

²⁾ „Тоя же осени, мѣсяца ноября въ 1 день вси князи русскіи сослашася всию любовь учиниша между собою“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 60).

³⁾ Договорная грамота 1381 года (С. Г. Г. и Д., т. I, № 32) упоминаетъ о „погребѣ“ всему „что онъ ни дѣлао дотого, какъ есма целовали крестъ“—„до Спасава Преображенія дни за четыре дни“ и устанавливаетъ „судъ вошей межъ насъ отъ того празника всему“, а составлена „по благословенію“ митр. Капріана, который прибылъ въ Москву на митрополию 23 мая 1381 г., а осенью 1382 года выслать изъ Москвы: грамота относится къ августу 1381 года. Дошла она до насъ безъ печатей, и, возможно, даетъ только проектъ договора, составленный въ Москвѣ, не утвержденный и не вошедшій въ силу. Когда много подлие, въ ноябрѣ 1385 состоялось примиреніе в. к. Олега съ в. к. Дмитріемъ при посредничествѣ греческаго игумена Сергія, лѣтописи отмѣтали, что „мисои прже того къ нему ѣздиха и не възмогша умирити ихъ“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49). Грамота 1381 г. имѣетъ, во всякомъ случаѣ, большую цѣнность, какъ формуловка дѣлей великокняжеской политики и приемлемого для нея компромисса съ рязанскими требованіями въ старыхъ пограничныхъ спорахъ. Весьма вѣроятно, что ея содержаніе легло въ основу „вѣчнаго мира“ 1385 г., такъ какъ этому соотвѣтствуютъ, по существу, отношенія Москвы и Рязани, установившіяся послѣ 1385 года—до самой смерти в. к. Олега.

⁴⁾ „Точная“ дата прихода хана Тохтамыша подъ Москву, обычная въ нашихъ сводахъ—6890 г., августа 23, въ понедѣльникъ—возможна, т. е. 23 августа 6890/1382 г. приходилось на субботу. Ошибка—отъ порчи текста. Никоновская (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 73) и Самеоновская (т. XVIII, стр. 132) сохраняли такую редакцію „повѣсти о приходе хана Тохтамышея на Москву“, гдѣ порча текста принята и смягчена, да еще и подкравлена (по вымышленію) сообщеніемъ, что ханъ въ Москву проѣзшло 26 августа; тутъ только „понедѣльникъ“ указываетъ на искаженіе. Но въ Воскресенской (т. VIII, стр. 44 и 46) свѣды этого искаженія ясны: 1) несладкая фраза: ханъ „пріде ратью къ городу Москвѣ, а сила татарская пріде мѣсяца августа въ 23, въ понедѣльникъ, и прідоша не вси полки къ городу“ поясняется варьянтомъ (г) Карамзинскаго списка, гдѣ вмѣсто „въ 23“ отонти: „въ 8 день въ третій день“; дѣло, повидному, въ томъ, что ханъ подошелъ къ Москвѣ съ частью полковъ 8 августа (въ пятницу), а въ третій день послѣ него—въ понедѣльникъ 11-го, пришла вся сила татарская; 2) ханъ стоялъ подъ Москвой 3 дня, а на четвертый выѣлъ ее обманою: по Воскресенской—26 августа въ четвергъ, но 26 августа 1382 г. приходилось на вторникъ, а взята была Москва, очевидно, въ четвергъ, 14-го августа. Несомнѣно обычный счетъ „третьяго“ и „четвертаго“ дней записанъ,

Олегу встрѣтилъ хана Тохтамыша, когда онъ не вступалъ еще въ русскіе предѣлы, съ челобитьемъ и «обведе царя около всей своей отчины Рязанскія земли, хоташе бо», замѣчаетъ московскій книжникъ, «добра не намъ, но своему княженію помогаше»¹⁾, и далъ татарамъ проводниковъ на броды черезъ Оку. По разсказу московскихъ книжниковъ, Олегъ сузилъ хаву легкой захватъ московскаго города и самого в. к. Дмитрія. Но взятіе Москвы и разореніе нѣсколькихъ городовъ и волостей не забавили Тохтамыша отъ вырожденія его грознаго похода въ набѣгъ «нагономъ» и отъ послѣдшаго отступленія, какъ только успѣли собраться войска великаго князя. Этими, быть можетъ, объясняется гнѣвъ хана на рязанскаго князя, жестокое разореніе татарами Рязанской земли и бѣгство передъ ними князя Олега²⁾. И кн. Олегъ снова между двухъ огней. Онъ вернулся на Рязань, когда ушли татары, но вынужденъ снова бѣжать передъ московскою ратью, которая разорвала его землю «до останка», такъ что «пуще ему бысть и татарскія рати». И снова наши источники не упоминаютъ, когда и какъ вернулся Олегъ на свое княженіе послѣ этого бѣгства, но связать это возвращеніе естественно съ примиреніемъ между Тохтамышемъ и в. к. Дмитріемъ на началахъ обновленной зависимости, которое состоялось тою же осенью 1382 г.³⁾ Однако, мира и докончанія между великими князьями все еще не установилось. Весной 1385 года затяжное напряженіе московско-рязанскихъ отношеній разрѣшилось кровавымъ столкновеніемъ. Олегъ «нагономъ» взял Коломну, увелъ въ плѣнъ великокняжескаго намѣстника, а затѣмъ разбилъ въ бою «на Рязани» московскую рать князя Владимира Андреевича⁴⁾.

Эти ратные успѣхи не только не дали Олегу даже частичнаго перевѣса надъ Москвой, но не повели и къ новой, упорной борьбѣ между великими князьями. Надъ Рязанью, какъ показалъ горькій опытъ пражити дѣтъ, тиготѣла таже ордынская опасность, что и надъ всей Великороссіей, а внутреннія дѣла Литовскаго великаго княжества обезцѣпывали то крестоцѣловальной докончаніе, какое Олегъ заключилъ съ Ягайломъ, вѣроятно, во время своего устраненія съ Рязанскаго княженія въ 1380—1381 г.⁵⁾ И в. к.

въ давномъ случаѣ, вѣроятно, отъ того, что и татары пришли подъ Москву „въ полъобѣда“ и взатіе города произошло „по обѣдохъ“— „въ 7 часъ давъ“.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 85; т. VIII, стр. 43; Никонская, т. XI, стр. 72 переноситъ встрѣчу Тохтамыша Олегомъ „на украинъ своеи земли рязанскія“.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 89; т. VIII, стр. 47.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 90; т. VIII, стр. 47—48.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49.

⁵⁾ Разумѣю то „цѣлованіе къ Литвѣ“, сложенія котораго Олегомъ требуетъ договорная грамота 1381 г.—Полное отсутствіе извѣстій о содержаніи и обстоятельствѣхъ этого крестоцѣлованія дѣлаетъ невозможной провѣрку, а тѣмъ самымъ и обоснованіе предположенія о связи его съ отношеніемъ Олега къ вѣшествію Тохтамыша, какъ моментомъ, который служилъ бы продолженіемъ союза противъ Москвы Ягайла съ Мамаемъ и подготовкой послѣдшаго союза Витовта съ Тохтамышемъ.

Дмитрій переживатьъ въ эту пору слишкомъ сложныя затрудненія, чтобы поднять рѣшительную борьбу съ Рязанью. Конфликтъ, тянувшійся столь долгое время, разрѣшился, наконецъ, при посредничествѣ тропцкаго ягумена Сергія заключеніемъ «вѣчного мира». До насъ не дошла грамота, его закрѣпившая, а лѣтописи говорятъ о немъ лишь въ краткой записи ¹⁾. Выше уже было высказано предположеніе, что въ основу этого «вѣчного мира» должны были лечь условія, сформулированныя въ доготорной грамотѣ 1381 года. По этой грамотѣ, в. к. Олегъ долженъ былъ признать себя «братомъ молодшимъ» в. к. Дмитрію, равнымъ серпуховскому князю Владиміру Андреевичу; сложить дѣлованіе къ Литвѣ и подчинить свои отношенія къ ней великокняжеской полнотѣ, какъ «въ любви», такъ и «не въ любви» (т. е. въ случаѣ разрыва съ литовцами «быти на нихъ съ одного»); и съ татарами держать «миръ или давѣ съ одного съ княземъ съ великимъ съ Дмитріемъ», а будеть «немиръ»—быть «съ одного на татаръ и битвы съ ними»; тоже и въ отношеніи къ русскимъ князьямъ: кто в. к. Дмитрію другъ, тотъ и в. к. Олегу другъ, а кто недругъ, то и кн. в. Олегу недругъ, «итти нанъ съ одного». За то и московскіе князья обязывались добра Олегу «хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Руси отъ чистосердья» и «бюсти, а не обидѣти» его вотчину. Въ то же время договоръ устанавливалъ новое разграниченіе между владѣніями рязанскаго князя, съ одной, великимъ княжествомъ и московской вотчиной, съ другой стороны ²⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49: „то же осени преподобный ягумень Сергіе ѣздитъ на Рязань къ князю Олгу о миру, мнози бо прежде того къ нему ѣздиха и не възмогаха умирити ихъ, тогда же въз съ великимъ княземъ Дмитріемъ миръ вѣчный“. Риторическое развитіе этого извѣстія въ Якововской (т. XI, стр. 87) и Симеоновской (т. XVIII, стр. 136) не имѣетъ значенія.

²⁾ „Родѣтъ земли по реку по Оку и по Цѣ: что „на московской сторонѣ“, то къ Москвѣ; „а что на рязанской сторонѣ, а то къ Рязани“; „а володимерское по рубежъ, по тому, какъ то было при ватемъ (московскихъ князей) дѣдѣ при в. к. при Иванѣ Давыдовичѣ и при ватемъ дѣдѣ при Семенѣ и при твоемъ отци при в. к. при Иванѣ“ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 82). Но владѣнія в. к. Дмитрія заходятъ и за Оку: тутъ Тула „мѣсто великаго князя Дмитрія Ивановича на рязанской сторонѣ“ (Тужой—съ уѣдомъ—в. к. Дмитрій владѣтъ въ границахъ, „какъ было при царцѣ при Тайдулѣ и коли еѣ баскаки вѣдала“), но даѣе неповѣтный текстъ: „и въ то ся князю великому Олгу не вступатися и князю великому Дмитрію“ (ср. замѣчанія С. М. Соловьева, кн. I, ст. 1142); но статья подлѣйшихъ договоровъ—в. к. Василія Дмитріевича съ в. к. Федоромъ Ольговичемъ и Юрія Дмитріевича съ Иваномъ Федоровичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 36 и 48), и договоръ в. к. Василія Темнаго съ Иваномъ Федоровичемъ (№ 65), исключаящая „вступаніе“ въ Тулу преемниковъ в. к. Дмитрія, вызываетъ на сомнѣніе, удалось ли ему утвердить за собой Тулу при докончаніи „вѣчнаго мира“ въ 1385 году; хотя возможно, что отъездъ отъ Тулы былъ уступкой въ пользу рязанскаго князя со стороны в. к. Василія Дмитріевича. Простую и обычную ссылку на объемъ тульского уѣзда, „какъ было при царцѣ Тайдулѣ“, Иловайскій (стр. 139), а „за нимъ Эземплярскій (т. I, стр. 114) полагаетъ, какъ указаніе на особое положеніе Тулы—„какое-то исключительное“, по

«Вѣчный миръ» 1385 года закрѣпленъ, двумя годами поздѣе, женитьбой Ольговича Феодора на московской княжѣ Софьѣ Дмитриевнѣ¹⁾. Отношения, установленныя докончаніемъ «вѣчнаго мира», вошли въ жизнь и окрѣпли, все углубляя тѣсныя связи рязанской украинны съ великимъ княжествомъ всея Руса. Политика в. к. Олега потерпѣла полное и рѣшительное крушеніе. Рязань не въ силахъ обойтись безъ опоры въ великорусскомъ центрѣ, и ея порывы къ независимости отъ великорусской великокняжеской власти слабѣютъ и замираютъ. Въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ XIV вѣка в. к. Олегъ, обезпечивъ рязанскій тылъ по линіи рѣкъ Ока и Цна прочнымъ миромъ съ Москвою и разграниченіемъ спорныхъ владѣній, поглощенъ обороной своей земли отъ татарскихъ набѣговъ и отъ литовскаго наступленія въ западныя области чернягово-сѣверской земли. Но въ этой борьбѣ на южныхъ, восточныхъ и западныхъ предѣлахъ своей рязанской вотчины онъ дѣйствуетъ со значительной самостоятельностью, иной разъ даже въ разрѣзъ съ направленіемъ великокняжеской политики московскаго князя.

Ослабленіе московской энергіи въ борьбѣ съ татарами послѣ нашествія Тохтамыша какъ бы возродило, на время, самостоятельное значеніе Рязанской земли въ оборонѣ Великороссіи отъ вражескихъ силъ татарской степи. В. к. Олегъ укрѣпляетъ и охраняетъ русскую колонизацію въ бассейнѣ р. Дона и въ мецкерскихъ мѣстахъ, за Цною. Еще въ грамотѣ 1381 года упомянуты «татарскія мѣста», «что в. к. Олегъ отоямалъ отъ татаръ», и потребовано отъ него обязательство, чтобы онъ не «вступался» въ Мещеру; договоръ великихъ князей Василія Дмитриевича и Феодора Ольговича (1402 года) гарантируетъ имъ взаимно владѣніе тѣми «татарскими и мордовскими мѣстами», какія захвачены были ихъ отцами, а, съ другой стороны, свидѣтельствуется, что в. к. Олегъ и самъ, и черезъ сыновей или бояръ скупалъ

Иловайскому, «въ вѣдѣніи ханскихъ баскаковъ», по Экземплярскому, не въ прошломъ (при царѣцѣ Таудуѣ), а въ эпоху договора. Далѣе, кн. Олегъ отступаетъ въ посылу в. к. Дмитрія Талыца, Выполозова и Тайасова, мѣст, повидимому, тульскихъ; признаетъ великокняжескимъ владѣніемъ Мещеру, «куплю князя великаго», и оба великія князя признаютъ другъ за другомъ «татарскія мѣста», какія они «отоямали за себя отъ татаръ до сего докончанья». Вѣчный миръ 1385 г. былъ заключенъ на основѣ условій, изложенныхъ въ грамотѣ 1381 г., съ отступленіями, надо полагать, но какими, этого установить, конечно, нельзя. Влнвостъ текста ряда положеній договора между великими князьями Василіемъ Дмитриевичемъ и Феодоромъ Ольговичемъ къ тексту грамоты 1381 г. подтверждаетъ значеніе этой послѣдней для представленія объ условіяхъ «вѣчнаго мира» 1385 года (ср. №№ 32 и 36).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 51; т. XI, стр. 90 (тутъ Николовская пишетъ: «князь великии Дмитрий Ивановичъ по сотвореніи мира и любви преподобнаго Сергія къ великому князю Олегу Рязаньскому княже промежу себя любовь возлю, и отдале князь великии Дмитрий Ивановичъ дщерь свою княжну Софью на Рязань, за княземъ Феодоромъ Ольговичемъ Рязаньскаго»).

земли въ Мещерѣ, вопреки прежнимъ московскимъ требованіямъ и докончанію. Возможно, что эти разкордные захваты, а не только простыя разбойничьи цѣли вызывали татарскіе набѣги на рязанскія области ¹⁾. Въ борьбѣ съ татарскою напастью в. к. Олегъ въ девятидесяти годахъ переходитъ отъ пограничной обороны «караулами» къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Такъ въ 1394 г. ояъ «поблизъ татаръ Тохтамышевы орды, нже приходша изгономъ на Рязанскія постоа», а въ 1400 г. занесъ татарскою смлѣ значительный ратный ударъ въ предѣлахъ Червленаго Яра ²⁾. Эта дѣятельность рязанскаго князя означивала вокругъ него боевыя управленныя русскія силы: кромя прорискихъ князей въ его походахъ участвуютъ князья муромскій, карачевскій, козельскій, елецкій, притомъ и въ всякаго отношенія къ этимъ ратнымъ дѣламъ великорусской великокняжеской власти ³⁾, а какъ младше князья-союзники в. к. рязанскаго ⁴⁾.

Съ тою же боевой силой пытается в. к. Олегъ организовать противодѣйствіе латовскому наступленію на русскія области. И тутъ ояъ дѣйствуетъ иполнѣ самостоятельно, не только въ зависимости отъ полдтвен великаго князя всея Руси, но и въ разрѣзъ съ уступчивостью в. к. Василія Дмитріевича

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 93 (набѣгъ на Рязань, въ 1387 г., быть можетъ, связанный съ побѣгомъ изъ Орды княжича Родослава—см. т. XI, стр. 91; въ этотъ „нагонъ“ татары „Олея князя мало не иша“), стр. 95 (1388 г.—набѣгъ на украинъ рязанскій), 122, 123, 187.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 156.—Въ 1395 нахождение Тамиръ-Аксака коснулось рязанскаго Придонья („Тамиръ же Аксаку дарю стоящу въ Рязанстей землѣ в обополь Дова рѣки нуто вся сотворншу“—тамъ же, стр. 159).—Въ 1400 г. „въ предѣлахъ Червленаго Яру и въ караулахъ возлѣ Хопоръ до Дову князь велики Олегъ Ивановичъ съ прорискими князья и съ муромскимъ и козельскимъ побѣша множество татаръ и царевича Маматъ-Салтава яша и иныхъ князей ординскихъ помнаша“, тамъ же, стр. 184).

³⁾ Д. И. Иловайскій (Ист. Рязанскаго княжества, стр. 127) связываетъ восстановление былаго ближайшаго отношенія Муромскаго княжества къ Рязанскому великому князевію съ событіями 1385 г., указывая на лѣтописное извѣстіе, что в. к. Дмитрій отправилъ, одновременно съ посылкой князя Владимира Андреевича противъ в. к. Олега послѣ его нападенія на Колому, „и ную рать“ на Муромъ; Иловайскій полагаетъ, что „въ связи съ нападеніемъ Олега на Колому“ произошло „возстаніе муромцевъ“. Записъ эта дошла до насъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 96; т. XI, стр. 86) недописанной: „а и ную рать послаа на Муромъ, на князя безчестна... (ради?); повидному, дало не въ „возстаніи“, а въ „безчестна“, м. б. посла великокняжескаго!

⁴⁾ Однако, данныя, правда крайне случайныя и отрывочныя, какія находимъ въ нашихъ источникахъ, не содержатъ основанія для вывода, что Олегъ „не даромъ носилъ титулъ великаго князя, потому что умѣлъ продать единство далеко разбросаннымъ частямъ древняго Муромо-Рязанскаго княжества“ (Иловайскій, стр. 128). Нѣтъ никакого основанія представлять отношенія в. к. Олега къ князьямъ муромскому, карачевскому, козельскому, елецкому по аналогіи съ отношеніями между великимъ княземъ и удѣльными на Москвѣ или въ Твери: ихъ владѣнія не были дѣлами Рязанскою отчуж.

по отношению къ Витовту и его подчиненіемъ вліянію тестя. Олегъ пытался своею самою поддержать оборону Смоленска отъ литовскаго захвата. Смоленскій князь Юрій Святославичъ, женатый на дочери Олега, одинъ изъ семи смоленскихъ князей вѣдѣлъ въ вліяніи Витовтомъ въ 1395 г.; потому что былъ въ ту пору на Рязани у тестя ¹⁾. Олегъ отозвался на «первое взятіе граду Смоленску отъ великаго князя литовскаго» походомъ на Лявту— съ зятемъ Юріемъ и князьими прояскими, ковельскимъ и муромскимъ; но встрѣчный набѣгъ Витовта на рязанскія волости остановилъ его походъ; пришлось вернуться для отраженія литовскихъ «лагонщаконъ» ²⁾. На слѣдующую осень, въ сентябрѣ 1396 года, в. к. Олегъ возобновилъ борьбу нападеніемъ на Любутскъ, но на этотъ разъ въ дѣло вѣдѣлся в. к. Василій Дмитріевичъ: прислалъ къ Олегу пословъ и «отведе его отъ Любутска». Противодѣйствіе Москвы, пошедшей въ тѣ годы подъ сильное вліяніе Витовта, связывала рязанскаго князя и дорого ему обошлось. Витовтъ двинулся на Рязань; Олегъ вынужденъ бѣжать, и земля рязанская подверглась сильному разворенію ³⁾. Но какъ только въ Смоленскѣ начались волненія послѣ разгрома силъ Витовта на Ворсклѣ, в. к. Олегъ съ зятемъ и союзниками пошелъ ратью къ Смоленску, добился возвращенія кн. Юрія на Смоленское княженіе, повоювалъ литовскія волости и вернулся «со многими полономъ». Наступленіе на Смоленскъ тѣсно связалось для Витовта съ борьбой противъ Рязани. На неудачную попытку литовскаго великаго князя вернуть себѣ Смоленскъ—осенью 1401 г.—в. к. Олегъ отбѣтилъ наступленіемъ на Брянскъ, противъ котораго онъ послалъ сына Родослава. Но Родославъ Ольгоничъ разбитъ у Любутска ополченіемъ литовскихъ князей и самъ попалъ въ плѣнъ ⁴⁾.

Вся энергія, затраченная Олегомъ на борьбу съ Лявтой, пропала даромъ. Безъ поддержки всей великорусской силы на Рязани было остановить успѣхи Витовта. Освобожденіе Смоленска отъ литовской власти не дало прочнаго результата, такъ какъ в. к. Василій уклонился отъ поддержки смоленскаго князя. А Рязань надорвалась въ непосильной напряженіи, в

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69; т. XI, стр. 162.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69; т. XI, стр. 168.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 70 («прогна князя Олга»), т. VI, стр. 129 («Олегъ же не бѣ»), т. XI, стр. 166. Подробности этого дѣла затушеваны въ нашихъ лѣтописныхъ сводкахъ. Возможно, что в. к. Василій «отведъ» Олега отъ Любутска не мирнымъ посредничествомъ, а угрозой своего союза съ Витовтомъ (ср. новгородскія его отношенія той же поры). По разгромѣ Рязани Витовтъ вѣдетъ къ зятю въ Коломну, гдѣ в. к. Василій воздаетъ ему многую честь и дары. Никонская лѣтопись подчеркнула эту связь событій: Витовтъ «тогда у своего зятя, у в. к. Василія Дмитріевича московскаго, на Коломнѣ былъ и многу честь и дары отъ него приялъ, и тако возвратиса на своеса, кровь проливъ, аки воду, Рязанскія земли».

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 185—187.

послѣ кончины Олега (въ 1402 г.) постепенно слабѣть, подавляемая московскими засильемъ ¹⁾.

III.

Старшій стога Рязанскаго княженія занялъ сынъ Олега Федоръ ²⁾, связанный съ московскимъ великокняжескимъ домомъ двойнымъ свойствомъ ³⁾. По смерти отца онъ ѣздилъ въ Орду къ хану Шадибеку и получалъ отъ хана ярлыкъ на свою «отчину и дѣдину, великое княженіе Рязанское» ⁴⁾, и затѣмъ возобновилъ отцовскій договоръ съ великимъ княземъ всея Руси ⁵⁾. Привлачалъ в. к. Василия Дмитріевича «собѣ братомъ старѣвшимъ» ⁶⁾, Федоръ Ольговичъ обіязался быть съ нимъ вездѣ за однимъ «по думѣ, какъ будетъ годно, безъ хитрости», не «престать» къ татарамъ «никоторую хитростью», а извѣщать великому князю, что услышитъ «отъ Орды», и «сучивать по думѣ» съ великимъ княземъ, если Орда станетъ ему враждебною ⁷⁾. Сношенія рязанскаго великаго князя съ Ордой стоятъ подъ контролемъ великаго князя всея Руси: онъ имѣетъ право посылать «княжичевъ» въ Орду и принимать татарскіе пословъ, «то ему не въ намѣну», но подъ условіемъ, что будетъ сообщать въ Москву о каждомъ такомъ сношеніи съ ханомъ ⁸⁾.

¹⁾ М. К. Любавскій («Лекція по древней русской исторіи», стр. 167) усматриваетъ въ отношеніи Рязани (какъ и Твери) къ великорусской великокняжеской власти въ XV в. усиліе ея независимости. Основаніе для такого сужденія М. К. Любавскій находитъ въ договорѣ 1402 г. между великими князьями Василиемъ Дмитріевичемъ и Федоромъ Ольговичемъ; но, какъ увидимъ ниже, нельзя согласиться съ его пониманіемъ этого договора: даже помимо сопоставленія съ грамотой 1381 года, самый текстъ этого договора не подтверждаетъ такого пониманія. Вярѣе сужденіе Иловайскаго: «дальнѣйшая исторія Рязани представляетъ только постепенный переходъ къ окончательному соединенію съ Москвою; отклоненія отъ этого пути были очень незначительны» («Ист. Рязанскаго княжества», стр. 135).

²⁾ Олегъ Ивановичъ умеръ 5 іюня 1402 г. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 188); второй Ольговичъ Родославъ находился въ литовскомъ плѣну и пробылъ тамъ 8 года, а затѣмъ былъ выкупленъ братомъ за 3000 рублей; умеръ 14 ноября 1407 г. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 185; «Ярославъ Ольговичъ»; т. XI, стр. 197; т. IV, стр. 106—2000 серебра).

³⁾ Федоръ Ольговичъ былъ женатъ на сестрѣ в. к. Василия Софьи Дмитріевнѣ, а дочь Василиссу выдалъ за серпуховскаго князя Ивана Владиміровича.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 188: «и пожалова его царь, даде ему отчину его и дѣдину, великое княженіе Рязанское, улусъ свой».

⁵⁾ С. Г. Г. и Д., т. I № 36; сохранился «въ копіи», съ помѣтой: «грамота князя великаго Василья Дмитріевича со княземъ съ Федоромъ съ Ольговичемъ Рязанскимъ новая».

⁶⁾ а князя Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича равными братьями, князей Андрея и Петра Дмитріевичей—младшими.

⁷⁾ «а отдадутся отъ насъ Орда»...

⁸⁾ «А будетъ ти княжича послати въ Орду, и что съ нимъ пошлешь, или х тобѣ посолъ татарскій придетъ, и тобѣ того почтти крестьянскаго дѣла добра,

И съ в. к. Витовтомъ ¹⁾ рязанскій князь долженъ вступать изъ договоръ не иначе, какъ по предварительному соглашенію съ в. к. Василіемъ.

Мы слишкомъ мало знаемъ о внутреннихъ отношеніяхъ Рязанскаго княжества, чтобы получить о нихъ хоть сколько-нибудь ясное представленіе. Знаемъ въ Рязанской землѣ только одинъ стольный городъ, кромѣ старшаго Переяславля, Пронскъ. Пронскій князь Владиміръ Ярославичъ, который захватилъ было въ 1372 году столь Рязанскаго великаго княженія, умеръ зимой 1372—3 года ²⁾, оставивъ на пронскомъ княженіи сына (единственнаго ³⁾ Ивана; летописные тексты упоминаютъ о «пронскихъ князьяхъ» во множественномъ числѣ, но не знаемъ, какихъ князей они тутъ разумѣютъ. Остаточиваетъ вниманіе одна особенность грамотъ этого времени: договорныя грамоты 1371 и 1402 годовъ ⁴⁾ титулуютъ пронскихъ князей Владиміра Ярославича и Ивана Владиміровича—«великими». Грамоты эти редактированы въ Москвѣ, и такая титулатура пронскихъ князей должна имѣть какое-то особое значеніе, ближе, впрочемъ, не поясняемое никакими известными намъ данными. Возможно, конечно, связать ее съ прорывавшимися по временамъ притязаніями пронскихъ князей на старшій столь Рязанскаго княженія и съ поддержкой, какую пронскіе князья находили иногда въ Москвѣ, какъ, напримѣръ, въ концѣ того же 1371 года. Договоръ 1402 г. выдвигаетъ особое положеніе пронскаго князя. По этому договору в. к. Василій и всѣ московскіе князья обязались «въ землю въ рязанскую и во князи въ рязанские ⁵⁾ не вступатися». Но относительно пронскаго князя въ договоръ вошло особое обязательство в. к. Федора Ольговича: «а со княземъ съ великимъ съ Иваномъ съ Володимировичемъ взятъ [тѣ] ⁶⁾ любовь по давнымъ грамотамъ» ⁷⁾; а далѣе договоръ

а то тобъ не въ помѣну; а коли имешь ключья слати въ Орду, и то ти намъ явити". Вся редакция этой статьи договора придаетъ ей характеръ оградительной оговорки къ положенію, что рязанскій великій князь не имѣетъ самостоятельныхъ сношеній съ Ордой; такія сношенія допускаются, но не стаяется въ помѣну лишь при указываемыхъ условіяхъ и по необходимости («крестьянскаго дѣла добра»). Тутъ имѣтъ «амансацию» отъ великокняжеской власти, какъ полагаетъ М. К. Любаскій.

¹⁾ «А въскочетъ съ тобою тестъ мой к. в. Витовтъ любви, ино тобъ съ нимъ взятъ любовь со мною по думѣ, какъ будетъ годно».

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19.

³⁾ Экземплярскій, т. II, стр. 630, прим. 2023.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 31 и 36.

⁵⁾ Намъ некого разумѣть подъ этими рязанскими князьями, которые тутъ явно не включаютъ въ себя пронскаго князя, кромѣ братьевъ Ольговичей—Федора и Родослава, изъ которыхъ второй былъ въ ту пору въ литовскомъ плѣну.

⁶⁾ Это «та» добавлена по аналогіи съ нижеслѣдующей формулой договора: «А со княземъ Семеновомъ съ Романовичемъ съ Новосильскимъ и съ Торускими князи также взятъ ти любовь по давнымъ грамотамъ».

⁷⁾ «Давныя грамоты»—вѣдомѣшіе до насъ договоры между рязанскими и пронскими князьями.

устанавливаетъ порядокъ третейскаго суда по столкновениямъ между великими князьями рязанскимъ и пронскимъ съ тѣмъ, что за в. к. Василіемъ Дмитриевичемъ признается право принудить приговореннаго къ отдачѣ «обиднаго», если онъ добромъ не отдастъ: в то великому князю «не въ намѣну»¹⁾. Существенно отмѣтить, что такой же точно порядокъ разрѣшенія поземельныхъ или иныхъ столкновений и споровъ устанавливается договоромъ между в. к. рязанскимъ и князьями новосмыльскимъ и торусскимъ²⁾, которые въ данномъ договорномъ докончаніи «однаго человѣкъ» съ в. к. Василіемъ.

Однако, въ дальнѣйшемъ, пронскій князь пошелъ инымъ путемъ и нашелъ опору противъ мѣстной великокняжеской власти не у московскаго князя, а въ Ордѣ, у хана. Краткія сообщенія лѣтописныхъ сводовъ о происшествіяхъ 1408 г. не даютъ указаній на ближайшій поводъ столкновенья между князьями Федоромъ Ольговичемъ и Иваномъ Владимировичемъ. Пронскій князь ѣздилъ въ Орду и вернулся осенью 1407 г. отъ хана Булать-Салтана «съ пожалованіемъ и съ честью»; а, главное, съ ханскимъ посломъ. Повидному, дѣло шло о какихъ-то равногласіяхъ его съ в. к. рязанскимъ, которые имъ перенесены на ханскій судъ³⁾. Засѣвъ въ своемъ Пронскѣ кн. Иванъ Владимировичъ напалъ съ татарской помощью на Рязань. В. к. Федору пришлось бѣжать за Оку, во владѣнія шуряна своего, в. к. Василія, и тотъ далъ ему помощь, хотя въ боярской средѣ его совѣтниковъ это

¹⁾ «Исправу» въ обидѣхъ «учинитъ» бояре обидѣ стороны на създѣ; «о чѣмъ ся сопрутъ, ино имъ третей митрополитъ»; приговоръ митрополита окончательный: «а кого митрополитъ обидитъ, ино обидное отдати»; «а не отдасть, ино мѣ к. в. Василію Дмитриевичю отправить, а то ми не въ намѣну». Заключеніе: «также на обѣ стороны» подчеркиваетъ, что в. к. Василій выставляетъ себя не защитникомъ и покровителемъ одной стороны, зятя своего Федора или пронскаго князя, а гарантомъ установленныхъ отношеній.

²⁾ Съ тѣмъ отмѣчаемъ, что для князъ необязательно обращаться къ третейскому суду митрополита: бояре, не придя къ соглашенію, ѣдутъ на третей, кого себѣ взберутъ».

³⁾ Въ Никоновской (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 203): «Въ лѣто 6916 сентября 6 князь Иванъ Володимировичъ пронскій приде изъ Орды отъ хана Булать-Салтана съ пожалованіемъ и съ честью на Русь и сяде на Пронскѣ, а съ нимъ посолье дарить». Дѣло было, конечно, не въ «посажени» кн. Ивана на Пронскѣ, но кѣтъ указаній, чтобы кн. Иванъ получилъ ярлыкъ на великое рязанское княженіе, если только не усмотрѣть такое указаніе въ сообщеніи той же лѣтописи (стр. 202), что послѣ бѣгства в. к. Федора за Оку: князь ялякы Иванъ Володимировичъ пронскій сяде на обидѣ княженіяхъ, на Рязаньскомъ и на Проньскомъ» (ср. т. VII, стр. 243). Съ осени до весны велись, повидному, переговоры; только весной 1408 г. пронскій князь ударилъ на Рязань: битва на р. Смядѣ произошла 1 іюня. Передъ битвой опять шли переговоры: «князь Иванъ пронскій приде съ посломъ татарскимъ—и не умершася князь» (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 480). Ханъ Булать-Салтанъ былъ званъ на ханствѣ, а ни в. к. Василія, ни в. к. Федора къ нему не поѣхали. Ср. Временникъ, т. X, стр. 83 (Родословець).

дѣло вызвало разногласіа, въ виду вышатаательства татарской власти¹⁾. Переговоры, при участіи ханскаго посла, не привели къ соглашенію, и дѣло дошло до битвы. Войско великихъ князей было разбито ратью пронскаго князя, несмотря на нейтралитетъ татарскаго отряда²⁾. Но на томъ дѣло и кончилось. Князь Иванъ Владиміровичъ, который было занялъ Рязань, помирился съ в. к. Феодоромъ при посредничествѣ в. к. Василія³⁾, а, вѣроятно, и ханскаго посла.

Было бы существенно лучше знать это пронское дѣло, чѣмъ даютъ возможность наши источники. Оно было преходящей важностию на Русь Едигея и послѣдней попыткой Рязанской украины—на этотъ разъ въ лицѣ пронскаго князя—самостоятельно опредѣлять свое отношеніе къ Орду и найти въ ней опору для своей самостоятельности по отношенію къ великорусской великокняжеской власти. Въ рукѣ московскаго князя—ога же и великій князь вса Руси—не было еще достаточной силы для обороны южныхъ и западныхъ окраинъ Великороссіи. Рязанская земля терпѣть по-прежнему татарскіе набѣги⁴⁾, а послѣдніе годы в. к. Олега Ивановича показывали, какъ мало надежды на поддержку великокняжеской власти въ западныхъ, литовскихъ дѣлахъ⁵⁾. Эта слабость великорусской великокняжеской власти достигла крайней степени въ тяжкую годину внутренней смуты

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV ст. 480: „князь же великій Василей московскій даа помощь зяту своему князю Феодору Ольговичу; старци же се не показаша, а же не сложавъ къ пронскому ратью послати на нь, се бо здумаша бояре зина“. Ср. т. XI, стр. 210.

²⁾ „Татароме же огъядоша на гору и стаща, во помагачи проиваюмъ“ (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 481). О мѣстѣ боя см. замѣчанія Экземпларскаго, т. II, стр. 631, прим. 3027.

³⁾ „и помирилъ ихъ князь великій Василей Дмитреевичъ, и съдота по своимъ княженіемъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 243).

⁴⁾ Феодоръ Ивановичъ успѣшно отбавилъ „половъ“ и покаралъ татарскій „изговъ“ въ 1404 г.; тоже удалось рязанцамъ въ 1410 г., но въ 1414 г. татары разорили рязанскія волости у р. Дона, взвѣдъ Воевъ, причеиъ погубиъ емедій князь, и „много воеваша“, ушли „со многимъ половомъ и богатствомъ“; удачна была погоня за татарскимъ изгомомъ въ концѣ 1426 г.; въ 1437 г. татары рязанскія „украинныя села поимаша“; въ 1438 г. „воеваша Рязань и много зла учиниша“; въ 1442 г. приходили на „ризанскія украинны“, сотвориши много зла и ушли съ половомъ; къ 1443—1444 г. относится набѣгъ на Рязань царевича Мустафы и его зимовка на Рязани (въ Переяславѣ); на этотъ разъ московская ратная сила помогла разгромить татарскую силу, возуревную суровой зимней стужей; бытъ можетъ, въ отместку за гибель Мустафы, татары учинили набѣгъ на рязанскія украинны осенью 1444 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 191, 215, 226, т. XII, стр. 6, 23, 25—26, 42, 61—62. Все это—лишь болѣе крупныя эпизоды постоянныхъ украинныхъ тревогъ и столкновеній.

⁵⁾ Разрывъ московско-литовскаго союза въ 1406—1409 гг. былъ лишь незначительнымъ и преходящимъ эпизодомъ въ политикѣ в. к. Василія Дмитріевича; въ „коронаціонномъ“ създѣ у Витовта въ 1430 г. в. к. рязанскій встрѣтился, въ кругу другихъ князей, съ в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ.

при Василии Темномъ. Рязанская земля, бессильная въ устройствѣ собственныхъ своихъ судьбъ, потянулась было къ Литовскому великому княжеству; но договоры великихъ князей рязанскаго Ивана Федоровича¹⁾ и проискаго Ивана Владиміровича съ в. к. Витовтомъ, по которымъ эти князья «дались ему въ службу»²⁾, были лишь отраженіемъ того перевѣса, каковой приобрѣло въ эту пору великое княжество Литовское надъ Москвой и отнѣсается къ последнимъ годамъ жизни и княженія Витовта, а съ его смертью потеряли всякое значеніе передъ новымъ укладомъ восточно-европейскихъ отношеній.

Рязанское великое княжество все тѣснѣе примыкаетъ къ московскому центру, все больше теряетъ самостоятельность. По смерти Витовта, в. к. Иванъ Федоровичъ снова подъ руку великаго князя всея Руси и посылаетъ свою рать ему въ помощь на галицкаго Юрія Дмитріевича³⁾. Но, по существу, его отношеніе къ московской смутѣ весьма пассивно. Когда Юрій вторично захватилъ Москву и великое княженіе, Иванъ Федоровичъ вступаетъ въ договоръ съ нимъ, какъ съ великимъ княземъ⁴⁾, по договоръ

¹⁾ Даты кончины в. к. Федора Ольговича и вокняженія его сына Ивана не могутъ быть установлены по отсутствію данныхъ. Ср. замѣчанія Иловайскаго (стр. 138) и Экземплярскаго (т. II, стр. 595—596).

²⁾ А. А. З., т. I, №№ 25 и 26—оба договора по одному и тому же формуляру. Князья рязанскій и проискій «даютъ въ службу» в. к. Витовту, «осподарю своему», обязуясь «служити ему вѣрно безъ всякаго хитроста»; в. к. Василію Василіевичу, «звучу его», помогать только по повелѣнію в. к. Витовта, а при раздорѣ между ними—«послать въ в. к. Витовту на нихъ (московскихъ князей) безъ хитроста»; спорная дѣла между Литовскою и Рязанскою землями рѣшаются сълѣдомъ судей того и другого великаго князя, но если они «сопрутся», то окончательное рѣшеніе дѣла принадлежитъ в. к. Витовту. Въ договоры внесено обязательство «судъ и исправъ держати со еднимъ княземъ съ Василіемъ съ Василіевичемъ по старинѣ»: в. к. Витовтъ беретъ отношенія между Москвою и Рязанью подъ свою опеку. Обязательство Витовта не вступаться во владѣнія Ивана Федоровича, «поколе рубемъ рязаньскыя земли», т. е. перемыславской его вотчинъ⁵⁾, соединено съ оговоркой: «вынемше Тулу, Берестей, Ретанъ съ Пашы, Дорожевъ, Захолотевъ Гордѣевскіихъ»; тутъ имѣтъ уступки перечисленнымъ мѣстамъ Литвы, какъ повялъ Иловайскій (стр. 139), а есть противоположеніе ихъ «перемыславской вотчинѣ» (слово «вынемше» отнюдь не означаетъ, чтобы онѣ ранее входила въ ее составъ), надо полагать—какъ пункты спорныхъ между Москвою и Рязанью; въ судьбу же ихъ Витовтъ сохраняетъ право «вступаться».

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 48: «а что есмь, голорятъ въ этой договорной грамотѣ в. к. Иванъ Федоровичъ князю Юрію, послышалъ свою рать съ твоимъ братичемъ со княземъ съ Василіемъ, и вовела, и грабили, и полонъ имали..», и обязуется сложить къ Василію свое крестоцѣлованіе.

⁴⁾ Терминологія этого договора своеобразна. В. к. Иванъ называетъ Юрія «господиномъ дядей», который и обязуется «имѣть его себѣ братаничемъ», а старшему своему сыну братомъ (равнымъ), младшимъ сыновьямъ—братомъ старѣйшимъ. По содержанію отношеній «господинъ дядя»—великій князь въ отца мѣсто, братъ старѣйшій: в. к. Иванъ обязуется быть съ нимъ «за одинъ вездѣ безъ хитрости», не

этот урядный скорой смертью Юрия; не слышать о каком-либо участии Ивана Федоровича в дальнейшей борьбе, а укрепление великокняжеского стола за в. к. Василием Васильевичем вызывает новый договор его с в. к. рязанским, близкий, по существу отношений, к их прежним договорам и к договору Ивана Федоровича с Юрием Дмитриевичем¹⁾.

Подавленное трудностью своего высшего положения, окруженное опасными врагами, Рязанское великое княжество связано, при недостаточной собственной силе, великорусской великокняжеской властью, которая все больше забирает в свои руки руководство всеми высшими отношениями Великороссии, в том числе и рязанской ее окраины. Близкий к рязанским предкам япоргь литовской силы не в состоянии прочно нарушить неизбежную связь Рязанской земли с великорусским центром. И эти отношения тем характернее, что в самом-то великорусском центре нет еще достаточной силы для крикливо обороны Рязанской земли. Носители великорусской великокняжеской власти требуют полного подчинения рязанско-литовских отношений своей политике и своему контролю. А сами вынуждены отходить эти отношения от своих, московско-литовских, ограничиваясь ролью посредников между Рязанью и Литвой, ко-

„приставать“ к татарам, не вступать в докончание с Василием Темным и не сносить с ним, не принимать в свою землю ни его, ни его бояръ, а быть „на него за один“ с Юрием. И с литовским великим князем Свидригайлом в. к. Иванъ должен устанавливать соглашение не иначе, как „по думѣ“ с Юрием, и в договорной грамоте с ним писать, что онъ с Юрием „одинъ человекъ“. Тоже единчество с Московю, подчиненное ей политикѣ,—въ отношеніи къ татарамъ и мещерскимъ князьямъ.—Договорная грамота эта отредактирована по грамотѣ 1402 г. (№ 86), причемъ нѣмѣ мѣста ея текста—взяты изъ образца и вновь вписаны, повидному, плохо согласованно: такъ рядомъ съ тѣмъ же определеннымъ порядкомъ разрѣшенія споровъ между рязанскимъ и провскимъ князьями, какой устанавливаетъ въ грамотѣ 1402 г., тутъ читаемъ еще такой текстъ: „а со княземъ есимъ съ провскимъ и съ его братьемъ любовь взявъ, а что ся промежи насъ учинитъ, ино межѣ насъ управити тобѣ, великому князю, а намъ тебѣ слушати“. Если читать этотъ текстъ, какъ согласный съ порядкомъ метрополичьего третейскаго суда и великокняжеской управы на непокоряга приговору, получится наихудшее повтореніе; а читая отдѣльно, онъ отдаетъ окончательное рѣшеніе великому князю (подобно тому, какъ было въ договорѣ рязанскаго князя съ в. к. Витовтомъ). Что обѣ эти формулы не дополняютъ другъ друга, а равносильны и, стало быть, несомнѣнны, показываетъ ихъ редакція: 1) „а что ся промежи насъ учинитъ“... и 2) опять: „а что ся межѣ насъ учинитъ“; полагаю, что первая (новая) была при редактированіи грамоты написана на поляхъ, какъ замѣняющая вторую, а въ списокъ грамоты сохранились обѣ по недоразумѣнію,—причемъ такъ сложившійся текстъ механически перешелъ и въ договорную грамоту 1447 г. (С. Г. Г. и Д., т. I, № 85).

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 85—договоръ повторяетъ условія докончательной грамоты великихъ князей Юрія и Ивана, но съ замѣной „господина дѣда“—„братомъ старѣйшимъ великимъ княземъ“ и „братанча“—„братомъ молодшимъ“, а также съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями.

торыя иной раз оказываются, по прежнему лицомъ къ лицу — помимо Москвы.

Такъ в. к. Василій Васильевичъ требуетъ (въ договорѣ 1447 г.), чтобы рязанскій великій князь вступалъ съ в. к. Литовскимъ въ договорныя отношенія «по думѣ» съ нимъ, княземъ великимъ, непрѣменно оговаривалъ въ окончательной грамотѣ, что онъ, рязанскій великій князь, съ в. к. Василіемъ «однѣмъ человекъ», и общается за то оборонять Рязанскую землю отъ литовской силы¹⁾.

Однако, дѣло еще не дошло до полнаго единства въ распоряженіи воинской силой; единичество князей обусловлено соблюденіемъ братскаго относительнаго рабства: в. к. рязанскій лично выступаетъ въ походъ лишь въ томъ случаѣ, когда в. к. всея Руси самъ «всадеть на конь», а если пошлетъ воеводъ, то въ походъ идутъ рязанскіе воеводы.

Такъ и въ случаѣ нападенія Литвы на Рязанскую землю: в. к. Василій общается «боронити» рязанскаго противъ всѣхъ, отъ кого онъ самъ «не возможетъ» оборониться, за отказъ в. к. рязанскаго отъ всѣхъ сепаратныхъ крестоцѣлованій²⁾, но притомъ лишь условно: обязуется самъ выступить на оборону Рязани отъ Литвы, когда на рязанскаго князя пойдетъ лично в. к. литовскій; а если онъ только пошлетъ противъ Рязани своихъ литовскихъ воеводъ, то и в. к. Василій пошлетъ въ походъ своихъ воеводъ. Эта условность «единичества» въ ратномъ дѣлѣ и въ распоряженіи ратной силой получаетъ особое значеніе при сопоставленіи съ большою относительностью, въ московскомъ пониманіи, договорнаго установленія, что в. к. рязанскій передъ в. к. литовскимъ «однѣмъ человекъ» съ в. к. всея Руси. Въ 1449 г. в. к. Василій Васильевичъ заключилъ договоръ съ литовскимъ великимъ княземъ и королемъ польскимъ Казиміромъ Ягелловичкомъ³⁾; въ договорѣ этомъ в. к. Василій признаетъ за Казиміромъ право «показнати» рязанскаго князя и общается не вступаться въ дѣло, если в. к. рязанскій «сгубитъ» Казиміру и «не исправитъ» къ нему по указанію в. к. Василія, котораго король Казиміръ долженъ предварительно увѣдомить о происшедшихъ разногласіяхъ и столкновеніи. Мало того: в. к. Василій признаетъ за рязанскимъ княземъ право, если онъ «восхоцетъ», служить королю Казиміру, общая за то «на него не гнѣваться, ни лстыти ему».

Такъ замиравшая рязанская самостоятельность поддерживалась, на исходѣ своего сколько-нибудь реального значенія, не столько собственной силой Рязанскаго княжества, сколько слабостью великорусскаго центра передъ окрѣпшею мощью Литовскаго великаго княженія. И великорусская великокняжеская власть поневогѣ не слѣдуетъ съ ликвидаціей этой самосто-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 65.

²⁾ «а кому будетъ целовалъ крестъ, а тому ти целованье сложити».

³⁾ А. З. Р., № 50.

тельности, довольствуясь покорностью слабого сосѣда, «брата молодшаго», лишь бы онъ не былъ орудіемъ враждебныхъ силъ и не создавалъ затрудненій для собственныхъ задачъ московской великокняжеской политики.

Наши источники—лѣтописные своды—по прежнему, молчатъ о внутреннихъ дѣлахъ Рязанской земли. А, между тѣмъ, и тутъ, какъ въ Тверскомъ великомъ княженіи, произошла въ послѣднія времена ослабѣвшей независимости значительная концентрація княжого владѣнія. Но явленіе это намъ почти неизвѣстно даже съ элементарно-фактической стороны. Уже въ договорѣ между Иваномъ Федоровичемъ и Юріемъ Дмитріевичемъ находимъ такое опредѣленіе владѣній великаго князя рязанскаго, которое расходится съ самостоятельнымъ значеніемъ «великаго князя» пронскаго въ рязанскихъ договорахъ съ великими князьями Василіемъ Дмитріевичемъ и Витомкомъ. Рязанскій князь требуетъ отъ Юрія Дмитріевича гарантіи «отчины своей княженія Рязанскаго, Переяславля и Проньска, и всѣхъ волостей переяславскихъ и проньскихъ, что потягло къ Переяславу и къ Проньску по рѣкѣ по Оку» ¹⁾. Для яснаго разумѣнія этихъ отношеній, какъ они отразились въ упомянутомъ договорѣ, надо бы имѣть совсѣмъ иной запасъ фактическихъ данныхъ, чѣмъ то скудное, что находимъ въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ: въ томъ же договорѣ в. к. Иванъ Федоровичъ повторяетъ требованіе прежнихъ докончальныхъ грамотъ, чтобы московскіе князья не «вступались» въ «рязанскіе князевъ», но относительно пронскаго князя сообщаетъ особо, что онъ съ ними и съ его братьями «любовь взяли». Опредѣленіе отчинъ рязанскаго великаго князя, какъ «Переяславля и Проньска и всѣхъ волостей переяславскихъ и проньскихъ», даетъ поводъ признать, что эта «любовь» съ проньскими князьями состояла въ томъ, что онъ ихъ прывелъ «въ свою волю». Однако, тутъ же всѣ столкновенія между рязанскимъ княземъ и проньскими князьями отдаются на «управу» московскаго великаго князя, въ чемъ нельзя не видѣть значительной гарантіи независимости Проньска отъ мѣстной великокняжеской власти ²⁾. А лѣтописные своды не даютъ никакихъ свѣдѣній о послѣднихъ десятилѣтіяхъ Пронскаго княжества. Они не отмѣтили даже года смерти пронскаго «великаго князя» Ивана Владиміровича, а о его сыновьяхъ—князѣхъ «пронскомъ и его

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 48.

²⁾ Указанныя выше сомнительныя черты редакціи этой договорной грамоты крайне затрудняютъ пользование ея. Великокняжеская «управа», какъ было уже упомянуто, въ рязанско-пронскихъ столкновеніяхъ опредѣляется тутъ двумя несогласными формулами, которыхъ совмѣстную наличность въ текстѣ договорныхъ грамотъ 1434 и 1447 г. г. (С. Г. Г. и Д., № 48 и 65) приходится толковать, какъ редакціонное недоразумѣніе. Но значительную трудность представляетъ, собственно говоря, и согласованіе (по содержанію) опредѣленія «рязанской отчины», какъ заключающей въ своемъ составѣ и пронское княжество, съ признаніемъ опеки великокняжеской власти надъ договорными отношеніями между рязанскими великими князьями и проньскими князьями.

братья» договорных грамотъ—повсе не упоминаютъ. Только родословцы XVI вѣка даютъ кое-какія свѣдѣнія о послѣднихъ провскихъ князьяхъ и судьбѣ ихъ потомства ¹⁾. По такимъ даннымъ нельзя опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ провскіе князья утратили самостоятельное княженіе; но смыслъ и преимущество рязанскаго великаго князя Ивана Ѳеодоровича, Василій, уже владѣеть Провскимъ и благословляетъ имъ, передъ кончиной, вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ Рязанскимъ своего старшаго сына Ивана Васильевича ²⁾.

Это внутреннее объединеніе Рязанской земли подъ единой княжеской властью свершилось въ такую пору, когда великое княженіе Рязанское находилось въ полной фактической зависимости отъ московской великокняжеской власти и его внутреннія отношенія стояли подъ ея крѣпкимъ контролемъ и руководящимъ надзоромъ. Прочію владѣя господствомъ надъ Рязанскіи землей ³⁾, великорусская великокняжеская власть не препятствовала, а, очевидно, содѣйствовала концентраціи Рязанской украины, вѣроятно, въ связи со стремленіемъ взять въ свои руки организацію обороны южныхъ окраинъ.

Рязанскій великій князь Иванъ Ѳеодоровичъ оставилъ на стольномъ княженіи восьмилѣтняго сына Василія, а судьбу его тѣмъ обезпечилъ, что «далъ его на руки» в. к. Василію Васильевичу ⁴⁾. В. к. Иванъ Васильевичъ

¹⁾ Иловайскія, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 144—145; Экземплярскій, т. II, 681—682.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 244—245: «А у князя у Ивана были три сына: Ѳеодоръ, да князь Иванъ Нелюба, да князь Андрей Сухорукой; а у князя Ѳеодора были сыръ Юрій, да у Юрія сынъ князь Глѣбъ провской; а у князя Ивана у Нелюба сынъ Иванъ же, а у Ивана сынъ Василій Нелюба, а у Василія сынъ Шемьяка князь Иванъ, а у князя Андрея у Сухорукого сына князь Дмитрей, а у князя у Дмитрія дѣти: Юрій, да Иванъ, да Ѳеодоръ, да Давыло.—«Временникъ» Общ. Ист. в Др. Росс.", ч. 10, родословець, стр. 71.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 127—128: «а чѣмъ меня (тебя) благословилъ отецъ нашъ князь великій Василей Ивановичъ Переславльемъ и Ростиславльемъ и Провскомъ и всѣми волостями и со отъѣздими мѣстами и всѣми великимъ княженіемъ»...

³⁾ Въ концѣ княженія в. к. Ивана Ѳеодоровича (въ началѣ 50-хъ г.г.) в. к. Василій Васильевичъ привлекъ рязанскаго князя къ уплатѣ «ясака» на содержаніе касимовскихъ татаръ: «а что шло царевичю Касиму и сыну его Давыару царевичю съ вами лемли при твоемъ дѣдѣ в. к. Иванѣ Ѳеодоровичѣ и при твоемъ отцѣ при в. к. Василѣ Ивановичѣ и что царевичевымъ княземъ шло и шѣ казачьемъ и дарагамъ», упоминаетъ в. к. Иванъ III въ договорѣ съ в. к. рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ (1483 г.; С. Г. Г. и Д., т. I, № 115); размыръ уплатѣ былъ окончательно установленъ по «записямъ», какъ в. к. Василій Васильевичъ «за твоего отца, за в. к. Василія Ивановича кончалъ съ царевичевыми съ Касимовыми князьями» (тамъ-же).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 181: «княженіе свое предасть держати в. к. Василію Васильевичу московскому, и сына своего далъ ему на рудѣ, князя Василія, бѣ бо тогда еще осинъ дѣтъ»; т. VIII, стр. 147: «княженіе же свое Рязанское и сына своего Василія приказалъ в. к. Василію Васильевичю; князь же великій Василей сына его и съ сестрою

выдалъ въ 1464 г. сестру свою Анну за молодого рязанскаго князя и отпустилъ его на Рязань—«на его отчину на великое княженіе». Василій Ивановичъ княжилъ 19 лѣтъ «великимъ княземъ», но московскимъ подручникомъ. Передъ кончиной (ум. въ январѣ 1483 г.) оная благословилъ старшаго сына Ивана—Переяславльскаго, Ростиславльскаго, Пронскаго и всѣмъ великимъ князевѣмъ Рязанскимъ, а младшаго—Федора—Перевтскою и Старой Рязанью. Братья Васильевичи заключили договоръ, въ общемъ, по образцу московскихъ договоровъ великихъ князей съ удѣльнымъ братиею¹⁾,

взять къ себѣ на Москву, а на Рязань посла наместника своа и на проча грады и на власти»; г. XII, стр. 112: «княженіе же свое Рязанское и сына своего Василія приказалъ в. к. Василію Васильевичю на соблюденіе; князь же великій Василей омыа его и съ сестрою его съ Феодосією взя ихъ къ себѣ на Москву, а на Рязань посла наместника своа на соблюденіе и на проча грады его и на власти».

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 127 и 128. Грамота в. к. Ивана Васильевича брату Федору сохранилась въ спискѣ, который снятъ въ Москвѣ съ подлинной (а она писана въ Переяславле лѣта 7004 августа въ 19 день¹⁾), о чемъ свидѣтельствуетъ помята на ея оборотѣ: «списки з грамотъ з докончальныхъ съ рязанскихъ великому князю Ивану з братомъ его со княземъ съ Феодоромъ, а слыме грамоты докончальныя съ печатями лѣта 7035 (посланы въ великую княгиню) въ рязанской къ Огроевне съ его челоукомъ съ Медвѣдемъ»; грамота князя Федора брату, в. к. Ивану, въ подлинникъ за печатями и скръпюй: «смиранный епископъ Семеновъ рязанской и Муромской».—Двойной документъ этотъ весьма интересенъ, какъ единственнымъ, удѣлявшимъ до нашего времени, памятникомъ «удѣльныхъ» отношеній въ Рязанскомъ княжествѣ. Однако, тутъ это отношеніе, возникшія заново между братьями Васильевичами въ исходѣ XV в., въ пору, когда подлинныя отношенія удѣльнаго владѣнія быстро разлагались подъ давленіемъ великокняжеской власти московскихъ государей. Договоръ 1466 года не можетъ служить надежнымъ источникомъ для изученія типа и основного уклада «удѣльныхъ» отношеній: не мало въ немъ явно новаго, не традиціоннаго, а подлинно договорнаго. Точнѣе даже было бы сказать, что какъ нѣтъ въ этомъ договорномъ текстѣ термина «удѣль», такъ нѣтъ въ немъ и раздѣла общей отчины между братьями по удѣламъ. Владѣнія младшаго брата весьма незначительны: старшій изучалъ «все великое княженіе», а младшему отецъ, князь великій Василій Ивановичъ, и мать, в. к. Анна и старшій братъ, в. к. Иванъ Васильевичъ «отдѣляли» только «Перевтскыя и Рязань старую съ волостями и съ отъѣздами мѣсты», да «треть» въ Переяславскихъ доходить в доходныхъ имуществѣхъ и часть дворцовыиъ сель до раздѣльныхъ «записамъ». Все это гарантируется князю Федору въ потомственное владѣніе, причемъ старшіи удѣльныи возрѣнія уже настолько искажены, что требуется особая оговорка противъ превращенія отнѣз владѣній въ опричнину и произвольнаго завѣщательнаго распоряженія ими въ случаѣ выморочности: «а не будетъ у тебя дѣтей, и тобѣ, моему брату своей отчвыи не отдати и в котор оу и а тростью у мимо меня, великаго князя». За то и великій князь, обяжу брата «не хотѣти» великаго княженія похъ собой и своими дѣтymi, обѣщаетъ ему: «а не будетъ у меня дѣтей, и матъ, великому князю, великимъ княженіемъ благословити тоба, своего брата». Составители договора судятъ правильно, полагаа, что отчужденіе «удѣла» на сторону мимо братьевъ, возможно только «хитростью» (вольной или, какъ увидимъ, чаще вынужденной). Новая отношенія и понятія сказыались въ томъ же договорѣ значительной силой великаго князя и политическимъ приращеніемъ младшаго брата, за которымъ лѣтъ слабыя остатки

но со значительным усилением великокняжеской власти над младшим братом, князем на Старой Рязани.

Договор этот относится къ послѣднимъ годамъ жизни и княженія в. к. Ивана Васильевича и, подводя итогъ отношеній, сложившимся между князьями-братьями, имѣлъ, повидному, главной цѣлью обезпечить за ними наследственное обладаніе ихъ владѣніями, а прежде всего, переходъ въ случай выморочности, великаго княженія къ брату Федору, а его владѣній къ в. к. Ивану. Но было уже поздно. Никакія политическія и владѣльческія соглашенія рязанскихъ князей не могли создать препону для московской политики ¹⁾, послѣдовательно завершаемой Иваномъ III.

Со времени ликвидаціи смуты, потрясшей Москву при Василии Темномъ, рязанскихъ князьямъ ничего не оставалось, какъ быть «покорными слугами» великихъ князей всея Руси. Рязанскій великій князь Иванъ Васильевичъ былъ связанъ съ московской властью договоромъ, какой заключать въ первый же годъ его княженія ²⁾. Рязанскій князь признавалъ «стар-

участіе въ княжеской власти. Утверждая свое одиначество (взаимное), братья не соблюдаютъ въ немъ равенства; они обязуются „не каячватъ, ни сызлатъ“ ни съ кѣмъ другъ безъ друга, но младшій обязуется сложить все свои сепаратныя „дѣлованыя“ и быть всецѣло въ опекѣ старшаго, который общааетъ его „жаловати и печаловати имъ и его отчювомъ“; обязуется младшій братъ „пойти безъ ослушаванъ“, куда его пошлетъ князь великій (при этомъ—теряетъ живой смыслъ сохраненная въ договорѣ формула о „встананіи на конь“ обокъ князей и посылкѣ воеводъ, если великій князь самъ не выступаетъ). Участіе княжого Федорова „третчика“ въ судѣ великокняжескаго наместника надъ Переяславцами сведено, по существу, къ тому, что третникъ „смотреть своего прибытка“; за то младшій братъ не судитъ въ Переяславѣ своихъ людей „въ душегубствѣ и въ разбон и въ татѣхъ съ поличимымъ“, а великому князю въ этихъ дѣлахъ и въ „протоможнѣ и въ каковѣ дѣлѣ ни буди“ люди князя Федора „судити и казнити воля во всемъ“. Важнѣе, чѣмъ прямое участіе младшаго князя въ управленіи княжествомъ, взаимное договорное обязательство „новыхъ пошанихъ не замышлати“, не нарушать церковныхъ и монастырскихъ привилегій, боярскаго землевладѣнія и боярскихъ правъ. Князь Федоръ—на рубежѣ между положеніемъ „удѣльнаго“ князя и привилегированнаго крупнаго землевладѣльца-служилцаго князя. Тексты позднихъ договорныхъ грамотъ, подчленивъ старымъ формуламъ, сохраняютъ иногда формулы, уже не соответствующія дѣйствительности, имъ современной: примѣръ въ данномъ договорѣ—слова „а Орды знати и вѣдати мнѣ, великому князю“, „а имати ми у тебя выходъ“ и „а коли язъ, князь великій, въ Орду не дамъ“. Странно было бы заключить, что въ 1406 г. рязанскій князь уплачивалъ выходъ „въ Орду“; дѣло поясняется тутъ же упоминаемымъ о „царевичемъ асакѣ Сатыгановомъ или кто иной царевичъ будетъ на томъ мѣстѣ“, т. е. о „асакѣ“, какой шелъ съ Рязанской земли наемными татарамъ со времени в. к. Василия Темнаго.

¹⁾ Ср. замѣчаніе Д. И. Иловайскаго (указ. соч., стр. 148), что „въ дѣйствительности имѣли силу разнѣ только экономическія статьи договора, а въ дѣлахъ политики оба князя были покорными слугами Ивана III“.

²⁾ С. Г. I. и Д., т. I, № 115 и 116: „дѣлѣ грамоты утвержденныя великаго князя Ивана Васильевича большаго съ княземъ Иваномъ Васильевичемъ меньшимъ“.

шники братьями» обогать великих князей—Ивана III и его сына, Ивана Ивановича, обязался быть с ними «за одинъ» и на Литву, и на татары, отступался въ пользу Москвы отъ всѣхъ притязаній на ея захваты и приобрѣтенія къ югу отъ Оки. И на дѣлѣ «меньшой» Иванъ, сохраняя въ договорѣ съ братомъ Федоромъ видимость своего великокняжескаго достоинства, словно даже окрѣпшаго, оставался покорнымъ московскимъ подручанкомъ. Рязанская рать ходила въ московскій походъ противъ Литвы¹⁾, а въ мирномъ договорѣ съ в. к. Иваномъ III литовскій великій князь Александръ пшеть²⁾ рязанскихъ князей, в. к. Ивана и его брата Федора, съ нѣмъ владѣніями «въ сторонѣ» в. к. Ивана III, обязуясь всѣ столкновения съ ними передавать для «направы» московскому великому князю. Рязанскіе «сестричичи» великаго князя Ивана III были вполнѣ въ его рукахъ, тѣмъ болѣе, что жива была и мать ихъ, московская княжна Анна Васильевна (ум. 1503 г.). Въ 1500 г. умеръ в. к. Иванъ рязанскій, оставивъ на столѣ великаго княженія пятнадцатилѣтняго сына Ивана. А дядя его, кн. Федоръ, скончавшійся въ 1503 г., «далъ свою отчину» в. к. Ивану III, который въ своей духовной отдастъ ее сыну Василию³⁾. Фактически Рязанское великое княженіе во власти московскихъ государей съ конца XV в., а исторія послѣдняго рязанскаго великаго князя, закончившаяся упраздненіемъ особаго княженія на Рязани,—есть исторія «крамомы» подручнаго князя противъ великокняжескаго влады, уже овладѣвшей всѣмъ управленіемъ и всей ратной силой на рязанской украинѣ Великороссіи.

¹⁾ Когда Вортымскіе князья, отбѣгая къ Москвѣ въ 1493 г., «засѣли на великаго князя нима» Серпейскъ да Мезецкъ, а в. к. литовскій отправилъ своихъ воеводъ на выручку этихъ городовъ, в. к. Иванъ Васильевичъ «послалъ противу нѣмъ сестричича своего князя Федора Васильевича рязанскаго», своихъ воеводъ и «великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича воеводу Ишку Имамалова съ силою», П. С. Р. Л., т. IV, стр. 181; т. XVIII, стр. 277; т. XII, стр. 234.

²⁾ С. Г. Г. в Д., т. V, № 29 (1494 г.), согласно договору 1493 г., гдѣ Иванъ III обязался при докончаніи съ в. к. литовскимъ «писать» рязанскаго князя, что онъ съ нимъ «одинъ человекъ».

³⁾ С. Г. Г. в Д., т. I, № 144: «а что ми далъ сестричичъ мой князь Федоръ Васильевичъ рязанской свою отчину на Рязани въ городѣ и на посаде свой жеребей и Старую Рязань и Перевитеськъ съ волостями... потому, какъ ся дѣлалъ съ своимъ братомъ со княземъ съ Иваномъ, и язъ ту его вотчину... со всѣмъ по тому, какъ было за княземъ за Федоромъ, давъ сыну своему Василию». Возможно, что эта «дача» была оформлена духовной грамотой князя Федора, но видѣть тутъ актъ свободнаго распоряженія «удѣломъ», какъ «собственностью», никакъ нельзя. Къ этому вопросу вернемся по поводу аналогичныхъ случаевъ въ московской практикѣ XV вѣка.

ГЛАВА VII.

Нижегородское великое княжество.

Историческія судьбы Рязанскаго княжества, бурныя и тревожныя, такъ сложившяся—подъ тягостнымъ давленіемъ его положенія между татарами, Москвою и Литвой,—что внутренній политическій строй этого «великаго княженія» не смогъ опредѣлиться въ сколько-нибудь устойчивыхъ формахъ: объ «удѣльномъ» (въ точномъ значеніи термина) строѣ Рязанской земли говорить, собственно, и не приходится. Но если по отношенію къ Рязанскому великому княжеству причиной представленія о невыработанности его внутренняго строя можетъ на дѣлѣ оказаться просто наша неосвѣдомленность о рязанскихъ дѣлахъ и междукняжескихъ отношеніяхъ, по недостатку данныхъ въ сохранившихся источникахъ, то такое же представленіе прикѣпительно къ Нижегородскому великому княжеству имѣетъ болѣе естественное и надежное объясненіе въ скоротечности его бытія, протекавшаго, кромѣ того, въ крайне бурныхъ и напряженныхъ условіяхъ.

Положеніе историка передъ историческими судьбами великорусской восточной окраины—не лучше, чѣмъ въ изученіи рязанской исторіи: данныя источниковъ лѣтописныхъ сводовъ—отрывочны, спутаны и сбивчивы, и, во многомъ, крайне недостаточны. Темна и трудно выяснима исторія самого образованія той территориально-политической единицы, центромъ которой сталъ въ серединѣ XIV вѣка Нижній Новгородъ. Въ составѣ этой территоріи только Суздаль—старинный городъ, съ крупнымъ историческимъ прошлымъ. Остальное, повидному, «княжескіе» города, укрѣпленные пункты, возникшіе ради опредѣленныхъ стратегическихъ цѣлей. Таковы, прежде всего, тѣ пункты, которыми въ лѣтописныхъ текстахъ, обычно, опредѣляется, какъ и Суздальскъ, вся территорія—Городецъ на Волгѣ и Нижній. Волжскій Городецъ—старше Нижнего. Первое лѣтописное упоминаніе о немъ относится къ 1172 году, и построены оны, вѣроятно, либо Всеволодомъ Юрьевичемъ или Андреемъ Боголюбскимъ, либо еще ихъ отцомъ, Юріемъ Долгорукимъ. Въ XII и началѣ XIII-го вѣка Городецъ—опорный пунктъ поволжскихъ отношеній и дѣйствій влади-

и́рскихъ великихъ князей¹⁾. Тоже значеніе «устья Оки» вызвало постройку гутъ въ XIII в. Нижняго Новгорода.

Когда в. к. Святославъ Всеволодовичъ «сыновца свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отецъ урядилъ Ярославъ», князь Андрей Ярославичъ получилъ въ свою долю—Городецъ Воляскій и Нижній Новгородъ; на эти города, какъ на свою отчину, онъ возвращается изъ за моря въ 1256 г., послѣ прикренія съ братомъ Александромъ, и получаетъ въ обладаніе Суздаль. Но такое соединеніе владѣній въ рукахъ князя Андрея не создало «суздальско-нижегородскаго княжества». Возможно даже, что князь Андрей получилъ Суздаль не въ придачу къ Городцу и Нижнему Новгороду, а знаи́тъ ихъ: такое предположеніе сдѣлало бы болѣе понятной дальнѣйшую судьбу этихъ послѣднихъ и отвѣчало бы ихъ особому значенію для великокняжеской власти. Лѣтописные своды именуютъ князя Андрея (съ 1256 г.) суздальскимъ, и въ Суздальѣ мѣсто его погребенія; на Суздальѣ—своей отчинѣ—вляжеть в. к. сынъ его: Юрій, затѣмъ Михаилъ и Василій²⁾. Но Городецъ и Нижній не вошли въ составъ ихъ отчины³⁾. По нашимъ источникамъ невозможно опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ перешли они во владѣніе князя Андрея Александровича. Ближайшее отношеніе Андрея Александровича къ Городцу, какъ «городецкаго» князя, устанавливается только извѣстіемъ о его погребеніи: «и везше положиша его на Городцѣ въ перкии святаго Михаила Архангела»⁴⁾. Но князь Андрей не сталъ «судальнымъ» городецкимъ княземъ; мы видимъ его почти непрерывно либо въ борьбѣ за великое княженіе, либо великимъ княземъ. А сыновей онъ не оставилъ, и поэтому вопроса о вотчинѣ его потомства не возникло. Не располагаемъ также никакими данными для какого-либо владѣнія

¹⁾ Въ 1172 г. князь Мстиславъ Андреевичъ, сынъ Боголюбскаго, идетъ съ Городца къ устью Оки на соединеніе съ муромскою и рязанскою ратью въ походъ на болгаръ. На «устѣ Оки» соединяются русскія военныя силы для похода на болгаръ въ 1220 г., а возвращается князь Святославъ Всеволодовичъ во Владимиръ на Городецъ (до Городца шли Волгой въ лодьяхъ, а отсюда во Владимиръ на коняхъ); на Городцѣ стоитъ в. к. Юрій Всеволодовичъ, собирается въ новую походъ противъ болгаръ, принимаетъ тутъ болгарскихъ пословъ и заключаетъ съ ними миръ.—Лавр. лѣт., стр. 345; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 68; стр. 126—128. И позднѣе обмечетъ путь на Городецъ внизъ по Волгѣ и обратно съ Волги; но Городецъ, тѣсно связанный съ «устьемъ Оки» въ своей стратегической роли, уступаетъ съ XIII-го вѣка почти все свое значеніе Нижнему Новгороду, основанному в. к. Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1221 г. Воляскій Городецъ—имѣѣ село Балахнинскаго уѣзда.

²⁾ См. выше, стр. 62—63 и 98.

³⁾ Вопреки утвержденіямъ, весьма обичайнымъ, А. В. Экземплярскаго (т. II, стр. 390—396).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 175; «положенъ бмсть на Городцѣ въ перкии святаго Михаила»—т. XVIII, стр. 66; «положенъ бмсть на Городцѣ»—Новг. I, стр. 309; т. VII, стр. 194.

его Нижнимъ Новгородомъ, кромѣ великокняжескаго. И великокняжескіе бояре, утвердивъ на великомъ княженіи тверскаго князя Михаила Ярославича, пытаются удержать за нимъ Нижній Новгородъ. Надо, повидному, признать, что Нижнимъ Новгородомъ (а также и Городцомъ?) успѣлъ овладѣть московскій князь Юрій Даниловичъ, соперникъ тверскаго Михаила въ стремленіи къ великокняжеской власти, или же предположить, что суздальскіе князья возобновили свои отчужденныя права на Нижній и дѣйствовали, притомъ, на сторонѣ князя Юрія противъ Михаила Ярославича¹⁾: Михаилъ Нижнимъ не овладѣлъ, при его сыновьяхъ споръ Твери съ Москвою закончился тѣмъ, что великое княженіе досталось въ 1328 году Ивану Калитѣ, а «Володимерь и Поволжіе» достались суздальскому князю Александру Васильевичу²⁾. Этотъ моментъ и надо признать моментомъ образованія территоріи Нижегородскаго великаго княжества, окончательно сложившагося при Александромъ братѣ Константиномъ.

Мы видѣли, что Александръ Васильевичъ стремился къ большому, пытался утвердить за собой обладаніе Владиміромъ и его областью, сдѣлать ихъ накрѣпко со своими суздальскими владѣніями, которыя охватывали бы всю восточную Великороссію, суздальско-нижегородское Поволжье. Но по его смерти владимірская, великокняжеская территорія отошла къ в. к. Ивану Калитѣ. Столъ Суздальскаго княженія перешелъ къ его брату Константину.

Константинъ Васильевичъ и явился организаторомъ Нижегородскаго великаго княжества. Для времени съ 1332-го по 1340 годъ наша лѣтописные своды не даютъ отчетливыхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ суздальскомъ Поволжьи. Никоновская лѣтопись ведетъ счетъ годамъ княженія Константина Васильевича только съ момента кончины Калиты, и это обстоятельство, какъ и случайное упоминаніе той же лѣтописи, что князь Симеонъ Ивановичъ былъ въ Нижнемъ во время кончины и погребенія отца, наводитъ нашихъ историковъ на заключеніе, что только съ этой поры Константинъ сталъ «княземъ великимъ суздальскимъ, нижегородскимъ и городец-

¹⁾ Ср. А. В. Эвемширсаго, т. II, стр. 398—399.

²⁾ См. выше, стр. 138—140.—Съ вопросомъ о „суздальско-нижегородской“ территоріи, которая сложилась не въ порядкѣ удѣльно-вотчиннаго выдѣла, а болѣе сложнымъ путемъ комбинаціи владѣльческо-политическихъ, связанна и территориальная судьба Суздальской епархіи. Для свѣдѣній о ней за XIII в., весьма неполныхъ, см. Покровскаго „Русскія епархіи въ XVI—XIX вв.“, т. I, стр. 219—221. Епархія эта суздальско-владимірская сохраняетъ связь съ Владиміромъ (см. тамъ-же, стр. 220, прим. 1); когда митр. Максимъ перенесъ митрополичью резиденцію во Владиміръ, онъ „сѣде въ Володимери и въ Суздалѣ и въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ и прочая тамо прилежащая мѣста, а Семіона володимерскаго посла въ Ростовъ и даде ему Ростовскую епископью“. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 172). Суздальская епархія стала митрополичьей. Первое извѣстіе о поставленіи на Суздаль особаго епископа встречаемъ только подъ 8855—1347 годомъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 210; т. X, стр. 218).

князь». Если принять этот вывод из данных, более чѣмъ скудных, то Нижегородское великое княжество придется признать окрѣпшамя и формально сложившамя въ силу данскаго пожалованія и соглашенія между князьями на «великомъ съѣздѣ» всѣхъ князей въ Москвѣ въ 1341 г. ¹⁾ Вскорѣ возродилась и особая суздальская епископія ²⁾. Возрожденіе мѣстной политической жизни въ серединѣ XIV вѣка въ восточной украинѣ Великороссіи неразрывно связано съ ея боевымъ и колонизаціоннымъ значеніемъ. Во второй половинѣ XIII в. и въ первой четверти XIII-го шла упорная борьба морды съ русскимъ наступленіемъ. Борьба эта прервана и подавлена татар-

¹⁾ Сообщенія Никоновской лѣтописи, что Симеонъ Ивановичъ не былъ на погребеніи отца, «покаже въ то время былъ въ Новгородѣ въ Нижнемъ» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 211 — подъ 6848 г.), само по себѣ не можетъ служить свидѣтельствомъ о прямой великокняжеской или московской власти въ Нижнемъ: кн. Симеонъ могъ быть въ Нижнемъ проездомъ въ Орду или обратно или по иному поводу. Однако, Никоновская лѣтопись при сообщеніи о кончинѣ князя Константина Васильевича (подъ 6863—1355 г., т. X, стр. 228) считаетъ, что онъ княжилъ «лѣтъ 15», т. е. съ 1340—41 г., со времени смерти Калиты (тоже и въ Симеоновской — П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 99). Это дало П. И. Мельякову (въ статьѣ: «Нижегородское великое княжество» — въ «Нижегородск. губерск. вѣдомостяхъ» за 1847 г., №№ 3 и 4), а за нимъ Храмовскому («Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго Новгорода», т. I, стр. 14) утверждать, что до 1340 г. Нижнимъ владѣлъ Симеонъ. Ср. колебанія А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 398, прим. 115, стр. 400 и 403, прим. 1131. — Счетъ Никоновской лѣтописи не можетъ быть точнымъ: княжилъ Константинъ, хотя бы на Суздаль, во всякомъ случаѣ болѣе 15 лѣтъ: сама Никоновская знаетъ объ участіи Константина Васильевича суздальскаго въ походѣ Толубія и в. к. Ивана Калиты подъ Смоленскъ въ 1339 г. (т. X, стр. 211), и отрицать суздальское княженіе Константина съ 1332 г. лѣтъ основанія А. В. Экземплярскій склоняетъ такъ повѣсть счетъ его княженія въ 15 лѣтъ, что «Никоновская лѣтопись беретъ только послѣдніе 15 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ онъ былъ княземъ не только суздальскимъ, но и нижегородскимъ», и признаетъ, что «все Суздальско-нижегородское княжество Константинъ получалъ по смерти Калиты, когда всѣ русскіе князья были въ Ордѣ вмѣстѣ съ в. к. Симеономъ» (ср. у Храмовскаго: «Симеонъ получилъ ярлыкъ на великокняжество Владимірско-Московское, а Константинъ на Суздальско-Нижегородское»; не это ли утвержденіе Храмовскаго разумѣетъ Экземплярскій подъ смысломъ на «нѣкоторыя вѣвѣстія» — т. II, стр. 400?).

²⁾ Образованіе Суздальско-нижегородскаго княжества отразилось и въ строгъ церковнаго управленія: въ 1347 г. митр. Боговость ставитъ Нафанана на Суздальскую епископію (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 210; т. X, стр. 218). Покровский («Русскія епархіи», т. I, стр. 222, прим. 2) сомнѣвается, чтобы при этомъ возстановленіи суздальской епархіи въ ней были причислены Нижній Новгородъ и Городецъ, а предполагаетъ, что Нафананъ былъ поставленъ только на Суздаль, Нижнимъ же и Городцомъ управлялъ иныи въ качествѣ митрополитичьяго наместника. Это послѣднее предположеніе вѣрнано только желаніемъ смягчить смыслъ дѣйствія митр. Алексія, который позднѣе, ради цѣлей политическихъ, «отня епископію новгородскую и городецкую отъ владыки суздальскаго Алексія»; таково сообщеніе лѣтописи (Никоновской, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 5), которая епископа Алексія называетъ «суздальскимъ и новгородскимъ и городецкимъ» (тамъ же, стр. 4).

скими нашествиями. Русь подчинилась власти золотоордынских ханов, а хорда и Камская Болгария покорены татарской властью. Но пережитая угроза нашествия, установился новый уклад жизни—и вопросы земельного захвата, торговли, взаимных нападений и столкновений стали с новой силой волновать Поволжье. Пограничное положение Нижнего Новгорода на рубежах русского и ипородческого мира придало ему исключительное стратегическое и административное значение и рано развило его роль как центра поволжской торговли. Великорусский центр, слагавшийся в Москвѣ, еще не окрепъ въ достаточной мѣрѣ, еще слишкомъ поглощенъ иными, преимущественно западными дѣлами и сложными отношениями внутри страны и къ Золотой Ордѣ, чтобы тратить много силъ и вниманія на дѣла восточной окраины. Въ такихъ условіяхъ слагается, хоть и невадого, крупное самостоятельное значение Нижнего Новгорода и водворившейся въ немъ княжеской власти.

Въ серединѣ XIV вѣка это значение Нижнего Новгорода, какъ опорного пункта великорусскаго движенія на востокъ, которое было приостановлено въ условіяхъ предыдущей эпохи и постепенно возрождается, явственно выступаетъ сквозь отрывочныя и скудныя извѣстія нашихъ источниковъ о нижегородскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Въ 1350 году князь Константинъ Васильевичъ заложилъ въ Нижнемъ Новгородѣ храмъ Преображенія Господня, т. е. началъ отстраивать заново Преображенскій соборъ, построенный в. к. Юриемъ Всеволодовичемъ въ двадцатыхъ годахъ XIII-го вѣка. Согласно нижегородскому преданію, Константинъ перенесъ въ этотъ храмъ старинную, вывезенную изъ Греціи, икону св. Спаса ¹⁾. Этотъ актъ перковнаго строительства связавъ съ перенесеніемъ старшаго стола Суздальскаго княженія изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ ²⁾. Мѣстная традиція сохранила память о князѣ Константинѣ, какъ дѣятельномъ колонизаторѣ нижегородскаго края: «и повелѣ русскимъ людямъ селиться по Окѣ и по Волгѣ и по Кудьмѣ рѣкомъ и на мордовскихъ селеніяхъ, гдѣ кто

¹⁾ Въ „Нижегородскомъ летописцѣ“ (изд. А. С. Гадисскаго, Н.-Н., 1886 г., стр. 4): „и въ ту церковь принесенъ бысть изъ Суздаля образъ св. Спаса верукотвореннаго“. Ошибочная хронологія Нижегородскаго летописца (1252—8760 г. вм. 1352) и имя князя (Константинъ Юрьевичъ вм. Васильевичъ) не вызываютъ сомнѣній, что рѣчь идетъ объ извѣстномъ, относящемся къ середнѣ XIV в. и къ дѣятельности князя Константина Васильевича; за этими извѣстіями идетъ рѣчь о князѣ Дмитріи Константиновичѣ, современникѣ Дюнскаго, а даты опять ошибочны: 1303 г. (6811) и т. д.

²⁾ Точнаго извѣстія о водвореніи стольскаго княженія въ Нижнемъ-Новгородѣ наши источники не сохранили, какъ нѣтъ упоминанія о немъ и въ „Нижегородскомъ летописцѣ“, который даетъ нѣкоторыя указанія, заслуживающія вниманія, хотя источники этой весьма путанной и поздней компіляціи не поддаются выясненію. Храмовскій („Краткія очерки исторіи и описанія Нижняго-Новгорода“, ч. I, 1857 г.) отвесъ „перенесеніе престола“ изъ Суздаля въ Нижній Константинъ Васильевичемъ въ 1350 году (стр. 15), а за нимъ и Экземплярскій (т. II, стр. 401).

похощеть»¹⁾. Его воюость—съ Нижнимъ Новгородомъ, Суздалемъ, Городецомъ, Юрьевомъ поволжскимъ, Шуей, Березцомъ на устьѣ Клязьмы, стала обороной Великороссіи отъ ивородческой силы и организующимъ этапомъ въ восточномъ движеніи великорусской колонизаціи. Въ этомъ значеніи своимъ Нижегородское великое княжество, подобно Рязани, явилось своего рода форпостомъ Великороссіи и нуждалось, не мѣше Твери или Рязани, въ поддержкѣ всей великорусской силы. Въ такомъ соотношеніи окраинныхъ и центральныхъ областей Великороссіи можно видѣть реальную основу попытокъ носителей мѣстной великокняжеской власти добиться великаго княженія Владимірскаго и всей Руси. Неразрѣзность великорусскаго великаго княженія отъ обладанія Владиміромъ выступила съ новой наглядностью въ исторіи суздальскаго князя Александра Васильевича, и Константинъ, при первой возможности, «сперся о великомъ княженіи» съ московскимъ княземъ. Произошло это тотчасъ послѣ кончины в. к. Симеона. Выступая соперникомъ московскаго князя Ивана Ивановича, Константинъ Васильевичъ завязалъ отношенія и съ Лятовой, и съ Великимъ Новгородомъ. Въ 1354 г. состоялся бракъ его сына Бориса съ дочерью в. к. Ольгерда, а новгородскіе послы поддерживали въ Ордѣ передъ ханомъ его домогательство Владимірскаго великаго княженія²⁾. На этотъ рялъ московское вліяніе одоѣло: «ве послуша ихъ царь» и далъ ярлыкъ на великое княженіе князю Ивану. Его противники смирились не сразу, но слѣзъ на борьбу у нихъ не было, и пришлось идти на миръ. Примиреніе князя Константина съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ состоялось незадолго до его смерти, и тогда же помирились съ великимъ княземъ новгородцы³⁾. Лѣтописная запись поминула князя Константина тѣмъ, что онъ «княжилъ лѣтъ 15, честно и гровно боронилъ отчину свою отъ сильныхъ князей и отъ татаръ»⁴⁾. А послѣ его кончины сынъ его князь Андрей поѣхалъ въ Орду, и ханъ «даде ему стогу отда его, княженіе Суздальское и Нижній Новгородъ и Городецъ»⁵⁾. На съѣздѣ съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ въ Переяславѣ князь Андрей прызвалъ

¹⁾ «Нижегородскій лѣтописецъ», изд. Гацисскаго, стр. 2—3.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 217; т. VIII, стр. 9; т. X, стр. 227.

³⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 228, «того же лѣта (6863) князь велики Иванъ Ивановичъ взя любовь со княземъ Константиномъ Васильевичемъ суздальскимъ» (только въ Никонской). Тамъ же, стр. 226: «новгородцы же тогда пребыша съ нимъ (в. к. Иваномъ) не въ миру покура года, но ала не бысть ничтоже» и стр. 228: «того же лѣта новгородцы смиршася съ великимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, звукомъ Давидомъ».

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 228.

⁵⁾ Тамъ-же. Ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10: «и взя степень отца своего, Суздаля и Новгородъ Нижней и Городецъ, и приде въ Русь въ свою отчину съ похолованіемъ отъ царя и сѣде на княженіи Суздальскомъ»; т. XVІІІ, стр. 99: «приде изъ Орды князь Андрей Константиновичъ суздальскій и сѣде на княженіи въ Новгородѣ въ Нижнемъ».

себя «братомъ молодшиимъ» великому князю и принять нѣ въ мирное докончаніе ¹⁾. Миръ съ Москвой и отказъ отъ соперничества съ нею—быть можетъ, какъ продолженіе и утверженіе той «любви», какую «взялъ» его отецъ, князь Константинъ Васильевичъ, съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ,—остались характерной чертой княженія Константиновича Андрея ²⁾. Но и въ Суздальско-Нижегородскомъ великомъ княжествѣ и внѣ его еще бродили слухи и настроенія, враждебныя великокняжескому значенію Москвы. Во главѣ ихъ попытался стать братъ Андрей Дмитрій Константиновичъ.

Вѣроятно, по отцовскому «ряду» братья в. к. Андрея, занявшаго «степень» отца, получая въ удѣлы отчины своей—Дмитрій Константиновичъ Суздаль, а Борисъ Городецъ ³⁾. Не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о «рядѣ», какой, надо полагать, далъ сыновьямъ Константинъ Васильевичъ, ни о договорныхъ соглашеніяхъ между братьями Константиновичами. На дѣлѣ старшинство во ихъ братской семьѣ не утвердилось за Андреемъ Константиновичемъ. Засилье московской власти, нависшее надъ ихъ отчиной, искажало въ корень суздальско-нижегородскія отношенія. Братья дѣйствуютъ врозь и каждый ведетъ свою особую политику. Смуты въ Золотой Ордѣ сильно осложнили положеніе великокняжеской власти и создавали новыя возможности для смѣлыхъ проясковъ русскихъ князей, разрушая всякую

¹⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 228 (Софійская I, списокъ Царскаго: „въ лѣто 6864 съѣздъ бысть въ Переяславѣ великому князю Ивану Ивановичю съ княземъ Андреемъ Константиновичемъ; и дары многи и честь сотвори брату своему молодшему и отпусти его съ миромъ“).

²⁾ Лѣтописные своды характеризуютъ Андрея Константиновича, какъ князя „благовѣрнаго и смиреннаго“ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 103), „кроткаго и тихаго и смиреннаго и многодобрѣтельнаго“ (т. XI, стр. 4; ср. стр. 3: „бысть же сей князь духовенъ зѣло и многодобрѣтеленъ“).

³⁾ А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 404) полагаетъ, что эти удѣлы младшимъ братьямъ „далъ“ Андрей Константиновичъ; осторожнѣе допустить отцовское уращеніе, хотя и о немъ нѣтъ упоминанія въ источникахъ. О четвертомъ сынѣ князя Константина Васильевича—Дмитріи Ногтѣ см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 432—433: повидному, слѣдуетъ признать предлагаемую А. В. Экземплярскимъ датировку грамоты суздальскому Васильевскому монастырю 6861 годѣмъ и его выводъ, что Дмитрій умеръ раньше отца, въ 1362—53 г. Упоминаніе о второмъ Дмитріи Константиновичѣ въ Николовской лѣтописи подъ 6883 г. самой формой своей: „со княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ Ногтемъ Суздальскимъ“ даетъ поводъ отнести его къ вставкѣ изъ родословнаго источника (въ перечнѣ князей-участниковъ тверскаго похода въ Воскресенской лѣтописи, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22, этого Дмитрія нѣтъ, но онъ имѣется въ видѣ „князя Дмитрія Новгородскаго“ въ Тверской, т. XV, стр. 435); такой же ошибочной вставкой слѣдуетъ признать его имя подъ 6875 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 9; т. XVIII, стр. 106; Воскресенская (т. VIII, стр. 14) и тутъ же даетъ этого имени. Возможно, что тутъ на лѣтописаніи отразилось построеніе въ короткихъ чертахъ биографіи князя Дмитрія Ногти, отъ котораго черезъ его сына Юрія (другимъ источникомъ неизвѣстнаго) вели свою родословную князья Ногтевы, въ этой ихъ родословной.

устойчивость сложившихся политических отношений. Смерть в. к. Ивана Ивановича (въ ноябрѣ 1368 г.), и переходъ его наслѣдія къ малолѣтнему сыну Дмитрію неизбежно усиливали смуту этихъ отношений. Одновременно ослабили оба ихъ основныхъ устой—значение ханскаго «пожалованія» и собственная сила носителя великокняжеской власти. Быстрая и кровавая смѣна хановъ Золотой Орды послѣ убійствъ Бердибека привела къ власти хана Кулпу, затѣмъ, черезъ полъ-года, Науруса, а весной 1360 г.—Хидыря. Русскія князьня въпродолженіе считались съ такимъ шатаемъ власти, утверждавшей за ними ихъ владѣнія. Строй русскаго улуса, только что утвержденный Наурусомъ¹⁾, подвергая сильному потрясенію, когда власть перешла къ хану Хидырю²⁾. Этотъ ханъ далъ ярлыкъ на великое княженіе Владимір-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10—11: „и съде Наурусъ на царствѣ, и поидоша къ нему въ Орду вси князи русскіи и бысть раздѣлъ въ Ордѣ княженіемъ ихъ, и придоша койждо въ свою отчину“; то же т. XVIII, стр. 100 („и бысть имъ въ Ордѣ раздѣлъ княженіемъ ихъ, и который же сихъ по времепомъ своимъ возвратишася въ своиа, и кой же ихъ приде въ свою отчину“). Никонская лѣтопись даетъ новую редакцію этого извѣстія, которая болѣе опредѣленно указываетъ на какіе-то княжескіе споры о волостяхъ, разрѣшенныя ханомъ: „того же лѣта поидоша въ Орду къ новому царю Наурусу вси князи русскіи и быша челомъ царю о раздѣленіи княженей ихъ; и тако смири ихъ и раздѣлъ положи княженіемъ ихъ, и знати имъ комуждо свое княженіе и не преступати; и тако раздѣлъ ихъ кожеждо хотчашу его и отпусти ихъ съ миромъ и съ честію“, т. X, стр. 231. Повидному, передъ нами три сокращенныя передачи общаго, болѣе обстоятельнаго сообщенія о томъ, какъ смерть в. к. Ивана и смѣна хановъ тотчасъ подыали раздоры между князьями о волостяхъ; къ сожалѣнію, точнѣе о нихъ ничего не знаемъ.

²⁾ Вѣрное указаніе на послѣдовательность событій въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 11): весной 1360 г. „приде на царство Волжское явкій царь съ востока, именемъ Хидырь, и бысть леть въ князехъ ордынскихъ, и убилъ бысть царь Наурусъ, а Хидырь съде на царство и дасть княженіе великое князю Дмитрію Константиновичу суздальскому“; то же въ „Лѣт. по амад. сласку“, над. при Лаврентьевской, стр. 504; ср. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 426). Въ Троицкой (вѣроятно, запись московской княжеской лѣтописи)—сперва идетъ сообщеніе о приходѣ изъ Орды Дмитрія Константиновича на великое княженіе, а затѣмъ (и то, и другое „то же весной“) о Хидырь и убійствѣ Науруса (т. XVIII, стр. 100). Подъ вліяніемъ этого источника и собственного недоумѣнія, какъ могъ второй Константиновичъ получать ярлыкъ на великое княженіе мимо старшаго брата, Никонская лѣтопись даетъ такой текстъ: „того же лѣта князь суздальскій придоша въ Орду къ царю Наурусу, князь Андрей Константиновичъ, звать Васильевъ, и братъ его князь Дмитрій Константиновичъ, и приагъ ихъ царь Наурусъ съ честію, и даде великое княженіе Володимирское князю Дмитрію Константиновичу суздальскому не по отчнѣ, ни по дѣднѣ; а преже, добавляетъ княжикъ, царь давалъ великое княженіе Володимирское старшешему его брату князю Андрѣю Константиновичу суздальскому, и овъ по то не ался; и тако князь Дмитрій Константиновичъ суздальскій вая великое княженіе Володимирское“ и т. д. Этотъ текстъ—характерная черточка московской историографіи XVI в., а не источникъ для событій XVI вѣка. Свой текстъ Никонская лѣтопись тутъ комбинируетъ изъ двухъ источниковъ: слоднаго съ Троицкой.

ское суздальскому князю Дмитрию Константиновичу; князь Дмитрий съѣзъ на столъ великаго княженія 22 іюня 1360 г., былъ признанъ и митрополитомъ Алексѣемъ, и всѣми князьями, и Великимъ Новгородомъ¹⁾. А тѣмъ временемъ ордынская земля все разрасталась и такъ же уничтожила успѣхи князи Дмитрія, какъ итъ создала. Ханъ Хидырь убить роднымъ сыномъ Темыр-Хозей, а на Темря поднялся темякъ Мамай; казалось, вовсе распадается Золотоордынское царство. Сарайскіе князья признали ханомъ Амурата, Хидырева брата, а Мамай провозгласилъ ханомъ своего ставленника Авдула. Русскіе князья признали власть Амурата: на его судъ переданы князья московскій Дмитрій Ивановичъ и суздальскій Дмитрій Константиновичъ свой споръ о великомъ княженіи. Ханскій ярлыкъ достался московскому Дмитрію, и Дмитрій суздальскій, который было захватилъ Переяславъ²⁾, вынужденъ бѣжать, послѣ долготнаго великаго княженія, въ свой отчужденный Суздаль. Завявъ столъ Владимірскаго великаго княженія, Дмитрій московскій принялъ ярлыкъ на него и отъ Амуратова соперника Авдулы, хана Мамаевой орды. Въ Сараѣ, при дворѣ хана Амурата, приняли эти сношенія в. к. Дмитрія Ивановичъ съ Авдулой, какъ извѣиу, и Амуратъ послалъ съ бѣлозерскимъ княземъ Иваномъ Федоровичемъ и своими посланки ярлыкъ на великое княженіе суздальскому Дмитрію. Дмитрій Константиновичъ вторично замалъ было Владиміръ, но не просаю и двухъ недѣль, какъ московскія войска согнали его со Владиміра, подступили и къ Суздалью

порядокъ наложенія которой принять за порядокъ событій, и сходнаго съ Воскресевской (откуда, напримѣръ, слова „не по отчнѣи, ни по дѣднѣи“—изъ текста, который Никоновская ниже приводитъ; ср. Воскр.: и „приде (Дмитрія) въ Володимѣрь Іюня 22 и сѣде на великомъ княженіи, а не по отчнѣи, ни по дѣднѣи“ и Ник.: „и вѣдѣхъ въ Володимѣрь на великое княженіе за недѣлю до Петрова дни, мѣсяца Іюня въ 22 день, ве по отчнѣи, ни по дѣднѣи“), и дополняетъ ихъ соображеніями книжника-составителя.

¹⁾ „и поставленъ бысть Алексѣй архіепископомъ Новгороду ...митрополитомъ Олексѣемъ воєа Руси, при великомъ князи Дмитріи Константиновичѣ, мѣсяца іюле въ 12 день“ Новг. I, стр. 356; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 63; т. X, стр. 232; въ ту же зиму в. к. Дмитрій сомыаетъ въ Кострому „всѣмъ княземъ съѣздъ“ по дѣлу о выдачѣ ханскому послу новгородскихъ ушкуйниковъ, которые пограбили болгарскій Жукотинъ—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 11; т. XVIII, стр. 100—101; а тотчасъ по посаженіи своемъ на столъ великаго княженія в. к. Дмитрія послалъ въ Новгородъ по слову своихъ и намѣстниковъ, „и послалеша Новгородци намѣстники княжи у себе и судъ имъ даша, домолявся съ княземъ“ (Новг. I, стр. 356; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 63; т. X, стр. 232).

²⁾ В. к. Дмитрія Ивановичъ идетъ съ войскомъ на князя Дмитрія Константиновича къ Переяславу, и тотъ бѣжитъ отсюда далѣе въ Суздаль—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12; т. XVIII, стр. 101. Никоновская (т. X, стр. 232) сохранила указаніе, что Дмитрій Константиновичъ „иде изъ Володимѣря въ Переяславъ и сѣде въ немъ на княженіи“, когда московскіе послы вывели изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе Дмитрію Ивановичу.

и принудили къ миру ¹⁾. Побѣда Москвы была полной; подавлены не только покушенія суздальскаго князя на стогъ великаго княженія; подавлено и враждебное Москвѣ броженіе среди второстепеннаго князья: в. к. Дмитрій Ивановичъ «связъ волю свою» не только надъ суздальскимъ Дмитріемъ, но и надъ Константиномъ ростовскимъ, а князевъ галицкаго и стародубскаго согналъ съ нихъ княженій.

Условія мира между князьями Дмитріями, московскимъ и суздальскимъ, не сохранены нашими источниками, да и все ихъ изложеніе, относящееся къ событіямъ 1363—1365 годовъ, полно недомолвокъ, а мѣстами и спутано въ компицированіи текста лѣтописныхъ сводовъ по разнымъ источникамъ ²⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12, т. XVIII, стр. 102 (дважды—подъ 6871 г., какъ и въ другихъ сводахъ, и подъ 6872 г.); т. XI, стр. 2.

²⁾ Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12—13) даетъ извѣстія въ такомъ порядкѣ: 1) подъ 6871 г.—о посолѣ съ ярлыкомъ в. к. Дмитрію Ивановичу отъ Аудулы; 2) о вторичномъ завітѣи Владиміра Дмитріемъ Константиновичемъ («и тако пребывъ въ Володимери одну недѣлю; слышавъ же се князь великій Дмитрей Ивановичъ и пришедь паки съ братьемъ и съ вои своими и согна его съ Володимера, оны же бѣже въ Суздаль, князь же великій поиде за ними ратью къ Суздалью и вземъ миръ отъиде»); 3) подъ 6872 г.—о морѣ на Русь; 4) «Тоже же амы приде изъ орды отъ царя Азнаа князь Василей Дмитревичъ суздальскій и съ нимъ посолье Урусмаиды, и вынесе великое княженіе отцу своему князю Дмитрею Константиновичу, оны же отступися великаго княженія князю великому Дмитрею Ивановичу»; 4—5) кончина суздальскаго епископа Алексѣя и в. к. Александры (27 декабря); 6) подъ 6873 г.—о построеніи Архангельскаго храма въ Москвѣ; 7) кончина (2 юня) нижегородскаго князя Андрѣя Константиновича—и съде по немъ братъ его Борисъ Константиновичъ въ Новгородѣ; 8) «о спорѣ Константиновичемъ»; 9) набѣгъ Тагая изъ Наручади; 10) посаніеи Бориса Константиновича на Нижегородское княженіе ордынскимъ воюемъ; 11) посольство св. Сергія въ Нижній и 12) походъ на Бориса кн. Дмитрія Константиновича съ московскою ратью и докончаніе мира между братьями. Симеоновская лѣтопись держится, въ общемъ, того же порядка (повторныя извѣстія въ счетъ не идутъ—т. XVIII, стр. 102), но вскрываетъ его ошибочность слѣдующимъ текстомъ: подъ 6872 г. посолъ извѣстія о морѣ на Русь идегъ сообщеніе о полученіи княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ ярлыка отъ тана Азнаа: «оны же еступися княженія великаго князю великому Дмитрею Ивановичу московскому, а испросилъ и ваякъ себя у него оику къ Новгороду къ Нижнему на своего брата Бориса» и т. д., кончая примернымъ братьевъ Константиновичей; а затѣмъ уже идутъ извѣстія о кончинѣ еп. Алексѣя и в. к. Александры, а подъ 6873 г.—объ основаніи Архангельскаго храма и кончинѣ Андрѣя Константиновича. Цѣлво тутъ прямое указаніе на связь между отказомъ Дмитрія Константиновича отъ ярлыка на великое княженіе и его столкновеніемъ съ братомъ Борисомъ—послѣ кончины Андрѣя Константиновича. Тоже соотношеніе событій находимъ и въ Нижегородской лѣтописи, которая, вообще, сохранила извѣстія о нихъ полнѣе и въ порядкѣ, который и слѣдуетъ признать правильнымъ, а именно: 1) подъ 6871 г.—походъ в. к. Дмитрія Ивановича во Владиміръ и посольство отъ Аудулы; 2) посольство Амурата, разгнѣваннаго сношеніями Дмитрія съ Аудулой, къ суздальскому Дмитрію («посолье

Постриженіе, а вскорѣ затѣмъ и кончина в. к. нижегородскаго Андреа Константиновича въ 1365 г. дали толчекъ къ новой вспышкѣ мѣстной смуты. Возникло соперничество двухъ Константиновичей—Дмитрія и Бориса изъ за Нижегородскаго княженія. И это соперничество, какъ прежде борьба за великое княженіе двухъ Дмитріевъ, московскаго и суздальскаго, пталось, въ значительной мѣрѣ, татарской разрухой. На ряду съ борьбой изъ за обладанія ханскою властью въ Золотой Ордѣ, начался ея частичный распадъ; отдѣльные ордынскіе князья «о собѣ пребываху», по выраженію лѣтописца. Такъ Бузатъ-Темаръ захватилъ Великія Болгары и «отнялъ весь Волжскій путь», а князь Тагай властвовалъ въ мордовской землѣ; разблуженная внутреннею анархіею татарская сила двигалась на русскіе предѣлы, и всего болѣе терпѣвъ отъ ея судорожныхъ движеній рязанскія и нижегородскія волости. Центральная ханская власть,

Итакъ да трицать татаринновъ да князь Иванъ Бѣлозерскій*); 3) вторичное вокняженіе Д. К. во Владиміръ; 4) походъ в. к. Дмитрія Ивановича (съ существенными подробностями: князь Дмитрій „бѣжа въ Суздаль, сидѣвъ на великомъ княженіи въ Володимѣрѣ точію дванадцать днй; князь великій же Дмитрей Ивановичъ поиде за нимъ ратью къ Суздалью и стоа ратью со многою силою около Суздаля и все пусто сотвори, и тако князь Дмитрей Константиновичъ, вземъ миръ съ нимъ, поиде изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ къ великому князю Андрею Костантиновичу, къ старшему брату своему, а князь великій Дмитрей Ивановичъ, вземъ волю свою надъ нимъ, възвратися въ Володимѣръ“), причѣмъ въ прямой связи съ этимъ разсказомъ сообщаетъ Никоновская лѣтопись о томъ, какъ в. к. Дмитрій „также и надъ ростовскимъ княземъ Константиномъ взя волю свою“, а князевъ галицкаго и стародубскаго согвалъ съ нѣмъ князевій,—съ заключательной строкой: „тогда вси князи бѣаша въ Новгородъ Нижній къ князю Дмитрею Константиновичу, скорбяще о княженіиъ своихъ“. А подъ 6872 г.—Никоновская даетъ для суздальско-нижегородскихъ дѣлъ только извѣстіе о постриженіи в. к. Андреа Константиновича въ иноческій чинъ; о его кончинѣ сообщаетъ подъ 6873 г., а затѣмъ находимъ интересующія насъ извѣстія въ такой послѣдовательности: 1) о поѣздкѣ въ Орду князя Василія Кирдяны; 2) о столкновеніи Константиновичей изъ за Нижегородскаго великаго княженія (причемъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ еп. Алексѣй, смерть котораго по Воскресенской притлось бы отнести ко времени до кончинъ в. к. Андреа); 3) посажене въ Нижегородскомъ княженіи Бориса Константиновича посломъ ханскимъ; 4) возвращеніе Василія Кирдяны къ отцу съ ярыкомъ отъ царя Азнаа; в 5) отказъ Дмитрія Константиновича отъ великаго княженія: „оуъ же не възхотѣ и ступиса великаго княженія Владимірскаго великому князю Дмитрею Ивановичу московскому, а напросилъ у него смлу къ Новугороду къ Нижнему на своего меншого брата на князя Бориса Константиновича“. Далѣе, существенныя сообщенія Никоновской: 6) о неудачномъ посредничествѣ в. к. Дмитрія Ивановича („посла къ нимъ послы свои, чтобы ся помирили и подѣлялися вотчиною своею; князь же Борисъ не послуша“), 7) „того же лѣта Алексѣй митрополать отня епископію новгородцкѣю и городецкѣю отъ владыки суздальскаго Алексѣя“; 8) о посольствѣ св. Сергія въ Нижній, движеніи ратьвой силы на Бориса и примиреніи князевъ. Затѣмъ только сообщаетъ Никоновская о кончинѣ суздальскаго епископа Алексѣя.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2—5.

ослабѣвшая и растерянная въ рукахъ случайныхъ и недоговѣчныхъ ея обладателей, шла легко на поддержку русской смуты раздачей ярлыковъ претендентамъ на русскія княженія. Князь Борисъ Константиновичъ сумѣлъ найти поддержку въ Ордѣ своему притязанію на Нижній Новгородъ и былъ посаженъ на Нижегородскомъ княженіи ханскими посланцами. А въ Ордѣ при дворѣ хана Азиза былъ въ ту пору сынъ князя Дмитрія Константиновича Василій, прозвищемъ Кардяпа, выѣхавшій къ хану тотчасъ послѣ кончины князя Андрея. Кардяпа вывезъ изъ Орды отцу ярлыкъ на Владимірское великое княженіе; возможно, что тутъ передъ нами осуществленіе одного плана: Борису—Нижній, Дмитрію—великое княженіе всея Руси. Но Дмитрій Константиновичъ, видно, убѣдился въ безнадежности всей этой политической игры. Онъ стремится утвердить за собой великое княженіе Нижегородское, сохраняя въ своихъ рукахъ и Суздаль, а противъ брата ищетъ опоры въ великокняжеской власти и снѣлъ Дмитрія московскаго. Попытка великокняжескаго посредничества между Константиновичами не удалась. Тогда руководитель московской политики митрополитъ Алексій направилъ противъ князя Бориса, отвергшаго вмѣшательство великаго князя въ свои счеты съ братомъ Дмитріемъ, всю силу церковной и свѣтской власти. Нижній Новгородъ и Городецъ изъяты изъ подъ управленія суздальскаго епископа Алексія и подчинены непосредственно митрополиту; въ Нижній посланъ митрополита и великаго князя явился игуменъ Сергій съ зовомъ князю Борису на великокняжескій судъ въ Москву. Новый отказъ Бориса навлекъ церковное запрещеніе на Нижній: игуменъ Сергій «по митрополитичьему слову Алексіеву и великаго князя Дмитрея Ивановича»—затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ Новгородѣ. А, въ то же время, на Нижній двинулись великокняжескія войска вмѣстѣ съ суздальской ратью Дмитрія Константиновича. Князю Борису оставалось только смириться. По докончанію съ братомъ онъ перешелъ на свой городецкій удѣлъ, а Дмитрій Константиновичъ сѣлъ на княженіе въ Нижнемъ Новгородѣ. Водворенный на этомъ княженіи московской помощью, Дмитрій Константиновичъ восстановилъ единство Суздальско-Нижегородскаго великаго княжества. Его столицей былъ городъ—Нижній Новгородъ; въ Суздаль, вѣроятно, правилъ сынъ его Василій Кардяпа ¹⁾; городецкій князь Борисъ Константиновичъ княжилъ подъ рукою брата Дмитрія, участвуетъ въ его походахъ. Но это Нижегородское великое княжество не стоитъ рядомъ съ великимъ княжествомъ Владимірскимъ и всея Руси, а входитъ въ составъ политической системы, во главѣ которой великій князь Дмитрій Ивановичъ. Къ сожалѣнію, среди нашихъ источниковъ нѣтъ его договоровъ съ Нижегородскимъ великимъ княземъ, но фактическія ихъ отношенія, насколько они намъ известны,

¹⁾ Ср. „Нижегородскій летописецъ“, стр. 8: Дмитрій Константиновичъ „пояде изъ Нижняго въ Суздаль къ сыну своему Василію Дмитріевичу“.

дают картину политическаго единенія и подчиненнаго единчества великаго князя нижегородскаго съ великимъ княземъ всея Руси.

Такой укладъ этихъ отношеній обусловленъ самымъ положеніемъ Нижегородскаго княжества на боевой восточной украинѣ Великороссіи. Ослабленіе внутреннихъ связей Владимірско-суздальской Руси и тутъ, какъ на западныхъ и южныхъ предѣлахъ, вызвало тягу къ самостоятельной организаціи мѣстныхъ силъ для противодѣйствія опасному напору враждебныхъ сосѣдей, сохраненія и укрѣпленія позицій, добытыхъ прежней колонизаціей, и ея дальнѣйшаго развитія. Броженіе и начавшійся распадъ инородческаго міра, было спаяннаго татарской властью, только обострили эту опасность и требовали отъ великорусскаго населенія все большаго напряженія силъ для самозащиты, постепенно переходившей въ дальнѣйшее наступленіе. И первые же опыты такой мѣстной политической организаціи неизбежно связались съ потребностью восточной украинны—ищѣть въ тылу надежную поддержку центральныхъ великорусскихъ силъ. Нижегородскіе князья потянулись къ великокняжеской власти надъ всею Великороссіей, къ воскрешенію стародавней, казалось—уже забытой, традиціи Суздальскаго старѣйшинства, а, потерѣвъ неудачу, ищутъ помощи и защиты у новаго центра великорусской силы, у окрѣпшей и властной Москвы. Въ дѣятельности князя Дмитрія Константиновича наглядно и ярко сказались эти условія политическихъ судебъ Нижегородской украинны.

Выходъ изъ смуты былъ данъ только въ примиреніи съ Москвою и въ признаніи ея первенства. Съ московской помощью восстановилъ в. к. Дмитрій свою стольную власть въ Нижнемъ Новгородѣ, и онъ тѣсно примыкаетъ къ великокняжеской власти московскаго Дмитрія, закрѣпивъ эту связь замужествомъ съ нимъ своей дочери Елдокии ¹⁾.

И съ этого момента все опредѣленнѣе выступаетъ въ нашихъ извѣстіяхъ торговая и боевая значительность Нижняго Новгорода. Впрочемъ, состояніе нашихъ источниковъ таково, что нѣтъ возможности ближе присмотрѣться къ внутреннему укладу нижегородской жизни. Такъ свидѣтельствомъ о значительной нижегородской торговлѣ этого времени являются только сообщенія лѣтописцевъ о нападеніяхъ новгородскихъ ушкуйниковъ на кое-какія черты изъ столкновеній русской княжеской власти съ камскими болгарами. Ушкуйники новгородскіе дважды налетали на Нижній при Дмитріи Константиновичѣ. Въ 1366 г. они избili тутъ «множество» татарскихъ торговыхъ гостей (татаръ, бесерменъ и армянь) и мѣстныхъ—нижегородскихъ, разграбили ихъ товары, истребили ихъ суда, а затѣмъ пошамъ внизъ по Волгѣ и въ Каму на грабежъ болгарскихъ городовъ; другой еще болѣе крупный набѣгъ ушкуйниковъ произошелъ въ 70-хъ годахъ:

¹⁾ Свадьба состоялась на Коломнѣ 18 января 1366 г. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 14).

она разграбили Кострому и Нижний Новгородъ, грабили тутъ и «бесерменъ» и хрстіанъ, грабили по Камѣ, и пошли вниязъ по Волгѣ, грабя торговыхъ гостей ¹⁾. Подъемъ и ростъ поволжской торговли, крупнымъ центромъ которой выступаетъ Нижний Новгородъ, манять на разбойничьи подвиги волевыми гулящія силы.

Оживленіе поволжской торговли обостряло и вопросъ о защитѣ поволжскихъ городовъ и волостей и торговаго пути отъ татарскихъ, болгарскихъ и мордовскихъ набѣговъ и нашествій. Тѣсно связанъ онъ и съ возобновленіемъ колонизаціоннаго движенія, которое съ середины XIV в. медленно, но неуловимо тянется вниязъ по Волгѣ. Время Дмитрія Константиновича отъмѣчено новымъ напряженіемъ столкновеній съ внородческимъ поволжскимъ миромъ на восточныхъ предѣлахъ Великороссіи. Сила опаснаго сосѣда Бузатъ-Темира, ордынскаго князя, который захватилъ было весь волжскій путь, утвердилъ свое господство въ устьяхъ Камы, рухнула при первомъ испытаніи. Въ 1367 г. онъ набѣгомъ пограбилъ нижегородскія волости по Волгѣ, но бѣжалъ при выступленіи братьевъ Константиновичей, а русская рать преслѣдовала татаръ и обратила ихъ отступление въ пораженіе; Бузатъ-Темиръ бѣжалъ въ Золотую Орду и убитъ тамъ по повелѣнію хана Азиза ²⁾. Раазадъ внутри татарскаго міра облегчалъ борьбу съ его разрозненными силами. Боевыя дѣйствія русскихъ князей на Волгѣ не ставили ихъ, на первыхъ порахъ, лицомъ къ лицу съ главной ордынской силой и даже встрѣчали ея поддержку. Такъ, послѣ гибели Бузатъ-Темира, полки князя Дмитрія Константиновича идутъ на болгарскаго князя Асана съ ханскими посланцами и водворяютъ на княженіи у болгаръ другаго князя, Махметъ Салтана. А черезъ нѣсколько лѣтъ русскія войска снова идутъ на болгаръ, на обонхъ «болгарскихъ князей», Асана и Махмета, на этотъ разъ безъ участія въ дѣлѣ ханской власти: полки Дмитрія Константиновича приводятъ болгарскихъ князей къ покорности съ помощью великокняжескаго войска, присланнаго в. к. Дмитриемъ Ивановичемъ и принуждаютъ ихъ къ уплатѣ значительной контрибуціи. Мало того: болгарскіе князья вынуждены «посадить» у себя «въ Болгарекъ» великокняжескаго «дарагу в таможняка», т. е., какъ бы мы ни понимали это неясное и неполное извѣстіе, подчиниться контролю агентовъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 14—15; т. XI, стр. 6;—т. VIII, стр. 23—24, т. XI, стр. 24. Ушкуйники захватывали «всякъ товаръ», увозили все «лучшее и легчайшее» и увезли въ плывъ «множество народа хрстіанскаго», а продавали добычу въ Болгаріи и въ Астрахани.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 14; т. XI, стр. 9.—Татары пограбили весь нижегородскій «уездъ» по Волгѣ до р. Суздоянта (Суздоянта, впадающаго въ Волгу у села Лыскова—см. Экземплярскія, т. II, стр. 411); передъ русской ратью Бузатъ бѣжалъ за рѣку Пьяну, а русскіе «гоняще по немъ, много татаръ остаточныхъ загонныхъ избивша, а иные мвози въ рѣцѣ Пянаѣ истопоша, нѣколко же ихъ во замятемъ избивша».

русской великокняжеской власти въ дѣлахъ торговли и, повидному, признавать за ней право на какіе-то доходы ¹⁾). Съ полками в. к. Дмитрія Ивановича ходятъ нижегородская рать и на мордеу, карая ея набѣги на русскія волости опустошеніемъ Мордовской земли ²⁾).

Боевая дѣятельность русскіихъ князей на восточныхъ предѣлахъ Велико-россін вызвала въ 70-хъ годахъ XIV в. сооруженіе каменнаго кремля въ Нижнемъ-Новгородѣ и новаго городка Курмыша на р. Сурѣ ³⁾). Она ско-нала в. к. Нижегородское тѣсною связью съ великорусскимъ великимъ княженіемъ, тѣмъ болѣе, что, направленная на поволожскіихъ инородцевъ, неизбежно вводила Нижегородскую Украину въ опасныя конфликты съ татарскими миромъ. Конечно, и въ этихъ конфликтахъ—Нижегородская Украина не самостоятельная величина, а лишь передовая позиція великорусской великокняжеской силы. Называется неизбежная борьба Великороссін съ татарами, когда Золотая Орда, расшатанная въ самыхъ основахъ своего строя, нашла себѣ вождя-объединителя въ темникѣ Мамаѣ.

Къ серединѣ семидесятихъ годовъ XIV вѣка Нижегородская Украина снова почувала на себѣ возрожденіе, въ тылу сосѣднаго инородческаго мира, дѣятельной мощи Золотой Орды. На Русь шли послы Мамаа съ сильными военными отрядами, но столкновение этихъ Мамаевыхъ татаръ съ русскими населеніемъ началось еще по дорогѣ: нижегородцы часть ихъ перебили, часть захватили и привели въ свой городъ, гдѣ тѣ были истреблены послѣ новаго улчанаго бон ⁴⁾). Татары отвѣтили набѣгомъ на нижегородскія волости

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17 и 24—25. Вѣроятно, что посылка „въ Волгары“ великокняжескихъ чиновниковъ была связана съ заманеніемъ контрибуціи, которая, по лѣтописи, была весьма значительна: Асанъ и Махметъ „добита челомъ великому князю и тестю его князю Дмитрію Константиновичу двѣма тысячами рублевъ, а ратемъ ихъ трема тысяча рублевъ“.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 18 (подъ 1372 г.). „Нижегородскій лѣтописецъ“ отмѣчаетъ два момента постройки нижегородскаго кремля: подъ 1359 г. (такая дата невозможна), по почтву князя Бориса Константиновича (если такъ, то въ 1365 г.) начаты земляныя работы („повелъ ровъ копать, гдѣ быти каменной городской стѣнъ и башнямъ“), и подъ 1374 г., когда Дмитрій Константиновичъ „повелъ дѣлатъ каменную стѣну и зачаты Дмитровскія ворота“—изд. Гапцесскаго, стр. 12 и 17.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19: „князь Борисъ Константиновичъ постави себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ и нарече его именемъ Курмышъ“.

⁴⁾ Воскресенская лѣт. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 21): „того же дѣта (1374) взбиша въ Новгородѣ въ Нижнемъ пословъ Мамаевыхъ, а съ ними бѣ 1000 татаръ; а старѣвшину ихъ, именемъ Сарайку, съ прочею дружиною яша и ведоша въ городъ“; въ Никонской (т. XI, стр. 20) и Симеоновской (и Троицкой; XVIII, стр. 114): „новгородци Нижнего Новгорода побиха пословъ Мамаевыхъ, а съ ними татаръ тысящу, а старѣвшину ихъ Сарайку яша и приведоша ихъ въ Новгородъ Нижній а съ его дружиною“. Вѣроятно, что первый бой разыгрался на нижегородскомъ посадѣ, второй—въ городѣ“.

и разореніяхъ Завьяльня, а черезъ годъ в. к. Дмитрій Ивановичъ выступаетъ «въ смѣхъ величій» на оборону Нижняго, по зову Дмитрія Константиновича: дошли вѣсти, что на Нижній идетъ ратью царевичъ Арапша. Арапша задержалъ свой походъ, затѣмъ напалъ на русскую рать врасплохъ съ помощью мордовскихъ князей, которые потаивно подвели татаръ, когда в. к. Дмитрій отъѣхалъ въ Москву, а русское войско впадо въ крайнее небреженіе всякой осторожностью. Тяжкое пораженіе русской рати на р. Пьяны (въ августѣ 1376 г.) оставило Нижній безъ защиты. Дмитрій Константиновичъ бѣжалъ въ Суздаль, нижегородцы спасались Волгой въ Городецъ. Нижній взятъ и разоренъ татарами, татарскіе и мордовскіе отряды пограбили нижегородскія волости. Съ мордвой русскіе князья посчитались, какъ только слымувъ татарскій набѣгъ, но напоръ татарской силы оставался крайне опаснымъ. Подготовляя общее движеніе на Русь. Мамай въ 1378 л. послалъ на Нижній войска изгономъ, въ отсутствіе князя Дмитрія Константиновича; городъ оказался снова беззащитнымъ, татары отиергли предложенный княземъ выкупъ, сожгли городъ и пограбили весь уѣздъ. Этотъ набѣгъ стоилъ, повидимому, въ связи съ походомъ на Русь ордынскаго князя Беглча, котораго великій князь Дмитрій Ивановичъ встрѣтилъ и разбилъ на рѣкѣ Вождѣ, въ рязанскихъ предѣлахъ ¹⁾. Но этотъ частичный успѣхъ не произвелъ рѣшительнаго впечатлѣнія. Ордынская сила, подобранная въ рукахъ Мамайа, нависла надъ Русью тяжелой угрозой. И подобно Рязанской землѣ, Нижегородская украиня, хоть и нашла она больше дѣятельной поддержки и защиты въ великорусскомъ центрѣ, оказалась сншкомъ изуревренной испытанными ударами, чтобы рѣшительно и всю силой прикинуть къ выступленію Дмитрія Донскаго противъ Мамайа. Къ тому же, можно было ожидать татарской диверсіи на Нижній, подобной набѣгу 1378 г., когда Беглчъ шелъ на Русь къ Ожѣ черезъ рязанскія волости. Нижегородскихъ князей и ихъ полковъ не видимъ въ русскомъ войскѣ на Кузнецкомъ полѣ. Дальнѣйшія событія какъ бы оправдали нижегородскія опасенія. Нашествіе Тохтамыша началось съ угрозы Нижнему Новгороду: ханъ послалъ татарское войско въ Болгары, гдѣ были захвачены и ограблены русскіе купцы, а ихъ суда послужили татарамъ для переправы черезъ Волгу. Князь Дмитрій Константиновичъ поспѣшилъ изъявить покорность хану. Ожъ и не могъ думать о сопротивленіи безъ сильной поддержки изъ Москвы, а в. к. Дмитрій Ивановичъ и самъ не смогъ отразить Тохтамыша удара

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22, 25—26, 32—33; т. XI, стр. 31, 34 (тутъ набѣгъ татаръ на Нижній Новгородъ, подъ 1376 г., не упоминаемый другими летописными сводами, мотивированъ раздраженіемъ ордынской власти за походъ русскихъ князей съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ на Тверь—черта едва ли историческая, а скорѣе плодъ московской публицистики), 27—29 (Арапша постѣ разграбленія Засурья захватываетъ русскихъ гостей на Волгѣ, затѣмъ совершаетъ разорительный набѣгъ на Рязанскую землю), 42—43.

Къ хану явились сыновья Дмитрія Константиновича—Василій и Семязь— и оставсь при немъ, повидимому, заложниками. Княжича Семена Тохтамышъ отпустилъ, послѣ похода, къ отцу съ посломъ своимъ, но Василій Дмитріенча Кирдяпу увелъ въ Орду. На время пришлось Руси смириться передъ татарами, и нижегородскіе князья усиленно ѣздятъ на поклонъ къ хану ¹⁾. Князь Дмитрій Константиновичъ былъ, видно; уже при смерти ²⁾ (скончался лѣтою 1383 г.), и ханская воля должна была утвердить преемство по немъ. Всѣ родичи его были въ Ордѣ въ моментъ его кончины. Старшій изъ Дмитріевичей—Василій Кирдяпа—остался и на слѣдующіе годы заложникомъ у хана, а ярлыкъ на великое княженіе Нижняго Новгорода ³⁾ получилъ его дядя Борисъ Константиновичъ, который и вернулся на столъ княженія изъ Орды съ сыномъ Иваномъ и племянникомъ Семеномъ Дмитріевичемъ ⁴⁾.

Историческая роль Нижегородскаго великаго княжества была исчерпана. Его успѣхи и его неудачи при Дмитріи Константиновичѣ были лишь отраженіемъ колебаній въ силѣ и положеніи великорусскаго великокняжескаго центра. Вокняженіе Бориса Константиновича по ханскому пожалованію можно разсматривать, какъ слѣдствіе временнаго ослабленія великорусской великокняжеской власти послѣ нашествія Тохтамыша. Братья Дмитріевичи, шурья великаго князя Дмитрія Ивановича, устранены отъ вочиннаго нижегородскаго стола, очевидно безъ соглашенія съ великимъ княземъ. Отношенія эти вскрылись послѣ побѣга Василія Кирдяпы изъ Орды. Побѣгъ не удался, Кирдяпа былъ на пути перехваченъ ордынскимъ посломъ и водворенъ обратно въ Ордѣ, но въ слѣдующемъ—1387 году—ханъ Тохтамышъ отпустилъ его на Русь, утвердивъ за нимъ Городецкое княжество. А братья его Семень княжили, повидимому, на Суздаляхъ подъ рукою дяди ⁵⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42—43, 45, 47. Въ Орду ѣздить вскорѣ князь Борисъ Константиновичъ, затѣмъ в. к. Дмитрій Константиновичъ посылаетъ къ Тохтамышу „въ свое мѣсто“ сына Семена; ѣздить къ отцу въ Сарай Иванъ Борисовичъ; тамъ же, стр. 49.

²⁾ „повеже самъ въ старость прихошае и въ немощъ“, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 83.

³⁾ Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 84) подчеркиваетъ, что произошло поселеніе Бориса Константиновича „на великомъ княжествѣ, на отчизнѣ и дѣлавъ его въ Суздаляхъ и въ Нижнемъ Новгородѣ и на Городцѣ“. Вѣрная своей удѣльно-генеалогической системѣ, она постоянно называетъ Дмитрія Константиновича „суздальскимъ“, или „суздальскимъ и Новгорода Нижняго“.

⁴⁾ Средній Дмитріевичъ Иванъ погибъ въ бою на р. Пьянѣ въ 1377 г.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 60; т. XI, стр. 87 и 93 („даде ему царь Городецъ“: вѣроятно, что Городецкое княжество признано за Кирдяпой при пожалованіи Борису Константиновичу ярлыка на Нижегородское великое княженіе, а при отпускѣ изъ Орды Кирдяпа получилъ свой ярлыкъ). Никоновская лѣтопись (тамъ же) называетъ Василія Кирдяпу „суздальскимъ и городецкимъ“, а Семена Дмитріевича „суздальскимъ“.

Съ возвращеніемъ князя Василія, Дмитріевича тотчасъ стали добиваться осуществленія своихъ отчинныхъ правъ на Нижній, стало быть на великое суздальско-нижегородское княженіе, и вашая, подобно ихъ отцу, поддержка в. к. Дмитрія Ивановича противъ дяди Бориса. Походъ подъ Нижній суздальской и городецкой рати съ московской помощью принудилъ князя Бориса уступить племянникамъ и вернуться на Городецкое княжество ¹⁾. Уступилъ Борисъ Константиновичъ подъ давленіемъ великокняжеской власти и силы Дмитрія Ивановича, а по его кончинѣ носилъшаго къ хану Тохтамышу, пробывъ въ Ордѣ больше года и вернулся съ ярлыкомъ на Нижегородское великое княжество ²⁾.

Наши источники не даютъ указаній на то, какія дѣйствія или черты поведенія в. к. Бориса Константиновича неизбѣжно ставили его въ противорѣчіе съ московской великокняжеской властью. Возможно, что для этого было достаточно, въ понятіи этой власти, полученія ханскаго ярлыка помимо соглашенія съ великимъ княземъ всея Руси. Общее положеніе дѣлъ и отношеній на восточной украинѣ Велюкороссіи, особое значеніе которой въ нарастающей борьбѣ съ татарскими и вообще всѣмъ внородческимъ міромъ вполнѣ выяснилось еще при Дмитріи Донскомъ, дѣлало, можно сказать, неизбежной ликвидацію всякой неопредѣленности въ ея политическихъ отношеніяхъ. Предшествовавшія событія показали, что и власть ордынская ясно учитывала стратегическое значеніе Нижняго, какъ опорнаго пункта, господствовавшего надъ волжскимъ путемъ и восточнымъ флангомъ пріорской линіи. Рядъ татарскихъ ударовъ привелъ Нижній Новгородъ къ полному ослабленію и непосредственной покорности хану.

Отношенія съ Ордой, сложившіяся при в. к. Василіи Дмитріевичѣ, дали ему возможность порѣшить нижегородскій вопросъ безъ столкновенія съ ханской властью и даже при ея помощи. На этотъ разъ великій князь всея Руси не использовалъ своихъ свойствениковъ—князей Дмитріевичей противъ ихъ дяди Бориса, а повелъ дѣло болѣе круто. Онъ «сложилъ крестное цѣлованіе» ко князю Борису Константиновичу и пошелъ въ Орду къ хану Тохтамышу «со многю честію и з дары»—просить великое княженіе Нижняго Новгорода «подъ великимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ» себѣ. Богатые дары и полная покорность в. к. Василія доставили ему желанный ярлыкъ, и онъ вернулся на Русь съ ханскимъ посломъ и татар-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 93 («отступися имъ властей своихъ новгородскихъ, а они ему отступившае его удѣловъ»).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 127 («князь велики Борисъ Константиновичъ Нижняго Новгорода, приде изъ Орды отъ царя Тахтамыша въ свою отчину въ Новгородъ въ Нижній съ пожалованіемъ»); т. XVIII, стр. 141. Подробности (и даже подробныя даты), сообщаемыя Храпцовскимъ въ «Краткомъ очеркѣ исторіи и описаніи Нижняго Новгорода», ч. I, не подлежатъ научному учету, пока неизвѣстны его источники.

скинъ отрядомъ. Не знаемъ никакихъ подробностей этого дѣла, но, по всей видности, оно было подготовлено на мѣстѣ, такъ какъ нижегородскіе бояре, по лѣтописному разсказу, сразу отступились отъ своего князя и выдали его головой московскимъ боярамъ и тохтмышевымъ татарамъ. Василій Дмитріевичъ пріѣхалъ въ Нижний уже послѣ поиманія князя Бориса. Этими дѣло еще не кончилось. Къ в. к. Василію прибыли посолья отъ царя Тохтмышы—звать его въ Орду, а възъ этой побѣдки къ хауу Василій Дмитріевичъ вернулся, добившись утверждѣнія за собой Нижняго-Новгорода и Городца ¹⁾.

¹⁾ Сравненіе извѣстій о паденіи нижегородской самостоятельности въ разныхъ лѣтописныхъ сводахъ показываетъ, что во всѣхъ извѣстьяхъ по разному сокращенному передачу болѣе полного изложенія. Болѣе обстоятельный разсказъ Никонской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 147—148) по существу тотъ же, что, напримѣръ, въ Симеоновской (т. XVIII, стр. 142), но тутъ онъ въ редакціи, полной осужденія московскаго коварства и боярской измѣны, тогда какъ въ Никонской устранены черты такой оцѣнки. Нѣкоторый, хотя и очень глухой намекъ на условія, помогшія в. к. Василію получить ярлыкъ на Нижний можно усмотрѣть въ чертѣ, сохраненной только Тверской лѣтописью (т. XV, ст. 440): в. к. Василій, домогался Новгорода Нижняго и получалъ его, „преможе бо многое собраніе на кровопролитыѣ“, что можно понять, какъ указаніе на отклоненную переговорами угрозу татарскаго нашествія. Повидимому, в. к. Василій использовалъ гнѣвъ Тохтмышы, по неизвѣстному поводу, на нижегородскихъ князей (а въ Симеоновской лѣтописи тѣ же приведенныя слова измѣнены въ риторическое выраженіе: „на кровопролитыѣ, на погубѣхъ христіанскую“). Нѣсколько лѣтописей (Новг. I, стр. 378; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; т. V, стр. 245; т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 61) сохранили цѣнное указаніе, что ударъ обрушился не на одного Бориса Константиновича, а на все гнѣздо судальскаго-нижегородскихъ князей: в. к. Василій „поима князей и княгиню въ таль“ („въ поимъ“, „сведе“), а Семень Дмитріевичъ бѣжалъ въ Орду (Симеоновская сохранила указаніе, что таково было извѣстіе ея источника въ неудачномъ выраженіи: „а князя князю Бориса повелъ по градомъ розвести съ княземъ и съ дѣтми“, а Никонская замѣняетъ „князей“ — добротами Бориса). Вызовъ в. к. Василія въ Орду послѣ заятія имъ Нижняго и повторное пожалованіе ему Нижегородскаго княжества—кромѣ Никонской и Симеоновской, см. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; т. V, стр. 245. Тутъ свидѣтельно о какомъ то колебаніи ордынской власти, быть можетъ — о борьбѣ судальскихъ и московскихъ вліяній. Характеренъ, въ этомъ отношеніи, текстъ сообщенія Симеоновской лѣтописи объ окончательномъ торжествѣ в. к. Василія: „то же осени мѣсяца октября въ 20 день приде князь великій Василій Дмитріевичъ на Москву, посаженъ Богомъ и царемъ, Тохтмышъ придасть ему царь къ великому князю Новгородъ Нижній со всѣмъ княженіемъ, и бысть радость велика въ градѣ Москвѣ о пріѣздѣ его“ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 142—143), слова, въ которыхъ нельзя не видѣть отраженія только что пержитой острой тревоги.—Самый порядокъ извѣстій и ихъ хронологія сильно опутаны въ нашихъ сводахъ. Последний документъ, дошедшій отъ в. князя Бориса Константиновича, его пожалованная грамота отъ 8 декабря 8902 (1898) г.—А. А. Ф., т. I, № 12. „Поиманіе“ его произошло позднѣе, а вторичную побѣдку в. к. Василія въ Орду и его возвращеніе изъ Орды 20 октября надо отнести на 8903 (1894) г., т. е. вернулся в. к. Василій

Кратко и скупо сообщают наши летописные своды эту историю падения нижегородской самостоятельности. Только некоторые тексты сохранили намек на судьбу Дмитриевичей упоминаемъ о бѣгствѣ князя Семена въ Орду. Ихъ изложение не даетъ прямыхъ указаний на то, какъ сложилось владѣльческое положеніе суздальско-нижегородскихъ князей послѣ паденія нижегородской самостоятельности. Въ ихъ обладаніи остался, вѣроятно по рѣшенію хана Тохтамыша, Суздаль, а къ великому князю отошли Нижній Новгородъ и Городецъ. Какъ бы восстановлено прежнее соотношеніе владѣній, когда эти послѣдніе города были великокняжескими, а не были связаны съ Суздальскимъ вотчиннымъ княжествомъ. Разрушена эта связь, создавшая Нижегородское великое княжество.

Въ Суздаль провезъ Борисъ Константиновичъ остатки днѣй своихъ, въ Суздаль и погребенъ онъ въ «своей отчавѣ». При немъ же въ Суздаль жили, повидному, и его племянники Василій и Семенъ Дмитриевичи, когда послѣдній прибылъ въ Орду¹⁾. Но намѣченный такимъ образомъ раздѣлъ Нижегородскихъ владѣній не имѣлъ подъ собой прочной основы. Утвердившись въ обладаніи Нижнимъ Новгородомъ, в. к. Василій Дмитриевичъ приобрѣлъ притязаніе на «все княженіе», съ нимъ связанное, а суздальскіе Дмитриевичи, съ своей стороны, не смогли примириться съ утратой большей части того, что считали своей отчиной. Борьба немедленно возобновилась. И опять приходится отметить крайнюю недостаточность свѣдѣній, какія получаемъ въ летописныхъ сводахъ, притомъ не по какимъ-либо случайностямъ исторіи ихъ текста, а вслѣдствіе явно тенденціознаго замалчиванія московскими князьями ряда обстоятельствъ этихъ событій.

Вскорѣ послѣ кончины князя Бориса Константиновича его племянники—Дмитріевичи бѣжали изъ Суздаля въ Орду къ хану Тохтамышу, в. к. Василій послалъ было за ними погоню, но князья успѣли уйти отъ

уже послѣ кончины Бориса, который умеръ въ Суздаль въ маѣ 1392 (1394) г.— Самое назначеніе намѣстника въ Нижній Новгородъ (Дм. Лв. Всеволожского) произошло, повидному, только послѣ этихъ событій (т. VIII, стр. 62)—въ ноябрѣ 1394 г.

¹⁾ Въ Никоновской летописи читаемъ, что в. к. Василій «князя Бориса Константиновича и съ женою его и съ дѣтьми его и аликю аще быша добротовъ его встѣхъ повахъ по градомъ розвести и въ вериги жадѣныи связати и въ велицѣи крѣпости держати ихъ» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 148). Если это не литературное украшеніе книжного творчества и если это касается не только «добротовъ», но и «князей», то повняные князья были отпущены въ Суздаль, вѣроятно, въ связи съ второй побѣдой в. к. Василія въ Орду, всего вѣроятнѣе—по пріѣздѣ къ нему второго ханскаго посла. Нѣтъ основаній полагать (съ Храмцовскимъ и Экземплярскимъ), что Борисъ Константиновичъ умеръ «въ заточеніи». С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 1010) колебался, призвалъ лѣ, что Дмитриевичи княжили въ Суздаль или только «оставались жить» тамъ. Отсутствие всякаго упоминанія о томъ, чтобы Суздаль перешелъ подъ власть в. к. Василія, рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что и Борисъ и его племянники сохранили Суздаль въ княжествѣ владѣній, какъ свою отчину.

нея ¹⁾. Но въ Орду въ эту пору была своя замятня, ей было не до дѣятельнаго вмѣшательства въ русскія дѣла. А дагѣе о князѣ Василіи Кирдягѣ больше ничего не знаемъ, даже въ указаніи даты его кончины лѣтописные тексты расходятся ²⁾. Но Семень Дмитріевичъ пытался продолжать борьбу съ помощью татаръ. Въ октябрѣ 1396 г. ему удалось съ татарскими войсками захватить Нижній, который подвергся при этомъ жестокому разграбленію; но приближеніе великокняжескихъ полковъ заставило татаръ бѣжать, и князь Семень снова ушелъ въ Орду. В. к. Василій послалъ свою рать съ братомъ Юріемъ внизъ по Волгѣ и она три мѣсяца воевала Болгарскую землю, причѣмъ—отмѣчаютъ лѣтописи—никто не помнилъ, чтобы Русь когда либо такъ далеко заходила въ татарскія земли ³⁾. Князь Семень Дмитріевичъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 64. Въ Никоновской лѣтописи (т. XI, стр. 135) названо извѣстіе о походѣ в. к. Василія Дмитріевича „ратью въ Новгороду къ Нижнему на князей новгородскихъ, на Василія Дмитріевича Кирдягу да на брата его Семена Дмитріевича“— послѣ сообщенія о заятіи имъ Нижняго и до извѣстія о кончинѣ князя Бориса Константиновича. Татищевъ разнилъ и осмыслилъ это сообщеніе, представивъ дѣло такъ, что Кирдяга и Семень воспользовались походомъ в. к. Василія на Великій Новгородъ для захвата Нижняго, въ расчетѣ на помощь ордынскихъ князей, а затѣмъ дополнилъ (быть можетъ, на основаніи какихъ либо родословныхъ источниковъ?) извѣстіе о походѣ на нихъ в. к. Василія—сообщеніемъ, что в. к. Василій, выведя ихъ изъ Нижняго, далъ имъ городъ Шуя („Исторія Россійская“, т. IV, стр. 374—375). Но тутъ надо видѣть только черту спутанности порядка извѣстій и ихъ хронологіи въ нашихъ сводахъ; ср. въ Симеоновской сообщеніе о побѣдѣ Дмитріевичей въ Орду до извѣстія о смерти Бориса (т. XVIII, стр. 143).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 188 и указанныя тамъ же въ примѣчаніи параллели другихъ сводовъ; въ самой Никоновской извѣстіе о смерти князя Василія привадено дважды (на стр. 188 подъ 6911 г. и на стр. 182 подъ 6913 г.). А. В. Эземшарскій придалъ особое значеніе тому, что Кирдяга въ одной записи о его смерти (т. XI, стр. 188; т. VI, стр. 132) названъ Городецкимъ и рѣшилъ, что князь Василій умеръ въ Городецѣ. Но названіе князя то „городецкимъ“, то „суздальскимъ“ въ записи о его кончинѣ имѣетъ также мало значенія, какъ то, что Никоновская титулуетъ князя Бориса Константиновича, въ сообщеніи о его смерти, великимъ княземъ Новгорода Нижняго и суздальскимъ и городецкимъ, и также называетъ князей Василія и Семена Дмитріевичей („князи Суздальскія и Новгорода Нижняго и Городецкія“) въ извѣстіи о ихъ побѣдѣ въ Орду.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 101—102; т. V, стр. 247—248; въ Софійской II лѣтописи извѣстіе объ этомъ событіи привадено дважды (т. VI, стр. 128 и 130, подъ 6903 и подъ 6907 г.) въ разныхъ редакціяхъ; вторую—находимъ, также подъ 6907 г., въ Воскресенской (т. VIII, стр. 72 и тутъ же краткое извѣстіе о томъ же); въ Никоновской—подъ 6904 г. (т. XI, стр. 163); въ Тверской—подъ 6907 г. (т. XV, ст. 461) и подъ 6908 г. (тамъ же, ст. 470). Эти разнорѣчныя датировки одного и того же извѣстія заставляютъ допустить, что и сообщеніе Никоновской лѣтописи подъ 6907 годомъ: „тоже же осеню князь великии Василей Дмитріевичъ московскій послалъ за княземъ за Семеномъ за Дмитріевичемъ за суздальскимъ поговомъ до Казани и не угваша“ (т. XI, стр. 171; ср. приписку на спискѣ Царскаго Софійской I лѣтописи—

вашей убожнице и поддержку у мѣстной татарской силы, которая господствовала въ мордовскихъ и болгарскихъ волостяхъ, получая все больше самостоятельности по мѣрѣ упадка золотоордынскаго центра. Его суетливыя и буйныя попытки вернуть себѣ нижегородскую отчину совпали съ моментомъ, когда слагалось будущее Казанское царство, и князь Семень сталъ отщепенцомъ отъ русскаго дѣла—орудіемъ враждебной Руси татарской силы. Пребываніе въ татарскихъ предѣлахъ претендента на Нижегородское княжество усугубляло непрерывную тревогу на русской восточной окраинѣ. В. к. Василій Дмитріевичъ дѣлалъ попытки захватить князя Семена—такой была цѣль и похода князя Юрія; посмалъ великій князь воеводу свонгъ захватить семью князя Семена, успѣвшую уйти къ нему изъ великокняжескаго плѣна ¹⁾, и воеводы привезли на Москву его жену и дѣтей. Безнадежность положенія его дѣла и захватъ смысломъ великимъ княземъ принудили, наконецъ, князя Семена возобновить сношенія съ Василіемъ Дмитріевичемъ и покориться ему; онъ сосланъ въ Вятку ²⁾, гдѣ и умеръ въ декабрѣ 1401 г. Нижегородское великое княжество, созданное внѣшними условиями жизни великорусской окраины, держалось въ нѣкоторой силѣ и значеніи, пока его поддерживало напряженіе самообороны, попытокъ колонизаціонныхъ захватовъ и боевого наступленія для обезпеченія торговыхъ путей; но переходя этия задачи въ болѣе сильныя руки носителей великорусской великокняжеской власти привелъ къ быстрому упадку нижегородской самостоятельности, и отъ «великаго княжества» остались только развалины—въ мелкомъ вотчинномъ владѣніи сурдальскаго князя, да, на первое время, вспышки княжескаго авантюризма, для котораго не мало было условій въ беспокойномъ укладѣ окраинной жизни. По свѣдамъ князя Семена Дмитріевича пошли его двоюродные братья Борисовичи, Данилъ и Иванъ; эти «отчичи Нижняго Новгорода» пришли въ 1411 г. на Русь съ «казанскими» князьями (болгарскими и жукотивскими), разбили великокняжеское войско, которое выслалъ на нихъ в. к. Василій Дмитріевичъ подъ воеводствомъ брата Петра, а затѣмъ князь Данилъ навелъ татаръ изгономъ на Владимиръ—и стольный городъ великаго княженія былъ сильно разграбленъ. Наши хѣтописные своды говорятъ объ этихъ событіяхъ глухо и съ явными недомолвками. Набѣгъ на Влади-

т. V, стр. 252, прим. г) относится къ тому же самому походу. Ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 429; т. I, стр. 137—138 и прим. 300; едва ли можно установить, съ Экземплярскимъ, два похода кн. Юрія на Казань.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. VI, стр. 131—подъ 6909 (1401) г.; въ Наконниковой (т. XI, стр. 186—187) подъ 6910 г. вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти князя Семена, черезъ 5 мѣсяцевъ, въ декабрѣ 1401 г.

²⁾ Въ почетную, повидимому смыслу—на княженіе; по крайней мѣрѣ сурдальскіе князья еще въ третьемъ поколѣніи нашаго повода заявить претензію на Вятку, какъ составную часть своей «прадѣлами и дѣдами и отчимъ»—С. Г. Г. и Д., т. I, № 62.

міръ, выполненный воеводой князя Данила Семеновъ Карамышевымъ и царевичемъ Талычезъ, котораго Данилъ «тайно отъ всѣхъ приведе къ себѣ», едва ли былъ выполненъ безъ опоры въ Нижнемъ Новогородѣ, который, очевидно, былъ занятъ послѣ побѣды надъ великокняжескимъ войскомъ его «старымъ отчичемъ» княземъ Даниломъ. Но лѣтописные тексты не говорить о такомъ захватѣ Нижняго, замечательная послѣдствія побѣды Данила¹⁾. Однако, дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ князѣ подтверждаютъ такое пониманіе уклончиваго изложенія лѣтописныхъ сводовъ. Въ 1412 г. нижегородскіе князья ѣздили въ Орду къ хану Зелени-Салтану, Тохтамышеву сыну, и вернулись «пожалованы своею нхъ отчичю»²⁾, а въ 1414 г. братья великаго князя Василія, Юрій Дмитріевичъ, ѣдетъ на князя Данила Борисовича и его братью³⁾ къ Нижнему Новогороду; суздальскіе князья бѣгутъ изъ Нижняго за Суру, а князь Юрій, покорою встрѣченный боярами и жителями Нижняго, безъ боя занимаетъ городъ⁴⁾. Данилъ съ братьей ушелъ отъ преслѣдованія за Суру. Совокупность этихъ свѣдѣтельствъ даетъ основаніе признать, что князь Данилъ держался въ Нижнемъ съ 1411 по 1414 годъ⁵⁾. Года черезъ два Борисовичи явились въ Москву съ повинной, но въ 1418 г. снова бѣжали съ Москвы, и больше нѣтъ вѣсти о нихъ въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ⁶⁾. В. к. Василій посадилъ въ Нижнемъ Новогородѣ суздаль-

¹⁾ Подлинное положеніе дѣлъ всего яснѣе въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 485), гдѣ о набѣгѣ на Владиміръ читаемъ: „пріидоша татарове къ Володамерю отъ Новгорода отъ Нижняго изговомъ“. Возможно, что Нижній былъ занятъ Даниломъ раньше боя съ княземъ Петромъ Дмитріевичемъ; можетъ быть, на это указываютъ выраженія Никонской лѣтописи: „бмств боя на Лысковѣ князю Петру... со княземъ Даниломъ Борисовичемъ изъ Нижняго Новгорода...: стажа же на костехъ князи новгородскіе Нижняго Новгорода“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 216). Большая часть лѣтописей опускаетъ даже извѣстіе о лысковскомъ пораженіи, и сообщаетъ только о разореніи Владиміра.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 219.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 487. Упомянуты кромѣ Данила и Ивана Борисовичей, князь Иванъ Васильевичъ (сынъ Кирдяны) и Василій Семеновичъ (сынъ Семена Дмитріевича).

⁴⁾ Тамъ-же. Подчеркнуто, что „князь же Юрій не сотвори ала ничтоже Новогороду“: очевидно, ожидалась кара за признаніе Борисовичей.

⁵⁾ А. В. Экземплярскій иначе оцѣниваетъ эти данныя—т. II, стр. 492—493. У С. М. Соловьева (кн. I, ст. 1012) только пересказъ Никонской лѣтописи. Однако, сообщеніе Никонской лѣтописи о нижегородскихъ дѣлахъ за эти годы тѣсно связано съ данными Тверской лѣтописи (вѣроятно, восходятъ къ общему ихъ тверскому источнику).

⁶⁾ Храповскій (указ. соч., ч. I, стр. 40), а за нимъ Экземплярскій (т. II, стр. 493, прим. 1228) указали на грамоту „князя великаго Данила Борисовича“, которая была имъ дана архимандриту Спасо-Влаговѣщенскаго монастыря „мая въ 8 того лѣта, коли князь великій Данило Борисовичъ вышолъ на свою отчичю отъ Махмета царя въ другій рядъ“. Храповскій заключалъ отсюда, что князь

скаго княжича Александра Ивановича, за котораго выдать дочь свою Василису, во князь Александръ умеръ вскорѣ послѣ свадьбы, и Нижній Новгородъ окончательно перешелъ въ управление великокняжескихъ наместников¹⁾. Въ средѣ судальскаго княжя еще долго жили традиціи бывшей независимости, большого политическаго значенія и владѣнія. Сыну великаго князя Василія Дмитріевича придется считаться съ новыми вслѣдствіями судальскихъ притязаній, которыми сильно осложнена домашняя московская смута, да и позднѣе судальскіе князья—наиболѣе яркіе представители «удѣльных» княжескихъ традицій. Но судальскія притязанія потеряли реальную почву самостоятельной исторической жизни и дѣятельности восточной украины Великороссіи и остались только пережиткомъ въ настроеніяхъ и мѣстномъ впливѣ князья—вотчинниковъ.

Даниилъ вторично появился великимъ княземъ въ Нижнемъ Новгородѣ „между 1423 и 1442 годами“. Можно видѣть тутъ указаніе на опущенный лѣтоисчислимый сводами эпизодъ изъ исторіи смуты при Василіи Темномъ.

¹⁾ Князь Александръ Ивановичъ, прозванный Брхатый, сынъ Ивана Борисовича (см. Экземплярскаго, т. II, стр. 435—437), отбѣжалъ къ в. к. Василію въ 1414 г., вступило въ связь съ конфликтномъ между великимъ княземъ и судальскими князьями; въ 1418 г. в. к. Василій выдалъ за него дочь Василису. Его нижегородское княженіе устанавливается двумя его жалованными грамотами (А. А. Э., т. I, № 17 и А. И. т. I, № 25)—въ концѣ которыхъ читаемъ: „А дана грамота Іоану того хѣта, коли князь Александръ Ивановичъ съя на своей отчизнѣ въ Новѣгородѣ“ и: „А дана грамота тою... коли великій князь Александръ взялъ миръ съ великимъ княземъ“. См. Экземплярскаго, т. II, стр. 441—442.—Экземплярскій полагаетъ, что владѣтельнымъ княземъ Нижняго Новгорода былъ и сынъ Александра Ивановича Семень, объясняя этимъ слова духовной в. к. Василія Дмитріевича, обычно датируемой 1423 годомъ: „а еже, ми дасть Богъ Новѣгородъ Нижній, и язъ и Новымъ городомъ Нижнимъ благословяю сына своего, князя Василія, со всѣмъ“. Князь Александръ Ивановичъ умеръ вскорѣ послѣ женитьбы въ 1418 г. (Карамзинъ, И. Г. Р., т. V, прим. 254, подъ 1418 г.). Но и предположеніе Экземплярскаго не объясняетъ разлечія въ отношеніи къ Нижнему Новгороду духовныхъ грамотъ в. к. Василія Дмитріевича, такъ какъ мы не знаемъ года кончины князя Семена Александровича и не имѣемъ основанія относить ее къ 1423—1424 г. Напротивъ имѣемъ прямое свидѣтельство, что онъ былъ живъ въ 1436 г.—въ договорной грамотѣ князя Дмитрія Шемяка съ в. к. Василіемъ Темнымъ (С. Г. Г. в Д., т. I, № 56), гдѣ Шемяка требуетъ отъ в. к. Василія гарантіи долга кня. Александра Ивановича и судя въ случаѣ заирательства великокняжескаго „сестрича“ (князя Семена) А въ жалованной грамотѣ в. к. Василія Спасо-Евфимьевскому монастырю, которая относится къ 1440-ымъ годамъ, князь Семень упоминаетъ какъ недавно умершій: грамота выполняетъ его „приказъ“ вкладомъ на поминъ души его и его предковъ. Поэтому почти вѣрно опредѣляемъ время его кончины Храповской (указ. соч., т. I, стр. 40): между 1434 (?1438) и 1440. Правильнѣе отнести духовную Василія Дмитріевича не къ 1423, а къ 1418 году, когда Нижнимъ владѣлъ князь Александръ.

ГЛАВА VIII.

Великокняжеская политика преемниковъ Калиты.

I.

Преемники Калиты строили дальше великокняжеское значение своей власти на основѣ, заложенной въ дѣятельности ихъ отца и дѣда, Ивана Давыдовича. Конечно, объемъ нашихъ свѣдѣній о жизни московскаго княжого двора слишкомъ незначителенъ для учета личной, болѣе или менѣе сознательной роли носителей великокняжескихъ титула и власти въ послѣдовательномъ развитіи этой политической работы. Преувеличивать ее отнюдь не приходится. Сравнительно немногія данныя, какими располагаемъ для нѣкотораго освѣщенія этого вопроса, скорѣе говорятъ о преемникахъ Ивана Калиты, какъ о высшихъ, преимущественно пассивныхъ центральныхъ фигурахъ той работы въ области политическихъ отношеній и общественно-политической мысли, которая вела великорусскую великокняжескую власть къ значенію крупной національно-государственной силы. Духовная грамота Симеона Ивановича—яркій памятникъ узкаго семейно-вотчиннаго взгляда на княжое владѣніе; блѣдная личность «кроткаго и тихаго» Ивана Ивановича остается въ тѣни событій его времени, а изложившій Дмитрій Ивановичъ—орудіе политики митрополитскаго двора и московской боярской среды—не проявляетъ сколько-нибудь яркой индивидуальности и поздыѣе. За официальной дѣятельностью великокняжеской власти стоятъ нныя руководящія силы, которыя строятъ и практику и теорію великокняжеской власти—во многомъ на перекоръ вотчинно-владѣльческому тенденціямъ стараго княжого права. Съ большою постепенностью и не безъ замѣтныхъ колебаній уступаютъ эти традиціи княжого владѣнія новымъ теченіямъ въ отношеніяхъ и воззрѣніяхъ княжеской и общественной среды, пока само вотчинное начало, разлагавшее политическій строй Великороссіи въ практикѣ удѣльнаго владѣнія и вотчиннаго распада, не ляжетъ, преобразованное назрѣвшими единодержавіемъ, въ основу самодержавной власти московскихъ государей. Весь этотъ процессъ собиранія власти протекалъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ высшихъ отношеній Великороссіи—подъ давленіемъ потребностей ея самообороны и стремленія къ такимъ условіямъ этихъ отношеній,

которыя обезпечивали бы торговые, колонизационные и, въ широкомъ смыслѣ—національные ея интересы. Поэтому, первымъ моментомъ рѣшительнаго успѣха въ великокняжеской борьбѣ за усиленіе центральной политической власти явилось нарастаніе руководящей роли великихъ князей всея Руси въ международныхъ—боевыхъ и мирныхъ—отношеніяхъ Великокороссія съ соотвѣтственной перестройкой внутренней организаціи княжого властвованія и между княжескихъ связей.

Основы новой государственности слагались постепенно подъ непрерывнымъ давленіемъ хода международной борьбы на пространствахъ Восточной Европы. Обзоръ хода событій этой борьбы—необходимый элементъ выясненія образованія Великорусского государства, которое ею куется изъ вѣка въ вѣка въ самыхъ своихъ глубокихъ основаніяхъ.

Симеонъ Ивановичъ унаслѣдовалъ отъ отца созданное имъ положеніе великокняжеской власти; оно закрѣплено ханскими пожалованіемъ, который отдалъ «подъ руки» Симеона всѣмъ русскимъ князьямъ, и признано на «великомъ съѣздѣ всѣмъ князьимъ русскимъ», который состоялся въ Москвѣ. Договоромъ съ братьями «у отня гроба» в. к. Симеонъ закрѣпилъ свое руководящее значеніе въ управленіи внѣшними отношеніями Московскаго княжества и въ распорядженіи всей его воинской силой, а также признаніе за старѣйшавою московскою княжескою семьей—отъ же великій князь всея Руси—«на старѣйшій путь» ряда доходныхъ статей, чѣмъ возвышалось, такъ можно выразиться, его представительство. Но внѣ Московскаго княжества его подлинная власть проявляется только по отношенію къ мелкимъ князьимъ Владимірскаго великаго княженія; князья ростовскіе, ярославскіе, бѣлозерскіе—входятъ въ составъ великокняжеской «низовской» рати. И суздальскій Константинъ упоминается въ ея составѣ при в. к. Симеонѣ. Однако, въ годы великаго княженія Симеона и Ивана Ивановича—слагается Нижегородское великое княжество и противопоставляетъ себя великому княженію Владимірскому; крѣпнеть самостоятельность Рязани, которая настойчиво требуетъ опредѣленія своихъ территориально-политическихъ предѣловъ «нерушимыми рубежами» не только отъ «московской вотчины», но и отъ «великаго княженія». А старая соперница Москвы, Тверь, ранѣе утвердившаяся въ своемъ территориально-политическомъ обособленіи, все болѣе поддается труднымъ положеніемъ между Москвою и Литвою и все болѣе склоняется къ сближенію съ Литовскимъ великимъ княжествомъ ради опоры въ немъ противъ властнаго внѣшательства великихъ князей всея Руси въ тверскія дѣла и подчиненія Твери великорусской великокняжеской власти—на основѣ традиціоннаго старѣйшинства Владимірскихъ великихъ князей, но уже чреватаго элементами единодержанія.

На западныхъ дѣлахъ всего болѣе сосредоточены вниманіе и силы этой великокняжеской власти. Собираніе русскихъ земель подъ власть в. к. Ольгерда рисовалось современникамъ широкимъ предпріятіемъ подчи-

венія всѣхъ русскихъ областей ¹⁾. И столкновения между Москвою и Литвою изъ за промежуточныхъ, пограничныхъ земель рано осложнились опаснымъ вліаніемъ этихъ конфликтовъ на внутреннія отношенія обоихъ великихъ княженій. Русскіе князья ищутъ въ восточной Руси защиты отъ литовскаго напора и захвата, и братъ Ольгерда Явнутъ показалъ недозволеннымъ литовскою великокняжескою властью путь въ Москву своимъ побѣгомъ къ в. к. Симеону въ 1345 г. ²⁾ А Москва все чувствительнѣе встрѣчается съ поддержкой, какую мѣстныя сепаратистическія тенденціи Пскова и Новгорода, Твери и Рязани находятъ въ нихъ литовскихъ связяхъ и отношеніяхъ. Политическій кругозоръ Ольгерда широко охватывалъ отношенія сѣверо-восточной Руси, подготавливая, какъ можно сказать съ точки зрѣнія позднѣйшей исторической перспективы, политику Витовта. Родственнымъ связямъ—самого Ольгерда, по жень, съ тверскими князьями, а по дочери съ нижегородскими, Любарта Гедиминовича съ ростовскими—открывали пути литовскому вліанію на дѣла и отношенія Великороссіи. И родственными связямъ эти нисколько не смягчали напряженія враждебнаго соперничества двухъ великихъ княжествъ. Они столкнулись въ первый же годъ великаго княженія Симеона Ивановича на смоленскихъ дѣлахъ. Ольгердъ не удалась попытка захватить Можайскъ, недавно смоленскую волость, хотя набѣгъ былъ предпринятъ, повидному, въ отсутствіе м. к. Симеона, когда онъ еще не вернулся изъ Орды. Набѣгъ этотъ былъ отвѣтомъ на походъ въ предыдущемъ году великорусскихъ войскъ подъ Смоленскъ съ татарскою ратью воеводы Товлубія. Притязанія литовской власти на Смоленскъ и на волости черниговско-сѣверскія встрѣчали противодѣйствіе, за которымъ стояли расчеты на московскую (великокняжескую) и татарскую помощь. Мѣстное мелкое княжье тягетъ къ восточной Руси. Въ походѣ 1340 г. участвовали князья друцкій и ооинскій; брянскій князь выдалъ въ 1341 г. дочь за московскаго князя Ивана Ивановича, а князь дорогобужскій Федоръ Святославичъ, неудавшійся тесть в. к. Симеона, сидѣлъ одно время на Волжѣ ³⁾.

Ольгердъ шелъ къ своей цѣли—закрѣпленію связи Смоленска съ великимъ княженіемъ Литовскимъ, которая сложилась еще при Гедиминѣ, и распространенію литовской власти на черниговско-сѣверскія области—съ большой выдержкой и постоянной оглядкой на Москву. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ сдѣлалъ было попытку подготовить сопернику рѣшительный ударъ: отправилъ брата Коріада къ хану Джанибеку—склонить его

¹⁾ Такое притязаніе, по свидѣтельству вѣмецкихъ ордынскихъ историковъ, выдвигали литвинны по отношенію къ Ливонскому ордену, который „nihil juris (ordo) sibi reservaret apud Ruthenos, sed omnis Russia ad Letvinos deberet simpliciter pertinere“.

²⁾ Ноар. I, стр. 346.

³⁾ И. С. Р. Л., т. XII стр. 207, 209—210.

на союз противъ в. к. Симеона ¹⁾, но послы Симеона убѣдили хана, что Ольгердъ ему врагъ, такъ какъ разворяеть ханскій улусъ—вотчину великаго князя, и добились выдачи всего литовскаго посольства въ московскія руки ²⁾. Пришлось Ольгерду отказаться отъ широкихъ плановъ и заключить новый договоръ съ в. к. Симеономъ, ради освобожденія брата и его «дружны» ³⁾. Не знаемъ, какой цѣной купилъ Ольгердъ этотъ «миръ и любовь», но вслѣдъ затѣмъ в. к. Симеонъ — черезъ годъ — поднимается походомъ подъ Смоленскъ; на р. Протвѣ его встрѣтили послы Ольгерда, съ которыми онъ заключилъ какое-то мирное докончаніе; однако, Симеонъ продолжаетъ свой смоленскій походъ, идетъ съ войскомъ къ р. Угрѣ, гдѣ его встрѣтилъ смоленскіе послы, а послѣ восьмидневныхъ переговоровъ съ ними отправили своихъ пословъ въ Смоленскъ на заключеніе мира ⁴⁾. Возможно, что условія договора 1350 года обеспечивали такую трактовку Смоленска, какъ владѣнія, исполнѣ независимаго отъ литовскаго великаго князя. Только послѣ смерти в. к. Симеона Ольгердъ получаетъ полную возможность развернуть свободнѣ наступленіе на смоленскія и черниговско-сѣверскія области, и наши скудные свѣдѣнія о смоленскѣхъ дѣлахъ за годы великаго княженія Симеона Ивановича все-таки даютъ основаніе признать, что въ эту пору уже не Тверь, а великокняжеская власть, сосредоточенная въ Москвѣ, приняла на себя дѣло самообороны Великороссіи съ Запада.

Но задача эта чрезвычайно осложнена внутренними отношеніями Великороссіи. Боевыя силы Твери и Рязани, Пскова и Великаго Новгорода не принимаютъ участія въ дѣйствіяхъ в. к. Симеона. Съ Новгородомъ у Симеона отношенія крайне напряженныя, какъ сложились они и при Иванѣ Калитѣ. Поѣздка Симеона въ Орду по смерти отца успѣхъ въ хлопоталъ о ханскомъ пожалованіи, несомнѣнно, потребовали крупныхъ расходовъ и обязательства усиленной выплаты татарамъ «выхода», «запросовъ» и поминковъ. И первое дѣло в. к. Симеона по возвращеніи—послать въ новгород-

¹⁾ «Князь великій литовскій Ольгердъ посла въ Орду къ царю Чманьбеку брата своего Коріада просити себѣ помощи на великаго князя Семена»—1349 г., II. С. Р. Л., т. VII, стр. 215.

²⁾ Тамъ же; П. С. Р. Л., т. X стр. 219. «Коріадъ и Михаилъ» Воскресенской лѣтописи—одно лицо.

³⁾ В. к. Симеонъ «миръ съ нимъ взятъ» (т. VII, стр. 215); «миръ и любовь пріа» (т. X., стр. 221); условія этого договора не знаемъ, но освобожденіе князя Коріада и литовскихъ пословъ предполагаетъ какія-либо уступки со стороны Ольгерда (лѣтописи упоминаютъ только о «многихъ дарахъ»). Святотство Ольгерда за князю Удьяну тверскую, а Либарта за Константиновну ростовскую, состоявшееся въ томъ же году (1350 г.), какъ бы закрѣпляетъ новый договоръ о «мирѣ и любви».

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 218; т. X., стр. 223.

⁵⁾ Смоленскимъ княземъ въ эту пору былъ Иванъ Александровичъ (1313—1358), который не къ Москвѣ тянулъ, а къ Литвѣ—см. выше, стр. 161, примѣчаніе.

скія волости, въ Торжокъ «дани брать», и стали тутъ его намѣстники и «борцы»-даныщия «свѣво дѣяти». Новоторжцы послали жалобу въ Новгородъ и просьбу о защитѣ. Тогда въ Торжокъ явились новгородскіе бояре, арестовали агентонъ великокняжеской власти, подготовили городъ къ оборонѣ, а, въ то же время, поѣхало изъ Новгорода посольство къ великому князю съ протестомъ: «еще не сѣдъ у васъ на княженіи, а уже бояре твои дѣютъ слыно». Однако, подготовка къ открытой войнѣ съ великимъ княземъ вызвала возстаніе новоторжцевъ; они не вѣрши въ силу Новгорода, боялись прихода великокняжескаго войска, а потому выгнали отъ себя новгородскихъ бояръ и освободили великокняжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани. В. к. Свмеонъ, дѣйствительно, прибылъ въ Торжокъ «со всею землею нвонскою», а новгородцы, хотъ и собрали всѣ силы свои въ городъ, однако послали къ великому князю пословъ и «доковчали миръ» съ нимъ «со старымъ грамотамъ, на псей волѣ новгородской», выплативъ за то великому князю «черный боръ» со всея Новгородской земли да тысячу рублей съ новоторжцевъ ¹⁾. Въ Новгородѣ подворился великокняжескій намѣстникъ. Но у п. к. Свмеона не хватало силы на руководство обороной земель Новгорода и Пскова противъ наступленія литовцевъ и шведовъ. Псковъ передъ неурядливо грозной литовской опасностью, какъ рѣше при князѣ Александрѣ Михайловичѣ, «отвергся» въ началѣ сороковыхъ годовъ отъ Великаго Новгорода и великаго князя и «предался» Литвѣ, призвавъ къ себѣ на княженіе Ольгерда; а тотъ посадилъ у нихъ княземъ сына Андрея ²⁾. Однако и Андрей Ольгердовичъ, какъ и отецъ его ³⁾, не былъ въ состояніи вести оборону Пскова лично и съ достаточной затратой литовскихъ боевыхъ силъ. Только небольшія вспомогательныя дружины литовскихъ намѣстниковъ помогаютъ Пскову въ борьбѣ противъ литовцевъ ⁴⁾, и дѣло кончилось отказомъ псковичей отъ князя Андрея и враждой за это

¹⁾ Новг. I, стр. 339—340. Двоуственное положеніе новоторжцевъ объясняется разногласіемъ между новоторжскими черными людьми («вѣсташа чернь на бояръ») и новоторжскими боярами («бояре новоторжскыи приѣхаша въ Новгородъ только душемъ, кто успѣлъ», а дома ихъ разграблены, хоромъ развезены, села опустошены чернью). Очевидно, звали новгородцевъ противъ великаго князя мѣстные бояре, и на нихъ же, надо полагать, пала уплата тысячи рублей.

²⁾ Новг. I, стр. 341; П. С. Р. Л., т. V, стр. 13 («тогда псковичи много томившися, бѣюще чоломъ князю Ольгерду, хоташе его крестити и на княженіе посадити во Псковъ, онъ же не въскотѣ, но крести сына своего Андрея, и посадилъ его псковичи на княженіе, надѣющися помощи отъ Ольгерда») стр. 224.

³⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 13, Псковская вторая литовщина: посадилъ во Псковѣ сына, «Ольгердъ и братъ его Кестутій со своими литовскими поѣхаша прочь, а псковичи не учинише помощи никоея же». Неудачная боевая дѣятельность Ольгерда въ эту пору описана въ Псковской первой литовщинѣ, т. IV, стр. 187—188.

⁴⁾ Новг. I, стр. 342, 344.

Ольгерда противъ Пскова ¹⁾. Это произошло въ 1348 г., и въ томъ же году псковичи возобновили порванную политическую связь съ Великимъ Новгородомъ, но уже на новыхъ началахъ Болотовскаго договора, который превращалъ Псковъ изъ новгородскаго пригорода въ автономнаго «младшаго брата» Великому Новгороду. Тѣмъ самымъ возстановилась и связь Пскова съ великимъ княженіемъ всея Руси.

Новгородъ принялъ великокняжескаго намѣстника въ 1341 г.; но в. к. Симеонъ, ваяный устройеніемъ дѣлъ «низовской» земли, отношеній къ хану и къ Литвѣ, только на пятый годъ пріѣхалъ въ Новгородъ и «сѣлъ на столѣ своемъ». Положеніе новгородской украины было сугубо опаснымъ. Съ одной стороны, Ольгердъ, имѣя въ своихъ рукахъ Псковъ, началъ было наступленіе и на Новгородъ; впрочемъ, живыя дѣла скоро поглотили его силы и вниманіе, такъ что онъ и Псковъ потерялъ. За то болѣе серьезная опасность поднималась на новгородскія волости съ шведской стороны.

Король Магнусъ II началъ завоеваніе Ижорской земли, грозилъ итти со всѣми силами на Новгородъ, взялъ Орѣховъ. Призывъ новгородцевъ о помощи великаго князя Симеона—остался втуне. Симеонъ долго медлил, ваяный «дѣлами царскими», потомъ было поѣхалъ въ Новгородъ, но съ дороги вернулся въ Москву. Вмѣсто него въ Новгородъ прибылъ его братъ Ивалъ, но и онъ не сталъ во главѣ новгородскаго войска, а уѣхалъ обратно, «не принявъ владычня благословенія и новгородскаго челобятія». Новгородцы предоставлены своимъ силамъ; только Псковъ, обезвечивъ свое новое политическое положеніе Болотовскимъ договоромъ, далъ имъ вѣкоторую военную поддержку; приходится мѣстными силами отбивать шведовъ, запираться отъ вѣнца ²⁾. Великій князь не въ состояніи отыскать свои силы на дальній сѣверо-западъ: въ эту пору разыгрались попытки Ольгерда поднять на него Орду, затѣмъ—походъ в. к. Симеона на Смоленскъ. Литовская опасность тяготѣетъ надъ всѣми отношеніями великорусскаго великаго княженія.

Эта опасность подрывала энергію великокняжеской власти въ новгородскихъ дѣлахъ. Она же сильно осложняетъ тверскія отношенія. Тутъ съ кончиной тверскаго великаго князя Константина Михайловича (ум. въ 1345 г.) разгорается борьба кашанской и холмской княжескихъ линій, снѣтавшая сложную сеть ордынскихъ, литовскихъ и московскихъ политическихъ вѣтересовъ въ напряженный клубокъ. И напряженіе это оказалось не по силамъ великорусскаго великокняжескаго власти. На время центробѣжныя силы бе-

¹⁾ Псковская I, П. С. Р. Л., т. IV, стр. 190. Псковичи заявляютъ Андрею: „тобѣ было, княже, сидѣти во Псковѣ на княженіи, а намѣстники тобѣ Пскова не держати; а выеи же тобѣ не угодно състи у насъ, пидѣ собѣ княжишь, а Псковъ повергъ, то уже еси самъ лишилъ Пскова, а намѣстникъ твоихъ не хотимъ.“

²⁾ Новг. I, стр. 346—350.

ругъ вверхъ въ политическомъ строѣ Великороссіи. Толчкомъ для нѣхъ рѣзкаго проявленія послужила неожиданная смерть в. к. Симона въ морское поутрѣе 1353 года.

Пятидесятые и шестидесятые годы XIV-го вѣка— время, когда Москва пережила серьезный кризисъ своего положенія въ сѣверо-восточной Руси. Тотчасъ по смерти Симона нижегородскій князь Константинъ Васильевичъ «сперся о великомъ княженіи» съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ, при поддержкѣ новгородцевъ; только передъ своею кончиною примирился князь Константинъ съ в. к. Иваномъ, да и новгородцы полтора года «пробыша безъ мира съ великимъ княземъ», причѣмъ «за не бысть никакого же», т. е. великій князь не имѣлъ силы ни покарать новгородцевъ за выступленіе въ Орду, ни привести ихъ въ свою волю; отношенія восстановились только по умиривренію князей¹⁾. А затѣмъ, по смерти князя Константина, сынъ его Андрей призналъ в. к. Ивана себѣ братомъ старѣйшимъ, но послѣ Ивана вспыхнула новая борьба за великое княженіе, ликвидированная съ большимъ трудомъ и съ большими усиліями. Замутнились и отношенія къ ривандамъ, которые захватили Лопастну и настойчиво предъявляли требованіе исправленія риванскихъ границъ. Въ Твери усобная борьба склонилась тѣмъ дальше, тѣмъ больше къ побѣдѣ макулянскихъ князей, враждебныхъ Мос-

¹⁾ Конфликтъ Великаго Новгорода съ великимъ княземъ былъ осложненъ еще церковными дѣлами. Владыка Моисей послалъ къ патриарху съ жалобой на „насилства“ митр. Феогноста. Моисей—новгородскій набравникъ—былъ поставленъ митр. Петромъ въ 1325 г., а въ 1330-мъ покинулъ кафедру и принялъ слѣху, по послѣ кончины арх. Василия вернулся, но настоянію новгородцевъ „на своей ему стои“. Такое нарушеніе слѣхы должно было встрѣтить каноническія возмездія митрополита, и, хотя Николовская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. X, стр. 224) утверждаетъ, что митр. Феогностъ „благословилъ“ Моисея на архіепископію, однако имѣемъ въ „Краткомъ лѣтописцѣ новгородскихъ владыкъ“ („Новг. лѣтописи“—2-я и 3-я, изд. 1879 г.) прямое свидѣтельство, что Моисей „благословенъ бысть Алексіемъ митрополитомъ всея Руси“ (стр. 136). Впрочемъ, что этотъ споръ и былъ перенесенъ на судъ патриарха, причѣмъ Моисей поддерживалъ свою самозащиту встрѣчными жалобами на митрополита. Ихъ содержаніе указано въ лѣтописцѣ только глухо: „о насильствѣ“ (Новг. 3-я; тамъ же, стр. 233), „о неподобныхъ вещахъ, приходящихъ съ насильемъ отъ митрополита“ (Новг. 1, стр. 352). Моисей, очевидно, выигралъ свое дѣло, такъ какъ его послы привезли ему отъ патриарха грамоту „съ великимъ пожалованіемъ“ и крещатыя ризы. Указаніе Николовской лѣтописи (т. X, стр. 228), что въ патриаршихъ грамотахъ шла рѣчь „о проторяхъ на поставленіяхъ и о церковныхъ пошлинахъ святительскихъ и иныхъ различныхъ указаній“, скорѣе всего просто догадка книжника относительно содержанія грамотъ (ср. замѣчанія Голубинскаго, Исторія русской церкви, т. II, ч. I, стр. 167). Вопросъ осложнился разногласіемъ о правѣ Моисея на крещатыя ризы, пожалованныя митр. Феогностомъ еп. Василию, и о притязаніяхъ новгородскаго владыки на особое положеніе по отношенію къ митрополиту, кація овъ связывалъ съ этими вѣтшими отліченіемъ; патриаршая грамота разъясняла ему, что эти ризы не даютъ ему права умалить свое послушаніе митрополиту (см. грамоту Феофана отъ 1347 г.—Р. И. В., т. VI³, приложение, № 10).

квѣ и втянутыхъ въ сферу литовскаго вліянія. И за всѣми этими тревожными треніями внутренней жизни Великороссіи стоитъ опасность вышатаательства татарскихъ и литовскихъ силъ. Изъ рукъ великокняжеской власти снова ускользаетъ управленіе вышшими отношеніями Великороссіи, областныя политическія силы враждебны центру, отстаиваютъ и углубляютъ свою независимость отъ него, сами опредѣляютъ свое положеніе по отношенію къ вышнему міру, ищутъ въ Ордѣ и въ Лятвѣ союзы и опоры противъ требовацій великокняжеской власти.

II.

Въ это трудное для Москвы время во главѣ правленія дѣлами великорусскаго великаго князевія стоитъ крупный политическій дѣятель—митрополитъ Алексѣй. Его руководство великокняжеской политикой вывело власть великихъ князей всея Руси изъ тяжелыхъ затрудненій временъ «кроткаго и тихаго» Ивана и малолѣтняго Дмитрія. Притомъ Алексѣй, глава русской церкви, вдохнулъ въ эту политику опредѣленное идейное содержаніе—церковно-религиозное и, тѣмъ самымъ, національное. Самый фактъ достиженія Алексѣемъ митрополичьей кафедры былъ для великаго князя значительнымъ успѣхомъ. Въ его лицѣ во главѣ русской церковной іерархіи сталъ представитель московской правящей среды, свой человекъ въ великокняжескомъ дворѣ. По житію, Алексѣй ¹⁾ былъ сыномъ боярина Федора Баконта, который выѣхалъ изъ Чернигова на службу ко князю Даміану Александровичу, а при Иванѣ Калитѣ, согласно свидѣтельству родословныхъ, «за нимъ была Москва», что можно понять, какъ должность тысяцкаго ²⁾. Подвѣншіе родословцы ведутъ отъ Баконта нѣсколько боярскихъ родовъ—Плещеевыхъ, Фоминныхъ, Жеребцовыхъ, Игнатьевыхъ, все фамиліи, которыя не стали въ первые ряды боярства, но занимали прочное положеніе среди московскаго служащаго люда, а частью, какъ Фоминны, связаны со службой при митрополичьемъ дворѣ ³⁾. Братъ митр.

¹⁾ О житіихъ митр. Алексѣя—Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, и Голубяевскій, Исторія русской церкви, т. II, ч. I. Старшая краткая редакція въ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26; Типографскій лѣтописецъ (изд. 1784 г.), стр. 132; вторая, пространная, Пахомія Сербска—Издавіе Общ. Любит. Древней Писменности № IV; особая переработка перваго житія въ Никонской лѣтописи—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 29; особая редакція Пахоміева житія въ „Степенной книгѣ“—П. С. Р. Л., т. XXI, ч. II. Крестное имя Алексѣя, по старшему житію было Симеонъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26), но другія житія приводятъ имя—Влечеверіи (ср. колебанія Никонской лѣтописи, т. XI, стр. 30, прим. в). Повидямому, это его „мірское“ имя?

²⁾ Временникъ, т. X, родословная книга, стр. 98; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26.

³⁾ Родословная книга Временника (т. X), стр. 98 и 100: „Фоминны, что митрополитичи“.

Алексѣя, Александръ, родоначальникъ Плещеевыхъ, и его племянникъ Данило Теофановичъ—бояре великаго князя Дмитрія Донскаго ¹⁾.

Алексѣя можно назвать питомцемъ великокняжескаго двора и его боярской, служилой среды. Есть вѣдѣтіе, что онъ былъ крестникомъ Ивана Калиты ²⁾. Ранній уходъ двадцатилѣтняго юноши въ монастырь не порываетъ этихъ общественныхъ связей, не былъ удаленіемъ отъ міра. Алексѣй монашествовалъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей ³⁾, и его постриженіе имѣло, повидимому, значеніе подготовки будущаго іерарха. Съ конца 1340 г. онъ стоитъ во главѣ митрополитчаго суда и управленія въ должности митрополитчаго намѣстника ⁴⁾. Митр. Феогностъ готовилъ его, по соглашенію съ великимъ княземъ, себѣ въ преемники, ввелъ его, за двѣнадцать слѣдкомъ лѣтъ его намѣстничества, въ дѣла митрополіи, а въ декабрѣ 1352 года поставилъ его епископомъ Владимірскимъ и отправилъ, вмѣстѣ съ в. к. Симеономъ, посольство въ Константинополь къ патриарху—хлопотать о поставленіи Алексѣя себѣ въ преемника по русской митрополіи ⁵⁾. Дѣло русскаго, великокняжескаго кандидата на митрополію

¹⁾ Тамъ же, стр. 98 („Александръ Плещей, а былъ въ боярехъ у великаго князя у Дмитрея Ивановича“); П. С. Р. Л., т. VI, стр. 122—123; т. VIII, стр. 62—63 (Данила „истинный бояринъ великаго князя и правый доброхотъ“); т. XI, стр. 154.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26.

³⁾ Въ Вогоявленскомъ, гдѣ онъ сблизился съ братомъ св. Сергія, игуменомъ Стефаномъ—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 30—31 (это назъ житія св. Сергія—т. XI, стр. 131).

⁴⁾ Въ намѣстничествѣ Алексѣя пробылъ 12 лѣтъ и 3 мѣсяца (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 31), а въ епископы посвященъ 6 декабря 1352 г., за три мѣсяца до кончины митр. Феогноста (сконч. 11 марта 1353 г.)—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 27; стало быть его назначеніе намѣстникомъ состоялось осенью 1340 г., т. е. еще при жизни Ивана Калиты, который скончался 31 марта 6849—1341 года; иначе у Голубинскаго, т. II, ч. I, стр. 175. Текстъ краткаго житія вспоминаетъ объ избраніи митр. Феогностомъ Алексѣя въ намѣстники по поводу его посвященія въ епископы, а не говоритъ объ этомъ избраніи при в. к. Симеонѣ, какъ разумѣетъ Голубинскій.

⁵⁾ По представленію Голубинскаго (указ. соч., стр. 175—176) посольство отъ в. к. Симеона и митр. Феогноста о поставленіи на русскую митрополію не грека, а „кандидата, который будетъ присланъ изъ Москвы“, отправлялось въ Константинополь ранѣе поставленія Алексѣя въ епископы Владимірскіе; и вернулось оно послѣ смерти митр. Феогноста и в. к. Симеона. Слѣдную отправку посольства Голубинскій связываетъ съ болѣзью, какову митр. Феогностъ перевезъ въ 1350 г. Но, по лѣтописямъ, посольство отправлено по поставленіи Алексѣя на епископство (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 217) съ просьбой патриарху, „яко да не поставятъ иного митрополита на Русь, кромя сего Алексѣя епископа“, и вернулось оно съ позволеніемъ Алексѣю явиться въ Царьградъ „ставитися на митрополію“ (т. е. либо въ Константинополь успѣши до отбытія посольства узнать о смерти Феогноста, либо знали Алексѣя на испытаніе, какъ указаннаго изъ Москвы кандидата). На какое-либо другое, предварительное посольство нѣтъ указанія, а отнести его къ 1350 или 1351 г. значило бы предполагать невѣроятно долгую его задержку въ Константинополѣ. Па. П. Соколовъ („Русскій архіерей изъ Византии“, стр. 308—309) ставитъ, согласно Никифору Григорію, успѣхъ кандидатуръ Алексѣя въ связь съ крутымъ пожатываніемъ в. к.

было, на этот раз, хорошо подготовлено и въ Константинополѣ и на Руси. Московскіе послы вернулись, уже послѣ кончины и митр. Феогноста и в. к. Самеона, съ приглашеніемъ ѣхать въ Константинополь на поставленіе, и в. к. Иванъ Ивановичъ посѣщавъ снарядить Алексѣя въ эту поѣздку, одновременно со своимъ выѣдомъ въ Орду для полученія ярлыка на великое княженіе ¹⁾. При патриаршемъ дворѣ Алексѣя продержали почти годъ на «тщательномъ испытаніи», и только въ іюлѣ 1354 онъ былъ отпущенъ съ настоятельной грамотой на митрополию Киевскую и всей Руси ²⁾. Русскіе епископы прислали патриарху грамоты съ признаніемъ Алексѣя достойнымъ митрополитомъ,—всѣ, кромѣ новгородскаго Моисея. Оппозиція новгородскаго владыки, нѣтъ какія бы основанія она не исходила ³⁾, была серьезнымъ дѣломъ не только для митрополита, но и для великокняжеской власти, борющейся за свое значеніе въ западныхъ областяхъ Великороссіи противъ сильнаго вліянія на нихъ Литовскаго великаго княжества. Общее положеніе московско-литовскихъ отношеній все тѣснѣе сплеталось съ пер-

Самеона на ремонтъ константинопольскаго храма св. Софіи, но и по разсказу Григоры эта кандидатура была поставлена подлѣе, чѣмъ время пожертвованія (1350 г.), когда уже стала, будто-бы, известна въ Москвѣ судьба этихъ суммъ, растраченныхъ императоромъ. Относъ разсказъ Григоры ко времени «не ранѣе 1350 года», Соколовъ замѣчаетъ, что «въ эту эпоху кандидатура Алексѣя должна была быть уже совершившимся фактомъ», но «фактомъ» она не могла стать ранѣе посвященія Алексѣя въ епископы. Поставленіе Алексѣя въ епископы владимірскіе дѣлало митрополитомъ наместника викарія митрополита (Голубинскій, стр. 176), и съ этимъ поставленіемъ П. С. Соколовъ (тамъ же, стр. 319) правильно связываетъ извѣстіе Новгородской IV лѣтописи (подъ 6860 г.—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 282), что «бысть снемъ на Москвѣ князь Самеову и князю Константину Васильевичю про причетъ церковный», поясняя, что «Константинъ судальскій жалалъ на случай замѣщенія митрополита Алексѣемъ—обезпечить свои церковные интересы» и успѣлъ добиться передачи Нижняго Новгорода и Городца отъ Владимірской епархіи въ управленіе судальскаго епископа. По всей вѣроятности, дѣло было не только въ обезпеченіи «церковныхъ интересовъ» Нижегородскаго великаго княжества, но и въ примиреніи судальскаго епископа съ кандидатурой на митрополию Алексѣя: въ грамотѣ патр. Филофея новгородскому епископу Моисею (Р. И. В., т. VI, приложеніе № 10) читаемъ сообщеніе о «рекомендательныхъ грамотахъ», поддержавшихъ поставленіе Алексѣя въ митрополиты, какія патриархъ получалъ отъ «прочихъ боголюбивашихъ епископовъ» (кромѣ Моисея новгородскаго).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 27.

²⁾ Мѣстныя дѣла византийскаго имперія и патриархіи, объясняющія задержку поставленія Алексѣя, рассмотрѣны въ трудѣ П. С. Соколова «Русскій архіерей изъ Византии» (Кіевъ, 1913 г.); тутъ же интересный анализъ церковно-исторической и канонической стороны этого дѣла, а также характеристика общаго положенія Византийскаго церкви при патр. Филофее, объясняющая, съ одной стороны, его уступчивость къ русскимъ требованіямъ, и съ другой—осторожность его въ отношеніи къ митр. Алексѣю.

³⁾ О возраженіяхъ Моисея противъ поставленія на митрополию Алексѣя см. П. С. Соколова, указ. соч., стр. 346—347.

ковно-политическими задачами русской митрополии, ввиду развитого Ольгердовъ въ пятидесятыхъ годахъ XIV вѣка дѣятельнаго и успѣшнаго наступленія на русскія области и острой постановки вопроса объ отношеніи западно-русской церкви къ московско-владимірской митрополии.

Вся эта чрезвычайно сложная сѣть отношеній ставила передъ митр. Алексіемъ—главою русской церкви и руководителемъ политической дѣятельности великихъ князей всея Руси—рядъ крупныхъ и трудно разрѣшимыхъ задачъ. Онъ достигаъ митрополю, какъ ставленникъ великокняжеской власти; судьба сдѣлала его фактическимъ правителемъ великорусскаго великаго княжества. И въ этой роли онъ опирается на свой церковный авторитетъ въ политическихъ дѣлахъ, сливаетъ въ одно цѣлое свою церковно-политическую дѣятельность съ руководствомъ общей политикой великаго княжества всея Руси. Отношенія къ византійскому патриархату, къ литовской великокняжеской власти, къ мѣстнымъ политическимъ силамъ Велікороссіи сливаются у Алексія въ одну цѣльную систему, въ которой элементы московскаго политическаго строительства неотдѣлимы отъ задачъ и интересовъ митрополичьей власти.

Настоящая грамота, которую Алексій получаетъ отъ патриарха, опредѣляла положеніе русскаго митрополита передъ патриаршимъ престоломъ весьма подробно и съ обдуманной отчетливостью. Эта грамота, знаменитая въ русско-византійскихъ церковныхъ отношеніяхъ, подчеркиваетъ, прежде всего, обширность и многолюдность митрополии Кіевской и всея Руси; управление этой митрополией особо важная задача для Константинопольской церковной власти, и потому эта власть поставляла туда, въ прежнее время, надежныхъ и доблѣрныхъ людей изъ среды византійскихъ клириковъ, избирая, по тщательномъ испытаніи, такихъ, кто не только отличался добродѣтелью и силой слова, но былъ и свѣдущъ какъ въ церковныхъ канонахъ, такъ и въ гражданскихъ законахъ. Поэтому патриаршая грамота оговариваетъ, что поставленіе Алексія—дѣло исключительное, объясняемое его личными особыми достоинствами, хорошей подготовкой и единовушнымъ свидѣтельствомъ въ его пользу какъ грековъ, такъ и русскихъ, начиная съ митр. Феогноста и великихъ князей Симеона и Ивана, но не должно служить прецедентомъ на будущее время, а, напротивъ, впредь патриаршая власть не допускаетъ и не дозволяетъ поставленія на русскую митрополию русскаго уроженца. Грамота подчеркиваетъ, что такая исключительная уступка—дѣло совершенно необычное и даже не вполне безопасное для Церкви, а потому указываетъ и мѣры, исполненіе коихъ должно обезпечить бдительный надзоръ константинопольской церкви за дѣятельностью митр. Алексія и руководство ею. Патриархъ предписываетъ Алексію пріѣзжать въ Константинополь черезъ каждые два года или хотя бы присылать надежнаго представителя изъ клириковъ своей митрополии для полученія авторитетныхъ указаній по всемъ важнѣйшимъ очереднымъ церковнымъ вопросамъ.

Вся грамота проникнута опасеніемъ вознившей самостоятельности митрополита, который не вышелъ изъ среды константинопольскаго клера, не связанъ съ нимъ воспитаніемъ и прочной традиціей. Перспектива прочной націонализаціи русской церковной іерархіи, несомнѣнно, встревожила патриаршую власть. Это понятно. Въ Константинополѣ должны были знать, что русская митрополія вступаетъ на путь превращенія въ опору мѣстной свѣтской власти и подчиненія ей, а патриархъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы русскій митрополитъ былъ, прежде всего, представителемъ власти и авторитета его, патриарха, и состоявшаго при немъ освященнаго собора, служителемъ греко-восточной церкви, возглавляемой, по византійской традиціи, константинопольскимъ патриархомъ, а не русской политики.

Отношенія между митр. Алексѣемъ и патриархатомъ сложились далеко не въ духѣ настоятельной грамоты. Послѣ поставленія своего онъ только дважды ѣздилъ въ Константинополь, да и послы въ свонъ посылалъ, повидному, только въ такіе моменты, когда испытывалъ необходимость отразить подготовленный врагами ударъ или опереться на патриаршій авторитетъ. А такая опора была ему необходима для утвержденія силы и значенія сѣверной митрополіи.

Нароставшее раздраженіе противъ окрѣпшей Москвы и ея властныхъ притязаній неизбежно отражалось и на церковныхъ отношеніяхъ при митрополитахъ союзникахъ и сотрудникахъ московской политики, особенно же при митрополитѣ, ставленникѣ великаго князя, вышедшемъ на митрополію изъ московской боярской среды, чтобы взять въ свои руки общую политику великокняжеской власти. А митр. Алексѣй формально закрѣпилъ связь митрополіи съ великорусскимъ великимъ княжествомъ, выхлопотавъ постановленіе о перенесеніи резиденціи митрополита изъ Кіева во Владимір¹⁾. Русская митрополія осталась при этомъ «Кіевской и всея Руси», такъ какъ за Кіевоиъ сохранено значеніе собственно престола и первой кафедры архіерейской, а владимірская епископія признана второй кафедрой, резиденціей и мѣстомъ улоковенія митрополитовъ. И такое рѣшеніе вопроса о митрополіи всецѣло отвѣчало существеннымъ интересамъ какъ митрополита, такъ и великокняжеской власти. Интересы эти настоятельно требовали сохранения за русской митрополіей характера «Кіевской», несмотря на перенесеніе митрополитчьеи резиденціи на сѣверъ. Утрата кіевскаго центра грозила не только потерей самаго Кіева и юго-западныхъ епархій, но и Твери, и Новгорода, и Пскова, не говоря уже о Смоленскѣ, какъ только имъ представится возможность потянуть въ церковномъ отношеніи къ нному, не московскому центру.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что вопросъ этотъ сталъ передъ митрополитомъ Алексѣемъ во всемъ объемѣ, повидному, еще во время его перваго пребыванія въ Константинополѣ.

¹⁾ Р. И. Б., т. VI³, приложенія, № 12.

Политическія судьбы юго-западной и западной Руси вели естественно къ стремленію освободить ихъ церковное управленіе отъ подчиненія московскому іерархическому центру. Попытки создать особую митрополию хотя бы для Галицкой земли, возникали въ началѣ XIV вѣка ¹⁾, и митр. Теофиосту только въ 1347 г. удалось добиться закрытія особой галицкой митрополіи. Но вскорѣ—незадолго до поставленія Алексѣя во владимірскіе митрополиты—вопросъ объ отдѣленіи западно-русской церкви отъ сѣверной митрополіи сталъ особо острымъ. Еще при жизни митр. Теофиоста явился въ Константинополь новый западно-русскій кандидатъ на митрополию—Теодоритъ и, не добившись тутъ успѣха, использовалъ тогдашній расколъ между византійской и болгарской церквями, отправившись въ Терновъ, тутъ поставленъ былъ въ митрополиты болгарскимъ патріархомъ и занялъ Кіевскую митрополию ²⁾. Совпаденіе этого дѣла съ конфликтомъ между сѣверной митрополіей и новгородскимъ епископомъ усиливало остроту положенія. Патріархъ Филофей выступилъ рѣшительно. Его грамоты, разосланныя по западно-русскимъ епархіямъ обвинили Теодорита низложеннымъ, подъ угрозой полнаго отлученія «отъ христіанскаго состоянія», и грозилъ такимъ же отлученіемъ всѣмъ, кто приметъ его въ общеніе. Новгородскій епископъ Моисей получилъ одну за другой двѣ патріаршихъ грамоты: одну о должномъ повиновеніи митрополиту Алексѣю, другую съ изложеніемъ дѣла о Теодоритѣ и запретомъ принимать митрополитчью власть Теодорита и вступать съ нимъ въ церковное общеніе ³⁾. Затѣмъ, патріаршій экзархъ, отправленный на Русь вмѣстѣ съ митр. Алексѣемъ, совершилъ посаженіе его на кафедру митрополіи Кіевской и всея Руси, очевидно, въ Кіевѣ: Теодоритъ сошелъ со сцены, больше о немъ и нѣтъ извѣстій ⁴⁾.

За покушеніемъ Теодорита на Кіевскую митрополию нельзя не усмотрѣть политикъ в. к. Ольгерда ⁵⁾. Причиной неудачи—осложненіе дѣла разрывомъ

¹⁾ Годубинскій, История русской церкви, т. II, ч. 1, стр. 125—130 и 157—162 (доп.—стр. 878); П. С. Соколовъ, указ. соч., стр. 271—278 и 303—307.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 226: «Того же лѣта (8860) инокъ Теодоритъ поставленъ бысть митрополитомъ отъ Терновскаго патріарха и приде въ Кіевъ».—Р. И. Б., т. VI, приложение, № 11. Борьба съ Теодоритомъ поставила на очередь легализацію перенесенія митрополитчѣй резиденціи во Владиміръ и вообще облегчила Алексѣю его хлопоты въ Константинополь, такъ какъ опасность потерять Кіевъ, а, быть можетъ, и Новгородъ грозила не только русской митрополіи, но и византійскому патріархату.

³⁾ Р. И. Б., т. VI, приложение, №№ 10 и 11.

⁴⁾ Р. И. Б., т. VI, приложение, ст. 59—60; П. С. Соколовъ, указ. соч., стр. 363.

⁵⁾ П. С. Соколовъ (стр. 355 и 360) отвѣтъ въ этому моменту, или въ 1355 г. «спѣшную канонизацію литовскихъ мучениковъ», казенныхъ Ольгердомъ въ 1347 году, какъ политическій шагъ митр. Алексѣя, чтобы представить Ольгерда гонителемъ православія, врага Москвы—врагомъ христіанства. Основаніе для такой датировки только въ томъ, что Густынская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. II, стр. 350) говоритъ объ

съ византийскимъ патриархатомъ была устранена замѣной Θεодорита новымъ кандидатомъ на митрополию—Романомъ, родственникомъ жены Ольгерда, в. к. Уляны. Есть вѣстие, что Романъ, въ качествѣ нареченнаго митрополита, сдѣлалъ попытку занять Киевскую кафедру еще до возвращенія митр. Алексѣя изъ Константинополя, гдѣмъ 1354 года ¹⁾. Не принятый киевлянами, Романъ явился въ Константинополь къ патриарху послѣ поставленія митр. Алексѣя и его отъѣзда на Русь ²⁾, и былъ поставленъ въ литовскіе митрополиты, получивъ въ свое вѣдѣніе Новгородскую, Полоцкую и Туровскую епархіи. Романъ, однако, этимъ не удовольвовался, а сталъ «изъявлять притязаніе на большее» и нарушать права митр. Алексѣя. Поднялась борьба за Киевъ и южно-русскія епархіи, за Тверскую землю. Раздоры двухъ русскіхъ митрополитовъ стали предметомъ разбирательства патриаршаго собора, уже при патр. Каллистѣ, послѣ паденія Филоея. Романъ явился въ Константинополь отстаивать свои притязанія; былъ вызванъ в Алексѣя ³⁾. Соборъ призналъ, что митр. Алексѣй, рукоположенный на митрополию Киевскую и всяя Руси, такимъ и остался, а Роману, литовскому митрополиту, переданы всѣ «епископіи Малой Руси», но безъ Кіева, какъ перваго престола въ митрополіи Алексѣя ⁴⁾. Такое рѣшеніе вопроса, по существу—половинчатое, показываетъ, что патриархія нехотя уступала литовскимъ настояніямъ. Патриархъ Филоей—въ позднѣйшей грамотѣ, восстановившей, во второе его патриаршество, единство русской митрополіи поясняетъ, что раздѣленіе ея было, въ свое время, допущено по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ ⁵⁾. Такія «настоятельныя

этой канонизаціи подь 1355 г., но вмѣстѣ съ упоминаемъ о поставленіи Алексѣя на митрополию и о его мощахъ, какъ святаго митрополита. Дата, явно неподходящая для поставленія Алексѣя, можетъ относиться къ канонизаціи литовскихъ мучениковъ. Но данныя Густинской лѣтописи слишкомъ ненадежны. Макарій (Ист. русск. церкв., т. IV, стр. 261) отнесъ эту канонизацію къ 1364 г., на основаніи столь же мало надежныхъ источниковъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XVII, ст. 34.

²⁾ Р. И. В., т. VI, приложенія, ст. 71—72. Возраженія Голубинскаго противъ достовѣрности свидѣній, сообщаемыхъ патриаршей грамотой 1361 г.—весьма не убѣдительны; ср. П. П. Соколова, стр. 359.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 228, сообщаютъ о вторичной поѣздкѣ митр. Алексѣя подь 6864 г.—выѣхалъ осенью 1356 г., вернулся зимой, вѣроятно, уже въ 1356 г., такъ какъ Романъ еще въ Константинополѣ въ іюль 1356 г. (Р. И. В., т. VI, приложенія, ст. 74, примѣчаніе). Возраженія П. П. Соколова противъ этихъ данныхъ мало убѣдительны, такъ какъ онъ напрасно находитъ въ патриаршей грамотѣ (? въ соборномъ постановленіи 1361 г. ? Р. И. В., тамъ же, № 13) указаніе, что Романъ уѣхалъ изъ Константинополя раньше Алексѣя, и пытается установить, что Романъ, будто бы, пріобрѣлъ таки званіе митрополита киевскаго и всяя Руси (стр. 378).

⁴⁾ Р. И. В., т. VI, приложенія, №№ 13 и 14.

⁵⁾ Тамъ же, № 15.

нужды», несомненно, вылились на лицо, такъ какъ, при господствѣ національнаго строя церковной жизни, каждое политическое цѣлое требуетъ себѣ особой іерархической организаціи, не мирясь съ ея экстерриториальностью. Но Византіи трудно было воплѣтить усвоить законность такихъ тенденцій безъ отказа отъ всемірскаго значенія своей церковной имперіи, а, съ другой стороны, Москва и Литва находились въ состояніи упорной борьбы и соперничества на почвѣ территориально-политическаго самоопредѣленія, далеко незаконченнаго, такъ что всякая попытка разграничить ихъ церковныя области вела неизбежно ко «многимъ замѣшательствамъ и беспорядкамъ». Ольгердъ наставлялъ, чтобы его Литовско-русское государство было избавлено отъ подчиненія духовной власти митр. Алексѣя, чтобы западно-русская церковь была признана самостоятельной митрополіей, и внушалъ патріаршему собору опасенія, что можетъ, въ противномъ случаѣ, произойти полное отдѣленіе Литовско-русскаго государства отъ греко-восточной церкви или, по крайней мѣрѣ, отъ византійскаго патріархата, какъ уже было въ дни Феодорита. Патріархія пошла на компромиссъ, но этимъ не прекратила раздора.

Романъ не принявъ ея половинчатаго рѣшенія, отказался принять настоящую грамоту, покинулъ Константинополь и, прибывъ въ Кіевъ, провозгласивъ себя митрополитомъ кievскимъ и всей Руси и удержался на своей митрополіи до самой смерти, постигшей его въ 1361 году.

Потеря сѣверной митрополіей власти надъ православной церковью въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства грозила сутубой опасностью великорусскому великому княженію. Западно-русская митрополіи должна была стать такой же опорой политики литовскихъ великихъ князей, какову московскіе князья находили въ своихъ владимірскихъ митрополитахъ. Іерархическія связи кievскаго центра предвзначались этой политикой для закрѣпленія господства литовскихъ государей надъ русскими землями и литовскаго вліянія за предѣлами прямого захвата. Такъ столкновения соперниковъ на тверской почвѣ начались еще во время пребыванія обоихъ митрополитовъ въ Константинополѣ¹⁾. А послѣ попытка митр. Алексѣя въ 1358 г. осуществить свою митрополитичью власть въ южной Русѣ, попытка, за которую и онъ лично и московская княжая власть расплатились дорогой цѣной²⁾,

¹⁾ «И тогда отъ обоихъ ихъ изъ Царяграда придоша послы въ Тверь къ Феодору, владыцѣ тверскому, и бысть священническому чину тяжесть велия вездѣ», П. С. Р. Л., т. X, стр. 227.

²⁾ Въ 1358 г. митр. Алексѣй «иде въ Кіевъ», въ началѣ года («по крещеніи») — П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 230; вернулся митрополитъ «въ Володимерь и въ Москву» въ 1360 г. Безъ него скончался въ ноябрѣ 1358 г. в. к. Иванъ Ивановичъ. Продолжительное отсутствіе митр. Алексѣя тѣмъ болѣе знаменательно, что, какъ знали и въ Константинополѣ (Р. И. Б., т. VI², ст. 165—166) в. к. Иванъ оставилъ малолѣтняго сына на его, митр. Алексѣя, попеченіе, и поручилъ ему «управ-

Романъ использовалъ свои и литовскія связи въ Тверской землѣ для побѣды въ Тверь, точно въ отвѣтъ на дѣйствія митр. Алексѣя, которыя должны были представляться «набѣдомъ» въ его, Романа, митрополию.

III.

Всѣ эти церковно-политическія отношенія тѣсно сплетались съ основными московско-литовскими антагонизмомъ. Борьба между митрополитами Алексѣемъ и Романомъ разыгрывалась на фонѣ Ольгердовой политики, которая направлена въ 60-хъ—70-хъ годахъ XIV вѣка на энергичное наступленіе къ востоку. Это наступленіе разворачивается, какъ только сила великорусскаго великаго княжества оказалась парализованной внутренней борьбой въ Великороссіи, въ моментъ перехода власти отъ в. к. Симеона къ его брату Ивану. Литва засѣла въ Ржевѣ, литовскія войска воюютъ Брянскъ и смоленскія волости, а послѣ смерти брянскаго князя Василія смута, поднившаяся въ Брянскѣ, облегчила захватъ его в. к. Ольгердомъ. Какъ только, «начавъ обладати Брянскомъ великій князь Литовскій», митр. Романъ захватилъ іерархическую власть надъ Брянскомъ—въ епархіи митр. Алексѣя. Роману присягая въ Москвѣ, а съ московскихъ словъ и при патриаршемъ дворѣ, починилъ къ нападенію Ольгерда на Алексѣя, митрополитичій городъ¹⁾. Съ той же поры Орша и Бѣла въ литовскихъ рукахъ, а года черезъ три заняты Ольгердомъ Мстиславъ. Все тѣснѣе надвигалась на Смоленское княжество, охватывая его крѣпкими кольцами, литовская сила; все плотнѣе надвигалась она на предѣлы великорусскаго и тверскаго великихъ княженій: Смоленское княжество еще продержалось полъ-вѣка²⁾, завянувъ между Москвой и Литвой, во Черниговско-сѣверская область, раздробленная на мелкія вотчинныя княжества

леніе и охрану всего княжества»; оно было бы и вовсе непонятно, если не отнести къ этому времени (вмѣстѣ съ Голубинскимъ, указ. соч., стр. 192) событіе, сообщаемое той же грамотой: Ольгердъ захватилъ Алексѣя, когда тотъ оборонялъ малорусскія епархіи и заключилъ его подъ стражу, изъ подъ которой Алексѣю съ трудомъ удалось бѣжать (тамъ же, ст. 167—168). П. П. Соколовъ (указ. соч., стр. 385) полагаетъ, что Алексѣя мирно жилъ въ Кіевѣ, пока князича в. к. Ивана и неудачи Москвы въ столкновеніи изъ за великаго княженія съ Дмитриемъ суздальскимъ не дала Ольгерду повода для изгнанія Алексѣя изъ Кіева. Смѣлая попытка митр. Алексѣя осуществитъ свою власть въ Кіевской Руси на глазахъ Ольгерда и Романа непонятна безъ предположенія, что она опиралась на сильную поддержку его въ Кіевѣ и южной Руси: вѣдь Ольгердъ только въ 1361 г. устранилъ мѣстнаго кіевскаго князя Федора, а посадилъ тутъ сына Владиміра „и нача надъ сими владѣти, ниже отци его данъ даяху“. Алексѣя вернулся во Владиміръ, когда тутъ уже сѣлъ на великое княженіе Дмитрій Константиновичъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 228; ср. тамъ же, стр. 220; Р. И. В., т. VI, приложение, ст. 87—88.

²⁾ Князя Святославъ Ивановичъ (1358—1386 г.) и сына его Юрій (1386—1404 г.).

и почти не испытывавшая на себя объединяющего влияния великорусского центра—стала ареной крупных успехов политики Ольгерда. Западная полоса этой области перешла в шестидесятых и семидесятых годах XIV-го вѣка подъ прямую власть литовскихъ князей: тутъ слагаются княженія его сыновей—Дмитрія брянскаго и трубчевскаго и Дмитрія-Корнубта черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго, а также стародубско-рыльское княжество Патрикія Наримунтовича и его сыновей. Въ восточной полосѣ—сидятъ на своихъ отчинахъ мелкие князья Рюриковичи, которыхъ Ольгердъ стремится сдѣлать своими подручными, то самою, то путемъ родственныхъ связей ¹⁾. Въ посланіи къ Константинопольскому патриарху Ольгердъ называетъ своими влостями Калугу и Мценскъ, жаалуется на захватъ ихъ москвичами изъ за «изѣны» своего слуги князя Ивана Козельскаго. И долго еще будетъ восточная Черниговщина колебаться между Москвою и Литвою; долго служать ея князья то одному, то другому великому князю, а то и «на обѣ стороны».

Въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ XIV вѣка великорусское великое княжество слишкомъ подавлено внутреннимъ политическимъ кризисомъ, чтобы протвѣдѣствовать литовскому напору сколько-нибудь энергично. Лѣтописные своды даютъ только кое-какія указанія на попытку такого протвѣдѣствія въ боевыхъ столкновенияхъ тверской и южнорусской рати съ литовцами изъ за Ржевы, въ походѣ смолянъ на Бѣзую ²⁾. Наступленіе Литвы осложнило и обострило внутреннія отношенія Великороссіи. Въ Тверскомъ княжествѣ мѣстная борьба двухъ княжескихъ линій, кашинской и микулинской, перешлась съ борьбой между литовскимъ и московскимъ вліаніемъ на Тверь, а съ 1366 года побѣдила микулинско-литовская сторона. Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ вступилъ съ Москвою въ упорную и затяжную борьбу, которая обезпечила Ольгерду свободу дѣйствій въ Черниговско-сѣверской области. Лишь вѣрѣдка, безъ затраты значительной силы даетъ Ольгердъ поддержку Михаилу, направляя главную энергію на югъ и на поддержку Кейстута противъ нѣмцевъ.

Новая борьба Москвы съ Тверью была, какъ и прежняя, борьбой за великое княженіе всей Руси. Едва-ли, впрочемъ, съ самаго начала: открылась она наступательными дѣйствіями не Твери, а Москвы. Московское великокняжеское правительство, душой котораго былъ митрополитъ Алексѣй, только что закончило борьбу съ Дмитріемъ суздальскимъ, привело «въ свою волю» и его, и второстепенныхъ владѣтельныхъ князей Великороссіи. Великій Новгородъ призналъ власть Дмитрія Ивановича, выговоривъ себѣ державѣ «въ старинѣ безъ обиды», а затѣмъ и подлинную, дѣятельную

¹⁾ Одна Ольгердовна за кн. Иваномъ новосильскимъ, другая за Святославомъ карачевскимъ.

²⁾ И. С. Р. Л., т. X, стр. 230—231.

защиту отъ вѣншихъ враговъ ¹⁾. Но отношенія къ великимъ княжествамъ Тверскому и Рязанскому оставались напряженными.

Москва окрѣпла и стала притязательнѣе. Лѣтописные своды отъѣтили 1367 г. краснорѣчивой записью, надо полагать—тверского лѣтописца: «того же гѣта князь великій Дмитрей Ивановичъ заложилъ градъ Москву камень, и начаша дѣлати безперестани; и всѣхъ князей русскихъ привоажаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, а на тѣхъ нача посегати, такоже и на князя Мыхайла Александровича тверского, и князь Мыхайло

¹⁾ А. А. Э., т. I, № 8. Договоръ этотъ, резко отличный по формѣ отъ прочихъ,—по содержанию, прежде всего, составилъ Великій Новгородъ обязуется «всѣти на конь съ одного» при возникновеніи войны съ Литвой или Тверью; притомъ, если разрывъ произойдетъ между в. к. Дмитриемъ и Литвой или Тверью, онъ обязуется либо самъ прибыть въ Новгородъ, либо прислать князя Владимира Андреевича; если же Новгородъ подвергнется нападенію Литвы, Твери или ильменей (шведовъ), то в. к. Дмитрій и князь Владимиръ обязуются «всѣти по Новгороду съ одного, по цѣлованію» и до заключенія мира «Новгорода не метати», а быть въ Новгородѣ самому великому князю, пока онъ не «умиритъ» Новгорода или прислать князя Владимира; только отъѣздъ въ случай вражескаго нападенія на владѣнія самихъ князей не вмѣняется имъ въ измѣну. Въ этомъ договорѣ отразилась и старая память о томъ, какъ великіе князья не разъ покидали Новгородъ послѣ ратныхъ предпріятій, не обезпечивъ ему мира, и недавнее воспоминаніе объ отношеніи къ оборонѣ Новгорода в. к. Симеона и его брата Ивана. Въ концѣ договора краткая формула подтверждаетъ основное доколчаніе: «а князьве бы великое мое держати честно и грозно, безъ обиды; а мнѣ, князю великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, держати Новгородъ въ старинѣ, безъ обиды».—Въ А. А. Э. договоръ этотъ отнесенъ къ началу 1372 г.; Карамзинъ (т. V, стр. 26) отнесъ его къ 1371 г. на основаніи имени посадника Юрія и тысяцкаго Елиса, которые «правительствовали въ Новгородѣ въ 1371 году» (Новг. I, стр. 362), но Соловьевъ (кн. I, ст. 988, примѣч. 3) отнесъ этотъ договоръ къ 1367 г., къ извѣстію о томъ, какъ «посылаша посам новгородцы къ князю великому Дмитрию Ивановичю и докончаша миръ съ княземъ великимъ, а князь великимъ... намѣстника своего присла въ Новгородъ» (Нов. I, стр. 359). Вѣроятнѣе, что правъ Карамзинъ, не только ввиду имени посадника и тысяцкаго, но и потому, что этотъ договоръ предполагаетъ существованіе другого, заключеннаго, когда примиреніе в. к. Дмитрія съ Дмитриемъ суздальскимъ передало столъ новгородскій въ его руки, т. е. въ 1366-6 г. Миръ 1367 г. только возобновлялъ «розверженныи миръ» великаго князя съ Новгородомъ (изъ за ушкуйничьаго набѣга 1366 г.). Князь Владимиръ прѣѣжалъ въ Новгородъ въ 1368 г. (тамъ же, стр. 361), по вѣстямъ о вѣнецкомъ набѣгѣ на Изборскъ, но, видимо, заюездаль. За столкновеніе съ Тверью новгородцы расплачивались безъ великокняжеской помощи въ 1372 г.: князь Владимиръ прѣѣхалъ въ Новгородъ только въ 1373 г. «и сѣдъ въ Новгородѣ до Петрова дни и повка прочъ»; это записъ сухая и краткая, но словно звучитъ укоромъ. Подъ впечатлѣніемъ испытанія 1372 г. новгородцы относились горячо къ походу в. к. Дмитрія на Тверь въ 1375 году: они, «изводя честь своего князя, въскорѣ, въ три дни повхаша подъ Тверь» (тамъ же, стр. 363). Напряженіе отношеній къ Твери въ началѣ 1370-хъ годовъ скорѣе всего объясняетъ заключеніе упомянутаго договора.

того ради поведе въ Литву»¹⁾. Московская попытка отнять Тверь у в. к. Михаила и возстановить тверское великое княженіе Василія Михайловича кашинскаго не удалась, Тверь отблала от нападенія московской и кашинской рати, а осенью вернулся изъ Литвы Михаилъ Александровичъ съ литовской помощью и добился мира съ в. к. Дмитриемъ и дядей своимъ Василіемъ. Но великокняжеское правительство ему не довѣрало и сдѣлало попытку захватить его въ свои руки, «зазвавъ любовію къ себѣ на Москву»²⁾, а, когда захватъ не удался, двинуло на Тверь войска, передъ которыми Михаилу пришлось снова бѣжать въ Литву. Ольгердъ поднялся на защиту шурна съ большимъ литовскимъ войскомъ, полками тверскими и смоленскими, быстрымъ походомъ захватилъ в. к. Дмитрія врасплохъ, разбилъ сторожевой его полкъ, и появился подъ Москвою раньше, чѣмъ успѣла собраться ратная сила великаго княжества. Московскіе князья выдержали осаду, но пришлось в. к. Дмитрію пойти на уступки Михаилу тверскому³⁾. «Послганье» на Тверь вело къ борьбѣ съ Литвой, и в. к. Дмитрій рѣшился на наступательныя дѣйствія. Его войска воевали смоленскія волости, ходили подъ Брянскъ. Великокняжеское правительство убѣдилось, что похода Ольгерда подъ Москву въ 1368 г. былъ только устрашающимъ набѣгомъ, что занятый на югѣ и западѣ литовскій великій князь не сосредоточитъ на восточныхъ предѣлахъ силы, достаточной для рѣшительной борьбы съ Москвою, и снова сдѣлало попытку смирить тверского князя. Недавній уступчивый миръ съ Тверью расторгнуть⁴⁾, на Тверскую землю двинулись великокняжескія войска, в. к. Михаилъ снова ушелъ въ Литву. Въ сентябрѣ 1370 года в. к. Дмитрій самъ двинулся на Тверь «со многю силою», взявъ Зубцовъ и Милулинъ, вѣтчинный городъ тверского великаго князя, и «смирилъ тверича до зѣла»⁵⁾.

Въ Вильнѣ, надо полагаать, сложился широкій планъ рѣшительной борьбы съ Москвою, осуществленію котораго в. к. Михаилъ Александровичъ посвящаетъ всѣ свои силы въ ближайшіе годы. Сила Золотой Орды стала, въ эту пору, выходить изъ состоянія анархіи подъ властной рукой Мамаю. Михаилъ отправился изъ Литвы къ Мамаю, получая въ Ордѣ ярлыкъ на

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 8.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10.—В. к. Ольгердъ такъ писалъ объ этомъ эпизодѣ патриарху: «и шурна моего князя Михаила клятвенно зазвали къ себѣ, и митрополитъ славъ съ него страхъ, чтобы ему притти и уйти по своей волѣ, но его схватилъ»—Р. И. В., т. VI², приложение, № 24.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 15—16; т. XI, стр. 10—12. Разгромъ сторожевого полка произошелъ 21 ноября 1368 г.

⁴⁾ Объявленіе войны состоялось «по Оспожнѣ дна на третій день», т. е. 24 июля 1370 г.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17; т. X, стр. 13. Вѣрная хронологія—въ Воскресенской лѣтописи; ср. выше, стр. 236, примѣчаніе.

Владимірское великое княженіе и съ ханскими послами поѣхали на Русь. Однако, в. к. Дмитрій поставилъ заставы на всѣхъ путяхъ, и только предупрежденіе, полученное Михаиломъ отъ доброхотовъ изъ Руси избавила его отъ пѣненія ¹⁾. Пришлось снова уходить въ Литву, гдѣ Ольгердъ собирался къ походу противъ Дмитрія. Неудача Михаила не остановила этого похода; Ольгердъ вновь дошелъ до Москвы, но сборъ великорусской рати съ Владимірохъ Андреевичемъ во главѣ и рязанской помощью свелъ дѣло къ заключенію перемирія и переговорамъ о «вѣчномъ мирѣ»; перемиріе съ в. к. Дмитріемъ заключилъ и Михаилъ тверской. Эта новая неудача не сломила его энергіи. Онъ снова ѣдетъ въ Орду, чтобы повторить попытку занять съ помощью ханскаго ярмыка и ханскаго посла великое княженіе.

На этотъ разъ онъ вернулся въ Тверь съ ярмыкомъ и посломъ Сарыхожей и отсюда пытался занять стольный Владиміръ, но в. к. Дмитрій принялъ свои мѣры—привелъ бояръ и черныхъ людей ко крестному дѣлованію на томъ, что они не передадутся на сторону Михаила и не пустятъ его на Владимірское великое княженіе, а ханскаго посла перекупилъ богатыми дарами на свою сторону. Михаилъ оказался изолированнымъ. Литовскій великій князь возобновилъ и продолжилъ перемиріе съ Москвою, велъ переговоры о «вѣчномъ мирѣ» и союзѣ свойства съ московскимъ княжескимъ домомъ. Побѣда в. к. Дмитрія въ Орду вернула ему ярмыкъ на великое княженіе; Михаилу отказано въ дальнѣйшей татарской поддержкѣ. Однако, крайняя трудность положенія словно удвоила усилія Михаила. Онъ, видимо, пытается фактически овладѣть великимъ княжествомъ въ томъ разчетѣ, что успѣхъ сломитъ колебанія Ольгерда и возобновитъ ихъ союзъ противъ Москвы. Михаилъ успѣхъ занять нѣсколько городовъ великаго княжества—Кострому, Угличъ, Мологу, Бѣжецкій Верхъ—и посадить тамъ своихъ на-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 18: „приде бо ему вѣсть съ Москвы, сказующе ему такова“. Никоновская лѣтопись представляетъ дѣло такъ, что Михаилъ отправился въ Орду только послѣ похода в. к. Дмитрія на Тверь (выступилъ 8 сентября 6879); но если Ольгердъ 25 ноября былъ уже въ московскихъ предѣлахъ, то ясно, что всѣ перепетія поѣздки въ Орду, прибытія на Русь и новаго бѣгства въ Литву в. к. Михаила не могли свершиться въ такой короткій срокъ. Онъ прибылъ въ Литву послѣ лѣтняго похода на Тверь великокняжескихъ войскъ, а во время похода на самого Дмитрія—въ сентябрѣ 1370 г. былъ, вѣроятно, въ Ордѣ, или ѣхалъ оттуда на Русь. Поэтому и самый походъ на Тверь в. к. Дмитрія можно понять, какъ мѣру противъ появленія Михаила на Русь: „и много говнаше по земь и не обрѣтоша его“.

²⁾ Ольгердъ заключалъ съ Дмитріемъ перемиріе до Петрова дня (29 іюня); затѣмъ послѣдовали переговоры, о которыхъ читаемъ въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 15): „придоша послы отъ в. к. литовскаго о миру и о любви, а за князя Володимира Андрѣевича обручаша Ольгердову дщерь, именемъ Елену“; памятникомъ этихъ переговоровъ остался предварительный договоръ, заключенный въ іюль 1371 г. (С. Г. Г. и Д. т. I, № 31); перемиріе было продолжено до 26 октября (ср. выше, стр. 236).

и́стинно́въ, доби́лся, хотѣ и условнаго, призна́нiя въ Великомъ Новгородѣ¹⁾.

Всѣ эти успѣхи не дали прочнаго результата. В. к. Дмитрій подгото-вилъ пока въ Ордѣ тяжкій ударъ сопернику. Настойчиво укрѣпляя свое положенiе на Русь, Михаилъ послалъ въ Орду для поддержки тамъ своихъ интересовъ сына Ивана. Но в. к. Дмитрій использовалъ большую задолжанность тверского князя, по обязательствамъ и посуламъ въ Ордѣ, чтобы «окупить въ доугу» княжича Ивана и добиться его выдачи въ свои руки. Онъ вернулся на Русь съ большимъ торжествомъ, «съ многою честью и съ пожалованiемъ опять на великое княженiе», а плѣнника своего держалъ заложникомъ. Русскiе противники были ему не страшны безъ татарской и литовской помощи. Разрывъ съ Рязанью былъ быстро ликвидированъ—пораженiемъ рязанцевъ у Скорянцева, бѣгствомъ князя Олега и водворенiемъ на Рязанскомъ княженiи Владимира пронскаго; правда, в. к. Олегъ вернулъ себѣ княженiе вскорѣ по улодѣ великокняжескаго войска съ Рязанью, но

¹⁾ Къ этому времени вѣдо отнестя договоръ в. к. Михаила Александровича съ Новгородомъ, нал. въ С. Г. Г. и Д., т. I. № 8. Условное признанiе его великокняжеской власти выражено въ оговоркѣ: „а вынесутъ тобѣ изъ Орды княженiе великое, или же еси князь великiй, или какъ те вынесутъ тобѣ княженiе великого изъ Орды, или твоимъ вѣмѣстникамъ изъ Новгорода проць и изъ новгородскихъ пригородовъ, и въ томъ Новгороду вѣмѣамъ вѣту“. См. А. А. Шахматовъ „Исследованiе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“, стр. 233—234. Труднѣе приурочить грамоту (того же заданiя № 16), гдѣ в. к. Михаилъ призываетъ восстановление рубежа между новгородскими и тверскими владѣнiями „по старому рубежу“, вернуть сель, купленныхъ его боярами и слугами въ Новгородской землѣ во время княженiя („въ мое княженiе“)—безденежно, а купленныхъ при прежнихъ князьяхъ—за выкупъ, а съ своей стороны требуетъ „исправы“ о своихъ „зашемцахъ“ (?) въ Торжкѣ, суда о пограбленномъ у его людей, и отпуска безъ выкупа его людей, „повманыхъ“ новгородцами; въ концѣ обычными условiями—о правѣ гостей „ходитъ“ безъ рубежа и выдѣлѣ „по исправѣ“ холоповъ, должниковъ и поручичанъ. Специальное содержанiе этой докончатальной грамоты позволяетъ видѣть въ ней не самостоятельный договоръ, а договорную записку, дополняющую или видоизмѣняющую статьи другой, основной грамоты. Можно бы предположить такое отношенiе ея и къ № 8 (развитiе и измѣненiе статей о возвратѣ сель и нѣсколько дополнительныхъ условiй). Но трудно приурочить къ опредѣленному времени до 1371 г. (А. А. Шахматовъ датировалъ эту грамоту 1368—1371 г.—указъ соч., стр. 235) или къ 1371 г. двѣ черты этой грамотки: 1) покупка сель боярами и слугами во время княженiя в. к. Михаила требуетъ въ некоторой продолжительности этого княженiя; А. А. Шахматовъ и предположилъ, что вѣмѣстники Михаила сидѣли въ Новгородѣ и раѣе 1371 года, по это ни изъ чего не видно, да и едва ли возможно, ввиду устойчивой тенденцiи Новгорода принимать только великокняжескихъ вѣмѣстниковъ; и 2) упоминанiе о пограбленномъ имуществомъ людей Михаила и повманыхъ его людяхъ—не поясняется никакими вѣдомыми намъ фактами до 1372 года, когда новгородцы сослали съ Торжка Михайловыхъ вѣмѣстниковъ (Новг. I, стр. 362; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 20; т. XI, стр. 18). Поэтому предпочтительна болѣе поздняя датировка грамоты—1372, послѣ разгрома Торжка в. к. Михаиломъ.

устрашился от дальнейшей борьбы против Москвы. Съ Михаиломъ было труднѣе; онъ снова воевалъ литовскую поддержку, наводилъ литовскихъ князей на Переяславль, Дмитровъ и Кашня, привелъ въ свою волю кашнянскаго князя Василія, который было опять перекнулся на московскую сторону. Потерялъ онъ и Новгородъ, который не сталъ держать его наместниковъ, разъ князь потерялъ ярлыкъ на великое княженіе. Михаилъ съ тою же литовскою ратью овладѣлъ за то Торжокъ, но его наместники сославы съ Торжка новгородцами. Михаилъ отвѣчалъ походомъ на Торжокъ и полнымъ разгромомъ этого города. Сильная литовская поддержка Михаилу могла бы поставить в. н. Дмитрія въ крайне опасное положеніе. Она, казалась, и появилась на Русь, когда прибылъ «со мноюю силою» в. к. Ольгердъ. Но неудачный для него бойъ подъ Любутскомъ въ юніи 1372 года¹⁾ привелъ къ отказу Ольгерда отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣяствій и новому его миру съ Москвою²⁾. Великому князю Дмитрію удалось окончательно отдѣлать вѣщія дѣла Великороссіи — отношенія къ Орду и Литвѣ — отъ борьбы съ тверскими князьями. Впрочемъ, татарскія отношенія этой поры были самымъ напряжены и запутаны, чтобы соглашеніе оказалось устойчивымъ. Главное значеніе событій 1372 года въ ликвидациі литовской войны и лишеніи Михаила тверского литовской поддержки.

Сила и вниманіе великорусской великокняжеской власти сосредоточены въ ближайшіе годы на татарскихъ дѣлахъ. Почти непрерывная тревога держать въ жуткомъ напряженіи Нижегородскую и Рязанскую уграины

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17—20; т. XI, стр. 15—19; т. XVIII, стр. 110—113. Въ Воскресенской и Симеоновской заятіе Торжка и Любутскій бой подъ 6881 (1373) г.; въ Наконковской, какъ и въ Новгородской I (стр. 362) подъ 6880 (1372) г. Предпочтѣнъ надо послѣднюю дату, какъ по общему ходу событій, такъ и потому, что сжатое изложеніе Воскресенской (и Симеоновской), суммирующее событія, не могло не обить хронологіи въ пользу болѣе позднихъ моментовъ. — Послѣ взятія Торжка в. к. Михаилъ привелъ новгородцевъ къ докончанію, слѣдъ котораго, съ новгородской стороны, въ «паказъ послать» (опредѣленіе С. М. Соловьева) — С. Г. Г. и Д., т. I, № 13, а со стороны в. к. Михаила въ грамотѣ С. Г. Г. и Д., т. I, № 16. Состоялся ли окончательный договоръ — не знаемъ: по грамотѣ № 16, если принять такую ея датировку, видно, что Михаилъ, взявъ силу надъ новгородцами, еще держится за великокняжескую власть надъ Новгородомъ. И его наместники снова водворялись въ Новгородѣ, Торжкѣ и въ волостяхъ новгородскихъ.

²⁾ Полагаю, что только въ этотъ моментъ, въ 1372 г. состоялся миръ Ольгерда съ в. к. Дмитріемъ и, затѣмъ, бракъ князя Владиміра Андреевича съ Клевою Ольгердовой («въ ту же зиму» 1372—1373 г.); въ 1374 г. князь Владиміръ обстраиваетъ свое удѣльное гнѣздо — Серпуховъ (см. выше, стр. 176—177); соотвѣственно этому проше дату его брака (на стр. 176)—1371 исправить на 1372—1373 годъ. Если летописи помѣщаютъ извѣстіе объ этомъ бракѣ подъ 1371 г., то подъ вліяніемъ записки о литовскихъ послазахъ этого года, что они «обручаша» литовскую княжну князю Владиміру, означавшей, повидному, лишь предварительное соглашеніе о бракосочетаніи.

Белкороссія, которыя не въ силахъ выдержать оборону безъ поддержки Белкоросскаго центра. Великокняжеское правительство выдвигаетъ по временамъ войска на лѣвию Оды и за Оку, «стерегаяся рати татарскія», посылаетъ ратную помощь Нижнему Новгороду; постепенно назрѣваетъ рѣшительное столкновение его съ татарскимъ міромъ, разрѣшившееся боемъ на Куликовомъ полѣ.

Михаилъ тверской, потерявъ главную опору въ союзѣ съ Литвой, вынужденъ, на время, замкнуться въ своихъ тверскихъ предѣлахъ. Онъ усиливаетъ укрѣпленія Твери, мирится съ в. к. Дмитріемъ; вынуждаетъ сына пѣв московскаго князя, отзываетъ намѣстниковъ съ городовъ великаго княженія, гдѣ они еще держались, и вступаетъ съ великимъ княземъ въ мирное докончаніе¹⁾. Но это докончаніе, условій котораго не знаемъ, оказалось только перемиріемъ. В. к. Михаилъ пытается еще разъ использовать трудное положеніе великокняжеской власти, чтобы нанести в. к. Дмитрію новый ударъ. Теперь его надежда на вражду, все нарастающую, между Москвою и Мамаевою Ордою. Въ іюлѣ 1375 г. московскій отъѣзчикъ Некоматъ снова вывезъ в. к. Михаилу изъ Орды ярлыкъ на Владимірское великое княженіе и ханскаго посла — въ поддержку ханскаго пожалованія. Михаилъ тотчасъ «сложилъ крестное пѣлованіе» къ в. к. Дмитрію, послалъ своихъ намѣстниковъ въ Торжокъ, свою рать на Угличъ. Но этимъ онъ навлекъ на себя конечную бѣду. В. к. Дмитрій поднялъ на Тверь всю Белкороссію, всѣхъ князей низовской земли, новгородскіе полки, даже кашинское ополченіе. А расчетъ Михаила на татарскую и литовскую помощь оказался ошибочнымъ²⁾. Пришлось ему искать мира и согласиться на договорное докончаніе, которыми закрѣплено полное крушеніе его многолѣтней борьбы. Въ договорѣ этомъ Михаилъ Александровичъ призналъ себя великому князю Дмитрію «братомъ молодшимъ», равнымъ князю Владимиру Андреевичу, подчинился

¹⁾ Къ этому моменту С. М. Соловьевъ отнесъ послѣднюю договорную грамоту между в. к. Михаиломъ и Великимъ Новгородомъ—С. Г. Г. и Д., т. I, № 17. (Ист. Россія, кн. I, ст. 999; то же у А. А. Шахматова, указ. соч., стр. 235 и 270). Эта грамота показываетъ, что послѣ разгрома Торжка Новгороду пришлось принять, на извѣстныхъ условіяхъ, власть Михаила: его намѣстники на Торжкѣ и др. новгородскихъ волостяхъ. Условій его «докончанія» съ в. к. Дмитріемъ не сохранилось.

²⁾ По свѣдѣтельству литовскихъ сводовъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22; т. XI, стр. 22—23; т. XVIII, стр. 115—116; т. XV, ст. 435) въ этомъ походѣ кромѣ оуль «низовской» земли и новгородцевъ участвовали князья смоленскій, новосильскій, обоянскій. Этотъ перечень то больше, то менѣе полный, связанъ въ Никоновской лѣтописи съ рассказомъ о томъ, что послѣдовавшее въ томъ же году нападеніи Мамаевыхъ татаръ на Нижній Новгородъ и Ольгерда на Смоленскъ были карой за участіе нижегородскихъ князей и смоленскаго князя въ походѣ на Тверь. Быть можетъ, эти нападенія — не столько кара, сколько запоздалая диверсія для поддержки Михаила? П. С. Р. Л., т. XI, стр. 24.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 28.

требованіямъ подчиненнаго одиначества съ великимъ княземъ, отказалъ отъ всякихъ притязаній на великое княженіе и на Новгородъ Великій зъ себя и за всѣхъ тверскихъ князей, призналъ независимость Кашина, подчинилъ великокняжеской политикѣ свои татарскія и литовскія отношенія словомъ условія этого договора только тѣмъ отличаютъ положеніе тверскаго великаго князя въ составѣ великорусскаго великаго княжества отъ положенія московскаго удѣльнаго князя, что спорныя дѣла между двумъ великими князьями вдутъ. если ихъ бояре не придутъ къ соглашенію и съѣздѣ, также какъ и разногласія въ «общемъ судѣ» по дѣламъ между тверичами и великокняжескими людьми, на третейское разрѣшеніе рязанскаго великаго князя Олега. Рядомъ съ в. к. Дмитріемъ введена въ этотъ договоръ съ Тверью и его вотчина Великій Новгородъ, и новгородско-тверскія отношенія регулируются въ этомъ же договорѣ, а не особой грамотой. Тверскимъ владѣніямъ Михаила Александровича противопоставлены территорія великокняжеской вотчины Москвы, всего великаго княженія и Новгорода Великаго. Въ этомъ своеобразная двойственность политической структуры договора. Тверской великій князь еще недавно, въ договорѣ и. к. Дмитрія съ литовскими послами 1371 года, писался «въ имени» великаго князя Ольгерда, а теперь вынужденъ сложить къ Ольгерду свое крестное дѣлованіе и признать свою органическую принадлежность къ великорусскому великому княжеству, въ составѣ котораго занимаетъ онъ положеніе, близкое къ положенію серпуховскаго удѣльнаго князя, равнаго ему въ княжомъ братствѣ и подчиненія великокняжескому старѣйшинству. Неживой, реальной остается еще политическая обособленность Тверскаго великаго княжества, «государства тверскаго», какъ будутъ говорить позднѣе. Договоръ 1375 года скорѣе только подготавливалъ и намѣчалъ, какъ задачу будущаго, прочное возстановленіе связи Тверскаго великаго княжества съ великорусскимъ великимъ княженіемъ, какъ части съ дѣльми, тѣмъ его осуществлялъ. Но принципиальная постановка требованія такой связи была крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ территориально-политическаго самоопредѣленія Великороссія, постепенно опредѣлявшей свой національно-политическій составъ ¹⁾.

IV.

Въ тяжкую годину напряженной вѣдшей и внутренней борьбы великорусская великокняжеская власть нашла въ митрополитѣ Алексѣѣ энергич-

¹⁾ Существенную черту этого договора составляетъ также включеніе Смоленскаго княжества въ сферу русскихъ земель, защита которыхъ—задача одиначества всѣхъ силъ великорусскаго великаго княжества: „а побѣдутъ на насъ Литва или на смоленскаго на князя на великаго, или на кого на нашу братью на князей, намъ ся ихъ боронити, а тобѣ съ нами, воимъ съ одного“.

ного и даровитого руководителя. Алексѣй явился на митрополичьей кафедрѣ прямымъ продолжателемъ дѣятельности св. Петра и Теофиота, углубляя связь церковно-политической работы митрополии съ великокняжеской политикой московскихъ князей. Эта связь получила при немъ особенно яркую окраску, благодаря особенностямъ его положенія, которое греки такъ изобразили (очевидно, по сообщенію московскихъ пословъ): в. к. Иванъ Иваковичъ «передъ своею смертью не только оставилъ на попеченіе этому митрополиту своего сына, вышшняго великаго князя всея Руси Дмитрія, но и поручилъ ему управленіе и охрану всего княжества, не довѣряя никому другому, ввиду множества враговъ внѣшнихъ, готовыхъ къ нападенію со всѣхъ сторонъ, и внутреннихъ, которые завидовали его власти и искали удобнаго времени захватить ее.»¹⁾ Традиціи владимірскаго митрополичьяго двора, сложившіяся еще во времена митр. Максима, окрѣпли и опредѣлились въ духѣ московской полѣтики, когда на митрополию вступилъ питомецъ московскаго княжескаго двора и его боярской среды и воспитанникъ митр. Теофиота. Личный отпечатокъ, наложенный на дѣятельность митр. Алексѣя его «стараніями сохранить (вѣренное ему) дѣти и удержать за нимъ страну и власть»²⁾, придавъ лишь больше цѣльности осуществленію ея принципиальной основы—борьбы за «приведеніе къ единству власти мірской»³⁾ въ связи съ защитой единства русской митрополии. А такая связь задачъ свѣтской власти съ церковно-политическими задачами митрополии расширила, въ значительной мѣрѣ, кругозоръ великокняжескаго правительства и содѣйствовала освященію ея политики особой идеологіей. Митр. Алексѣю пришлось въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ XIV вѣка вести параллельно съ дѣлами, размыгивавшимися на Русь, принципиальную борьбу съ литовскимъ врагомъ на византийской почвѣ. Въ 1370 и 1371 гг. между Русью и Константинополемъ шла оживленная переписка, въ которой митр. Алексѣй проводилъ весьма настойчиво опредѣленную тенденцію, исторически потому существующую, что за ней была значительная будущность въ исторіи московскихъ политическихъ теорій и воззрѣній.

Тенденція эта родилась въ полемикѣ, самозащитѣ и нападеніи. Двойственный характеръ дѣятельности митр. Алексѣя—политическаго дѣятеля и церковнаго іерарха—не могла не вызывать многихъ нареканій, тѣмъ болѣе, что іерархическая власть служила въ его рукахъ интересамъ свѣтской политики, какъ, напримѣръ, въ недавнемъ нижегородскомъ дѣлѣ. По смерти литовскаго митрополита Романа (въ концѣ 1361 г.) митр. Алексѣй

¹⁾ Р. И. В., т. VI, приложеніе, № 30.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, № 33. Византийскія представленія о русскихъ дѣлахъ и о значеніи русской митрополии въ политической жизни Руси, какъ онѣ выражены въ грамотахъ 1380-хъ годовъ (патр. Никола и Антонія), сложились, несомнѣнно, подъ влияніемъ дѣятельности митр. Алексѣя.

достигъ воссоединенія митрополія Кіевской и всея Руси ¹⁾. Политическій вѣсъ его церковнаго авторитета получилъ сугубое значеніе не только для внутреннихъ дѣлъ сѣверной Руси, но и для ея западно-русскихъ отношеній. И митрополитъ Алексій сумѣлъ не только преодолѣть первоначальное недо- вѣріе патріархіи, какимъ сопровождалось его поставленіе на митрополію, но и приобрѣсти значительное вліяніе на нее. Онъ внушилъ патріарху Филовею увѣренность, что высокое и властное положеніе русскаго митрополита отвѣ- чаетъ интересамъ патріархіи; патріархъ оказываетъ рѣшительную поддержку этому положенію, лишь настаивая на томъ, что въ немъ—отраженіе священ- наго авторитета вселенскаго патріарха: «митрополитъ, мною поставленный, пишетъ патріархъ великому князю Дмитрію, носитъ образъ Божій и нахо- дится у васъ вмѣсто меня, такъ что всякій, повинующійся ему и желающій оказывать ему любовь, честь и послушаніе, повинуетъ Богу и нашей вѣр- ности, и честь, ему воздаваемая, переходитъ ко мнѣ, а черезъ меня прямо къ самому Богу». Поэтому за дѣйствіями митрополита опора во всемъ авторитетѣ патріаршей власти: «кого митрополитъ благословитъ и возлюбитъ за что либо хорошее—за благочестіе и за послушаніе—, того и я вмѣю благословен- нымъ и Богъ также; напротивъ, на кого онъ прогнѣвается и наложитъ запрещеніе, и я также» ²⁾. Такая готовность патріарха поддержать дѣй- ствія митрополита всею силой своего авторитета получала совсѣмъ исклю- чительное значеніе въ связи съ тѣмъ, что митрополитичье благословеніе и запрещеніе стали на Руси немаловажнымъ орудіемъ политической борьбы. Въ грамотѣ къ Алексію патріархъ, выражая ему «любовь особенную и довѣренность отиѣнную», поощряетъ его обращеніе къ патріархіи не только о церковныхъ потребностяхъ, но и по государственнымъ дѣламъ, такъ какъ, по мысли патріарха, «великій и многочисленный народъ», который вѣруетъ Алексію «общимъ отцомъ, учителемъ и посредникомъ передъ Богомъ» и «весь зависитъ» отъ него, требуетъ «великаго попеченія». До насъ не дошли грамоты, съ какими обращались къ патріарху в. к. Дмитрій и митр. Алексій по государственнымъ дѣламъ ³⁾, но содержаніе этого обращенія

¹⁾ Грамота патр. Филовея, которая подтверждаетъ постановленіе, «чтобы литов- ская земля ни подъ какимъ видомъ не отлагалась и не отдѣлялась отъ власти и духовнаго управленія митрополита кіевскаго» (Р. И. Б., тамъ же, № 15; должна быть отнесена къ 1371 году и отражаетъ колебанія патр. Филовея, возникшія въ ту пору подъ давленіемъ протестовъ Ольгерда и Казимира Великаго), сообщаетъ, что такъ было постановлено соборнымъ дѣяніемъ патр. Каллиста, очевидно, во второе его патріаршество, т. е. въ 1362 или 1363 году (до августа этого года).

²⁾ Р. И. Б., тамъ же, № 16.

³⁾ Тамъ же, № 17. Патр. Филовей пишетъ въ отиѣтъ на грамоту, которую при- везъ ему митрополитчій человѣкъ, Аввакумъ, и посылаетъ свои грамоты на Русь «по желанію и по просьбѣ» в. к. Дмитрія.

указано въ патріаршей грамотѣ: митрополитъ и великій князь писали ему о русскихъ князьяхъ, нарушившихъ свои клятвы и мирныя условія.

Недавно закончилась борьба митр. Алексѣя и в. к. Дмитрія за великое княженіе Владимірское и всяя Руси, закончилась приведеіемъ «въ свою волю» великаго князя—князей суздальскаго, ростовскаго, стародубскаго, галицкаго, бѣлозерскаго. Шла борьба съ Ольгердомъ, къ которому приквнзл смоленскій князь Святославъ Ивановичъ и тверской Михаилъ Александровичъ; приходилось признать князя смоленскаго «однимъ человекомъ» съ в. к. Ольгердомъ, а тверскаго князя писать «въ имени» великаго князя литовскаго ¹⁾. Назрѣвало новое столкновение съ Рязанью.

Великокняжеское правительство, руководимое митр. Алексѣемъ, стремилось наполнить реальнымъ политическимъ содержаніемъ традиціонное старѣйшинство великихъ князей «всая Руси»—«привести къ еднству власть мірскую». Мѣстныя княжескія власти и, по крайней мѣрѣ, часть русскаго общества воспринимали эту тенденцію, какъ «посыганье» на обычную старину и пошину, но возможна была ея защита, какъ укрѣпленія подлиннаго единчества русскіхъ князей «въ любви и докончаньи» подъ главенствомъ великаго князя всея Руси. Очевидно, что въ писаніяхъ къ патріарху великій князь и митрополитъ выступали защитниками союза князей въ подчиненномъ великокняжеской власти ихъ братскомъ единствѣ, которое закрѣплено договорными докончаніями и взаимнымъ крестоцѣлованіемъ, отъ непокорныхъ нарушителей. Патріархъ откликнулся, кромѣ отвѣтныхъ грамотъ великому князю и митрополиту, двумя другими грамотами, которыя обращены ко всѣмъ русскимъ князьямъ, такъ сказать—директивно. Одна изъ нихъ призвала князей Русской земли въ общахъ выраженіяхъ къ оказанію подобающаго уваженія, почтенія, послушанія и благопокоренія митрополиту, какъ представителю патріаршей пастырской власти, замѣстителю самого патріарха, «отцу и учителю душъ». Другая же дѣлаетъ изъ всѣхъ этихъ предпосылокъ практическій выводъ и даетъ имъ позитивское прижненіе. Патріархъ усвоилъ точку зрѣнія великокняжескаго правительства на обязательное княжеское единчество всѣхъ князей Русской земли, скрѣпленное договоромъ, «страшными клятвами и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго креста», однако—въ той специальной окраскѣ и въ томъ специальномъ прижненіи, какое, очевидно, было ему подсказано московскимъ освѣщеніемъ русскіхъ дѣлъ и отношеній. Содержаніе и цѣль союза всѣхъ русскіхъ князей подъ главенствомъ великаго князя всея Руси въ дружной борьбѣ противъ «враговъ креста», чуждыхъ нашей вѣрѣ и «безбожно поклонящихся огню», т. е. Литвы. Война в. к. Дмитрія съ Ольгердомъ представлена въ патріаршей грамотѣ самоотверженной борьбой за христіанскаго Бога, исполненіемъ обязанности «воевать за Него и поражать враговъ Его».

¹⁾ С. Г. Г. и Д. т. I, № 31.

Но среди русских князей нашлись такие «презрители и нарушители заповѣдей Божиихъ и своихъ клятвъ и обѣщаній», которые соединились съ «нечестивымъ» Ольгердомъ противъ великаго князя Дмитрія. За это, сообщаетъ патріаршая грамота, митрополитъ наложилъ на нихъ отлученіе отъ церкви, и патріархъ не только подтверждаетъ это отлученіе, «такъ какъ они дѣйствовали противъ христіанскаго сбжезвѣтія», но требуетъ, чтобы отлученные князья заслужили прощаніе митрополита и примиреніе съ Церковью общими ополченіемъ, вмѣстѣ съ великими княземъ, на «враговъ креста» — великаго князя Ольгерда и литовцевъ¹⁾. По этой общей грамотѣ составлена и особая — смоленскому князю Святославу Ивановичу, которая внушаетъ ему, что его союзъ съ Ольгердомъ противъ в. к. Дмитрія есть «тяжкій грѣхъ противъ своей вѣры и своего христіанства», и призываетъ его къ искреннему поканію и исправленію передъ митрополитомъ²⁾.

Византійская школа усвоена митр. Алексѣемъ и использована имъ. Идея «свѣщенной христіанской политикѣ», противъ которой, по словамъ патріаршей грамоты, князья союзники Ольгерда такъ тяжело согрѣшили, что заслужили отлученіе, использована для освященія московской политикѣ: православная Русь — часть этого политическаго тѣла Церкви, власть великаго князя всяя Руси и русскаго митрополита — органы его устройства и защиты.

Что источникъ всего идейнаго содержанія грамоты патр. Филовея, поскольку оно тутъ пригнѣнено къ русскимъ дѣламъ, въ грамотахъ и внушеніяхъ митр. Алексѣя, ясно изъ того перелома въ отношеніи патріарха къ русскому митрополиту, какой произошелъ въ ближайшее послѣдующее время.

Выступленіе патр. Филовея противъ князей, союзниковъ Ольгерда, вызвало рѣзкую отвѣдь литовскаго великаго князя³⁾. Обвиненіямъ, какія выдвинулъ противъ него митр. Алексѣй, Ольгердъ противопоставляетъ обвиненіе великорусскаго великокняжескаго правительства въ нарушеніи мира, скрѣпленнаго крестнымъ цѣлованіемъ, предательскомъ захватѣ его шурина тверскаго великаго князя Михаила, отятія владѣній у его зятя Бориса нижегородскаго, нападеніи на другого его зятя, новосильскаго князя; Ольгердъ обвиняетъ митрополита въ томъ, что тотъ «благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови», а слугъ литовскаго великаго князя, которые нарушили крестное цѣлованіе и перешли на московскую сторону, какъ князья козельскій и виземскій, освобождаетъ отъ данной и нарушенной клятвы; упрекаетъ Ольгерда и патріарха за то, что дѣлаютъ это Алексѣй съ патріаршаго благословенія. Общей тенденціи патріаршнихъ грамотъ

¹⁾ Р. И. Б., тамъ же, №№ 18 и 20. Обѣ грамоты въ подлинникѣ скрѣплены собственноручною надписью патр. Филовея: «мѣсяца іюня, надѣкта 8».

²⁾ Тамъ же, № 21.

³⁾ Тамъ же, № 24.

грамота Ольгерда противопоставляет утверждение, что митрополиту слѣдовало бы благословить москвитянъ на помощь Литвѣ въ войнѣ съ нѣмцами. А заканчивается жалобой, что западная Русь заброшена митрополитомъ, и требуетъ отъ патриарха поставленія для нея другого митрополита «на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малуя Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ»¹⁾).

Еще существеннѣе для патриарха были протесты противъ сохранения вѣконнаго единства русской митрополіи съ другой стороны. Польскій король Казиміръ обратился, въ ту же пору, къ патриарху съ требованіемъ поставить особаго митрополита на Галицкую митрополію, такъ какъ «Малая Россія», состоящая подъ властью польскаго короля, «гибнетъ имѣи безъ закона», и добавилъ угрозу, что отказъ заставитъ его «крестить русскихъ въ латинскую вѣру»²⁾.

Прибыло въ Константинополь и посольство отъ тверскаго великаго князя Михаила съ жалобами на митр. Алексѣя и требованіемъ суда надъ нимъ. Митрополитчье отлученіе поразило и в. к. Михаила и его братьевъ, тверскихъ князей, и епископа тверскаго Василія³⁾. Политическая борьба на

¹⁾ Датировка этой грамоты у П. П. Соколова („Русскій архіерей изъ Византии“, стр. 401) „между июнемъ и декабремъ 1370 года“ основана на ошибочномъ представленіи, что въ декабрѣ 1370 г. былъ заключенъ „вѣчный миръ“ между Литвой и Москвою, но, по существу, приемлемо, такъ какъ повода она сторгая въ отвѣтъ на недодешедшее до насъ патриаршее посланіе къ Ольгерду (упоминаніе о немъ—Р. И. Б., тамъ же, ст. 145—146), одновременное съ другими (июньскими) грамотами этого года. Дата „Памятникъ каноническаго права“—1371 г., основанная на положеніи документа въ сборникѣ патриаршихъ грамотъ, изданномъ Миклошичичемъ и Мюллеромъ, послѣ акта отъ мая 1371 г., можетъ указывать на время полученія въ Константинополь грамоты, которая, вѣроятно, и послана была по возвращеніи Ольгерда изъ русскаго похода. Патриаршая грамота могла только масса поднять въ огонь русско-литовской вражды. Отвѣтъ Ольгерда не даромъ поражаетъ П. П. Соколова „своею необдуманностью“: фантастично очерчиваетъ размѣры будущей митрополіи („сфера вліянія Литвы“), причѣмъ нѣсколько странно отсутствіе притязанія на Новгородъ и Псковъ; крайне грубымъ тономъ придаетъ ей тексту характеръ не дипломатической ноты, а темпераментальной вымолки.

²⁾ Р. И. Б., тамъ же, № 22; Казиміръ Великій умеръ къ концу 1370 года.

³⁾ Р. И. Б., тамъ же, № 28, 27, 28. В. к. Михаилъ и тверскіе князья просили патриарха снять съ нихъ наложенную митрополитомъ вѣтимость, но патриархъ не нашелъ возможнымъ исполнить это, а потребовалъ отъ митр. Алексѣя снятія отлученія, пока не свершится патриаршій судъ (въ греческомъ текстѣ слово „ихъ“—тѣхъ, кого надлежало Алексѣю разрѣшить, относится не къ людямъ тверскаго князя которые пойдутъ съ посланіи митрополита на судъ патриарха, а къ князьямъ, чьи „люди и ихъ“ составить это посольство отъ Твери; русскій переводъ далъ тексту иной смыслъ—тамъ же, ст. 151—152). О времени этого отлученія см. у П. П. Соколова, указ. соч., стр. 408; тутъ же примѣчаніе, гдѣ задрещеніе, наложенное на св. Василія, поставлено въ связь съ столкновеніемъ между нимъ и княземъ Васи-

Руси чрезвычайно подчинила себя церковным отношениям; митр. Алексѣй отождествилъ вѣрность Церкви съ вѣрностью крестоцѣловальному признанию власти в. к. Дмитрія.

Передъ патріархомъ раскрылась такая связь и западно-русской и великорусской политики Москвы съ церковными отношениями русской митрополии, которая и его сдѣлала орудіемъ этой политики. А подобная роль грозила компрометировать патріаршій авторитетъ не только въ Литовско-русскомъ государствѣ, но во всей сферѣ литовскаго вліянія, не говоря уже объ угрозахъ польскаго короля разорвать связи его русскаго владѣнія съ восточной церковью.

Патр. Филоеѣй—въ мѣѣ 1371 года—утвердилъ соборное дѣяніе о поставленіи на галицкую митрополию королевскаго кандидата еп. Антонія съ передачей въ его управление владимірской, перемишльской, турновской и холмской епархій, т. е. владѣній польскаго короля, а затѣмъ—въ августѣ—обратился къ митр. Алексѣю съ посланіемъ, гдѣ сообщалъ о поступающихъ на него обвиненіяхъ: митрополитъ «утвердился на одномъ мѣстѣ», а «всѣ прочія оставилъ безъ пастырскаго руководства, безъ ученія и безъ духовнаго надзора»—не посѣщалъ Малороссіи втеченіе ряда лѣтъ ¹⁾. Осудилъ патріархъ и «соблазнительные раздоры съ тверскимъ княземъ Михаиломъ» ²⁾. Патріархъ сообщалъ митрополиту о назначеніи Антонія на малорусскую митрополию и зналъ его на судъ—либо лично, либо черезъ присланныхъ въ Константинополь митрополитичьихъ бояръ ³⁾. Рѣшившись на такой шагъ, патріархъ дѣйствовалъ, однако, съ большой осторожностью, избѣгая столкновенія съ обѣими сторонами и подчиненія своихъ дѣйствій одной изъ нихъ ⁴⁾; его грамоты митр. Алексѣю—налагаютъ обвиненіе въ

лѣмъ кашинскимъ, союзникомъ Москвы. Василій, вѣроятно, сыгралъ роль въ поддержкѣ захвата Михаиломъ великаго княженія и освобожденія его отъ крестного цѣлованія в. к. Дмитрія.

¹⁾ Р. И. Б., тамъ же, № 23 и 26.

²⁾ Тамъ же, № 28.

³⁾ Тамъ же, № 26; требованіе на судъ представителей тверскаго князя въ грамотѣ № 27.

⁴⁾ Въ грамотѣ къ митр. Алексѣю патріархъ категорично сообщаетъ, что отдалъ Антонію Галичъ и малорусскія епископіи польскаго владѣнія; но въ соборномъ дѣяніи подчеркиваютъ, что передача этихъ епархій сдѣлана «въ видѣ придачи» къ галицкой епархіи, до тѣхъ поръ пока прекратятся нѣмъ происходящія тамъ смуты и не встанетъ миръ и ковецъ соблазнамъ; «временность» передачи (подчеркнутая подателемъ въ русскомъ переводѣ—ст. 132) характерная черта политики патріарха, избѣгавшаго неоправданныхъ шаговъ. Къ этой порѣ надо отнести грамоту патр. Филоеѣя, которой было добились послы митр. Алексѣя, о подтвержденіи имъ соборнаго дѣянія патр. Калкита, но патріархъ не утвердилъ ея, а призналъ это (свое) дѣяніе «отжѣвеннымъ и недѣйствительнымъ», хотя она уже была внесена въ кодексъ соборныхъ актовъ. (Р. И. В. тамъ же, ст. 98).

тоѣ самооправданія патриарха, а судъ, которому и срокъ былъ назначенъ, въ концѣ концовъ не состоялся. Въ Москвѣ не приняи формальнаго патриаршаго суда, а ходъ событій привелъ къ крушенію литовскій и тверской натискъ на московско-владимірское великое княженіе. Повидимому, сообщеній патриаршаго посла ¹⁾, отправленнаго на Русь къ митрополиту, выдавшаи патриарху реальное соотношеніе борющихся силъ, съ которыми приходилось считаться. Патриархъ круто мѣняетъ тонъ, не настаиваетъ больше на явкѣ сторонъ къ суду, а посылаетъ митр. Алексію и в. к. Михаилу грамоты, призывающія ихъ къ примиренію, предлагаетъ даже посредничество между ними своего посла-представителя, пребывавшаго у митрополита на Руси; в. к. Михаилъ получаетъ теперь прямой совѣтъ просить у митрополита прощенія и строгое внушеніе о храненіи крестнаго цѣлованія. Патриархъи пришлое удовольствоваться новыми объясненіями и оправданіями митр. Алексія, который опровергалъ обвиненія польскаго короля и литовскаго великаго князя—указаніемъ на непреклонную вражду Ольгерда, которая лишала его возможности лично посѣщать Кіевъ и западныя епархіи, а источникомъ имѣла защиту Великороссіи отъ стремленія Ольгерда «пріобрѣсти себѣ власть и въ Великой Руси» ²⁾.

Патриархъ отступаетъ—на время. Но его отношеніе къ дѣятельности митр. Алексія въ коренѣ иное. Онъ и теперь настойчиво ставитъ Алексію на видъ, что тотъ посвященъ въ митрополиты «не одной какой либо части, но всей Руси» и обязанъ относиться ко всѣмъ князьямъ Русской земли съ равною пастырскою любовью, а не такъ, чтобы «однихъ изъ нихъ любить, какъ своихъ сыновъ», а другихъ вѣтъ; такъ же, съ полнымъ безпристрастіемъ между Москвою и Литвою призываетъ патриархъ Алексія относиться къ обоимъ великимъ князьямъ, примириться съ Ольгердомъ, чтобы открыть себѣ доступъ къ попеченію о западно-русской церкви и «христовявннотомъ народѣ господнемъ», который состоитъ подъ властью латовскаго великаго князя ³⁾. Не только изъ западной Руси, но также изъ Византии подымались вѣннія, противныя превращенію Кіевской митрополіи

¹⁾ Іоанна Докіана, довѣреннаго лица при патр. Филоеѣ.

²⁾ Р. И. В., тамъ же, № 30 (ст. 167—168).

³⁾ Р. И. В., тамъ же, № 28. При патриаршемъ дворѣ сложилась и оставалась та суровая оцѣнка дѣятельности митр. Алексія, какую находимъ, напримѣръ, въ соборномъ дѣланіи 1589 года (тамъ же, № 23): облеченный саномъ митрополита, киръ Алексій „сталъ не одинаково относиться ко всѣмъ князьямъ и не о всѣхъ равно заботиться, какъ бы слѣдовало имѣющему о всѣхъ дать отытъ въ день суда, но къ однимъ показывать отвращеніе, а къ другимъ расположеніе“, а когда сталъ опекуномъ в. к. Дмитрія, то „весь предался этому дѣлу и презрѣлъ божественныя законы и постановленія, принявъ на себя, вмѣсто пасенія и поученія христіанъ, мірокое начальствованіе, вслѣдствіе чего, праваяиный учить миру и согласію, воздвечивъ былъ въ войнѣ, брани и раздорѣ“ (ст. 197—198).

и всея Руси въ національное великорусское учрежденіе, опору великорусской великокняжеской власти и орудіе ея мірской политики. Эти вліянія восторжествуютъ при преeminнахъ Алексѣя въ связи съ общимъ ходомъ политической жизни Восточной Европы, до тѣхъ поръ, когда окончательная побѣда національнаго характера русской церкви и ея митрополіи не закрѣпится канонизаціей памяти св. Алексѣя по почину восприемника его завѣтовъ митр. Іоны.

«Вѣчный миръ» между великими князьями Ольгердомъ и Дмитріемъ и мирное докончаніе съ Дмитріемъ тверского великаго князя, казалось, должны были завершить весь этотъ церковно-политическій эпизодъ. Однако, в. к. Ольгердъ не могъ примириться съ положеніемъ русской церкви въ подвластныхъ ему земляхъ, и дѣло объ отношеніи митр. Алексѣя къ западно-русскимъ епархіямъ вскорѣ подялось съ новой силой, при обстоятельстахъ, которыя указаны въ нашихъ источникахъ только весьма глумливыми намеками. Повидному, Ольгердъ использовалъ ту постановку вопроса, какую находимъ въ примирительныхъ грамотахъ патр. Филоея для предъявленія Алексѣю рѣшительныхъ требованій: прибыть въ Кіевъ на постоянное пребываніе или согласиться на избраніе для кievской митрополіи особаго пастыря ¹⁾. Отказъ митр. Алексѣя далъ поводъ для новыхъ жалобъ и домогательствъ при патриаршемъ дворѣ. Патр. Филоей отправилъ на Русь довѣреннаго янока Кипріяна для разъясдованія дѣла на мѣстѣ. Противорѣчивыя показанія повдѣйшшихъ дѣяній патриаршаго собора до крайности затрудняютъ не только правдальное освѣщеніе, но и фактическое представленіе того, что затѣмъ произошло.

Прежній представитель патр. Филоея на Руси—Іоаннъ Докіанъ поѣхалъ въ Москву и тамъ, повидному, легко поддався вліянію митр. Алексѣя. Теперь патриаршій легатъ ѣдетъ на Ляту и оттуда ведетъ свовенія съ митр. Алексѣемъ. Западно-русскіе князья отиравали, по его почину, послать къ митрополиту, обѣщая прекратитъ раздоры и признавать его своимъ

¹⁾ Все дальѣйшее дѣло о русской митрополіи изложено въ двухъ соборныхъ дѣяніяхъ—патр. Нила (1380 г.), благоприятномъ для митр. Алексѣя, и патр. Антонія, резко ему враждебномъ (1389 г.)—Р. И. В., тамъ же, №№ 30 и 33. О требованіяхъ Ольгерда говорить первое изъ нихъ, но называетъ приглашеніе Ольгердомъ Алексѣя въ Кіевъ „лицемѣрнымъ“; это дѣяніе явно повторяетъ доводы и объясненія Алексѣя. Возможно, что обращеніе Ольгерда къ митрополиту ставило вопросъ ребромъ, чтобы вызвать его на отказъ. Дѣяніе 1389 г. представляеть дѣло такъ, что литовско-русскіе князья на призывъ патриарха къ примиренію, „изъявили готовность принять митрополита“, но Алексѣй „совершенно отказался отъ примиренія, ни во что поставивъ патриарша грамоты“ (ст. 197—200). Дѣяніе 1380 г. оправдываетъ Алексѣя, такъ какъ онъ отвергъ приглашеніе сдѣланное „съ коварной цѣлью“ и „безъ всякой настоятельной нужды“; а по этому поводу „сплетены были обвиненія противъ митрополита“; дѣяніе 1889 г. настаиваетъ на томъ, что Алексѣй пренебрегъ патриаршими грамотами.

пастыремъ, а Кипріянь убѣдигъ Алексѣя прїѣхать въ Кіевъ. Но сборы митрополита въ эту поѣздку были прерваны и сама поѣздка не состоялась послѣ свиданія митрополита съ литовскимъ посломъ, такъ какъ Алексѣй «патріаршія наставленія и упомянутого посла признавъ враждебными себѣ и совершенно отказався отъ поѣздки къ нимъ»¹⁾. Тогда поднялся съ новою силой жалобы и обвиненія противъ митр. Алексѣя съ цѣлью добиться поставленія особаго митрополита на Кіевъ. Западно-русскіе князья, съ в. к. Ольгердомъ во главѣ, рѣшили не принимать митр. Алексѣя, если-бы онъ и захотѣлъ прїѣхать въ Кіевъ, и послали патріарху грамоту о поставленіи имъ другого архіерея. Кандидатъ былъ у нихъ пріемлемый для Византіи—Кипріянь. Мотивировка ходатайства должна была, конечно, содержать рядъ обвиненій противъ митр. Алексѣя²⁾: для этого предыдущая переписка накопила достаточный матеріалъ. Политическая невозможность согласовать дѣятельность митр. Алексѣя съ его прізвищемъ, какъ митрополита «всехъ Русь», была слишкомъ очевидна. Патріархія уступила настояніямъ свѣтскихъ властей Литовско-русскаго государства, и 2 декабря 1375 года Кипріянь посвященъ на Кіевскую и Литовскую митрополию³⁾. Но поставленіе это не означало раздѣленія митрополіи на двѣ особы: патріархія подтверждала, что на Русь долженъ быть одинъ митрополитъ, какъ требуется

¹⁾ Такъ въ дѣяніи 1369 г. (тамъ же, ст. 201—202); дѣяніе 1380 г. приписываетъ отказъ Алексѣя извѣстѣ Кипріяна, который отговаривалъ его отъ поѣздки, уверяя, что беретъ все уладить (ст. 171—172). Надо полагать, что оба дѣянія основываются на показаніяхъ, съ одной стороны, Алексѣя, съ другой, литовцевъ и Кипріяна. При различіи толкованія фактовъ и ихъ освѣщенія, можно, однако, такъ понять, что литовско-русскіе послы поставили митр. Алексѣю неприемлемыя условія, напримѣръ, возвращеніе постоянной резиденціи въ Кіевъ, а Кипріянь далъ Алексѣю поводъ думать, что выяснитъ дѣло передъ патріархомъ, который, требуя отъ него дѣятельнаго пастырства въ западной Русь, не поднималъ вопроса о резиденціи. П. П. Соколовъ осложняетъ свое изложеніе этого дѣла рядомъ недоказуемыхъ предположеній (напр. о намѣстничествѣ Митяя, какъ доказательствъ, что Алексѣй собирался въ Кіевъ надолго, объ «упражденіи» и «восстановленіи» Суздальской епархіи).

²⁾ Дѣяніе 1389 г. сообщаетъ, что патріархъ еще разъ обращался къ митр. Алексѣю съ требованіемъ примиренія съ западно-русскими князьями и поѣздки (или перевода?) въ Кіевъ, но что митрополитъ даже не отвѣтилъ на его грамоту (ст. 201—202). Дѣяніе 1380 г. обвиняетъ Кипріяна въ домогательствамъ изложенія митр. Алексѣя и сообщаетъ, что на Русь были отправлены отъ патріарха церковные савонники, уполномоченные произвести дознаніе о жизни митрополита, и что къ донесенію высланы пустоты и несостоятельность обвиненій (ст. 171—174). Ср. въ Никоновской подъ 6884 (1376) г.: «пріѣдохъ изъ Царяграда два пѣкал протодіакона, савонника суца, одному имя Георгію, а другій Іванъ» (П. С. Р. Л. т. XI, стр. 25); странное поясненіе «савонника суца» повторяетъ слова дѣяніи 1380 г. о «царюньихъ савонникахъ». Эти «савонники» поѣхали на Русь вмѣстѣ съ поставленнымъ на митрополию Кипріяномъ.

³⁾ Относительно даты см. у П. П. Соколова (указ. соч.), стр. 451—452.

«и правомъ, и пользой, и обычаемъ», а чтобы такое «древнее устройство сохранилось и на будущее время», постановила, что митр. Киприанъ поучать, послѣ кончины митр. Алексѣя, всю русскую митрополию ¹⁾.

Эти постановленія весьма характерны. Патриаршая власть поднимает дорожить единствомъ русской митрополи: въ этомъ единствѣ важная для интересовъ патриарха гарантія противъ рѣшительной націонализаціи русской церкви и ея подчиненія свѣтскимъ властямъ великорусскаго и литовскаго великихъ князей. Митрополитъ всея Руси, равно относящійся къ политическимъ интересамъ Москвы и Литвы, а потому болѣе независимый въ своей церковно-политической дѣятельности отъ мѣстныхъ свѣтскихъ властей, представлялся патриаршей власти лучшей опорой ея «вселенскаго» авторитета. И Константинополь сумѣлъ провести на русскую митрополию людей, которые пойдутъ не по стопамъ митр. Алексѣя, а по тому пути компромисса между московско-владимірской митрополіей и ея значеніемъ какъ «Кіевской и всея Руси», какой былъ предуказанъ еще въ послѣднихъ грамотахъ патриарха Филовея.

Политическія обстоятельства Восточной Европы за полъ-столѣтія—въ

¹⁾ Въ этомъ согласны оба дѣянія (ст. 171—172 и 203—204). Иначе повялъ дѣло Голубинскій (т. II, ч. I, стр. 212—214). Но дѣяніе 1380 г. согласно съ дѣяніемъ 1389 г., когда сообщается, что Киприанъ овладѣлъ „одной частью церкви еще при жизни митрополита“ и получалъ, сверхъ того, „такое соборное дѣяніе, чтобы ему не уступить и другой части“. Иное дѣло приписываемое Киприану домогательство вназочіе Алексѣя, причѣмъ текстъ дѣянія 1380 г. указываетъ, повидному, на то, что мотивомъ, кромѣ какихъ-то обвиненій, былъ выставляемъ престарѣлый возрастъ митр. Алексѣя. „Дознаніе о жизни“ митр. Алексѣя, произведенное патриаршими уполномоченными, устранило это домогательство. До ихъ доклада патриаршему собору, подтвержденнаго и показаніями многихъ другихъ, пришедшихъ оттуда людей (пословъ изъ Москвы), вопросъ о времени, когда Киприанъ станетъ митрополитомъ „всея Руси“ оставался формально открытымъ. Ср. П. П. Соколова, указ. соч. стр. 452—455.

По нашимъ литописнымъ сводамъ Киприанъ, водворившись на западно-русской митрополіи, сдѣлалъ попытку сразу подчинить себѣ Новгородъ, но получилъ тутъ въ отвѣтъ указаніе на Москву: Новгородъ признаетъ его, когда онъ станетъ митрополитомъ на всей Руси (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 25; новгородскій отвѣтъ приведенъ тутъ въ такой формѣ: „шли къ великому князю на Москву и аще ты примешь митрополитомъ на Русь, то я намъ оси митрополитъ“, а затѣмъ слѣдуетъ замѣчаніе: „слышавъ же митрополитъ отвѣтъ новгородскій и не посла къ великому князю на Москву“: поправка Голубинскаго, указ. соч., стр. 214, примѣчаніе, не нужна). Утвержденіе Никоновской (т. XI, стр. 25), что Киприанъ, прѣѣхавъ на Русь, только неприятный в. к. Дмитрію „поиде съ Москвы въ Кіевъ и тамо живаше“—противорѣчатъ всѣмъ другимъ даннымъ и есть простое редакціонное недоразумѣніе (ср. „на Русь“ и „съ Москвы“: въ источникѣ свода, навѣрное, не было „съ Москвы“, а иначе былъ бы отмѣченъ и самый фактъ прѣѣзда Киприана на Москву). Наибольшее, что можно допустить, это что Киприанъ пытался прѣѣхать самъ въ Москву съ цареградскими слѣдователями, но не былъ до этого допущенъ.

последних десятилетій XIV-го и первых XV-го вѣка—создали условия, благоприятныя для такого отклоненія сѣверной митрополіи отъ традиціи, сложившейся при первыхъ ея представителяхъ. Этотъ переломъ вызвала тяжкую церковную смуту, которая разыгралась послѣ кончины митр. Алексѣя (умеръ 12 февраля 1378 г.), а опредѣлился въ общихъ условіяхъ политической жизни Великороссіи, созданныхъ, послѣ смерти Ольгерда (1377 г.) и митр. Алексѣя, началомъ прямой борьбы Великороссіи съ татарщиной, возвышеніемъ и политикой Витовта.

V.

Предыдущія страницы вмѣли задачей нѣсколько выяснитъ крупное значеніе митр. Алексѣя въ постепенномъ развитіи національно-политической идеологіи изъ тѣхъ скромныхъ ея зачатковъ, какіе заложены въ построеніи митрополитскаго «общерусскаго» литовскаго свода начала XIV вѣка. Попытка осмыслитъ задачи текущей политической борьбы средневѣковой теоріей «христіанскаго общенія» и войны съ «врагами креста», освѣтитъ ея сложившіяся отношенія и тенденціозно ее использовать для интересовъ великорусской великокняжеской власти—практически сорвалась послѣ временнаго успѣха, но оставила глубокий слѣдъ въ дальнѣйшемъ ходѣ московской публицистической мысли. Она вмѣла на русской почвѣ слишкомъ глубокіе корни, чтобы пройти безслѣдно. Борьба съ Литвой, столь обострившаяся съ конца шестидесятихъ годовъ XIV вѣка, принимала въ настроеніи русскихъ людей все болѣе опредѣленный характеръ національной борьбы и получила въ грамотахъ митр. Алексѣя вѣроисповѣдную окраску, которая углубляла боевое настроеніе великокняжеской политики и подвигала подъ притязанія великокняжеской власти на руководство судьбами Великороссіи широкое принципиально-идейное оскожденіе. Кругъ представлений, въ рядъ которыхъ вводилась эта борьба подобной идеологіей, выводилъ великокняжескую политику на историческую сцену, значительно болѣе широкую, чѣмъ предѣлы великорусскаго политическаго міра, и, что для даннаго момента было особенно существенно, ставилъ передъ западно-русскимъ православнымъ обществомъ острый вопросъ, гдѣ ему видѣть центръ своей національной жизни—въ Литвѣ или въ Москвѣ. Конечно, вѣтъ и повода говорить о сознательной, отчетливой постановкѣ такого вопроса въ сколько-нибудь общей формѣ. Но рядъ характерныхъ фактовъ исторіи отношеній между Литовско-русскимъ государствомъ и Великороссіей свидѣтельствуетъ о такнхъ колебаніяхъ западно-русскихъ политическихъ силъ между Москвой и Литвой, которыя дѣлаютъ и для даннаго времени понятнымъ позднѣйшее предостереженіе Казимира, короля польскаго и великаго князя литовскаго, своей литовской радѣ, чтобы она поменьше рассчитывала на русскихъ Литовско-русскаго государства, такъ

какъ должна сознать, насколько тѣ враждебны литвинамъ и готовы содѣйствовать не столько побѣдѣ литовцевъ, сколько ихъ гибели, въ случаѣ войны съ Москвою ¹⁾.

Исходъ семидесятыхъ годовъ—послѣ смерти Ольгерда—принесъ Литовскому великому князю время смуты и внутренняго ослабленія. Въ средѣ литовскихъ князей возникли крупныя раздоры изъ за передачи Ольгердомъ ядра своихъ владѣній—Виленской области и бѣлорусскихъ земель—сыновьямъ отъ второй жены, Ягайлу съ братьями, а съ Виленскимъ столомъ и связаннаго съ нимъ старѣйшинства въ князья Гедиминова рода. Старшіе Гедиминовичи поднялись на Ягайла. Андрей Ольгердовичъ, бывшій псковской князь отъ руки Ольгерда, ушелъ изъ Полоцка во Псковъ, и псковичи приняли его на княженіе по крестоцѣлованію; но, на этотъ разъ, князь Андрей поѣхалъ изъ Пскова къ в. к. Дмитрію Ивановичу на Москву и тотъ «принялъ его въ любовь.» ²⁾. Нѣсколько лѣтъ князь Андрей во Псковѣ подручникомъ великорусскаго великаго князя. Расчетъ на союзниковъ среди литовскихъ князей поднялъ в. к. Дмитрія на войну. Въ 1379 г. его полки идутъ съ князьями Владиміромъ Андреевичемъ и Андреемъ Ольгердовичемъ на Сѣверскую землю, а князь Дмитрій Ольгердовичъ «не ста протягу на бой», но выѣхалъ изъ своего Трубчевска съ семьей и боярами и поѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ «съ любовью» и получалъ въ держаніе Переяславль «со всѣми пошннами» ³⁾. Обрусѣлые литовские князья искали въ Москвѣ опоры для возврата своихъ княженій, рассчитывали на великорусскую помощь въ борьбѣ съ Ягайломъ. Но ожиданіе, что походъ 1379 года станетъ началомъ большой войны на западной границѣ, не оправдалось. Накопившаяся съ начала семидесятыхъ годовъ гроза новаго татарскаго нашествія готова была разразиться, и задачи ея отраженія поглотили русскія силы. Но положеніе на западѣ оставалось весьма напряженнымъ. Оно было одинаково опаснымъ для обѣихъ сторонъ. Вынужденный миръ Твери съ в. к. Дмитріемъ не могъ не внушать опасеній, что его сила и значеніе только и держатся, пока новый подъемъ борьбы не дастъ в. к. Михаилу Александровичу повода вырваться изъ условій договора 1375 года; съ Новгородомъ у Дмитрія было «ровириѣ», которое ликвидировано только въ началѣ 1380 г. ⁴⁾. А Рязанская и Нижегородская украины—подавлены ря-

¹⁾ Длугошь, Сочиненія, изд. Пшездѣцкаго, т. XIV, стр. 698.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 193; т. V, стр. 237; т. VIII, стр. 33.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 34.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 75; т. V, стр. 236; Новг. I, стр. 367; во всѣхъ сводкахъ въ началѣ вѣдствій за 6898 (1379—1380 г.) о посылкѣ къ в. к. Дмитрію изъ Новгорода владыки Алексея, бояръ и жатыхъ людей: «князь же прия ихъ въ любовь, а къ Новгороду крестъ цѣловалъ на всей старшѣ Новгородской и на старшихъ грамотахъ»: время: «за вѣдѣлю до цѣтвой недѣли», т. е. 11 марта 1380 г., посылъ выехали изъ Новгорода.

дожь татарскихъ нападеній¹⁾. В. к. Дмитрій Ивановичъ не владѣлъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ всѣми силами Великороссія, и только внутреннее ослабленіе Литовскаго великаго княжества не только спасло его отъ обостренія литовской опасности, но дало ему существенную поддержку части литовско-русскихъ князей въ моментъ столкновенія съ Мамаемъ. Съ другой стороны, переходъ двухъ Ольгердовичей на московскую сторону долженъ былъ тревожить Ягайла, какъ проявленіе характернаго колебанія между Москвою и Литвою всей Чернигово-сѣверской украинны. Если припомнить, что прадедъ Ягайлу былъ и другой Дмитрій Ольгердовичъ—Корябутъ новгородъ-сѣверскій, что его великокняжеская власть не была признана волынскій княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ и подолецкими Коріатовичами—понятно будетъ значительность московской опасности для в. к. Ягайла. Въ годовну внутреннихъ раздоровъ за русскими восточными областями Литовскаго государства стояло великорусское великое княжество, готовое, по мѣрѣ силъ, на поддержку всѣхъ элементовъ, недовольныхъ вленской властью, и къ захвату владѣній, которыя старой традиціей связавы съ великимъ княженіемъ вся Русь.

Внутреннія отношенія обонъ великихъ княжествъ тѣсно сплетались съ ихъ внѣшнимъ соперничествомъ и застарѣлой враждой; московско-литовская борьба неразрывно связана съ собственной работой каждаго изъ нихъ надъ внутреннимъ политическимъ строительствомъ, что и дѣлало эту борьбу тяжкимъ, но незаменимымъ факторомъ ихъ территориальнаго и національнаго самоопредѣленія.

Сложнымъ нитямъ сплеталась эта борьба и съ отношеніями къ татарамъ. Общій врагъ не объединилъ противъ себя усамъ великихъ княжествъ литовскаго и великорусскаго. Въ былое время «русскій улусъ» татарскихъ хановъ находилъ, по временамъ, поддержку и защиту отъ Литвы въ татарской смлѣ. Теперь назрѣла борьба между Русью и Ордой. Почти непрерывныя смуты, пережитыя Золотой Ордой, подорвали ея властное положеніе и создали въ татарскомъ мѣрѣ анархію, которая тяжело отразилась на великорусскихъ украиннахъ и заставила великокняжескую власть стать въ боевое оборонительное положеніе и собраться съ силами для организаціи защиты Великороссія отъ хищническихъ набѣговъ. Великокняжеское войско поддерживаетъ нижегородскую оборону и наступленіе въ Поволжье, ведетъ оборону по линіи Оки. Рядъ столкновеній съ татарской силой велъ неизбежно къ болѣе опасному разрыву съ Золотой Ордой.

Въ ординской замятнѣ росло съ начала шестидесятыхъ годовъ значеніе темнища Мамаея. Въ «Мамаевой Ордѣ» получалъ тверской в. к. Михайлъ ярлыкъ на Владимірское великое княженіе; «Мамаевы татары» грозили землямъ Рязанскую и Нижегородскую. Распоряжались ханскимъ престо-

¹⁾ См. выше, стр. 238 и 278—274.

ловъ, томились Мамай прашиль Ордой, пока самъ не сталъ полновластнымъ ханомъ. Но смуты и въ Орды и на Руси долго не давали ему возможности установить опредѣленные и властные отношенія къ русскому улусу. Когда в. к. Дмитрій въ 1371 году ѣздилъ къ «царю Мамаеву», въ «орду Мамайну» и почтилъ дарами и покорностью «князя Мамайа и царя и царичю и князя», онъ получилъ прѣлыкъ на великое княженіе на льготныхъ, утѣренныхъ условіяхъ. Окрѣпши въ своей силѣ и власти, ханъ Мамай былъ недопомогъ «выходомъ», какой былъ установился его докончаніемъ съ в. к. Дмитріемъ, «какъ ридъ былъ съ нимъ»¹⁾, да и эту дань едва-ли онъ получалъ послѣ 1373 года, когда в. к. Дмитрію удалось разорвать союзъ Твери съ Ордой и Литвой. Изъ году въ годъ идуть указанія на «розмиръ» Руси съ Мамаемъ²⁾, разразившеся, наконецъ, болни на рѣкѣ Вождѣ и на Куликовомъ полѣ. Послѣ пораженія князя Бегича на р. Вождѣ стало неизбежнымъ рѣшительное столкновеніе; настала и удобный моментъ для новой попытки осуществитъ татарско-литовскій союзъ противъ Москвы, намѣченный еще Ольгердомъ. Ханъ Мамай собралъ въ походъ ордынскія силы, а сношенія его съ Ягайломъ установили союзное выступленіе обоихъ враговъ Москвы. Къ в. к. Дмитрію лиханы ханскіе послы, требуя восстановленія прежняго размѣра татарскаго «выхода», какой былъ при ханахъ Узбекѣ и Джайбегѣ, напомнивъ опредѣленнаго поздравившии «докончаніемъ». Но, надѣясь налагать, борьба оружіемъ была, во время этихъ переговоровъ, рѣшеннымъ дѣломъ, особенно, со стороны враговъ Москвы: и для Мамайа, и для Ягайла было существенно важно нанести ей рѣшительный ударъ.

Исторія событій, въ центрѣ которыхъ стоитъ Куликовская битва имѣла свою особую судьбу въ памятникахъ письменности, которые дали намъ служить историческими источниками. Прочная основа ихъ авалла положена этюдомъ А. А. Шахматова³⁾. Надо признать съ А. А. Шахматовымъ, что въ основѣ нашихъ свѣдѣній лежатъ сообщенія трехъ историковъ: одинъ — это повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, составленная вскорѣ послѣ самаго событія для прославленія подвига в. к. Дмитрія и его рати

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 50.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19 (1373 г. — при нападении Мамаевыхъ татаръ в Рязань, в. к. Дмитрій стоитъ «со всею силою» на Оку, князь Владимиръ Андреевичъ приходитъ съ войскомъ отъ Нижнего, куда, вѣроятно, ходилъ также по вѣстямъ «татарамъ, а татаръ не цуетиша»); стр. 21 («розмиръ съ татарами, съ Мамаемъ и со вѣдѣніи Мамаевыхъ пословъ нижегородцами въ 1374 г.), 22—23 (союзъ Мамайа съ Михаиломъ тверскимъ), 24 (набѣгъ Мамаевыхъ татаръ на Нижній; в. к. Дмитрій выступаетъ за Оку, «стерегаша рати татарскія отъ Мамайа», 1375—1376 г.), 25 (походъ великокняжеской рати съ нижегородцами на болгаръ), 27 (набѣгъ царевича Драгана изъ Мамаевой Орды; пораженіе русскихъ на р. Пыльѣ Мамаевой ратью—1377 г.), 42 (1378 г.—бой на Вождѣ).

³⁾ Отрывъ о сочиненіи С. К. Шамбинаго: «Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ» (12-е присужденіе Макарьевскихъ премій).

эта «Повѣсть» — составлена въ Москвѣ, «въ средѣ, по замѣчанію А. А. Шахматова, духовной», и, можно добавить, той, что хранила завѣты митр. Алексѣя, а центральной фигурой была игумена Сергія; другой — записъ, которую А. А. Шахматовъ называетъ «официальной редакціей о походѣ великаго князя», составленная въ средѣ служилого великокняжескаго двора; а третій — «Слово о Мамаевомъ побоищѣ», какъ называетъ его А. А. Шахматовъ, возникъ, вѣроятно, при дворѣ серпуховскаго князя Владиміра Андреевича, и прославилъ князюми словами этого князя, братьевъ его жены князей Ольгердоничей, и воеводу воиыща Дмитрія Боброка. Элементы этихъ основныхъ первоисточниковъ, сплетенные между собой и осложненные поддѣйшими настоящими канцелярскими работами — вставками, дополненіями, передѣлками, сохранились въ текстахъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ¹⁾.

Понидиному, настроеніе на Русь передъ боемъ противъ Махая сложилось близкое къ тому, какое охлатило Эзладу вакавунѣ Мараонской битвы: въ возможность побѣды мало кто вѣрилъ, и Дмитрію не удалось собрать всю великорусскую ратную силу для выступленія на Кузцово поле. Не было съ кнѣзъ ип новгородскаго овозченія, ип рати нижегородской, ип тверскихъ полковъ; только риторическая переработка Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, какову читаемъ въ Никоновской лѣтописи, приводитъ на Кузцово поле тверскую «силу» съ княземъ холмскимъ Иваномъ Всеволодовичемъ²⁾.

¹⁾ Изученію «Повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ» посвящены такъ озаглавленный трудъ С. К. Шамбинаго (въ «Сборникѣ Отд. Русс. яз. и словесности», т. 61, № 7, 1906) и разборъ этого труда А. А. Шахматовымъ. Въ той редакціи «Повѣсти», какову читаемъ въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 46) видную роль играетъ митр. Кипріяну, прибывшій въ Москву «въ четвертокъ 6-й падыи по Пасцѣ, въ предвѣкъ Вознесенія Христова»; это дало С. К. Шамбинаго поводъ связать особую редакцію Повѣсти и лѣтописнаго свода съ именемъ Кипріяна, такъ какъ онъ признавалъ некаженіе даты прибытія Кипріяна въ Москву (6866 вк. 8559 — тамъ же, стр. 41) намѣренными (Шамбинаго, стр. 100); возрженія А. А. Шахматова, который признаетъ особое прославленіе памяти митр. Кипріяна «дѣломъ не современника, а книжника XVI вѣка» — см. указ. соч., стр. 156—157 и 194. Весьма вѣроятно, что хронологическая ошибка была въ слѣдствіемъ, а причиной обработки Повѣсти въ этомъ направленіи. Кипріяну прибылъ въ Москву въ Вознесеніе 1381 года (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XVIII, стр. 131). Возможно, конечно, что переработка Повѣсти — именемъ Кипріяна — принадлежитъ составителю въ Никоновской лѣтописи, а ея источникъ, что допускаетъ и А. А. Шахматовъ (стр. 157); существованіе не это, а признаніе дѣяной особенности — чертой редакціонной работы книжника XVI в., а не личнаго вліянія Кипріяна на лѣтописное дѣло своего времени.

²⁾ Составитель Никоновскаго свода вообще воздержался при редактированіи «Повѣсти полезной бывшаго чудеса» отъ обычныхъ у него генеалогическихъ расслѣдній, но при имени Ивана холмскаго добавляетъ, что это «звукъ Алексѣядровъ, правнукъ Михайловъ, праправнукъ Ярослава Ярославича» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 40); возможно, что тутъ — намекъ на родословное преданіе князей Холмскихъ объ участіи князя Ивана Всеволодовича въ Мамаевомъ побоищѣ, но если и принять его участіе

и псковичей съ Андреемъ Ольгердовичемъ; оба эти сообщения не подтверждаются другими текстами, а трудно допустить, чтобы участие Тверя и Пскова въ Куликовской битвѣ прошло безслѣдно въ основныхъ запискахъ о ней и въ псковскихъ лѣтописяхъ. Митрополита на Москвѣ не было. Преданіе выдвинуло троннаго игумена Сергія въ центръ того духовнаго подъема, какой былъ необходимъ для ратнаго подвига въ подобныхъ условіяхъ. Не даромъ митр. Алексѣй намічалъ Сергія себѣ въ преемники. Пользуясь значительнымъ общественнымъ вліяніемъ по силѣ личнаго духовнаго обаянія и авторитету старчества, игумень Сергіи вышелъ, подобно Алексѣю, на духовное поприще въ служилой среды, столь же близко стоялъ къ великокняжескому двору, гдѣ братъ его Стефанъ, а затѣмъ племянникъ Теодоръ были духовниками великихъ князей и ихъ старшихъ бояръ, и стали дѣятельнымъ участникомъ политики митрополита-правителя¹⁾. Сергіи уклонился отъ митрополита, но на немъ долженъ былъ сосредоточиться церковный авторитетъ въ годъ церковной разрухи.

Другимъ центромъ боевой энергіи даннаго момента преданіе выставилъ братьевъ Ольгердовичей и серпуховскаго князя Владиміра Андреевича. Какъ ви явно сказывается въ памятникѣхъ письменности, касающихся Мамаева побоища, тенденція выдвинуть ихъ роль возможно ярче, у насъ нѣтъ основаній отказать этой тенденціи въ фактически-вѣрной основѣ, такъ какъ нѣтъ данныхъ, которыя можно бы ей противопоставить, а внутренняя

въ походѣ. Это не снимаетъ съ извѣстія о посылкѣ тверской помощи Дмитрію великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ характера произвольнаго добавленія княжна XVI вѣка.

¹⁾ Особая редакція житія св. Сергія, какую читаемъ въ Никоновской лѣтописи („Повѣсть о преподобномъ Сергіи“, т. XI, стр. 127—147) приписываетъ св. Сергію ту бесѣду съ в. к. Дмитріемъ (стр. 144—145), какую „Повѣсть половецкая“ (стр. 50—51) той же лѣтописи перевела на митр. Кипріяна. Это сопоставленіе приводитъ С. К. Шамбинаго (указ. соч., стр. 173) къ выводу, что „здесь работа одного редактора“ (ср. А. А. Шахматова, указ. соч., стр. 154); казалось бы, что естественнѣе усмотрѣть въ этой несогласованности редакціи свода указаніе на то, что мотивъ благословенія у Сергія — старше Никоновскаго свода и послужилъ источникомъ для разработки роли Кипріяна, разъ ее князю понадобилось внести въ „Повѣсть“. Этотъ мотивъ, включая въ себя, надо полагать, зерно исторической достовѣрности, восходитъ, всего вѣроятнѣе, къ первоисточникамъ „Повѣсти“, и былъ использованъ для нея раньше Никоновскаго свода, въ которомъ роль Сергія раздвоена и частью передана Кипріяну. Другой, съ этимъ связанный, мотивъ, также родящій „Повѣсть половецкую“ съ „Повѣстью о препод. Сергіи“, упоминаніе инокомъ-воиновъ Пересѣта и Ослебѣти, несомнѣнно, позднѣйшее наслоеніе; иночество изъ весьма сомнительно, а братство — явное недоразумѣніе, быть можетъ, плодъ простого искаженія словъ: „даде ему изъ монастыря своего, изъ братьи своеа, два инока, Пересѣта и Осляба“ (въ повѣсти-житіи, стр. 145) въ „два братовъ, Пересѣта да Осляба“ (въ „Повѣсти половецкой“, стр. 53); о нихъ см. у Шамбинаго, стр. 177. Возможно, что оба — митрополачьи бояре, и оба — выходцы изъ Черниговско-сѣверской области: Пересѣтъ изъ Брянска, Осляба изъ Любуцка.

вѣроятность говорить въ ея пользу. Для Ольгердовичей разгромъ Дмитрія соединенными силами Мамая и Ягайла былъ бы проигрышемъ ихъ собственнаго дѣла; сверхъ того, Ольгердовичи принесли съ собою въ Москву свою боевую энергію и опытность и прочную традицію борьбы съ татарами за русскія земли, а также существенныя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ Литовско-русскомъ государствѣ, которыя должны были, съ одной стороны, сильно уменьшать опасенія передъ выступленіемъ Ягайла, а, съ другой, ускорить походъ, пока не соединились литовскія и татарскія боевыя силы. Ягайло оказался не въ состояніи послѣдовать на это соединеніе съ Мамаемъ, ввиду столкновенія съ дядей Кейстутомъ и смуты, потрясшей Литовское великое княжество, и отъ Одоева отступилъ обратно въ Литву, гдѣ его ожидала упорная борьба съ Кейстутомъ и Ватовтомъ.

Побѣда русскихъ войскъ на Куликовомъ полѣ сгубила Мамая, но не создала никакого перелома въ русско-татарскихъ отношеніяхъ; не связала съ ея послѣдствіями и какой либо переломъ во внутреннихъ отношеніяхъ Великороссіи. Это не умаляетъ, однако, ея крупнаго историческаго значенія. Куликовская битва одно изъ тѣхъ событій, въ которыхъ и для современниковъ и для потомства какъ бы символизировалась та или иная основная, существенная черта даннаго историческаго момента. Поэтому ихъ оцѣнка въ памятникахъ письменности, въ преданіяхъ ближайшихъ поколѣній и въ конструкціяхъ позднѣйшихъ историковъ можетъ не соответствовать подлинной значительности ихъ реальныхъ послѣдствій; поэтому легко обростають воспоминанія о нихъ легендами, продуктомъ отчасти возбужденнаго воображенія, отчасти напѣренной тенденціи. Та роль, въ которой выступилъ Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ, роль вождя Великороссіи въ національной борьбѣ за независимость противъ иноземнаго ига и въ религіозной войнѣ за «христіанство» противъ «нечестивыхъ агарянъ» обрисовалась позднѣе въ условной перспективѣ общественной памяти и книжной разработкѣ «повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ». А въ реально-жизненныхъ своихъ основаніяхъ это значеніе великорусской великокняжеской власти опредѣлилось въ предыдущемъ десятилѣтіи борьбой съ Литовско-русскимъ государствомъ, съ одной стороны, и обороны великорусскихъ окраинъ отъ татарскихъ нападешій, съ другой, и получило свое церковно-религіозное освященіе въ той идеологіи, которая связана съ именами митр. Алексѣя и тропцаго игумена Сергія.

Въ этой борьбѣ на два фронта крѣпко объединеніе Великороссіи. Наканунѣ Куликовской битвы, в. к. Дмитрію удалось порвать связи Твери съ Литвой и Ордой, привести ее, какъ часть великорусскаго политическаго цѣлага, къ признанію своей великокняжеской власти. Еще тѣснѣе зависимость Нижегородскаго княжества отъ великорусскаго центра. Послѣ Куликовской битвы—отеченіе ближайшихъ лѣтъ и Рязань принадлежатъ къ «кѣчелюму миру» съ великими князьями на условіяхъ, близкихъ къ тѣмъ, какія

приняты Тверью еще в 1375 году. Приравнение обеих «великих князей» — рязанского и тверского, как «младших братьев» великого князя всея Руси, к серпуховскому отчичу князю Владимиру получало особый смысл в ту пору, когда этот отчич, выдвинутый из московской «братской» семьи, из владѣльца удѣломъ ея общей вотчины сталъ княземъ на своемъ вотчинномъ княжествѣ, а изъ соучастниковъ въ общей ея княжеской власти все болѣе переходилъ въ положеніе владѣтельнаго князя, подчиненнаго не столько старѣйшинству московскаго князя, сколько его великокняжеской власти. Духовная в. к. Дмитрія Ивановича своей попыткой прихвѣнуть начало вотчинной власти къ великому княженію Владимірскому и всея Руси еще нагляднѣе выдвинула сложный смыслъ историческаго момента, когда великорусская великокняжеская власть ищетъ въ переработанныхъ живяню формахъ традиціоннаго старѣйшинства и подчиненнаго ему братскаго единчества князей пути къ организаціи на новыхъ началахъ политическаго единства Великороссіи. Эта постепенно нарастающая строительная работа великорусской великокняжеской власти развивалась подъ непрерывнымъ давленіемъ внѣшней опасности, будившей въ Великороссіи тягу къ національному единству ея силъ и ея внутренняго строя.

Близжайшія послѣдствія Куликовской битвы на время усилили, однако, и внѣшнія, и внутреннія условія, противодѣйствовавшія росту великокняжеской власти въ центрѣ Великороссіи. Настали трудные годы внѣшнихъ испытаній, которые выясняли на дѣлѣ непригодность традиціоннаго внутренняго строя великорусскихъ отношеній для успѣшнаго разрѣшенія тѣхъ политическихъ задачъ, какія вытекали для великокняжеской власти изъ международнаго положенія Великороссіи. Нарастаетъ острый кризисъ этого строя, разразившійся крупнымъ потрясеніемъ во времена Василія Темнаго. Сила великокняжеской власти при Иванѣ Калитѣ, Симеонѣ и Дмитріи Донскомъ поволаась, въ значительной мѣрѣ, на союзъ съ митрополіей всея Руси и на единчество князей-вотчинцевъ московскаго княжества. И оба эти устоя московской великокняжеской полнотки пережили въ исходѣ XIV-го и въ первой половинѣ XV вѣка тяжелое испытаніе.

ГЛАВА IX.

Крушение удельно-вотчинного строя.

I.

Въ исторіи Великороссіи періодъ времени отъ кончины митр. Алексія и Куликовской битвы до дѣлительной смуты, потрясшей великорусское великое княжество при Василіи Темномъ и ея ликвидациі въ средній XV вѣка поддается съ удобствомъ общему разсмотрѣнію по вѣкоторому единству, въ основныхъ чертахъ, какъ отношеній къ татарамъ въ эпоху разложенія Золотой Орды при переменныхъ вспыхкахъ ея былой силы подъ рукою Тохтамыша или Едигея, и къ Литвѣ — въ эпоху Витовта, такъ и внутреннихъ отношеній церковныхъ — въ эпоху отклоненія русской митрополіи отъ традицій митр. Алексія, и междукняжескихъ — въ эпоху послѣднихъ колебаній борьбы между тенденціями вотчиннаго распада и закрѣпленія политическаго единства Великороссіи.

Нѣтъ у насъ данныхъ для конкретнаго учета непосредственныхъ слѣдствій Куликовскаго боя. Настроение, съ какимъ Великороссія ожидала этого испытанія связ не было, поппидному, опровергнуто побѣдой. Ожидали, что Мамай соберетъ «остаточную силу» и снова «изгонимъ» появится на Русѣ ¹⁾. Рязанская земля была въ рукахъ великокняжескихъ намѣстниковъ, и Великороссія стояла лицомъ къ лицу съ татарскимъ міромъ, ожидая мести и новой борьбы. Нежданый разгромъ Мамай Тохтамышемъ дѣлѣшилъ положеніе. Явилась возможность переговоровъ. Новый владѣтельный ханъ Золотой Орды въ ту же осень прислалъ своихъ пословъ къ в. к. Дмитрію и ко всѣмъ русскимъ князьямъ сообщить о своемъ возвращеніи. Всѣ русскіе князья приняли ханскихъ пословъ съ почетомъ и въ ближайшее время — въ ту же зиму и весну — отправили къ Тохтамышу своихъ князичей съ чело-битьемъ, дарами и помянками. Отношенія зависимости отъ Золотой Орды возстановлялись по общему рѣшенію князей, которые въ началѣ ноября съѣздились въ тѣсный союзъ ²⁾. Сколько скудными извѣстія дѣловыхъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 41.

²⁾ Тамъ же: «мѣсяца ноября въ 1 день вси князи Русіи, сославшею, велию любовь учиниша между собою». Поппидному, и Олегъ рязанскій не остался въ этой «велией любви» — см. выше, стр. 241. Точная дата — 1 ноября — какъ будто про-

сводовъ приходится угадывать, что русскіе князья, стремясь отклонить татарскую опасность ¹⁾, принимали, въ то же время, мѣры къ оборонѣ земель. Усилено наблюденіе за движеніями татаръ ²⁾; в. к. Дмитрій поздаѣе, при вѣсти о выступленіи Тохтамыша, встрѣтилъ разногласіе въ князьяхъ, неоднѣачество и неимовѣрство, что и его убѣдило въ невозможности сопротивленія хану ³⁾. Такія же разногласія должны были выиснетъся и на князескомъ съѣздѣ 1380 года. Несмотря на первыя мирныя сношенія, съ обѣихъ сторонъ не было увѣренности въ мирномъ исходѣ. Посолья, отправленный Тохтамышемъ на Русь для вызова русскихъ князей въ Орду, не рѣшился ѣхать дальше Нижняго Новгорода, отираишь въ Москву гонцовъ, а самъ вернулся въ Орду. ⁴⁾ Извѣстія о русскихъ дѣлахъ, какія онъ привезъ, не должны были быть успокоительны для ханской власти. Весь 1381 годъ прошелъ, а русскіе князья не рѣшались явиться въ Орду; въ нашихъ источникахъ нѣтъ указаній на причины столь неопредѣленныхъ отношеній, но среди ордынскихъ князей должно было быть враждебное возбужденіе противъ «русскаго улуса» за Мамаево побойще.

Къ осени 1382 года ханъ поднялся походомъ на Русь. Картинное изображеніе въ лѣтописномъ повѣствованіи объ этомъ походѣ тѣхъ мѣръ, какія ханъ принималъ, «дабы не было вѣсти Русь», лишь подчеркиваютъ силу сообщенія о томъ, какъ «неимовѣрство и неоднѣачество» русскихъ князей сдѣлали невозможной организацію сопротивления. В. к. Дмитрій уѣхалъ изъ Москвы въ Переяславль, а оттуда мимо Ростова въ Кострому; Москва покинута почти безъ защиты; ея оборону организуетъ литовскій князь Острѣя ⁵⁾; но и этотъ защитникъ погибъ жертвой татарскаго лукавства, под-

творчить къ поясненію, что соглашеніе князей произошло по „смыслѣ“; надо полагать, что состоялся, хотя бы не полный, съѣздъ князей.

¹⁾ „Оскудѣ бо отиудѣ вся земля русская воеводами и слугами и всѣми вояствомъ и о семъ велій страхъ бысть всей землѣ Русстей“, читаемъ въ лѣтописномъ сводѣ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 69); потери русской воинской силы должны были быть очень велики, и настроеніе тревоги, невозможности дальнейшей борьбы представляется, действительно, господствующимъ при дальнейшемъ ходѣ событій.

²⁾ О походѣ Тохтамыша в. к. Дмитрій получилъ предупрежденіе отъ „вѣщичихъ добротовъ, на предѣлахъ ордынскихъ на то устроеныхъ“, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 43.

³⁾ Тамъ же, стр. 43.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 42—47. Остен наши лѣтописи называютъ звукомъ в. к. Ольгерда; но этого не убить, а упоминается затѣмъ (тамъ же, стр. 49) какъ коломненскій намѣстникъ Александръ Андреевичъ, нарццаемый Остей, т. е., вѣроятно, сынъ Андрея Ольгердовича, обручѣный на московской службѣ и другимъ источникамъ потому неизвѣстный. Его имя и роль князя Владимира при вшествіи Тохтамыша даютъ поводъ и для этого момента предполагать въ литовскихъ князьяхъ и ихъ серпуховскомъ шуринѣ сторонниковъ активной борьбы противъ татаръ. Въ бою съ разайцами погибъ въ 1385 г. другой звукъ Ольгерда, Михайлъ Андреевичъ (тамъ же, стр. 49).

давшись вызову на переговоры, Москва взята татарами и разграблена, а татарские отряды захватили и пограбили Переяславль, разнесли грабежь и пуганіи по волостям до Владимира в Звенигорода, Можайска, Дмитрова, Юрьева, Волока. Подъ Волокомъ князь Владимиръ Андреевичъ собралъ войско и разбилъ татарскій загонъ. По вѣстьяхъ о сборѣ русской ратной силы Тохтамышъ отступилъ отъ Москвы и ушелъ въ Орду, а по дорогѣ взялъ Коломну и подвергъ разоренію Рязанскую землю.

Послѣдствія такого появленія на Русь ордынской силы были весьма значительны. Оно раскрыло бесшіе великорусскаго центра воспользоувать Куликовскую побѣду, закрѣпить какіе либо ея результаты. Цѣной серьезныгъ уступокъ въ пограничныхъ спорахъ съ Рязанью удалось, послѣ долгихъ переговоровъ и новаго боевого столкновения, заключить «вѣчный миръ» съ в. к. Олегомъ и скрѣпить его союзомъ свойства; но великое Рязанское княжество осталось самостоятельной политической единицей и повело свою татарскую и литовскую политику, помимо какого либо руководства великорусской великокняжеской власти. Нижегородскіе князья принесли полную покорность Тохтамышу во время его похода на Русь и въ ближайшіе годы зависятъ больше отъ непосредственной власти хана, чѣмъ отъ великаго князя всея Руси.

Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ прислалъ въ Тохтамышу, когда тотъ подъ Москвой стоялъ, своего килічей со многими дарами, съ покорностью и просьбой о защитѣ Тверской земли отъ татарскихъ грабежей, и получилъ на то ханское пожалованіе в ярлыкѣ ¹⁾. Договоръ его съ в. к. Дмитриемъ 1375 года падалъ самъ собою; Михаилъ не замедлилъ вновь выступить претендентомъ на Владимірское великое княженіе: вслѣдъ за Тохтамышемъ поѣхалъ въ Орду «околицами, не принципами», «таиса великаго князя Дмитрія Ивановича», искать себѣ «великаго княженія Владимірскаго и Новгородскаго». Послѣдшій въ Орду и городецкій князь Борисъ Константиновичъ ²⁾.

В. к. Дмитрій дождался ханскаго зова. Только по пріѣздѣ въ Москву Тохтамышева посла, который привезъ ему отъ хана рѣчь о мирѣ и «пожалованіе», послалъ оупъ въ Орду сына Василія—тягаться съ Мизанломъ твер-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, ст. 442: „Татарове же хотѣша и ко Тѣри яти“—очевидно, не ханъ, а татарскіе загоны, грабившіе землю; килічей Гурзень добился у цара повеленія „грабежь наискати“ и выдачи ярлыкоть—вѣроятно, опасныхъ грамотъ Тверской землѣ. Редакція того же извѣстія [въ Николоской летописи (т. XI, стр. 78)] вводитъ въ заблужденіе, такъ какъ тутъ опасность Твери отъ татаръ повята какъ опасность похода хана отъ Москвы къ Твери—,по воображенію имъ сила божественная невидимаа“, а ярлыкъ упоминуть въ единственномъ числѣ, что можно понять какъ ярлыкъ на княженіе (ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 493: ярлыкъ на великое княженіе тверское).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 133; т. XI, стр. 81.

скимъ о великомъ княженіи. Цѣлый годъ продержали Михаила въ Орді, а затѣмъ отпустили на Тверь «безъ великого княженія». Тохтамышъ великое княженіе утвердилъ за Дмитріемъ¹⁾. Очевидно, ханъ усмотрѣлъ въ раздорѣ соперниковъ гарантію своего владычества; а княжичей—Александра Михайловича и Василія Дмитріевича онъ удержалъ въ Орді заложниками. И до конца своей жизни и княженія Дмитрій не выходитъ изъ покорности Орді: при дворѣ ханскомъ цѣнилъ, что среди ближайшихъ совѣтниковъ великаго князя, во главѣ которыхъ стоялъ бояринъ Федоръ Кошка, хранилась «добрая дума къ Орді».

Казалось, что восстановлены старыя отношенія. Въ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ XIV вѣка великій князь, по старому, «урусникъ» ханскій, и санкція его власти ханскимъ прычкомъ одна изъ ея опоръ. Восстановленіе ордынскихъ связей зависмости и ханскаго «пожалованія»—условіе, поислившее «нѣжный миръ» съ Рязнью, изгнаніе изъ Нижегородскаго княжества отъ великорусскаго центра, фактической миръ Твери съ Москвой въ послѣдніе годы Дмитрія Довского²⁾. Тѣ же колебанія въ силѣ великокняжеской власти отразились и на отношеніяхъ ея къ Великому Новгороду. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ предоставляетъ самъ себя. И тотчасъ выступаютъ на первый планъ его литовскія связи: въ 1383—1384 годахъ новгородцы держатъ на пригородахъ своего князя Патрѣкія Наримонтовича: тѣ пригороды, что даны были князю Наримонту съ дѣтьми «въ отчлю и дѣду» по договору Новгорода съ Гедиминомъ³⁾. Это не означало разрыва съ великимъ княжествомъ, но показательно для потребности Новгорода въ княжеской защитѣ, какой не могли они получить отъ великаго князя и потому искали, гдѣ найдуть. А искорѣ сказывалъ и другая сторона отношеній Новгорода къ великому княженію: не получая достаточной обороны отъ великокняжеской власти, Новгородъ несетъ крупную долю въ ея «проторяхъ». Какъ только закончилась «тяжба» передъ ханомъ о великомъ княженіи, встало время дорогой расплаты: «тое же весми бысть

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49; т. XI, стр. 84. «Пожалованіе», съ какимъ прыбылъ въ Москву посолъ Карачъ, надо полагать—общаніе безопасности и прыма, по разбору споромъ съ Махалюмъ. Ипполовская лѣтопись даетъ разсказъ объ ордынскомъ князѣ, который «смущалъ» князей-соперниковъ, общая обонимъ полученіе прыма, и о рѣшеніи Тохтамыша «по старивъ»: пусть каждый идетъ на свое отчвиу.

²⁾ Нѣтъ извѣстій о какомъ-либо «докончаніи» между великими князьями Михаиломъ и Дмитріемъ послѣ послѣдняго изъ спора о великомъ княженіи. Но Михаилу и не смирится. Онъ выжидаетъ и копить силу. Уловлены укрьвленія Твери (съ 1387 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 63), Города Волжскаго (1390 г.—т. XV, ст. 445) скръденымъ связи съ Литвой—женитьбой княжичей Бориса на смоленской Святославѣ и Василія на дочери Владиміра Ольгердовича (1385 г.—т. XV, ст. 443).

³⁾ См. выше, на стр. 142—144.

дань тяжела по всему княжению, всплону безъ отдатка, съ всякіе деревни по полтнѣ, тогда же и златомъ давала въ Орду, а съ Новагорода съ Великого князя великій черныи боръ»¹⁾. Новгородцы «дали» великому князю черныи боръ—общую дань, такую же, какую великій князь взял съ великаго княжества, но боръ его подъ руководствомъ великокняжескихъ бояръ не прошелъ гладко. За многими «заегла княжчина», пстрѣчевы сборщики принимаютъ сопротивление²⁾. Это привело къ разрыву, зимнему походу великаго князя Дмитрія на Новгородъ и къ миру, который новгородцы оплатили крупной пеней за своихъ «виновныхъ людей» и завершили въ выплате чернаго бора³⁾.

Попытка отразить отъ Руси татарское нахождение, увѣличанная Куликовской побѣдой, не усмилла великокняжеской власти, а именно ее ослабила. Только обновление ордынской зависимости и ооры этой власти въ утверженіи ея правъ ханомъ Золотой Орды возстановило нарушенное равновѣсіе внутреннихъ отношеній великорусскаго великаго княжества. Равновѣсіе — условное и весьма относительное. Наслѣдіе Калиты и Донского вступаетъ на нѣсколько десятилѣтій въ періодъ затычного и тѣгостнаго кризиса.

В. к. Дмитрій умеръ въ май 1389 года. Благословляя сына Василія «своею отчиною великимъ княжениемъ», онъ сдѣлалъ попытку примѣнить къ великокняжескому столичному владѣнію вотчинное начало — въ увѣренности, что Золотая Орда признаетъ это право за его сыномъ. Тою же осенью—15 августа—состоялось во Владимірѣ посаженіе на столъ великаго княжества В. к. Василія Дмитріевича ханскимъ посломъ⁴⁾. Временную раз-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49; т. XI, стр. 85.

²⁾ Заключая о сопротивленіи «черному бору» изъ того, что въ мирномъ договорѣ в. к. Дмитрія съ новгородцами, какое было заключено въ исходѣ 1385 года, «тѣ, за кѣмъ княжчина заегла» поставлены на ряду съ другими «виновными людьми»—«волжанами» улкубичами, которые ходили разбоемъ на Кострому и на Нижній. И за тѣхъ и за другихъ Новгород уплатилъ пенью въ 8000 рублей, а сверхъ того великій князь прислалъ опять своихъ червоборцевъ взять дань на недопущикахъ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 50—51; т. IV, стр. 94; т. V, стр. 242—Большую часть пени новгородцы возложили на заволочать, «судавши вси вѣчемъ по старнѣи вправду», и послали своихъ бояръ на взысканіе платежа со всей Заволоцкой земли. Этѣхъ бояръ часть текстовъ (т. VIII, стр. 51) отождествляетъ съ «приставами»; по «стѣ редакція текста, указывающая на посылку въ Заволочье великокняжескихъ приставовъ» (т. V, стр. 240, списокъ Ц.); ср. т. XI, стр. 83 и 80.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, ст. 60. С. М. Соловьевъ видитъ въ «вслыханномъ прежде распоряженіи» в. к. Дмитрія относительно вотчинной передачи великаго княжества сыну признакъ, что Дмитрій уже не борется соперничать для него ни въ Твери, ни въ Суздаль (кн. I, ст. 1002); Экземплярскій (т. I, стр. 126)—указаніе, «до чего удало теперь значеніе татаръ въ глазахъ московскаго князя». Ближе къ обстоятельству времени было бы усмотрѣть тутъ примѣтъ закрѣпленія за сыномъ великаго княжества въ связи съ договоромъ между в. к. Дмитріемъ и княземъ серпуховскимъ

молку юного великаго князя съ дядей Владиміромъ удалось быстро ликвидировать¹⁾.

Въ договорѣ съ этими дядей упомянута возможность приобретѣнія великимъ княземъ Муромъ и Торусы. Первымъ существеннымъ дѣйствіемъ великокняжескаго правительства при новомъ князѣ было приобретѣніе—по ханскимъ прыкамъ—въ прямое обладаніе Нижняго Новгорода, Города,

(1389 г.), а такъ же съ отношеніями къ великимъ князьямъ тверскому и рязанскому, которыхъ московскіе князья также стремились привести къ формальному признанію своихъ вотчинныхъ правъ на великое княженіе. Не вижу основанийъ противопоставлять духовную Донского признанію авторитета ханской власти: въ Ордѣ считались съ русскими правами и обычаями, и князь Юрій Дмитріевичъ будетъ позднее смыслаться передъ ханомъ за духовную отца.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 60. По указаніямъ договорной грамоты (С. Г. Г. и Д. т. I, № 35), на Русь приходилъ ханскій посолъ, въ расходъ по приему котораго на Коломнѣ участвуетъ князь Владиміръ, потому что онъ тогда еще „былъ въ своей отчизнѣ“; этотъ „коломенскій посолъ“ приходилъ, вѣроятно, звать в. к. Василія въ Орду; „володимерскіе посомъ“ (Шихомать съ товарищами) прибыли, когда князь Владиміръ „выѣхалъ изъ своей отчизны“ (и потому „тогъ проторъ ему не надобъ“). Выѣхалъ въ Орду не в. к. Василій, а братъ его Юрій и тамъ его задержали: во время заключенія договора—послѣ Крещенія 1390 г.—еще ожидали его возвращенія: „а выдѣлеть Юрѣ съ посломъ, угovarиваются князья, и намъ то поднати по розочтѣ по выходу“ (т. е. пропорционально долямъ „выхода“, установленнымъ въ томъ же договорѣ). Дату мирнаго докончанія см. въ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 121. По этому докончанію в. к. Василій далъ дядѣ „въ удѣлъ Волокъ съ волостями, а волости Иадѣтеме да Войничя, да Ржеву съ волостями“ въ придачу къ тому, чѣмъ князь Владиміра благословилъ его отецъ и чѣго ему „отступнаксѣ“ в. к. Дмитрія. А въ остальномъ договоръ 1389 года повторяетъ почти безъ измѣненій договоръ 1389 г. (см. выше, стр. 178—184), нѣсколько смягчая терминологию („честно“ вмѣсто „честно и грозно“; опущено обязательство „служити безъ оскуманья“, но сохранено равносильное „вѣсти безъ оскуманья“ на конѣ по посмыкѣ латикаго князя). Но постановка собственной княжой власти Владиміра Андреевича въ военномъ командованіи и московскомъ судѣ существенно паяла: его бояре, которые живутъ въ удѣлахъ в. к. Василія и его братьевъ или въ великокняжескихъ волостяхъ, идутъ въ походъ съ воеводой своего князя; и въ московскомъ городскомъ судѣ великій князь не судитъ безъ намѣстника князя Владиміра; территориальный принципъ, принятый въ договорѣ 1389 года, потерялъ замѣтное ограниченіе. Изъ основанія предполагать съ С. М. Соловьевымъ причину раздора въ сопоставленіи князя Владиміра „новому порядку вещей“, кромѣ разл. уговора князей на случай „городной осады“ въ Москвѣ: если в. к. Василій засядетъ въ городѣ, а Владиміра пошлетъ къ города, то Владиміръ оставитъ въ Москвѣ свою княжину, дѣтей и бояръ, а если великій князь оставитъ Владиміра въ осадѣ, а самъ выдѣлеть, то оставитъ съ нимъ мать свою, младшихъ братьевъ и бояръ. Соловьевъ подчеркиваетъ выраженіе „сильной недоувѣренности“ въ этомъ условіи. Но, быть можетъ, тутъ имѣемъ скорѣе отраженіе воспоминаваній князя Владиміра о томъ, какъ Москва была покинута во время нахождения Тохтамыша? Гарантией отъ враждебныхъ его дѣйствій противъ великаго князя нельзя же считать такого условія, да и взаимность уговора плохо выжется съ точкой зрѣнія С. М. Соловьева. О причинахъ „розньи“—въ связи съ передѣломъ владѣній по рожденіи младшаго сына Донского, Константина см. ниже.

Мурома, Мещеры и Торусы, т. е. всёхъ основныхъ пунктовъ обороны восточной окраины и наступленія въ юго-восточномъ направленіи¹⁾. Этотъ шагъ великокняжеской политики былъ, надо полагать, подготовленъ еще при Дмитріи Донскомъ и опирался на сложившіяся при немъ отношенія къ ордынской власти хана Тохтамыша. Но раньше, чѣмъ удалось осуществить и укрѣпить приобретенныя по ханскимъ ярлыкамъ новыя права, ближайшіе годы принесли крутыя перемены въ положеніи всёхъ дѣлъ Восточной Европы.

II.

Эти крупныя перемены, измѣнившія всё условія великорусской великокняжеской политики, пришли и съ Востока, и съ Запада. Борьба съ Тимуромъ и его ставленникомъ Тимурь-Кутлуемъ сложила силу Тохтамыша. Его орда подверглась разгрому войскою Тимура въ 1395 г. Тохтамышъ бѣжалъ въ южную Русь подъ защиту Витовта, Золотая Орда подъ номинальной властью Тимурь-Кутлуя, на дѣлѣ въ рукахъ князя Едигаея²⁾.

¹⁾ Объ утвержденіи великокняжеской власти въ Нижнемъ см. выше, стр. 276—282. Муромъ пережилъ нѣкоторый подъемъ въ ту же пору, когда строилось Нижегородское великое княженіе. Въ 1351 г. муромскій князь Юрій Ярославичъ „обнови отчину свою Муромъ, запустѣвшій отъ первыхъ князей“; подъ 1354 г. читаемъ извѣстіе о смутѣ въ Муромѣ—борьба князей за власть въ немъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 216—218 и 244; т. VIII, стр. 9), затѣмъ нѣмѣмъ свѣдѣнія объ участіи муромскаго князя въ походѣ князя Олега рязанскаго. Лѣтописныя своды упоминаютъ о приобращеніи в. к. Василіемъ ярлыковъ на Муромъ, Мещеру и Торусу мимоходомъ при сообщеніи о томъ, что ханъ придалъ ему къ великому княженію Нижній (Муромъ: П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99, т. V, стр. 245); но по большей части называютъ только Мещеру и Торусу, а не Муромъ (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 62; т. XI, стр. 164). Повидимому, всё три города попали въ извѣстіе о пожалованіи в. к. Василію Нижняго путемъ позднѣйшей редакціонной вставки (ср. т. XVIII, стр. 143, гдѣ одинъ Нижній со всѣмъ княженіемъ). Но подъ 1408 годомъ упоминаютъ уже муромскій великокняжескій воевода Семенъ Жарославичъ (т. XI, стр. 204). Упоминаніе Мещеры и Торусы въ договорѣ 1390 г. показываетъ, что ярлыки на нихъ уже были приобращены в. к. Василіемъ, но мѣстная княжеская власть еще не устранила. Наши князья мещерскіе, которые живутъ въ Мещерѣ, упоминаются еще въ договорѣ Ивана III съ рязанскимъ в. к. Иваномъ Федоровичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 115—116). Торусскіе князья, которые съ великимъ княземъ „одинъ человекъ“,— въ договорѣ в. к. Василія Дмитріевича съ рязанскимъ в. к. Федоромъ Ольговичемъ (1402 г.; тамъ же, № 36). Въ своей духовной грамотѣ (первой, тамъ же, № 39) в. к. Василій говоритъ о Муромѣ также условно, какъ и о Нижнемъ: „а дастъ Богъ смыу моему князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ“, во второй духовной (1418 г.), сохраняя условную формулу для Нижняго, о Муромѣ говоритъ уже положительно, какъ о „примыслѣ“, который „со всѣмъ, што къ нему потягло“, передается князю Василію Васильевичу. О Мещерѣ и Торусѣ духовныя воисе не упоминаютъ, вѣроятно, полагая ихъ въ составъ великаго княженія!

²⁾ О бѣгствѣ Тохтамыша наши своды сообщаютъ то подъ 6908—1395 г. (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 101; т. V, стр. 246), то подъ 6906—1398 (1397; П. С. Р. Л., т. VIII.

Ударъ, пережитый Тохтамышемъ, порвалъ сложившіяся московско-ордынскія отношенія. Эту перемену въ Орды поздѣе объяснили смѣной лицъ въ средѣ, окружавшей я. к. Василия. Дѣйствительно, въ 1391 году скончался троякій игуменъ Сергій, въ 1392—бояринъ Давидъ Теофановичъ; сошесть со спемъ и Федоръ Андреевичъ Кошка, чью «добрую думу и добрыя дѣла къ Орды» поздѣе поминалъ Едигей. Великаго князя окружали новые люди, среди которыхъ «старѣйшвиной» почитался великокняжескій казначей Н. Ѳ. Кошка¹⁾. В. к. Василий Дмитріевичъ не поѣхалъ въ Орду къ новому хану Темиръ-Кутлю, не ѣздилъ и къ смѣнившему его въ 1400 г. Шадибеку²⁾. Сношенія съ Золотой Ордой прерваны на десять съ лишнимъ лѣтъ. Вадковское великое княжество втянуто въ сферу политики Витовта.

Прочную основу сильному литовскому вліянію на московскіе правящіе круги положило то значеніе, какимъ тутъ пользовались Андрей и Дмитрій Ольгердовичи, близко связанные съ серпуховскіимъ дворомъ плхъ зятя, князя Владиміра Андреевича. Правда, борьба противъ Ягайла, возгорѣвшаяся съ новой силой, когда на него поднялся дядя Кейстутъ и занялъ Вильно (въ 1381 г.), вынудила Андрея Ольгердовича въ Полоцкъ, гдѣ онъ сумѣлъ удержаться и послѣ побѣды Ягайла, чтобы затѣмъ поднятъ во главѣ русскіихъ элементовъ Литовскаго великаго княжества возстаніе противъ Кревской униі Литвы съ Польшей. Но въ эти годы отсутствія онъ не потерялъ связи съ Псковскимъ княженіемъ: тутъ за него княземъ намѣстникомъ сидѣлъ сынъ его Иванъ; когда же неудача возстанія привела къ изгнѣнію Андрея Ягайломъ, онъ—уже въ началѣ 1394 года—получилъ свободу за проручительство Вагоята, который добился вліянія надъ Латвой. Андрей

стр. 71; т. XI, стр. 167). Первая дата, какъ указано М. С. Грушевскимъ (Исторія України—Руси, т. IV², стр. 314) находить поддержку въ восточныхъ источникахъ, но въ виду разнорѣчія въ показаніяхъ разныхъ источниковъ о татарскихъ походахъ Витовта (ихъ сводка тамъ же, стр. 313—314), Грушевскій ставитъ даже вопросъ, про одно ли тутъ событіе рѣчь идетъ? Однако, и въ и дивныхъ, чтобы Тохтамышъ возвращался на Золотую Орду послѣ „вахожденія Темиръ-Аксана“ въ 1395 году. Эту же дату подтверждаетъ расчетъ лѣтъ царства хановъ Темиръ-Кутлю, Шадибека и Булатъ-Султана въ Николовской (т. XI, стр. 210).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210. Этотъ рассказъ Николовской лѣтописи основанъ на грамотѣ Едигея, С. Г. Г. и Д. т. II, № 15. Примирительный характеръ политическаго вліянія Федора Кошки виденъ въ свойствахъ съ нимъ я. к. Михаила тверскаго, который въ 1391 г. женилъ сына „на Москвѣ у Федора у Кошки“ (тамъ же, стр. 127). Последнее извѣстіе о дѣятельности Ѳ. А. Кошки относится къ 1302—03 г. (тамъ же, стр. 156).

²⁾ Попреки великому князю въ грамотѣ Едигея содержатъ утвержденіе, что я. к. Василій не посылалъ ни къ Темиръ-Кутлю, ни къ Шадибеку „ни съ котормымъ словомъ“; только при Булатъ-Султанѣ (съ 1407 г.) великій князь, не ѣздя въ Орду и не посылая туда ни сына, ни брата, ни старѣйшаго боярина, сталъ искать въ Орды помощи противъ Литвы и русскіихъ недруговъ, уклоняясь, однако, отъ уплаты „выхода“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210).

вернулся во Псковъ и удержался тутъ на княженіи, пока не порванъ союзъ великихъ князей Витовта и Василія, но затѣмъ, являясь символомъ сложнаго сдѣленія судебъ восточной и западной Руси, связаннымъ этнографическимъ и культурно-религіознымъ родствомъ, но политически раздѣльнымъ и неизбежно-враждебнымъ, теряетъ почву подъ ногами при первомъ ихъ столкновеніи, уходитъ изъ Пскова къ Витовту и гибнетъ въ бою съ татарами на рѣкѣ Ворсклѣ. Рядомъ съ нимъ палъ и братъ его Дмитрій, который вернулся на Брянское княжество, когда сложили крестное цѣлованіе къ Василію Дмитріевичу и принесли земную присягу королю Ягайлу и королевѣ Ядвигѣ¹⁾. Во время «кормленія» и службы этихъ князей у великаго князя Дмитрія—вокругъ нихъ и родственнаго имъ серпуховскаго двора вліятельная группа западно-русскихъ выходцевъ, среди которыхъ особенно знаемъ кромѣ «Ольгердовыхъ внуковъ» — Лидресвичей, брянскаго боярина Пересвѣта и Дмитрія Волынскаго-Боброка, который, по сообщенію позднѣйшихъ родословцевъ, сталъ затемъ в. к. Дмитріемъ²⁾.

Борьба съ татарами, борьба за самостоятельность русскихъ областей Литовско-русскаго государства—то, чѣмъ жила обрусѣлые литовскіе князья и ихъ русское боярство, дѣлали ихъ сотрудничество съ великорусскими силами естественнымъ и легкимъ, но тѣ же тенденціи и родныя западно-русскія и литовскія связи связывали ихъ и вокругъ Витовта—борца за самостоятельность Литовско-русскаго государства противъ его инкорпорации владѣніямъ Короны Польской.

Въ 1386—7 г. княжачъ Василій Дмитріевичъ бѣжалъ изъ Орды въ Подольскую землю, побывавъ у волошкаго воеводы, видѣлся въ Витовтохъ на Волынѣ³⁾. За нимъ прибыло изъ Москвы посольство изъ «старѣйшихъ

¹⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. № 63: грамота князя Дмитрія Ольгердовича, писанная въ 1388 г., еще до его возвращенія на Брянскъ, призываетъ условіямъ этого возвращенія сложеніе той «правды», какою овъ далъ в. к. Дмитрію московскому, и «гольдъ» на зѣрнос послушаніе «королю и его королицѣ и его дѣтемъ и корунѣ польской».

²⁾ Подлинные тексты—лѣтописные и родословные—превратили его въ «князя Волынскаго», чѣмъ надѣлали изолгодателямъ названныхъ хлопотъ. Въ «Бархатной книгѣ» этотъ титулъ приданъ Волынскому только въ оглавленіи; въ частнымъ спискахъ родословцевъ этого пѣтъ—см. Н. П. Лихачева, «Разрядные дѣянія XVI вѣка», стр. 377, прим. 2.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 51—52: князь Василій бѣжалъ изъ Орды въ Подольскую землю, въ великіе Волохи, къ Петру воеводѣ; въ Подольскую землю в. к. Дмитрій посылаетъ бояръ своихъ старѣйшихъ противу смыу своему». Едва ли это просьба «встрѣча»; старѣйшіе бояре—посольство; въ январѣ 1387 г. Василій Дмитріевичъ вернулся въ Москву съ литовскими и польскими панами отъ Витовта. П. С. Р. Л., т. XI, стр. 90—направляетъ московскихъ бояръ въ Подольскую землю, такъ какъ, по представленію Николовокой лѣтописи, Витовтъ былъ въ ту пору въ Нѣмецкой землѣ, «по убіенію отца его Кестутя убѣжа», и сюда къ нему пробрался, «въ незнаемыхъ таяса», князь Василій: это передѣлка извѣстія о первыхъ сноше-

бояръ», и съ нѣкъ въ Москву поѣхали литовскіе паны. Не знаемъ содержанія происшедшихъ переговоровъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно принятое историками предположеніе, что состоялся стговоръ о бракѣ Василія Дмитріевича съ Софьей Витовтовной. Вскорѣ по вокляженіи Василія, въ началѣ 1391 года этотъ бракъ и состоялся. Свойство Василія съ Витовтомъ создало значительное вліяніе тестя на зятя, продолжавшееся, съ колебаніями и моментами враждебнаго разрыва, втеченіе всей жизни и княженія Василія Дмитріевича, тѣмъ болѣе, что находило поддержку въ митрополитахъ Кипріянѣ и Фотіи, которые строили свою церковно-политическую дѣятельность въ качествѣ митрополитовъ «вселя Руся» на нѣмъ основаніяхъ, чѣмъ митр. Алексѣй.

Оближеніе в. к. Василія Дмитріевича съ Витовтомъ произошло въ весьма сложной международной обстановкѣ. На первыхъ порахъ Витовтъ долженъ былъ представляться Москвѣ противникомъ давняго врага—Ягайла и желаннымъ союзникомъ въ борьбѣ съ татарами, а Ягайла—союзникъ татаръ и опасный врагъ на западной границѣ. Съ восточной позитивкой Ягайла великорусское великокняжское правительство сталкивалось, прежде всего, на новгородской почвѣ. Силы великаго княжества были едва достаточны для обороны на восточныхъ и южныхъ предѣлахъ, для частыхъ столкновеній и непрерывной опасности съ литовской стороны, и Новгородъ, поневолѣ все болѣе самостоятельный въ своихъ дѣлахъ, пытался уже не разъ организовать свое ратное дѣло путемъ кормленія князей—литовскихъ выходцевъ. Однако, не удавалось получить ихъ въ полное свое распоряженіе; пришлыхъ князей тянуло къ дѣламъ Литовско-русскаго государства и временное ихъ появленіе на новгородской почвѣ, съ одной стороны, приносило Новгороду мало пользы и много внутреннихъ смуть и раздоровъ, а, съ другой, ставило все круче вопросъ объ отношеніи къ Литовскому великому княжеству. Новгородъ искови не могъ обойтись своими силами, и связь съ литовскими князьями, въ концѣ концовъ, могла получить существенное значеніе только при опорѣ ихъ—для обороны Новгорода—въ войскахъ великаго княжества, взаимѣнъ тѣхъ полковъ «низовской земли», на которые все меньше приходилось рассчитывать. Договоръ Великаго Новгорода съ Гедиминомъ привелъ только къ неудачнымъ попыткамъ использовать для новгородскаго дѣла князей Наримонта, затѣмъ Патріакія.

дѣлахъ съ Витовтомъ по разсказу о московскомъ посольствѣ къ нему, которое прибыло въ Мальборгъ и вернулось въ Москву черезъ Перновъ въ концѣ 1390 года съ Софьей Витовтовной (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 61; т. XI, стр. 123; Antoni Prochazka, Król Wladyslaw Jagiello, т. I, стр. 93—96). Прохаска указываетъ, что Витовтъ завладалъ переговорами съ Москвой безъ вѣдома Ягайла и что эти сношенія шли въ разрѣзъ съ политикой Ягайла. Витовтъ подготовлялъ возстаніе и обезпечивалъ себѣ союзъ. Возможно, что и поѣздка князя Василія къ волоцкому воеводѣ стояла въ какой либо связи съ этими переговорами.

Однако, на томъ дѣло не кончилось. Въ 1388 году прибыли въ Новгородъ послы князя Лугвенія-Семена Ольгердовича съ притязаніемъ его на тѣ пригороды, на какихъ сядѣтъ Наримонтъ Гедиміновичъ, и, принятый съ честью, князь Лугвеній вѣхалъ въ Новгородскую землю. Князь Лугвеній-Семенъ стоитъ во главѣ новгородскихъ войскъ въ ихъ столкновеніи съ Псковомъ, въ 1390 г. отражаетъ набѣгъ шведовъ на Орѣшекъ ¹⁾. Но онъ не стольный князь новгородскій ²⁾, хотя новгородцы приняли его отъ руки в. к. Ягайла: въ присяжной грамотѣ 1389 года на имя короля польскаго, литовскаго и русскаго Владислава-Ягайла Лугвеній именуется себя «опекальникомъ мужемъ и людямъ Великого Новгорода» по поставленію отъ Ягайла, и общааетъ ему и королевѣмъ Ладвигѣмъ стоять при нихъ и при коронѣ польской «съ теми людьми съ Великого Новгорода» до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ «держитъ въ своемъ опекальнѣ» ³⁾. Это моментъ когда Ягайло, признавъ въ принципѣ славніе своего Литовскаго великаго княжества съ Польшей, переводилъ связь земель, соединенныхъ съ его великимъ княженіемъ подручничествомъ мѣстныхъ князей, на «корону польскую». Широкий политическій планъ грозилъ захватить и Новгородъ въ эту связь зависимости отъ «короны польской», если бы «опекальнѣ» Новгорода княземъ Лугвеніемъ могло вытѣснить традиціонную принадлежность Новгорода къ великорусскому великому княжеству. Однако, въ то время, какъ Дмитрій Ольгердовичъ сложилъ, ради возвращенія на свое Брянское княжество, крестное целованіе къ в. к. Дмитрію, Лугвенію не удалось оторвать Новгородъ отъ великаго княжества. Его пріѣздъ въ Новгородъ былъ, повидимому, связанъ съ разладомъ отношеній между Новгородомъ и великимъ княземъ и произошелъ, когда въ Новгородѣ не было великокняжескаго намѣстника, однако, когда Новгородцы «докончали (въ 1390 г.) миръ по старинѣ» съ в. к. Васиномъ и приняли его намѣстника, они сохранили у себя на пригородахъ княземъ-кормленщикомъ Лугвенія. Это своеобразно двойственное положеніе, столь различно освѣщаемое въ своемъ политическомъ и государственно-правовомъ смыслѣ съ точекъ зрѣнія московской и литовской, создавало, надо полагать, нѣкоторую опору новгородской самостоятельности передъ великорусской великокняжеской властью. И въ 1392 году едва ли случайно за отъѣздомъ Лугвенія изъ Новгородской земли ⁴⁾ слѣдуютъ новый подъемъ великокняжескихъ требованій и «розширь» изъ за нихъ съ великимъ княземъ, а затѣмъ—повышеніе въ Новгородѣ князей бѣловерскаго Константина и литовскаго Романа ⁵⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 95, 97; Новг. I, стр. 376, 378.

²⁾ Какъ представляють Прохаска (указ. соч., т. I, стр. 94).

³⁾ А. З. Р., т. I, № 10.

⁴⁾ «И тогда же (послѣ защиты Орѣшка отъ „разбойниковъ вѣщевъ“) поиде въ Литву къ своей братьи, а городокъ покинувши» — Новг. I, стр. 378.

⁵⁾ «А на зимѣ князь Василей присла свои послы въ Новгородъ..... просити

Псковъ непримиримъ ко всѣмъ этимъ новгородскимъ дѣламъ; повидимому, тутъ послѣ отъѣзда Андрея Ольгердовича въ Литву все время сидѣлъ князь-наместникомъ его сынъ Пванъ. Новгородско-псковскія отношенія весьма натянуты; въ 1390 г. вспыхнуло открытое «розмирье», князь Лугвеній ходилъ на Псковъ съ новгородскимъ полкомъ, но дѣло кончилось миромъ; однако, въ свой миръ съ ильцими, заключенный въ 1392 г., новгородцы не включили псковичей, и тѣмъ пришлось самимъ особо вести дѣло о мирномъ докончаніи¹⁾. Не столько къ Москвѣ тягнетъ Псковъ, сколько онъ въ рукахъ, враждебныхъ Иггау, — и возвращеніе «изъ нятъ» князя Андрея Ольгердовича сопровождается новой вспышкой псковской вражды съ Новгородомъ: князя Романъ и Константъ бились подъ Псковомъ съ Андреемъ и его сыномъ, нападеніе отбито, но мира не состоялось²⁾.

Литовскія вліянія, литовскія отношенія нависли надъ западными областями Белороссіи. Великоорусское великое княжество, бессильное ить преодолѣть и отбросить къ Москвѣ тогѣ слишкомъ неопредѣлимаго міра «всего Руса», центромъ котораго считало себя, идетъ по пути сближенія съ западно-русскими элементами Литовско-русскаго государства, родственными восточной Руси въ національности, культурѣ и вѣровсповѣданіи, поддерживаетъ, по мѣрѣ силъ и возможности, ить недовольство литовскими засадами, ить борьбу противъ владычества языческой, а затѣмъ католической Литвы. Первые шаги Витовта, который опирался, преимущественно, на коренную Литву, но искалъ сближенія съ русскими и православными элементами Литовско-русскаго государства, принялъ даже православіе, когда получилъ южно-русскій надѣлъ, вводилъ его въ кругъ отношеній, которыя создавали готовую почву для сближенія съ Москвою. Въ 1391 году Витовтъ-Александръ, сохранившій это православное крестное имя и послѣ того, какъ

чернаго бору и княжаны и о крестной грамотѣ», П. С. Р. Л., т. IV, стр. 96. Въ другихъ сводахъ причина розмирья дѣлкомъ сведена къ «крестной грамотѣ» новгородцевъ объ отказѣ отъ «зова» на судъ къ митрополиту въ Москву и отъ «мвсичаго суда» митрополита въ Новгородъ; но это дѣло тянулось съ 1385 г., а въ дѣльный моментъ в. к. Василій ставилъ ребромъ все великокняжескія требованія Новгороду, въ томъ числѣ и церковный вопросъ, неотдѣлимый отъ новгородской политики. — Въ началѣ розмирья во главѣ новгородской рати два князя: Романъ литовскій, котораго, быть можетъ, оставилъ за себя Лугвеній (указатель къ П. С. Р. Л. отождествляетъ его съ Романомъ Юрьевичемъ, дѣйствовавшимъ въ Новгородѣ еще въ 1386 г. вмѣстѣ съ Патрикомъ Наримонтовичемъ — т. IV, стр. 93, и убитъ за Шелонѣ въ 1397-8 г. — тамъ же, стр. 103), и Константинъ Пвановичъ Валозерскій (см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 166—167). Князь Романъ Юрьевичъ, можетъ быть, непознанный изъ другихъ источниковъ внукъ Наримонта-Глѣба, сынъ князя бельскаго Юрія? Впрочемъ, вся генеалогія этой линіи литовскихъ князей весьма сомнительна.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 97; стр. 104 («вѣду новгородци миръ съ ильци, а псковичи вымиряди воиъ; и вѣду псковичи миръ особа»).

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 64.

призналъ себя сыномъ западной церкви, сталъ тестемъ великаго князя Василія. Слѣдующій годъ поставилъ его во главѣ Литовскаго великаго княжества на условіяхъ Островскаго договора. По существу, это круто мѣняло все положеніе. Витовтъ—въ ближайшіе годы—дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ Ягайломъ, вступаетъ на пути русской политики Ольгерда и Ягайла¹⁾. Въ полномъ согласіи съ Ягайломъ и формально его именемъ проводить Витовтъ упраздненіе самостоятельныхъ князей въ русскимъ областямъ²⁾. Въ эти годы политика Витовта не противостоятъ сколько нибудь открыто и опредѣленно началамъ Кресской уніи. Тѣмъ знаменательнѣе та широкая восточная политика, какою онъ пробуетъ развернуть—въ духѣ Ольгерда, и то положеніе, какое онъ сумѣлъ занять на русскомъ востокѣ въ девяностыхъ годахъ XIV-го вѣка.

Князь литовскій, правитель Литвы подъ рукою «польскаго короля, великаго князя литовскаго и вочича Руси» Ягайла, Витовтъ развиваетъ энергичную дѣятельность по расширенію своего вліянія и прямого владѣнія надъ русскими областями не только безъ противодействія, но при прямой поддержкѣ Москвы и Твери. Ближайшая цѣль его—подчиненіе Смоленска и Великаго Новгородца. Въ 1395 г., въ то время, какъ восточная Русь переживала опасность нахожденія на ея предѣлахъ грознаго Тимуря, Витовтъ использовалъ смуту среди смоленскитъ князей, чтобы вызвать ихъ въ свой лагерь на третейскій судъ, а тутъ ихъ захватить и замѣнить

¹⁾ Напомню, что и въ одной грамотѣ начала девяностыхъ годовъ Витовтъ не титудуется „великимъ княземъ“ (supremus dux) Литвы; „великій князь“ это Ягайло („король польскій, великій князь литовскій, вочичъ Руси“); только съ 1395—96 г. начинаетъ встрѣчаться наименованіе Витовта „великимъ княземъ Литвы“. М. К. Любавскій („Литовско-русскій сеймъ“, стр. 18) не учелъ этого обстоятельства, но признаетъ, что „Островское соглашеніе 1392 года..... не замѣнило Кресскій договоръ 1385 года въ принципѣ“.

²⁾ Вмѣстѣ съ Троицею отчиной по Кейстулъ переменяетъ къ Витовту и Полоцкъ изъ рукъ Свидригайла, какъ наданье отъ Ягайла; Видзбскъ, когда кончилось пожененное владѣніе имъ Ягайловой матери, въ управленіи Ягайловыхъ (не Витовтовыхъ) воеводъниковъ, а Витовтъ высылаетъ оттуда заставшаго тамъ Свидригайла, чтобы отослать его плѣнникомъ къ Ягайлу; терять владѣнія Корбутъ-Дмитрій водгородъ-сѣверскій и самъ въ плѣну, пока не выльетъ его на поруки Осегъ рязанскій (затѣмъ видимъ его княземъ-подручникомъ при Витовтѣ); на югѣ Витовтъ отнимаетъ Киевъ у Владимира Ольгердовича съ поддержкой пословъ отъ Ягайла—для передачи его Скиргайлу, а Подолію у Федора Коріатовича, чтобы часть ея получить, вмѣстѣ съ Волынью, въ державу отъ а. к. Ягайла. Все это тѣсно связано съ проведеніемъ въ жизнь началъ Кресской уніи, которую и Витовтъ скардиналъ участіемъ въ основномъ актѣ и записью на вѣрность королю и королю польской, а въ 1392 году возобновилъ, дополнивъ особоб записью на вѣрность королеви Ядвигѣ и королю польской (Либавскій, указ. соч., стр. 18). — Официальная терминологія того времени не различаетъ въ Ягайлѣ носителя великокняжеской власти на Литвѣ отъ короля польскаго; Ягайло стоитъ на почвѣ Кресской уніи, т. е. единства польско-литовской государственной власти.

своими наместниками. Князь Юрий Святославич избегал плѣненія, нашегъ поддержку у тестя, рязанскаго великаго князя Олега, но Москва поддержала Витовта. Весной того же года, какъ свершилось «первое взятіе Смоленску отъ Витовта», в. к. Василій Дмитріевичъ и митр. Кипріявъ прїѣзжали къ нему въ Смоленскъ, а лѣтомъ и осенью в. к. Василій останавливаетъ попытку Олега рязанскаго поднять за ново борьбу противъ Витовта, но не препятствуетъ литовскому князю громить Рязанскую землю, а послѣ его рязанскаго похода — чувствуетъ теста на Коломиѣ¹⁾.

Такое обидженіе великихъ князей литовскаго и великорусскаго ставило въ трудное положеніе Великій Новгородъ. Размирье съ в. к. Василіемъ не было исчерпано событіями предыдущихъ лѣтъ, хотя формально закончилось въ 1393 году уступкой со стороны Новгорода; новгородцы послали къ в. к. Василію пословъ «съ челобитьемъ о старинѣ», смирились и передъ митрополитомъ, допустили сборъ «чернаго бора» по своимъ волостямъ и земскіе выхъ княжескихъ пошлинъ. Тогда же взялъ новгородцы миръ по старинѣ и съ Витовтомъ²⁾. Но положеніе, занятое Великимъ Новгородомъ, дѣлало прочный миръ невозможнымъ. Новгородская независимость отъ великокняжеской власти значительно возрасла за время полной заброшенности задачъ сѣверо-западной великорусской политики со стороны этой власти. Господинъ Великій Новгородъ получилъ возможность, даже поставленъ въ необходимость вполне независимо опредѣлять свои отношенія къ сосѣдямъ, вести войны и заключать договоры, полагаясь только на самого себя³⁾. Это годы наиболѣе полного новгородскаго народоуправства. И новгородцы, признавая, по прежнему, княжескую власть необходимой, главнымъ образомъ, для ратнаго дѣла, все чаще повторяютъ опыты съ замѣной этой высшей власти ея суррогатомъ — дѣятельностью пришлыхъ князей, которымъ «кормили новгородскимъ хлѣбомъ» на своихъ пригородахъ⁴⁾. Отчужденіе отъ великорусскаго великаго княженія достигло высшей мѣры, и вторая половина десятилетнихъ годовъ принесла Новгороду небывалыя испытанія.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69—70; т. XI, стр. 166; т. IV, стр. 101.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 100; Новг. I, стр. 379; только въ іюлѣ 1397 г. помирился новгородцы со Псковомъ—Новг. V, стр. 382.

³⁾ Характеренъ знаменитый отвѣтъ изъ в. к. Василію на требованіе его и Витовта разорвать миръ съ ильичами: «намъ, господине княже, съ тобою миръ свой, а съ ильичи изъ, а съ Витовтомъ изъ; а ты, господине княже, въ то у насъ не вступайся: Новгородъ держитъ старину древнюю, какъ пошло отъ начала исперва»; этотъ отвѣтъ звучитъ совсемъ по новгородски; но не такъ еще давно главный новгородскій упрекъ великимъ князьямъ былъ за недостаточное вниманіе къ ильичинимъ отношеніямъ Новгорода. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 168; т. IV, стр. 102; т. V, стр. 250).

⁴⁾ Въ 1393—1396 такую роль играетъ бѣлозерскій князь Константинъ Иваковичъ; въ 1397 одиакъ за другимъ прїѣхали въ Новгородъ смоленскій князь Василій Иваковичъ, затѣмъ кн. Патрікій Наримонтовичъ.

Въ 1397 году въ Новгородъ явились «содинога» послы великихъ князей Василія Дмитріевича и Витовта и привезли новгородцамъ требованіе разорвать миръ съ нѣмцами. Новгородцы отвѣтныи отказомъ, который повсильи утвержденіемъ самостоятельности своей политики и своихъ договоровъ съ великимъ княземъ всея Руси, съ Литвой, съ Нѣмцами. Смыслъ этого требованія не ясенъ: ни Витовтъ, ни тѣмъ болѣе в. к. Василій не думали въ данный моментъ о войнѣ съ Орденомъ ¹⁾; быть можетъ, правильно было бы заключать объ этомъ смыслѣ: отъ новгородскаго отвѣта—и повяты требованіе, какъ отрицаніе за новгородцами права на самостоятельную внѣшнюю политику. Во всякомъ случаѣ, оно было только предлогомъ для приступа къ выполненію плана дѣйствій, условеннаго, надо полагать, на Коломенскомъ съѣздѣ великихъ князей. Трудно повяты связь дальнѣйшихъ событий безъ допущенія, что между великими князьями состоялось соглашеніе о раздѣлѣ новгородскихъ владѣній.

В. к. Василій посылаетъ на Двину своихъ бояръ, призывая Двинскую землю отложиться отъ Новгорода и «здатися» за него, князя великаго. Бояре двинскіе и вся Двинская земля цѣловали крестъ в. к. Василію, обезпечивъ себѣ опредѣленные условія управленія по особой уставной грамотѣ. Одновременно великій князь занялъ Волокъ Ламскій, Торжокъ, Вологду, Бѣжецкій Веркъ ²⁾. Въ то же время Витовтъ заключаетъ съ Ливонскимъ Орденомъ (въ октябрѣ 1398 года) свой знаменитый Салинскій договоръ, по которому отступился въ пользу рыцарей отъ Жмуда и отъ всякихъ притязаній на Псковъ, обязуясь помочь имъ въ покореніи Псковской земли, а зато получилъ обязательство Ордена помочь въ завоеваніи Великаго Новгорода ³⁾. Въ Новгородѣ явились послы Витовта съ объявленіемъ войнъ за то, что новгородцы не исполнили своего обязательства признать Витовта своимъ великимъ княземъ ⁴⁾. Но дѣйствія противъ Новгорода оказались

¹⁾ А. Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 106—109.

²⁾ Новг. I, стр. 382—388: Двинская уставная грамота А. А. Ѳ., т. I, № 13.— Торжокъ в. к. Василій «далъ» князю Ивану Всеволодовичу холмскому, за котораго выдалъ сестру Анастасію (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 70).

³⁾ Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 110.

⁴⁾ Новг. I, стр. 888: «обеществовали ми есте, что было вамъ за мене ятиса, а мѣъ было вамъ княземъ великимъ быти, а вась мѣъ было оборонити, а вы за мене не ятиса».—Это моментъ, когда быстрый ростъ плановъ Витовта достигъ своего апогея—мечты о независимомъ Литовскомъ королевствѣ. Съѣздъ Литовскихъ князей и князей на о-вѣ Салинѣ провозгласилъ его «королемъ на Литвъ и на Руси», Орденъ опасался объединенія подъ властью Витовта Литвы и Руси—Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 111; М. К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 26—28; Барбашевъ, Витовтъ, и его политика до Грюнвальденской битвы, стр. 87. Не ясно, о какомъ обязательствѣ новгородцевъ «ятиса» за в. к. Витовта заявили послы Витовта: нѣкоторые молчатъ, но нѣтъ въ нихъ и отрицанія того, что подобные переговоры были. Напомню пріемы Ольгерда на псковское княжство, а тутъ рѣчь могла идти о князѣ для Новгорода отъ руки в. к. Витовта.

разрозненными, а союзники Витовта нерышительными въ поддержкѣ его чрезмѣрнаго усиленія. Ордену было важно посорить Витовта съ Ягайломъ, а не усмирать его подчиненіемъ Новгорода; да едва-ли рыцари на дѣлѣ мечтали о покореніи Пскова. Захватъ Двинской земли и другихъ новгородскихъ владѣній оказался недолговѣчнымъ, и раньше, чѣмъ Витовтъ развязалъ себѣ руки Салынскимъ договоромъ, войска Великаго Новгорода повели обратное завоеваніе и жестоко покарала отступившую отъ Новгорода Двинскую землю, а затѣмъ добились и «мира по старинѣ» съ в. к. Василіемъ. Едва ли скорое отступленіе великаго князя отъ широкихъ захватныхъ плановъ объяснимо одними ратными успѣхами Новгорода. Чрезмѣрное подчиненіе политикѣ Витовта грозило слишкомъ тяжкими послѣдствіями. Великокняжеская политика становится самостоятельнѣе, и когда Витовтъ отправилъ «възвѣстную грамоту» въ Новгородъ, а Псковъ отдалъ въ жертву нѣмцамъ, псковичи снова нашли опору въ великорусскомъ великомъ княженіи, а Новгородъ возстановилъ «старину» своихъ отношеній къ великокняжеской власти. Лѣтомъ 1399 года Псковъ спѣшно укрѣпляется; Ольгердовъ внукъ, князь Иванъ Андреевичъ еще несвой уѣхалъ, «цѣлованье сложивъ». Къ землѣ выяснилось, что за Псковомъ и Новгородомъ стоитъ противъ Витовта великорусское великое княжество. Въ Новгородъ пріѣхалъ братъ великаго князя Андрей Дмитриевичъ; во Псковъ, по псковскому челобитью, великій князь прислалъ князя холмскаго Ивана Всеволодовича, а Витовтъ «той земли миръ розвереть съ своимъ зятемъ, съ великимъ княземъ Васильемъ и съ Новымъ городомъ и со Псковомъ»¹⁾. Въ Москвѣ стали другими глазами смотрѣть на политику Витовта, быть можетъ, въ связи съ тѣмъ толкованіемъ какое получали въ московской средѣ его татарскія отношенія.

III.

Сѣверные планы Витовта рушились, когда его вниманіе и энергія все сильнѣе прикованы къ югу; дѣла татарскія связали его силу и остановили наступленіе на Новгородъ. Уступчивость великорусскаго великокняжескаго правительства въ отношеніяхъ къ Витовту могла быть обусловлена не только личнымъ вліяніемъ тестя на в. к. Василія съ поддержкой в. к. Софьи Витовтовны и митр. Кипріяна²⁾, но и разрывомъ съ Ордой, расчетомъ на оборону противъ татарской силы въ союзѣ съ Витовтомъ. Соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Москвы и Литвы противъ татаръ должно было быть предметомъ обсужденія на Коломенскомъ съѣздѣ великихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 195.

²⁾ Внутренніе отношенія московскаго великокняжескаго двора, о которыхъ наши источники не даютъ опредѣленныхъ свѣдѣній, вѣроятно многое объясняютъ бы въ колебаніяхъ великокняжеской политики не только въ татарскія, но и въ русско-литовскія дѣла.

князей ¹⁾. У Витовта въ рукахъ было такое орудіе для поддержки смуты въ Золотой Ордѣ, какъ бѣжавшій къ нему ханъ Тохтамышъ, осыпшій съ дворомъ своимъ въ Кіевщинѣ. Витовтъ съ 1397 года возобновилъ старинну русскіихъ княжлхъ походовъ въ степь и военной колонизаціи своимъ владѣніи плѣнными и бѣглыми инородцами ²⁾. Но планы его значительно шире. Онъ мечталъ о сокращеніи Золотой Орды, собиралъ силы для большого похода, добытъ отъ папы Бонифація IX провозглашеніе въ Польшѣ, Литвѣ, Валахія крестоваго похода на татаръ, заручился поддержкой Тевтонскаго Ордена. Не могъ тотъ же планъ большой войны съ татарами не захватить и сношеній Витовта съ Москвою и Тверью. Въ концѣ 1397 г. тверской в. к. Иванъ Михайловичъ ѣдетъ къ Витовту, въ 1398 происходитъ обмѣнъ послами между великими князьями Витовтомъ и Василіемъ ³⁾. Пограничная борьба Великороссіи не прекращалась въ эти годы на равнинской и нижегородской украинѣ, но великокняжеское правительство не откликнулось на проекты Витовта. Въ Москвѣ отвесился съ крайнимъ недоумѣріемъ къ покровительству, какое Витовтъ оказывалъ бѣгному хану Тохтамышу, маня его посуломъ возстановленія на ханствѣ. Памятника русскаго лѣтописанія сохранили указаніе на то, какіе предательскіе планы приписывали Витовту противники его выліяніи на русскія дѣла: водворить Тохтамыша въ Ордѣ, а съ его помощью покорить себѣ Москву и все великорусское великое княжество, чѣмъ разрѣшится въ его пользу и вопросъ о Новгородѣ и Псковѣ ⁴⁾.

Пораженію войскъ Витовта на берегахъ Ворсклы въ исторической литературѣ часто придаютъ нѣсколько преувеличенное значеніе. Конечно, оно подорвало планы большого наступленія на татарскій міръ, а, съ другой стороны, было ударомъ, отрезвляющимъ отъ мечтаній Салгискаго съѣзда, и въ польско-литовскихъ отношеніяхъ политика Витовта возвращается, въ значительной мѣрѣ, на прежніе пути солидарности съ Ягайломъ, однако,

¹⁾ Прохаска, указ. соч., стр. 119.

²⁾ О степныхъ походахъ Витовта см. Лясковскаго, „Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчное время и походъ князя Витовта на Татаръ въ 1399 году“ (1907 г.; Ж. М. Нар. Пр. и отд.): Прохаска, указ. соч., стр. 119—121; М. С. Грушевскій, указ. соч., т. IV⁷, стр. 313—314.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 71. Посоль в. к. Витовта Ямонтъ въ Москвѣ; затѣмъ пріѣзды в. к. Софьи къ отцу „съ боярами многими“.

⁴⁾ „Хотѣлъ плѣнить Русскую землю въ Новгородѣ и Псковѣ“—Новг. I, стр. 390; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 103, 143; т. V, 251; т. VIII, 72. Эти толки, связавшія въ одинъ широкій планъ татарскую и новгородскую политику, показателны для перелома въ отношеніи къ ней великорусскаго великокняжескаго правительства накануне битвы на р. Ворсклѣ: послѣ нея мало бы въ нихъ было смысла, а рассказъ лѣтописнымъ сведовъ объ этой битвѣ положилъ злорадства уличенію гордыни Витовта; разрывъ Москвы съ сѣверной политикой Витовта опредѣлился до битвы на Ворсклѣ: кн. Андрей Дмитріевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ къ 15 іюня (на „Володимеръ день“), а бой на Ворсклѣ—12 августа 1399 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 172 и 174.

на новыхъ началахъ признали за нихъ пожизненной великокняжеской власти; если не придавать чрезвычайнаго значенія широкимъ замысламъ, какіе Витовту приписывали сосѣди, глядѣвшіе съ опаской на ростъ его силы, а въ представленіи его великорусскихъ недруговъ разрослись до столь фантастическихъ размѣровъ, учитывать только реальныя черты достигнутаго имъ политическаго положенія, можно признать, что оно не было особенно рѣзко поколеблено пораженіемъ на берегахъ Ворсклы.

Въ частности не боевая неудача 1399 года разрушила сѣверно-русскіе планы Витовта, а временное объединеніе противъ него великорусскихъ силъ ¹⁾. Пережитое пораженіе, совпавшее съ пересмотромъ литовско-польскихъ отношеній по смерти королевы Ядвига, лишило Витовта возможности пойти на активныя дѣйствія. Въ ближайшіе годы Новгородъ, а затѣмъ Псковъ заключаютъ съ в. к. Витовтомъ «вѣчный миръ» ²⁾. Но это примиреніе не возобновило связи Витовта надъ сѣверными воюющими городами. Во Псковѣ явнымъ князь-намістника Данила Александровича (звъ ростовскихъ князей)—представителя власти великаго князя всея Руси. А Новгородъ лишь въ литовской поддержки. Возненія, возникшія въ Смоленскѣ, гдѣ часть населенія была на сторонѣ Витовта, а часть стояла за возвращеніе князя-отчича, дали Юрію Святославичу возможность снова омыдѣть Смоленскомъ съ рязанской помощью, а походъ Витовта подъ Смоленскъ осенью 1401 года кончился неудачей и «миромъ по старинѣ» съ княземъ Юріемъ, съ которымъ в новгородцы посѣдшими заключили докончаніе ³⁾. В. к. Василий въ то же время возобновилъ,—не объявляя Новгороду войны,—наступательныя дѣйствія для захвата Двинской земли и Торжка ⁴⁾. Однако и на этотъ разъ великому князю не удалось удержать новгородскихъ воло-

¹⁾ Къ началу 1399 года подходит однако стоящая въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ запись Софійской 2-й лѣтописи: „того же лѣта князь великій Василій Дмитревичъ московскій со княземъ Михаиломъ тверскимъ покрѣпивша миру, и соединишася вси князи русскіи заодно и послаша грамоты разметима ко князю Витовту Кестутевичу литовскому“, а не къ 1396-му, подъ которымъ она читается (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 128),—ранѣе извѣстія о Коломенскомъ свиданіи великихъ князей.

²⁾ Новг. I, стр. 391; П. С. Р. Л., т. V, стр. 18.

³⁾ Новг., стр. 392; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75. Въ Смоленскѣ „бысть въ то время мятежъ и крамола, ови хотяху Витовта, а друзіи отчича своего“; верхъ взяли послѣдніе, отворили городъ Юрію, перебили своихъ бояръ, „которые перевѣтъ держали ко князю Витовту“, и князя Романа брянскаго, „намістника Витовтова“, съ его брянскими боярами.

⁴⁾ „На крестомъ цѣлованіа“ дважды подчеркнуто въ Новг. I, стр. 391 и 392. Надо полагать, что в. к. Василий намѣренно придавалъ этимъ дѣйствіямъ характеръ осуществленія своего великокняжескаго права. Новгородскіе посадники на Двинѣ арестовали, многіе дьякане казнены („крестьянъ повѣшали, а нымъ посѣла“), въ чѣмъ можно видѣть репрессию за „лжѣву“ — П. С. Р. Л., т. IV, стр. 143; задержаны и увезены въ Москву и новгородскіе бояре-посадники на Торжкѣ. Въ распоряжѣ съ новгородской партией на Двинѣ во главѣ рати великаго князя—двинскіе бояре.

стей, причѣмъ всѣ лѣтописные своды замалчиваютъ обстоятельства, при которыхъ этотъ конфликтъ получивъ свое разрѣшеніе ¹⁾. Повидимому, слѣдующее примиреніе в. к. Василія съ новгородцами стояло въ связи съ оживленіемъ литовскаго напора на смоленскую область: дать разгорѣться борьбѣ съ Новгородомъ значило бы отдать его въ руки в. к. Витовта. Но отъ обороны Смоленска Василій Дмитріевичъ снова уклонился, хотя его примиреніе съ новгородцами и докончаніе съ ними князя Юрія смоленскаго, давали этому послѣднему надежду на великорусскую поддержку. Когда въ ближайшіе годы князь Семень Ольгердовичъ захватилъ смоленскій городъ Вязьму, а затѣмъ Витовтъ ваялъ и Смоленскъ, князь Юрій Святославичъ искалъ въ Москвѣ обороны отъ литовскаго великаго князя, но Василій уклонился отъ стоконвенія съ тестемъ ²⁾. Переговоры великихъ князей могли грозить выдачей Юрія Витовту: смоленскій князь бѣжалъ съ Москвы въ Новгородъ (возможно, что съ московскаго попустительства) и новгородцы приняли его, ³⁾. Ихъ связывала общая опасность: казалось, возрождается возможность раздѣла погородскихъ владѣній между литовскими и велико-

¹⁾ Въ 1402 г. в. к. Василій отпустилъ изъ плѣна новгородскихъ бояръ, взятыхъ въ Торжкѣ, но опредѣленно возстановленіе отношеній по старинѣ указало только сообщеніемъ о прѣздѣ въ 1406 г. князя Петра Дмитріевича въ Новгородъ (Новг. I, стр. 892 и 394).

²⁾ Новг. I, стр. 394 (князь Юрій поѣхалъ въ Москву поклониться в. к. Василію, чтобы его побороваля отъ в. к. Витовта, а безъ него „перевѣтники“ сдали Смоленскъ Витовту); по другимъ лѣтописямъ, князь Юрій бѣжалъ в. к. Василію челомъ о принятіи Смоленска въ составъ великаго княженія всея Руси: „дающеся ему самъ и со всеми своими княженіемъ“; однако, в. к. Василій „не прія его, ни всего его княженія Смоленскаго, не хота възвѣстити Витовту“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 107; т. VIII, стр. 76); Тверская лѣтопись (т. XV, ст. 471) сообщаетъ, что в. к. Василій имѣлъ „рядъ“ съ Витовтомъ о томъ, ему „не вступатися въ Смоленскъ и съ Юріемъ не имѣти любяи“. Однако, есть извѣстіе, что в. к. Василій собирався поддержать Юрія, но затѣвулъ дѣло, а пока свершилось паденіе Смоленска. Это вызвало взаимныя нареканія: сторонники Юрія обвиняли в. к. Василія, что онъ намѣренно задержалъ Юрія „на тые сроки, норовя тестю своему Витовту“ (Супрасльская рукопись, стр.: 136; объ этихъ срокахъ упоминаетъ и Троицкая лѣтопись—П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 181: князь Юрій выждалъ ожидать себя въ Смоленскѣ съ помощью „на первый срокъ, и на другій, и на третій“); а Василій попрекалъ Юрія: „пріѣхалъ еси съ кестію, и смольнякомъ велѣлъ датися за Витовта“ (Архангелогородскій лѣтописецъ, изд. 1819 г., стр. 124).

³⁾ Занявъ Смоленскъ, Витовтъ „посла на замканіе Юрія“. О его обращеніи въ Москву и въ Новгородъ съ требованіемъ выдачи Юрія—Тверская лѣт. (П. С. Р. Л. т. XV, ст. 471), причѣмъ и исконники высказались за единеніе съ Новгородомъ и Юріемъ. Нѣсомнѣнно, что если у в. к. Василія и былъ поводъ утверждать, что новгородцы приняли Юрія безъ его повелѣнія (т. XV, стр. 471), то этотъ ихъ шагъ не былъ сдѣланъ и противъ воли великаго князя. Юрій на новгородскихъ пригородахъ во время прѣзда ка. Петра Дмитріевича и въ томъ же году отъѣхалъ изъ Новгорода на Москву (Нов. I, стр. 394—395), гдѣ состоялся бракъ его дочери Настасьи съ великокняжескимъ братомъ Юріемъ Дмитріевичемъ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 281).

русскими великими князьями. Новгородцы укрѣплялись съ княземъ Юріемъ на томъ, что имъ борониться отъ враговъ «сѣодниго» и дали ему 13 пригородовъ¹⁾. Ожидали боевого выступления Витовта, опасались, видно, и двойственной политики в. к. Василія. Но вся осторожная уклончивость великокняжескаго правительства въ отношенія къ в. к. Витовту и на этотъ разъ разрѣшилась крушеніемъ плановъ литовскаго князя. Витовтъ началъ военныя дѣйствія, послѣ взятія Смоленска, въ началѣ 1406 года нападеніемъ на псковскія волости. Псковичи вмѣстѣ съ новгородцами обратились за помощію въ Москву. Тогда въ Новгородъ и во Псковъ пріѣхалъ братъ великаго князя Петръ Дмитриевичъ—подготовить оборону, а затѣмъ двинулось великокняжеское войско съ татарской помощію отъ хана Шадибека. Литовскій напоръ, по прежнему, не только сплачиваетъ великорусскія силы, но и заставляеть ихъ, отрѣшаясь отъ борьбы съ татарами, искать въ Ордѣ поддержки противъ общаго врага²⁾. И Витовтъ останавливается; обѣ стороны избѣгали рѣшительнаго столкновенія; заключено перемиріе, но «ромирье» затянулось года на три³⁾. Великій князь всея Руси смѣлѣе беретъ теперь въ свои руки оборону западныхъ областей Великороссіи. Пробытіе въ Новгородѣ князя Петра означало ликвидацію особаго положенія Юрія; онъ отъѣхалъ въ Москву и получилъ Торжокъ уже не отъ Новгорода, а отъ князя великаго⁴⁾. Во Псковѣ видимъ въ эти годы младшаго великокняжескаго брата Константина—руководителемъ обороны Пскова отъ вѣлпецъ⁵⁾. Уславленіе дѣятельности великорусскаго центра на западныхъ предѣлахъ не замедлило оживить и шатость въ русскіихъ элементахъ Литовско-русскаго государства: возобновляются отъѣзды изъ западной Руси къ Москвѣ,⁶⁾ рассчитанные на великорусскую помощь во внутренней борьбѣ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 144—145: Русу, Ладогу, Орѣшекъ, Тверьскія, Корѣльскія, Копорью, Торжокъ, Волокъ Ламьской, Порховъ, Вышегородъ, Яму, Высокое, Кокшнѣя городецъ: упоминаніе Торжка и Волока наводитъ на мысль объ опаскѣ со стороны Москвы; въ Новгородѣ должны были опасаться новаго союза Литвы и Москвы, повторенія комбинаціи Коломенскаго сѣзда.—Въ Новгородской IV лѣтописи имѣемъ соединеніе двухъ записей о событіяхъ этого времени, которые такъ соединены, что о судьбѣ Смоленска и князя Юрія рассказано дважды; получилось двѣ осады Юрія въ Смоленскѣ, два отъѣзда его въ Москву, два прѣбытія его въ Новгородѣ.—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 106—107; 144—145.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 78; князь Петръ пріѣхалъ въ Новгородъ „въ пособіе на Литву“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 109); „Псковичемъ на помощь“ (т. VIII, стр. 78).

³⁾ „Воеваша межѣ собой по три лѣта“—П. С. Р. Л., т. V, стр. 254.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 81. Тутъ разыгралась семейная драма князя яземскаго Семѣя, кончившаяся убійствомъ и его, и его жены, и бѣгствомъ убійцы—князя Юрія въ Орду; буйную князю Юрія Святославичъ заключилъ „въ пустыни“—въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Въ концѣ 1405 г. при первомъ выступленіи в. к. Василія противъ Витовта къ нему на службу отъѣхалъ князь Александръ Ивановичъ Нелюбъ (Гольшавскій),

Литовско-русского государства—между противниками Витовта и этимъ великимъ литовскимъ княземъ, чья главная опора, землевладельческое панство коренной Литвы все болѣе тяжко подавляетъ русскіе и обрусѣлые элементы страны. Однако, все это нарастающее напряженіе отношеній не привело къ сколько-нибудь рѣшительной и острой борьбѣ. Характерныя выступленія другъ противъ друга ратной силой обохъ великихъ княжеств—въ 1406 году на рѣку Плаву и къ Вязьмѣ, въ 1407-мъ на Угру—все съ тѣмъ же результатомъ: перемиріе на годъ, новое перемиріе, миръ «по давному»—на дѣлѣ безсрочное перемиріе, не разрѣшавшее сложнаго, вѣкового антагонизма¹⁾. Витовтъ связанъ, не менѣе в. к. Василія, внутренними отношеніями—русскими и польскими, какъ тотъ—новгородскими, нижегородскими, тверскими, рязанскими. Насколько великорусско-литовскія отношенія еще далеки отъ какой-либо національной и государственно-международной опредѣленности видно изъ того, что въ 1407 году вернулся въ Новгородъ князь Семень-Лугвеній—на тѣ прагороды, что и прежде были за нимъ, держалъ ихъ до 1412 года лично и намѣстниками своими, водилъ новгородское войско на шведовъ, прачемъ въ тѣ же годы являемъ въ Новгородѣ великокняжескимъ представителемъ князя-намѣстника Константина Дмитріевича; новгородское кормленіе Лугвенія не было ни отъѣздомъ его отъ Витовта, ни нарушеніемъ «докончанія» Новгорода съ в. к. Василіемъ²⁾. Новгородское народоуправство было своею независимостью на обѣ стороны и, по мѣрѣ силъ и обстоятельствъ, укрѣпляло ее, постепенно подходя къ разрыву давней «старинны», принадлежности своей къ великорусскому вели-

„а съ нимъ много Литамъ и Ляховъ“; в. к. Василій принялъ его „съ любовью“ и далъ ему городъ Переяславъ. Послѣ столкновенія съ Витовтомъ въ 1407—8 гг., на Москву изъ Брянска выѣхалъ Свидригайло Ольгердовичъ съ цѣлою группою литовско-русскихъ князей и бояръ; в. к. Василій далъ Свидригайлу въ кормленіе даже стольный Владиміръ—„со всѣми волостями и съ пошлинами и съ селы и съ хлѣбомъ“, и города („потоу же“) Переяславъ, Юрьевъ, Волокъ, Ржеву да половину Коломны—тамъ же, стр. 78, 82.

¹⁾ Тамъ же, стр. 78, 81, 82.

²⁾ Новг. I, стр. 395—399. Въ тѣ же годы рядомъ съ Лугвеніемъ, который съ Витовтомъ „однякъ человекъ“, сидитъ на новгородскомъ „хлѣбокормленіи“ смоленскій Юрьевичъ Федоръ—„ворогъ“ Витовту. Задачей политики Ягайла и Витовта въ эти годы было объединеніе возможно большихъ силъ—польскихъ, литовскихъ и русскихъ для рѣшительной борьбы съ нѣмецкимъ Ордевомъ. Новгородцы пошли на договоръ объ общей борьбѣ противъ нѣмцевъ, но не соглашались признать полную независимость своихъ вѣчныхъ отношеній польско-литовской политикѣ, а упорно твердали; „какъ есмь съ литовскимъ миромъ, такъ есмь и съ нѣмцы миромъ“, оставляя право нейтралитета, если онъ отягчаетъ ихъ интересамъ. Угроза войной, когда Ягайло, Витовтъ и Лугвеній „вскнауша грамоты взметены къ Новгороду“, не привела ни къ чему; это „розмирье“, не сопровождавшееся военными дѣйствіями, протянулось до 1414 года и закончено „миромъ по старинѣ“; тамъ же, стр. 399—401.

кому княжеңию; литовская поддержка иногда помогала этому процессу литовская опасность торжвала и подрывала его наростаніе ¹⁾.

Какъ ни тревожно было первое десятилѣтіе XV-го вѣка въ жизни Великаго Новгорода, оно облегчало его положеніе между двумя сильными великими княжеңіями тѣмъ, что ихъ главные интересы были, въ ту пору, направлены въ иную сторону. Съ одной стороны, крѣпла польско-литовская унія, копя силы къ великому дню Грюнвальденской битвы; съ другой, надъ великорусскими великими княжествомъ нависла новая татарская гроза.

Разрывъ этого великаго княжества съ Ордой послѣ паденія Тохтамыша не привелъ къ продолженію освободительнаго дѣла, начатаго на Куликовомъ полѣ. Напротивъ: литовская опасность, судя по общему тону отношенія лѣтописныхъ сводовъ къ Витовту, привела къ тому, что тенденція «доброй думы къ Ордѣ» получила въ Москвѣ новую силу въ сознаніи, что Витовтъ врагъ боже грозный, чѣмъ татары. Еще при ханѣ Шадибекѣ возобновились сношенія съ Ордой ²⁾; въ 1406 г. приходила въ помощь в. к. Василию противъ Литвы татарская рать отъ царя Шадибека; сдѣла его другой креатурой князя Едигея, Бузатъ-Темиромъ совпала съ годами постоянной тревоги на нижегородской украинѣ, борьбы съ попытками нижегородскихъ князей вернуться на свою отчину и на ней утвердиться, и боже опаснаго розмѣря съ Витовтомъ. Великокняжеское правительство пытается отнять у нижегородскихъ отчичей татарскую поддержку, а также использовать силу Орды противъ литовскаго сосѣда, посылая настойчивыя жалобы и внушенія ордынскимъ властямъ. Передъ ордынскимъ владыкой Едигеемъ раскрывалось затруднительное положеніе «старѣйшаго великаго князя надъ толкими великими улусомъ» и возможность поставить ему опредѣленные требованія ³⁾. Однако, въ Ордѣ, видимо, сознавали, что не переговоры и

¹⁾ Отношенія между Новгородомъ и в. к. Василиемъ оставались безъ точнаго договорнаго опредѣленія втеченіи долгаго ряда лѣтъ. Новгородъ не могъ до 1424 года добиться отъ великаго князя формальнаго отказа отъ притязаній на новгородскія воеводи, а самъ не соглашался на окончательное урегулированіе вопроса о «княжичахъ». Оба спорныхъ пункта разрѣшены только взаимнымъ крестоцѣлованіемъ 1424 года—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92.

²⁾ Въ 1405 (6913) г. къ в. к. Василию приходилъ посолъ отъ царя Шадибека (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 381). Тверская лѣтопись (т. XV, ст. 475) отмѣчала, что обращеніе къ татарской помощи вызвало разкогласіе среди русскаго боярства; часть бояръ опасалась, что татары «осмотрятъ наряда земли нашей и восхотятъ сами прийти на ны»; «якоже и бысть ел», ламѣчаетъ лѣтописецъ, имѣя ввиду намѣреніе Едигея. Но тутъ протестъ противъ сближенія съ татарами приписанъ «старцамъ», а признавъ татарской помощи валававъ «думую ювчкъ нашихъ бояръ». Возможно, что рать идетъ о тверскихъ боярахъ; въ такомъ случаѣ тутъ можно усмотрѣть намекъ на посредническую роль Твери въ возобновеніи московско-татарскихъ отношеній.

³⁾ По разсказу Никонской лѣтописи, Едигей припоминалъ в. к. Василию Дмитривичу: «а обиды каковыи вы будутъ или отъ князей русскихъ или отъ Литвы,

требованиями можно добиться восстановления ханской власти надъ русскими улусомъ. Едигей пдетъ по слѣдамъ Тохтамыша. Набѣгъ 1408 года привелъ его подъ Москву; в. к. Василий оставилъ городъ на оборону дяди Владимира Андреевича и братьевъ, а самъ съ семьей уѣхалъ въ Кострому; татарскіе отряды широко разнесли разворение по городамъ и волостямъ великаго княжества. И долго—недѣли три—стояли татары подъ Москвой. Городъ выдержалъ осаду, но великій князь не смогъ организовать отраженіе врага. Едигей ушелъ съ добычей и откупомъ, какой вынулъ у москвичей, по вѣстямъ изъ Орды о нападеніи на ханскую столицу какого-то царевича ¹⁾. Этотъ набѣгъ наглядно вскрывалъ тягостное положеніе великорусскаго великаго княжества, безсильнаго объединить всѣ боевыя средства Велико-россии для обороны отъ татаръ, отъ ослабленной смутами и связанной внутренними раздорами Золотой Орды. Правда, и Едигей не смогъ вывезти изъ своего успѣха никакихъ прочныхъ результатовъ, кромѣ награбленной добычи. Только послѣ паденія Едигея и перехода власти въ Орду къ сыну Тохтамыша Желамеддинъ-Султану (Зелени-Султану)—поѣхалъ в. к. Василий Дмитриевичъ къ этому хану «со множествомъ богатства», вынужденный къ тому возобновеніемъ татарскихъ связей нижегородскихъ и тверскихъ князей.

Время в. к. Василия Дмитриевича для Великоросии—тяжелая година неустойчивыхъ, извурительно-напряженныхъ отношеній, непрерывныхъ и безысходныхъ конфликтовъ, на разрѣшеніе которыхъ, сколько-нибудь определенное и прочное, у великокняжеской власти не было необходимыхъ силъ и средствъ. Эта власть словно мечется между разными союзами и разрывами; нѣтъ у нея внутренней силы для определенной постановки и послѣдовательнаго разрѣшенія сложныхъ задачъ, возникавшихъ изъ международнаго положенія Великороссии. То руководство судьбами Великороссии, которое составляло цѣль и внутреннее оправданіе этой власти—въ разумѣніи ея носителей и въ пониманіи русскаго общества,—то и дѣло ускользаетъ изъ рукъ великаго князя Василия. Оно не по силамъ исторически-молодому политическому органу; преждевременно предъявляла задачи такого руководства требованіе единства и силы центральной власти въ такую пору, когда внутренней строй великорусскаго великаго княжества переживалъ только ранніе моменты эволюціи къ новымъ формамъ политическаго объединенія. Это преждевременное испытаніе силъ Великороссии надрывало ихъ и неизбежно тормозило процессъ объединительной работы, но, съ другой стороны, обострало потребность объединенія и ведшіи къ нему кривая устарѣлымъ порядкомъ и отношеній.

и ты къ намъ ва нихъ жалобныя шлешь сказати и жалобныя грамоты и оборовы у насъ отъ нихъ просишь”—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 82—84; т. XI, стр. 205—211 (повѣсть о вѣнствѣ Едигея).

Однако, попытки строительной политической работы великорусской великокняжеской власти не были вполне остановлены в этот период крайних внешних затруднений. Во втором десятилетии XV вѣка в. к. Василій Дмитриевичъ завершаетъ подчинение Нижнего Новгорода своему непосредственному управленію, но Рязанская земля, по прежнему, находить лишь слабую поддержку въ великорусскомъ центръ и то лишь изрѣдка, эпизодически. Въ то же время какъ съ трудомъ заканчивались безпокойными перепетіями нижегородскаго дѣла, в. к. Василій повторилъ было покушеніе на Двинскую землю, но она вновь отбита ¹⁾. Отношенія къ Новгороду такъ и установились по тому, что Новгородцы теперь называютъ «старинной», но это старина, которая покрывала «всю волю новгородскую», усложнилась и расширялась по мѣрѣ роста самостоятельности новгородскаго народоправства. Новгородъ не отдѣляется формально отъ Владимірскаго великаго княжества, принимаетъ великокняжескихъ наместниковъ, но держитъ рядомъ съ ними на пригородахъ, на новгородскомъ глѣбокормлении западно-русскихъ князей и даже «ливонскихъ», если кто изъ нихъ угодилъ въ Новгородъ изъ за ссоры съ великимъ княземъ ²⁾; притомъ Новгородъ ведетъ вполне самостоятельно свои отношенія къ в. к. Витовту, къ шведамъ, къ Ливонскому ордену и къ своему «младшему брату» Пскову внѣ замѣтнаго вліянія на эти дѣла представителей великокняжеской власти въ Новгородѣ и Псковѣ ³⁾. Остро стала вопросъ объ отношеніи Тверской земли къ великорусскому великому княжеству. Тверь—въ первой четверти XV-го вѣка—предохраняетъ послѣдніе «судьбные» раздоры, находящіяше опору во власти великаго князя всея Руси, и этотъ процессъ внутренней концентраціи ставитъ ее болѣе

¹⁾ Новгород, I, стр. 404; П. С. Р. Л., т. XI, стр. 232.

²⁾ Подъ 1414 и 1421 упоминается князь Ярославъ Владиміровичъ (изъ Смоленска); въ 1419 выѣзжалъ, по ссорѣ съ братомъ, князь Константинъ Дмитриевичъ, — и новгородцы дали ему тѣ пригороды, что были раньше за Семеновъ-Лутвиеніемъ Ольгердовичемъ; во въ то же время во главѣ новгородскаго управленія—князь Федоръ Патрикевичъ, наместникъ князя великаго, и онъ представляетъ Новгородъ въ переговорахъ съ Ливонскимъ Орденомъ вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ. Характерно, что Новгородская лѣтопись говоритъ, несмотря на великокняжескаго наместника, о докончаніи ливонскаго магистра „со княземъ Константиномъ и со всемъ Великимъ Новгородомъ“ — П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 87; т. VI, стр. 120; Новгород, I, стр. 410.

³⁾ На упомянутый сѣздъ съ нѣмецкими посланцами новгородцы, по выраженію Новгородской I лѣтописи, „послаша“ великокняжескаго наместника вмѣстѣ со своими посадниками. Участіе новгородскаго полка въ Грюнвальдской битвѣ съ княземъ Семеновъ-Лутвиеніемъ (см. Барбашевъ, Витовтъ—послѣдніе двадцать лѣтъ княженія, стр. 112) не было, конечно, участіемъ въ ней отряда войскъ великаго княжества.—Подъ 1421—1422 гг. лѣтописные своды сохранили запись о томъ, что новгородцы „пѣловаша крестъ за однихъ братья“—безъ поясненія о поводѣ и содержаніи такого крестоцѣлованія (Новг. I, стр. 412; Новгород, II, стр. 50), что даетъ впечатлѣніе конъюраціи Новгородской городской общины.

независимо по отношенію къ Москвѣ и великому княжеству всея Руси. Тверь при великомъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ стоитъ самостоятельной политической единицей между Москвой, татарами и Литвой.

По смерти отца—черезъ двѣ недѣли послѣ побѣды татаръ на берегахъ Борскы—в. к. Иванъ оказался лицомъ къ лицу съ окрѣпшей силой Орды. Его отецъ поддерживалъ вассальныя отношенія къ Темрюкъ-Кутлюю ¹⁾, а Иванъ Михайловичъ отправилъ въ Орду пословъ, которые привезли ему ярлыкъ на Тверское великое княженіе отъ хана Шадибека ²⁾. Это было время, когда в Тверь втягивается въ объединеніе великорусскихъ силъ противъ Витовта, когда подъ давленіемъ литовской опасности и великій князь всея Руси вынужденъ снова искать сближенія съ Ордой. Тверская рать участвуетъ въ первомъ выступленіи противъ Витовта 1406 года, но заключеніе перемирія, закончившаго на время это розмирье, вскрыло основныя разногласія между двумя великокняжескими властями. В. к. Василий повелъ переговоры съ Витовтомъ и заключилъ перемирное докончаніе безъ сношеній съ тверскими князьями и в. к. Иваномъ, а въ договорной грамотѣ написалъ его имя ниже своихъ братьевъ. Это встрѣтило рѣзкій протестъ. Тверскіе князья и воеводы ушли съ тверскимъ полкомъ, и в. к. Иванъ отвергъ союзъ съ в. к. Василиемъ за то, что московскіе князья не почитаютъ тверскихъ равными себѣ, не соблюдаютъ чести тверского имени въ формулѣ грамотъ, заключаютъ миръ не «по думѣ» съ тверскими князьями, стало быть обходятся съ ними, какъ со служилыми князьями ³⁾. Въ походѣ подъ Вязьму и на Угру 1406—1407 годовъ Тверь участія уже не приняла. Во время нашествія Едигея на Москву тверской великій князь уклонился отъ участія, по требованію ордынскаго вождя, въ осаду московскаго города, за что тверскія волости подверглись разоренію ⁴⁾. Наши гѣтописные своды объясняютъ эти его дѣйствія осторожнымъ уклоненіемъ отъ разрыва съ Москвой; но въ эту пору прямая помощь татарамъ въ набѣгѣ на Русь была и на тверской почвѣ общественно-психологической невозможностью. Иное дѣло отношенія къ великому княжеству Литовскому. Стремленіе отстоять возможно полнѣе свою независимость отъ великорусской великокняжеской власти неизбежно толкало Тверь на испытанные пути союза съ Литвой и попытокъ найти въ ней опору и покровительство. Въ Тверскомъ великомъ княжествѣ не замедлили возродиться внутреннія смуты, выходившія опору въ Москвѣ. Великокняжеская власть не могла отказаться отъ попытокъ привести Тверь въ свою волю. А путь къ Литовскому великокняжескому двору давно проложенъ связями фамильнаго свойства. Въ 1411 г.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 280 (Карамзинъ, т. V, прим. 165).

²⁾ Тамъ же, стр. 281.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 476—477.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 136; т. VIII, стр. 83; т. XI, стр. 209; т. XVIII, стр. 283.

видимъ тверского княжича Александра Иваповича на побывкѣ у Витовта въ Киевѣ, а въ слѣдующемъ году заключенъ союзъ великихъ князей литовскаго и тверского, что «быти имъ всюду за едины»¹⁾, и тверской полкъ участвуетъ затѣмъ въ польско-литовской войнѣ съ Ливонскимъ Орденомъ²⁾.

Однако, это сближеніе Твери съ Литвой не имѣло остраго политическаго значенія, ввиду тѣхъ отношеній какія послѣ временнаго розмирья, установились между великими князьями Витовтомъ и Василіемъ. Съ 1412 года, когда на ханствѣ Золотой Орды утвердился сынъ Тохтамыша Джелаледдинъ Султанъ, связанный съ Витовтомъ, у котораго въ годы изгнанія находилъ съ отцомъ убѣжище и поддержку, а в. к. Василій возобновилъ сношенія съ Ордой и поѣздки къ хану, чтобы вліяніемъ въ Орды поддержать свою нижегородскую и тверскую политику, ордынскія и литовскія отношенія Твери терпели, въ значительной мѣрѣ, свою опасность для великорусской великокняжеской власти. Но отказъ Тверского великаго княжества отъ полной и дѣятельной солидарности съ великорусскими силами, которая было сплотившись подъ властью великаго князя всея Руси, не могъ не усилить пассивности этой власти, и можно признать, что этотъ отказъ сыгралъ свою роль, какъ въ обновленіи зависимости в. к. Василія отъ хана, такъ, особенно, въ упадкѣ всякой энергіи противодѣйствія литовской политикѣ и новомъ подъемѣ литовскаго вліянія на дворъ и политику великаго князя всея Руси.

Послѣдніе годы жизни и княженія в. к. Василія Дмитріевича характерно отличены этимъ усиленіемъ литовскихъ связей Москвы. Наряду съ затруднительнымъ и сложнымъ укладомъ вѣнскихъ отношеній великаго княжества это явленіе обусловлено—не менѣе, если не болѣе—тревожнымъ напряженіемъ внутреннихъ дѣлъ его. В. к. Василій, какъ еще увидимъ подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи, имѣлъ основаніе смотрѣть съ тревогой на будущее, какое ожидаетъ его семью и послѣдніе его власти послѣ его кончины. Въ случаѣ его смерти—васлѣдникомъ оставался князь-малолѣтокъ, такъ какъ старшій Васильевичъ Иванъ умеръ въ 1417 году. Вскорѣ послѣ этой утраты составлена духовная грамота, въ которой сынъ Василій, родившійся въ 1415 году, порученъ матери в. к. Софьи Витовтовнѣ: она ему будетъ вѣсто отца³⁾. Естественнаго опекуна своему сыну и вдовѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 219.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 488 (1422).

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 41. Соображенія, по которымъ надо ее отнести къ 1418 году см. выше, на стр. 282, примѣчаніе. Въ первой духовной в. к. Василія (тамъ же, № 39), писанной когда жана была мать в. к. Василія в. к. Евдокія (ум. въ 1407 г.) и въ такую пору, когда произошелъ разрывъ съ Витовтомъ (1405—6 г.), в. к. Софья не отводилась отъ значительнаго вложенія; князю Ивану тамъ только внушалось держать мать «во чти и въ матеротѣ, какъ Богъ рекъ», а поручены они оба, мать и сынъ, князю Владиміру Андреевичу и братьямъ великаго князя Андрею и Петру Дмитріевичамъ.

княгини в. к. Василій видитъ въ Витовтѣ, тестѣ своемъ ¹⁾. Въ 1423 году составлена послѣдняя духовная в. к. Василія—съ тѣмъ же «приказомъ» ему дочерц, в. к. Софьи и ея сына. Въ томъ же году в. к. Софья Витовтовна ѣздила къ отцу, а послѣдъ за ней прибыла къ Витовту и митр. Фотій. Эта поездка имѣла политическій смыслъ. Митр. Фотій повезъ съ собой къ Витовту духовную грамоту в. к. Василія: она была въ подлинникѣ предъявлена литовскому великому князю при переговорахъ о новомъ подтвержденіи прежняго докончанія относительно его «печалованія» дочерью, великою княгиней, и ея сыномъ ²⁾. И въ томъ же году московскій и тверской отряды участвовали въ походѣ Витовта на вѣмцевъ, а въ слѣдующемъ—Витовтъ вызываетъ великорусскую помощь противъ татарскаго набѣга ³⁾. Витовтъ стремился закрѣпить успѣхъ, достигнутый въ Грюнвальдской побѣдѣ, военными дѣйствіями литовскихъ, польскихъ и русскихъ силъ, и привлечь къ войнѣ съ вѣмцами, по крайней мѣрѣ, Псковъ и Новгородъ. Но торговые города, часто воюя съ вѣмцами, искали мира, держались оборонительно. Къ началу двадцатыхъ годовъ и Новгородъ и Псковъ добились мира съ сосѣдями, а исконныя даже обязались не помогать Витовту. За это имъ грозилъ гнѣвъ Витовта, и псковичи, опасаясь реальныхъ осложнений, искали обороны и посредничества у в. к. Василія; но, замѣчаетъ псковская лѣто-

¹⁾ „А приказываю своего сына князя Василья и свою княгиню и свои дѣти своему брату и тестю великому князю Витовту, какъ ми реклъ, на Богѣ да на немъ, какъ си имѣть печаловани“. Та же грамота даетъ указаніе на обмѣнъ дружественными посольствами и дарами тестя съ зятемъ („наменовое судно бохшое, што ми отъ великого князя отъ Витовта привезахъ князь Семень“) и в. к. Василія съ Ягайломъ („да кубокъ хрустальной, што ми король прислалъ“); князь Семень—не Лугвѣній ли Ольгердовичъ? Кроме Витовта в. к. Софья и в. к. Василій Васильевичъ „приказаны“ младшимъ братьямъ великаго князя Андрея, Петру и Константину и двумъ Владиміровичамъ (Андреевичу) Семену и Ярославу; старшій сынъ Владиміра Андреевича Иванъ не упоминается: это говорило бы противъ датировки духовной 1418 годомъ, такъ какъ смерть кн. Ивана отнесена въ нѣкоторыхъ родословныхъ къ 1422 году (Виземиларскій, т. II, стр. 305), но рискованно опираться на нѣхъ данныя, особенно хронологическія.

²⁾ Грамота в. к. Василія (С. Г. Г. и Л., т. I, № 42) хранится въ Главному Архиву М-ства Иностранн. Дѣлъ въ Москвѣ: 1) въ подлинникѣ, за большой волнообразной печатью и подписью митр. Фотія и 2) въ современномъ подлиннику спискѣ, на оборотѣ котораго тою же рукой, которая писала списокъ, сдѣлана надписокъ: „списокъ съ грамоты что пошла къ великому князю къ Витовту съ Олексѣемъ въ лѣто 30 первое зъ средохрестья“; и еще (повидямому, другимъ почеркомъ): „списокъ зъ грамоты что поималъ Олексѣй зъ собою во Литву коли съ митрополитомъ поималъ Фотѣемъ на оредохрестую“. Издана грамота съ подлинника; вѣроятно, поэтому надписокъ на спискѣ остался незамѣченнымъ и не выданнымъ.

³⁾ „Того же лѣта князь Литовскій Витовтъ собравъ силы многы, шетомо Литву, во москвичи и тѣречи и немцы поималъ подъемъ, и иде на Прусмы и вая градъ Гокубъ“—П. С. Р. Л., т. V, стр. 24. Ср. у Воряковскаго (указ. соч., прикнѣчаніе 901).—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 142; т. VIII, стр. 91—92.

пись, великий князь, хоть и присылал во Псковъ, по псковскому челобитью, князей-наместниковъ, однако, «не учини на добро ничего же». ¹⁾ Это вѣдшее безславіе великорусской великокняжеской власти было обусловлено тягостнымъ внутреннимъ состояніемъ Великороссіи, въ которой разрастался сложный политическій кризисъ.

IV.

Союзъ митрополіи всея Руси съ великорусской великокняжеской властью, достигшій особой силы и значенія при митр. Алексѣѣ, долженъ былъ неизбежно привести къ постановкѣ самую жизнь ряда чрезвычайно острыхъ и сложныхъ вопросовъ не только объ отношеніяхъ между митрополіей и Константинопольской патриархіей, между митрополитичьей властью и мѣстными церковными и свѣтскими властями отдѣльныхъ православно-русскихъ земель, между церковной и свѣтской властью вообще, но и болѣе общій—о томъ, что же мыслится въ данное время подъ понятіемъ «всей Руси», разъ этотъ терминъ входитъ въ составъ титула, какъ митрополита, такъ и великаго князя. Для митрополіи терминъ имѣлъ вполне опредѣленное значеніе—совокупности всѣхъ русскихъ епархій, но по отношенію къ великому князю подlezалъ то болѣе, то менѣе широкому толкованію, такъ какъ стоялъ въ явномъ противорѣчій съ реальными предѣлами Владимірскаго великаго княжества, которое противопоставляется въ грамотахъ сосѣднимъ мѣстнымъ великимъ княжествамъ Великороссіи, новгородскимъ волостямъ, тѣмъ болѣе—западной Руси. Терминъ «всая Русь» заключалъ выраженіе тенденціи къ властной политической роли вѣдъ предѣловъ великокняжескаго владѣнія (притязанія на великокняжеское старѣйшинство среди всѣхъ мѣстныхъ политическихъ силъ Великороссіи—по отношенію къ такимъ «младшимъ братьямъ», какъ тверскіе или рязанскіе князья, на опредѣленную власть въ Новгородѣ и Псковѣ, на монополію въ правѣ сношеній съ Ордой, на оборону противъ литовскаго захвата въ Смоленской землѣ и въ области Черниговско-сѣверской, оборону, готовую, при первой возможности, перейти въ наступленіе), т. е. тенденція къ расширительному толкованію понятія «всей Руси» до тѣхъ предѣловъ, какіе этотъ терминъ имѣлъ въ титулѣ митрополита. Попытка митр. Алексѣя поставить борьбу Москвы и Литвы на церковно-религиозную почву, какъ борьбу православнаго христіанства противъ «огнепоклонника» Ольгерда, выдвинула съ большой рѣзкостью національно-религиозную точку зрѣнія на политическія отношенія Восточной Европы. И вся дѣятельность этого митрополита скомала прочной связью представленіе о «всей Руси», какъ объектѣ церковной власти митрополита, съ возможно-широкимъ пониманіемъ задачъ великокняжеской дѣятельности,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 23 (6929 г.), 24 (6931 и 6932 г.).

направленной на оборону Руси отъ иноземныхъ и инобѣрныхъ слызъ и на объединеніе ея вокругъ одного политическаго центра. Церковно-политическое значеніе русской митрополіи становилось мощнымъ факторомъ въ развитіи не только междунаціональныхъ отношеній Великороссіи, не только ея междунациональныхъ отношеній, но и политическаго кругозора ея правящей среды.

Удержать въ своихъ рукахъ эту крупную силу, сохранить ея вліяніе и національно-политическій характеръ было для великорусской великокняжеской власти дѣломъ чрезвычайной важности. Путь къ тому былъ ясенъ: надо было передать митрополитчью кафедру послѣ митр. Алексѣя русскому кандидату, человѣку изъ той же среды—служаваго великокняжескаго двора, изъ которой и самъ онъ вышелъ. Митр. Алексѣй намѣчалъ себя въ преемники испытаннаго сотрудника, трояцкаго игумена Сергія; но Сергій уклонился отъ самостоятельной политической роли, находя, что это дѣло «выше его мѣры», и остался у св. Троицы. У в. к. Дмитрія былъ свой кандидатъ, богѣ приспособленный къ свѣтской и публичной сторонѣ дѣятельности митрополита—архимандритъ Михаилъ, богѣ известный по прованію Матвій или Митя, по мірскому, надо полагать, его имени. Исторія этого коломенскаго священника, который сталъ духовникомъ великаго князя Дмитрія Ивановича и всѣмъ его старѣйшимъ боярѣ, великокняжескимъ канцлеромъ-печатникомъ, затѣмъ архимандритомъ Спасскаго монастыря и нареченнымъ митрополитомъ, не только сильно взволновала московское общество, но подняла и рядъ принципиальныхъ вопросовъ. И, прежде всего, вопросъ о единствѣ митрополіи. Овъ былъ предрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ соборнымъ патріаршимъ опредѣленіемъ о поставленіи Кипріяна: послѣ Алексѣя временное ея раздѣленіе должно прекратиться, и Кипріянъ, митрополитъ литовскій и мажорскій, станетъ митрополитомъ кievскимъ и всея Руси. Но въ Москвѣ Кипріяна считали политическимъ врагомъ, союзникомъ литовскому великому князю ¹⁾; великокняжеское правительство твердо стояло

¹⁾ Въ посланіи къ трояцкому игумену Сергію в симоновскомъ игумену Федору отъ 23 іюня 6886 (1378) года Кипріянъ борется противъ такого мѣшанья о немъ: 1) утвержденіемъ, что не былъ враждебенъ великорусскому великому князю; „не вышло, нишеть онъ, изъ моихъ устъ слово на князя на великаго на Дмитрія, ни до ставленія, ни по поставленіи, ни на его князю, ни на его бояре, ни доказывать емь съ князю, иному добра хотѣти боги его, ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысломъ,—иѣсть моя зныи предъ нимъ“, а жалеть ему добра, и невидѣтъ „пригадывающихъ на его лихо“; и 2) разъясненіемъ, что его дѣятельность на Литвѣ была на пользу Великороссіи (освобождать плѣнныхъ, взятыхъ литовцами, наир-кашницевъ) и воссоединенію митрополіи, такъ какъ онъ утверждалъ на Литвѣ христіанство крещеніемъ невѣрныхъ и строеніемъ церквей, возстановилъ заброшенные епархіи, а также владѣніи митрополіи и власть митрополита, бывшую въ упадкѣ по возможности для митр. Алексѣя ее осуществлять. „Азъ, пишетъ Кипріянъ, потружалося отиадшамъ мѣста приложити къ митрополіи и хощю ухристити, чтобы до вѣка такъ отоймо, на честь и на величество митрополіи, князь же великій гадаеть

на томъ, что не приметъ Кипріана, какъ человѣка, взысканнаго згѣшникъ, непріателемъ Москвы ¹⁾. Вопросъ о преемствѣ послѣ митр. Алексія былъ поднятъ официально при его жизни. Но сохранившіеся до нашихъ дней источники не даютъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, какъ это произошло, наприимѣръ, былъ ли сразу поставленъ вопросъ о незаконности поставленія Кипріана, какъ поставленъ онъ нѣсколько поздне въ соборномъ опредѣленіи патр. Нила ²⁾. По утвержденію Кипріана в. к. Дмитрій шагъ на признакіе раздѣла митрополія, чтобы поставить своего кандидата во главѣ великорусской церкви, но въ согласіи ли съ митр. Алексіемъ—это весьма сомнительно. Кандидатура Митяя на митрополію не встрѣтила сочувствія со стороны митр. Алексія. В. к. Дмитрій стремился обезпечить за Митяемъ митрополію тѣмъ же порядкомъ, какъ это произошло въ свое время по отношенію къ митр. Алексію—благословеніемъ предшественника и предварительнымъ согласеніемъ съ патриархіей. Однако ни гѣтописная «Повѣсть о Митяѣ», ни посланіе митр. Кипріана къ Сергію и Фѣодору не даютъ безспорнаго и яснаго представленія о роли митр. Алексія во всемъ этомъ дѣлѣ ³⁾. Совокупность указавій приводитъ скорѣе къ выводу, что онъ такъ и не далъ своего благословенія Митяю ⁴⁾. Неудача съ попыткой

двонти митрополію», такъ какъ выдвигаетъ на поставленіе новаго, второго кандидата.—Р. И. Б., т. VI, ст. 181—183.

¹⁾ Тамъ же, приложения, ст. 207—208.

²⁾ Тамъ же, ст. 175—176. Это соборное опредѣленіе 1380-го года содержитъ цѣлый обвинительный актъ противъ Кипріана, явно основанный на жалобахъ и протестахъ митр. Алексія, и признало опредѣленіе патр. Филоея о поставленіи Кипріана незаконнымъ, а Кипріана заслуживающимъ полного изгнанія и изгнанія (ст. 180). Компромиссное рѣшеніе, какое затѣмъ приняло этимъ опредѣленіемъ—въ прямое противорѣчіе установленнымъ предпосылкамъ—вызвано, надо полагать, политическими соображеніями: опасеніемъ разрыва съ Литвою, куда бѣжалъ изъ Константинополя Кипріанъ.

³⁾ «Повѣсть о Митяѣ» въ выпискахъ—П. С. Р. Л., т. XV, стр. 438—439; краткая редакція въ Ермолинской гѣтописи—т. XXIII, стр. 121—123; пространная въ Воскресенской и Никоновской—т. VIII, стр. 28—82; т. XI, стр. 85—41. Эта послѣдняя содержитъ вставки, подчеркивающія рѣшительное осужденіе Митяя въ выраженіяхъ близкихъ къ посланію Кипріана игумена къ Сергію и Фѣодору, что далъ Е. Е. Голубинскому поводъ приписать Кипріану «сказаніе, враждебное Михаилу» («Ист. Русс. Церкви», т. II, ч. I, стр. 230); П. П. Соколовъ правильнѣе видитъ въ гѣтописи не два сказанія, а одно, но вставки въ пространную редакцію приписываетъ томе Кипріану («Русс. архіерей изъ Византии», стр. 428). Не вѣку твердаго основанія для авторской роли Кипріана; противъ Митяя была весьма значительная часть духовенства, а посланіе Кипріана сохранилось въ спискахъ въ двухъ Коричкахъ XV-го вѣка, стало быть, могло послужить письменнымъ источникомъ для редактора гѣтописнаго свода XVI-го вѣка.

⁴⁾ В. Е. Голубинскій (тамъ же, стр. 230—234) и Соколовъ (тамъ же, стр. 463) признаютъ, что Алексій въ концѣ концовъ подписалъ грамоту на номинанцію Митяя. Но слова посланія Кипріана: «и что клеветать митрополита, брата нашего, что онъ

подготовить кандидатуру Сергія на митрополію ¹⁾ и крупныя разногласія относительно Митія сильно запутали положеніе, и безъ того трудное.

Въ Константинополѣ отправлено посольство для подготовки дѣла при патриаршемъ дворѣ, и патр. Макарій, отвергнувшій притязанія Кипріяна, передалъ великорусскую церковь въ управленіе архимандрита Михаила, вызывая его, въ то же время, для поставленія на митрополію Великой Руси въ Константинополѣ ²⁾. Такое рѣшеніе дѣла, очевидно, не соответствовало основнымъ идеямъ церковной и мірской политики Алексѣя, и можно догадываться, что не одна личность великокняжескаго кандидата, но и богіе принципиальныя причины вызвали разногласіе между великимъ княземъ и митрополитомъ. Не нѣтъ епископскаго сана, Михаилъ-Митій вступилъ, по полномочію отъ патриарха, въ управленіе митрополіей, и передъ отправленіемъ въ Константинополѣ задумалъ ставиться въ епископъ отъ мѣстнаго, великорусскаго, епископскаго собора, но проектъ этотъ разрушенъ возраженіями суздальскаго епископа Діонисія ³⁾. Кандидатура Митія потеряла почти

его благословеніе на та вся дѣла, то есть дѣла" и далѣе: „или утѣхоса есть намъ, како учинилося есть на смерти митрополитѣ? видѣ грамоту, записанъ митрополитъ умирая, и та грамота будетъ съ нами на великомъ соборѣ"—заключаютъ отрицаніе, а не утвержденіе этого. Грамота Алексѣя должна была послужить Кипріяну противъ Митія, а не доказательствомъ „незаконнаго поведенія умершаго митрополита", какъ толкуетъ Голубинскій. Кипріяну поясняютъ, что „дѣла есть", будто Алексѣй поступилъ вопреки 84-му правилу св. апостоловъ и учинилъ помянуцію Митія, „помимо большаго своего", т. е. патриарха, и безъ собора епископовъ. Митр. Алексѣй не выполнилъ и поставленія Митія въ епископъ, смыслаясь, по свидѣтельству повѣсти, на то, что Митій „новоука" въ чернотѣяхъ. Предположеніе П. П. Соколова, будто Алексѣй далъ Митію наместничество, ничѣмъ не подтверждается.

¹⁾ Не все ясно въ передачѣ нашими источниками эпизода съ игуменомъ Сергіемъ. Сообщеніе о томъ, какъ митр. Алексѣй возложилъ на него золотой крестъ „акоже нѣкозъ обрученіе" (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 84) даетъ П. П. Соколову поводъ замѣтить, что „Сергія принять это обрученіе съ будущимъ инокемъ во имя монашескаго послушанія" (указ. соч., стр. 441), а если придавать значеніе показанію Степенной Книги, что по смерти Алексѣя „мнози моляху" Сергія принять митрополію (П. С. Р. Л., т. XXI, ч. 2, стр. 863), прашлось бы признать, что вопросъ не былъ исчерпанъ при жизни Алексѣя. П. П. Соколовъ полагаетъ, что среди этихъ „многихъ" не могли быть в. к. Дмитрія (указ. соч., стр. 464). Возможно, что отказъ Сергія былъ связанъ съ великокняжеской кандидатурой Митія.

²⁾ Р. И. Б., т. VI, приложение, ст. 206.

³⁾ Утвержденіе Кипріяна, что в. к. Дмитрій „гадаетъ двонти митрополію" отчасти подтверждается тѣмъ, что Митій и в. к. Дмитрій пытались устроить поставленіе соборомъ епископовъ „сущихъ въ Русѣй землѣхъ подъ областю государева" в. к. Дмитрія (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 29—30). Митр. Макарій принялъ чтеніе „Повѣсти о Митѣй" въ Никеевской лѣтописи, согласно которому Митій предполагалъ ставиться отъ русскихъ епископовъ въ „епископа и первосвятителя", согласно чему и аргументація его: „почтоухъ правила святыхъ отецъ и обрѣтоухъ сице въ няхъ, яко достонѣхъ средшнимъ епископомъ, алице обратуютъ, 5 или 6 да поставятъ епископа" передѣлана въ указаніи, что 2 или 3 епископа могутъ поставить епи-

всѣ преимущества, какія въ свое время нѣлъ за себя Алексѣй: авторитетное благословеніе предшественника, санъ владимірскаго епископа, согласную поддержку русскихъ епископовъ. Богіе откровенно и рѣзко выступать политическій смыслъ этой кандидатуры, за которой, въ концѣ концовъ, стояла только настойчивая воля великаго князя. Московскіе раздоры и долгіе сборы Митяя создали возможность подготовить и борьбу противъ него въ Константинополѣ. Она шла съ двухъ сторонъ—отъ Діонисія и отъ Киприана. Діонисій былъ поставленъ на Суздаль митр. Алексѣемъ послѣ долгаго вдовства этой епископіи во время одиначества в. к. Дмитрія съ суздальскимъ тестемъ, и нѣтъ основаній видѣть въ немъ противника Москвы и высказывать въ его поведеніи по отношенію къ Митяю какіе либо политическіе мотивы. Ставленникъ митр. Алексѣя, близкій къ игумену Сергію Діонисій могъ стремиться къ митрополитчѣй каедрѣ, рассчитывая на сочувствіе вліятельныхъ круговъ московскаго духовенства, враждебныхъ великокняжескому кандидату.

Его оппозиція Митяю вызвала столкновение, которое этотъ архимандритъ, ставшій правителемъ митрополіи, грозился властно покончить, когда вернется отъ патріарха митрополитомъ всея Руси. И въ этихъ раздорахъ снова поднялся вопросъ о Нижнемъ Новгородѣ и Городцѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла. Діонисій сталъ собираться къ выѣзду въ Царьградъ для самозащиты и нападенія. Но в. к. Дмитрій распорядился задержатъ его, пока поручительство Сергія не вернуо ему свободы. А тогда Діонисій—«слово свое измѣнивъ, и поручища свята выдавъ», поѣхалъ вслѣдъ за Митяемъ въ Константинополь. Нежданная смерть Митяя въ дорогѣ избавила ихъ отъ встрѣчи при дворѣ патріарха. Діонисій прибылъ въ Царьградъ, когда посольство, сопровождавшее Митяя, уже успѣло провестн, подѣ видомъ великокняжескаго кандидата на великорусскую митрополію, Пимена³⁾; его протестъ и обличеніе пословъ оказались запоздалыми, но возложеніе этихъ возраженій въ позднѣйшей патріаршей грамотѣ тѣмъ цѣнно, что содержитъ указаніе на отрицательное отношеніе Діонисія къ

слова, а 5 или 6 пусть поставятъ первосвятителя (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 37); эта явная (и неудачная) редакціонная передѣлка дала митр. Макарію поводъ говорить о намѣреніи Митяя ставиться на Русь въ митрополиты («Ист. Русс. Церква», т. IV, стр. 87—89).

¹⁾ Покровский («Русскія епархіи» т. I, стр. 224—225) полагаетъ, что Діонисій былъ поставленъ въ «однѣ Суздаль», а Нижнимъ-Новгородомъ и Городцомъ вѣдаль только по порученію митрополитѣ. Діонисій, какъ цитируетъ самъ Покровский, по отъѣздѣ Митяя въ Константинополь, «пѣше къ Царьграду изъ своей епископіи изъ Новгорода Нижняго» (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 30). Діонисій поставленъ въ 6882 (1374) году (тамъ же, стр. 20).

²⁾ Намѣженіе этого дѣла, наиболѣе точное, у П. П. Соколова, указ. соч., стр. 502—507.

раздѣленію митрополіи всея Руси, принятому в. к. Дмитріемъ¹⁾. Въ Константинополь Діонисій сумѣлъ оставить впечатлѣніе человека, который имѣетъ разуміе и знаніе каноновъ и ревностно стоитъ за нихъ, участвуя въ разсужденіяхъ патриаршаго собора, и получилъ санъ архіепископа для своей суздальской епархіи съ особой гарантіей ея предѣловъ и состава²⁾. И явился Діонисій на Русь въ исключительной роли патриаршаго полномочнаго посла, которому доверены общецерковные интересы, не касавшіяся его епархіи: видимъ его въ Новгородѣ съ патриаршей грамотой въ обвиненіе стригольниковъ и во Псковѣ по дѣлу о той же ереси, причѣмъ Діонисій совершаетъ тутъ именемъ патриарха пастырскія дѣйствія въ предѣлахъ митрополіи всея Руси, а не своей епископіи³⁾. Такое отличіе Діонисія выдвигало его кандидатуру на митрополію при первомъ подходящемъ случаѣ. Но такимъ «случаемъ», въ сущности, могло быть только устраненіе какъ Пимена, такъ и Кипріана въ пользу новаго митрополита «всея Руса».

¹⁾ Вскорѣ послѣ поставленія Пимена явились Діонисій и выступилъ передъ патриархомъ съ обвиненіями противъ Пимена и членовъ московскаго посольства „и съ заявленіемъ, что все, случившееся съ нимъ (Пименомъ) есть зло для той церкви, ведущее къ расколу, смутѣ и раздѣленію, вмѣсто того, чтобы поддерживать согласіе миръ и единство“; то же соборное опредѣленіе патр. Автонія, идя на уступки сложившемуся задуванному положенію, признаетъ, однако, въ принципѣ, что сохраненіе единства митрополіи было бы единственно правильнымъ рѣшеніемъ дѣла, но для этого нужно было бы, чтобы „послѣ смерти кнзя Алексія кнзя Кипріанъ получалъ всю русскую церковь“—Р. И. В., т. VI¹, приложенія, № 33 (ст. 209—212 и 203—206).

²⁾ Р. И. В., т. VI¹, № 23; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48 („исправи себѣ архіепископію у патриарха Нила и сущимъ по себѣ епископомъ въ томъ предѣлѣ—въ Суздаль, въ Новгородѣ Нижнемъ и на Городцѣ“).

³⁾ Р. И. В., т. VI¹, № 32 и приложенія № 31; въ грамотахъ новгородцамъ и псковичамъ патриархъ сообщаетъ, что отъ него и отъ патриаршаго собора посланъ архіепископъ суздальскій Діонисій, „священныхъ каноновъ известнымъ хранитель“, да видѣть ихъ отъ патриарха и благословить „и поучить, и наказати, и наидѣяти, и подобная устроить, и совокупити соборной апостольской Вошеі церкви“. Широта и самостоятельность полномочій Діонисія выражены въ этихъ грамотахъ вполнѣ опредѣленно. Въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ положеніе представлено иначе: Діонисій прибылъ въ Новгородъ отъ патр. Нила съ благословеніемъ и грамотами и отправился во Псковъ—„по повелѣнію владыки Алексѣя“ (новгородскаго—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 83; Новгород. I, стр. 370). Надо полагать, что Діонисій осуществлялъ оное полномочіе по какому-либо соглашенію съ архіеп. Алексѣемъ, но это не мѣняетъ ихъ характера. Въ силу полномочія „подобная устроить“ Діонисій даетъ, въ чужой епархіи, Свѣтлогорскому монастырю грамоту о соблюденіи уставнаго вичюскаго житія—также именемъ „вселенскаго патриарха“ (тамъ же, № 28). Высокая авторитетность Діонисія—патриаршаго экзарха—использована псковичами для приписки новыхъ статей къ Псковской судной грамотѣ, какъ она сложилась при князѣ Александрѣ Михайловичѣ, что такъ сердито отвергъ Кипріанъ („а что Денисій владыка вилекса не въ свое дѣло да списалъ неподобную грамоту, и язъ туу грамоту рутанъ“—тамъ же № 28): въ грамоту вписано было „проклатіе и неблагословеніе патриаршее“ противъ ея нарушителей.

Однако, обстоятельства сложились иначе. Лѣтомъ 1383 года в. к. Дмитрій, который Пимена не принялъ, а порвалъ и съ принятымъ было Кипріяномъ, послалъ въ Константинополь Діонисія на поставленіе его въ митрополита на мѣсто Пимена, стало быть на великорусскую митрополию, по знаменіи этого Митяева насѣдника, противъ котораго великій князь отправилъ патриарху «письменныя обвиненія». Въ Константинополѣ: это посольство встрѣчено съ большимъ недоумѣніемъ и раздраженіемъ: ревностный хранитель каноновъ вступилъ въ борьбу за митрополию, на которую и такъ уже есть два посвященныхъ патриаршей властью претендента, да еще какъ великокняжескій кандидатъ, принявшій ту постановку вопроса о раздѣленіи митрополіи, противъ которой ранѣе высказывался въ согласіи съ принципиальной точкой зрѣнія патриаршаго собора. Патриархъ Нилъ оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ, и постановилъ отправить на Русь двухъ архіереевъ разслѣдовать на мѣстѣ дѣло о Пименѣ съ полномочіемъ являзнить его, если обвиненія подтвердятся, и поставить на его мѣсто Діонисія. Нареченнымъ митрополитомъ поѣхалъ Діонисій на Русь, но по дорогѣ его захватилъ кievскій князь Владиміръ Ольгердовичъ, и у него въ плѣну Діонисій умеръ годъ спустя ¹⁾.

Противопоставленный Кипріяну, Діонисій и не могъ устоять на пози-

¹⁾ Лѣтомъ 1383 г. «после въ Царьградѣ Діонисія, архіепископа суздальскія, и съ нимъ отпусти съ князь великій Дмитрей Ивановичъ отъ своего духовнаго Феодора, игумена Симоновскаго, управления ради митрополіи Русскія» (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48). П. П. Соколовъ (указ. соч., стр. 594) толкуетъ текстъ соборнаго опредѣленія патр. Антонія отъ февраля 1386 (Р. И. Б., т. VI¹, приложение, № 33, ст. 211) въ томъ смыслѣ, что великокняжескимъ кандидатомъ тутъ обозначенъ не Діонисій, а Феодоръ, но его толкованіе конструкціи греческой фразы слишкомъ искусственно. Оно связано у П. П. Соколова съ построеніемъ, согласно которому великокняжескимъ кандидатомъ на великорусскую митрополию былъ Феодоръ, а въ Константинополѣ поставили, вмѣсто того, Діонисія на всю митрополию, устранивъ и Кипріяна и Пимена (тамъ же, стр. 535—536). Все это авторъ извлекаетъ изъ «въ высшей степени казенныхъ фразъ», которыми грамота митр. Антонія старается «замаскировать» истину, но особенно опирается онъ на цитируемую имъ сентябрскую грамоту 1386 года патр. Нила, гдѣ сказано, что при этомъ патриархъ поставленъ митрополитъ на Галичь, что въ Малой Россіи, а Русскій митрополитъ ишется «Кіевскимъ и всея Руси». Этотъ текстъ, который долженъ доказывать, что была восстановлена единая митрополія для Діонисія, въ достаточной мѣрѣ поясняется соборнымъ постановленіемъ 1386 года о томъ, что за Пименомъ, митрополитомъ Великой Руси, однако, сохраненъ титулъ «Кіевскаго и всея Руси»—Р. И. Б., т. VI¹, приложение, ст. 179—180. А. С. Павловъ высказалъ предположеніе, что настоянная грамота митр. Фотія (А. II, т. I, № 234), известная только въ русскомъ спискѣ, даетъ текстъ настоянной грамоты, заготовленной для Діонисія, а потомъ на Руси передѣланной на имя Фотія; Павловъ указываетъ на текстуальную близость этой грамоты къ грамотѣ того же патриарха Антонія о возведеніи Діонисія въ архіепископа. Дѣйствительно; настоянная грамота мало подходитъ къ поставленію Фотія, такъ какъ говоритъ о Русской митрополіи, тогда какъ Фотій былъ поставленъ на митрополию Кіевскую и всея Руси.

ція неуклоннаго защитника единства митрополіа. Эта идея составляет главную силу Кипріяна, который отстаивал и сумѣлъ отстоять свое право на преемство послѣ митр. Алексія по кафедрѣ Кіевской и всея Руси. Его побѣда въ этой борьбѣ получила особое значеніе въ исторіи великорусскаго великаго княженія, потому что Кипріянь съ единствомъ митрополіа связалъ тенденцію къ независимости всей первоначально-политической дѣятельности митрополита отъ великокняжеской власти. Послѣ кончины митр. Алексія Кипріянь сдѣлалъ попытку прибыть въ Москву, а затѣмъ, встрѣтивъ отказъ в. к. Дмитрія, пробрался туда потайными путями, предупредивъ о томъ троицкаго игумена Сергія и его племянника, симоновскаго игумена Федора, которые вызывали на свиданіе съ собою ¹⁾. Но въ Москвѣ его захватили и выслали обратно ²⁾. Кипріяна на Москвѣ встрѣтили завладеишемъ, что выѣдетъ на митрополіа свой нареченный митрополитъ, архимандритъ Митяй, причемъ, очевидно, утверждали, что онъ получилъ митрополію по благословенію митр. Алексія и по волѣ великаго князя ³⁾, а Кипріяна бранили «литвиномъ». Кипріянь отвѣтилъ отлученіемъ всѣхъ, кто причастенъ къ замыслу и выполненію того безчестья, какое выпало на долю его святительскому

¹⁾ Послание Кипріяна къ Сергію и Федору (первое)—въ „Православномъ Соборѣдникѣ“ 1860 г., ч. 2; второе посланіе—тамъ же в Р. И. В., т. VI, № 20. Кипріянь выѣхалъ изъ Кіева еще весной 1376 г. Сохранилось не совсемъ точное литовское извѣстіе, что Кипріянь въ апрѣлѣ прибылъ изъ Кіева на Москву, но не былъ принятъ в. к. Дмитріемъ (П. С. Р. Л., т. XX, ч. I стр. 199); но Кипріянь на этотъ разъ не добралъ до Москвы: во второмъ посланіи онъ сообщаетъ, что добралъ было къ Москвѣ, но великій князь разослалъ заставы, чтобы его не пропустить,—а онъ „нимъ путемъ“ проѣхалъ, о чемъ и предупреждалъ игуменовъ письмомъ отъ 3-го іюня изъ Любука. „Вы же, писалъ имъ Кипріянь, будете готовы видѣться съ нами, гдѣ сами погадаете“.

²⁾ Второе посланіе: великій князь Кипріяна „въ ночи заточилъ“ и приставилъ къ нему „мучителя, проклятаго Никифора“, а затѣмъ его со спутниками „изъ города вывели“; съ игуменами Кипріяну не удалось поведаться; онъ упрямаетъ ихъ, что они „умоучали“ передъ великимъ княземъ, но явно не осведомленъ о ихъ поведеніи, такъ какъ спрашиваетъ „всѣ ли уклонились вкупѣ“ отъ вышательства въ дѣло и неудовольствія они могли смолчать? Третье посланіе („Прав. Соб.“, тамъ же) показываетъ, что отвѣтная грамотка игуменовъ успокоила Кипріяна относительно ихъ сочувствія: „слабо смиреніе и повиненіе и любовь выете къ святѣй Божей Церкви и къ нашему смиренію, все позналъ есмь отъ словъ вашихъ“; эта грамотка была отвѣтомъ на вызовъ второго посланія—отписать немедленно, что они „мудрствуютъ“ по поводу провознесеннаго Кипріяномъ „неблагословенія“ на причастныхъ къ его безчестію.

³⁾ Кипріянь (во второмъ посланіи) опровергаетъ оба основанія; первое—отрицаніемъ самаго факта („не умѣти было ему—митр. Алексію—наслѣдника оставити по своей смерти“, это „клеплетъ“ на него) и доказательствомъ, что по правиламъ апостольскимъ и антиохійскаго собора нѣтъ у святителя права на номинацію себя преемника; второе—ссылкой на 30-е правило св. Апостоловъ, содержащее запретъ приобретать святительство помощью мірскихъ князей.

сану, и побѣгахъ въ Константинополь на судъ патріарха и патріаршаго собора ¹⁾. Но тутъ, при разбирательствѣ дѣла, поставленъ былъ вопросъ о незаконности самаго поставленія Кипріяна; ему пришлось заявить, что онъ готовъ остаться на той части митрополіи, какая была ему назначена, а затѣмъ уѣхать, чтобы ослабить значеніе заочнаго постановленія собора. А рѣшено было поставить Пимена митрополитомъ Великой Руси, предоставивъ ему писаться и Кіевскимъ, а Кипріяну «по снисхожденію» оставить митрополію Малой Руси и Литвы ²⁾.

Посланія Кипріяна къ игуменамъ Сергію и Фодору показываютъ, что онъ встрѣтилъ въ нихъ сторонниковъ единства митрополіи. Изъ вліянію слѣдуетъ приписать неожиданный оборотъ дѣла къ веснѣ 1381 года, когда великокняжескій духовникъ, игуменъ Фодоръ посланъ въ Кіевъ звать Кипріяна на митрополію. Кипріянъ прибылъ въ Москву на праздникъ Вознесенія (23 мая), а къ исходу того же года вернулось на Русь московское посольство съ Пименомъ и встрѣчено великокняжеской опалой, карами и ссылками ³⁾. За Пимена вступился патріархъ, посылая въ Москву «многія грамоты» въ пользу Пимена и противъ Кипріяна ⁴⁾. Но едва ли патріаршее соборное опредѣленіе 1389 года, которое объ этомъ сообщаетъ, право, когда вмѣстѣ съ патріархомъ приписываетъ дальнѣйшее поведеніе в. к. Дмитрія: высылку Кипріяна изъ Москвы и призваніе на митрополію Пимена. У великаго князя были, по свидѣтельству нашихъ лѣтописныхъ сводовъ, свои причины для глубокаго недовольства новымъ митрополитомъ и прямаго недовѣрія къ нему. Во время нашествія Тохтамыша—въ августѣ 1381 г.—митрополитъ, оставленный великимъ княземъ въ осажденномъ городѣ, не справился съ попыткой остановить порожденную паникой анархію и уѣхалъ въ Тверь, гдѣ и пробылъ до начала октября; при немъ происходили сношенія тверскаго великаго князя съ Тохтамышемъ, при немъ выѣхалъ в. к. Михаилъ въ Орду искать для себя ярлыкъ на «великое княженіе Влади-

¹⁾ Третье посланіе отъ 23-го іюня 1378 года. Оно писано въ отвѣтъ на посланіе игуменовъ Сергія и Фодора, изъ котораго Кипріянъ убѣдился, что они признаютъ его митрополитомъ («а какъ—пишетъ онъ—повыняются къ нашему смиренію, тако крѣдятся!»); объявляя себя защитникомъ «смиренія и солиденія церковнаго», онъ утѣшаетъ игуменовъ тѣмъ, что Господь сподобитъ свидѣться и что тѣ, кто его не восхотѣлъ (т. е. в. к. Дмитрія), потомъ познаютъ истину.

²⁾ Соборное опредѣленіе патріарха Николая, іюль 1380 г.—Р. И. Б., т. VI, приложение, № 30.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XVІІ, стр. 131; т. XI, стр. 70 и 41. Пимена задержали на Коломенѣ, сняли съ него бѣлый клобукъ и сослали въ Чухлому, а черезъ годъ перевели въ Тверь.—Вскорѣ по приѣздѣ Кипріянъ крестятъ у в. к. Дмитрія вмѣстѣ съ игуменомъ Сергіемъ сына Ивана, а черезъ годъ игуменъ Фодоръ креститъ княжича Андрея. О карахъ—въ соборномъ дѣланіи 1389 г., Р. И. Б. т. VI, приложения, ст. 209—210.

• • ⁴⁾ Тамъ-же.

мірское и Новгородское». Кипріянь, можно сказать, сразу вступил на путь отъѣзженія своей политикѣ и своихъ политическихъ отношеній отъ великокняжескихъ: не московскій оувъ митрополитъ, а всяя Русь. В. к. Дмитрій рѣшительно вернулъся къ прежнему взгляду—предпочелъ имѣть митрополита для Великой Россіи и, вызвавъ Кипріяна изъ Твери, заставилъ его «съѣхать» съ Москвы на Кіевъ¹⁾, а на великорусскую митрополию призналъ изъ ссылки «съ великою честью и любовью» Пимена на митрополничью кафедру²⁾.

Возвращеніе на Русь изъ Константинополя суздальскаго архієпископа Діонисія въ 1383 году снова подняло дѣло о незаконномъ достиженіи Пименомъ митрополія. В. к. Дмитрій сдѣлалъ попытку спасти свою комбинацію замѣной Пимена Діонисіемъ, по плѣтъ и кончина его въ плѣну оборвали и эту попытку закрѣпить за Великороссіей особаго митрополита. Оставалось держаться Пимена, лишь бы избѣжать водворенія на стѣвѣ Кипріяна, или поднять дѣло о новомъ кандидатѣ. Но для послѣдней попытки обстоятельства были чрезмѣрно запутаны, а дѣло о Пименѣ зашло слишкомъ далеко, чтобы его легко было сразу остановить. Скопиромитрополитное въ концѣ положеніе Пимена и смерть Діонисія открывали пути для Кипріяна. Представители Константинопольской власти—митрополиты адрианопольскій и галичскій, уполномоченные разсѣдовать запутанное дѣло о русской митрополіи, прибыли въ Москву безъ Діонисія и могли выполнить лишь слѣдственную сторону своихъ полномочій. Рѣшеніе дѣла должно было состояться въ Константинополѣ по опредѣленію патриаршаго собора. Только весной 1385 года поднялся Пимень въ дорогу, притомъ отдѣльно отъ греческихъ митрополитовъ и великокняжескаго посла—симоновскаго архимандрита Федора. Наши источники не даютъ слѣдствій о томъ, каковы были намѣренія в. к. Дмитрія и какія инструкціи получилъ арх. Федоръ. Повидимому, ему были даны широкія полномочія, такъ какъ имѣть указаній на какое либо опредѣленное предложеніе великокняжескаго правительства относительно митрополія. Царградскіе послы и Федоръ плугмень представили

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48: „разгнѣва бо ся на него князь великій Дмитрій Ивановичъ того ради, что не сидѣлъ на Москвѣ въ ооудѣ“. Патриаршее рѣшеніе спора о митрополіи и патриаршіа грамоты противъ Кипріяна и въ пользу Пимена давали опору такому дѣйствию в. к. Дмитрія. Иначе расцѣпиваетъ эти даныя В. Е. Голубинскій (указ. соч., т. II, ч. I, стр. 250—251).

²⁾ П. П. Соколовъ („Русскій арміеръ изъ Византіи“, стр. 527—532) считаетъ истинной причиною удаленія Кипріяна и возвращенія Пимена формальную уловку Византіи, поддержанную Діонисіемъ: добиться возстановленія Пимена, чтобы имѣть возможность канонически правильно его судить и изложить. Ни содержаніе, ни характеръ патриаршаго соборнаго опредѣленія 1389 года, ни положеніе перепетій этого дѣла въ нашихъ источникахъ свѣдѣтъ не согласуются съ такой слишкомъ искусственной конструкціей.

патриарху обвиненія противъ Пимена, облачившія его въ достиженіи сана обманомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Ѳеодоръ велъ съ патриархомъ какіе то «устные» переговоры: это даетъ поводъ предположить, что великокняжеское правительство, не рѣшаясь ставить патриарху новыя требованія относительно замѣщенія кathedры, дѣлаю, однако, какія то попытки найти приемлемый выходъ изъ созданнагося положенія. Безъ такого предположенія пришлось бы допустить мало вѣроятное, что состоявшееся въ Константинополѣ согласіе арх. Ѳеодора съ Пименомъ (причемъ Пимень поставилъ Ѳеодора на Ростовскую епископію въ санѣ архіепископа) было дѣйствиельно самовольнымъ и явно нарушавшимъ великокняжескую волю. Но этотъ поворотъ въ дѣйствіяхъ Ѳеодора объяснимъ только соответствующими инструкціями изъ Москвы: въ крайнемъ случаѣ принять Пимена, лишь бы не возвращался Кипріянь; и такой крайній случай насталъ, когда не оказалось возможнымъ достигнуть иного результата, т. е. освободить Москву и отъ Пимена, и отъ Кипріяна ¹⁾. А патриархъ крайне затянулъ дѣло, и весной 1387 года Кипріянь былъ отпущенъ въ Литву для выполненія какого то императорскаго порученія, хотя и съ назначеніемъ ему годичнаго срока для явки на окончательный судъ ²⁾. Ходъ дѣла явно склонился противъ Пимена, его изгнание было неизбежнымъ ³⁾, и въ пользу Кипріяна, что было ясно и до окончательнаго разрѣшенія дѣла ⁴⁾. Пимень и Ѳеодоръ не стали

¹⁾ Настоянія в. к. Дмитрія на изгнание Пимена не имѣли значенія поддержки правъ Кипріяна; на это нѣтъ никакихъ намековъ. Нѣтъ и основанія предполагать, что архимандритъ Ѳеодоръ дѣйствовалъ безъ согласія съ в. к. Дмитріемъ; Пимень и Ѳеодоръ вернулись въ Москву и были приняты великимъ княземъ безъ всякаго протеста противъ ихъ дѣйствій. Тolkованіе этой исторіи у В. Е. Голубинскаго (указ. соч., стр. 254—257) и П. П. Соколова (указ. соч., стр. 542 и слѣд.) осложняютъ и безъ того запутанное дѣло большимъ количествомъ предположеній, не согласованныхъ съ данными источниковъ. Весьма вѣроятно, что предложеніе великаго князя, на которое вижу указаніе въ словахъ дѣянія 1389 года «о наказѣ Ѳеодору „устно передать многое потому же дѣлу“ (Р. И. В., т. VI, приложенія, ст. 215—216), состояло въ просьбѣ, устранивъ и Пимена, и Кипріяна, поставить на великорусскую митрополію новое лицо по выбору патриарха (такъ поступилъ и в. к. Василій по смерти Кипріяна).

²⁾ Р. И. В., т. VI, приложенія, № 32—въ маѣ 1387 г.

³⁾ Оно предрѣшено разсѣдованіемъ, какое въ Москвѣ произвели патриаршіе послы; тамъ же, ст. 213—214.

⁴⁾ П. П. Соколовъ (указ. соч., стр. 546) полагаетъ даже, что Кипріянь успѣлъ получить императорскую грамоту на митрополію, до рѣшенія патриаршаго собора. Основывается онъ на томъ, что Кипріянь подписался въ 1387 г. на книгѣ имъ переписанной „митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руса“; но этотъ титулъ выражалъ притязанія Кипріяна, но нигдѣ не употребленъ въ грамотахъ. Грамота объ отпускѣ Кипріяна—отъ 29 мая 1387 г.; Пимень вернулся въ Москву въ июлѣ 1388 г.; „судъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ того времени, чаемъ въ соборномъ опредѣленіи 1389 года, замедлялся до собранія, по распоряженію

дожидаться этого рѣшенія, а, вступивъ въ соглашеніе, возмущившее патриарха, тайно покинули Константинополь и вернулись въ Москву. Здѣсь Пимень продолжаетъ святительство, не взирая на патриаршіе привѣты и запрещенія, и только соборное опредѣленіе патр. Литонія, смѣнившего Пала на кюедрѣ, о томъ, что Пимень согласно канонамъ долженъ быть признанъ незаконнымъ, единство митрополіи Кіевской и всея Руси—навсегда возстановленнымъ, какъ ся «древній порядокъ и устройство», а единственнымъ законнымъ ея митрополитомъ объявленъ Кипріянь, заставило Пимена принять третью побѣдку въ Константинополь — притомъ противъ воли в. к. Дмитрія, какъ свидѣтельствуемъ наши лѣтописи ¹⁾. Судьба избавила Кипріяна отъ дальнѣйшей борьбы. Пимень не доѣхалъ до Константинополя, умеръ въ дорогѣ, а раньше его смерть постигла в. к. Дмитрія. При новомъ великомъ князѣ Кипріянь былъ принятъ на митрополию безъ возраженій.

V

Такъ кончилась церковная смута, которая лишила великорусскую великокняжескую власть вліятельной опоры въ митрополіи всея Руси при тяжкихъ переживаніяхъ, какия выпали на долю этой власти въ восьмидесятихъ годахъ XIV-го вѣка. И кончилась она несомнѣннымъ политическимъ пораженіемъ великокняжеской власти. Пришлось—на рядъ долгихъ лѣтъ—отказаться отъ политической солидарности съ митрополіей, отъ ея мощныхъ услугъ; упущено изъ рукъ великаго князя замѣщеніе митрополитической кюедры желательнымъ для свѣтской власти кандидатомъ, оборвано развитіе традицій митр. Алексія, придавшихъ митрополіи, въ значительной мѣрѣ, характеръ великорусской государственной церкви.

Если Кипріянь и не былъ тѣмъ врагомъ Москвы, тѣмъ «литвиномъ» по духу, какиимъ изображали его московскіе противники, то, все таки, это былъ человекъ, чуждый московской правящей средѣ, ея традиціямъ и стремленіямъ. Болгаринъ, сдѣлавшій въ Византіи рѣдкую карьеру, Кипріянь и на русской митрополіи остался церковнымъ дѣятелемъ византійской школы, который отнюдь не отождествляетъ интересовъ митрополіи съ интересами великорусской или литовской великокняжеской власти и, тѣмъ болѣе, не подчиняетъ первые вторымъ. Водворившись въ Москвѣ, Кипріянь послѣдовательно укрѣпляетъ свою іерархическую власть въ духѣ значительной самостоятельности своей церковно-іерархической политики. Къ сожалѣнію, дѣло тверскаго епископа Евфимія Висленя остается—въ изложеніи нашихъ источниковъ—крайне не яснымъ, по его существу. Вислень поставленъ на твер-

патриарха, канонического собора», и въ этотъ перерывъ состоялось примиреніе Федора съ Пименемъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52.

скую киевду митр. Алексѣемъ, когда борьба тверского великаго князя Михаила Александровича съ в. к. Дмитриемъ оказалась проигранной, не задолго до договора 1375 года, который привелъ тверского великаго князя въ волю великаго князя всея Руси. У в. к. Михаила все нарастаетъ «нелюбие» съ епископомъ, но только въ 1387 г. удалось ему довести Висленя до удаленія изъ Твери; однако, уходъ епископа въ монастырь не былъ еще отказомъ отъ сана и не давалъ возможности замѣнить его желательнымъ для князя лицомъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Кипріяна, по окончательномъ водвореніи на митрополіи, былъ разборъ этого тверского дѣла. Характерна самая обстановка, въ какой онъ произошелъ. Кипріянъ не вызывалъ сторонъ въ Москву на свой митрополитскій судъ, а поѣхалъ въ Тверь съ двумя греческими митрополитами, которые проводили его въ Москву отъ патриарха, и двумя русскими епископами, созвалъ тверской освященный соборъ и повелъ дѣло въ соединенно събраніи этого духовнаго собора и тверской боярской думы съ в. к. Михаиломъ во главѣ. Мірскія и духовныя власти Твери единодушно возводили на Висленя многія укоризны, и в. к. Михаилъ настаивалъ на поставленіи иного епископа. Митр. Кипріянъ, постѣ формально обязательныхъ попытокъ добиться примиренія сторонъ, соборнымъ опредѣленіемъ лишалъ Висленя епископства и рѣшилъ поставить на тверскую епископію своего протодіакона Арсенія. Однако, Арсеній не сразу рѣшился принять такое поставленіе: онъ опасался «вражды и многыхъ бравей», надо полагать—потому, что Кипріянъ предпочелъ дать Твери на епископію своего челявѣка, а не того «яного», о которомъ просилъ в. к. Михаилъ¹⁾: видимо Кипріянъ и въ этомъ дѣлѣ провелъ дѣя своихъ тенденцій—рѣшилъ дѣло безъ участія великаго князя всея Руси и отстранилъ вліяніе мѣстной свѣтской власти на замѣщеніе епископской киевдры.

Кипріянъ стоитъ въ своей дѣятельности на почвѣ тѣхъ отношеній между церковной и свѣтской властью, между русской митрополіей и Константинопольской патриархіей, какія указаны, какъ нормальныя, въ грамотѣ патр. Филовея къ митр. Алексію. Митрополія—не русское національ-

¹⁾ Е. Е. Голубинскій (указ. соч., стр. 304—305) различаетъ два повѣствованія о дѣлѣ Висленя—Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 124—126) и найденное въ отдѣльномъ спискѣ (Карамзинъ, т. V, примѣчаніе 232); послѣднее, въ нѣскольکو сокращенной редакціи, читается и въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 445) и въ Симеоновской (т. XVIII стр. 140—141); отраженіе болѣе пространнаго (Никоновскаго) повѣствованія есть въ краткомъ изложеніи „Русскаго Временника“ (изд. 1820 г., т. I, стр. 322). Голубинскій краткое повѣствованіе признавалъ, вслѣдъ за Карамзинимъ, болѣе авторитетнымъ. Но въ некоторыя фактическія отвлечія его, какъ напр. представленіе, что дѣло было покончено въ одинъ пріѣздъ во Тверь,—надо признать плодомъ такого же сокращенія, какое получилось и въ „Русскомъ Временникѣ“. Никоновская лѣтопись сохранила помяте общій первоисточникъ.—Въ колебаніяхъ Арсенія вижу основаніе допустить, что у в. к. Михаила былъ свой кандидатъ, когда онъ „началъ просити иного“ епископа у митрополита.

ное учреждение, тѣмъ болѣе не великорусская политическая сила, а самостоятельный органъ вселенской восточной церкви. Въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ на Руси Кипріянь идетъ, въ рядѣ случаевъ, рука объ руку съ великимъ княземъ, но это тогда, когда интересы митрополита совпадаютъ съ великокняжескими; основная же опора митрополитичьей власти нъ авторитетѣ Константинопольскаго патріарха, на рѣшеніе котораго вдутъ спорныя русскія дѣла.

Въ Москвѣ съ трудомъ отступались отъ наврѣшагого представленія о національной русской митрополіи. Это сказалося въ извѣстномъ эпизодѣ о поминаніи императорскаго имени на митрополитичьемъ богослуженіи и о почтаніи патріаршей власти на Руси. Въ 1893 году патр. Антоній обратился къ в. к. Василію Дмитріевичу съ укоромъ и наставленіями по поводу его дѣйствій, о которыхъ донесъ ему Дмитрій Аванянянцъ, прибывшій въ Константинополь по дѣламъ русской церкви апокрисіаріемъ митр. Кипріяна и великаго князя Василія. Патріархъ укоряетъ великаго князя за то, что онъ не воздастъ представителямъ патріаршей власти того уважительнаго отношенія и той чести имени патріарха, какое было въ обычаѣ при прежнихъ великихъ князьяхъ, и не позволитъ митрополиту поминать въ диптихахъ «божественное имя царя». Патр. Антоній грозитъ великому князю гнѣвомъ Божиимъ, если онъ не будетъ «читать патріарха, какъ самаго Христа, и оказывать уваженіе его словамъ, грамотамъ, звѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ». Русь не должна обособляться въ самоудовольствующую, національную церковную и политическую единицу, а признавать себя частью вселенской церкви и вселенскаго царства. Нельзя великому князю говорить: «церковь мы имѣемъ, но царя не имѣемъ и знать не хотимъ». Цари византійскіе—организаторы церкви, они своими законами подтвердили церковныя каноны о правыхъ догматахъ и благоустройствѣ христіанской жизни; царь—великій пладыка и правительъ вселенной, не то, что другіе помѣстные правители и князья; «невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть, ибо царство и церковь входятъ въ тѣсную единствѣ и общности и невозможно отдѣлять ихъ одно отъ другой¹⁾. Какъ часть великаго дѣлаго—христіанскаго Востока, возглавляемаго византійскимъ императоромъ—«царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ», и «вселенскимъ» патріархомъ, Русь имѣетъ въ составѣ своего политическаго устройства рядомъ съ великокняжескою властью также церковную власть митрополита всея Руси, у которой свои задачи и свои приемы дѣйствія. Эта

¹⁾ Р. И. В. т. VI¹, № 40. О поминаніи царей см. М. А. Дьяконова, «Власть московскихъ государей», стр. 24; въ томъ же трудѣ—о взаимоотношеніяхъ Руси и власти византійскихъ императоровъ. П. П. Соколовъ правильно припоминаетъ тѣ явленія, противъ которыхъ протестуетъ грамота патр. Антонія,—Дмитрію Донскому (указ. соч., стр. 572—573), но его толкованіе словъ: «церковь имѣемъ, но царя не имѣемъ»—лишаетъ смысла и эту фразу и всю патріаршую грамоту (стр. 571).

самостоятельность церковно-политической деятельности митр. Киприана сказалась в томъ, что его отношенія къ политическимъ силамъ Руси сѣверной и западной далеко не всегда согласованы съ великокняжескими, а съ другой стороны, его вліяніе надо признать однимъ изъ факторовъ тѣхъ колебаній, той видимой неустойчивости, которая отличаетъ политику в. к. Василія Дмитріевича.

Въ суздальскихъ дѣлахъ и въ новгородскихъ отношеніяхъ интересы митрополита и великокняжеской власти не стояли въ противорѣчій, и обѣ власти выступаютъ согласно, хотя по отношенію къ Великому Новгороду только въ началѣ, а затѣмъ митрополитъ и тутъ ведетъ свою линію, не подчиненную планамъ великокняжеской политики.

На суздальской архіепископій Діонисій смѣнилъ Евфросинъ, поставленный въ Константинополь, надо полагать, Пименомъ, одновременно съ Федоромъ ростовскимъ; по примѣру Діонисія и онъ заручился патриаршей грамотой на принадлежность Нижняго Новгорода и Городецъ къ Суздальской епархіи ¹⁾. Но митр. Киприанъ и в. к. Василій Дмитріевичъ подняли изобразенія противъ этого, утверждая, что Діонисій управляетъ спорными городами только «на правахъ экзарха», и патриаршимъ посланъ было поручено разслѣдовать дѣло на мѣстѣ; исходъ дѣла—неизвѣстенъ, но повидѣе (при митр. Іоанѣ) Нижній и Городецъ подъ прямой властью митрополита. Участіе великаго князя въ этомъ спорѣ митрополита съ суздальскимъ архіепископомъ связано, конечно, съ приобретениемъ ханскаго ярлыка на Нижній и началомъ утвержденія тутъ великокняжеской власти ²⁾.

Характерные для деятельности Киприана его новгородскія отношенія: отъ предшественниковъ онъ унаслѣдовалъ споръ митрополита съ новгородцами о судебныхъ правахъ митрополита по отношенію къ Великому Новгороду. Наростаніе новгородскаго народоуправства вело неизбежно къ попыткамъ

¹⁾ Р. И. В., т. VI³, приложение № 34, 41 и 42.

²⁾ Тамъ же, № 41 и 42. Митр. Киприанъ и в. к. Василій утверждали передъ патриархомъ, что Діонисій держалъ Нижній и Городецъ „отъ лица кнзя Алексѣя, какъ экзархъ“, тогда какъ Діонисій утверждалъ, помогая патриаршей грамоты, что эти города „принадлежатъ къ его епархіи и подвластны суздальскому князю, а нежатъ близки его церкви“; политическій мотивъ—приспособленія границъ епархіи къ предѣламъ Нижегородскаго великаго княжества игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ большую роль, и политическимъ приемомъ были мѣры митр. Алексѣя, а въ данный моментъ в. к. Василія. Киприанъ былъ заинтересованъ въ ослабленіи суздальской архіепископій, гдѣ сказалась оппозиція противъ него: извѣстно, что Евфимій, игуменъ Спасскаго Суздальскаго монастыря, не хотѣлъ признавать Киприана митрополитомъ; Евфросинъ былъ ученикомъ Діонисія, котораго патриаршая грамота называетъ „калугеромъ“ Евфросина.—Е. К. Голубинскій, указ. соч., стр. 320. Только при Киприанѣ впервые появляется ссылка на то, что Нижній и Городецъ подчинены Суздальскому архіепископу только „на правахъ экзарха“ и едва ли митрополитъ съ великимъ княземъ смогли это доказать.

опредѣлить по новому и ограничить при такомъ опредѣленіи іерархическую зависимость новгородской епархіи отъ власти митрополита. Эти іерархическія отношенія получили большой политическій вѣсъ, благодаря, съ одной стороны, тѣсному союзу митрополитъ съ великокняжескою властью, а, съ другой, усвоенію господствомъ Великимъ Новгородомъ права избирать кандидата на свою архіепископію, права, которое, въ общемъ укладѣ русскія церковно-политическія отношенія, было правомъ княжескимъ. Возвышеніе новгородскаго епископа въ архіепископскій санъ, затѣмъ приобрѣтеніе имъ вышшаго отличія крещатыхъ рязъ уже вызывало, какъ мы видѣли раньше, тренія, которыя потребовали отъ Константинопольскаго патріарха разъясненія архіепископу Великаго Новгорода, что отличія эти не связаны съ какимъ либо уменьшеніемъ его зависимости отъ митрополитъ. Наиболее острыми попросомъ этихъ отношеній сталъ вопросъ о судебныхъ правахъ митрополита. Новгородцы достигли на дѣлѣ того, что и на судъ митрополита распространялось въ требованіе, установленное договорами по отношенію къ суду великаго князя: «а на Нязу, княже, новгородца не судити», и обычной практикой митрополитскаго суда стали періодическіе приѣзды митрополита въ Новгородъ на мѣсячный срокъ для суда, полученія обычныхъ доходовъ и судебныхъ пошлякъ. Но эта практика не получила исключительнаго господства, не являя вытѣснила «позвы» на судъ въ резиденцію митрополита—на Нязъ, въ Москву. Въ 1385 году новгородцы поставили этотъ вопросъ ребромъ, причемъ возникшій споръ не замедлил получить болѣе широкій смыслъ, передавъ въ отрицаніе не только позвовъ, но и мѣсячнаго суда митрополита въ Новгородѣ ¹⁾. Въ 1385 году состоялся въ Новгородѣ «на вѣчѣ, на княжи дворѣ» постановленіе, скрѣпленное крестнымъ цѣлованіемъ всего Великаго Новгорода, о судѣ гражданскомъ и церковномъ; и гражданскій судъ—посадника и тысяцкого, и церковный—владыки архіепископа должны происходить при участіи двухъ бовръ и двухъ житныхъ людей отъ каждой изъ судящихся сторонъ, а на судъ къ митрополиту новгородцы обязывались другъ друга не вызывать ²⁾. Началась

¹⁾ В. Е. Голубинскій, *Ист. Русс. Церкви*, т. II, ч. 1, стр. 306—313; Никитскіе. *Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ*, стр. 101—103.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 91 (подъ 1384 г.—той же зимы), 92 («той зимы въ великій постъ»—подъ 1385 г.) Сопоставленіе этихъ вѣсколко разноречивыхъ редакціонныхъ извѣстій, позволяетъ признать, что участіе бовръ и житныхъ людей предложено и для церковнаго суда. Такъ разумѣетъ и Голубинскій (стр. 306); толкованіе Никитскаго: новгородцы «положили, чтобы не только не ходитъ по церковнымъ дѣламъ на расправу къ митрополиту въ Москву, но даже не давать ему мѣсячнаго суда и въ самомъ Новгородѣ, а чтобы все церковныя дѣла вѣдали на основаніи законана окончательнаго самъ новгородскій владыка» (стр. 111). Патріаршая грамота (Р. И. В., т. VI, прил., ст. 235—266) такъ передаетъ рѣчи новгородскихъ посланцевъ: «не хотимъ судитися у митрополита, ни того, чтобы, когда окъ позоветъ на судъ нашего епископа, окъ шалъ, или чтобы митрополитъ приходилъ въ Великій

борьба съ митрополіей всея Руси ¹⁾, имѣвшая свое особое значеніе и для великокняжеской власти, такъ какъ ослабленіе связей между Новгородомъ и Москвою грозило усилить западное, литовское вліяніе; не даромъ новгородскіе послы, отстаивая свои притязанія передъ патріархомъ, повторили литовскій аргументъ: не уступать греки, придется переходить къ латинство ²⁾. В. к. Василій и ставитъ въ ряду другихъ притязаній своихъ къ Великому Новгороду во время ихъ размиря 1392—1398 года, требованіе выдать митрополиту крестоцѣловальную вѣчевую грамоту о судѣ. Новгородцы это выполнили, послѣ «многаго кровопролитья», при заключеніи «мира по старшій» съ в. к. Василіемъ и получивши отъ митрополита разрѣшительную и благословенную грамоту ³⁾. Но этихъ дѣло далеко не закончилось. Въ слѣдующіе годы видимъ, что, съ одной стороны, новгородскій епископъ являлся въ Москву по каждому зову Кипріяна, и новгородцы принимаютъ митрополита съ великою честью, но, съ другой, она, по прежнему, упорно стоятъ на отреченіи мѣсячнаго его суда ⁴⁾. Конфликтъ затя-

Новгородъ и судилъ одинъ мѣсяцъ, или кто-нибудь приносилъ ему жалобу, и митрополитъ присылалъ бы для суда своего человека».

¹⁾ Весною того же года новгородцы отказали въ мѣсячномъ судѣ митр. Пимеву (П. С. Р. Л., т. V, стр. 239), а затѣмъ не приняли патріаршей грамоты, убѣждавшей ихъ не нарушать каноновъ (Р. И. Б., тамъ же, ст. 237—238; П. С. Р. Л., т. V, стр. 244; т. VIII, стр. 60—61); эту грамоту привезли на Русь греческіе митрополиты, прибывшіе съ Кипріяномъ въ 1390 г. Въ 1391 г. Кипріянъ ѣздилъ въ Новгородъ, былъ править „въ честь“, но на требованіе мѣсячнаго суда получалъ отвѣтъ: „цѣловали есмь крестъ съ одного, а грамоты подписали и попечатали, и душу запечатали“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 245). Тогда митрополитъ наложилъ на Новгородъ отлученіе, котораго, однако, не призвали ни новгородцы, ни архіеп. Іоаннъ (Р. И. Б., тамъ же, ст. 239—242). Обѣ стороны обратились къ патріарху (тамъ же, ст. 254 и П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; любопытно, что при этомъ новгородскіе послы задолжали въ Константинополь, а уплачиваютъ долгъ—митрополитчю боярину Дмитроку, тому самому Дмитрію Ленинину или Лениевичу, который ѣздилъ судаться съ нимъ къ патріарху—тамъ же, стр. 100), но отвѣтъ былъ тотъ же: „повиаетесь митрополиту русскому; на новгородцевъ не подѣйствовали и дѣи новыя увѣщательныя грамоты патріарха (Р. И. Б., т. VI, прил., №№ 37 и 38); во второй грамотѣ (осень 1393 г.) патр. Латвій упоминаетъ о военныхъ дѣйствіяхъ в. к. Василія противъ Новгорода, которыя вызваны его „дьями и счетами“ съ новгородцами, и указываетъ на примиреніе съ митр. Кипріяномъ, какъ на условіе его посредничества передъ великимъ княземъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 255—258.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 100; С. Г. Г. и Л., т. II, № 13: митрополитъ отбираетъ у новгородцевъ крестоцѣловальную грамоту и даетъ имъ за нѣ „обращеніе“ свое прощеніе и благословеніе, а в. к. Василій даетъ имъ „миръ по древнему“. Миръ состоялся въ Филипово говніе 1393 года.

⁴⁾ Ноог. I, стр. 380, 381. Своеобразіе сложившихся отношеній заставило составителя Никоновской лѣтописи написать, что въ 1395 г. новгородцы дали митр. Кипріяну „судъ по старшій“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 157); но Ноог. I сообщаетъ: „суда ему не даша“, хотя Кипріянъ пріѣхалъ съ патріаршимъ посломъ, архіеп. Мизан-

нулся и дошелъ до трехлѣтняго заточенія еп. Іоанна въ московскомъ Чудовскомъ монастырѣ¹⁾, и важнѣйшая его черта—крайняя осторожность Кипріяна по отношенію къ Новгороду, далеко не согласованная съ новгородской политикой в. к. Василія. Митрополитъ не прибѣгаетъ къ крутымъ мѣрамъ церковнаго запрещенія, не порываетъ съ Новгородомъ въ годы напора на Новгородъ великокняжескихъ властей Василія и Витовта и борьбы Василія Дмитріевича за Двинскую землю. Его поведение, подлинныя мотивы котораго мудро установить по краткимъ и сухо фактическимъ указаніямъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ, даютъ впечатлѣніе нахѣренного обособленія отношеній митрополита отъ политическихъ дѣйствій великокняжеской власти. Такъ Кипріянъ и послѣ первой уступки Новгороду—выдачи крестоцѣлительной записи по требованію великаго князя, встрѣтивъ новый отказъ новгородцевъ въ мѣсячномъ судѣ, уѣзжаетъ отъ нихъ, несмотря на то, что держалъ «вѣлюбіе» на нихъ и на ихъ епископа, съ благословеніемъ, не отлученіемъ; такъ при новомъ взрывѣ розни между в. к. Василіемъ и Новгородомъ Великимъ, когда князь великій «младычнѣ благословенія и слова добра не принявъ, а отъ пословъ новгородскихъ челобитья, а отъ Новгорода нелюбѣя не отложилъ, а яхру не далъ», митрополитъ «своего сына, владыку Іоанна и пословъ новгородскихъ отпустивъ въ Новгородъ съ честию и съ благословеніемъ»²⁾. Когда же въ исходѣ девяностыхъ годовъ Новгородъ въ разрывѣ съ обоими великими князьями—великорусскимъ и литовскимъ, Кипріянъ не ставитъ остраго церковнаго вопроса, который на этотъ разъ не выступаетъ и въ составѣ требованій в. к. Василія къ Новгороду; только въ 1401 г. постигло архіеп. Іоанна запрещеніе и помяніе, но и то личное, безъ

комъ, который привезъ отъ патр. Автопія грамоты (Р. Н. Б., т. VI³⁾, № 37 и 38) и долженъ былъ, согласно инструкціи (тамъ же, № 42) изъяснить дамо устно передъ епископомъ, начальниками и народомъ, а затѣмъ представить и грамоты для народнаго прочтенія. Псковская I лѣтопись подтверждаетъ, что въ этотъ приходъ Кипріянъ «на владыку и на весь Новгородъ вѣлюбіе держалъ» (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 194); Архангелогородскій лѣтописецъ, сообщая о «помятіи» еп. Іоанна митрополитомъ «по великаго князя слову» въ 1401 г. и заключивъ его «за сторожа» въ Чудовскомъ монастырѣ, поясняетъ: «за мѣсячный судъ, что не дали» (изд. 1819 г., стр. 121).

¹⁾ Три года и четыре мѣсяца пробылъ епископъ въ Москвѣ съ 1401 по 1404 г.—Новг. I, стр. 391 и 393. Никоновская лѣтопись даетъ рядомъ два разныхъ и несогласованныхъ извѣстія подъ 1401 г.: 1) что еп. Іоаннъ «пробысть у Кипріяна митрополита въ наказаніи и смиреніи» и 2) что на епископскомъ соборѣ еп. Іоаннъ (какъ и кучій еп. Савва) «отписася своей митрополити», и оба удержаны митрополитомъ въ Москвѣ; дальнѣйшее сообщеніе той же лѣтописи—подъ 1404 г.—о томъ, какъ Кипріянъ отпустилъ арх. Іоанна, отсидѣвшего въ монастырскомъ заточеніи три съ половиною года, показываетъ, что не можетъ быть рѣчи объ отреченіи Іоанна отъ епископства, а только о запрещеніи ему святительства въ связи съ его «помятіемъ»—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 186 и 190.

²⁾ Новг. I, стр. 380 и 384.

Примечаніе. Образъ великорусск. госуд.

интердикта на Новгородъ Великій; однако, и этотъ эпизодъ закончился, хоть и черезъ три съ лишнимъ года, отпускомъ Іоанна на его кафедру—безъ рѣшенія основного спорнаго вопроса по воли митрополита, за которымъ были и право и авторитетъ патріарха.

Не было в. к. Василю и той поддержки со стороны митрополитъ въ борьбѣ съ Литвой, какую выдвинулъ въ свое время митр. Алексій. Сильное вліяніе Витовта на Москву находило, несомнѣнно, поддержку въ митрополитѣ всей Руси, который стремился проводить свое общерусское значеніе независимо отъ литовско-московскаго соперничества. Въ литовскихъ отношеніяхъ Кипріянь—митрополитъ Киевскій и тщательно избѣгаетъ осложненій, которыя лишили бы его значенія въ западной Руси, какъ произошло, по политическимъ причинамъ, съ митр. Алексіемъ. Рѣзкое противопоставленіе христіанской Руси языческой Литвы, использованное митр. Алексіемъ для цѣлей политической борьбы и національно-политической идеологии, перешло въ другую плоскость по водвореніи на Литвѣ католицизма. Митр. Кипріянь не ставитъ себя въ рѣшительное противорѣчіе съ католической церковью и католическимъ государствомъ. Его маняла мысль объ устраненіи этой церковной розни, что сдѣлало бы его главой обширной мѣстной церкви, объемяющей и восточную Русь, и Литовско-русское государство, в русскія земли короны Польской. Свободный отъ національно-великорусскихъ настроеній Кипріянь идетъ не къ націонализациі вѣроисповѣданна амаго-низма, а къ попыткѣ разрѣшить его—соединеніемъ церквей. Въ началѣ 1397 года патр. Антовію пришлось дать королю Ягайлу и митр. Кипріяну отвѣтъ на опредѣленно поставленный ими вопросъ о соборѣ для обсужденія условій этого церковнаго соединенія. И уклончивый, осторожный отвѣтъ патріарха свидѣтельствуетъ, что Византія въ ту пору, тѣснимая «нечестивыми», вступала на путь политической игры съ идеей уніи ради боевой помощи католическаго Запада: уніатскія настроенія Кипріяна не стоятъ въ противорѣчій съ тенденціями византійской политики¹⁾, а Византія находитъ въ немъ поборника матеріальной помощи Руси—денежными сборами на нужды Константинополя, угнѣбнаго врагами христіанства²⁾. Самостоятельная позиція митр. Кипріяна между великорусскимъ и литовскимъ великими князьями и его тѣсными связи съ Византіей, которымъ онъ не противопоставляетъ національныхъ-великорусскихъ интересовъ, ставятъ его въ прямое

¹⁾ Р. И. Б., т. VI, прил., №№ 44 и 45. Видно изъ патріаршихъ грамотъ, что рѣчь шла о церковномъ соборѣ въ предѣлахъ Западной Руси для соединенія церквей, какъ мѣстнаго, русскаго церковнаго дѣла. Патріархъ отвѣчаетъ, что это дѣло «требуетъ собора вселенскаго, а не помѣстнаго» и что «Россия неудобное мѣсто для вселенскаго собора,» а путь для вѣстоющей постановки дѣла о соединеніи указываетъ въ вынужденіи Ягайла съ венгерскимъ королемъ за имя Христова «на сокрушеніи нечестивыхъ, стремящихся поглотить всю вселенную.»

²⁾ Тамъ-же, № 46.

противорѣчіе традиціямъ митр. Алексѣя. Памятникъ внутреннѣхъ отношеній между митрополіею и великорусскою великокняжескою властью—установная грамота в. к. Василія Дмитріевича и митр. Кипріяна «о домахъ церковныхъ и о волостяхъ и о земляхъ и о водахъ и о всѣхъ пошаниахъ о церковныхъ» показывается въ немъ защитника самостоятельной церковно-административной и свѣтской власти митрополита. Трудно, по недостатку документовъ отъ болѣе стараго времени, оцѣнить, что въ содержаніи этой грамоты принадлежитъ Кипріяну, а что есть только восстановление и укрѣпленіе порядковъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествовавшихъ митрополитовъ¹⁾. Установной грамотѣ, совѣстной великаго князя и митрополита, придана форма протокола ихъ соглашенія, что придаетъ ей характеръ договорной грамоты²⁾. Она опредѣляетъ положеніе митрополитскихъ владѣній въ составѣ великаго княжества сходно съ положеніемъ удѣльныхъ князей; составъ владѣній и льготъ опредѣляется, въ общемъ, «какъ было и при Алексѣѣ митропо-

¹⁾ М. Д. Приселковъ въ цѣиной работѣ: „Ханскіе ярмыки русскимъ митрополитамъ“ высказалъ убѣжденность, что рядъ данныхъ („лѣтописныя упоминанія, житія митрополитовъ, вѣковедъ, установная грамота в. к. Василія Дмитріевича и митр. Кипріяна, въ основѣ которой лежитъ, какъ это ясно видно изъ текста, установная грамота митр. Алексѣя“) — „не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что за все время золотоордынскаго владычества шла борьба свѣтской и духовной власти во Руси, и установная грамота в. кн. Василія и митр. Кипріяна вводитъ насъ съ совершенною ясностью и въ результаты этого состязанія за власть надъ церковнымъ имуществомъ и въ основные пункты спора“ (стр. 35). М. Д. Приселковъ находитъ два указанія на столкновенія между духовной и свѣтской властями во времена в. кн. Симеона: 1) лѣтописную запись подъ 1342 г. о томъ, какъ митр. Феогностъ ходилъ въ Орду „о причтѣ церковныхъ“, причемъ „цѣль русскихъ челоуѣкъ“ доставилъ хану, что митрополитъ имѣеть крупные доходы и долженъ бы давать въ Орду „погѣтныя дани“, но митрополитъ откупился отъ ханскихъ требованій, раздалъ значительную сумму хану и его близкимъ; М. Д. Приселковъ видитъ въ этихъ „цѣлкахъ“—русскимъ князьямъ, но по общему положенію сбора и уплаты „выхода“ рѣчь могла бы быть развѣ о привлеченіи митрополитомъ къ участію въ дани со стороны великаго князя, а увлеченіе суммы „выхода“ особой данью съ церковныхъ доходовъ вѣтъмъ не послужило бы льготой его (П. С. Р. Л., т. X, стр. 216; т. VII, стр. 209) и 2) такъ нал. ярмыки ханши Тайдулы митр. Іоанну, въ которомъ М. Д. Приселковъ видитъ грамоту, обращенную къ в. кн. Семелу и всѣмъ русскимъ князьямъ — противъ нарушенія правъ церковнаго, именно свѣтскаго суда; пониманіе М. Д. Приселковымъ Тайдулына ярмыка давать наилучшее объясненіе этого текста.

²⁾ А. А. Э., т. I, № 9.—„Се изъ, казая великихъ (Василія Дмитріевича), съдѣ съ своимъ отцемъ (Кипріяномъ), митрополитомъ Киевскимъ и всея Руси, управникъ есмь (еюмы)...“ Отнести ее надо къ 1392 г. по ее датѣ 28 іюня, въ лѣто 6900, несмотря на ошибочное указаніе индикта, 12-го, который относится къ 1389 или 1404 году; только по окончательномъ водвореніи на митрополію, войдя въ детали управленія, могъ Кипріянъ владѣть восстановленіе своихъ правъ и владѣній, потерявшихъ за время церковной смуты, да Кипріяна и? не было въ Москвѣ въ 1389 г.; 1404 г. мало вѣроятнѣе, какъ свѣдѣнъмъ позднѣй; ср. Е. Е. Годуновскаго, указ. соч., стр. 326.

литѣ»¹⁾; «церковные люди» даютъ «оброкъ» великому князю (по оброчнымъ грамотамъ), «когда данъ дати въ татары», а не будетъ татарской дани, то и оброка не дать; когда самъ великій князь выступаетъ въ походъ, то идутъ митрополиты бояре и слуги подъ митрополитнымъ воеводой, хотя и подъ стягомъ великаго князя—это, видно, старина, такъ какъ тѣ, кто не служивалъ митр. Алексѣю, а «приказался ново митрополиту», тѣ идутъ въ походъ подъ великокняжескими воеводами, по мѣсту жительства; слугъ великаго князя и его данныхъ людей митрополитъ не ставитъ въ дьяконы и ношы, кромя поповщичей; по искамъ на митрополитныхъ управителей (на мѣстника, десятника, волостеля)—судъ великаго князя; правила смѣстнаго суда тѣ же, что въ междукняжескихъ договорахъ; утверждается иммунитетъ (судебный) митрополитныхъ церковныхъ селъ и «пошлыхъ монастырскихъ». И тутъ, какъ въ междукняжескихъ договорахъ, большая условность финансовой и военной власти великаго князя; сборъ дани—въ опредѣленномъ размѣрѣ оброка-урока—обусловленъ уплатой татарскаго «выхода», ополченіе митрополитныхъ людей выступаетъ только въ походахъ, гдѣ самъ князь великій «сядетъ на конь». Конечно, нѣтъ рѣчи о самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеніяхъ митрополита; но, на дѣлѣ, Кипріянь былъ въ этихъ отношеніяхъ самостоятельной политической единицей, что придаетъ особый вѣсъ и договорному характеру его относительной зависимости отъ великокняжеской власти въ дѣлахъ свѣтскихъ, политическаго вѣствованія.

Такой укладъ отношеній между духовной и свѣтской властями можно разсматривать, какъ отраженіе на нихъ удѣльно-вотчиннаго строя. Подрывъ прежнихъ связей политической солидарности митрополита съ великокняжеской властью долженъ былъ обострить вопросъ о ея націонализаціи, не только съ болѣе общей точки зрѣнія политическихъ интересовъ великорусскаго великаго княженія, но и ради внутреннего собранія власти надъ силами и средствами страны.

Церковно-политическая дѣятельность митрополита Кипріяна не была только личнымъ его дѣломъ. Въ ней—проявленіе сложныхъ воздѣйствій, какъ общаго положенія дѣла въ Восточной Европѣ, подѣленной между великорусскимъ великимъ княжевіемъ и литовско-русскимъ государствомъ,

¹⁾ Не раздѣляю увѣренности М. Д. Присокова въ томъ, что уставная грамота Кипріяна составлена на основѣ такой же грамоты митр. Алексѣя; ссылки на порядки, какіе были при Феофиствѣ и Алексѣѣ еще не доказываютъ существованія соответственныхъ «уставныхъ» грамотъ; наша грамота перечисляетъ вопросы, ставшіе спорными и требовавшіе опредѣленія; самый порядокъ статей—отъ частныхъ вопросовъ объ отдѣльныхъ волостяхъ, къ болѣе общимъ—о судѣ, повинностяхъ и службѣ митрополитныхъ людей говоритъ скорѣе объ отсутствіи сложившагося формуляра подобныхъ грамотъ. Исключительное положеніе и значеніе митр. Алексѣя было, по всей вѣроятности, спорнымъ вопросомъ о правѣ его преемниковъ на все, что было признаваемо за нимъ.

такъ и церковно-политическихъ тенденцій, шедшихъ въ Византію. И сама великорусская великокняжеская власть не смогла устоять на прежней своей точкѣ зрѣнія. Кончина митр. Кипріяна (въ сентябрѣ 1406 г.) совпала съ разрывомъ мирныхъ отношеній между в. к. Василіемъ и Витовтомъ, который тотчасъ выдвинулъ своего кандидата на митрополию, Θεοδοσία полоцкаго. Чтобы парализовать эту кандидатуру Москва пошла на ходатайство передъ патріархомъ о поставленіи «по старой пошминѣ» митрополита, «его же по Божію хотѣнію изберутъ и прошютъ» патріархъ, патріаршій соборъ и византійскій императоръ¹⁾. Поставленъ былъ грекъ Фотій, которому не безъ труда удалось добиться признанія и отъ Витовта²⁾. Но Фотию не пришлось наладить, подобно Кипріяну, отношеній съ великими князьями литовскими и удержать, безъ борьбы и потрясеній, единства митрополиі всей Руси. На этотъ разъ, дѣло осложнилось настоячивымъ стремленіемъ Витовта имѣть для Западной Руси особаго митрополита, въ чемъ онъ нашелъ поддержку по крайней мѣрѣ части западнорусскаго духовенства. Властный и требовательный митрополитъ вызвалъ среди мѣстнаго духовенства и свѣтскаго общества раздраженіе настойчивой заботой о восстановленіи въ полномъ объемѣ своихъ доходовъ и церковныхъ имуществъ³⁾. Рѣче, тѣмъ

¹⁾ Р. И. В., т. VI, ст. 329—330; А. З. Р., т. I, № 25, стр. 36. Возможно, что такой исходъ дѣла былъ подготовленъ еще Кипріяномъ, если принять предположеніе Е. Е. Голубинскаго (указ. соч., стр. 409), что обязательство новопоставляемыхъ епископовъ: «не хотѣти ни примати иного митрополита, развѣ кого поставятъ къ Царьграду, какъ есмь то изначала прияха», которое читаемъ въ члѣнѣ избранія и поставленія въ епископы времени Фотія (Р. И. В., тамъ же, № 52, ст. 454) установлено еще Кипріяномъ.

²⁾ «Мы, шешеть Витовтъ въ грамотѣ 1415 года, не хотѣли быти того приняти Фотія митрополита, и онъ явися наки адѣ у насъ быти, церковь строить, и прияхли были есмо его на митрополию нѣвскую» (А. З. Р., т. I, № 25). Въ Москву Фотій прибылъ только на Пасху 1410 г. (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 485).

³⁾ Захватъ, подъ разными предлогами, церковныхъ имуществъ и цѣнностей, а также умаленіе тѣхъ или иныхъ правъ на доходы церковной казны во время ея вакантности и отсутствія митрополита—явленіе обычное; пользовались обстоятельствомъ и князья, и бояре, и церковные люди, свѣтскіе и духовные. В. Н. Бенешевичъ указалъ въ трудѣ: «Синагога въ 50 титуловъ» (стр. 168—169) записки о разхищенномъ митрополитичьимъ имуществѣ, которое пришлось разыскивать митр. Θεοδοσιу (послѣ смерти литовскаго митрополита Θεοφана—см. ст. М. Д. Приселкова и М. Р. Фасвера объ «Отрывкахъ В. Н. Бенешевича» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. языка и словесности» Акад. Наукъ, 1916 г., кн. I). Едва-ли Фотій нуждается въ той защитѣ, какую даетъ ему В. Е. Голубинскій (указ. соч., стр. 371), пытаясь замѣнять содержаніе «клеветы» на него его врагомъ, какое сообщаютъ источники, другимъ. (стр. 372); раздраженіе Витовта, духовенства, князей и бояръ вызвано не только крутой требовательностью Фотія (не даромъ литовцы даютъ ему рѣдкій по отношенію къ митрополиту званію «мужественнаго»), но и тѣмъ, правде всего, что доходы и церковныя цѣнности уходять, какъ и при прежнихъ митрополитахъ, въ чужую страну, въ далекую резиденцію митрополита. Фотій прибылъ въ Литву въ 1411 году

когда либо раньше, поставленъ въ Литвѣ вопросъ о возстановленіи резиденціи митрополита въ Кіевѣ, чтобы и церковнос дѣло правильно строилось въ Литовской Руси, чтобы и матеріальными ей средства не уходили на московскіе расходы митрополита. Впрочемъ, первые же шаги Витовта показали, что дѣло идетъ отнюдь не о защитѣ интересовъ южно и западно-русской церкви. Раздраженный на неудачу своихъ церковно-политическихъ плановъ и лично на Фотія, котораго упрекали за нарушение общаціей не запускать управленія этой церковью и не оставлять ее безъ своего личнаго присутствія въ Кіевѣ, Витовтъ въ 1414 году не допустилъ Фотія ирѣкхати въ Кіевъ, а заставлялъ его вернуться въ Москву, куда выслазъ и его наѣбистниковъ, «а грады митропольскіе Кіевскія церкви великія соборныя и волости и села раздаде паномъ своимъ»¹⁾. Отвергнувъ Фотія, Витовтъ добился, при поддержкѣ части епископовъ Литовско-русскаго государства, избранія на Кіевскую митрополию болгарина Григорія Цамблака, племянника митрополита Кипріяна; отказъ патриарха въ поставленіи Григорія привелъ къ его посвященію соборомъ епископовъ²⁾. Но и четырехлѣтній разрывъ митр. Фотія съ великимъ княземъ Литовскимъ не привелъ его къ московскимъ церковно-политическимъ воззрѣніямъ и тенденціямъ. По удаленіи Цамблака съ литовской митрополи—въ концѣ 1418—началѣ 1419 года³⁾—Фотій возстановленъ въ правахъ митрополита всея Руси. Лѣтомъ 1420 года Фотій ѣдетъ въ Литву съ патриаршимъ посломъ на воссоединеніе своей митрополи⁴⁾, и во второе десятилѣтіе своей дѣятельности укрѣпляетъ

на цѣлый годъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 65).—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 223; Р. И. В., т. VI, № 38 («точію приходы церковныя собирая и живяше иудѣ и старая устроєнія и честь кіевскія церкви на ино мѣсто полагаеше»); А. З. Р., т. I, № 25. По разсказу Никонской лѣтописи (т. XI, стр. 224) толчекъ къ обостренію отношеній дали недовольные Фотіемъ въ Москвѣ, бѣжавшіе отъ него въ Литву; возможно, что сдѣланныя о раздраженіи противъ митрополита въ Москвѣ дали Витовту поводъ поднять за ново вопросъ объ устраненіи Фотія съ кіевской митрополи.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 224. Грамота епископовъ съ отреченіемъ отъ Фотія—Р. И. В. т. VI, № 37.

²⁾ Р. И. В., т. VI, № 38—соборная грамота западнорусскихъ епископовъ; № 39 окружное посланіе Фотія—протестъ противъ поставленія Цамблака; № 40 грамота патр. Іосифа къ Фотію объ осужденіи Цамблака; № 41—грамота митр. Фотія во Псковъ объ этомъ «важкомъ и богоугоднымъ церковномъ мятѣжѣ».

³⁾ Давнымъ о «смерти» Цамблака или его добровольномъ удаленіи съ митрополи и уходѣ въ Молдавію—въ трудѣ А. П. Яцимирскаго, «Григорій Цамбалакъ», глава IV; Яцимирскій доказываетъ тожество Григорія Цамблака съ инокомъ Немецкаго монастыря Гавріиломъ, но эта гипотеза, для моего положенія безразличная, едва ли достаточно имъ обоснована.

⁴⁾ «Соединися церковь русская и въ первый миръ приведена бысть», когда патриархъ и царь и весь освященный соборъ «оправдали» Фотію его митрополию—«всю русіюскую землю»—Р. И. В., т. VI, № 48; окружное посланіе Фотія Литовской Руси.—Доп. къ А. И., т. I, № 183.—П. С. Р. Л., т. XVII, стр. 58—59. Соединеніе

мирным отношеніямъ съ Ритовтоуъ, использовать новое сближеніе Москвы съ Литвой, которому, надо полагать, и содѣйствовать своимъ вліяніемъ. Съ трудомъ и не безъ бурныхъ столкновеній устанавливался, въ то же время, и московскій отношенія Фотія. По прибытіи въ Москву—его ожидалъ рядъ столкновеній въ за церковныхъ вѣщанъ, имуществомъ и доходами, только недавно гарантированныхъ митрополитомъ уставной грамотой в. к. Василия Дмитріевича и митр. Каприана ¹⁾. И въ этой борьбѣ за церковное достоинствіе Фотій выступаетъ авторитетнымъ пастыремъ—духовнымъ отцомъ, который именемъ Христа требуетъ отъ великаго князя смиренія и послушанія: ибо, говоритъ онъ, «ище и грѣшенъ есмь, апостольское вѣщаю» ²⁾.

Дѣятельный и энергичный церковный правитель, митр. Фотій держится въ сторонѣ отъ политической борьбы ³⁾. Единственное порученіе

было получимъ, такъ какъ еще до исторіи съ Цамблякомъ и Галачъ подъ общей митрополитической властью (т. XVII, ст. 55).

¹⁾ «Таже потомъ и старшана митрополити своея церковнаа и доходы Фотіа митрополита начать обновляти и что гдѣ изгнано начать измѣнати, или отъ князей и бояръ что изобожено или отъ ямыхъ нѣкихъ лихоимцевъ что восхощено, сала и волости и доходы и пошлымъ Христова дому и пречыства Богородици и святыхъ великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя; онъ же вся сіа отъ нихъ взимае и утверждае крѣпко въ дому Христовѣ и пречыства Богородици и святыхъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя во священной митрополити всяа Русин и доходы, и пошлыми, и земляи, и воды, и сала, и волости», П. С. Р. Л., т. XI, стр. 218.

²⁾ Два посланія Фотія в. к. Василию Дмитріевичу—Р. И. В., т. VI, № 35 (I и II), въ первомъ—поученіе о «непримѣнности» установленнаго для церквей вселенскими соборами, православными царями и предками в. к. Василия, о высотѣ священническаго сана, «окормленію, поддержанію» котораго Дмитрій Довской обязанъ побѣдой надъ «агарянами»; созывая это в. к. Дмитрій «монастырскія вся пошлыми и церковными, яко званію ока, всегда соблюдае», и сныть его обязанъ, памятуя, что Церковь породила его крещеніемъ и воспитала и поставила «окомъ всей Руси», «наавратъ» и «смотрятъ» какъ о себѣ самомъ, «како себѣ добре устроиши житіе», «закъ и о всѣхъ „сущехъ подъ собою“, а особливо „всяку неправду и ищенье и лукавство и лихоимство возненавидѣти“; а потому великій князь долженъ утвердить „благочестивымъ списаніемъ“ все принадлежащее Церкви, утвердить и устроить „всѣ пошлены“. Второе посланіе посвящено, что благочестивые цари Византии считали долгомъ охранять церковное достоинствіе, а великій князь, поступая иначе, не долженъ сѣтовать на митрополитичье поученіе, ибо онъ „апостольское вѣщае“. Князь великій, хотъ онъ и „съ Богомъ царствуетъ“ долженъ помнить, что онъ только человекъ, и если онъ увидитъ Церковь, „наслаивающа, взимаа неподобаша“, то себѣ самому онъ этимъ не поможетъ, а долженъ обратиться къ Церкви и къ отцу своему митрополиту съ покаянной рѣчью: „согрѣшахъ, прости мя, и имаше, о отче, во всемъ благопослушна и покорена мене“ и съ обѣщаніемъ „исполнить и исправить“ всѣ церковныя пошлыми, нарушенными и расхищенными, хотя были издавна утверждены прародителями.

³⁾ Въ 1416 году къ митр. Фотію обратились исконичи съ заявленіемъ, что послѣдняя изъ „уставная грамота“, скрѣпленная крестнымъ цѣлованіемъ при князѣ Константінѣ Дмитріевичѣ, противорѣчитъ грамотѣ митрополита („кои еста

политического характера, имъ выполненное—участіе въ посольствѣ къ Витовту въ 1428 году, когда съ нимъ послана литовскому великому князю духовная грамота его зятя. Но кончина в. к. Василія Дмитріевича (въ февралѣ 1425 г.) поставила Фотія въ новое, исключительное положеніе: пришлось войти дѣятельной силой въ борьбу за великое княженіе, отстаивать права юного Василія Васильевича, пережить разразившійся кризисъ междукняжескихъ отношеній, который постепенно назрѣвалъ втеченіи всего княженія Василія Дмитріевича.

VI.

Ослабленіе силы и дѣятельности великорусской великокняжеской власти въ два послѣднихъ десятилѣтія XIV-го вѣка и въ первой четверти XV-го произошло и обусловлено не только обстоятельствами тягостныхъ внѣшнихъ отношеній и внутренняго разлада съ митрополіей. Глубочайшіе и основные корни пережитого этой властью затыжвого кризиса лежали въ самой ея структурѣ, въ ея связанности обычными, традиционными семейно-вотчинными отношеніями внутри московской княжой вотчины и господствомъ тѣхъ же вотчинныхъ-владѣльческихъ возрѣній во всемъ политическомъ быту Великороссіи.

Мы видѣли, какъ при Дмитріѣ Донскомъ усилились проявленія вотчиннаго раздѣла внутри Московскаго княженія и какъ реакція на нихъ со стороны великокняжеской власти выдвинула политическій элементъ властвованія надъ силами и средствами страны, укрьшшая и дальше развивая начала, заложенныя духовной Казны и договоромъ в. к. Самеона съ братьями. Великокняжеское старѣйшинство не только противопоставить, но и ширѣ сязь и возможности, дробленію этого властвованія подъ воздѣйствіемъ удѣльнаго и вотчиннаго владѣнія, но дѣлаетъ успешными усилія использовать свою семейно-патріархальную основу, какъ готовую форму отношеній властвованія

дослѣвали то цѣлованіе княже Константина Дмитріевича, а черезъ мое писаніе*). которую псковское посольство и представило тутъ же Фотію вмѣстѣ съ уставной, и потому подлежатъ отиѣзъ: въ отиѣзной грамотѣ Фотія настаиваетъ псковичей, что не, годилось имъ дѣлать поставоленія (очевидно, о дѣлѣ церковномъ), не извѣстивъ сперва митрополита, во что крестное цѣлованіе измѣнять большой грѣхъ, подлежащій спятимъ, и разрѣшаетъ „поручити ту новину“, если отъ нея „будеть нужда христіаномъ“, однако, подъ условіемъ, что псковичи за то сами себѣ помогутъ „и милостынемъ, и постомъ, и молитвою“—Р. И. Б., т. VII, № 44. Уставная грамота князя Константина Дмитріевича (во Псковѣ въ 1407—1414 г.г.) упоминается въ „Псковской Судной Грамотѣ“, какъ одинъ изъ источниковъ я, очевидно, содержащая постановленія относительно церковнаго суда и подсудности духовенства, противорѣчившія каноническимъ наставленіямъ Фотія. Возможно, что рѣчь идетъ о той самой грамотѣ, которая упомянута въ Судной Грамотѣ, т. е. что подлежала отиѣзъ грамота не цѣлкомъ, а въ нѣкоторыхъ статьяхъ.

и зависимости, для закрѣпленія элементарныхъ связей политическаго объединенія Великороссіи. Однако, эта палка, естественно, оказывается о двухъ концахъ. Во владѣческихъ отношеніяхъ Московскаго княжества видимъ, въ ту же пору, усиленіе началъ вотчиннаго раздѣла признаніемъ условности объединенія воинскихъ силъ и только временнаго—пока Богъ не приишетъ Орды — единства финансовыхъ средствъ; попытка приишетъ начало вотчиннаго владѣнія къ великому князю грозитъ и его территорію подчинить семейно-вотчинному раздѣлу, а распространеніе патриархальныхъ формъ старѣйшинства на отношенія къ «младшимъ» мѣстнымъ великимъ князьямъ Великороссіи подымаетъ ихъ сопротивленіе, разрушающее «единство» княжескихъ силъ.

Такъ обостряется противорѣчіе удѣльно-вотчиннаго строя насущныхъ политическимъ задачамъ и потребностямъ великокняжеской власти. Только крутая ломка внутреннихъ отношеній Великороссіи приведетъ его къ крушенію, только острое разрѣшеніе назрѣвшаго кризиса въ жестокой смутѣ второй четверти XV вѣка откроетъ путь синтезу вотчиннаго владѣнія и политической силы великокняжеской власти въ московскомъ едино- и самодержавіи.

Время княженія Василія Дмитріевича полно внутренними треніями въ московскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, приходится опять откѣпиться, какъ слишкомъ часто для великорусской исторіи этого періода, отрывочность и неполнота тѣхъ свѣдѣній, какія даютъ намъ наши источники.

Княжое владѣніе долины Московскаго княжества осложнено во времяна Василія Дмитріевича обособленностью Серпуховскаго княжества и вопросомъ о надѣленіи младшаго Дмитріевича—Константина, который родился за нѣсколько дней до смерти отца. Последняя духовная грамота в. к. Дмитрія, составленная до этого рожденія, предполагала, что, если Богъ дастъ великой княгинѣ сына, она надѣлитъ его, взявъ по части силъ удѣловъ его старшихъ братьевъ. Но есть основаніе признать, что в. к. Дмитрій успѣлъ еще и самъ сдѣлать распоряженіе о надѣленіи младшаго сына: в. к. Василій Дмитріевичъ въ первой же своей духовной «даетъ ему въ удѣлъ Тощю да Устюжну» и дѣлаетъ это «по душевной грамотѣ» отца¹⁾. Конечно, таковыя

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 39. Вѣдливо можно тутъ видѣть съ Экземплярскимъ (указ. соч., т. II, стр. 135, прим. 388) ссылку на духовную грамоту Донского (С. Г. Г. и Д., т. I, № 34) и выполненіе того надѣленія, котораго почему-то не выполнила мать—великая княгиня Тощя—на р. Тощѣ близъ Вологды—по духовной в. к. Дмитрія назначена была первоначально Петру Дмитріевичу вѣбогъ съ Самовъ, волостью близъ озера Кубенскаго, въ придачу къ Устюгу—изъ «великаго княженія». Устюжна не упоминается въ духовной в. к. Дмитрія, но и это не московская, а великокняжеская волость. Это надѣленіе князя Петра—дополнительное къ его Дмитровскому удѣлу, который духовной в. к. Дмитрія оторвалъ отъ праматерей связи съ Галичемъ

былъ не весь удѣлъ Константина, но что ему предназначалось еще—установить невозможно¹⁾. Дѣло надѣленія этого младшаго княжича вызвало слишком много осложнений, и сложилось его владѣніе послѣ ряда мѣвъ и соглашеній между московскими князьями, которые долго «волоклись» въ за этого между собой.

Вопросъ о распредѣленіи владѣній между князьями московской княжеской группы особенно обострилось потому, что духовная в. к. Дмитрія поставила на очередь проблему отношеній семейно-вотчинныхъ порядковъ раздѣла владѣній къ области великаго княжества, какъ и раньше—его договоры съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ открыли путь для притязаній младшихъ князей на долю въ великокняжескихъ захватахъ «пожалованіемъ» серпуховскому князю «въ удѣлъ» Галича и Дмитрова. Эти притязанія грозили подорвать въ самой основѣ то собраніе власти надъ городами и волостями великаго княженія, которое вело къ устраниенію мѣстныхъ княжескихъ силъ въ пользу непосредственнаго великокняжескаго управленія, хотя имъ, съ другой стороны, и создавались. Возникши при первыхъ же значительныхъ успѣхахъ этого собранія во времени Дмитрія Донскаго, притязанія эти едва ли были вполне удовлетворены тѣмъ поупризваніемъ, какое при немъ получило. Тѣмъ болѣе долженъ былъ за ново подняться вопросъ о составѣ владѣній Владиміра Андреевича, дѣятельнаго участника обороны московской области и великаго княженія, энергичной опоры власти вѣ сѣлы великаго князя: замкнуться въ обособленномъ вотчинномъ княжествѣ значило для него служить лишь орудіемъ чужой выгоды, при томъ—не единой великокняжеской власти, а членомъ родственной семьи, которая дѣлилась и передѣлялась не только наследственной вотчиной, но и новыми приобретеніями этой власти.

Всѣ эти дѣла и притязанія поднялись по смерти в. к. Дмитрія Ивановича въ связи съ вышозначеніемъ его предсмертнаго ряда. И эти домашніе раздоры становились все опаснѣе, ввиду напряженныхъ новгородскихъ, литовскихъ, татарскихъ отношеній великаго княженія.

Въ первый же годъ по смерти в. к. Дмитрія возникло размирье между Василиемъ Дмитріевичемъ и его серпуховскимъ дядей. Владиміръ Андреевичъ—скорѣ послѣ посаженія племянника на столъ великаго княженія—поднялся со всѣмъ дворомъ своимъ, уѣхалъ отъ великаго князя въ свой

и разсматривается уже какъ часть московской вотчины. Константинъ родился 16 мая 1389 года, а 19 мая скончался в. к. Дмитрій (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52 и 56). Смысла духовной в. к. Василия показываетъ, что Дмитрій успѣлъ дать рядъ о владѣніи младшаго сына въ грамотѣ, дополнительной къ его духовной; эта дополнительная грамотка не сохранилась, какъ потерявшая силу въ послѣдовавшихъ передрѣлахъ, раздорахъ и договорныхъ соглашенияхъ.

¹⁾ Топья и Устюжна упомянуты въ духовной в. к. Василия, какъ находившіеся въ рукахъ великаго князя въ моментъ составленія духовной („благословлю“).

Серпуховъ, а оттуда въ Торжокъ ¹⁾. Помирились князья на томъ, что в. к. Василій придалъ дядѣ къ его отчинѣ Волокъ и Ржеву ²⁾. Но это было только началомъ раздѣловъ и передѣловъ владѣніями, которые характерны для времени в. к. Василія Дмитріевича; эти раздѣлы и передѣлы нарушаютъ устойчивость обычнаго удѣльнаго владѣнія, все болѣе сдвигаютъ его со старой основы—отпочаснаго ряда, наследственности долей и общинно-правового уклада междукняжескихъ владѣльческихъ отношеній—на почву произвольныхъ, договорныхъ соглашеній, результатъ которыхъ оформляется какъ вельнокняжеское «пожалованіе въ удѣлъ» или «въ удѣлъ и въ вотчину» и какъ уступка требованіямъ той или иной изъ сторонъ, спорящихъ о волостяхъ, т. е. великаго князя и его «младшей братьи». Традиціонный порядокъ владѣнія по удѣламъ и самый территориальный составъ княжескихъ владѣній вступаютъ въ періодъ колебаній, въ которыхъ постепенно разлагается устойчивость удѣльно-вотчиннаго строя и традиціонныхъ владѣльческихъ поватій.

Договоръ 1390 года не покончилъ переговоровъ и соглашеній между в. к. Василіемъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ. Къ 1405 году относятся его пересмотры, при которыхъ великій князь обмѣнялъ Волокъ на Городецъ (вожскій), а Ржеву на Угличъ съ продажей нѣсколькихъ волостей ³⁾. Выдающаяся роль, какую играли Владиміръ Андреевичъ въ оборонѣ вели-

¹⁾ Посаженіе в. к. Василія совершилось во Владиміръ 15 августа 1389 года: по видному, Владиміру «за мало дней» прямо съ этого торжества потѣхалъ—съ сыномъ Иваномъ и старѣйшими боярами въ Серпуховъ и далѣе въ Торжокъ, близъ котораго—въ Теребенскомъ селѣ—прожилъ, пока на Крещеніе 1390 г. не «умиршася» князь.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 60; т. XV, ст. 444.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 121; С. Г. Г. и Д., т. I, № 35 (объ этомъ договорѣ см. выше, на стр. 330, примѣчаніе). Въ виду ненадежности владѣнія Ржевой, подвергнувшейся ятвскому захвату, договоръ предвидитъ возможность ея утраты и назначаетъ въ возмѣщеніе волости Яропачъ и Медуши, съ тѣмъ, что князья обязуются «съ одного» добиваться возврата Ржевы.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 88: «что ся есмь былъ отступилъ брату своему... Волока съ волостями, Ржевы съ волостями въ удѣлъ, и брать мой... отступилъ мѣ... и лѣзъ брату своему... и его дѣтемъ противу того отступилъ въ удѣлъ и въ вотчину противу Волока Городца съ волостями... а противу Ржевы... Углича», а въ придачу («въ тому»)—Козельскъ, Гоголь, Алексіанъ, «купаю Пересытову», Лисавъ. Уступка Волжскаго Городца съ волостями осложнена тѣмъ, что часть ихъ пожалована была ранее в. к. Василіемъ Кашинскому князю Ивану Ворисовичу—въ это пожалованіе князь Владиміръ и его дѣти не должны вступаться. Эта оговорка договорной грамоты создаетъ нѣкоторое затрудненіе: грамота утверждена по благословенію митр. Кирилъана, умершаго въ 1406 году, а хѣтписи только подъ 1408 г. упоминаютъ объ отъѣздѣ князя Ивана Борисовича съ Кашина къ в. к. Василію. Остается допустить, что князь Иванъ и ранее уже уходилъ въ Москву, напр. вмѣстѣ съ дядей Василіемъ Михайловичемъ въ 1403 и 1405 годахъ, что сдѣлало бы болѣе понятнымъ умолчаніе о немъ въ дѣтскихъ сообщеніяхъ о кашинскихъ дѣлахъ до 1408 года (см. выше, на стр. 216—217).

каго княжества и Москвы давала ему сугубую возможность предъявлять требование на расширение владѣній, а составъ семьи—пять сыновей—долженъ былъ возбуждать эту требовательность. Передъ кончиной (умеръ весной 1410 г.) князь Владиміръ далъ «рядъ сыномъ своимъ и книгнѣмъ своимъ», въ которомъ отразился сложный составъ его владѣній ¹⁾. Свою треть въ городѣ Москвѣ князь Владиміръ «приказалъ» всѣмъ пяти сыновьямъ въ поочередное, погодное пользование доходами, причѣмъ старшему Владиміровичу—Ивану «на старѣйшій путь» выдѣленъ рядъ статей дворцово-ваго хозяйства. Все, что князь Владиміръ считаетъ своей и сыновей своихъ отчиной, онъ дѣлитъ между пятью сыновьями (Серпуховъ, Боровскъ, Ярославъ, Радонежь, Перемышль), а затѣмъ указываетъ волости добавочнаго ихъ надѣленія изъ «князя великаго удѣла Василья Дмитріевича»: это Козельскъ, Городецъ на Волгѣ, Угличъ ²⁾.

Строй княжеской семьи и княжого владѣнія, въ остальномъ, по этой духовной грамотѣ, вполне традиционны. Во главѣ семьи—вдовствующая княгиня-мать, которая самостоятельно управляетъ своими пожалованными владѣніями—судомъ и данью; Владиміровичи владѣютъ своей отчиной по удѣламъ, передавая ихъ пожизненно вдовамъ и въ потомственное владѣніе сыновьямъ, но безъ права отчужденія и завѣщательнаго распоряженія выморочнымъ удѣломъ, который идетъ въ раздѣлъ поровну братьямъ. Раздоры между братьями-князьями улаживаются съѣздами ихъ бояръ и окончательнымъ рѣшеніемъ княгини-матери подъ опекой великаго князя, которому «приказаны» серпуховская княгиня и ея дѣти съ тѣмъ, чтобы онъ печаловался о нихъ и доправлялъ, что установитъ княгиня, блудя, чтобы отчинѣ ихъ было безъ убытка и ихъ удѣламъ.

Дробленіе владѣній князя Владиміра Андреевича между сыновьями оправдано относительную значительность его княжества и свело князей Владиміровичей на положеніе мелкихъ подручниковъ великаго князя ³⁾; моровое повѣтріе 1426—1427 ни одного изъ нихъ не пощадило, и послѣдній отпрыскъ серпуховскаго княжескаго дома Василій Ярославичъ высту-

¹⁾ С. Г. Г. в Д., т. I, № 40.

²⁾ Княгиня Иванъ получаетъ „изъ великаго князя удѣла“ Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, „куплю Лисинъ“ (? вѣроятно куплю Пересытову, Лисинъ); Семенъ-мъ Ярославъ „на поля“ Городецъ на Волгѣ. Относительно Углича, названнаго „на поляхъ“ Андрей и Василію не повторено указаніе на „удѣлъ великаго князя“, изъ чего предположенія, что онъ, какъ Козельскъ и Городецъ, можетъ быть „отоманъ“ (въ такомъ случаѣ предугадала замѣна ихъ другими волостями); однако построеніе грамоты заставляетъ признать особое положеніе Углича въ ряду владѣній Серпуховской княжеской семьи. И въ расчетъ данъ Городецъ и Угличъ на особомъ положеніи: дань съ нихъ не идетъ въ общую сумму 820 р. серпуховской дани, а съ Городада—160 р. въ составъ полуторатысячъ рублей „новгородскаго (Новгорода Нижняго) выхода“, съ Углича дань также идетъ въ особый счетъ.

³⁾ О нихъ—у Эжамлярскаго, т. II, стр. 305—311.

пасть болѣе значительной фигурой въ княжеской московской средѣ, но его владѣльческое положеніе уже захвачено отношеніями времени потрясшей всю эту среду смуты.

Однако, хотя строй владѣльческихъ отношеній, сформулированный въ духовной князя Владиміра Андреевича, не создаѣтъ никакой прочной и устойчивой организаціи Серпуховскаго княжества, онъ показателенъ и для сложившихся воззрѣній княжого права, и для условій даннаго историческаго момента. Передъ нами не удѣлъ Московской отчины, а особое вотчинное княжество, повторившее въ своемъ внутреннемъ строѣ отношенія того цѣлаго, изъ котораго оно само выдѣлилось. Владиміровичи владѣютъ своей отчиной по удѣламъ, на началахъ традиціоннаго семейно-вотчиннаго права и остаются объединенными въ семейную группу какъ семейно-владѣльческою связью и старѣйшинствомъ княгини-матери и старшаго брата, такъ и единствомъ внѣшней, политической связи съ великимъ княженіемъ. Но старѣйшинство серпуховскаго князя надъ братьями явно лишено какого-либо политическаго значенія, а стало быть и реальнаго вѣса, такъ какъ цѣлкомъ подчинено зависимостью всей группы мѣстныхъ князей отъ великокняжеской власти. Единственной чертой политико-административнаго объединенія этой группы и ея владѣній остается коллективная уплата дани на татарскій выходъ въ казну великаго князя: серпуховская великая княгиня и ея сыновья собираютъ дань, «коли выйдетъ дань великаго князя ко Орду», каждый со своего удѣла «по уроку», который точно изложенъ въ духовной грамотѣ, а затѣмъ всѣ вѣстѣи посылаютъ ее къ казнѣ великаго князя и сдаютъ ее общей суммой, назначая для этого по боярину съ каждаго удѣла. Въ этомъ порядкѣ—нѣтъ для Серпуховскаго княжества элемента сохраненія его финансовой силы: тутъ только своего рода круговая порука по исполненію великокняжескаго требованія «дани велинучей»¹⁾. Въ такихъ условіяхъ, когда серпуховское княжество утратило послѣднія черты политически-значительной единицы, сохраненіе его единства отъ окончательнаго вотчиннаго распада, а его князей отъ перехода въ положеніе служилыхъ подручниковъ, а затѣмъ и князятъ-землеуладѣльцевъ—становилось невозможнымъ, и только моровое повѣтріе исказило и прервало этотъ процессъ, перебитый рядомъ другихъ земельчавшихъ княжескихъ владѣній.

VII.

Пререканія князя Владиміра Андреевича съ племянникомъ, княземъ великимъ, о волостяхъ обусловлены его принадлежностью къ московской княжеской семьѣ и его дѣятельнымъ участіемъ въ борьбѣ за усиленіе велико-

¹⁾ Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и вонскія онамъ серпуховскихъ князей выступили въ походъ одними доломъ,—но и это лишь порядкомъ выполненія ратнаго долга передъ княземъ великимъ.

княжеского владѣльческаго — московскаго — центра. Двойственность его положенія, какъ князя на своей серпуховской вотчинѣ и какъ члена московской княжеской семьи, создавала противорѣчіе между условіями прочнаго вотчиннаго владѣнія обособленной волостью—княженіемъ Серпуховскимъ, и стремленіемъ использовать на свое усиліе участіе въ общемъ владѣніи землями Московскаго княжества, по удѣламъ-долямъ владѣнія изъ новыхъ пріобрѣтеній, осуществленныхъ общими усиліями ¹⁾). Последнее было тѣмъ болѣе соблазнительно, что между прямыми вотчинцами по Дмитрія Донскому пошли свои споры о волостяхъ, свои раздѣлы и передѣлы владѣніями, поставленные на очередь выдѣломъ «удѣла» для младшаго Дмитріевича, Константина ²⁾). Выдѣлъ этотъ вызвалъ рядъ мѣнъ волостями между братьями, мѣнъ по договорнымъ условіямъ и соглашеніямъ, которыя, не имѣя устойчивой опоры въ подробномъ отцовскомъ рядѣ, вносили начало произвола и «пожалованія» въ ихъ взаимныя владѣльческія отношенія.

На почвѣ этихъ проявленій «волоценья» между великимъ княземъ, его дядей и братьями сложились враждебныя отношенія между в. к. Василиемъ Дмитріевичемъ и его братьями — вторымъ, Юріемъ, и младшимъ, Кон-

¹⁾ Это противорѣчіе сказалось въ колебаніяхъ терминологіи грамотъ данного времени, которыя такъ противорѣчиво употребляютъ слово „удѣлъ“. Тѣ владѣнія, какія Владиміръ Андреевичъ получалъ отъ в. к. Василия, получены имъ „въ угль и въ вотчину“, но эти же владѣнія отъ дяди своихъ сыновьямъ „изъ удѣла великаго князя“: представленіе о двухъ вотчинахъ—московской и серпуховской, установленное во времена Дмитрія Донскаго, перекрещивается съ представленіемъ о возможности получить „удѣлъ“ не въ порядкѣ раздѣла наследственныхъ владѣній, а какъ надѣлъ, получаемый отъ великаго князя изъ новыхъ пріобрѣтеній великокняжеской власти. Но такой надѣлъ принимаетъ характеръ великокняжескаго „пожалованія“ и, тѣмъ самымъ, владѣнія прекарнаго, подвергнутаго возможности обігна, возврата, ибо по средневѣковому представленію о значеніи „пожалованія“ имъ не устраивалось вполне правовое (притязательное) отношеніе дарителя къ отчужденному въ порядкѣ пожалованія владѣнію; обычно князья выговаривали себѣ право обігна уступленныхъ волостей (С. Г. Г. и Д., т. I, № 41 и 42).

²⁾ Эти ихъ мѣны и передѣлы извѣстны намъ только по отрывочнымъ указаніямъ источникамъ. Попытку связать ихъ представилъ см. у С. М. Соловьева (кн. I, ст. 1131—1132). Константину составили удѣлъ изъ волостей Тощин и Устижины—по духовной отца изъ волостей в. к. Василия Васильевича; изъ уступокъ въ его пользу брата Петра, бездѣтнаго и рано умершаго—въ началѣ 1428 года—князя Дмитріевскаго удѣла, который отступился въ пользу Константина отъ Углича и отъ волостей, полученныхъ отъ Юрія галицкаго (Шачебала и Лявурговъ)—С. Г. Г. и Д., т. I, № 43; изъ Звенигородскихъ волостей, какія отдалъ ему кн. Юрій—тамъ же; Угличъ затѣмъ пошелъ въ обігнъ на Ржеву князю Владиміру Андреевичу, но по смерти князя Владиміра возвращенъ князю Константину (тамъ же, № 52: „удѣлъ дяди нашего князя Константина Дмитріевича Ржева и Угличъ“), такъ какъ часть „удѣла“ князя Владиміра Андреевича—„Угличъ съ волостями, Гордощъ съ волостями, Козельскъ съ мѣсто да Гоголь, да Олексинъ, да куши Пересвѣтovy, да Лясинъ“ не удержались въ рукахъ его потомства (тамъ же, № 71).

стантиномъ. До насъ дошелъ только одинъ договоръ в. к. Василія Дмитріевича съ братьями, притомъ только съ двумя — Андреемъ и Петромъ; показательна самая бессодержательность этого договора, который только утверждаетъ уговоръ князей «быти за одинъ и до живота» и взаимное «блюденье» владѣній другъ подъ другомъ, при чемъ, однако, въ немъ не участвуютъ братья Юрій и Константинъ. О тѣхъ же отношеніяхъ между братьями свидѣтельствуютъ три духовныя в. к. Василія Дмитріевича: въ первой великій князь «приказываетъ» княгиню свою и сына князямъ Владимиру Андреевичу и двумъ братьямъ—Андрею и Петру; во второй—тестю Витовту и братьямъ Андрею, Петру и Константину и серпуховскимъ князьямъ Владиміровичамъ; въ третьей—имъ же, но опять безъ Константина ¹⁾. Юрій являлся не названъ, и, видимо, находился въ гнѣвной оппозиціи къ старшему брату во все время его великаго княженія, хотя и ходилъ въ походы по его посылкамъ на Новгородъ и въ Двинскую землю, на волжскія Болгары. Ни летописные своды, ни иные какіе источники не даютъ указаній на причины раздора между братьями; нѣтъ и договоровъ между ними. Обычно историки связывали съ этими чертами ихъ отношеній ту особенность духовныхъ грамотъ в. к. Василія Дмитріевича, что въ первой и въ третьей онъ лишь условно благословляетъ сына великаго княженіемъ: «а дастъ Богъ сыну моему великое княженіе».... Правда, у насъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы Юрій выдвигалъ свои притязанія на великое княженіе уже при жизни Василія Дмитріевича; но въ пользу предположенія, что князь Юрій, по меньшей мѣрѣ, не хотѣлъ допустить подвига своего имени подъ именемъ племянника и признать старшаго великокняжескаго сына старшимъ себѣ братомъ, княземъ великимъ, говоритъ аналогія съ поведеніемъ младшаго Дмитріевича Константина, который въ 1419 году вошелъ въ размырье съ в. к. Василемъ и отъѣзжалъ отъ него въ Новгородъ Великій въ за того, что великій князь его «воскопѣ подписаи подъ сына своего Василья» ²⁾. Предположеніе, что сходные мотивы руководили и княземъ Юріемъ въ его отношеніяхъ къ брату, князю великому, быть можетъ, подтверждается и отсутствіемъ между ними договоровъ, гдѣ соотвѣтственная формула была бы неизбѣжна ³⁾.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 37, 39, 41 и 42.

²⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 261; т. IV, стр. 119 («привести въ цѣлованіе подъ своего сына князя Василья, и онъ не хота быти подъ своимъ братанцемъ»); т. XI, стр. 237. В. к. Василій за то отнялъ у брата вѣчину и подвергъ опакъ его бояръ (ихъ «поиманиемъ» и отнятиемъ «селя и животомъ»). Черезъ годъ князя померялися, что отразилось на 2-й духовной в. к. Василія.

³⁾ Протестъ князя Константина—младшаго дяди—не могъ вытекать изъ какихъ либо претензій на великое княженіе. Дѣло сводилось, надо полагать, къ вопросу о семейномъ положеніи, вопросъ почета, если не допустить солидарности Константина съ Юріемъ. Ихъ отношенія довольно не обычны, судя по договорной грамотѣ в. к. Василія Темнаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ: Юрій уступилъ Константину часть Зве-

Разладъ между княземъ Юріемъ и в. к. Василіемъ Дмитриевичемъ, во всякомъ случаѣ, сложили по мотивамъ, тѣмъ простой споръ о волостяхъ. Его выступленіе, по смерти старшаго брата, противъ племянника, Василя Васильевича не было неожиданнымъ: оно явилось только завершеміемъ тѣхъ притязаній и отношеній, какія сложились равнѣе. Поэтому, надо признати, что намъ въ точности неизвѣстно, когда и въ какой формѣ былъ впервые поставленъ вопросъ о сравнительномъ правѣ дяди и племянника на старшійшинство въ семьѣ московскихъ князей. Съ вопросомъ этимъ связано въ нашей исторической литературѣ представленіе о смѣнѣ стараго «родового» порядка наслѣдованія въ княжеской власти «новымъ», вотчиннымъ, отъ отца къ сыну, съ исключеніемъ боковыхъ линій. Однако, нельзя упускать изъ виду, что вотчинное наслѣдованіе, само по себѣ, старинное, исконное явленіе княжого права, но касалось оно—вотчинныхъ княженій, возникавшихъ въ переходѣ княжества отъ отца къ сыновьямъ путемъ потомственнаго владѣнія общей отчиной и дѣдной по удѣламъ и ея распаду въ смѣнѣ дальнѣйшихъ поколѣній. Съ этимъ вотчиннымъ наслѣдованіемъ не слѣдуетъ, однако, смѣшивать преемства въ старшійшинствѣ среди цѣлой группы князей-братьевъ и родичей; это послѣднее было явленіемъ не владѣльческаго, а семейнаго права и въ княжеской средѣ явилось носителемъ тенденцій и интересовъ политическаго характера. Рядъ попытокъ свести и это преемство, при связѣ великокняжескаго старшійшинства съ опредѣленнымъ столомъ княженія, къ вотчинному наслѣдованію въ кругѣ одной отцовской семьи наблюдаемъ надрезе—съ выдѣла Полоцкой отчины для «Роговоличихъ звуковъ», а еще ярче въ борьбѣ старшей линіи Мономашичей за вотчинное право на «золотой столъ Кіевскій» и связанное съ нимъ старшійшинство во всей братѣ, князьяхъ русскихъ. То, что не удалось Мономашичамъ на югѣ, осуществили на сѣверѣ московскіе Даниловичи. Они создали себѣ кѣлку отчину вокругъ своего потчиннаго города, добились великаго княженія Владимірскаго и всяя Руси, стали во главѣ Велико-россія, утвердили свое господство надъ Великимъ Новгородомъ, приняли подъ свое великокняжеское главенство въ Тверь, и Рязань, и Нлжвій Новгородъ, сохраняя втеченіи трехъ поколѣній великокняжеское преемство въ своей семьѣ. По составу этой семьи, вопросъ о взаимоотношеніи въ ея средѣ между дядей и племянникомъ возникъ лишь однажды—при Дмитріи Донскомъ, когда Владиміръ Андреевичъ призналъ двоюроднаго племянника старшимъ себѣ братомъ; но и тутъ еще не было ничего «новаго», а только явнѣйшій примѣръ отдаленія отъ старшійшинства боковой линіи, оцѣшенъ на своей обособленной вотчинѣ.

Вягородскихъ волостей, во давъ съ нихъ Констанція вносить въ казну Юрія; эти отношенія сходны съ обмычными отношеніями между великимъ и удѣльнымъ княземъ и могли создать нѣкоторую связь владѣльческихъ интересовъ между князьми-братьями.

На иной, подлинно «новой» почвѣ возникаютъ притязанія князя Юрія Дмитриевича, и разгорается затяжная смута въ московской семьѣ наследниковъ Дмитрія Донского. Эта иная почва создана тою новостью, какую находимъ въ духовной грамотѣ в. к. Дмитрія Ивановича: применениемъ вотчиннаго начала къ великому княженію и его территории. Дмитрій «благословилъ» сыновей Владимірскихъ великимъ княженіемъ, Галичемъ, Белоозеромъ, Угличемъ. Эти владѣнія стоятъ еще особо отъ Московской вотчины, какъ в Переяславѣ, в Костромѣ, которые впервые появляются особыми вотчинными единицами въ духовной Василія Темнаго, хотя еще Донской распоряжался переяславскими и костромскими волостями въ своемъ «рядѣ» дѣтямъ. Кромѣ того, крупный шагъ къ закрѣпленію связи великокняжеской власти съ вотчиннымъ владѣніемъ и наследованіемъ сдѣланъ в. к. Дмитриемъ въ созданіи великокняжескаго удѣла, какъ особаго владѣнія среди московской вотчины, которое не подлежитъ ни въ какомъ случаѣ раздѣлу между братьями, а цѣлкомъ переходитъ къ тому изъ нихъ, кто станетъ великимъ княземъ.

В. к. Дмитрій Ивановичъ выгнѣлъ изъ своего «рядѣ» въ виду только своихъ сыновей, ближайшее поколѣніе московскихъ вотчинцевъ. Но его духовная неизбѣжно должна была, въ дальнѣйшемъ, возбудить новую проблему. Ея примѣненіе ясно и просто при бездѣтной смерти старшаго сына; но какъ быть при наличности у него сына-отчича? что возьметъ верхъ—вотчинность или старшество? Такъ установленіе новой черты московскаго княжого права—неустранимой связи между великимъ княженіемъ и московско-коломненскими владѣніями, которые стали «удѣломъ князя великаго», вело къ тѣсному сплетенію и сліянію преемства въ великокняжеской власти и вотчиннаго наследованія по «ряду» отца, великаго князя. А за этой новостью княжого права стоялъ реальный фактъ великорусской политической дѣятельности, что Москва, а не Владиміръ подлинный центръ великаго княженія всей Руси.

Такое значеніе Москвы, созданное ея политико-стратегическимъ вѣсомъ и ролью резиденціи великихъ князей и митрополитовъ всей Руси, сложилось со временемъ Калиты, а при Дмитріи Донскомъ опредѣлилось и окрѣпло. Съ этой поры великое княженіе безъ Москвы неосуществимо и немислимо, въ ней его реальная ограда и организующій его силы центръ. А Москва—семейная вотчина Даниловичей, точнѣе—Дмитриевичей Донского. Владѣніе ея подчинено традиционнымъ семейно-вотчиннымъ порядкамъ. По смерти отца во главѣ семьи вдовствующая княгиня-мать, Москва и ея ставы въ совладѣніи братьевъ-отчичей, московскія волости въ ихъ долевомъ владѣніи по удѣламъ, съ перспективной вотчиннаго распада и съ весьма условнымъ объединеніемъ воинскихъ силъ и финансовыхъ средствъ всего княжества. Такой строй внутреннѣхъ отношеній дѣлалъ Московское княжество надежной опорой для великокняжеской политики, а положеніе великаго

князя, руководителя всей политической жизни Великокороссии—внутренне противоречивымъ и житейски фальшивымъ. Это глубокое несоответствие строя княжого владѣнія политическимъ задачамъ великокняжеской власти—основная причина острого кризиса, который назрѣваетъ въ дни Василия Дмитриевича, разражается бурной смутой при Василии Темномъ и находитъ разрѣшеніе послѣ новыхъ столкновений въ нѣдрахъ княжеской семьи при Иванѣ III ликвидацией удѣльно-вотчиннаго строя.

Борьба князя Юрія Дмитриевича съ Василіемъ Темнымъ—это борьба за Москву. Великое княженіе стало изъ Владимірскаго Московскимъ. Это борьба за старѣйшинство въ московской княжеской семьѣ, отъ котораго неотдѣлима великокняжеская власть. Въ ней съ новой силой вскрылась необходимость перестройки всего уклада семейно-вотчинныхъ отношеній на новыхъ, политическихъ началахъ великокняжескаго властвованія, если только вѣковой строительной работѣ московскихъ государей суждено было избѣжать крушенія. Слѣзіе великаго княжества съ московской отчиной въ единое Московское государство—вотчину государя великаго князя, и превращеніе московской княжеской семьи въ «царствующій домъ», династію московскихъ государей—съ соответственной перестройкой ея внутреннихъ отношеній, таковы результаты кризиса, пережитаго между княжескими отношеніями при Василии Темномъ и Иванѣ III. Историческій процессъ велъ московскихъ Даниловичей къ этимъ двумъ результатамъ втеченіи второй половины XIV-го вѣка и въ XV столѣтіи, а смута при в. к. Василии Васильевичѣ рѣзко вскрыла его зрѣлость и ускорила его завершеніе.

Эта смута зародилась въ отношеніяхъ времени Василия Дмитриевича и разразилась тотчасъ по его смерти¹⁾. В. к. Василій благословилъ передъ кончиной въ свое мѣсто десятилѣтняго сына Василия; опекуномъ юнаго князя оказался митр. Фотій съ боярами. И началась борьба, нѣкоторые моменты которой требуютъ особаго вниманія. Въ ту же ночь, когда скончался в. к. Василій Дмитриевичъ, митр. Фотій послалъ въ Звенигородъ за княземъ Юріемъ, но тотъ удался въ Галичъ и сталъ собирать всю свою ратную силу. Московскіе правители отвѣтили также быстрымъ сборомъ войска и выступленіемъ противъ Юрія, который отступилъ къ Нижнему²⁾.

¹⁾ „Преставился князь великій Василей Дмитриевичъ и по немъ сяде сынь его князь великій Василей въ спорѣ съ дядею своимъ съ княземъ Юрьемъ“—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 225.

²⁾ Софіискія I и II лѣтописи (П. С. Р. Л., т. V, стр. 263 и VI, стр. 143) упоминаютъ о послахъ подъ Нижній на Юрія князя Андрея Дмитриевича, который „братъ князя Юрия не дошедъ до воротъ изъ“ (Карамзинъ читалъ въ какаго-то лѣтописца замѣчаніе, что князь Андрей вернулся, „ворова“ брату—И. Г. Р., т. V, прим. 257); другіе своды (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92; т. XVIII, стр. 167; т. XII, стр. 2) даютъ рассказъ, гдѣ этотъ походъ приписанъ князю Константину, а отступленіе объясняется тѣмъ, что Юрій ушелъ за р. Суру и нельзя было перейти къ нему за рѣку. Вероятно

До битвы дѣло не дошло; заключено перемирие и начались переговоры. За в. к. Василия стали, кромѣ московскаго правительства съ митр. Фотіемъ и в. к. Софьей во главѣ, его дяди Андрей, Петръ и Константинъ и «всѣ князи и бояре земли его»; прибѣгли и къ в. к. Витовту, которому покойнымъ великимъ княземъ завѣщано было «печаляваніе» о сынѣ, его внука. По общему соявту ¹⁾ митр. Фотій сдѣлалъ попытку добиться соглашения, но князь Юрій не хотѣлъ мира, а настаивалъ на перемиріи, и только подъ карой митрополитскаго неблагоговѣнія согласился прислать въ Москву своихъ бояръ для дальнѣйшихъ переговоровъ. И то состоялось лишь соглашеніе что «князю Юрію не искати княженія великаго собою, но царемъ; котораго царь помалуесть, той будетъ князь великій Владимірскій и Новгороду Великому и всей Руснѣ».

Такъ повѣствуютъ наши лѣтописные своды. Но они опускаютъ рядъ данныхъ, которые объяснили бы дальнѣйшій ходъ событій. Повидимому, на этотъ разъ дѣло обошлось безъ обращенія къ ханской власти ²⁾. Юрій не рѣшился на борьбу, ввиду, главнымъ образомъ, той литовской поддержки, какаѣ—при посредничествѣ в. к. Софьи Витовтовны и митр. Фотія—стояла за в. к. Василиемъ. О значеніи этой поддержки свидѣльствуютъ подвѣненіе въ эту пору великорусской великокняжеской полѣтныи литовскому вѣннику и новый взрывъ борьбы за великое княженіе тотчасъ по смерти Витовта и переходѣ власти на Литвѣ къ Свидрагайлу, своему князю Юрія Дмитріевича.

Внуку пришлось не дешево заплатить за «печаляваніе» дѣда. Пользуясь своимъ перевѣсомъ надъ Москвою, Витовтъ сдѣлалъ попытку возобновить наступленіе на Псковъ и на Новгородъ; въ 1426 г. онъ нападаетъ на Псковскую землю и принуждаетъ псковичей кинуть жеръ уламотъ крупныхъ сумъ. Призывы о помощи, обращенные псковичами къ Новгороду и в. к. Василию, остались втуне. Въ 1428 г. Витовтъ идетъ на Новгородскія волости

завѣна имени Андрея именемъ Константина, чѣмъ обратво, и устраненіе въ позднѣйшей редакціи мотива „поворовки“.

¹⁾ Лѣтописный рассказъ указываетъ на съѣздъ князей и бояръ и обсужденіе дѣяствій: великій князь „обосла же ся тогда и съ братомъ своимъ и дѣдомъ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, и съ вѣтми князи и бояры земля своя думаша послати къ князю Юрью отца своего Фотія митрополита“ о мирѣ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92).

²⁾ Въ нашихъ источникахъ нѣтъ указаній на обращеніе къ хану въ эту пору: но въ рассказѣ о поведѣншихъ пререканіяхъ въ Ордѣ передъ ханомъ приведены такіе аргументы боярина Всеволожскаго: в. к. Василій далъ великое княженіе своему сыну по „жалованію вольнаго царя“, и потому ищетъ своего права по „дару жалованію“—по „днатуремъ и ярлыкомъ“, прѣчемъ боярине и представилъ ярлыкъ („а се твое жалованіе передъ тобою“); если этотъ рассказъ признанъ точнымъ, то в. к. Василій обезпечилъ заранѣе утвержденіе своей духовной ханскимъ ярлыкомъ. Напомнимъ, что его духовная была и Витовту предъанаена.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 96. Посаженіе Василия на столъ великаго княженія ханскимъ посломъ произошло только 5 октября 1482 года.

и принуждает новгородцев просить мира «по старинѣ» съ уплатой крупной контрибуціи. Безсиліе западныхъ окранныхъ Великороссіи передъ литовскимъ напоромъ сказывается въ ихъ разрознности; Новгородъ не рѣшился помочь псковичамъ, ограничился безплоднымъ дипломатическимъ представтельствомъ; Псковъ заключаетъ съ Витовтомъ миръ, «а безъ Новгорода», и принимаетъ обязательство не помогать Новгороду. За ними не было великокняжеской силы. В. к. Василій посмалъ къ Витовту посла съ протестомъ противъ разоренія своей отчины, дагъ псковичамъ князя по ихъ челолюбію, но активно не смогъ за нихъ вступиться, а «дѣду своему князю Витовту и крестъ цѣлова, что ему не помогати по Новгородѣ, ни по Псковѣ»⁴⁾.

За то московскія великокняжескія силы оставались свободными для давленія на князя Юрія. Только въ мартѣ 1428 года удалось привести его къ докончанію на всей волѣ великаго князя. Но договоръ, тогда заключенный, ликвидируетъ едва ли только мѣропріятія, принятія въ 1425 году, въ тѣ первые моменты ромирія, о которыхъ только и повѣствуютъ наши лѣтописные своды. Великокняжескіе намѣстники и волостели, поселскіе и тиуны и повдѣе «вѣдали» отчину князя Юрія и села его бояръ, пона князь Юрій не согласился на договоръ, которымъ призналъ в. к. Василія братомъ себѣ старѣйшимъ, обязался не вступаться въ московскія и коломнскія его владѣнія, въ Нижній Новгородъ и Муромъ и во все великое княженіе ни подѣ нимъ, ни подѣ его дѣтьми⁵⁾.

Однако, и этотъ договоръ дагъ только перемеріе, хотъ и устанавливалъ обязательство князей быть «ведѣтѣ за однихъ и до своего живота». Онъ заключенъ черезъ мѣсяць послѣ кончины князя Петра Дмитріевича, бездѣтнаго дмитровскаго князя; а этой смертью созданъ еще новый поводъ для раздоровъ между князьями—изъ за судьбы выморочнаго Дмитровскаго княжества: въ договорѣ в. к. Василія съ дядей Юріемъ нѣтъ упоминанія о Дмитровѣ, хотъ этотъ вопросъ долженъ былъ стать очереднымъ въ моментѣ

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 203—205; т. V, стр. 25—28 (Псковская лѣтопись поясняетъ, что в. к. Василій уклонился отъ внимательства въ защиту Пскова, ибо «быше ему тогда брать велика съ княземъ Юріемъ, стрѣмѣмъ своимъ, о великомъ княженіи, но обаче о всемъ томъ небрегъ, вретеса»); т. VIII, стр. 94; Новг. I, стр. 413.

⁵⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 43. Въ договоръ внесена и гарантія отъ покушенія Юрія на владѣнія младшихъ его братьевъ и серпуховскихъ князей. Отказъ его отъ притязанія къ великому князю - племяннику полнаго и потомственный («того ти всего подѣ нами бжести, а не обидѣти, ни вступатися, ни подѣ нашими дѣтьми»). Въ остальномъ договоръ обычнаго, но князь Юрій выговорилъ себѣ право все-таки не равняться съ малолѣтнимъ «братомъ старѣйшимъ»: если великій князь самъ выстукаетъ въ походъ, князь Юрій только смышеетъ съ нимъ послыаать; а смышеетъ этихъ, какъ и младшихъ дядей, великій князь вышеетъ право посмалъ въ походъ, причѣмъ Юрій отираляетъ съ ними своихъ бояръ и ратныхъ людей. Договоръ датированъ 11 марта 6936 года.

ихъ докончания; изъ дальнѣйшаго видно, что Дмитровымъ овладѣлъ великій князь и, притомъ, безъ раздѣла дмитровскихъ волостей съ дядями.

Договоръ 1428 года устанавливалъ лишь временный и худой миръ. Выѣшнее равновѣсіе продолжалось года два. А 1430—1431 годъ принесъ два много-значительныхъ событія: смерть Вяткова—въ октябрѣ 1430 года и митр. Фотія—въ іюлѣ 1431 г. Въ Москвѣ же стало авторитетнаго руководителя великокняжескаго правительства, а на Лятовѣ власть перешла къ своему князю Юрію—Свидригайлу. Юрій Дмитріевичъ тотчасъ «розверже миръ» съ великимъ княземъ и отослалъ въ Москву свой противень договорной грамоты 1428 г. вмѣстѣ со складной грамотой¹⁾. «Спершись о великомъ княженіи», князь рѣшилъ, по прежнему соглашенію, итти въ Орду на ханскій судъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ дѣла наложенъ въ напикъ глѣтописныхъ сводахъ сбивчиво и противорѣчиво въ сокращеніи и вводкѣ болѣе обстоятельныхъ первоисточниковъ, такъ что восстановить послѣдовательность событій и ихъ характеръ съ достаточной увѣренностью трудно.

Большой интересъ представляетъ изложеніе аргументовъ, какими князь поддерживалъ свои притязанія. По глѣтописному разсказу, князь Юрій обосновывалъ ихъ «глѣтописцами и старыми словесами и духовною отца своего, великаго князя Дмитрія». Главный его аргументъ—ссылка на «мертвую грамоту отца» показывать, что добывалъ онъ не только стѣла великаго княженія, но и московско-коломенскаго удѣла, какъ великокняжескаго, стало быть отрицалъ утрату статей духовной грамоты Донского о томъ, что этотъ удѣлъ долженъ перейти, по смерти старшаго Дмитріевича Василія, къ слѣдующему брату, всякаго значенія, разъ у Василія Дмитріевича нѣтъ сына—вотчичъ этому удѣлу. Аргументъ этотъ вытекалъ естественно изъ окрѣпшей связи между московско-коломенскими владѣніями и властью великаго князя, но рѣзко противорѣчалъ вотчинной традиціи²⁾; даже среди лицъ, бывавшихъ ко князю Юрью, проявилось, затѣмъ, сомнѣніе въ законности подобнаго притязанія и возникла попытка разрѣшать вопросъ отдѣленіемъ Москвы отъ Коломенскаго удѣла съ признаніемъ вотчинныхъ правъ Василія Васильевича на этотъ послѣдній и сохраненіемъ за Москвою исключительно значенія резиденціи великаго князя.

Въ этомъ скрещеніи вотчиннаго права съ преемствомъ на великомъ княженіи была слабая сторона домогательствъ Юрія. Представитель малолѣтняго великаго князя, бояринъ И. Д. Всеволожскій противопоставилъ имъ права Василія Васильевича «по отчеству и по дѣдству», а поддержалъ свою

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I. № 44, съ надписью на оборотѣ: «а сю грамоту князю великому прислалъ (съ) складною вмѣстѣ князь Юрій къ Орду иду».

²⁾ Противорѣчіе того же характера возникло и по поводу духовной в. к. Симеона Ивановича, при осуществленіи которой удѣлъ старшаго сына, князя великаго, ушелъ бы изъ рукъ носителя великокняжеской власти. Избѣжать такихъ послѣдствій и было цѣлью «ряда» Дмитрія Донского.

аргументацию ссылкой на ханское пожалование, обезпеченное за сыновей еще в. к. Василием Дмитриевичем, и его политическую надежность в отличие от Юрия, «побратима» литовскому Свидригайлу. Осложненный борьбой между влиятельными ордынскими вельможами, споры князей затонули и не получили сразу того определенного решения, какое дают ему некоторые из летописных сводов. Съ осени 1431 года и до следующего лета держали русских князей в Орде, пока в июле 1432 года хан не отпустил их «на свои отчины», причём «придал» к владениям князя Юрия Дмитровъ со всеми волостями, т. е. весь Дмитровский удель¹⁾. Вопрос о великом княжении остался открытым²⁾, по крайней мере—формально, и только через три месяца ханский посол водворил Василия Васильевича на стоге великого княжения.

Утвердившись на великом княжении, Василий Васильевич вернул себя Дмитровъ³⁾. Борьба началась за ново, вооруженной рукой. Князь Юрий быстрым наступлением словил собранное на спех ополчение в. к. Василия, вынудил его к бегству в Тверь, а оттуда в Кострому, тут захватил его и принял его челобитье. И Юрий съез великим князем на Москву, но Коломенский удель вернул племяннику, по совету своего ближнего боярина Семена Морозова. Это имело сразу характерное последствие: бояре и вольные слуги московского великокняжеского двора «начаша отказыватися от князя Юрия Дмитриевича за великого князя Василия Васильевича и поведоша съ Москвы на Коломну безпрестанно»⁴⁾. Князь Юрий потерпел крушение на попытке отделить неотъемлемое: великокняжескую власть от ее владельческой базы, съ которой тѣсно связана организа-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 266: только Псковская первая летопись даёт точную дату выезда князей из Орды: «на Рождество Ивана Предтечи»—24 июня 1432 года; прибыл Василий на Москву на Петровъ день, 29 июля.

²⁾ Тамъ же: «а князья не взяли оба». В Воскресенской летописи (т. VIII, стр. 96) текст интерполированъ: въ отсутствіи князя Тегина, покровителя Юрия, ханъ рѣшалъ дѣло въ пользу в. к. Василия и по возвращеніи Тегина изъ Крыма стоялъ на томъ же и даже «повелъ князю Юрию новъ повести» подъ Василиемъ; но Тегинъ воспротивился, а ханъ «убояся того сътворити, по Тегининому слову, да придалъ князю Юрию къ его отчинѣ Дмитровъ съ влостями всеми, и отпусти царя ихъ на свои отчины, и приде князь великъ на Москву на Петровъ день, а съ нимъ посолье Мансыръ-Усанъ царевичъ, тотъ его посадилъ на великое княженіе, а князь Юрий въ Звенигородъ, а оттодъ къ Дмитровъ». Подчеркнуты слова—ставка, ср. П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 172, гдѣ текст первоначальный, безъ этихъ словъ. Посаженье Василия ханскимъ посломъ на великое княженіе состоялось только 5 октября 1432 г. (индикта 10—П. С. Р. Л., т. V, стр. 148; Львовская—т. XX, ч. I, стр. 238 «поправляетъ» на индикта 8-го, что дадо бы 1430 г.). Прогрессъ Тегина касался не только обряда, но всего дѣла по существу.

³⁾ «Намѣстниковъ Дмитровскихъ сослать, князюхъ Юрьевыхъ, а Дмитровъ за себя взять»—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 148.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XII, стр. 18.

ціонный центръ этой власти—московскій великокняжескій дворъ. Его сыновья сразу поняли, что при такомъ положении все потеряно, убили Морозова и покинули отца. Юрію осталось признать, что «великое княжение ему непрочно» и мириться съ племянникомъ. По новому договору князь Юрій обязался имѣть Василя «собѣ братомъ старѣйшимъ» и держать его «въ старѣйшинствѣ»; отрекся отъ притязаній на великое княжение, и на всѣ владѣнія племянника, а также на всю Дмитровскую отчину брата Петра, обязуясь выдать и ярлыкъ, полученный имъ на Дмитровъ отъ тана; отказывался впредь отъ сношеній съ Ордой, хотя и выговорилъ себѣ право не участвовать въ походахъ противъ Литвы ¹⁾.

Договоръ этотъ былъ заключенъ Юріемъ въ гнѣвѣ на покинувшихъ его сыновей: онъ принялъ обязательство—не принимать къ себѣ «и до своего живота» Василя Косого и Дмитрія Шемяку. Эти Юрьевичи засѣли въ Костромѣ, и попытка великокняжеской рати выгнать ихъ оттуда кончилась ея поражениемъ, причемъ оказалось, что въ бою противъ в. к. Василя участвовали полки Юрія Дмитриевича съ его воеводами. Борьба поднялась съ новымъ ожесточениемъ, и в. к. Василий, вторично разбитый въ Ростовской области, вынужденъ бѣжать въ Новгородъ Великій, а оттуда пробылъ въ Нижній. Юрій опять водворился въ Москву. На этотъ разъ сына Василя казалась вовсе сломленной, и младшіе князья сѣбѣшати перейти на сторону побѣдителя. Можайскіе Андреевичи—Иванъ и Михаилъ ²⁾—спога

¹⁾ С. Г. Г. в Д., т. I, № 49—50. Выбравъ съ тѣмъ князь Юрій выговорилъ себѣ особое положеніе: братъ Константинъ долженъ его признавать «братомъ старѣйшимъ», а можайскіе Андреевичи и Василий Ярославичъ серпуховской дадеи; къ великому князю Юрій не обязавъ являться по зову («и къ тобѣ ми не ѣздити») и сохранять право не выступать въ походы, а только посматрѣть съ великимъ княземъ сына, какъ было и въ договорѣ 1428 г. Князь Юрій получилъ «въ вотчину и въ удѣлъ» рядъ волостей («что ми ся нынѣча отступилъ») — въ томъ числѣ Възнецкій Веркъ съ правомъ поступить по своему усмотрѣнію съ тѣми великокняжескими пожалованіями на села и слободы, какія тутъ были розданы в. к. Василиемъ навъ его отцомъ.

²⁾ Князь Андрей Дмитриевичъ умеръ въ іюлѣ 1432 года, раздѣливъ свое княжество на Можайскій и Верейскій удѣлы между сыновьями Иваномъ и Михаиломъ. Ихъ договоръ съ в. к. Василиемъ Васильевичемъ (С. Г. Г. в Д., т. I, № 46), какъ «братъ младшей», заключенъ послѣ смерти князя Константина Дмитриевича (который тутъ не названъ, а послѣдній разъ упоминается въ исх. д. 1482 г.—самомъ началѣ 1488 г., въ связи съ отъѣдомъ Н. Д. Всеволожскаго—П. С. Р. Л., т. XII, стр. 17). Отсутствіе имени Константина мѣшаетъ принять датировку А. В. Экземплярскаго—до октября 1432 г. (т. II, стр. 322). Статьи этого договора: «а дасѣ, господино, тобѣ Богъ, великому князю, достати своеѣ вотчины великаго князенья, на съ ти пожаловати, какъ еси реклъ, изъ великаго князенья по пригожу» — выдѣляетъ характерную черту всей смуты временъ Василя Темнаго, когда потрясеніе сложившихся владѣльческихъ отношеній открывало широкія перспективы «примыслать» путемъ вынужденныхъ надѣловъ «изъ великаго князенья» въ оплату помощи и крестоцѣловальной вѣрности, и позволяетъ отнести договоръ ко времени колумен-

признали великокняжескую власть Юрия ¹⁾, как призналъ ее и рязанскій князь Иванъ Федоровичъ ²⁾; младшіе Юрьевичи—оба Дмитрія пресгдуютъ вналоженнаго великаго князя, которому казалось, остается только бѣжать въ Орду.

Но весь успѣхъ его враговъ рухнулъ съ неожиданной смертью Юрія Дмитриевича. На Святой недѣлѣ 1434 года сдались Москва Юрію, а 5 июня отъ скоропостижно умеръ ³⁾. Старшій сынъ его, Василій Шемьяка занялъ было столъ великаго княженія, но братья не признали его, а поспѣшили помириться съ в. к. Василіемъ. И Василій Васильевичъ, которому «не бысть ниткуду помощи», слова сызъ «на своей отчннѣ, на великомъ княженн Московскомъ» ⁴⁾. По договору съ Дмитріемъ Шемьякой в. к. Василій утверждаетъ за собой не только московско-коломенскія владѣнія и все великое княженіе, но и Дмитровскій удѣлъ и Звенигородскій удѣлъ князя Василія Юрьевича, что князь великій «взялъ собѣ»; Шемьяка, за ново подѣлившійся Галицкой вотчиной съ младшимъ братомъ Дмитріемъ, получаетъ сверхъ Галича, Рузы и Вышгорода отъ великаго князя «въ удѣлъ и въ вотчину»

скаго сидѣнія в. к. Василія (нѣсколько ранѣе заключенъ его договоръ съ серпуховскимъ отчичемъ Василіемъ Ярославичемъ, гдѣ названъ и князь Константинъ, С. Г. Г. и Д., т. I, № 45). Однако, къ тому же моменту приходится отнести и договоръ могайскихъ князей съ в. к. Юріемъ Дмитриевичемъ, гдѣ они принимаютъ обязательство сложить цѣлованье къ Василію Васильевичу и быть на него за одинъ съ в. к. Юріемъ, не «качивать» съ нимъ и не смсаться помню Юрія: въ этомъ договорѣ в. к. Юрій называетъ своими владѣніями—вотчину свою Москву, все великое княженіе, Звенигородъ, Галичь и Дмитровъ («что мя Богъ пожаловавъ и царь»), а Коломна, очевидно, отдана Василію. Вероятно, что этотъ послѣдній договоръ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 47) заключенъ раньше перехода могайскихъ князей на сторону Василія, т. е. раньше, чѣмъ опредѣлилось положеніе дѣлъ, стубившее первое великокняжеское выступленіе Юрія; оговорка въ концѣ договора: «а сего намъ цѣлованья промежи себе не сложити, а правити» свидѣтельствуетъ о неувѣренности, что положеніе прочно.

¹⁾ «чтобы нмѣи отчннѣ не потерять, а матка бы не скиталася по чужей отчннѣ», посылалъ Иванъ Андреевичъ в. к. Василію, увѣряя его: «гдѣ ян буду, а есмь твой человекъ».—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 98.

²⁾ Въ договоръ съ в. к. Юріемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 48) признаетъ вотчину Юрія и его сыновей Москву и Коломну со всѣмъ, что къ нимъ потагло; отпускаясь отъ хрестоцѣлованія и сношеній съ Василіемъ, рязанскій князь обязуется не принимать его въ свою вотчину, ни его бояръ, которые ему служатъ. Договоръ упоминаетъ о рязанской рати, которая ходила на Юрія съ в. к. Василіемъ и участвовала въ разореніи Галича.

³⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 266; т. XV, ст. 490 (смерть Юрія 4-го июня); т. VIII, стр. 98. Духовная Юрія Дмитриевича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 51) относится не къ 1434 г., а къ 1432, пока онъ владѣлъ Дмитровскимъ удѣломъ брата Петра (такъ у Соловьева, Ист. Россіи, кн. I, ст. 1058, примѣчаніе; ср. Карамзина, И. Г. Р., т. V, ст. 154).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 266; т. VIII, стр. 98 («сѣде на великомъ княженн на Москвѣ»).

Ржеву и Угличъ, бывшій удѣлъ дяди Константина, но отступается отъ Вятки ¹⁾; Дмитрій Юрьевичъ младшій получилъ Бѣжецкій Верхъ ²⁾. Помирися в. к. Василій и съ Василіемъ Юрьевичемъ, послѣ военныхъ дѣйствій 1435 года; весной этого года состоялось ихъ докончаніе. Великій князь не возвратилъ Василію Юрьевичу его Звенигородскаго удѣла, не возстановилъ его въ удѣльномъ владѣніи Галицкой отчиной, а пожаловалъ въ удѣлъ и въ вотчину Дмитровъ съ волостями ³⁾. Но Василій только мѣсяць усидѣлъ въ Дмитровѣ. Новое его выступленіе показываеьт, что главная его обода въ устраненіи отъ галицкихъ вотчинныхъ владѣній. Захвативъ Кострому и послалъ отсюда «рошетными грамоты» великому князю, Василію Юрьевичъ идетъ на Галичь, собираетъ ратную силу, въ томъ составѣ—вятчанъ и хворъ галицкаго князя Дмитрія Юрьевича. Изъ Галича Василій идетъ на Устюгъ, гдѣ встрѣтилъ серьезное сопротивление и покаралъ за то устюжанъ жестокими карами ⁴⁾. Это выступленіе Василія Юрьевича навлекло подозрѣніе великаго князя и на Шемяку, который оторванъ на заточеніе въ Коложну, а самъ в. к. идетъ на Василія Юрьевича съ его братомъ, Дмитріемъ младшимъ, и можайскимъ княземъ Иваномъ; значительной поддержкой оказалась литовская помощь—приходъ къ в. к. Василію дружкаго князя Ивана Бабы. Съ этой помощью Василій Юрьевичъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Его бурная политическая карьера тѣмъ и кончилась; осѣбленный по приказу в. к. Василія, онъ дожилъ до 1448 г. въ активной жизни ⁵⁾.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 52 и 53—оба протавія договорной грамоты сшиты вмѣстѣ и скрѣплены печатами обонхъ князей; тутъ же второй ихъ экземпляръ (№№ 54 и 55), также сшиты и за печатами. Надатели С. Г. Г. и Д. полагаюьт, что первыя двѣ грамоты писаны подъ Нижнимъ, а по водвореніи в. к. Василія въ Москвѣ понадобилось «утвержденіе» договора (примѣчаніе на стр. 107). Но и договоръ 13 июня 1436 года („а писано на Москвѣ мѣсяца Іуліа въ 13, въ лѣто 6944. Іюдикта 14) состоятъ изъ четырехъ документовъ (№№ 56 и 57, 58 и 59), сшитыхъ по два противна, каждая пара за печатами. Повидямому въ данномъ случаѣ каждая изъ договаривавшихся сторонъ получила по экземпляру своего договора съ противнемъ, такъ что въ стнхъ 8 документахъ—только два договорныхъ акта.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 99; С. Г. Г. и Д., т. I, № 60 („Въащичемъ Верхомъ, что ся былъ есмь отступилъ вашему отцу князю Юрью Дмитревичю“).

³⁾ А. А. Э., т. I, № 29. Одна изъ договаривавшихся сторонъ—в. к. Василій и оба Дмитрія Юрьевича, другая Василій Юрьевичъ; эти братья его остаются въ томъ положеніи, какое опредѣлено ихъ „докончанальной грамотой“ съ великимъ княземъ какъ охъ ихъ „принялъ“ на мѣсто ихъ отца (въ грамотѣ явная описка или ошибка изданія: „въ отца вашего мѣсто“, вм. вашего); только въ Москвѣ получаетъ Василій долю по духовной Дмитрія Донскаго, а галицкая вотчина остается за его братьями, какъ и все, чѣмъ ихъ великій князь пожаловалъ.

⁴⁾ „отоялъ подъ Устюгомъ 9 ведѣвъ и городъ взялъ, а воеводу великаго князя Глѣба Оболенскаго убиаъ, а десятника владичья Іева Будатова повѣсилъ, и много устюжанъ съиалъ и вѣшалъ“, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 99.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 100 и 121; Архангелогородскій лѣтописецъ даетъ дату осѣбленія Василія Темнаго—21 мая 1436 г., изд. 1819 г., стр. 147.

Этими событиями закончился первый акт московской смуты. Бурно смятъ овъ, искавизъ и перепуталъ всѣ налаженные обычнымъ порядкомъ отношенія. Рушился семейный строй московскаго князю дожа передъ новой перспективой выдѣла одного изъ удѣловъ московской отчины въ обособленную вотчину ганзичихъ князей. На мѣсто общеправовыхъ владѣльческихъ отношеній стали захватъ, опредѣленіе владѣній по «пожалованіямъ» и «докончаніямъ», жестокая борьба, въ которой нарастаютъ черты крайняго ожесточенія, предательства и насилія. Эти черты—показательны. Имъ предстоитъ дальнѣйшее нарастаніе и развитіе. Въ нихъ—психическій отзвукъ предсмертныхъ судорогъ разлагавшагося, изжитого строя.

VII.

Сломивъ Василія Косого, смиривъ Шемяку, в. к. Василій Васильевичъ могъ считать смуту исчерпанной. Прошло нѣсколько лѣтъ до ея новаго взрыва. Но тогда она поднялась съ сугубой силой и накопившимся раздраженіемъ, глубже захватила мелкихъ князей Великороссіи, а разыгралась въ болѣе сложной обстановкѣ—въ нее замѣшаны и татары, и Тверь, и Великій Новгородъ.

Смута привела въ разстройство дѣла великаго княженія. Съ Москвою перестали считаться. Правда, рязанскій великій князь не уклонился отъ ратной помощи Василію Васильевичу противъ Юрія, но и овъ призналъ Юрія великимъ княземъ при вторичномъ захватѣ Москвы. Внутренняя разруха грозила вовсе подорвать значеніе Москвы, какъ великокняжескаго центра, тѣмъ болѣе, что и послѣдніе годы Василія Дмитріевича укрѣпили ея зависимость отъ мощнаго литовскаго вліянія, и опека дѣда Витовта надъ москвитяемъ вѣкомъ углубляла смыслъ этой зависимости: виднѣхъ и. к. Василія Васильевича съ митр. Фотіемъ вмѣстѣ съ великими князьями тверскимъ и рязанскимъ при дворѣ Витовта въ Трокахъ на знаменитомъ «коронаціонномъ» съѣздѣ 1430 года. Тверской великій князь состоялъ притомъ съ 1427 года съ Витовтомъ въ договорѣ, которымъ признавалъ себя «при его сторонѣ» съ обязательствомъ «послать ему на всякаго, не выиная, и эти литовскіи связи Твери оказались настолько прочными, что, какъ выше было упомянуто, в. к. Борисъ возобновилъ съ Казиміромъ Ягеллончикомъ въ 1449 г. договоръ о подчиненномъ одиначествѣ, а в. к. Василію пришлось—въ томъ же году—признать тверскихъ князей состоящими «въ сторонѣ» литовскаго великаго князя¹⁾.

При такихъ условіяхъ не мудрено, что и вопросъ о замѣщеніи митрополія послѣ кончавы Фотія не могъ быть разрѣшенъ по волѣ великорусскаго великаго князя. Новый литовскій великій князь Свидригайло отправилъ въ Константинополь на поставленіе въ митрополиты смоленскаго епископа Ге-

¹⁾ А. З. Р., т. I, №№ 50 и 51.

раси́ма, который и был поставлен на митрополию всея Руси¹⁾. Московские правители не пытались послать в Константинополь своего «нареченного» кандидата—Иону рязанского²⁾, хотя Герасимъ на Москвѣ и не появлялся³⁾: онъ, видимо, ожидая победы Юрія Дмитриевича, которая ему доставила бы осуществление правъ на митрополию всея Руси. Перепетии московской смуты, съгнѣвъ смерть Юрія разбила эту перспективу, а глѣтокъ 1435 г. Герасимъ погибъ жертвой гнѣва Свидригайла за какую то «низкую». Теперь в. к. Василій отправлялъ Иону на патриаршее поставленіе, но въ Константинополѣ богѣ широкія и важныя цѣли—проекты унии—привели къ посвященію на русскую митрополию грека Исидора. Митрополию не уда-

¹⁾ Попытку В. Е. Голубинскаго (Ист. Русс. церкви, т. II, ч. I, стр. 416—418) обосновать мнѣніе, что Герасимъ былъ поставленъ лишь въ митрополиты Литовскіе нельзя признать убедительною. Свидѣтельства лѣтописей—псковской и новгородской (П. С. Р. Л., т. V, стр. 27 и т. III, стр. 238) и житія новгородскаго архіепископа Евфимія («Памятники Старинной Русской Литературы», выд. IV) не опровергаются соображеніями Голубинскаго, при многозначительномъ молчаніи московскихъ источниковъ. Ср. осторожную замѣтку Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 20): «въ Новгородѣ во Великомъ нареченный владыка Еуеимій иде ставитися въ митрополиту Герасиму въ Смоленскѣ мѣсяца Маія въ 26 день; тогда бо по преставленіи Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Русіи, не бысть на Москвѣ митрополита». 26 мая день поставленія Герасима, а выхажъ онъ изъ Новгорода, когда тамъ находился в. к. Василій (Новг. I, стр. 415).

²⁾ Утвержденіе житія св. Ионы («Пам. Ст. Р. Лиг.», в. IV, ст. 29), что онъ «древле нареченъ бысть въ митрополию Рускую и благословеніе патриарха пражъ принесено ему о семъ, еще живу сущу митрополитскому архіепископу» (т. а. Фотію), справедливо отвергнуто Голубинскимъ (указ. соч., стр. 414); не подтверждается оно и духовной Ионы («Библиогр. Лѣтопись», III). Но не лучше обстоятъ дѣла съ заявленіемъ грамоты в. к. Василія къ имп. Константину Палеологу (не посланной) объ избраніи Ионы по смерти Фотія «отъ того же тогдашняго времени» по соглашенію съ «литовскія земля господаремъ» (Р. И. Б., т. VI, № 71). Единственнымъ опредѣленнымъ указаніемъ, что Иона въ 1433 г. былъ нареченъ въ митрополиты, служатъ его грамота въ Нижегородскій Печерскій монастырь отъ 11 марта 8941 года («благословеніе Ионы епископа, нареченнаго въ святѣйшую митрополию рускую»...—тамъ же, № 61). Лѣтописные своды объ этомъ не упоминаютъ, а говорить лишь о похвѣдѣ Ионы въ Царьградъ, и то мимоходомъ, не въ ряду слонихъ извѣстій (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 162; т. VIII, стр. 122 и 149), похвѣдѣ, которая состоялась послѣ трагической гибели Герасима (сожженъ Свидригайломъ въ іюль 1435 года); объ этой похвѣдѣ въ грамотахъ в. к. Василія къ патр. Митрофану (Р. И. Б., т. VI, № 62, ст. 529) и къ имп. Константину (тамъ же, № 71, стр. 578—579). Иона прибылъ уже послѣ поставленія на русскую митрополию Исидора, точная дата котораго неизвѣстна (въ Москву Исидоръ прибылъ 2 апрѣля 1437 года); в. к. Василій упоминаетъ въ грамотѣ къ императору, что Ионъ обѣщана была митрополія послѣ Исидора, но не смѣшается ни на какое болѣе ранѣе патриаршее благословеніе.

³⁾ Герасимъ, по словамъ Псковской II лѣтописи, «на Москву того ради не поѣхъ, князи великіи заратншася между собою»: возобновленіе усобицы князей Юрія и Василія учтено какъ размеръ в. к. Василія съ Свидригайломъ.

лось вернуть въ составъ великорусскихъ политическихъ силъ, пока извѣженіе Исадора, разрывъ съ Константинополемъ и рѣшительная ея націоналізація не вывели русскую церковь на новый историческій путь.

Великій Новгородъ держался осторожно и уклончиво передъ московскою княжескою смутой ¹⁾. В. к. Василій нашелъ у него убѣжище, когда вынужденъ бѣжать отъ дяди Юрія; новгородцы пережили моментъ острой тревоги, выступали ополченіемъ, но буря ихъ не захватила. Вскорѣ появился у нихъ другой гость—Василій Косой, искавшій средствъ для новой борьбы, и уходя грабежомъ новгородскихъ волостей отплатилъ за отказъ въ поддержкѣ. Зимой 1436 года, когда в. к. Василій вновь утвердился на столѣ своемъ, Великій Новгородъ вступаетъ съ нимъ въ соглашеніе на томъ, что великій князь вернетъ Новгороду «новгородскую отчину»—всѣ великокняжескіе захваты прежняго времени—Бѣжецкій Верхъ и земли на Волокѣ Ламскомъ и на Вологдѣ и пришлетъ на условенный срокъ своихъ бояръ «на разводъ земли», а новгородскіе бояре вернутъ ему доходныя статьи, надавна спорныя «князьщаны». Но кончивъ съ Василіемъ Косымъ, великій князь не выполнялъ «развода, не учинилъ «исправы» и «отчины новгородской ни гдѣ новгородцамъ не отвелъ». Требования его возросли, обѣщанныя уступки сокращены, и новгородцамъ пришлось выдать ему въ 1437 году черныи боръ «на новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ» ²⁾. Развитіе политической самостоятельности Великаго Новгорода все болѣе подрывало новгородскія «пошлины» великаго князя, и настоянія великокняжеской власти «пошлины не тапты, по цѣлованью» переходили въ попытки возстановленія фактически утраченныхъ или періодически не осуществлявшихся правъ; эти настоянія, съ одной стороны, и непрерывныя столкновения изъ за волостей, которыя великими князьями захвачены изъ «новгородской отчины» въ свое прямое распоряженіе, съ другой, создавали неизбѣжный поводъ для новыхъ и новыхъ вспышекъ «розырья». Въ 1441 году в. к. Василій подвергъ новгородскія волости большому разоренію, несмотря на встрѣчныя дѣйствія новгородскихъ воеводъ съ заволочанями, причеиъ двинулъ на нихъ и псковичей и тверскую рать. Новгородъ вынужденъ добить ему челомъ о мирѣ съ уплатой 8.000 рублей и обязательствомъ возстановить «по старинѣ» великокняжескіе

¹⁾ Самостоятельность вѣщаній отвошеній Великаго Новгорода въ эту пору характеризуется его договоромъ съ в. к. Свидрагайломъ латовскимъ (С. П. Г. и Д., т. I и въ изданіи А. А. Шахматова № 19). Въ 1436 году новгородцы вступаютъ въ договоръ съ Сигизмундомъ Кейстутевичемъ—Новг. I, стр. 417; въ 1440-хъ г.г. съ Казиміромъ—А. З. Р. т. I, № 39.

²⁾ Новг. I, стр. 415—417. Грамота на черныи боръ, данная великокняжескою бояршину князю Юрию Патрикьевичу отъ всего Великаго Новгорода на вѣчъ на Ярославѣ дворѣ—у Карамзина, т. V, прим. 283.

оброки и пошлины¹⁾. Давняя и коренная неустойчивость этих отношений великокняжеской власти дала Шемяку повод к попытке использовать новгородское недовольство для новой смуты. О такой попытке летописи сохранили только краткое и неполное упоминание. Надо полагать, что какими то действиями Шемяка во время новгородского размирия вызван поход на него в. к. Василья, состоявшийся тотчас по заключении мира с Новгородом. Шемяка бѣжалъ въ Новгородскую область и обратился въ Новгородъ съ предложениемъ, чтобы новгородцы приняли его къ себѣ на княженіе на всей своей волѣ. Умолчавый отвѣтъ заставилъ Шемяку добить челомъ великому князю черезъ тронцаго игумена Знонѣя²⁾. Тогдашнѣ къ новому взрыву смуты послужили не новгородскія, а татарскія дѣла. Все глубже сплетаются сложныя трудности вышшняго положенія великокняжеской власти съ неустойчивымъ равновѣсіемъ внутренняго строя Великороссіи.

Золотая Орда, острѣвшая было при Мамаѣ, Тохтамышѣ, Едигеѣ, снова пошла по пути распада. Значительные обломки татарской силы организуются особо, и этотъ процессъ, ослаблявшій вѣкового врага Руси, вынуждъ, на первый порохъ, тѣмъ влияніе на ея судьбы, что приблизилъ непосредственную татарскую опасность: орды, выдѣлявшіяся изъ Кипчакскаго царства, предвигаются въ поискахъ новаго центра къ предѣламъ Русской земли. Осенью 1438 года ханъ Кичи Махметъ вынуждъ изъ Золотой Орды брата Узу Махмета, в тотъ засѣлъ въ Бѣлевѣ. Ища протекціи, поддержки и безопасности, Узу Махметъ «начать даватися во всю волю русскимъ княземъ», обѣщая, если овладѣетъ царствомъ въ Золотой Ордѣ, «стеречь земли русскоя», а «по выходы не посылати, ни по иное по что». Но в. к. Васильи послалъ на него двухъ князей Дмитріевъ Юрьевичей, чтобы выбрать его

¹⁾ Новг. I, стр. 420; т. V, стр. 29—30; т. XV, ст. 491. С. М. Соловьевъ („Ист. Россіи“, т. I, ст. 1087) отвѣтъ къ этому моменту договоръ в. к. Василья съ Новгородомъ—А. И., т. I, № 258, который въ паданіи помеченъ 1434 г. Датировка Соловьева отвѣчаетъ содержанію договора, такъ какъ условія 1434 г. въ немъ не отражены. Но въ основанія искать причину новгородскаго размирия въ новомъ столкновеніи великаго князя съ Шемякомъ, какъ дѣлаетъ Соловьевъ, поправляя для этого, предположительно, летописную хронологию.

²⁾ Новг. I, стр. 421; отвѣтъ новгородцевъ: „хощь, княже, и ты къ намъ пойдѣ, а не вѣзшошь, нио какъ тобѣ нрбо“ (Никонская явно передѣлала тотъ же текстъ на „а мы тобѣ ради“—П. С. Р. Л., т. XII, стр. 42). Соловьевъ (тамъ же) отвѣтъ къ этому моменту договоръ в. к. Василья съ Дмитріемъ Шемякомъ в Красномъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 80), опираясь на слова договорной грамоты: „такъ же и нмече што будете взяли на Москѣ вышшнимъ приходомъ у мене и у моеи матери... и што будетъ у васъ и намъ то отдати“ (см. Соловьева, тамъ же, ст. 1061); но слова эти относятся ко вѣзтому „на Москѣ“, когда Юрьевичи ее съ отцомъ занимали (ср. то же условіе въ грамотахъ № 58—59); къ тому же, вътѣ поводѣ предполагать участіе въ дѣйствіяхъ Шемяки Дмитрія Краснаго, котораго, по летописямъ, въ ту пору уже не было въ живыхъ (умеръ 22 сентября 1441 года).

въ русскихъ предѣловъ. Однако, дѣло кончилось поражениемъ русской рати, и Улу Махметъ засѣлъ въ Нижнемъ Новгородѣ старомъ, гдѣ продержался до осени 1445 года. Въ нижегородскомъ «меньшому городѣ» затворились были воеводы великаго князя, но, въ концѣ концовъ, голодовка заставила ихъ сжечь городъ и уйти къ Москвѣ. Улу Махметъ дѣлаетъ въ захваченнаго укрѣпленія набѣги на Русь, подъ самую Москву, сжигаетъ Коломну, нападаетъ на Муромъ ¹⁾. Въ тѣже годы на Рязанскую землю приходилъ царевичъ Мустафа и расположился на зимовку въ Рязани; в. к. послалъ на него рать, усиленную пѣшими рязанскими ополчениемъ, рязанскими казаками и отрядами мордвы; татары побиты; погибъ и Мустафа ²⁾.

Эта тяга къ русскимъ предѣламъ отбросовъ татарской силы, видно—немалочисленныхъ и крѣпкихъ боевой годностью, стала источникомъ новаго явленія, чреватаго не маловажными послѣдствіями. Въ составѣ боевыхъ силъ великаго князя появляются служилые татарскіе царевичи и ордынскіе князья съ отрядами своихъ слугъ и вонновъ. Уже въ 1445 году в. к. Василій посылаетъ въ походъ на литовскіе города двухъ царевичей; упоминается, въ ту же пору, служилый царевичъ Бердыдадъ ³⁾. Улу-Махметъ, вытѣснивъ воеводу изъ нижегородскаго городка, послалъ сыновей Манутая и Якуба на в. к. Василія. Шемяка не пошелъ на помощь, Бердыдадъ не поспѣлъ къ бою, и великій князь разбитъ у Спасъ-Ефиміева монастыря и поваръ въ плѣнъ съ верейскимъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ и многими боярами ⁴⁾.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, что произошло затѣмъ между ханомъ и его плѣнникомъ. Наши лѣтописи—однѣ, видимо, воздерживаются отъ изложенія условій ихъ докончанія, другія—упоминаютъ про огромный выкупъ, будто въ 200 тысячъ рублей, и добавляют: «а ное Богъ вѣсть, да они» ⁵⁾. Улу-Махметъ отсутствовалъ в. к. Василія въ дѣла на крайне тяжелыхъ условіяхъ; в. к. Василій освобожденъ съ княземъ Михаиломъ и всѣми боярами, но пошелъ съ нимъ на Русь и многіе татарскіе князья со многими своими людьми.

По Руси пошли фантастическіе слухи, использованные Шемякой, чтобы запугать князя Ивана Можайскаго, будто Василій Васильевичъ «ко царю пѣловалъ крѣсть, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градѣхъ русскихъ, а самъ хочетъ сѣсти во Твери». И поадиѣ виновна в. к. Василія: «чему

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 107, 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 111; т. XII, стр. 61—62.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XII, стр. 63, 65; т. VIII, стр. 112.

⁴⁾ Т. VIII, стр. 112—113.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 114 («что дати ему съ себя окупъ, сколько можетъ»); т. XII, стр. 66 (тоже); т. V, стр. 268; т. XV, ст. 492 (пріѣхали съ великимъ княземъ татары «данн имати великія», великому князю «съ себя окупъ давати татаромъ»); Новг. I, стр. 427.

еси татаръ привезъ на Русскую землю, и города дажь еси нить, волости подавалъ еси въ кормленіе? а татаръ любишь и рѣчь нѣ паче мѣры, а крестьянъ томнѣши паче мѣры безъ милости, а золото и серебро и мѣднѣе даешь татаромъ?»¹⁾ Въ дни большой бѣды—ослѣпления и изгнанія—виднѣтъ въ ряду преданныхъ сторовниковъ в. к. Василія двухъ сыновей Улу Махмета—Касима, по прозванію Трегуба, и Якуба, которые пришли со своею силой «искати великаго князя за пражнее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его до нихъ было»²⁾. Какое же «добро» связало татарскія царевичей съ вѣрною службой великому князю? Въ ту пору Улу Махметъ, послѣ соглашенія съ в. к. Василіемъ и его отпуща, пошелъ на Казань, городокъ князька Азы-Азбека, взявъ его, но убить сыномъ Мамутекомъ, основателемъ Казанскаго царства А братья Мамутека—Касимъ и Явубъ—служать «со всею силою» в. к. Василію на всякаго недруга, и, прежде всего, противъ вогаель и казанскіхъ татаръ. Однако, мы ничего не знаемъ объ ихъ «кормленіи за службу», конечно, не случайно, какъ не случайно молчать наши источники о времени возникновенія Касимовскаго царства. Только договоръ Ивана III съ рязанскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ сообщаетъ, что в. к. Василій Васильевичъ «кончалъ» съ царевичемъ Касимомъ за себя и за рязанскаго князя объ ихъ положеніи, какъ владѣльцевъ Мещерской земли³⁾.

Въ этомъ кругѣ отношеній и фактовъ—реальная основа раздраженныхъ нападковъ на в. к. Василія за его пристрастіе къ татарамъ, новопорѣ въ оборонѣ страны и власти великаго князя; для впечатлѣнія, какое произвели на Руси эти татарскія связи Василія, показательно намѣренное замалчиванье ихъ фактическѣхъ деталей въ нашихъ хѣтописныхъ сводахъ, пройденныхъ позднѣйшею редакторскою рукою.

В. к. Василій вернулся изъ плѣна, окруженный татарами и обремененный тяжкимъ долгомъ, отъ котораго настала крестьянству великая тягость. А по вѣстанію о его плѣненіи Москва пережила острую панику; ждали прихода татаръ, великія княгини бѣжали въ Ростовъ, бояре стали покидать городъ, черные люди подавали бунтъ противъ малодушія покладившихъ столицу, укрѣпляли городъ, готовились къ осадѣ. Татары подъ Москву не пошли, а поднялся Шемяка, котораго особый посолъ Улу Махмета извѣсталь о пораженіи и плѣнѣ в. к. Василія. Однако, соглашеніе великаго князя съ татарами предупредило, на первыхъ порахъ, захватъ Шемякой Москвы и великаго княженія. Василій Васильевичъ вернулся—17 ноября 1445 года—на свой столъ великаго княженія, но не на долго. Удручающее впечатлѣніе его возврата съ татарскою силой и татарскими обязательствами создало

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 115; т. IV, стр. 125.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 120.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 115.

настроение, которое едва его не сгубило. Шемяка привлёк на свою сторону Можайского князя Ивана, обезпечил себя согласием тверского великого князя Бориса, снесся с враждебно настроенными москвичами—из московских бояръ, купцовъ и монаховъ и—въ февралѣ 1446 г.—захватилъ наѣдомъ великого князя въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ на богомольѣ, велѣлъ его осадить и сослалъ въ Угличъ, а в. к. Софью Витовтовну въ Чухлому¹⁾.

Новая «бѣда зла», поразившая в. к. Василия, грозила полнымъ круше-
ніемъ великорусской великокняжеской власти. «Побѣдителей», опынен-
ныхъ быстрыми и легкими успѣхами, обуяло стремленіе къ раздѣлу
между собой великого княжества на крупныя самостоятельныя владѣнія.
Можайскій князь Иванъ Андреевичъ, который и раньше переходилъ на
сторону Шемяки, но поклянулъ его за пожалованіе Суздальемъ²⁾, опять
вернулся къ Дмитрію Шемякѣ, обезпечивъ закрѣпленіе за собой Суздаля³⁾.
Но это вызвало рѣшительный протестъ суздальскихъ отчичей, князей Василия
и Федора Юрьевичей, которые добились договора о возстановленіи въ нихъ
обладанія суздальской «прадѣданы, дѣдныи и отчныи»—Суздаля, Нов-
города-Намняго, Городца и Вятки⁴⁾. Тверской великій князь Борисъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 113—117. Есть неразрѣшное затрудненіе въ хроно-
логіи этихъ событій. Лѣтописные своды излагаютъ ихъ то подъ 6958, то подъ 6954 г.;
во такихъ датахъ, какъ «юля 6, во вторникъ» для прихода в. к. Василия къ Суздалью;
7 июля въ среду для его плѣненія и т. д. (т. VIII, стр. 112—118) определенно уста-
навливаютъ 1445 годъ, а февраля 12, въ субботу, 1446 г. Москва взята Шемякой,
14 февраля на мясопустной недѣлѣ плѣненный великій князь привезенъ въ Москву
(тамъ же, стр. 115—117). Однако, какъ согласовать съ этимъ дату договора между
в. к. Василиемъ и княземъ можайскимъ Иваномъ—17 июля 1445 года? Соловьевъ («Ист.
Россіи», кн. I, ст. 1066) рѣшилъ, что договорная грамота написана въ плѣну и за
брата Ивана «дѣйствовала» Михаилъ Андреевичъ. Однако, крайне трудно допустить,
чтобы черезъ десять дней послѣ плѣненія князя въ плѣну завязались таковыя дого-
воромъ и притомъ въ отсутствіи главнаго лица. Я предпочелъ бы поправку съ
«июля» на «июня».

²⁾ П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 151. Бояже равнѣй договоръ С. Г. Г. и Д., т. I,
№ 61 обозначивалъ Ивану и Михаилу Андреевичамъ сверхъ ихъ отцовскаго бла-
гословенія—Можайска (съ отъѣзжими мѣстами Роцей и Калугой) и Бѣлоозера и
гарантии, что Можайско-верейская вотчина останется за отчичемъ, если другого
«Богъ отойметъ»,—великокняжеское «пожалованіе»: Ивану Козельскъ съ волостями
и волости Серенскъ; Людимскъ, Жороши, Вырку, куплю Пересвѣтову, Алексинъ,
Лисинъ, Свѣблово (т. е. въ основѣ владѣнія, которыя ранее предоставлены были
«изъ удѣла великаго князя» серпуховскому князю Владиміру Андреевичу в кото-
рыхъ онъ благословлялъ своего старшаго сына—тамъ же, № 40), а Михаилу—только
сложеніе на годъ «выхода» съ его вотчины.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 62.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 62. Время заключенія этого договора вызываетъ са-
мые въ силу оговорки, что захваченному людемъ князей Юрьевичей въ вели-
комъ княжествѣ «дѣръ по та мѣста, како же дастъ ти (Дмитрію Шемякѣ) Богъ, вс-

Александровичъ еще ранѣе использовалъ московскую смуту для нападеній на новгородскія волости ¹⁾.

Но всѣ наиболѣе значительныя общественныя силы великаго княжества, какъ и въ первую утрату Москвы в. к. Василиемъ, поднялись на новаго захватчика. Бояре и служилые князя попытались укрыть отъ Шемьки дѣтей Василия, но Дмитрій Юрьевичъ заставилъ епископа Іону, нареченнаго митрополита, привести ихъ изъ Муромъ, куда ихъ увезли бояре, на Москву, и нарушилъ обѣщаніе дать имъ съ отцомъ свободу и «отчину довольну», а послалъ къ отцу въ заточеніе въ Угличъ. Этими онъ только усилилъ броженіе, направленное противъ его власти. Сторонники в. к. Василия собирались за литовскимъ рубежомъ вокругъ серпуховскаго князя Василия Ярославича и князя Семена Оболенскаго ²⁾, къ нимъ сбѣгали съ Москвы и Федоръ Басенокъ; князья Рязановскіе, Стрига-Оболенскій и другіе—собирали силу идти къ Угличу на службу своему князю; весь дворъ его потянулся прочь отъ Шемьки. Настойчивыя протесты Іоны и волненіе московской служилой среды заставили Шемьку выпустить Василия Васильевича изъ

литъ достати своей отчиной великаго княжества», тѣмъ боже, что Шемька не титулуется «княземъ великимъ» (а только «господиномъ нашимъ княземъ») и титулъ этотъ сохраненъ за Василиемъ Васильевичемъ. Но на печати надписи: «печатъ великаго князя Дмитрія Юрьевича», и на оборотѣ грамоты: «грамота докончальная великаго князя Дмитрія Юрьевича съ братьемъ со княземъ Василиемъ да со княземъ Федоромъ Юрьевичемъ». Карамзинъ поясняетъ, что «сія грамота была писана еще прежде, нежели Шемька овладѣлъ всѣмъ Московскимъ княжествомъ» («И. Г. Р.», т. V, прим. 337); оговорка о срокѣ «дети», дѣйствительно, указываетъ на продолженіе борьбы. С. М. Соловьевъ («Ист. Россіи», кн. I, ст. 1073) полагаетъ, что договоръ заключенъ, «когда Шемька снова лишился Москвы», но въ текстѣ грамоты нѣтъ указанія, чтобы Шемька не владѣлъ Москвою въ моментъ ея писанія, хотя общій строй ея и заставляетъ отнести ее скорѣе ко времени возобновленія борьбы Шемьки съ в. к. Юриемъ.—Суздальскіе Юрьевичи, звуки Кирдяимъ, едва-ли «внѣшляли въ Суздаль, нечуждство въ кнѣзь отишеніяхъ къ Московскимъ князьямъ», какъ предпологаетъ С. М. Соловьевъ. Родословныя считаютъ ихъ отцомъ князя Юрія Васильевича, первыиъ княземъ Шуйскимъ (Экземплярскій, т. II, стр. 438). Раставрація ихъ «отчины» предпологалась радикальная—съ уничтоженіемъ всего княжескаго и боярскаго землевладѣнія, какое великокняжескіе служилые князья и бояре приобрѣли куплей и суздальскихъ князей, у бояръ и монастырей въ суздальскихъ, нижегородскихъ и городецкихъ волостяхъ или какое имъ «подавали въ куплю» великій князь, давая имъ «грамоты куплема»: «иже тѣ всѣ купли не въ куплю, пишутъ въ грамотѣ Суздальскіе отичи, а тѣ всѣ волости и села намъ по старинѣ и нашимъ бояромъ».

¹⁾ Новг. I, стр. 425 и 427. Ко времени послѣ 1445 г. надо отнести его договоръ о мирѣ съ Новгородомъ—С. Г. Г. и Д., т. I и въ издачіи А. А. Шахматова, № 18.

²⁾ В. к. литовскій Казиміръ далъ, по словамъ нашихъ летописей, князю Василью «въ отчину» Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславъ и «иные, многіи мѣста»—Ц. С. Р. Л., т. VIII, стр. 117.

углицкаго заключенія ¹⁾ и дать ему «въ вотчину» Вологду, конечно, укрѣпить его «крестнымъ цѣлованіемъ и проклятыя грамотами» ²⁾. Но великій князь, получавъ свободу, отправился подъ видомъ богомолья въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ игуменъ Трифонъ разрѣшилъ его отъ вынужденнаго крестнаго цѣлованія, и отсюда ушелъ въ Тверь къ Борису Александровичу, союзъ съ которымъ закрѣпилъ обрученіемъ семилѣтняго сына Ивана съ пятнадцатилѣтней тверской княжной Марьей Борзовою. Освобожденіе великаго князя дало толчекъ общему движенію его сторонниковъ. Москва занята безъ боя, в. к. Василій двинулся на Шемяку и можайскаго князя «со многою силою» отъ тверской границы, вѣзъ за Литовскаго рубежа пришли слуги Василія Ярославича, а съ ними соединились и татарскіе царевичи. Дмитрію Шемякѣ пришлось уйти въ свой Галичъ и просить мира ³⁾. Но и это примиреніе не внесло успокоенія, не помогли крестное цѣлованіе и «проклятыя грамоты». Дмитрій Шемяка дѣлаетъ—въ ближайшія годы—рядъ попытокъ возобновить борьбу, попытокъ безсильныхъ, но тревожныхъ, которыя вызывали вспышки суетливой и безплодной усобицы, направленной, со стороны великаго князя, на то, чтобы до конца смирять Шемяку и покончить съ его покушеніями возбудить противъ великокняжеской власти всѣ возможные элементы недовольства и опереть ихъ на связи съ вѣнскими ея врагами. Рядъ татарскихъ набѣговъ, тревожившихъ Великороссію въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, обусловленъ, въ значительной мѣрѣ, не только тѣмъ, что, какъ въ старину, княжна «котора» облегчала «поганымъ» возможность «нести розно Русскую землю», но и прямыми сношеніями Шемяки съ Казанью. Шемяка призывалъ, въ то же время, другихъ князей, Великій Новгородъ, вятчанъ, а также бояръ и слугъ великокняжескихъ на свою сторону, во имя освобожденія Москвы отъ господства въ ней татаръ, пріятелей в. к. Василія ⁴⁾.

¹⁾ Шемяка самъ отправился для этого въ Угличъ съ епископами, архимандритами и игуменами, «князя и прощаяся»—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 119; т. XXIII, стр. 158. Эта демонстрація со стороны духовенства должна была не мало содѣйствовать подъему настроенія въ пользу в. к. Василія.

²⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 209; Воскресенская и Николовская лѣтописи (т. VIII, стр. 110; т. XII, стр. 71) выпускаютъ отроки объ «укрѣвленіи» и о поступкѣ Кирилло-Бѣлозерскаго игумена.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 117—121 («крестъ на томъ цѣловалъ и грамоты проклятыя на себя далъ»).

⁴⁾ Посланіе ко князю Дмитрію Юрьевичу отъ всего освященнаго собора—А. Н. т. I, № 40. Весьма характерно, что это посланіе, повторяя доводы в. к. Василія, утверждаетъ, что «татарове во христіанствѣ живутъ» изъ за «неуправленія» великаго князя съ кн. Дмитріемъ; и освященный соборъ беретъ на себя даже поруку, что «какого часу» князь Дмитрій «уравится во всемъ чисто, по крестному цѣлованью», «того же часа князь великій татаръ изъ земли вонъ отошлетъ». Шемяка отказался вносить свою долю въ «татарскіе проторы», утверждая, что ханъ Золотой Орды не царь для Русн. Посланіе датировано 29 декабря 6956—1447 года.

Этаж проскамъ и усилить Шемяки в. к. Василій противопоставить не только ратную силу. Онъ отдалъ свои раздоры съ княземъ Дмитріемъ на судъ освященнаго собора, которому представлялъ докончальныя и переширныя грамоты Шемяки и доказательства нарушенія имъ всѣхъ основъ «одиначества». Духовенство выступало противъ Шемяки съ пространнѣмъ обличительнымъ посланіемъ, налагая на него отлученіе, если онъ не исправится по всѣмъ статьямъ крестоцѣловальнаго докончанія. Это выступленіе духовенства закрѣплено за великимъ княземъ общее мнѣніе правящихъ круговъ. По поставленіи своемъ на митрополию Іона разослалъ окружную грамоту, обращенную къ князьямъ, боярамъ, воеводамъ и всему «христонменному людству» объ изъятіи князя Дмитрія и отлученія, наложенномъ на него всѣмъ освященнымъ соборомъ, если онъ возобновитъ свои покушенія на великаго князя, «на христіанское нестроеніе и кровь»¹⁾. Въ то же время в. к. Василій рядомъ договоровъ изолируетъ Шемяку въ княжеской средѣ. Можайскій князь Иванъ Андреевичъ связалъ свою судьбу съ Шемякой, но соглашеніе в. к. Василія съ Борисомъ тверскимъ заставило обоихъ князей искать мира при посредничествѣ князей Михаила Андреевича и Василія Ярославича²⁾. Но докончаніе состоялось на этотъ разъ только съ Иваномъ Можайскимъ, который примирился съ великимъ княземъ при посредничествѣ и подъ гарантіей тверскаго великаго князя Бориса³⁾. Однако, князь Иванъ не порвалъ еще съ Шемякой и, видимо,

¹⁾ А. И., т. I, № 43. Окружное посланіе это показываетъ, какъ много было замѣшанныхъ въ дѣла Шемяки и сочувствовавшихъ ему; митр. Іона принимаетъ всѣхъ ихъ быть челоуъ великому князю „о жалованіи, какъ ему Богъ положить на сердце“, и угрожаетъ неблагословеніемъ своимъ и всего священства, если не добьются челоуъ в. к. Василію, „а затѣмъ кровь христіанская прольется“.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 67. Справедливо замѣчаніе А. В. Экземпларскаго, что издатели датировали эту „записку“ 1448 г. слишкомъ поздно (указ. соч., ч. II, стр. 324, прим. 876). Князья Дмитрій и Иванъ цѣлуютъ крестъ къ своей братьи молодшей на томъ, что имъ „бить челоуъ“ в. к. Василію о томъ, что ему ихъ, какъ „свою братью молодшую“ пожаловать ихъ же вотчинами, кромѣ Звенигорода и Вятки, которые отходятъ отъ Дмитрія, какъ отлучается онъ и отъ Углича, Рязни, Вѣжицкой волости и всего, что получилъ отъ в. к. Василія „въ удѣлъ и въ вотчину“; князь Иванъ также отстудается отъ Козельска, Алексина, Лясина. Князья обязуются содержаніе этой записки „писати и въ докончальную грамоту“ и не „сложитъ“ этого обязательства, пока не состоится ихъ „докончанье по сей грамотѣ“ съ в. к. Василіемъ. Это записку о „перемиріи“ на время переговоровъ, которая поведетъ ихъ бояре, а сами князья отказываются взять къ великому князю, пока на Москвѣ не будетъ митрополита. А. В. Экземпларскій указалъ, что эта записка—равне посланія духовенства къ Шемякѣ отъ 29 декабря 1447 года, такъ какъ тамъ князь Иванъ уже въ докончаньи съ в. к. Василіемъ. Эта записка должна быть отнесена къ попыткѣ соглашенія, которая произошла по возвращеніи в. к. Василія 17 февраля 1447 года изъ похода на Шемяку и свелась лишь къ отпуску изъ плѣна в. к. Софья (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 121).

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 63—мировая записка, восстанавливавшая отношенія князей

наставлять на включеніи въ мирныя соглашенія и его ¹⁾. Въ началѣ 1448 года при возобновленіи враждебныхъ дѣйствій между в. к. Василіемъ и Шемякой, Иванъ можаѣскій снова становится на сторону противниковъ великаго князя. Широкіе планы еще не улеглись. Князь Иванъ ведетъ сношенія съ литовскимъ великимъ княземъ Казиміромъ, какъ Шемяка съ татарами, лица союза дѣла²⁾ захвата великаго княженія: князь Иванъ обязался уступить Казиміру Ржеву и Медынь, если тотъ посадитъ его на «великомъ княженіи на московскомъ» ³⁾. Но реальная его обида была въ томъ, что онъ лишился Бѣжецкаго Верха, было добытаго въ пожалованіе отъ великаго князя; и в. к. Василію удалось опять оудѣлить князя Ивана отъ Шемяки возвратомъ ему этого владѣнія ³⁾, чтобы затѣмъ покончить съ

по прежнимъ докончальнымъ грамотамъ: поручителя—в. к. Борисъ Александровичъ тверской, его великая княгиня Анастасія Андреевна, сестра Ивана Можаѣскаго, и князя Михаилъ верейскій и Василій серпуховской: князя „будуть съ правымъ на виноватаго“, если одна изъ сторонъ нарушитъ эту „утверженную грамоту“. Эта запись за печатью в. к. тверского. Она повторена въ грамотѣ № 68 съ небольшимъ измѣненіемъ редакціи и вставкой: „И изъ князь Иванъ Андреевчъ цѣлую крестъ къ тобѣ къ своему господину брату старшиму къ в. к. Василію Васильевичу и къ твоимъ дѣтемъ“, которая указываетъ на соотношение грамоты: первая дана боярамъ князя Ивана, на второй онъ крестъ цѣловалъ, прѣхавъ къ великому князю; это было въ сентябрѣ 1447 года, такъ какъ грамота писана „въ лѣто 6956“, а непосредственно за ней послѣдовалъ договоръ № 66, который писанъ „на Коломнѣ въ лѣто 6956 мѣсяца сентябрю“; въ этомъ договорѣ за княземъ Иваномъ укрѣпляются великокняжескія пожалованія „въ отчину“: Вѣжецкій Верхъ, половина Заозерья Кубенскихъ князей, Лисичъ. Но договоръ этотъ, повидимому, подвергся скорѣй пересмотру (вѣроятно, въ связи со споминаніи между Иваномъ можаѣскимъ и Шемякой, о которыхъ упоминаетъ декабрьское посланіе духовенства), причемъ изъ „пожалованій“ за княземъ Иваномъ остался только Лисичъ—тамъ же, № 66. Первое соглашеніе (запись № 63) должно было состояться равнѣе 20 іюля 1447 года такъ какъ это дата договора между в. к. Василіемъ и рязанскимъ в. к. Иваномъ Федоровичемъ, въ которомъ уже участвуетъ Иванъ можаѣскій (тамъ же, № 65) какъ „братъ молодшій“, равный передъ в. к. Василіемъ рязанскому великому князю.

¹⁾ Въ первой мировой записи—съ князьями Михаиломъ Андреевчичемъ и Василіемъ Ярославичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 67) князья Дмитрій Шемяка и Иванъ Андреевчъ уславлялись „грамоты докончальныя писати съ нимъ великому князю розно, по старымъ грамотамъ“, но когда дѣло обернулось на замирненіе князя Ивана при продолженіи розни съ Шемякой, этотъ послѣдній сталъ настаивать передъ Иваномъ можаѣскимъ, чтобы онъ не раздѣлялъ ихъ докончанія съ великимъ княземъ, а наставлялъ на одновременномъ и согласованномъ „пожалованіи“ обонѣ—А. И., т. I № 40 (стр. 79—80); „и князь Иванъ Андреевчъ посолъ Елзаръ Васильевъ, добавляетъ посланіе къ Шемякѣ, возвытитъ-то твое слово великому князю отъ князя Ивана Андреевчича“.

²⁾ Тестъ князя Ивана князь Ѡ. Л. Воротыскій далъ Казиміру поручивъ запись въ томъ, что Иванъ Андреевчъ, ставъ княземъ великимъ, выдолжитъ общіяе территориальныя уступки и вѣчнаго союза съ признаніемъ себя „братомъ молодшимъ“ Казиміру—А. З. Р., т. I № 40.

³⁾ П. С. Р. Д., т. V, стр. 269.

ний поровнь. Однако тянуть Шемяка еще нѣсколько мѣсяцевъ свое безнадежное сопротивленіе. Противъ него стоялъ теперь князь великій въ кнурѣ со всѣми силами Великороссіи, хотя и не достигъ еще властнаго распоряженія ими. Отношеніе тверского великаго князя къ московскимъ дѣламъ можно назвать отношеніемъ дружественнаго къ в. к. Василию нейтралитета. Съ рязанскимъ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ изъ договора, по которому в. к. Иванъ Федоровичъ признаетъ себя «братомъ молодшимъ» великому князю всея Руси, отказывается отъ самостоятельныхъ вѣдѣній сношеній и обязуется держать полное одиночество въ отношеніи ко всѣмъ друзьямъ и недругамъ ¹⁾. Братъ Ивана можайскаго веревскій князь Михаилъ Андреевичъ отдѣлился отъ брата, какъ только тотъ сталъ на сторону Шемяки, и сѣдѣлъ на своихъ веревскихъ и бѣлозерскихъ волостяхъ вѣрнымъ подручникомъ, «молодшимъ братомъ» великаго князя, который снялъ въ 1447 году на два года улугу «выхода» съ его владѣній и продалъ къ нимъ «въ вотчину и въ удѣлъ» половину Заозерья и еще сто деревень ²⁾. Вѣрнымъ подручникомъ в. к. Василия были и Василий Ярославичъ, послѣдній отпрыскъ серпуховскаго княжескаго дома, снова объединившій въ одномъ владѣніи серпуховскую вотчину; онъ получилъ «въ удѣлъ и въ вотчину» Дмитровъ и Суходолъ ³⁾.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. 1, № 65.

²⁾ Тамъ же, № 64, писана грамота 19 Іюня 1447—6965 года. Эти владѣнія и передѣлы приводили въ расчетѣхъ къ сбору даней къ довольно сложнымъ комбинаціямъ. Заозерья, бывшая вотчина Заозерскихъ князей, тянуло данью къ Ярославлю; и князь Михаилъ обязуется, коли „придетъ посоль татарскій въ Ярославль“, давать съ Заозерья ярославскимъ князьямъ „въ выходъ и во все пошлени, въ ордынскіе протормы по старинѣ, какъ давали заозерскіе князи ярославскимъ князьямъ“. Въ томъ же 1447 г., въ сентябрѣ, в. к. Василій далъ другу половину Заозерья („въ свое пошлени того же Заозерья“, какъ опредѣляетъ договоръ № 64; половину Заозерья, Кубенскихъ князей—договоръ № 66) Ивану Можаискому. Въ іюль 1450 года—новый договоръ съ княземъ Михаиломъ, вызванный измѣненіемъ его „пожалованія“: вмѣсто Заозерья онъ получилъ Вышгородъ, нѣсколько звенигородскихъ волостей и улугу „на пять лѣтъ выхода не дати“ съ этихъ волостей, а съ отчавы князя Михаила „половину выхода на три годъ“ (тамъ же, № 75). Есть еще договоръ в. к. Василия съ княземъ Михаиломъ (тамъ же № 70), утверждающій за кимъ только его вотчинныя владѣнія; не лежу, на чемъ основана его датировка въ С. Г. Г. и Д. „около 1446 г.“; договоръ этотъ, весьма шаблонный и потому не дающій опоры для датировки, долженъ быть старше договора 19 Іюня 1447 года, и, м. б., относится еще къ 30-мъ гг. (ор. сходный договоръ съ княземъ Василиемъ Ярославичемъ, № 45 „около 1433 г.“).

³⁾ Тамъ же, № 71—72: „удѣлъ дѣда твоего князь Володимировъ Андреевичъ“. В. к. Василій признаетъ, что „не додалъ“ ему „дѣдинъ“—Углича, Городца, Козельска и др. волостей и даетъ ему „противу тѣхъ городовъ и волостей его дѣдинъ“ Дмитровъ и Суходолъ, съ тянувшими къ нимъ волостями, „въ удѣлъ и въ вотчину“. Договоръ этотъ относится въ С. Г. Г. и Д. ко времени „около 1446 г.“; его можно отнести къ 1447. такъ какъ онъ, вѣроятно, одновременно съ договоромъ между

Покнутый даже Иваном Можайским, Шемяка сохранил некоторую надежду на Новгородъ, по крайней мѣрѣ какъ послѣдняго приставаща. Великій Новгородъ, широко развинувъ практику «кормленія» у себя прешлыхъ князей и великорусскихъ, и литовскихъ, дорожилъ свободой своихъ отношеній, не вѣдшавшая въ усобицу князей и вытекавшая изъ нея вражды. Въ Новгородѣ и ушелъ Шемяка, когда—въ 1450 году—в. к. Василий закончилъ борьбу съ нимъ завоеваніемъ Галича и «внѣстниковъ своихъ посажалъ по всей отчизнѣ твоей». Новгородцы приняли къ себѣ бѣглаго князя, приняли и вторично, когда онъ вернулся послѣ неудачной попытки захватить Устюгъ¹⁾. Не повѣрили на новгородцевъ и настояніи митр. Ионы, что Дмитрій Шемяка не можетъ быть принятъ въ общеніе, какъ отлученный отъ церкви по своимъ дѣяніямъ и что Новгородъ даетъ ему не только убѣжище, но и опору для враждебныхъ дѣяній, такъ какъ набѣгъ на Устюгъ онъ учинилъ, оставивъ въ Новгородѣ семью свою и всю свою казну²⁾.

Бурная эпопея Шемяки закончилась только его «напрасной» смертью—въ іюлѣ 1453 г. — отъ «лютяго зелья», подосланнаго московскимъ великокняжескимъ дворомъ³⁾.

Смертью Шемяки завершилась кровавая московская драма съ ея ожесточенной усобицей, ослѣпленіями, отравленіемъ, предательскими и насильническими. Это была не великая смута начала XVII вѣка, она не захватывала народной массы, не разрушала сложившихся устоевъ общественной жизни. Но

в. к. Василиемъ и Михаиломъ верейскимъ отъ 19 іюля 1447 г.: въ договорѣ предусмотрено возможное примиреніе Дмитріемъ Шемякой при издѣвленіи его Суходоломъ и селомъ Краснымъ,—тогда кн. Василий Ярославичъ отъ нихъ «отступится безъ отъѣзду». Характерна оговорка въ договорѣ: «а чего Богъ дастъ доставемъ вочлнвъ своихъ недруговъ, и въ то тя ся, брате, не вступати». Эта двойная грамота (грамота съ противнемъ, вмѣстѣ шитыми, за печатами) в №№ 73—74—экземпляры обѣихъ договаривавшихся сторонъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 178—180; VIII, стр. 122—123, 125.

²⁾ А. А. З., т. I, № 372; грамота митр. Ионы къ архіеп. Вафнію писана 20 сентября 1452 года. Ранѣе Новгородъ переговоровъ отклонилъ угрозу великокняжескаго вѣзиря изъ за Шемяки, причѣмъ состоялась неудачная попытка завязать переговоры съ княземъ Дмитріемъ: онъ присылалъ съ новгородскими послами своего боярина Ивана Новосильцева, но «съ великою высоостью», отиудъ не съ покладнымъ челобѣтнемъ, а съ такими рѣчами, «чему ся не можно викоторыми дѣлы свести»—посланіе митр. Ионы новгородскому архіеп. Вафнію, А. И., т. I, № 63 (датиrowано въ изданіи 1452—1458 г., но должно быть отнесено ко времени ранѣе сентября 1452 г., скорѣе къ 1450—1451 году).

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 133 («умре со отравы»); т. VI, стр. 180 («умре напрасно», а въ Москву «пргоиитъ съ тою вѣстью подѣтчей, и бысть оттогда дѣлякъ, Василей Вада»), т. VIII, стр. 144 (тоже); т. XII, стр. 109 (тоже); Архангелогородскій лѣтописецъ (изд. 1819 г.) стр. 160: «лаша ему лютяго зелья и испусти нужно душу»; т. XXIII, стр. 155.

традиційний політичний строй Великороссія, обычный укладъ ея между княжескихъ отношеній вышелъ изъ нея разбитымъ и поруганнымъ. Захваты чужихъ владѣній, вынужденныя «пожалованія», торгъ волостями и крепостцѣловальной вѣрностью, кровавыя и жестокия расправы, непрерывныя дѣйства князей и бояръ и даже гостей — суковниковъ или старцевъ иноковъ, предававшихъ во вражескія руки своего великаго князя, татарскія смилати и союзы этого великаго князя—все это прошло въ жизни русскаго общества какъ крушеніе обычнаго уклада отношеній и волярствій. Удѣльно-вотчинный строй оказался разрушеннымъ, подорваннымъ и морально-оплеванымъ. Разбита московская княжеская семья. Сошли со сцены и дядя Басилій Васильевича, и его двоюродные братья. Изъ удѣльныхъ вотчинцевъ Московскаго княжества удѣльцы только Андреевичъ Иванъ и Михаилъ, да Василій Ярославичъ, внукъ Владиміра Андреевича. Борьба со смутой и стремленіе вырвать на будущее время ея возможные корни переходить для великокняжеской власти въ стремленіе «добыть вотчинъ своихъ недруговъ». Ея ликвидація непосредственно связана съ органической работой этой власти надъ перестройкой великорусскаго великаго княженія въ Московское государство на началахъ вотчиннаго единодержавія.

ГЛАВА X.

Собирание власти.

I.

Подлиннымъ организаторомъ Великорусскаго государства признають Ивана III Васильевича. Но онъ строилъ свое большое политическое зданіе на крѣпко заложеномъ фундаментѣ. И самъ онъ, въ общемъ политическомъ типѣ и во всѣхъ основныхъ стремленіяхъ своихъ, питомецъ послѣдняго десятилѣтія правленія отца, когда юный княжичъ, еще ребенкомъ (родился 22 января 1440 г.) приобщенъ къ политической жизни, шедшей подъ знакомъ упорной борьбы за власть. Съ восьмилѣтняго возраста онъ представитель великокняжеской власти въ походахъ и во дворцѣ; съ начала 50-хъ годовъ видимъ его великимъ княземъ, официальнымъ соправителемъ отца, и за эти годы сложился его личный обликъ, сложилась кругомъ него та правящая среда, съ которой онъ началъ въ 1462 году самостоятельное свое правленіе. Вся политика Ивана Васильевича по отношенію къ младшимъ князьямъ—братьямъ роднымъ и дальнимъ, къ народоправствамъ Великаго Новгорода и Пскова, къ Твери и Рязани—прямое продолженіе мѣропріятій, каковыми въ пятидесятыхъ годахъ XV вѣка ликвидированы результаты московской смуты. Мѣропріятія эти сразу получили болѣе широкое значеніе—ликвидациі основу удѣльно-вотчиннаго строя, перестройки на новыхъ основаніяхъ политическаго властвованія надъ Велико-россіей. Иванъ III закончить это дѣло послѣ новаго, не столь бурнаго, но тревожнаго кризиса московскихъ междукняжескихъ отношеній, который разыгрался въ семидесятыхъ годахъ XV вѣка. А пятидесятыя его годы—эпоха, когда складается въ основныхъ чертахъ политическій обликъ «грознаго царя», осуществленный двумя Иванами Васильевичами и тѣмъ Василемъ, про котораго Гербштейнъ говорилъ, что онъ властью превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра.

Первымъ проявленіемъ этого новаго историческаго типа, которое произвело сильное впечатлѣніе на московское общество, была, повидному, попытка в. к. Василія найти противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ опору въ служилыхъ татарской саяхъ. Въ процессѣ борьбы на такую черту легли нынѣ, какъ приемы безопадной расправы съ виновниками и орудіями бро-

живія, враждебнаго великокняжеской власти, какъ быстро нарастающія притязанія на широкую свободу властвованія, на полную свободу отъ подчиненія традиціонному, обычаюправовому укладу княжой дѣятельности, семейно-владѣльческихъ и общественныхъ отношеній.

Единодержавіе и самодержавіе московскихъ государей явилось итогомъ собиранія раздробленной власти надъ территоріей Великороссіи и ея населеніемъ. Василій Темный въ послѣднее свое десятилѣтіе положилъ прочную основу Великорусскому государству построеніемъ его ядра—Московского государства.

Смерть Шемяки развязала ему руки. Великій князь не замедлилъ использовать ближайшій поводъ, чтобы покончить съ Иваномъ Можайскимъ. Приятный въ «любовь и докончаніе», пожалованный и своей отчинной и надѣломъ изъ отчины великаго князя, отъ уклонился отъ выступленія противъ татаръ, разорявшихъ набѣгами Русскую землю, и за такое его «неисправленіе» в. к. Василій пошелъ на Можайскъ, занялъ княженіе Ивана Андреевича, посадилъ на его вотчинѣ своихъ намѣстниковъ, а князь бѣжалъ съ семьей въ Литву¹⁾. Что дѣло шло не только о расшатаніи за прежнія дѣянія и новыя подворніи въ умыслѣ «крамолы», показывая судьба серпуховскаго князя Василія Ярославича. Нашлась «неисправленія» и за этимъ вѣрнымъ сторонникомъ в. к. Василія. Василій Ярославичъ получилъ отъ великаго князя значительное расширеніе своихъ владѣній; повидимому, послѣ бѣгства въ Литву Ивана Можайскаго къ нему перелегъ Бѣжецкій Верхъ, бывшій за этимъ княземъ, съ предачей еще и Звенигорода²⁾. Воз-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 144.—Объявленія противъ князя Ивана въ посланіи митр. Іоаннъ къ смоленскому епископу Миханлу—А. И., т. I, № 56; цѣль посланія предупредить при посредствѣ смоленскаго епископа возможныя «отъ того князя Ивана и отъ его людей въ вотчинѣ в. к. Василія пакоста» и столкновеніе изъ за этого съ Литвой, если придется великому князю «по нужи, по слѣду князя Ивана достати». Князь Иванъ получилъ отъ литовскаго великаго князя въ удѣлъ Черниговъ, Стародубъ, Гомель и Любечъ. Повидимому, его тутъ держали, на случай, претягивающаго на великорусское княженіе. Въ 1461—62 году, когда подготовлена была попытка освобожденія серпуховскаго князя Василія Ярославича, его смилъ заключить съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ въ Литвѣ договоръ о томъ, что имъ итти «доставать своей отчины и дѣдини», врозь съ в. к. Василіемъ не мириться, а если Богъ поможетъ его «согнать» и князь Иванъ Андреевичъ «доставитъ великаго княженя», то Иванъ Васильевичъ выговариваетъ отцу и себѣ опредѣленныя владѣнія— въ томъ числѣ Дмитровъ и Суздаль—А. А. Э., т. I, № 70.

²⁾ С. М. Соловьевъ («Ист. Россія» кн. I, ст. 1060) относитъ договоръ Василія Ярославича съ в. к. Василіемъ за № 84—85 (С. Г. Г. и Д., т. I) ко времени болѣе раннему, а №№ 78—79 ко времени послѣ бѣгства Ивана Можайскаго, звиду именно передачи по этому договору серпуховскому князю Бѣжецкаго Верха «какъ было за княземъ Иваномъ Андреевичемъ»; противъ этого говоритъ приписка въ концѣ грамоты № 84 и 85 такого условія: 1) «а книгичи моеи въ великомъ княженіи сѣхъ не держати» и 2) «а книгичи моеи во княже Васильевѣ вотчинѣ брата моего молодшого

можно, что на почвѣ домогательствъ болѣе широкаго надѣленія со стороны князя Василія Ярославича возникли тревнія, но знаемъ только, что отъ въ юнѣ 1456 г. «понимаетъ» на Москвѣ и соснатъ въ Угличъ; его сынъ Иванъ и вторая жена бѣжали въ Лѣтву. Василій Ярославичъ долго томился въ заключеніи—до самой смерти, постигшей его только въ 1483 г. ¹⁾; незадолго до кончины в. к. Василій возникъ въ связи съ планами князей-вагнанниковъ, нашедшихъ убѣжище въ Лѣтвѣ ²⁾, заговоръ серпуховскихъ дѣтей боярскихъ и дворянъ объ освобожденіи ихъ князя изъ угличаго заключенія, но «обличися мыслъ ихъ», и жестокая расправа поразила воображеніе москвичей новыми проявленіями грозной власти ³⁾.

И на суздальскихъ князей легла тяжелая рука великаго князя. Еще при жизни Шемяки в. к. Василію удалось, видно, внести раздѣленіе въ среду этихъ князей: суздальскіе Юрьевичи на сторонѣ Шемяки, а сохранился договоръ в. к. Василія съ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, изъ трояроднымъ братомъ, по прозвищу Горбатымъ, который, за обязательство не приступать къ Шемякѣ, а быть неотступно при в. к. Василіи подъ карой лишенія въ пользу великаго князя и его дѣтей всего «удѣла и вотчины» и подъ угрозой митрополитчаго неблагословенія, пожалованъ Городцомъ (вожскимъ) и вотчиной своей въ Суздали, какой владѣлъ и отецъ его ⁴⁾. Источники наши умалчиваютъ о дальнѣйшей судьбѣ этихъ владѣній; знаемъ только, что братъ князя Ивана, Василій, прозвищемъ Гребенка, который съ 1448 года княжилъ во Псковѣ подъ рукою великаго князя, въ

себѣ не держати»: оба договора относятся ко времени до второго брака князя Василія Ярославича (упоминается его княгиня, кою ему Богъ дастъ княгиню), но эта приписка, сдѣланная послѣ брака, должна быть на позднѣйшихъ грамотахъ однако, оба приписки сдѣланы нѣмымъ почеркомъ, тѣмъ основной текстъ, и притомъ ошибочно, т. е. «княгиня моя» грамоты в. к. Василія—жена не его, а Василія Ярославича (и наоборотъ). При общемъ текстуальномъ тождествѣ договорныхъ формулъ приписки могли попасть не на мѣсто и въ томъ отношеніи, что занесены на № 84—85 въѣсто № 78—79.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 285 («въ заточеніи»); т. VIII, стр. 214 («въ желѣзахъ»).

²⁾ См. договоръ князей Ивана Андреевича и Ивана Васильевича—А. А. З., т. I, № 70.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 157: «и повелѣ князь велики имати ихъ... казати, бити и мучити и кони волочати по всему граду и по всѣмъ торгомъ, а послѣди повелѣ имъ главы отсѣчи; множество же народа, видяще оіа, отъ бояръ и отъ купецъ вслякнхъ и отъ священниковъ и отъ простыхъ людей во мнозѣ быша ужасъ и удивленіа... яко николи же таковая ни слышаша, ниже видѣша въ русскихъ князехъ бываемо».

⁴⁾ С. Г. Г. и Д. т. I, № 80. Князь Иванъ обманивается выдать в. к. Василію «ярлыкъ старыи на Суздаль и на Новгородъ на Нижней и на Городецъ и на все на Новугородское княженъ», а новыи ярлыкѣ не принимать. Рѣчь идетъ о старинныхъ ярлыкѣхъ прежнихъ великихъ князей Нижегородскихъ, а не «взятыхъ у крымскаго хана», какъ полагаетъ Экземплярскій (т. I, стр. 179).

пятидесятих годах, уже послѣ смерти Шемини, участвуетъ въ борьбѣ съ великимъ княземъ во главѣ войскъ Великаго Новгорода¹⁾. И Витку, служившую въ смутные годы источникомъ боевыхъ силъ Шемини, в. к. Василій привелъ «во всю свою волю» посылкой на вгчачахъ рати своей въ 1458—59 годах²⁾. Скудость источниковъ не даетъ полного представления о ликвидаціи смуты Василіемъ Темнымъ. Много въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ недомолвокъ и умолчаній о событіяхъ этой тяжелой поры. Но общія итоги—ясны. В. к. Василія можно назвать единодержцемъ въ предѣлахъ московско-владимірскихъ великокняжескихъ владѣній; верейская удѣльная вотчина князя Михаила Андреевича столь же мало нарушаетъ это единодержавіе, какъ удѣлы князей Андрея Ивановича и Владимира Андреевича при Василіи III и Иванѣ Грозномъ.

Оправясь на это ядро своихъ великокняжескихъ владѣній, Василій Васильевичъ укрѣпляетъ свою власть надъ Новгородомъ, Псковомъ и Рязанью.

Въ 1456 г. в. к. Василій поднялся на Новгородъ со всѣми князьими и воеводами и со множествомъ конства за новгородское «неисправленіе», что новгородцы у него не «въ послушаніи» и держать у себя «его зиходѣвъ, змѣшниконъ». Походъ принудилъ новгородцевъ къ покорному челобію, узлатъ контрбуци великому князю «за его истому» и къ Яжебичицкому договору, который въ опредѣленной формѣ возстановилъ принадлежность Новгорода къ составу великаго княженія³⁾. Новгородцы обязались держать великое княженіе «честно и грозно» и «пошлять» великокняжескихъ не утанвать; эти пошляны изложены въ особой грамотѣ, а важнѣйшія изъ нихъ: на грамотахъ Великаго Новгорода «печати быти князей великихъ», а «вѣчнымъ грамотамъ не быти»; возстановить великокняжескій судъ на Городищѣ—«отъ великихъ князей боярннхъ судьей и отъ Новгорода боярннхъ», а если эти судьи разойдутся въ рѣшеніи, то конецъ дѣлу учинитъ великій князь съ посадникомъ, когда будетъ въ Новгородѣ; у наместниковъ великаго князя суда не отнимать, а въ Новгородѣ, и по его волостнымъ судебнымъ позвы вывозити должны вѣстѣ позовники великаго князя и новгородскіе; возстановить въ общей нормѣ право великаго князя на «черный боръ»,—«коли приведется взяти княземъ великимъ черный боръ»; «зиходѣвъ» великаго князя, впрѣдъ въ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 213—216. По смерти отца князь Иванъ Дмитріевичъ Шемини призвалъ изъ Новгорода во Псковъ и принять «съ великою честью» изъ Пскова онъ поѣхалъ въ Литву.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 147—148; т. IV, стр. 147—148; т. VI, стр. 181.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 145—147 («десять тысячъ рублей новгородичинъ серебромъ, опречь братія и бояръ своихъ»); т. IV, сер. 132 («польдесяты тысящи рублей»); 217 («поль деваты тысящи рублей»); т. стр. 82 (тоже), стр. 271 («десять тысячъ»).

Новгородъ не принимать; Новгородъ князьямъ великимъ держать «въ старинѣхъ по пошлянѣхъ», какъ она опредѣляется въ статьяхъ договорныхъ грамотъ¹⁾.

Лѣтописные своды почти не даютъ свѣдѣній о томъ, какъ и насколько проведены на дѣлѣ условія Ямелбицкаго договора. Несомнѣнно, что они вызвали въ Новгородѣ большое раздраженіе и продолжительное броженіе; о полномъ и послѣдовательномъ ихъ выполненіи не можетъ быть, повидимому, рѣчи: въ 1471 г. Ивану III пришлось заново устанавливать ямелбицкую великокняжескую «пошлину». В. к. Василій только въ 1460 году поѣхалъ въ Новгородъ «о всѣхъ своихъ управлахъ»; положеніе было напряженнымъ: «новгородцы во сторожѣхъ жиша»; въ городѣ началось волненіе: «шляньники» пытались убить боярина Федора Басенка, а новгородцы подъялись вѣчетъ на великаго князя и только архіепископу Іовѣ удалось съ трудомъ успокоить поднявшійся мятеж²⁾. Великій Новгородъ пережилъ первую судорогу своей политической агоніи. Но какъ бы то ни было, восстановлена въ полной мѣрѣ принадлежность Новгорода и Пскова къ составу великаго княженія всея Руся: въ переговорахъ съ нѣмцами о перемиріи съ волынскими городами рѣшающее опредѣленіе принадлежитъ в. к. Василію³⁾. И Псковъ вскорѣ испыталъ усиліе своей зависимости отъ великокняжеской власти: въ 1461 году великій князь прислалъ во Псковъ намѣстника своего, «а не по псковскому прошенію, ни по старинѣхъ», и псковичи его приняли и посадили на свое княженіе⁴⁾.

По отношенію къ Рязани не приходилось ставить сколько-нибудь острыхъ вопросовъ. Тамъ обстоятельства сложились, что Рязанская земля оказалась въ полномъ управленіи великаго князя, такъ какъ рязанскій в. к. Иванъ Федоровичъ передалъ передъ кончиной, постигшей его въ 1466 году, своего восьмилѣтняго сына и рязанское княженіе «на руки» и «на соблюденіе» в. к. Василію, который княжича взялъ къ себѣ на Москву, а управленіе Рязанской землей передалъ своимъ намѣстникамъ⁵⁾. Недавняя подлинная

¹⁾ Ямелбицкія договоры вложены въ двѣ грамоты.—А. А. Э. т. I, № 57 и 38. Первая содержитъ новгородскую редакцію договора, а вторая то, за что «заяся послове отъ Великаго Новгорода», т. е. требованія великаго князя, принятыя новгородцами. В. к. Василій новгородское челобитіе принялъ «и мзрь имъ приконче, пошланыи в оброкъ великому князю по старинѣхъ»; приводитъ ихъ ко крестному цѣлованію Ѳадилъ, повидимому, в. к. Иванъ Васильевичъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 217); впрочемъ, Никольская лѣтопись не называетъ его, а сообщаетъ только, что в. к. Василій «посла бояръ своихъ въ Новгородъ и приведоша весъ Новгородъ къ цѣлованію» (т. XII, стр. 111).

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 219; т. IV, стр. 127, 148; т. V, стр. 272; т. VI, стр. 182; т. XXIII, стр. 156.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 220.

⁴⁾ Тамъ-же стр. 221.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 181; т. VIII, стр. 147; т. XII, стр. 112.

«старина» отношений сохранилась только между Москвой и Тверью. Но и ее пришлось восстанавливать послѣ периода тѣсной связи Твери съ Литвой, и договоръ между великими князьями Василіемъ Васильевичемъ и Борисомъ Александровичемъ, заключенный въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ XV вѣка, утверждаетъ полное нѣтъ одиначество «на татаръ и на ляхи и на литву и на вѣнды», а «великое княженіе, Москву и Новгородъ Великій» принять «вотчиной» в. к. Василія и его дѣтей; однако, в. к. Борисъ не призналъ Василія Васильевича «старѣйшимъ» себѣ братомъ: нѣтъ «братство» въ этомъ договорѣ—равное ¹⁾; возвратъ ко временамъ Донского, къ условіямъ договора 1375 года былъ еще невозможенъ. Большимъ успѣхомъ было уже то, что Тверь, было вовсе отошедшая «въ сторону» литовско-русского государства, снова прикинула къ великорусскому великому княженію. Этимъ Москва была обязана не столько возрожденію собственной силы, сколько внутреннимъ осложненіямъ Речи Посполитой; западные отношенія Велико-россія держались на томъ условномъ и неустойчивомъ, по существу, равновѣсіи, какое было установлено въ 1449 году договоромъ между в. к. Василіемъ и Казиміромъ Ягеллончикомъ, хоть онъ во многомъ былъ уже нарушенъ ²⁾. Втеченіи тѣхъ же пятидесятыхъ годовъ Великороссія фактически не являла зависимости отъ Золотой Орды. Не съ нею, не съ ея ханами приходилось считаться в. к. Василію, а съ Казанью и съ Седя-Ахматомъ, ханомъ орды Сивей и Ногайской. Казанское царство только устранилось на повомъ мѣстѣ и сравнительно мало тревожило русскіе предѣлы; источники наши не даютъ свѣдѣній о томъ, какъ сложились отношенія между Москвой и Казанью при Мамутекѣ, но, повидному, тяжкія обязательства, принятыя на себя великимъ княземъ не перешли съ отца на сына, а организація Касимовскаго царства для враждебнаго Мамутеку Касима служила противоязіемъ казанскимъ набѣгамъ. За то Седя-Ахматъ часто безпокоилъ Москву разбойничьими набѣгами. Оборона южной границы становится существенной задачей великокняжеской власти; практика, зародив-

¹⁾ Ср. выше, на стр. 220—222; С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77.

²⁾ А. З. Р., т. I, № 50. Великіе князья заключили въ августѣ 1449 г. «вѣчное доковчаніе» о союзѣ на всякаго недруга, особенно о союзности оборонѣ границъ отъ татаръ; в. к. Василій титулуется «княземъ великимъ Московскимъ и Новгородскимъ и Ростовскимъ и Пермскимъ и нынѣ», получаетъ общіе дѣла Казимира не вступающаго въ Новгородъ и Псковъ и во всѣ новгородскія и псковскія мѣста, не принимать новгородцевъ и псковичей, если тѣ и сами будутъ «даваться» королю, но общается и самъ за нихъ не вступаться, если они въ чемъ королю «сгрубить»: король самъ съ ними вѣдѣется, только «обослався» съ в. к. Василіемъ, какъ и Казиміръ общается не вступаться за нихъ противъ Москвы; тоже относительно рязанскаго князя; в. к. Василій вводитъ въ сферу своего вліянія и «верховскихъ князей», которые, по позднѣйшему выраженію Ивана III «служили на обѣ стороны», вводя въ договоръ условіе, что имъ давать въ Литву, что недавно давали, а больше того королю «не примышляти».

шяся при Донскомъ, выдвигать къ Ожѣ наблюдательный отрядъ и держать на чеку достаточныя боевыя силы для отраженія татарскихъ нападений становятся все болѣе насущной, какъ и оборона Рязанской укрѣпленія, хотя дается съ трудомъ и слагается постепенно въ рядѣ горькихъ неудачъ ¹⁾.

Такъ опредѣлилось положеніе и насущныя задачи великокняжеской власти къ концу жизни и княженія в. к. Василія Васильевича. Ядро его владѣній, основная территориальная база великокняжеской власти—московско-владимірскій центръ Великороссіи слагается въ Московское государство, семейную вотчину великокняжеской семьи. Это явленіе выступаетъ въ духовной грамотѣ Василія Темнаго, составленной не задолго до кончины, постигшей его въ мартѣ 1462 года, съ характерными чертами своеобразнаго компромисса между старинной и новыми условіями политическаго быта. По формѣ—передъ нами традиціонный семейно-вотчинный отцовскій «рядъ». Опредѣленіе семейныхъ отношеній вполнѣ на почвѣ прежней «старинной и пошанной». Сыновья великаго князя—Иванъ, Юрій, Андрей большой, Борисъ, Андрей меньшей—«приказаны» матери, в. к. Марьи Ярославны съ наставленіемъ: «а вы, мои дѣти, живите за одинъ, а матери своѣй слушайте во всемъ, въ мое мѣсто, своего отца», и далѣе: «а вы, дѣти мои, слушайте своѣй матери во всемъ, а изъ еѣ воли не выступайте ни въ чемъ, а который слыш мой не иметъ слушати своѣй матери, а будетъ не въ еѣ воли, на томъ не буди моего благословенія».

Но владѣльческое положеніе великокняжеской семьи существенно измѣнилось. Духовная в. к. Василія Васильевича завершаетъ сѣніе московской вотчины съ территоріей великаго княженія, и къ ея содержанію лишь весьма условно примѣнимо представленіе объ удѣльно-вотчинномъ раздѣлѣ; итъ въ ней и формулы: «а се есмь изъ родѣвъ учинныхъ».

¹⁾ Въ 1442 г.—походъ бояръ князя Василія Оболенскаго и Андрея Голтыва съ дворомъ великаго князя по вѣстямъ о приходѣ царевича Мустафы въ Рязань; въ 1443 великій князь самъ выступаетъ въ Муромъ противъ Улу Махмета (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. III); послѣ катастрофы съ ильмомъ великаго князя, мѣстѣ казанскихъ татаръ на Владимір и Муромъ (недописанное извѣстіе—т. VIII, стр. 121; т. XII, стр. 73)—въ 1448 г.; въ 1449 «скорые татарове» Седи Ахмата отбиты Касякомъ; тотъ же царевичъ съ воеводой Веззубцевымъ идетъ по вѣстямъ о набѣгѣ Малмыбердѣя и побываетъ его на Ветюкѣ; в. к. Василій стоялъ тогда въ Коломнѣ; на бѣгъ Мазовши, Седи Ахматовича, подѣ Москву; великій князь выступилъ было къ Коломнѣ, «не успѣвъ собраться», но остановить набѣга не удалось (т. VIII, стр. 122—124); въ 1454 г. воевода Оцера съ Коломенской ратью не удержала на Ожѣ набѣга другого Седи Ахматовича Салтана, и только выступленіе самого великаго князя съ большими силами обратило татаръ въ бѣгство; въ слѣд. году новый набѣгъ—раѣвъ великаго князя гонитъ татаръ за Оку; въ 1459 в. к. посылаетъ «къ берегу» сына Ивана, и охъ не «перепустить» татаръ за Оку (митр. Іона по этому случаю соорудилъ новую церковь); въ 1461 г. в. к. Василій съ сыновьями стоитъ во Владимірѣ «за иѣкую вужу належащую тогда отъ Казани», готовится къ наступленію, но дѣло кончилось митромъ—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 144, 147, 149; т. VI, стр. 180; т. V, стр. 278.

Старший сынъ Иванъ Васильевичъ получаетъ по благословенію отъ «отчину—великое княженіе», причѣмъ территория Владимірскаго великаго княжества уже не отличается отъ великокняжескаго «удѣла» въ московской вотчинѣ. Личныя владѣнія в. к. Ивана тутъ такъ перечислены: треть въ Москвѣ, Коломна, Владиміръ, Переяславль, Кострома, Галичъ, Устюгъ, Вятская земля, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Великая Соль, Боровскъ, Суходолъ, Калуга, Алексинъ—все съ волостями, путями, селами и со всѣми цоганнами. Такой составъ территории—не имѣеть прошлаго. Нѣтъ основаній называть ее «удѣломъ» старшаго сына, великаго князя. Это—вотчина государя князя великаго, рядомъ съ которой стоятъ, однако, удѣлы его младшихъ братьевъ¹⁾.

Этихъ удѣловъ четыре. Юрій получилъ Дмитровъ, Можайскъ, Медвы и Серпуховъ, да рядъ волостей сверхъ уѣздовъ этихъ городовъ; Андрей большой получилъ Угличъ, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ; Борисъ—Ржеву, Волокъ и Рузу; Андрей меньшой Вологуду съ Кубеянскими и Заозерскими волостями. Надѣленіе князей дополнено дачей сыновьямъ отдѣльныхъ селъ и волостей, какъ «отгѣзжихъ» владѣній, и утвержденіемъ за ними земель, какия имъ роздала по своей духовной в. к. Софья Витовтовна, а за Юріемъ всего, что называлась ему мать серпуховскаго князя Василія Ярославича, Марья Федоровна Голтеева; вдовствующая великая княгиня получила въ пожизненное владѣніе Ростовъ и нѣсколько селъ и волостей въ разныхъ уѣздахъ и сохранила свои купли—городокъ Романовъ и накупленные ею села въ опричнину. Получилась чрезъполосица владѣній, которая вызвала и разъясненіе, что какъ великая княгиня держитъ судомъ и данью всѣ свои села и волости, такъ и по отношенію ко князьямъ «того и судъ надъ тѣми селы, кому дано»—«въ чьемъ удѣлѣ ни буди».

Москва-городъ въ сложномъ раздѣлѣ по годамъ: треть в. к. Ивану; Юрію—«годъ на Москвѣ», что былъ Константинъ Дмитріевича, да «еще, вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ большимъ («по половинамъ, а держати по годамъ») треть бывшая Владиміра Андреевича; Борису «годъ» князя Ивана можайскаго; Андрею меньшому «годъ» князя Петра Дмитріевича; а въ московской тамгѣ—треть в. к. Ивану, а двѣ другія трети «по половинамъ» Юрію съ Андреемъ большимъ и Борису съ Андреемъ меньшимъ, при выдѣлѣхъ по всѣмъ третей половинѣ дохода въ пожизненное пользованіе великой княгини-матери. Выморочности удѣловъ духовная не предусматриваетъ; этотъ щекотливый вопросъ обойдется, быть можетъ, совсѣмъ, но сохраненіе возможности частичнаго передѣла властью матери, въ случаѣ утраты кнѣзь-либо изъ сыновей части его владѣній, свидѣтельствуешь о живучести традиціи

¹⁾ Эта двойственность позволяетъ сказать, что характерная особенность духовной Василія Темнаго—отсутствіе цѣльности въ ея правовомъ содержаніи: передъ нами типичный памятникъ переходнаго историческаго момента.

семейно-вотчинного владѣнія по удѣламъ ¹⁾. Черту преобладанія семейно-владѣльческихъ понятій надъ политическими-государственными можно усмотрѣть и въ статьѣ духовной грамоты, гдѣ вдова-княгиня и сыновья Иванъ и Юрій съ меньшими братьями «приказаны» королю польскому и великому князю литовскому Казимиру на его «печалованіе» ²⁾.

Построеніе междукняжескихъ отношеній московской семьи въ духовной Василія Темнаго представляется болѣе традиционнымъ, чѣмъ соответствовало бы дѣйствительному положенію дѣлъ въ великомъ княженіи. В. к. Василій опредѣлилъ за ново и внѣ обычной традиціи удѣлы сыновей и прозвелъ, притомъ, не столько раздѣлъ между ними общей вотчины, сколько выдѣлъ имъ долей изъ общаго комплекса великокняжескихъ владѣній, основная масса которыхъ осталась въ непосредственной власти великаго князя. Эта духовная писана въ такой моментъ, когда историческія судьбы Великоросіи ребромъ ставили вопросъ сохранится ли семейно-вотчинный укладъ владѣнія и княжескихъ отношеній при все нарастающей потребности въ единой власти. Быть можетъ, съ особой наглядностью внутренняя несогласованность тенденцій этого «ряда» выступаетъ въ ея установленіи порядковъ сбора дани. «А какъ почнуть, читаемъ тутъ, дѣти мои жить по своимъ удѣломъ, и моя княгиня, и сынъ мой Иванъ, и мой сынъ Юрь, и мои дѣти пошлютъ писцовъ, да удѣлы свои писцы ихъ опишутъ по крестному пѣлованью, да по тому писму и обложатъ по сохамъ и по людемъ, да потому окладу моя княгиня и мои дѣти и въ выходъ учнутъ давати сыну моему Ивану со своихъ удѣловъ». Если не упускать при этомъ изъ виду, что московская Русь фактически весьма мало ощущала на себѣ ханскую власть за послѣднее десятилѣтіе, такое упорядоченіе дѣла описи и обложенія покажется крупнымъ шагомъ къ устроенію финансового хозяйства великаго княжества. Однако, сборъ дани, по старому, связанъ только съ платой татарскаго выхода, и связанъ съ представленіемъ, что если «Богъ премѣнитъ Орду», то прекратится ея поступленіе въ казну великаго князя; не даромъ и перепись производится «своими писцами» каждаго князя. Попытка упорядочить дѣло обложенія какъ бы предназначена только на обезпеченіе удѣльныхъ доходовъ, ибо «вемнучая дань» на дѣлѣ вымирала, вырождаясь въ «татарскіе проторы», какъ статью великокняжескихъ расходовъ.

Такой же старинной, не жизнеспособной и, по существу, устарѣлой представляется статья объ удѣльномъ передѣлѣ. Относить ли ее къ вла-

¹⁾ «а по грѣхомъ у котораго у моего сына вотчины отоймется, и княгиня моя уиметь у своихъ сыновъ ихъ удѣловъ, да тому вотчину исполнять, а дѣти мои изъ ее воли не вымутѣ».

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 86 и доволнительная „привисная грамота“, № 87: „приказъ“ Казимиру основанъ на давней „дополнительной грамотѣ“—А. З. Р., т. I, № 50

дѣлать великаго князя въ томъ смыслѣ, что мать имѣла право «ужинать» и изъ нихъ для восполненія потерпѣвшей ущербъ вотчины удѣльнаго князя? Вопросъ этотъ не могъ не стать спорнымъ при первомъ поводѣ. А за нимъ — другой вопросъ: о соотношеніи материнской власти и значенія ея старшаго сына, князя великаго, т. е. о всемъ строѣ московской владѣтельной семьи. По духовной Василія Темнаго, какъ впрочемъ и ранѣе по духовной Донского, это семья двуглавая. Рядомъ съ предписаніемъ ни чѣмъ не выступать изъ воли матери и слушать ее «въ хѣсто своего отца» стоятъ другое: «читать и слушать своего брата старѣйшаго Ивана въ мое хѣсто, своего отца».

Этотъ старшій сынъ великаго князя съ малолѣтства самъ князь великій, соправитель отца. Но въ такомъ дѣйстви в. к. Василія, видимо навлѣкомъ византийскимъ примѣрамъ закрѣпленія преемства на престолѣ путемъ приобщенія преемника къ власти въ формѣ соправительства, нѣтъ еще опредѣленной сѣбѣ вотчинныхъ представленій о семейномъ владѣніи идея преемства въ государственной, политической власти. В. к. Василій не въ силахъ освободиться отъ традиционныхъ представленій и въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, не свободны отъ нихъ пережитковъ династическаго понятія и позднѣйшей самодержавной монархіи. Не великокняжескую власть высвобождаетъ онъ изъ пути семейно-владѣтельской традиціи, а только укрѣпляетъ вотчинное право на эту власть за личной своей семьей, за своимъ вотомствомъ. Въ договорахъ онъ укрѣпляетъ свою «вотчину великое княженіе, Москву и Новгородъ Великій» — «подъ своими дѣтьми, в. к. Иваномъ и подъ княземъ Юрьемъ и подъ меншими своими дѣтьми», и добивается, по возможности, отъ младшихъ князей, чтобы они признали не только его, князя великаго, старѣйшимъ братомъ, но сыновей — Ивана и Юрія и меньшихъ дѣтей его «имѣли себѣ братьями старѣйшими» и держали ихъ «честно и грозно» ¹⁾. Побѣду надъ удѣльными дробленіемъ власти предстояло завершить въ нѣдрахъ самой великокняжеской семьи.

II.

Въ правительственной дѣятельности московской великокняжеской власти сѣбѣ Василія Темнаго Иваномъ III только вышшій моментъ, не имѣвшій по существу ея теченія въ принятомъ направленіи. В. к. Иванъ Васильевичъ завершаетъ собраніе власти и перестройку внутреннякъ отношеній Московскаго государства на новыхъ основаніяхъ, завершаетъ и политическое объединеніе Великороссіи, оставляетъ преемниковъ вотчинами на всѣхъ государствахъ Московскаго царства.

Началъ Иванъ III съ пересмотра положенія Вереяскаго и Ярославскакъ княженій, но повелъ его съ неспѣшной постепенностью. На первый

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 76—79.

порахъ онъ возобновилъ съ двоюроднымъ дядей, княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, договоръ, утверждавшій за нимъ то положеніе, какое опредѣлено соглашеніями Василія. Въ этой грамотѣ Михаилъ призналъ старѣйшими себя двухъ племянниковъ, в. к. Ивана и князя Юрія, а равнымъ—третьего Васильевича Андрея; утверждены за ними—его вотчина Верей и Бѣлоозеро, и великокняжеское пожалованіе Вышгородъ съ придачей отъ в. к. Ивана нѣсколькихъ волостей. Весьма характерно, что дѣловая сторона этой грамоты тѣмъ опредѣлена въ надписи на ея оборотѣ, что она «была дана ему послѣ живота великаго князя Василія Васильевича на Вышегородъ», т. е. назначеніе такой «грамоты докончальной» служить пожалованной грамотой. Но она вскорѣ подверглась пересмотру. Михаилъ Андреевичъ вынужденъ «отступиться» в. к. Ивану Вышгорода со всѣми волостями, вышегородскими и приданными къ нему по первой грамотѣ, всего того, что великіе князья пожаловали изъ «своей отчины» ему «въ вотчину и въ удѣлъ»¹⁾. Но и этотъ второй договоръ не замедлилъ подвергнуться замѣнѣ новымъ, въ которомъ положеніе князя Михаила значительно понижено: теперь онъ «подъ всею братьею великаго князя въ младшихъ»²⁾. Затѣмъ лѣтъ на двадцать князя Михаилъ оставилъ въ покоѣ. Но въ 1482 году у него снова взяли обратно послѣднюю договорную грамоту³⁾. Настала пора новыхъ рѣшительныхъ шаговъ къ ликвидаціи остатковъ удѣльно-вотчиннаго строя; настало время опредѣлить положеніе младшаго поколѣнія. Рядомъ съ отцомъ выступаетъ великимъ княземъ Иванъ молодой; рядомъ съ княземъ Михаиломъ его сынъ Василій. Новый договоръ сообщаетъ, что князь Михаилъ отдалъ великому князю свою

¹⁾ Первый договоръ—С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 90—91; на экземплярѣ князя Михаила надписи: «а ся грамота докончальная взята у князя у Михаила Андреевича что была дана ему послѣ живота великаго князя Василія Васильевича на Вышегородъ, ино того дѣла и взята, а лежала у Филиппа митрополита». Имя Филиппа показываетъ, что замѣна произошла послѣ 11 ноября 1464 года—дата поставленія Филиппа на митрополию. По его благословенію и за его подписью писаны второй договоръ—№ 92: «и ты мой брате, говорилъ въ немъ великій князь Михаилу про уступку Вышгорода и волостей, тое мое отчины отступилъ мнѣ самъ со всею, съ тѣмъ, какъ ты былъ пожаловалъ отецъ мой князь великій, да и язь князь великій».

²⁾ Третій договоръ—тамъ же, № 93—94. На № 92 надписи: «докончальная князя Михайлова, коли отдалъ Вышгородъ, ино у него взята, а новая ему дана, что онъ подо всею братьею великаго князя въ младшихъ». А въ № 93 про младшихъ братьевъ в. к. Ивана сказано, что имъ князь Михаилъ держать «собѣ братьемъ же младшимъ». На № 94 надписи: «князя Михайлова Андреевича послѣдняя, что написана подъ всею братьею великаго князя»; кѣсто этой надписи—на оборотѣ грамоты № 93. Въ грамотахъ № 91—94 Михаилъ называется в. к. Ивана «господиномъ и брате старѣйшімъ».

³⁾ Надпись на грамотѣ № 93: «лѣта девятдѣсятаго мѣся 4 ся докончальная князя Михайлова взята у митрополита у Геронтыя»—относится къ грамотѣ № 94.

отчину Вѣлоозеро «и грамоту свою на то ему даль», но сохранилъ пожизненное владѣніе Вѣлоозеромъ; по смерти Михаила Вѣлоозеро переходитъ къ великому князю или его сыну, кому великій князь его отдастъ, а князю Василию Михайловичу въ эту вотчину не вступаться, ни подыскивать ея некоторою хитростію¹⁾. Въ 1484 году князь Василий Михайловичъ бѣжалъ въ Литву: великокняжеская онага постигла его въ связи съ осложнениями дворцовыхъ отношеній послѣ второго брака в. к. Ивана, а князь Василий былъ въ вѣхъ залутанъ по своей женитьбѣ на Марьѣ Андреевнѣ Палеологъ, племянницѣ в. к. Софьи Витовтовны²⁾. Иванъ Васильевичъ взялъ за то на свое имя Верей, которую отецъ, надо полагасть, отдалъ кн. Василию послѣ его женитьбы, и хотѣ отдасть ее Михаилу Андреевичу, однако уже, какъ своимъ, а не его отчину, въ пожалованіе и, притомъ, лашъ пожизненно; уничтожено и вотчинное право князя Василия на остальныхъ владѣніяхъ князя Михаила, на долю въ Москвѣ и на Ярославцѣ—тѣмъ, что Михаилъ «послѣ своего живота ту свою вотчину всю далъ великому князю». Такъ обезпечена къ моменту кончины князя Михаила инкорпорация всего его удѣла-вотчины въ составъ непосредственныхъ великокняжескихъ владѣній³⁾.

Передъ кончиной, которая постигла его 9 апрѣля 1486 года, князь Михаилъ Андреевичъ приказалъ составить духовную грамоту и прописать въ ней, что благословляетъ господина своего, в. к. Ивана Васильевича своею отчиною-жеребьемъ въ Москвѣ и Вѣльмъ оверомъ, а также Ярославцемъ съ селами и слободами, кромѣ тѣхъ, какія далъ въ церковь на поминъ души или роздалъ въ куплю своимъ боярамъ, а про Верей не считъ нужнымъ упомянуть. Грамота эта была представлена ближайшимъ болриниомъ князя Михаила княземъ Василиемъ Ромодановскимъ в. к. Ивану и подверглась по его приказу передѣлкѣ. Князь Ромодановскій вернулся къ

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 113—114; грамоты датированы 4 апрѣля 8990—1482 года. За князьями Михаиломъ и Василиемъ укрѣплена остальная ихъ вотчина—Верея и Ярославецъ. Ярославецъ не упоминался въ прежнихъ договорахъ; повидному, Ярославецъ перешелъ ко князю Михаилу въ связи съ его женитьбой на Еленѣ Ярославнѣ, княжѣ серпуховской (Экземплярскій, т. II, стр. 307); не былъ ли онъ въ ея пожизненномъ владѣніи? Она умерла раньше мужа, женитьство, впрочемъ, когда. Присоединеніе Вѣлоозера къ владѣніямъ великаго князя напоминаетъ «куплю» Калиты, по единственной упоминаемая договоромъ компенсація князю Михаилу за эту «уступку» въ общаши в. к. Ивана Михаилу «съ той отчины Вѣлоозера душу его поминати».

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 235; т. XX, ч. I, стр. 350.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 118. О Вереѣ: «и что язъ, князь великій, пожаловалъ тебѣ своею отчиною Верею съ волостми и съ отъѣзжими мѣсты, что владѣ есмь въ своей вѣнѣ у твоего сына у князя Василия, и то все тебѣ, князю Михаилу, держати за собою до своего живота»; при статьѣ о Московской долѣ и Ярославцѣ упомянуто о томъ, «что напередъ сего далъ еси мнѣ великому князю своему отчину Вѣлоозеро», и подведенъ итогъ: по смерти Михаила «та вся его вотчина»—великому князю.

Михаилу Андреевичу съ другими «спискомъ», какой составили московские дьяки, и повелѣниемъ «по тому духовная писати». Тутъ о Бѣлоозерѣ сказано не «благословилъ своею отчиною», а «благословилъ даждь еси ту свою отчину... при своемъ животѣ»; о московскомъ жребіи и Ярославцѣ также: «благословилъ даждь ту свою отчину всю послѣ своего живота» и добавлено подтвержденіе о Верѣѣ, что сю великій князь пожаловалъ князя Михаила, какъ «своею вотчиною», въ пожалованное держаніе, а по его смерти та вотчина великаго князя «со всѣмъ его и естъ»¹⁾.

Такъ московскіе дьяки, по указанію своего великаго князя, тщательно вытравили изъ духовной князя Михаила даже вѣщныя черты «свободнаго» звѣщающаго распоряженія, которыя и такъ не соответствовали подлинному положенію дѣлъ и отношеній. Князь Михаилъ въ формѣ духовной грамоты лишь закрѣпляетъ актъ передачи всѣхъ своихъ владѣльческихъ правъ великому князю, который по существу произошелъ въ полной мѣрѣ по прежнимъ ихъ договорамъ. И передача этихъ правъ по договорамъ, вынужденная великокняжеской властью, такова, что ставитъ въ крайне непрочное положеніе всѣ пожалованія и отчужденія князя Михаила; перечисляя ихъ въ своей духовной онъ сопровождаетъ перечень оговорками: «а будутъ тѣ села и деревни надобны моему господину великому князю», великій князь дастъ за нихъ пожалованнымъ деньгами или дастъ «въ тѣхъ земляхъ хѣсто свои земли». Усиленіе великокняжеской власти все углубляло ея землевладѣльческую полноту, къ которой только и привѣнимо, по настоящему, выраженіе о «собраніи земли». Приемъ округленія непосредственныхъ владѣній великаго князя по отношенію къ мелкимъ земельнымъ

¹⁾ Первыи «списокъ» духовной князя Михаила—не найденъ; хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М-ства Иностр. Дѣлъ (Государственнаго Дрелекравнина, отдѣлъ I, рубрика I, № 28) съ надписью: «списокъ съ того списка духовныхъ, что былъ князь Михайло Андреевичъ прислалъ со княземъ съ Васильемъ съ Ромодановскимъ, а хотѣлъ такую духовную писати, и князь велики тотъ списокъ велѣлъ перечисляти». Московская редакция, данная Ромодановскому, тамъ же, за № 29, съ надписью: «таковъ списокъ посланъ со княземъ съ Васильемъ съ Ромодановскимъ ко князю къ Михаилу къ Андреевичу, а вѣдно по тому духовная писати». Кромѣ указанныхъ въ текстѣ въ Москвѣ не одобрили нѣкоторыя другія особенности перваго «списка». Такъ отброшена при «благословеніи» Ярославцемъ оговорка о селатъ: «опроче тѣхъ, которые еси даждь по своей души а которыми пустоши кого буду пожаловалъ даждь въ куплю»; изъяты изъ текста подробное изложеніе прижитвенныхъ и посмертныхъ распоряженій разнымъ недвижимымъ и движимымъ имуществомъ и перечень долговыхъ обязательствъ, по которымъ расчетъ порученъ великому князю, а сохраненъ только ихъ суммарный перечень съ указаніемъ на особые «списки» за подписью князь Михайлоа духовника и печатника Ивана. Со списка, посланнаго съ Ромодановскимъ, писана духовная князя Михаила—С. Г. Г. и Д., т. I, № 121; приложение къ ней составляютъ упомянутые спеціальные «списки», сохранившаяся часть которыхъ издана тамъ же, подъ № 122, подъ заголовкомъ: «восемь духовныхъ грамотъ князя Михаила Андреевича Верейскаго».

единицамъ—селамъ и деревнямъ путемъ обмѣна и купли была весьма обычна. Великій князь «смѣнялъ» села съ митрополитомъ и младшими князьями по своему усмотрѣнiю, придававшему обмѣну характеръ принудительнаго; такъ и въ духовной Василія Темнаго читаемъ: «а восхочеть мой сынъ Иванъ у своего брата у Юрья вымѣнять Коломенскія села, и сынъ мой Юрья тѣ села ему промѣнить, а Иванъ сынъ вымѣнить у своего брата тѣ села, а его не изобидитъ». Вырожденiе «удѣльнаго» владѣнiя—во времена Василія Темнаго и Ивана III—въ обладанiе пожалованiями на всей волгѣ великаго князя ставило ребромъ вопросъ о томъ, насколько сохранится при смѣнѣ мѣстной вотчинной княжеской власти столь же вотчинной непосредственной великокняжеской властью устойчивое преемство ихъ распоряженiй, и удѣляютъ ли отъ ломки правовые акты, совершенныя первой изъ нихъ. Князь Михаилъ Андреевичъ заботится о томъ, чтобы князь великій «судовъ его не посудилъ» и въ его данья и пожалованiя земельныя «не вступался» и ихъ «не порушилъ», но плохо надѣется на добрую волю новой власти, отъ усмотрѣнiя которой всецѣло зависить рѣшенiе этихъ вопросовъ.

На мѣстныхъ вотчинныхъ княжества надвигалась подлинно грозная власть. Ея приемы и свойства ярко сказались въ шестидесятыхъ годахъ на ликвидациі вотчинныхъ владѣнiй ярославскихъ князей. О ней мы узнаемъ, къ сожалѣнiю, только по горькой записи мѣстнаго княжника-гѣтописца, который—походъ 1468 годовъ—приписалъ къ повѣстiю объ обрѣтенiи мощей ярославскихъ князей-чюдотворцевъ: «сiн бо чюдотворцы яваша не на добро всѣмъ княземъ ярославскимъ, простилися со всѣми своими отчинами на вѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичу, а князь великій противъ ихъ отчины подавалъ имъ волости и села, а изъ старинъ печаловался о нихъ князю великому старому (т. е. Василію Темному) Алексѣй Полуектовичъ, дьякъ великаго князя, чтобы отчина та не за ними была». Связь такимъ образомъ, который близко напоминаетъ «пересмотръ земель и людей» Иваномъ Грознымъ, верхній слой мѣстной «старинъ», великокняжеская власть глубже вступаетъ въ перестройку мѣстныхъ порядковъ и отношенiй: «а послѣ того, продолжаетъ тотъ же гѣтописецъ, въ томъ же градѣ Ярославлѣ явился новый чюдотворецъ Іоаннъ Агаѣоновичъ Сущей, совираетъ Ярославской земли; у кого село добро, нѣтъ отнял; а у кого деревня добра, нѣтъ отнял да отписалъ на великаго князя ю, а кто будетъ самъ добръ, боярничъ или сынъ боярскій, нѣтъ его самого записалъ». Круто берется московская власть за подчиненiе своимъ потребностямъ землевладѣнiя и значныхъ слѣзъ годнаго въ службу населенiя. И мѣстный обыватель-княжничъ доходить до кощунственной гнѣвной проны по адресу московскаго боярина-наимѣстника: «а выныхъ его чюдесъ множество не можно исписати, въ исчесть, понеже бо во плоти суще дьяволъ»¹⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 158

Въ семидесятыхъ годахъ пришелъ чередъ на ростовскихъ князей. Они, подобно князьямъ ярославскимъ, давно сошли на положеніе служилыхъ князей, бывали великокняжескими воеводами и наместниками, но еще княжили на вотчинной своей «позовниѣ Ростова»; въ 1474 году они продали ее «со всѣмъ» в. к. Ивану, а ея придалъ новый свой примыселъ матери, которая владѣла другою половиною Ростова по духовной Василя Темнаго ¹⁾).

Ростеть вотчина великаго князя, поглощая мелкія вотчины удѣльнаго князя. Крѣпнеть и обобщается непосредственная его власть надъ территоріей и населеніемъ московско-владимірскаго великаго княжества; строится Московское государство. Но въ самой великокняжеской семьѣ еще живы удѣльно-вотчинныя воззрѣнія и отношенія.

Съ братьями Иванъ III, повиданому, не заключалъ договоровъ «у отия гроба». Но въ сентябрѣ 1472 года умеръ Юрій Дмитріевичъ—безъ потомства (оно и женатъ не былъ). Вопросъ о судьбѣ его удѣла поднятъ острья разногласія. Впрочемъ, возникли они еще при жизни Юрія. До насъ дошла духовная этого князя; она въ ней, понятно, не упоминаетъ о своемъ удѣлѣ, который не подлежалъ завѣщательному распоряженію, а распределяеть села и деревни и движимость свою между матерью, братьями и сестрой, назначаетъ раздачу въ монастыри и боярамъ, перечисляетъ подлежащія уплаты долги ²⁾. Ко времени передъ кончиной Юрія относится текстъ договора Андрея большаго съ в. к. Иваномъ; въ его текстѣ обращено особое вниманіе на условія владѣнія московскими третями, на отношеніе къ городскому населенію и къ «численнымъ» людямъ. По духовной Василя Темнаго одна изъ московскихъ третей дана князю Андрею большому совѣстно съ Юріемъ. Въ договорѣ видимъ подтвержденіе порядковъ вѣданія городовъ съ преобладаніемъ великокняжескаго управленія, при охранѣ правъ младшаго брата на долю дохода; видимъ «блюденіе съ одного» торговыхъ и всѣхъ городскихъ людей; и тутъ же восстановленіе «блюденія съ одного» всѣхъ численныхъ людей съ запретомъ покупать ихъ земли, а кто изъ князей прознаетъ такіа покупки у черныхъ людей, а также у слугъ, которые подъ дворскими, не имѣя на то особыхъ великокняжескихъ грамотъ, долженъ ихъ вернуть въ тягло по старинѣ ³⁾. Эти черты договорной грамоты свидѣтельствуютъ о недоразумѣніяхъ между

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 180. Въ духовной Василя Темнаго: „а князюв своей дам Ростовъ и со всѣмъ, что къ нему потягло, и съ самы своими до ея живота; а князи ростовские что вѣдали при мнѣ, при великомъ князѣ, оно по тому и держать и при моей князюв“; объ обстоятельствахъ перехода къ великому князю этой позовни Ростова нѣтъ извѣстій.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 98.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 96; документъ сохранился только въ видѣ неутвержденнаго списка грамоты отъ имени князя Андрея; возможно что, это только проектъ не состоявшагося договора.

князьями по совладѣнію Москвой и по дѣламъ служивыхъ и тяглыхъ людей; составленъ текстъ договора «по слову» вдовствующей княгини-матери, т. е. при ея посредничествѣ между сыновьями. Въ 1473 году в. к. Иванъ уже заключаетъ договоры съ братьями по поводу удѣла князя Юрія—въ февралѣ съ Борисомъ, въ сентябрѣ съ Андреемъ большымъ¹⁾, которыми этотъ удѣлъ укрѣпляется въ нераздѣльномъ владѣніи великаго князя. Такой результатъ былъ достигнутъ не безъ труда. Лѣтописи отмѣтили гнѣвъ братьевъ на великаго князя, «что имъ не дасть въ удѣлѣ жребія въ братѣи во княжѣ Юрьевѣ», и домогательство такого раздѣла не закончилось съ ихъ стороны на договорахъ 1473 года, не смотря на то, что нѣкоторую компенсацію они, все таки, тогда же получили: за княземъ Борисомъ утверждено великокняжеское пожалованіе во Вышгородъ, «какъ было за княземъ за Мнханомъ», а великая княгиня Марія дала Андрею большому свои купчи—городокъ Романовъ да земля въ устьяхъ Шексны и «колодезь соленый» въ Ростовѣ.

Вопросъ о «княжѣ Юрьевой вотчинѣ» приобрѣлъ особую остроту въ связи съ рядомъ другихъ, точнѣе—съ общимъ пересмотромъ положенія великокняжескихъ братьевъ въ создавшемся Московскомъ государствѣ. Однѣвая рядъ внутреннихъ сопротивленій, великокняжеская власть все болѣе выдѣляетъ своего носителя изъ семейныхъ связей; «возноситъ» его надъ членами семьи, надъ братьями, надъ матерью.

Въ договорахъ Ивана III вѣтъ уже тѣхъ колебаній терминологіи и понятій, которыя въ грамотахъ его отца еще сохраняли видимость положенія великокняжескихъ владѣній въ ряду удѣльныхъ владѣній московскаго княжого дома. Тутъ удѣлы «братямъ молодшеи» опредѣленно стоятъ рядомъ съ вотчиной великаго князя—княженемъ великимъ—и особо отъ нея²⁾. Отстраняя отъ какихъ либо притязаній на великокняжескія владѣнія боковыя лѣнія княжого дома возвышеніемъ надъ нами всѣхъ своихъ братьевъ, в. к. Иванъ, въ то же время, послѣдовательно закрѣпляетъ представленіе о вотчинныхъ правахъ своего потомства—сына Ивана и другихъ дѣтей, какаго ему Богъ дастъ. А старшій его сынъ уже въ семидесятихъ годахъ— князь великій, старѣйшій братъ для дядей Андрея, Бориса³⁾. И въ со-

¹⁾ Тамъ же, №№ 97—98, 99—100. На договорѣ № 98 надпись: «князя великаго съ княземъ Борисомъ первымъ».

²⁾ Напримеръ: «тобѣ подо моею великаго княженя не хотѣти, ни подъ моеиу сыномъ подъ княземъ подъ Иваномъ, ни подъ моеиу дѣтми, кого ми Богъ дастъ также ти подъ моею братьемъ молодшеи... ихъ удѣловъ быти и не обидѣти»—С. Г. П. и Д., т. I, № 93.

³⁾ Договоры 1473 года: «имѣти ти мене, великаго князя, собѣ братомъ старѣйшимъ, а сына моего, великаго князя, имѣти собѣ братомъ старѣйшимъ, а намъ, великимъ княземъ, имѣти тебя собѣ братомъ молодшимъ, а мене ти, великаго князя и моего сына, великаго князя, и наше великое княженіе держати честно и грозно».

владѣнія Московской, и въ распоряженіи боевыми и финансовыми силами великаго княжества, и во владѣльческихъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ его городамъ и волостямъ в. к. Иванъ проводитъ свою властную волю, устраняя самостоятельное княжеское право князей-братьевъ въ пользу производнаго, своего «пожалованія».

Остро сталъ, въ ту же пору, между братьями вопросъ о «примыслѣхъ». Великокняжескіе захваты все увеличивали размѣры непосредственныхъ владѣній великаго князя. Когда требовалось для этого напряженіе значительной военной силы, князья-братья участвовали въ дѣлѣ со своими полками. А примыслы шли старшему брату къ его великому княженію. Многозначительной представляется въ договорахъ 1473 года одна особенность: в. к. Иванъ беретъ съ братьевъ обязательство «не вступаться» во все то, что онъ себѣ «примыслилъ» или что еще «примыслитъ», а блюсти эти примыслы подъ нѣмъ и подъ его сыномъ и подъ всѣми его дѣтьми, «которыхъ ему Богъ дастъ»; а взаимной формулы, обеспечивающей за младшими князьями ихъ примыслы, какіе нѣмъ удастся сдѣлать, въ договорахъ нѣтъ, хотя такая формула обычна въ докончальныхъ грамотахъ прежняго времени. Едва ли передъ нами только вѣтшія, редакционная деталь. Лѣтописи сохранили память о глубокомъ недовольствѣ великокняжескихъ братьевъ изъ за того, что не дѣлится онъ съ ними своими примыслами, «Новгородъ Великій взыа съ ними, ему ся все подостало, а нѣтъ жеребья не далъ изъ него»¹⁾.

Назрѣвалъ новый семейный кризисъ. Братя в. к. Ивана использовали первый же моментъ, когда ему стала особо необходимой вся ихъ боевая сила, для предъявленія ему своихъ требованій, «чтобы князь великій по отцѣ своего приказу и по духовной отца своего ихъ былъ держалъ и жаловалъ, вотчину бы удѣлъ князь Юрьевъ далъ и въ докончаніе бы принялъ»²⁾. Старшіе братья Андрей большой и Борисъ обратились за охраной правъ и положенія, установленныхъ духовной ихъ отца, къ тѣмъ, кому такое «печалованіе» было поручено въ духовной Василія Темнаго—къ матери и королю Казимиру, чтобы онъ ихъ уранилъ въ «ихъ обѣдахъ и съ великими княземъ и помогаемъ», а также къ митрополиту Геронтію. Они защищали свои традиціонныя права приемами, которые были въ дѣлѣ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 222.

²⁾ Кирилло-Валозерскій лѣтописецъ — рукопись Археологической Комиссіи, № 251, статья: «О приходѣ безбожнаго царя Ахмата на Угру». Разборъ лѣтописныхъ сказаній объ этихъ событіяхъ см. въ моей статьѣ «Иванъ III на Угру» — въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ С. Ф. Платонову», Спб., 1911 г. В. к. Иванъ III обвинялъ брата Андрея большаго въ томъ, что онъ «думалъ на в. к. Ивана Васильевича, въ брата своего старѣйшаго, съ братьемъ своимъ, съ княземъ Юрьемъ и съ княземъ Борисомъ и съ княземъ Андреемъ, да къ цѣлованію ихъ призывалъ на томъ, что нѣмъ на великаго князя, брата своего старѣйшаго, стоять съ одиного» (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 160; т. XII, стр. 231); пререканія начались еще при жизни Юрія, но активно выступили только братья Андрей старшій и Борисъ.

старшии, далеко еще не нажитой, но едва не подвергли великое княжество величайшей опасности. Опираясь на ослабление Москвы внутренними раздорами и на призывъ къ вмешательству въ ея дѣла, король Казимиръ сдѣлалъ попытку создать противъ опаснаго сосѣда грозную коалицію, завладевъ сношеніи съ ханомъ Золотой Орды Ахматомъ, съ Ливонскимъ Орденомъ, со Швеціей. На дѣлѣ, шведскія и ливонскія нападенія на новгородскія и псковскія волости оказались незначительными, Казимиръ былъ связанъ внутренней литовской смутой, и только ханъ Ахматъ поднялся походомъ на Русь. Но Иванъ III, захваченный татарскими нашествіемъ въ моментъ раздора съ братьями, не смогъ собрать всю ратную силу, пока не помирится съ ними. А братья послѣ обращенія къ Казимиру—въ ноябрѣ 1479 года—«отступили» отъ брата, князя великаго, и пошли въ Новгородскую область, сталъ со своими отрядами въ Лукахъ Великихъ, а семьи отослали въ Витебскъ, гдѣ Казимиръ далъ имъ «избылице». В. к. Иванъ пошелъ на уступки; черезъ митрополита и вдовствующую княгиню-мать онъ забралъ братьевъ, что принималъ ихъ условія. Тогда князья Андрей и Борисъ посѣщали къ великому князю на помощь, и изъ прихоть рѣшилъ дѣло. Ханъ Ахматъ не могъ принять боя съ объединенными русскими силами и сдѣшко отступилъ отъ Угры ¹⁾.

Событія 1480 года имѣли не только то значеніе, что покончили съ зависимостью Великороссіи отъ власти хана и сдѣлали великое княженіе всея Руси сувереннымъ - самодержавнымъ, въ исконномъ смыслѣ слова, государствомъ; они, въ то же время, уснили и ускорили ликвидацию удѣльно-вотчиннаго дробленія власти въ пользу государственнаго единодержавія.

Избавившись отъ крупной опасности, Иванъ III не сдержалъ обѣщаній, какія далъ было братьямъ ²⁾. Только Андрей большой получилъ часть Юрьевой отчины—Можайскъ, но и то въ формѣ великокняжескаго пожалованія, а не по раздѣлу выморочнаго удѣла между братьями распорядженіемъ великой княгини-матери.

Договоры в. к. Ивана III съ братьями, заключенные въ восьмидесятихъ годахъ, закрѣпляютъ то изъ положеніе, какое было создано договоромъ 1473 года и вызвало ихъ на протестъ ³⁾. Рѣшительно противопоста-

¹⁾ Лучшей анализъ этихъ событій въ трудѣ Fr. Parez, „Polskai Litwa“, т. 1 (Краковъ, 1904); ср. упомянутую статью „Иванъ III на Угрѣ“.

²⁾ Карла-Балозерскій летописецъ передаетъ, повидимому, какую-то промежуточную стадію княжескихъ соглашеній, когда сообщаетъ, что в. к. Иванъ „вотчину изъ подѣли“, далъ князю Андрею большому „Можайскъ со всѣми уѣдми“. Ворисю—Суходолъ да села бабки его, Марьи Голтзевой, Андрею меньшому—Серпуховъ. Суходола не видимъ за княземъ Ворисомъ въ договорѣ 1481 г., ни Серпухова во владѣніи князя Андрея меньшого по его духовной того же года; а по договору съ в. к. Иваномъ Андрея большого и Вориса Серпуховъ въ составѣ князя Юрьева удѣла, перешедшаго къ великому князю.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 106—107 и 108—109—договоръ 1473 г. съ Андреемъ

влены удѣлы князей-братьевъ владѣніемъ великаго князя-вотчича «на всѣхъ своихъ великихъ княженіяхъ». Братья обязуются «блюсти» эти великокняжескія вотчины—не только московско-владимірскую, но и Великій Новгородъ, и Тверь, и Псковъ—подъ великими князьями Иваномъ Васильевичемъ и Иваномъ Ивановичемъ и подъ великой княгиней и подъ меньшими дѣтьми в. к. Ивана. Тѣ же договоры закрѣпляютъ полное подчиненіе князей-братьевъ великому князю въ военномъ дѣлѣ, на какое будутъ посланы, и во вѣвшихъ отношеніяхъ, устраняя рѣшеніе такихъ дѣлъ «по сгадѣ». Подтверждена и статья 1473 года о сборѣ дана, назначеніе которой и тутъ татарскіи протори, но ставшія на дѣлѣ постоянной расходной статьей великокняжеской казны ¹⁾.

Владѣніе удѣльными вотчинами становится пережиткомъ умирающей старины. Князятъ князя на своихъ вотчинахъ въ полномъ подчиненіи великому князю, въ прекарномъ положеніи владѣльцевъ, надъ которыми нависла за любое «ненсравленіе» угроза великокняжеской опалы съ потерей отчины «за свою вину». Принципъ наследственности вотчинныхъ княженій не встрѣчаетъ отрицанія, но прочно утвердилось притязаніе великаго князя на выморочные удѣлы, и в. к. Иванъ III возведетъ его своей духовной грамотой въ общую норму московскаго права. О долѣ въ принаслѣхъ великаго князя не приходится младшимъ князьямъ и мечтать; отъ его владѣльческой воли зависаетъ дать что-либо, кому за благо разсудитъ, но не по праву, а по усмотрѣнію—пожалованію.

Послѣдніи десятилѣтія Ивана III закрѣпили въ рядѣ фактовъ эти результаты роста великокняжеской власти. Князь Андрей меньшей передъ смертью въ 1481 году написалъ духовную грамоту, въ которой сводитъ земные счета, «кому что дати и у кого что вяти». Онъ не умолчалъ въ ней и о своей вотчинѣ—московскомъ «годѣ», о Вологдѣ съ Кубеною и Заозерьемъ, но только, чтобы упомянуть: «а та моя вотчина вся господну моему, брату моему старѣшему в. к. Ивану Васильевичу». Найдена формула для записи въ духовной неизбѣжнаго факта, въ созданіи котораго воля лица, дающаго «рядъ» свой, не при чемъ; вѣтъ

большимъ; №№ 110—111—договоръ 1473 г. съ Борисомъ; противни этихъ договоровъ, данные князьямъ-братьямъ были вытребованы поздѣе у нихъ обратно, а почему вѣтъ князь Борисова противня, посвящаетъ записи на „первой“ его докончальной (№ 98): „а у другою докончанья своего противня сей (?) грамотъ князь Борисъ великому князю не далъ, а сказалъ, что подрана да и сожжена“. Тамъ же, №№ 123—124 и 125—126—договоры 1486 года съ тѣми же князьями.

¹⁾ „А орды, брате, вѣдати и знати вамъ, великимъ княземъ, а тебѣ орды не знати, а въ выходы ми давати (столько те), доколѣ опишемъ по духовной грамотѣ отца нашего, а какъ опишемъ свои отчины и тебѣ мнѣ давати по той описи“; сохранена и оговорка: „а коли мы, великіе князи, въ орды не дадимъ, и вамъ у тебя не вяти“, какъ пережитокъ прежней формулы о „прекѣненіи Богомъ Орды“.

въ этой формулѣ словъ «благословлю» или «даю»; пѣтъ въ грамотѣ и терминъ «рядъ»; и въ дальнѣйшемъ—удѣльные князья говорятъ чѣтъ духовныхъ: «а что моя вотчина... а то передъ мовимъ государемъ передъ великимъ княземъ» или: «а не будетъ у моей княгини отрода, пно моя вотчина передъ Богомъ и передъ мовимъ государемъ передъ великимъ княземъ»¹⁾. Волоцкий удѣлъ князя Бориса Васильевича перешелъ послѣ него—въ 1494 г.—къ его сыновьямъ, и только послѣ нихъ (1604 и 1513 г.г.) изъ доли отошла, какъ выморочная, къ великому князю²⁾. На брата Андрея в. к. Иванъ продолжалъ смотрѣть съ недовѣріемъ и опаской; обѣ стороны были на сторожѣ, и въ 1488 г. между ними пробѣжала тревога, князь Андрей готовился къ бѣгству. А въ началѣ девяностыхъ годовъ напряженіе ихъ отношеній разразилось катастрофой. Разгоралась борьба съ татарами, а князь Андрей въ 1491 году не послалъ своихъ воеводъ и своей силы въ походъ по приказу великаго князя. Осенью того же года в. к. Иванъ велѣлъ «повязать» брата и держалъ его въ заточеніи до смерти, постигшей Андрея черезъ три года; въ ссылкѣ кончили жизнь и его сыновья³⁾.

Въ послѣдніе годы Ивана III не было на территоріи Московско-владимірскаго великаго княжества удѣловъ или вотчинныхъ княженій. Оно сложилось въ единую вотчину государя великаго князя.

III. ✓

Ядро Великороссіи сплачивалось великокняжеской властью въ единое державное Московское государство, параллельно съ подчиненіемъ той же вотчинной власти великаго князя остальныхъ ея областей, подъ сильнѣющимъ давленіемъ вѣтшинныхъ отношеній, напряженность которыхъ все возрастала.

Международное положеніе Москвы сильно осложнилось въ шести-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. 1, №№ 112; 132 (духовная русскаго князя Ивана Борисовича 1504 г.); 151 (духовная волоцкаго князя Федора Борисовича, 1618 г.). Цѣль этихъ духовныхъ, банзавихъ по формуляру, ликвидировать долгиныя обязательства и обезпечить «помяну душъ», какъ и читаемъ, въ послѣдней изъ этихъ грамотъ: «чтобы государь мой съ моей вотчины душу помянуть и долги заплатилъ». Про русскій удѣлъ в. к. Иванъ III упоминаетъ въ своей духовной: «что далъ мнѣ братаничъ мой князь Иванъ Борисовичъ», и распоряжается имъ, кромѣ одного села съ деревнями, что далъ изъ русскихъ волостей князь Иванъ Борисовичъ брату Федору.

²⁾ Сохранилась только духовная князя Бориса отъ семидесятыхъ годовъ, когда у него былъ еще одинъ сынъ Федоръ (С. Г. Г. и Д., т. 1, № 105) Князь Федоръ владелъ Вокожомъ, Иванъ—Рузой, а сверхъ того за ними Ржева «по половникамъ». Въ своихъ духовныхъ они не называютъ этихъ владѣній отцовскимъ благословеніемъ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 160; т. XII, стр. 231. Тутъ цѣлымъ обвинительнымъ актъ противъ Андрея, мотивы, почему в. к. Иванъ сложилъ къ нему крестное цѣлованіе (заговоръ съ братьями противъ великаго князя, сношенія съ Казиміромъ и съ ханомъ Ахматомъ, уклоненіе отъ похода на татаръ—«а все то чьяя виняну великому князю, преступая крестное цѣлованіе»).

десятихъ годахъ XV вѣка. На Востокѣ окрѣпло Казанское царство, но смуты, начатыя отцеубійствомъ, какое совершилъ Мамутекъ, разрастались и втягивали при каждой новой вспышкѣ Москву въ казанскія дѣла. Халовъ на Казани былъ Ибрагимъ, сынъ Мамутека, а его родичи Касимъ и Даныяръ служили Москвѣ, какъ и другіе князья и царевичи, искавшіе на Руси убійства отъ смутъ родного татарскаго міра. Близость Казани и характеръ этого беспокойнаго гнѣзда татарской силы, которая засѣла на мѣстѣ старой Болгаріи, засоряя колонизаціонные и торговые пути, маняли великорусскую великокняжескую власть на попытки наступленія и подчиненія татарскаго царства, чтобы прочно замкнуть беспокойнаго сосѣда. Часть казанцевъ, недовольная Ибрагимомъ, призывала на его мѣсто ставленника отъ московской руки, и въ 1497 году Иванъ III впервые соблазнился такой перспективой. Попытка утвердить въ Казани царевича Касима не удалась, и московскимъ войскамъ пришлось сойти уходя отъ силы Ибрагима. Завязалась пограничная война, съ разореніемъ русскихъ волостей татарами, съ русскими набѣгами на Прикамье и на черемисскія поселенія. Тягостная неустойчивость отношеній на этой восточной окраинѣ безъ опредѣленнаго и крѣпкаго рубежа, съ русскимъ населеніемъ, плохо знавшимъ московскую власть, съ инородческимъ населеніемъ, которое всегда готово было потянуть къ Казани, требовала непрерывныхъ усилій—ратныхъ и административныхъ—для утвержденія основъ общаго порядка и управленія ¹⁾. Не разъ находила мѣстная смута оору въ сношеніяхъ съ татарами князей нагородскихъ или галицкихъ. Вятка, выродившаяся въ гнѣздо ушкуйниковъ ²⁾, бывала

¹⁾ Характерны эпизоды 1468—1470 г. г. Вятчане, оставленные на свои силы передъ татарами, „преданы за казанскаго царя Абрима“ и приняли къ себѣ его „посла“, заняли позицію своеобразнаго нейтралитета и не пошли къ великокняжеской „судовой ратью“, а на прямой приказъ великаго князя выступить отвѣчали, что пойдутъ „коли пойдутъ подъ Казань братья великаго князя“. Организационная слабость центральной власти вятчана неабѣдную самостоятельность мѣстнаго населенія. Та же слабость сказывалась въ характерѣ военныхъ дѣйствій, когда московскія войска выступаютъ въ роли вольницы съ удачей и напычками „ушкуйниковъ“; такому походу ижегородской рати воеводы Безубцова, которая превратилась для набѣга на Казань въ вольницу съ символомъ боярскимъ Иваномъ Румовъ въ качествѣ выборнаго „воеводы“—атамана. П. С. Р. Л., т. VI, стр. 187—190. Послания на Вятку митр. Іоны (Р. И. В., т. VI*, №№ 78 и 74), показываютъ, что не только въ порядкѣ свѣтскаго управленія вятчане жили со своими „ватаманами“ въ оченъ слабой зависимости отъ „земскихъ воеводъ“, не говоря уже о центральной власти, но и въ церковномъ отношеніи стояли внѣ епископскаго руководства, обходясь своими священниками, о которыхъ митрополитъ векомъ вѣдалъ, отъ кого они получили рукоположеніе.

²⁾ Набѣги вятчанъ на Кошкешу въ 1466 г., на Устюгъ въ 1486 г.—Архангелогородскій лѣт. (изд. 1819 г.), стр. 167, 192; стр. 165 („великаго князя воеводѣ стояли на Устюгѣ, стерегли земли устюжскія отъ вятчанъ“). Митр. Іона писалъ вятчанамъ, что они пристають къ „поганству“, христіанство губить убійствомъ и

источником боевой силы врагов великокняжеской власти, а иной раз уклонялась и на татарскую сторону ¹⁾.

На восточных границах Великороссии сь большой наглядностью выступает тѣсная связь усилена и объединена правительственной власти сь задачами національной самообороны и территориального самоопредѣленія Великоорусского государства. Въ частности, казанскія отношенія требовали твердаго положенія этой власти на восточной украинѣ. Отсюда постоянно грозил тревога. Во время похода Ивана III на Новгородъ въ 1478 г. Ибрагимъ напалъ на Вятку и Устюгъ, а въ отвѣтъ былъ возможенъ лишь набѣгъ въ казанскія волости. Только благополучное разрешеніе въ 1480 году кризиса внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній великаго княжества развязало Ивану III руки. Въ 1486 г. онъ поднялся на Казань сь большими силами, и тамъ успѣшилъ предупредить походъ—челобитьемъ о мирѣ ²⁾.

Затяжная, то и дѣло возобновляемая борьба должна была уже во времена Ивана III выяснить, что избавиться отъ вѣчной тяготы и тревоги можно лишь прочнымъ замѣреніемъ Казанскаго царства, т. е. его подчиненіемъ власти великаго князя. Но на такую задачу силъ еще не хватало. Последние годы Ивана III—со смерти Ибрагима, случившейся въ 1486 году—заняты попытками водворить въ Казани на ханствѣ московскихъ подручниковъ пѣз служивыхъ царевичей, которыхъ отноо принимала въ Москвѣ на «кормленіе», какъ боевую силу и орудіе политической интриги. Результаты такой политики не были прочными ³⁾, но облегчали положеніе въ тотъ періодъ, когда великокняжеская власть была занята собираніемъ и организаціей силъ Великороссии.

Та же татарская забота опредѣляетъ дѣятельность великокняжеской власти на югѣ. Оборона со стороны степей по-старому, естественно, лежитъ

полономъ и грабленіемъ», повоевали „великаго князя вочяву Сысолу и Вымь п Вычегду“.

¹⁾ Во время похода на Казань въ 1485 г. ятчане онова, какъ въ 1469 г., „отступили отъ великаго князя“—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 237.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 234.

³⁾ После Ибрагима на Казани его сынъ Алегамъ, а Махметъ-Аминъ бѣжалъ въ Москву; русскія войска осадили Казань и въ 1487 г. посадная ханомъ Аминя который и продержался лѣтъ десять московскихъ подручниковъ, но въ 1496 г. онъ вынужденъ бѣжать и вернуться на московское кормленіе (Серпуховъ, Кошира, Хотуль); казанцы приняли было шибанскаго царевича Мамука, но избѣгая разрыва сь Москвою, снова прислали просить много хана отъ руки великаго князя. В. и. Иванъ послалъ имъ Летифа, Аминя брата, который сидѣлъ на Звенигородѣ, но Летифъ поддакъ враждебнымъ Москвѣ кругамъ казанскихъ князей и въ 1502 г. выладейтъ въ Москву и замѣненъ опять Махметъ-Аминемъ. На этотъ разъ и Аминъ возсталъ на Москву и въ союзѣ сь ногайцами началъ нападенія на Нижній Новгородъ. Казанскія дѣла не завадидись, и перешли къ Василию III въ полномъ разстройствѣ.

ца Рязанской земли. Но управляютъ Рязанью намістники великаго князя, опекуна малолѣтнему рязанскому князю Василію Ивановичу. Когда юному князю исполнилось 15 лѣтъ, в. к. Иванъ женилъ его на сестрѣ своей Аниѣ и отпустилъ на Рязань, гдѣ Василій княжилъ 19 лѣтъ (1464—1483) московскимъ подручникомъ, какъ и сынъ его Иванъ (1483—1500), а въ исходѣ правленія и жизни Ивана III Рязанской землей правитъ великая княгиня рязанская, Аграфена Васильевна, которой в. к. Иванъ посылаетъ наказъ о томъ, какъ ей служивымъ людямъ быть «въ его службѣ», требуя строгихъ наказаній за ослушаніе, чтобы не пришлось ему самому вмѣшаться¹⁾. Только покорность рязанская, облегчавшая его организационную работу дѣятельностью мѣстной власти, отсрочила установленіе прямого великокняжескаго управленія Рязанской землей²⁾.

Великорусское государство строилось въ условіяхъ крайне еще неопредѣленнаго состоянія границъ владѣній и населенія. На восточныхъ предѣлахъ оборонительная борьба неизбежно и незамѣтно переходила въ наступленіе для расчистки торговыхъ и колонизационныхъ путей. Колонизационная и промысловая тяга къ юго-востоку, встрѣчая почти неодолимые затрудненія въ сосѣдствѣ татаръ, отклонилась къ сѣверу, къ обходу Казанскаго царства по слѣдамъ недавняго новгородскаго движенія. Великокняжеская власть сбиваетъ господство Великаго Новгорода надъ Пермью съ 1472—1473 года, а къ концу княженія Ивана III власть перскихъ князьковъ уступаетъ мѣсто управленію великокняжескаго намістника; еще въ шестидесятихъ годахъ ходили московскіе воеводы съ «охочими» людьми на Югру и привели мѣстныхъ князьковъ къ покорности, которой тѣ купили себѣ великокняжеское пожалованіе своимъ же княженіемъ; въ восьмидесятыхъ годахъ Москва беретъ на себя защиту Перми отъ вогуловъ, организуетъ походы на нихъ мѣстныхъ сѣверо-восточныхъ русскимъ силъ и самитъ перьяковъ³⁾.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. I, ст. 1388.

²⁾ Иванъ III по смерти князя Федора Васильевича, который по ряду отца владѣлъ Старой Рязанью и Перевитскомъ, а умеръ беднѣвшимъ въ 1508 г., взялъ въ свое владѣніе удѣлы этихъ, которымъ и распорядился въ своей духовной («что мы даде сестричь мой князь Федоръ Васильевичъ рязанскій свою отчину»), т. е. приписалъ къ нему новое право о выморочныхъ вотчинахъ. Иванъ III не признаетъ цѣльными комплексами ни московскихъ удѣльныхъ княжествъ, такъ какъ взялъ себѣ Русскій удѣлъ, помимо старшаго волоцкого отчича—Федора Ворисовича, изъ Рязанскаго великаго княжества. Это подтверждается и умолчаніемъ о Федорѣ Васильевичѣ въ договорѣ в. к. Ивана съ в. к. рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ—(С. Г. Г. и Д., т. I, № 115) и попыткой этого князя обезпечить себѣ полученіе послѣ брата его отчины (тамъ же, № 127—128).

³⁾ С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. I, ст. 1421—1423. Въ такой обстановкѣ разыгралось къ концу восьмидесятыхъ годовъ такъ называемое „присоединеніе“ Вятки, которое на дѣлѣ было только разгромомъ своевольнаго гнѣзда, возвращеннаго

Неустойчивымъ, непрерывно-тревожнымъ и недостаточно определеннымъ было и положеніе западнаго рубежа Великороссіи. Компромиссная попытка 1449 г. разграничить сферы литовскаго и московскаго вліянія, по существу, ничего не разрѣшила. Колебанія, «верховныхъ княжествъ» старой Черниговщины, Твери, Новгорода, Пскова между Москвою и Литвою держали оба великихъ княженія въ постоянномъ враждебномъ напряженіи. На границахъ между новгородскими волостями и литовскими владѣніями сложилась столь своеобразная явленія, какъ совладѣніе нѣсколькихъ политическихъ центровъ на Ржевѣ, Великахъ, Лукахъ, на Холмскомъ погостѣ¹⁾. Прочно взять въ свои руки определеніе западныхъ предѣловъ и позицій Великороссіи значило для великокняжеской власти утвердить свое господство надъ Новгородомъ, Псковомъ и Тверью.

Яжелбицкій договоръ положилъ основаніе подчиненію Новгорода. Житіе св. Іоны, архіепископа новгородскаго, повѣствуетъ, что в. к. Василій Васильевичъ собирался рѣшительно поднять руку на Новгородъ, жалуюсь на новгородцевъ, «аки не по гнѣотѣ отъ нихъ чтомъ»: «а ему, поясняетъ житіе, великаго княженія власть надъ князьями русскими предержашу, и сего ради искаше поднять рудѣ на Великіи Новгородъ». «Повѣсть объ Іонѣ» составлена современнымъ — въ концѣ 1472 года, и свидѣтельствуетъ, что вопросъ о «государствѣ» великаго князя надъ Новгородомъ стоялъ передъ сознаніемъ московскихъ правящихъ круговъ и новгородскихъ политиковъ задолго до того, какъ Иванъ III приступилъ къ его разрѣшенію²⁾. По существу онъ былъ, дѣйствительно, поставленъ ребромъ въ Яжелбицкомъ договорѣ и обостренъ послѣдовавшими новгородскими волненіями. Возможно, что житіе св. Іоны вѣрно представляетъ дѣло, утверждая, что наарѣвній конфликтъ отсроченъ его представительствомъ за Новгородъ передъ великокняжеской властью; по крайней мѣрѣ кончина святителя, умершаго въ ноябрѣ 1470 года, послужила исходнымъ моментомъ для сложной исторіи паденія

анархией окранныаго быта, для водворенія тутъ московскихъ порядковъ службы и управленія, твердой опоры оборотѣ и замиренія края и власти надъ мѣстными вюродцами. Походъ на Вятку московскихъ воеводъ въ 1489 г. принудилъ вятчанъ къ покорности, и воеводамъ „самыхъ вятчанъ къ цѣлованію привеломъ, а армія къ ротѣ привеломъ, а вятчанъ большихъ людей вѣсть и съ женами и съ дѣтьми привеломъ, да и арьскихъ князей, и тако возвраташася; и князь велики вятчанъ земскихъ людей въ Воронецъ да въ Кременецъ посади, да и земли имъ подавалъ, а торговыхъ людей вятчанъ въ Дмитровъ посади, а арьскихъ князей князь велики пожаловалъ, отпустилъ ихъ въ свою землю, а коромольниковъ князь велики смертью казнилъ“—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 289. Подробнѣе въ Архангелогородскомъ хѣтонисѣ. стр. 196—199 („а ныхъ вятчанъ пожалова, подавалъ помѣстья въ Воронецу и въ Олекснѣ, въ Кременцѣ, и писалися вятчане въ слуги великому князю“).

¹⁾ См. записъ о Ржевской данн, А. З. Р., т. I, № 71.

²⁾ Великіи Минеи Четія, ноябрь, стр. 170.—В. О. Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 185—186.

Великаго Новгорода». Руководившая новгородской политикой боярская партія имѣла свой планъ дѣйствій—рѣшила искать помощи противъ Москвы за литовскимъ рубежомъ. Однако, въ начавшихся сношеніяхъ съ Литвой слѣдуетъ различать два момента, соотношеніе которыхъ объясняетъ полную неудачу плана Борейскихъ. Сношенія съ Литвой начались еще до кончины арх. Іоны, такъ какъ черезъ три дня послѣ его смерти въ Новгородѣ прибылъ князь Михаилъ Озельковичъ, «испрошенный» новгородцами у короля Казимира ¹⁾. Дѣло шло о водвореніи въ Новгородѣ литовскаго намѣстника «отъ православнаго христіанства». По рассказамъ, сохранившимся въ нашихъ летописныхъ сводахъ, планъ князя Михаила и Борейскихъ состоялъ въ томъ, чтобы за литовскаго пана, который станетъ новгородскимъ правителемъ, выдать вдову посадника Исаака Марѳу и тѣмъ утвердить связь боярской партіи съ литовской правящей средой и ея господство надъ Новгородомъ ²⁾. Возможно, конечно, что это только слухъ или сплетня—новгородская либо московская. Но положеніе Казимира передъ новгородскимъ дѣломъ было весьма затруднительно. Если оно представлялось возможнымъ, то не иначе, какъ при участіи православныхъ князей и пановъ Литовско-русскаго государства, той среды русскихъ Рюриковичей и обрусѣлыхъ Гедиминичей или пановъ литвиновъ, борьба съ которыми была очередной задачей внутренней политики Казимира. Михаилъ Озельковичъ, видѣвшій предствитель этой среды, ея кандидатъ на великое княженіе, подготавливалъ въ Новгородѣ почву для такого рѣшенія дѣла, которое едва ли было въ намѣреніяхъ короля: созданія въ Новгородѣ крупнаго намѣстничества для православнаго магната.

Дѣло не замедлило осложниться церковнымъ вопросомъ. По смерти Іоны, св. Софія, Премудрость Божія, избрала себѣ жребій его протодьякона и ризничаго Теофила; кандидатъ литовской партіи, владычій ключарь Памень потерпѣлъ неудачу. Теофилъ отнесся двойственно и вѣршителю къ затѣямъ литовской партіи: началъ хлопоты по поѣздкѣ въ Москву къ митр. Филиппу на поставленіе, но принялъ участіе и въ сношеніяхъ съ Казимиромъ. Послѣднее было, вѣроятно, вынуждено соперничествомъ съ Пименомъ, который искалъ опоры въ литовской партіи и соглашался ѣхать на поставленіе къ литовскому митрополиту. А этотъ проектъ чрезвычайно осложнялся тѣмъ, что литовско-русскую митрополию занималъ Григорій, ученикъ Исидора, которого не признали вожди православной западно-русской среды, князья Озельковичи и паны Гольшанские. Правда, Григорій добился незадолго передъ тѣмъ признанія своего митрополичьяго сана и даже своихъ правъ на митрополию всей Руси отъ константинопольскаго патріарха Діонисія, но это вызвало рѣзкій протестъ Москвы и только еще болѣе

¹⁾ П. С. Р. Л. т. IV, стр. 235.

²⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 5.

запутало церковныя отношенія явнымъ соблазномъ¹⁾. Въ такихъ условіяхъ соглашеніе новгородскихъ правящихъ круговъ съ королемъ Казимиромъ не могло получить достаточной силы, хотя и вылилось въ формулу договора о назначеніи на Новгородъ литовскаго намістника—православнаго, о держаніи Новгорода «въ волѣ мужей вольныхъ», о защитѣ его противъ в. к. Ивана всей литовской силой²⁾. Въ Новгородѣ поднимались тревоги и раздоры³⁾. Надъ вольнымъ городомъ повѣяло грозной опасностью, когда пришла вѣсти изъ Пскова, что в. к. Иванъ подымаетъ псковичей противъ Новгорода⁴⁾. Но Москва выступила сперва не съ ратной силой, а съ увѣщаніями митрополита о «честномъ и грозномъ» княженіи новгородскаго «отчича и дѣдача», о смиреніи «по великой старинѣ» — «подъ крѣпкую руку благовѣрнаго и благочестиваго государя русскихъ земель», о великомъ грѣхѣ «приступать къ латинской прелести» признаніемъ власти «латинскаго господаря»⁵⁾. Новгородцы, охваченные внутренними разногласіями и недовѣріемъ къ московской власти, не дали, повидимому, никакого отвѣта. Тогда в. к. Иванъ поднялся на нихъ «всѣми землями» — съ братьями и служебными князьями, съ царевичемъ Давыромъ, тверской и псковской ратью, а другую рать направилъ на Двинскую землю.

Дѣло быстро закончилось пораженіемъ главныхъ новгородскихъ силъ передовой московской ратью на Шелони, и двинявъ съ нихъ воеводой княземъ Василіемъ Шуйскимъ — отрядомъ великокняжескаго воеводы Образа. Послѣдовать миръ, запечатлѣнный въ окончательныхъ грамотахъ, которыя почти дословно повторяли Ямелбицкій договоръ; «за новгородскую проступку» Великій Новгородъ обязался въ четыре срока уплатить значительную контрибуцію⁶⁾.

Заключеніе этого мира въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ, отразившихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 5—6; Р. И. Б., т. VI³, № 100.

²⁾ А. А. Э., т. I, № 87. Новгородцы выговорили себѣ большее ограниченіе великокняжеской власти, чѣмъ въ Ямелбицкомъ договорѣ; черный боръ предоставилъ Казмиру одновременно, если онъ «умирать». Новгородъ съ великимъ княземъ, «а въ иные годы черный боръ не надобѣ»; за защиту противъ в. к. Ивана король долженъ выступать самъ «и со всею съ своею радюю литовскою». Новгородцы выговорили себѣ, притомъ, чтобы король зяпедъ не вступался въ Ржеву, въ Великія Луки, въ Холмовскій погостъ — «а тѣ земли къ Великому Новгороду».

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 236; т. VIII, стр. 180.

⁴⁾ т. IV, стр. 236; о тревогѣ новгородской — въ грамотѣ митр. Филиппа, А. И., № 280 (стр. 518, ст. 2).

⁵⁾ А. И., т. I, № 280 и 281 (вторая — отъ 22 марта 1471 года). Осторожно составленныя грамоты ставятъ Новгороду ультиматумъ покорности на условіяхъ «старинныхъ», очевидно — ямелбицкой.

⁶⁾ А. А. Э., т. I, № 91 (11 августа 1471 г.) — договоръ этотъ, подобно Ямелбицкому, изложенъ въ двухъ грамотахъ, новгородской основной и «приписной», за что «ялися послове отъ Великаго Новгорода»; П. С. Р. Л., т. VI, стр. 14, 198; т. VIII, стр. 167.

на себя московскую точку зрѣнія, придавъ характер великодушнаго великокняжескаго «пожалованія», своего рода амнистии «новгородской проступки», по печалованію митр. Филиппа, братьевъ великаго князя и его боярь¹⁾. Но на этотъ разъ приврѣіе еще приняло старинную форму договорнаго докончанія, скрѣпленнаго крестьянымъ цѣлованіемъ великаго князя къ Новгороду, и миръ—согласно терминологіи договора и лѣтописнымъ повѣствованіямъ—заключить «по старинѣ, по пошлнѣ». Однако, это возстановленіе не новгородской, а великокняжеской старины²⁾. Дѣло шло, на первыхъ порахъ, объ осуществленіи и закрѣпленіи условій Язѣбидскаго договора. Прізвание всѣхъ актовъ новгородскаго законодательства и управленія совершаемыми въ имени великаго князя и гарантія судебной власти его намѣстниковъ должны были получить свое полное значеніе. Съ августовскимъ докончаніемъ 1471 года неразрывно связано и составленіе «Новгородской Судной грамоты»—«по докладу господѣ великимъ князьямъ», гдѣ установлено «безъ намѣстниковъ великаго князя посаднику суда не кончати, а намѣстникомъ великаго князя и тиуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ»; она являлась результатомъ пересмотра и новой редакціи той Судной грамоты, которая упоминается въ договорѣ: «а что грамота докончальная въ Новгородѣ прожежь себя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати великихъ князей»³⁾. Усиливалась активная роль великокняжескихъ намѣстниковъ въ новгородскомъ судѣ и управленіи, неотдѣлимая отъ доли великаго князя въ новгородскихъ доходахъ.

Съ московской точки зрѣнія условія договора 1471 года представлялись весьма умѣренными; великій князь обшелся съ новгородской стариной, по своему, сравнительно осторожно. Въ этомъ можно усмотрѣть опредѣленный политическій расчетъ. В. к. Иванъ былъ связанъ передъ Новгородомъ его внутренними раздорами, и не было въ интересахъ великокняжеской политики скрѣплять согласное объединеніе новгородцевъ посѣтшнымъ и слишкомъ рѣзкимъ давленіемъ. Ища — по вышшимъ приемамъ—

¹⁾ Грамота митр. Филиппа къ в. к. Ивану (іюль 1471 г.)—А. И., т. I, № 282.

²⁾ Что и отмітила Псковская первая лѣтопись: князь великій у Великаго Новгорода „вся своя что въ буди старины поималъ, или городъ или волости, или боръ черныя“—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 242.—Уступка ряда волостей (Заволоцкихъ) вызвала „отказную“ вѣчевую грамоту къ васаленію земель, что „поимали за себе наши братья новгородцы и вась къ цѣлованію привели на повугородское имя: ино то земли осподы вашей великихъ князей...“, а то крестное цѣлованіе Новгороду съ вась доховъ; и составленіе списка „земель великаго князя на Днѣвѣ“—А. А. Э. т. I, №№ 93 и 94.

³⁾ А. А. Э., т. I, № 93; договоръ 1471 г. оговариваетъ право великаго князя на половину разныхъ судебныхъ пошлинъ и доходовъ, установленное и Судной грамотой, и дополняетъ постановленія Язѣбидскаго договора объ участіи великокняжескихъ намѣстниковъ въ новгородскомъ судѣ требованіемъ, чтобы сотскіе и рядовичи отнюдь не судили помимо намѣстника и посадника.

вѣчевые виставкы новгородской массы, в. к. Ильячъ направилъ крутые удары на видѣйшихъ вожаковъ литовской партіи, внося въ ея среду дезорганизацию и сознание полнаго безсудія¹⁾.

Дальнѣйшее развитіе новгородской политики Ивана III проходитъ по двумъ стадіямъ: великій князь втеченіе нѣкотораго времени усиливаетъ проявленія подлинной власти своей при относительномъ соблюденіи традиціонныхъ формъ ея дѣятельности, т. е. новгородской «старины и пошлынн», а затѣмъ круто водворяетъ свое вотчинное «государство» надъ Великимъ Новгородомъ.

Въ «старинѣ и пошлынѣ» новгородской за княжеской властью сохранились значительныя права и полномочія, но связанныя нормами этой «старины» въ томъ отношеніи, что были осуществимы только какъ права и полномочія мѣстной, земской власти. Князья могли использовать ихъ въ полной мѣрѣ лишь подъ условіемъ пребыванія въ Новгородѣ и не иначе, какъ при участіи посадника и при посредствѣ должностныхъ лицъ, вѣятыхъ изъ состава новгородскихъ мужей. А съ тѣхъ поръ, какъ новгородскими князьями стали великіе князья всея Руси, неизбежный абсентеизмъ княжеской власти парализовалъ ея активное участіе во внутреннихъ дѣлахъ Великаго Новгорода, какъ, съ другой стороны, поглоченіе великокняжеской силы внутренней борьбой за власть и вышшими дѣлами на юго-востокѣ и на юго-западѣ Велікороссіи возростало самостоятельность Новгорода во внѣшней политикѣ. «Старина» новгородской княжой власти пришла въ упадокъ, уступая все болѣе и болѣе «пошлынѣ» новгородскаго народоправства. Эту пошлыну новгородцы развиваютъ и укрѣпляютъ въ своихъ договорахъ съ князьями, заботливо охраняя вѣзвѣское положеніе князя запретомъ ему землевладѣнія на своей территоріи и связей патроната-закладничества въ средѣ новгородскаго населенія. Однако, Великій Новгородъ оставался въ составѣ великаго княженія всея Руси, и новгородцы долгое время настойчиво проводили традицію признавать своихъ княземъ носителя великокняжеской власти. На основѣ весьма реальныхъ политическихъ и экономическихъ интересовъ соединеніе въ одноѣ лицѣ великокняжеской власти Владимірской и Новгорода Великаго сложилось въ прочкую «старину и пошлыну», которую и новгородцы усвоили, какъ черту своего общиннаго порядка; попытка перенести княжескую власть на литовскаго великаго князя была, несомнѣнно, кореннымъ и сжатымъ новшествомъ одной изъ новгородскихъ партій. Въ терминахъ великорусскаго княжого права та же «старина и пошлына» выражалась признаніемъ Новгорода «вотчиной» великаго князя всея Руси. И эта связь Великаго Новгорода съ великимъ княженіемъ подверглась тяжкому испытанію, когда оно превратилось въ вотчину московскихъ государей, слившись въ одно цѣлое съ ихъ московской отчиной.

¹⁾ П. С. Р. Д., т. VI, стр. 12.

Перестройка на новых, вотчинных основаниях внутренних отношений великаго княжества надвинулась на вольность новгородскую, какъ конечная, смертельная угроза.

— Въ договорѣ 1471 г. в. к. Иванъ, прежде всего, слѣдую Ямезбицкому договору, закрѣпляетъ безусловную принадлежность Великаго Новгорода къ составу великаго княженія всея Руси. Новгородцы обязаны признать, что должны «быть отъ великихъ князей неотступными ни къ кому» и впредь не принимать на пригороды ни литовскихъ князей, ни русскихъ, недруговъ великому князю. Затѣмъ онъ беретъ на себя дѣятельную роль новгородскаго князя, главнымъ образомъ (не говоря о полномъ подчиненіи внѣшнихъ отношеній) въ дѣлѣ суда, обезпечивъ за собой и своими наместниками условія такой роли. Возстановлена, по старинѣ, и зависимость новгородской церкви отъ московскаго митрополита поставленіемъ Геофіла во владычество (въ декабрѣ 1471 года).

Усиленіе княжеской власти открывало новыя возможности для вмешательства во внутреннія отношенія Великаго Новгорода. А эти отношенія приняла весьма тягостный характеръ. Хозяинчачье боярской олингархін вызывало острое недовольство среднихъ и низшихъ слоевъ населенія¹⁾, а планы литовской партіи шли въ разрѣзъ съ интересами новгородскаго купчества, тяготѣвшаго по торговымъ связямъ къ сѣверо-восточной Руси.

Однако, партія Борецкихъ, видимо, не считала своего дѣла безнадежно проиграннымъ и послѣ 1471 года. Въ ближайшіе годы видимъ вокругъ степеннаго посадника Василія Ананьина—людей этой партіи, и они пытаются слитить новгородцевъ прямымъ терроромъ на противниковъ изъ числа бояръ²⁾. Но въ массѣ вѣчевая толпа была не на ихъ сторонѣ. Современникъ — писовачъ записалъ въ свою лѣтопись, что новгородскіе жнты и молодшіе люди сами призвали в. к. Ивана на управу, «что на нихъ насилье держатъ посадникъ и великіе бояре—никому ихъ судити не мочи; какъ тѣ насильники творили, то ихъ также иметъ князь великій судомъ по ихъ насильству и мздѣ судити»³⁾.

Въ октябрѣ 1475 года в. к. Иванъ поѣхалъ въ Новгородъ на свой судъ съ люднымъ дворомъ. Подробное описаніе его пути отмѣчаетъ, какъ

¹⁾ «А въ то время (въ 40-хъ г. г. XI в.), пишетъ новгородскій книжникъ, не бѣ въ Новгородѣ правды и праваго суда... и бѣхомъ изъ поруганія сущдому нашему, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и бори частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всеми людьми на старѣйшимъ наша и на гральъ нашъ, заве не бѣ въ насъ милости и суда права»,—Л. С. Р. Л., т. IV, стр. 124; неудачный опытъ девашской реформы 1447 года обострилъ настроеніе—, и бысть крестьяномъ спорбѣ велика и убытокъ въ городѣ и по волостемъ», тамъ же, стр. 125. За всѣ бѣды свои народная масса винила «безправдыихъ бояръ».

²⁾ Л. С. Р. Л., т. VI, стр. 202—203.

³⁾ Л. С. Р. Л., т. IV, стр. 250—251.

еще на станахъ по дорогѣ его встрѣчали новгородскіе жалобщики¹⁾. Въ Новгородѣ стали передъ нимъ главные челобитчики, жертвы большого погрома, и били челомъ на его виновниковъ—бояръ партіи Борецкихъ. Великій князь творилъ судъ по новгородски—при владыкѣ и посадникѣ, въ собраніи новгородскаго боярскаго совѣта, и далъ на обвиняемымъ своихъ приставовъ изъ ближнихъ дьяковъ вѣстѣ: съ приставами отъ Великаго Новгорода, а, по обыску, обвинилъ ихъ, велѣлъ «помнать» стараго посадника Анашина и одного изъ Борецкихъ, Феодора, а остальныхъ иль сторонниковъ отдать на поруку. Въ это дѣло в. к. Иванъ влезъ заново и обвиненіе въ попыткѣ передаться на литовскую сторону и дѣмъ придавъ уголовному дѣлу политическій характеръ, что дало ему предлогъ для отсылки арестованныхъ окованными въ Москву; съ остальныхъ обвиняемыхъ онъ велѣлъ взыскать «исцелы убытки» въ размѣрѣ исковъ и «свою вину» по прежнимъ грамотамъ. По обычаю, великій князь собралъ въ свой пріѣздъ обильные дары, не только съ бояръ, но и съ купцовъ и съ жатыхъ людей и со многихъ молодшихъ, которые шли къ нему съ челобитьями и съ «помнниками», такъ что «никакъ не остана, который бы не пришелъ съ дары». А великій князь отдаривалъ ихъ своимъ жалованьемъ «отъ дорогихъ поргъ и отъ камокъ и кубки и ковши серебряные и сороки соборей и кони, космуждо по достоинству»²⁾.

Такое властное и торжественное выступленіе въ Новгородѣ могло убѣдить Ивана Васильевича, что почва для полнаго подворенія его «государства» достаточно подготовлена. Не даромъ этотъ «мирный походъ» описанъ такъ подробно и тщательно, видимо перомъ великокняжескаго дьяка. Челобитчики и жалобщики продолжали обращаться къ великому князю и послѣ его отъѣзда, и онъ сталъ давать на отиѣтчиковъ своихъ приставовъ изъ Москвы и назначать срокъ явки на свой судъ въ Москву; такъ продолжалось и въ слѣдующіе годы, къ явному нарушенію новгородской старины, чего «не бывало отъ начала, какъ и земля ихъ стала и какъ великіе князи учали быти..., но сей изъ то приведе ихъ». Видно, что внутренній разладъ дошелъ до полной утраты боярскихъ правительствомъ опоры въ значительной части населенія, которая потанулась къ новой для нея власти «о обидяхъ искати». Томе творилось и въ самомъ Новгородѣ. Новгородскіе бояре жаловались, что намѣстники великаго князя судятъ посадничьи и владычьи суды, перетягиваютъ судъ изъ Новгорода на Городище, какъ и самъ великій князь вѣсто того, чтобы рѣшать только тѣ дѣла, какиизъ «не возмогутъ управити» посадникъ съ намѣстникомъ, притомъ только во время своихъ пріѣздовъ въ Новгородъ,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 200.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 208—206.

переносилъ новгородскія судебныя дѣла къ себѣ на Москву по новгородскимъ челобитьямъ.

Такъ подготовленъ былъ извѣстный эпизодъ, происшедшій въ мартѣ 1477 года, когда новгородскіе послы были челомъ в. к. Ивану, какъ своему «государю», чего «напередъ того, какъ земли вухъ стала, не бывало, ни котораго великаго князя государемъ не называли, но господиномъ». Трудно сомнѣваться, что такой шагъ былъ подготовленъ изъ Москвы съ помощью новгородскихъ угодниковъ великокняжеской власти. Рѣчь шла, очевидно, не о титулѣ. Послы новгородскіе, по московской записи, пришли къ великимъ князьямъ Ивану Васильевичу и сыну его Ивану «бити челомъ и называть себѣ ихъ государя», и вымалили тѣмъ отвѣтное посольство отъ великаго князя съ цѣлью «покрѣпити того, какова хотитъ государства?». Официальные представители Великаго Новгорода отвѣчали на такой запросъ, что «съ тѣмъ не посылывали», а въ Новгородѣ поднялась ожесточенная партійная борьба, въ которой верхъ взяла партія, враждебная Москвѣ, а посадники и бояре, которые «приятны» были великому князю, вынуждены спастись бѣгствомъ. Тогда в. к. Иванъ поднялся въ послѣдній походъ на Новгородъ, и новгородцы не смогли организовать сколько нибудь серьезнаго сопротивленія. Началось челобитие о мирѣ; начались чрезвычайныя интересныя переговоры о дальнѣйшей постановкѣ взаимныхъ отношеній между Новгородомъ и великокняжеской властью. Въ этихъ переговорахъ встрѣтились два политическихъ воззрѣнія, съ трудомъ находившія общій языкъ¹⁾.

Новгородцы начали переговоры съ челобитиемъ о востановленіи «старина», какъ они ее понимали, подтвержденной отъѣжной тѣхъ ея нарушеній, которыя ярко сказались въ практикѣ послѣднихъ лѣтъ²⁾. В. к. Иванъ настаивалъ, прежде всего, на признаніи новгородцами челобитья о его «государствѣ» надъ Великимъ Новгородомъ и поддержалъ свои настоянія богиѣ тѣсными обложеніемъ города. Однако, только по вторичному его требованію и новому совѣщанію въ Новгородѣ, послы принесли новгородскую «подданную», что сперва отвергли свое посольство. Только тогда в. к. Иванъ нашелъ почву для отвѣта по существу, какъ онъ думаетъ «жаловать» свою отчину, какъ самъ онъ понимаетъ свое будущее «государство»? Отвѣтъ былъ простой, но для новгородцевъ мало вразумительный: «мы,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 209—210.

²⁾ Первые пункты этой новгородской петиціи о правахъ по дѣтписанному разсказу: освобожденіе арестованныхъ; опредѣленіе, что великій князь прѣзжаетъ въ Новгородъ на судъ каждый четвертый годъ, получая на прѣздъ 1000 р.; судъ наместника и посадника въ городѣ; рѣшеніе дѣлъ, которыя онъ не смогутъ управитъ, великимъ княземъ по прѣздѣ его въ Новгородъ; отъѣзна позволю въ Москву; запретъ наместникамъ рѣшать дѣла, подлежащія суду владыки или посадника, и судить не въ городѣ, а на Городищѣ.

великие князья, хотимъ государства своего, какъ есмь на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великому Новгороду». Послы поѣхали на новое совѣщаніе (а великій князь пока продолжаетъ стягивать войска къ Новгороду) и вернулись съ новымъ проектомъ договора о порядкахъ княжого управленія ¹⁾. Не отвѣчая по существу отдѣльныхъ новгородскихъ пожеланій, в. к. Иванъ поставилъ ребромъ основной вопросъ: «язь, князь великій, то вамъ сказахъ, что хотимъ государства въ своей отчинѣ Великому Новгороду: такова, какъ наше государство въ Новгородской землѣ: на Москвѣ, а вы вышѣ сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти, ино то которое мое государство?» Характеренъ отвѣтъ новгородцевъ: они вынуждены отречься отъ принципа договорнаго соглашенія («урока не чинимъ въхъ государству»), но просятъ «язвить» имъ, въ чемъ же состоитъ «низовская пошлина», которой Новгородъ не знаетъ, та «пошлина», по которой «государи наши великие князи государство свое держатъ въ Новгородской землѣ». Дѣятельность правительственной власти, не связанная никакими нормами обычного права, никакой «пошлиной» едва ли была только неприемлема для новгородцевъ: такое представленіе должно было имъ казаться просто непонятнымъ. Но въ отвѣтъ они получили только отрицательное опредѣленіе той новой пошлины, какой имъ предстояло подчиниться: «въчелову колоколу не быти, посадику не быти, а «государство все держатъ» великому князю. Нѣсколько конкретнѣе пояснялась «низовская» пошлина требованіемъ организаціи въ Новгородѣ дворцоваго и служилого землевладѣнія — волостей и селъ, «на чемъ великимъ княземъ быти въ своей отчинѣ» и редуціи въ обладаніе великихъ князей тѣхъ княжихъ земель, которыя за новгородцами ²⁾. Къ жесткому отвѣту, нѣсколько рас-

¹⁾ Великій князь судить вмѣстѣ съ посадникомъ; беретъ ежегодную дань со всѣхъ волостей по полугривнѣ съ сохи; пригороды держитъ своими наместниками; по суду по старимъ; общааетъ не учинять вывода въ Новгородской землѣ, не вступать въ боярскія земли; отъивать «позвы» на суду къ Москвѣ; не требовать отъ новгородцевъ ратной службы для обороны границъ Новгородской земли («берега»), новгородцы несутъ только оборону своего рубежа.

²⁾ Вопросъ объ этихъ земляхъ удачно выясненъ В. Д. Грековымъ въ трудѣ «Новгородскій домъ св. Софіи», стр. 235—238; ср. замѣчанія С. В. Рождественскаго въ статьѣ — рецензіи: «Новгородскій домъ св. Софіи и его вотчина» (въ «Журналѣ М-ства Народнаго Просв.» за 1916 г. и отд.). С. В. Рождественскій (стр. 13) правъ въ замѣчаніи, что земли, бывшія великихъ князей, могли оказаться не только въ составѣ земель «софіянскихъ», но и за монастырями, и за боярами, но толкованіе текста: «быша бо тѣ волости первое великихъ же князей, ино они въхъ освоиша» въ томъ смыслѣ, что это земли ростовскія, бѣлозерскія и двинскія (стр. 14—15), неприемлемо, такъ какъ текстъ опредѣленно относится къ волостямъ и селамъ, взятымъ у владыки и у монастырей при организаціи великокняжескаго земельного фонда въ Новгородской землѣ, какъ и текстъ: «и которые земли наши великихъ князей за вами, а то бы было наше» не отдѣлимъ отъ контекста, гдѣ онъ связываетъ

крывавшему черты нового порядка, в. к. Иванъ прибавилъ обѣщаніе пожаловать свою отчину вышешеніемъ нѣкоторыхъ новгородскихъ пожеланій: не дѣлать «вывода» въ Новгородской землѣ, не нарушать землевладѣльческихъ правъ новгородскаго боярства, сохранить судъ по старинѣ, «какъ судъ въ землѣ стовгъ». Новгородцы смирились, приняли такое «пожалованіе» и основы новой «пошлины» и только выпросили себѣ еще отпѣну московскихъ позововъ и низовской службы.

Имъ казалось, что они добились таки нѣкоторыхъ, хотя и скудныхъ гарантій. Оставалось, по ихъ представленію, формально закрѣпить эти гарантіи. И снова поднялось то же самое, только что исчерпанное, принципиальное разногласіе.

Новгородцы подняли рѣчь о томъ, чтобы государь имъ «крѣпость далъ»—крестъ бы дѣловалъ, и встрѣтили отказъ. Просили, чтобы великокняжескіе бояре дѣловали крестъ къ Великому Новгороду, чтобы намѣстникъ великаго князя, который будетъ у нихъ, былъ связанъ такииъ крестнымъ дѣлованіемъ—и это было отвергнуто. Отказано имъ было даже въ «опасной грамотѣ», которая охраняла бы обѣщанныя гарантіи¹⁾. Пришлось удовлетвориться милостивымъ словомъ изъ собственныхъ устъ великаго князя о томъ, чѣмъ онъ свою отчину пожаловалъ; на это в. к. Иванъ пошелъ, очевидно, потому, что придавалъ подобной деклараціи значеніе не формальнаго обязательства, а только освѣдомленія о своемъ властномъ рѣшеніи.

Тотчасъ приступилъ в. к. Иванъ къ организаціи въ Новгородской землѣ своего великокняжескаго землевладѣнія и общаго пососнаго тягла. Новгородское народоправство сѣнилось «государствомъ великаго князя». 15 января 1478 года великокняжескіе бояре привели къ присягѣ всѣхъ новгородцевъ по концамъ и увцамъ²⁾; новгородскіе бояре, дѣти боярскіе

съ требованіемъ, чтобы впродъ и въ Новгородской землѣ были волости и сала, какъ въ Низовской землѣ, «на чемъ великимъ княземъ быти въ своей вотчинѣ».

¹⁾ Подъ «опасной грамотой», о которой бѣгутъ челоиъ новгородцы взаимѣиъ отвергнутой крестоцѣловальной «крѣпости», надо разумѣть уставную грамоту тина Давытовой.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 217—218. Весь ходъ дѣла рѣшительно противорѣчатъ сужденію В. И. Сергѣевича («Русск. Юрид. Древности», т. II³, стр. 47), будто Новгородъ дѣловалъ крестъ в. к. Ивану на грамотѣ, въ которую были внесены «условія», принятыя имъ по новгородскому челоиъиъ. В. И. Сергѣевича, повадимому, соблазнили опредѣленіе въ лѣтописи (т. VI, стр. 218) «списка дѣловальнаго» словами: «на семь великимъ княземъ добила челоиъ новгородца». Но они добила челоиъ на признаиіи «государства» по «низовской пошлинѣ», т. е. безъ договора; а великокняжескія «пожалованія» были имъ сообщены устно. Что въ крестоцѣловальной записи не было этиаъ пожаловаиій (по Сергѣевичу—условія) видно изъ того, что бояре просили повторить «вслуаъ всѣмъ» по прежнему слову великаго князя въ перечені; это и было исполнено боярами, которые приводили новгородцевъ ко

и житья люди «приказались» въ службу великому князю, и на дворѣ Яро-славѣ водворились великокняжескіе намістники ¹⁾.

Польскій историкъ отрицалъ, что утверждение непосредственной велико-княжеской власти въ Новгородѣ встревожило всѣ враждебныя Москвѣ западныя силы—и Ливонскій Орденъ, и Швецію, и Ляту ²⁾. Какъ только «князь великій московскій взял Новгородъ и вѣче нмъ сказиаъ», московскіе намістники появились на Ржевѣ и ея волостяхъ, на Великихъ Лукахъ и въ Холмскомъ погостѣ и привели мѣстное население къ присягѣ на ния своего великаго князя, а представителей литовской власти согнали прочь ³⁾. Литовское государство почувало наступленіе восточнаго сосѣда, настоячаго и упорнаго, направлявшаго и силы крымскаго хана на западно-русскія востокѣ. Литовская рада уже въ 1478 г. настанваетъ на организаціи особаго отъ польской королевской власти великокняжескаго правительства, но король Казиміръ рѣшилъ самъ вернуться въ Вильну и дѣятельно заняться восточными дѣлами. Власти Ливонскаго Ордена обсуждаютъ вопросъ, какъ бы «вернуть москвитя къ тому положенію, въ какомъ былъ его предки», заводятъ сношенія со Швеціей и Казиміромъ. Назрѣвала та коалиція противъ Москвы ея западныхъ недруговъ и Золотой Орды, которая такъ безпомощно распалась въ ближайшіе годы. Нѣтъ примыхъ свидѣній о томъ, какъ отразились эти попытки дѣйствій, враждебныхъ Москвѣ, на Новгородѣ. Но въ октябрѣ 1479 года Иванъ Васильевичъ, въ прѣвдѣ своей на Новгородѣ, изымалъ въ корохогѣ архіея. Теофила и сослалъ его къ Москву; обвиняя его опять въ замыслѣ, чтобы Новгородъ былъ «за королема или за инымъ государемъ» ⁴⁾. Настоящая расправа за эту новую крамолу произошла позднѣе, когда пережита была тревога раздора съ братьями великаго князя и нашествія хана Ахмата. Потребность великокняжеской власти тверже и увѣреннѣе стать на западной границѣ и вовсе упразднить возможность областныхъ сепаратныхъ внѣшнихъ сношеній должна была особо обостриться послѣ такихъ событий. И въ восьмидесятихъ годахъ великій князь ликвидируетъ арестами и выводами изъ Новгорода остатки литовской партіи, а затѣмъ эти жѣры разрастаются въ широкій «пересмотръ

кресту (т. VI, стр. 218). Однако, получилась, несомнѣнно, двусмысленность всего акта, такъ какъ новгородцы цѣловали крестъ на томъ, «что въ записи писано и рѣчи нмъ повторено». Но существенный выводъ В. П. Сергѣевича, что «великий князь согласился на значительныя ограниченія своей власти», что «договоръ съ государемъ и съ московской точки зрѣнія не представлялся, слѣдовательно, невозможнымъ» никакъ не можетъ быть принятъ (тамъ же, стр. 46—47).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 219—220.

²⁾ Ф. Пана, Polska i Litwa, стр. 49.

³⁾ А. З. Р., т. I, № 71.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 204. Татищевъ (ч. V, стр. 79—81) даетъ цѣлымъ разсказъ о попыткѣ новгородскаго возстанія, о розыскѣ и казняхъ, явно составленныхъ изъ чертъ позднѣйшихъ репрессій и «выводовъ» изъ Новгорода.

людей и земель», которымъ разрушенъ боярскій слой новгородскаго населенія, но захвачены глубоко и богѣ широкія его группы—жители люди и купечество, а выдвинуты на нихъ мѣсто богѣ надежные элементы изъ центральныхъ областей, и положено въ крупныхъ разбѣрахъ основаніе служилому землевладѣнію и тяглому строю Новгородской украины ¹⁾.

Большая организаціонная работа на новгородской почвѣ вошла въ общію перестройку положенія западныхъ областей Великороссіи. Псковъ сохранилъ—на время—вѣтшія формы своего народоправства, но подъ управленіемъ московскихъ намістниковъ, которыхъ псковичи держали у себя, по псковской старинѣ, князьями. Въ началѣ самостоятельнаго правленія Ивана III псковичи согнали «съ безчестьемъ» князя Владимира Андреевича, того служиваго ростовскаго князя, который былъ посаженъ у нихъ Василиемъ «не по псковскому прошенію, ни по старинѣ». Иванъ Васильевичъ прогнѣвался, но, все тако, «далъ имъ князя по псковскому позволенію», и князь этотъ Иванъ Александровичъ Звенигородскій «цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей псковской пошлнѣ» ²⁾. По псковскому челобітю и съ крестоцѣлованіемъ на псковской пошлнѣ княжилъ съ 1467 года во Псковѣ кв. Феодоръ Юрьевичъ Шуйскій, но его намістничья власть уже значительно усилена: управленіе псковскими пригородами, съ судомъ и расправой, перешло въ его руки ³⁾. И князь Шуйскій сталъ «творить сильно» надъ псковичами, такъ что они бѣли челомъ о его замѣнѣ княземъ Иваномъ Строгой Оболенскимъ, но великій князь прислалъ его брата Ярослава. Новый намістникъ съѣзъ на псковскомъ княжевіи—въ февралѣ 1473 г.—съ крестоцѣлованіемъ «на пошлинныхъ грамотахъ и всѣхъ старинахъ псковскихъ» при вѣчевомъ собраніи псковичей ⁴⁾.

При первыхъ намістникахъ Ивана III псковичи, какъ ни какъ, вели свою дѣла по старымъ вѣчевымъ порядкамъ, а съ гнѣбами воевали при помощи московскихъ войскъ. Въ семидесятихъ годахъ—въ годину большого и напряженнаго осложненія всего международнаго положенія—Псковъ подвергся усиленнымъ нападенимъ итѣмцевъ и сталъ боевымъ пунктомъ брѣвнаго зачехія. Псковскіе намістники вели эти вѣтшія дѣла вмѣстѣ съ новгородскими: оборону западнаго рубежа, переговоры, перемирія и мирныя доковчанія, на съѣздахъ то у себя во Псковѣ, то въ Новгородѣ. Интересы мѣстной обо-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XII, стр. 213, 215—216; т. VI, стр. 235—236; 238—239; т. VIII, стр. 218.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 222, 224.

³⁾ Тамъ же, стр. 231: «а посаданки псковскіе и весь Псковъ ему на всѣхъ 13 пригородахъ даша намістниковъ держати и судови судати его намістникомъ, на которыхъ ни буди, а нетъ вѣковъ княже намістники не бывали, колко ни естъ князей бывало въ Псковѣ на столу, а намістники княжин были толко на 7 пригородахъ».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 246.

роны отъ этого только выиграли, но поглочались, въ то же время, общей великокняжеской политикой. Псковской намістникъ получилъ особое значеніе для самой великокняжеской власти, и пересмотръ всего его положенія во Псковѣ сталъ на очередь. Въ 1475 г. князь Ярославъ предъявилъ псковичамъ новыя требованія, и тѣ отправили къ великому князю посадниковъ съ грамотами на защиту своей старины; но они могли представить только грамоты мѣстныхъ князей, за которыми великій князь не призналъ достаточной силы, «что де то грамоты не самыхъ князей великихъ». Князь-намістникъ требовалъ значительнаго увеличенія своихъ доходовъ за счетъ дохода псковской казны, и псковичамъ пришлось сойтись съ принципиальной почвой защиты своей «старины» по «грамотамъ посланнымъ» къ оборонѣ; аргументомъ о непосильности для нихъ требованій князя Ярослава: «намы въ томъ, говорили они, не мощно жити». Рѣшеніе всецѣло перешло въ волю великаго князя. И онъ своимъ велѣніемъ установилъ новое распределеніе псковскихъ доходовъ и новое расширеніе правъ намістничьяго суда. Введеніе въ жизнь новаго порядка вызвало скорѣе настоятельныя протесты псковичей, а во Псковѣ взринувъ вѣчевой смуты противъ князя-намістника и его «княжедворцевъ»¹⁾. В. к. Иванъ отозвалъ князя Ярослава, а псковичамъ далъ—по ихъ челобитью—князя В. В. Шуйскаго; но этотъ намістникъ оказался крайне неудачнымъ воеводой и правителемъ, и Ярославъ Оболенскій вернулся во Псковъ. Псковская старина уступала намістничьему управленію, такъ какъ все ратное и земское дѣло, судъ и повинности населенія подчинены руководству и регламентамъ представителей великокняжеской власти²⁾. Формальная инкорпорация ожидала Псковъ, подобно Рязани, вѣскольکو воодѣе; но то было лишь устраненіе пережитка, потерявшаго внутреннюю силу и подлинный жизненный смыслъ.

Послѣднія десятилѣтія XV вѣка—моментъ крупнѣшаго историческаго значенія для Восточной Европы. На обширныхъ ея пространствахъ рушится старая, слагается новая система международныхъ отношеній. Основной ея факторъ—Московское государство, завершавшее вѣковую работу надъ объединеніемъ Великороссіи. И крупный эпизодъ этой объединительной работы—«тверское взятіе»—входитъ въ составъ условій и послѣдствій усложненнаго общаго положенія на западной границѣ, той широкой политики, каковую развернулъ Иванъ III, ища новыхъ устоевъ и гарантій для борьбы съ литовскими сосѣдями. Въ эту пору в. к. Иванъ заявлялъ сношенія съ врагами Ягелломоу—со Стефаномъ, воеводой Валахін, чью дочь онъ въ 1483 г. сосваталъ за сына, съ Матвѣемъ Корвинкомъ, королемъ венгерскимъ, съ императоромъ Фридрихомъ III, съ папскою куріей,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 250—253.

²⁾ Особо показательное дѣло о повинностяхъ новоземскихъ смердовъ—см. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 286; т. V, стр. 45; ср. «Княжье право», стр. 213—214.

учитывая и ее влияние на политику Речи Посполитой, а ближе и всего тысяче—с крымским ханом. Сломить в конце опору, какую литовская сила находила в промежуточных, обоюдостроже положений русских земель, колебавшихся между Москвой и Литвой, поставить определенно и твердо западный рубеж, притом с возможной для себя выгодой, перетянув в свое распоряжение эти колеблющиеся русские силы—была прямой необходимостью для в. к. Ивана. В начале его правления—договор с тверским великим князем, одиннадцатилетним Михаилом Борисовичем подтвердил, по крайней мере формально, отношения, какие сложились при Василии Темном: одиночество великих князей на началах равного братства, гарантию независимости Твери с отказом великого князя всея Руси от вмешательства в ее внутреннюю дела, даже с правом в. к. Михаила и тверских князей иметь «путь чистъ» къ Орду¹⁾. Надлежало подлинное соотношение сил поставило Тверь в значительную зависимость от великорусской власти, и тверские полки участвуют по зову в. к. Ивана в обоих новгородских походах в сборе войск против хана къ берегам Угры²⁾. Москва фактически подавила Тверь и начала поглощать тверскую силу: в семидесятых годах отъехала в Москву значительная группа тверского боярства³⁾. А послѣ 1480-го года московское засилье стало еще грознее. Падение Новгорода, усиление vlastного управления Псковом, ликвидация притязаний великокняжеской братья, новый договор с Рязанью—все эти черты крикнувшей концентрации московской властью силы должны были встревожить руководителей тверской политики не меньше, чѣмъ безсиліе Твери перед Москвой в пограничных поземельных спорах и столкновениях. В. к. Михаилъ пытается снова найти опору в Литвѣ, и по смерти первой своей княгини—дочери Семена Олельковича, заводит сношенія с Казиміромъ о союзѣ, покровительствѣ и новомъ бракѣ—съ одной изъ королевскихъ внучекъ. Изъ договорѣ—возстановилъ отношенія между Тверью и Литвой, какія опредѣлялись въ договорѣ 1449 г. в. к. Бориса Александровича с Казиміромъ. Союзъ «противу всѣхъ сторонъ, никого не вынужаю» былъ явно направленъ, прежде всего, на в. к. Ивана⁴⁾. Тверская тревога шла на встрѣчу литовской. Король Казиміръ, послѣ неудачи большой коалиціи, скривляется, по возможности, свои русскія связи противъ надвигающейся Москвы; одновременно с тверскимъ договоромъ онъ обновляетъ dokonчание съ «верхов-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 88—89.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 161, 168; 184; служилая организация ратной силы в. к. Ивана уже захватила часть кашинскихъ служилыхъ людей («кашинцы, которые служатъ великому князю» въ походѣ подъ его воеводами—т. XII, стр. 172); т. XV, ст. 498; т. VI, стр. 207.

³⁾ т. VIII, стр. 182—183.

⁴⁾ А. З. Р., т. I, № 79.

скими князьями—Воротыньскимъ, Одоевскимъ и Новосильскимъ объ извѣрной и безхитростной службѣ в. к. литовскому ¹⁾). Но и эта попытка не удалась. В. к. Иванъ во время узнавъ о переговорахъ, и быстрое движеніе на Тверь его «порубежной рати» принудило Михаила Борисовича къ челобитію на всей волѣ великого князя. Новый договоръ рѣшительно вводилъ Тверское великое княжество въ московскую политическую систему. Михаилъ Борисовичъ дѣловалъ крестъ «къ своему господину и брату старѣйшему, къ в. к. Ивану Васильевичу всея Руси, и къ его сыну, къ своему брату старѣйшему, къ в. к. Ивану», призналъ себя равнымъ младшему великокняжескому брату Андрею, сложилъ съ себя крестное дѣлованіе къ королю Казимиру и обязался не сноситься съ нимъ безъ вѣдома в. к. Ивана, не передаваться на его сторону и отъ московскихъ великихъ князей «никоторыми дѣлами не отступати», а ратную силу посылать въ походы съ великокняжескимъ войскомъ ²⁾). Великое княжество Тверское стояло еще, какъ автономное владѣніе, рядомъ съ вотчиной московской великокняжеской семьи—ея великимъ княземъ, Москвою и Новгородомъ и Псковомъ, но отстоять себя оно явно уже не могло. Тверскіе князья—якулинскій Андрей Борисовичъ и дорогобужскій Осипъ Андреевичъ, а за ними тверскіе бояре отъѣзжаютъ одинъ за другимъ на московскую службу ³⁾). Почва вовсе уходила изъ подъ ногъ князя Михаила, и попытка возобновить сношенія съ королемъ Казиміромъ привела къ конечному исходу. Тверской гонецъ перехваченъ, и в. к. Иванъ, не принимая повторныхъ попытокъ новаго челобитья, двинулся на Тверь съ большой силой. Повинный почти всѣмъ боярствомъ, князь Михаилъ бѣжалъ въ Латву, а Тверь дѣловала крестъ на имя обоихъ великихъ князей всея Руси. Однако, Иванъ III счелъ нужнымъ не упразднить тверского великокняжескаго наместованья, а передалъ его сыну. Когда старшій Иванъ уѣхалъ въ Москву, в. к. Иванъ Ивановичъ «въѣхалъ во градъ Тверь жити», приидя къ службѣ тверскихъ бояръ, которые были въ боярахъ у в. к. Михаила, и выдалъ имъ свои жалованныя грамоты на изъ тверскія вотчины ⁴⁾.

¹⁾ А. З. Р., т. I, № 80 (10 апрѣля 1483 г.).

²⁾ С. Г. Г. в Д., т. I, № 119—120; ср. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 236: «князь великій Михайло Ворисовичъ тверскій присла владмику и добя ему челомъ на всей волнѣ его: не зватися ему братомъ, во мородшій братъ, а что именоветь князь велику землю своины землями и новоторскими, а тѣ земли князю великому, а куда поидеть князь великій ратью, и ему же съ нимъ же ити заводити».

³⁾ П. С. Р. Л., т. VI стр. 287.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 500; т. VIII, стр. 216—217; о тверскихъ боярахъ—известное свидѣтельство мѣстническаго дѣла 1501 года о томъ, какъ в. к. Иванъ Ивановичъ «бояръ тверскихъ, которые были у пражнаго своего государя у в. к. Михаила Борисовича тверскаго въ боярѣхъ, тѣхъ и у себя пожаловалъ, въ боярѣхъ учинилъ и грамоты свои государскіе на вотчины ихъ тверскія имъ давалъ, а велѣлъ ихъ писати въ грамотахъ бояры своины».

Тверское великое княжество стало вотчиной московских государей, но особой от них Московского государства; черты этой особенности сохранились и послѣ кончины в. к. Ивана молодого—въ особой должности тверского дворецкаго, въ службѣ служилыхъ людей «по тверскому списку» и, въ концѣ концовъ—въ фантастическомъ, по существу, но формально проведенномъ восстановленіи этого великаго княженія для крещенаго татарина Симеона Бекбузатовича при Иванѣ Грозномъ. На первыхъ порахъ сохраненіе старой правительственной и служилой организаціи должно было представлять значительное удобство, облегчая распоряженіе тверскими силами и средствами, и только уснаждало выступленіе великорусской великокняжеской власти въ порубежныхъ дѣлахъ ¹⁾. Утвержденіе московской связи въ Твери естественно увеличивало ея общее давленіе на западный рубежъ, и неопредѣленное положеніе чернягово-сѣверскаго княжя не могло долго продолжаться. Въ поддержку московскому напору шла внутреннее осложненіе отношеній Литовско-русскаго государства. На восточныхъ его окраинахъ сидѣли вотчины мелкихъ князей, которые служили то Москвѣ, то Литвѣ, а то и «на обѣ стороны», подъ «смѣснымъ» верховнымъ обладаніемъ обохъ великихъ князей, на родовыхъ своихъ владѣніяхъ или на земляхъ, пожалованныхъ имъ въ вотчину отъ в. к. литовскаго. Часть это коренные Рюриковичи Черняговской земли, часть обрусѣлые Гедиминовичи, часть московские выходцы, выброшенные великорусской смутой за литовскій рубежъ. По понятіямъ тѣхъ временъ вотчинное княжеское владѣніе вело къ признанію за ними права отъѣзжать отъ одного великаго князя къ другому не только лично, но и съ вотчинами. Въ XV вѣкѣ литовская великокняжеская власть пытается прочѣе закрѣпить ихъ связь съ Литовско-русскимъ государствомъ, и въ договорахъ съ съ такими вотчинами появляется «докончавіе» о томъ, чтобы они «земли своей отъ великаго княжества литовскаго не отступали», въ частности при выморочности владѣнія, а въ договоры съ Москвой, Тверью, Рязанью вносится условіе—«службымъ князей съ вотчинами не принимать». Восстановленіе силы великокняжеской власти и ушн съ Польшей при Казимірѣ Ягеллончикѣ гровило самостоятельности мелкаго княжя не меньше, чѣмъ усиленіе Москвы—великорусскимъ удѣльнымъ вотчинамъ. Противъ новаго великокняжескаго засилья первые подняли смуту обрусѣлые литовские князья. Кіевскій отчичъ Михайлъ Олельковичъ, потерявшій Кіевъ, князь Ѡ. И. Бѣльскій и близкіе ему Гольшацкіе затѣяли искать опоры въ Москвѣ

¹⁾ И на этомъ рубежѣ существовали явленія «смѣснаго» владѣнія. Въ договорѣ в. к. Литвана съ королемъ Казиміромъ 1483 года упоминаются «мѣста порубежныя, которыя будутъ потягати одавна къ Литвѣ или къ Смоленску, а подати давали ко Твери», и такія, которыя «потягати будутъ ко Твери, а подати будутъ давали одавна къ Литвѣ или къ Смоленску»—А. З. Р., т. I, № 79.

и «воскогѣша по Березину рѣку отѣсти на великого князя Литовской земли». Озельковичъ и Гольшанскій съвачены казнены въ августѣ 1481 года, а Федоръ Бѣльскій ушелъ въ Москву. Этотъ «заговоръ князей», о которомъ источники даютъ такъ мало свѣдѣній ¹⁾, далъ толчекъ пѣлому ряду отѣздовъ на московскую сторону съ вотчинами въ восьмидесятихъ и девяноуѣтихъ годахъ XV вѣка. Внутренніе нелады сосѣда получаютъ оору и разрѣшеніе въ наступленіи московской великокняжеской власти къ юго-западу. Князья Воротыскіе—одинъ за другимъ—потянулись въ Москву, видя что нѣтъ имъ крѣпкой защиты отъ короля, а затѣмъ, опираясь на московскую поддержку, нападаютъ, вмѣстѣ съ Одоевскими, на сосѣдей. Повидимому, многие изъ такихъ переходовъ на московскую сторону происходятъ, подобно отѣздамъ къ Москвѣ тверскихъ бояръ, подъ давленіемъ «обидъ» въ пограничныхъ владѣльческихъ спорахъ и наѣздахъ. Бѣдутъ къ Москвѣ князья перемышльскій, бѣзевскій, мезецкій, явемскій, а в. к. Иванъ принимаетъ ихъ «и съ вотчинами», защищаетъ ихъ оружіемъ въ прямой войнѣ съ в. к. литовскимъ и укрѣпляетъ за собой мирнымъ докончаніемъ 1494 года вмѣстѣ съ тѣми, чья вотчина подверглась и помимо отѣзда захвату во время военныхъ дѣйствій ²⁾. Въ 1500 г. переходитъ къ Москвѣ кн. Семень Бѣльскій, за нимъ кн. Семень можайскій съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, и Василій Пвановичъ Шемячичъ съ Рымльскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ; перемирное докончаніе 1503 года закрѣпило за Москвою и эти приобрѣтенія ³⁾. Однако, хотя всѣ эти дѣла и выросли на почвѣ удѣльно-вотчинныхъ отношеній и возрѣній, но ссылка на устарѣлое право отѣзда съ вотчиной выродилось тутъ въ дипломатическую уловку, а всю борьбу Литвы и Москвы за Чернигово-сѣверскія княженія можно разсматривать какъ явленіе международной полтики московскаго государя, который выдвинулъ новыя, національныя ея принципы, искусственно построенныя на особой вотчинно-династической теоріи, которой цѣль—обосновать притязанія на все наслѣдіе князей Рюрикова дома съ древнѣйшихъ временъ. Результаты этой борьбы выводятъ насъ за предѣлы образованія великорусскаго государства и даютъ уже его расширеніе захватомъ территорій, которыя никогда органически не были связаны съ великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Великаго Новгорода; они непосредственно связаны съ начатою Иваномъ III борьбой за Смоленскъ.

Объединеніе обширной великорусской территоріи подъ непосредственною властью московскаго великаго князя создало весьма своеобразное и сложное представленіе о ея владѣльческо-политическомъ характерѣ. Если

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI стр. 283; Фр. Пашъ, Polska i Litwa, ч. I, п. 4, Spisek kniaziew (1481).

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. V, № 29.

³⁾ А. З. Р., т. I, № 200; С. Г. Г. и Д., т. V, № 110.

объединеніе московской отчины съ областями Владимірскаго великаго княженія (въ богѣ тѣсномъ смыслѣ) вело къ представленію о вѣхъ совокупности, какъ единомъ вотчинномъ государствѣ государя князя великаго, то уже съ Новгородомъ и Псковомъ дѣло обстоило нѣсколько иначе. Къ выкорпораціи въ составъ великокняжескихъ владѣній усложняется само представленіе о «великомъ княженіи». Иванъ III говоритъ о немъ въ своихъ грамотахъ, какъ о трехчленномъ цѣломъ: Москва, Новгородъ и Псковъ составляютъ его великое княженіе, но тотъ же терминъ сохраняетъ въ богѣ тѣсный смыслъ, означая московско-владимірскую область, безъ Новгорода и Пскова, какъ особую «отчину» великаго князя; а когда рядомъ съ ними стала еще одна «отчина»—тверская, в. к. Иванъ заговариваетъ о «всѣхъ своихъ великихъ княженіяхъ». Въ политическихъ представленіяхъ эпохи на первомъ планѣ не единство территорій, а полнота великокняжескаго властвованія надъ всѣми ея составными частями, не собраніе земли, а собраніе власти. А какъ Иванъ III разумѣлъ полноту этой вотчинной власти—сказалось наглядно въ эпизодѣ, который разыгрался между нимъ и псковичами въ 1499 году ¹⁾, въ періодъ его колебаній по вопросу о своемъ преемникѣ. Въ 1498 г. Иванъ Васильевичъ благословилъ «при себѣ и послѣ себя» внука Дмитрія на великое княженіе Владимірское, Московское и Новгородское, а черезъ годъ «пожаловалъ сына своего князя Василя Ивановича, нарекъ его государемъ великимъ княземъ и далъ ему Великій Новгородъ и Псковъ великое княженіе». Псковичей объ этомъ уведомили особый посолъ изъ Москвы, но ихъ испугалъ такой выдѣлъ, и къ великимъ князьямъ Ивану Васильевичу и Дмитрію Ивановичу явилось псковское посольство съ челобитьемъ, «чтобы держали отчину свою по старинѣ, а который бы былъ князь великій на Москвѣ, тотъ бы и имъ былъ государь». В. к. Иванъ гнѣвно отвѣтилъ: «чи не возевъ язъ изъ своемъ внуку и въ своихъ дѣтяхъ? нию кому хочу, тому дамъ княженіе». Иванъ Васильевичъ, очевидно, понялъ псковское челобитье, какъ попытку влѣзшата въ борьбу прядворныхъ партій изъ за Дмитрія-внука и Василя-сына, а не усмотрѣлъ вопроса о единствѣ власти и государственной территоріи, и утверждалъ свое вотчинное право распорядиться своими великими княженіями—въ цѣломъ и по частямъ, какъ Богъ ему на сердце положитъ.

Разсказъ этотъ показателенъ, какъ яркое выраженіе идеи вотчиннаго самодержавія, къ которому нечего было бы прибавить и царю Ивану Грозному. Однако, такая полнота владѣльческой державной власти не возведена въ общій принципъ, а носитъ у Ивана III личный характеръ. Онъ не передается сыну. Его духовная—«рядъ своимъ сыномъ»—устанавливается для младшихъ братьевъ в. к. Василя (Юрія, Дмитрія, Семена, Андрея) удѣльными владѣніи потомственными и самостоятельными въ управленіи, а главное—

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 237; т. VI, стр. 43; т. IV, стр. 271.

неприкосновенныя для великаго князя въ силу ихъ гарантій отцовскихъ «рядовъ». В. к. Иванъ надѣляетъ сыновей долями и въ Московской и въ Тверской землѣ, опредѣляетъ размѣръ улаты каждаго «въ выходы въ ордынскіе» и «во всё татарскіе порторы», во многомъ, стало быть, сохраняетъ традиціонныя приемы опредѣленія междукняжескихъ отношеній¹⁾. Договоромъ между сыновьями Василіемъ и Юріемъ, который составленъ по его повелѣнію одновременно съ духовной грамотой, опредѣлены будущія ихъ отношенія—«брата молодшаго» и великаго князя, который для младшихъ братьевъ «господявъ и братъ старѣйшій»²⁾. Старшаго сына в. к. Иванъ благословилъ всѣми своими великими княжествами—Владимирскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Псковскимъ и Тверскимъ. Нѣтъ еще установленнаго термина для обозначенія совокупности всѣхъ владѣній. Но побѣда единовластія сказалась въ томъ, что нѣтъ въ духовной Ивана III рѣчи о раздѣлѣ отчины по удѣламъ; это не раздѣлъ наслѣдія, а надѣленіемъ членовъ великокняжеской семьи, не въ мѣру обычнагоправовыхъ долей всѣхъ отчичей, а въ мѣру обезпеченія ихъ княжого положенія. Старое семейное право умерло, и выморочный удѣлъ пойдетъ цѣлкомъ великому князю. Удѣльные князья теряютъ характеръ участниковъ въ княжой политической власти. Имъ запрещено «деньги дѣлать» по своимъ удѣламъ; ихъ судебныя права, по крайней мѣрѣ: въ селахъ московскихъ ставовъ, ограничены докладомъ ихъ прикащиковъ великокняжескому намѣстнику; нѣтъ уже оговорки о возможномъ прекращеніи великокняжескаго права требовать дань съ ихъ владѣній; и всѣ иережитки удѣльно-вотчиннаго строя покрыты требованіемъ «слушать» великаго князя «во всемъ». Новое право единовластной и самодержавной монархіи еще не построено, не развито такъ, чтобы упразднить устарѣлую форму духовной грамоты—отцовскаго ряда; в текстъ духовной больше зависить отъ традиціонныхъ приемовъ изложенія, чѣмъ соотвѣтствовало бы новому строю отношеній.

IV.

Объединеніе власти надъ всей Великороссіей въ рукахъ одного вотчича на всѣхъ великихъ княжествахъ возводило его въ положеніе «государя надъ всѣми государями Русской земли». Это мѣткое выраженіе княжника-современника означаетъ тенденцію признавать верховную волю государя великаго князя господствующей надъ всѣми иными правами властвованія и управленія, какія сложились въ жизни Великороссіи въ удѣльно-вотчинномъ періодѣ, свести ихъ къ значенію подчиненному и производному отъ великокняжеской воли. Въ частности концентрація властной силы и полнота

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 144.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 133—134 (договоръ заключенъ 16 іюня 1504 года).

ческое самоопределение Великороссии были неотделимы от коренных переживаний в положении русской митрополии. Незабываемым стал распад ее на две поместных церкви — великорусскую и западнорусскую. Незабываемым стало и завершение национализации первой из них, как церковно-политической организации в составе Московского государства.

Московская смута, поставление на митрополию грека Исидора, дело о Флорентийской унии затянули на полтора десятка лет по смерти митр. Фотия тугостное и неопредѣленное положение дел русской митрополии. После низложения Исидора и его бѣгства — осенью 1441 года во главе церковного управления стал нареченный митрополитом Иона. Тяжелые времена напряженной внутренней борьбы, сложное международное положение и помимо церковных дел, запутанных судьбами унии, побуждали к решительной попытке обездечить национальный характер и политическую надежность митрополии. В Москве остановились на решении выполнить набравшее и поставление митрополита у себя, на Руси, но, на первых порах, искали возможности добиться права на этот акт с согласия Константинопольской церкви¹⁾.

Но от такой попытки пришлось отказаться, и московские власти пришли, не без колебания и борьбы с внутренними разногласиями²⁾, к решению поставить митрополита собором русских епископов; поставление это и состоялось 16 декабря 1448 года³⁾. Возстановление московского характера митрополии было, наконец, достигнуто. Митр. Иона явился возстановителем и завершителем традиций митр. Петра и Алексѣя, что и выдвинуто торжественным причислением Алексѣя к лику святых; Иона стал затѣм тре-

¹⁾ Грамота, заготовленная в 1441 году, мотивировала намерение избрать и поставить митрополита, „сбравше в отечествѣ нашей, в Русей земли, боголюбивыя епископы отечества нашего“ — трудностью путешествия в Константинополь „далечеваго и непроходнаго“, при нападении на Русь „агаряны“, при „неустройствѣ и мятежах“ в соседних странах, а также тем, что митрополиты — руководители духовной жизни каждого православнаго, а для государя — советники в соправительственных („господских“) важных делах и совѣщаниях. — Р. И. В., т. VI, № 62; впрочем, передѣланная, эта грамота должна была быть послана патриарху в 1443 году (там же, ст. 530), но и это посольство, повидному, не состоялось; новый патриарх Григорий Мамма был такой же увязать, как и Митрофань. — П. С. Р. Л., т. VI, стр. 167. Хотя грамота такъ редактирована, что можно ее понять, какъ ходатайство о разрѣшеніи дѣла на данный моментъ, ввиду особой трудности положенія — „за нужу“, но вопросъ ставится въ общемъ видѣ, объ избраніи и поставленіи, а не только о поставленіи нареченнаго митр. Ионы, а потому нѣтъ смысла на благословеніе его патр. Иосифомъ въ митрополию послѣ Исидора. Въ редакціи 1443 г. грамота обращена къ императору (Иоанну VIII) и была составлена, когда на Русь, повидному, не знали объ его отношеніи къ унии.

²⁾ Голубинскій, Ист. Русской Церкви, т. II, ч. I, стр. 490.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 121—122; т. XII, стр. 74.

твиль святимъ московскимъ митрополитомъ ¹⁾. Въ памяти трехъ своихъ святителей Москва прѣславляла и освещала главные моменты и конечное торжество своей церковно-политической тенденціи. Со времени Ионы митрополита входитъ органически въ строй Московскаго государства; она стала во главѣ національной помѣстной церкви цѣлой временнаго разрыва съ константинопольской патриархіей, но выдержала и это испытаніе, поддерживая связи съ греко-восточной церковью путемъ сношеній съ патриархомъ Іерусалима ²⁾.

На первыхъ порахъ митр. Іонѣ удалось сохранить подъ своей властью и западнорусскія епархіи. Его поставленіе сошло съ переговоровъ о мирѣ между великими князьями московскимъ и литовскимъ; вопросъ о единствѣ митрополита былъ въ нихъ поставленъ и проведенъ, и въ началѣ 1451 г. Іона получилъ отъ в. к. Казимира грамоту на «столецъ митрополитчъ кievскій и всея Руси» ³⁾. Но въ восьмомъ году XVI вѣка поставленіе на литовско-русскую митрополию Исидорова ученика Григорія лавой Казимиромъ III положило начало окончательному раздѣленію митрополитовъ ⁴⁾. Сѣверная митрополія утратила передъ великокняжеской властью вышнюю опору въ тѣсной связи съ Константинополемъ и болѣе широкихъ политическихъ интересахъ, и заявила мѣстною великорусскою жизнью—въ мечтахъ и стремленіи вернуть прежніе, болѣе широкіе предѣлы своей церкви, какъ всероссійской, путемъ подчиненія Москвѣ русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ польско-литовской Речи Посполитой. Судьбы и интересы церкви и государства великорусскихъ слиясь. Паденіе Константинополя убило расшатанный авторитетъ грековъ, довершило фактическую автокефальность русской церкви; и въ ту же пору слагалась и крѣпла независимость Руси отъ татаръ, завершенная при Иванѣ III утвержденіемъ вышшняго самодержавія Великорусскаго государства.

Митр. Іона поставленъ русскими епископами—по избранію великаго князя, по совѣту съ в. к. матерью, съ братьями, всѣми русскими князьями, духовенствомъ и боярами ⁵⁾. И послѣ него—преемство на митрополию вышнее опредѣляется благословеніемъ преемника митрополитомъ-предшественникомъ, а по существу, выборомъ великаго князя. При новомъ укладѣ всего политическаго строя значеніе митрополита далеко не то, что

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 196 (1472 годъ).

²⁾ Николаевскій, Учрежденіе патриаршества въ Россіи („Христ. Читеніе“, 1879 г., ч. 2, стр. 17); Павловъ, Теорія восточнаго папизма („Правосл. Обзорніе“, 1879 г., № 12, стр. 760—765); Дьяконовъ, „Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній“ („Ист. Обзоріе“, т. III); Голубинскій, указ. соч. с. 511—512.

³⁾ Голубинскій, указ. соч., стр. 492—493; Р. И. В., т. VI, № 87.

⁴⁾ Голубинскій, стр. 504—507.

⁵⁾ Р. И. В., т. VI, № 71, № 84.

было при Петрѣ и Алексѣѣ. Русскій митрополитъ, независимо отъ степени его личнаго вліянія, служилъ своимъ авторитетомъ свѣтской власти, являясь послушнымъ орудіемъ ея политики. Вся пастырская дѣятельность митр. Іоны тѣсно слетена съ этой политикой, и онъ выступаетъ съ посыланіями отъ своего имени и отъ имени всего освященнаго собора—то для укрощенія мятежнаго Дмитрія Шемяки, то для усмиренія буйныхъ вятичей, то для внушенія вольному Пскову покорности ихъ «отчичу и дѣдичу». Авторитетъ священнаго сама ставилъ митрополита высоко въ стрѣи общественныхъ отношеній. Но избираемый великимъ княземъ изъ людей, ему подвластныхъ, беспомощный передъ вотчинной властью государя, онъ лишалъ устойчивыхъ правовыхъ гарантій своего положенія. Какъ поставленіе на митрополию по канонической формѣ соборнаго дѣянія свелось къ простому исполненію рѣшенія свѣтской власти, такъ великій князь могъ довести митрополита до мнимо добровольнаго отреченія или до низложенія по постановленію покорнаго епископскаго собора. Третій изъ митрополитовъ въ правленіе Ивана III, преемникъ Θεодосія и Филиппа, Геронтіи испыталъ на себѣ всю тяжесть зависимаго положенія. Такъ въ спорѣ о хожденіи крестнымъ ходомъ «посоловъ» или противъ солнца, который поднялся по поводу освященія вновь отстроеннаго Успенскаго собора, въ дѣлѣ церковно-обрядовомъ личное мнѣніе в. к. Ивана, противорѣчившее и русской старинѣ и греческому обычаю, года на два оставило новыя церква безъ освященія, довело митрополита до бѣгства съ митрополіи въ монастырь, а кончилось компромиссомъ, ибо великій князь хотѣ и уступилъ ввиду поддержки митрополита всѣмъ духовенствомъ, кромѣ двухъ-трехъ лицъ, но не допустилъ уставнаго постановленія по спорному вопросу. Такъ въ спорѣ ростовскаго епископа Вассіана съ митр. Геронтіемъ по поводу взятія Кирило-Бѣлозерскаго монастыря изъ подъ епископской власти в. к. Иванъ выступаетъ властнымъ руководителемъ церковнаго собора, причѣмъ каноническая функція этого собора не умаляетъ, какъ и въ дѣлѣ поставленія на митрополию, зависимости церкви отъ свѣтской власти: великій князь «повелѣваетъ» быть собору, ставитъ ему заданіе, властно входитъ въ его дѣлопроизводство, сообщаетъ его рѣшеніямъ правовую силу своимъ утвержденіемъ. Такъ въ восьмидесятыхъ годахъ в. к. Иванъ пытался использовать временное удаленіе митр. Геронтіи по боужани въ монастырь, чтобы захватить его на митрополіи дружнаго звонкомъ, «не лоскотѣ его», когда митрополитъ рѣшилъ вернуться на митрополию; но Геронтіи «невозлею не остави митрополіи», хотя его «имали» силою и водворили обратно, когда онъ «многажды» убѣгалъ изъ монастыря; только отказъ продолжать недостойное составленіе со стороны великокняжескаго кандидата, Писисіа Ярославова, заставилъ в. к. Ивана вернуть Геронтію его катедру. Всѣ эти эпизоды малозначительны, но они характерно освѣщаютъ стремленіе великокняжеской власти водворить поистинѣ вотчинный абсолютизмъ и въ управленіи церковными

дѣлами. Проба снѣз не всегда была для нея удачной. Приходилось отступать передъ святостью сана, церковнымъ канонамъ, святоотеческимъ преданіемъ, приспособляясь къ роли ихъ защитника и покровителя. Русская церковь, какъ и русское общество подлежали еще долгому перевоспитанію, пока вошли въ новый строй отношеній.

Такое было положеніе великокняжеской власти въ отношеніи къ церкви и въ томъ, важнѣйшемъ для нея вопросѣ, который на долго заволновалъ Московскую Русь.—въ вопросѣ о церковномъ землевладѣніи. Коснусь только нѣкоторыхъ его принципиальныхъ сторонъ, поскольку онъ связанъ, какъ и все отношеніе великокняжеской политики къ землевладѣнію, съ основными процессомъ собиранія власти.

По отношенію къ Великороссіи какъ удѣльнымъ, такъ и московскихъ временъ, собственно нельзя говорить о «церковномъ» землевладѣніи. «Землевладѣльческій бытъ нашей церкви сложился не по канонической догмѣ, а по національному типу вотчиннаго права» (А. С. Павловъ). Вотчины принадлежали отдѣльнымъ церковнымъ учрежденіямъ — митрополіи, епископскимъ кафедрамъ, монастырямъ, церквямъ, которыя въ лицѣ своихъ начальныхъ властей и были полноправными вотчинниками. Крупныя владѣнія митрополитчѣйшей кафедры стояли особомъ, замкнутой въ себѣ сложной единицей въ составѣ великорусскаго землевладѣнія, на ряду съ другими. Духовные владѣльцы свитцельскихъ и монастырскихъ вотчинъ имѣли свои отдѣльные титулы владѣнія и грамоты, и стояли въ правыхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, помимо митрополита, какъ крупныя землевладѣльцы-вотчинники. Такъ получилось, если можно такъ выразиться, социальное тожество землевладѣнія церковныхъ учреждений съ боярскими, которое вело къ существеннымъ послѣдствіямъ, правовымъ и политическимъ. Съ одной стороны, каноническія постановленія объ имуществѣ церкви оказывались принципиально и практически неприменимы къ такому землевладѣнію. А, съ другой, «государевы богомольцы» сблизались, по положенію своему, съ боярами и вольными слугами великокняжескаго двора, къ которому они и тянулись за опорой и покровительствомъ. Въ періодъ дробленія власти по мѣстнымъ великимъ княженіямъ епископы и игумены сошлись и рядомъ втянуты своими интересами и отношеніями въ мѣстныя общественно-политическія связи, а тѣмъ самымъ въ оппозицію великорусскому великокняжескому центру и митрополіи, поскольку она являлась солидарной съ великокняжеской властью. Ихъ вотчины являлись, наравнѣ со свѣтскими боярщинами, «институтомъ не только землевладѣнія, но и управленія» — «однимъ изъ основныхъ учреждений государственнаго устройства» всякой сколько-нибудь значительной политической единицы русскаго средневѣковья (Н. П. Павловъ - Сильванскій). Права правительственнаго, по нашему сказать, характера органическая черта и духовнаго и свѣтскаго землевладѣнія тѣмъ вѣковъ. А еще въ 1857 году К. А. Него-

лнѣ¹⁾ замѣтитъ особую роль, какую сыграла въ развитіи княжеской власти— практика выдача князьями жалованныхъ грамотъ на укрѣпленіе и опредѣленіе этихъ правъ и самаго владѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ. Эти грамоты не создавали новаго права, а только подтверждали тотъ порядокъ вещей, который равнѣ существовалъ «самъ собою и по общему правилу»; «иммунитетныя права, такъ выразилъ ту же мысль Н. П. Павловъ-Сильванскій, протстекаютъ не изъ отдѣльныхъ княжескихъ пожалованій, а изъ общаго обычнаго права». Замѣтилъ Невольнъ и то, что въ волученіи жалованныхъ грамотъ составляло неминуемую опасность для правового положенія крупнаго землевладѣнія. «Съ утвердившейся, писалъ онъ, и распространившейся княжеской властью такой порядокъ не могъ быть совмѣстенъ. Но онъ не могъ быть вдругъ уничтоженъ. Переходъ къ уничтоженію его составляютъ несудимыя грамоты. То, что прежде принадлежало вотчиннику въ свѣзѣ вотчиннаго права, то было теперь знатнѣйшимъ вотчинникамъ обезпечиваемо жалованными грамотами, какъ особенное преимущество». Полученіе жалованныхъ грамотъ не только утверждало за духовными и свѣтскими «грамотчиками» опредѣленные права и преимущества, но и ставило эти права въ такую зависимость отъ княжого властнаго пожалованія, которая постепенно преобразовало вотчинное право крупныхъ землевладѣльцевъ въ право не самостоятельное, а производное отъ верховной воли государя, князя великаго. На зависимости вотчиннаго права отъ своего пожалованія великіе князья построили свою регламентацію этого права сперва въ порядкѣ пересмотра жалованныхъ грамотъ при вхъ возобновленія, а за тѣмъ и общимъ указнымъ порядкомъ. Тенденція эта получила полную силу, когда московскій великій князь выросъ въ вотчиннаго государя всей Великороссіи и, съ одной стороны, сталъ признавать силу только за грамотами «самихъ князей великихъ», а не «помѣстныхъ», а, съ другой, потянулся къ самодержавному распоряженію всѣми силами и средствами страны, началъ трудное и сложное дѣло ихъ организаціи на служеніе потребностямъ его разросшагося «государева дѣла». Значеніе жалованныхъ грамотъ, какъ основнаго источника и доказательства землевладѣльческаго права, давало опору для отрицанія его самостоятельной, связывающей державную власть слымъ. А такое пониманіе отношений шло на встрѣчу общему стремленію великокняжеской власти высвободиться изъ путъ исконной обычноправовой старины къ полному, ничѣмъ неограниченному самодержавію. Дѣтописные своды сохранили разсказъ объ одноиъ эпводѣ, который хорошо характеризуетъ эту общую тенденцію Ивана III'я тѣ первыя проявленія протеста протвѣвъ нел, которыми ознаменована ранняя оппозиція боярства власти московскихъ государей. Это разсказъ о дѣлѣ князя Ивана Оболенскаго-Лыка, великокняже-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій К. А. Невольна, т. IV, стр. 150—151.

скаго намістника на Великихъ Лукахъ ¹⁾. Въ 1470 году, когда в. к. Иванъ съелъ Оболенскаго съ намістничества, лучше были на него челомъ «о продажѣ и о обидѣ». Великій князь судягъ его съ ними, и въ чемъ они на бояринѣ достигались, онъ присудилъ къ уплатѣ и уплатилъ, но великій князь «иное по безсудно велѣлъ платити», причеиъ гѣтописецъ поясняетъ, что лучше, надѣясь на великаго князя, что онъ имъ потакаетъ, увеличили искъ—«гдѣ мало взяли, а они о мнози жалобу положили». Бояринъ этого не стерпѣлъ и отѣхалъ отъ великаго князя къ его брату волоконку князю Борису; князь Борисъ Васильевичъ на требованіе выдать Оболенскаго отвѣчаетъ: «кому до него дѣло, ино на него судъ да исправа». Этотъ разсказъ, который обычно цитируютъ, какъ примѣръ борьбы съ правомъ отѣзда, имѣетъ иной и болѣе существенный смыслъ. Видѣ и протестъ князя Бориса противъ послѣдовавшаго затѣмъ потайнаго захвата боярина людьми великаго князя: «а вымечя и адѣ силу чинити, кто отѣдетъ отъ него, я тѣхъ безсудно емлетъ» подчеркиваетъ, что весь эпизодъ разыгрался въ спорѣ не о правѣ отѣзда, самого по себѣ, а о требованіи, чтобы дѣло боярина было рѣшено по безсудно, а по суду и по исправу. Разсказъ цѣлостъ, какъ первое, насколько знаю, проявленіе протеста противъ великокняжеской безсудной опалы за обычное рѣшеніе дѣлъ судомъ великаго князя «съ бояры своими»; отѣздъ же тутъ только средство уйти отъ произвола и найти въ другомъ князѣ защиту. Обѣ эти опоры вольности боярской—право отѣзда и многокняжіе пали съ объединеніемъ Великороссіи подъ единой державной властью Московскаго государя. В. к. Иванъ, гнѣвно караа за ропотъ и противодѣйствіе, хотя бы и пассивное, съелъ прежнихъ вольныхъ слугъ къ положенію слугъ «природныхъ», «государевыхъ холоповъ». А полное подчиненіе крупныхъ землевладѣльцевъ вотчинной власти государя, получало особо глубокий смыслъ, когда на первый планъ выдвинулись вопросы распоряженія земельнымъ фондомъ, какъ основнымъ обеспеченіемъ всего строя Московскаго государства. Борьба Ивана III за земельный фондъ приняла крутой характеръ при подчиненіи областей, бывшихъ недавно самостоятельными. Ихъ присоединеніе къ составу его вотчинныхъ владѣній ставило, какъ мы видѣли, ребромъ вопросъ о сплѣ и значеніи пожалованій, данныхъ прежними мѣстными урядниками властными правъ, нѣкогда обеспеченныхъ ихъ актами, т. е. колебало правовые устои мѣстнаго быта и, во всякомъ случаѣ, вело къ возможности ихъ пересмотра. Даже немногія, отрывочныя данныя нашихъ источниковъ позволяютъ угадать широкіе размѣры и потрясающую интен- сивность «пересмотра людей и земель» и практикѣ «вывода», когда люди цѣлыми гвѣздами снимались съ насѣпныхъ корней и перебрасывались

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 222.

на новыя мѣста для «испомѣщенія» въ тамъ по государству пожалованію на государеву службу.

Прямозливное и послѣдовательное проведеніе тенденцій вотчиннаго вѣствованія, повидному, должно было бы тогда же привести къ тому разгрому привилегированнаго землевладѣнія, какой былъ пережить въ жуткую годину опричины. Однако, этого не произошло. Иванъ III—въ боевую пору созданія великорусскаго государства—слишкомъ нуждался въ поддержкѣ крупной служилой силы. И жизнь московская пошла по пути компромисса между великокняжеской властью и боярскими привилегіями, причемъ и опредѣлился этотъ компромиссъ, въ значительной мѣрѣ, въ связи въ возникшимъ спорамъ о церковномъ землевладѣніи. Потребность въ расширеніи государственной власти надъ великорусскимъ земельнымъ фондомъ поставила на ближайшую очередь не окончательное крушеніе боярскаго землевладѣнія, а секуляризацию обширныхъ земельныхъ вѣществъ церковныхъ учреждений. Тутъ камнемъ преткновенія явился не «вольность» свѣлаго и вѣятельнаго класса, а церковное назначеніе владѣній «государевыхъ богомольцевъ» и принципиальная независимость священнаго сана. Однако, отписка на государя многихъ владычныхъ и монастырскихъ земель въ Новгородской области не встрѣтила, насколько знаемъ, принципиальныхъ возраженій. Напротивъ, митр. Иона и его преемники служатъ въ новгородскихъ дѣлахъ всѣмъ своимъ вліяніемъ московской политикѣ. А въ 1500 году в. к. Иванъ, по благословенію митр. Симона, «повыалъ въ Новгородѣ вотчины церковныя и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстье, монастырскія и церковныя»¹⁾; и по новгородскимъ писцовымъ книгамъ видно, что у новгородскихъ монастырей взято земель много больше, чѣмъ упомянуто въ лѣтописномъ разказѣ о событіяхъ 1478 года, даже у тѣхъ, которыхъ великій князь тогда пожаловалъ, «земель у нихъ не ималъ, повеже тѣ убоги, земли у нихъ мало». А. С. Павловъ отмѣчаетъ и въ другихъ областяхъ «нѣкоторыя явленія, напоминающія судьбу церковныхъ и монастырскихъ земель въ Новгородѣ». И эти явленія наводятъ его на выводъ, что Иванъ III сдѣлалъ попытку общаго пересмотра церковнаго землевладѣнія²⁾, и, повидному, съ той же точки зрѣнія, какая заявлена была новгородцамъ, что-де это земли государя великаго князя, и имъ только «освоены».

Противъ секуляризационныхъ покушеній великаго князя поднялась церковная іерархія съ небывалой энергіей, и в. к. Ивану пришлось отступить, какъ отступилъ онъ и передъ кореннымъ пересмотромъ землевладѣнія боярскаго. Вѣсто коренной и спѣшной ломки сложившихся порядковъ, правъ и отношеній пошла болѣе медленная и послѣдовательная организационная

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 271.

²⁾ А. С. Павловъ, Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 25—28, 34—38.

работа. Однако, первоначально, оба вопроса были поставлены рѣзче. Царь Иванъ Грозный упоминаетъ въ перепискѣ съ Курбскимъ объ «уложеніи» своего дѣда, которымъ у бояръ вѣяты многія вотчины, какъ не подлежащія возврату и новой раздачѣ, а Стоглавъ ссылается на запреты Ивана и Василія третьихъ отчуждать вотчины въ пользу монастырей въ рядѣ городовъ. Такія указанія, какъ ихъ не мало, даютъ, однако, нѣкоторое представление о томъ, что при Иванѣ III вопросъ о вотчинномъ землевладѣніи, свѣтскомъ и духовномъ, и о самомъ вотчинномъ правѣ былъ поставленъ съ такой же принципиальной остротой, какъ вопросъ о вотчинномъ правѣ великаго государя на всѣ свои великія княженія въ отношеніи на членовъ псковскихъ пословъ или вопросъ о безусловности его державной власти въ послѣднихъ переговорахъ съ Великимъ Новгородомъ.

Объединеніе Великороссіи совершалось путемъ разрушенія всѣхъ мѣстныхъ, самостоятельныхъ политическихъ силъ въ пользу единой великокняжеской власти. Но силы эти, обреченныя историческими условіями на гибель, были носительницами «старинны и пошлыны», обычно-правовыхъ устоевъ великорусской жизни. Ихъ паденіе расшатало устойчивыя ея традиціи. Творить новый укладъ жизни на развалинахъ стараго быта предстало великокняжеской власти, искавшей не только единства, но и полной свободы въ распоряженіи силами и средствами страны. Московское единодержавіе вело къ московскому самодержавію.

В Ы В О Д Ы.

1. Основные процессы политической эволюціи Великороссіи въ XIII—XV столѣтіяхъ—дробленіе территоріи и власти и работа силъ и тенденцій, направленныхъ на усиленіе политическаго единства, развивались не послѣдовательно, а параллельно въ непрерывномъ бореніи и взаимодействіи, которыми опредѣлялся внутренній строй Владимірскаго великаго княжества въ разные историческіе моменты.

2. Образованіе мелкихъ вотчинныхъ княжествъ путемъ дробленія наследственныхъ владѣній разныхъ линій потомства Всеволода III явленіе сравнительно позднее, и нарастаетъ оно въ прямой зависимости отъ утраты ихъ владѣтельными князьями политическаго вліянія въ пользу великокняжеской власти, окрѣпшей въ рукахъ московскихъ князей.

3. Удѣлъ есть доля князя въ общей съ братьями вотчинѣ, полученная по духовной отца. Основныя черты удѣльнаго владѣнія—наслѣдственность удѣловъ, отсутствіе права завѣщательнаго распоряженія ими, возвратъ выморочнаго удѣла въ семейное владѣніе для раздѣла между братьями, возможность частичнаго передѣла для сохраненія пропорціональнаго соотношенія размѣровъ долей—сближаютъ его съ крестьянскими долевыми земле-

владѣніемъ, съ которымъ оно раздѣляется также черту неустойчивости этой формы владѣнія, т. е. тенденцію къ распаду на вполне обособленные вотчины.

4. Терминъ «удѣль» получаетъ со второй половины XIV вѣка новое значеніе—владѣнія, пожалованнаго великокняжеской властью («въ удѣль и въ вотчину»); терминъ «удѣльные князья» встрѣчается только въ письменности XVI вѣка, притомъ въ значеніи помѣстныхъ князей-вотчиней.

5. Отказы удѣловъ и вотчинныхъ княжествъ по духовнымъ грамотамъ появляются только въ эпоху разложенія и упадка удѣльнаго владѣнія, какъ форма укрѣпленія великокняжескихъ захватовъ; такое же значеніе акта, нарушающаго удѣльное право, и свидѣтельства о его разрушеніи заслѣдуетъ великокняжеской власти имѣти и другія формы мнимо-добровольнаго отчужденія удѣловъ и вотчинныхъ княженій («купли»).

6. Территорія Московскаго государства создана слияніемъ московской вотчины съ Владимірскимъ великимъ княжествомъ въ единую вотчину московскихъ государей.

7. Объединеніе Великороссіи подъ государствомъ московскихъ великихъ князей совершено путемъ собранія не земли, а власти въ развитіе и осуществленіе стародавней традиціи о патриархальномъ великомъ княженіи «въ отца мѣсто.»

8. Сосредоточеніе всей власти въ рукахъ московскаго государя достигнуто путемъ фактической ломки и принципиальнаго отрицанія силы обычнаго права въ пользу вотчиннаго самодержавія.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ:

Стр.	Строка.	Напечатано:	Доправить на:
16	10 ст.	1191	1611
17	4 ст.	Иванъ	Ивана
23	10 "	тяжелого	географическаго
28	15 "	и	а
35	19 "	о преставленіи	отъ преставленіи
36	4 ст.	отошли	отожмать
46	пр. 1	107	44
54	4 ст.	Святопола	Святослава
55	4 ст.	Ярослава	Святослава
77	1 ст.	132	54
80	8 "	вса	взя
86	6 ст.	Давиша	Дмитрія
93	11 "	ропташе	ропташе
97	12 "	Александра	Александра *)
128	16 ст.	Новг. II	Новг. I
135	14 "	она	грамота
150		IV	= III
150	17 ст.	В. П. Сергѣевичъ	В. П. Сергѣевичъ
156	9 "	татарскому	тверокому
166	17 ст.	торжество	тожество
171	20 "	нележащее	неадекватное
172	16 ст.	сложившимся	сложившихся
176	17 ст.	1371	1372
179	18 "	5320	820
180	5 "	„въ 5320 р.....тысячъ р.“	въ 320 р.
185	16 "	имѣнь	имѣть
199		III .	(уничтожить)
200		XI	IV
266	10 ст.	повергал	подвергся
274	8 ст.	Тохташева	Тохтамышева
313	8 "	1389	1389
314	2 "	1889	1389
358	26 "	отпусти бы	отпусти
371	20 "	Орду,	Орду
373	9 "	Фаснера	Фаснера
378	7 ст.	обострилось	обострился
390	10 ст.	Улаъ	Улаъ
393	1 "	Темнаго	Косого
401	17 "	Юриемъ	Василіемъ
408	12 "	закончить	закончить
422	2 "	что,	, что
425	11 "	Polskaі	Polska і
427	10 "	русскихъ	русскаѣ